

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1879.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ десятый.

М А Й.

1879 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Изъ вопроса о болгаряхъ. Статья Д. Н. Изювайскаго	89	VII. Монахъ Иванъ Бутурлинъ, генер.-аншефъ. Письма къ дочери, 1714—1715 гг. Сообщ. П. В. Алабинъ	151
II. Журналь путешествій по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 гг. Сообщ. П. В. Гербуновъ	101	VIII. Монашество, архіепо. Херсонскій и Таврич. Письма, 1852 г. Сообщ. и напечатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича	189
III. Казенное крестьянство при Елизаветѣ II, 1762—1796 гг. Очеркъ изъ историческаго изслѣдованія. Состав. В. Н. Семеновскій. Гл. VIII.	35	IX. Воспоминанія М. А. Барута-Секрета. Служба въ арміи.—Война 1828 и 1831 гг.—О. А. Понатовскій и его характеристика.	189
IV. Арсеній Мещеряковъ, интронизаторъ Ростовскій. Историко-биографическій очеркъ. Состав. профессоръ В. С. Иконниковъ. Гл. II.	1	X. Дождь и дожди въ 1851 и 1877 гг. Путевыя замѣтки. Гл. II	173
V. Казенное крестьянство въ 1863 г. Записки Н. В. Берга. Глава IV. Жюль послѣ диктатуры.—Доклады жюльи.—Взлѣтеніе къ Чертормскаго.—Обращеніе къ жюльи.—Кожихія возмущенія.—Кудьскія банды.—Банды въ Амблншской губерніи.	55	XI. Осень Максимова Бодянскаго, род. 1808, ум. 6-го сент. 1877 г.	205
VI. Монахъ Андреевичъ Толстой, губернаторъ въ Азовѣ † 1713 г.: письма къ вѣну Петра Великаго. Сообщ. съ предисловіемъ П. С. Толстого: 1703—1706 гг.	133	XII. Изъ дневника П. В. Алабина: 1) Польскій поэтъ Транбейскій (219). 2) Еврейскій ученый Монахъ Беръ Давидовъ. Сообщ. П. В. Алабинъ (223).	
		XIII. Библиографическій списокъ русско-историческихъ книгъ. Сообщ. профес. В. С. Н.—въ (наобороткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ. Портретъ профессора Осипа Максимовича БОДЯНСКАГО, рисовала К. О. Брозъ, гравировала въ Ниццѣ академикъ Д. А. Сфряковъ.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г., 1876 г., 1877 г., 1878 г. и 1879 г., каждый годъ 12 книгъ въ трехъ томахъ съ гравированными портретами, иѣна по шестидесяти руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШКОВА.

Издается въ Главномъ почтовомъ Управленіи въ Маріинскихъ мостахъ. № 30—1.

1879.

Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. Историко-политические очерки. Соч. Л. Доброва. Сиб. 1879 г. XIV + 648 стр. в 8 в. д. л. (Цена 3 р. 50 к.).

Наша последняя война с Турцией являла появлением въ свѣтъ множества книгъ, брошюръ, памфлетовъ и записокъ, въ большинствѣ которыхъ, сквозь скороспѣлую ученость, проглядываютъ неосознанны похвальные желанія эксплуатировать «заблуды» и сочувствіе публики къ «славянскому вопросу». Книга г. Л. Доброва составляетъ въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе. Главное ея достоинство — безпристрастіе и крайняя умѣренность и осторожность въ приговорахъ. «Симпатии яки антипатіи—когда рѣчь идетъ о южномъ славянствѣ и Турціи» (говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи) «доходятъ нерѣдко до страстности, совершенно заслуживая похвалу и завораживая густыми туманомъ настоящихъ событий на Балканскомъ полуостровѣ.... Авторъ настоящей книги,—мало заботясь о благоположеніи къ ней людей, фатально замкнувшись въ тѣсный кругъ предвзятыхъ идеекъ о великой миссіи той или другой націи на Балканскомъ полуостровѣ—поставилъ себя главною задачею отряпиться отъ всякихъ ходячихъ положеній и теорій, во всякъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они являются не результатомъ вполне безпристрастнаго изслѣдованія фактовъ, а обвинительнымъ приговоромъ или защитой—смотри по тому, о комъ идетъ рѣчь».

Перыма семь главъ посвящены обзоръ древнѣйшей исторіи Балканскихъ славянъ, со времени римскаго владычества до XI вѣка. Затѣмъ въ сжатомъ, но весьма обстоятельномъ изложеніи авторъ повѣствуетъ о плачевномъ состояніи Византіи въ періодъ крестовыхъ походовъ и о повстаніи политической независимости Болгаріи въ XIII вѣкѣ; о причинахъ ея историческаго распада. Историческій очеркъ Сербіи, ея порабощеніе; водвореніе турокъ на Балканскомъ полуостровѣ; имперія Османлисовъ; отношенія міра мусульманскаго къ славянскимъ; начало борьбы Россіи за своихъ единоверцевъ:—незъ эти елисы политическаго бытія Балканскихъ славянъ, въ разсказахъ г. Л. Доброва, знакомятъ читателя съ самою сущностію «славянскаго вопроса», предоставляя его собственному адекватному

слыю основывать свои убяжденія на фактахъ. Людямъ, привыкшимъ степенать надъ участіемъ Константинополя, по канертному антиквитаріискихъ зтоповощевъ, могутъ показаться странными слова автора о злодѣйствѣ турокъ въ реновой день 29 мая 1448 года, въ градѣ св. Софіи (стр. 392—393): «во всемъ этомъ турки не представляли собою какого-либо чудовищнаго исключенія. Двумя съ небольшимъ столѣтіями раньше, подобными ещамъ убійства, грабежа и святотатства продавались болѣе цивилизованные представители человеческой расы, падшіе на осмобожденіи Гроба Господня изъ рукъ нечестивыхъ агаритъ». Здѣсь можно только замѣтить почтенному автору, что онъ напрасно отступаетъ на два вѣка; ему слѣдовало-бы указать на два или на три вѣка впередъ; тридцатилѣтняя война, вѣрства войскъ Людовика XIV въ Нидерландахъ и въ Польшѣ, Семилѣтняя война и ин. др.—являются немало картинъ, достойныхъ вымарать и баша-бузурговъ, а не цивилизованныхъ христіанъ. Объясняя причины ненависти мадьяръ къ южнымъ славянамъ (стр. 625—626), г. Л. Добровъ говоритъ: «Странно требовать, чтобы человекъ съ пріятной и предупредительной улыбкой привѣтствовалъ своего оскорбителя, который нанесъ ему тяжелую обиду. На представляются-ли по этому прованціи здравскаго смысла: рукоплесканія храбрости южныхъ славянъ въ подавленіи нихъ національнаго движенія мадьяръ и рядомъ съ этимъ малобольныя завыванія по поводу враждебнаго отношенія мадьяръ къ южнымъ славянамъ?»

Авторъ, какъ явствуетъ изъ выносокъ, пользовался литературою своего предмета въ всякъ сочиненій нашихъ новѣйшихъ писателей по славянскому вопросу. Жаль, что въ число иностранныхъ авторовъ попалъ La Vallée съ его жиденымъ учебникомъ исторіи Турціи; Энгель (шд. 1797 г.) послужилъ почтенному автору, а Марсальи ему неизвѣстенъ, хотя между историками имперіи оттоманской занимаетъ не послѣднее мѣсто. Изданіе довольно опротно, но было-бы еще лучше, при болѣе плотной бумагѣ; поэтому и цѣну книги (3 р. 50 коп.) нельзя не признать нѣсколько высокою. **Ю. П.**

Извѣстія аз-Бекри и другихъ авторовъ о Русн и славянахъ. Ч. 1-я. Статьи и разсказанія А. Куника и барона В. Розена. Сиб. 1878 г., 192 стр. Ц. 76 к.

Важнѣйшую часть извѣстій илландскаго

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ,
ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
род. 1808 † 1876.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДРЕВНОУ. СЕР. 6 ФЕВРАЛЯ 1879 Г.

ВСПЕДИЦЫ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННИХЪ БУМАГ

АРСЕНІЙ МАЦѢВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

II ¹⁾.

Арсеній Мацѣвичъ (въ мірѣ Александръ) родился въ 1697 году, во Владимірѣ Волинскомъ ²⁾. Дѣдъ его былъ полякъ ³⁾, а отецъ православный священникъ; потомки отъ брата Арсенія до сихъ поръ существуютъ въ средѣ духовенства кievской епархіи ⁴⁾. Въ юности Арсеній учился во «владимірской варенжской и львовской академіяхъ» ⁵⁾, откуда въ 1715 г. поступилъ въ кievскую академію, но оставался въ ней не долго. Уже въ слѣдую-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 731—752.

²⁾ Въ припискѣ къ сказкѣ, поданной имъ въ синодъ, 16-го мая 1738 г., говорится: «а отъ роду себѣ имѣеть сорокъ второй годъ». «XVIII вѣкъ», II, 365, примѣчаніе.

³⁾ «День» 1861, № 15, стр. 5. По Насѣцкому (Корона Польская), Арсеній происходилъ изъ польской шляхты.

⁴⁾ «Кiev. Епарх. Вѣд.» 1869, № 10, стр. 385. Здѣсь перепечатана и самая «сказка» Мацѣвича изъ «Ярославскихъ Епарх. Вѣд.», въ незнакомой которой Н. И. Барсовъ упрекаетъ С. М. Соловьева (см. его статью по поводу XXV т. Ист. Россіи въ «Русской Старинѣ» 1876 г., апрѣль). Такія малодоступныя изданія, какъ «Епархіальныя Вѣдомости», дѣйствительно могутъ быть неизвѣстны; но, какъ видно, г. Барсовъ не знаетъ, что та же сказка одновременно была напечатана и въ «XVIII вѣкѣ» г. Бартевева (томъ II, 365), безъ сомнѣнія, хорошо извѣстномъ г. Соловьеву.

⁵⁾ Напечатано въ сомнительной формѣ: «варенжской» (вѣд.), но Варенжъ находился въ діоцезѣ Хелнскомъ и имѣлъ піарскій коллегіумъ, основанный въ 1688 г., который потомъ былъ обращенъ въ элементарную школу. *Historya szkół w koronie i wielkiem kafejswie Litewskiem, przez Józ. Lukaszewicza, IV 246—247.*

цемъ году мы его встрѣчаемъ въ Новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ онъ принялъ монашество, состоялъ проповѣдникомъ и обучалъ въ тамошней школѣ латинскому языку. Въ это же время въ бытность свою въ Черниговѣ, Арсеній сблизился съ архіепископомъ Антоніемъ Стаховскимъ¹⁾, но и въ монастырѣ Арсеній оставался не долго. Въ 1718 г., по собственному желанію, онъ былъ отпущенъ въ кіевскую академію «для слушанія философіи и богословія». Впрочемъ, еще во время первоначальнаго пребыванія Арсенія въ академіи, Теофанъ Прокоповичъ былъ вызванъ въ Петербургъ.

Въ академіи Теофанъ послѣдовательно читалъ поэзію, риторику, философію, богословіе и кромѣ того физику, ариметику и геометрію, которыя до того времени вовсе не преподавались въ академіи. Заслуга Теофана, какъ преподавателя, состояла въ томъ, что онъ оставилъ прежній схоластическій методъ преподаванія богословія и ввелъ новый, выработанный протестантскою богословскою наукою. Методъ этотъ былъ критико-историческій; между тѣмъ, какъ въ схоластическихъ школахъ о филологическомъ изученіи текста, о сличеніи древнихъ списковъ и переводовъ, о критическомъ изученіи отцовъ церкви, въ связи съ исторіею послѣд-

¹⁾ Антоній Стаховскій, также учившійся въ Кіевѣ, былъ первый профессоръ и префектъ въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ архимандритъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря, архіепископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій (съ 20-го сентября 1713 г.), наконецъ митрополитъ Сибирскій (съ 1721 г.). Ему принадлежатъ нѣсколько сочиненій церковнаго содержанія, изъ которыхъ одно писано стихами, и по его же распоряженію въ 1716 г. былъ сдѣланъ учителями коллегіума переводъ исторіи Тита Ливія, съ латинскаго языка, приготовленный къ печати. Но въ 1722 г. синодъ доносилъ Петру Великому о какомъ-то переводѣ Тита Ливія, что онъ къ печатанію весьма неудобенъ, а для исправленія его потребуются «я труда многого и времени довольнаго» (Пекарскій, «Литер. и наука при Петрѣ В.», I, 219). Въ витіеватомъ посвященіи составителя календаря Квасовскаго изъ Корвена, напечатаннаго въ Черниговѣ, Антоній восхваляется за свое покровительство наукамъ; но еще богѣ витіеватое посвященіе написалъ самъ Антоній при поднесеніи Мазей «Зеркала отъ божественнаго писанія»—это образцы тогдашнихъ кіевскихъ панегириковъ. Пекарскій, II, 116—118; 448—450; статья Снегарева въ Учен. Запис. Моск. ун-в. 1833; Обз. духовн. литер., Фигарета, II, 17—18; списки іерарховъ и настоят. монастырей, Строева (издано Археогр. комисс., подъ ред. члена комиссіи М. И. Семева) и Юр. Толстаго; Ант. Стаховскій, митр. С.-Петербургскій и Тобольскій, Н. Абрамова, «Страникъ», 1863, № 1; описаніе Черниговской іерархіи и Ильинскаго монастыря (грамоты и письма Антонія). В. И.

ней, не было и помину. Познакомившись весьма близко съ іезуитскою системою воспитанія въ Польшѣ и за границею, Теофанъ, при каждомъ случаѣ, съ особенною энергіею высказывается противъ католическихъ богословскихъ авторитетовъ и обрядности. Въ его рѣчахъ нѣтъ отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, ни школьныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительной длинноты періодовъ, свойственныхъ схоластическѣ. Какъ ректоръ академіи, Теофанъ поднялъ хозяйственную часть заведенія, бывшую до того въ большомъ запущеніи. Вліяніе его курсовъ отразилось и въ кievской, и въ московской академіяхъ, но оно встрѣтило сильный отпоръ въ лицѣ послѣдователей схоластической науки, учениковъ іезуитскихъ школъ и католическихъ академіи, которые, усвоивъ приемы своихъ наставниковъ, не счумѣли возвыситься до болѣе независимой критики. Борьба этихъ двухъ направленій не замедлила обнаружиться и въ школѣ, и въ литературѣ. Еще въ 1712 г., когда Теофанъ написалъ сочиненіе: «Распря Павла и Петра о игѣ неудобноносимомъ», противъ него выступилъ ректоръ московской академіи, Теофилактъ Лопатинскій. Онъ обвинилъ Теофана въ намѣреніи внести «въ міръ російскій мудрованія реформатскія, доселѣ въ православной церкви не слышанныя, о законѣ Божіемъ и оправданіи», и этотъ споръ поселилъ навсегда вражду между обоими авторами, такъ печально окончившуюся потомъ для противника Теофана. До XVIII вѣка русская церковь болѣе благопріятно относилась къ лютеранству, нежели къ католичеству; но теперь, подъ вліяніемъ южно-русскихъ ученыхъ, вліяніе Польши и католицизма проникаетъ въ восточную Россію, и въ пользу послѣдняго обнаруживается рѣзкій поворотъ въ церковныхъ воззрѣніяхъ. «Камень Вѣры» другаго представителя этой школы (Стефана Яворскаго) былъ полнымъ выраженіемъ того же направленія. Недаромъ возлѣ этого памятника церковной литературы сосредоточивается и самая борьба обоихъ направленій въ XVIII вѣкѣ¹⁾. По выходѣ Теофана изъ кievской академіи, тамъ снова возобладать прежній духъ преподаванія, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ тогдашніе курсы, такъ и отзывы современниковъ и церковныхъ историковъ. «Теофанъ Прокоповичъ», читаемъ въ нихъ—преподававшій богословіе съ 1711 по 1715 г.,

¹⁾ Чистовичъ. Теофанъ Прокоповичъ и его время. 5—37.

излагалъ свои курсы въ нѣкоторой системѣ, но пріемники его не послѣдовали его примѣру, а всѣ до одного почти продолжали идти прежнимъ путемъ... Они сходствуютъ между собою и отсутствіемъ системы, и своимъ схоластицизмомъ, и своимъ духомъ православія. Уже въ началѣ второй половины XVIII вѣка, сама академія сдѣлала отзывы въ томъ смыслѣ, что «во всѣхъ російскихъ академіяхъ, коллегіяхъ и семинаріяхъ, въ ученіи богословія нѣтъ порядка, почему въ Россіи и поныдѣ настоящей богословіи не имѣется», и замѣчательно, что въ это время, какъ бы въ интересѣ улучшенія, снова перешли въ курсы Теофана, которые не разъ издавались въ Кіевѣ (1770, 1772, 1773, 1775, 1782, 1805). Въ параллель съ богословіемъ, и философія, до второй половины XVIII вѣка, преподавалась въ Кіевѣ, подъ преимущественнымъ вліяніемъ Аристотеля и схоластиковъ, и, только во второй половинѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ системы, введенной уже въ великороссійскихъ училищахъ, вводятся постоянные курсы по математикѣ, естественной исторіи, всеобщей исторіи и географіи, до того времени или вовсе не преподававшіеся, или преподававшіеся отрывочно¹⁾. Вотъ почему такой умъ, какъ Ломоносова, не могъ удовлетвориться тогдашнимъ характеромъ академическаго преподаванія и онъ поспѣшилъ оставить академію (1734), о которой потомъ отзывался, что «тамъ онъ нашель однѣ сухія бредни, вмѣсто философіи и никакихъ задатковъ для физики и математики»²⁾.

Во второй разъ Арсеній оставался въ академіи по 1726 годъ, гдѣ и получилъ санъ священника (1723). Въ академіи же онъ вполне усвоилъ пріемы того направленія, которое не замедлило вступить въ борьбу съ ученіемъ Теофана, когда, по смерти Петра Великаго и Екатерины I, наступило для него болѣе благоприятное время. Но въ этой борьбѣ Арсеній не могъ еще принимать участія; онъ былъ только постороннимъ наблюдателемъ ея, сохранивъ о ней самыя печальныя воспоминанія. Прежняя же склонность Арсенія къ перемѣнѣ мѣстъ не давала ему покоя. Такъ, по выходѣ изъ академіи, онъ состоитъ одно время (1726—1727) проповѣдникомъ при кіевскомъ архіепископѣ Варлаамѣ Ванатовичѣ,

¹⁾ Ист. Кіев. академіи, Макарія Булгакова, стр. 124—171.

²⁾ А. А. Куникъ, Матер. для исторіи Акад. Наукъ въ XVIII вѣкѣ, 392.

тщетно добивавшемся сана митрополита въ кievской епархіи и павшемъ въ началѣ царствованія Анны Іоанновны, за свои близкія отношенія къ бывшему вице-президенту синода, Θεодосію Яновскому, то живеть въ Печерской лаврѣ (1728—1729), то снова отправляется въ Черниговъ, то предпринимаетъ въ 1730 г. отдаленное путешествіе въ Тобольскъ, по вызову митрополита Антонія Стаховскаго, перемѣщеннаго туда въ 1721 году ¹⁾. Проѣздомъ въ Сибирь, онъ успѣлъ представиться въ Москвѣ членамъ синода, который находился здѣсь по случаю пребыванія двора. Но уже въ началѣ 1733 г. Арсеній отпросился въ Черниговъ, куда впрочемъ не поѣхалъ, а отправился въ Устюгъ, Холмогоры и Соловецкій монастырь. Этотъ послѣдній служилъ тогда мѣстомъ ссылки для важнѣйшихъ раскольниковъ, въ числѣ которыхъ Арсеній встрѣтилъ бывшаго игумена Мошенскаго монастыря (кievской губ.) Іоасафа, впавшаго въ расколъ и увлекшаго за собою весь монастырь. Арсеній принялся было увѣщевать его и написалъ даже по этому поводу сочиненіе. Старанія Арсенія не увѣнчались успѣхомъ; но для его характеристики важно то, что въ полемикѣ съ расколомъ онъ выступилъ проникнутый духомъ «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго, духомъ релігіознаго фанатизма. Въ это время изъ синода былъ присланъ въ холмогорскому архіепископу запросъ—нѣтъ ли у него ученаго монаха для опредѣленія въ камчатскую экспедицію по р. Оби, предназначавшюся для открытія морскаго пути въ Камчатку, и онъ указалъ на Арсенія. Такимъ образомъ Арсеній совершилъ четыре морскихъ кампаній (1734—1737), которыя, впрочемъ, ни въ чему не привели ²⁾. Во время третьей кампаніи (въ началѣ 1736 г.) онъ былъ привезенъ изъ Пустозерскаго острога, вмѣстѣ съ лейтенантами Муравьевымъ, Павловымъ и прочею командою въ адмиралтейскую коллегію «по нѣкоторому секретному дѣлу»; но такъ какъ за нимъ никакихъ провинностей не оказалось, то ему снова велѣно было отправиться въ Пустозерскъ. Вскорѣ, однако, по причинѣ цынги (которою Арсеній постоянно страдалъ), ему раз-

¹⁾ Этимъ опровергается показаніе, что Арсеній, по открытіи Академіи Наукъ (1726), былъ опредѣленъ законоучителемъ въ академическую гимназію. См. «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862, II, 11.

²⁾ Описаніе этихъ путешествій помѣщено въ Записк. Гидрогр. Департ. Морск. Министерства, IX.

рѣшено было (25-го января 1737 г.) оставить флотскую службу и (7-го октября) велѣно было состоять при синодальномъ членѣ, Амвросіѣ Юшкевичѣ, епископѣ Вологодскомъ, при которомъ онъ находился до 13-го сентября 1738 г. Это обстоятельство сблизило Арсенія съ лицомъ, занявшимъ, въ правленіе Анны Леопольдовны и въ царствованіе Елисаветы, первое мѣсто въ церковной іерархіи и съ которымъ онъ дѣйствовалъ за-одно въ интересахъ послѣдней. вмѣстѣ съ тѣмъ это сближеніе обезпечило дальнѣйшую судьбу Арсенія. Такимъ образомъ, когда въ 1738 г. открылась вакансія законоучителя въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, то на эту должность былъ представленъ Арсеній ¹⁾. Кадетскій корпусъ въ то время имѣлъ большое значеніе, пользуясь покровительствомъ своей основательницы, императрицы Анны Иоанновны, и доставляя доступъ для дѣтей, преимущественно высшего дворянства ²⁾. По этому поводу отъ Арсенія потребовали представить въ синодъ сказку о его службѣ, въ которой онъ показалъ, что «въ подозрѣніи никакомъ никогда не бывалъ и нынѣ за собою подозрѣнія не имѣетъ» и дважды присягалъ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ—въ 1730 г. въ Черниговѣ и въ 1731 г. въ Тобольскѣ. Тѣмъ не менѣе, синодъ счелъ необходимымъ подтвердить его слова свидѣтельскими показаніями. Состоя въ то же время при синодѣ, Арсеній занимался обученіемъ ставленниковъ ³⁾, и уже теперь онъ заявилъ себя человекомъ, весьма тяжелымъ для подчиненныхъ. Сохранились акты, обличающіе въ немъ человека крутаго, жестокаго нрава. Такъ, въ бытность свою московскимъ инквизиторомъ ⁴⁾, онъ до смерти запыталъ ярославскаго игумена Трифона, несмотря на его престарѣлыя лѣта (85 лѣтъ). Такое самоуправство вызвало жалобу со стороны ростовскаго архіерея, по поводу которой синодъ постановилъ: «впредь пытать

¹⁾ О преподаваніи Арсенія Мацѣвича въ кадетскомъ корпусѣ нѣтъ свѣдѣній, но въ историч. запискахъ Миллера о членахъ Академіи Наукъ онъ показанъ законоучителемъ (1740 г.) при академіи. «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862, III, 135.

²⁾ Съ основаніемъ его дѣти многихъ знатныхъ фамилій, обучавшіяся въ академической гимназій, перешли въ кадетскій корпусъ.

³⁾ Восемнадц. вѣкѣ. II, 301—365; «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1862, II, 10.

⁴⁾ По другимъ—экзаменаторомъ. Рус. Достопамят. В., IV. Арс. Мацѣвичъ, Н. М. Снегирева, 4. В. И.

бережно»¹⁾. Между тѣмъ, вскорѣ (1740) архіерейская катедра въ Тобольскѣ сдѣлалась вакантною²⁾, и въ это же время Амвросій Юшкевичъ, переименованный въ архіепископы новгородскіе, занялъ президентское мѣсто въ синодѣ. Близость къ нему Арсенія, человѣка, какъ и онъ, происходившаго изъ южной Россіи, при томъ знакомаго съ Сибирью, должна была имѣть вліяніе на выборъ лица, для замѣщенія вакантной катедры. Такимъ образомъ, когда правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ были представлены два кандидата: первымъ—черниговскій архимандритъ Тимошей Максимовичъ, а вторымъ—синодальный іеромонахъ Мацѣевичъ, то послѣдній былъ предпочтенъ и посвященъ въ санъ митрополита 26-го марта 1741 года³⁾. По прибытіи въ Тобольскъ, Арсеній, по примѣру малороссійскаго епархіальнаго управленія, переименовалъ тобольскую архіерейскую канцелярію въ консисторію: такъ, порядокъ церковнаго управленія Малороссіи, вмѣстѣ съ архіереями, вышедшими оттуда, переносится въ великорусскія епархіи, но онъ нисколько не улучшилъ общаго положенія дѣлъ.

Хотя и на этотъ разъ пребываніе Арсенія въ Сибири было непродолжительно (съ 18-го декабря 1741 г. по 10-е февраля 1742 г.), но до насъ дошелъ цѣлый рядъ промеморій, которыя, какъ нельзя лучше, характеризуютъ личность самого Арсенія, уже не скромнаго монаха, подающаго «сказку» передъ мелкимъ синодальнымъ чиновникомъ и увѣряющаго въ своей гражданской благонамѣренности, но какъ человѣка, гордаго въ сознаніи своей власти и неприкосновенности духовнаго сана. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ январѣ 1742 г. къ Арсенію была прислана просьба за-
щитка (благочиннаго), священника верхнепелымской волости,

¹⁾ «Чт. М. О. ист.» 1862, 3. Въ спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей Рос. Цер., составл. П. Строевымъ, имя ярославскаго игумена Трифона не упоминается. Быть можетъ, оно принадлежитъ къ числу пропущенныхъ Строевымъ, какъ и многія другія, не оказавшіяся при нашихъ справкахъ. Въ Аванасіевскомъ ярослав. монастырѣ дѣйствительно оказывается такой пропускъ на стр. 368.

²⁾ Списки архіер., Юр. Толстаго, стр. 4.

³⁾ Чистовичъ, Арс. Мацѣевичъ, «День», 1862, № 15, стр. 4. Къ жизнеоп. Арс. Мац. «Чтен. Моск. Общ. исторіи», 1864, IV, смѣсь, 29. Списки, составл. Юр. Толстымъ, стр. 10.

Михаила Степанова, содержавшагося подъ арестомъ въ сибирской губернской канцеляріи. Въ своей просьбѣ онъ объяснялъ, что, будучи опредѣленъ митрополитомъ Филооеемъ Лещинскимъ (окрестившимъ съ 1712 по 1726 г. до 40,000 человекъ инородцевъ), онъ обязанъ былъ выстроить для вогуловъ церкви, крестить язычниковъ и надзирать за крещеными; но въ 1730 году, по повелѣнію императрицы Анны и на основаніи инструкціи митрополита Антонія, ему предписывалось принять противъ вогуловъ таковыя мѣры: истреблять идолы и кумирницы, воспрепятствовать приносить языческія жертвы, доносить о виновныхъ гражданскому начальству и наказывать ихъ. Вслѣдствіе этого, въ 1732 году, онъ сжегъ 120 идоловъ и запретилъ приносить въ жертву лошадей, но затѣмъ снова открылъ, что языческія жертвоприношенія совершаются въ тайнѣ, посредствомъ потопленія въ рѣкахъ быковъ и коровъ; между крещеными и некрещеными заключаются браки, причемъ платятъ калымъ ¹⁾, многіе же совсѣмъ оставили христіанство. Виновные въ этихъ преступленіяхъ не разъ подвергались наказаніямъ, вслѣдствіе чего пришли въ ярость противъ попа, нападали, грабили и наносили побои причту, а его, Степанова, обвиняли въ вымогательствѣ у нихъ денегъ и звѣрей; наконецъ, въ 1741 году, подали на него жалобу въ свѣтскій судъ, который распорядился схватить его, заковать въ цѣпи и отправить въ губернскую канцелярію. Получивъ эту просьбу, Арсеній рѣшился «отъ такихъ наглыхъ нападокъ и раззореній, какъ отъ свѣтскихъ командировъ, такъ и отъ иныхъ вогульцевъ, милостиво оборонить». Онъ защищаетъ обвиненнаго всею силою указовъ о неприкосновенности духовнаго сана и неподчиненности духовенства мірскому суду, безъ разрѣшенія на то архіереевъ: «такъ какъ свѣтская и неосвященная персона духовное лицо на себя брать и священника въ совѣстныхъ падежахъ, мимо главныхъ духовныхъ властей, которымъ дана власть вязать и рѣшить по святымъ законамъ, допрашивать и судить никакъ не можетъ»; а о томъ, что цельмскій воевода допустилъ сковать Степанова въ день полученія указа о восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, Арсеній объявляетъ, что войдетъ съ особымъ представленіемъ. Затѣмъ, обра-

¹⁾ Калымъ—плата за невѣсту.

щаясь къ самому вопросу о виновности подсудимаго, онъ замѣчаетъ, что еще сомнительно, кто болѣе виновенъ, священники ли, или свѣтскіе правители, «которые сами къ полученію мягкой рухляди имѣютъ большую склонность, а порицаютъ священниковъ». Оправдывая послѣднихъ бѣдностью и нуждою, Арсеній, какъ бы въ упрекъ администраціи, указываетъ на бывшее слѣдствіе о жаканыхъ сборщикахъ въ Сургутѣ. «И сіе представляется», замѣчаетъ онъ—«не для какого на воеводу нареканія, которые не бѣлками, но цѣлыми мѣхами отбираютъ, и не защищеніе поповъ, которые берутъ себѣ на пропитаніе бѣлочками, но только о истинѣ изъясняется, что, вмѣсто помощи, какъ нынѣ бѣдное священство гонять и турбуютъ, и изневожаютъ, куютъ и бьютъ, яко злодѣевъ, и инстигуютъ (преслѣдуютъ) безъ мѣры, не яко о правдѣ пекущися, но яко сами, любимѣнія страстью одержимы суще, ищутъ себѣ всякими неправедными вымысли пріобрѣтенія.... Волостныя церкви пустѣютъ и новокрещенные наставленія лишаются отъ гоненія неразумныхъ свѣтскихъ командировъ, которые изъ своихъ происковъ не вѣру святую и православіе утверждаютъ, но и пріобрѣтенное духовными пастырями великимъ трудомъ и коштомъ вовсе тщатся уничтожить на едино поруганіе нашему святому православію». Вслѣдствіе этого заявленія, послѣ допроса, Степановъ былъ отосланъ въ Целымъ, для производства дѣла, а свѣтское начальство считало даже нужнымъ оправдываться. Но въ томъ же январѣ (1742 г.) у Арсенія возникло новое столкновеніе съ сибирскою канцелярією, изъ-за драки между крестьяниномъ архіерейской вотчины и приказчикомъ, котораго крестьянинъ обвинялъ въ грабежѣ. Арсеній снова выступилъ съ грозною промеморією, потребовавъ обоихъ виновныхъ на свой судъ, на основаніи указовъ 30-го мая 1739 г. и 14-го августа 1741 г., но канцелярія, основываясь въ свою очередь на постановленіяхъ 1727 и 1728 гг., виновныхъ къ нему не отпустила. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1742 г., будучи уже въ Москвѣ, Арсеній доносилъ синоду, что въ его канцеляріи имѣется донесеніе на тамошняго воеводу, полковника Миклашевскаго, за тѣ, что онъ былъ плетми крещеныхъ татаръ, принявшихъ христіанство, безъ позволенія своихъ владѣльцевъ—татаръ, распорядился отдать жену одного изъ нихъ некрещеному татарину, а другаго разрѣшилъ продать, хотя на него не было крѣпостнаго акта. Ар-

сеній настаивалъ, чтобы это дѣло разсматривалось въ томской, а не тобольской канцеляріи, склонной покрыть виновнаго, и снова проговорился на счетъ «безсовѣстныхъ воеводъ». Онъ требовалъ отъ синода рѣшительнаго вмѣшательства въ это дѣло, тѣмъ болѣе, что инородцы могутъ быть «устрашены и утверждены свѣтскими зловоарными, неправедными, лихоимственными слѣдствіями и не будутъ имѣть охоты къ св. крещенію». Несмотря, однако, на такія энергическія заявленія, означенное дѣло было разсмотрѣно въ Тобольскѣ. Въ тобольскомъ епархіальномъ архивѣ есть еще нѣсколько подобныхъ промеморій Арсенія, въ которыхъ онъ съ неменьшимъ жаромъ отстаиваетъ права духовенства и новокрещенныхъ и не щадитъ словъ на обличеніе порядковъ свѣтскаго управленія. При этомъ, знатокъ мѣстныхъ архивовъ, протоіерей А. Сулоцкій замѣчаетъ, что ему пришлось просмотрѣть и прочесть бумаги предшественниковъ и преемниковъ Арсенія за время 1701—1768 гг. и, несмотря на то, что всѣ тогдашніе сибирскіе архіереи прошли одну школу съ Арсеніемъ, т. е. вышли изъ южной Россіи, но ни у одного изъ нихъ нѣтъ такихъ выраженій, такихъ отзывовъ и замѣчаній на счетъ другихъ, и на счетъ лицъ, несогласныхъ съ ними и такъ или иначе касавшихся духовенства ¹⁾).

Вступленіе на престолъ Елисаветы Петровны пробудило въ русскомъ обществѣ національныя чувства, долго сдерживаемыя преобладаніемъ иностраннаго режима, а религиозныя интересы нашли въ ней горячую поборницу. Екатерина II впоследствии такъ отзывалась объ этомъ времени въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Жоффренъ:

«Въ молодости я предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду» ²⁾).

Мы видѣли, какъ привѣтствовало духовенство этотъ переворотъ. Въ его нападкахъ на прежній порядокъ не только видны намеки, но произносились самыя имена виновныхъ; Остермана,

¹⁾ «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1864, IV, смѣсь, 29—36. Матер. къ жизнеописанію Арс. Мацѣвича.

²⁾ Сборникъ русск. истор. общества, I, 282.

Мниха и т. п. Мы видѣли также, какъ отразилась эта перемена на положеніи господствующей церкви и другихъ иновѣрныхъ ученій въ Россіи. Но этимъ не удовлетворились. Уже въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы, представители церкви выступаютъ съ знаменательнымъ проевтомъ церковно-административной реформы, инициативу которой взяли на себя Амвросій Юшкевичъ и Арсеній Мацѣвичъ.

Въ Сибири Арсеній подвергся сильнымъ припадкамъ цингунной и скорбутной болѣзни ¹⁾ и, конечно, желалъ переселиться оттуда, но едва ли въ такой короткій срокъ, какимъ было его пребываніе въ Сибири, онъ успѣлъ снестись съ своимъ покровителемъ, Амвросіемъ, чтобы вдругъ измѣнить свое положеніе ²⁾. Еще Арсеній не успѣлъ пріѣхать въ Tobольскъ, какъ уже совершился переворотъ въ пользу Елисаветы, а нѣсколько дней спустя послѣ его пріѣзда умеръ ростовскій архіепископъ Іоаннъ. Такимъ образомъ это обстоятельство могло дать поводъ самимъ друзьямъ Арсенія хлопотать о перемѣщеніи его поближе въ Россію; но уже 10-го февраля 1742 г., не дождавшись рѣшенія своей участи, Арсеній оставилъ Tobольскъ; подъ покровительствомъ такого ходатая, какъ Амвросій, онъ могъ рассчитывать на успѣхъ. Дѣйствительно, 28-го мая, во время пребыванія императрицы въ Москвѣ, когда она пригласила Амвросія на совѣтъ о выборѣ законоучителя для великаго князя Петра Θεодоровича, Амвросій, предложивъ ей на это мѣсто своего товарища по кievской академіи, Симона Тодорскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ словесно представилъ о переводѣ на ростовскую епархію, съ званіемъ члена синода, Арсенія Мацѣвича, и Елисавета также словесно утвердила этотъ докладъ ³⁾.

Виды Амвросія на Арсенія вполне оправдались. Воспитанники одной школы, люди одинаковыхъ воззрѣній на церковныя отношенія и духовную власть, притомъ давно успѣвшіе сблизиться между собою, не могли не сочувствовать другъ другу теперь, когда наступало, повидимому, самое благоприятное время

¹⁾ Письмо къ Пимеву, еп. Вологодскому, «Чтен. Моск. Общ. ист.», 1862, III, 135—136.

²⁾ Статья Чистовича, «День», 1862, № 15, стр. 4.

³⁾ «День», № 15, «Чтен. Моск. Общ. ист.», 1864, IV, 42.

для осуществленія ихъ замысловъ. И Амвросій, видѣвшій въ прежнихъ порядкахъ угнетеніе духовенства, которое будто бы хотѣли даже вовсе истребить, «чтобы завести свое вымышленное безпоповство», поспѣшилъ воспользоваться этимъ прекраснымъ случаемъ, чтобы совсѣмъ покончить съ ненавистною для него и его единомышленниковъ синодальною формою церковнаго управленія и возвратиться къ прежнему единоличному порядку правленія—стремленіе, не разъ проявлявшееся въ русской духовной іерархіи послѣ Петра Великаго. Такимъ образомъ, совмѣстно съ Арсеніемъ, Амвросій представилъ императрицѣ докладъ, въ которомъ, послѣ выписокъ изъ церковныхъ правилъ и отцовъ церкви, излагались слѣдующія мысли:

«Если трудно покажется по регламенту духовному титулы синодальной оставить, то синодъ, хотя и сдѣлать, однако, дабы былъ, хотя по малой формѣ, священнослуженію церкви соборной, апостольской, восточной сообразенъ, сирѣчь имѣющей въ себѣ президента первоначальнаго архіерея не иного кого, точію московскаго, титулующагося московскимъ и с.-петербургскимъ, вице-президента первого—новгородскаго архіерея, втораго—какого-нибудь архіерея, близъ Москвы обрѣтающагося (вонечно Арсенія). А оберъ-прокурору и генераль-прокурору, какъ и экономіи коллегіи, нечего здѣсь дѣлать: понеже и то за нужду дѣлается, что въ синодѣ мірскіе оберъ-секретари и секретари. По настоящему церковному порядку, надлежало бы и тѣмъ быть духовнымъ лицамъ—іеромонахамъ или монахамъ; такъ какъ здѣсь не инныя дѣла судятся и производятся, только поповскія и причетническія, да монашескія; судятся также браки: законный и незаконный падежи совѣсти. О таковыхъ, что здѣсь смотрѣть или разбирать оберъ-прокурору или иной свѣтской персонѣ, не имѣющей посвященія или не имѣющей власти рѣшать и вязать? Въ собраніи синодальномъ нынѣ не только архіереи, но и архимандриты и протопопы, да еще оберъ-прокуроръ и оберъ-секретари заключаются и до всѣхъ тая титула «святѣйшій синодъ» или верховный святитель касается, ежели бы, чего не дай Богъ, по прежнимъ нашимъ временамъ, въ нашихъ глазахъ недавно бывшимъ, регентъ или генералиссимусъ съ Остерманомъ утвердились: кто бы ихъ смѣлъ поспорить, когда бы одинаго или двухъ своихъ пасторовъ въ синодъ посадили. И какъ быть? Подъ

тою жъ титлою священства, они подъ овечью кожею истинныя волки укрывались бы на всевѣчное истребленіе нашего благочестія».

Въ этомъ докладѣ еще не видно прямого заявленія противъ синодальнаго управленія; но зато ясно ставился вопросъ объ исключеніи изъ синода не только свѣтскихъ чиновъ, но и членовъ низшей духовной іерархіи. Тѣмъ не менѣе, тайная цѣль этихъ стремленій обнаружилась немного позже, въ болѣе откровенной формѣ. Уже въ 1744 г. въ другомъ докладѣ Амвросій писалъ:

«Его величество, государь императоръ (Петръ Великій) соизволилъ было воспріять намѣреніе, чтобы духовное правленіе паки оставить точію при единомъ правленіи патріарха или митрополита, дабы церковное правленіе во славу Божию наилучше происходило. Но его величества соизволеніе къ исполненію не достигло по причинѣ его кончины»¹⁾.

Ясно, что имѣлось въ виду подѣйствовать на нерѣшительность Елисаветы «намѣреніемъ» ея отца... Но ни того, ни другаго виновникамъ этого проекта не удалось достигнуть, такъ какъ Елисавета Петровна не намѣрена была отступить отъ главныхъ основаній реформы Петра Великаго. Притомъ, въ самомъ синодѣ въ это время былъ такой энергическій поборникъ учрежденій послѣдняго, какъ князь Я. П. Шаховской, которому приходилось выдерживать постоянную борьбу съ подобными же навязчивыми желаніями. Еще въ 1742 г. Амвросій вошелъ съ докладомъ о безпорядкахъ и грабежахъ въ коллегіи экономіи, предложивъ, конечно, совсѣмъ закрыть ее. Дѣло это тянулось до 1744 г., когда его желаніе дѣйствительно было осуществлено, но съ нѣкоторыми ограниченіями, предложенными кн. Шаховскимъ²⁾. Не менѣе враждебно относился къ синоду и Арсеній Мацѣевичъ. Противники этого учрежденія не могли равнодушно смотрѣть, что въ его средѣ были не одни архіереи; а на ихъ глазахъ былъ даже случай, что членомъ синода состояло лицо, не имѣвшее никакой церковной степени, какъ напр. Теофилъ Кроликъ, который былъ посвященъ въ іеродіаконы и іеромонахи въ

¹⁾ Филаретъ, Обзоръ рус. духов. литер., II, 24—25.

²⁾ Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. М. И. Семева, 1872 г., стр. 51 и приложенія. В. И.

бытность свою членомъ синода. И Арсеній намекаетъ, что въ синодѣ предполагалось даже посадить лютеранскихъ пасторовъ и сдѣлать его высшею административною инстанціею, не только для православной, но и для другихъ христіанскихъ церквей въ Россіи ¹⁾. Такое мнѣніе, быть можетъ, основывалось на томъ, что въ первое время, при Петрѣ Великомъ, вѣдѣнію синода подлежали лютеранскія церкви въ Россіи и ихъ пасторы ²⁾. Но тенденціи Арсенія въ вопросѣ о церковной реформѣ вскорѣ обнаружались вполне по другому случаю. Представившись императрицѣ Елисаветѣ, онъ не остался въ синодѣ и не далъ обычной присяги, а уѣхалъ въ свою епархію. Но, спустя нѣкоторое время, вѣроятно по настоянію кн. Шаховскаго, синодъ сдѣлалъ запросъ Арсенію: почему онъ не далъ установленной присяги и не является въ синодъ? Въ отвѣтъ на это, Арсеній сослался на личное и письменное объясненіе, которое онъ принесъ самой императрицѣ Елисаветѣ; и въ кабинетныхъ бумагахъ государственнаго архива сохранилось это «доношеніе» съ весьма цѣнными приложениями, рельефно характеризующими личность и образъ мыслей ихъ составителя. Объясненія Арсенія основываются на томъ 1), что въ присягѣ, предложенной ему въ синодѣ, оказалась будто бы прибавка о вѣрности императрицѣ, какъ высшему судіи духовной коллегіи, и 2), что членъ синода, псковской епископъ Стефанъ (никогда не молчавшій даже и передъ кн. Шаховскимъ, какъ видно изъ записокъ послѣдняго) ³⁾ не хотѣлъ уступить ему высшаго мѣста по его епархіи; а это обстоятельство Арсеній считалъ на столько для себя оскорбительнымъ, что не согласился принести присяги даже тогда, когда ему предложено было дать ее безъ указанной прибавки. При этомъ, Арсеній заявлялъ о своей вѣрности императрицѣ, которой онъ принесъ присягу еще въ Тобольскѣ и что онъ, въ свое время, отказался отъ присяги Бирону, какъ регенту. Онъ препроводилъ также образцы присяги для свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, изъ

¹⁾ Возраженія Арсенія на «Молотокъ», Опис. докум. св. синода, т. I.

²⁾ Чпстовичъ, Теофанъ Прокоповичъ, 573.

³⁾ Приложенія къ Запискамъ кн. Шаховскаго, изд. М. И. Семевского, стр. 309—313. В. И.

которых видны его собственныя воззрѣнія на отношенія свѣтской и духовной власти ¹⁾).

Дѣло о присягѣ было оставлено безъ послѣдствій, но вскорѣ затѣмъ въ 1743 году у Арсенія возникло новое столкновение съ синодомъ, и опять изъ-за присяги. Въ началѣ этого года, отъ всѣхъ лицъ, присягавшихъ при повышеніи въ чины, въ правленіе Бироза и Анны Леопольдовны, велѣно было отобрать присяжные листы въ сенатъ и сжечь ихъ. Между тѣмъ въ присягѣ Арсенія оказались прибавки собственной его руки, а потому отъ него потребовали новыхъ объясненій. Арсеній утверждалъ, что онъ сдѣлалъ прибавку въ опроверженіе раскольническаго мнѣнія, что настоящая церковь не есть церковь, архіереи—не архіереи и священство, отъ Христа и апостоловъ черезъ хиротонію происходя-

¹⁾ «День», 1862, № 25 и «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862 г., т. III, 144—151. Въ присягѣ духовнымъ титулъ синода «правляющемуся собранія» замѣненъ словами: «церковнаго правительства»; слова: «дѣйствовать вся по написаннымъ въ Духовномъ Регламентѣ уставамъ» пополнены такъ: «и дѣйствовать вся по Христову и Апостольскому и св. отецъ ученію, и по написаннымъ въ Духовномъ Регламентѣ уставамъ, согласующимъ съ церковью святою соборною Апостольскою, православно-восточною и аще-кіа впредь уставы церкви божіей благопотребны непотивимъ согласіемъ сего духовнаго православнаго правительства и соизволеніемъ ея императорскаго величества опредѣлены будутъ». Въ другомъ мѣстѣ: «но аще въ чемъ и недоумѣніе мое будетъ, всячески по крайней моей возможности, потщуся искать разумѣнія и вѣдѣнія отъ священныхъ писаній и правилъ соборныхъ, и согласія древнихъ великихъ учителей, отъ церкви свидѣтельствованныхъ» (разрядкою означены прибавки Арсенія). Но особенно характерно слѣдующее измѣненіе въ синодальной присягѣ: вмѣсто: «исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовнаго сея коллегіи быти самую Всероссійскую монархину, государыню нашу всемилостивѣйшую»—поставлено: «исповѣдую же съ клятвою крайняго судію и законоположителя духовнаго сего церковнаго правительства быти самаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, полномошную главу церкви и великаго архіерея и Царя, всѣми владычествующаго и всѣмъ нищущаго судити, живымъ и мертвымъ»... «Понеже», замѣчаетъ Арсеній «исповѣдывать съ присягою и клятвою противъ символа вѣры, другаго кого кромѣ Христа, крайняго судію, то уже Христось... какій намъ останется быти судія? Въ сему же наша святая церковь... не по иному какому резону и палу римскаго отишетъ и антихристомъ его быти присуждаетъ, токмо наипаче по сему, что онъ, въ противность Христу, сдѣлалъ себя цѣлой церкви главою, сирѣчь крайнимъ судіемъ. А монаршей власти довольно въ той силѣ на вѣрность присягать... О чемъ довольно протолковано въ книгѣ «Камень Вѣры»... безъ приложенія такового излишняго ласкательства, во уничиженіе или во отверженіе, самаго крайняго судіи Христа Господа».

щее, совсѣмъ потерялося; «а кромѣ таковыхъ богохульниковъ, прибавляетъ Арсеній, я отнюдь не чаялъ, чтобы другому кому, кто церкви святой, православно-восточной придерживается, могла быть противность». Въ такомъ видѣ настоящая присяга была читана Арсеніемъ передъ поставленіемъ его въ архіереи. Но, вступивъ на путь самооправданій, Арсеній долженъ былъ уже просить прощенья у синода ¹⁾. Донесеніе Арсенія разсматривалось въ синодѣ съ 11-го іюля по 13-е октября, когда состоялось опредѣленіе съечь присягу Арсенія, выписавъ изъ нея только имена архіереевъ, участвовавшихъ въ его постановленіи. Замѣчательно, однако, что на это отступленіе не обратили вниманіе въ свое время и придали значеніе прибавкѣ только теперь. Ясно, что въ средѣ синода были члены, враждебно настроенные противъ Арсенія, и это подтверждается тѣмъ, что Амвросій Юшьевичъ ни разу не присутствовалъ въ синодѣ ²⁾. Къ этому присоединились два новыя обстоятельства, существенно повліявшія на ходъ этого дѣла.

Еще въ 1742 г. коллегія экономіи распорядилась отправить въ ростовскіе монастыри нѣсколькихъ инвалидовъ, которыхъ Арсеній отказался принять, ссылаясь на недостатокъ средствъ. Тогда коллегія вошла съ жалобой на него въ сенатъ и синодъ, указывая на то, что по ея разсчету, въ тамошнихъ монастыряхъ есть въ запасѣ около 1000 четвертей хлѣба. Сенатъ потребовалъ объясненія отъ Арсенія, который отвѣчалъ, что послѣ донесенія своего въ коллегію (только-то теперь!) въ этихъ монастыряхъ было пострижено болѣе 40 человекъ, лишившихся монашескаго званія въ прошлое царствованіе, а потому лишнихъ порцій у него нѣтъ. При этомъ Арсеній, по своему обыкновенію, не стѣснялся въ выраженіяхъ, такъ что сенатъ требовалъ, чтобы синодъ воспретилъ Арсенію обращаться къ сенату съ подобными оскорбительными рѣчами, угрожая, въ противномъ случаѣ, донести о томъ императрицѣ (12-го апрѣля 1743 г.); а спустя два мѣсяца повторилась та же исторія, по поводу присылки въ монастырь одного юродиваго. Арсеній отвѣчалъ те-

¹⁾ Н. И. Барсовъ не воспользовался этими доношеніями (см. «Русскую Старину», 1876, XV 752), напечатаны они въ «Днѣ», 1862 г., № 25, и «Чтен. Моск. общ. ист.», 1862 г., кн. III, смѣсь, 144—152.

²⁾ «День», 1862 г., № 25, стр. 6.

верь синоду въ прежнемъ духѣ, называя подобное требованіе «весьма неосмотрительнымъ и несправедливымъ». Послѣ этого синодъ рѣшился сдѣлать докладъ императрицѣ, которая повелѣла объявить Арсенію указомъ, чтобы «онъ отъ подобныхъ проревостей воздержался, а ежели впредь будетъ оказывать въ регламенту и указамъ сопротивленіе и презорство, то, какъ противникъ общаго покоя и высочайшей власти, онъ будетъ лишень не только сана, но и монашества». И въ своемъ указѣ по этому случаю (3-го сентября) синодъ ссылается на самыя сильныя мѣста постановленій Петра Великаго и его преемниковъ о власти синода и обязанности всѣхъ — повиноваться ему, какъ и власти сена́та ¹⁾.

Узнавъ о грозящей ему опасности (указъ былъ данъ еще 19-го августа), Арсеній сталъ было проситься на покой въ новгородско-сѣверскій спасскій монастырь, ссылаясь на «скорбучную болѣзнь», которую онъ нажилъ на морѣ, и головныя боли, вслѣдствіе которыхъ онъ почувствовалъ такую слабость, что не въ силахъ болѣе управлять епархіею. Какъ видно, синодъ было обрадовался этой просьбѣ и потому поспѣшилъ составить новый докладъ государынѣ, выражаясь въ немъ, что Арсенія на покой уволить «надлежитъ», а въ монастырѣ ему слѣдуетъ выдавать хлѣбную порцію и прочіихъ припасовъ, противъ пяти монаховъ, назначить къ нему трехъ служителей и, на случай выѣзда изъ монастыря, давать коляску съ парюю лошадей; на платье же и прочія нужды назначить по 300 р. въ годъ и 200 р. на дорогу ²⁾. Но императрица не утвердила этого представленія и повелѣла Арсенію, по-прежнему, оставаться ростовскимъ митрополитомъ ³⁾.

Амвросій и Арсеній были прямыми преемниками идей той партіи, которая, въ борьбѣ съ реформою Петра Великаго, группировалась воокъ «Камня Вѣры» Стефана Яворскаго, какъ своего знамени, и «обличеній» Теофілакта Лопатинскаго, сторонники

¹⁾ «День», 1861 г., № 15; «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862 г., III, 154—157. Ссылаясь на указъ 1722 г., синодъ говоритъ: «кто гораздо презираетъ власть первенную съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій и тако безбожія воюю изъ себя издаетъ»...

²⁾ «Чтенія», 1862, III, 153.

³⁾ «День», 1862, № 25, стр. 6.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ТОМЪ XXV, 1879 Г., МАЙ.

которыхъ встрѣчали такой ожесточенный отпоръ въ лицѣ Теофана Прокоповича. Съ большими усиліями и значительнымъ пожертвованіемъ своихъ нравственныхъ силъ, велъ эту борьбу Теофанъ, пока не одолѣлъ своихъ противниковъ. Но теперь, явились новые защитники ихъ ученія, такіе же, какъ и они, горячіе поборники патріаршества и церковной реакціи. Представители этого направленія одинаково сурово относились и къ расколу, и къ иновѣрнымъ ученіямъ.

III.

Еще въ 1742 году Арсенію было поручено разсмотрѣть и приготовить къ изданію трудъ Теофилакта: «Обличеніе неправды раскольнической», написанное въ 1734 г., по поводу «Поморскихъ отвѣтовъ»¹⁾, но остававшееся до сихъ поръ, вслѣдствіе катастрофы, постигшей автора, не разсмотрѣннымъ. Арсеній, извѣстный уже намъ по своей полемикѣ, веденной имъ во время пребыванія въ соловецкомъ монастырѣ (1734), исправилъ сочиненіе Теофилакта и составилъ къ нему предисловіе (оно издано въ 1745 году), а затѣмъ написалъ отъ себя «Дополненіе» въ сочиненію, оставшееся до послѣдняго времени въ рукописи²⁾. Въ своихъ сочиненіяхъ Арсеній обнаруживаетъ большую начитанность въ отеческой и русской церковной литературѣ (соч. Максима Грека, Просвѣтитель, Стоглавъ, Четьи-Минеи и разныя полемическія

¹⁾ Они были вызваны вопросами, составленными въ 1722 г. іеромон. Неофитомъ, рекомендованнымъ для обращенія выговскихъ раскольниковъ, извѣстнымъ дѣятелемъ по искорененію раскола въ нижегород. епархіи м. Питиримомъ. Но, начавши свою дѣятельность литературными приемами, Неофитъ, подобно Питириму, и самъ пришелъ къ заключенію о необходимости «выясканія» раскольниковъ, такъ какъ раскольники жили «на свободѣ безъ всякаго опасенія». Въ 1727 г. Неофитъ умеръ; что же касается вопросовъ отвѣтовъ и возраженій на нихъ Неофита, то они были переданы синодомъ на разсмотрѣніе Теофилакта, который продержалъ ихъ у себя до 1733 г., оправдываясь въ этой медленности тѣмъ, что по смерти Петра Великаго «на новописанныя книги тяжкія цензуры настали». Представленное же въ 1734 г. «Обличеніе» было разсмотрѣно сначала Питиримомъ, а потомъ Арсеніемъ. См. «Опис. докum., хран. въ архивѣ синода», I, 471—485.

²⁾ Отрывокъ его напечатанъ въ «Прилож. къ опис. докum., хран. въ арх. синода», ССССХVIII и слѣдующ.

сочиненія), въ русскихъ лѣтописяхъ (Несторъ, хронографы, Степенная книга, лѣтописи ростовскихъ архіереевъ, лѣтописная повѣсть сибирскаго митрополита Игнатія) и даже иностранныхъ сочиненіяхъ (Бингама—Церковныя древности, Бароній, Агриппа—о суетѣ наукъ, Матвій Стрыйковский, Коранъ, Талмудъ, Естествословцы) ¹⁾. Но въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то, что весь запасъ своихъ богословскихъ знаній онъ употребляетъ на защиту преимущественно іерархіи и менѣе касается обрядовъ и другихъ спорныхъ вопросовъ раскола. Въ своихъ же полемическихъ доводахъ онъ основывается на примѣрахъ и авторитетѣ известнаго творенія Іосифа Волоцкаго—«Просвѣтитель», требующаго вмѣшательства гражданской власти и казни еретиковъ, для которыхъ онъ не находитъ ни одной изъ нихъ суровою, не исключая даже сожженія, причежь, подобно Іосифу, ставитъ въ образецъ новымъ ревнителямъ—древнихъ ревнителей, какъ Моисей, Іисусъ Навинъ, Ілія, Левъ, еписк. Катанскій. Мы не говоримъ уже о самомъ способѣ полемики, въ которой постоянно встрѣчаются такія обращенія къ противникамъ, какъ: разбойники, жидаы, воры, плотоугодники, хищники, адскіе бѣсы, волки, сатанинскіе служители, антихристы, и т. п. ²⁾. Дополненіе было представлено Арсеніемъ въ синодъ, 12-го марта 1746 г., но было возвращено автору для исправленія. Черезъ годъ онъ снова представилъ его, но дальнѣйшая судьба этого труда неизвѣстна ³⁾.

Ростовская епархія была полна раскольническихъ сектъ, различныхъ толковъ, которые дали обильный матеріалъ для сочиненій Дмитрія Ростовскаго ⁴⁾. Увлекаемые ревностью и фанатизмомъ мученичества, которое такъ легко воспринималось, вслѣдствіе духа нетерпимости ихъ противниковъ, сектанты прибѣгали

¹⁾ Кроме того, въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ приводитъ выдержки изъ Псалма, изъ книжицы «неки нарицаемая», повѣствующей, между прочимъ, о Есхилѣ, «изряднѣйшемъ стихотворцѣ аонскомъ, получившемъ извѣстіе отъ астрономовъ о смерти нечаянной, яко имати быти ему отъ сверху верженія». «Яросл. Епарх. Вѣд.» 1864, № 48, 472.

²⁾ «Православ. Собесѣд.» 1861, III. Увѣщаніе къ раскольнику; а также здѣсь изложено и Дополненіе Арсенія къ соч. Теофилакта (по рукопис. Соловецк. монаст., означенный выше отрывокъ составляетъ начало его).

³⁾ Документы синод. архива, 483 и 485.

⁴⁾ См. Ереси и расколы, бывшіе и существующіе въ яросл. епархіи. Троицкаго. «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864, №№ 11—27. В. И.

нерѣдко, то къ насильному голоду, то къ самосожженію. Такъ изъ донесенія іером. Игнатія Димитрію Ростовскому видно, что въ его прежнемъ приходѣ сожглось 1920 человѣкъ, не считая окрестныхъ селъ и деревень, гдѣ было также множество подобныхъ жертвъ. Но какъ трудно было относиться къ расколу въ духѣ терпимости, можетъ служить лучшимъ примѣромъ самъ Димитрій Ростовскій, который, посылая свою книгу о расколѣ (быть можетъ, «Розыскъ») другу своему Θεологу ¹⁾, писалъ ему слѣдующее: «посылаю бороду капитонскую (Капитонъ — расколуучитель), изрядную, долгую, широкую, расчесанную, въ которую не жаль плюнуть» ²⁾. И въ то время, какъ Амвросій настаивалъ на принятіи строгихъ мѣръ противъ распространенія раскола, ссылаясь, какъ на главную опору ихъ нападокъ на церковь, на ихъ мнѣніе, что «синодальное правленіе отъ единого образца протестантскаго взято» ³⁾, — Арсеній торжественно клялся передъ своею паствою въ совершенномъ искорененіи этихъ враговъ православія ⁴⁾. Въ самомъ дѣлѣ, полемика съ расколомъ была любимой темой его проповѣдей ⁵⁾, а нетерпимость его въ этомъ случаѣ доходила до того, что, когда Петръ и Екатерина II облегчили участь раскольниковъ, то онъ велѣлъ выписать изъ служебника и читать особыя молитвы противъ нихъ и вынимать частицы на проскомидіи на гонящихъ церковь, ибо-де раскольники въ церковь не ходятъ и плюютъ на нее ⁶⁾. Тѣмъ же духомъ провиѣнуто и извѣстное сочиненіе Арсенія на «Молотокъ» «Молотокъ не Камень Вѣры» — лютеранскій пасевиль, написанный чрезвычайно бойко и пущенный въ ходъ въ Россіи около 1731 года. Въ то время «Камень Вѣры» былъ уже запрещенъ, а потому писать въ его защиту — было опасно. Теофилактъ Лопатинскій хотѣлъ было писать противъ возраженій Буддея, профессора іенскаго университета (которому приписываются эти возраженія), но тайная канцелярія запретила ему писать противъ Буддея и даже упоминать о самомъ запрещеніи. Переводъ

¹⁾ Иеромонахъ, ученикъ братьевъ Мехудовъ, справщикъ книгъ, бібліотека и переписка котораго поступили въ синод. бібліотеку.

²⁾ Румянц. музея № 407, письмо 2. См. предъид. статью, № 16, стр. 155.

³⁾ Обзоръ духов. лѣтер. Филарета, II, 25.

⁴⁾ «Ростовскій лѣтописецъ», изд. въ Ярославлѣ.

⁵⁾ Опис. док. Синод. Арх., 483.

⁶⁾ «День», 1861, № 16, и допросъ Мацѣвичу.

же сочиненія Рыбейры (доминиканца, писавшаго въ защиту «Камня Вѣры») на русскій языкъ, повлекъ за собою преслѣдованіе нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Но, въ царствованіе Елисаветы, перевѣсъ получила противная партія, и Мацѣвичъ могъ выступить на защиту идей Стефана Яворскаго ¹⁾. Впрочемъ, защитникъ Стефана пересыпаетъ свои отвѣты такою крупною бранью и такими рѣзкими выходками противъ автора «Молотка», что его полемика приняла совершенно личный характеръ. Между тѣмъ какъ «Молотокъ» вездѣ ссылается на факты и историческія данныя, авторъ возраженія не даетъ почти никакихъ свѣдѣній о времени и дѣйствующихъ лицахъ, о которыхъ пишетъ; о самомъ Стефанѣ онъ сообщаетъ самыя общія свѣдѣнія, сохранившіяся устно или печатно, и вовсе не опровергаетъ своего противника, а только заподозрѣваетъ достовѣрность изложенныхъ фактовъ. Чтобы судить о приемахъ этой полемики, достаточно указать, что, на обвиненіе авторомъ «Молотка» Стефана Яворскаго за уклоненіе въ унию, а потомъ переходъ въ православіе, Арсеній Мацѣвичъ отвѣчаетъ такъ: «А наипаче для чего Мартина Лютера и Катеринки его монашествомъ папскимъ не токмо не порицаете, но и за святость пріемлете?» Составитель «Молотка» старался набросить подозрѣніе на Стефана въ его католическихъ тенденціяхъ и склонности къ папизму, а за его обличенія лютеранства—отплатить тѣмъ же самымъ православію; такимъ образомъ, патріаршество, обрядность, чудеса, монашество — подвергаются въ «Молоткѣ» или полному осужденію, или посмѣянію. Арсеній, защищая все это, съ своей стороны безпощадно бранитъ противника, причѣмъ не упускаетъ случая затронуть мимоходомъ даже послѣдователей раскола. Но два вопроса составляютъ большое мѣсто полемики Арсенія это — восстановленіе патріаршества и защита монашества. Относительно перваго Арсеній высказываетъ мысль, что Петръ Великій не думалъ отмѣнять патріаршества навсегда, а напротивъ, намѣренъ былъ снова учредить его, и потому не велѣлъ уничтожить патріаршаго мѣста въ Успенскомъ

¹⁾ Въ это время имѣть въ домѣ рукопись «Молотка» считалось уже ересью и богохульствомъ. См. доношеніе императрицѣ Елисаветѣ на вольнодумцевъ Коржавинныхъ, 1756 г. Воронц. арх., III, 316.

соборѣ, которое «по особому высочайшему усмотрѣнію осталось въ цѣлости, какъ прежде было, и нынѣ настоятеля своего ожидаетъ». Въ защиту монашества, Арсеній ссылается на примѣръ Иисуса Христа, который былъ «первѣйшій монахъ», на Богородицу, какъ образецъ монашества, наконецъ, на самихъ монаховъ, отъ которыхъ преимущественно происходятъ чудеса.... При этомъ онъ, конечно, стоитъ за избраніе въ епископы исключительно монаховъ и, ссылаясь на церковныя древности Бингама, доказываетъ, что въ древней церкви въ епископы избирали преимущественно аскетовъ или даже женатыхъ, но «съ обязательствомъ, чтобы на архіерейскихъ степеняхъ дѣтей не плодили» ¹⁾.

Заслуживаетъ еще вниманія возраженіе Арсенія на обвиненіе «Молотка» въ медленности исправленія славянской библіи, о чемъ безуспѣшно хлопоталъ Петръ Великій. «Ежели рассудить въ тонкость—говоритъ Арсеній», то библія у насъ и не особенно нужна. Ученый, ежели знаетъ по гречески, греческую и будетъ читать, а ежели по латынѣ, то латинскую, съ которой для себя и для поученія народа, російскую, какая ни есть библія, будетъ исправлять. Для простаго же народа довольно въ церковныхъ книгахъ отъ библіи имѣется» ²⁾. Выше мы указывали, что Арсеній былъ человѣкъ начитанный. Его библіотека составляетъ теперь собственность ярославской духовной семинаріи, и въ ней же хранятся рукописи самого Арсенія, заключающія въ себѣ 12 томовъ проповѣдей (числомъ 217) ³⁾; но онѣ не обработаны литературно, а представляютъ рядъ набросковъ, конспектовъ, выписокъ изъ св. писанія и отцовъ церкви. Напрасно, однако, утверждаютъ тѣ, которые желаютъ въ Арсеніѣ видѣть образецъ всевозможныхъ совершенствъ, что по своему характеру рѣчи Арсенія рѣзко отличаются отъ пріемовъ многихъ его предшественниковъ, любившихъ, какъ извѣстно, занимать своихъ слушателей внеклическими разсказами изъ гражданской и церковной исторіи, апокрифовъ и средневѣковыхъ бестіаріевъ, и болѣе подходятъ, къ требованіямъ, поставленнымъ Теофаномъ Прокоповичемъ, нежели

¹⁾ Чистовичъ, Теофанъ Прокоповичъ, 383—407.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ 20 листовъ. «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864, № 35, стр. 348.

— его противниками ¹⁾). По своему содержанию, это—поученія, произнесенныя по поводу воскресных и праздничныхъ евангелій и апостоловъ, толкованія псалмовъ или катехизическія объясненія символа вѣры, заповѣдей и т. п. ²⁾), главнымъ образомъ, догматическаго содержанія, причѣмъ авторъ ихъ постоянно имѣетъ въ виду вопросы, оспариваемые раскольниками, какъ мнѣнія ихъ о священствѣ, объ антихристѣ и т. п. ³⁾), и даже въ бесѣдахъ нравственнаго содержанія, которыхъ также не мало, весьма часто встрѣчаются длинныя отступленія догматическаго или полемическаго характера, а въ изложеніи нравственныхъ вопросовъ онъ обыкновенно прибѣгаетъ къ искусственнымъ, чисто схоластическимъ приѣмамъ ⁴⁾). Такимъ образомъ, отзывъ о проповѣднической дѣятельности Арсенія, основанный не на предвзятомъ мнѣніи или личныхъ симпатіяхъ, а на изученіи самыхъ его сочиненій, будетъ совсѣмъ иного рода. «Если взять внѣшнюю сторону проповѣднической дѣятельности Арсенія, количество написанныхъ имъ поученій и самый объемъ ихъ», читаемъ въ подробномъ разборѣ этихъ сочиненій—«то едвали какой русскій проповѣдникъ XVIII столѣтія можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ Арсеніемъ. Но его трудолюбіе и широта его богословскаго образованія представляются какъ-то двусмысленными, такъ какъ главное и существенное содержаніе его бесѣдъ составляютъ выписки изъ отцовъ и учителей церкви; искусственный подборъ этихъ выдержекъ, равно какъ и многочисленныхъ текстовъ изъ св. писанія и примѣровъ изъ житій святыхъ, заставляютъ думать, что Арсеній не самостоятельно изучалъ писателей, а имѣлъ у себя подъ руками какую-либо, по всей вѣроятности, латинскую конкордацію, гдѣ собраны были всѣ параллельныя изрѣченія и толкованія.... Мы думаемъ еще болѣе, именно, что нѣкоторыя изъ его рѣчей даже не имъ самимъ составлены, а только подъ его руководствомъ и редакцію.... Такимъ образомъ поражающее съ

¹⁾ «Русская Старина», 1876, XV, статья Н. И. Барсова, стр. 725.

²⁾ «Христ. чтеніе», 1874, февр., 266. Наибольшее число проповѣдей Арсенія приходится на 1747—1752 гг. (13—20 въ годъ). Онѣ были произнесены преимущественно въ Ростовѣ, другія были сказаны въ Москвѣ, въ Ярославлѣ, Угличѣ, или въ разныхъ селахъ его епархіи. «Яросл. Еп. Вѣд.», 1864, № 35, стр. 349.

³⁾ Тамъ же, № 43, стр. 420—425; № 45, стр. 439—445.

⁴⁾ «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864, № 50, стр. 485—490.

перваго взгляда трудолюбіе Арсенія и его эрудиція, при внимательномъ разсматриваніи дѣла, теряютъ свое значеніе. Но, еслибы и дѣйствительно проповѣди Арсенія были самостоятельнымъ трудомъ, то и въ такомъ случаѣ его литературная дѣятельность представляется не въ очень привлекательномъ свѣтѣ, особенно если сравнить ее съ дѣятельностью современныхъ проповѣдниковъ».

Сравнивая его бесѣды съ рѣчами Теофана, Стефана Яворскаго, Дмитрія Ростовскаго, такъ или иначе отзвѣвавшихся на современные явленія жизни, авторъ разбора замѣчаетъ: «ничего подобнаго мы не видѣли у Арсенія. Въ проповѣдяхъ его нѣтъ указанія ни на одно политическое происшествіе, ни на одну правительственную реформу. Заявивши такъ энергически свой протестъ противъ одного изъ важныхъ распоряженій правительства (о церковныхъ имуществахъ, уже при Петрѣ III и Екатеринѣ II), онъ во всѣмъ другимъ политическимъ и гражданскимъ событіямъ вѣка оставался какъ-бы безучастнымъ... Вѣроученіе его вращается въ сферѣ отеческихъ толкованій, или сухой схоластической отвлеченности.... Тогда какъ въ полемикѣ Дмитрія Ростовскаго противъ раскола—мы находимъ не только обстоятельное изложеніе догматовъ раскола, но и опроверженіе многихъ частныхъ раскольническихъ мнѣній и толковъ, а также знакомимся со складомъ и направленіемъ самой жизни раскола; подобнаго живаго отношенія къ послѣднему мы не видимъ въ полемическихъ бесѣдахъ Арсенія... Вообще, по его бесѣдамъ, человекъ, незнакомый съ расколомъ, составитъ самое смутное и неопредѣленное понятіе даже объ основныхъ пунктахъ раскольническаго вѣроученія. Вообще, полемика Арсенія безжизненна и суха, и трудно предположить, чтобы она имѣла живое вліяніе на слушателей. То же нужно сказать и о другихъ его бесѣдахъ нравственнаго содержанія.... Нужно думать, что, по своему однообразію, по своей сухости и безжизненности, и особенно по своей чрезвычайной растянутости, онѣ были слишкомъ утомительны для вниманія слушателей¹⁾».

¹⁾ Арсеній Мацвевичъ, какъ проповѣдникъ. Н. К.—въ. «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864, № № 35, 37, 39, 41—45, 48—52, особенно № 52, стр. 507—510. Изъ сочиненій Арсенія напечатаны весьма немногія. О нихъ смотри у Филарета: Обз. дух. литер., II, 54; «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862, III. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, Г. Н. Геннади, I, 44—45. О взглядѣ Арсенія на проповѣдь въ «Дѣлѣ», 1862, № 15, стр. 3.

До Арсенія въ его епархіи существовала уже славяно-латинская школа, основанная при архіерейскомъ домѣ его предшественникомъ (1739 г.), для которой учителя были вываны изъ Малороссіи, но, по смерти его, она пришла въ упадокъ (1742 г.), а затѣмъ была замѣнена Арсеніемъ семинаріей въ Ярославлѣ (1747 г.)¹⁾. Эта перемѣна объясняется нерасположеніемъ послѣдняго къ латинской наукѣ и его взглядомъ на потребности духовнаго образованія. Такъ, въ 1763 году, онъ писалъ: «Духовенству нужны школы и академіи, какъ въ давности было въ Греціи и теперь есть на западѣ, т. е. по знатымъ мѣстамъ въ царствующихъ городахъ, на государственномъ содержаніи, ибо знаемъ всѣ, что ученіе свѣтъ, а неученіе тьма. Но, какъ свѣтъ, отъ начала созданія всюду разсѣянный и волеблющійся, приведенъ въ порядочное состояніе тѣмъ, что сосредоточенъ въ одномъ солнцѣ, такъ и свѣту духовнаго просвѣщенія, т. е. академіямъ, не надлежитъ быть по грязямъ и болотамъ, но по знатымъ царствующимъ городамъ, какъ то и Духовный Регламентъ, если его прочесть внятно и въ тонкость, повелѣваетъ академіи быть при синодѣ на государственномъ содержаніи. А при архіереяхъ быть школамъ для священническихъ дѣтей». Эти школы, по мнѣнію Арсенія, должны быть русскія, такъ какъ въ церквахъ служба совершается по-русски, а не по-латыни и не на другомъ какомъ-либо языкѣ. «Въ нашей ростовской школѣ», замѣчаетъ Арсеній—«уже и производится такое обученіе, только вмѣсто книги, показанной въ Духовномъ Регламентѣ, которая не бывала и быть не должна, толкуется православное исповѣданіе (Петра Могилы). Книжка эта для священника нужнѣе философіи и другихъ академическихъ книгъ, а особенно по деревнямъ, гдѣ нужно работать на хлѣбъ»²⁾.

И такъ, въ одномъ случаѣ, авторъ этихъ словъ признаетъ авторитетъ Регламента обязательнымъ—тамъ, гдѣ толкованіе его, основанное «на тонкости», освобождало бы архіереевъ отъ непріятной повинности,—въ другомъ—онъ уклоняется отъ требованій того же Регламента и отвергаетъ ихъ, какъ противныя ре-

¹⁾ «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1847, годъ III, кн. 2, стр. 78, и «Ист. Іерархія», I, 444—445.

²⁾ «Чтеніи Моск. Общ. ист.» 1862 г., III, и статья И. А. Чистовича, «День», 1862 г., № 15, стр. 3.

лигіи. Точно также смотрѣло на школу большинство іерарховъ того времени, сочувствовавшее взглядамъ Арсенія.

Преданный партіи, враждебной Регламенту, Арсеній думалъ авторитетомъ лучшихъ представителей подрѣзывать собственную дѣятельность. Своими литературными трудами онъ выдвинулъ на видъ позабытыя имена Стефана Яворскаго и Теофилакта Лопатинскаго. Возраженіе его на «Молотокъ» въ значительной степени было личнымъ панегирикомъ тому же Стефану ¹⁾. Но и въ ряду своихъ предшественниковъ на ростовской кафедрѣ, Арсеній могъ найти примѣръ, которому онъ готовъ былъ слѣдовать въ своей дѣятельности, понимая послѣднюю въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ выраженіе однихъ личныхъ мнѣній. Мы говоримъ здѣсь о Димитріѣ Ростовскомъ, и на этотъ разъ мы вполне согласны съ критикомъ исторіи г. Соловьева, что между Димитріемъ и Арсеніемъ далеко не было такой рѣзкой противоположности, на какую указываетъ историкъ Россіи. Разница заключалась собственно въ томъ, что первый былъ человекъ болѣе кабинетный и ученый, между тѣмъ, какъ второй старался немедленно переносить свои мнѣнія въ дѣло. Духъ и образъ мыслей Димитрія и Арсенія, по нѣкоторымъ, весьма существеннымъ вопросамъ, почти тождественны. И Димитрій Ростовскій любилъ останавливаться на отношеніяхъ свѣтской администраціи къ духовенству и церкви; и онъ рѣшался подымать голосъ противъ распоряженій Петра Великаго съ неменьшею рѣзкостью, чѣмъ Арсеній; но особенно онъ былъ неумолимъ къ учрежденію монастырскаго приказа.—«Хощети ли грабити церковная?» восклицаетъ онъ: «Спросися Иліодора, казначея царя Селевка, иже пришелъ

¹⁾ Впрочемъ, можно удивляться тому, что нѣкоторые стремятся утвердить за «Возраженіемъ на Молотокъ» значеніе блестящей апологіи «Камня Вѣры» (статья Н. И. Барсова), тѣмъ болѣе, что и у церковныхъ писателей существуетъ уже болѣе безпристрастный взглядъ на это сочиненіе Арсенія (Чистовичъ, Теоф. Прок., 386 и 407); что его защитѣ патріаршества хотять придать характеръ доклада о лучшемъ управленіи церкви, изложеннаго съ замѣчательною ученостью (!); что въ его схоластическихъ рѣчахъ находятъ какіе-то новые пути, а въ самомъ исходѣ печальной исторіи Арсенія—результатъ того положенія, въ какомъ, по словамъ Стурдзы (еще бы!), находился синодъ, «двигавшійся по колеѣ Духовнаго Регламента и грозныхъ преданій вѣка Петра». (Ibid.) Но факты, излагаемые нами, приводятъ къ совсѣмъ инымъ заключеніямъ.

бѣ въ Иерусалимѣ грабити церковная и биенъ бысть ангельскими руками». Въ другомъ мѣстѣ онъ отзывается о военномъ сословіи, которому поручался надзоръ въ монастырскихъ имѣніяхъ, слѣдующимъ образомъ: «Моисей въ минуту негодованія на свой народъ, за измѣну истинному Богу разбилъ, сходя съ горы, скижали закона на двѣ половины, такъ что на одной остались отрицанія: не... не... де..., а на другой: убей, укради, прелюбы сотвори... Вотъ этой-то второй половины скижали и придерживаются теперь военные: убиваютъ, крадутъ, прелюбодѣйствуютъ». Въ такомъ же духѣ идутъ его обличенія на разрѣшеніе ѣсть мясо солдатамъ въ посты, допущенное при Петрѣ Великомъ, на стѣсненія монашествующихъ, на учрежденіе ассамблей ¹⁾. Не забудемъ также, что другими ближайшими предшественниками Арсенія на ростовской кафедрѣ были и Досифей Глѣбовъ, казненный при Петрѣ Великомъ по дѣлу царевича Алексея и царицы Евдокии, и Георгій Дашковъ, поплатившійся при Аннѣ Иоанновнѣ за свои честолюбивыя стремленія. Сочиненія Дмитрія Ростовскаго, безъ сомнѣнія, хорошо были извѣстны Арсенію, а мнѣніе его о церковныхъ имуществахъ обратило на себя даже особенное вниманіе послѣдняго ²⁾.

Къ Дмитрію Ростовскому Арсеній питалъ глубокое почтеніе; такимъ образомъ, по его донесенію, синодъ разрѣшилъ, въ 1752 г., открыть мощи Дмитрія Ростовскаго и тогда же поручилъ Арсенію составить службу и житіе св. Дмитрію ³⁾. Открытіе его мощей происходило въ апрѣлѣ 1757 г. ⁴⁾, а затѣмъ императрица Елисавета заказала для нихъ богатую серебряную раку. Въ это время Арсеній пользовался особымъ вниманіемъ со стороны Елисаветы Петровны. Такъ, въ мартѣ 1753 г., узнавъ о приѣздѣ ея въ Москву, онъ поспѣшилъ выразить ей сожалѣніе, что, по причинѣ болѣзни, онъ не можетъ лично предстать передъ нею, и при этомъ препроводилъ ей свои сочиненія: «Обличеніе на книгу раскольническую олонецкую» и «Возраженіе на

¹⁾ Сочиненія Дмитрія Ростовскаго, II, 235, 317, 268, 448, 453. «Русская Старина», изд. 1876 г., стр. 733—734.

²⁾ «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862 г., II, 40—44.

³⁾ Обз. духов. литерат., Филарета, 56.

⁴⁾ «Чтенія Моск. Общ. ист.» годъ III, кн. II, 39.

пашкевиль лютеранскій, на книгу Камень Вѣры сочиненный», «которыя», писалъ онъ, «не представить вашему величеству совѣсть моя мнѣ воспрещаетъ. Того ради и книги, и меня самого особенному вашему величеству разсмотрѣнію вручаю».

Въ отвѣтъ на это императрица почтила его особеннымъ знакомъ благосклонности, какъ видно изъ его благодарственнаго письма: «За превысочайшее и всемилостивѣйшее вашего величества пожалованіе меня, всеподданнѣйшаго раба и богомольца, виномъ венгерскимъ, которое я чрезъ пресвященнаго Платона Малиновскаго (возвращеннаго изъ ссылки и возведеннаго въ санъ архіепископа московскаго Елисаветой) получилъ, всепокорнѣйшее рабское мое приношу вашему величеству благодареніе и, по всемилостивѣйшему вашего величества приказу: началъ я оное вино употреблять по совѣту лекаря съ салволятилемъ и, чувствуя пользу, сосновую воду пить оставилъ. Тоже вино на приношеніе безкровныя жертвы, о дражайшемъ вашего величества здравіи и спасеніи, при моемъ служеніи будетъ употребляться (юля 1-го 1753 г.)»¹⁾.

Передъ людьми, мнѣнія которыхъ онъ раздѣлялъ, Арсеній благоговѣлъ и преклонялся, но на людей, отступавшихъ отъ установленной догмы, онъ призывалъ небесныя и земныя казни. Мы знаемъ уже, что противъ еретиковъ у него готовы были примѣры изъ «Просвѣтителя» Юсіфа Волоцкаго; а въ одномъ изъ своихъ сочиненій, Арсеній прямо указываетъ на смертную казнь, совершенную надъ дворяниномъ Возницкимъ²⁾, перешедшимъ въ Служебъ въ жидовство и принявшимъ обрѣзаніе, хотя послѣдній, по возвращеніи въ Россію, до конца отвергалъ обвиненіе его въ этой ереси, и замѣчательно, что увѣщаніе его также было поручено Арсенію; и этотъ примѣръ онъ приводитъ въ доказательство неисправленія еретиковъ³⁾. Такъ же сурово отнесся Арсеній, когда ему пришлось произнести приговоръ надъ челоуѣкомъ, уклонившимся отъ общепринятыхъ пріемовъ про-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1866 г., 50—52.

²⁾ При Аннѣ Иоанновнѣ.

³⁾ Донесеніе Арсенія по дѣлу архимандрита Владиміра Калитрафа, малоизвѣстнаго русскаго проповѣдника XVII стол., Н. И. Барсова, въ «Христ. чтенія», 1874 г., февр. и апр., и отдѣльно, стр. 33. В. И.

повѣдичества и заявившимъ открыто о необходимости болѣе духовнаго пониманія религиозныхъ вопросовъ. Мы говоримъ о Владимірѣ Каллиграфѣ, состоявшемъ сначала учителемъ риторики въ кievской академіи, а потомъ префектомъ и учителемъ философіи и богословія въ московской академіи. 21-го мая 1757 г., онъ произнесъ въ одной изъ московскихъ церквей слово, въ которомъ рѣшился прямо напасть на привязанность русскихъ къ религиозной обрядности и внѣшности. «Пускай», говоритъ онъ, «кому угодно различныя суетвѣрія вымышляютъ, пускай на однихъ святыхъ, на иконы ихъ или на Богоматерь всю надежду свою полагаютъ; однако, твердо такому скажу, что ежели въ немъ не будетъ мудрствоваться тоже, что въ Иисусѣ Христѣ, его вѣчная мука ожидаетъ. Укрась, какъ хочешь, икону Богоматери, кричи, сколько у тебя мочи: «радуйся, благодатная Марія», а самъ о той благодати не старайся, промели на всякій день по десять или по двадцать кратъ акаѳистъ Богородицѣ, а самъ сына ея возлюбленнаго грѣхами распинай, никакой не получишь пользы».

Такая рѣчь крайне смутила Москву, а молва разнесла о ней вѣсть до Петербурга, Ярославля и Ростова... Московская синодальная контора подвергла эту рѣчь экстренному обсужденію, а въ самомъ синодѣ—одни члены признали въ ней иконоборческія идеи и полагали уже запретить Каллиграфу дальнѣйшее преподаваніе богословія, но другіе обратили вниманіе на всю рѣчь и вовсе не нашли въ ней того вреднаго направленія, какое приписывали автору. На этотъ разъ его обязали только произнести, при случаѣ, другое слово въ защиту иконъ, что онъ и сдѣлалъ. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ этого происшествія, его послали было архимандритомъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей (въ Устюгъ), но затѣмъ вызвали въ Петербургъ и назначили ректоромъ семинаріи въ Ярославль (въ іюль 1759 г.). Здѣсь то его ожидала надлежащая кара. Арсеній, имѣвшій уже въ своихъ рукахъ списокъ съ московской проповѣди Каллиграфа, потребовалъ отъ автора публичнаго отреченія отъ своихъ мнѣній и признанія ихъ еретическими, а затѣмъ запретилъ ему служить съ собою и ѣздить къ нему, Арсенію, въ домъ. Въ проповѣди Каллиграфа Арсеній видѣлъ явное «жидовство и кальвинство», чего «не могъ стерпѣть ему по совести»; приравнивалъ его къ названному выше Возницыну и даже не хотѣлъ признавать его «за

христіанина», хотя Каллиграфъ и объяснялъ ему, что синодъ не нашель въ его мнѣніяхъ никакой ереси и вторую проповѣдь велѣлъ произнести только «для простыхъ-де». Въ такомъ положеніи виновный обратился за объясненіемъ въ синодъ, но Арсеній послалъ съ своей стороны донесеніе, въ которомъ просилъ освободить его и епархію отъ такого волка и врага Божія. Но онъ не считалъ нужнымъ ждать рѣшенія, а поспѣшилъ отрѣшить Каллиграфа отъ управленія монастыремъ и велѣлъ выдавать ему одно пропитаніе, ссылаясь, въ донесеніи синоду, на власть архіерейскую, данную ему отъ Бога и императрицы. Синодъ вынужденъ былъ назначить комиссію для разсмотрѣнія этого дѣла, хотя и выразился, что самъ такой вины за подсудимымъ не признаеть, а потому оставилъ за нимъ и управленіе монастыремъ. Однако обвиняемый не дожидъ до полного оправданія: въ августѣ 1760 г., онъ скончался отъ апоплексическаго удара въ Сергіевской лаврѣ.

По смерти Каллиграфа была составлена опись его имущества и библиотеки, для продажи съ аукціона. Библиотека эта состояла изъ 80-ти сочиненій (до 100 томовъ) по богословію, философіи и словесности, на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и славянскомъ языкахъ. Составъ ея знакомитъ насъ съ характеромъ занятій и образомъ мыслей печальной жертвы ревности не по разуму Арсенія. Въ числѣ книгъ, поминovanýchъ въ описи, мы находимъ ученые изданія библіи—католическія и протестантскія, сочиненія Еразма Роттердамскаго (*Epistolae etc.*), Буддея (*Theologia moralis*, въ которому читалъ уваженіе Теофанъ Прокоповичъ), Рейхлина (*Biblia hebraica*), Adami Scherzeri (*Colloquium antisocinianum, systema theologica*), Salomonis glossii (*Philologia sacra*), Баумейстера (*Institutiones metaphysicae etc.*), Епиктета (*Enchiridion graeco-latinum*), Канта (*Philosophia fundamentalis*), у. Вартистае (*Opera philosophica*), Норація Поэмата, Лактанція (*opera omnia*), Р. Сунечи (*orationes*), Стоцис, *clavis linguae sacrae*, Вүхнера *Epistolae* и др. Отсюда можно вывести заключеніе, что Каллиграфъ былъ одинъ изъ тѣхъ ученыхъ богослововъ, рядъ которыхъ отерываетъ самъ Теофанъ Прокоповичъ. Часть денегъ, вырученныхъ отъ продажи его библиотеки, пошла въ уплату долга за медикаменты, взятые изъ

лаврской аптеки, а часть выдана прислугѣ; но имущества у Каллиграфа почти не оказалось ¹⁾.

Историки церковной словесности признаютъ въ рѣчахъ Каллиграфа стройность изложенія, силу аргументаціи, меткое изображение современныхъ нравовъ, — качества, выдвигающія автора изъ общаго уровня современныхъ проповѣдниковъ, а ихъ было не мало въ царствованіе Елисаветы ²⁾. Въ приговорѣ Арсенія надъ дѣятельностью Владиміра Каллиграфа выразилась полнѣйшая его нетерпимость въ религіозныхъ мнѣніяхъ. Выходя изъ положенія: «не мнози учителя бывайте» — онъ полагалъ, что лучше народу вовсе быть безъ наставленія, или читать старыя печатныя произведенія, нежели сѣять плевелы по злонамѣренности или заблужденію ³⁾, какими онъ считалъ, конечно, не только настоящую жертву своего приговора, но и всякаго мало-мальски умолнивавшагося отъ рутинной колеи его собственныхъ литературныхъ традицій. Но приговоръ синода по этому дѣлу ясно показываетъ, что въ средѣ іерархій могла существовать иная точка зрѣнія на мнѣнія, осужденныя Арсеніемъ. Строгий ригористъ въ исполненіи религіозной буквы и суровый аскетъ въ своихъ требованіяхъ ⁴⁾, онъ былъ такимъ же мелочнымъ бюстителемъ власти и въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Правда, то было время, когда и въ средѣ дворянства, и въ средѣ высшаго духовенства еще вполне господствовали патриархальныя нравы, когда грубый произволъ и неуваженіе личности встрѣчались на каждомъ шагѣ. Даже вблизи Москвы помѣщики держали себя въ отношеніи къ низшему духовенству полновластными господами, заставляли священниковъ стоять передъ ними безъ шапокъ и подвергали ихъ побоямъ, хотя при Елисаветѣ, какъ стро-

¹⁾ Исторія этого дѣла и обѣ рѣчи Владиміра Каллиграфа въ указанной статьѣ Н. И. Барсова, стр. 1—73.

²⁾ По библиографическимъ свѣдѣніямъ, за ея царствованіе насчитываютъ ихъ до 40, число же произнесенныхъ словъ съ 1741—1754 г., доходитъ до 120 (Ibid, стр. 19—23).

³⁾ «День» 1861 г., № 15, стр. 3.

⁴⁾ Въ распоряженіяхъ по епархіи Арсеній не разъ настаиваетъ на обученіи народа молитвамъ и на толкованіи катехизиса, но большую часть религіозныхъ требованій онъ низводитъ на мелочное выполненіе постовъ, поклоновъ и т. п. См. «Рус. Архивъ», 1863 г., 376—380, а также его рѣчи въ «Яросл. Епарх. Вѣд.».

гой блюстительницѣ церковныхъ правъ, духовный санъ былъ огражденъ отъ подобныхъ фактовъ весьма строгими постановленіями, а виновные подвергались жестокимъ наказаніямъ, какъ ссылка на вѣчное житіе въ монастырь, назначеніе на 10 лѣтъ въ казенныя работы, или наказанію 6,000 ударовъ шпицрутенами ¹⁾. Но и высшая іерархія не лучше относилась къ своимъ подчиненнымъ. Въ циркулярѣ устюжскаго епископа Варлаама (Скамницкаго), прославившагося своею неуживчивостью и грубостью нрава, за самыя мелкіе проступки клира назначаются «наижесточайшія тѣлесныя наказанія»; занявшись же устройствомъ архіерейскаго села Богородскаго, онъ назначилъ на работы провинившихся духовныхъ лицъ: такъ, ихъ руками были вырыты пруды, которые своими излучинами изображали вензель архіерея (Е. В.). Подобными же дѣйствіями заявили себя вологодскій епископъ Серапіонъ Лятошевичъ, тобольскій епископъ Павелъ Конюсевичъ и епископъ тамбовскій Пахомій ²⁾. Не менѣе характеристичны нѣкоторые типы этого рода администраторовъ, представленныя въ весьма замѣчательныхъ запискахъ Добрынина ³⁾, какъ напримѣръ, сѣвскаго епископа Кирилла Флоринскаго, человека, по своему времени, ученаго, но въ обращеніи съ подчиненными не разбравшаго ни мѣста, ни времени.

«Этотъ преосвященный», пишетъ Добрынинъ, «всегда и даже въ самомъ священнодѣйствіи обыкновенно доходилъ до такого поворота, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ трикиріями бороду подожжетъ, иному влобъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь крикѣ бранными словами, гдѣ бы то ни было: въ алтарѣ, или среди церкви, а особенно въ ту пору, когда его облачаютъ въ священныя одежды. Можно сказать, что онъ тогда похожъ

¹⁾ Ист. моск. епарх. управ., Н. Розанова, гл. II, отд. I, стр. 181, прим. 456; Знаменскій, Приход. духовенство, 454—455. Законодат. импер. Елисаветы относительно православнаго духовенства. «Прав. Обзор.», 1865 г.

²⁾ Знаменскій, 610—611. О дѣйствіяхъ Павла Тобольскаго, см. сообщеніе Ф. А. Терновскаго, на основаніи синод. архива, въ «Чтен. общества». Лѣтописца Нестора, т. I.

³⁾ См. «Русскію Старину» изд. 1871 г. томъ III и IV.

бываетъ на храбраго воина, отбивающагося отъ окружающихъ его непріятелей»¹⁾).

Говорятъ, что и Амвросій Зертисъ-Каменскій, бывши епископомъ переяславскимъ и членомъ московской синодальной конторы, распорядился было высѣчь, въ присутствіи всей академіи, и выгнать молодаго катихизатора ея Платона Левшина—будущаго митрополита московскаго, за найденныя будто бы въ его проповѣдяхъ предосудительныя мѣста²⁾. Таковы, наконецъ, дѣйствія прославленнаго Екатериною II, въ письмахъ Вольтеру, Дмитрія Сѣченова, бывшаго при Елисаветѣ епископомъ нижегородскимъ, извѣстнаго намъ уже по своей миссіонерской дѣятельности. Такъ, онъ держалъ одного священника 6 лѣтъ въ оковахъ въ тюрьмѣ, билъ его «смертными побоями», деньги его забралъ себѣ, домъ раззорилъ, заставилъ отца и сына 11-ти лѣтъ оставаться безъ пропитанія, зато только, что отецъ не хотѣлъ, по принужденію архіерея, принять монашество³⁾. Будучи ростовскимъ митрополитомъ, Арсеній издалъ распоряженіе, чтобы провинившихся священниковъ наказывать веревками, обмоченными въ горячую смолу, на концѣ которыхъ навертывать проволоку въ видѣ когтей. Такія плети назывались тогда кошками⁴⁾ и этими кошками или «цѣпками», какъ называетъ ихъ Арсеній, былъ наказанъ при ростовской консисторіи одинъ заказчикъ (благочинный) за то, что въ его участкѣ, въ селѣ Сочилѣ, во время проѣзда Арсенія, «было усмотрѣно на престолѣ много пыли», а священникъ этой же церкви былъ сосланъ на вѣчное житіе въ монастырь⁵⁾. Въ бывшей ростовской епархіи, несмотря даже на послѣдующую, печальную участь Арсенія, о немъ сохранились самыя невыгодныя преданія. Права онъ былъ строптиваго, рассказываютъ о немъ, въ сужденіяхъ и словахъ былъ самона-

¹⁾ «Русская Старина», 1871, 150, 252—253 и др.

²⁾ Правосл. Соб. 1876, февраль. Чтенія Знаменскаго по исторіи церкви при Екатеринѣ II, 110.

³⁾ Дѣло это въ настоящее время разъяснилось, и прославленный либерализмъ Дмитрія Сѣченова долженъ сильно пострадать. Экстрактъ изъ него см. въ «Древ. и Нов. Росс.», 1878, № 3; прошеніе сына въ «Церк. Обл. Вѣст.», № 50, и замѣтка о немъ «Древ. и Нов. Россіи», № 6.

⁴⁾ Чтенія Моск. Общ. ист., 1862, II, смѣсь 3—4.

⁵⁾ «Гусскій Архивъ», 1863, стр. 378—380.

дѣянъ и дерзости, съ подчиненными бранился неприличными словами; бывали случаи жестокой своеручной расправы, и жизнь онъ велъ не совсѣмъ монашескую ¹⁾). Но зато Арсеній являлся не менѣе грознымъ защитникомъ своихъ подчиненныхъ, если на нихъ посягала посторонняя власть. Узнавъ, что одинъ помѣщикъ его епархіи, будучи недоволенъ на своего священника, заставилъ его славить Христа въ своемъ хлѣбѣ, Арсеній пригласилъ помѣщика къ себѣ откушать хлѣба-соли, но какъ-только онъ вошелъ въ покои, его схватили и высѣли плетми до полусмерти ²⁾). Эти факты обрисовываютъ Арсенія, какъ архіерея администратора, преобладающею чертою котораго является крайнее самообольщеніе властью, не признававшюю рядомъ съ собою никакихъ другихъ правъ и мнѣній, а зная эти факты, едва-ли можно находить въ его личности какія-либо «сѣмена» чего-то высшаго, которыя побуждали его «на высшій подвигъ» и могли бы заставить «историка» отыскивать въ жизни и дѣятельности этого лица преимущественно поучительныя страницы, достойныя подражанія ³⁾).

Кіевъ.

В. С. Иконниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ «Ежегодникъ владим. статистич. комитета», вып. I, и «Древ. и Нов. Россія», 1876, № 12, стр. 415—416.

²⁾ «День», 1864, № 11.

³⁾ «Русская Старина», изд. 1876, статья Н. И. Барсова, томъ XV, стр. 724.
В. И.

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II

1762—1796 гг.

VIII ¹⁾).

Однoдворцы.

Пожеланія однoдворцевъ относительно землевладѣнія. — Просьба объ уравни-
тельномъ раздѣлѣ по душамъ. — Продажа земель продолжается и послѣ ме-
жевой инструкціи. — Споры между курскими однoдворцами о поземельномъ
устройствѣ и предложеніе мѣстной администраціи ввести среди нихъ общин-
ное землевладѣніе. — Переходъ нѣкоторыхъ однoдворцевъ отъ подворнаго къ
общинному пользованію землею.

Представивъ въ предъидущей главѣ характеристику поземель-
ныхъ отношеній однoдворцевъ, мы укажемъ теперь на то, какія
желанія по этому предмету высказаны были ими въ наказахъ своимъ
депутатамъ въ комиссію для составленія новаго уложенія. Прежде
всего въ нѣкоторыхъ наказахъ мы находимъ выраженіе недовольства
тою нормою земельного надѣла, которая установлена была межевою
инструкціею для однoдворцевъ, поселившихся на «порозжихъ» госу-
дарственныхъ земляхъ. Какъ мы уже знаемъ, предписано было да-
вать по 32 десятины на дворъ, считая въ каждомъ по 4 души, да
въ виду будущаго увеличенія народонаселенія, тамъ, гдѣ это возмож-
но, еще по 28, всего по 60 десятинь. Однoдворцы Одоевского уѣзда
находили надѣлъ въ 32 десятины на дворъ недостаточнымъ, разсу-
ждая такимъ образомъ: подъ усадьбу, выгоны, сѣнные покосы и лѣс-
ныя угодыя слѣдуетъ считать половину земли; тогда, во всѣхъ
трехъ поляхъ, на каждую душу останется по 4 десятины, т. е. по
1½ десятины въ каждомъ полѣ, а этого будетъ, по ихъ мнѣнію,

¹⁾ См. «Р. С.», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 1—40, 247—266, 377—396.

мало не только для обезпеченія исправнаго платежа податей, но и на одно пропитаніе. Они желали, чтобы дано было по 60 десятинъ на дворъ, да еще столько же для будущаго прироста населенія. Однодворцы Тамбовской провинціи считали недостаточнымъ даже надѣлъ по 15 десятинъ на душу и просили оставлять въ ихъ владѣніи, гдѣ окажутся, примѣрныя дачи. Изъ этихъ заявленій не слѣдуетъ, впрочемъ, дѣлать вывода, что въ то время у однодворцевъ было земли болѣе, чѣмъ по 15-ти десятинъ на душу; напротивъ того, именно относительно Одоевского уѣзда мы имѣемъ свидѣтельство наказа тамошнихъ дворянъ о сильномъ малоземельѣ однодворцевъ. Если же они запрашивали у правительства такіе большіе надѣлы, то это, очевидно, находится въ связи съ жалобами, высказанными ими въ томъ же наказѣ на то, что помѣщики закупили у нихъ множество земель послѣ запретительнаго указа 1727 года; они надѣялись, что, установивъ значительную норму поземельнаго надѣла для однодворцевъ, правительство не признаетъ этихъ продажъ, какъ сдѣлано было въ межевой инструкціи, а возвратитъ проданныя земли прежнимъ владѣльцамъ. Въ наказѣ Тамбовской провинціи мы также, наряду съ желаніемъ сохранить лишнія противъ назначеннаго количества земли, встрѣчаемъ заявленія о томъ, что многіе однодворцы распродали свои участки помѣщикамъ. Нужно думать поэтому, что лишнія земли могли оказаться лишь у нѣкоторыхъ богатыхъ однодворцевъ, скупившихъ надѣлы своихъ обнищавшихъ товарищей; это видно и изъ просьбы тамбовскихъ однодворцевъ объ отдачѣ имъ дикихъ, порозжихъ земель, если такія найдутся поблизости, со взысканіемъ цѣны, назначенной правительствомъ.

Во многихъ наказахъ однодворцы просили о томъ, чтобы каждое ихъ селеніе было отмежевано отъ помѣщичьихъ владѣній особою окружною межою по прежнимъ межевымъ документамъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ заявляли, что затѣмъ внутреннее размежеваніе они произведутъ сами безспорно. Но для того, чтобы выдѣлить однодворческія земли отъ помѣщичьихъ въ особую окружную межу или даже восстановить прежнія границы ихъ владѣній, нужно было отобрать у помѣщиковъ земли, купленныя ими послѣ указа 1727 г., а также захваченныя самовольно, и дѣйствительно объ этомъ мы находимъ не мало просьбъ. Воронежскіе однодворцы просили отобрать у помѣщиковъ и чиновниковъ купленныя и присвоенныя ими земли, перевести оттуда переселенныхъ на нихъ крестьянъ и созданныхъ малороссіянъ и впредь запретить всѣмъ покупку однодворческихъ земель; о томъ же ходатайствовали жители Шацкой провинціи и нѣкоторые другіе. Козловскіе однодворцы желали, чтобы выслали на

жителство въ города и купцовъ, занимавшихся среди нихъ хлѣбопашествомъ, устроившихъ скотные дворы, пчельники и т. п.

Понятно также, что однодворцы были недовольны указомъ правительства (1762 г.) о продажѣ помѣщикамъ казенныхъ засѣкъ, и, дѣйствительно, приведеніе въ исполненіе этого распоряженія должно было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставить однодворцевъ въ безвыходное положеніе, какъ видно изъ слѣдующаго заявленія. Однодворцы г. Нижняго-Ломова и трехъ селъ того же уѣзда жили подлѣ казенной засѣки; если она будетъ продана помѣщикамъ, то уже намъ, говорятъ однодворцы, «никакого скота выпустить будетъ не можно, ибо оныя помѣщики тотъ нашъ скотъ завсегда будутъ бить и, загоняя къ себѣ, взскивать потраву, и чрезъ то не ино что можетъ послѣдовать, какъ только одна ссора и крайняя обида». Такъ какъ эта засѣка находилась посреди ихъ дачъ и имъ приходилось прогонять чрезъ нее скотъ для пастьбы, то нижнедомовскіе однодворцы просили передать ее въ ихъ владѣніе въ виду недостатка у нихъ выгонной земли. Мы знаемъ, что однодворцы хлопотали также о запрещеніи помѣщикамъ пользованія тѣми казенными лѣсами, въ которыхъ они сами имѣли право въѣзда.

Если норма, установленная правительствомъ относительно надѣла однодворцевъ землею, казалась нѣкоторымъ изъ нихъ недостаточною, если для нихъ было весьма непріятно распоряженіе о продажѣ казенныхъ засѣкъ помѣщикамъ, то зато мѣры межевой инструкціи, ограничивавшія продажу однодворческихъ земель только однимъ ихъ сословіемъ, были встрѣчены сочувственно. Воронежскіе однодворцы просили, чтобы помѣстныя ихъ земли можно было продавать только «своей братьѣ однодворцамъ, а не постороннимъ»; они одобряли также распоряженіе межевой инструкціи, воспрещавшее перепродажу въ постороннія руки земель, на которыхъ они были положены въ подушный окладъ, такъ какъ такимъ образомъ помѣщики не будутъ уже болѣе вѣдраться въ «однодворческую округу» и причинять имъ прежнія обиды. Елецкіе однодворцы просили брать въ рекруты тѣхъ, которые будутъ распродаютъ свои земли, а козловскіе желали даже, чтобы виновные въ этомъ наказывались исключеніемъ изъ однодворческаго общества и ссылкой, съ тѣмъ, чтобы продажа была признана недѣйствительною и земля была оставлена родственникамъ виновнаго. Что касается наслѣдства вдовъ и дочерей въ недвижимомъ имуществѣ, то однодворцы желали, чтобы, при отсутствіи сыновей, дочери пользовались землями, неся подать за отца и другихъ, положенныхъ въ подушный окладъ, а также, чтобы мачиха получала указную часть изъ недвижимаго иму-

щества, но только въ томъ случаѣ, если онѣ не выйдутъ замужъ за людей другихъ сословій.

Однако, однодворцы нѣкоторыхъ мѣстностей шли въ своихъ наказахъ далѣе мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ межевой инструкціи. Полное запрещеніе перепродажи не только постороннимъ, но и среди своего сословія, тѣхъ земель, на которыхъ однодворцы были положены въ подушный окладъ, могло, разумѣется, до нѣкоторой степени уменьшить дальнѣйшее развитіе поземельнаго неравенства, но не прекращало его совершенно, такъ какъ остальные земли однодворцы могли продавать своимъ товарищамъ. Нѣкоторые предлагали гораздо болѣе рѣшительную мѣру, а именно однодворцы Керенскаго уѣзда, Шацкой провинціи, желали передѣла земли между всѣми ними поровну. «Однодворческія наши земли и угодыя во всѣхъ селеніяхъ и погостахъ не повелѣно-ль будетъ»—писали они въ своемъ наказѣ,— между собою, для уравнительнаго содержанія къ общей безобидной тягости, раздѣлить по написанному въ подушный окладъ числу душъ, по скольку на каждую душу достаться можетъ по наличности нашей однодворческой земли, отчего всякій можетъ быть безобиденъ и въ платѣжахъ состоятеленъ». Мѣстами такой раздѣлъ, повидимому, казался полезнымъ и мѣстной администраціи; вотъ что, по крайней мѣрѣ, писала ливенская воеводская канцелярія (г. Ливны—Елецкой провинціи) въ пунктахъ, присланныхъ ею въ комиссію уложенія: «многіе однодворцы, оставя свои писцовыя усадьбы въ селѣхъ и деревняхъ.... селятся отъ тѣхъ селъ и деревень въ тѣхъ же округахъ въ дальнемъ разстояніи, порознь двора по два и по три, избирая себѣ лучшія въ тѣхъ урочищахъ мѣста, гдѣ кто похочетъ, и тѣмъ поселеніемъ оставшимъ на старыхъ усадьбахъ обывателямъ чинятъ въ сѣнныхъ покосахъ и въ береженіи лѣсовъ крайнія обиды и развореніе»; канцелярія предлагала, «не повелѣно-ль будетъ всѣхъ однодворцевъ свести на старыя ихъ писцовыя усадьбы и поселить въ одномъ мѣстѣ и нахатныя ихъ земли учинить поклинно». Но равный раздѣлъ земель былъ, разумѣется, невыгоденъ самымъ зажиточнымъ однодворцамъ, и они должны были всячески воставать противъ него. Такъ, напримѣръ, однодворцы Свияжскаго уѣзда считали несправедливымъ такой раздѣлъ, по которому равное съ другими количество получали и тѣ изъ нихъ, которые распродали свои земли, и просили, чтобы «изъ старыхъ ихъ земель» не давать имъ равной части, а надѣлять ихъ только въ томъ случаѣ, если возвращены будутъ отъ помѣщиковъ проданныя ими участки или примежеваны новыя земли.

Совершенно инныя мѣры относительно однодворческихъ земель

предлагали въ комисіи уложенія дворяне. Заявляя, напрімѣръ, что онодворцы Тульской провинціи и Одоевского уѣзда крайне страдаютъ отъ недостатка земли, бѣльшая часть которой была распродана ихъ предками, они находили полезнымъ переселить ихъ туда, гдѣ имѣются «дикія порожія земли», напрімѣръ, въ Воронежскую губернію, а ихъ прежнія владѣнія распродать дворянамъ.

Несмотря на то, что межевою инструкціею было запрещено онодворцамъ продавать постороннимъ лицамъ какія бы то ни было свои земли, такая продажа совершалась иногда съ помощью различныхъ ухищреній. Въ Орловской губерніи посредниками, въ этомъ случаѣ, являлись онодворцы, дослужившіеся до офицерскихъ чиновъ; они покупали земли у своихъ товарищей по праву онодворческому, а затѣмъ, пользуясь правами своего чина, перепродавали ихъ дворянамъ. Орловскій и курскій губернаторъ князь Прозоровскій нашелъ нужнымъ въ 1782 году положить предѣлъ этому «расхищенію онодворческихъ, слѣдственно, и казенныхъ земель».—«Расхищеніе—разумію я потому»—объясняетъ онъ въ своемъ предложеніи намѣстническому правленію, «что онодворцы или по несмысленности своей, или лѣстясь, что при межеваніи дадутся имъ вновь земли, продаютъ имѣвшіяся, ни мало не думая о томъ, что они остаются безземельны, а выслужившіеся, найдя способъ таковыми землями производить торгъ, всячески домогаются о покупкѣ. Прекращеніе сего зла сколь нужно къ сбереженію казенныхъ земель, столько жъ и для того, чтобъ за распродажею земель онодворцы не пришли въ несостояніе платить государственныя подати». Поэтому онъ предлагаетъ намѣстническому правленію предписать, чтобъ онодворческія отсутственныя земли продавались не иначе, какъ согласно съ 18 п. XIX гл. межевой инструкціи, т. е. 1) чтобъ продающій сверхъ отчуждаемой имъ земли имѣлъ по 8-ми десятинъ на каждую душу м. п. своего семейства, и еще сверхъ того, для будущаго прироста населенія, 28 десятинъ на дворъ, и 2) чтобъ земли продавались дѣйствительно онодворцамъ, а не тѣмъ изъ нихъ, которые, дослужившіеся до офицерскихъ чиновъ, должны считаться дворянами. Правда, оговаривается Прозоровскій, по межевой инструкціи земли такихъ выслужившихся, когда они живутъ вмѣстѣ съ онодворцами, вѣдно межевать къ селеніямъ безразлично со всѣми другими онодворческими землями, но это не даетъ еще права такимъ офицерамъ изъ онодворцевъ на покупку земель отъ остальныхъ своихъ товарищей и на продажу ихъ дворянамъ.

Въ Курской губерніи среди онодворцевъ происходили сильныя споры и несогласія по различнымъ вопросамъ, касающимся землевладѣ-

нія. Во первыхъ, споры возбуждали «примѣрныя», т. е. лишнія, сравнительно съ прежними межевыми документами земли, которыя оказались при производствѣ генеральнаго межеванія. Одни изъ однодворцевъ желали, чтобы эти «примѣрныя» земли были раздѣлены поровну между всѣми жителями ихъ селеній, положенными въ подушный окладъ по 4-й ревизіи; но какъ другіе ихъ товарищи, такъ и дворяне, имѣвшіе во многихъ мѣстахъ черезполосное владѣніе съ однодворцами, возражали на это, что примѣрныя земли пожалованы правительствомъ всѣмъ тѣмъ владѣльцамъ, которые безспорно разведутся въ своихъ дачахъ съ сосѣдями; а обмежеванными теперь дачами владѣютъ не только потомки прежнихъ помѣщиковъ, но и другихъ родовъ однодворцы, а также дворяне, изъ которыхъ одни сами приобрѣли себѣ эти земли мѣною или покупкою, а другіе унаследовали отъ предковъ, получившихъ ихъ тѣмъ же способомъ. Такіе люди не соглашались раздѣлить примѣрныя земли между всѣми положенными въ подушный окладъ, а владѣли ими по количеству земли, принадлежащей каждому («произведенныхъ въ дачи четвертей»). Второй спорный вопросъ составляло раздѣленіе земель въ каждомъ однодворческомъ родѣ. Хотя помѣстныя земли, которыми были верстаны служилые люди по писцовымъ, дозорнымъ, отказнымъ и разборнымъ книгамъ, теперь были отмежеваны уже не порознь, а къ различнымъ селеніямъ, но однодворческіе роды владѣли ими по-прежнему, т. е. «безъ уравниенія на участки положенныхъ въ каждомъ родѣ въ подушный окладъ м. п. душъ, а дѣлятся и состоятъ во владѣніи понынѣ наподобіе имѣній дворянскихъ, каждое въ своемъ родѣ, по линиямъ наследственнымъ». Но такъ какъ, сравнительно съ прежнимъ, народонаселеніе значительно увеличилось, а земли, напротивъ, стало менѣе, вслѣдствіе перехода немалого количества ея во владѣніе помѣщиковъ, и такъ какъ подати раскладывались не по землѣ, а по душамъ, то весьма многіе однодворцы находили, что раздѣленіе земли «въ каждомъ родѣ по наследственнымъ линиямъ» весьма неуравнительно и крайне несправедливо по отношенію къ много-семейнымъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ эта часть однодворцевъ приводила въ примѣръ двухъ наследниковъ, получившихъ на свою долю по 5-ти десятинъ земли; но одинъ изъ нихъ платитъ подати за одну душу, а другой за многихъ, да къ тому же еще малолѣтнихъ. Высшимъ начальствомъ предписано, говорили они, чтобы за подати отвѣчало цѣлое селеніе или общество, но это можетъ быть выполнено только тамъ, гдѣ, «имѣя общественныя въ земляхъ дачи» (т. е. при существованіи поземельной общины), дѣлятъ земли по тягламъ, т. е. выключая стариковъ и малолѣтнихъ, по числу людей,

могущихъ работать, каждому поровну, на которыхъ зато и раскладываютъ и всё подати за цѣлое общество. У нихъ же «земли родовыя и въ дачу каждому предку ихъ лично произведенныя, которыя отъ потомства и дѣлятся каждая дача въ своемъ родѣ.... по правиламъ, о наслѣдствѣ узаконеннымъ». Тѣ изъ однодворцевъ, которые находили такой порядокъ неудобнымъ, просили, чтобы «родовыя и предковъ ихъ помѣстныя земли повелѣно было дѣлить въ каждомъ родѣ особо, не по наслѣдственнымъ линіямъ, но по равнымъ участкамъ для каждой души, платящей подати»; другіе же на это не соглашались, находя, что передѣлъ земли поровну между всѣми членами одного рода «удалитъ всю справедливость», такъ какъ ихъ предки дѣлили между собою эти помѣстныя дачи по правиламъ, установленнымъ относительно раздѣла недвижимыхъ имѣній, и затѣмъ одни увеличили свою часть покунками и иными способами, а другіе продали нѣкоторые изъ своихъ «жеребьевъ», а нѣто и всё свои земли; въ виду этого, вторая партія просила оставить прежній порядокъ раздѣла.

Тѣ однодворцы, которые вовсе не имѣли «крѣпостныхъ дачъ», или имѣли ихъ мало, потому что ихъ роды размножились, просили раздѣлить земли, примезжаванныя въ дачи къ ихъ селеніямъ, поровну на число душъ, платящихъ подати, заявляя, что это единственный способъ настолько поправить «упадшее по недостатку земель ихъ состояніе». чтобы они могли бездомночно отпирать государственныя повинности. Но и это желаніе возбуждало противодѣйствіе другой партіи, объясняющееся тѣмъ, что однодворцы нерѣдко владѣли землями не только близъ своего селенія, но и въ дачахъ, отмежеванныхъ къ другимъ деревнямъ (такъ называемыя отсутственныя земли). Представители этой партіи возражали, что такимъ раздѣломъ будетъ нарушено право собственности однодворцевъ на отсутственныя земли, пріобрѣтенныя ими съ дозволенія правительства. «Многіе изъ собратій ихъ»,—говорила эта партія, «не только въ разныхъ селеніяхъ единой округи, но и другихъ земляхъ, какъ по крѣпостямъ, такъ и по дѣйствительному владѣнію, участіе имѣютъ, хотя сами пребываютъ и по переписи состоятъ токмо въ одномъ какомъ либо селеніи», и просили мѣстныхъ властей, чтобы «таковыхъ собственныхъ земель ихъ въ раскладку на души не полагать, но оставить оныя за ними».

Курскій директоръ экономіи, изучая землевладѣніе однодворцевъ, нашелъ, что они владѣютъ землями не только не уравнительно, относительно числа душъ, положенныхъ въ подушный окладъ, но что около четверти ихъ не имѣетъ даже никакой другой земли, кромѣ

усадебной. Эти безземельные прежде пользовались самовольно захваченными участками земли, что было возможно при неопредѣленности границъ поземельныхъ владѣній; но, когда народонаселеніе размножилось, а затѣмъ и земли были точно разграничены генеральнымъ межеваніемъ, отъ этого пришлось отказаться. При такомъ положеніи трудно надѣяться на исправное отбываніе повинностей безземельными однодворцами, такъ какъ имъ приходится нанимать земли по дорогой цѣнѣ; къ тому же иногда одному работнику приходится платить подати за пять, за шесть душъ вслѣдствіе того, что однодворцы не раскладывали на все общество платежа за стариковъ и малолѣтнихъ. Хотя курское намѣстническое правленіе и ввело отвѣтственность всего селенія за исправное отбываніе податей, но при отсутствіи общиннаго землевладѣнія и раскладки повинности по тягламъ, это нисколько не улучшило положенія бѣдняковъ, такъ какъ зажиточные однодворцы, принужденные внести за нихъ подать, чтобы возратить свои деньги, заставляли ихъ идти въ батраки и такимъ образомъ лишали ихъ возможности обрабатывать свои собственныя поля. Зато однодворцы, у которыхъ было немало родовыхъ и купленныхъ земель, вполне благоденствовали: воздѣлывая часть ихъ сами, они отдавали излишніе участки безземельнымъ или промышленникамъ для пастьбы скота; для обработки своихъ отсутственныхъ или отхожихъ земель, они также сами навѣзали туда, или посылали своихъ крестьянъ, а нѣто продавали ихъ, закладывали и т. п. Директоръ экономіи находилъ необходимымъ не останавливаться на тѣхъ полумѣрахъ, которыя предлагались самими однодворцами въ родѣ раздѣла родовыхъ земель поровну между членами каждаго рода; онъ считалъ неизбѣжною мѣру, болѣе рѣшительную, а именно введеніе общиннаго землевладѣнія съ передѣлами земли. «Настоятъ немалая надобность»—писалъ онъ—«чтобы между рода сего людьми послѣдовало во владѣніи земель уравненіе, наподобіе дворянскихъ, экономическихъ и прочихъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, дѣлящихъ земли въ дачахъ селеній своихъ, въ каждомъ особо поровну, т. е. по числу въ тѣхъ селеніяхъ положенныхъ м. п. душъ», такъ какъ однодворцы несутъ равную съ ними подать. Но мѣстная администрація не рѣшалась приступить къ осуществленію такой важной мѣры безъ разрѣшенія свѣше, и потому курская казенная палата просила о томъ сенатскаго указа. Сенатъ рѣшилъ потребовать мнѣнія по этому вопросу орловскаго и курскаго генераль-губернатора Дебальмена; къ величайшему сожалѣнію, его отвѣтъ и вообще дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ неизвѣстны.

Очень важно было бы прослѣдить, не перешли ли гдѣ-либо однодворцы отъ подворнаго землевладѣнія къ общинному; отрывочныя указанія на это есть, но, къ сожалѣнію, ихъ слишкомъ мало. Такъ, напримѣръ, Гакстгаузенъ говоритъ относительно однодворцевъ Загорской волости, Тамбовской губерніи, что «земля дѣлится у нихъ по русскому общинному принципу, т. е. подушно. Прежде земля давалась имъ не поровну, а смотря по заслугамъ отдѣльныхъ лицъ, но теперь это осталось только въ преданіи». Отъ остальныхъ крестьянъ они отличаются только тѣмъ, что не платятъ оброка за землю. Въ другомъ мѣстѣ той же губерніи онъ замѣтилъ, что часть однодворцевъ (вѣроятно, безземельные?) «вступили въ общины государственныхъ крестьянъ, участвуютъ въ дѣлежѣ земли, платятъ обыкновенный оброкъ и ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ государственныхъ крестьянъ». Они называли себя дешевыми однодворцами ¹⁾. Въ Воронежской губерніи, по свидѣтельству мѣстнаго изслѣдователя, также среди однодворцевъ, «на мѣсто личнаго владѣнія землею стало общинное и сдѣлало ненужными старыя акты (на землю), такъ что теперь рѣдко гдѣ можно ихъ найти» ²⁾. Въ Смоленской губерніи половина однодворцевъ перешла къ общинному пользованію землею ³⁾. Однодворцы, переселившіеся въ Оренбургскую губернію, на Кавказъ и въ Сибирь, по словамъ Я. Соловьева, «пользуются отведенными имъ казенными землями наравнѣ съ прочими государственными крестьянами, распредѣляя ихъ между семействами по числу душъ каждаго» ⁴⁾. Но какъ видно въ большинствѣ случаевъ у однодворцевъ сохранились подворное владѣніе землею, которое приводитъ къ весьма печальнымъ результатамъ; такъ, напр. въ Тульской губ., на десять зажиточныхъ хозяевъ считается шестьдесятъ бѣдняковъ, и на такихъ обществахъ числится всего болѣе недоимокъ ⁵⁾. Относительно Орловской губерніи г. Сок—скій свидѣлствуетъ, что положеніе тамошнихъ однодворцевъ еще хуже. «Кромѣ имущественнаго неравенства, которое здѣсь такъ же велико, какъ и между тульскими собственниками, въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ неурожаевъ, стала развиваться здѣсь съ особенною силой продажа земель, грозящая полнѣйшимъ обезземе-

¹⁾ Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни. Перев. Рагозина, т. I, стр. 392, 397.

²⁾ Германовъ. Постепенное распространеніе однодворч. населенія въ Воронежской губ. Зап. Географич. общ., кн. XII, 1857 г., стр. 209.

³⁾ Я. Соловьевъ. Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи. М. 1855, стр. 206.

⁴⁾ «Объ однодворцахъ», «Отеч. Зап.» 1850 г. Часть LXIX, стр. 81.

⁵⁾ Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣіе. Т. II, стр. 738.

деніемъ большинства однодворцевъ. Продажа эта производится пока не открыто, отчасти по привычкѣ, изъ страха предъ начальствомъ, а всего болѣе изъ боязни—продавши сразу землю, лишиться всякой надежды возвратить ее. Передача участковъ, почти всегда въ цѣломъ ихъ составѣ производится нѣсколькими способами. Во первыхъ, крестьяне, занимая у кого-нибудь деньги, даютъ векселя съ обозначеніемъ высшей суммы прогивъ занятой, въ уплату по которымъ, при несостоятельности занявшаго, по истеченіи срока и продается съ торговъ земля..... Во вторыхъ, передающій землю заключаетъ съ займодавцемъ условіе, по которому тотъ, давая подъ десятину, напримѣръ, по 35 руб., получаетъ право пользоваться землей въ продолженіе 9-ти лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а по истеченіи этого срока, если не будетъ сполна (безъ разсрочекъ) уплачена вся занятая сумма, дѣлается владѣльцемъ участка. Наконецъ, въ третьихъ, однодворцы закладываютъ земли у частныхъ лицъ или въ Орловскомъ обществѣ взаимнаго кредита». Мы видѣли уже, что въ прошломъ вѣкѣ подворное владѣніе обусловливало среди однодворцевъ сильное развитіе имущественнаго неравенства; оказывается, что и въ настоящее время «неравенство имуществъ и бѣдность растутъ съ каждымъ днемъ. Иные имѣютъ уже по 200 десятинъ, другіе же ни кола, ни двора, и живутъ въ работникахъ..... Вообще деморализація достигла въ однодворческихъ селеніяхъ крайней степени: брать не стыдится спавать брата, сосѣдь—сосѣда, чтобы купить у него землю, и отцы семействъ, потерявшіе всякую способность разсуждать объ участи своихъ женъ и дѣтей, очертя голову бросаются въ хитро-разставленные сѣти хищниковъ»¹⁾.

Однако возвратимся къ изученію жизни однодворцевъ въ прошломъ столѣтіи.

IX.

Мѣстная администрація и ея злоупотребленія.—Притѣсненія отъ помѣщиковъ.—Нѣкоторыя черты быта и нравовъ однодворцевъ.

Мы уже упоминали о томъ, что однодворцы весьма часто судились другъ съ другомъ по поземельнымъ и другимъ дѣламъ, такъ что приобрѣли извѣстность своею наклоностью къ ябедничеству; поэтому они болѣе, чѣмъ какіе-либо другіе крестьяне, нуждались въ скоромъ и справедливомъ судѣ. До второй половины XVIII в. они находились въ непосредственномъ вѣдомствѣ воеводскихъ канцелярій, а въ это

¹⁾ «Опытъ съ подворнымъ владѣніемъ въ Великороссіи и его результаты». «Новое Время», 1876 г., № 280.

время были установлены выбираемые ими самими управители, которые подчинялись только губернаторамъ. Но скоро на этихъ управителяхъ посыпалось множество жалобъ, среди одноворцевъ образовались партіи, и управитель, выбранный господствующею партіею, возбуждалъ крайнее неудовольствіе остальныхъ. Къ тому уже и при самыхъ выборахъ, на которыхъ голоса подавались письменно, происходили злоупотребленія; такъ какъ большинство изъ одноворцевъ были безграмотные, то тѣ, которые подписывались за другихъ, нерѣдко злоупотребляли данною имъ довѣренностью, подавая голоса несогласно съ волею своихъ довѣрителей. Вслѣдствіе этихъ внутреннихъ раздоровъ, иногда въ одинъ годъ смѣнялось по нѣскольку управителей. Съ своей стороны, и воеводскія канцеляріи, изъ вѣдомства которыхъ были изъяты одноворцы, были, разумѣется, этимъ недовольны и жаловались на ихъ насилія и самоуправство, а также и на то, что управители, такъ какъ это были нерѣдко сосѣдніе помѣщики, имѣвшіе «со многими одноворческими селами и деревнями смежныя земли и въ общемъ жительствѣ людей и крестьянъ», оказывали одноворцамъ различныя послабленія. Поэтому правительство, сначала лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, стало уничтожать должность управителей и передавать одноворцевъ по-прежнему въ вѣденіе воеводскихъ канцелярій, а затѣмъ распространило эту мѣру и на всѣ мѣстности, населенныя одноворцами. Канцеляріямъ впрочемъ запрещено было вмѣшиваться въ раскладку рекрутъ, а для мелкихъ споровъ имъ велѣно было выбирать изъ своей среды старостъ и выборныхъ.

Но воеводы и другія власти были не лучше прежнихъ управителей: они совершали такія беззаконія, что для суда надъ ними была учреждена въ Воронежѣ слѣдственная коммисія, которая дѣйствительно открыла много злоупотребленій. Мы не имѣли въ рукахъ всего дѣлопроизводства этой коммисіи, но для того, чтобы на нѣсколькихъ примѣрахъ показать, какова была дѣятельность мѣстной администраціи, достаточно и тѣхъ повинныхъ, которыя были поданы воеводами, вальдмейстерами и т. п., отданными подъ судъ за свои беззаконія, когда въ 1763 г. имъ было обѣщано помилованіе въ случаѣ чистосердечнаго признанія. Вотъ что показывалъ, на примѣръ, одинъ изъ обвиняемыхъ, капитанъ Николай Каръ. Въ 1758 г., онъ былъ посланъ изъ корчемной конторы Воронежской губерніи въ Острогжскій слободскій полкъ, въ Бирючью слободу, по винному дѣлу, для осмотра казановъ и кубовъ. Тутъ онъ получилъ приказъ отъ воронежскаго губернатора Пушкина объявить обывателямъ этой слободы, чтобы они собрали ему, губернатору, 1,000 рублей, и тогда «съ ними благосклонность учинена будетъ»; жители слободы безпрекословно

собрали эту сумму, которая и была передана по назначенію. Спустя нѣкоторое время, губернаторъ приказалъ Кару объявить тѣмъ же обывателямъ, чтобы они «отдали поклонъ» бывшему вице-губернатору Кошелеву, и тѣ должны были поднести ему 300 рублей. Во время посланки Кара въ ту же слободу въ слѣдующемъ году, губернаторъ потребовалъ отъ ея жителей 500 рублей; они отправили 300, «дабы отъ проѣзжающихъ командъ разворенія чинено не было и защищеніе отъ него, губернатора, къ нимъ было», а 100 рублей преподнесли воронежскому прокурору. Другіе обвиняемые показали, какъ, не забывая, конечно, и себя, они должны были дѣлиться взятками съ губернаторомъ, его адъютантомъ, вице-губернаторомъ, прокуроромъ и т. п.; однимъ словомъ, это была цѣлая организованная шайка разбойниковъ. Намъ неизвѣстно, какая судьба постигла всѣхъ этихъ почтенныхъ дѣятелей, мы знаемъ только приговоръ, произнесенный императрицею надъ однимъ изъ нихъ, Лукою Вельяминовымъ, который и въ званіи вальдмейстера, и въ воеводской должности, вымогалъ у однодворцевъ огромныя суммы и не прекратилъ своихъ беззаконій даже и тогда, когда уже былъ отданъ подъ судъ. Онъ бралъ взятки деньгами, скотомъ, хлѣбомъ, разными съѣстными припасами, платьемъ, домашнею посудю и конскою упряжью, принуждалъ наконецъ однодворцевъ давать векселя, однимъ словомъ, онъ покоровствовался на сумму болѣе 23 тысячъ рублей. Кромѣ того, однодворцы одной деревни жаловались, что, вынудивъ у нихъ запись на землю, онъ выгналъ ихъ изъ дворовъ и поселилъ тамъ своихъ собственныхъ крестьянъ. Императрица приказала, конфисковавъ его имѣніе, взыскать тѣ деньги, которыя онъ вынулъ отъ однодворцевъ, и возвратить ихъ по принадлежности, а затѣмъ, лишивъ всѣхъ чиновъ, «сослать его въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ никому подобныхъ сему обидъ и развореній чинить былъ не въ состояніи».

При Екатеринѣ однодворцы продолжали попрежнему жаловаться и ябедничать другъ на друга; эти вѣчныя распри, этотъ недостатокъ солидарности и неумѣніе поканчивать свои споры судомъ своихъ собственныхъ выборныхъ мы объясняемъ опять-таки господствомъ у нихъ личнаго землевладѣнія. Общинное пользованіе землею создавало общіе интересы и такимъ образомъ скрѣпляло крестьянскій міръ; здѣсь же существовала полная рознь, сильные могли обижать слабыхъ, слабые не находили удовлетворенія у своихъ властей, которыя, вѣроятно оказывались недостаточно независимыми относительно членовъ общества, разбогатѣвшихъ скѣпкою землей своихъ товарищей, и такимъ образомъ масса людей, теряя немало времени и денегъ, тянулась въ городъ на судъ воеводъ, которые, разумѣется, не упускали

случая нагрѣтъ свой карманъ. Понятно, что въ однодворческихъ наказахъ мы встрѣчаемъ жалобы на обременительность суда по формѣ, на тяжесть исковыхъ пошлинъ, просьбы о сокращеніи судопроизводства, наконецъ жалобы на притѣсненія въ судѣ. Не находили однодворцы управы и на дворянъ-обидчиковъ и случалось, что послѣдствиемъ жалобъ на нихъ былъ продолжительный арестъ и наказаніе самого же истца, безъ всякой вины съ его стороны. Что собственныя выборныя власти (такъ называемые «выборные» и старосты) потеряли у однодворцевъ всякое значеніе, видно и изъ того, что о нихъ почти вовсе не упоминается въ однодворческихъ наказахъ. Однодворцы Свіязскаго уѣзда нашли даже нужнымъ просить объ учрежденіи у нихъ должности бурмистровъ, которые должны были производить судъ и расправу надъ жителями нѣсколькихъ деревень; въ вознагражденіе за его трудъ они готовы были принять на себя обработку его земли. Въ другихъ наказахъ встрѣчаемъ просьбу объ учрежденіи для однодворцевъ сословныхъ судовъ, наподобіе того, какъ это было у кучества.

Какъ воеводы при Екатеринѣ по-прежнему брали взятки, несмотря на грозные указы правительства противъ лихоимства ¹⁾, такъ и другіе чины мѣстной администраціи продолжали обирать народъ: наприимѣръ, вальдмейстеры, учрежденные для обереганія лѣсовъ, годныхъ для постройки кораблей, давали себя знать крестьянамъ. — Если въ Воронежской губерніи имъ удавалось составлять съ помощію взятокъ капиталы въ нѣсколько десятковъ тысячъ, то и въ другихъ мѣстахъ они работали по силѣ возможности для обезпеченія своего благосостоянія. По словамъ однодворцевъ Пензенской провинціи, «вальдмейстеры ѣздятъ безпрестанно и чинятъ намъ великія обиды и раззоренія: берутъ подводы безъ платы прогоновъ и ходятъ по дворамъ и ищутъ дубоваго заповѣднаго лѣсу, годнаго къ корабельному строенію: а у насъ..... никакаго годнаго къ корабельному строенію лѣсу не имѣется, но токмо они, вальдмейстеры, стараются привязками своими для взятокъ и наглаго раззоренія..... съскиваютъ купленные на торгу сани и колеса и прочее тому подобное» и если найдутъ, то вымогаютъ немалые поборы.

Неумѣніе однодворцевъ общими силами постоять за себя давало возможность разнымъ офицерамъ и помѣщикамъ всячески обирать ихъ;

¹⁾ Болотовъ въ запискахъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», рассказываетъ про одного воеводу, что онъ особенно наживался во время рекрутскихъ наборовъ; онъ «охотникъ былъ ѣздить по богатымъ однодворцамъ Христа славить и получалъ въ подарокъ отъ нихъ за то жеребятъ рублей въ полтораста и прочее тому подобное».

то они истощаютъ хлѣбъ однодворцевъ во время охоты, то, ни съ того, ни съ сего, подвергнуть кого-либо изъ нихъ жестокому тѣлесному наказанію, то совершать формальный набѣдъ на однодворческое селеніе. «Дворяне» — писали однодворцы г. Ефремова (Елецкой провинціи) — «чинять намъ немалыя нужды и разворенія и, ко двору пришедъ, чинять разбои и грабленія, и въ поляхъ сѣнокосъ отнимаютъ, и сѣно копенное съ сѣнокосовъ къ себѣ свозятъ, въ лѣсахъ насъ ловятъ, лошадей и прочее отнимаютъ же, и скотъ нашъ въ поляхъ ловятъ, и хлѣбъ нашъ скотомъ своимъ побиваютъ; тако остаемъ безъ всякаго платежа и довольствія». Насилія шли иногда и далѣе: помѣщики захватывали однодворческихъ дѣвушекъ, совершая при такомъ набѣгѣ всевозможныя безобразія и грабительства и избивая родственниковъ, которые защищали дѣвушку, а затѣмъ выдавали похищенныхъ замужъ за своихъ крестьянъ, и, такимъ образомъ, дѣлали ихъ своими крѣпостными. Иногда же помѣщикамъ удавалось закрѣпить цѣлыя однодворческія семьи путемъ открытаго насилія, а не то — представляя какія-то кабальныя записи, выданныя дѣдами и отцами такихъ однодворцевъ.

Всевозможныя обиды, насилія и истязанія, которымъ подвергались однодворцы, заставляли ихъ просить въ комиссіи уложенія о повышеніи имъ вознагражденія за безчестье. Рязскіе однодворцы (Тамбовской провинціи) заявляли, что дворяне бьютъ и увѣчатъ ихъ, приговаривая: «тебѣ за безчестье-то заплатить всего сорокъ алтынъ». такъ что, въ случаѣ жалобы однодворца, такіе обидчики, и не ходя въ судъ, уплачивали эту ничтожную сумму. Поэтому ливонскіе однодворцы просили повысить имъ плату за безчестье до двадцати рублей, а вслучаѣ увѣчья взыскивать за каждую рану по пятидесяти рублей.

Объ экономическомъ положеніи однодворцевъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній кромѣ тѣхъ, которыя уже были сообщены нами при разсмотрѣніи вопроса объ ихъ землевладѣніи. Намъ извѣстно, что они занимались исключительно землевладѣніемъ, хотя мѣстами, напримѣръ, въ Тамбовской провинціи и въ Курской губерніи, къ этому присоединялось еще пчеловодство. Уже изъ всего сказаннаго видно, что, если среди однодворцевъ и было нѣкоторое количество людей весьма зажиточныхъ, то масса, страдающая отъ малоземелья, порядкомъ бѣдствовала, не говоря уже о совершенно безземельныхъ, которыхъ было весьма немало и которымъ оставалось только идти въ батраки. Прокуроръ Елецкой провинціи прямо заявляетъ, что однодворцы по большей части бѣдны, что они бѣднѣе помѣщичьихъ и другихъ крестьянъ, хотя и объясняетъ это ихъ лѣностью; онъ указываетъ также на то, что частые семейные раздѣлы вредно отража-

ица на ихъ благосостояніи. Разница въ имущественномъ отношеніи между однодворцами была едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ классѣ сельскаго населенія: съ одной стороны, мы видимъ землевладѣльца, имѣющаго участки не только близъ своей деревни, но и въ другихъ мѣстахъ, обрабатывающаго ихъ съ помощью своихъ крестьянъ, разведшаго обширныя пастбища; съ другой—безземельнаго однодворца, который самъ поступаетъ въ батраки, а жену и дѣтей посылаетъ пропитываться Христовымъ именемъ. Эти контрасты бросались въ глаза путешественнику съ перваго взгляда: то онъ видѣлъ однодворца, живущаго въ плохой избѣ, освѣщенной только волокомъ окошечкомъ, то попадалъ къ другому, скорѣе напоминающему «маленькаго дворянчика», чѣмъ крестьянина, и обитающаго въ «бѣльничьей свѣтлицѣ»; одни, по своей одеждѣ, почти ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ крестьянъ, другіе ходили въ тулупахъ, крытыхъ синнимъ сукномъ. Жили однодворцы обыкновенно въ обширныхъ слободахъ, населеніе которыхъ нерѣдко превышало тысячу душъ, а иногда доходило даже и до четырехъ тысячъ; но отсутствіе солидарности и согласія между жителями какъ-будто отражалось и на самомъ расположеніи строеній. Это ужасно возмущало Болотова при проѣздѣ его чрезъ Тамбовскую губернію; объ одномъ огромномъ однодворческомъ селеніи, въ которомъ было четыре церкви, онъ говоритъ, что въ немъ «нѣтъ ни улицы порядочной, ни одного двора хорошенкаго. Правда, мѣсто занимаетъ оно собою весьма обширное и дворовъ бездна, но какъ бы вы думали—сидѣли дворы сіи и каковы бы они были? Тамъ дворъ, здѣсь другой, индѣ дворовъ пять въ кучѣ, индѣ десятокъ; тѣ туда глядятъ, сіи сюда, иной назадъ, другой напередъ, иной бокомъ, иной исковерканный стоитъ и ни одного изъ нихъ живаго нѣтъ. Избушка стоитъ какъ болдырь, правда, покрыта дранью, но только и всего. Дворы ихъ истинно грѣхъ и назвать дворами: обнесены кой-какимъ плетнишкомъ и нѣтъ ни одного сарайчика, ни одной клѣтки, да и плетни—иной исковерканный, иной на боку, иной избоченяся стоитъ».

Мы видѣли, что помѣщики иногда насильственно закрѣпощали за собою однодворцевъ; но бывало, что они сами добровольно переселялись въ помѣщичьи вотчины, «убѣгая общественныхъ тягостей». Поводомъ для этого всего чаще служила женитьба однодворца на крѣпостной дѣвушкѣ. «Однодворцевъ многіе помѣщики женятъ на крѣпостныхъ своихъ дѣвкахъ,—писала гивенская воеводская канцелярія въ комиссію уложенія,—и за оныхъ дѣвокъ тѣ однодворцы по недостатку своему помѣщикамъ дѣютъ записи, чтобъ имъ жить у оныхъ помѣщиковъ лѣтъ по десяти и больше, и тѣхъ однодворцевъ

селять дворами и на всякую свою работу посылаютъ въ рядъ со крестьяны, и тѣ поселившіе(ся) однодворцы подѣ защищеніемъ тѣхъ помѣщиковъ отбываютъ отъ ландмилицкой службѣ и всякіе государственные поборы въ рядъ съ своею братією однодворцы не платятъ». Иной разъ однодворцы играли роль шутовъ въ барскихъ домахъ ¹⁾.

Вслѣдствіе недостатка земли однодворцы должны были искать болѣе свободныхъ мѣстъ жгѣе, на Украинской линіи и въ степяхъ; въ большинствѣ наказовъ Воронежской губерніи мы встрѣчаемъ указанія на это стремленіе къ югу. Но въ 1786 году переходъ изъ одной губерніи въ другую былъ запрещенъ однодворцамъ; если же переселеніе дѣйствительно оказывалось крайне для нихъ необходимымъ, то въ такомъ случаѣ казенныя палаты, въ завѣдываніе которыхъ поступили однодворцы со введеніемъ учрежденій о губерніяхъ, должны были представлять о томъ сенату. Сенатъ разрѣшилъ отпускать однодворцевъ для поселенія на Моздокской линіи, на Кавказѣ; мы упоминали также о переселеніи безземельныхъ и малоземельныхъ однодворцевъ Курской губерніи въ Екатеринославское намѣстничество.

Вѣроятно, недостатокъ земель служилъ также главною причиною тѣхъ своеволій, которыя позволяли себѣ иногда однодворцы при поземельныхъ спорахъ съ сосѣдними крестьянами. Такъ, напримѣръ, при межеваніи произошелъ споръ о землѣ между экономическими крестьянами одного села Задонскаго уѣзда, Воронежской губерніи, и однодворцами Елецкаго уѣзда Орловской губерніи. Однодворцы Голиковы съ товарищами, не дождавшись рѣшенія спора, насильно выкосили въ спорныхъ дачахъ сѣнные покосы; по жалобѣ экономическихъ крестьянъ, скошенное сѣно велѣно было описать и до рѣшенія дѣла съ поля не свозить; но Голиковы съ товарищами, собравъ челоуѣкъ до 300 однодворцевъ, все сѣно (280 стоговъ) свезли въ свои дома. Въ слѣдующемъ году, во время сѣнокоса, однодворцы такую же толпою, вооруженные копьями и вилами, напали на экономическихъ крестьянъ, поранили нѣсколькихъ изъ нихъ, прогнали съ луговъ, захватили ихъ телѣги и сѣстные припасы, разбили котлы и т. п. Велѣно было, чтобы до рѣшенія дѣла каждая сторона пользовалась тѣми землями, которыя принадлежали ей до начала спора.—Иногда же однодворцы совершали безпорядки подѣ вліяніемъ какого-нибудь помѣщика или фабриканта, потому ли, что они находились отъ нихъ въ экономической зависимости, или просто, быть можетъ, подпоен-

¹⁾ Немало также однодворцевъ обращалось въ бѣгство: во время производства второй ревизіи изъ однодворцевъ и служилыхъ людей, содержащихъ ландмилицію Бѣлгородской и Воронежской губерній, было въ бѣгахъ 10,425 челоуѣкъ.

име для совершенія извѣстнаго подвига; въ этихъ случаяхъ однодворцы играли ту же роль, какъ и мелкая шляхта въ Польшѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ помѣщикъ Орловской губерніи совершаетъ набѣздъ на имѣніе своего сосѣда съ помощью однодворцевъ; въ другой разъ, толпа однодворцевъ, человекъ до 200, подговоренная орловскимъ купцомъ, суконнымъ фабрикантомъ Кузнецовымъ, нападаетъ на однодворческое правленіе и уводитъ какого-то рекрута; къ свою очередь и Кузнецовъ оказываетъ имъ услуги, укрывая ихъ отъ рекрутскихъ наборовъ.

Съ польскою шляхтою однодворцы имѣли еще и другое сходство: они заявляли претензіи большія, чѣмъ имѣли основаніе по своему положенію; въ своихъ наказахъ они постоянно хлопочуть о томъ, чтобы ихъ не смѣшивали съ крестьянами, исключили бы изъ подушнаго оклада и называли бы дѣтьми боярскими, а нето и прямо ходатайствуютъ о причисленіи къ дворянамъ съ правомъ покупать крестьянъ. Они основывали свои притязанія отчасти на томъ, что нѣкоторые изъ нихъ записались въ однодворцы изъ дворянскаго сословія. Претензіи этихъ они не оставили и позднѣе, такъ что въ восьмидесятыхъ годахъ въ Курской губерніи мѣстныя власти были завалены просьбами однодворцевъ объ исключеніи ихъ изъ подушнаго оклада и причисленіи къ дворянамъ.

X.

Однодворческіе крестьяне.—Ихъ происхожденіе и численность.—Государственныя повинности.

Намъ приходилось уже нѣсколько разъ упоминать, что у нѣкоторыхъ однодворцевъ были свои крестьяне; теперь мы должны познакомиться съ этимъ небольшимъ отдѣломъ сельскаго населенія.

Прежде всего является вопросъ, какимъ образомъ могли владѣть крестьянами однодворцы, когда они сами положены были въ подушный окладъ при Петрѣ Великомъ, и затѣмъ постепенно сглаживалось всякое различіе между ними и другими казенными крестьянами. Это объясняется происхожденіемъ однодворцевъ отъ прежнихъ служебъ служилыхъ людей, при чемъ, какъ намъ уже извѣстно, въ составъ ихъ вошли не одни низшіе чины, но также и нѣкоторые дворяне, помѣстныя земли которыхъ были иногда населены крестьянами; къ тому же у этихъ служилыхъ людей были иногда и земли, пожалованныя въ вотчину. Сенатскій докладъ 1798 года объясняетъ происхожденіе однодворческихъ крестьянъ именно добровольною припискою при Петрѣ Великомъ нѣкоторыхъ дворянъ въ однодворцы; но не

однимъ дворянамъ давались населенныя земли; однодворцы въ своихъ наказахъ прямо заявляютъ, что прежніе рейтары и драгуны получали въ помѣстья населенныя имѣнія ¹⁾. Былъ еще и иной источникъ происхожденія однодворческихъ крестьянъ, именно, дозволеніе владѣть вѣчными въ плѣнъ людьми.

Однодворческіе крестьяне переходили отъ одного владѣльца къ другому посредствомъ купли, наслѣдованія и дачи въ приданое; но число ихъ не оставалось неизмѣннымъ, а нѣсколько увеличивалось пріобрѣтеніемъ ихъ отъ дворянъ тѣми же способами. При собираніи статистическихъ свѣдѣній объ однодворческихъ крестьянахъ во время четвертой ревизіи, правительство предписало обозначать, какими образомъ они были пріобрѣтены однодворцами. Къ сожалѣнію, это было не вездѣ исполнено; но всетаки такія отмѣтки были сдѣланы относительно болѣе чѣмъ половины всего ихъ числа (именно 12,312 д.). Только въ одной Курской губерніи было особо отмѣчено число пожалованныхъ крестьянъ, хотя несомнѣнно, что и въ другихъ мѣстностяхъ пожалованіе было первоначально главнымъ источникомъ ихъ происхожденія. Затѣмъ оказалось, что 609 душъ было куплено отъ помѣщиковъ, 3,249—отъ однодворцевъ, получено въ наслѣдство—1,190 отъ дворянъ и 3,872 души отъ однодворцевъ, получено въ приданое отъ первыхъ 247, отъ вторыхъ 468; наконецъ незаконнорожденныхъ было 89 душъ.

Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о числѣ однодворческихъ крестьянъ въ царствованіе Екатерины II. По третьей ревизіи ихъ было 17,675 душъ ²⁾; по четвертой—21,531 душа ³⁾.

На основаніи межевой инструкціи 1754 года, однодворцы могли продавать своихъ крестьянъ, (которые тамъ названы однодворческими половниками), но только однодворцамъ же и притомъ живущимъ въ томъ же уѣздѣ, а въ другой уѣздѣ нельзя было ни продавать, ни отдавать изъ платежа подушнаго оклада; кромѣ того, продавать половниковъ разрѣшено было не иначе, какъ вмѣстѣ съ тою землею, на которой они были поселены. Межевою инструкціею 1766 года од-

¹⁾ Въ Курской губерніи въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія изъ 10,588 душъ однодворческихъ крестьянъ считалось 2,588 душъ, жалованныхъ отъ прежнихъ государей «предеамъ однодворцевъ по граматамъ и выписямъ».

²⁾ Въ Бѣгородской губерніи—10,393 души, въ Воронежской—6,964, въ Казанской—257, въ Смоленской 61 д.

³⁾ По новому раздѣленію Россіи на губерніи—въ Воронежской губерніи 1,024 д., въ Харьковской—45, въ Курской—10,588, въ Орловской—4,113, въ Екатеринославской—89, въ Тульской—2,544, Рязанской—698, Тамбовской—1,364, Пензенской—392, Нижегородской—32, Казанской—10, Саратовской—345, Псковской—1, Смоленской—231.

дворцамъ по-прежнему дозволялось владѣть крестьянами, а продавать ихъ было разрѣшено даже и безъ земли, но по-прежнему — только однодворцамъ. Что однодворцы часто пользовались правомъ перепродавать другъ другу своихъ крестьянъ, это видно изъ цифръ, приведенныхъ нами выше; хотя рѣже, но всетаки они пріобрѣтали крестьянъ и отъ помещиковъ; понятно, что имъ было непріятно запрещеніе покупать ихъ у постороннихъ людей и продавать имъ, и потому въ нѣкоторыхъ однодворческихъ наказахъ мы встрѣчаемъ ходатайства объ его уничтоженіи, но правительство оставило безъ вниманія эти просьбы. — Нужно замѣтить, что, когда дворянамъ при Екатеринѣ II было дозволено отпускать своихъ крестьянъ на волю, однодворцамъ не было даровано этого права ¹⁾).

Что касается уплаты податей, то еще при производствѣ второй ревизіи возникалъ вопросъ, не положить-ли однодворческихъ крестьянъ въ одинаковый окладъ съ ихъ холопами; это и было предписано межевою инструкціею 1754 года. Платить подати должны были за нихъ однодворцы, такъ же какъ «черносошные крестьяне платятъ въ поморскихъ городахъ за своихъ половниковъ, равно какъ и за себя»; если же за ними будутъ накапливаться недоимки, то крестьянъ велѣно было отдавать другимъ однодворцамъ изъ платежа подушной подати; но такъ какъ обложить ихъ податью наравнѣ съ однодворцами велѣно было только при межеваніи, то однодворческіе крестьяне (за исключеніемъ одного Саранскаго уѣзда) и оставались въ прежнемъ семигривенномъ окладѣ. Межевою инструкціею 1766 года также предписано было облагать ихъ одинаковымъ окладомъ съ ихъ владѣльцами, но въ томъ же году было велѣно «до будущаго о нихъ и о самихъ однодворцахъ рассмотрѣнія» собирать равный съ помещичьими крестьянами, т. е. семигривенный окладъ.

Однодворцы въ своихъ наказахъ ходатайствовали о томъ, чтобы ихъ крестьяне не были сравнены съ ними въ уплатѣ податей, а также просили не называть этихъ крестьянъ половниками, такъ какъ они находятся въ иномъ положеніи, чѣмъ половники поморскихъ городовъ. У черносошныхъ крестьянъ много земли, — читаемъ мы въ од-

¹⁾ Когда въ Курской губерніи одинъ отставной солдатъ изъ однодворцевъ отпустилъ на волю 9 человекъ своихъ крестьянъ, которые и были вслѣдъ за тѣмъ причислены въ однодворцы, то было разъяснено, что однодворцы не могутъ отпускать на волю своихъ крестьянъ «яко въ равномъ съ ними окладѣ состоящихъ», потому что это значило бы пользоваться такимъ правомъ, которое дано было одному дворянству, и вмѣстѣ съ тѣмъ отпущенныхъ на волю однодворческихъ крестьянъ велѣно было возвратитъ въ прежнее ихъ состояніе.

номъ однодворческомъ наказѣ,—и они «на тѣ свои земли и въ дома для работъ изъ воли приходящихъ къ нимъ свою жъ братью крестьянъ, осиротѣвшихъ и оскудѣвшихъ, принимаютъ и въ подушный въ такой же окладъ пишутъ съ собою на ряду, и владѣютъ ими не купя, яко сущими своими крестьяны, а за нихъ только подушныя деньги платятъ, что и весьма слѣдственно, а однодворческіе крестьяне не въ такой силѣ состоятъ, потому что нѣкоторые издревле прежними государя предкамъ нашимъ, дѣтямъ боярскимъ, что нынѣ мы однодворцы, за службы землями и крестьяны жалованы, а прочіе однодворцы на выслуженныя и на трудовыя свои деньги тѣхъ крестьянъ покупали для того, чтобъ за службами не опустѣлъ домъ, и жена и дѣти безъ того не претерпѣли нужды и голоду, и для платежа за дѣтей его подушныхъ денегъ. И ежели однодворческихъ крестьянъ положить въ такой же большой окладъ, какъ однодворцы, то тѣ крестьяне работать будутъ только-что на тотъ большой окладъ и на свое пропитаніе, а владѣльцу отъ нихъ—а паче что они его землею, а не постороннею, будутъ довольствоваться, отчего и ему будетъ недостатокъ,—затѣмъ никакой пользы ему послѣдовать не можетъ, но вмѣсто того отъ платежа за себя и за крестьянъ и за службами послѣдуетъ оскудѣніе, да и крестьяне, мня себя по окладу равными владѣльцу, то и слушать его и работать прилежно не будутъ....»

Опасеніе однодворцевъ, что ихъ крестьяне будутъ сравнены съ ними въ уплатѣ податей, дѣйствительно оправдалось, но однакоже не скоро; только въ 1786 году велѣно было собирать съ однодворческихъ крестьянъ, наравнѣ съ самими однодворцами, по 3 руб. 70 коп.

Въ отправленіи рекрутской повинности однодворческіе крестьяне ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ отдѣловъ сельскаго населенія.

Объ отношеніяхъ этихъ крестьянъ къ ихъ хозяевамъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній; извѣстно только, что они исполняли для нихъ различныя полевыя работы; оброка они не платили, но зато однодворцы не только не вносили податей за своихъ крестьянъ, какъ это можно было бы думать на основаніи межевой инструкціи, но даже послѣдніе, во время отсутствія ихъ хозяевъ изъ дому по обязанностямъ службы, платили подати и за нихъ.

В. И. Семевожій.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

IV ¹⁾.

Восстановленіе власти жонда народоваго послѣ паденія диктатуры.—Проектъ погулянаго жонда.—Жондъ перестраивается.—Разные декреты.—Назначеніе князя Владислава Чарторьскаго «главнымъ заграничнымъ агентомъ жонда».—Обращеніе къ папѣ.—Энтузіазмъ.—Ліежская коммисія вооруженія.—Куявскія банды.—Наши противъ нихъ дѣйствія.—Банды Люблинской губерніи.

Жондъ народовый началъ строить свое новое зданіе на развалинахъ диктатуры, онъ, такъ сказать, приходилъ въ себя послѣ тяжкаго кошмара, торопился истребить у всѣхъ изъ памяти шумную диктаторскую комедію, съ ея блескомъ и погремущками—бланками, печатами, диктаторскою «исполнительною коммисіей». Тутъ только хватились за умъ и стали говорить, что диктатура, при слабыхъ силахъ восстанія, была не только лишнею, но даже вредною роскошью, такъ какъ становила одного изъ вождей въ слишкомъ исключительное положеніе, измѣняла единственно-возможный для повстанцевъ партизанскій характеръ войны на обыкновенный, притягивала къ восстанію, какъ громоотводъ, всѣ тучи съ ихъ молніями. Дабы положить предѣлъ всякимъ искательствамъ Мирославскаго и другихъ охотниковъ на открывшуюся диктаторскую ванансію ²⁾, воспрянувшее временное народное правительство огласило воззваніе къ народу:

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 179—246; 397—428; 589—620. Настоящая глава, IV-я, и слѣдующая, V-я, въ общемъ трудѣ Н. В. Берга составляютъ первую половину XII-й главы.

²⁾ Въ диктаторы пробирались, кромѣ Мирославскаго, еще Езеранскій и Падлевскій. Мирославскій пустилъ даже въ ходъ нѣсколько статей о своихъ правахъ на диктаторство. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 года яви-

«Центральный комитетъ, какъ временное народное правительство, объявляетъ всему народу, что онъ, по случаю арестованія австрійскими властями диктатора Маріана Лангевича, снова принимаетъ высшую власть въ свои руки. Въ видахъ охраненія страны отъ всякихъ замѣшательствъ, могущихъ произойти вслѣдствіе чьихъ-либо покушеній добиться верховной власти, а тѣмъ болѣе сосредоточить ее въ рукахъ одного человѣка, всякое новое провозглашеніе диктатуры, или въ какихъ-либо другихъ формахъ народной власти, въ край-ли то или за предѣлами онаго, будетъ признано за государственное преступленіе. Варшава, 27-го марта 1863 года».

зась у него въ Варшавѣ особая коммисія, подъ названіемъ: *Komisya Powstańcza Mięrosławskiego*, гдѣ членами были: эмигрантъ 1848 года, Леонъ Хмуржинскій (по выгнѣдъ его за границу, Юліанъ Вырембовскій) и бывшіе студенты м. х. академіи: Францъ Орловскій, Здиславъ Янчевскій и Павелъ Ляндовскій. Но эта коммисія ничего не могла сдѣлать, и въ юнѣ мѣсяцѣ 1863 г. перестала существовать. Мирославскій, тѣмъ не менѣе, продолжалъ свои искательства. Есть свѣдѣніе, что Бобровскій, бывши въ Краковѣ, предлагалъ Мирославскому мѣсто начальника гѣваго берега Вислы, съ тѣмъ, чтобы онъ отрекся отъ своихъ правъ на диктаторство, но Мирославскій и слышать не хотѣлъ объ этомъ, писалъ жонду бумаги въ диктаторскомъ тонѣ и говорилъ, что «признаеть только тотъ жондъ, который его выбралъ, а прочіе жондовъ для него не существуютъ».

Прибывшій въ Галицію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Майковскій (съ цѣлю устремить тамъ организацію въ духѣ болѣе или менѣе соотвѣтственномъ воскресшему жонду) предлагалъ Мирославскому начальство надъ правымъ берегомъ Вислы, или надъ Литвою, или надъ Русью—на выборъ; кромѣ того, всякую помощь въ формированіи отрядовъ, оружіе, хранящееся въ Краковѣ, и 100 тысячъ злотыхъ, лишь бы онъ отрекся отъ диктатуры, но Мирославскій не согласился и на это, однако сказалъ, что «оглашать себя диктаторомъ не станетъ, если народъ этого не потребуетъ». Другому лицу, убѣждавшему его бросить всякія интриги и идти въ Царство биться съ москалями, Мирославскій, по увѣренію Гиллера, замѣтилъ: «Миѣ Польша вовсе не нужна, а я ей нуженъ: она виснетъ у моихъ ногъ, какъ ядро на ногахъ невольника: трудно оторвать!» (Гиллеръ, I, 278). Возбужденіе противъ него въ Краковѣ дошло въ то время до того, что было запрещено, подъ страхомъ смерти, продавать ему пороохъ и помогать въ формированіи отрядовъ. Однажды даже по немъ стрѣляли. При рѣзкихъ объясненіяхъ съ Марквинскимъ бѣжа у него исторія еще хуже. Въ началѣ мая, однакожъ, онъ всетаки собралъ какой-то отрядъ, котораго половина, подъ начальствомъ Мальчевскаго, вышла изъ Кракова и сейчасъ же прогнана нашими войсками назадъ въ Галицію, оружіе забрано австрійцами, а Мальчевскій арестованъ. Съ другою половиною отряда долженъ былъ идти самъ Мирославскій, но не сдѣлавъ этого и уѣхавъ въ Парижъ (Даниловскій, въ своихъ показаніяхъ, и Гиллеръ, I, 277). Въ Парижѣ, въ 1864 году, Мирославскій огласилъ: «*Dokumenty rządowe do dziejów Organizacyi Jenerałnej powstania pogodowego w latach 1863 i 1864*», гдѣ скомпрометировалъ многихъ своихъ соотечественниковъ и товарищей по службѣ. Н. В.

Затѣмъ члены жонда хотѣли приступить къ текущимъ занятіямъ, которыхъ было много и которыя не терпѣли отлагательства, какъ вдругъ пришло письмо къ Бобровскому, отъ его краковскихъ арбитровъ, гдѣ уведомили его, что «всѣ старанія ихъ устранить поединокъ кончились ничѣмъ, и онъ долженъ драться». Въ томъ же письмѣ находилось приглашеніе прибыть, какъ можно скорѣе, въ Вреславль, гдѣ Бобровскій долженъ былъ найти своего соперника.

Значеніе этого человѣка въ жондѣ было всегда довольно велико, но теперь въ особенности въ немъ нуждались, какъ въ авторѣ новаго устава, который нужно было вводить и который былъ составленъ на основаніи соображеній, извѣстныхъ во всей подробности только одному Бобровскому. Поэтому понятно, что, когда онъ захотѣлся объ отпускѣ, ему отказали наотрѣвъ—и только послѣ самыхъ усилненныхъ просьбъ согласились отпустить на три дня, взявъ съ него честное слово, что онъ воротится въ срокъ непремѣнно.

Бобровскій сказалъ: «пріѣду въ эту же субботу!», получилъ отпускъ и полетѣлъ въ Вреславль, неподалеку отъ котораго, подъ мѣст. Равичемъ, стрѣлялся съ Грабовскимъ, въ самыхъ перанхъ числахъ апрѣля по н. ст., и былъ убитъ ¹⁾.

Вотъ какъ отзывается объ этомъ человѣкѣ хорошо знавшій его Авейде: «Мы потеряли въ Бобровскомъ добраго, сердечнаго друга, а возстаніе утратило разумнѣйшаго и дѣльнѣйшаго изъ всѣхъ появившихся на его горизонтѣ дѣятелей. Бобровскому было всего 23 года, но это былъ человѣкъ вполне разившійся, удивительныхъ способностей, неслышанно трудолюбивый и, можно сказать, цинической отваги, не терявшій присутствія духа ни на минуту, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Другаго Бобровскаго возстаніе не имѣло» ²⁾.

Оставшіеся члены жонда, на первомъ засѣданіи послѣ смерти Бобровскаго, принялись разсуждать: «какое теперь лучше установить народное правительство: явное или тайное?»

Наиболѣе опытные, побывавшіе въ Сибири члены жонда, а потому, естественно, имѣвшіе первый голосъ, Гиллеръ и Рупрехтъ, объявили, что «существованіе чисто-на-чисто явнаго жонда положительно невозможно; но что можно устроить жондъ полуявный: назначить предсѣдателя и секретаря, которыхъ имена будутъ всѣмъ извѣстны и которые будутъ считаться проживающими въ Варшавѣ,

¹⁾ Гиллеръ, I, 45.
²⁾ Авейде, IV, 32.

на самомъ же дѣлѣ будутъ жить, подъ чужимъ именемъ, въ Швейцаріи, и мѣстопробываніе ихъ должно составлять, по возможности, непроницаемую тайну. Между тѣмъ тайные члены, живущіе въ Варшавѣ, поведутъ дѣла по старому, только подъ фирмою новаго, якобы швейцарскаго жонда, посылая въ Швейцарію, для утвержденія предсѣдателя и секретаря, однѣ лишь исключительно важныя бумаги, какъ, напримѣръ, перемѣны въ личномъ составѣ народнаго правительства, высшія назначенія, декреты и манифесты. Кромѣ того, предсѣдателю и секретарю должны пересылаться рапорты о ходѣ всѣхъ дѣлъ восстанія въ краѣ, для различныхъ соображеній. Заграничныя же сношенія и распоряженія необходимо передать въ полное завѣдываніе этихъ лицъ, съ тѣмъ, однако, чтобы они увѣдомляли обо всемъ Варшаву¹⁾.

Головы всѣхъ членовъ жонда были тогда въ такомъ состояніи, что этотъ странный проектъ, несмотря на всѣ его несообразности, былъ принятъ. Заграничными членами выбраны: Петръ Висоцкій—предсѣдателемъ, а секретаремъ къ нему Авейде²⁾. Они еще не успѣли уѣхать на свои мѣста, какъ въ жондѣ возникли по этому предмету новыя пренія, и все измѣнилось: большинство членовъ отвергло проектъ полуявнаго народнаго правительства и рѣшило оставить прежнюю форму, тайную. Только жондъ, вслѣдствіе исключенія изъ списковъ Бобровскаго и отъѣзда за границу Майковскаго, долженъ былъ перестроиться. Произведена, какъ это всегда водилось, при помощи городской организаціи, баллотировка, согласно которой жондъ получилъ такой составъ (жондъ 2-го состава):

Оскаръ Авейде, Карлъ Рупрехтъ, Агазонъ Гиллеръ, Осипъ Яновскій и Эдуардъ Сивинскій³⁾.

Авейде принялъ на себя администрацію края и секретаріатъ. Немного позже перешли къ нему также и дѣла провинцій отъ Гиллера, который, вмѣстѣ съ Сивинскимъ, исключительно занялся прессой. Рупрехтъ взялъ на себя въ завѣдываніе финансы и заграничныя сношенія. Яновскій—военную часть.

¹⁾ Авейде, IV, 58. Не мѣтили-ли господа, подававшіе такой проектъ, сами въ заграничные члены жонда? У многихъ изъ служившихъ восстанію въ Царствѣ было постоянное желаніе получить какое-либо назначеніе за границей, въ безопасномъ мѣстѣ.

²⁾ Авейде, IV, 59. Близъ этого времени, Тачановскій, имѣвшій значительную банду въ Куавахъ, звалъ жондъ къ себѣ, въ лѣса, но это признано имъ съ тѣмъ несообразнымъ (Гиллеръ, I, 285).

³⁾ Бывшій преподаватель литературы въ варшавской приготовительной школѣ.

Помощниками у Авейде были: Иванъ Верницкій (у него хранились печати временнаго правительства), Иванъ Банземеръ, Рафаилъ Краевскій, Романъ Жулинскій ¹⁾, чиновникъ варшавскаго суда исправительной полиціи, Эразмъ Малиновскій, и два агента или секретаря Литвы и Руси ²⁾. Кромѣ того, какъ разсыльный (Galorep), состоялъ въ его же распоряженіи чиновникъ путей сообщенія, Иванъ Лавцевичъ. Помощниками Гиллера и Сивинскаго были: студентъ Владиславъ Богуславскій, одинъ изъ сотрудниковъ «Польской Газеты»—Вагнеръ, типографчикъ Гарасимовичъ и купецъ Антонъ Розманитъ, завѣдывавшій рассылкою всего, что печаталось и писалось для края. У него были на то особые помощники.

Помощниками Рупрехта были: (какъ кажется ³⁾) конторщики разныхъ банкировъ: Воль и Зоммеръ.

У Яновскаго помощниками состояли: инженеръ Евгений Качковскій (онъ же Дембинскій и Коть), офицеръ генеральнаго штаба Галензовскій, присланный польскимъ революціоннымъ кружкомъ изъ Петербурга, и бывш. членъ провинц. отдѣла Литвы, Яковъ Ковелло.

Въ городской организаціи никакихъ важныхъ переменъ не послѣдовало, только бывшіе члены замѣнены новыми: Бобровскій (какъ начальникъ города)—Титомъ Зенковичемъ Тома Винницкій (начальникъ полиціи, ушедшій, какъ мы видѣли, въ банду Лангевича и бывшій у него, одно время, начальникомъ штаба)—Иваномъ Карло-

¹⁾ Люди изъ городского кружка Юргенса (Записки о загов., стр. 177).

²⁾ По словамъ Гиллера, секретаріаты Литвы и Руси учреждены еще въ мартѣ 1863, для успокоенія умовъ въ этихъ провинціяхъ, гдѣ постоянно существовало подозрѣніе, что короніали, приглашая Литву и Русь къ участию въ возстаніи, думаютъ собственно только о себѣ, о конгрессуикѣ; что все кончится приобрѣтеніемъ кое-какихъ привилегій для этой послѣдней, а Литва и Русь будутъ забыты. Секретари же этихъ провинцій, присутствуя на засѣданіяхъ жонды, могли видѣть хорошо и близко, что тамъ именно дѣлается, и писать къ своимъ. Первымъ секретаремъ Литвы при жондѣ народовомъ былъ Вацлавъ Пршибыльскій, а Руси—Маріанъ Добецкій (I, 161). Кромѣ того, въ апрѣлѣ 1863 года, жондъ народовой, по словамъ того же Гиллера, предложилъ литовскому отдѣлу въ Вильнѣ и отдѣлу Руси выбрать по одному члену въ жондъ. Русь не выбрала никого, а Литва прислала Иеронима Киневича, который засѣдалъ въ жондѣ только разъ, а потомъ уѣхалъ въ Паряжъ, и, тамъ сочинивъ съ какимъ-то эмигрантскимъ кружкомъ возстаніе на Волгѣ, послалъ въ Казань эмиссаровъ, а потомъ отправился и самъ, но былъ схваченъ въ Александровѣ, препровожденъ въ Казань и тамъ разстрѣлянъ (I, 162). Подробности объ этомъ заговорѣ можно прочесть въ «Повялскомъ Дневникѣ» 1877, г., №№ 108, 109 и далѣе.

³⁾ Замѣчаніе Авейде.

вичемъ ¹⁾, который до тѣхъ поръ былъ начальникомъ 2-го надокруга полицейской организаціи.

Устроившись такимъ образомъ, жондъ выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько важныхъ декретовъ. Прежде всего былъ повторенъ выданный ще въ мартѣ 1863 г. (въ дополненіе къ декрету отъ 22-го января н. ст.) декретъ о надѣлѣ крестьянъ землею. При этомъ жондъ народовой счелъ нужнымъ примѣнить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ дѣлу допускаемый уставомъ Бобровскаго террора: помѣщиковъ, которые отказывались освободить своихъ крестьянъ и требовали отъ нихъ даровыхъ работъ или уплаты чинша, народныя власти хватали и наказывали при крестьянахъ розгами. Это произвело сильное впечатлѣніе на послѣднихъ: они ясно увидѣли, что жондъ въ самомъ дѣлѣ жондъ и можетъ карать непокорныхъ, а потому стали, если не сочувствовать ему, то помогать чѣмъ и какъ умѣли, болѣе всего—со страху. Уже деревни не подымались и не уходили въ лѣса, какъ это не разъ бывало до диктатуры Лангевича. Кое-гдѣ крестьяне приходили, въ довольно значительномъ числѣ, въ банды и становились подъ ружье, или дѣлались косинерами. Въ губерніяхъ Варшавской, Плодской и Радомской оказался наибольшій процентъ крестьянъ, служившихъ рядовыми въ бандахъ ²⁾.

Вслѣдъ затѣмъ выпущено жондомъ еще нѣсколько декретовъ серьезнаго содержанія и нѣкоторые изъ нихъ имѣли свою силу ³⁾.

¹⁾ Янъ изъ числа окружавшихъ Рымля и Ржонцу въ Воксалѣ («Русскій Архивъ» 1873, стр. 1304).

²⁾ Имѣются самыя точныя свѣдѣнія, насколько какое сословіе входило въ составъ плодскихъ бандъ. Авейде говоритъ, что въ уѣздахъ Варшавскомъ, Кутновскомъ и Влоцлавскомъ, Варшавской губерніи, мѣстныя повстанскія власти отказывали объ эту пору въ приѣмѣ, по крайней мѣрѣ, тысячѣ хлопковъ каждую недѣлю, единственно потому, что ихъ нечѣмъ было вооружить. Такъ было до учрежденія литтискской комиссіи вооруженія (IV, 53).

³⁾ Вотъ важнѣйшіе изъ декретовъ жонда того времени: декретомъ отъ 11-го апрѣля н. ст. запрещалось принимать амнистію, обѣщанную нашимъ правительствомъ тѣмъ, кто сложитъ оружіе до 1-го мая. Декретомъ отъ 29-го апрѣля н. ст. лишались покровительства законовъ (*wujęci z rod prawa*) всѣ тѣ, кто будетъ редактировать и выдавать распоряженія о секвестрѣ имѣній повстанцевъ. Декретомъ отъ 3-го мая н. ст. объявлены всѣ дѣла и искн лицъ, участвующихъ въ возстаніи, оконченными (*Zawierzenie wszystkich spraw cywilnych.*) Декретомъ отъ 10-го мая н. ст. уничтожено названіе «временное правительство», а принято названіе: «народное правительство» (*Rząd Narodowy*), согласно чему измѣнены и печати. Декретомъ отъ 11-го мая н. ст. запрещено Александру Ласкому принимать должность предсѣдателя польскаго банка. Декретомъ отъ того же числа признанъ недействительнымъ контрактъ,

Въ заключеніе послѣдовало важнѣйшее распоряженіе жонда: князь Владиславъ Чарторскій (старшій сынъ князя Адама) назначенъ «главнымъ заграничнымъ агентомъ народнаго правительства», что сдѣлано, болѣе всего, по настоянію Рупрехта и его бѣлыхъ друзей, недавнихъ членовъ шляхетской Дирекціи, которые, со времени слитія обѣихъ организацій воедино, частенько заглядывали на засѣданія жонда и мѣшались въ его дѣла.

Получивъ номинацію, князь, какъ говорятъ, былъ очень доволенъ, хотя и ссызаялъ шутя своему тогдашнему секретарю, Калинкѣ: «вотъ и мы теперь члены жонда народоваго!»¹⁾

Тогда же, изъ опасенія, чтобы папа не поступилъ съ возстаніемъ, какъ предмѣстникъ его, Григорій XVI, въ 1831 году: не грянулъ проклятіемъ—былъ назначенъ римскимъ агентомъ жонда папскій камергеръ Владиславъ Кульчицкій. При этомъ жондъ народонный от-

заключенный президентомъ города Варшавы съ англійскою компаніей о канализаціи и водопроводахъ Варшавы. Декретомъ отъ 14-го мая н. ст. всѣ поляки, живущіе за границей безъ всякихъ занятій, приглашались воротиться въ отечество въ теченіе 10 дней, подъ страхомъ лишенія гражданскихъ правъ.

¹⁾ Часть его перенески съ жондомъ см. въ приложеніи. Подъ вліяніемъ князя Владислава, при содѣйствіи его родственника, князя Константина Чарторскаго, снаряжена въ Англій морская повстанская экспедиція, съ дѣлюю сдѣлать высадку на берега Курляндіи; экспедиція эта составляетъ совершенно отдѣльный эпизодъ возстанія 1863 года. А. Герценъ сообщаетъ объ ней любопытныя подробности въ статьѣ своей «Пароходъ Вардъ-Джаксонъ» (Очеркъ россійскаго, Женева 1870, стр. 207). Одновременно съ этою экспедиціей должны были двинуться въ Курляндію, съ литовскими бандами, Сѣраковскій и Колюско, дабы соединиться съ повстанцами, имѣющими прѣлечь моремъ. На эти банды ударилъ, 3-го мая н. ст. 1863, генералъ Ганецкій, подъ дер. Мадейками, недалеко отъ мѣст. Биржъ. Послѣ перваго столкновенія наши отступили, но 6-го мая ударили опять и разбили повстанцевъ. Раненные Сѣраковскій и Колюско отнесены своими солдатами въ какую-то нѣбу, но ихъ нашли и отпразднаны въ Вильню. Колюско повѣшенъ въ Вильнѣ, 9-го іюня н. ст. 1863; Сѣраковскій повѣшенъ тамъ же, 27-го іюня н. ст. Возстаніе на Жмуди послѣ этого сильно упало (Гиллеръ, II, 301—302). Краткая біографія Сѣраковскаго, заданная въ Вильнѣ Н. Цыловымъ: «Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь—Вильна, 1867. О Колюскѣ Гиллеръ сообщаетъ слѣдующее: «Волеславъ Колюско воспитывался въ Московскомъ университетѣ, потомъ учился недолго въ Кунео. Какъ и всѣ прочіе, бывшіе тамъ, нахватался извращенныхъ революціонныхъ теорій, извлеченныхъ изъ брошюръ старой эмиграціи, и вынесъ съ собою въ Польшу анархическое настроеніе, неуваженіе опыта, заслугъ и лѣтъ, а также нетерпѣніе и безумство самыхъ страшныхъ размѣровъ» (II, 313). Въ другомъ мѣстѣ Гиллеръ выражается о подобномъ народѣ: «считали себя рожденными предводительствовать, какъ нѣбогда шляхта воображала себя рожденною царствовать» (II, 214).

Н. В.

правильнѣ къ святѣйшему отцу письмо, гдѣ говорилось, въ чрезвычай-но скромныхъ формахъ, что «война поднята за свободу, а слѣдова-тельно, и за вѣру, которая стѣснена и терпима».

Въ заключеніи письма, возстаніе просило у святѣйшаго отца бла-гословенія. Папа не отвѣчалъ, но велѣлъ передать подъ рукою поль-скими повстанцамъ, что онъ «благословляетъ ихъ оружіе»¹⁾.

Дѣло возстанія пошло съ этихъ поръ стройнѣе. Можно сказать: всѣ главныя силы страны соединились теперь въ одномъ и томъ же порывѣ. Все, что только могло жертвовать во всѣхъ «захватахъ» и въ эмиграціи, стало жертвовать единодушно, отдавая возстанію по-слѣдній грошъ. Нѣтъ сомнѣнія, что объ эту пору, возстаніе распо-лагало значительными суммами. Дабы завести какой-нибудь поряд-окъ въ расходованіи поступившихъ съ разныхъ сторонъ денегъ и всякихъ цѣнныхъ предметовъ, жондъ народовой, по сношеніи съ княземъ Владиславомъ Чарторьскимъ, отправилъ въ Парижъ Леона Круликовскаго, съ порученіемъ основать тамъ особый польскій коми-тетъ, что и было имъ исполнено. Въ этотъ комитетъ вошли членами: князь Владиславъ Чарторьскій, Ахиллесъ Бонольди, Иосифъ Ор-денга, Людвигъ Воловскій, графъ Есаверій Браницкій и дирек-торъ Батиньольской школы подъ Парижемъ, докторъ Северинъ Га-лензовскій.

Сверхъ обязанности открыть центральную кассу и центральный контроль, польскій комитетъ долженъ былъ всемѣрно возбуждать вниманіе Европы къ польскому дѣлу, закупать оружіе и доставлять во-лонтеровъ. Въ первомъ случаѣ онъ зависѣлъ отъ князя Владислава Чарторьскаго, во второмъ отъ основанной тогда же, въ Литтихѣ (Liège), комиссіи вооруженія, состоявшей изъ предсѣдателя Годабска-го и членовъ: познанскаго помѣщика Александра Гуттри, графа Ива-на Дзялынскаго, помѣщика Свинарскаго и Леона Круликовскаго; въ третьемъ—отъ революціонныхъ властей Галиціи и Познани.

Съ іюня мѣсяца комиссія вооруженія стала дѣйствовать самостоя-тельно, доставляя возстанію оружіе и военные припасы. Съ нею сно-сились поляки и иностранцы, за исключеніемъ вѣнскихъ и галицій-скихъ агентовъ, которые распоряжались отдѣльно. Ими были: Осипъ Квятковскій и Осипъ Петрашковичъ (служившій когда-то у Замой-скаго, въ Обществѣ пароходства по Вислѣ). Оба они находились въ зависимости отъ краковскаго комитета воен. департамента Варшавы.

Систематическое употребленіе денегъ, поступившихъ въ кассу жонда, правильная доставка въ банды оружія и другихъ необходи-

¹⁾ Авейде, IV, 69.

ныхъ предметовъ, равно появленіе иностранныхъ офицеровъ въ рядахъ повстанцевъ—оживили возстаніе. Во многихъ пунктахъ Царства Польскаго возникли большія банды, хорошо одѣтыя и вооруженныя. Наиболѣе всего обстоятельства благоприятствовали образованію значительныхъ бандъ въ Куявахъ ¹⁾. Начальникъ тамошняго (т. е. калишскаго) военнаго отдѣла, генералъ-лейтенантъ Бруннеръ, держалъ ввѣренныя ему войска преимущественно въ одномъ пунктѣ, въ Калишѣ и его окрестностяхъ, и очень рѣдко посылалъ оттуда отряды на поиски въ разныя стороны, что дѣлалось повсюду. Куявскія банды разрастались и разрастались, получая постоянныя подкрѣпленія людьми, оружіемъ и всякими военными припасами изъ-за границы, которая была весьма недалеко. Мѣстечки: Скульскъ, Пыздры и Слупца ²⁾ очутились въ рукахъ повстанцевъ, которые производили тамъ ученія и смотры войскъ, со стрѣльбою въ цѣль, какъ-бы на своей, давно и прочно завоеванной территоріи. А мелкія банды разгуливали безнаказанно по лѣвому берегу Вислы, въ извѣстной уже читателямъ Кампинской пушчѣ, и, приближаясь къ Плоцку, пускали черезъ рѣку по его улицамъ пули ³⁾.

Одна изъ большихъ куявскихъ бандъ (образовавшаяся еще до диктатуры Лангевича) состояла подъ командой военнаго начальника назовецкаго воеводства, Зейфрида, тайнаго сообщника Мирославскаго. Вскорѣ послѣ бѣгства своего патрона за границу, Зейфридъ, также бѣжавшій изъ-подъ Кршивосондаа и гдѣ-то скрывавшійся, явился опять въ Куявахъ и собралъ банду, съ цѣлію служить интересамъ неудавшагося диктатора, но этотъ диктаторъ, какъ видѣли, не переходилъ вторично границы. Зейфридъ соединился съ бандою Юнгафонъ-Бланкенштейна ⁴⁾, весьма хорошаго офицера французскихъ

¹⁾ Мѣстность на границѣ калишскаго и частію плоцкаго воеводства и Пруссіи.

²⁾ Конинскаго уѣзда, Варшавской губерніи (Прежнее дѣленіе).

³⁾ Сообщено начальникомъ Плоцкаго военнаго отдѣла и послѣ подтверждено однимъ повстанцемъ, служившимъ въ бандѣ, которая бродила по Кампинской пушчѣ. Онъ рассказывалъ, что, будучи потребованъ на службу, проѣхалъ изъ своей деревни обывательскою почтой по Калишскому, Ленчицкому и Ловичскому уѣздамъ, Варшавской губерніи, 13 миль (т. е. 91 версту), во всеоружіи, и никѣмъ не былъ остановленъ, даже не встрѣтилъ ни одного солдата и ни одного казака.

Н. В.

⁴⁾ Банда Юнга образована на средства Бѣлаго Познанскаго комитета (Дзлинскаго-гуттри), съ которымъ Юнгъ переписывался. Въ прислуживаніи французскихъ офицеровъ принимала довольно ревностное участіе сестра графа Дзлинскаго Марья, вышедшая замужъ за графа Владислава Замойскаго. Ея и отацемъ Lambert завербованы между прочимъ, кромѣ Юнга: подполковникъ французской службы Виконтъ де-Ное; сержантъ-майоръ: Фонтъ и

войскъ, присланнаго эмиграціей. Они бродили безъ всякихъ опредѣленныхъ цѣлей по границѣ, около Казиміръжа, Конинскаго уѣзда, Варшавской губерніи. Вскорѣ къ нимъ пристала довольно большая банда Людвигъ Оборскаго ¹⁾).

Кромѣ того, держались еще въ Куявахъ большія банды Меленцакаго, Эдмунда Калье и Тачановскаго ²⁾).

Слухъ о нихъ достигъ наконецъ и до Бруннера, и онъ рѣшился послать на рекогносцировку отрядъ изъ 2-й стрѣлковой роты и 5-й линейной Олонецкаго пѣхотнаго полка, полсотни казаковъ и столько же объѣздчиковъ, подъ начальствомъ маіора Нелидова, который весьма скоро открылъ непріятеля, но долженъ былъ, по несообразности силъ, отказаться отъ всякой мысли о боѣ, и перейти на прускую территорію.

Это надѣлало много шуму у насъ и за границей.

Изъ Варшавы отправленъ былъ въ Куявы флигель-адъютантъ, полковникъ Заинъ-Витгенштейнъ
. Средства, которыми позволилъ располагать ему начальникъ отдѣла, были недостаточны, чтобы предпринять что-либо серьезное. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ съ куявскими повстанцами, Витгенштейнъ былъ отозванъ въ Варшаву ³⁾), а на его мѣсто по-

Рошеблавъ. Всего приглашено, въ концѣ марта 1863 г. и немного позже, около 50 иностранцевъ, преимущественно французовъ. Они прибыли въ Познань съ паспортами парижской полицейской префектуры, подъ видомъ купеческихъ прикащиковъ и ремесленниковъ. (Ратчъ. Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 въ сѣверо-зап. губерніяхъ, II, 723, 732, 733).

¹⁾ Тотъ самый, который дѣйствовалъ въ 1848 г. См. статью три битвы (Тгу боје) въ «Газетѣ Народовой» (Gazeta Narodowa) 1878, №№ 136, 139, 151, 152, 154, 156, 157.

²⁾ Калье и Тачановскій—также произведеніе бѣлой партіи Дзялннскаго. Калье служилъ въ «иностранномъ легіонѣ» подъ Севастополемъ. Потомъ былъ учителемъ французскаго языка въ Познани. Тачановскій—отставной офицеръ прусскихъ войскъ.

³⁾ Витгенштейнъ хвалился послѣ на словахъ и даже гдѣ-то напечаталъ, что онъ (на основаніи правъ, данныхъ въ то время всѣмъ начальникамъ частей) повѣсилъ въ Куявахъ, безъ суда и слѣдствія, слишкомъ 70 повстанцевъ, за чтѣ ему досталось отъ разныхъ заграничныхъ органовъ печати. Краткія свѣдѣнія объ его дѣйствіяхъ можно найти въ «Журн. Воен. д.» «къ № 13, стр. 9». Самая значительная битва его съ повстанцами была на разсвѣтъ 22-го марта в. ст. 1863 г., подъ Ольшаномъ, въ Казиміровскихъ лѣсахъ. При этомъ раненъ смертельно Меленецкій, а Калье, тоже тяжело раненный, унесенъ съ поля битвы на ружьяхъ. Въ «Жур. Воен. д.» сказано такъ: «бой продолжался пять часовъ. Поляки дрались упорно и съ знаніемъ дѣла. Банда состояла большею частію изъ отставныхъ прусскихъ солдатъ, хорошо вооруженныхъ».

Н. В.

славъ генераль-лейтенантъ Костанда, съ несравненно большими средствами и уполномочіями.

Въ добавленіе къ отряду изъ трехъ стрѣлковыхъ ротъ, двухъ орудій 3-й конной гвардейской батареи, 120 саперъ и 40 казаковъ, которыхъ генераль Костанда взялъ изъ Варшавы, дозволялось ему взять сколько угодно войскъ по пути, изъ калишскаго отдѣла, не спрашивая на то разрѣшенія у генерала Врунера. Отрядъ генерала Костанды тронулся изъ Варшавы (14-го) 26-го апрѣля по желѣзной дорогѣ до Кутна, а ватѣмъ обыкновеннымъ путемъ. Тотчасъ была замѣчена какая-то тревога между жителями деревень и мѣстечекъ, черезъ которыя двигались наши войска. Всѣ бургомистры и войты гминь умоляли командующаго отрядомъ «не говорить съ ними ни слова, потому что ихъ за это повѣсятъ». Въ Клодавѣ былъ въ самомъ дѣлѣ найденъ повѣщенный за что-то повстанцами бургомистръ.

Въ послѣднемъ мѣстечкѣ генераль Костанда захватилъ три роты Ладожскаго пѣхотнаго полка, 40 Мариупольскихъ гусаръ и 30 казаковъ, такъ что весь его отрядъ составилъ 6 ротъ пѣхоты, 120 саперъ, 40 гусаръ, 30 казаковъ и 2 конныхъ орудія. Когда войска прибыли (15-го) 27-го апрѣля, въ мѣстечко Коло, многіе изъ жителей говорили, что «недалеко оттуда, подъ мѣстечкомъ Бабякомъ ¹⁾, скрывается небольшая банда». Это были показанія фальшивыя. На самомъ дѣлѣ, близъ Бабяка стояли банды Зейфрида, Юнга и Оборскаго, которыя, по уходѣ Нелидова въ Пруссію, спокойно расположились въ густыхъ Оссовскихъ лѣсахъ: Зейфридъ—ближе къ Бабяку, Юнгъ—на сѣверъ оттуда, въ разстояніи версты; почти на такое же разстояніе далѣе—стоялъ Оборскій.

По словамъ повстанцевъ, служившихъ въ этихъ бандахъ, они жили весьма комфортабельно, получая содержаніе изъ окрестныхъ деревень. Водки, говядины, хлѣба—было у нихъ постоянно вдоволь, особенно у кавалеріи. Солдаты смотрѣли бодро и весело. Одѣты были всѣ одинаково и сносно вооружены. Кавалерія отличалась роскошью убранства коней, богатыми сѣдлами, чапраками и уздечками. Въ отрядѣ Юнга всѣ офицеры (большую частію иностранцы) имѣли пяти-зарядные револьверы-карабины ²⁾. Не было только въ бандѣ согласія и единства. Ничтожный по своимъ способностямъ Зейфридъ

¹⁾ 12 верстъ отъ Коло на сѣверъ.

²⁾ Но солдатамъ вооруженія недоставало. Въ бумагахъ Дзялминскаго, при обыскѣ его познанскаго палаца, найдено между прочимъ письмо къ нему Юнга, отъ 19-го апрѣля н. ст. 1863, гдѣ есть такіа слова: «у меня 500 чело-вѣкъ, изъ нихъ у половины нѣтъ даже палки для защиты». (Ратчъ, II. 736).

безпрестанно ссорился съ Юнгомъ, вслѣдствіе того, что не видалъ съ его стороны ожидаемаго почтенія и повиновенія (какъ начальнику воеводства), и еще оттого, что Юнгъ, аристократъ происхожденіемъ, высказывалъ совсѣмъ другіе взгляды на способы, ведущіе къ освобожденію Польши: тяготѣлъ болѣе къ отелю Lambert, а не къ Мирославскому. Прибывшій позже Оборскій держалъ себя нейтрально, имѣя въ виду, въ случаѣ крайнихъ несогласій между его товарищами, уйти отсюда и пристать къ другимъ бандамъ.

Жондъ зналъ очень хорошо способности всѣхъ этихъ лицъ и собирався передать главное командованіе куявскими бандами въ руки Юнга, какъ болѣе достойнаго и образованнаго офицера. Этого требовала отчасти и тогдашняя бѣлая политика жонда. Кромѣ того, жондъ имѣлъ и личный зубъ противъ Зейфрида: послѣдній относился весьма непочтительно къ центральной власти возстанія, писалъ не рапорты, а какія-то небрежныя отношенія, безъ всякихъ титуловъ. О тайныхъ связяхъ Зейфрида съ Мирославскимъ жонду было давно извѣстно. Однакожъ, имѣя причины замѣнить Зейфрида Юнгомъ, жондъ не рѣшался этого сдѣлать изъ опасенія скандала—неповиновенія куявскихъ бандъ, которыя привыкли къ имени Зейфрида и, несмотря на его недостатки, видѣли въ немъ всетаки своего воеводу, а Юнгъ былъ для нихъ чужой человекъ, французъ, не могшій съ ними путемъ объясниться.

Жондъ прибѣгъ къ полумѣрѣ. Незадолго до битвы, къ описанію которой мы приближаемся, Юнгъ получилъ отъ него письмо, болѣе или менѣе такого содержанія:

«Тачановскій располагаетъ въ Пыздрахъ 1,000 штуцерами и 500-ми косами. Вы имѣете, какъ слышно, также до 1,000 штуцеровъ. Дѣйствуя неразвѣльно, вы составляете значительную силу. Край въ вашихъ рукахъ. Вербуйте народу, какъ можно болѣе, а мы будемъ доставлять оружіе. Съ сожалѣніемъ узнали о вашемъ удаленіи изъ Казиміровскихъ лѣсовъ. По нашему мнѣнію, вамъ-бы не слѣдовало уходить отсюда, не сформировавшись вполнѣ. Но, будучи на мѣстѣ, вы, конечно, лучше знаете, что дѣлать. Мы полагаемъ на васъ большія надежды. Надняхъ получите номинацію на военнаго начальника мазовецкаго воеводства. Просимъ васъ извѣщать насъ обо всемъ, какъ можно чаще»¹⁾.

Когда банды узнали о приближеніи войскъ подъ начальствомъ генерала Костанды, Юнгъ отправился къ Зейфриду, чтобы условиться

¹⁾ Въ такомъ видѣ сообщено это письмо автору генераломъ Костандъ объ, который имѣлъ въ рукахъ подлинникъ, найденный на трупѣ Юнга.

съ нимъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ и просилъ его при этомъ передать ему главную команду. Зейфридъ не только на это не согласился, но, подстрекая тутъ интригу бѣлыхъ противъ Мирославскаго, распустилъ по всему лагерю слухъ, что французъ заговариваетъ что-то недоброе, вслѣдствіе чего около ста человекъ перебѣжало изъ банды Юнга къ Зейфриду ¹⁾.

На зарѣ 17-го апрѣля ст. ст., верстахъ въ четырехъ отъ Оссовскихъ лѣсовъ, явился къ генералу Костандѣ колонистъ-пѣмецъ и спросилъ: «куда вы идете?».

— Намъ сказали, что тутъ есть бандочка,—отвѣтилъ генералъ:— такъ мы ее и ищемъ.

— Какая тутъ бандочка: тутъ цѣлыхъ три большія банды, тысячи въ три человекъ, въ крѣпкой лѣсной позиціи,—сказалъ колонистъ и при этомъ сообщилъ нѣсколько подробностей о сочувствіи повстанцамъ окрестныхъ деревень: какъ хлопья возили въ лѣсъ всякіе припасы; а въ заключеніе сообщилъ, что повстанцы похитили его сестру, очень красивую женщину, и это обстоятельство—местъ за сестру (а можетъ, коханку) привело колониста въ русскій отрядъ.

Генералъ Костанда спросилъ его о расположеніи бандъ, раздѣлилъ свой отрядъ на три части, изъ которыхъ одною, на лѣвомъ флангѣ (рота 4-го стрѣлковаго баталіона, 1-й саперный баталіонъ, 30 гусаръ и 10 казаковъ), поручилъ командовать полковнику Рейнтау. Другою частью, въ центрѣ (двѣ роты 4-го стрѣлковаго баталіона, 10 гусаръ, 10 казаковъ и два орудія), командовалъ полковникъ Гагемейстеръ; тутъ же находился и самъ начальникъ отряда, генералъ Костанда. Третьею колонною, справа, въ двѣ стрѣлковыя роты Ладожскаго пѣхотнаго полка и 15 казаковъ, поручено командовать майору Димману. При всѣхъ частяхъ дѣйствовало по нѣскольку человекъ объѣзчиковъ.

Поздравивъ войска со днемъ рожденія Государа Императора, генералъ сказалъ имъ, что «въ такой день не побѣдить нельзя!».

Солдаты прокричали «ура!» и двинулись въ бой бѣгомъ. Непріятельскіе ведеты прозѣвали насъ (а можетъ быть, ихъ не было и вовсе), и потому банды нѣсколько не приготовились къ бою. Послѣ ожесточенной свалки въ лѣсу, банда Зейфрида (правый флангъ непріятельской позиціи) дрогнула первая. Зейфридъ бѣжалъ со штабомъ и едва не попался въ плѣнъ: лошадь его завязла въ болото, онъ соскочилъ и скрылся въ лѣсу ²⁾. Солдаты его, не видя вождя, также пустились

1) Свѣдѣнія отъ плѣнныхъ повстанцевъ куявскихъ бандъ. В.

2) Потомъ онъ бѣжалъ за границу; Станиславъ Ярмундъ, въ званіи чрезвычайнаго комиссара народнаго правительства, вручилъ ему увольненіе отъ

бѣжать, бросая оружіе, шапки и даже сапоги. Гусары, казаки и объѣзджики, подъ общимъ начальствомъ уланскаго поручика Баха, гнали ихъ нѣсколько верстъ, имѣя въ помощь два орудія, подъ прикрытіемъ 40 стрѣлковъ. Центръ и лѣвый флангъ непріятеля, т. е. банды Юнга и Оборскаго, атакующіе нашею центральною колонною и правымъ крыломъ, держались часа четыре. Банда Юнга ходила нѣсколько разъ въ штыки, съ русскимъ «ура!». Самъ Юнгъ, окруженный толпою иностранцевъ, бился отчаянно, сперва на конѣ, потомъ пѣший, и палъ—пробитый тремя пулями ¹⁾. Смерть его разстроила ряды въ обѣихъ бандахъ, и онѣ стали отступать въ безпорядкѣ къ мѣстечку Избицѣ (верстъ 12 отъ Бабака на сѣверъ), куда подошли потомъ и остатки банды Зейфрида.

Нашею добычею были: 3 знамени, 2 обоза, большой запасъ говядины, колбасъ и картофеля; 40 лошадей съ отличными бархатными сѣдлами; 200 литтскихіхъ штуцеровъ и нѣсколько пятиствольныхъ револьверовъ-карабиновъ. Кромѣ того, банда Зейфрида разбросала по дорогѣ до 300 паръ сапогъ и 700 косъ ²⁾.

Вечеромъ того же дня (17-го апрѣля ст. ст.), войска генерала Костанды воротились въ Коло, гдѣ нашли отрядъ генерала Краснокутскаго, въ 3 роты 4-го стрѣлковаго баталіона, 60 саперъ, 2 эскадрона гродненскихъ гусаръ, сотню казаковъ и два орудія, посланный изъ Варшавы на помощь генералу Костандѣ, для окончательнаго уничтоженія куявскихъ бандъ.

Вниманіе обохъ генераловъ сосредоточилось на бандѣ Тачанов-

должности военнаго начальника мазовецкаго воеводства и отдалъ его подъ судъ, такъ какъ было донесеніе, что онъ, въ сообществѣ съ Древновскимъ и Мирославскимъ, затѣвалъ *coup d' état*: испроверженіе жонда. На мѣсто Зейфрида назначенъ Оборскій, который вскорѣ тяжело раненъ подъ Невѣржемъ. Его замѣнилъ Слупскій и перешелъ съ остатками бандъ Варту. Наконецъ, начальникомъ военныхъ силъ въ мазовецкомъ воеводствѣ назначенъ полковникъ Калье (Гиллеръ, II, 261—262).

¹⁾ Его узнали по письму, которое было приведено выше, и по фуражкѣ съ нашивками. Докторъ его, снявъ одного совѣтника изъ Калиша, просилъ у генерала Костанды, со слезами на глазахъ и цѣлуя руки, фуражку вождя на память. Тѣло Юнга похоронено въ мѣстечкѣ Брдовѣ. Сверхъ упомянутаго письма, найдена была при Юнгѣ переписка его съ родителями, которые отговаривали его ѣхать въ Польшу, когда онъ былъ еще въ Алжирѣ, въ апрѣлѣ 1863; и потомъ писали въ Польшу, чтобы онъ бросилъ глупости и воротился домой. На мундирѣ Юнга былъ почему-то польскій крестъ *virtuti militari*. Кромѣ Юнга, въ той же битвѣ погибли французы Эспинасъ и Лоранъ.

²⁾ Разсказъ генерала Костанды. Богѣе подробное описаніе этого дѣла можно найти въ «Журн. Воен. дѣйствій», № 20, дополненіе. Также въ статьѣ «Военнаго Сборника» 1863: «Двадцать дней въ гѣсу». Н. В.

скаго, который стоялъ сначала въ Пыздрахъ, а потомъ, отразивъ нападеніе подполковника Орановскаго ¹⁾, перешелъ на лѣвый берегъ Варты и двинулся на мѣстечко Рыхваль, гдѣ имѣлъ столкновеніе съ отрядомъ генерала Бруннера, въ 11-ть ротъ; затѣмъ занялъ мѣстечко Коло, оставленное Костандою и Краснокутскимъ (которые предполагали Тачановскаго въ другихъ мѣстахъ и пошли на поиски), но, пробивъ тамъ только одинъ день, направился къ Игнацову и тамъ укрѣпился; это былъ пунктъ чрезвычайно удобный для выдержки серьезнаго нападенія: за дѣревяной, расположенной вблизи границы, тянулись непроходимыя трясины, среди которыхъ была устроена узкая гать, по коей банда могла во всякое время уйти на прусскую территорію. По этой же гати производились подвоимъ провіанта и оружія изъ-за границы. Такъ какъ въ странѣ господствовалъ страшный терроръ—за малѣйшее сообщеніе съ неприятелемъ наказывали смертію ²⁾, то оба наши генерала, по выстуПЛеніи изъ Коло, долго скитались по всему Колинскому уѣзду, не находя Тачановскаго, вслѣдствіе фальшивыхъ показаній «языковъ». Генералъ Костанда заглядывалъ даже въ уѣздъ Влодавскій, къ Брдову и Сомпольну, на основаніи слуховъ, что въ тѣхъ мѣстахъ прошли банды, но тамъ ничего не оказалось.

Тѣмъ временемъ Краснокутскій, оставшись одинъ, не такъ далеко отъ Коло, встрѣтился съ Бруннеромъ, и оба, узнавъ, что банда Тачановскаго заняла Коло, двинулись туда, но не нашли уже тамъ никого, а только узнали, что Тачановскій перешелъ въ Игнацово и тамъ укрѣпился. Тогда оба генерала рѣшились атаковать повстанцевъ въ Игнацовѣ съ двухъ сторонъ, въ одно и то же время: Краснокутскій съ юга, а Бруннеръ съ сѣвера, для чего первый двинулся на Лубстовъ, а второй на Сомпольно. При нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ между собою этихъ генераловъ (недоразумѣніяхъ, доходившихъ до того, что Краснокутскій вызывалъ Бруннера на поединокъ), при излишней горячности одного и такой-же нерѣшительности другаго, они не могли дѣйствовать согласно (Бруннеръ значительно опоздалъ противъ диспозиціи), вслѣдствіе чего Тачановскій держался въ Игнацовѣ долго и нанесъ отряду Краснокутскаго большой уронъ. Но всетаки дѣло кончилось нашимъ торжествомъ: Игнацово зажжено артиллеріей Краснокутскаго, и Тачановскій принужденъ былъ уйти съ своею бандою за границу ³⁾.

¹⁾ Польскіе источники. Изъ нашего «Журн. В. д.» этого не видно.

²⁾ Колонистъ, дошедшій генералу Костандѣ о присутствіи большихъ бандъ въ Оссовскихъ дѣсахъ, найденъ послѣ повѣшеннымъ около Бабяка, съ переломанными руками и ногами.

³⁾ Подробности въ «Журн. В. д.», № 21, стр. 1—3.

Генералъ Костанда напалъ на складъ оружія, оставленный Тачановскимъ въ Казиміровскихъ лѣсахъ ¹⁾, подъ присмотромъ шт.-ротмистра Пенѣнжака и помѣщика Глищинскаго. Тамъ было 250 штуцеровъ и ружей, 400 кость, нѣсколько сабель, сѣдла и разныхъ инструментовъ. Говорили, что графъ Иванъ Дзялинскій, служившій у Тачановскаго рядовымъ, хотѣлъ прислать за этимъ оружіемъ особую команду, но не прислалъ ²⁾.

Такимъ образомъ всѣ большія куявскія банды были уничтожены. Генералъ Краснокутскій воротился въ Варшаву; генералу Вруннеру велѣно подать въ отставку, а генералъ Костанда сдѣланъ военнымъ начальникомъ Копинскаго уѣзда. Онъ нашелъ весь этотъ уѣздъ въ состояніи совершеннаго безначалія. Русскіе орлы были вездѣ сняты и замѣнены польскими. Ни одна кокарда не смѣла показаться на фуражкѣ чиновника. Присутственные мѣста служили жонду; помѣщики и крестьяне забыли и думать, что такое казенные взносы и подати; почта приходила исправно только для поляковъ и жидовъ. О русскихъ письмахъ постоянно говорилось въ особыхъ накладныхъ: «письма ихъ благородій и высокоблагородій задержаны». Два мѣсяца боролся генералъ Костанда съ этими безпорядками, и только послѣ самыхъ энергическихъ и безцеремонныхъ мѣръ (напримѣръ, онъ сжегъ однажды, въ присутствіи получателей—поляковъ и жидовъ, всю почту, недоставившую русскихъ писемъ) прежнее русское управленіе стало мало-по-малу водворяться ³⁾.

Другая группа крупныхъ бандъ явилась, около того же времени, на югѣ Люблинской губерніи. Одною изъ нихъ была банда полковника Леона Чеховскаго ⁴⁾, сформированная за границей. Она состояла изъ пѣхоты и уланъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ одинаково: пѣхота имѣла штуцера; кавалерія — пики, сабли и пистолеты. Чеховскій перешелъ границу въ самомъ началѣ марта по н. ст., близъ дер. Люхово, на югѣ Яновскаго уѣзда, пробылъ въ Люховѣ всего одинъ день (4-го марта ст. ст.) и двинулся на Тарногородъ, а отту-

¹⁾ Копинскаго уѣзда.

²⁾ Въ апрѣлѣ, какъ сказано выше, была въ познанскомъ палацѣ Дзялинскаго ревизія, причѣмъ забраны всѣ бумаги. Хозяинъ успѣлъ бѣжать въ Царство, потомъ въ Берлинъ и Парижъ.

³⁾ Официальныя свѣдѣнія и рассказъ генерала Костанды.

⁴⁾ Нѣкоторые смѣшиваютъ Леона Чеховскаго «съ бунучной фигурой» — Дюнисиємъ Чеховскимъ, какъ сдѣлано и въ официальныхъ донесеніяхъ полковника Мѣдвикова. Это совершенно два разныя лица и пишутся польски неоднаково: Czechowski і Czachowski.

да въ Накликъ ¹⁾. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ банда Чеховскаго рас-
считывалась залетомъ (голландскимъ и австрійскимъ) и потому про-
звана «золотою бандою».

Стоявшій въ это время съ отрядомъ въ Яновѣ командиръ Архангело-
городскаго пѣх. п., полковникъ Мѣдниковъ, узнавъ о появленіи Чехов-
скаго подъ Тарногородомъ (про него говорили, что онъ имѣетъ подѣ
командой тысячъ 20—30), послалъ въ ту сторону двѣ колонны: одну
въ двѣ пѣхотныя роты и 37 казаковъ, съ объѣздчиками, подѣ на-
чальствомъ маіора Штернберга, прямо на Тарногородъ; а другую,
въ 1¹/₂ роты и взводъ уланъ, подѣ начальствомъ капитана Завад-
скаго,—черезъ Гуту-Кришшовскую, на дер. Харасюки, во флангъ
неприятелю. Лишь-только эти колонны выступили изъ Янова, полу-
чено было извѣстіе, что какая-то новая банда перешла черезъ гра-
ницу у Кришшова и пристала къ Чеховскому. Въслѣдствіе этого пол-
ковникъ Мѣдниковъ послалъ, съ 7-го на 8-е марта ст. ст., на подво-
дахъ, въ помощь выступавшимъ отрядамъ, еще колонну, изъ одной стрѣ-
ковой роты, взвода уланъ и 30 казаковъ, подѣ начальствомъ маіора
Владимірова, и при ней отправился самъ, для распоряженія всѣмъ
ходомъ дѣйствій. Достигнувъ дер. Харасюковъ, Мѣдниковъ соеди-
нился съ колонной Завадскаго (которая подвергалась передъ тѣмъ
опасности быть атакованною большими массами, но все кончилось
незначительною перестрѣлкой)—и тутъ узналъ, что банды, занимав-
шія Тарногородъ и Накликъ, двинулись въ Единскій лѣсъ, а по-
тому поспѣлъ въ этомъ направленіи. Повстанцы были вскорѣ от-
крыты въ сказанномъ лѣсу, за р. Таневью. Они разбирали за собою
мостъ. Не давъ имъ окончить этихъ работъ, Мѣдниковъ ударилъ
на нихъ всѣми своими силами, перешелъ черезъ мостъ и, послѣ трехъ-
часоваго упорнаго боя, потерявъ довольно много людей, отступилъ
снова за рѣку и расположился бивакомъ при дер. Говдь-Лининскій ²⁾.

9-го марта ст. ст., подошла къ Мѣдникову колонна маіора Штерн-
берга, которая была имъ отправлена немедленно влѣво, съ цѣлью отгрѣ-
зять бандамъ отступление за границу. Самъ-же Мѣдниковъ, съ Завад-
скимъ, перейдя снова Таневь, двинулся на дер. Банахи (куда, по
слухамъ, направился Чеховскій) и тутъ неожиданно былъ атакованъ
повстанцами въ густомъ Цесменскомъ лѣсу. Произошла упорная битва,
тянувшаяся съ 10-ти часовъ утра до трехъ пополудни. Повстанцы шли
весело, съ пѣснями, гдѣ можно было различить, между прочимъ,

¹⁾ Мѣстечки Тарногородъ и Накликъ находятся въ самой южной части
Яновскаго уѣзда, близъ австрійской границы.

²⁾ На югѣ Яновскаго уѣзда.

«з думем рожагów», но стрѣляли плохо: большую часть зарядовъ несло надъ головами нашихъ солдатъ, вслѣдствіе чего наша потеря была незначительна. Мѣдниковъ показываетъ ее въ 12 человекъ нижнихъ чиновъ убитыми и 20 человекъ ранеными. Потерю отряда Чеховскаго Мѣдниковъ считаетъ въ 200 человекъ. Въ 4-мъ часу банды отступили, оставивъ въ нашихъ рукахъ часть обоза, походную церковь, съ утварью и облаченіемъ ксендза, хорошую аптеку и хирургическіе инструменты.

Въ числѣ плѣнныхъ оказались: адъютантъ Чеховскаго, инженеръ-капитанъ Заранскій; майоръ австрійской службы Цальпяхтъ, начальникъ такъ называемыхъ «бессмертныхъ стрѣлковъ»¹⁾; майоръ бывшихъ польскихъ войскъ Энглертъ, служившій у турокъ, у венгерцевъ, у американцевъ и въ марсальской тысячѣ, и еще нѣсколько иностранцевъ, болѣе всего австрійскихъ офицеровъ, взявшихъ временно отпуски.

Банды, сколько извѣстно, шли нѣкоторое время небольшими группами, въ разбивку, а потомъ, у Гуты-Брешневской, соединились въ одну массу и такимъ образомъ перешли черезъ границу, гдѣ скрывались до тѣхъ поръ, пока Мѣдниковъ, со всѣми своими отрядами, не двинулся обратно къ Ялову²⁾. Потомъ Чеховскій снова перешелъ границу въ Радомской губерніи и углубился въ лѣса Опатовскаго уѣзда.

Еще въ Люблинской губерніи объ эту пору (начало апрѣля по ст. ст.) явилась банда Леховеля³⁾, въ 350 человекъ, сформированная тоже за границей и перешедшая въ Царство гдѣ-то на югъ. Противъ этой банды былъ отправленъ отрядъ, состоявшій изъ одной линейной и взвода стрѣлковой роты Архангелородскаго гѣх. полка, полуэскадрона Харьковскихъ уланъ, 16 казаковъ и 10 объѣздчиковъ, подъ начальствомъ майора Штернберга. Обозрѣвъ пограничный Люховскій лѣсъ и слѣдуя оттуда черезъ деревни Рожанецъ и Боровне-Млыни, Штернбергъ открылъ, 4 апрѣля ст. ст., банду на югъ Яновскаго уѣзда, среди болотъ и трясины, въ Боровскомъ лѣсу, гдѣ послѣ упорнаго дѣла, съ четырехъ до семи часовъ вечера, повстанцы были разбиты, потерявъ до 70 человекъ убитыми и ранеными. Кромѣ того, нами захвачено: знамя, 50 штукъ разнаго оружія, 7 пудовъ по-

¹⁾ Ихъ было до 500 человекъ. Они имѣли на шапкахъ изображеніе адамовой головы и были вооружены хорошими штуцерами.

²⁾ Разсказъ Мѣдникова и «Журн. В. д.», № 14, стр. 2—6.

³⁾ Такъ показываетъ полковникъ Мѣдниковъ, но, кажется, тутъ былъ другой предводитель у повстанцевъ.

року, 8 пуда свинцу, 10 тысячъ кандалей, 9 лошадей и нѣсколько повозокъ съ състинными припасами. Съ нашей стороны потеря была очень не велика: 1 убитый и 4 раненыхъ ¹⁾. Остатки банды Делевая (?) углубились въ Боровскій лѣсъ, рассчитывая, повидимому, соединиться съ большою партіей Езеранскаго ²⁾.

Посланная противъ послѣдняго колонна изъ яновскаго отряда, изъ 4 роты Архангелогородскаго пѣх. полка, ваводъ уланъ, сотню казаковъ и 2 орудія, подъ начальствомъ майора Штернберга, атаковать повстанцевъ, 19-го апрѣля ст. ст., въ Глуховскомъ лѣсу, на болотистой мѣстности Кобылянкѣ, у самой австрійской границы, ничего не могла сдѣлать и отступила къ деревнѣ Борóвме-Млины ³⁾.

Въ помощь ей двинута новая колонна, изъ 4 пѣхотныхъ роты, подъ начальствомъ майора Оголина, но и вмѣстѣ онѣ не рѣшились ничего предпринять и, перейдя въ селеніе Замкъ, дали знать о своемъ затруднительномъ положеніи въ Яновъ, откуда направлена немедля третья колонна, изъ одной роты Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, двухъ ротъ 5-го стрѣлковаго баталіона, вавода уланъ и 60 казаковъ, подъ начальствомъ майора Чернявскаго. При этой колоннѣ находился и самъ начальникъ яновскаго отряда, полковникъ Мѣдниковъ.

23-го апрѣля ст. ст. послѣдняя колонна прибыла въ селеніе Осухи, недалеко отъ Замкъ, гдѣ стояли Штернбергъ и Оголинъ. Увидясь съ ними, Мѣдниковъ составилъ диспозицію, по которой колонна Чернявскаго пошла на другой день, 24 апрѣля, въ направленіи къ деревнямъ Мазярже и Глухи, для осмотра лѣсовъ, нѣтъ-ли тамъ бандъ; а ко-

¹⁾ «Журн. В. д.», II, № 19, стр. 1.

²⁾ «Езеранскій», выйдя изъ Гроховскаго лѣса, гдѣ, какъ извѣстно, былъ вмѣстѣ съ Лагевичемъ, перебрался въ Галицію и сформировалъ отрядъ въ Ржешовскомъ уѣздѣ, на глазахъ австрійцевъ, которые не оказывали этому ни малѣйшаго прещаствія. Въ главной квартирѣ Езеранскаго, Войтковицахъ, кипѣлъ народъ какъ на ярмаркѣ; разныя лица пріѣзжали за приказаніями, или съ рапортами къ генералу. Всѣхъ тавыхъ кормили и поили до отвалу. Столы стояли вѣчно накрытые для большаго количества гостей... Потомъ отрядъ переправился черезъ Санъ на паромахъ и вступилъ въ Царство Польское, въ Орднватскихъ лѣсахъ, близъ дер. Кобылянки, и тутъ расположился лагеремъ: (Wspomnienia Kapitana Wojsk Polskich). Гиллеръ говоритъ: «Въ то время свободно выѣзжали изъ Бракова. Австрія была какъ-бы на сторонѣ восстанія и смотрѣла сквозь пальцы, когда кто-либо изъ ея польскихъ подданныхъ спѣшилъ ему на помощь (Austrija bowiem zdawała się być przychylną i patrzeć na pomoc niesioną mu przez jej polskich poddanych przez szpary. (I, 288)». Эти слова вполне гармонируютъ съ тѣмъ, что мы сказали о сношеніи жонда съ Дегенфельдомъ и вообще съ фактами, описанными выше, въ своемъ мѣстѣ:

³⁾ «Журн. В. д.», № 20, стр. 2, и № 21, стр. 3—4. Также рапортъ полковника Мѣдникова при № 23.

лонна Оголина, съ Мѣдннковымъ, двинулась къ Боровымъ-Млинамъ, гдѣ оставила обозъ и котли, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ пѣхоты, вввода уланъ и сотни казаковъ, съ объѣздчиками, а остальные войска (5 ротъ пѣхоты, 2 орудія и сотня казаковъ съ объѣздчиками) направились въ Глуховскій лѣсъ, держась на востокъ, болѣе сухими и удобопроходимыми мѣстами. Вскорѣ эти войска наткнулись на банды, занимавшія укрѣпленную позицію. Спереди шли разныя искусственныя и природныя преграды, въ такомъ порядкѣ: засѣки въ три линіи (срубленныя и засыпанныя землею деревья), потомъ болота и рѣчка, далѣе снова засѣки, со рвами для стрѣлковъ. За послѣдними засѣками находился уже лагерь, изъ шалашей, на пространствѣ, приблизительно, одной квадратной версты. Шалаши были частію изъ досокъ, частію плетевые. Каждый могъ вмѣщать отъ 20-ти до 30-ти человекъ. Кромѣ того, были еще землянки и погреба. Тылъ лагерь примыкалъ къ границѣ, гдѣ былъ сухой, удобный переходъ на австрійскую землю. Въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда видѣлось австрійское населеніе Тепилы, гдѣ находился повстанскій штабъ, пользуясь всѣми удобствами жизни: изъ Галиціи подвозились туда всевозможныя припасы и продовольствіе, по распоряженію львовскаго комитета. Австрійскій отрядъ, расположенный вблизи, не обращалъ на повстанцевъ ни малѣйшаго вниманія, какъ будто-бы они были тоже мѣстнымъ войскомъ. Между офицерами существовали даже близкія сношенія и дружба: они вмѣстѣ кутили въ Тепилахъ ¹⁾.

Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, уничтожить банду Езеранскаго (тогдашняго военнаго начальника люблинскаго воеводства) не было никакой возможности: она всегда могла укрыться безопасно за границу. Можно было только выгнать ее изъ Царства—Мѣдннковъ рѣшился это попробовать. Онъ ударилъ на повстанцевъ съ 5-ю ротами, при двухъ орудіяхъ. Солдаты наши пошли въ бой съ криками «ура!». Съ такими-же точно криками пошли противъ насъ и повстанцы. Засѣки нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки и остались, послѣ трехчасоваго упорнаго боя, за неприятелемъ ²⁾.

Мѣдннковъ отступилъ и, выждавъ маіора Чернявскаго, возобновилъ атаку. Неприятель былъ выбитъ изъ своей позиціи и ушелъ за границу ³⁾.

¹⁾ Разсказъ Мѣдннкова.

²⁾ Мѣдннковъ въ своемъ рапортѣ начальнику люблинскаго военнаго отряда выражается: «наши войска встрѣтили въ пнсургентахъ достойныхъ себя противниковъ» («Журн. В. д.», къ № 23, стр. 6). Н. В.

³⁾ Разсказъ Мѣдннкова. По польскимъ источникамъ здѣсь можно сообщить слѣдующую подробность: «отдохнувъ послѣ Кобылянскаго боя 24 часа,

Мы потеряли при этомъ до полутораста человекъ убитыми и ранеными. Потеря непріятели въ точности неизвѣстна. Мѣдниковъ говоритъ, что вся граница была усѣяна трупами. Плѣнныхъ не было. Оглобленные солдаты предавали смерти все встрѣчавшееся ¹⁾. Въ числѣ убитыхъ повстанцевъ найдены трупы: молодаго графа Валигурскаго ²⁾, поручика графа Тышкевича, маіора Казанецкаго и помѣщиковъ: Краснолуцкаго, Прешеля и Пясецкаго. Начальникъ штаба Езеранскаго, Тома Винницкій, тяжело раненъ въ голову; кромѣ того, тяжело ранены: капитанъ Вышомірскій, Завадскій, Литвицкій, Курекъ, Сокольниковъ и Висневскій. Самъ Езеранскій былъ контуженъ. По лѣсу было собрано нашими солдатами до 300 австрійскихъ наръзныхъ ружей и болѣе 15-ти тысячъ патроновъ.

25-го апрѣля ст. ст., весь нашъ отрядъ двинулся на д. Замхъ и видѣлъ, какъ банда Езеранскаго, тысячи въ полторы человекъ, тянулась по галиційской сторонѣ, повидимому, къ Тарногороду.

Давъ людямъ отдохнуть въ д. Замхѣ, Мѣдниковъ также пошелъ (разумѣется, своею стороною) къ Тарногороду и занялъ его. Посланный отсюда развѣдать открылъ банду Езеранскаго въ Люховскомъ лѣсу, вслѣдствіе чего были двинуты туда двѣ колонны, но повстанцы снова перешли границу.

Езеранскій тайно оставилъ лагерь, передавъ главное начальство надъ своимъ отрядомъ тому-же самому бригадиру Смѣховскому, которому было поручено командовать остатками разстроенной арміи Лангевича послѣ Гроховискаго дѣла. Какъ и тогда, онъ не могъ справиться съ деморализованною массою, кричавшею: «измѣна! измѣна!», и перешелъ границу».

Жондъ народовой лишилъ Езеранскаго званія воеводы и отдалъ подъ судъ, но судъ его оправдалъ. Нѣсколько позже Езеранскій началъ снова формировать банду (подъ покровительствомъ того-же Адама Сапѣты), но времени и взглядъ австрійцевъ на возстаніе измѣнились: его арестовали и интернировали въ Меранъ (въ Тиролю), откуда ему позволено было, спустя нѣкоторое время, выѣхать во Францію» (Гиллеръ, I, 306).

«Кобиллянская битва имѣла большое вліяніе на состояніе умовъ въ люблинскомъ воеводствѣ и въ восточной Галиціи. Духъ значительно упалъ. Галиційская шляхта не хотѣла даже помогать возстанію» (Тамъ-же).

¹⁾ Тотъ-же рапортъ Мѣдникова, къ № 28 «Журн. В. д.», стр. 4.

²⁾ Того самаго, подъ чьимъ именемъ Пустовойтова бѣжала за границу, послѣ Гроховиской битвы.

28-го апрѣля ст. ст., Мѣдниковъ, отдѣливъ часть своихъ войскъ для прикрытія Тарногорода, съ остальными пошелъ параллельно движенію бандъ и въ деревнѣ Наклинѣ снова попалъ на слѣды ихъ bivака. Банды опять очутились на нашей сторонѣ, идя, по слухамъ, на деревни Липины и Харасюки. Нашъ авангардъ имѣлъ съ ними перестрѣлку, въ теченіе часу. Повстанцы отступили въ Цесменскій лѣсъ, а когда нашъ отрядъ и тутъ ихъ преслѣдовалъ—опять ушли за границу и расположились противъ насъ въ лѣсу. Инне всадники выѣзжали на поляну, снимали шалки и звали насъ къ себѣ. Мѣдниковъ, замѣтивъ на границѣ австрійскій отрядъ, подѣхалъ къ его начальнику и спросилъ: «почему онъ дозволяетъ повстанцамъ разгуливать такъ свободно на австрійской территоріи?». Тотъ отвѣчалъ: «что-жъ мнѣ дѣлать: ихъ много, а насъ мало!»¹⁾

V.

Федоръ Федоровичъ Бергъ.

...Сдѣлалось очевиднымъ, что, если поляки до сихъ поръ не образумились, то ужъ не образумятся никогда. Отсюда являлась необходимость поставить во главѣ управленія Царствомъ обыкновеннаго генерала, съ приказаніемъ: ввести въ странѣ временный терроръ, иначе сказать—усилить военное положеніе, выбить клинъ клиномъ.

Стали прискивать человѣка, который-бы, отправясь первоначально въ Варшаву, въ видѣ помощника намѣстнику, могъ, въ данную минуту, сдѣлаться намѣстникомъ самъ и произвести необходимую ломку. Роль была въ высшей степени трудная; магѣйшая неосторожность такого лица могла испортить все сразу.

...Старый генералъ, немудраго, нѣмецкаго происхожденія, прошедшій весьма сложную служебную карьеру труднымъ плебейскимъ путемъ; испившій, такъ сказать, всю чашу службы безъ протек-

¹⁾ Все это рассказано автору самимъ полковникомъ Мѣдниковымъ.

ди, или, по крайней мѣрѣ, безъ сильной протекціи, не поморщившись ни разу, человекъ не брезгливый въ приемѣ должностей, достаточно тонкій и находчивый во всякихъ служебныхъ положеніяхъ и не безъ характера.

Это былъ недавній финляндскій генералъ-губернаторъ, графъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Бергъ, жившій въ Петербургѣ на покой, въ званіи почетнаго президента Николаевской Академіи, стало быть, ни при чемъ.

Берговъ въ Россіи множество, едвали не больше, чѣмъ Ивановыхъ. Большинство ихъ ливонскаго происхожденія: потомки рыцарей-меченосцевъ. Часть ихъ вышла въ Россію изъ Лифляндіи довольно-давно, разорвала съ нѣмцами всякія связи, обрусѣла, кое-гдѣ подѣлалась русскими помѣщиками и не считается нѣмцами нисколько. Другая часть, вышедъ изъ Лифляндіи позже, постоянно оглядывается назадъ, на свой Ливонскій Waterland, и крѣпко держится преданій и языка предковъ. Эти Берги адоровѣи служить, чѣмъ ихъ обрусѣвшіе однофамильцы.

Такимъ былъ и только-что упомянутый нами графъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Бергъ, служившій Россіи за 50 Берговъ не-нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ!

Отецъ его былъ небогатымъ Лифляндскимъ дворяниномъ, которому принадлежала небольшая мыза, неподалеку отъ Дерпта, по имени Загницъ, или полнѣе и величественнѣе, по-рыцарски, Schloss-Sagnitz. Нѣкоторые изъ тонкихъ Берговъ тѣхъ мѣстъ увѣряютъ, что, по старому, народному произношенію, надо говорить: Schloss Sangnitz. Пусть будетъ, пожалуй, Schloss-Sangnitz. Въ самомъ началѣ 90-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія, онъ женился на своей сосѣдкѣ по имѣнію, госпожѣ Эрмесъ (Ermes), нѣмѣ выродившейся фамиліи, а въ маѣ 1793 года ¹⁾ родился у нихъ сынъ Ѳеодоръ, который, послѣ немудраго домашняго воспитанія, отдавъ былъ родителями въ Дерптскій университетъ, одновременно съ сыномъ ихъ сосѣда по имѣнію, Лихтенфельдомъ. Оба мальчика ѣздили домой на вакаціи въ одной тележкѣ. Время пребыванія ихъ въ университетѣ было очень бурное, полное наполеоновскихъ громовъ. Подошелъ

¹⁾ Такъ по формулярному списку Ѳ. Ѳ. Берга, а по запискамъ генерала отъ инфантеріи Григорія Берга, изданнымъ въ Дрезденѣ на нѣмецкомъ языкѣ, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, Ѳ. Бергъ родился въ маѣ 1794 г. У него было еще три брата: старшій, Густавъ, нигдѣ не служившій; ему досталось имѣніе Schloss-Sagnitz; Александръ, нѣмѣ генеральнѣй консулъ нашъ въ Лондонѣ; и третій—Максъ, отставной гусарскій ротмистръ, живущій въ своемъ небольшомъ Лифляндскомъ имѣніи, Меленгофѣ. Н. В.

1811 годъ. Въ Россіи запахло войною; начались военныя приготовленія, забили барабаны, замаршировали полки. Студентъ Бергъ поѣхалъ на лѣтнюю вакацію домой, съ неразлучнымъ своимъ товарищемъ Лиліенфельдомъ. На пути имъ попался какой-то полкъ. Знамена вѣяли, штыки играли на солнцѣ. Оба юноши, исполненные кипучихъ силъ и настроенные, какъ всѣ тогдашніе юноши, весьма воинственно, съ завистью смотрѣли со своей мирной нѣмецкой тележки на загорѣлыя, мужественныя лица солдатъ, на все это стройное, военное, поэтическое движеніе. Воображеніе ихъ понеслось—Богъ знаетъ куда.

— «А что,—сказалъ Бергъ,—не бросить-ли намъ университетъ? Какъ-то странно заниматься теперь латинью и чортъ-знаетъ чѣмъ, когда весь міръ охваченъ войною! Давай, по прїѣздѣ, попросишься у родителей въ военную службу: не знаю, какъ твою, а мою навѣрное пустятъ!»

— И мои пустятъ!—замѣтилъ Лиліенфельдъ.

Прїѣхали и сейчасъ-же сообщили родителямъ свои желанія: родители благословили того и другаго. Бергъ собрался живо и, сказавъ, что «встрѣченный имъ полкъ—его судьба», догналъ его и поступилъ въ его ряды. Это былъ Либавскій пѣхотный полкъ; а Лиліенфельдъ поскакалъ искать болѣе-красиваго мундира ¹⁾.

Такимъ образомъ началась служба нашего Федора Федоровича,—безвѣстнаго, бѣднаго лифляндчика, гдѣ-то тамъ, на сѣверѣ нашей обширной имперіи, въ столь-же безвѣстномъ армейскомъ полку. Тяжела такая служба. Бергъ понялъ очень скоро, что тутъ одной хорошей маршировкой и тонкимъ знаніемъ военного устава много не возьмешь. При несчастіи можно посядѣть еще до капитанскаго чина. Поэтому онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои способности и свойства, какими только надѣлила его природа: нѣкоторую пронырливость и забѣгательство передъ высшими чинами; рѣшился брать всякія порученія, не брезгать ничѣмъ.

Это былъ въ то время съ виду свѣжій, розовый юнкеръ, съ густыми, немного вьющимися волосами темнаго цвѣта; съ грудью впередъ, всегда «безупречно вымытый, застегнутый и причесанный; говорившій очень точно, спокойно и учтиво и умѣвшій, когда надобно,

¹⁾ Существуетъ еще такой варіантъ этого факта: Бергъ ѣздилъ также изъ университета, съ товарищемъ Лиліенфельдомъ, къ ландрату Боку, въ имѣніе послѣдняго Войзникъ. Послѣ встрѣчи студентами Либавскаго пѣх. полка и по объясненіи ихъ съ родителями, старшій сынъ Бока, Тимофей Егоровичъ, гусарскій полковникъ, будучи посланъ журьеромъ въ Ригу, взялъ Берга и Лиліенфельда съ собою и опредѣлилъ ихъ, при посредствѣ губернатора Эссена, въ Либавскій полкъ.

молчать по нѣскольکو часовъ сряду, не испытывая самъ и не производя въ другихъ ни малѣйшаго замѣшательства» — какъ тотъ Бергъ, котораго описываетъ Толстой въ своемъ знаменитомъ романѣ «Война и Миръ» и про котораго Шиншинъ, трепля его по плечу, выражается: «ну, батюшка, вы и въ нѣкотѣ, и въ кавалеріи, вездѣ пойдете въ ходъ: я это вамъ предрекаю!»¹⁾

Попавъ съ своимъ полкомъ въ составъ Рижскаго корпуса, назначеннаго охранять нижнее теченіе Двины, Бергъ очутился, въ половинѣ 1812 года, въ отрядѣ генераль-лейтенанта Левиза, котораго расположеніе умѣлъ завоевать очень быстро, какъ расторопный, искательный юнкеръ и какъ нѣмецъ. Въ концѣ іюля онъ предложилъ Левизу «высмотрѣть непріятельскую позицію подѣ Даленкирхеномъ» — исполнилъ это блистательно, вслѣдствіе чего наши войска смѣло ударили на французовъ и разбили ихъ, при сказанномъ мѣстечкѣ, 24-го и 26-го іюля 1812 года, на-голову.

Шумъ этой незначительной побѣды, за недостаткомъ другихъ военныхъ подвиговъ нашей арміи, отдался далеко. Награды поспѣлись. Бергъ получилъ первый офицерскій чинъ и отправленъ, черезъ три недѣли потомъ, съ донесеніемъ къ императору о новыхъ успѣхахъ нашего оружія, причемъ генералъ Левизъ отзывался очень лестно не только о храбрости посланнаго, но и о чрезвычайной его расторопности и всестороннемъ образованіи. Замѣчено было, конечно, что онъ «недавній студентъ Дерптскаго университета». Государь приказалъ произвести его въ слѣдующій чинъ, съ зачисленіемъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части, что нынѣ генеральскій штабъ.

Такъ безъизвѣстный лифляндецъ выбрался изъ вязкихъ армейскихъ трясины на большую торную дорогу военной карьеры.

Дабы не быть затертымъ, не застрять въ чинѣ послѣ такого довольно счастливаго начала, Бергъ сталъ поминутно навязываться на исполненіе трудныхъ порученій, соединенныхъ иногда съ чрезвычайными опасностями и даже съ переодѣваніемъ въ разные костюмы. Крѣпкое тѣлосложеніе и постоянно хорошее здоровье помогли ему не мало въ этихъ случаяхъ. Онъ не зналъ, что такое жаръ, что такое холодъ, не чувствовалъ утомленія, вѣчно былъ бодръ, веселъ, одинъ и тотъ же. Его обошли даже тѣ болѣзни, которыя въ наше время никого не обходятъ. Кто повѣритъ: цвѣтущій юноша, кровь съ молокомъ, не дотронулся, въ эту кипучую пору своей жизни, ни до одной женщины! Онъ зналъ, твердо зналъ, что есть поцѣлуй,

¹⁾ «Война и Миръ», московское изданіе 1873, стр. 95—97.

которые способны осадить человека на какомъ-угодно форсированномъ маршѣ самой баснословной карьеры, зная это—и съ истинно нѣмецкимъ стоицизмомъ воздерживался ¹⁾...

Намъ незначѣмъ исчислять всѣхъ крупныхъ и мелкихъ сраженій, въ которыхъ участвовалъ храбрый подпоручикъ въ теченіи всего «вѣчной памяти двѣнадцатаго года» ²⁾: онъ въ нихъ ничѣмъ особеннымъ не отличился, былъ только храбръ, какъ и всѣ. По переходѣ нашихъ войскъ черезъ границу, въ 1813, Бергъ, какъ знавшій хорошо нѣмецкій языкъ ³⁾, очутился въ Пруссіи, при партизанскихъ отрядахъ генераловъ Кутузова и Тетенборна, которымъ было поручено очищеніе разныхъ прусскихъ городовъ отъ французскихъ гарнизоновъ; а потомъ попалъ въ партизанскій отрядъ полковника Бенкендорфа. По занятіи Ротенбурга, Бергъ посланъ былъ на островъ Гельголандъ, въ рыбацкой лодкѣ, зашитый въ мѣшокъ, какъ кладъ ⁴⁾, дабы вытребовать отъ англійскаго губернатора острова 10,000 ружей, для вооруженія жителей Гамбурга. Исполнивъ это порученіе, Бергъ отправился немедленно въ не менѣе опасный вояжъ, въ Данію, для переговоровъ о соединеніи русскаго и датскаго флотовъ у береговъ Гамбурга: достигъ и этого, и получилъ разомъ чинъ поручика, орденъ Анны 4-й степени и Владимира 4-й степени съ бантомъ. Затѣмъ еще нѣсколько сраженій, вмѣстѣ съ опасными порученіями—и чинъ штабсъ-капитана (въ январѣ 1814); еще нѣсколько сраженій—и золотая пшлага, съ надписью «за храбрость», съ орденомъ Анны 2-й степени.

По возвращеніи нашихъ войскъ изъ-за границы, штабсъ-капитанъ Бергъ состоялъ нѣкоторое время при оберъ-квартирмейстерѣ гвардейскаго корпуса, а потомъ вдругъ, въ 1815 году, при внезапномъ появленіи Наполеона опять во Франціи, совершилъ походъ съ гвардіей до Вильны и обратно. Тутъ—снова служба по части секретныхъ развѣдокъ; переодѣванье и путешествія по краю въ различныхъ костюмахъ.

Когда все утихло, Берга послали съ секретнымъ порученіемъ въ Италію. Въ Миланѣ, или въ Венеціи, онъ встрѣтился съ одною зна-

¹⁾ Бергъ говорилъ послѣ адъютантамъ, что этому стоицизму онъ обязанъ безболѣзненнымъ долголѣтіемъ.

²⁾ Они исчислены въ некрологѣ графа Берга, въ «Русскомъ Иввалидѣ» 1874, № 6.

³⁾ По-русски онъ говорилъ въ то время плохо и выражался, что «отдастъ бы полжизни за хорошій русскій языкъ». Позже не давалъ за это уже ни одного дая.

⁴⁾ Бергъ самъ рассказывалъ объ этомъ адъютантамъ, прибавляя, что «его отъ качки и вони рвало въ мѣшкѣ».

комю ему по Петербургу дамой, графиней Аннони, рожденной Чиконія ¹⁾, которой мужъ былъ когда-то австрійскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ ²⁾. Бывая у нихъ въ Петербургѣ, Бергъ немного ухаживалъ за графиней, — можетъ быть, съ дипломатическими цѣлями. Инне говорятъ, что она ему просто-за-просто нравилась и кокетничала съ нимъ. Теперь ему вздумалось возобновить свои атаки противъ ея сердца.

. Покрытая для насъ туманомъ интрига капитана Берга заняла довольно времени, такъ что онъ, вообще весьма честный нѣмецъ на службу, не воротился въ Петербургъ къ назначенному сроку, и былъ, по приказанію Государя, уволенъ въ отставку. Пришлось поправлять потрясенную карьеру. При различныхъ усиленныхъ хлопотахъ, Бергъ пристроился, спустя нѣкоторое время, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, къ нашему константинопольскому посольству, завязавъ тамъ знакомства съ разными агентами европейскихъ державъ, вывѣдалъ нѣсколько секретовъ, снялъ кое-какія мѣстности Балканскаго полуострова, между прочимъ дорогу черезъ Балканы; перебрался потомъ въ Италію и Германію, гдѣ тоже вывѣдалъ что могъ — и получилъ за всѣ оказанныя въ теченіе этого времени услуги правительству чинъ статскаго совѣтника, съ зачисленіемъ въ дѣйствительную службу тѣхъ лѣтъ, которыя онъ былъ въ отставкѣ; а въ 1822 году, по ходатайству генераль-квартирмейстера главнаго штаба, князя Волконскаго, переименованъ въ полковника и посланъ въ киргизскую степь начальникомъ экспедиціи противъ шаекъ, наносившихъ вредъ нашей торговлѣ. При этомъ изслѣдовалъ мѣстность между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, съ занесеніемъ на планъ ³⁾. Такіе труды и подвиги въ кир-

¹⁾ Одинъ изъ предковъ ея, Пасквале Чиконія, былъ венеціанскимъ дожемъ (1585—1595) и замѣчательнъ построеніемъ на Большомъ каналѣ моста Риальто. Въ гербѣ этой фамиліи ансть (Cisogna).

²⁾ Отсюда начало душевныхъ связей Берга съ австрійцами. Онъ всю жизнь говорилъ, что «самые естественныя союзники Россіи — австрійцы».

Н. В.

³⁾ В. И. Даль, бывшій нѣсколько лѣтъ позже въ Оренбургѣ и наслушавшійся тамъ разныхъ разностей объ этой экспедиціи, передавалъ автору, что Бергъ былъ очень взискателенъ къ своимъ подчиненнымъ, безпрестанно заглядывалъ въ ихъ работы и дѣлалъ выговоры. Въ особенности доставалось капитану генеральнаго штаба Артюхову. Однажды Артюховъ, раздраженный распеканіями Берга, бросилъ перо на планъ, который рисовалъ на-чисто, и сдѣлалъ патно. «Какъ вамъ не стыдно выходить изъ себя безъ всякой причины, — замѣтилъ Бергъ, — вотъ вы испортили генеральный планъ!» — Ничуть не испортилъ, — отвѣчалъ Артюховъ, — посмотрите, какаѣ въ этомъ мѣстѣ выйдеть у меня прекрасная горка! — Взялъ перо и сдѣлалъ изъ чернильнаго патна горку тамъ,

гизскихъ степяхъ были награждены орденомъ Владимира 3-й степени, Анны 2-й степени, съ алмазами, и чиномъ генераль-маіора. Карьера стала поправляться.

Въ день коронаціи императора Николая Павловича, генераль-маіоръ Бергъ переименованъ, по нѣкоторымъ высшимъ соображеніямъ, въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ зачисленіемъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, и вскорѣ потомъ назначенъ вторымъ совѣтникомъ нашего посольства при Оттоманской портѣ.

Предвидѣлись военныя дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ. Наше правительство не имѣло хорошихъ картъ Турціи. Бергу поручено было употребить всевозможныя старанія къ снятію если не всего полуострова, то хотя главныхъ его мѣстностей, какимъ хочетъ способомъ. Если же это окажется неисполнимымъ, дозволялось истратить значительную сумму на приобрѣтеніе готовой карты. При исполненіи этого порученія Бергъ оказалъ чудеса ловкости и отваги: онъ бродилъ по краю, переодѣваясь въ разныя одежды, терпѣлъ всякія лишения, проводилъ иногда цѣлыя дни и ночи на открытомъ воздухѣ, то подъ палящими лучами солнца, то на вѣтру, то на дождѣ, и потерялъ чрезъ это всѣ свои волосы. Чтѣ именно онъ сдѣлалъ—въ точности неизвѣстно, но хлопотъ положилъ много.

Говорили, что представленный имъ Государю весьма-подробный планъ Турціи вовсе не былъ результатомъ опасныхъ секретныхъ съемокъ (которыя были, въ серьезныхъ размѣрахъ, одному человѣку рѣшительно невозможны), а просто-за-просто купленъ, за большія деньги, въ англійскомъ посольствѣ.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, Бергъ снова переименованъ въ генераль-маіора и назначенъ генераль-квартирмейстеромъ 2-й арміи ¹⁾; участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и получилъ, въ теченіе всей кампаніи, Анну 1-й степени, Георгія 3-го класса и Владимира 2-й степени.

Въ началѣ 1830 года, подъ руководствомъ генерала Берга, произведена съемка нѣкоторой части Руминіи и подробная съемка береговъ рѣки Камчика и сѣверо-восточной части Балканъ.

По возвращеніи 2-й арміи въ Россію, Бергъ снова отправленъ

гдѣ въ натурѣ янется безконечная степь, ровная, какъ столъ. Такъ планъ и поѣхалъ въ Петербургъ, съ фантастическою артюховскою горкой».

¹⁾ О переименованіи Берга на этотъ разъ въ военные чины рассказываютъ, что будто бы государь Николай Павловичъ, бесѣдуя съ авторомъ плана Балканскаго полуострова, по возвращеніи его въ Петербургъ, взглянулъ на его фракъ и спросилъ: «что это, ты не служишь?»—И тутъ-то произошло зачисленіе его генераль-квартирмейстеромъ во 2-ю армію, съ чиномъ генераль-маіора.

Н. В.

въ секретными порученіями за границу, а когда вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ, Бергъ опять очутился въ военныхъ рядахъ; преслѣдовалъ съ графомъ Ридигеромъ Дверницкаго и убѣдилъ австрійцевъ обезоружить поляковъ, когда они перешли изъ Царства въ Галицію, за что получилъ орденъ св. Анны съ императорскою короною. Потомъ укротилъ возстаніе въ Волынской и Подольской губерніяхъ, послѣ чего прибылъ въ главную квартиру графа Дибича (въ маѣ 1831) и посланъ имъ, съ 1-ю гренадерскою дивизіею, для отысканія мѣста переправы за Бугъ главнымъ силамъ арміи, шедшей на выручку гвардіи, атакующей Скржинецкимъ. Переправивъ армію, генералъ Бергъ командовалъ частію авангарда и разбилъ поляковъ при дер. Пыски. Главныя силы наши вели тогда фронтальную атаку, двигаясь къ Остроляжкѣ. Дибичъ поручилъ Бергу обойти, съ тремя кирасирскими полками, непріятельскій флангъ и отрѣзать полякамъ отступленіе къ Чжову. Это было исполнено: поляки опрокинуты и потеряли орудіе, зѣмль, начальствуя всѣмъ авангардомъ нашей арміи, Бергъ преслѣдовалъ непріятеля и передъ Остроленкой переправился черезъ Наревъ по горящимъ перекладинамъ моста, овладѣлъ двумя орудіями и въ теченіе 10-ти часовъ удерживалъ занятую позицію, отразивъ шесть атакъ и взявъ въ плѣнъ двухъ генераловъ.

При главнокомандующемъ Паскевичѣ, во время движенія нашихъ войскъ на Ловичъ, Болимовъ и Надаржинъ, генералъ Бергъ, съ тремя кавалерійскими полками и конною батареею, атаковалъ непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты и двухъ эскадроновъ, вышедшихъ изъ Варшавы—окружилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ, за что назначенъ генералъ-адъютантомъ къ его величеству.

Такимъ образомъ, совершенно нѣсколько чисто-военныхъ подвиговъ, которые стоили того, чтобы быть занесенными въ военныя лѣтописи. Темная, статская сторона службы могла, Богъ съ ней, остаться въ подвалахъ государственнаго архива, доступнаго немногимъ, а военные подвиги — другое дѣло — пусть засіяютъ и заблещутъ въ глаза всѣмъ и дойдутъ до потомства!

Предусмотрительный дипломатъ, весьма неравнодушный къ тому, что стануть говорить о немъ послѣ его смерти, подготовилъ для себя своевременно и историка, по фамиліи Шмита, такого же нѣмца, какъ и самъ, даже изъ той же Лифляндской губерніи.

Проходя разныя ступени службы, большею частію при арміяхъ и не отказываясь ни отъ какихъ мѣстъ, даже полицейскихъ, Шмитъ пошелъ, въ 1822 году, въ Вильну, на мѣсто «цензора газетъ при тамошнемъ почтамтѣ». Въ 1830 году, начальникъ штаба дѣйствующей арміи, Толъ, бывъ въ Вильнѣ съ графомъ Дибичемъ и познако-

мась со Шмитомъ, пригласилъ его съ собою въ Царство Польское, для «редактированія военныхъ извѣстій въ заграничныя изданія». Тутъ, спустя нѣкоторое время, усмотрѣло его зоркое око Берга: они сошлись легко, какъ нѣмцы одного края, и потомъ уже не разставались.

При взятіи варшавскаго предмѣстья Воли, оба пріятеля, Бергъ и Шмитъ, вѣхали туда рядомъ верхами, вмѣстѣ съ разными начальниками частей, принимавшихъ участіе въ штурмѣ. По окончаніи кампаніи Бергъ передалъ Шмиту всѣ свои бумаги и, кромѣ того, выхлопоталъ ему (немного позже) дозволеніе работать въ архивахъ главнаго штаба. По этимъ матеріаламъ и по сочиненію о томъ же предметѣ Мохнацкаго, Шмитъ составилъ, въ нѣсколько лѣтъ, свою «Исторію польскаго возстанія и войны въ 1830—1831 годахъ», гдѣ, конечно, изобразилъ своего друга Берга въ надлежащемъ свѣтѣ. Но этой исторіи пришлось довольно долго лежать въ портфелѣ автора. Первые два тома, заключающіе въ себѣ описаніе похода Дябича, явились въ первый разъ въ печати только въ 1839 году, въ Берлинѣ, а третій, гдѣ описываются дѣйствія Паскевича, лежалъ еще девять лѣтъ, до 1848 года ¹⁾.

Тѣмъ временемъ Бергъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и уѣхалъ на отдыхъ въ Италію, причемъ, по старой привычкѣ, дѣлалъ кое-какіе поиски въ разныхъ дипломатическихъ канцеляріяхъ....

Случилось, что мужъ графини Аннони въ эту пору умеръ—и она стала русскою генеральшею (1832).

Потомъ Бергъ состоялъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей

¹⁾ Geschichte des Polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830—1831. Въ 1863—64 годахъ эта книга переведена на русскій языкъ капитаномъ Квѣтницкимъ и напечатана въ Петербургѣ. Кромѣ того, извѣстны слѣдующія сочиненія Шмита:

Aus Karls von Nostitz Leben und Briefwechsel, Dresden, 1848.

Schlacht bei Inkerman (По бумагамъ генерала Даненберга, безъ имени сочинителя).

Souworoff und Polens Untergang, nach archivalischen Quellen, Leipzig, 1858.

Denkwürdigkeiten eines Livländers, aus den Jahren 1790 — 1815, 2 Bde. Leipzig 1858.

Feldherrnstimmen aus und über den Polnischen Krieg vom Jahre 1831, Leipzig u. Heidelberg, 1858. Frédéric II, Cathérine et le partage de la Pologne d'après des documents authentiques, Paris, 1861.

Шмитъ умеръ 11-го марта 1865 года, въ С.-Петербургѣ, на 78 году отъ рожденія. Братскую его біографію можно найти въ № 85 Dziennika Warszawskiego, 1865, стр. 821. Богѣе подробную—въ III томѣ русскаго перевода его сочиненія о польскомъ возстаніи 1830—1831 годовъ. С.-Петербургъ, 1864, стр. XI—XXVIII.

армія, въ теченіе 12-ти лѣтъ съ раду, и получили за это время: Вѣлаго Орла, прусскаго Краснаго Орла 1-й степени, св. Александра Невскаго и маіоратъ въ Августовской губерніи.

Онъ держалъ себя при дворѣ Паскевича съ достоинствомъ и былъ въ числѣ генераловъ, которыхъ «военный диктаторъ» Царства Польскаго не рѣшался третиловать, какъ Викинскаго, Стороженку, Абрамовича ¹⁾.

Въ 1843 году генераль-лейтенантъ Бергъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи, съ назначеніемъ генераль-квартирмейстеромъ въ главный штабъ его величества, и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, алмазами украшеннаго. А послѣ февральской революціи въ Парижѣ (1848); стараго дипломата отправили съ разными секретными порученіями ко дворамъ прусскому и австрійскому, но онъ доѣхалъ только до Франкфурга на Одерѣ; дальше ѣхать было дѣломъ весьма рискованнымъ, по причинѣ успѣховъ революціи во всѣхъ странахъ на западѣ Европы. Бергъ пригласилъ къ себѣ русскаго консула и въ его присутствіи сжегъ всѣ письма къ разнымъ высокимъ особамъ, уничтожилъ свой русскій чемоданъ, съ мундирами и регаліями, обрилъ усы, снялъ парикъ, и въ такомъ видѣ, имѣя паспортъ на чужое имя, полетѣлъ въ Россію ²⁾. Въ Познани, однако, несмотря на маскарадъ, Бергъ былъ узнавъ, въ одномъ общественномъ мѣстѣ, Брониславомъ Домбровскимъ, который, какъ джентельменъ, не захотѣлъ разыграть роль донощика, а только шепнулъ Бергу: «вы узнаны, уѣзжайте поскорѣе!»—Бергъ прыгнулъ какъ мышь, и никогда не могъ забыть услуги, оказанной ему бывшимъ «начальникомъ праваго берега Вислы» ³⁾.

Въ венгерскую войну 1849 года Бергъ находился, по высочайшему повелѣнію, въ австрійскомъ лагерѣ и нѣкоторыми своими дѣйствіями парализовалъ распоряженія Паскевича, клонившіяся къ тому, чтобы его провозгласили генералиссимусомъ обѣихъ армій ⁴⁾. Раздра-

¹⁾ Рассказываютъ, что Паскевичъ однажды подбѣжалъ къ Бергу съ кулаками и началъ на него неистово кричать. Бергъ отступилъ на шагъ и сказалъ: «Я генераль-адъютантъ, ваша свѣтлость!». Паскевичъ ту-же минуту умолкъ и уже не повторялъ съ Бергомъ подобныхъ сценъ.

²⁾ Бергъ рассказывалъ впоследствии объ этомъ фактѣ многимъ своимъ знакомымъ въ Варшавѣ.

³⁾ «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 67 и далѣе. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ, Домбровскому, вслѣдствіе ходатайства Берга, разрѣшенъ въѣздъ въ Царство Польское и возвращено конфискованное имѣніе Буфлевъ. Н. В.

⁴⁾ Это могло послѣдовать при соединеніи армій, но австрійцамъ не хотѣлось предоставлять какія-либо преимущества русскому военачальнику и они

женный фельдмаршалъ потребовалъ Берга къ себѣ, но тотъ выхлопоталъ у австрійскаго императора письмо къ Государю и укатилъ съ нимъ въ Россію черезъ Берлинъ. Когда, по окончаніи венгерской кампаніи, фельдмаршалу представлялись, въ Николаевской залѣ Зимняго дворца, (27 октября 1850) всѣ высшіе военные чины Петербурга, въ томъ числѣ и Бергъ, — Паскевичъ, проходя мимо его, въ длинномъ ряду генераловъ, остановился и сказалъ: «слышалъ, что вы были нездоровы (и при этомъ повертѣлъ пальцемъ надъ головою); жаль, очень жаль!» — и пошелъ далѣе ¹⁾.

Послѣ этого до начала военныхъ дѣйствій въ 1853 году, Бергъ числился членомъ государственнаго совѣта и жилъ въ Петербургѣ.

При разрывѣ нашемъ съ Англіей и Франціей, Бергъ назначенъ командующимъ войсками въ Эстляндіи, а потомъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, получилъ отъ финляндскаго сената титулъ графа (26-го августа 1856 г.) и вышелъ въ отставку.

На немъ остановились, въ концѣ марта 1863 года, взоры въ Петербургѣ, въ минуту, въ высшей степени критическую, при серьезныхъ угрозахъ первостепенныхъ державъ.

То, что казалось, по русскимъ понятіямъ, необходимо нужнымъ для новой роли, было у стараго генерала: солидный чинъ, титулъ графа, множество регалій своихъ и иноземныхъ ²⁾, неимовѣрная слу-

употребили всевозможныя старанія, чтобы арміи отнюдь не соединялись. Бергъ не только не хлопоталъ о соединеніи, напротивъ, былъ постоянно, въ этомъ отношеніи, на сторонѣ австрійцевъ, гдѣ главнымъ врагомъ Паскевича считали Га й н а у. Критическіе взгляды его на дѣйствія нашего фельдмаршала достигли до Петербурга, и тамъ стали говорить, что «Паскевичъ не такъ ведетъ дѣло, позволилъ соединиться двумъ венгерскимъ арміямъ». Эти толки дошли до того, что Паскевичу предсказывали уже паденіе. Будто-бы М. С. В о р о н ц о в ъ выразился гдѣ-то: «нечего дѣлать, придется, кажется, ѣхать въ армію!». Однѣмъ Государь былъ постоянно на сторонѣ «отца-командира». Однажды за обѣдомъ во дворцѣ заговорили о Паскевичѣ несовсѣмъ выгодно: Государь застучалъ ножомъ въ тарелку и — всѣ умолкли.

Въ «Дневникѣ» Варнгагена фонъ-Энзе упоминается объ интригахъ Берга противъ Паскевича. Варнгагенъ увѣряетъ даже, будто-бы Бергъ уговорилъ Гайнау написать Паскевичу оскорбительное письмо. («Русская Старина» 1879, томъ XXIV, стр. 374).

¹⁾ Рассказъ генерала У ш а к о в а (Александра Ивановича, въ послѣдствіи генерала-отъ-инфантеріи), который стоялъ тогда подлѣ Берга. По другимъ рассказамъ, Паскевичъ остановился передъ Бергомъ, повертѣлъ надъ головою пальцемъ и, сказавъ: «то-то!» — пошелъ далѣе.

²⁾ Бергъ имѣлъ ордена австрійскій Стефана 1-й степени и титулъ графа австрійской имперіи; прусскій — пурлемеритъ съ короной; Краснаго Орла и Чернаго Орла, съ брилліантами; нидерландскій — Льва 1-й степени; шведскій — Святыхъ Серафимовъ, съ брилліантами, и греческій — Спасителя 1-й степени. Н. В.

жесткая опытность, выдержка, хитрость, достаточно твердый характеръ, способный не смущаться ничѣмъ. Бергъ могъ, въ случаѣ необходимости, быть очень, очень мягокъ, приятно, бархатисто-мягокъ; а въ другомъ случаѣ — могъ подписать какой-угодно приговоръ, не моргнувъ глазомъ¹⁾. Что касается исполнительности, настойчивости — этого старому дипломату было не занимать стать. Если какая-нибудь мысль серьезно зашла ему въ голову, онъ разставался съ нею не скоро; она была съ нимъ и во время обѣда, и на смотру войскъ, и въ театрѣ, и на охотѣ, и на балу, и ночью въ постелѣ. Онъ рѣдко, очень рѣдко не добивался того, чего положилъ себѣ добиться. Не надо было только мѣшать ему, подталкивать его. Коли онъ пошелъ, вѣрьте, онъ остановится развѣ тогда, когда встрѣтитъ ничѣмъ непробиваемую стѣну. Да и тутъ, посидѣвши немного (а иногда и много) въ креслахъ, онъ встанетъ и снова подойдетъ къ стѣнѣ — посмотрѣть: здѣсь-ли она и дѣйствительно-ли это такъ-таки ничѣмъ непробиваемая стѣна, которая ни отъ чего не поддастся?

Потребность постоянной дѣятельности, *regrettium mobile* какихъ-нибудь хлопотъ и возни, была у Берга такова, что онъ, такъ сказать, бросался одновременно повязывать на шею галстухъ и надѣвать тѣми же руками сапоги.

Политическая замкнутость его тоже была достаточная. Когда онъ хотѣлъ, — никто не могъ догадаться, что онъ думаетъ о томъ или другомъ предметѣ, о томъ или другомъ человѣкѣ.

Немолодые годы генерала не могли казаться помѣхой: семидесятилѣтній Бергъ былъ свѣжъ и крѣпокъ какъ юноша: отлично ѣздилъ верхомъ, шилъ, ѣлъ за четырехъ, работалъ съ утра до ночи, нисколько не утомляясь. Зрѣніе, память, слухъ — были у него поразительные. Далѣе никому изъ лицъ, рѣшавшихъ важный вопросъ, и въ голову не приходило заглядывать

¹⁾ Бергъ всегда съ большимъ одушевленіемъ рассказывалъ объ исполненіи какихъ-либо суровыхъ наказаній. Однажды онъ рассказывалъ автору, подпрыгивая, какъ полковникъ Горловъ, будучи посланъ Паскевичемъ наблюдать за нашей границей въ 1846 году («Записки о польскихъ заговорахъ и восстаніяхъ», стр. 104), собралъ мужиковъ и спросилъ: «нѣтъ-ли между ними охотниковъ распорядиться со своими помѣщиками такъ же, какъ распорядились ихъ братья въ Галиціи?» — Какъ не быть! — отвѣчали ему. «Позовите ихъ сюда!». Собралась большая куча: какъ началъ онъ ихъ млатъ да приговаривать: «вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!». И влѣпилъ — кому 100, кому 200 нагаекъ! «Прусскій король (добавилъ Бергъ) завидовалъ нашимъ порядкамъ на границѣ и говорилъ мнѣ не разъ: «какъ жаль, что у меня нѣтъ полковника Горлова!».

Н. В.

Обстоятельства помогли скорѣйшему переселенію Берга въ Варшаву: помощникъ намѣстника, какъ главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ, генераль-адъютантъ баронъ Рамзай, имѣвъ нѣсколько столкновеній съ Велепольскимъ, настоятельно просилъ уволить его отъ этой должности: уволили и послали на его мѣсто графа Берга.

Прибывъ въ Варшаву 24-го марта ст. ст. 1863 г., старшій дипломатъ сталъ влечься какъ тѣнь, ни во что, на первыхъ порахъ, не мѣшаясь, ничему не возражая, а только пожимая иногда плечами и испуская тихій вздохъ, такой тихій, какъ бы вдыкала настоящая тѣнь. Сходство съ тѣнью придавала ему еще болѣе сѣрая шинель стараго покроя, которую Бергъ носилъ постоянно, даже въ самые жаркіе дни.

.

Н. В. Бергъ.

Варшава.

КЪ ВОПРОСУ О БОЛГАРАХЪ.

Въ 1874 году впервые было напечатано мое изслѣдованіе «О славянскомъ происхожденіи дунайскихъ болгаръ». Какъ и можно было ожидать, изслѣдованіе это, идущее въ разрѣзъ съ накопившимися воззрѣніями на славянъ, многими было встрѣчено непріязненно. Мнѣніе о вялости, пассивности и неспособности славянъ къ созданію государственнаго быта, пущенное въ ходъ и своими, и чужими авторитетами, и поддержанное нашею модною наклонностью къ самоотриданію, до того укоренилось, что, напримѣръ, даже люди, специально занимающіеся славянствомъ, иногда оказываются нежелающими самостоятельно, критически отнестись къ этому мнѣнію, провѣрить его по источникамъ и фактамъ. Пока дѣло ограничивалось голословнымъ отрицаніемъ, и никто не бралъ на себя труда выступить противъ меня съ критическими и фактическими опроверженіями, то и я не имѣлъ случаевъ подтвердить свои выводы. Только въ послѣднее время начали представляться подобные случаи, которыми и полагаю воспользоваться въ настоящей своей замѣткѣ.

Извѣстный специалистъ по славянству, профессоръ варшавскаго университета, г. Макушевъ, въ своей критикѣ «Исторіи болгаръ» Иречка, коснулся и моего изслѣдованія объ ихъ происхожденіи ¹⁾. Этому основному въ исторіи болгаръ вопросу онъ посвятилъ немного вниманія, всего около пяти страницъ; но и тутъ успѣлъ высказать довольно много погрѣшностей фактическихъ и критическихъ. Кому, сколько-нибудь знакомому съ даннымъ вопросомъ, неизвѣстно, что главнымъ основаніемъ для Шафарика и другихъ считать болгаръ не

¹⁾ «Ж. М. Нар. Пр.» 1878 г. Апрель. Я вскорѣ затѣмъ свой отвѣтъ г. Макушеву сообщилъ въ одно неперіодическое изданіе. Не вижу доселѣ его появленія и, во всякомъ случаѣ, не лишнимъ считаю вкратцѣ повторить здѣсь этотъ отвѣтъ.

славянами послужила ихъ связь съ гуннами. Въ моемъ изслѣдованіи указано на это основаніе, и приведены самыя источники, гдѣ болгарскіе народы причисляются къ гуннамъ. Г. Макушевъ замѣчаетъ, что «это положительно невѣрно», т. е. что такого основанія не было. И затѣмъ приводитъ изъ Шафарика цитату, меня подтверждающую, прибавляя, что Шафарикъ «говоритъ не объ имени, а о родствѣ болгаръ съ гуннами». Да родство-то это на чемъ же онъ основывалъ, если не на томъ, что болгары у нѣкоторыхъ писателей называются гуннами? Дѣло въ томъ, что я въ своемъ изслѣдованіи старался выдѣлить болгаръ изъ общей массы тѣхъ народовъ, на которые распространялось имя гунновъ; вопросъ о гуннахъ Аттилы считаю пока открытымъ; «но каково бы ни было его рѣшеніе, болгаре во всякомъ случаѣ останутся чистыми славянами» (Рознск. о нач. Руси, 410). Слѣдовательно, какъ же можно было утверждать, что названіе болгаръ гуннами не послужило главнымъ основаніемъ для теоріи Шафарика и другихъ о финскомъ или угорскомъ происхожденіи болгаръ?

Даже, г. Макушевъ говоритъ, что «арабскіе писатели строго отличаютъ болгаръ отъ славянъ и Руси и сближаютъ ихъ съ коврами». Опять не понимаемъ, какъ можно говорить подобную неправду, вопреки самымъ положительнымъ свидѣтельствамъ. А главнѣйшія свидѣтельства мною указаны (на стр. 408 «Розысканій»). Въ дѣйствительности, арабскіе писатели не только не различаютъ строго, а напротивъ, смѣшиваютъ болгаръ съ славянами, и сами камскіе болгаре считали себя народомъ смѣшаннымъ изъ турокъ и славянъ. Такимъ смѣшаннымъ народомъ я ихъ и признаю. О моихъ филологическихъ доказательствахъ г. Макушевъ выражается кратко, что онѣ «несостоятельны и произвольны». По его словамъ выходитъ, будто я положительно объясняю Буврата, коловратомъ, Батбая батюшкой и т. д.; а между тѣмъ, я предлагаю только примѣрные сближенія. Какія изъ нихъ окажутся удачны, какія неудачны, пусть рѣшитъ безпристрастная филологическая наука; можетъ быть, нѣкоторныя она приметъ къ свѣдѣнію. Но пока никто не далъ ровно никакихъ объясненій для этихъ именъ; мы встрѣчаемъ только голое заявленіе, что онѣ якобы не славянскія и не могутъ быть славянскими. Возьмемъ хоть имя Кормисопъ. Спрашиваю: «почему бы оно не могло быть славянскимъ? почему, напримѣръ, оно не можетъ быть одного корня съ словами кормило и кормчій, или кормъ и кормилецъ? Въ самомъ дѣлѣ, пусть г. Макушевъ по всѣмъ правиламъ филологическаго искусства попытается доказать, что этого не можетъ быть на основаніи такихъ-то и такихъ-то лингвистиче-

скихъ законовъ. Голословно-то отрицать можетъ всякій; для этого не нужно быть ученымъ специалистомъ ¹⁾).

Любопытны также разсужденія г. Макушева объ этнографическихъ чертахъ, которыя будто-бы ясно какъ день доказываютъ не-славянство болгаръ. Правда отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ чертъ, сгруппированныхъ Шафарикомъ, онъ уже отказывается (клятва на обнаженномъ мечѣ, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, и проч.); но все еще рѣшительно стоитъ за другія, которыя, по его словамъ, «противорѣчатъ положительнымъ нашимъ свѣдѣніямъ о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ не только славянъ, но и родственныхъ (т. е. арійскихъ) народовъ». Въ числѣ этихъ ужасныхъ, туранскихъ чертъ, все еще находятся—конскій хвостъ вмѣсто знамени, тюрбаны на головахъ, сидѣніе поджавъ ноги и проч. Замѣчательны эти тюрбаны или чалмы, которыми толкуются слова источника *ligatura lintei* (буквально: полотняная повязка). Во-первыхъ—почему это непременно означаетъ ничто другое, какъ чалму? А во-вторыхъ—откуда г. Макушевъ почерпнулъ такое свѣдѣніе, что чалма есть признакъ финской народности? (Онъ считаетъ болгаръ финнами вслѣдъ за Шафарикомъ). Изъ источника видно, что новообращенные болгаре, входя въ церковь, не снимали свой обычный головной уборъ. Въ глазахъ Шафарика это былъ явный признакъ неславянства; для его времени оно и неудивительно. Но г. Макушеву, заявляющему притязанія на «положительныя свѣдѣнія о бытѣ» славянъ, должно бы быть извѣстно, что, напримѣръ, русскіе князья еще въ концѣ XI вѣка слушали богослуженіе въ храмѣ, не снимая коблукъ. Для Шафарика и «пріятіе святыхъ распоясавшись» было признакомъ неславянства. А между тѣмъ, митрополитъ Кипріянь еще въ 1395 г. въ своемъ посланіи епископскому духовенству поручаетъ, чтобы мужчины, приступая къ святому причастію, припоясывали свои шубы и опашни (Ак. Ист., I, 18). Или, что это за доказательство туранскаго происхожденія, если на знаменахъ болгаръ-язычниковъ (или выходящихъ только изъ язычества) развивался конскій хвостъ? Откуда мой противникъ почерпнулъ убѣжденіе, что такое знамя могли употреблять только финны (приведемъ и турки)? Извѣстно-ли ему, что монголо-татарскіе ханы на

¹⁾ Къ упомянутымъ толкованіямъ у меня уже набралось нѣсколько поправокъ и дополненій, о которыхъ скажу при случаѣ. Напримѣръ, къ тому, что сказано по поводу имени Тервелъ, дѣлаю слѣдующую поправку: гѣтонисное слово *теребити* означаетъ собственно «расчищать», «дѣлать гѣсную просьбу». Подобныя поправки, надѣюсь, не измѣняютъ сущности, т. е. возможности искать объясненій или дѣлать сближенія въ славянскомъ языкѣ.

главныхъ своихъ знаменахъ, предпочтительно передъ конскими, употребляли хвосты яковъ, т. е. буйволовъ.

Мы не обвиняемъ г. Макушева въ недостатокъ свѣдѣній. Его труды по нѣкоторымъ отдѣламъ славянскихъ древностей извѣстны и весьма почтенны. А всего знать невозможно. Мы хотимъ только сказать, что не слѣдуетъ такъ поверхностно относиться къ одному изъ важныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ его специальности. Чтобы высказывать свой рѣшительный приговоръ надъ моимъ изслѣдованіемъ, надобно было подкрѣпить этотъ приговоръ какими-либо дѣйствительно научными доводами.

Г. Макушевъ говоритъ, будто ученіе Шафарика о финскомъ происхожденіи болгаръ было развито Гильфердингомъ и Дриновымъ. Кто справится съ трудами этихъ уважаемыхъ славистовъ, найдетъ тамъ простое послѣдованіе за мнѣніемъ Шафарика, а не какое-либо научное развитіе этого мнѣнія. Въ томъ-то и дѣло, что, не подвергая его всестороннему критическому анализу, они сдѣлали его исходнымъ пунктомъ для своихъ трудовъ относительно болгаръ. Возьмемъ главное сочиненіе Дринова, «Заселеніе Балканскаго полуострова славянами», сочиненіе, исполненное эрудиціи и многихъ дѣльныхъ сужденій. Онъ доказываетъ, что переселенія славянъ на полуостровъ начались съ конца II вѣка по Р. Х. и потомъ все усиливались, такъ что въ VII вѣкѣ славянское населеніе является уже сплошною массою. Съ сѣвера, изъ Панноніи и отъ Карпатъ, перешли сюда племена сербо-хорватско-словинской вѣтви. Дриновъ основательно отвергаетъ рассказъ Константина Багрянороднаго о переселеніи всего сербскаго племени за Дунай и Саву только въ VII вѣкѣ, во времена императора Ираклія, и вообще западная, т. е. Сербская часть полуострова выяснена у него удовлетворительно. Но нельзя того-же сказать о восточной, т. е. Болгарской части. Перечисляя имена славянскихъ народцевъ, здѣсь поселившихся, онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на самихъ болгаръ; хотя и приводитъ извѣстія, которыя указываютъ на ихъ движенія за Дунай, подъ этимъ именемъ, уже въ V вѣкѣ. Говоря о бервитахъ, смоляняхъ, сагудатахъ, драговичахъ и пр., онъ какъ-бы не подозреваетъ той простой истины, что это только части все того-же болгарскаго племени. Называя рассказъ вивантийцевъ о приходѣ Аспаруха (собст. Аспариха) съ болгарами въ 678 г. баснословнымъ, онъ все-таки слѣдуетъ этому рассказу, и вѣрять въ необычайно быстрое основаніе и распространеніе Болгарскаго государства. Указывая въ славяно-болгарскомъ языкѣ слѣды разныхъ стихій, какъ-то: древнихъ обитателей (Фракійскаго семейства), римлянъ, грековъ, германцевъ, сербовъ, румынъ, онъ со-

всѣмъ упустилъ изъ виду самый естественный вопросъ: какъ-же это болгары, господствуя надъ славянами и потому сливаясь съ ними, не внесли никакого финскаго элемента въ языкъ покоренныхъ, будучи сами финнами? ¹⁾ При такой теоріи нельзя понять, откуда-же на Балканскомъ полуостровѣ явились именно два славянскихъ языка, сербскій и болгарскій. Какъ и всякій другой языкъ, болгарскій имѣетъ разныя мѣстныя нарѣчія; но всетаки самъ то онъ откуда-бы явился, еслибы неславянскіе болгары покорили разныя племена славянъ, пришедшія на Балканскій полуостровъ въ разное время и съ разныхъ сторонъ? Замѣчательнъ также слѣдующій фактъ. Г. Дриновъ приводитъ разныя свидѣтельства о народѣ уругундахъ или буругундіяхъ, которые уже въ III вѣкѣ жили около Дуная и Карпатъ, дѣлали вторженіе въ имперію и были во враждѣ съ готами. Онъ дѣльно доказываетъ, что этотъ народъ принадлежалъ къ славянамъ, и того не слѣдуетъ смѣшивать съ нѣмецкими бургунами. Тѣ же бургуны или буругунды являются далѣе у писателя VI вѣка Агасія; Шафарикъ считаетъ ихъ частью болгарскаго народа, что несомнѣнно вытекаетъ изъ источниковъ. Но г. Дриновъ отвергаетъ въ этомъ случаѣ мнѣніе Тунмана и Шафарика. На какомъ-же основаніи? Да въ такомъ случаѣ,—говоритъ онъ—«само собой рушилось-бы ученіе объ угорской, или, какъ выражается Шафарикъ, чудской народности болгаръ» (Чт. Об. И. и Др. 1872, кн. 4).

Надѣюсь, читателю ясно, что г. Дриновъ, будучи самъ болгарикомъ, обнаружилъ слишкомъ мало самостоятельности и безпристрастія въ своемъ изслѣдованіи по отношенію именно къ болгарамъ. Собственными изысканіями наводили его на истину; а онъ постоянно уклонялся отъ нея въ сторону, чтобы какъ-нибудь не измѣнить ученію Шафарика о чудскомъ происхожденіи болгаръ!

Обращаясь къ сочиненіямъ покойнаго Гильфердинга, мы также найдемъ только бездоказательное повтореніе того-же ученія. (Эта частности, конечно, ничего не значить въ сравненіи съ его заслугами славянству). Единственную прибавку къ доказательствамъ Шафарика

¹⁾ Это обстоятельство, т. е. неестественное, удивительное превращеніе болгаръ завоевателей въ завоеванныхъ славянъ, всегда ставило въ затрудненіе послѣдователей финской или тюркской теоріи, и, Воже, въ какихъ натяжкахъ не прибѣгаютъ они, чтобы обойти неприятое обстоятельство! Въ числѣ доказательствъ неславянства болгаръ, напримѣръ, не послѣднюю роль играютъ ихъ дикіе, неукротимые нравы; а когда зайдетъ рѣчь о превращеніи въ славянъ, придумываются чрезвычайная малочисленность, кротость и необыкновенное благодушіе болгаръ, преклонившихся предъ вышею расою, и свирѣпыя завоеватели вдругъ изображаются народомъ смиреннымъ, невоинственнымъ.

онъ сдѣлалъ по поводу «Росписи болгарскихъ князей», изданной въ 1866 г. А. Н. Поповымъ въ его «Обзорѣ хронографовъ». Тамъ, при каждомъ имени князя находятся какія-то непонятныя фразы. Гильфердингъ взялъ мадьярскій лексиконъ, да и разъяснилъ эти фразы. А выводъ, конечно, вышелъ такой, что тутъ мы имѣемъ передъ собой остатки того финскаго языка, которымъ говорили болгаре до своего слиянія съ славянами. Казалось-бы, чего проще было вмѣсто мадьярскаго лексикона обратиться въ данномъ случаѣ къ финнологамъ; ихъ же въ Петербургѣ довольно. Я съ своей стороны обращался къ покойному профессору московскаго университета Петрову, извѣстному ориенталисту. Онъ нѣсколько былъ знакомъ съ мадьярскимъ языкомъ, но въ данныхъ фразахъ не могъ добиться никакого смысла. Показывалъ я ихъ одному образованному финляндцу и спрашивалъ его, напоминають-ли эти фразы ему сколько-нибудь родной языкъ. Онъ отвѣчалъ, что онѣ ему совершенно чужды. Впрочемъ, мои справки оказались излишни. Опроверженіе чуждой теоріи по поводу этихъ фразъ въ настоящее время является съ другой стороны: со стороны тюркской теоріи достоуважаемаго А. А. Куника.

Новѣйшія разысканія г. Куника явились въ приложеніи къ XXXII тому Записокъ Академіи Наукъ, носящему заглавіе: «Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ». Отрывки изъ этихъ извѣстій помѣщены здѣсь съ переводомъ на русскій языкъ барона Розена. Самую существенную часть ихъ составляетъ невиданная доселѣ записка еврея Ибрагима Ибнъ-Якуба, жившаго въ X вѣкѣ. Эта записка, между прочимъ, изображаетъ дунайскихъ болгаръ славянами. Но подобное обстоятельство нисколько не смущаетъ нашего изыскателя: вѣдь болгаре къ X вѣку успѣли радикально превратиться въ славянъ! Мы обратимъ вниманіе собственно на помѣщенные затѣмъ, независимо отъ ал-Бекри, два «Разысканія», А. А. Куника: 1) о родствѣ болгаръ съ чувашами, и 2) о тождествѣ Руси съ норманнами. Въ настоящей статьѣ будемъ говорить только о первомъ «Разысканіи», предоставляя себѣ ко второму обратиться впоследствии.

Приемы, употребляемые А. А. Куникомъ въ данномъ вопросѣ, настолько любопытны, что я позволю себѣ специально на нихъ указать. Достоуважаемый академикъ обвиняетъ Шафарика въ томъ, что «онъ внесъ въ этотъ вопросъ неисправимую путаницу, назвавъ болгаръ урадо-финскимъ народомъ» (123); говоритъ, что поборники финскаго происхожденія не представили равно никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія о болгарахъ (124), и что вопросъ о гуннахъ и Аттилахъ также напрасно рѣшеть въ мадьярскомъ смыслѣ (149). Противъ та-

кихъ положеній мы, конечно, возражать не будемъ. Но читатель тщетно будетъ искать въ данномъ «Разысканіи»: на чемъ же основалось мнѣніе самого автора о болгарахъ-туркахъ? Передъ нами часто мелькаютъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: «болгары, какъ народъ тюркской расы, несомнѣнно переселились въ Европу съ Алтая» (147); «будучи тюркскимъ коннымъ народомъ, болгары не могли посѣять никакихъ сѣмянъ цивилизаціи среди подвластныхъ имъ славянъ» (150). А между тѣмъ тщетно вы будете искать указаній на то, какіе источники называютъ ихъ турками или говорятъ объ ихъ пришествіи съ Алтая. Напротивъ, Моисей Хоренскій, писатель V вѣка, повѣствуетъ о вторженіи болгаръ съ высотъ Кавказа въ Арменію, около 120 г. до Р. Х., и прибавляетъ, что мѣстность, гдѣ они поселились, получила названіе Ванандъ. Послѣднее названіе естественно нѣкоторые отождествляли съ вендами и съ антами. Противъ всего этого сильно возстаетъ почтенный академикъ. И названіе венды будто только употреблялось скандинавами, финнами и готами, и анты будто бы въ дѣйствительности были не славяне, а только «династы азіатскаго происхожденія». И чтенія-то названій всѣ извращенныя. Наконецъ, и самаго-то Моисея Хоренскаго, Гутшмидъ уже «сдвинулъ какъ историка съ пьедестала» (147—8). Правда, есть еще извѣстіе одной греческой хроники III вѣка по Р. Х., въ которой болгаре также приурочиваются къ Повту или Кавказу: *Ziezi ex quo Vulgares*. Но такая замѣтка «весьма можетъ быть приписана впоследствии» (148). Что сказать о подобныхъ академическихъ приемахъ, съ помощью которыхъ устраниаются всѣ историческіе источники, противорѣчащіе излюбленной теоріи?

На прямыхъ, историческихъ свидѣтельствахъ невозможно основать тюркскую теорію. Но для этого существуетъ сравнительная лингвистика, кстати, наука еще очень молодая, едва намѣтившая общія основы и въ частностяхъ своихъ представляющая пока великій просторъ спорнымъ мнѣніямъ и теоріямъ, особенно, когда рѣчь заходитъ о славянахъ. Тутъ камнемъ преткновенія являются имена, взятые изъ эпохи языческой. Ихъ можно объяснять изъ какого-угодно языка; имена Руси и болгаръ наглядный тому примѣръ. Только не пытайтесь, хотя бы примѣрно, сблизать ихъ съ славянскимъ языкомъ; на это уже заранѣе вопіютъ, что всякая подобная попытка въ высшей степени ненаучна!

Вотъ образцы тюркскихъ объясненій А. А. Куника для болгарскихъ именъ въ помянутой росписи князей. Сообщаемъ суть этихъ объясненій:

А витохолъ. «Вѣроятно, не точно передано переводчикомъ Именика

на славянской языкъ». Слѣдуетъ ли читать Абитохоль, — рѣшить, вѣроятно, современемъ древне-тюркская ономастологія».

Ирникъ. «Вѣроятно, въ греческомъ текстѣ тутъ была буква эта (Н). Напоминаетъ Эрнѣа одного изъ сыновей Аттилы». (Припомните, что вопросъ о народности Аттилы и гунновъ г. Куникъ пока еще не рѣшается).

Гостунъ. «Конечно, звучитъ совершенно по-славянски; но вѣдь можно и тюркскому имени, извративъ его, придать славянскую форму». «Очень можетъ быть, что форма Гостунъ принадлежала къ числу заимствованныхъ тюрками прежнихъ словъ».

Безмѣръ. «Звучитъ опять совершенно по-славянски; но невозможно въ древнихъ памятникахъ указать другое подобное имя». «Едва ли мы ошибаемся, предположивъ, что въ греческомъ оригиналѣ вмѣсто него стояло Базіанъ». (Я думаю, что ошибемся).

Эсперихъ. «Иранская форма его легко можетъ быть объяснена» — сосѣдствомъ Аланъ.

Имена — Куртъ, Тервель, Севарь, Кормисошъ, Телець, Уморъ — остаются безъ филологическихъ объясненій, хотя о каждомъ изъ нихъ что-то такое говорится. Читатель, конечно, съ удивленіемъ спроситъ: да гдѣ же тутъ хотя тѣнь доказательства тюркскому значенію болгарскихъ именъ, приведенныхъ въ росписи? Въ числѣ болгарскихъ бояръ дѣйствительно могли встрѣтиться люди восточнаго, инородческаго происхожденія, какъ это было и у русскихъ. Но отсюда еще не вижу необходимости, напримѣръ, имя Сурсубулъ или Сурсувулъ непремѣнно объяснять турецкимъ Дизавулъ. У грековъ тоже были подобныя имена или прозвища, напримѣръ Тразибулъ; византійское хризовулъ или еврейское вельзевудъ равнѣ должны быть также татарскія слова? (кстати: что значить Сунбулъ, прозвище Федора Ивановича, родоначальника старой рязанской фамиліи Сунбуловыхъ? Предки его вышли въ Россію не изъ половцевъ или татаръ, а изъ Литвы).

Не болѣе убѣдительны для насъ разсужденія о титулахъ каганъ и кавканъ, которые весьма немного разъ упоминаются въ источникахъ по отношенію къ болгарамъ. Во-первыхъ, остается пока неизвѣстнымъ, какому именно языку первоначально принадлежали эти титулы. А во-вторыхъ, извѣстно, что и древне-русскіе князья тоже въ нѣкоторыхъ источникахъ называются каганами. Въ виду аварскаго и хазарскаго господства надъ припонтійскими славянами, заимствованіе этого титула весьма естественно. Цесарь или царь — тоже заимствованный славянами титулъ; однако онъ не служитъ доказательствомъ неславянскаго происхожденія. (И къ намъ отъ татаръ

веренно слово тарханъ). Нѣкоторые сравнительные лингвисты увѣрять, будто и князь слово не славянское, а заимствованное. Слѣдовательно, два-три титула не могутъ еще служить филологическимъ основаніемъ при опредѣленіи народности¹⁾. А между тѣмъ г. Куникъ, чтобы окончательно отуречить болгаръ, постоянно именуетъ ихъ князей ханами, хотя нигдѣ источники такого титула имъ не приписываютъ. Впрочемъ, онъ указываетъ нѣкоторое какъ бы основаніе тому, но весьма шаткое. Покойный Даскаловъ въ одной тырновской мечети, обращенной изъ христіанскаго храма, снялъ высѣченную на каменнѣ греческую надпись. Въ ней темно говорится о построеніи какого то дома и кургана, и упоминается Омортагъ (имя одного изъ болгарскихъ князей IX вѣка). Въ одномъ мѣстѣ стоитъ непонятное Γιομορταг, а въ другомъ—что то въ родѣ омортагкани. Даскаловъ добросовѣстно предупреждаетъ, что нѣтъ никакихъ указаній на то, кѣмъ и когда составлена эта надпись, что начала ея не видно, что она высѣчена неразборчиво и безграмотно и что слово кани не есть «ханъ». (Чт. Об. И. и Др. 1859, № 2). И, прибавимъ, нельзя разобратъ, конецъ ли это предъидущей фразы или начало послѣдующей. Тщетныя предостереженія! Если не ошибаемся, Гильфердингъ первый установилъ положительное чтеніе: Омортагъ-ханъ, забивъ, что такого титула не было у Чуди, за которую онъ принималъ болгаръ (Соч., I, 41). Иречекъ повторилъ тоже чтеніе въ своей «Исторіи народа болгарскаго». А г. Куникъ ссылается на Иречка безъ всякихъ оговорокъ (154); хотя ближе было бы обратиться къ первымъ рукамъ, т. е. къ Даскалову. Но къ чему тутъ какой-нибудь критическій пріемъ? Другое дѣло, извѣстія источниковъ, подтверждающія арійское происхожденіе болгаръ; тамъ возможны самыя радикальныя, самыя произвольныя предположенія, чтобы ихъ устранить. Но кстаті, болгары теперь сами господа въ Тырновѣ. Продолжается пока и русское занятіе. Желательно было бы провѣрить надпись (если она еще существуетъ) и, прежде чѣмъ пользоваться ею, установить правильное ея чтеніе.

¹⁾ Изъ византійскихъ историковъ извѣстно, что нѣкоторыя части болгарскаго народа въ VI и VII вв. находились подъ игомъ хазаръ и аваръ. Слѣдовало обратить на это нѣкоторое вниманіе и сообразить, что подобное это должно было оставить гораздо болѣе замѣтные слѣды, чѣмъ два-три титула. Двухсотлѣтнее владѣтельство татаръ оставило у насъ крупныя черты въ языкѣ, нравахъ и государственномъ бытѣ. Мало того, въ памятникахъ до-татарской эпохи уже встрѣчаются слова, объясняемыя изъ турецкихъ корней; ясно, что и самое сосѣдство торковъ, печенѣговъ и половцевъ не прошло безслѣдно. Но вопросъ: существуютъ ли для жонхъ противниковъ дѣйствительно историческія аналогіи?

Перейдемъ къ главному сравнительно-лингвистическому аргументу А. А. Куника, къ тѣмъ непонятнымъ фразамъ въ росписи князей, о которыхъ мы говорили выше. Припомнимъ, что Гильфердингъ истолковалъ ихъ такимъ образомъ: диломъ твиремъ значитъ «я исполненъ»; шегоръ вечемъ—«я есмь помощникъ» и т. д. Г. Куникъ, отвергая подобное толкованіе, предлагаетъ объяснять эти рѣченія въ смыслѣ числительномъ: онѣ означаютъ числа лѣтъ жизни или царствованія данныхъ князей. Въ числахъ этихъ онъ видитъ «поразительное сходство» съ тюркскими. Вотъ приѣмъ объясненія, употребленный имъ въ данномъ случаѣ, по его же собственному разсказу.

Задавшись мнѣніемъ о татарской народности болгаръ, достоуважаемый академикъ обратилъ свое вниманіе на чувашей, и усмотрѣлъ въ нихъ «если не остатки камскихъ болгаръ, то все же одну изъ тюркскихъ отраслей, къ которой принадлежали и жители болгарскаго ханства въ среднемъ Поволжьѣ» (120). Послѣ открытія и изданія г. Поповымъ означенной росписи, г. Куникъ обратился къ извѣстному знатоку татарскихъ языковъ, В. В. Радлову, съ просьбою сравнить непонятныя реченія съ разными тюркскими числительными именами, и съ вопросомъ, не найдетъ ли онъ тутъ близкой связи съ чувашскимъ языкомъ. Г. Радловъ сравнилъ, и нашелъ. Желających видѣть самый процессъ этого сравненія отсылаю къ данной монографіи (138—143). Главную роль тутъ играютъ предположенія объ ошибкахъ въ рукописи, вѣроятно, кажется и если. И вотъ результаты: веч росписи есть то же что чувашское виссе дилом-пілік, чел-січча, шегор-сакыр, дохс-тукур и т. д. Сходство, очевидно, неособенно поразительное. Надобно отдать справедливость В. В. Радлову: въ письмѣ своемъ онъ сознаетъ «всю неудовлетворительность» своихъ изысканій. А. А. Куникъ не усумнился однако приложить эти результаты къ росписи, и, такимъ образомъ, получилось любопытное ея разъясненіе. Одно только еще неудобопонятно: нѣкоторые князья или властвовали, или жили дольше, нежели жили (sic). Авитохолъ жилъ 300 лѣтъ, а жилъ двадцать пять. Ирникъ жилъ 108 лѣтъ, а лѣтъ ему было двадцать пять. Куртъ властвовалъ 60 лѣтъ, а жилъ тридцать восемь. Эсперихъ былъ княземъ 61 лѣто, а лѣтъ ему было пятьдесятъ одинъ. Между прочимъ два слова, твиремъ и винехъ, которыя прежде относились къ тѣмъ же непонятнымъ рѣченіямъ, тутъ отнесены къ числу собственныхъ именъ князей, хотя византийскіе историки такихъ князей не знаютъ. Замѣйте при этомъ, что вопросъ о коренной народности самихъ чувашъ далеко не рѣшенъ. Нѣкоторые,

не безъ основанія, считаютъ ихъ частью черемисъ, отатарившихся со времени монгольскаго владычества, т. е. послѣ XIII вѣка; древнѣе наши историкисы не знаютъ чувашъ, и они являютъ отдѣльнымъ народцемъ въ исторіи только съ XVI вѣка ¹⁾. И самъ А. А. Куникъ, въ примѣч. на стр. 145, вдругъ высказываетъ такую дилемму: «Хотя безъ сомнѣнія родство между казарами и болгарами было самое близкое, тѣмъ не менѣе въ настоящее время приходится держаться того мнѣнія, что чуваша составляютъ остатокъ болгарскаго народа, какимъ онъ былъ до раздѣленія своего въ V-мъ или VI-мъ столѣтіяхъ. Или можетъ быть чуваша ничто иное, какъ отуречившіеся черемисы?» Слѣдовательно, съ одной стороны, приходится считать ихъ остаткомъ болгаръ, а съ другой—вопросъ, кто они такіе? Что же послѣ того означаютъ всѣ вышеприведенные выводы о народности болгаръ. Любопытно также узнать, на какихъ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ основано, якобы несомнѣнное, «родство между казарами и болгарами».

И такъ, во-первыхъ, темныя рѣченія росписи еще ждутъ своего разъясненія; а во-вторыхъ, къ какому бы не славянскому языку они ни принадлежали, отсюда еще очень далеко до вывода, будто это и есть остатокъ языка самихъ болгаръ. Выходило бы, что, съ одной стороны они были вполне славяне, а съ другой—татары, въ одно и тоже время, и что книжники ихъ, неизвѣстно зачѣмъ, употребляли рядомъ числительныя имена славянскія и чувашскія. А въ самомъ болгарскомъ языкѣ все-таки никакого чувашскаго элемента не оказывается. Впрочемъ, къ какимъ выводамъ нельзя придти съ помощью такихъ пріемовъ!

На третьемъ археологическомъ създѣ, когда я предложилъ результаты своего изслѣдованія о болгарахъ, въ числѣ возражателей выступилъ и г. Ягичъ, хорватскій филологъ, тогда еще профессоръ одесскаго, а нынѣ берлинскаго университета. Онъ объявилъ, что изслѣдованія моего не читалъ, но что, во всякомъ случаѣ, какъ лицо компетентное, со мною не согласенъ. Я попросилъ предварительно прочесть и вникнуть въ мои доводы. Не знаю, исполнилъ ли онъ мою просьбу; а легнуть копытомъ не применилъ въ своемъ журналѣ «Archiv für slavische Philologie» за 1876 г. (I, 593). Не знаю также, отчего сему слависту ненавистна самая мысль о славянскомъ происхожденіи Руси и болгаръ; во всякомъ случаѣ, въ своей компетентности по данному вопросу онъ такъ и не убѣдилъ меня до сихъ поръ. Я не хочу этимъ сказать, что г. Ягичъ плохой филологъ. (Точно также данное разно-

¹⁾ У Курбскаго: «Черемиса Горная, а по нхъ Чуваша зовомые, языкъ особый».

гласіе не мѣшаетъ мнѣ весьма цѣнить А. А. Куника, какъ ученаго, особенно какъ нумизмата и издателя памятниковъ). Нѣтъ, я просто не считаю сравнительную филологію наукою уже на столько зрѣлою, чтобы нѣкоторые представители ея могли рѣшать вопросы изъ исторіи языка и народа, не предаваясь гадательнымъ, предвзятымъ и произвольнымъ толкованіямъ. Особенно несостоятельность ихъ обнаруживается при разборѣ какихъ-либо древнихъ личныхъ или географическихъ именъ. Чтобы опредѣлить народность такихъ именъ, какъ Святославъ, Владиміръ и т. п., не нужно быть ученымъ специалистомъ; а для распознаванія вообще славянскихъ или неславянскихъ именъ слависты пока не выработали рѣшительно никакого критерія; хотя претензіи ученыхъ, подобныхъ г. Ягичу, громадна. Надобно, наконецъ, сознаться, что эти сравнительные лингвисты своими пристрастными и предвзятыми теоріями немало тормозятъ разработку древнеславянской исторіи. Они, повидимому, и не подозреваютъ существованія основнаго закона сравнительной филологіи относительно живучести языковъ и ихъ взаимодѣйствія при скрещеніи разныхъ народностей. Очевидно, процессы этого взаимодѣйствія они и не думаютъ подвергать научнымъ наблюденіямъ, и для нихъ все еще возможнымъ представляется быстрое радикальное превращеніе одного народа въ другой, и даже такое превращеніе завоевателей въ народность покоренную, съ немедленнымъ и рабски-покорнымъ усвоеніемъ себѣ языка послѣдней и съ полною, безслѣдною потерей своего собственнаго. Исторія ничего подобнаго намъ не представляетъ. Приглашаю своихъ противниковъ поразмыслить объ этомъ законѣ и хотя ради ученаго приличія сдѣлать нѣсколько наблюденій; а пока они его не опрокинули, я позволяю себѣ на его основаніи противупоставить историческое veto всѣмъ вышепомянутымъ quasi-научнымъ лингвистическимъ приемамъ и толкованіямъ. Повторяю, такого превращенія не было, потому что его не могло быть.

Д. И. Иловайскій.

Москва. 1879 г. мартъ.

ЖУРНАЛЬ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ГЕРМАНИИ, ГОЛЛАНДИИ И ИТАЛИИ

въ 1697—1699 гг.

ВЕДЕННЫЙ СОСТАВШИМЪ ПРИ ВЕЛИКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ РУССКОМЪ;
КЪ ВЛАДѢТЕЛЯМЪ РАЗНЫХЪ СТРАНЪ ЕВРОПЫ.

(Сообщ. съ приличіями И. Ф. Горбуновъ):

Въ XVIII вѣкѣ, нынѣ издаваемый «Журналъ путевой» приписывали Петру I и, потому онъ въ 1788 году напечатанъ былъ подъ заглавіемъ:

«Записная книжка любопытныхъ замѣчаній Великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина російскаго посольства въ 1697—1698 годахъ». Спб. 12° ¹⁾).

Великою особою, какъ извѣстно, называли правительственные лица, въ Голландіи, пріѣхавшаго въ эту страну, подъ строжайшимъ выговоромъ, русскаго государя, занявшагося въ Заандамѣ и Амстердамѣ кораблестроеніемъ на верфяхъ, наравнѣ съ простыми работниками. Русскіе же люди получили приказаніе называть государя «десятикомъ», во все это время; а иначе—не смѣть, подѣ опасеніемъ высыланія за непослушаніе. Вотъ почему въ дневникѣ этомъ Петръ I и разумѣется подъ прозваніемъ десятика.

Уже потому одному, что въ текстѣ дневника упоминается десятикъ, какъ стороннее лицо, а не самъ о себѣ вездѣ говорящій прямо въ первомъ лицѣ (я былъ, я видѣлъ и пр.), можно было не относить къ Петру того, что до него не касалось; но, невнякшіе въ смыслъ и незнавшіе хорошо обстоятельство путешествія—упорно стояли на своемъ: что это—описаніе царскихъ поѣздокъ. Постѣ того даже, какъ дневникъ напечаталъ Погдинъ (Московскій Вѣстникъ 1830 г., часть 6-я, стр. 83—131), еще старое мнѣніе удер-

¹⁾ Книга эта составляетъ теперь библиографическую рѣдкость и, кажется, не была она въ рукахъ П. П. Пекарскаго. (Наука и Литература въ Россіи, томъ I, стр. 145), потому что онъ выписано одно заглавіе назъ Сопикова, съ указаніемъ формата, но безъ отмѣтки стр., что онъ всюду дѣлалъ переписывавъ книгу.

живало свою силу, что въ рукописи, доставшейся отъ 1697—1699 гг. Киклиныхъ, черезъ посредство А. М. Ямкова, заключается указаніе царскихъ переѣздовъ по Европѣ ¹⁾. Между тѣмъ, составитель дневника не былъ въ Англіи; изъ Голландіи отправившись въ Италію, раньше государя, проѣхавшаго въ Вѣну, но, бесспорно, оттуда имѣвшаго намѣреніе ѣхать въ Венецію, если не дальше; хотя и неудалось. Въ Вѣну прислано извѣстіе о Стрѣлецкомъ бунтѣ и грозившей Москвѣ опасности; извѣстіе же о разбитіи мятежниковъ получено послѣднѣе, когда уже государь былъ въ Польнѣ. Между тѣмъ, авторъ дневника, оставивъ Амстердамъ 1-го апрѣля 1698 года, воротился туда же въ концѣ года и 3-го января 1699 г. вторично выѣхалъ, чтобы воротиться въ Россію: черезъ Бременъ, Гамбургъ, Берлинъ, Данцигъ, Кенигсбергъ, Митаву, Ригу и Великія Луки. Такъ что, спустя полгода послѣ Петра I, онъ воротился въ Москву, выѣхавъ изъ нея не вмѣстѣ съ великими послами, въ май 1697 г.; когда они отправились съ царемъ за границу еще въ мартѣ. Нельзя смѣшивать автора дневника и съ графомъ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, бывшимъ въ Италіи въ 1698 году и воротившимся также въ 1699 г. Толстой выѣхалъ изъ столицы нашей раньше даже царскаго выѣзда (26-го февраля 1697 г.) и ѣхалъ черезъ Австрію въ Венецію, а тамъ поступилъ въ морскую воинскую службу, буквально слѣдуя инструкціи, данной комнатнымъ стольникомъ, посланнымъ царемъ въ Европу.

Авторъ «дневника» 1697—1699 годовъ былъ, какъ видно, поставленъ въ нѣныя условія. О инструкціи онъ не говоритъ; а если въ Италію,—какъ можно догадываться,—имѣлъ порученіе, то дипломатическое, оставшееся для насъ тайною. Мы о немъ можемъ заключать по сношенію съ совѣтниками царскаго двора, оказывавшими такіа любезности путешественнику, которыя расточались кардиналами римскими очень немногимъ, только тогда, когда Ватиканскій дворъ очень хорошо зналъ вліяніе лица на дѣла ему нужныя, провести которыя требуется осторожно и дальновидно. Не думалъ ли молодой царь повліять изъ Рима на Вѣну, по турецкимъ дѣламъ, въ это время?—важность порученія должна была выказать, разумѣется, и способности лица, на котораго возложено было дипломатическое дѣло.

Первыми дѣлателями въ кружкѣ царя были лица, знакомыя или сдѣлавшія ему извѣстными съ дѣтства. Комнатные стольники, высланные въ Европу учиться военному и морскому дѣлу, въ 1697—1698 гг. кораблестроенію, были, большею частію замѣчены государемъ раньше, съ отличіемъ дѣйствовавшіе при взятіи Азова, а нынѣ и прежде еще стали извѣстны службой въ потѣшныхъ. Комнатныхъ стольниковъ, назвавъ ихъ валентирами (т. е. волонте-

¹⁾ Даже ии. Вл. Костровъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1846 г., № 8, далъ неправильное, старинное, названіе дневнику «Журналъ, како шествіе было его величества государя Петра великаго».

ранн), опредѣлилъ царь въ разныя государства, на флоты и верфи. Очень немногіе исключены были изъ числа обрацаемыхъ въ черную работу; и составитель дневника былъ однимъ изъ этихъ немногихъ. Скорѣе всего эта привилегія дана была прямо назначаемымъ для дипломатической карьеры, и, въ этомъ отношеніи, вполнѣ пристало выполнять въ Италіи секретное порученіе тому, кто въ средѣ посольской свиты началъ приучаться къ свѣтскости, да наблюденію обычаевъ образованной Европы, и тогда уже въ дипломатическихъ сношеніяхъ соблюдавшей утонченную вѣжливость. Составитель «дневника» говоритъ, что на него возложили отдачу визита цесарскому послу въ Гагѣ, въ числѣ прочихъ иностранныхъ уполномоченныхъ пріѣхавшему въ домъ Великаго посольства поздравить его съ прибытіемъ. Еще о себѣ составитель «дневника» говоритъ, что, во время аудіенціи великихъ пословъ у штатовъ генеральныхъ, когда послы наши сѣли, онъ, съ другими товарищами своими, стоялъ, какъ приставъ свиты посольской. Ыхалъ же онъ, во время торжественнаго вступленія посольства въ Гагу (15-го сентября 1697 года) въ одной каретѣ съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ, сыномъ дядки-воспитателя Петра I, человѣка очень близкаго къ государю.

Если авторъ «дневника» поставленъ былъ, въ Амстердамѣ и Гагѣ, рядомъ съ сыномъ ближняго царскаго слуги, то и самъ принадлежалъ къ числу близкихъ лицъ къ монарху, но связямъ, родству или другимъ того же рода отношеніямъ. Кто же бы это могъ быть, изъ числа комнатныхъ стольниковъ, находившихся въ то время въ Голландіи и посланныхъ въ Италію? Изъ князей (Ист. рус. флота, періодъ Азовскій. Прилож., ч. II, стр. 223—4) были: Борисъ Ивановичъ Куракинъ, Андрей Репнинъ, Данило Григорьевичъ и Андрей Михайловичъ Черкасскіе, Иванъ Никитичъ Урусовъ, Андрей и Юрій Яковлевичи Хилковы, Владиміръ Михайловичъ и Григорій Ѳеодоровичъ Долгоруковы, Юрій Юрьевичъ Трубецкой, Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, Иванъ Даниловичъ Велико-Гатосъ, Петръ и Ѳеодоръ Алексѣевичи, да Алексѣй Борисовичъ и Дмитрій Михайловичъ Голицыны. Кромѣ 16-ти поименованныхъ князей было въ Италію назначено 26 дворянъ-стольниковъ, въ которыхъ были три брата Милославскихъ, два брата Измайловыхъ, по-двое Сокольниковыхъ-Вяевскихъ, Шереметевыхъ, Бутурлиныхъ, Ладженскій, Ртищевъ, Чиряковъ, Матюшкинъ, Толочановъ, Глѣбовъ, Петръ Толстой и Авраамъ Лопухинъ. Сверхъ того особо назначены въ Италію: Ѳеодоръ Плещеевъ, два Ивана (Михайловичъ и Алексѣевичъ) Головины, да Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ, — при которыхъ не было солдатъ. Первымъ въ спискѣ стоялъ кн. Б. И. Куракинъ. Можно бы, конечно, допустить еще предположеніе, что секретное дипломатическое порученіе, въ качествѣ дебюта, дано брату посла, будущаго генералъ-адмирала и графа, Ивану Алексѣевичу Головину. Но до ранней смерти его (въ февралѣ 1700 года) мы не имѣемъ указаній, дающихъ право заключать, что онъ готовился быть дипломатомъ. Между тѣмъ въ это время, въ числѣ близкихъ людей

къ государю, какъ мы знаемъ, по обстоятельствамъ и связямъ, изъ всей толпы князей, Борисъ Ивановичъ Куракинъ стоялъ едва ли не первымъ—по случаю женитьбы на младшей сестрѣ супруга Петра I, Алексинѣ Федоровнѣ Лопухиной. Она на 21 году жизни скончалась въ 1699 году, а кн. Борисъ Ивановичъ въ 1707 году получилъ дипломатическое порученіе въ Римъ къ папѣ Клименту XI и успѣлъ побудить римскій дворъ выполнить желаніе Петра I, въ ту пору нѣтъ-шнее политическій интересъ очень важный: не прицѣпять корабль Польскимъ поставленнаго побѣдоноснымъ Карломъ XII Станислава Лещинскаго, когда уже Августъ II отрекся отъ королевства. Въ «дневникѣ» видно, что составитель его, въ 1698 г., въ Римѣ встрѣчаетъ очень любезный и предупредительный приемъ; къ нему посланъ былъ даже отъ папы сановникъ: показывать достопримѣчательности Рима. Приемъ у испанскаго посла, обѣды у гордаго владѣтеля виллы Панфилли, во Фраскати, приемы и у другихъ духовныхъ, высокопоставленныхъ особъ—все показываетъ, что глава римскаго католицизма ставилъ высоко москвича, явившагося въ Римъ, подъ видомъ путешественника-туриста. Равнымъ образомъ съ почетомъ относился къ нему и въ Берлинѣ. Здѣсь, на возвратномъ пути, составитель «дневника» получилъ возможность не только осмотрѣть дворецъ жиловъ, но быть въ комнатахъ, недоступныхъ обыкновенно для обозрѣній, да видѣть еще будущую королеву прусскую и дѣтей ея. Опять обстоятельство въ пользу вліятельности и извѣстности лица обозрѣвателя, исполняющаго обязанности пристава великаго посольства русскаго. Изъ «дневника» открывается, что его составитель обладаетъ знаніемъ латинскаго языка, тѣмъ похвалиться изъ молодыхъ москвичей-аристократовъ могли въ ту пору еще очень немногіе. Въ XVIII вѣкѣ латинскій языкъ былъ недостаточенъ для дипломата, а отправлявшійся въ Италію тѣмъ больше съ одною латинью не могъ обойтись: нужно было объясняться на живомъ, итальянскомъ языкѣ. Умѣлъ авторъ отличить и нѣмецкій отъ французскаго языка, стало-быть, хотя и не совершенно, но могъ знать ихъ. А знаніе языковъ русскимъ дворяниномъ въ 1697—1698 годахъ было рѣдкостью. Умный дипломатъ былъ князь Григорій Федоровичъ Долгоруковъ, но зналъ съ грѣхомъ пополамъ латинь, да польскій языкъ, потому Петръ I и затруднялся дать ему другой посольскій постъ, кромѣ Варшавы, гдѣ онъ былъ полезенъ; но съ дрезденскими министрами не могъ непосредственно входить въ сношенія, не говоря по-нѣмецки. Во Францію же послать могъ Петръ I посломъ, для постояннаго пребыванія, только одного князя Бориса Ивановича Куракина, который прискидывалъ и совершалъ покупки картинъ и статуй, слѣдя за ними, и нанимая художниковъ. Не ему ли и принадлежитъ «дневникъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1698 гг.»? Впрочемъ, если бы мы знали, что Иванъ Михайловичъ Головинъ (Басъ) зналъ языкъ, можно бы подумать, судя по замѣткамъ о пѣвцахъ и пѣвицахъ, да о музыкантахъ, что и ему съ руки были они?

Въ «Журналѣ» видѣнъ въ составителѣ частію любитель искусства, гораздо

ближе понимавшіи цѣнность художественныхъ твореній, чѣмъ оказывались соотечественники наши въ то время. Вѣрному взгляду на многое, видѣнное въ Италіи и описанное въ «дневникѣ», безъ сомнѣнія, помогала тактъ автора и его спокойный взглядъ на чужіе порядки и особенности, рѣзко отличавшіеся отъ нашихъ, но не возбуждавшіе въ авторѣ осужденія, а только стремленіе уяснить себѣ ихъ, какъ можно лучше.

Зная хорошо наши посольскіе статейные списки XVII вѣка, мы нѣсколько не затрудняемся признать лучшимъ изъ нихъ, далеко оставляющимъ за собою всѣ прочіе—«дневникъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи, въ 1697—1698 гт.». Привыкнувъ къ языку нашему того времени и не находя труда къ уразумѣнію нѣкоторыхъ особенностей тогдашней разговорной рѣчи, мы найдемъ описанія «дневника» въ высшей степени интересными и отнюдь не смѣшными, а напротивъ, характерными и основательно знающими съ видѣнными.

Такое отношеніе къ чужимъ порядкамъ обыкновенно встрѣчается у дипломатовъ, въ сообщеніяхъ отъ нихъ своему двору современныхъ явленій.

Церемоніи и вообще обычаи, несходные съ московскими, могли останавливать на себѣ вниманіе члена посольской свиты и дипломата, больше всего. Ему, привыкшему видѣть въ Бѣлокаменной и неуклюжіе каптаны въ ограниченномъ количествѣ, кажутся очень важнымъ свидѣтельствомъ европейскаго просвѣщенія и роскоши десятки каретъ на встрѣчѣ великаго посольства въ Гагѣ. Затѣмъ убранство комнатъ и обиліе вещей и домашней утвари изъ благородныхъ металловъ, роскошь костюмовъ, покроя платья и особенности головныхъ уборовъ народныхъ, въ разныхъ, посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ, тоже останавливаютъ любознательность составителя «дневника», отъ этого много выигрывающаго въ отношеніи занимательности содержанія.

При прежнемъ двоекратномъ печатаніи «дневника», съ очень существенными ошибками, доводившими текстъ во многихъ мѣстахъ до невозможности разгадать о чемъ рѣчь,—не обращалось вовсе вниманія на названія мѣстностей, также страшно искаженныя! При настоящемъ изданіи «Журнала путешествія» на страницахъ «Русской Старины», чтобы показать, въ какомъ видѣ изъ рукъ переписчиковъ дошла до насъ рукопись, принято нами искаженное названіе сохранить, но въ скобкахъ подлѣ проставить латинскимъ шрифтомъ подлинное географическое имя мѣстности или названіе лица и памятника. Черезъ это, читатель получаетъ возможность слѣдить за путешествіемъ и приурочивать описанія къ своимъ мѣстамъ, безъ измѣненія поправками рукописи, съ которой можетъ совсѣмъ стереться свойственный ей характеръ эпохи, если приняться замѣнять мало-понятныя, можетъ быть, весьма своеобразныя слова автора, болѣе вразумительными, новыми.

Ограниченность числа литературныхъ памятниковъ въ такомъ родѣ, какъ «дневникъ путешествія 1697—1698 гт.»,—дѣлаетъ его, независимо интереса

содержаніи внутренняго, особенно цѣннымъ вкладомъ въ сказанія о прошломъ. Въ итогъ же свѣдѣній о взглядахъ нашихъ предковъ на Европу и ея замѣчательности, «Журналъ» составляетъ такое сокровище, съ которымъ не могутъ стать въ ровень, другіе «дневники» и статейные списки посольствъ: Посникова, Матвѣева и П. А. Толстаго,—именно въ виду большаго умѣнья автора «журнала 1697—1698 гг.» подмѣчать существенное въ чужомъ бытѣ.

Нынѣшнее изданіе на страницахъ «Русской Старины» «дневника путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи» мы воспроизводимъ по рукописи первой половины прошлаго вѣка, въ 4-ю долю, 62 страницы. Текстъ рукописи надлежащимъ образомъ просмотрѣвъ нами съ предыдущими изданіями, вывѣренъ съ современными документами и обставленъ, гдѣ было то необходимо, примѣчаніями. Въ такомъ видѣ «дневникъ» 1697—1698 гг. представляетъ, смѣемъ думать, весьма полезный матеріалъ для знакомства со взглядами москвитей, сподвижниковъ царя Петра, на Западную Европу—впервые ими видѣнную въ концѣ XVII-го вѣка ¹⁾.

Препоручилъ (государь) правленіе боярину Тихону Никитичу Стрешневу, и комнатному стольнику Федору Юрьевичу Романовскому (Ромодановскому) и (повелѣлъ) посланныхъ насъ увѣдомлять.

Шестіе (было съ) Москвы мая 11-го дня, чрезъ Клинь, Тверь, Торжокъ, великій Новгородъ, отсель въ Нарву іюня 2-го числа. (Изъ Нарвы іюня 11-го дня приплыди) кораблемъ въ Любекъ іюня 23-го числа; тутъ видѣлъ въ церкви престоль изъ мрамора, рѣзанъ (зѣло) изрядно и органы, въ которыхъ одна труба 16 аршинъ.

Изъ Любека въ Гамбургъ 25-го; тутъ видѣлъ въ комедіи металника очень дивнаго и искуснаго (которой метался зѣло дивно и искусно); тутъ же въ городѣ видѣлъ бочку, въ которую входитъ полуанверныхъ 112 боченковъ.

Изъ Гамбурха въ Бременъ (16-го іюля моремъ) изъ сего въ Беростень (Gröningen), а изъ онаго въ Страмбусъ (Strabosch), въ Доню (Dokkum), въ Бѣль, въ Вартъ (Bolswerd), въ Варкумъ (Worrum); изъ Варкума моремъ на галіотѣ, переплыли 5 миль въ 4 часа, въ Неусенъ (Enkhuysen). Оттоль, на почтовой телѣгѣ,

¹⁾ Заголовокъ рукописи (какъ объяснено выше совершенно ошибочный) таковъ: «Путешествіе Петра Перваго въ чужія края».

Всѣ дополненія изъ списковъ того же памятника, ранѣе изданія, мы ставимъ въ скобкахъ.

въ Горнъ (Horn), изъ онаго въ трешитъ (treschuyt), въ Пермонретъ (Permegerend), въ Конкейдантъ (Moupijendam), въ постшюитъ въ Амстердамъ, июня (іюля) 21-го числа.

Въ Амстердамѣ видѣлъ въ домѣ собраны золотныя и серебряныя и всякія руды; и какъ рождаются алмазы, изумрудъ и коральки, и всякіе каменья; золото течетъ изъ земли отъ великаго жару, и всякія морскія вещи видѣлъ.

Младенца видѣлъ женскаго пола, полутора году, мохната всего сплошь и толста гораздо, лице поперегъ полторы четверти; привезена была на ярмонку. (Видѣлъ тутъ же) слона (великаго), которой игралъ миноветы, трубилъ по турецки, по черкасски, стрѣлялъ изъ мушкетанта и многія дѣлалъ забавы; дѣлалъ симпашю (имѣеть симпатію) съ собакою (которая непрестанно съ нимъ пребываетъ, зѣло дивно) преудивительно.

(На ярмонкѣ) видѣлъ метальника, которой черезъ трехъ челоуѣкъ перескоча, на лету обернется головою внизъ и станетъ на ногахъ.

Видѣлъ у доктора анатомію: кости, жилы, мозгъ человѣческой, тѣлеса младенческія и какъ зачнется во чревѣ и родится. Видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень; и вся внутренняя рознета равно, и жила та, на которой печень живетъ, горло и кишки. Жила та, на которой легкое живетъ, подобно какъ трыпица старая; жилы тѣ, которыя въ мозгу живутъ, какъ нитки.

Видѣлъ 50 тѣлесъ младенческихъ въ спиртахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны.

Видѣлъ мужское и женское четырехъ лѣтъ возраста нетлѣнны и кровь знать, глаза цѣлы и тѣлеса мягки, а лежатъ безъ спиртовъ; женскаго пола внутри сердце, печень, кишки, желудокъ, все нетлѣнно.

Видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще бараньей кожи, которая на мозгу у челоуѣка живетъ: вся въ жилахъ, косточки маленькія, будто молоточки, которые въ ушахъ живутъ.

Животныя отъ многихъ лѣтъ собраны и нетлѣнны въ спиртахъ; мартышки, звѣри, (индѣйскіе) маленькіе и змѣи предивныя, лягушки, рыбы (многія) дивныя и птицы разныя (зело) дивніе-жъ и корводилы (кровоудилы), змѣи съ ногами, голова долга, змѣи о двухъ головахъ. Видѣлъ звѣрка, которой родить

черезъ естество, собою съ большую мышь, безъ шерсти, а родить отъ себя сквозъ спину много маленькихъ, половина вышла, большихъ 20. Жуки предвѣные, бабочки—великое собраніе.

Видѣлъ мужика безрукаго, которой въ карты игралъ, изъ пищали стрѣлялъ и набивалъ, самъ у себя бороду брилъ; поставитъ на столъ на самой край стулъ и подъ стулъ поставитъ рюмку; станетъ на стулъ ногами и нагнися достанетъ зубами рюмку, съ шпагами танцовалъ, въ стѣну бросалъ (шпагою) вело прытко, ногою (писалъ).

Изъ Амстердама пріѣхали въ Гагу сентября 15-го числа. Встрѣча была за двѣ версты до города, два человѣка, подъ насъ 50 каретъ о 6 коняхъ, а сидѣли по два человѣка. Я сидѣлъ съ вн. Алексѣемъ Голицынымъ. (А какъ) пріѣхали въ городъ, на посольской дворъ, 2 человѣка (стать) поздравляли посольское величество съ пріѣздомъ. Къ обѣду пріѣхали семь человѣкъ (статовъ) и (въ нихъ одинъ) президентъ подчивалъ за столомъ; пріѣхали въ каретахъ по два человѣка, стать наѣхало множество. (Мы встрѣчали у кареты, послы на крыльцѣ. И долго президентъ не шелъ изъ кареты, что послы не сошли на нижнее крыльцо).

На другой день пріѣзжали подчивать, господинъ Вытцинъ ¹⁾ (да два человѣка стать). По всякой день, были у стола по 2 человѣка (стата). (Послѣ аудіенціи не было. На пріѣздѣ были у статовъ въ каретахъ; ѣхали по два человѣка о шести коняхъ). Ѣхали къ статамъ въ каретахъ: Францъ Яковлевичъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, (противъ ихъ) Прокофій Возницынъ, царевичъ Милитинской, Александръ Кикинъ, Ѳедоръ Плещеевъ, Петръ Лефортъ (иноземцы наши), да приставъ, я съ вн. Алексѣемъ Голицынымъ; лавеевъ (было) двадцать (пять человѣкъ) и шли предъ каретою; пажей десять (человѣкъ, было около кареты; назади и наперед; всѣ) въ алыхъ кафтанахъ, съ кружевами, серебромъ и золотомъ; четыре варла въ бархатныхъ кафтанахъ. (Какъ) пріѣхали (къ нимъ), на дворѣ солдатъ стояло сорокъ человѣкъ (встрѣчали два человѣка стать, всѣ были и) за столомъ сидѣли тридцать семь человѣкъ. Нашихъ пословъ (посадили посреди стола, а мы стояли за ними; прежде рѣчь говорилъ большой посоль, потомъ другой, послѣ Прокофій) Возницынъ; грамоту подали (и поѣхали. Провожали два человѣка стать).

¹⁾ Вытсень.

Послѣ пріѣхали на посольской дворъ (въ отвѣтъ 7 человекъ въ статъ; а Францъ Яковичъ былъ въ русскомъ платьѣ. На пріѣздѣ въ Гагъ) ѣздили въ Лейденъ (и были въ сей день) въ анатоміи; тутъ много вещей знатныхъ zelo предивныхъ много вещей и обо всѣхъ ихъ взята книжка на латинскомъ языкѣ.

Давали послы визиты, свесвой (шведскій) о трехъ каретахъ, (о шести коняхъ, всѣ въ черномъ платьѣ; на другой день былъ бренденбургской въ четырехъ каретахъ. (Того-жъ дни) англиской (посоль былъ) въ девяти каретахъ (о пяти, и о шести, и о четырехъ коняхъ), дацкой въ четырехъ каретахъ (о шести коняхъ, былъ на третій день).

Цесарскаго посла жена у обѣдни нанеи была, со многими дѣвцами прекрасными (zelo нарядны).

(Въ Гагѣ) Францъ Яковлевичъ ѣздилъ за городъ, въ сады, въ (своей) каретѣ, которая дана 1800 червонныхъ, 8 лошадей (было), шлеи бархатныя, вызолоченныя; я сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ. (Еще было три кареты о 6-ти коняхъ, въ которыхъ дворяне наши сидѣли). И прочихъ много каретъ. (А какъ свѣдали, что мы поѣхали загородъ, многія) посольскія жены нарочно выѣхали (загородъ) въ каретахъ (все о шести коняхъ).

(Послѣ того) ѣздилъ въ комедію (которая нарочно для насъ сдѣлана); у кареты горѣли двадцать свѣчъ восковыхъ (большихъ самихъ).

У цесарскаго посла (былъ я одинъ. У ево одна) полата 1-я обита полосатыми матеріями, 2-я шпалерами, 3-я бархатомъ краснымъ и по швамъ кружева золотыя, самыя изрядныя, зѣло богатыя.

Гишпанской посоль былъ въ двадцати каретахъ (о 6 коняхъ).

Амстердамская ратуша въ длину 50 ступеней, въ ширину 45.

Пословъ нашихъ дарили стату голландскіе: большому послу цѣпь золотая, вѣсомъ десять фунтовъ, съ гербомъ голландскаго государства; другому послу восемь фунтовъ; дѣлку Прокофію Возницину (пол)-шеста фунтовъ (5¹/₂); дворьянамъ цѣпи по 120-ти золотыхъ. [Въ Астрадамѣ] октября 28-го¹⁾ огненные потѣки были, триумфъ: во всемъ городѣ огни горѣли и ракетки пуцали предивныя; за одну ночь, чаю, нѣсколько сотъ тысячъ пуцено, на

¹⁾ Въ другомъ спискѣ 18-го.

радостяхъ, что во всей Европѣ миръ состоялъ у всѣхъ государей (съ французскимъ королемъ).

Видѣлъ штуки съ бумаги рѣзныя; рѣжетъ дѣвка, которая и персону человѣческую вырѣжетъ и многія (персоны) королевскія—рѣжетъ и продаетъ за великую цѣну.

Видѣлъ стекло зажигательное, въ малую четверть часа растопить ефимокъ.

Въ Амстердамѣ былъ у жидовъ въ церквахъ, видѣлъ великое богатство, церкви изрядныя, книги Моисеевы украшены хорошо.

Былъ въ церкви у квакероу, которые собираются въ церкви, сидятъ часа три съ великимъ смиреніемъ, никто не молвитъ, всякой ожидаетъ на себя освященія; познавши кто себя, мужъ или жена, встаетъ и учитъ людей и въ то время молчать, хотя велику досаду дѣлай, (не противятся и) отвѣта не дастъ.

Видѣлъ птицу превеликую, безъ крыль и перья нѣтъ, будто щетина. Видѣлъ индѣйскихъ мышей, желтыя и бѣлыя, какъ горностаи.—Видѣлъ ворона, тремя языками говорить.—Видѣлъ кита, которой выпоротъ изъ брюха, еще не родился, пять сажень. Видѣлъ морскаго зайца, у котораго затылочная кость полторы сажени. Видѣлъ рыбу морскую и съ крыльями, можетъ вездѣ летать.

Видѣлъ домъ тотъ, гдѣ сидятъ блядки, изрядной каменной, тутъ былъ я. Другой домъ такой же великой, тутъ сидятъ выблядки, и сироты учатца грамотѣ, мастерства разнаго; держать до 15 лѣтъ, внуца дадутъ волю и платье новое, былъ я (тоже). Видѣлъ домъ и былъ въ немъ гдѣ сидятъ съумасброжденные люди, которые совершенно безъ ума; всякому сдѣланъ чуланъ и ходятъ не просто: смотреть, поить, чистать и берегутъ; а которые не дерутся ходятъ просто по двору, а съ двора не пускаютъ.

Въ Амстердамѣ устроены дома, гдѣ собираются всякой вечеръ дѣвицы изрядныя, по 20 и по 15 въ числѣ, есть красавицы. И музыка непрестанно играетъ. Кто охотникъ, танцуетъ, а кто дѣвицу любить, взявъ за руку, идетъ въ особую камеру или къ ней въ домъ и ночуетъ съ нею безъ всякаго опасенія, потому что нарочно устроено, и пошлему платятъ въ ратушу. А домовъ такихъ съ двадцать; а называютъ шильгаусъ или дома игральныя,— а иные дома есть которые тайно играютъ, домовъ такихъ съ 200, богатые; и кто охотники, нанимаютъ на мѣсяць или на два, на

недѣлю и на годъ; безъ опасенія играютъ всякаго званія и безъ всякихъ кляузъ: ни азарта, ни драки не бываетъ.

Видѣлъ казнь двухъ человѣкъ смертію, пытавши: какъ повѣнчались въ убивствѣ, привели ихъ на позоръ, и сказана имъ смерть за день; и въ тотъ вечеръ имъ столъ: подчивали ихъ всѣмъ довольно. Пришло время казнить, привели ихъ предъ бурмистровъ и спрашивали: совершенно ли винны?—Сказали правду, что винны. Бурмистры пошли къ статамъ и спрашивали: казнить ли ихъ? И стать приказали еще спрашивать, трижды; послѣ того сошли стати, стали вкругомъ на колѣни и винныхъ поставили, и молились Богу со слезами о тѣхъ винныхъ; и вывели на театръ и поставили на колѣни; палачъ отсѣкъ обоимъ головы палашемъ, а пасторы непрестанно при нихъ были.

Изъ нихъ одного анатомили, разнимали при мнѣ голову и мозгъ; внутреннюю разнималъ профессоръ для наученія лекарей; ободралъ голову (потомъ пилою растеръ черепъ и съ черепа кожу поднялъ, изъ черепа) вынулъ мозгъ, вспоролъ грудь, смотрѣли сердце, печень и легкое, какъ лежатъ внутреннія, подобно бараньей. Профессоръ изъ того разрѣзаннаго человѣка здѣлалъ часть нѣкоторую живу.

Змѣю видѣлъ полчетверти сажени (одинъ кусокъ 282 фунта).

Трубку зрительную видѣлъ, чрезъ которую смотреть на мѣсяцъ и на звѣзды; на мѣсяцъ смотрѣли и видѣлъ (можно видѣть), что есть земля и горы; а мѣрою та труба десять (съ десять) сажень.

Видѣлъ стекло, чрезъ которое можно растопить серебро и желѣзо; тѣмъ же стекломъ топили камень самой крѣпкой, и съ того камня выггли подобно (будто) хрусталь, и тѣмъ хрустальемъ рѣзали стекло какъ алмазомъ. (Тѣмъ же стекломъ) жгли дерево подъ водою, воды было пальца на четыре, вода закипѣла и дерево зажгли; а ефимовъ растопится, какъ «Отче нашъ» проговорить. Топили свинецъ и сожгли въ пещель, изъ того пещла вытопили камень, подобно янтарию.

Видѣлъ голову здѣланную деревянную, человѣческую, говоритъ; заводятъ какъ часы; а что будешь говорить, то и она голова говорить.

Видѣлъ двѣ лошади деревянные на колесѣ; садятся на нихъ и скоро ѣдутъ куда угодно, по улицамъ; снимаютъ вольца копьемъ.

Въ Амстердамѣ всѣхъ церквей разныхъ вѣръ пятнадцать.

Былъ у человѣка, у котораго собраны разныя деньги древнихъ кесарей, и тѣ сребреницы тутъ же, на которыхъ Христосъ отъ Иуды проданъ, вѣсомъ будетъ противъ осьми копѣекъ русскихъ; а печать на нихъ, на одной сторонѣ персоны человѣчeskія, а на другой лиліи; подписи надъ персоною изрядна. У того (же) человѣка смотрѣли комедію кувольную: булки танцовали изрядно.

Видѣлъ старуху древнюю, ходить по улицамъ, играетъ на скрипкѣ, передъ нею три собаки танцуютъ на (заднихъ) ногахъ.

Былъ у жидовъ въ церкви, смотрѣлъ обрѣзаніе младенца. Прежде молитву сотворить, потомъ положить младенца и возьметъ крайнюю плоть и рѣжетъ щипцами серебряными и отрѣжетъ не мало; послѣ возьметъ ренскаго въ ротъ и припадетъ ко младенцу и возьметъ плоть въ ротъ и сосетъ кровь, тою же кровью и виномъ мажетъ у младенца уста.

Обѣдалъ на большомъ постояломъ дворѣ, десятникъ и послы; всѣхъ было тридцать два человѣка, а заплатили денегъ тридцать семь ефимковъ (триста семь ефимокъ).

Былъ у торговаго человѣка и видѣлъ хамиліона (хамелеонъ) живаго, которой отмѣняетъ свѣтъ (цвѣтъ), и на которой цвѣтъ взойдетъ тѣмъ цвѣтомъ и самъ кажется.

(Какъ) пришелъ десятникъ ¹⁾ въ Амстердамъ, потѣха была на морѣ, наряжены два вице-адмирала съ фрегатами, съ яхтами воинскими; промежъ собою стрѣляли изъ пушекъ, какъ на (въ) бою; было судовъ и смотрѣльщиковъ до 1,000.

Изъ Амстердама ѣздили въ Роттердамъ, а ѣхали на Ленденъ (Leuven). Въ Ленденѣ (Leuven) были въ академіи и смотрѣли многихъ вещей; изъ Лендена (Leuven) въ Делфъ (Delft). Въ Делфѣ смотрѣли церкви большія, гдѣ погребаются армяцкіе князья ²⁾. Изъ Делфа въ Ростродамъ (Rotterdam), ѣздили, смотрѣли тутъ церкви большія. Видѣли славнаго человѣка ученаго ³⁾ персону изъ мѣди, вылита въ подобіе человѣка и книга

¹⁾ Такъ называли въ посольствѣ царя Петра Алексѣевича.

²⁾ Принцы Оранскаго дома.

³⁾ Памятникъ Эразму Роттердамскому, бронзовая статуя, въ ростъ, съ портретнымъ сходствомъ. И. Г.

и́дная въ рукахъ, и какъ 12 часовъ ударить, то перекинетъ листъ: имя Еразмусъ.

На дворѣ былъ, гдѣ травили быковъ собаками, при мнѣ за-
травили трехъ, а два устояли; многихъ собакъ побили до смер-
ти, иныхъ бока прокололи рогами. Которые были устояли, на
нихъ положены короны и фрукты изъ бумаги здѣланы, за то,
что выдержали триумфъ, и повели по городу; а передъ ними два
человѣка шли и трубили.

(Въ Остродамѣ (Amsterdam) былъ, гдѣ собираются дважды въ
видѣлю ученые люди и допытываются промежь собой о разныхъ
вещахъ богословскихъ и философскихъ).

Видѣлъ въ Остродамѣ (Amsterdam) рыбу, у которой пила на
носу, величиною съ небольшую бѣлугу; видѣлъ рыбку, кото-
рая корабль останавливаетъ, маленькая, прилипають ко дну
изжество, оттого останавливается. Рыбу видѣлъ живую предив-
ную, называютъ морскимъ теленкомъ, гораздо томна (темна) да
коротка, губы превеликія висятъ.

Въ Остродамѣ (Amsterdam) ужиналъ въ такомъ домѣ, гдѣ
стояли нагія дѣвки; кушанья на столъ и пить подносили всѣ
нагія; а было ихъ пять дѣвожь, только на головѣ убрано, а на
гѣбъ никакой нитки; ноги перевязаны лентами, (а) руки флерами.

Изъ Стродама (Amsterdam) поѣхали въ Италію апрѣля 1-го
числа ¹⁾, ѣхали на почтовыхъ; первой городъ Муенъ (Muiden);
изъ Муена въ Ардемъ (Naardem). Въ Ардемѣ (Naardem ²⁾) смо-
трѣли фортификацію; на дорогѣ дворы загороднаго князя арай-
скаго, сады, фонтаны предивныя.

Изъ Ливена (Nimvegem) въ Краненбургъ (Crodſenburg), тутъ
смотрѣли курфирста бранденбургскаго сады, по одну сторону
двора его рѣка Ваалъ, за рѣкою сады съ прекшпектами, фонта-
ны, съ горы ходы здѣланы чрезъ рѣку въ садъ; по другую сто-
рону гора превеликая; кругомъ рощи съ просѣкамп. Двѣнадцать

¹⁾ 1698 года.

²⁾ По другому списку это мѣсто читается такъ: «въ Арна-форгѣ (т. е. у
крѣпости Нарземъ), на дорогѣ (т. е. на пути своемъ) смотрѣли двора заго-
роднаго князя Оранятскаго, сады и фонтаны предивныя. Ночевали въ Кир-
менѣ (Agnhem) на рѣкѣ. Изъ Кирмена (Agnhem) въ Килжетнъ (Nymwegen) на
рѣкѣ же. Изъ Килжетна (Nymwegen) ѣхали въ Кроцбургъ (Crodſenburg), а
оттолѣ въ Силемъ (Cleve). Тутъ смотрѣли курфирста бранденбургскаго дворы».

дорогъ, а со всякой дороги на одну ведутъ; напущено звѣрей, оленей, лосей, вдругъ увидишь ста три въ горахъ; фонтаны въ рощѣ; четыре часа ходу.

Изъ Пленша (Cleve) въ Санктемъ (Xanten), (гдѣ) смотрѣли церкви католицкія. Въ одной, кругомъ ея, высѣчены страсти Спасителя въ алебастру, на одной сторонѣ распятіе, на другой, когда молился Сынъ Божій «да мимо идетъ чаша сія» и прочая, все въ ней въ церквѣ вынесены (высѣчено).

Изъ Сазштема (Xanten) въ Рейнбергъ (Reinberg), изъ онаго въ Рендифгъентъ (по Рену рѣкѣ внизъ) — въ Кузлюкъ (Düsseldorf). Въ Кузлюкъ (Düsseldorf) смотрѣли церковь католицкую, — мѣрою та церковь 120 ступеней.

Былъ у іезуитовъ въ монастырѣ. Въ церкви предивное украшеніе; святыя иконы изрядныя, паникадило одно серебряное великое, чеканной работы, притчи евангельскія: пять (дѣвъ) мудрыхъ съ неугасимыми лампадами, пять юродивыхъ съ лампадами безъ огня. У нихъ (же) былъ въ библиотекѣ, превеликое собраніе разныхъ книгъ, хорошее тщаніе и попеченіе.

Были въ монастырѣ у капуциновъ, ходятъ на володкахъ босыми ногами ¹⁾, головы обриту — кругомъ оставлено на палець; платье черное, подпоясаны веревкою; разныхъ законовъ zelo много, въ Куленѣ (Koelln) будетъ двадцать ²⁾.

Былъ въ монастырѣ, гдѣ 1,100 дѣвицъ пострадали. Тутъ же видѣлъ камень Спасителя гроба, кувшинъ, въ которомъ Христосъ претворилъ въ Канѣ Галилейской воду въ вино, мѣрою полведра; Богоматери, камень бѣлый, — фигура. Тутъ видѣлъ жезлъ апостола Петра, на концѣ кость точеная.

Оттолъ поѣхали водою, рѣкою вверхъ, лошадьми; первой городъ Куленъ (Köln) ³⁾. Въ томъ городѣ Куленѣ, на ярманкѣ, видѣлъ младенца о дву головахъ, говорили съ матерью, со становкою одна другой ⁴⁾. Тутъ же видѣлъ танцовали на веревкахъ металчики предивно; тутъ же видѣлъ теленка о двухъ головахъ. Въ Куленѣ же видѣлъ въ аптекѣ коркодила (крокодила) двухъ сажень.

¹⁾ Въ сандаляхъ, — капуцины древнихъ правилъ.

²⁾ Т. е. церквей разныхъ исповѣданій.

³⁾ Въ другомъ спискѣ читается «первый городъ Боня».

⁴⁾ Т. е. обѣ головы, будто, розно говорили.

Изъ Кулена (Köln) поѣхали рѣкою вверхъ, лошадьми до города Бонъ (Bonn)—другой Айдеонихъ (Andernach) и въ Комблендъ (Koblenz), въ Нассъ ¹⁾ (Nassau). На другой сторонѣ Еренбрестенъ (Ehrenbreitstein), сей городъ славной цесарской городъ, построенъ на горахъ каменныхъ, высоко на рѣкѣ Питжѣ (Рейнѣ), гдѣ впала рѣка Мазель (Mosel); по рѣкѣ Рейнѣ горы каменныя высокія, на оныхъ все винограды.

Изъ Еренбрестена (Ehrenbreitstein) въ Бахаромъ (Bacharach), въ Ренфельсикъ (Bingenbrücke); у сего города горять у воротъ свѣчи; тутъ же ошейникъ мѣдной, кто впервые придетъ ²⁾, повиненъ положить тотъ ошейникъ на шею и стоять малое время, потомъ купаютъ. А кто не хочетъ купаться—дастъ деньги, сколько можетъ, на ренское,—и кампанія съ вѣмъ ѣдетъ имя свое напишетъ въ книгу, что тутъ были.

Изъ Сикта (Бинга-Bingen) въ Аменскъ (Mainz). Изъ сего города ѣздилъ смотрѣть, гдѣ натуральные колодези горячіе, въ одномъ вода безъ мѣры горяча, не можно рукѣ терпѣть; въ другомъ не такъ горяча. Тутъ построенъ домъ (великій и палаты изрядныя. Сдѣлано) мѣсто, гдѣ ходять въ воду, сколько кто хочетъ уступить въ воду и купаются. (Палата каменная сажень пяти, сводъ изъ досокъ сдѣланъ, написанъ планець. И сдѣланы въ сводѣ) двѣ трубы для того, что паръ непрестанно идетъ отъ воды, а на середкѣ сдѣлано мѣсто, выкладено камнемъ краснымъ, глубиною по шею человѣка; около перила, маленькіе чердачки и ступени въ воду, сколько хочешь уступишь. А сидѣть есть лавки, захочешь отворить двери другія въ водѣ и плавать можно вдоль сажени три, а поперекъ полторы; вода непрестанно течетъ приведенною трубою, другою вонъ идетъ; а вода (въ колодезяхъ) солона.

Изъ Мели (Mainz) поѣхали водою, рѣкою вверхъ, на большомъ суднѣ, лошадей въ ямкѣ десять, было людей въ суднѣ 160 человѣкъ; приѣхали въ Франкфортъ (Frankfurth) въ самую ярманку, апрѣля 10-го числа. Въ Франкфортѣ (Frankfurth) видѣлъ товаровъ столько, что въ Амстердамѣ столько не видалъ, а больше всего серебра и алмазныхъ запонокъ и крестовъ, и

¹⁾ Въ нассаускомъ владѣніи.

²⁾ Т. е. проѣзжающій здѣсь въ первый разъ.

перстней, все алмазные; у жида цѣлая лавка навѣшено оными товаромъ.

Видѣль въ жидовскомъ платьѣ жидовку, здѣлано брыжи (на шеѣ собрано изъ полотна)¹⁾; на головѣ, какъ рога, изъ полотна; на плечахъ епанча бархатная съ кружевомъ, черная.

Изъ Франкфорта поѣхали каретою въ городъ Зелентъ (Seeligenstadt), отсель до Аллирха (Altkirch); дали 8 ефимковъ на челоуѣва, было четверо насъ въ (до) Клембахъ (Klein-Heibach). (Проѣхали) стать Клейборхъ (Klein-Heibach).

Клейборхъ (Kleveberg) построенъ въ (на) одну улицу, съ одной стороны рѣка Мель (Main), по другую сторону горы каменная; проѣхали Чульцмъ (Kühlsheim), Бишовсхъ (Bischoffsheim), Ладва (Lauda), Мергематемъ (Mergentheim), Денерсъ (Donauwerth), Спилгамбургъ (Spillemburg). Оной городъ построенъ на горѣ каменной, крутой, высоко, что не можно взойти кромѣ тѣхъ мѣстъ (гдѣ) подѣланы лѣстницы.

Городъ Воспургъ (Augsburg) хорошъ, подъ нимъ рѣка Донъ (Donau). Въ Оспургѣ (Augsburg) смотрѣли статусъ (Rathhaus) хорошей работы, (въ середкахъ) лучше Астердамскаго (дому:) ²⁾ изрядныя письма, рѣзба предивная, вызолочена вся. (А мѣроу) палата лутчая, 25 ступеней, ширина 14 ступеней. Въ сѣняхъ подпоры столбы мраморныя, вышина двѣ сажени (одного камени) ³⁾; подъ исподомъ плиты все изъ фонтановъ; а въ городѣ улицы вымоцены (всѣ) камнемъ, по всякой улицѣ текутъ воды живые, а всѣ изъ фонтановъ.

Дѣвки носятъ глабы (косы) на головахъ, превеликія иныхъ волосовъ ⁴⁾, а печальныя платья у нихъ особыя, другія шелковыя; косы вмѣстѣ, на головахъ великіе щиты изъ полотна, на шеѣ

¹⁾ Vallon, слоенныя вѣромя складки, трубочками, расходясь шире съ наружной стороны и образуя вокругъ шен родъ фрѣзы (fraise), которыя носились дамами изъ тюля въ сороковыхъ годахъ. Только въ наше время о б о р ки тюлевыя были не шире обыкновенной уборки чепчиковъ и канзу, а въ XVI вѣкѣ валлоны доходили до 9-ти вершковъ отъ шен.

²⁾ Амстердамской ратуши. Убранство внутреннее ратуши Аугсбургской, гдѣ живопись, рѣзъба (скульптура), а главное позолота,—поправилась больше автору дневника.

³⁾ Т. е. цѣльныя колонны, а не составныя.

⁴⁾ Т. е. накладныя.

брыле ¹⁾, платье долгое, собрано какъ саванъ. Жены ихъ носить шапки великія, подобно гарлатнымъ, только больше.

Тутъ же въ городѣ былъ въ церкви католицкой, очень велика; одинъ престолъ здѣланъ великимъ богатствомъ—гора здѣлана изъ мрамора, вверху горы ангелъ стоитъ, держитъ сосудъ въ рукахъ. Ниже стоитъ Иисусъ Сынъ Божій на колѣняхъ и проситъ дабы еще возможно, сія чаша мимо идетъ; апостолы стоять по горѣ розно.

Былъ въ (изрядной) аптекѣ, видѣлъ натуральныхъ вещей: руды золотыя и серебряныя, и какъ роятся разныя каменья и (древеса) и драгія (многія) благоуханія (и которыя подлежатъ въ лекарства). Украшена аптека вся головами турецкими, какъ война была подъ Вѣною; на многихъ головахъ ранъ по двадцати, на иныхъ и больше, рублены палашами; много приѣзжаютъ смотрѣть того украшенія.

Изъ Аспурха (Augsburg) поѣхали каретою, наняли извозчика до Венеціи, обѣдали и ужинали, ренское по крушеѣ, отъ чело-вѣка по 12-ти золотыхъ ²⁾.

На дорогѣ города Ляспургъ (Landsberg), на другой день Вейлалишанфогъ (Weilheim, ³⁾; Испургъ (Innsbruck) промежъ страшными высочими горами. Въ Винципурхъ (Innsbruck) приѣхали въ великую пятницу. Тутъ былъ у иезуитовъ въ монастырѣ; монастырь огромной, бібліотека пять сажень вдоль, все столы (стѣны) сплошь наполнены книгами разными; шкапы безъ дверей, ярлыки висятъ (надъ всякимъ шкапомъ), подписаны какія въ коемъ книги, по середѣ столъ, три глобуса, инструменты лежать (все) изрядно (зело убрано).

Въ церкви смотрѣлъ цецарскихъ мужскихъ и женскихъ персонъ литыя изъ мѣди, всѣ которыя погребены въ той церкви; и мѣрю противъ чело-вѣка; хорошаго мастерства; поставлены въ церкви, по обѣ стороны 28 статуевъ. Тутъ-же видѣлъ статую (Rathhaus) славной работы, подъ крышею, крыта золотыми досками ⁴⁾, мѣрю кровля въ длину полчетверта ($3\frac{1}{2}$), а вверхъ

¹⁾ Вагоны.

²⁾ За весь проѣздъ до Венеціи, со всѣмъ содержаніемъ на счетъ погонщика.

³⁾ Велинам-гофъ

⁴⁾ Эта ратуша въ Инспрукѣ отъ позолоты и называлась изстари «Das goldene Dachel».

полторы сажени, поперегъ полсажени, придѣланъ въ стѣнѣ алтанецъ (Althanens) стермцингель (Sturmcingel) брексенъ (Brixen) боттенецъ (Bautenes) ¹⁾.

Быль въ церкви у домикановъ, изрядное строеніе, на крыльцѣ церковномъ высѣчено два льва каменные, изъ мрамора, дивной работы.

Городъ Трентъ (Trient), изъ онаго ѣхали на гору каменную. 8 часовъ, такая что невозможно было смотрѣть внизъ, а дорога такая узкая, во многихъ мѣстахъ было отъ колеса меньше полуаршина. И видима было и съ той и съ другой стороны такая пропасть, что неподобно сказать. А на верху на тѣхъ горахъ великой снѣгъ въ самое лѣто не сходитъ, а внизу, промежъ тѣми горами, рѣка страшная, быстрая ²⁾; изъ сторонъ тѣхъ горъ текутъ источники, подобно какъ великія двери отворены; на тѣхъ источникахъ поставлены многія мельницы и пиларни. Горы тѣ каменныя, во многихъ мѣстахъ ѣхали подъ каменемъ, виситъ надъ горою сажень 50 и часто обрываются каменя и побиваютъ много людей. Самая нужная тутъ ѣзда, страхъ великій отъ каменн! передъ нами упалъ камень, за день, надъ самою дорогою, просѣкали подъ него яму, пилили и порохоомъ насыпали чтобъ разорвало, и мы ѣхали, карету свою на рукахъ съ великою нуждою передвинули то мѣсто, потому что рабочіе не успѣли рваного камня очищать. А называютъ тѣ горы теролинскія (Tyrolinische). А ѣхали тѣми горами 10 дней, до Борги Фриуланской (Borgo-Friulam Roveredo); тутъ многія горы такія высокія, что облака ниже ихъ ходять.

Въ Венеціи былъ въ церкви, которая вся изъ мрамора бѣлаго; образъ Пресвятыя Богородицы высѣченъ изъ бѣлаго мрамора держитъ младенца, предивной работы; надъ нею здѣлано солнце и пламени изъ стекла, подобно какъ солнце сіяетъ. Тутъ же былъ въ монастырѣ, слышалъ музыки; такой музыки николи не слышалъ во всей Европѣ; пѣли дѣвки на хорахъ и на всѣхъ инструментахъ играли въ церкви католицкой.

¹⁾ Какъ поясъ изъ башенъ—построено все изъ брекчин, выраженіе въмецкое вожака по городу въ Инспругѣ, указывавшаго на достопримѣчательн ости города съ рѣки. Въ другомъ спискѣ «Олтацъ, Стерцъ, Игенъ, Бризенъ, Босценъ» (см. Москов. Вѣстн. 1830, кв. 6, стр. 103).

²⁾ Эчь.

Тутъ же видѣлъ процессія была: князь венецейской ѣздилъ на море ¹⁾, судно великое ²⁾, рѣзное, вызолочено все, покрыто бархатомъ краснымъ, вышиты гербы венецейскіе золотомъ, князь сѣдѣлъ на своемъ мѣстѣ, чиновники по обѣ стороны. Патріархъ въ особомъ суднѣ пріѣхалъ въ его судно, святилъ воду и ту воду влилъ въ море и музыка пѣла предивная. Потомъ князь перстень алмазной взялъ, бросилъ въ море, сошелъ изъ судна, пошелъ въ церковь, чиномъ, послы и прочія (по правую сторону пошелъ посолъ, по лѣвую французской, шли на переди въ рядъ, и дальше, тоже) по два. Мая 1-го числа, по ихъ обыкновенію, (бываетъ это) каждой годъ, и носятъ машкары лутчіе люди, жены и дѣвицы всѣ; чтобъ невозможно другъ друга знать.

Тутъ видѣлъ птицу строфокамила съ небольшую лошадь.

Въ Венеціи (же) былъ въ монастырѣ у святаго Георгія, церковь великая, внутри все изъ мрамора бѣлаго, полъ мраморной разнаго цвѣта, лампы превеликія серебряныя, 10 лампадъ. Былъ въ библіотекѣ, украшеніе и собраніе книгъ, глобусы въ косую сажень, очень убрано хорошо. Въ томъ же монастырѣ былъ въ садахъ, въ коемъ кипарисныя деревья, винныхъ ягодъ и прочихъ много.

Въ Венеціи церковь соборная святаго евангелиста Марка (зело яврядна). Надъ дверьми рѣзьба изъ мрамора бѣлаго, надъ рѣзьбою четыре лошади мѣдныя, безъ уздъ, вызолочены, а поставлены на знакъ венецейской вольности. Предъ тою церковью площадь, 125 ступеней, поперегъ 42; кругомъ дома прокураторскіе великіе, стоятъ три столба высокіе деревянные, утверждены въ мѣди чеканной работы, значать провинціи венецейскія. На другой (площади) ³⁾ два столба каменные, изъ одного камня, 8 сажень; на одномъ гербъ или левъ съ крыльемъ, во образъ евангелиста Марка, на другомъ образъ св. Теодора, змія закололъ.

Въ Венеціи въ соборной церкви на престолѣ образъ пресвятыя Богородицы съ превѣчнымъ младенцемъ, что писалъ Лука евангелистъ, мѣрою четверти въ три, мастерства средняго. (Еще процесія была мая въ 9 день). Патріархъ служивъ обѣдню, сѣлъ

¹⁾ Обрядъ такъ называемаго обрученія Венеціи съ моремъ, ежегодно управляемый дожемъ, до уничтоженія республики.

²⁾ Галера Будентаврѣ, такъ названа по украшенію кормы.

³⁾ Piazzetta.

на своемъ мѣстѣ; князь венецейской сидѣлъ же со всѣмъ сиг-
клитомъ, потомъ началась процессія; всѣ соборомъ пошли съвозъ
тую церковь. И шли по 6 (человѣкъ) скреницами. И какъ про-
шли соборомъ, всталъ патріархъ, поднялъ сообраментъ и пошелъ
въ ходъ; его вели владыки, за ними князь, послы и посланники,
сенаторы, господа и (съ ними изъ) убогихъ домовъ. А дорога
гдѣ шли, холстами покрыта и воцанья свѣчи горѣли, по сто-
ронамъ, вездѣ.

Были въ церкви св. Марка: тутъ (млеко) пресвятая Богоро-
дицы въ скляницѣ и власы Богородицы русы; гвоздь кото-
рымъ прибито тѣло Спасителя и Бога нашего; терноваго вѣн-
ца часть; часть столба у котораго Творца нашего бичевали;
ризы пресвятая Богородицы; евангеліе писано евангелистомъ
Маркомъ; камень тотъ изъ котораго въ пустыни Моисей воду
источилъ.

Изъ Венеціи ѣздилъ въ Муранъ (Muran) моремъ съ версту,
гдѣ стекла зеркальныя дѣлають, посуды всякія; камень толчуть
и топять.

Въ Венеціи сенаторы и жены ихъ ѣздятъ въ гундалахъ (gon-
dolla), покрыты сукномъ чернымъ, стекла хрустальныя въ окон-
чинахъ, то есть на лодкахъ; а гребуть, стоя нарядны гребцы
въ бархатныхъ кафтанахъ; а у пословъ и посланниковъ разныхъ
государствъ гундалы рѣзныя, вызолоченныя на красно-бархатомъ,
а гребцы въ золотыхъ кафтанахъ.

Въ Венеціи публичныхъ блюдомъ съ 80,000 (sic) есть.

На площади (же, видѣлъ я какъ хитро) мужикъ дѣлалъ: два
гвоздя желѣзные въ носъ забилъ и на тѣхъ гвоздяхъ на верев-
кѣ малаго поднималъ, лѣтъ 18-ти. Онъ же камень ѣлъ и воды
выпилъ ушатъ большой. Еще привязавъ къ волосамъ камня,
пудъ по 6-ти носилъ. (И смотрѣлъ я въ Венеціи, какъ) играютъ
сенаторы мячемъ кожанымъ: надувъ духомъ (гораздо бьютъ ру-
ками; а на рукахъ у ихъ, кто играетъ, въ то время) инструментъ
точной, деревянной, будто лукошка.

Во всей Италіи славныя пѣвцы: 1-й кастратъ Мачуль, неа-
политанъ, 2-я дѣвка Маргарита, 3, кастратъ Картуса, 4-й ка-
стратъ Пибуданина, (гати), 5 дѣвка же Сицилія, 6-я, Катина
дѣвка. На короноваль, одному кастрату даютъ найму по 1000
червонныхъ и больше.

(Въ Венеціи же) былъ я на дворѣ, гдѣ сахаръ варять, заводы великіе.

Оперы зачали (зачинають) играть сентября 26-го числа, каждому, а кто поощеть, вольно носить въ тѣ дни по вечерамъ машкары.

Былъ въ греческой церкви, во имя св. мученика Георгія; украшена изрядно; паникадило серебрянное; начальникъ владыка (зело) ученой (человѣкъ) грецкой націи; (прихожане греки, которые здѣсь живутъ); священниковъ 2, діавановъ 4. Бываютъ солдаты на корабляхъ и на ваторгахъ, тѣ въ городѣ не живутъ, а здѣланъ домъ на острову, каменная ограда великая, и какъ корабль или ваторга придетъ, тотчасъ всѣхъ заберуть на тотъ дворъ и запрутъ, и караулъ крѣпкой; а когда пушно на корабль, берутъ на службу; (а больше того свѣта не знаютъ, какъ на службѣ живутъ и много бываетъ, что) предаются туркамъ отъ безмѣрнаго мученія.

Изъ Венеціи, поѣхали въ Римъ мая 20-го числа, ночевали въ Кезѣ (Chioggia); изъ Кезы (Chioggia) поѣхали рѣкою Лудиды (l'Adige—Эчь) въ верхъ, обѣдали въ Лореи (l'Arco); 21-го ночевали въ мѣстечкѣ Положила (Potesella) (гдѣ По) рѣка; по одну сторону земля папина, по другую венецейская.

Ночевали въ городѣ Феризе (Ferraga); папской начальникъ кардиналъ; деньги венецейскія перемѣнили; 25-го ночевали въ Австеріи, отъ Болони (Bologna) 10 верстъ. Видѣли на поляхъ множество мухъ, какъ свѣчи горять.

24-го до Болони рѣкою прокопною на гору вода была выше 3 сажень (вверхъ) заперта слюзами; тутъ садъ подстриженной.

25-го въ Болонию пріѣхали, были у торговаго человѣка, въ домѣ восемь палатъ (на верху убрано зело изрядно, а лучше убранныя письмо—предивное)¹⁾; въ одной (палатѣ) пять столовъ, доски каменные, ноги (деревячныя) вырѣзаны и вызолочены какъ жарь.

У него два погреба съ питьями флоренскими. (А какъ были мы въ Болони, тамъ былъ) праздникъ и ходъ со кресты; церкви были убиты камками и розвиваны флерами и лентами, улицы покрыты холстами (зело изрядно), а стѣны обиты камками; по стѣнамъ письма предивныя; изъ всякаго дома вывѣшана матерія

¹⁾ Живопись.

и шпалеры серебряныя, сосуды съ цвѣтами на оковшкахъ; тутъ же два столба ¹⁾ или башни каменныя высокія; дѣлали для славы, которой выше мастеръ сдѣлаеть,—одинъ кривою ²⁾).

Быль у іезуитовъ въ монастырѣ, видѣлъ библіотеку, внутри вызолоченная. Тутъ же быль у кардиналова племянника; въ домѣ великій садъ, палатъ съ 30. (Въ большой палатѣ, изрядное панивадило, деревянное, а) на всякой промени ³⁾), виситъ шандаль тройной.

Тутъ же видѣлъ палату (круглую) о двухъ потолкахъ, другой вырѣзанъ ⁴⁾, верху оболочо, въ оболочкахъ голубъ держитъ вѣножь, кругомъ ангелы изъ оболоча.

Поѣхали верхами чрезъ горы, ночевали въ Суанѣ (Sienna).

27-го пріѣхали во Флоренцію ночевать, городъ великъ, по улицамъ нечисто, дома изряднаго строенія, окончины бумажныя, рѣдео—стеклянные.

Въ церкви быль у св. Іоанна (строенье изрядное, въ одномъ пріидѣлѣ неугасимыхъ свѣчъ 60 съ лампадами, подсвѣчниковъ 50 серебряныхъ, ангелы по стѣнамъ серебряныя со свѣчами, потолокъ рѣзной вызолоченъ. Тутъ же (церковь) пресвятая Богородицы, превеликая (Sancta Maria Novella), вся изъ мрамора.

Тутъ же видѣлъ церковь, которую строятъ 96 лѣтъ, а еще недостроена половина, вся внутри изъ разныхъ мраморовъ и яшми, все камень въ камень врѣзаны, такая работа, что невозможно вѣрить: одну литеру вырѣзываютъ по три недѣли, а стала до сего времени въ 22 милліона шкутовъ (scudi) или ефимковъ.

Тутъ же быль у сенатора въ домѣ, великъ, пять палатъ убраны письмомъ предивнымъ, 15 палатъ убиты камками красными, 15 палатъ цвѣтными камками, 2 шпалерами, 5 бархатами разными, 2 мраморныя, (лучшая) рѣзная вызолочена, заркала дивныя по полторы (полтрети) сажени ($2\frac{1}{2}$), нихъ пописано искуснымъ мастерствомъ; у него же (библіотека) два глобуса прорѣзные, превеликія сама вырѣзана и вызолочена ⁵⁾.

¹⁾ Башни у собора.

²⁾ Болонская наклонная башня, что приписывается Фіарованти, зодчему, бывшему на службѣ у Ивана III, въ Москвѣ.

³⁾ Въ отдѣлѣ плафона.

⁴⁾ Въ видѣ купола.

⁵⁾ Зало библіотеки.

(Тутъ же былъ на дворѣ, гдѣ лошадей учать; былъ на дворѣ гдѣ всякіе звѣри, львы, барсы).

Былъ у флоренскаго князя, на дворѣ, ¹⁾, гдѣ собраны всякія вещи, называется галерея; первую штуку видѣлъ престоль, сдѣланъ изъ мрамора разнаго цвѣту, въ ту церковь которую 96 лѣтъ строятъ; палата съ письмами предивными, другая спорцеліони ²⁾, палата съ инструментами математическими, два глобуса велики, палата съ письмами, тутъ столъ круглой ³⁾, которой дѣлали 15 человекъ 30 лѣтъ, нѣсколько тысячъ стоитъ золотыхъ. Шпатулка золотомъ оправлена каменьями, изумрудомъ, яхонтами; два стола яшмовые, на нихъ стоятъ сосуды востаные, дивной работы. Въ той же палатѣ поставецъ съ хрустальными сосудами и съ яшмовыми каменьями, золотомъ оправлены. Тутъ же въ палатѣ изумрудъ съ землею, какъ родятся отъ природы; тутъ же изумрудъ ⁴⁾ съ еулаемъ, сдѣлана персона царя; палатъ ружейныхъ довольно. Алмазъ славной во всемъ свѣтѣ, оправленъ жезломъ, 148 вратъ; у престола доска золотая съ каменьями, вельми богата, для новой церкви, что 96 лѣтъ строится; поставецъ великой, въ немъ сосуды золотые.

У князя флоренскаго были, на дворѣ лежитъ камень магнитъ сажень двухъ кругомъ, вверхъ по поясъ человеку. Были въ саду, дивныи по дорожкамъ сажены кипарисы, фонтаны, чаша изъ одного камня 15 сажень кругомъ; были гдѣ птицы разныя, 5 строфокамиловъ. Тутъ же видѣли лошадь, которая имѣла грибу 11 сажень длины, мѣрялъ самъ.

Былъ въ Назаретѣ (Loretto), тутъ церковь пресвятыя Богородицы, въ той церкви домъ Богородицы, гдѣ благовѣстилъ архангелъ Гавріилъ пресвятой дѣвѣ о воплощеніи сына Божія; тотъ домъ принесенъ изъ Назарета и поставленъ въ церкви, и сосуды тѣ изъ которыхъ питала сына своего пресвятая богородица.

Изъ Флоренціи приѣхали въ Римъ 29-го; ночевали въ Товарнели (Tovagnelle) 30-го числа, объѣдали въ городѣ Сене (Siena) того же числа, приѣхали въ Римъ іюня 3-го числа.

¹⁾ Palazzo Pitti.

²⁾ Съ фарфоромъ.

³⁾ Мозанчннй (en samaien), изъ вырѣзнаго цвѣтнаго камня.

⁴⁾ Въ другомъ спискѣ: «би р ю за».

Того-жъ 3-го числа былъ въ церкви св. апостоловъ; при насъ былъ папа, при немъ три кардинала, передъ ними шляхты (ѣхали на лошадяхъ) въ латахъ. Папу несли пять человекъ, въ бархатныхъ кафтанахъ, носилки какъ возокъ зимній, съ бархатомъ; два верховыхъ; передъ нимъ несли крестъ; кругомъ солдаты въ бархатныхъ кафтанахъ съ алебардами. Кареть было за нимъ пятьдесятъ.

Того жъ дни были въ церкви Петра и Павла, церковь въ длину 160 шаговъ, поперегъ 100, обита камками красными, по швамъ кружева золотыя.

Тутъ мощи Петра и Павла лежатъ посреди церкви, ниже полу здѣланъ кіотъ; 2 лѣстницы, кругомъ горятъ непрестанно 115 лампадъ, тѣла ихъ подъ спудомъ. Въ той же церкви папы кладутся. Тѣла ихъ въ мраморныхъ гробахъ; надъ гробами персоны вылиты изъ мѣди, инныя изъ мраморовъ высѣчены и поставлены надъ гробами ихъ. Въ той же церкви былъ и смотрѣль, гдѣ лежатъ мощи святыхъ апостоловъ; подъ церковью всею водили.

Въ церкви былъ Сколионта (Scala-santa): лѣстница каменная мраморная, по которой Иисусъ веденъ былъ на судъ предъ Пилатомъ; гдѣ пытанъ ¹⁾, въ тѣхъ мѣстахъ кресты насѣчены, а ходять по ней на волѣняхъ и на всякой ступени говорятъ молитву.

Въ папскихъ покояхъ былъ ²⁾, обиты камками красными и бархатами, счетомъ тѣхъ палатъ 11,225; всѣ убраны. Каждый папа въ память свою, здѣсь, что могъ, дѣлалъ, Садъ огромной, переходы, вызолочены фонтаны, гора выкладена каменная, на верху птица неситъ ³⁾; изъ лба ея течетъ вода (великая, а подъ горою прудъ изъ фонтановъ. На водѣ корабль; вмѣсто парусовъ) изъ деревьевъ текутъ воды, 24 пушки (и изъ пушекъ все) вода стрѣляетъ. (На концѣ тѣхъ переходовъ фонтаны, на верху. Здѣсь же) три палаты на 6,000 человекъ, готовыхъ латъ. Библіотека превеликая, палаты по 12-ти и по 15-ти сажень наполнены книгами (всѣ).

У кардинала были въ домѣ. Такого богатства нигдѣ не ви-

¹⁾ Христось.

²⁾ Въ Ватиканѣ.

³⁾ Пеликанъ—баба-птица, эмблема чадолюбія.

даль, палатъ спальныхъ 100, всѣ золотыя сплошь. Посреди (двухъ) палатъ фонтаны серебряныя, (изъ нихъ воды текутъ. Во всѣхъ палатахъ), креслы бархаты (обиты съ золотыми кружевами).

Въ церкви былъ Пресвятая Богородицы и видѣлъ колибель Спасителя нашего, деревянная, пробой желѣзные; образъ Пресвятая Богородицы, что евангелистъ Лука писалъ; млеко Пресвятая Богородицы; риза Спасителя, которая была во время распятія, красная; рубашка та, которая сама Пресвятая Богородица ткала, а не шила, для Спасителя нашего. Нигдѣ шитаго не было; животворящее древо, мѣрою въ четверть аршина. Въ церкви Иоанна Предтечи (S. Giovanni Latetano) видѣлъ столъ, на которомъ сотворилъ Христосъ со ученики тайную вечерю; доска будетъ близко сажени и покрыта была серебромъ, а нигдѣ серебра нѣту, только знать тѣ гвозди, чѣмъ серебро было прибито. Ковчегъ Завета Господня; столъ каменный, у котораго Спасителя бичевали; жезлъ Аароновъ; жезлъ Моисеевъ, оба цестрые.

Тюрьму видѣлъ, въ которой сидѣлъ апостолъ Петръ: земляная, окошко вверху и желѣза, которыми онъ былъ скованъ.

У иезуитовъ былъ въ монастырѣ. (Церковь строенія изрядное; в) письмо изрядное видѣлъ будто окошка ¹⁾, въ семь монастырѣ учениковъ 2,000. (Дворъ) видѣлъ Нерона царя и мучителя, гдѣ мучилъ разнымъ мученіемъ святыхъ и звѣрми травилъ.

Въ монастырѣ былъ у францискановъ и видѣлъ въ саду финиковое дерево; клещи тѣ видѣлъ, которыми рвали тѣло святыхъ мучениковъ. Въ церкви Петра и Павла видѣлъ копье, которымъ прободено отъ воина на крестѣ живоносное ребро Спасителя Христа нашего. Образъ нерукотворенный Спасителя, что убрूसъ принесла Вероника и утерла лице Спасителя и вообразилася персона божественная, мѣрою будетъ больше четверти немного. Въ той церкви былъ, которая прежде была всѣхъ болвановъ, а нигдѣ всѣхъ святыхъ (Pantheon), zelo велика, круглая. Въ монастырѣ былъ, гдѣ лежатъ мощи Алексія Божія чловѣка и крыльцо то, подъ которымъ жилъ, видѣлъ все.

У гишпанскаго посла былъ, на дворѣ видѣлъ 4 кареты, цѣна имъ 45,000 червонныхъ. У принца былъ на дворѣ уволь-умея ²⁾

¹⁾ Живопись на стелѣ. —

²⁾ Колыбели—въ другомъ спискѣ.

(Palazzo Colonna); въ палатахъ евангелія шитая по бархату малиновому, шита золотомъ.

Отъ папы пріѣзжалъ бояринъ его Убанратъ ²⁾ и сказалъ, что присланъ отъ папы. Куда вамъ надлежитъ ѣхать и смотрѣть что надобно, возилъ и смотрѣлъ всякія вещи.

У князя Бургезія (Borghese) были въ саду, которой пять верстъ. Палаты убраны и персоны цесарскія и многихъ славныхъ владѣтелей и мучителей, изъ мраморовъ; палаты убраны богатствомъ, столы, шкафы, чаши мраморныя, палата покрыта желѣзною сѣтью; въ ней разнаго рода птицы водятся тутъ; въ саду прудъ; напущено въ садъ звѣрей разныхъ, и, водятся. Двѣ рощи, гдѣ зайцевъ множество водятся. (Посрединѣ тѣхъ палатъ фонтаны для птицъ. Въ томъ же саду пруды превеликіе; разныхъ оленей, козъ и иныхъ разныхъ напущено. На годъ убиваютъ по 100 и больше молодыхъ, для того что много рождаются. Въ томъ же саду, гдѣ зайцы водятся, птицъ разныхъ множество, павлиновъ бѣлыхъ, строфокамиловъ и иныхъ дивныхъ. У него же былъ въ деревнѣ, отъ Рима верстъ 12 называется Фрешкаты (Frascati). Палаты превеликіе. У разныхъ его палатъ съ письмами 55, а вверху будетъ 130. Сады превеликіе, верстъ по 6-ти кругомъ. Фонтаны есть, что стрѣляютъ гласно, какъ изъ пушекъ. Въ той деревнѣ (Frascati) три дома его дорогіе, а въ садахъ деревья обрѣзаны по веревкѣ).

Въ тѣхъ же фрешкатахъ (Frascati) были у князя Панфилія (Phamphili) (и обѣдали у ево). Великой домъ и садъ; съ пріѣзда въ палатамъ крыльца на обѣ стороны, шириною сажень по пяти. На крыльцахъ по 12-ти фонтановъ. Посреди тѣхъ сѣней фонтаны великіе. Другой входъ въ палатамъ его и перила стоятъ. Всѣ деревья только противъ заднихъ дверей палатъ; въ горахъ подѣланы стѣны каменныя, а въ стѣнахъ фонтаны же. А посреди—Атласы на главѣ держуть) глобусъ, изъ подъ него вода течетъ, а изъ глобуса вышла великая звѣзда и вода бьетъ выше звѣзды. И лѣстницы каменныя, по нимъ вода течетъ великая. Выше лѣстницы два столба величиной сажени 1½ и бьетъ изъ нихъ вода; на низу по сторонѣ, Атласъ и мужикъ великій лежить, каменный, въ горѣ и въ рукахъ держитъ восемь флейтъ.

¹⁾ Убаль-рокъ (Ubaldo Rocco) въ другомъ спискѣ.

Какъ пустятъ воду, и онъ играетъ на флейтахъ отменно хорошо. А другой фонтанъ: мужикъ на лошади въ рогъ трубитъ очень громко, водою жъ. Еще на горѣ девять дѣвокъ лежатъ, у каждой флейта въ рукахъ и органы великіе; какъ пустятъ воду дѣвки и органы играютъ очень пріятно, нивогда не выпелъ бы.

Изъ Рима поѣхали въ Ливорну (Livorno) іюня 7-го числа (1698 г.), наняли двѣ коляски, дали 20 золотыхъ, по флоренской дорогѣ. Приѣхали въ Ливорну 14-го, тутъ праздникъ былъ св. Іоанна, съ пушекъ стрѣляли, по улицамъ огни горѣли (и процессія была). Городъ (великъ), на берегу стоитъ у моря. У корабельной пристани здѣланъ столбъ каменной, на столбѣ князь флоренской, подъ столбомъ четыре человекъ турокъ вылиты изъ мѣди, руки назадъ завязаны, прикованы къ столбу на цѣпяхъ; у князя подъ ногами челма турецкая, лукъ, палашъ. А полону турецкаго въ городѣ съ 300 (3,000) человекъ, ходятъ днемъ по волѣ, а ночью въ тюрьмѣ держатъ; изъ нихъ торгуютъ многія.

Изъ Ливорна поѣхали моремъ на кораблѣ въ Женію (Genoa) 17-го; ночь всю стояли на якорѣ, поутру пошли въ море, на морѣ были четыре дни; опасность великую имѣли отъ турокъ.

Въ Женую (Genoa) приѣхали 22-го числа. Городъ великъ, стоитъ на морѣ, портъ не великъ. Какъ мы были, кораблей было 20, а въ готовности стоятъ для турокъ 8 всегда, по 32 весла; на нихъ въ матрозахъ турки, арапы, плѣнные и тутошніа люди, за вину. Князь (въ Женуи) выбирается изъ сенаторовъ на два года; (городъ строенъ изряднаго и гораздо людень). Сенаторовъ и женъ ихъ носятъ люди по два человекъ, а иные на муллахъ ѣздятъ, такожъ и возки есть.

Тутъ же былъ въ саду у князя при домѣ, что построенъ у моря; смотрѣлъ фонтаны; три лошади есть превеликія, на нихъ мужикъ стоитъ, у той что въ середкѣ лошади изъ зыбка, а у крайнихъ коней изъ ноздрей вода течетъ. Кругомъ тѣхъ лошадей ребята, изъ мрамора, сидятъ, воду пьютъ; пониже ихъ двѣнадцать орловъ каменные, въ ногахъ у нихъ птицы и животныя; изъ нихъ вода течетъ.

Изъ Женіи (Genoa) поѣхали въ Миланъ (Milano) горою, наняли коляски по 65 червонныхъ на три дня.

Въ испанскихъ городахъ ¹⁾ не смотрѣль, не пропускають; изъ сего (Novi) въ Тортонъ (Tortona), ночевали въ Валери (Voghera), обѣдали въ Павиѣ (Pavia), городъ гишпанской. Тутъ были въ монастырѣ ²⁾, соборъ-церковь Благовѣщенія хорошо, рѣшетки мѣдныя, Церковь весьма богата, — одному чернецу придетъ въ годъ доходу по 1000 рублей, библиотека изрядная строенье. Письмо предивное. Образъ Спасителя въ писанъ на мѣди; Рождество Спасителя писано на камени, мастерства дивнаго. Тутъ же образа шитые, работы дивной, въ великую диковинку образъ Саваооа и Рождество Спасителя. Сады хороши, (деревья обрѣзаны въ люди и животныя изъ нихъ же) и фонтаны текутъ.

Юня 27-го приѣхали въ Миланъ (Milano), гишпанской городъ, (гдѣ ряды) велики ³⁾, въ рядахъ тѣхъ были, видѣли хрустальную посуду, много яшмовыхъ, зеленыхъ и черныхъ, оправлены золотомъ, чаши, локани велики съ рувомойниками, кувшины; такихъ нигдѣ не видалъ. Въ церкви были, все золото; велика.

Изъ Миланы поѣхали горою, за коляску дали по четыре золотыхъ, въ Павду (Padua); ночевали въ Лоди (Lodi), гдѣ рѣка быстра Ада (Adda), обѣдали въ астери (asteria); ночевали въ городѣ нѣмецкомъ Бречъ (Brescia), гдѣ славныя ружья дѣлають.

Проѣхали городъ Пескьеру (Peschiera), хороши; фортификація на острову и озерахъ.

Приѣхали обѣдать въ городъ Верону (Verona) венецейской, славный. Съ рѣки Лядизія (Adige-Эчь), рѣки прокопныя, на всѣ поля пускають воду, какъ дождя нѣтъ.

Юля 4-го приѣхали въ Падву (Padua), славная академія; ѣздили гдѣ воды горячія. Тортартонъ отъ Падвы пять верстъ, воды безмѣрно горячи, мясо сварить можно, отъ воды паръ великъ, творило выкладено камнемъ бѣлымъ, (гдѣ) выпускають и выпускають воду; вода соленая; купаются отъ болѣзни.

Быль въ академіи, гдѣ учатся великихъ наукъ. Въ церкви были у св. Антона, видѣли работу, — высѣчена изъ мрамора, — предивную. Въ церкви были гдѣ лежатъ тѣла евангелистовъ Луки и Матоея, церковь велика. Тутъ же видѣлъ органы предивныя, такихъ

¹⁾ Во владѣніяхъ испанскаго короля, бывшихъ тогда въ сѣверной Италіи.

²⁾ Картезианцевъ (Certosa di Pavia).

³⁾ Т. е. гостинный дворъ.

нигдѣ не видалъ, голосами; тутъ же въ Падвѣ садъ венецейскаго сенатора, хорошъ.

Изъ Падвы поѣхали водою въ Венецію и іюля 6-го числа проконопую рѣкою приѣхали ввечеру.

Іюля 24-го числа въ Венеціи поставили одного человѣка изъ простыхъ въ шляхту, взяли въ казну съ него 100,000 дукатовъ. Въ тотъ день природные шляхти надѣваютъ женское платье да харю (*maschera*), а жены мужское и харю (*maschera*). Воля такая: какое хочють платье надѣваютъ и приходятъ въ тому, кто чинъ получилъ, во весь день танцуютъ, и туда всѣмъ вольно приходить, въ тотъ домъ, и я въ дому въ томъ былъ. Похочешъ тотъ чинъ принять повиненъ дать тожь деньги, и поставя въ тотъ чинъ приводятъ во кресту; и есть чинъ по 50 по 30 и по 20 тысячъ дукатовъ.

Августа въ 7-й день праздникъ былъ. Мосты были черезъ каналъ покрыты холстами, развязаны лентами, тафтами, флерами зело изрядно, церковь обита камнями красными, столбы бархатомъ и золотыми вержевами, кувшины великіе съ цѣвтами серебряные. На окошкахъ, за церковью былъ сдѣланъ поставецъ превеликой и сахаръ, и фрукты великіе здѣсь были, письма изрядныя. Музыка пѣла въ церкви лучшая, что есть лучшихъ въ Венеціи вастратовъ. И на инструментахъ играли на всякихъ и пѣтеро органовъ были, 20 на скрипкахъ; музыкантовъ и пѣвчихъ 65 человѣкъ, лучшихъ. А дано было двумъ человѣкамъ по 40 червонныхъ за одинъ праздникъ.

Въ Венеціи былъ я, гдѣ дѣлають корабли, а называется арсеналь (*L'Arseuale*) оружія, оружейныя палаты великія и зело убраны хорошо, пушекъ и мозжеровъ всякихъ довольно; тутъ же и пушка кожаная.

27-го въ Венеціи праздникъ въ дѣвничьемъ монастырѣ, музыка, черницы пѣли, двѣ дѣвки пѣли на хорахъ, одной имя Сусанна, а другой Осенна, пѣли похвалу Богородицѣ такъ изрядно, что вся Венеція удивилась, и мы не слыхали во всей Италиі таковаго пѣнія.

Августа 30-го числа въ церкви у Захарія пророка, музыка играла князя венецейскаго 40 человѣкъ, на горахъ 5 органовъ, 20 человѣкъ вастратовъ, 20 на сврыпцахъ, (а одинъ такъ игралъ басомъ, что удивленію достойно).

Въ Венеціи въ греческой церкви былъ; одного свидѣтельство-вали нашей вѣры, достоинъ ли философскаго мѣста: сидѣлъ вла-дыка, прокураторы 30 человекъ, сидѣли духовнаго чину рим-лянъ ученыхъ и у всѣхъ печатные листы, въ чемъ свидѣтель-ствуется ученикъ, и многія ученые люди со онымъ ученикомъ диспутовались, (всѣмъ отвѣтъ давалъ).

У сенатора былъ въ домѣ, видѣлъ много натуральныхъ вещей: рука человѣческая нѣсколько времени была въ морѣ и окаменѣла вся: знать въ срединѣ кость, десны человѣческія и губы знать; раки каменные отъ природы великіе и рыбы каменные. У него-же видѣлъ змѣю о двухъ головахъ, курицу о 4-хъ ногахъ. Тутъ же видѣлъ василиска, который умертвить человѣка (можетъ) зрѣніемъ.

Сентября 13-го числа зачались кулашныя бои, бьются на мо-стахъ каменныхъ. (Сперва одинъ на одинъ; промежду ими вы-бранъ третій и по два человекъ на сторожѣ, тутъ же стоять въ красныхъ кафтанахъ. А бьются нагишомъ. Кто первой заши-бетъ до крови или съ моста сброситъ, тотъ и правъ. А заклады великіе кладутъ промежъ собою. Сенаторы, сторона на сторону ходятъ, въ то время, въ машварахъ (маскахъ). А бьются мѣсяць одинъ, по воскресеньямъ и по праздникамъ). Въ Венеціи смотрѣли какъ травятъ собаками быковъ. (Площадь превеликая. Собакъ было со сто, быковъ съ 30. Покидали по одной собакѣ. Вдругъ выводятъ быковъ по 5-ти и покидаютъ собакъ и быковъ держать челядинцы сами въ золотыхъ кафтанахъ).

Въ Венеціи наказаніе было одному человекъ, руки заверна назадъ, поднимали вверхъ и опустятъ внизъ трижды, до земли не достаетъ съ полъ аршина, а вверхъ три сажени.

Изъ Венеціи поѣхали въ Москвѣ на Амстердамъ октября 18-го, ночевали въ Тревизѣ (Treviso); наняли коляску, дали по 8 червонныхъ до Аспурха (Augsburg); поклажи по 80-ти фунт., а что лишнее за 80, за фунтъ по 8-ми салтовъ (soldi).

Изъ Аспурха наняли карету, дали до Франфорта отъ персоны по три червонныхъ. Изъ Франфорта поѣхали водою рѣкою Рей-ною, дали 28 ефимковъ до Кулена. Обѣдали въ Франфортѣ отъ персоны по ефимку. Яствіе было: салатъ, гусь жарвой, 3 курицы въ расолѣ, потрохъ гусяной, оладьи праженцы, вапуста съ ма-сломъ, дрозды жаркіе, да фруктовъ блюдо; тутъ же и ужинали и ночевали. Отъ Франфорта (Frankfurt am Main) въ Десендорфъ,

(Düsseldorf), Духбергъ (Duisburg), Рудортъ (in Ruhrort), Римбергъ (Rheinsberg), Бурхъ (Burg) Занданъ (Xanten), Ресъемренъ (Rees Emmerich), Шенкенъ (Sheepen), Шанцы, Гузель (Sahnkhoven).

Января 3-го ¹⁾ поѣхали на шнявѣ изъ Амстадама (Amsterdam) вѣрехъ 12 миль на голландской городъ Сволъ (Zwoll) (въ) Лингенъ (Lingen), а дали отъ персоны по ефимку. Приѣхали въ Сволъ (Zwoll) на другой день и тамъ ночевали; за лодку дали 85 ефимковъ отъ персоны по 11 ефимковъ. Ыхали 6 дней; первой отъ Свола (Zwoll) городъ (Лингенъ), другой Клоненбургъ (Klörpenburg), третій же Наузенъ (Widdeshausen).

Въ Бременѣ были 12-го января, городъ великъ; цесарской. Изъ Бремена поѣхали 3-го дня (т. е. на 3-й день), наняли телѣгу до Оттемберха (Ottersberg) и кластеръ Зювекъ (Seve); ѣхали 6 часовъ въ шести персонахъ переѣхали 3 мили; отъ насъ заплатили 5 ефимковъ. Наняли телегу на 4 мили въ городъ вусты (Voitzenburg), заплатили 6 ефимковъ. Оттолѣ наняли лодку, дали 1^{1/2} ефимка. А поѣхали рѣкою 2 мили. Оттолѣ взяли 3 телѣги: дали 6 ефимковъ, и ѣхали милоу. Въ Гамбургъ приѣхали 16-го января. 21-го час. до Берлина поѣхали. Приѣхали 29-го, дали 56 ефимковъ, ѣхали 7 дней въ Берлинъ. Сей городъ великъ, столица курфистра Бранденбургскаго. Былъ въ домѣ у ево: ходилъ во всѣхъ палатахъ и жену видѣлъ. И въ спальныхъ палатахъ его былъ, и дочь видѣлъ дѣвицу, а сыну его 9 лѣтъ. Говорить латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ. Палаты убраны хорошо; двѣ шпалерами, третья червленымъ бархатомъ съ кружевами золотыми, много яшмы, золота, алмазовъ и прочихъ каменьевъ довольно. Посла его палаты убраны письмомъ изряднымъ. Еще палата есть въ которой стоятъ поставцы; одинъ съ хрустальными судами, другой со стеклянными, третій съ яшмовыми, 4 золотыхъ, многіе съ алмазами. Еще палата его, въ которой стоитъ персона изъ воска, сдѣлана съ мѣру его, такъ жива, что неподобно повѣрить чтобы человекъ работалъ: сидитъ въ креслахъ. Что ближе смотришь, то больше кажетъ живъ. Посуда серебряная, стулья серебряные, паникадила серебряные, звѣрей много, зубра видѣлъ, великъ, на человекѣ видается.

Изъ Берлина выѣхали февраля 1-го до Гданска, Нейштатъ

¹⁾ 1699 года.

(Neustadt Eberswald), Ангермитъ (Angermünde), Шверъ (Schevedt), Белъ (Bahn), Пицеты (Pigritz), Старгатъ (Stargardt), Басель (Labes), Негарденъ (Neugarden), Керченъ (Kerschen), Кесленъ (Köslin), Ламбургъ (Lauenburg), Нейштатъ (Neustadt), въ Данскъ (Danzig), 11-го февраля, стоитъ на морѣ, вольный, дають дань королю польскому, живутъ нѣмцы и поляки. Фартеція изрядная и раскаты великія, Данскъ городъ крѣпокъ. Были въ оружейныхъ палатахъ, пушекъ множество, ружья всякія, латы. Тутъ мужики сдѣланы, какъ въ палату войдешь то встануть, шпагу подымають; и машеть, иные въ барабаны бьютъ, стрѣляютъ, головою вертять, глазами мигаютъ.

Изъ Данска поѣхали 15-го февраля, переѣхали рѣку Вислу. Города Верблянъ (Elbing), Бревесъ Сенерва (Biaunsberg), Брендебуракъ (Brandenburg).

Въ Кролевецъ вѣхали 17-го февраля, городъ великъ, курфирста Бранденбургскаго, на морѣ. Изъ Кролевца 20-го февраля поѣхали въ Мемль (Memel), съ одной стороны море, а съ другой озеро Мемль.

Проѣзжали князя Курляндскаго землю, самой нужной проѣздъ; народъ убогой, хуже нашихъ русскихъ; 27-го (февраля 1699) пріѣхали въ Митаву, городъ небольшой, столица князя Курляндскаго, строеніе худое. Пріѣхали въ Ригу и въ Великія-Луки. Получилъ вѣдомость, что стрѣльцы бунтовались.

Сообщ. въ 1877 г., съ примѣч., И. О. Горбуновъ.

Примѣчаніе. Даровитый, любимый публикою артистъ императорскихъ слѣб. театровъ, Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, превосходно знакомъ съ отечественною исторіею и постоянно ее изучаетъ.—Знакомство Ивана Федоровича съ историко-литературными памятниками, актами, лѣтописями, статейными списками и ными источниками отечественной исторіи—такъ велико, что онъ въ совершенствѣ владѣеть языкомъ какъ до-Петровской, такъ и Петровской Руси, и мастерски умѣетъ воспроизводить, въ духѣ соответствующей его замыслу эпохи,—указы, грамоты, отписки, поученія, донесенія и въ особенности описанія путешествій русскихъ служилыхъ людей по Европѣ. Дабы не заподозрилъ кто, что вышенапечатанное описаніе путешествія 1697—1699 гг., сообщенное намъ И. О. Горбуновымъ, есть произведеніе его художческаго творчества, предпослано этому интересному и вполне подлинному описанію—изслѣдованіе и сравненіе г. Горбуновымъ его рукописи съ прочими списками, много лѣтъ тому назадъ изданными.

Ред.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

† 1713 г.

Письма къ нему Петра Великаго.

I.

1703—1712.

[Сообщилъ П. С. Толстой].

Въ послѣдніе годы, когда, случая празднованія двухсотлѣтія рожденія Петра, въ русскомъ обществѣ появился особенный интересъ къ царствованію этого преобразователя русской земли, всякое письмо Петра I-го прочтется съ несомнѣннымъ интересомъ, какъ новый вкладъ для разработки его могучей и разносторонней дѣятельности. Мы печатаемъ рядъ писемъ этого государя къ Ивану Андреевичу Толстому, сохранившіеся въ нашемъ семейномъ архивѣ, Казанской губерніи, въ селѣ Мурзихѣ. Цервнымъ владѣтелемъ этого села былъ внукъ Ивана Андреевича, Василій Борисовичъ Толстой, сынъ того Бориса Ивановича, котораго родословная книга, изданная кн. П. Долгоруковымъ,—наперекоръ истинѣ оставляетъ бездѣтнымъ, объявляя единственнымъ потомкомъ Ивана Толстаго и въ то же время единственнымъ представителемъ старшей вѣтви рода Толстыхъ—недавно умершаго Юрія Васильевича, происходившаго отъ меньшаго сына Ивана Андреевича, Василя Ивановича; представителей же потомства Бориса Толстаго Долгоруковъ причисляетъ къ какой-то другой отрасли Толстыхъ, несмотря на то, что они есть прямые потомки Ивана Андреевича и въ то же время дѣйствительные представители старшей вѣтви всего рода Толстыхъ какъ дворянъ, такъ и графовъ, такъ какъ графомъ былъ сдѣланъ меньшей братъ Ивана Толстаго, Петръ Андреевичъ, посолъ въ Царьградѣ и впоследствии поимщикъ царевича Алексѣя Петровича.

Въ фамильномъ архивѣ старшей отрасли Толстыхъ, кромѣ печатаемыхъ ниже писемъ царя Петра къ Ивану Толстому и уже напечатанныхъ въ 1864 го-

ду въ «Русскомъ Архивѣ» (тетради 5 и 6) писемъ Петра Андреевича изъ Царьграда къ брату Ивану въ Азовъ, гдѣ этотъ послѣдній былъ губернаторомъ, сохранилась еще интересная переписка И. Толстаго съ Г. М. Апраксинымъ и многія другія имѣющія интересъ бумаги, между которыми—по своей давности—любопытны документы, принадлежавшіе дѣду Ивана и перваго графа Толстыхъ, Василю Ивановичу, бывшему въ началѣ XVII вѣка воеводой въ Костромѣ, и отцу ихъ обоеихъ, Андрею Васильевичу, мужу сестры знаменитаго боярина Ивана Михайловича Милославскаго. Всѣ эти документы незамедлительно напечатать.

Письма, которыя теперь печатаемъ, относятся ко времени пребыванія Ивана Андреевича Толстаго азовскимъ губернаторомъ, куда онъ былъ назначенъ въ началѣ 1703 года, вскорѣ послѣ назначенія меньшаго брата его посланъ въ Царьградъ. Съ этого же года сохранилось первое письмо отъ Петра къ Толстому, и затѣмъ идетъ рядъ писемъ этого государя, захватывая время булавинскаго бунта и прекращаясь со сдачей въ январѣ 1712 года Азова, когда Петръ наконецъ рѣшился выполнить тяжкое для него условіе прутскаго мира. Иванъ Андреевичъ назначенъ былъ воеводою только-что завоеваннаго края, когда границы его были стиснуты владѣніями турокъ и когда край этотъ былъ притономъ бѣглецовъ, недовольныхъ новыми порядками московскаго царства. Эти два условія азовскаго воеводства дали направленіе всей дѣятельности Ивана Толстаго: относительно сношеній съ Турціей, на Иванѣ Андреевичѣ лежали, кромѣ обыкновенныхъ обязанностей начальника пограничной области, еще и дипломатическія сношенія съ турецкимъ правительствомъ, насколько они касались края, которымъ онъ управлялъ. Такъ, вскорѣ послѣ назначенія, ему было поручено вмѣстѣ съ турецкимъ комиссаромъ установленіе новой пограничной линіи. Послѣ булавинскаго бунта, Петръ, боясь имѣть близкии съѣзды бунтовщиковъ, ушедшихъ подъ начальствомъ Некрасова въ предѣлы Турціи, поручаетъ Ивану Толстому хлопоты передъ царьградскимъ правительствомъ о воспрепятствованіи Некрасову оставаться на Кубани. «Какъ возможно домогаться», говорится въ письмѣ Петра къ Толстому: «и писать въ Царьградъ, чтобъ его и прочихъ воровъ на Кубань не принимали» и т. д. Далѣе въ этомъ же письмѣ Петръ даетъ инструкціи Толстому для переговоровъ съ турками по вопросу о разѣвѣ плѣнныхъ. Самыя сношенія Петра съ посломъ въ Царьградѣ велись часто черезъ Ивана Андреевича. Извѣщая его, напримѣръ, о своихъ побѣдахъ, Петръ всегда прибавляетъ: «отпиши» или «отправь съ нарочнымъ къ брату твоему въ Царьградъ...».

Не менѣе важныя обязанности лежали на Толстомъ по усмиренію бѣглецовъ и недовольныхъ, которые легко себѣ находили притонъ и сочувствіе у вольнаго казачества. Близость пограничной линіи облегчала имъ безнаказанно производить безпорядки. Боясь преслѣдованія, они удалялись на турецкую территорию, тамъ набирали шайки и снова вторгались въ предѣлы Россіи и

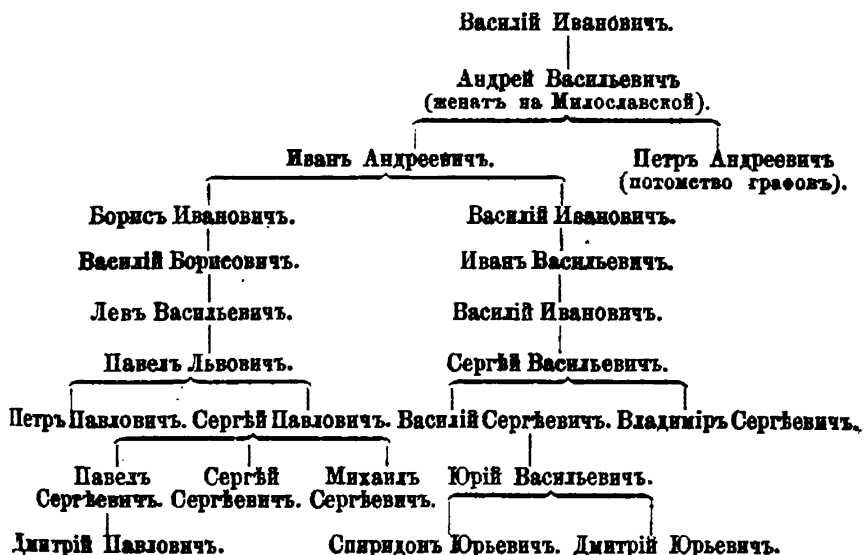
нужли казачество. Наконецъ, этотъ недовольный сбродъ, подъ предводительствомъ Булавина, создалъ серьезный бунтъ, который стоилъ царю Петру великихъ заботъ. Опасность дошла до крайнихъ предѣловъ. Черкасскъ былъ взятъ, и бунтовщики осадили Азовъ. Но Иванъ Толстой, хотя и съ большими усиліями, однако отбилъ приступъ, разсѣялъ скопища и съ помощью войска, присланнаго царемъ, потушилъ возстаніе и успокоилъ край. Какъ дѣлалъ Петръ дѣятельность Ивана Толстаго въ эту эпоху, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ, которыя находимъ въ одномъ изъ писемъ его: «Мы съ великою радостію увѣдомились о погибельномъ концѣ злодѣяннаго вора Булавина, которую нагѣрание Господь Богъ чрезъ ваши труды пресѣкъ». Далѣе Петръ въ этомъ же письмѣ говоритъ о наградѣ, которую посылаетъ ему съ посланнымъ ¹⁾). Въ другомъ письмѣ Петръ снова благодарилъ Толстаго за труды его по усмирению возстанія. «Кромѣ всего вышеизложеннаго, Иванъ Толстой былъ исполнителемъ предначертаній Петра I-го по устройству гаваней, въ Азовѣ и Тапироу, и крѣпости въ Троицкомъ. Вотъ главныя черты дѣятельности Ивана Андреевича Толстаго, предметъ которой по преимуществу и составляетъ содержаніе писемъ къ нему Петра Великаго ²⁾).

II. С. Толстой.

Село Мурзиха, на Камѣ,
Кавказской губерніи.

¹⁾ Какая награда—неизвѣстно; какъ кажется, чинъ тайнаго совѣтника.

²⁾ Сообщаемъ родословіе старшей вѣтви фамиліи Толстыхъ:

I¹⁾.

[Собственноручно].

†

Min Her. доносителя сего какъ возможно удовольствуй въ ихъ желанию; такъ же буде какія суды приѣзжия зазимують, а станутъ проситца въ гаван, і ты примат вели, і ставитъ своимъ матрозом; і на весну выветчи на море, паки отдай, а казееъ и работныхъ отнють не пускай [а сего есть ли по-пъроситца, пусти]. Лотцманое [вожен] такожъ вели устроитъ, которыя б могли вводитъ смора і выводитъ приѣзжия суды; такъ же, і выгрозателныя суды устрои, когда за противъными вѣтры болшия не могутъ вонтит, тогда б на оныхъ мочно выгруживая в азове отъзавитъ здастаннымъ платежемъ за суды і за лоцманы и за зимовье в гаване слехвою пошълною за еъсе, что б не отоглотъ торговых; прочия жъ неболшия дѣла можешъ самъ, ссимъ доносителемъ розговораяся, устроитъ.

Когда приходящия карабли станутъ стрелятъ, тогда і ты вели състрелятъ противеъ кажъдово судна по три выстрела, а буде у кого выстрелятъ менши трехъ выстрелоеъ, тогда із одной. Piter.

Изъ Санктербурха въ 6 д. іюля 1703.

II.

[Собственноручно].

†

Her. письмо ваше о осмотре еі принялъ; zelo я удивляюс, что вы, какъ і поѣхал, никогда непишешъ во мнѣ, в какомъ состояннн тѣ мѣста нынѣ пребываютъ? отъ насъ поѣхалъ к вамъ господинъ адмиралитеиць гер.; і о чемъ онъ станетъ вамъ говоритъ, изволъ вѣритъ і то дѣлатъ. Piter.

із Ямбурха, въ 12 д. іюня 1704.

Помѣта Толстаго: «Получено въ Азовѣ отъ адмирала Феоора Матвѣевича [Апраксина], сентябра въ 7 д. 704 году».

¹⁾ Всѣ собственноручныя письма царя Петра I-го воспроизведены нами въ печати съ буквальнойю точностью; но для удобства чтенія разставлены знаки препинанія. Надъ каждымъ письмомъ, писаннымъ царемъ—нами отмѣчено: «собственноручно»; собственноручныя слова, вставленныя Петромъ I въ письма его секретарей отъ его имени писанныхъ, набраны рязрядкой.

III.

[Списокъ].

Мингеръ, адмиралтейцъ геръ! Я не могъ оставить безъ возвѣщенія, что всемилостивѣйшій господь каковымъ счастьемъ сію атаку окончати благоволилъ, гдѣ предъ четырьмя лѣты оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителя учинилъ, ибо сію преславную крѣпость, чрезъ лѣстницы, шпагою, въ три четверти часа получили; хотя непріятель подкопомъ крѣпко и ашихъ подорвалъ, однакожь солдаты тѣмъ устрѣшати не могъ; потомъ непріятель въ другую старую крѣпость вбѣжалъ и билъ тамадъ, дабы окордъ, или хотя бъ пардонъ получить, но солдаты наши слышать того не хотѣли, тотъ часъ и во оную ворвались, потомъ и въ замокъ, гдѣ непріятелю доброй трактamentъ былъ, что и младенцевъ немного оставили. Сей штюрманъ зѣло дивно опредѣлился, и не чаю, что бъ триста человекъ при оной пропало нашихъ, за что выну буди Вышнему хвала, о чемъ пространнѣе съ планомъ сея крѣпости пришлемъ вѣдомость впередъ. Питеръ.

Изъ Нарвы 14 Августа 1704.

IV.

[Собственноручно].

†

Мин Гер. писмо ваше, къ господину адмиралу писанное, признаю, отвѣтствую: границу конечно сего лѣта дѣлат надобно, о признакахъ, какия дѣлат, також и о многолюдствѣ согласитца стурки, і соншего совѣту дѣлат [понеже же дѣло малое і упрямитца не въ ц(ч)ем; но крѣпко тово смотрѣт, что б устье еі, по обѣ стороны, было в нашей сторонѣ [а мѣра ѣздою по договором уже пробована, что будет столко]. Хотя б версты три или двѣ по ту сторону, прочее же въ степь лишнѣго не захватывают, а дѣлат какъ мочно противъ договороеъ, понеже в степи намъ ни какова надобства нѣт. Piter.

изъ Пскова въ 14 д. Сентября 1704.

На конвертѣ надписъ: «Вазовъ, воеводе Ивану Толстому; письмо нужное—послать чрезъ почту тотчасъ».

V.

[Собственноручно].

†

Мн Нег. писмо ваше выразумѣю, отвѣтствую: борствуеру или загрудному бою вышина і ширина, тако ж і зупѣцамъ горады выразумѣт не мог, понеже написанъ вело высок надмѣру; і того для пришли оному чертеж і спроулем, а безтого угазу дат невозможно; також отпиши, ситодѣя отдѣлянал или нѣтъ? впротчемъ трудитес какъ возможно з божиею помощію—какимъ унимаи, і взятое какъ возможно отдаван по должности мира; что же здѣсь сего лѣта учинилось, та кож і о выходѣ королевскомъ сюды, о томъ пространнѣе обявитъ вамъ господинъ адмиралитеиць. Peter.

Изъ гродня въ 5 д. ноебра 1705.

Помѣта Толстаго: «Получены съ воронежа въ Азовѣ на почте Декабра въ 4 день 705 году».

VI.

Реляція о полученіи викторіи надъ шведами, при варшавскомъ мостѣ, отъ партіи войскъ російскихъ и саксонскихъ, подъ командою его сіятельства князя Меншикова будущимъ.

Его сіятельство по приходѣ къ Вугу, въ 7 день Октября, отправилъ на подѣздъ къ Праге полковника Горбова съ 500 драгуяъ и съ 200 Саксонцовъ; которой, пришедъ къ Висле, Сотъжинцовъ и воеводу кіевского, при Праге стоящихъ, съ поля сбилъ, и нѣсколько человекъ въ полонъ, также праяниту и скота, взялъ; предъ тѣмъ временемъ Гетманъ Вишневецкой съ войскомъ своимъ отъ Нуръ къ Каменцу путь свой восприялъ, которому его сіятельство предложилъ, дабы отъ войска своею помянутому полковнику Горбову часть придалъ и пакы къ Праге овнымъ итить велѣлъ, понеже увѣдано, чрезъ взятыхъ языкъ, что въ Праге Лещинского гвардія обрѣтается; тогда отъ его величости гетмана Вишневецкова отправленъ въ тотъ походъ генералъ маоръ Синицкой съ Литовскими драгуны и съ нѣкоторыми польскими хоронги, которой, соединясь съ возвратившимся изъ подѣзду полковникомъ Горбовымъ и къ нему на помощь отъ Нуръ съ посланнымъ полковникомъ Шонбуркомъ, пошли въ надлежащій походъ и въ 13 день сего жъ мѣсяца господниъ полковникъ Шонбуркъ походомъ своимъ ускорилъ и прежде всѣхъ къ мѣсту Праге пришолъ и, слыша своихъ драгуяъ, на неприятеля при мосте въ рагаткахъ будучаго нападеніе учинилъ; и чрезъ многую стрѣлбу подъ бросаніемъ ручныхъ гранатъ наши подъ неприятельскіе рогатки подгѣзали; и оныя разбитавъ неприятелю путь отъ мосту отрѣзали; тѣмъ временемъ и послѣдняя наша конница успѣшила и такъ тое гвардію тутъ наши разбили, что ни единая душа не

спаслась; потомъ, увидя сію потребу, непріятельская конница и пѣхота, у Варшавы при Уяздове обрѣтающаяся, начала своимъ на помощь какъ конница по мосту, такъ и пехота на многихъ судахъ за реку перебиратца, которымъ временемъ наши одни по возможности мостъ [которой жестокою крѣпостію утвержень] рубили, другіе непріятеля мужественно отъ берегу отбивали и хотя наши за крѣпкимъ утвержденіемъ мосту и не разорили, однакожъ непріателемъ, которые къ своимъ на сигурсь шли, больше 700 человекъ побили, понеже 2 часа съ четвертью оныхъ въ непрестанномъ огнѣ встрѣчу и съ обонхъ еланковъ держали, но когда шведы на судахъ стали множитца къ берегу и въ некоторымъ домамъ овладѣли, а наши въ то время уже только по два патрона пороху у себя имѣли и за тѣмъ принуждены на лошади съѣсть и въ войску возвратиться, но не безопасно было ради лишенія пороха, ежели бь непріятель наступать сталъ; но когда Саксонской полковникъ Генже съ нѣсколко сотъ командированныхъ съ аммуниціею пришолъ, тогда наши поворотясь къ непріателю лави приближились, чтобъ дать баталію, но непріятель хотя и зѣло сильно [по отступленію нашихъ] перебрался, однако не смѣлъ битца или отступить отъ своихъ крѣпостей, какъ прежь сего дѣлывалъ [чего наши гораздо желали], но при оныхъ держался и тако наши, не имѣя болше способу, въ войску луть свои юсприали по ожиданію нѣсколко времени; при той потребѣ ихъ непріателей убито слишкомъ 1,000 человекъ, да въ полонъ взято:

Подполковникъ 1, Капитановъ 6, Прапорщиковъ 6, Сержантовъ 12, Капраловъ 20, рядовыхъ салдатъ 330; всего 375 человекъ. 4 пушки, изъ тѣхъ одну за скоростію въ реку потопили. 6 знаменъ.

Нашихъ убито: капитанъ и 13 человекъ рядовыхъ, да ранены прапорщикъ и 36 человекъ рядовыхъ.

Помѣта: «Получены своронежа, вазове напочте, декабря въ 4 д. 706 г.».

VII.

[Собственноручно].

†

Иванъ Толстой! сынъ твой Барисъ чрезъ саву рагузинского просилъ, что бь тебѣ выдать изъ азовской казны, въ зачетъ годового жалованья, тысячу рублевъ,—бери. Peter.

На Москвѣ, Генвара въ 12 д. 1706 г.

Помѣта Толстаго: «Получено чрезъ сына бариса, 1706 году».

VIII.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! по письмамъ твоимъ і по словесному доношенію господина бреклина, отправил, даюъ ему пунеты і наказаюъ словесно, отпустил квам; изволте потому чинит. Peter.

Из Санктъ питербурха, въ 16 д. апрѣля 1706.

Помѣта Толстаго: «Привезъ господинъ Бреклинъ въ Троецкой, Іюня въ 23 д., а изъ Троицкого прислалъ Шалкинъ въ Азовъ, того жь Іюня въ 24 день 706 году».

IX.

†

Господинъ Толстой! Писмо отъ васъ присланное сего мѣсяца 6-го дня мнѣ подано, и что надлежитъ противъ одного отвѣтствовать, о томъ присланъ будетъ къ вамъ указъ впредь; ныне же получа, сіе писмо, немедленно пришли сюды минира или подконщика доброго, «а лутче б двухъ». Piter.

Изъ обозу отъ Клева, въ 8 д. Августа 1706.

X.

†

Господинъ Толстой! Писма ваши съ пунктами къ намъ дошли, и обо всемъ на оныя указъ учиненъ, которые съ подписаніемъ при семъ пакы назадъ къ вамъ посылаютца; также объ отпускѣ довольно числа правянту и о нарядѣ къ предбудущему году работниковъ, которые бы ранѣ были высланы къ Тихану Никитичю [Стрешневу] писано; сего мѣсяца 15 дня изъ Польни, отъ господина генерала Меншикова приѣхалъ сюды курьеръ, которой привезъ зѣло радостную вѣдомость о бывшей счастливой побѣдѣ надъ шведами [какой никогда еще преже бывало], съ которой при семъ посылаемъ къ вамъ копію, за которую радость, по благодареніи Богу, надобно разглашать въ тамошнемъ народѣ, о чемъ и къ брату своему въ царгородъ отпиши ¹⁾. «Piter».

«Изъ Санктитербурха въ 27 д. Ноебря 1706».

XI.

Въ письмѣ къ его царскому величеству, отъ господина генерала князя Меншикова, Ноебря 15 дня, писано:

Въ прошлыхъ числѣхъ доносилъ я вашей милости чрезъ письмо отъ Петрова, что мы будемъ послѣдовать за неприятелемъ до Калиша, о чемъ ныне пакы доношу. Неприятеля при Калишѣ мы нагнали, которой былъ въ 8,000 шведовъ [въ томъ числѣ 3,000 пѣхоты] и въ 20,000 поляковъ и при Калише насъ

¹⁾ Петръ разумѣетъ Петра Андреевича Толстого, посланника въ Царьградъ. П. Т.

ожидалъ съ такимъ желаніемъ, чтобъ съ нами баталію дать, къ чему zelo въ крѣпкихъ мѣстехъ сталъ, имѣя кругъ себя жестокіе переправы рѣки и болота однакожъ мы несмотря на тѣ крѣпости, но болше уповая на крѣпкаго во бранѣхъ Господа, по отпращеніи по обывовенію воинской думы, въ 18 день сего мѣсяца, устроимъ какъ надлежитъ со онымъ, которой за три дни себя къ баталіи торжественно учредилъ, полную баталію дали, на которой въ непрестанномъ огнѣ ровно 3 часа были, однакожъ помощію Божию и счастиемъ вашимъ, такую мы счастливою вѣкторію получили, что неприятелей на мѣсте положили шведовъ съ 5,000 да поляковъ съ 1,000 человекъ, между которыми генералъ всеръ Красовъ и прочіе многіе оенцеры, а что въ полонъ взято знатныхъ оенцеровъ и рядовыхъ и ружья, и что на той баталіи нашихъ убито и ранено, о томъ изъ вложенной при семъ росписк изволишь увѣдомиться; а какъ въ конница и пехота убрана, изволишь увидетьъ тѣхъ оенцеровъ, которые взяли, ибо все, что взято, вскоре къ Москве отпущу, а которые оенцеры нашего взятія у королевскаго величества, и о тѣхъ онъ прошалъ, чтобъ у него быть, а вмѣсто ихъ обещалъ взять на обмѣнъ нашихъ генераловъ Вейма, Долгорукова и царевича и въ томъ и генералъ полной Мардоевтъ и надо всю шведкою пехотою командовалъ твердой народъ далъ, что сіе конечно уиинтъ, также при томъ королевское величество общалъ и всѣхъ нашихъ оенцеровъ, которые въ полоу прежде, обменить, на которыхъ хотя весь полонъ, что у себя имѣеть, отдасть, а потомъ, чтобъ ево оенцеровъ въ полоу обретающихся намъ доставать на обмѣнъ же шведскихъ, которые у насъ обрѣтаются, и о томъ хотѣлъ просить у вашей милости впередъ; прочее не въ похвалбу вашей милости доношу, такая сія прежде небываемая баталія была, что радостно было смотрѣть, какъ съ обонхъ сторонъ легулярно блинсь и zelo чудесно видеть, какъ сіе поле мертвыми телами уславо, о чемъ пространнѣе донесеть сей посланной, которой съ нами при томъ былъ; и сею преславною счастивою вѣкторією вашей милости поздравляю и глаголю: вивать, вивать, вивать! дай Боже и впередъ такое оружію вашему счастье, чего всесердечно желаю; прочее здравіе милости вашей моего всеимлостивѣйшаго государя сей вѣкторіи даву во всеимлостивое сохраненіе предаю.

Изъ обову отъ Калиша, Октября дня (№1) 1706.

ХІІ.

Докладъ.

[Рѣшеніа писаны собственноручно].

Кубанцы подъ Азовъ подбѣгаютъ многочисленствомъ, а въ Азовѣ конные службы казаковъ 300 человекъ и изъ нихъ многіе бывають въ посылкахъ и посылаются съ почтою, и за тѣмъ въ остаткахъ бываетъ малое число и такія малочисленствомъ отъ набѣговъ кубанскихъ татаръ оборонитца не кѣмъ и для сего надобно конныхъ казаковъ въ Азовъ прибавить или для обереженія быть коннымъ полкомъ по 1,000 человекъ съ перемѣною.

«Прибавитъ изъ крещенныхъ калмык [или і не изъ крещенныхъ] смотря по доходу».

Отъ набѣговъ кубанцовъ въ Азовѣ надобно здѣлать ланею и въ нужныхъ мѣстахъ и на кагалницкомъ броду построить небольшіе крѣпости для карауловъ, чтобъ безвѣстно кубанцы къ Азову неприходили

«По управленіи азова і таганрога учинит линію впрістойныхъ мѣстехъ».

Артилерійскихъ припасовъ сколько винѣ въ Азовѣ и въ Троицкомъ на лицо и къ тому, что въ прибавокъ надобно, по томъ писано поединно въ разрядѣ прежде сего и послана артилеріи поручица Ундрика Штритера сваска и, по той вѣдомости, хотя не сполна, а для нужного времени прибавить надобно; а пороху винѣ на лицо въ Азовѣ и въ Троицкомъ 14,982 пуда 14 фунтовъ.

Въ томъ числѣ, при мой бытности, пересушенного и пересѣяного и съ виномъ и съ селитрою передѣланого ручного 2,255 пудъ 12 фунтовъ, мушкетерного 2,671 пудъ 15 фунтовъ, мушечного 6,212 пудъ 27 фунтовъ, а не разобраного 3,843 пуда 10 фунтовъ. И тотъ порохъ передѣланъ будетъ в предбудущемъ 707-мъ году. Для нужного жъ случая въ Азовѣ и въ Троицкомъ надобно жъ имѣть готовыхъ, за расходомъ, оузей 5,000, а которые винѣ изъ старого порченого ружья вычищены есть, и тѣ всѣ розданы будутъ въ два полка салдатомъ, которые идутъ съ князь Юрьемъ Долгорукимъ, а за тѣмъ въ Азовѣ и въ Троицкомъ вычищенного въ казиѣ ружья годного къ стрѣльбѣ ни чего не оставятца.

«Велѣно послат изъ оружейной 3,000».

Въ Азовѣ и въ Троицкомъ хлѣбныхъ запасовъ прежнихъ каравановъ ничего нѣтъ, а которые хлѣбные запасы въ караванахъ посланы съ Коротояка и, по вѣдомости, тѣхъ каравановъ отъ правіантовъ тѣ запасы да мелями и за малолюдствомъ остановились въ вотчинахъ въ Бѣлевскомъ да въ Богучарскомъ юртахъ; и въ Азовѣ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ допроводить не чають, и винѣ по самой нуждѣ, вмѣсто муки и овса и крупъ, роздаемъ Азовского и Троицкого сѣву рожью и просомъ. И того хлѣба до предбудущаго 707-го году не будетъ, и есть ли тѣ посланные запасы въ Азовѣ нынѣшнимъ путемъ приплавлены не будутъ, опасно отъ того всякого бѣдства. И по просительнымъ письмамъ строителей въ нынѣшнюю зиму работныхъ и ремесленныхъ людей оставить будетъ невозможно, и отъ того всѣ работы стануть. И для такихъ вышеписанныхъ случаевъ надобно въ Азовѣ и въ Троицкомъ правіанту имѣть на три года, а по нуждѣ на два, чтобъ одинъ годовой окладъ держать въ расходъ, а другой лежать въ готовности. А въ годовую дачю надобно правіанту въ Азовѣ и въ Троицкомъ: 129,236 четв. Въ томъ числѣ: муки ржаной 99,506 четв., крупъ 1,045 четв., овса 25,481 четв., сушарей 3,004 четв., толкна 180 четв., солоду 20 четв.

«Писано къ Тихону Никитичю».

Въ Азовѣ и въ Троицкомъ явилось у Азовскихъ и Троицкихъ жителей, и у донскихъ казаковъ привозная соль съ моря; а въ распросѣхъ они сказали: имали де они тое соль на морской косѣ въ озерахъ за границею въ Кубанской сторонѣ, которая коса отъ рѣки Бейсуги прошла въ море, а въ тѣхъ де озерахъ соли бываетъ много, и впредь изъ тѣхъ озеръ соль иматъ повольность давать ли?

«Учинит по рассмотреню».

Въ Азовѣ и въ Троицкомъ по окладу доведетца быть въ годовую дачю денежного жалованья всякого чина людямъ сорокъ семь тысячъ четыре ста девяносто девять рублей дватцать семь алтынь. Да на прошлой 706-й годъ изъ розряду не дослано двадцати тысячъ пяти сотъ шестнатцати рублей дву алтынь дву денегъ, всего шездесять восьмъ тысячъ пятнатцать рублей дватцать девять

алтынь двѣ денги. И въ то число на нѣнѣиной 706 годѣ въ прислали дватцать пять тысячъ рублей; а не дослано сорока трехъ тысячъ, пятнадцати рублей дватцати девяти алтынь дву денегъ, и за тою недосылкою Азовскимъ и Троицкимъ жителямъ учтена дача несполна, а они о томъ бьютъ челомъ.

«Писали; велено дослат».

Въ Азовѣ и въ Троицкомъ кремней ничего нѣтъ, а по самой нуждѣ надобно сто тысячъ кремневъ; а около Азова и Троицкого и донскихъ городковъ, такихъ каменевъ на кремни не сыскано и купить негдѣ.

«Велено послат изъ оружейной 150,000».

Въ прошломъ 706 и въ нынѣшнемъ 706 годѣхъ съ Хоперскихъ пристаней по наряду многихъ лѣсовъ къ Азову и къ Троицкому не приплавлено, затѣмъ присланные изъ канцелярїи ясачного збору приписныхъ къ Азову городовъ дорослыхъ крестьянъ и Мордвы, а изъ Казани присланные жъ для славенъ тѣхъ лѣсовъ служилыхъ людей тѣхъ городовъ восходамъ по наряду сполна ислатъ ведали, и по многимъ посылаемъ и писмамъ выслати малое число и суги къ тому удобное время, и о томъ изъ Азова въ розрядъ и въ канцелярїю писано, и изъ розряду въ Азовъ писано, велѣно тѣ города къ Азову идти по прежнему, чтобъ въ Азовѣ и въ Троицкомъ во всякихъ дѣлахъ ни какіе остановки не было, а изъ Казани Никита Будимцовъ въ Азовъ писалъ ясачныхъ и тяглыхъ дворцовыхъ крестьянъ, которме къ Азову приписаны безъ инаго великого государя указу въ работу высылать не смѣютъ, а въ Азовѣ и въ Троицкомъ за тѣмъ во многихъ дѣлахъ чинятца остановки, а буде и нѣтъ тѣхъ людей сполна по наряду въ той работѣ не будетъ и по пресланнымъ писмамъ на передѣлку караблей и галеръ и къ городовому и къ гаванному и магазейному и къ докову строенїямъ лѣсовъ сполна изготовить и къ Азову и къ Троицкому прилавить будетъ не кѣмъ, и за тѣмъ въ Азовѣ и въ Троицкомъ карабельная и галерная передѣлки и доковое дѣло и городовые и гаванные и магазейные и всѣ дѣла останавливаца, для того, кирпичей и извести обжигать и уголья жечь будетъ не чѣмъ.

«Посланъ указъ именной въ казан и во дворецъ велено; конечно по старому выслатъ и вѣдатъ въ Азовѣ»¹⁾.

ХІІІ.

[Собственноручно].

†

Господинъ губернатор! рыбу присланную отъ васъ принял, за которой подарокъ благодарствую; такожъ предлагаю по управленїю нужныхъ дѣлъ: изволъ посторатца, что б на таганрогу въ удобныхъ мѣстехъ [а лутче за городомъ] насадитъ роши дубового или инаго какого дерева, привесши в дону немалая число маленкихъ деревецъ в осен [по листопаде]; такожъ по дале отъ города въ удобныхъ

¹⁾ Рѣшенїя на докладѣ писаны рукою Петра I.

же мѣстех нѣсколько десетин посѣет желутковъ для лѣсу ж; та-
кож при вышеписанных рошцах винограду умножит і цветники
хорошия завестъ; с великим желаніем желал бы я сам там быт
вскорѣ, но еще время не допускаетъ,—господину савѣ въ его
торговом дѣле чини всякое вспоможеніе. Piter.

Из жолквы въ 27 д. апрѣля 1707.

XIV.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! Понеже вы уже извѣсны о умноженіи
вора булавина, і что оной ідет вниз, того ради, для лутчего опа-
сенія сих нужных мѣстъ, послали мы к вам полкъ смоленской
із киева, і велѣли ему на слѣх ітит; а сего поручица нашего
господина писворского послали к вам, дабы увѣдат подлинно о
вашем состояніи і дѣтлі какои блазни у васъ меж салдаты; так-
же [от чево Боже сохрани] ежели черкаской не удержитца,
імѣеш ли надежду на своїх солдат? о чемъ, о етсѣм, даи не-
медленно знат чрез сего посланнаго, с которым послано квам
цыеир для кореспонденціи з господином маеором долгоруевим,
которой посланъ на тѣх воров с воінскими людьми. протчее на-
казано оному посыльному словесно. Piter.

Из Санктъ питербурха въ 9 д. маія 1708.

На полѣ письма: «К нам такъ же другои влючъ для кореспонденци».

XV.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! Писмо ваше я получил, в котором пи-
шете, что случилось в черкаском; на которое отвѣтствую, что
какъ возможно храни гварнизоны от прелшен(ь)я, для чего і денег
не жалѣи, но какъ возможно спомошию божнею сего храни; а я
квам конечно буду і въ том імѣи надежду совершенно, а каза-
кам ни чего не чини, ежели от них ничево вное не явится.
Piter.

Из Санктъ питербурха въ 28 д. маія 1708.

Помѣта Толстаго: «Въ Троецкой привезъ Егоръ Пашковъ, Іюни
въ 26 день 708 году».

XVI ¹⁾.

†

Господинъ губернаторъ. Писмо ваше я получилъ, въ которомъ пишете, что случилось въ Черкасскомъ; на которое отвѣтствую: что какъ возможно храни гварнизоны отъ прельщеня, да чего и денегъ не жалѣй, но какъ возможно, съ помощію Божіею, сіе охрани; а я къ вамъ, конечно, буду; и въ томъ имѣй надежду совершенно; а казакамъ ничего нечини, ежели отъ нихъ ничево вновь не явитца. «Piter».

Изъ Санктъ питербурха въ 29 д. маія 1708-.

XVII.

[Отъ Толстаго скрытою азбукою].

До сего времени салдаты вѣрѣйки; только для лутчаго ихъ укрѣпленія надобно съ полками къ намъ поспѣшить; опасно того, чтобъ воръ ихъ чемъ не прельстилъ.

Таково посламо ко князю Василью Володимировичу (Долгорукову) изъ Троицкого, Іюня въ 7 день 1708 (писано скрытой азбукою).

Примѣчаніе. Таковое писмо было послано въ двухъ экземплярахъ. П. Т.

XVIII.

†

Господинъ губернаторъ! Писма ваши, чрезъ Пискорского, мы получили и о всякомъ поведеніи тамошнемъ и о трудахъ вашихъ, оной Пискорской намъ донесъ; что мы слыша о добромъ вашемъ тамошнемъ состояніи, zelo обрадовались, за что вамъ благодарствуемъ, и притомъ объявляемъ: когда къ вамъ полковникъ Кропотъвъ прибудетъ с полкомъ драгунскимъ, тогда, буде возможно.....

[Примѣч. Далѣе секретною азбукою тридцать семь строкъ, которыя по ключу не разобраны].

Piter.

Изъ Нарвы, въ 28 д. Іюня 1708.

Помѣта Толстаго: «Получено въ обозѣ князя Василья Володимировича, на туаловѣ, іюля 24-го дня 708 году».

NB. Есть дубликатъ этого письма, разница въ датѣ «въ 7 д. іюля 1708, получено въ Троицкомъ чрезъ Григорья Юрьева сына Ковалена, Февраля въ 26 день 709 году».

) Дубликатъ предыдущаго, но разница въ числѣ, отъ како написано, и здѣсь только подчеркнутыя слова написаны рукою Петра.

П. Т.

XIX.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! письмо ваше чрез капитана пересекина нам вручено; изъ котораго мы с великою радостію увѣдомилис о погибелномъ конце злодѣяннаго вора булавина, котораго намѣреніе господ богъ чрезъ ваши труды пресѣкъ, за что вамъ і прочимъ свами трудившимся благодарствуемъ, і въ награду онаго объявитъ(ъ) вамъ посланный капитанъ, прочимъ же оицеромъ і салдатомъ обоихъ городовъ, которыя были на бою на три, а которыя не были на одинъ мѣсець жалованъ(ъ); воровъ же поиманныхъ или скропотовымъ, или с маеромъ долгорукомъ пошлите [для лутчаго береженія] к москвѣ. Piter.

Изъ городовъ, въ 26 д. іюля 1708.

Р. С. ¹⁾ Приискавъ въ Азовѣ или въ Троицкомъ хорошихъ провѣсныхъ спинокъ вялыхъ, нѣсколько также бѣлузьихъ башокъ [которыя больше] просольныхъ, десятка два или три и пришли сюды немедленно.

Также надобно вамъ приискать себѣ еще въ товарищи изъ стольниковъ или царедворцовъ доброво челоувѣка, и какъ приищешь, тогда имя ево пришли къ намъ.

Въ Троицкомъ зѣло надобно разводить сады, также и травы всякіе, а болше моеранъ и размаринъ.

«Лютивъ надлежитъ вамъ взятъ і держатъ подъ вашею командою».

Помѣта Толстага: «Получено въ Азовѣ, чрезъ капитана Петра Пересекина, 1708 году Августа въ 15 день».

XX.

[Собственноручно].

†

Господин губернатор! письмо ваше чрезъ порутчика ушакова я получилъ, такожъ і словесно отъ него слышалъ, но нынѣ за скорымъ отпускомъ сего курьера, не могу отвѣтствовать, но буду

¹⁾ Р. С. не рукою Петра, кромѣ словъ, набранныхъ разрядной. П. Т.

вперед; ныне же сие нужное объявляю: люте возми [как я і наперет сего к вам писал]; также і бахмут; толко на бахмуте не вели на дрова такого лѣсу тратит, который годитца на карабельное строен(ь)е, і о ѡсем том отпиши к нам пространнѣе. Piter.

Из мстиславля, въ 15 д. Августа 1708.

Помѣта Толстаго: «Прислалъ господи́тъ мазоръ князь Василей Володими́ровичъ Долгорукой, съ павлавскимъ коннымъ казакомъ съ Моксеемъ Ана́ньинымъ въ Азовъ, сентября въ 10 день 708 году».

XXI.

†

Господи́нъ губернаторъ! объявляю вамъ, что мы сентября 28 дня непріятеля дошли стоячего зело въ крепкихъ мѣстахъ, числомъ шеснатцать тысячь, а многіе говорятъ, что двадцать тысячь, которой тотчасъ насъ изъ лѣсу отавовалъ всею пѣхотою во елангъ, но мы тотчасъ три свои regimenty швенгель противъ ихъ учиняли и прямо давъ залбъ на оныхъ пошли; правда хотя непріятель зело жестоко изъ пушекъ и ружья стрелялъ, однакожъ оного сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ коннице, и потомъ непріятель сами въ бой вступилъ и, начавъ часъ послѣ полудни, даже до темноты бой сей съ непрестаннымъ зело жестокимъ огнемъ пребывалъ, и непріятель не все отступалъ, но и наступалъ; и викторіи во весь день нельзя было видеть, куды будетъ, но послѣди милостию побѣдыдавца Бога: оного непріятеля сломивъ, побили наголову, такъ что труповъ съ восемь тысячь на месте осталось [кромѣ что по лесамъ отъ ранъ померло и калмыки побили]; обозъ весь съ двѣ тысячи телѣгъ шеснатцать пушекъ, сорокъ четыре знамя и поле со всѣмъ осталось намъ; а непріятели достальныя разбѣжались по лесамъ, за которыми пошли того жъ числа в слѣдъ. А сколько съ нашей стороны побито и ранено, о томъ вырваться вѣдомость прислана будетъ впередъ, а съ непріятельской стороны въ полонъ взяты: два полковника, да генерала Левенгопта генералъ отъютантъ и несколько аенцеровъ, а прочимъ наши салдаты пардону не дали; сія викторія еще часъ отъ часу множитца, и непрестанно разбитыхъ непріятелей наши стаи въ обозъ приводятъ, между которыми есть довольно число и аенце-

ровъ; командовали надъ онымъ корпусомъ генералы Левенгоптъ и Стакельберхъ [которой въ той авціи убитъ, а Левенгоптъ раненъ въ ногу]. Peter.

3 боевого мѣста, въ 29 д. Сентября 1708.

Р. S. Генераль Олюкъ непріятеля бѣгущего достигъ въ Пропойску, изъ которыхъ болше пяти сотъ на мѣсте положили, да въ полонъ взяли сорокъ пять человекъ аяцеровъ, съ семьсотъ редовыхъ и потомъ еще многихъ непрестанно въ нашъ обозъ привозять, и сами приходятъ изъ лесовъ, такоже и достальной обозъ съ три тысячи телѣгъ взяли, а достальные шведы побѣжали внизъ по рѣкѣ Соже и въ пяти миляхъ впасть за рѣку плыли, за которыми звади калмыки гнали и зѣло много побили; тако же бригадиръ Оастманъ, которой за Сожею съ командированными драгуны билъ и при переправе оныхъ такоже много побили.

Помѣта Толстаго: «Получено чрезъ господина Шепелева, сего Октября 18 дня 708 году».

XXII.

[Тридцать четыре буквы и противъ нихъ условныя для секретной азбуки литеры и цифры.]

Сею азбукою описываютца зъ господиномъ моворомъ Долгорукимъ, чево ради к нему таковажъ послана.

XXIII ¹⁾.

†

Господинъ губернаторъ. Объявляю вамъ, что мы вчерашнего дня непріятеля дошли, стоячего зело въ вѣрпвихъ мѣстахъ, числомъ шеснатцать тысячъ, которой тотчасъ насъ изъ лѣсу отаковалъ все пѣхотою во оланкѣ; но мы тотчасъ три свои regimenty швенкель противъ ихъ учинили, и прямо давъ залъ на оныхъ пошли; правда, хотя непріятель зело жестоко изъ пушекъ и ружья стрѣлялъ, однако жъ оногъ сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ коннице,

¹⁾ Письма № XXI и № XXIII, писанныя съ поля битвы подъ Лѣснѣмъ, въ началѣ мало разнятся, въ концѣ же непохожи; письмо подъ № XXIII хотя и отъ одного числа съ № XXI, но писано, вѣроятно, позже, такъ какъ тамъ обозначается точно количество непріятеля, и Петръ собственноручно именуется поле битвы и проситъ Ивана Толстаго, какъ уже о событіи оконченомъ, извѣстить брата своего Петра Андреевича Толстаго, посла въ Царьградъ, и поздравляеть съ побѣдою. Въ письмѣ № XXIII, въ P. S. о преслѣдованіи по р. Сожѣ ничего не говорится.

и потому непріятель наши въ бой вступилъ и, началъ часъ после полудни, даже до темноты бой сей съ непрестаннымъ zelo жестокимъ огнемъ пребывалъ и, непріятель не все отступалъ, но и наступалъ и, висторіи во весь день немалъ было видеть, куда будетъ; но послѣди милостію побѣдыдавца Бога одного непріятеля сломить, побили на голову, такъ что труновъ на мѣстѣ съ восемь тысячъ осталось [кромя что по лесамъ отъ ранъ померло и калмйки побили]; обозъ весь съ двѣ тысячи телѣгъ, шеснатцать пуншекъ, сорокъ два знамя и поле со всѣмъ осталось намъ, а непріятели достальныя разбежались по лесамъ, за которыми вошли сегодня вслѣдъ. А сколько съ нашей стороны побито и равено, о томъ выправясь, вѣдомость прислана къ вамъ будетъ впередъ; а съ непріятельской стороны въ полонъ взяты: одинъ полковникъ, да генерала Левенгопта генералъ отъютантъ и несколько щцеровъ, а прочимъ наши салдаты пардону не дали; сія висторія еще часть отъ часу иножитца, понеже непрестанно бѣглыхъ или робитыхъ шведовъ стами нагоняютъ и приводятъ въ нашъ обозъ, и мочно видеть, что оной корпусъ въ конецъ разорился. Сіи всѣ были природные шведы и ни одного человѣка не было во ономъ корпусѣ иноземца; і сею висторіею вамъ поздравляю. Piter.

З боевова мѣста отъ деревни леснова въ 29 д. сентября 1708.

P. S. сию вѣдомость немедленно пошли къ брату в царь-городъ.

Примѣч. Письмо, бывъ сложено конвертомъ, на оборотѣ имѣеть надпись: «Господину Губернатору Толстому.—Въ Азовѣ».

XXIV.

†

Господинъ Губернаторъ! объявляю вамъ, что послѣ перебѣщика вора Мазепы, вчерашнего дни учинили здѣшной народъ элекцію на нового гетмана, гдѣ все какъ одними устами выбрали скуропацкого, полковника стародубовского, и тако проклятой Мазепа кромѣ себя худа никому не принесъ [ибо народомъ имени ево слышать не хотятъ]; и симъ изряднымъ дѣломъ вамъ поздравляю. «Piter».

Въ 7 д., изъ Глухова, Ноября 1708.

P. S. Господинъ поручникъ отъ гвардіи Ушаковъ, приѣхавъ

отъ васъ изъ Азова, объявилъ намъ ваши пункты, на которые вы требовали увазу, которые мы подписавъ, при семъ къ вамъ посылаемъ.

Донестъ царскому величеству:

Въ Бахмутѣ соляные заводы заводить ли?

Чтобъ быть драгунскому полку въ Азовѣ и въ Тогане роге и ежели быть, изъ какихъ людей набрать?

Въ Лютиеве нинѣ салдаты, а донскимъ быть или нѣтъ?

Также господинъ маеоръ Долгорукой и губернаторъ приказывали, чтобъ церодворцы, которые послали въ Озовъ въ службу, чтобъ ихъ удовольствовать чемъ или отдать помѣстья ихъ назадъ. Для того, что они, во время приходу воровъ въ Азову, zelo добро съ людьми своими противъ ихъ стояли.

Гулцовъ полкъ опредѣлить жалованьемъ для того, что дело ихъ въ нынешнемъ случае изрядно было.

Таковы пункты подписаны въ походе во Брянску, Октября въ 22 день 1708 г.

Помѣта Толстаго: «Получены въ Азовѣ Иванова полку Жедринского чрезъ салдата Ивана Максимова, ноября 23 дня 708 году».

†
[Собственноручно].

Заводы завести только с такимъ осмотрениемъ: первое — что б хѣсов дубовыхъ нерубит, другое — чтобъ горазда лутче сол азовьскую отпускатъ вверхъ вмѣсто сей на продажу, а сей соли бы бытъ для вспоможения пока азовьской соли: торхъ прямо уставитца.

Полкъ набретца і пришетца, тольчто б на жалованье онымъ изъ сихъ соленыхъ і иныхъ тамошнихъ доходоеъ бытъ.

Бытъ одиѣмъ салдатомъ.

Помѣстья ихъ и вотчины отдать за службу ихъ велено, и о томъ указъ Автамону Иванову объявленъ будучи въ Смоленску.

Справитца.

Сообщ. П. С. Толстой.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ВУТУРЛИНЪ,
генераль-аншефъ, оподвижникъ Петра I-го.

Письма къ дочери.

1714 г. ¹⁾.

Отъ финской дер. Винол. 1714 іюля въ 9-й день.

Анна ильинская, будь здорова, съ матерью и съ братомъ, и буди милость Божія на тебѣ и благословеніе мое. Изъ Або съ полками пошли сего мѣсяца въ 1-й день, сюда пріѣхали въ 6-й день, а сего дня съѣли на суда и поплыли къ Федору Апраксину (1), а онъ стоитъ у берега на морѣ, отсюда верстъ съ 20. Можеть быть, не зимовать ли намъ здѣсь или какъ Богъ изволить.

По семъ буди благословеніе мое на тебѣ. А писемъ отъ васъ мало не чтыре мѣсяца нѣтъ. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1714 году августа 14-го подаю отъ Голлицына».

1. Графъ Федоръ Матвѣевичъ—генераль-адмиралъ.

И. А.

Съ полукаторги противъ деревни Тереминде. 1714 іюля въ 20-й день.

Аннушка ильинская, буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. Будь здорова, съ матерью и съ братомъ. Спасибо, что писала ко мнѣ, апрѣля въ 28-й день, а мнѣ подаю въ походѣ, на полукаторгѣ, сего іюля въ 9-й день. Въ самый день св. Пасхи мать ваша плакала и отъ того была больна. Можно было тебѣ ей бить челомъ, чтобы она въ такой день не плакала. Будеть плакать обо мнѣ—и то уже не впервые. А будеть о дѣтяхъ, какъ и на старости почитай всегда одинъ, да что дѣлать? быть такъ. Хотѣлось

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 169—186.

и мнѣ съ вами жить—то Богъ одинъ вѣдасть. Надѣюсь къ Рождеству Христову быть вамъ у меня, или я къ вамъ буду.

По семь будь здорова въ благословеніи моемъ. Отець твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1714 года августа въ 5-й день подалъ братъ Сергѣй».

1714 году 29-го іюля.

Аннушка миленькая, буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе; будь здорова, съ матерью и съ братьями. Спасибо, что писала ко мнѣ двѣ грамотки: іюня въ 11-й день и іюли во 2-й день. Шведскіе корабли прошли, и стрѣляли они по насъ изъ пушекъ много, только безвредно прошли (1); того-жъ числа у Тангута урочища, въ заливѣ, застали ихъ одинъ корабль и шесть сканпавей, и бой съ ними былъ жестокий, только тѣ всѣ ихъ суда взяли и шаубенахта и нѣсколько начальныхъ, а солдатъ человекъ съ триста, а иныхъ побили, а человекъ съ сорокъ ушло на мелкихъ судахъ, на берегъ (2), и поидемъ къ Або на судахъ. А въ первыхъ числахъ декабря съ вами увижусь. Отець твой И. И.

Писалъ противъ урочища Тангута, съ сканпавея.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1714 года августа въ день привезъ отъ Мусива сынъ Платонъ».

1. Одна наша галера попала при этомъ на мель и взята неприятелемъ (Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т. V, стр. 248).

2. Тутъ рѣчь идетъ о морской битвѣ 23-го іюля при мысѣ Гангудѣ, между Гельсингфорсомъ и Або, въ которой предводительствовали нашимъ флотомъ самъ Петръ, одержавшій полную побѣду надъ шведами, взявъ въ плѣнъ контръ-адмирала Ереншильда съ фрегатомъ и десятью галерами. П. А.

Изъ Петербурга. 1714 г. ноября въ 30-й день.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ и будь здорова, съ матерью и съ братцами. Подано мнѣ твое письмо, какъ я ѣхалъ сюда, въ Петербургъ, сего мѣсяца въ 22-й день, пишешь въ которомъ, чтобы я былъ къ вамъ. Можетъ быть, хотя не надолго увижусь, а я, честь отъ часу, больше и печальнѣе.

Приѣхавъ я сюда, въ Петербургъ, сего мѣсяца въ 28-й день (1), по прибавочную себѣ скорбь и печаль. А память у меня гораздо стала худя. Только бы съ чистымъ поканіемъ, а не худа и смерть. Посемъ буди мое благословеніе на тебѣ отъ всего моего сердца. Отець твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1714 года декабрь въ 15-й день подалъ Левшинъ».

1. Тогда какъ торжественное вступленіе нашихъ войскъ въ Петербургъ было 9-го сентября (Голиковъ, «Д. Петра Великаго», т. V, стр. 254).

П. А.

Изъ Петербурга 1714 году декабря въ 23-й день.

Аннушка миленькая и бѣдная, буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. Здравствуй съ матерью. Душевно ты и сердечно хочешь со мною видѣться—да Богъ какъ изволитъ. Спасибо, миленькая, на твоемъ письмѣ, которое мнѣ подалъ сего числа западлошмой (?) драгунскій урядникъ Ушаковъ. Будеть Богъ изволитъ и живѣ буду, въ январѣ въ 10-мъ числѣ къ вамъ поѣду 1715 году.

При семь будь здорова, милостию Божіею и моимъ благословеніемъ. Писалъ я, отецъ твой И. И.

Здравствуй, Аннушка, въ праздникъ Христова Рождества—послѣ завтра будетъ.

На оборотъ адресъ: «Женѣ моей Марѣ Тимофеевнѣ».

Другимъ почеркомъ: «1714 года декабря въ 28-й день прислалъ братецъ».

Отъ Петербурга. 1715 г. января въ 14-й день.

Аннушка миленькая, буди на тебѣ милость Божія и отъ сердца моего мое благословеніе. Подано мнѣ отъ тебя письмо твое прошедшаго декабря въ 29-й день. И на томъ тебѣ спасибо. Зотова свадьба не была декабря въ 28-й день, что царица была больна, а конечно будетъ послѣ-завтра (1). А я поѣду сегожъ мѣсяца въ 28-й день. И я въ томъ такъ безсчастенъ, чаю въ нашей землѣ немного такихъ сыщется. Безжѣрно было хотѣлось мнѣ съ вами больше пожить. А сею остановкою двѣ недѣли и четыре дни у меня и у васъ пропало—и того съ вами не жить. Писала ты ко мнѣ, чтобы я тебя простилъ, въ твоемъ письмѣ. И ты, бѣдненькая, ничего досаднаго не писала, только отъ нестерпимой своей горести писала все.

По семь будь здорова съ матерью. Отецъ И. И.

1. Тутъ идетъ рѣчь о шутовской свадьбѣ бывшаго учителя Петра В., потомъ князь-папы, Никиты Моисеевича Зотова. Свадьба эта была первоначально назначена 29-го сентября 1714 года, декабря 12-го была сдѣлана ей репетиція и, какъ видно изъ этого письма, предполагалась, но не состоялась 23-го декабря, а была отпразднована 16-го января 1715 г., на что и указываетъ настоящее письмо. На свадьбѣ этой Бутурлину было предоставлено нарядиться такъ же, какъ и государь былъ наряженъ: въ костюмъ разной манеры, т. е. какъ угодно, и имѣть въ рукахъ барабанъ. Государь былъ одѣтъ матросомъ.

П. А.

Изъ Петербурга. 1715 г. февраля въ 5-й день.

Аннушка миленькая, здорова будь, съ матерью и съ братцами, и буди мое благословеніе отъ сердца моего на тебѣ, на вѣки. Всесчастіемъ моимъ и вашимъ бѣднымъ съ матерью, я съ вами не увижуся. И ѣхать неколи: назадъ быть велеть въ Страстную субботу. Что дѣлать, быть такъ; Богу такъ

угодно. Миленькая Аннушка, учини волю мою: сколько можешь—разговаривай мать и бей челомъ, чтобъ не печаллась, и сама ты, миленькая, не печался. При семъ буди мое благословеніе на тебѣ. Писалъ я, отецъ твой И. И.

Изъ Петербурга. 1715 г. апрѣля въ 19-й день.

Аннушка миленькая, будь здорова, съ матерью. И буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Приѣхалъ я сюда сего мѣсяца въ 15-й день. Далъ Богъ здоровья. Только трудъ принялъ: отъ Ладоги ѣхалъ верхомъ и еслибъ не такъ, не приѣхалъ бы то число.

О себѣ еще не провѣдалъ, кой часъ провѣдаю, тотчасъ къ матерѣ и къ тебѣ отпишу.

Будь здорова въ день великаго сего праздника Свѣтлаго Христова Воскресенья со мною и съ матерью. Писалъ я, отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ, «1715 года апрѣля въ 19-й день. Принесено отъ князя Михаила Владиміровича Долгорукова».

Изъ Петербурга. 1715 г. апрѣля въ 27-й день.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь, и будь здорова съ матерью. А о мнѣ вѣдай, что я, Божією милостію, живъ. О себѣ: гдѣ мнѣ зимовать? и о походѣ нашемъ еще не свѣдомъ. Нынѣшнюю недѣлю, чаю, увѣдаю и какъ скоро увѣдаю, тотчасъ къ вамъ отпишу. А въ походъ скорѣе мая середи, надѣюсь, не поидемъ. По семъ будь здорова, миленькая. Писалъ я, отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ вверху листа: «1715 года мая въ 16-й день принесена отъ Каптяжена».

На оборотѣ же—адресъ: «отдать на Москвѣ на дворѣ Ивана Бутурлина».

Изъ Петербурга: 1715 г. мая въ 6-й день.

Аннушка, буди мое благословеніе на тебѣ, нынѣ и впредь. Будь здорова и съ матерью, а я, Божією милостію, еще живъ. Поидемъ въ походъ сего мѣсяца въ 20-й день или ночью (sic) въ 22-й день. Помнишь ты, будучи я на Москвѣ, говорилъ, чтобъ, вычни коверъ, ѣхать вамъ ко мнѣ? и теперь такъ пишу. О семьѣ, жалѣи васъ, говорилъ Гаврила Головкинъ для худой дороги, чтобъ нынче не ѣхать, а ѣхать бы по первому пути. А послѣ съ нимъ же надумавъ поступили на страхъ и писалъ я къ матерѣ, чтобъ ѣхать изъ Москвы ночью іюля въ 24-й день. Что дѣлать, хотя тебѣ и худо ѣхать будетъ—быть такъ. Не лучше ли, раздумай, для своихъ молодыхъ

собака, жаль—загрисанъ нкъ. При семь будь здорова, сучка миленькая. Писалъ я, отецъ твой И. И.

Спасибо, Анютка, что писала ко мнѣ апрѣля въ 21-й день, которое письмо мнѣ подано въ 30-й день.

На оборотѣ другою рукою: «1715 года мая въ 20-й день подавъ человекъ Долгорукова».

Изъ Петербурга. 1715 г. мая въ 21-й день.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ и нынѣ и впредь. Будь здорова съ матерью. О мнѣ вѣдай, что я, Божию милостию, еще живъ. Отдалъ мнѣ твое письмо князь Михайловъ сынъ Долгорукова князь Сергей (1) и на томъ тебѣ спасибо, что ты ко мнѣ пишешь. Писала ты ко мнѣ, тебѣ я помнилъ свое слово и взялъ бы мать и съ тобою къ себѣ. И я знаю, помни ты: чинить коверъ, а если не вычинишь: мать возьму и съ твои числа она ко мнѣ поѣдетъ, какъ я къ ней писалъ, а ты, сучка, останешься. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

На оборотѣ той же рукою—адресъ: «Женѣ моеи Марѣ Тимофеевнѣ Бутурлиной».

На оборотѣ, сверху, помѣта другимъ почеркомъ: «1715 года іюня въ 11-й день подавъ отставной писарь Московскаго полку».

1. Сергій Михайловичъ Долгоруковъ, въ послѣдствіи генераль-маіоръ, умеръ 15-го сентября 1763 года. П. А.

Изъ Петербурга. 1715 г. мая въ 29-й день.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова съ матерью. Писалъ я къ матери и къ тебѣ пишу: поѣзжайте изъ Москвы конче іюля въ 10-й день, а про коверъ, и про зимній путь, и про собакъ писалъ я къ тебѣ смѣясь. Коли бы правда, то и я бы не велѣлъ вамъ такъ ко мнѣ скоро ѣхать. Приѣйте-ка ко мнѣ и готовь свои уши: чаю быть нкъ дранымъ. Скажи матерѣ: я къ ней позабылъ написать, что оставилъ вамъ пять человекъ деньщиковъ, чтобъ ко мнѣ вамъ людѣе ѣхать. По семь буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Писалъ я, отецъ твой И. И.

И сего числа пошлывемъ въ Колывань (1). Послалъ я письмо къ Алексѣю Салтыкову (2) в семь оберткѣ. Молвь матерѣ, чтобъ отослала, а я писалъ, чтобъ онъ давалъ мнѣ всякую помощь, въ приказныхъ дѣлахъ.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1715 года іюня подавъ человекъ Федора Емельяновича Бутурлина (3)».

1. Ревель.

2. Вояринъ Алексѣй Петровичъ, подписавшій смертній приговоръ царевича Алексѣя Петровича; ему поручено было, въ 1728 году, Петромъ искать

мраморъ въ Самарскихъ (въроятно—Жигулевскихъ) горахъ (Голыковъ, т. IX, стр. 467).

3. Былъ при Петрѣ комнатнымъ столовникомъ и подписался подъ смертнымъ приговоромъ царевича Алексѣя Петровича; состоялъ воеводою провинціального города Углича.

П. А.

Отъ Котлина острова. Іюня въ 10-й день 1715 году.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ и нынѣ и впредь. Будь здорова съ матерью. Писалъ я къ тебѣ прошедшаго мая въ 29-й день и то число поплылъ я на полукаторгѣ изъ Петербурга въ Колывань (Ревель), а къ Котлину острову приплылъ сего мѣсяца въ 1-й день, Божіею милостию, въ добромъ здоровьѣ. Конечно, поѣзжайте изъ Москвы іюля въ 10-й день, а прежде не ѣздите. Права ты, а я нѣтъ: хотѣлъ къ тебѣ писать двѣ грамотки, а писалъ три. Скажи отъ меня матерѣ, чтобы велѣла Ивашку Калина, будетъ выучился словесному, отдать писать хорошему мастеру, а онъ переничивъ, станетъ хорошо писать.

Гдѣ мнѣ зимовать—еще нѣтъ указу, подлинно отпишу сего мѣсяца изъ Колывани, конечно.

По семь будь здорова съ матерью. Писалъ я, отецъ твой И. И.

Можетъ быть, что завтра поплывемъ въ Колывань.

На оборотъ другимъ почеркомъ: «1715 года іюня въ 20-й день пранеска Анна Семеновна Савелова».

Отъ Котлина острова. 1715 г. іюня въ 14-й день.

Аннушка миленькая, буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь; буди здорова съ матерью.

Рѣчь носится, будто мнѣ изъ Колывани ѣхать въ Петербургъ, въ послѣднихъ числахъ августа, и буде то правда, и я надѣюсь отпроситься къ Москвѣ, а такъ отпрошусь, что, собравшись совсѣмъ, приѣду на житье въ Петербургъ.

И вамъ ѣхать надобно іюля въ 10-й день, какъ я вамъ и прежде сего писалъ, а въ Твери подождать отъ меня письма. Будетъ мнѣ зимовать въ финахъ (1) и вы ко мнѣ поѣдете, а будетъ, я буду въ Петербургъ, для чего даромъ далѣе ѣхать? только ненадобный какабой (sic). А я, конечно, подлинную вѣдомость о себѣ возьму, и въ семь мѣсяцъ, изъ Колывани, къ вамъ отпишу. По семь будь здорова. Писалъ отецъ твой И. И.

1. Въ Финляндіи.

Изъ Петербурга. 1715 г. іюля въ 29-й день.

Аннушка миленькая, будь здорова съ матерью и буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Пиши ко мнѣ о материнномъ здоровьѣ и о своемъ.

Поплыли мы, въ мелкихъ судахъ, отъ Котлина острова, сего мѣсяца въ 23-й день и того же числа приплыли въ Петербургъ. И опять поплывемъ къ Котлину, въ 1-мъ или 2-мъ числѣ іюля, и будетъ на насъ вѣтеръ будетъ отъ Котлина, тогожь дня или на завтра, поплывемъ въ Колывань, приплывъ къ Котлину.

О себѣ я нынѣшняго числа доложусь у государя: гдѣ мнѣ зимовать? И немедленно къ вамъ отпишу. Отпиши ко мнѣ: всѣ ли письма дошли къ матерѣ и къ тебѣ, и которыхъ мѣсяцевъ и чиселъ тѣ мои письма писаны? Писалъ къ матерѣ въ ея письмѣ. По семъ будь здорова. Писалъ я, отецъ твой И. И.

Изъ Колывани. 1715 году іюля въ 31-й день.

Аннушка миленькая моя, буди мое благословеніе на тебѣ, отнынѣ и впредь на вѣки; будь здорова и съ матерью. Подано мнѣ твое письмо сего мѣсяца въ 17-й день, въ Колыванѣ. И шли мы на корабли и на галеры. Иной часъ, или тотчасъ и поплыли къ городку Гапсаль и писать было мнѣ къ тебѣ, миленькая моя, не коли. И въ 22-й день къ тому городку приплыли и государь поплылъ назадъ, въ Колывань, а я, съ галернымъ флотомъ, оставленъ и плыть было мнѣ въ Ригу, только ждалъ указу и въ 26-й день велѣно мнѣ поки и суда оставить и приказать Семеновскаго полку полуполковнику и князю Петру Голицыну (1), да галерному капитану командору Смаевичу (2), а самому мнѣ ѣхать сухимъ путемъ въ Колывань, и въ 28-й день въ Колывань я пріѣхалъ. Какъ было мнѣ васъ взять? и пріѣхали бы въ Питеръ, а я бы съ вами не жилъ-же, а въ Финскую землю не пускаютъ. Весну и осень о себѣ указу не добыюсь, истинно не знаю, что мнѣ и дѣлать. Только надѣюсь, что буду я въ Петербургъ, и чаю, сентября въ первыхъ числахъ пріѣдемъ; и буде меня къ Москвѣ не пустятъ, велю вамъ ѣхать къ себѣ, хотя и нуженъ будетъ путь. Писала ты, безумная, что отъ великой печали кровъ тебѣ метали, и ты меня безъ мѣры тѣмъ опечалила. Свидѣтель одинъ Богъ: что въ моемъ сердцѣ о тебѣ! Не радъ я такой твоей ласкѣ, какъ ты ко мнѣ ласкова. Пожалуй, для Бога, отставъ такую безмѣрную печаль. А возить гдѣ мнѣ было васъ съ собою, и на чешь? Все гдѣто не много на одномъ мѣстѣ жили. При семъ, миленькая Ивановна, здравствуй и съ матерью. Писалъ я, отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «1715 сентября въ 5-й день прине-
сено отъ Мусина».

1. Петръ Алексѣевичъ, сенаторъ, ближній стольникъ и первый (въ 1708 году) архангельскій губернаторъ.

2. Смаевичъ—вице-адмиралъ.

П. А.

Изъ Колывани. 1715 г. августа въ 18-й день.

Аннушка миленькая Ивановна, буди мое благословеніе на тебѣ, нынѣ и впредь, здравствуй съ матерью.

Нынѣшняго мѣсяца въ 20-й день, конечно, поѣду сухимъ путемъ въ Петербургъ,—отпущенъ сбираться, а октября въ 10-й день поѣду въ Бурландію, къ полкамъ. И вы какъ можете собратъся скорѣе и ѣхать ко мнѣ на-легкѣ. Хотя бы мнѣ съ вами увидѣться на два дни. Можетъ быть, долго не увидимся. Да возьми съ собою финца малова Иванку, будетъ выучился писать. Здравствуй, миленькая, со вчерашнимъ праздникомъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Писалъ я, отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ почеркомъ: «принесена изъ посольскаго приказа сентября въ 3-й день 1715 году».

Изъ Колывани. 1715 г. августа въ 22-й день.

Аннушка миленькая моя Ивановна, буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Будь здорова съ матерью на многія лѣта. А о мнѣ вѣдай, что я, Божією милостію, еще живъ. Писалъ сего мѣсяца въ 16-й день, что мать и ты ѣхали ко мнѣ на своихъ лошадицъ. И вы поѣжайте на яскихъ, скорѣе ко мнѣ будете, для того что лошади будутъ переѣзными. Какъ возможно поспѣшите ко мнѣ, хотя бы въ послѣднихъ числахъ сентября ко мнѣ вы пріѣхали. И будетъ есть у васъ хорошихъ воловъ, привезите съ собою или съ монги лошадицы, которыхъ стоялыхъ поведутъ, а полевыхъ погонять, велите везти, для того что тише поѣдутъ, бережнѣе доvezутъ. По семь будь здорова съ матерью. Писалъ я, отецъ твой И. И.

И завтра я поѣду въ Петербургъ, а буде успѣю и нынче.

На оборотѣ, тою же рукою, адресъ: «отдать на Москвѣ на дворѣ Ивана Бутурлина».

Помѣта другимъ почеркомъ: «1715 г. сентября въ 4-й день принесено изъ посольскаго приказа».

Сообщ. въ 1875 г. П. В. Алабкиъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И. Л. ВАРУНЪ-СЕКРЕТА

О СЛУЖБѢ ВЪ АРМІИ

1823—1860 г.

I.

По вступленіи моемъ на службу, въ 1823 году, въ Камчатскій пѣхотный полкъ, квартировавшій въ Дубоссарахъ, Херсонской губернии, отправленъ былъ я въ юнкерскую школу ¹⁾, бывшую при штабѣ 6-го корпуса, въ Тирасполь; тамъ оставался я недолго, потому что преподаваніе въ ней наукъ было не выше тѣхъ предметовъ, которые проходилъ я, до поступления въ службу, въ Ольвiополюскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ исходѣ 1824 г., я возвратился въ полкъ, зачисленъ во 2-ю гренадерскую роту, которою командовалъ Ламбровичъ, родомъ сербъ, воспитанный въ Дворянскомъ полку, весьма серьезный по характеру и дѣльный по службѣ. Подъ его руководствомъ началась мое фронтное обученіе, и не безуспѣшно: молодость легко переносила требованія тогдашнихъ учебныхъ шаговъ, разныхъ приемовъ; служба въ то время въ Камчатскомъ полку, при такомъ образованномъ командирѣ, какимъ былъ Н. Я. Репинскій, была и пріятна, и завлекательна, но между тѣмъ требованія ея какъ-то не согласовались съ его характеромъ, и потому новымъ командиромъ назначенъ былъ изъ учебнаго баталіона, бывшаго при 2-й арміи, А. Г. Лисецкій; при немъ хозяйственная часть въ полку, въ мелочи которой не входилъ его предмѣстникъ, подвинулась; фронтная была и до него хороша, при отличномъ тогда составѣ общества въ

¹⁾ Юнкерская школа въ 6-мъ корпусѣ обязана учрежденіемъ корпусному командиру И. В. Сабанѣеву. В.-С.

полку офицеровъ. При такомъ состояніи, Камчатскій полкъ вмѣстѣ съ Охотскимъ полкомъ, которымъ командовалъ А. Н. Бѣлогужевъ, считались между 1824—1828 годами, изъ лучшихъ, по достоинству полковъ, во 2-й арміи. Въ періодъ этотъ служебная дѣятельность Камчатскаго полка не имѣла особенностей, кромѣ передвиженій съ однихъ стоянокъ на другія, въ югозападныхъ губерніяхъ и Бессарабіи, лагерныхъ занятіяхъ, въ содержаніи городскихъ карауловъ и кордонной службѣ, по рѣкамъ Днѣстру и Пруту, во время чумной эпидеміи въ Турціи—въ 1826 и 1827 годахъ. Былъ только случай не совсѣмъ обыкновенный, состоявшій въ томъ, что, когда назначенъ былъ командиромъ корпуса генералъ Ротъ и потребовалъ усилить дѣятельность фронтоваго обученія, высшее начальство слишкомъ поусердствовало, и вызвало этимъ непомѣрные побѣги; отозвалось оно въ особенности во 2-мъ баталіонѣ Камчатскаго полка, занимавшемъ караулы въ крѣпости Хотинѣ, изъ которой въ самое короткое время ушло за рѣку Прутъ до пятидесяти человекъ, въ томъ числѣ много старослуживыхъ, чему впрочемъ поспособствовали русскіе старовѣры, проживавшіе за Прутомъ, подъ названіемъ некрасовцовъ; бѣжавшіе скрылись безвозвратно.

Наступилъ 1828-й годъ.

Камчатскій полкъ, квартируя зиму въ Подольской губерніи, получилъ неожиданно, въ началѣ апрѣля мѣсяца, распоряженіе выступить въ полномъ составѣ и слѣдовать къ городу Могилеву-на-Днѣстрѣ; между тѣмъ цѣль такого внезапнаго похода не была всѣмъ въ полку извѣстна. Прибывши въ Могилевъ, полкъ двинутъ безостановочно въ Бессарабію и, пройдя бѣольшую ея часть, остановленъ при рѣкѣ Прутѣ, у селенія Вадулуй-Исаки. Тутъ уже сдѣлалось очевиднымъ, по сбору на этомъ пунктѣ разныхъ родовъ войскъ въ значительномъ числѣ, что походъ назначенъ въ Турцію.

На другой, послѣ прихода, день, именно, 25-го апрѣля 1828 г. утромъ, отслуженъ былъ въ полкахъ напутственный молебенъ, и, послѣ ранняго обѣда, началась переправа черезъ рѣку Прутъ, въ Молдавію, по двумъ понтоннымъ мостамъ, наведеннымъ въ тотъ же день саперами. Переправа состоялась безъ всякихъ препятствій; непріятельскихъ войскъ въ Молдавіи не было, кромѣ тѣхъ, которыя находились въ крѣпости Браиловъ, куда и направлены были полки 7-го корпуса для блокады. Перейдя границу, войска двинулись бодро, поспраямня примѣромъ старослуживыхъ, знакомыхъ съ войною въ 1810, 1812 и 1814 годахъ, наполнявшихъ еще, хотя изрѣдка, ряды войскъ, имѣвшихъ медали тѣхъ войнъ, а нѣкоторые и георгіевскіе кресты; всѣ они отличались физическими силами и удалью, вродѣ, напри-

мѣръ; унтеръ-офицера 2-й гренадерской роты Маслова, который, прослуживъ во фронтѣ 25 лѣтъ и участвуя во всѣхъ войнахъ съ 1810 по 1831 годъ, былъ до самой отставки первымъ параднымъ ординарцемъ въ полку; георгиевскій крестъ и много медалей украшали его грудь.

По вступленіи въ Молдавію, первый небольшой переходъ не утомилъ войска, но слѣдующій за нимъ, въ 40 верстъ, далъ себя пѣхотнымъ войскамъ весьма почувствовать отъ непривычки людей къ тяжести походной съ сухарнымъ запасомъ, аммуниціей и пѣхотнымъ инструментомъ ¹⁾, который они должны были нести на себѣ по очереди; остальные были преимущественно изъ молодыхъ солдатъ; всѣ они однакожь, впродолженіе ночлега, подошли къ своимъ частямъ, а чрезъ недолгое время поприехали къ переселенію трудовъ военного времени.

Движеніе войскъ 6-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Рота, чрезъ Молдавію и Валахію, распоряджено было по двумъ направленіямъ: чрезъ городъ Бузеа, къ нижнему Дунаю, и къ городу Бухаресту; части, назначенныя къ нижнему Дунаю, расположились, на нѣкоторое время, въ деревняхъ по рѣкѣ Яломицѣ, на тѣсныхъ квартирахъ, и потомъ двинуты для переправы чрезъ Дунай, вблизи крѣпости Гирсова, имѣя назначеніе обложить крѣпость Силистрію, а слѣдовавшіе къ Бухаресту—для занятія этого города, для аванпостовъ по верхнему Дунаю, для наблюденія крѣпостей на правомъ берегу его, не обложенныхъ блокадою.

Вскорѣ по занятіи аванпостовъ по лѣвому берегу Дуная получено было свѣдѣніе, что турки Силистрійскаго гарнизона сдѣлали покушеніе на мѣстечко Каларашъ, гдѣ у нихъ заготовлена была соль въ большомъ количествѣ, которую не успѣли перевезти за Дунай, и что нашъ кавалерійскій аванпостъ въ Каларашѣ не былъ въ состояніи отбить покушеніе турецкой пѣхотной партіи, не имѣя собственнаго оружія; вслѣдствіе этого посланъ былъ туда 2-й баталіонъ Камчатскаго полка. По приходѣ баталіона, покушеніе повторилось; но кончилось для турокъ неудачно; они поцѣплялись урюкомъ и поторопились отплыть, лишь-только появились на ложахъ, въ рукаву Дуная, протекающему у самаго Калараша; въ перестрѣлкѣ съ ними не было въ баталіонѣ никакой потери, потому что ружейный огонь застрѣльщиковъ производился изъ-за насыпей, возведенныхъ по берегу дунайскаго рукава; отраженіе турокъ было-бы удачнѣе, если-бы партія ихъ допущена была высадиться на берегъ, но

¹⁾ Топоры, кирки и желѣзныя лопаты.

какъ это былъ первый боевой шагъ, то и онъ не обошелся безъ торопливости, по новости дѣла.

Занятіе Калараша баталіономъ продолжалось до времени обложенія крѣпости Силистріи, послѣ чего баталіонъ двинуть къ Гирсовской переправѣ; тамъ поступилъ на дунайскую флотилію, въ десантъ, и совершилъ плаваніе къ Силистріи для общей блокады, впродолженіе которой, съ іюля по сентябрь, постоянно принималъ участіе трудами при бомбардировкахъ съ флота, подѣ отвѣтными выстрѣлами изъ крѣпости, съ особымъ азартомъ производимыми. 1-й баталіонъ Камчатскаго полка, находившійся въ числѣ войскъ сухопутной блокады, участвовалъ въ всѣхъ дѣлахъ при вылазкахъ турокъ, изъ коихъ самыя значительныя были 16-го августа, при занятіи нашими войсками второй параллели осады, и сентября 1-го и 2-го, при нападеніи на лѣвый флангъ нашъ, довольно слабый, по количеству блокирующихъ войскъ, вылазкою изъ крѣпости и одновременно нападеніемъ съ тыла отряда партиі, появившейся со стороны крѣпости Шумлы для прорыва въ Силистрію; атака турокъ отбита, но усилія, при отраженіи, не обошлись баталіону безъ чувствительной потери: въ числѣ раненыхъ въ баталіонѣ были три ротныхъ командира и офицеръ, начальствовавшій передовою стрѣлковою дѣпью ¹⁾. Еще былъ, во время блокады Силистріи войсками 6-го корпуса, отдѣльный случай подвига, при отбитіи атаки турокъ на редутъ, бывшій на оконечности лѣваго фланга блокады, который охраняли сборные отъ полковъ команды, подѣ начальствомъ маіора Сельвана. вызваннаго для этого отъ своего 2-го баталіона Камчатскаго полка, находившагося * на дунайской флотиліи. Отбитіе штурма на редутъ стоило туркамъ большой потери. За это дѣло награжденъ былъ Сельванъ золотою полусаблею.

Во второй половинѣ сентября, 6-й корпусъ смѣненъ подѣ Силистрію 2-мъ корпусомъ и двинуть къ крѣпости Шумлѣ. Слѣдую туда лѣсистую мѣстность, войска корпуса тревожимы были изъ лѣса партиями турокъ, нападавшихъ преимущественно на обозы, къ чему поощрили ихъ удачи надѣ проходившимъ предѣ тѣмъ по этой дорогѣ эскадрономъ уланъ, посланнымъ съ депешами изъ-подѣ Силистріи къ Шумлѣ, въ главный штабъ арміи ²⁾. И въ такой же потомъ

¹⁾ Капитаны Гриневичъ 1-й и Терешецъ, умершій тамъ-же отъ раны; поручики Миллеръ и Фонъ-Горкъ 1-й.

²⁾ Подробности геройской битвы эскадрона съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ турецкой отборной кавалеріи описаны эскадроннымъ командиромъ въ письмѣ изъ плѣна къ полковому командиру («Русскій Инвалидъ» 1831 г., № 81).

битвѣ казачьяго полка, атакованнаго по дорогѣ въ дефіляхъ громад-
ною партією турокъ.

По прибытіи къ Шумлѣ, нѣкоторые полки 6-го корпуса, въ томъ
числѣ и Камчатскій, участвовали при отраженіи вылазокъ 1-го и
2-го октября. Потомъ, 16-я дивизія оставалась на позиціи при де-
ревнѣ Туркъ-Арнаутъ-Ларѣ, для отраженія покушенія турокъ на от-
ступавшія войска изъ-подъ Шумлы по снятіи блокады; наконецъ су-
ровое время осени заставило турокъ убраться въ Шумлу, и войска
16-й дивизіи направлены на зимовую стоянку въ приморскіе города
Добруджи, Камчатскій полкъ—въ г. Мангалию.

Не успѣли устроиться въ полуразрушенномъ войною г. Манга-
ли, какъ получено было распоряженіе перейти полку въ городъ
Бальчикъ, сосѣдній съ крѣпостію Варною, занятою нашими войсками.
Переходъ этотъ имѣлъ свои особенности: необходимо было пройти
болѣе 40 верстъ по открытой приморской равнинѣ; сначала до го-
рода Каварны на этомъ пространствѣ были только кое-гдѣ разва-
лины разоренныхъ деревень. Въ день выступленія полка изъ Ман-
галии (это было въ ноябрѣ), поднялась при значительной стужѣ снѣж-
ная метель; она могла быть гибельна для полка, при наступленіи
вечи и при усталости людей, на занесенной снѣгомъ дорогѣ, но, къ сча-
стію, случайно замѣчены были въ сторонѣ отъ дороги развалины
деревни; въ ней, въ сумеркахъ уже, полкъ пріютился для ночлега,
нашелъ остатки плетневыхъ заборовъ, воспользовался ими для ко-
стровъ, и, на другой день, оставя двухъ или трехъ человекъ, замыш-
лявшихъ на ночлегъ, пришелъ къ вечеру того дня въ Каварну; ночлегъ
и дневка въ этомъ городѣ, уцѣлѣвшемъ отъ разоренія, небольшой
оттуда переходъ въ Бальчикъ, также не разоренный, и стоянка
тамъ кратковременная—были для полка отдыхомъ; затѣмъ полкъ по-
требованъ въ крѣпость Варну.

Передвиженіе туда, въ январѣ 1829 года, во время стужи, при
двухъ ночлегахъ, хотя и въ лѣсу, но на снѣжномъ бивакѣ, обо-
шлось безъ приключеній, чему много способствовало постоянное на-
блюденіе офицеровъ, наученныхъ опытомъ при движеніи изъ Ман-
галии, за поддержкою бивачныхъ костровъ и недопущеніе солдатъ
предаваться безпечному сну на морозѣ.

По прибытіи въ Варну, полкъ назначенъ былъ въ десантъ на
эскадру, снаряженную для овладѣнія приморскимъ городомъ Сизо-
полемъ, въ Бургасскомъ заливѣ, порученнаго адмиралу Кумани.
Эскадра отплыла отъ Варны 10-го или 12-го февраля, а 15-го была
уже подъ Сизополемъ и встрѣчена выстрѣлами изъ городскихъ укрѣп-
леній, что и вызвало бомбардированіе съ эскадры; но послѣ недол-

эскадру, снаряженную для овладѣнія приморскимъ городомъ Сивополемъ, въ Бургасскомъ заливѣ, порученнаго адмиралу Кумани. Эскадра отплыла отъ Варны 10-го или 12-го февраля, а 15-го была уже подъ Сивополемъ и встрѣчена выстрѣлами изъ городскихъ укрѣпленій, что и вызвало бомбардированіе съ эскадры; но послѣ недолгаго времени турки пожелали переговоровъ о сдачѣ города; это продолжалось до ночи и поспособствовало уйти ночью лучшей части гарнизона, какъ послѣ рассказывали жители города—греки; осталась талко небольшая партія въ полевомъ укрѣпленіи, вѣ города, которая, на другой день утромъ, взята въ плѣнъ десантомъ, вмѣстѣ съ полевымъ укрѣпленіемъ и однимъ въ немъ полевымъ орудіемъ; дѣло обошлось безъ потери, хотя и сдѣлано два или три пушечныхъ выстрѣла изъ укрѣпленія. Затѣмъ городъ занятъ безъ боя, и турецкія власти въ немъ сдались въ плѣнъ.

По овладѣніи Сивополемъ, приступлено къ укрѣпленію возвышенностей впереди города, для обезпеченія обороны его и окрестностей съ настѣщами и дровами для города и войска, и сдѣлана еще попытка эскадрою овладѣть приморскимъ укрѣпленнымъ городомъ Ахіоло, но безуспѣшно: большія суда не могли по мелководію подойти обстрѣливать береговья его укрѣпленія, безъ чего и высадку сдѣлать было немислимо.

Во второй половинѣ марта сивопольскій отрядъ усиленъ высланными изъ Варны на судахъ полками Азовскимъ, Днѣпровскимъ и Украинскимъ; одинъ редутъ, на возвышенности вѣ города, былъ оконченъ. Турки, не додврѣвая, конечно, этого оборонительнаго обезпеченія города, атаковали 28-го марта, на разсвѣтѣ, оборонительную линію сильнымъ отрядомъ, подъ начальствомъ извѣстнаго тогда у нихъ военными способностями Гусейна-паши, и пошли на штурмъ редута, имѣя въ виду непремѣнное овладѣніе городомъ Сивополемъ, сдѣлавшимся важнымъ стратегическимъ пунктомъ, въ ожиданіи перехода нашихъ войскъ чрезъ Балканы. Атака турокъ отбита блистательно 2-мъ баталіономъ Камчатскаго полка, подъ начальствомъ маіора Сельвана съ резервомъ отъ Украинскаго полка. Камчатскій баталіонъ былъ посланъ, по тревогѣ, изъ города на выручку редута; туда ворвались уже турки и опрокинули въ немъ баталіонъ Азовскаго полка, ночью его охранявшій; но Камчатскій баталіонъ кинулся къ редуту бѣгомъ, несмотря на высоту мѣстности, и, вломившись въ ворота, отнялъ его у турокъ штыками; здѣсь произошла такая свалка, что канавы, штурмфалы вокругъ вала и площадь, окружавшая редутъ, покрыты были трупами турокъ ¹⁾. Нашъ уронъ

¹⁾ Убитыхъ турокъ подобрано болѣе 200 тѣлъ.

былъ также свыше 40 человекъ, въ томъ числѣ потерпѣли особливо артиллеристы, при началѣ атаки, оттого что орудія редута не были прикрыты, и артиллерія стрѣляла чрезъ банкъ. Въ числѣ раненыхъ былъ одинъ штабъ-офицеръ и оберъ-офицеровъ три ¹⁾. Послѣ этого дѣла, больше не было турецкихъ покушеній на Сивополь.

Спустя нѣкоторое время, стало извѣстнымъ, что главнокомандующій арміею, графъ Дибичъ, разгромилъ армію верховнаго визиря, при селеніи Кулевчѣ, и что войска наши перешли рѣку Камчикъ и Балканскія горы, опрокидывая турокъ повсемѣстно. Вслѣдствіе этого, черноморскій флотъ, стоявшій на рейдѣ подъ Варною, сдѣлавшись тамъ ненужнымъ, прибылъ къ Сивополю, подъ главнымъ начальствомъ адмирала Грейга, и начались повременныя отъ него морскія рекогносцировки посылаемыми въ одиночку военными судами для наблюденія за турецкимъ флотомъ. Одному изъ нихъ, нашему фрегату «Рафаилу», рекогносцировка не повезла; онъ случайно попалъ, во время сильного тумана, въ средину турецкаго флота, рискнувшего крейсировать, и ваять въ ягѣнь. Посланный потомъ на рекогносцировку бригъ «Меркурій» ²⁾, встрѣтился также въ туманѣ съ двумя турецкими кораблями, но на предложеніе ихъ сдаться отвѣтилъ выстрѣлами; тогда непріятельскіе корабли принялись громить его, сбили на немъ почти весь рангоутъ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи экипажъ брига единогласно порѣшилъ сражаться до крайности и, въ послѣднемъ уже случаѣ пораженія, сдѣлаться съ однимъ изъ нападавшихъ кораблей на abordажъ и взорвать себя, вмѣстѣ съ нимъ, на воздухъ. Между тѣмъ, но счастію, посвѣжѣлъ вѣтеръ, и бригу удалось, при помощи весель и уцѣлѣвшихъ частію парусовъ, выйти изъ-подъ выстрѣловъ непріятельскихъ кораблей, которые по тяжести, при маломъ вѣтрѣ, не могли бригъ преслѣдовать. Посланный затѣмъ пароходъ развѣдалъ о причинѣ невозвращенія къ флоту въ назначенное время судовъ «Рафаила» и «Меркурія» — встрѣтилъ послѣдняго въ такомъ состояніи, что его нужно было ваять на буксирь, и далъ знать объ этомъ и о подвигѣ брига «Меркурія» въ эскадру, вслѣдствіе чего произошла вочетная встрѣча бригу, съ пушечнымъ салютомъ со всѣхъ военныхъ судовъ, бывшихъ на рейдѣ у Сивополя, продолжавшаяся до того вре-

¹⁾ Азовскаго полка майоръ Лебедевъ, артиллеристъ поручикъ Бѣлявскій, умершій отъ раны, Камчатскаго полка подпоручикъ, Чичаговъ 2-й и Семіоновскій.

²⁾ Командиръ брига «Меркурій», капитанъ-лейтенантъ Казарскій, всѣ офицеры брига и нижніе чины примѣрно награждены за этотъ подвигъ.

съ цѣлью повстрѣчаться съ непріятельскимъ флотомъ; крейсерство продолжалось съ 14-го мая по 1-е іюня, къ сторонѣ Константинополя и къ стѣнамъ крѣпости Пендераклии, въ Анатолиі; встрѣча однако же съ турецкимъ флотомъ не было, и, хотя онъ иногда показывался изъ пролива, но, завидѣвши нашу эскадру, поспѣшно скрывался въ проливъ. Эскадра возвратилась въ Сивнополь, — чѣмъ и закончилось участіе Камчатскаго полка въ общихъ военныхъ трудахъ съ моряками.

Во второй половинѣ іюня и въ іюлѣ 1829 г., части отъ Камчатскаго полка выполнили въ Сивнополь еще два дѣла: первое—рекогносцировку двумя ротами 1-го баталіона, подъ командою майора Камрера, вдоль берега, по направленію къ Константинополю, причемъ истребленъ ими при городѣ Инеадѣ турецкій литейный заводъ; а второе—въ отрядѣ, подъ начальствомъ бывшаго при войскахъ въ Сивнополь генерала-Понсета, составленномъ изъ 2-го Камчатскаго баталіона, части казаковъ и двухъ полевыхъ орудій, высланномъ на встрѣчу отступавшему изъ Бургаса турецкому гарнизону съ комендантомъ Ибрагимомъ-пашею. При этой боевой встрѣчѣ, сначала при селеніи Цингане-Килиси, потомъ при селеніи Кайнарджи, досталось трофеями отряду значительное количество турецкихъ палатокъ, которыя тутъ же сожжены, по небытности средствъ взять ихъ съ собою, и одно мѣдное полевое орудіе, единорогъ—французскаго происхожденія, доставленный въ Сивнополь на казачьихъ лошадяхъ. По возвратѣ отряда изъ этой экспедиціи, получено распоряженіе Камчатскому полку присоединиться къ своей дивизіи, въ составъ главной арміи, подходившей уже къ Адрианополю, куда полкъ и прибылъ въ началѣ августа 1829 года, при селеніи Буюкъ-Дербентѣ.

Во время этого передвиженія былъ въ полку случай ¹⁾, въ которомъ заподозрѣна чумная зараза, вслѣдствіе чего, вмѣстѣ съ занятіемъ Адрианополя 8-го августа 1829 г., полку назначена была особая мѣстность для выдержанія карантиннаго термина, потому, въ особенности, что такіе случаи были уже въ войскахъ сивнопольскаго отряда, во время пребыванія въ его составѣ Камчатскаго полка. Карантинный срокъ кончился благополучно, и полкъ присоединился къ своей дивизіи. По занятіи Адрианополя, начались переговоры о мирѣ, что однакожь не попрепятствовало двинуть часть войскъ по направленію къ Константинополю; въ составѣ этихъ войскъ была вся 16-я дивизія,

¹⁾ Умеръ, скоропостижно на одномъ изъ возлеговъ юнкера Яворскій.
В.-С.

слѣдовательно, и Камчатскій полкъ. Отрядъ дошелъ до города Люле-Бургаса, отстоящаго отъ столицы Турціи не болѣе пяти нѣшихъ переходовъ; тамъ остановленъ и нѣсколько дней спустя возвращенъ въ Адрианополь.

2-го сентября 1829 г. заключенъ миръ.

Во время стоянки, послѣ заключенія уже мирнаго договора, въ лагеряхъ подъ Адрианополемъ, Камчатскому полку выпало на долю быть въ экспедиціи, въ началѣ сентября 1829 г., къ городу Демотику, населенному преимущественно христіанами, куда появились турецкіе мародеры безчинствовать. Отрядъ, посланный туда, подъ начальствомъ генерала Сухозанета, сдѣлалъ въ одну ночь болѣе сорока верстъ, явился утромъ подъ городомъ, къ радости жителей христіанъ; мародеры бѣжали, а отъ мусульманъ-жителей отобрано оружіе; послѣ этого кавалерійская и артиллерійская части возвратились въ Адрианополь, а Камчатскій полкъ занялъ тамъ старинную цитадель, населенную греками, и простоялъ въ ней для ихъ охраны до конца октября мѣсяца 1829 г. Городъ Демотика—съ цитаделью, нѣсколько исторической: въ цитадели его проживалъ, по словамъ жителей, шведскій король Карлъ XII, ушедшій въ Турцію послѣ пораженія подъ Полтавою; указывали даже развалины того помѣщенія, гдѣ онъ нѣкоторое время жительствовакъ.

Въ началѣ ноября 1829 г., полки 16-й дивизіи перешли изъ Адрианополя въ окрестности города Карнабата въ Румелию; Камчатскій полкъ—въ село Ашлоръ, потомъ и главный штабъ арміи перемѣстился въ городъ Бургасъ. Установилась демаркаціонная линія между нашими и турецкими войсками, подъ охраною коей и заключеннаго мира, войска наши провели спокойно зиму въ Руме ии, за немногими исключеніями отъ чумныхъ случаевъ.

II.

Наступилъ 1830 годъ. Войска начали весною постепенно оставлять Румелию, направляясь чрезъ Балканы и Болгарію къ границамъ Валахіи и Бессарабіи, а 16-я дивизія получила назначеніе въ крѣпость Силистрію, оставленную въ распоряженіе нашего правительства, до выплата Турціе издержекъ войны. Слѣдуя туда, Охотскій и Камчатскій полки въ одномъ эшелонѣ представились на смотръ, при городѣ Бургасѣ, главнокомандовавшему арміею графу Дибичу-Забалканскому; онъ благодарилъ за службу на войнѣ и далъ въ каждую роту обоихъ полковъ по одному георгіевскому кресту. При этомъ графъ Дибичъ высказалъ свое особое удовольствіе за обхожденіе войскъ съ мирными жителями, доведенное до того, что болгары тысячами повозокъ двинулись въ Россію на жительство; многіе изъ нихъ, не имѣя средствъ, по бѣдности, переселиться къ намъ съ семьями, отдавали офицерамъ дѣтей своихъ, вѣряя имъ безусловно судьбу отданныхъ, лишь бы они вывезены были въ наше отечество. Это, конечно, также дѣлалось болгарами и изъ страха звѣрствъ со стороны турокъ.

Перешедши Балканы и слѣдуя по направленію къ Силистріи, Охотскій и Камчатскій полки не преминули проститься молитвою на могилѣ товарищей, при селеніи Эски-Арнаутъ-Ларѣ, гдѣ Охотскій полкъ въ 1829 году, въ бою съ турками, понесъ значительный уронъ¹⁾; этотъ полкъ былъ тогда посланъ генераломъ Ротомъ изъ войскъ, бывшихъ на позиціи при сказанномъ селеніи, для открытія сообщенія съ городомъ Праводами; массы турокъ упорно атаквали полкъ, бывший въ малочисленномъ составѣ; охотцы были окружены турками и выручены лишь 31-мъ егерскимъ полкомъ, подъ начальствомъ храбраго его командира, полковника Лишина.

По прибытіи 16-й дивизіи къ Силистріи, полки заняты были исправленіемъ бастіоновъ крѣпости, разрушенныхъ минами взрывами, при осадѣ и овладѣніи ею въ 1829 году, а въ концѣ лѣта, дивизія, смѣненная другими войсками, выступила въ Россію²⁾.

Возвратившимся изъ Турціи войскамъ неожиданно представились

¹⁾ Убитыми и ранеными—до 30-ти офицеровъ и 700 нижнихъ чиновъ.

²⁾ При выступленіи изъ Силистріи 16-й дивизіи, я былъ оставленъ въ ней, въ управленіи начальника крѣпости, инженернаго генерала Рупперта, въ должности адъютанта; осенью и зимой 1830—1831 гг., я былъ очевидцемъ чумной эпидеміи въ крѣпости, унесшей сотни жертвъ.

новые военные труды: Царство Польское возмутилось, что отразилось и въ западныхъ губерніяхъ.

Возстаніе въ Литвѣ и въ югозападныхъ губерніяхъ длилось недолго. Партія мятежниковъ подъ мѣстечкомъ Дашевымъ, весною 1831 года, уничтожена войсками генерала Рота, а проникнувшій въ Польшу на Волынь отрядъ Дверницкаго удался, послѣ пораженія его, подъ мѣстечкомъ Боромлемъ, войсками генерала Ридигера, въ Галицію. Между тѣмъ въ Польшѣ сопротивленіе все еще продолжалось, вслѣдствіе чего понадобилось усилить войска, блокирующія крѣпость Замостье; на усиленіе ихъ составленъ былъ отрядъ изъ Камчатскаго полка, одной роты артиллеріи и части казаковъ, подъ начальствомъ генерала Домети, и по прибытіи къ Замостью занялъ мѣста тѣхъ частей войскъ блокады, которыя были послѣпно взяты начальникомъ штаба 1-й арміи, генераломъ Красовскимъ, для наблюденія сильной партіи мятежниковъ, подъ предводительствомъ итальянца Роморино, дѣйствовавшей въ провинціи и направленной затѣмъ на рырчку Варшавы. Между тѣмъ Варшава пала. Роморино повернулъ къ австрійской границѣ, преслѣдуемый Красовскимъ, вступилъ въ Австрію, и тамъ обезоруженъ. Отрядъ генерала Домети¹⁾ возвратился на Волынь, откуда вся 16-я дивизія получила назначеніе на зимнія квартиры въ Бѣлостокскую область.

Періодъ съ 1832 по 1835 годъ миновалъ для полковъ 16-й дивизіи, имѣвшей уже номеръ 14-й, въ обычныхъ занятіяхъ, въ томъ числѣ, въ караульной службѣ и въ крѣпостныхъ работахъ, въ Кіевѣ. Среди этого времени состоялись въ войскахъ два особенныя распоряженія, первое: переформированіе армейской пѣхоты упраздненіемъ номерныхъ егерскихъ полковъ, наименованіемъ вторыхъ пѣхотныхъ бригадъ въ дивизіяхъ—егерскими, и приведеніемъ полковъ въ четырехъ-баталіонный составъ, — причемъ 14-я дивизія вновь получила номеръ 11-й, донныя сохраняющіеся;—и второе: объявленъ былъ въ первый разъ безсрочный отпускъ нижнимъ чинамъ, прослужившимъ 20 лѣтъ. Съ восторгомъ принято было ими объявленіе этой милости: они до этого не знали иныхъ отпусковъ, кромѣ кратковременныхъ и притомъ для лучшихъ по службѣ; только 25-ти-лѣтній срокъ оканчивалъ для большинства изъ нихъ служебную зависимость.

Во время пребыванія 4-го корпуса въ Царствѣ Польскомъ, переведенъ я въ 1837 году изъ Камчатскаго въ Якутскій полкъ; командиромъ

¹⁾ При А. К. Домети я состоялъ бригаднымъ адъютантомъ съ половинны 1831 по 1835 годъ. В.-С.

его былъ въ то время Д. Д. Сельванъ ¹⁾, командовавшій до переформирования армейской пѣхоты 36-мъ Егерскимъ полкомъ; есслуживши его по обонимъ изъ этихъ полковъ не могутъ не подтвердить, что онъ былъ образецъ ума и добраго сердца, заботливый обо всѣхъ въ полку до послѣдняго солдата, распорядительный обо всемъ, до его части относившемся; что, начальствуя Якутскимъ полкомъ около восьми лѣтъ, содержалъ его постоянно въ блестящемъ состояніи. Составъ при немъ общества офицеровъ въ полку, умѣиємъ его собранный, былъ такой, что изъ этого состава нѣкоторые достигли высшихъ чиновъ ²⁾ и должностей, начавъ службу въ полку при Сельванѣ, слѣдовательно, вышедши изъ его практической школы. Такимъ образомъ, можно сказать съ увѣренностью и не преувеличивая, что всѣ, которымъ довелось служить когда-либо подъ его начальствомъ, вспоминають о немъ съ глубокою благодарностію. Послѣ его чрезъ недолгое время были въ полку иные уже порядки, отъ которыхъ прежній составъ офицеровъ замѣтно убавился.

III.

Вспомнивъ одного изъ моихъ доблестныхъ командировъ, считаю нравственнымъ долгомъ помянуть добрымъ словомъ одного изъ бывшихъ друзей и сослуживцевъ моихъ. При началѣ службы моей въ Камчатскомъ полку, опредѣлился въ полкъ и поступилъ въ одну со мною роту сынъ значительнаго помѣщика Киевской губерніи, А. О. Понятовскій, окончившій службу полковникомъ гвардіи. Его видная потомъ служба и въ особенности добрыя дѣла, которыми, можно сказать, наполнялась вся его жизнь, съ самой юности, оставили завидную о немъ память. Понятовскій принадлежалъ къ богатой аристократической фамиліи; но онъ не тяготился занять въ службѣ скромную долю пѣхотнаго юнкера и не только не отставалъ по службѣ отъ товарищей, но нерѣдко бывалъ примѣромъ, при всей тяжести этого рода службы въ нижнемъ чинѣ; такое особенное его достоинство внушило, на первыхъ же порахъ, полное къ нему уваженіе сослуживцевъ. Прослужа въ Камчатскомъ полку около двухъ лѣтъ, Поня-

¹⁾ Д. Д. Сельванъ, подвиги котораго, въ войну съ Турками 1828—1829 годовъ подъ Силистрією и при Сязополѣ, рассказаны выше, былъ, по окончаніи войны, комендантомъ крѣпости Силистріи; а въ войну 1853 года, будучи начальникомъ 8-й дивизіи, убитъ подъ этою крѣпостію.

²⁾ Генераловъ болѣе шести человекъ; а штабъ-офицеровъ вдвое больше.

товскій перешелъ въ 1827 году, все еще кнжеромъ, въ Смоленскій уланскій полкъ; тамъ, передъ войною съ турками 1828—1829 годовъ, произведенъ въ офицеры, и въ началѣ ея назначенъ состоять при начальникѣ уланской дивизіи, генералѣ Крейтцѣ; исполняя въ этой обязанности разныя служебныя порученія при блокадѣ крѣпости Силистріи въ 1828 году, Понятовскій былъ однажды посланъ съ партией казаковъ, какъ дѣльный офицеръ, на рекогносцировку, къ сторонѣ крѣпости Рущука, откуда, по свѣдѣніямъ, лазутчиками доставленнымъ, ожидалось въ Силистрію подкрѣпленіе, и не только открылъ неприятельскій отрядъ, но весьма ловко снялъ пикетъ, его охранявшій, далъ знать кому-слѣдовало, и турецкій отрядъ разбитъ высланнымъ изъ-подъ Силистріи отрядомъ, подъ начальствомъ генерала Шереметова. Наградой Понятовскому былъ анненскій орденъ съ бантомъ. Въ турецкую войну онъ получилъ еще орденъ и чинъ, а съ окончаніемъ войны, прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи гусарскому полку. При движеніи, въ 1831 году, гвардейскаго корпуса въ Польшу, Понятовскій назначенъ въ безсѣнные ординарцы къ генералу Бистрому; служба его тамъ награждена владимірскимъ орденомъ и золотой саблею, назначеніемъ въ ординарцы къ в. к. Михаилу Павловичу, переводомъ окончательно въ гвардейскіе гусары и, наконецъ, назначеніемъ въ адъютанты къ его высочеству; въ этой обязанности онъ находился до отставки.

При увольненіи отъ службы, ему назначена была пенсія по уставу; изъ нея онъ сдѣлалъ такое употребленіе: по ходатайству его, пенсія отдана въ Камчатскій полкъ, въ которомъ онъ началъ службу, для составленія капитала, чтобы изъ процентовъ его награждалось временно нѣсколько нижнихъ чиновъ за отличную службу; капиталъ наименованъ въ полку, съ Высочайшаго соизволенія, «капиталомъ полковника Понятовскаго» и, увеличиваясь передачею въ полкъ этой пенсіи до самой кончины Понятовскаго († 1869 г.), остался навсегда въ полку ему памятникомъ.

По прошествіи немалаго времени отъ первой нашей встрѣчи и сближенія, привелъ мнѣ случай, въ бытность уже въ отставкѣ, заниматься нѣкоторыми дѣлами Понятовскаго и быть близкимъ очевидцемъ его благотвореній, причемъ онъ вообще избѣгалъ гласности объ нихъ, столь свойственной тщеславію, избѣгалъ до того, что бывали случаи, что помощь, имъ сдѣланная, не всегда была извѣстна — отъ кого именно, даже и тому лицу, которое выручено бывало изъ крайности его помощью. Но самое выдающееся пожертвованіе Понятовскаго имѣло мѣсто при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости: онъ оказалъ тогда рѣдкій примѣръ уступками для нихъ. Бывшіе его крестья-

не, при инвентарномъ ихъ надѣлѣ земельными угодіями, получили отъ него еще въ даръ до 700 десятинъ земли, на населеніе ихъ въ 2,500 душъ; да, независимо убавленныхъ правительствомъ изъ выкупной ссуды 20 копѣекъ съ рубля, онъ убавилъ еще отъ себя такую же цифру ссуды, что составило, съ пониженіемъ платежей по выкупному договору, уступокъ его крестьянамъ, кромѣ подаренной имъ земли, свыше семидесяти тысячъ рублей. Независимо отъ этого, онъ подарилъ оставшимъ солдатамъ его имѣній—усадебной и огородной земли до 15-ти десятинъ на каждого. Необходимо замѣтить, что, по отношенію къ крестьянамъ, Понятовскій повторилъ вполне унаслѣдованное имъ отъ отца своего, полковника Іосифа Игнатьевича Понятовскаго, благородное побужденіе дѣлать добро; отецъ его подарилъ также своимъ крестьянамъ, за сорокъ предъ тѣмъ лѣтъ, капиталъ, свыше ста двадцати тысячъ, по записи, явленной въ кievской палатѣ гражданскаго суда, 13-го марта 1828 года; процентами капитала этого пользуются и теперь крестьяне бывшихъ имѣній Понятовскихъ, въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Херсонской. Сынъ благотворителя слѣдовалъ по его стопамъ: А. О. Понятовскій былъ доблестный воинъ, полезный гражданинъ и вѣрный слуга государю и отечеству.

И. Л. Варунъ-Секретъ.

Кіевъ.

ДОНЪ И ДОНЦЫ

въ прежнее и нынѣшнее время

(изъ дорожныхъ записокъ кавказскаго офицера¹⁾).

1877 г.

I.

Прежнія и нынѣшнія средства путей сообщенія.—Первая казачья станица Каменская.—Собесѣдникъ въ вагонѣ и его разсказъ о настоящемъ состоянн Донской области.

.....
Въ 1877-мъ году довелось мнѣ вторично проѣхать по Донской области, при поѣздкѣ на Кавказъ.

Сколько перемѣнъ, сколько нововведеннй произошло съ нашимъ югомъ въ послѣдннхъ два десятка лѣтъ! Въ 1851 году, Воронежъ отстоялъ отъ Москвы въ 70-ти часахъ хорошей почтовой ѣзды, а теперь, по существующей желѣзной дорогѣ, разстоянн это сокращено до 20¹/₂ часовъ ѣзды. И путь отъ Воронежа до Новочеркасска прежде, на почтовыхъ, совершался отнюдь не менѣе какъ въ 70 часовъ, а теперь та же желѣзная дорога уменьшила его до 22-хъ часовъ. А

¹⁾ Считаемо необходимымъ исправить слѣдующую погрѣшность: получивъ отъ Ад. П. Чеботарева статью: «Донъ и донцы» и отдавъ ее въ наборъ: мы упустили изъ виду заключавшнся въ письмѣ Адама Петровича слова «статья эта есть выдержки изъ дорожныхъ записокъ прнятеля моего, гнхотнаго кавказскаго офицера, предоставившаго въ мое полное распоряженн эти очерки моей родины, набросанные въ двукратный проѣздъ его по Донской области».

Такимъ образомъ—какъ первая статья, такъ настоящая и слѣдующая за ней—(«Донъ и донцы») не принадлежать перу Ад. П. Чеботарева, онѣ лишь сообщены имъ на страницы нашего издання. Ред.

сколько при этомъ сократилось противу нрежняго денежныя издержекъ для путешественника; сколько устранилось для него неудобствъ отъ недостатка средствъ на приобретение экипажа; сколько выигралъ онъ и для здоровья, и для спокойствія—сидя въ закрытомъ вагонѣ, а не трясясь на перекладной подѣ дождемъ и снѣжною метелью, плавно катясь по рельсамъ и не беспокоясь о трудныхъ и небезопасныхъ переправахъ черезъ рѣки и овраги, во время ледохода и весенней распутицы.

Все это промелькнуло въ моихъ мысляхъ, когда я, въ концѣ мая 1877 года, въ Воронежѣ, сѣлъ въ весьма комфортабельный вагонъ 1-го класса воронежско-ростовской желѣзной дороги. Черезъ 12½ часовъ я уже былъ снова на границѣ земли донскихъ казаковъ; но не въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ въ 1851 году въѣзжалъ на донскую территорию: желѣзный путь отъ Воронежа положенъ далеко вправо отъ бывшаго почтоваго пути, и первая казачья станція по желѣзному пути уже не при Донѣ, а при рѣкѣ Донцѣ, и называется «Каменская». Въ ней имѣютъ пребываніе атаманъ втораго военнаго отдѣла Донскаго казачьяго войска и окружное гражданское управленіе Донецкаго округа (уѣзда).

На Каменской станціи сѣлъ въ вагонъ ко мнѣ молодой человекъ—офицеръ Донскаго войска, ѣхавшій также въ Новочеркасскъ. Офицеръ этотъ оказался очень любезнымъ спутникомъ и человекомъ образованнымъ. Отъ него, въ продолженіе четырехъ часовъ пути, я узналъ многое о теперешнемъ состояніи его родины, что и вношу въ мои записки.

«Въ настоящее время общаго благоустройства донскаго края, нельзя было оставить у донцовъ всѣ обычаи ихъ старины, потому что многіе изъ нихъ имѣли мѣсто только въ эпоху дикой вольности казачьей. Прежде у казака не было ни крова, ни возможности заняться какимъ-либо домашнимъ хозяйствомъ, и онъ стрѣлою влеталъ въ сосѣдственные улусы татаръ, въ улицы богатаго Азова, громилъ за морями прибрежныхъ жителей Крыма и Анатоли, и возвращался съ богатыми средствами къ жизни. Теперь у него другіе, обильные источники и способы къ существованію: тучныя пажити, лошади, скоть, овцы, соль, каменный уголь, виноградъ. Прежде онъ учился войнѣ въ разгулѣ бушевавшихъ вокругъ него военныхъ буръ; теперь, когда бури эти давно уже утикли, онъ черпаетъ уроки военнаго дѣла изъ изустныхъ разсказовъ дѣда, отца, бывалыхъ людей, и дитя едвали не съ молокомъ матери всасываетъ эти идеи и усваиваетъ ихъ себѣ, какъ главный и необходимый элементъ его жизни. По всему этому, въ настоящее время, Правительство организовало весь

быть донцовъ уже сообразно съ бытомъ цѣлой имперіи; войсковое управленіе пригнѣкло къ общимъ законамъ государства; самое военное устройство донскихъ полковъ подвело подъ формы устройства всѣхъ полковъ арміи; неприкосновеннымъ же оставило только то, что неразрывно связано съ нарочитою, вѣковою особенностію образа службы казаковъ и съ ихъ назначеніемъ въ рядахъ русской рати, а въ домашнемъ быту оставило неприкосновеннымъ то, что составляетъ, такъ сказать, патріархальную часть ихъ правовъ и обычаевъ.

«Такимъ образомъ,—продолжалъ мой спутникъ,—такимъ образомъ, всѣ общенациональныя реформы, дарованныя нашему отечеству нынѣшнимъ царствованіемъ, распространились и на войско Донское: въ немъ такъ же, какъ и во всемъ государствѣ, помѣщичьи крестьяне освобождены отъ крѣпостнаго состоянія, съ земельнымъ надѣломъ; на территоріи донскихъ казаковъ есть уже и мировныя, и нотаріальныя учрежденія, а въ городѣ Новочеркасскѣ и въ станицѣ Устьмедвѣдичской существуютъ окружныя суды. И часть народнаго просвѣщенія въ средѣ донскихъ казаковъ получила теперь гораздо бѣльшее развитіе: Донское войско содержитъ на счетъ своихъ войсковыхъ капиталовъ въ московскомъ и харьковскомъ университетахъ—43 стипендіатовъ; въ академіяхъ медико-хирургической и земледѣльческой, въ институтахъ: горномъ, межевомъ, путей сообщенія, технологическомъ, ветеринарномъ и въ училищахъ: строительномъ, лѣсномъ, Лисинскомъ и Могарачскомъ—54 стипендіатовъ; въ военныхъ гимназіяхъ—77 стипендіатовъ; на донской территоріи существуютъ уже 2 классическія мужскія гимназіи, 2 гимназіи женскія, 5 прогимназій, 5 окружныхъ училищъ, 156 мужскихъ приходскихъ училищъ, 16 женскихъ училищъ 3-го разряда и 146 сельскихъ школъ; есть на Дону учительская семинарія, есть два реальныя училища, есть и фельдшерская школа; не говоря уже о давно существующемъ въ г. Новочеркасскѣ Маріинскомъ институтѣ, успѣвающимъ принести громадную пользу для края выпускомъ образованныхъ дѣвицъ, содѣлавшихся потомъ примѣрными матерями-хозяйками, а также не говоря и о новочеркасскомъ урядничьемъ училищѣ, ежегодно дающемъ для донскихъ полковъ значительный контингентъ хорошо приготовленныхъ для службы офицеровъ. На Дону существуютъ учебныя заведенія и для лицъ духовнаго званія, а именно: донская семинарія и два духовныхъ училища. Вообще, на народное образованіе своего края войско Донское жертвуетъ изъ своихъ капиталовъ ежегодно не менѣе 250,000 руб. сер.

. «На Донское войско распространены также и уставы о всеобщей воинской повинности, и донскіе казачьи полки—теперь уже вполне благоустроенны по организаціи своей, по фронту и по полковому хо-

зайству. Въ настоящее время войско Донское обязано имѣть въ постоянной готовности къ службѣ: 2 полка гвардіи, 60 армейскихъ конныхъ казачьихъ полковъ, 1 гвардейскую и 21 армейскую конноартиллерійскихъ батарей ¹⁾. Остальная численность казачьяго народонаселенія донскаго края (381 тыс. чел. мужескаго пола) должна составлять запасный контингентъ для защиты государства и содержать всё потребныя для донской территоріи караулы, разѣяды и посты. При этомъ и самый образъ службы донскихъ армейскихъ полковъ измѣнился къ лучшему: теперь они служатъ не отдѣльно каждый изъ нихъ, а во фронтѣ регулярныхъ кавалерійскихъ дивизій (въ каждой дивизіи 3 полка регулярной кавалеріи и 1 полкъ Донской казачій), да сверхъ того есть одна особая, собственно Донская казачья дивизія, изъ четырехъ полковъ. Кстати замѣчу, — заключилъ рассказъ мой спутникъ, — что Донское войско выслало уже нинѣ на службу государству оба гвардейскіе полка свои, 39 полковъ армейскихъ и всё свои 22 артиллерійскія батареи.

Черезъ территорію донскихъ казаковъ теперь лежитъ уже нѣсколько паровыхъ желѣзныхъ дорогъ, а именно: воронежско-ростовская, на пространствѣ, собственно по донскимъ землямъ, 280 верстъ; грязецарицынская на 250 вер.; харьково-азовская на 140 вер.; волгодонская на 40 верстъ. Сверхъ того есть нѣсколько соединительныхъ рельсовыхъ вѣтвей отъ упомянутыхъ дорогъ съ торговыми и промышленными пунктами донской земли, да еще предполагается провести рельсовый путь отъ донской Калачевской пристани къ Лисичанскимъ приискамъ каменнаго угля и къ Луганскому литойному заводу.

Воронежско-ростовская желѣзная дорога проходитъ близко отъ Грушевскихъ рудниковъ каменнаго угля, а отъ желѣзно-дорожной станціи Максимовки, не доѣзжая до Новочеркасса 30 верстъ, отдѣляются вѣтви до главныхъ мѣстъ разработки этого минерала—Грушевки и Атюкты. Теперь каменноугольный промыселъ на Дону принялъ уже значительные размѣры, и угля добывается не менѣе 25 милл. пудовъ въ годъ.

Да, нельзя не согласиться съ вѣрованіемъ моего спутника, что родинѣ его предстоитъ блестящая будущность и что она быстро разовьется свой экономическій бытъ—это и теперь уже доказывается многими данными, а также и тѣмъ, что «донское торговое общество», состоявшее изъ 500 лицъ, возрасло до 1 тысячи человекъ, да и такая, дозволенная цифра его состава не исчерпываетъ еще цифры желающихъ поступить въ это общество.

¹⁾ Учебный и рабочій полки упразднены.

II.

Новочеркасскъ. — Общій взглядъ на него и въкоторыя его особенности. — Историческія свѣдѣнія объ атаманахъ войска Донскаго за трехсотлѣтнее существованіе войска.

Не видѣвши города Новочеркасска съ 1851 года и въѣзжая въ него чрезъ 26 лѣтъ, я, на каждомъ шагу, поражался удивленіемъ къ громадной въ немъ за это время перемѣнѣ къ лучшему: всюду новыя, весьма хорошей архитектуры, большіе дома; тамъ и сямъ красуются выѣски большихъ гостинницъ, модныхъ магазиновъ, фотографическихъ кабинетовъ, кондитерскихъ, булочныхъ и другихъ заведеній, вызываемыхъ современною потребностью общественной жизни. Всѣ новочеркасскія улицы хорошо вымощены камнемъ и содержатся чисто; извозничьихъ дрожекъ много и—довольно приличныхъ; городъ освѣщается фотогеномъ, но говорятъ, что нынѣшнее освѣщеніе требуетъ еще многихъ улучшеній, тѣмъ болѣе, что обиліе близъ Новочеркасска каменнаго угля могло бы дать ему и газовое, недорогое освѣщеніе.

Противъ дворца Августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, въ которомъ помѣщается войсковою наказный атаманъ, находится нынѣ памятникъ знаменитому донскому атаману, графу Платову. Памятникъ этотъ поставленъ въ 1853 году и представляетъ героя отечественной войны въ развѣвающейся буркѣ, съ гетманскою булавою въ одной и съ обнаженною саблею въ другой рукѣ, устремляющимся съ возставшимъ народонаселеніемъ Дона въ сѣчу на нахлынувшихъ враговъ Россіи. Долго, въ раздумьи, стоялъ я предъ этимъ изображеніемъ; въ головѣ моей промелькнули всѣ событія славнаго 1812 года и въ памяти пронеслись строфы В. А. Жуковскаго изъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ».

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
 Вождь невредимыхъ, Платовъ!
 Твой очарованный арканъ
 Гроза для супостатовъ.
 Орломъ шумишь по облакамъ,
 По полю волкомъ рыщешь,
 Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
 Бѣдой имъ въ уши свищешь;
 Она лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
 Деревья сыплютъ стрѣлы;
 Она лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
 Лишь къ селамъ—выпнать селы!

И что теперь этотъ «вихорь-атаманъ»?... Прахъ его покоился у стѣнъ начатаго имъ, но доселѣ еще неоконченнаго, соборнаго храма г. Новочеркаскя; а года два-три тому назадъ, оставшіеся потомки донскаго витязя пожелали перенести его прахъ на бывшую въ пяти верстахъ отъ Новочеркаска мзгу знаменитаго атамана, на которой онъ и жилъ на родинѣ во все время отдохновенія отъ военныхъ бурь. Говорять, что когда приступили къ перенесенію изъ Новочеркаска на Мышкинскую мзгу останковъ донскаго героя, то нашли гробъ его развалившимся и въ этомъ гробу черепъ, да нѣсколько костей, да остатокъ одного эпюлета... Мнѣ рассказывали, что этотъ сказочный богатырь, сломленный тяжкимъ недугомъ и тщетно борившійся съ нимъ, произнесъ въ послѣднюю свою минуту: «слава, слава! гдѣ ты, и на что теперь пригодилась мнѣ?». Такъ говорилъ умирающій и истомленный физическими страданіями человекъ, но человекъ этотъ былъ герой; имя и дѣла его не умерли и никогда не умрутъ во славу отечества и въ назиданіе будущихъ поколѣній русскихъ воиновъ.

Городъ Новочеркаскъ теперь имѣетъ здоровую воду и въ большомъ количествѣ: 15 лѣтъ тому назадъ она проведена сюда изъ за 30-ти-верстнаго разстоянія. Въ городъ, находящійся на довольно возвышенномъ мѣстѣ, она поднимается паровою машиною и наполняетъ устроенные въ нѣсколькихъ пунктахъ большіе резервуары, изъ которыхъ течетъ по трубамъ, положеннымъ на многихъ улицахъ, а также и въ городской садъ, нынѣ весьма разросшійся и составляющій лучшее гулянье для новочеркасскихъ жителей. Водопроводъ этотъ, ежедневно дающій 100,000 ведръ воды, и стоющій Донскому войску болѣе 600,000 руб. сер., устроенъ инженерами—барономъ Дедльвигомъ и Бѣлелюбскимъ.

Имѣя возможность пробыть въ Новочеркаскѣ нѣсколько дней, я осмотрѣлъ въ немъ все замѣчательное, и повторю еще разъ: этотъ городъ—одинъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ нашихъ; все въ немъ показываетъ полное усвоеніе цивилизованной жизни и требуемыхъ ею условий и удобствъ. Существующія въ Новочеркаскѣ учебныя заведенія носятъ характеръ, какой требуется современнымъ положеніемъ края и его народнымъ бытомъ; тѣмъ же требованіямъ отвѣчаютъ судебныя и административныя мѣстныя учрежденія, а общественная жизнь развилась уже до общаго уровня съ извѣстными по развитію городами нашими; въ этомъ я вполне убѣдился, побывавъ въ новочеркасскомъ дворянскомъ собраніи и въ купеческомъ клубѣ, а также познакомясь съ нѣсколькими здѣшними домами, въ которыхъ нашолъ самое обязательное радушіе и чисто русское хлѣбосольство. Впрочемъ, общему развитію донскихъ казаковъ нельзя и удивляться—по большому

числу существующихъ на ихъ территоріи учебныхъ заведеній, по обилію для донцовъ стипендій во многихъ высшихъ образовательныхъ учрежденіяхъ на мѣстные общественные капиталы, и, наконецъ, потому, что служба донцовъ на всѣхъ предѣлахъ имперіи представляетъ имъ случаи видѣть и заимствовать для себя и для своего домашняго быта всякія разумныя улучшения.

Написавши эти строки, я счелъ умѣстнымъ привести здѣсь слѣдующій любопытный рассказъ одного изъ интеллигентныхъ лицъ вочеркасскаго общества.

У знаменитаго въ свое время литератора, Петра Романовича Фурманна, былъ, въ 1851 году, по какому-то случаю, званый обѣдъ. На обѣдѣ этомъ, въ числѣ другихъ гостей, находились—Гречъ, Булгаринъ, Кукольникъ, Мосальскій и полковникъ Донскаго войска. За столомъ витѣствовалъ Н. И. Гречъ, размахисто рисуя высокую цивилизацію народовъ Западной Европы. Среди заобѣденныхъ тостовъ, хозяинъ предложилъ тостъ и за присутствующаго донца. Послѣ этого тоста Гречъ обратился къ донскому полковнику съ вопросомъ:

— «А что—какъ теперь поживаютъ на Дону? Начинаютъ ли исчезать вочевья? Дѣлаетъ ли успѣхи христіанская проповѣдь? И, вообще, показываются ли на Дону какія-нибудь начала европейской жизни?»

Донской полковникъ, видимо, смутился; лицо его выразило крайне недоумѣніе... Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, онъ, дрожащимъ отъ сильнаго волненія голосомъ, произнесъ:

— Извините меня, Николай Ивановичъ; но я, въ свою очередь, хочу сдѣлать вамъ вопросъ—серіозно ли вы спрашиваете меня, или хотите шутить? Къ подобной шуткѣ я не вижу никакихъ побудительныхъ причинъ. Стало быть, вы спрашивали серіозно... И поэтому я не могу не высказать того, что чувствую теперь... Вы изъѣздили всю Европу, вы такъ глубоко изучили бытъ и нравы всѣхъ ея народовъ, вы такъ подробно описали всѣ закоулки Германіи, а вовсе не знаете даже замѣчательныхъ областей «нашего» отечества, для сноровъ котораго вы написали и грамматику ихъ языка... Повторяю, что если вы спрашивали меня о нынѣшнемъ состояніи Дона «серіозно», то я вамъ отвѣчу, что нынѣшніе донцы вполне осѣдлые, вполне русскіе люди, русскіе люди не только по происхожденію, по религіи, по языку, по жилищамъ ихъ и нравамъ, но даже и по уровню цивилизаціи со всѣми обитателями русскихъ губерній...

Гречъ вскочилъ съ своего мѣста и разсыпался въ извиненіяхъ. «Да,—говорилъ онъ,—я кругомъ виноватъ. Я, вообще, бываю иногда самымъ непростительнымъ болтуномъ. Да вотъ приведу вамъ и до-

казательство этого: прїѣхалъ я въ Вѣну, остановился въ большомъ отеле; хожу по Вѣнѣ день, другой, третій. Сижу однажды за table d'hôte и слышу между сосѣдами своими воскваленія всезнанію вѣнской полиціи—я не выдержалъ и разразился возраженіями противъ ея всезнанія. «Я нѣсколько дней уже въ Вѣнѣ,—говорю я,—хожу по Вѣнѣ, рассматриваю ея примѣчательности, брожу по улицамъ, по магазинамъ, по рынкамъ; а вѣнской полиціи словно и нѣтъ на свѣтѣ, она и не знаетъ обо мнѣ, она не спрашивала у меня паспорта, не сдѣлала даже и вопроса—кто я!» Тогда сидѣвшій подлѣ меня прилично одѣтый господинъ вынулъ изъ своего бокового кармана записную книжку и, перевернувши въ ней нѣсколько листовъ, показалъ мнѣ слѣдующую отмѣтку: «Гречъ—русскій литераторъ; безвредный болтуня; не обращать на него вниманія». Я покраснѣлъ. Молча возвратилъ записную книжку любовному сосѣду своему и—до конца обѣда не промолвилъ уже ни одного слова.

Этотъ рассказъ Греча покрить былъ взрывомъ смѣха всѣхъ гостей Фурманна.

Въ Новочеркасскѣ я слышалъ также слѣдующій случай съ другимъ писателемъ нашимъ, Нест. Вас. Кукольникомъ.

Въ 1847 году, Кукольникъ, служившій тогда въ военномъ министерствѣ, прїѣхалъ въ Новочеркасскъ по служебному порученію военного министра, князя Чернышева, и, благодаря своей литературной извѣстности, былъ радушно принятъ новочеркасскимъ обществомъ. По примѣру Пушкина, написавшаго въ 1829 году, при проѣздѣ своемъ съ Кавказа чрезъ Донъ, извѣстный великолѣпный экспромтъ этой исторической рѣкѣ ¹⁾, Кукольникъ сочинилъ и свой экспромтъ Дону. Экспромтъ этотъ былъ слѣдующій:

«Здорово, Донъ сѣдой! Здорово, Донъ унылый!
 Какъ родина моя, ты мнѣ стала святъ и милъ;
 Я полюбилъ тебя со всей казацкой силой;
 Печали всѣ твои къ душѣ своей привилъ...
 Казацкая была страшна когда-то сила:
 Донскими лодками ты пѣнилъ Черный Понтъ,
 И кланялся тебѣ Азовъ и Трапезонтъ...
 Но ты разбогатѣлъ, и зависть страхъ смѣнила...

¹⁾ «Блеща средь полей широкихъ,
 Вотъ онъ льется... Здравствуй, Донъ!
 Отъ синовъ твоихъ далѣекихъ
 Я привезъ тебѣ поклонъ» (и проч.)

И сочнымъ гроздіемъ, и рыбой, и виномъ,
 И углемъ каменнымъ, и солью, и скотомъ
 Богатъ ты, старій царь Азовскаго поморя!
 Тебѣ не надобно сторонняго подспорья!..
 Богатъ... а самъ въ нуждѣ..
 Тебѣ одна бѣда предшествуетъ бѣдѣ..
 Какъ трупъ въ стѣнѣ лежишь..
 Какъ у младенца снить твоя простая совѣсть..
 Бредешь ты нищенкой и про себя ворчишь
 Геройскихъ дѣлъ и бѣдъ страдальческую новѣсть..
 Я вслушался въ нее; она вездѣ со мной;
 Несу ее въ себѣ, и донесу къ потомкамъ..
 Вслесни же, старій Донъ, могучею волной;
 Благословеніе дай казачества обломкамъ..
 Вѣдь ты—предъ смертію, твоя часть послѣдній бьетъ,
 И твой свершается предѣлъ, его никто же не преидеть...

Экспромптъ свой Кукольникъ продекламировалъ за ужиномъ, среди довольно большаго общества, въ домѣ одного изъ жителей Новочеркасска, и произвелъ на присутствующихъ чрезвычайно грустное впечатлѣніе.

Утромъ слѣдующаго дня узналъ уже объ этомъ экспромптѣ и тогдашній атаманъ, Власовъ. Маститый старецъ былъ пораженъ такою бестактною выходкою радушно принятаго донцами гостя-поэта и—немедленно послалъ за нимъ.

«Какъ это вы позволили себѣ, вчера, въ обществѣ донцовъ, рисовать такую мрачную и совершенно невѣрную картину теперешняго состоянія Дона?»—строго сказалъ атаманъ Власовъ Кукольнику. «Ты machишь дни въ нуждѣ!» «Ты бредешь нищенкой!» «Тебѣ не нужно сторонняго подспорья!» «Ты—передъ смертію!» «Дай благословіе обломкамъ казачества!»...—Что это вы наговорили? Да знаете ли вы, милостивый государь, что всѣ эти ваши слова могутъ родить массу различныхъ толковъ въ народѣ, патріархально живущемъ вдали отъ столицы и видящемъ въ присланномъ изъ министерства чиновникѣ человека, которому извѣстны виды правительства къ какимъ-либо перемѣнамъ въ нашемъ краѣ?»

Кукольникъ совершенно растерялся и могъ проговорить только:

— Ничего, рѣшительно ничего не слыхалъ я въ министерствѣ ни о какихъ перемѣнахъ для Дона... извините!.. простите!.. Это продекламировалъ я такъ... изъ одной поэтической фантазіи и... бывши въ возбужденномъ состояніи отъ донскаго вина...

— «Извольте же, милостивый государь, сего же дня, вечеромъ, въ томъ же самомъ домѣ и среди того же, вчерашняго, общества, сознаться—что вся эта декламация была только ваша, «возбужденная донскимъ»

виномъ» поэтическая фантазія, не имѣющая ни малѣйшей для себя основы; а я попрошу хозяина дома пригласить къ себѣ и сегодня вчерашнихъ гостей его».

Такъ всё и состоялось. Экспромптъ сконфуженнаго Кукольника кануль, безслѣдно, въ Лету.

Собирая въ Новочеркасскѣ дополнительныя свѣдѣнія о заинтересовавшемъ меня, въ двѣ мои поѣздки, Донскомъ краѣ, я узналъ, что нынѣ земля донскихъ казаковъ переименована въ «область войска Донскаго». Войсковое правленіе войска Донскаго носить уже названіе «Областнаго правленія», войсковое дежурство называется «Войсковымъ штабомъ», окружные генералы донскихъ военныхъ округовъ переименованы въ «атаманы военныхъ отдѣловъ», и самое военное управленіе войска раздѣлено не на четыре, — какъ было прежде, — а на пять военныхъ отдѣловъ. Узналъ я также, что Донская область въ отношеніи своего народонаселенія представляетъ нынѣ и большую численность, и большее разнообразіе его сословій. Такъ, въ прежнія времена, на донской территоріи обитало исключительно казачье населеніе, — потомъ, съ появленіемъ въ средѣ его дворянства, стали приобрѣтаться этимъ новымъ сословіемъ крестьяне, а нынѣ, съ развитіемъ въ Донскомъ краѣ торговли, съ улучшеніемъ въ немъ путей сообщенія и со введеніемъ общихъ судебныхъ, мировыхъ и нотаріальныхъ учрежденій, на Дону обитаютъ уже лица всѣхъ сословій государства и даже иностранныя подданные. Теперь народонаселеніе Донской области простирается до 1,300,000 человекъ обоаго пола; область ежегодно производитъ до трехъ милліоновъ четвертей хлѣба.

Въ Новочеркасскѣ мнѣ удалось также получить свѣдѣніе о всѣхъ атаманахъ донскихъ казаковъ за время болѣе трехсотлѣтняго существованія этого войска. Считаю это свѣдѣніе вполне интереснымъ, я привожу его здѣсь въ той формѣ, въ какой оно мнѣ передано, но нахожу нужнымъ пояснить, что въ прежнія времена (до 1738 г.) донскіе казаки избирали себѣ войсковыхъ атамановъ сами, опредѣленіемъ «войскаго круга», на одинъ, на два, или на три года, и часто, отправляясь въ какую-либо военную экспедицію, атаманъ самъ предводительствовалъ ею; если же отрядъ экспедиціи раздѣлялся на двѣ, или болѣе частей, то отдѣляющіяся части избирали изъ своей среды особыхъ для себя атамановъ, а на Дону, во всякомъ случаѣ, оставался войсковой атаманъ кромѣ того, который пошелъ въ походъ съ казаками. Бывали, впрочемъ, и такіе случаи, что живущіе въ верхнихъ по р. Дону городкахъ казаки, изъ совмѣстничества къ преобладающему вліянію казаковъ нижнихъ по Дону го-

родковъ, избирали себѣ другихъ войсковыхъ атамановъ, изъ лицъ своихъ же городковъ.

Вотъ полученное мною свѣдѣніе объ атаманахъ Донскаго войска, съ 1544-го года по настоящее время:

Съ 1544 по 1566 г. Павловъ и Ляпунъ.

Подъ ихъ начальствомъ донцы участвовали съ російскими войсками въ покореніи царства Астраханскаго.

1569 и 1570 года. Михайлъ Черкашенинъ.

При немъ, въ 1570 году, пожалована донскимъ казакамъ первая похвальная царская грамота, и началось, признанное російскими государями, историческое существованіе войска Донскаго.

Съ 1579-го года. Ермакъ Тимофѣевичъ. (Утонулъ въ Иртышѣ въ 1584 г.). Предводительствуя нѣсколькими донскими отрядами, онъ громилъ, по волѣ Іоанна IV, ногайскіе улусы и своими успѣхами навелъ на нихъ такой страхъ, что они послали пословъ просить у царя пощады; но, упоенныя успѣхами, Ермаковскія дружины обратили уже свое оружіе и на всё, что встрѣчалось имъ на берегахъ и водахъ Волги, такъ что подручные Ермака, Кольцо и Барбоша, начали на возвращавшихся изъ Россіи татарскихъ пословъ и ограбили не только ихъ, но и ѣхавшаго съ ними царскаго посла, Пеледелицина. Іоаннъ Грозный приказалъ тогда своимъ войскамъ «устремитесь на Ермаковскія дружины и уничтожить ихъ, а кто будетъ захваченъ живымъ—казнить». Устрашенный царскимъ гнѣвомъ, Ермакъ отдался съ своими буйными дружинами отъ береговъ Волги; но вскорѣ получилъ приглашеніе братьевъ Строгановыхъ загладить свои проступки честнымъ дѣломъ, собралъ свои дружины, убѣдилъ ихъ въ преступности дѣяній и заключилъ свою рѣчь словами: «слыва ворами—не найдемъ мы спокойнаго убѣжища на землѣ; а отринутые Богомъ—не узримъ царствія небеснаго; смоемъ же пятно наше или честною службою, или славною смертію!». Всѣ дружины загремѣли:—идемъ, идемъ на помощь Строгановымъ!—и 540 удалцовъ, поднявъ знамя свое, ринулись къ Чусовымъ городкамъ совершать славный, историческій подвигъ покоренія царства Сибирскаго російскому скипетру.

Съ 1581 по 1584 годъ. Иванъ Кишкинъ.

Извѣстенъ своею твердою вѣрностію царю, когда на Донъ врывались шайки польскихъ разбойниковъ, грабили все, что встрѣчалось имъ, и старались увлечь къ тому же и донскихъ казаковъ въ отношеніи набѣговъ на русскія украины.

Съ 1584 по 1596 годъ упоминаются въ актахъ одновременно: Семенъ Воейковъ, Федоръ Смирной, Василій Жигулинъ, Иванъ

Носъ, Иванъ Трубечкихъ, Василій Кабанъ, Прокофій Трубченинъ, Никита Болдырь, Афанасій Савастьяновъ.

Нѣкоторые изъ этихъ атамановъ оказали особыя услуги государству; такъ, въ 1591 году, когда 150-ти-тысячная рать татаръ (ногайскихъ, султанскихъ, азовскихъ и бѣлгородскихъ), предводительствуемая крымскимъ ханомъ, спѣшно шла къ Москвѣ, чтобы неожиданно напасть на нее, разграбить и предать все огню и мечу, — тогда донскіе атаманы, Смирной и Жыгулинъ, схватившіе у татаръ нѣсколько человекъ въ плѣнъ и отъ нихъ узнавшіе о силѣ непріятеля и объ умыслѣ его на Москву, поспѣшили извѣстить о томъ царя, пославъ къ нему гонцовъ своихъ разными окольными путями, а чрезъ это царскія войска имѣли время приготовиться къ встрѣчѣ непріятеля, разбили его на голову и преслѣдовали бѣгущія толпы его далеко за черту русскихъ владѣній. Такъ и въ 1594 году, извѣстясь, что турки изъ Азова и татары изъ Крыма пошли на російскія украины, донскіе атаманы—Трубченинъ, Болдырь и Савастьяновъ—бросились нѣсколькими отдѣльными отрядами загородить непріятелю обратный путь, разбили его и отняли болѣе 600 русскихъ плѣнныхъ. Въ этотъ же періодъ времени, донцы, тайно поощряемые отъ нашего двора, непрерывно устремлялись на крымскіе улусы, чтобы останавливать ихъ воровскія предпріятія на наши украины.

Съ 1603 по 1613 годъ. Андрей Корело и Михаилъ Чершенскій.

Цари, Іоаннъ Грозный и Федоръ Іоанновичъ, вполне сознавали пользу, приносимую государству бдительностью на его границахъ донскихъ казаковъ отъ вторженія въ наши предѣлы турецкихъ и татарскихъ ордъ, и поэтому не только извиняли нѣкоторые случаи ихъ своевольства, но даже ласкали ихъ и жаловали деньгами, сукнами, хлѣбомъ, порохомъ и свинцомъ. Вся эта система отношеній нашего двора къ донцамъ совершенно измѣнилась съ воцареніемъ Бориса Годунова: онъ прекратилъ имъ и жалованье, и дары, строго запретилъ вѣздъ въ Москву и во всѣ російскіе города и, наконецъ, для угрозы имъ, построилъ на р. Донцѣ укрѣпленный городъ Царѣво-Борисовъ. Въ такомъ отчужденномъ и обидномъ положеніи находились донскіе казаки, когда явился въ Польшѣ самозванецъ подъ именемъ царевича Димитрія. Руководимый поляками, знавшими о принятой Годуновымъ строгости надъ донцами, онъ послалъ на Донъ своего гонца съ грамотою, «что онъ истинный сынъ перваго царя русскаго, которому донцы, эти вольные христіанскіе витязи, присягнули въ вѣрности; что у него похищенъ престолъ измѣною и злодѣйствомъ», и звалъ ихъ «свергнуть недостойнаго раба съ отеческаго трона».

Эта грамота потрясла сердца донцовъ изумленіемъ и радостью, но и тогда, боясь обмана, они рѣшили, чтобы самъ атаманъ ихъ, Корело, отправился въ Польшу провѣдать все о царевичѣ, на мѣстѣ. Видя въ Краковѣ, на сеймѣ, отъ всѣхъ польскихъ вельможъ и отъ самого короля, Сигизмунда, царскія почести, оказываемыя царевичу, Корело не усомнился принять его истиннымъ сыномъ царя русскаго и былъ челоюъ ему, какъ законному государю. По возвращеніи на Донъ, Корело объявилъ въ «войсковомъ кругу» о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ Польшѣ относительно царевича, и «кругъ» рѣшилъ: «поднять все казачье населеніе, чтобы возвести сына царскаго на отчий престолъ». Немедленно же Корело отправился, съ 6-ю тысячами казаковъ, на встрѣчу мнимому царевичу, а потомъ пришелъ къ нему и другой донской атаманъ, Михаилъ Черпенскій, съ новымъ отрядомъ казаковъ, въ 4 тысячи человекъ.

Къ несчастію, въ 9-ти-лѣтній періодъ смутъ, удручавшихъ Россію отъ появленія нѣсколькихъ самозванцевъ, донскіе казаки также увлекались общимъ тогда народнымъ смятеніемъ и, проникаясь притворенностію къ царскому дому, принимали сторону то одного, то другаго самозванца, пока атаманъ Черпенскій не убѣдился, что они защищаютъ наглыхъ обманщиковъ. Пришедши къ такому убѣжденію, Черпенскій первый оставилъ сторону самозванцевъ и ушелъ со своими казаками на Донъ, когда войска русскія еще сражались за самозванцевъ; узнавши же объ единодушномъ избраніи, боярами и народомъ, царемъ—Михаила Ѳеодоровича Романова, Черпенскій тотчасъ послалъ въ Москву, по старому обычаю, легковую станицу—бить челоюъ государю отъ всего Донскаго войска. Новый царь принялъ эту станицу весьма милостиво, щедро одарилъ ее и послалъ съ нею на Донъ похвальную грамоту и жалованье, а митрополиты выразили Донскому войску, въ краснорѣчивой грамотѣ, благословеніе духовенства всего вселенскаго собора.

Съ этого времени, т. е. со времени вступленія на російскій престолъ дома Романовыхъ, донскіе казаки вполне уже подчиняются царской власти и неуклонно слѣдуютъ всѣмъ ея указаніямъ въ отношеніи своей службы.

Съ 1613 по 1633 годъ. Епифанъ Родигловъ, Ѳеодоръ Татаръ и Исая Мартемьяновъ.

Они попеременно избирались въ атаманы «войсковымъ кругомъ» въ теченіе 20-ти лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени, хотя и была нѣсколько разъ прерываема мирная жизнь между казаками съ одной стороны и азовцами и крымцами съ другой, но всегда только вслѣдствіе край-

ней обиды, наносимой донцамъ ихъ буйными сосѣдами, неожиданно нападавшими на казачьи городки, грабившими ихъ, предававшими ихъ огню и увозившими въ плѣнъ захваченныхъ донскихъ обывателей. Въ эти же годы были и такіе случаи, что донцы, ожесточенные убійствами и грабежами мусульманъ, не довольствовались уже отплатою имъ взаимными набѣгами на Азовъ и Крымъ, но въ челнахъ своихъ перешливать черезъ Черное море, брали съ боя города Синопъ и Трапезонтъ, жгли и разворяли берега Анатолиі и даже окрестности самаго Константинополя. Эти подвиги ихъ, однакоже, возбуждали сильныя жалобы султана. Тогдашнія политическія дѣла Россіи заставляютъ царя Михаила Феодоровича объявить донцамъ свою опалу и задержать въ Москвѣ, въ заточеніи, присланную съ Дона легковую станицу съ повинною отъ казаковъ. Эту опалу царь вынужденъ былъ тѣми же политическими обстоятельствами продолжить почти два года (1631 и 1632); но, въ началѣ 1633 года, послалъ на Донъ милостивую грамоту свою. Донцы приняли ее съ великою радостію и тотчасъ же послали въ Смоленскъ значительный отрядъ свой въ помощь царскимъ войскамъ къ походу въ Литву, а узнавши, что крымцы и казыевскіе татары пошли во множествѣ на російскія украины, поспѣшили имъ на встрѣчу, мужественно ринулись на нихъ въ бой, одержали побѣду и разсѣяли ихъ.

Съ 1633 по 1643 годъ. Иванъ Каторжннй, Михайло Ивановичъ Татариновъ, Тимофѣй Яковлевичъ Яковлевъ, Наумъ Васильевичъ Васильевъ, Осипъ Петровичъ Петровъ.

Они такъ же, какъ и три послѣдніе предшественника ихъ, набирались «войсковымъ кругомъ» попеременно въ теченіе десяти лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени донскіе казаки проявляли кипучую дѣятельность на пользу Россіи: они присоединились къ царскимъ войскамъ въ походѣ противъ казыевскихъ татаръ, разбили ихъ скопища на рѣкахъ Еѣ, Донцѣ и Кумѣ; дѣлали удачныя поиски по Каспійскому морю и громили берега его; ходили наказать хищничествовавшихъ въ нашихъ предѣлахъ ногайскихъ татаръ; потомъ, оскорбленные набѣгомъ азовцевъ на донскіе городки, во время отсутствія своего въ походъ на ногаевъ, ринулись на стругахъ въ Азовское и Черное моря, разворили и сожгли многія татарскія и турецкія селенія у Керчи, а также на румелійскомъ и анатолійскомъ берегахъ; наконецъ, навали на Азовъ, овладѣли этимъ гнѣздомъ всѣхъ тогдашнихъ крамольниковъ Россіи, послали легковую станицу къ царю съ этою радостною вѣстію и просили его о помощи войсками и боевыми снарядами для удержанія за російскою державою этого важнаго города; но, когда

султанъ турецкій прислалъ, въ 1641 году, многочисленный флотъ и большія сухопутныя силы—турекъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ, горскихъ черкесовъ, волоховъ, сербовъ, арабовъ и арнаутовъ— для отнятія у казаковъ Азова обратно, о помощи же отъ царя войсками не было никакихъ свѣдѣній:—то горсть донцовъ, подъ начальствомъ атамана Петрова, геройски выдержала извѣстное въ исторіи «славное азовское сидѣніе» и отстояла Азовъ, претерпѣвши, во время осады его, голодъ и странную смертность не только отъ непріятельскаго огня, но и отъ заразы труповъ павшихъ товарищей своихъ. Однакожь, политическія обстоятельства Россіи не дозволили царю Михаилу Феодоровичу и на этотъ разъ воспользоваться геройскимъ приобрѣтеніемъ донцами Азова и, по рѣшенію нарочито собраннаго за сей случай земскаго собора, царь отправилъ къ донцамъ, въ 1642 году, грамоту, «чтобы они добровольно оставили Азовъ, такъ какъ сего требуетъ польза отечества, и что послушаніе ихъ будетъ новымъ доводомъ ихъ вѣрной службы». Донцы безпрекословно исполнили волю царя.

Съ 1643 по 1680 годъ, избирались войсковыми атаманами: Иванъ Каторжный, Осипъ Петровичъ Петровъ, Павелъ Феодоровичъ Феодоровъ, Корнилій Яковлевичъ Яковлевъ, Логинъ Семеновъ и Михайла Самаринъ.

Въ періодъ этотъ донскіе казаки совершили много удачныхъ походовъ, въ рядахъ царскихъ войскъ, противъ ейскихъ и терскихъ татаръ, противъ крымцевъ и даже противъ азовцевъ. Царь не только открыто уже покровительствовалъ имъ, но даже и подкрѣплялъ ихъ набранною по украинамъ вольницею, а потомъ сталъ посылать на помощь имъ и свое войско. Ободряемые успѣхами, донцы, въ этотъ періодъ, нѣсколько разъ предпринимали поиски и на Черное море: сжигали окрестности Синопа, Трапезонта и даже Константинополя; забирали въ плѣнъ и мужчинъ, и женщинъ, и, съ большою добычею возвращались на свою родину.

Въ этотъ же періодъ времени, донцы способствовали добровольному присоединенію калмыцкаго народа къ російской державѣ, послѣ чего калмыки начали присоединяться къ казакамъ для совмѣстныхъ дѣйствій по царскому дѣлу; а такъ какъ турецкій султанъ и крымскій ханъ, для прегражденія набѣговъ донцовъ на воды Азовскаго и Чернаго морей, построили у устій рѣкъ Дона и Мертваго Донца сильныя крѣпости, то казаки успѣли прорыть для своихъ струговъ искусственный водяной путь, такъ называемый «казачій ерикъ».

Изъ вышеназванныхъ шести атамановъ, два особенно замѣчательны: Осипъ Петровъ, какъ герой славнаго «азовскаго сидѣнья», и Корнилій Яковлевъ, какъ вѣрный слуга царскій, сумѣвшій схватить, заковать и представить въ Москву злодѣя, Стеньку, Разина. Атаманство Корнилія Яковлева замѣчательно еще и тѣмъ, что при немъ, въ 1671 году, донцы въ первый разъ дали присягу «въ вѣрнопопуданствѣ» россійскому государю.

(Оковчаніе слѣдуетъ).

ИННОКЕНТІЙ,

Архієпископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857 гг.

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1878 г., томъ XXI и XXIII, и изд. 1879 г., томъ XXIV, помѣщенъ очеркъ жизни и трудовъ знаменитаго іерарха російской церкви—Иннокентія, архієпископа херсонскаго и таврическаго, причемъ приведено множество ненаданнаго о немъ матеріала, состоящаго въ его письмахъ и замѣткахъ. Въ послѣдней главѣ очерка приведено, между прочими, письмо къ преосвященному отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, изъ Венеціи, 17-го января 1852 года, въ которомъ Его Высочество изволилъ спрашивать объясненія различныхъ мѣстъ нѣкоторыхъ молитвъ и духовныхъ пѣсней и изъявляетъ желаніе получить свидѣнія: «о преуспѣянїи на полуостровѣ Таврическомъ общежительствѣ», и вообще имѣть нѣкоторыя свидѣнія о духовной жизни ввѣренной Иннокентію паствы («Русск. Ст.», изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 691).

Иннокентій поспѣшнѣе отвѣчать на рескриптъ Августѣйшаго путешественника и затѣмъ имѣлъ счастье получить еще нѣсколько писемъ отъ Его Высочества, на которыя также отвѣчалъ подробно съ обычными ему краснорѣчіемъ, ясностью и увлеченіемъ...

Вся эта переписка благосклонно сообщена редакціи «Русской Старинѣ» Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и печатается здѣсь съ разрѣшенія Его Высочества.

Ред.

I.

Ваше Императорское Высочество! Удостоенный высокаго порученія Вашего, спѣшу представить Вамъ краткое поясненіе тѣхъ мѣстъ и выраженій нашего церковнаго молитвенника, кои темнотою своею запинали для Васъ стремленіе духа молитвеннаго. Поелки темнота сія происходитъ въ молитвенникѣ не отъ самаго предмета, а отъ образа его изложенія, то есть, отъ неточности и устарѣлости славянскаго перевода: то, для разсѣянія ея, естественно, надлежало обратиться къ подлиннику греческому и еврейскому, что и сдѣлано мною съ возможною точностію, безъ привода, однакоже, на бумагахъ самыхъ словъ подлинника, такъ какъ это, безъ особенной нужды, распространило бы сдѣланныя мною для Васъ примѣчанія и придало бы имъ школьный видъ. Гдѣ самый подлинникъ, особенно еврейскій, по глубочайшей древности языка и оригинальности выраженій, не представлялъ желанной ясности,—тамъ призвана была мною на помощь священная археологія, безъ ученаго, однако же, ея снаряда, который также показался мнѣ въ настоящемъ случаѣ неумѣстнымъ. Счастливымъ себя почту, если за симъ малый трудъ мой удовлетворитъ желанію Вашего Императорскаго Высочества представленіемъ для Васъ въ ясномъ свѣтѣ того, что доселѣ казалось темнымъ и невразумительнымъ,—тѣмъ паче, если къ сему новому свѣту—по вѣрѣ Вашей—присоединится свыше и новая теплота духа молитвеннаго.

Благодареніе Господу, что сей духъ не оставляетъ Васъ и въ настоящемъ примрачномъ положеніи Вашемъ! Если когда святая вѣра являетъ свою животворную силу для человѣка, то—въ минуты горести и испытаній. Продолжайте, благовѣрный Князь, возводить, съ вѣрою и упованіемъ, и видимо, и втайнѣ, очи сердца горѣ, къ Богу крѣпкому и живому, Который никогда не оставляетъ безъ помощи истинно уповающихъ на Него и можетъ сдѣлать для нихъ несравненно болѣе того, что въ состояніи произвести—всѣ силы природы и все усердіе искусства.

Въ немалое одобреніе и отраду служить для насъ, что юныя крымскія обители наши, несмотря на ихъ малость и незначительность, удостоились обратить на себя Августѣйшій взоръ Ва-

шего Высочества. При помощи благодати Божіей, которая обикла нарекать несущая яко суцая ¹⁾, они хотя медленно, но при-
ятно встають изъ тысячелѣтнихъ своихъ развалинъ. Прила-
гаемое при семъ печатное извѣстіе о главномъ скитѣ Успен-
скомъ можетъ служить тому нѣкоторымъ доказательствомъ. Вмѣ-
стѣ съ симъ, долгомъ почитаю довести до свѣдѣнія Вашего, что
въ концѣ прошедшаго года, по надлежащемъ соглашеніи съ мор-
скимъ начальствомъ, представлено мною Святѣйшему Синоду о
испрошеніи Высочайшаго соизволенія на передачу изъ морскаго
въ здѣшнее епархіальное вѣдомство священныхъ развалинъ Хер-
сонеса и Инкермана, окружающихъ собою съ двухъ противупо-
ложныхъ концовъ Севастополь, чтобы потомъ ознаменовать сіи
развалины устройствомъ на нихъ иноческихъ киновій—въ Хер-
сонесѣ во имя Равноапостольнаго Князя Владиміра, яко пріавшаго
тамъ св. крещеніе; въ Инкерманѣ—во имя священномучениковъ
Климентя и Мартина, яко тамо въ заточеніи подвизавшихся. Въ
Инкерманѣ для будущей киновіи послужать два малыхъ дре-
внихъ въ скалѣ храма, требующихъ небольшаго только исправ-
ленія, а въ Херсонесѣ на древнемъ фундаментѣ предположено
возстановить—въ первобытномъ ея видѣ—ту самую церковь, въ
всей, по всей вѣроятности, совершилось крещеніе св. Владиміра.
Такимъ образомъ южный Кронштадтъ нашъ оградится отъ вра-
говъ твердынями не только вещественными, но и духовными.

Не знаю, извѣстенъ-ли Вашему Императорскому Высочеству
недавно напечатанный въ «Запискахъ Одесскаго Общества древно-
стей» подорожникъ нашего посольства изъ Москвы въ Крымъ въ
1625 году, найденный въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.
Подорожникъ сей крайне примѣчателенъ,—для нашего особенно
края,—содержащимся въ немъ пророчествомъ одного изъ таври-
ческихъ угодниковъ Божіихъ о будущей судьбѣ Крыма въ от-
ношеніи къ Россіи. Если благоугодно, книга сія немедленно мо-
жетъ быть къ Вамъ выслана.

О духѣ паствы херсоно-таврической пастырю ея, хотя недо-
стойному, естественно желалось бы сказать предъ Вами что-либо
порадостнѣе. Но часъ радованія видимо еще не пришелъ для

¹⁾ Рим., IV, 17.

насъ: надобно трудиться и не спать, воздѣлывать почву и исторгать терны и волчцы; сѣять и поливать обѣими руками, ожидая успѣха во всемъ не отъ своего искусства и усилий, а отъ Того, Кто единъ можетъ возвращать посѣянное. При такихъ обстоятельствахъ, когда самая плоть, если можно такъ выразиться, здѣшней паствы еще не успѣла принять на себя полного и стройнаго образа человѣческаго, — трудно сказать что-либо определенное объ отличительной физиогноміи духа, ее оживляющаго, хотя онъ, по волюеу происходитъ отъ Бога, по выраженію евангелія, идѣ же хочетъ дышать, и гласъ его слышиши ¹⁾. По разнокачественности вошедшихъ въ составъ здѣшней епархіи племенъ и народовъ, въ этой физиогноміи, видимо, однако же, отличаются особыя народныя черты православія чисто-русскаго, древне и ново-греческаго, молдавскаго, болгарскаго и проч., что представляетъ собою богатый матеріалъ для наблюденій весьма поучительныхъ. По счастливому свойству русскаго духа объединять собою все разносоставное, сіи разности давно бы могли слиться въ одинъ стройный обликъ, если бы не мѣшала тому еще одна (несчастливая!) религіозно-характеристическая черта здѣшняго края, проивзникшая изъ свойства самаго происхожденія и образованія его, и состоящая въ томъ, что, живя среди иновѣрцевъ и иностранныхъ, подлежа непрестанно тлетворному вліянію изъ-за моря, рѣдкіе не привыкаютъ непримѣтно къ безразличію въ вѣрѣ и не становятся холодными къ св. обрядамъ своей церкви. Отраднo между тѣмъ видѣть, какъ христіанство, стоя у насъ лицомъ къ лицу съ магометанствомъ, даже безъ всякихъ человѣческихъ средствъ, рѣшительно обнажаетъ собою духовную бѣдность послѣдняго и, видимо, возносится надъ нимъ своимъ внутреннимъ превосходствомъ, по сознанію самихъ благомыслящихъ мусульманъ. Еслибы къ сей же высокой и святой цѣли приспособлено было хотя нѣсколько и наше гражданское уложеніе (теперь оно — странно сказать — въ явной противоположности съ нею!), — то побѣда Евангелія надъ Алкораномъ рѣшена была бы сама собою, что, конечно, и послѣдуетъ со временемъ.

Что сказать Вашему Императорскому Высочеству вообще о

¹⁾ Иоан., III, 8.

положеніи нашего края? Онъ, повидимому, прошелъ всю эпоху земнаго творенія: свѣтъ былъ, и не разъ, разлучаемъ отъ тьмы, вода—отъ суши; земля произрастила уже не мало растений и извела изъ себя животныхъ; самъ, здѣшній, человѣкъ давно изшелъ на дѣланіе свое до вечера и трудится много—до поту лица; но седьмаго дня успокоенія, блаженной субботы еще, видимо, нѣтъ у насъ, и она—не близко. Отъ чего? Между прочимъ, кажется, отъ того, что, когда Самому Господу, съ Его всемогуществомъ, угодно было употребить на твореніе семь дней, намъ показалось за возможное и за лучшее сократить его въ два-три дня, не наблюдая при томъ Божественнаго правила, подъ конецъ каждаго дня озираться на созданное въ продолженіе его, дабы видѣть, аще добро есть? Посему-то теперь, и послѣ безчисленныхъ трудовъ, и—такъ называемыхъ—улучшеній, когда нужно бываетъ посмотреть на все въ совокупности, тотчасъ видишь, что, при всемъ желаніи видѣть вещи съ ихъ лучшей стороны никакъ нельзя усвоить нашему краю онаго отраднаго и успокоительнаго глагола: и се вся добра зѣло! Если кому такимъ образомъ, то намъ, жителямъ новой Россіи, предлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ можно чаще обращаться съ молитвою къ Всемогущему Господину жатвы ¹⁾, дабы извелъ благихъ и бодрыхъ дѣлателей на нашу обширную, многообразную и далеко еще невоздѣланную ниву, и ниспослалъ имъ духа разума и совѣта, духа труда и терпѣнія, паче же всего—духа страха Божія, въ коемъ одномъ почиваетъ зиждательное начало для благоустроенія судьбы какъ частныхъ людей, такъ и цѣлыхъ странъ.

Ваше Высочество располагаетесь пробить въ Венеціи до апрѣля: куда же,—если не дерзновенно спросить,—послѣ того? Когда бы въ нашъ Крымъ, на южный берегъ его, гдѣ столько условій для возстановленія ослабѣвшаго здоровья и гдѣ къ тому времени, кажется, уготовано будетъ для Васъ покойное и благоприличное пристанище. Хотѣлось бы, наконецъ, для блага нашего края, упомянуть предъ Вами и еще объ одномъ, подобномъ желаніи, не моемъ только, но и всѣхъ, истинно разумѣющихъ положеніе наше; но, по древнему присловію, не надобно вдругъ желать

¹⁾ Матт., IX, 38.

многого. Когда югъ нашъ понравится Вамъ благораспореніемъ своего климата,—то это желаніе можетъ сбыться само собою.

За сямъ, предавъ себя всецѣло Августѣйшему благорасположенію Вашего Высочества, съ чувствомъ глубокаго душевнаго уваженія и неизблемой преданности, священнымъ долгомъ до конца жизни почитаю быть Вашего Императорскаго Высочества покорѣнѣшимъ послушникомъ Иннокентіи архіепископъ херсонскій.

27-го февраля 1852 г.

Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу.

Помѣта: «Получено въ Венеціи, 18-го (30-го) марта 1852 г.».

II.

Выписка изъ молитвенника стиховъ, требующихъ истолкованія.

Венеція, 1852 г.

Стр. молит.
ижев. изданія
1850 г.

- 3 Блаженіи испытующіи свидѣнія его.
— Оправданія твои сохранию.
— Въ чесомъ исправитъ юнѣйшій путь свой.
— Научи ми оправданіемъ твоимъ.
— Въ заповѣдехъ твоихъ поглумлюся.
4 Рабъ же твой глумляшеся въ оправданіихъ твоихъ.
5 Отыми пошешеніе мое, еже вѣщевалъ, яко судьбы твои благи.
— И хождахъ въ широтѣ, яко заповѣди твоя възскахъ.
— И глаголахъ о свидѣніихъ твоихъ предъ царя и не стыдахъ.
6 Усырися, яко млеко, сердце ихъ, азъ же закону твоему поучихся.
7 Исчезаетъ во спасеніе твое душа моя, на словеса твоя уповахъ.

Вникающіе съ усердіемъ въ повелѣнія Его.

Уставы Твои я буду соблюдать.

Какимъ образомъ юноша можетъ управить съ успѣхомъ путь своей жизни?

Уставамъ—заповѣдямъ Твоимъ, кои оправдываютъ человека, имъ слѣдующаго.

О заповѣдяхъ Твоихъ всегда буду размышлять съ удовольствіемъ.

А рабъ Твой продолжалъ размышлять о заповѣдяхъ Твоихъ.

Отврати отъ меня пошешеніе, котораго страшусь; ибо судьбы Твои благи.

Я ходилъ свободно, какъ по равнинѣ; ибо възскалъ повелѣній Твоихъ.

Буду говорить объ откровеніяхъ Твоихъ предъ царями и не постыжуся.

Огрубѣло сердце ихъ, какъ сгустившееся молоко: а я закономъ Твоимъ утѣшаюсь.

Истаиваетъ душа моя отъ желанія спасенія Твоего; на слова Твоя я уповаю.

7 Исчезоша Очи мои въ слово твое, глаголюще: когда утѣшиши мя; зане быхъ яко мѣхъ на славѣ, оправданій твоихъ не забыхъ.

— Во вѣкъ не забуду оправданій твоихъ, яко въ нихъ оживилъ мя еси.

СРЕДА.

8 Всякія кончины видѣхъ конецъ, широка заповѣдь твоя зѣло.

— Наслѣдовахъ свидѣнія твоя во вѣкъ, яко радованія сердца моего суть.

— Истала мя есть ревность твоя, яко забыша словеса твоя врази мои.

— Предварихъ въ безгодіи и возвахъ, на словеса твоя уповахъ.

19 Разбогѣють красная пустыни.

— Рцйте Господени: коль страшна дѣла твоя во множествѣ слышана твоя, солжутъ тебѣ врази твои.

21 Путесотворите возшедшему на запады.

— Царь силъ возлюбленнаго, красотою дому раздѣлѣти користи.

— Аще поспите посредѣ предѣлъ.

— Внигда разнствитъ небесный цари на ней оснѣжятся въ Селмонѣ.

Выглядѣлъ я глаза на слово Твое, говоря: когда же Ты утѣшишь меня? Стала я похожа на мѣхъ въ сильномъ дыму (то есть содѣлался унылъ, драхлъ и неспособенъ къ дѣлу); но уставовъ Твоихъ не забыхъ.

Во вѣкъ не забуду поведѣній Твоихъ, ибо Ты ими оживляешь меня.

СРЕДИНА.

Я видѣлъ предѣлъ всего совершеннаго: но Твоя заповѣдь крайне обширна.

Я усвоилъ себѣ откровенія Твоя на вѣкъ; ибо они составляютъ радость для моего сердца.

Ревность моя снѣдаетъ меня, видя, какъ мои враги забыли слова Твоя.

Съ греч. подлинника: во время безгодія и несчастія снѣшу къ Тебѣ и взываю, ибо на слова Твоя я уповахъ.

Съ еврейскаго: предвараю разсвѣтъ и взываю къ Тебѣ: ибо на слова Твоя уповаю.

Затучиваютъ пажити пустыняныя, то есть—сдѣлаются плодородными.

Рцйте Богу: коль страшныя Ты въ дѣлахъ Твоихъ; но безмѣрной силѣ Твоей преклоняются предъ Тобою, хотя неискренно, самыя враги Твои.

Равняйте—готовьте путь шествующему на запады.

Съ еврейск.—пустынею.

Царь воинствъ Возлюбленнаго дастъ власть раздѣлѣть добычи для украшенія дома.

Съ еврейск.: Цари воинствъ бѣгутъ, бѣгутъ; а сѣдѣющая дома дѣлать добычу.

Когда вы успокоитесь въ своихъ предѣлахъ (то есть—по занятіи земли Ханаанской).

Съ еврейск.: когда небесный (Владыка) разсвѣтъ царей на землѣ (ханаанскихъ), то они (израильяне) будутъ блистать, какъ свѣтъ на Селмонѣ.

22 Вскую нещуете горы усиренныя, гора юже благоволи Богъ жити въ ней, ибо Господь вселится до конца.

— Колесница Божія тмами темъ, тысяща гобзующихъ.

— Рече Господь: отъ Васана обрашу, обрашу во глубинахъ морскихъ.

— Запрети звѣрѣмъ тростянымъ, сонмъ юнецъ въ юнпцахъ людскихъ, еже затворити искушенныя серебромъ.

NB. Псаломъ LXVII, изъ коего выставлены 5 предшествующихъ мѣстъ, есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ къ разумѣнью, даже въ подлинникѣ еврейскомъ, по причинѣ неопредѣленности его предмета и множества намековъ на разныя малоизвѣстныя историко-географическія обстоятельства. Къ разумѣнью его можетъ служить истолкованіе сего псалма, названное преосвященнымъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ.

23 Углубохъ въ тмѣнныя глубины и нѣсть постоянія.

24 Да не потопитъ мя буря водная, ниже сведетъ о мнѣ ровенникъ усть своихъ.

25 Угодно будетъ Богу паче тельца юна, роги износяща и пазюкти.

Богородичень.
Ирмосъ

— Халдеи же оналяющее велѣніе Божіе, мучителя увѣща вопити...

31 Возитель милости извѣствованъ яко Богъ милостивъ.

33 Господоначальную Херувимъ и Богоначальную безъ сравненія Серафимъ.

Съ еврейск.: что завистливо смотрите вы, горы холмистыя? Вотъ гора, на которой Богъ благоволилъ обитать и на которой Господь будетъ жить вѣчно! (то есть—гора Сіонская, Іерусалимъ).

Колесницѣ Божіихъ тмы, тысящи тысячь.

Господь сказалъ: отъ (горы) Васана приведу, приведу изъ глубины морской.

Укrotи звѣря, живущаго въ тростникѣхъ (Египетъ), стадо воловъ съ тельцами народовъ (Сирію), чтобы они поверглися предъ Тобою съ слитками серебра.

Я увязъ въ блатѣ глубокомъ и не на чемъ остановиться.

Да не увлечетъ меня стремленіе воды, да не поглотитъ меня пучина, да не затворитъ надо мною колодезь отверстія своего.

Сіе Господу пріятнѣе, нежели юный телець, у коего только показываются рога и раздвоются копыта.

Пѣснь въ честь пресв. Богородицы. Съ греческ.—связь; такъ названы заглавные стихи въ каждой пѣснѣ канона, потому что ими опредѣляется порядокъ и размѣръ другихъ стиховъ, за ними слѣдующихъ.

Пламень, попалившій, по повелѣнью Божію, халдеевъ (Вавилонянъ), побудилъ самого мучителя (Навуходоносора) дать славу Богу.

Провозвѣщенная благожелательнице милости, яко божество премилосердое, трисвѣтлая единице, и проч.

Начальствующую надъ Херувимами, подобно Господу, и надъ Серафимами—подобно Богу.

33 Упакон гласа.

Упакон—съгреч.—значить послушаніе. Такъ называется стихъ, достойный особеннаго вниманія. Гласъ—особый напѣвъ, конхъ въ составѣ церковнаго пѣснопѣнія—восемь. Упакон гласа, слѣдовательно, есть упакон того гласа, который въ извѣстную недѣлю поется въ церкви.

34 Аще язкомъ неизбѣжныхъ и стропотныхъ и врѣвнхъ свѣтъ обяхомся.

Или если чрезъ языкъ мы уловлены въ неудобноизбѣжныя, лукаво запутанныя и крѣкія свѣта (врага).

44 Яко положиша я хребеть, во вбитцѣхъ твоихъ уготовиши лице ихъ.

Потому что Ты сокрушилъ силу (хребеть) ихъ; но, по избытку своей благодати, Ты сохраниши лице ихъ.

47 И начинаемъ шестопсалміе со всякимъ молчаніемъ и...

То есть чтеніе избранныхъ 6-ти псалмовъ—съ особеннымъ благоговѣніемъ.

— Пострадахъ и слякохся до конца.

Я утрудился, согбенъ и поникъ чрезмѣрно.

49 Яко отъ тука и масти да исполнятся душа моя.

Душа моя да исполнится тука (смысли) и елѣя (радости).

— Предадутся въ руки оружія, части лисовомъ будутъ.

Сражены будутъ ударомъ меча, достанутся въ добычу лисцамъ (шакаламъ).

54 Въ понедѣльникъ перваго трончя... а у прочихъ двою трончновъ глаголати.

На утрени, когда поется Аллилуія, а не Богъ Господь, напр., во дни четырехдесятницы, то вслѣдъ за сими поются или читаются трончныя—пѣсни во славу пресв. Троицы, заканчиваемыя словами: святъ, святъ, святъ еси, Боже нашъ, съ присовокупленіемъ въ каждый день недѣли особеннаго припѣва, напр., въ понедѣльникъ: предстательства безплотныхъ твоихъ, въ среду: силою креста твоего и проч. Трончновъ, по числу гласовъ пѣнія—восемь.

62 Икосъ

Икосъ съ гречес. буквально — домъ. Такъ называется пѣснь, непосредственно слѣдующая, въ канонѣ, за кондакомъ. въ которой подробнѣе и пространнѣе излагается мысль кондака, обыкновенно заключающаго въ себѣ изображеніе праздника или святаго только въ чертахъ общихъ.

64 Аще убо нѣсть недѣля, по вромсѣ: достойно есть, аще же недѣля, или полудней пѣтъ, по катавасіи эктевіа.

Если тотъ день, когда совершается служба, не есть воскресный, то, по окончаніи ирмосовъ, поется тотчасъ: достойно есть; если же будетъ

- И свѣтлень.
- 66 Ексапостиларія вся седмицы.
Крестобогородичень
- 67 Троицу почитати свяую, Апостоли спасовы.
Подобны.
- Предѣдателя мурлякѣйскаго Николая.
- 68 Хвалите Господа отъ земли, огнь, градъ, снѣгъ, голоть.
69 Да восхвалятъ ими его въ льдѣ, въ тимпанѣ и исалтыри да поють ему.
80 Тужъ свой затвориша, уста ихъ глаголаша гордыню.
84 Смятохся отъ гласа вражія и отъ служенія грѣшница.
85 Не дастъ въ вѣкъ молвы праведнику. Ты же Боже низведши я въ студенець истлѣвая.
- воскресный, или получелей (служеніе полупраздничное), то, послѣ прмосовъ, поется катавасія (пѣснь, для которой сходится оба хора на средину церкви), а за нею эктезія.
- Свѣтильны суть особыя пѣсни, непосредственно слѣдующія за канономъ, въ конхъ содержится прошеніе о ниспосланіи свѣта чувственаго и духовнаго; ибо вслѣдъ за ними, послѣ ис. (148): хвалите Гда съ небесъ, возглашается служащими: слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!
- Ексапостиларій—стихъ, для пѣнія коего высылался изъ клироса на средину церкви особый пѣвецъ; вся седмицы—въ продолженіе всей недѣли.
- Въ пѣсняхъ сего рода Богоматерь представляется при крестѣ оплакивающимъ страданія І. Христа.
- Апостолы Спасы І. Христа, шедше, проповѣдали по всей подсолнечной истинно святое воплощеніе Христа отъ Дѣвы, обращая язычниковъ отъ заблужденій, просвѣщая и научая всѣхъ почитать св. Троицу.
- Суть пѣсни, составленныя по напѣву и размѣру самогласновъ, кои сами составлены безъ подражанія другимъ пѣснямъ, какъ по числу слоговъ, такъ и по напѣву.
- Предстоятеля церкви въ Мурлякѣи, духовнаго вождя паствы мурлякѣиской.
- Голоть—гололедица, иней и туманъ.
- Да хвалятъ Его цѣлымъ хоромъ, въ тимпанѣ и гусляхъ да бряцають Ему.
- Они затворили сердце свое; устами своими говорятъ гордо.
- Я смущаюсь отъ молвы вражеской, отъ притѣсненія нечестивыхъ.
- Во вѣки не дастъ Онъ поколебаться праведнику. Ты же, Боже, низведешь ихъ (грѣшниковъ) въ ровъ погибели.

86 Не убоишся отъ стрѣлы, отъ
сраца и бѣса полуденнаго.

Не убоишся ужасовъ ночи, стрѣ-
лы, летящей днемъ, отъ встрѣчи (съ
заразою) и отъ злаго дыханія (вѣт-
ра) полуденнаго (самуна).

89 И аще убо Богъ Гдѣ пѣть есть,
изобразительная глаголемъ
здѣ....

Изобразительный—служащій къ
изображенію чего-либо. Служба изоб-
разительныхъ есть краткій образъ ли-
тургій, потому и поется иногда вмѣ-
сто обѣдн и называется въ просто-
рѣчій обѣдницею.

92 Боже и не предложиша тебе предъ
собою.

(Гордые) не представляли Тебя предъ
собою.

95 Начало изобразительныхъ.

Смол. выше.

97 Заступи отъ житейскихъ страстей
прилога.

Защити отъ прираженія житейскихъ
страстей.

99 Кондакъ

Небольшой стихъ, въ которомъ кратко
вложена сущность праздника, или
жизнь и подвиги празднуемаго святаго.

Аще же есть храмъ господскій,
глаголи первѣе храма.

Если же храмъ (въ коемъ совер-
шается служеніе) посвященъ не свя-
тому, а воспоминаю о какомъ-либо
событіи изъ земной жизни Господа
Исуса, то читай прежде кондакъ хра-
ма; напр., въ Преображенскомъ хра-
мѣ читай прежде: На горѣ преобра-
зился еси, и т. п.

— Яко шипокъ священнѣйшій отъ
земли обрѣтается.

Какъ священнѣйшій дѣвѣтокъ...

— Тезоименному твоему новому
жительство.

Новому жительству (христіанскому),
Тебѣ соименному (Христосъ — хри-
стіане).

103 Тебѣ молюся и тебѣ мнѣся дѣю.

Тебѣ молюся и Тебя съ особеннымъ
усердіемъ и смиреніемъ прошу.

110 За упованіе, отложенное намъ.

По упованію, намъ представлен-
ному.

111 Сотворивъ со искушеніемъ и из-
бытіе, яко возмощи намъ понести.

Господь при искушеніи даетъ и об-
легченіе такъ, чтобы имѣть силу пе-
ренести его.

119 Во исповѣданіе и велелѣпоту
облеклся еси.

Ты облеченъ величіемъ и благогѣ-
піемъ.

— Тамо птицы возгнѣдятся, еродіе-
во жилище предводительствуетъ
имн.

Тамъ птицы будутъ вить свои гнѣз-
да; жилище аиста предводительствуетъ
имн.

121 Стягословіе псалтыря.

Чтеніе извѣстныхъ псалмовъ по сти-
хамъ, расположенное по особенному
правилу. Зри уставъ церковный.

122 Пожертвы быша при камени су-
ліа ихъ.

Разсыпались по каменнымъ утесамъ
судіа ихъ (2 Паралип., XXV, 12).

- 122 Услышатся глаголы мои, яко воз-
могша: яко толща земли просъ-
деса на земли.
- 123 Стихиры
- Сяѣди сладкія видѣніемъ смерть
исходата нкъ и страненъ ея ради
Божія славы и жизни явхся.
- 124 Утоли пажить грѣховную.
- 126 Прокимны
- 127 На стиховнѣ стихиры.
- Поношеніе гобзующихъ
- 131 Великій каноникъ
- 135 Яко слышахъ гажденіе многихъ,
живущахъ окрестъ.
Настоящіе тропари.
- 142 И кости моя, яко сушило сосхо-
шася.
— Уподобихся неяснѣ пустынной.
- Бдѣхъ и бххъ, яко птица, осо-
блящаяся на здѣ.
- 143 Да напишется сіе въ родъ ннъ,
и людіе зпждемн восхвалятъ
Господа.
- Не возведи мене въ преполовеніе
дней моихъ, въ родѣ родовъ гѣта
твоя.
- Будуть слышаны слова мои, пося-
ку они возымѣли силу: какъ глыба
земли, такъ они (грѣшники) распдутъ-
ся по земли.
- Извѣстныя пѣснопѣнія, поемныя въ
началѣ, срединѣ и подѣ конецъ вечер-
няго служенія.
- Воззрѣніемъ на сладкую сяѣдъ я
стяжалъ себѣ смерть, и чрезъ нее
(сяѣдѣ) сдѣлался чуждымъ Божіей сла-
вы и жизни.
- Уничтожь во мнѣ то, чѣмъ, какъ
на пажити, пятается грѣхъ.
- Браткіе стихи, кои поются на утрени
и на молебнахъ предѣ чтеніемъ Еванге-
лія, на литургіи предѣ чтеніемъ Апосто-
ла, на вечернѣ послѣ свѣте тихій и
предѣ чтеніемъ паремій. Иные изъ нихъ
называются великими, по особенной
торжественности своихъ напѣвовъ.
- Стиховны—стихиры: на вечернѣ,
предѣ имиѣ отпущаеши, и на ут-
рени, предѣ благо есть; называются
такъ потому, что предѣ ними (исклю-
чая первую стихирѣ) возглашается по
стиху изъ псалмовъ.
- Поруганіе отъ надменныхъ.
- Поется на великихъ повечеріяхъ
1-й недѣли великаго поста и въ сре-
ду 5-й недѣли. Твореніе св. Андрея
Критскаго.
- Ибо слышалъ злорѣчіе отъ многихъ,
живущихъ въ окрестности.
- Пѣсни, составленныя по размѣру и
напѣву прмосовъ.
- И кости мои, какъ сушило (мѣсто,
гдѣ что-либо сушатъ), изсохли.
- Я сдѣлался подобенъ неяснѣ (пе-
ликану) пустынной.
- Не сплю и сижу, какъ одинокая пти-
ца (струфъ) на кровлѣ.
- Пусть напишется о семъ послѣдую-
щимъ родамъ, и поколѣнія, имѣющія
явиться на свѣтѣ, будутъ хвалить Гос-
пода.
- Не восхити меня (отъ среды жи-
выхъ) въ половинѣ дней моихъ! Твои
дѣта въ роды родовъ!

- 147 Духъ твой благій наставитъ мя на землю праву.
- 149 Хвалите его въ тимпанѣ и лцѣ, хвалите въ кимвалѣхъ восклицанія.
- 158 Страстей мя смущаютъ прилози.
- 159 Богородице предвари и отъ бѣды избави насъ.
— Страстей моихъ смущеніе кормчаго рождшаго Господа.
- 160 Самъ ся надавъ смерти.
— Напастей рѣшащу молвы и налоги бѣсовъ отгоняющую.
- 170 Соблуди насъ отъ всякаго мечтанія и темныя сласти дромѣ...
- 178 Радуйся, божественная руко манны!
— Радуйся, адамово воззваніе.
- 179 Да возведетъ человѣка, яко единъ силенъ, въ первое достояніе съ раствореніемъ.
- 180 Канонъ благодарель, его же краегранесіе сидево.
— Живыи и независтныи источниче.
- Духъ твой благій да руководствуетъ меня на землю правую (гдѣ живетъ одна правда и истина).
- Хвалите Его съ тимпаномъ дѣлыми хоромъ; хвалите на кимвалахъ съ восклицаніемъ (во храмѣ Иерусалимскомъ были не только хоры пѣвчихъ, но и различныя музыкальныя орудія, какъ-то: гусли, трубы, рога, литавры, дымбалы и пр.).
- Меня возмущаютъ прираженія и паденія отъ разныхъ страстей, напр., честолюбія, сребролюбія и проч.
- Предвари, то есть—поспѣши забыть (аллилуйскій оборотъ рѣчи).
- Богоневѣсто! Ты, которая родила Господа—великаго кормчаго, утиши волненіе моихъ страстей и бурю согрѣшеній моихъ.
- Самъ себя добровольно предавшій во власть смерти.
- Я знаю, Дѣво, что Ты освобождаешь отъ множества напастей и избавляешь отъ искушеній бѣсовскихъ.
- Сохрани насъ отъ всякаго (во снѣ) мечтанія и бессознательнаго (темнаго) сладострастія.
- Радуйся, божественная рукоятъ манны!
- Радуйся, чрезъ которую Адамъ воззванъ (къ первобытному блаженству)!
- Дабы, какъ единъ Всесильный, чрезъ соединеніе въ себя Божеской и чело-вѣческой природы (съ раствореніемъ) возвелъ человѣка къ первоначальному его достоинству.
- Канонъ—до слова съ греч.—правяло; въ смыслѣ церковныхъ цѣсноцѣпный канонъ есть собраніе ярмосовъ со стихами, обыкновенно въ числѣ 8-ми, а иногда 4-хъ и 3-хъ. Краегранесіе (акростихъ стиха) есть такой стихъ, котораго каждая буква служитъ по порядку начальною буквою послѣдующихъ стиховъ всего канона.
- Независтныи—ни въ чемъ не завидующій другимъ и ни въ комъ не возбуждающій зависти, по безмѣрному

180 Радуйся стамно, манну посящая!

183 Отъ тебе роса укѣну.

— Пристанищенамъ буди влающимъ.

185 Радуйся, еже како—ни единого же научившая!

— Радуйся ниво, растащая гобзованіе щедротъ.

187 Радуйся тмѣнія изимающая дѣль.

190 Вѣтія многовѣщаннѣя, яко рыбы безгласнѣя видимъ.

191 Радуйся, ты бо наказала еси окраденнѣя умомъ.

— Радуйся глителя смысловъ упражняющая.

201 Искити мя изъ руни льстиваго Веліара.

218 Студныхъ помышленій во мнѣ точить.

220 Облечеса псаломски изъ тебе Богомати въ краснѣйшее благогѣшіе.

221 Милуя стенаши и сѣтуеши и дряхлуеши, посуплениа исполненъ Избавителю мой.

— Ставиломъ дубравы п горы мѣриломъ разума поставивый.

228 И отъ онудными свѣтлостыми обляставаеми, и свѣтолтіи вѣчно сіяюще п свѣти бывающе вторіи.

— Свѣта исполняеми и свѣщи сообрачаеми, прилично показуемъ.

— Тропарь.

и для всякаго всегда готовому облію своихъ водъ—источникъ.

Радуйся, сосуде, манну посящій!

Отъ Тебя роса ниспала.

Будь пристанищемъ для насъ, обуруаемыхъ волнами моря (житейскаго).

(Радуйся, свѣтъ низреченно родившая!) Радуйся, никого не научившая, какъ совершилось это рожденіе!

Радуйся, нива, произращающая обдіе щедротъ!

Радуйся, освобождающая отъ нечистоты грязныхъ дѣлъ!

Витіи многорѣчивыхъ мы видимъ какъ рыбъ безгласныхъ, когда имъ нужно говорить о Тебѣ...

Радуйся Ты, которая просвѣтила скудныхъ умомъ! (еллинскій оборотъ рѣчи).

Радуйся, приводящая въ ничто растлителя умовъ (дѣвола)!

Веліаръ—идолъ языческій; въ переносномъ смыслѣ—дѣволъ.

Какое-то тинистое и грязное блато, отлучающее умъ мой отъ Бога, источаетъ изъ себя во мнѣ постыдныя мысля: Заступниче мой, иссуши его во мнѣ!

И облекся, какъ въ псалмѣ (92) сказано, изъ Тебя, Богомати, въ краснѣйшее благогѣшіе (во святую плотъ).

Милуя, стенаешь, сѣтуешь и скорбишь и видъ твой долу преклоненъ, Защитниче мой.

По ставилу (орудіе для правпльнаго установленія чего-либо) устроившій дубравы и по жѣрилу—своего разума—горы.

Безплотные ангелы Божіи, престолу предстоящіе и истекающими оттуда сіяніями просвѣщаемые и вѣчно сіяющіе обліемъ свѣта, посему и сами—вторые свѣты...

Полные свѣта и яко свѣтильники, одинъ въ другому сообрачающіеся и въ стройномъ чинѣ являющіеся.

Пѣснь, содержащая самый краткій обзоръ жизни святаго, или событій праздника.

- 223 Кондакъ.
— Ирмосъ.
- 231 И веселіе бысть во спасеніи тво-
емъ безвещнымъ, вопіющимъ...
- 234 Въ купинѣ огнемъ Приснодѣвы
Моисееви тайну явльшаго.
- 246 На стиховнѣ стихиръ самогласны.
- Воскресни Господи въ покой твой,
ты и кивотъ святыни твоея.
- 249 Постиге рудѣ досадительныя дер-
заго, усѣченіемъ судъ ванесъ.
- Отъ мертвыхъ чрезъ произвед-
шися, естествомъ подобна, чистая
исхожденіе разрѣши.
- 250 Испражненія преходящее земная,
яко чудна дѣла твоя.
- 251 Сосудъ подобаше избранный пѣ-
ніемъ ти весь удивляемъ, Дѣвнице,
исходевъ, весь освященъ Богови...
- 252 Безстудней ярости же и огню Бо-
жественное желаніе сопротивляя-
ся, огнь убо орошаше, ярости же
смѣющеса, Богодохновенною сло-
весною преподобныхъ триѣщан-
ною цѣвницею противувѣщая му-
снѣйскимъ органомъ посредѣ пла-
мене: препрославленный отецъ и
нашъ Боже, благословенъ еси!
- Смот. стр. 180.
- Смот. стр. 25.
- И веселіе бысть во спасеніи Твоемъ
невещественнымъ (духамъ), вопіющимъ
Тебѣ...
- Открывшаго тайну Приснодѣвы Мо-
исею въ горящей (по несгаряющей) ку-
пинѣ (кустъ терновомъ).
- Пѣсни самогласныя, то есть — состав-
ленныя безъ подражанія другимъ, какъ
по числу слоговъ, такъ и по напѣву.
- Ставь, Господи, на мѣстѣ покоя Го-
сего, Ты и ковчегъ святыни Твоей.
- Буйныя руки дерзкаго (Афеонія)
судъ постигъ, усѣченіемъ ихъ, Богу,
ко славѣ своей, сохранишу честь оду-
шевленнаго своего кивота, въ немъ же
Слово плоть бысть (этотъ еврей, Аф-
еоній, устремился на несомый апосто-
лами гробъ Богоматери, чтобы опро-
вергнуть его: но руки его, какъ-только
прикоснулись ко гробу, то отпали отъ
своего тѣла).
- Родившися изъ смертныхъ чрезъ,
Чистая, Ты совершила исходъ (под-
верглась смерти) сообразно естеству
(человѣческому), а какъ породившая
истинную жизнь, Ты представилась къ
жизни Божественной и упостасной.
- Чудно было видѣть одушевленное
небо царя всѣхъ проходящимъ всѣ
пространства земныя, яко чудны
дѣла Твоя...
- На пѣснопѣвіе во славу Твою, Дѣ-
во, подобалъ сосудъ избранный, пол-
ный восторга, весь въѣ себя отъ
радости и проч.
- Любовь къ Богу, сопротивляясь лю-
той ярости (мучителя) и огню, рососою
охлаждала огнь, а ярости посмѣвалась;
на громъ музыкальныхъ орудій, изъ
среды пламени, она противу отвѣчала
богодвижимою, словесною, троезвуч-
ною цѣвницею святыхъ: благословенъ
Ты, великій славою, Боже нашъ и от-
цевъ!

- 255 На хвалитехъ стхвры Пѣсни, кои поются на утрени по канонѣ и по прочтеніи псалма: хвалите Госнода съ небесъ.
- 259 И еже по образу окаляхъ, Чи- О, несчастный я! въ гордынѣ ума стоя, и по подобію. моего, Пречистая, я осквернилъ то, что есть во мнѣ по образу и подобію Божію, и куда теперь обращаюсь? Но ты, Дѣво, защити и помоги мнѣ!

(Продолженіе писемъ слѣдуетъ).

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ.

† 6-го сентября 1877 г.

6-го сентября 1877 г., скончался въ Москвѣ О. М. Бодянской, бывшій профессоръ славянской филологіи въ московскомъ университетѣ и секретарь московскаго «Общества исторіи и древностей», въ званіи котораго онъ успѣлъ издать (1846—1848; 1858—1877 гг.) сто книгъ «Чтеній» этого Общества, оказавшихъ весьма важную услугу отечественной исторіи. Такимъ образомъ кончина Бодянскаго чувствительна не только для славянской науки вообще, но и въ частности для отечественной исторіи. Дѣятельности его въ области первой касались уже другіе (А. А. Котляревскій въ «Славянскомъ Ежегодникѣ» 1878 г. и «Чтеніяхъ Кіевскаго Историческаго Общества Лѣтописца Нестора», т. I; И. И. Срезневскій въ Сборникѣ 2 отдѣла императорской академіи наукъ, т. XVIII, 1878 г.); съ своей стороны мы намѣрены, въ историческомъ изданіи, указать, главнымъ образомъ, на его значеніе, въ качествѣ издателя такого историческаго органа, каковы были за его время «Чтенія московскаго общества исторіи», въ которыя, впрочемъ, и онъ самъ вложилъ много труда.

Осипъ Максимовичъ Бодянской родился, 3-го ноября 1808 г., въ мѣстечкѣ Ворвѣ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи, и происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса наукъ въ переяславской духовной семинаріи, онъ, въ октябрѣ 1831 г. (имѣя уже почти 23 года), поступилъ въ московскій университетъ. Еще въ семинаріи, говорятъ, онъ выдавался по своимъ упражненіямъ въ словесности и принималъ участіе «въ комедійныхъ дѣйствіяхъ» (въ роли Наполеона); но тогдашняя же семинарія могла дать ему и прочныя знанія по философіи и древнимъ языкамъ. Въ Москвѣ Бодянской вступилъ въ близкія отношенія къ кружку Станкевича; а въ университетѣ онъ встрѣтилъ поддержку и сочувствіе въ извѣстномъ

скептикъ М. Т. Каченовскомъ, о которомъ съ такимъ уваженіемъ отзывался потомъ и Грановскій, по своимъ личнымъ отношеніямъ. Кандидатская диссертація Бодянскаго: «О мѣнѣяхъ касательно происхожденія Руси», 1835 г. (Сынъ Отечества, 1835, т. СLXXIII), написана подъ вліяніемъ чтеній Каченовскаго, который доказывалъ происхожденіе варяговъ отъ балтійскихъ славянъ, а Новгородъ рассматривалъ, какъ ихъ колонію, имя же Руси относилъ къ южной Россіи, получившей его отъ черноморскихъ руссовъ, тюркскаго племени. Но Каченовскій, въ теченіе 27-ми лѣтъ преподававшій то изящныя искусства и археологію, то русскую словесность, то русскую исторію и статистику, то исторію и статистику всеобщую,—вскорѣ за введеніемъ устава 1835 г., въ которомъ было отведено уже мѣсто исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій, перешелъ на эту кафедру; впрочемъ, еще задолго до того онъ обращалъ вниманіе на памятники славянской литературы, языка и народной словесности (см. вообще «Вѣстникъ Европы» и «Труды общества любителей россійской словесности», 1816—1827 гг., и между прочимъ о сербскихъ пѣсняхъ, изд. В. Стефановичемъ), причемъ высказалъ весьма замѣчательный по тому времени взглядъ на историческое значеніе послѣдней; а магистерская диссертація Бодянскаго (1837 г.): «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» въ значительной степени была обязана своимъ появленіемъ тому же Каченовскому. Къ этому времени относится также появленіе въ «Московскомъ Наблюдателѣ» (1837 г.) критики Бодянскаго на книгу «Россія въ историческомъ, литературномъ, статистическомъ и др. отношеніяхъ» (4 т.), изданную подъ именемъ Ѳ. Булгарина, но въ значительной степени составленную Н. А. Ивановымъ, бывшимъ потомъ профессоромъ казанскаго университета (см. объ этомъ въ «Зарѣ» 1871 г.: Четверги у Греча). Эта критика, отличающаяся весьма мѣткими замѣчаніями и рѣзкими полемическими приемами, обратила на ея автора вниманіе...

Съ 14-го октября 1837 г. до мая 1842 г., Бодянскій пробылъ за границею съ ученою цѣлью, преимущественно въ славянскихъ земляхъ; затѣмъ, побывавъ въ Варшавѣ и Вильнѣ, въ сентябрѣ 1842 г. возвратился въ Москву, гдѣ занялъ кафедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, сдѣлавшюся вакантною послѣ Каченовскаго, незадолго передъ тѣмъ скончавшагося. Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Москву, онъ успѣлъ уже перевести и издать въ «Москвитинѣ» и отдѣльно (1843 г.): «Славянское народоописаніе» Шафарика; а въ 1845 г. перс- польскаго и издалъ сочиненіе Дениса Зубрицкаго: «Критическая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой державы отъ введенія христіанства до конца XV-го

столятія» и въ томъ же 1845 г. году (6-го февраля) былъ избранъ въ секретари «Общества исторіи и древностей россійскихъ» при московскомъ университетѣ. Еще въ 1837—1838 гг. Бодянский приступилъ къ печатанію своего перевода «Славянскихъ древностей» Шафарика (1—3 книги); но, по возвращеніи изъ-за границы, долженъ былъ вновь пересмотрѣть его, и издалъ въ полномъ видѣ (1847 г.), въ 5-ти книгахъ. Съ избраніемъ Бодянскаго въ секретари историческаго Общества, ученая дѣятельность его, главнымъ образомъ, сосредоточивается въ этомъ послѣднемъ. Издательская дѣятельность самаго Общества также значительно расширяется. Между тѣмъ какъ прежде труды его появлялись съ большими перерывами (1-я ч. «Русскихъ Достопамятностей» появилась въ 1815, 2-я—1843, 3-я—1844; Записки и труды общества, 1-я—1815, 2-я—1824, 3-я—1826, 4-я—1828, 5-я—1830, 6-я—1833, 7-я и 8-я—1837; Русскій историческій сборникъ— т. 1-й, 2-й и 3-й—1838; 4-й—1840; 5-й—1842; 6-й—1843; 7-й—1844 г.), «Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», подъ редакціей Бодянскаго, становятся періодическимъ изданіемъ, чрезвычайно богатымъ по своему содержанію и чуждымъ односторонности, свойственной иногда подобнымъ изданіямъ. «Чтенія», по справедливому замѣчанію И. И. Срезневскаго, «составили библиотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только русской, но и западно-славянской» (Сборникъ академіи наукъ, т. XVIII, 41).

Въ теченіе 1846—48 гг., Бодянский издалъ 23 книги «Чтеній» (1-й годъ—4 книги, 2-й и 3-й—по 9-ти книгъ; 4-й—одну), въ которыхъ помѣстилъ отчасти свои изслѣдованія и замѣчанія, отчасти памятники, приготовленные къ изданію имъ же самимъ, обыкновенно также съ его замѣчаніями, введениями и т. п., наконецъ много другихъ трудовъ и матеріаловъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ его переводы сочиненій Шафарика («О древне-славянскихъ кирилловскихъ типографіяхъ въ южно-славянскихъ и сосѣднихъ земляхъ», «О Сварогѣ», «Расцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи» и др.) и Ф. Палацкаго («Сравненіе законовъ царя Стефана-Душана сербскаго и древнѣйшихъ земскихъ постановленій чеховъ», «О русскомъ князѣ Ростиславѣ»), статьи («О поискахъ мѣстъ въ Познанской публичной библиотекѣ, съ описаніемъ нѣкоторыхъ памятниковъ и матеріаловъ»; «О тождествѣ Хорса и Дажь-Бога») и рядъ памятниковъ, приготовленныхъ имъ къ изданію: «Паралипомень» Зонары, «Винодольскій законъ», въ подлинникъ, съ примѣчаніями, переведенными съ сербскаго; «О сочетаніи втораго брака» (великаго князя Василя Ивановича) Паиссія; «Повѣсть

о приходе короля Стефана на Великій Псковъ»; «Сказаніе о разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ»; «Московскіе соборы на еретиковъ XVI-го вѣка», сочиненіе Георгія Скрипицы «О вдовствующихъ понахъ»; Лѣтопись Густынскаго монастыря»; «Россійская исторія Татищева» (книга V-я); переписка и бумаги Карла XII, статьи Лещинскаго и др., и немало памятниковъ по исторіи Малороссіи, въ числѣ которыхъ находятся «Лѣтопись самовидца» и сочиненія Симоновскаго, Зарульскаго, Г. Ф. Миллера, А. Ригельмана, а также «Исторія Руссовъ» мнимаго Георгія Конисскаго. Независимо отъ того, въ «Чтеніяхъ» же за первые годы были помѣщены изслѣдованія: объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ—С. М. Соловьева; о началѣ народовъ славянскихъ—Суровецкаго; разсужденія о Галиціи, печенѣгахъ и хозарахъ—Сума; очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянскихъ народовъ до XIV-го вѣка, Мацѣевскаго; о древней русской лѣтописи и печерскомъ патерикѣ, Бѣльева-Кубарева; о Ярославовой Правдѣ, Дубенскаго; о Кормчей, Калачова; объ исправленіи церковныхъ книгъ въ Россіи при патриархѣ Филаретѣ, Казанскаго; о древней монетной системѣ въ Россіи и сторожевой станичной службѣ на польской Украинѣ московскаго государства, Бѣльева; сочиненіе объ униі Г. Конисскаго и Д. Зубрицкаго; біографіи русскихъ патриарховъ; описанія нѣкоторыхъ епархій (іерархія вятская и астраханская), Платона Любарскаго; древнія святые Ростова Великаго, гр. М. Толстаго; древніе историческіе и литературные памятники (соч. игумена Памфила, Іосифа Волоцкаго, Геннадія Новгородскаго и др.); сводный текстъ губныхъ грамотъ XVI-го и XVII-го вв.; шуйскіе акты, семейные акты и переписка; акты о мѣстничествѣ; малороссійская переписка изъ архива Оружейной палаты; рядъ описей древнихъ монастырскихъ и частныхъ бібліотекъ; русскія народныя пѣсни (ч. I), собранныя П. Кирѣевскимъ; археологическія и этнографическія замѣтки и статьи. Уже теперь Бодянский старался познакомить русскихъ читателей съ иностранными писателями о Россіи: такъ, было начато печатаніе извѣстнаго сочиненія Аделунга: «Обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 года», оконченное впоследствии, когда снова «Чтенія» достались въ руки Бодянскаго; были напечатаны и нѣкоторыя изъ иностранныхъ записокъ о Россіи (Коллинса, Шаума, Бареццо-Барецци и др.). Въ изданіи Бодянскаго находили мѣсто матеріалы, относящіяся какъ къ древней, такъ и новой Россіи; многое могло появиться въ то время только въ этомъ изданіи; тѣмъ не менѣе, несмотря на спеціальность и вполне ученый характеръ послѣдняго, помѣщеніе въ немъ (въ 1848 г., кн. I-я) сочиненія Флетчера «О государствѣ русскомъ» (XVI вѣка) послужило причиною катастрофы для самаго изданія. Едва ли можно

объяснить это событіе одними личными отношеніями близко стоявшихъ къ изданію вліятельныхъ особъ; но крайней мѣрѣ, до сихъ поръ сочиненіе Флетчера не появилось въ нашей печати, а переводъ, приготовленный для «Чтеній» (и обозначенный на оберткѣ указанной книги), былъ напечатанъ въ 1867 г. за границею. Вотъ, что писалъ по этому поводу самъ Бодянский, не любившій молчать въ такихъ случаяхъ: «Послѣдній (переводъ) есть перепечатка, сдѣланная безъ вѣдома Общества, которое, какъ всѣмъ извѣстно, принуждено было немедленно по выпускѣ изъять его изъ обращенія, навлекло на себя замѣчаніе, а предсѣдатель и секретарь Общества удалились изъ него; послѣдній даже, сверхъ того, и перемѣщенъ еще въ другой университетъ, куда, однако, не поѣхалъ, а предпочелъ выйти совсѣмъ изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но къ концу года (1849 г.) снова былъ приглашенъ управляющимъ министерствомъ, кн. Пл. Ал. Ширинскимъ-Шихматовымъ, на свою кафедру въ московскій университетъ. Мы все еще боимся, и по истеченіи цѣлыхъ столѣтій, преклонить ухо свое къ невыгоднымъ отзывамъ о насъ иностранцевъ,—все еще думаемъ, что они, говоря о Россіи за 300 лѣтъ, говорятъ о теперешней Россіи, о насъ и нашихъ порядкахъ. Поэтому русскій переводъ сочиненія, заключающаго въ себѣ цѣлое сокровище самыхъ важныхъ замѣтокъ о тогдашнемъ московскомъ государствѣ во всѣхъ отношеніяхъ, помѣщаемого всѣми знатоками исторіи на ряду съ записками Герберштейна, недоступнымъ сдѣлался именно тѣмъ, кому это безцѣнное произведеніе болѣе всего нужно. Или такъ уже и суждено намъ никогда не взглянуть прямо въ глаза никакой правды о насъ, высказанной нашими врагами безъ обиняковъ и покрововъ?... При такомъ состояніи нашемъ, конечно, Флетчеру въ русской одеждѣ суждено скорѣе, пожалуй, сгнить, чѣмъ когда-либо увидѣть свѣтъ божій. А между тѣмъ незабвенный исторіографъ нашъ сколько обязанъ этому злополучному англичанину, помѣстивъ его, въ разбитную, въ своемъ безцѣнномъ трудѣ, чуть не цѣлкомъ всего, въ разныхъ мѣстахъ IX и X томовъ «Исторіи Россійскаго государства» (см. предисловіе къ матеріаламъ для исторіи Россіи, извлеченнымъ изъ рукописи Британскаго музея—«Чтенія Моск. Общества исторіи» 1870 г., кн. 3).

Дѣйствительно, въ октябрѣ 1848 г., Бодянский, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, былъ перемѣщенъ на службу въ Казань, а на его мѣсто оттуда былъ назначенъ В. И. Григоровичъ, который, сколько намъ извѣстно, неособенно радовался этому перемѣщенію; но Бодянский въ Казань не поѣхалъ, а предпочелъ подать въ отставку, и, «съ высочайшаго соизволенія», 2-го января 1849 года, былъ уволенъ отъ службы при казанскомъ университетѣ, даже съ освобожденіемъ на будущее время отъ обязанности дослужить 6 лѣтъ, въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія (за заграничное пребываніе). Въ отставкѣ Бодянский пробылъ ровно годъ (по 22-е декабря 1849 г.), и затѣмъ, высочайшимъ приказомъ, снова былъ опредѣленъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора московскаго университета. Около этого времени Бодянский занялся изданіемъ «Изборника Святослава» (1073 г.), которое потребовало отъ него большихъ розысканій по части источниковъ, составленія словаря, введенія и т. п. Печатаніе этого памятника шло медленно (всего отпечатано 23 листа) и не было окончено. Въ апрѣлѣ 1847 г., Бодянский былъ избранъ членомъ одесскаго общества исторіи, а въ октябрѣ 1850 г.—членомъ «Общества исторіи и древностей югославянскихъ».

Въ 1849—1858 гг., дѣятельность Бодянскаго сосредоточивалась исключительно на профессурѣ.

Въ 1855 году, Бодянский напечаталъ обширное изслѣдованіе: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», послужившее предметомъ его докторской диссертациі. По отзыву специалистовъ, въ этомъ трудѣ «въ первый разъ подобраны и разобраны всѣ источники, пособия и мнѣнія, касающіеся этой задачи, а обширныя знанія и особенности изслѣдовательнаго направленія Бодянскаго высказались въ полномъ свѣтѣ».

Послѣ закрытія «Чтеній», редакція новаго изданія Общества («Временникъ») перешла въ руки И. Д. Бѣляева, помѣстившаго въ немъ много цѣнныхъ матеріаловъ по части русской исторіи и исторіи русскаго права, главнымъ образомъ, древняго періода; но оно не отличалось уже тѣмъ разнообразіемъ, какимъ выдавались «Чтенія»; нѣкоторые отдѣлы вовсе были устранены изъ «Временника». Но, въ 1858 г., Бодянский снова былъ избранъ въ секретари Общества, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникло прежнее изданіе—«Чтенія», ставшія выходить съ того же года по четыре книги въ годъ. Изданіе получило

прежний характеръ, а историческая часть его даже еще болѣе расширилась. Конечно, этому много содѣйствовало и значительное облегченіе печати: такимъ образомъ, въ самыхъ «Чтеніяхъ» появляется весьма много матеріаловъ и изслѣдованій по части новой русской исторіи и по вопросамъ недоступнымъ обсужденію въ прежнее время. Бодянскому принадлежитъ честь, что онъ, занимаясь самъ вопросами, слишкомъ отдаленными отъ нашего времени, никогда не пренебрегалъ матеріалами и трудами, относящимися къ болѣе позднимъ періодамъ, а теперь какъ-будто хотѣлъ пополнить напрасно потерянное время. Можно сказать, что, благодаря «Чтеніямъ», явилась возможность изслѣдованія и обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ и эпизодовъ изъ новой русской исторіи, такъ какъ въ то время еще не существовало специальныхъ періодическихъ изданій, въ такомъ обиліи помѣщающихъ теперь матеріалы, преимущественно по этой послѣдней. Укажемъ на общее содержаніе «Чтеній» въ ихъ новомъ видѣ.

По-прежнему Бодянский помѣстилъ въ нихъ немало памятниковъ древней русской и славянской письменности (житія Кирилла и Меодія въ разныхъ спискахъ; житія Бориса и Глѣба; житіе Θεодосія Печерскаго; московскіе глагольскіе отрывки, хорватская хроника XII вѣка, житіе царя Лаазаря, и др.), а также очерковъ и изслѣдованій по исторіи славянъ («Гусъ и Лютеръ» г. Новикова, «Заселеніе Балканскаго полуострова славянами» и «Славяне и Византія въ X вѣкѣ» г. Дринева; «Очеркъ религіознаго движенія въ Чехіи» г. Клеванова, «Паденіе Чехіи» П. Лавровскаго); напечатано нѣсколько цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи Малороссіи (діаріумъ Ханенка; источники малороссійской исторіи, Бянтыша-Каменскаго; реестръ запорожскаго войска о козакахъ, Н. А. Маркевича; акты, относящіеся къ фамилии Полуботковъ; наказъ депутату въ комиссію уложенія и возраженіе на него; дѣло Милорадовича, 1716 г.). Появился рядъ иностранныхъ сочиненій о Россіи и странахъ, вошедшихъ въ ея составъ (Марко-Поло, Шиль, Главиничъ, Бухау, Першттейнъ (правильнѣе Кобенцель), Мейербергъ, Петрей, Олеарій, Корбъ, де-Бруинъ, Сердербергъ, Рондо, Павелъ Алеппскій), а также переводы сочиненій, важныхъ для русской исторіи (походы Викинговъ, Стрингольма, иностранные путешественники по Россіи, Кюльба и друг.). Въ числѣ матеріаловъ по древней исторіи Россіи можно назвать нѣсколько весьма цѣнныхъ (дѣло дьяка Висковатова; акты о бытѣ помѣщиковъ и крестьянъ XVI—XVII вв.; синодикъ царя Ивана Васильевича; переписка между Россіей и Польшею 1487—1645 гг.; памятники стариннаго русскаго воспитанія; повѣсть объ убіеніи царевича Димитрія; патріаршіе выходы). По-прежнему

встрѣчаемъ описи церковныхъ и монастырскихъ библиотекъ (Кирилло-Бѣлозерскаго, Воскресенскаго Ново-іерусалимскаго, новгородскихъ, калужскихъ); очерки епархій (рязанской, древней области вятичей); историческія описанія монастырей (весьма обширное и составленное по актамъ—описаніе Ново-іерусалимскаго Воскресенскаго монастыря архимандритомъ Леонидомъ); нѣсколько изслѣдованій по церковной исторіи (очерки изъ исторіи русской іерархіи; очерки униатской церкви; о церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи; религіозный бытъ русскихъ въ XVI—XVII вв.). Здѣсь же было помѣщено извѣстное сочиненіе Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи», и первое изданіе описанія Кіева, Закревскаго. Въ «Чтеніяхъ» Бодянской помѣстили цѣлыя сборники народныхъ пѣсенъ, былинъ и пословицъ (Шейна, Головацкаго, Даля). Но въ особенности новое изданіе «Чтеній» отличается большимъ собраніемъ матеріаловъ и изслѣдованій по новому періоду русской исторіи, которые помѣщены здѣсь иногда цѣлыми серіями, обнимая собою наиболѣе выдающіеся, но мало-изслѣдованные вопросы и стороны быта, или касаясь болѣе извѣстныхъ дѣятелей той или другой эпохи (таковы:—дѣла царевича Алексѣя, Θεофана Прокоповича, Сальникѣва, Феофилакта Лопатинскаго, Артемія Волынскаго, Вирона, Брауншвейгской фамиліи, Столѣтова, Арсенія Мацѣевича, Новикова, Радищева, Пугачева, Таракановой, Верещагина, с.-петербургскаго университета; матеріалы о комисіи уложенія; о Сибири въ XVIII вѣкѣ и дѣятельности Сперанскаго въ Сибири; по исторіи академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, воспитательныхъ домовъ; матеріалы, относящіеся къ исторіи раздѣла Польши; о состояніи Ливоніи; по исторіи раскола—весьма обширное собраніе матеріаловъ и изслѣдованія И. Чистовича, Н. Попова, В. С. Толстаго, П. И. Мельникова и друг.; переписка Екатерины II и гр. Панина; сочиненія кн. Щербатова; архивъ гр. П. А. Румянцева—обширное собраніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи турецкой войны и управленія Малороссіею при Екатеринѣ II; журналы Кречетникова; записки Ростопчина, Храповицкаго, Лопухина, Ермолова, Стурдзы (о Каподистрии); Меркеля о латышахъ, Паскевича—о 1831 годѣ; матеріалы о Державинѣ, Бецкомъ; переписка Калайдовича и критика Григоровича; мнѣнія членовъ государственнаго совѣта Мордвинова, Шипкова; отдѣльныя записки и мнѣнія по разнымъ вопросамъ Троицкаго и друг.

Мы здѣсь не упомянули о множествѣ мелкихъ матеріаловъ и отдѣльныхъ актовъ, писемъ и т. п., нерѣдко имѣющихъ также значеніе и интересъ по своему содержанию. Но характеръ означеннаго изданія достаточно выясняется изъ предложеннаго перечня. Многіе

изъ этихъ матеріаловъ были помѣщены самимъ Бодянскимъ; къ другимъ написаны имъ замѣчанія или предисловія и объясненія, сдѣланы поправки; прочіе — выбраны имъ для изданія. Тѣмъ не менѣе, количество труда, потраченнаго на это дѣло — громадное. Важнѣйшіе изъ памятниковъ и исследований сопровождались палеографическими снимками, рисунками и т. п. принадлежностями учено-археологическаго и историческаго изданія. Къ сожалѣнію нѣкоторые изъ начатыхъ печатаніемъ матеріаловъ и исследований не были окончены; другіе, какъ говорятъ, даже отпечатаны, но были отложены по разнымъ соображеніямъ: желательнo, чтобы они появились теперь на страницахъ того же изданія.

«Чтенія» подъ ред. Бодянскаго состояли изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) исследования; 2) матеріалы отечественные; 3) матеріалы славянскіе; 4) матеріалы иностранные; 5) смѣсь, куда входили мелкіе матеріалы, статьи и замѣтки. Въ настоящее время программа изданія нѣсколько измѣнена и, хотя въ вышедшихъ до сихъ поръ книгахъ помѣщены не менѣе цѣнные памятники нашей старины, но, вѣроятно, нѣкоторые изъ прежнихъ матеріаловъ не найдутъ уже мѣста на страницахъ новаго изданія. Конечно, если это будутъ тѣ многочисленныя письма духовныхъ особъ, къ которымъ такъ пристрастился въ послѣднее время Бодянской, или желѣзнодорожные проекты — потеря небольшая, но желательнo, чтобы не были забыты и иностранные писатели о Россіи, и отдѣльныя акты, и матеріалы болѣе близкаго къ намъ времени, которымъ такъ охотно давалъ у себя мѣсто Бодянской.

Замѣчательно, что и со второю редакціей «Чтеній» у Бодянскаго вышла подъ конецъ также своего рода передрыга, повліявшая на теченіе дѣла «историческаго общества». Бодянской любилъ отзвѣщаться въ своемъ изданіи на нѣкоторые вопросы, близко его интересовавшіе. Такъ, еще въ 1860-хъ годахъ, онъ помѣстилъ рядъ замѣчаній на проекты объ ученыхъ степеняхъ, объ университетскомъ уставѣ, объ уставѣ академіи наукъ, о польскомъ дѣлѣ, о преобразованіи календаря и т. п. Понятно, что онъ не могъ остаться равнодушнымъ и къ вопросу о новомъ университетскомъ уставѣ (хотя въ то время Бодянской уже вышелъ изъ университета, вслѣдствіе неизбранія); тѣмъ болѣе, что въ обсужденіи его и первенствующая роль принадлежала людямъ, прекрасно извѣстнымъ ему, и самыя толки происходили тутъ же, въ Москвѣ... Такимъ образомъ, въ «Чтеніяхъ» 1873 года (кн. 1) появилась достопамятная «трилогія на трилогію» — неизвѣстнаго автора, написанная и пространно, и въ то же время ѣдко, съ большимъ запасомъ мѣстныхъ данныхъ, пересыпанная изреченіями изъ классиковъ и священнаго писанія... Возникъ вопросъ о порядкѣ изданія

«Чтеній»; тянулись новые выборы; выходъ книжекъ самаго изданія также затянулся (см. протоколъ въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи» 1875, кн. I и III). Но Бодянский оставался до конца на своемъ посту.

Этимъ можно закончить, такъ сказать, внѣшнюю исторію жизни Бодянскаго. Но изъ послѣднихъ заявленій стало извѣстно, что его бумаги частью переданы въ «Московск. историческое общество», частью же остались у вдовы покойнаго, а въ томъ числѣ и его ученая переписка. Вполнѣ желательно, чтобы близкія къ этому дѣлу лица воспользовались этими давними и представили возможно полную оцѣнку дѣятельности человѣка, такъ долго служившаго отечественной наукѣ. Подобные труды, какъ, напримѣръ, недавно изданная монографія о Строевѣ г. Барсукова, вносятъ немало новыхъ страницъ въ исторію послѣдней.

Въ 1855—1856 гг., пишущій эти строки, въ бытность свою въ Москвѣ, часто посѣщалъ лекціи О. М. Бодянскаго, въ московскомъ университетѣ; число слушателей было у него не велико, но почтенный профессоръ пользовался полнымъ сочувствіемъ своей небольшой аудиторіи. Ясность, образность его рѣчи и какое-то особенное, весьма своеобразное увлеченіе—отличало изложеніе его научныхъ бесѣдъ... Лѣтъ десять спустя, мы начали помѣщать въ «Чтеніяхъ» нѣкоторые историческіе матеріалы изъ нашего обширнаго собранія... Тогда завязалась между нами оживленная переписка... Осипъ Максимовичъ былъ въ ней весьма акуратенъ. Между прочими предложеніями, съ которыми пишущій эти строки обратился къ Бодянскому, было одно весьма важное: мы направили къ нему правнука Андрея Тимоф. Болотова—В. А. Болотова съ монументальными записками его прадѣда, предлагая помѣстить эти записки на страницахъ «Чтеній въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей». Бодянский сначала изъявилъ готовность печатать этотъ драгоцѣннѣйшій памятникъ для исторіи русскаго народа въ XVIII-мъ столѣтіи, но потомъ отказался отъ этого намѣренія въ виду именно громадности записокъ... Отказъ этотъ былъ, впрочемъ, въ тѣсной связи съ выходомъ Осипа Максимовича изъ университета, вслѣдствіе его забаллотировки гг. профессорами, не счумѣвшими—изъ личныхъ расчетовъ въ пользу намѣченнаго ими другаго кандидата на кафедру Бодянскаго,—подорожить для университета этимъ высокозамѣчательнымъ ученымъ.

Приводимъ изъ большаго числа писемъ Бодянскаго—три письма къ намъ, относящіяся именно къ помянутому времени:

I.

«2-го октября 1868 г. Москва.

«М. г., Михаилъ Ивановичъ! Въ отвѣтъ на письмо Ваше, отъ 16-го сентября, полученное на другой же день, могу сказать Вамъ только сегодня нѣсколько словъ: такъ много было срочнаго въ послѣднее время!

«Г-нъ Болотовъ не заставлялъ меня нѣсколько разъ, потому что я, по требованію врача, долженъ былъ непременно въ хорошую погоду вечеромъ, съ 5-го по 8-й часъ, выѣзжать за городъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Въ другое время я бывалъ цѣлый день дома. Жаль, что онъ не назначилъ времени, или, по крайности, не сказалъ о себѣ. Но такъ тому и быть. Что до «записокъ» его прадѣдушки, то, судя по оставленному особому оттиску напечатаннаго уже изъ нихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» прежнихъ лѣтъ, я бы полагалъ возможнымъ распорядиться такимъ образомъ: прислать ко мнѣ тома по 3—4 какъ подлинника, такъ равно и списка съ него: первый нуженъ для держанія по нему корректуры (я всегда это дѣлаю только по подлиннику), а послѣдній—для набора въ типографіи. Разумѣется, буде бы что встрѣтилось очень противуцелзурное, я въ правѣ исключить оное, чтобы не услали меня въ отдаленныя мѣста трудно обитаемыя. Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности и проч. О. Бодянскаго.

II.

«28-го ноября 1868 г. Москва.

«М. г., Михаилъ Ивановичъ! Въ письмѣ своемъ, отъ 25-го ноября, полученномъ мною 27-го, извѣщаете Вы меня, что Вами отправлена, вмѣстѣ съ нимъ, «большая посылка съ рукописями Болотова», для помѣщенія въ «Чтеніяхъ». Но зачѣмъ же это, когда я еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, именно въ послѣднемъ письмѣ отъ 25-го, въ отвѣтъ на Ваше (предпоследнее по октябрю), писалъ, что «Записокъ Болотова», по ихъ огромности (28 томовъ), нельзя помѣстить въ изданіи «Общества исторіи и древностей руссіейскихъ»? Сами же Вы замѣчаете въ томъ письмѣ, что, начавъ печатаніе ихъ, мы едвали доживемъ до окончанія онаго, и прочее, тому подобное. По сему я нахожусь въ неприятой необходимости воротить Вами посланное обратно, и просить не посѣтовать на меня за то. Къ этому побуждаетъ меня и слѣдующее еще весьма важное обстоятельство:

«Въ послѣднихъ числахъ октября я принужденъ добрыми людьми

удалиться изъ Университета; съ удаленіемъ же изъ Университета я вынужденъ оставить и «Общество исторіи и древностей россійскихъ», какъ состоящее при ономъ, и направиться въ болѣе благоприятный для меня край—коротать свой вѣкъ. Другими словами: получая только 1,500 съ небольшимъ рублей серебромъ пенсіи, мнѣ нельзя оставаться въ столицѣ съ семействомъ, а необходимо забраться въ такую глушь, гдѣ бы можно было, какъ говоритъ пословица, протягивать ножки по одежкѣ. Попавши, сверхъ всякаго чаянія, въ такія обстоятельства, до «Чтеній» - ли Вашему покорнѣйшему слугѣ? Кончивъ изданіе ихъ за этотъ годъ, я дождусь только внешнихъ красныхъ дней. Но, не желая ничѣмъ вредить «Обществу», которому столько служилъ доселѣ всѣми силами и способностями своими, я не противлюсь объявленію его объ изданіи «Чтеній» и въ наступающемъ годѣ: кто же и какъ поведетъ ихъ—не вѣмъ пока, да и вѣдать не стараюсь. Сдѣлавъ свое, сослуживъ ему службу, желаю, чтобы и другіе хотъ такъ же искренно, такъ же любовно, къ нему отнеслись послѣ меня, какъ я относился во все мое многолѣтнее и нелегкое служеніе ему. Статся можетъ, помянуть когда-нибудь и того чудака, что, почти безъ всякихъ средствъ, счумѣлъ, однако же, всѣми забытое «Общество», спавшее болѣе 40 лѣтъ, не только пробудить къ жизни, но и поставить его въ головѣ всѣхъ прочихъ ученыхъ обществъ, не задолжавъ никому ни гроша, и не получая за всѣ свои труды и подвизанія также ни гроша.

«Конечно, подобныя дурни въ нашъ расчетливый вѣкъ рѣдки, переводятся съ каждымъ днемъ: они, какъ поэты, *pop fiunt, sed nascuntur*, и то лишь въ болѣе благоприятныя времена, въ урожайныя годы на дурней...

«Если успѣю, постараюсь, изъ присланнаго Вами въ концѣ октября, что возможно помѣстить въ послѣднихъ книгахъ «Чтеній»; если же то не удастся, немедленно возвращу Вамъ все въ цѣлости. Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности и проч. О. Бодянскаго.

III.

«10-го января 1869 г. Москва.

«М. г., Михаилъ Ивановичъ! Вамъ сказали правду только на половину; другую, пожалуй, я ужъ доскажу Вамъ. Точно я не оставляю еще Москвы, но только потому, что теперь не такое для того время: можно и замерзнуть на дорогѣ, и не пріютиться даже тамъ, гдѣ думалъ найти себѣ пріютъ. Остаюсь, стало, до красныхъ дней, а тамъ непремѣнно пушусь на провѣды, гдѣ бы лучше обосноваться по тѣмъ

средствамъ, какія выпали на мою долю. Съ другой стороны, оставаясь въ Бѣлокаменной дѣльнѣ полгода, узнаю на самомъ дѣлѣ, сколько издержу на прожитіе въ ней, протягивая, какъ говорится, ножки по одежкѣ. Одна половина года покажетъ и другую. До сихъ поръ жилъ я иначе, потому что и положеніе мое было иное, и средства иные. Собразивши же то и другое, порѣшу уже осенью окончательно съ собою. Если въ губерніи нельзя будетъ остаться человѣку, не жившему въ ней около 40 лѣтъ, что дѣлать? Прислоню свою головушку къ Кремлю алатоверхому, гдѣ лучшее время жизни своей провелъ и гдѣ придется сложить и кости свои. Въ противномъ случаѣ, хоть не радъ, а соберусь въ походъ, по пословицѣ: «не такъ живи, какъ хочется, а какъ сможется и судьба велитъ».

«Душевно благодарю Васъ за Ваше теплое участіе во мнѣ и доброе вниманіе о моей дѣятельности. Не всегда и это удается услышать трудящимся на самомъ поприщѣ труда своего.

«Присланные Вами матеріалы непременно войдутъ въ первыя же книги «Чтеній» этого года. Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности и проч. О. Бодянского.»

Дѣло уладилось: «Общество исторіи и древностей Россійскихъ» и высокопросвѣщенный бывший предсѣдатель онаго, гр. С. Г. Строгановъ, постоянный покровитель и защитникъ г. Бодянского во всѣхъ напастяхъ, какія сваливались на его голову,—счумѣли удержать на службѣ Обществу своего неутомимаго секретаря. Осипъ Максимовичъ остался въ Москвѣ, «Чтенія» остались по-прежнему его дѣтищемъ, которое онъ делѣялъ съ прежнею любовью, отдавая имъ всецѣло труды всею своей жизни... Что до «записокъ» Болотова, то уклоненіе редактора «Чтеній» отъ приѣма ихъ и отказъ бывшаго секретаря «Русскаго Историческаго Общества» г. Половцева, къ которому мы также обращались съ предложеніемъ изданія ихъ,—привели насъ къ рѣшительному шагу: издать этотъ громадный историческій памятникъ, громадный и по объему, и по своему значенію (имѣлъ справедливо всѣми и каждымъ изъ любителей отечественной исторіи оцѣненному)—издать его на свой страхъ... Владѣя же собраніемъ какъ собственныхъ изысканій въ исторіи Россіи, такъ и собранными нами записками (мемуарами), актами, автографами и прочими матеріалами—мы пришли къ убѣжденію о необходимости и возможности предпринять особое, историческое изданіе...

Такъ возникло, 1-го января 1870-го года, историческое ежемѣсячное изданіе: «Русская Старина», а 1-го декабря 1873-го года на

ей страницѣхъ окончены печатаніемъ всѣ двадцать восемь томовъ мелкоисписанной рукописи: «Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ»...

Возвращаемся къ Бодянскому. Знаменитый ученый—онъ оказалъ громадныя услуги Россіи, въ области славяновѣдѣнія и отечественной исторіи, и мы отъ всей души жалаемъ, дабы заслуги эти были завѣшены и оцѣнены всесторонне. Важнымъ подспорьемъ для таковой оцѣнки послужить обширная ученая корреспонденція, которую велъ Осипъ Максимовичъ... Начало къ ея изданію уже сдѣлано: «Чтенія въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ» (которыя, кстати сказать, въ нынѣшнемъ ихъ редакторѣ А. Н. Поповѣ—приобрѣли вполнѣ достойнаго преемника Бодянскому), въ первой книгѣ за 1879-й годъ, заключаютъ въ себѣ начало собранія писемъ О. М. Бодянского къ М. П. Погодину, за время съ 1837-го по 1841-й годъ (стр. 1—136), напечатанныхъ подъ редакціей г. Нила Попова съ весьма обстоятельными примѣчаніями ¹⁾).

Ред.

Портретъ О. М. Водянскаго.

Къ настоящей книгѣ «Русской Старины» приложенъ портретъ Бодянскаго. Онъ исполненъ съ фотографической карточки, снятой въ большой французской фотографіи въ Москвѣ, за нѣсколько лѣтъ до смерти Бодянскаго. Карточка эта сообщена намъ въ двухъ экземплярахъ, а именно: А. Е. Кудрявцевымъ и Н. П. Барсуковымъ. Рисунокъ на деревѣ исполненъ К. О. Брожемъ; гравировалъ портретъ въ Ниццѣ академикъ граверъ Его Величества Л. А. Сѣряковъ.

Ред.

¹⁾ Издавая «Русскую Старину», мы неоднократно приглашали Осипа Максимовича приняться за составленіе своихъ записокъ. Бодянской не остался глухъ къ этимъ приглашеніямъ. «Мнѣ,—пишетъ г. Кудрявцевъ,—неразъ говорилъ Осипъ Максимовичъ, что онъ начинаетъ свои записки; за мѣсяцъ до смерти приглашалъ меня помочь ему въ составленіи записокъ, но когда уже мы порѣшили приступить къ дѣлу, ъедугъ такъ овладѣлъ болынымъ, что онъ уже затруднялся и говорить. Такъ безвозвратно погибла цѣльная автобіографія. Тѣмъ не менѣе, со временемъ, по воспоминаніямъ и массѣ собственноручныхъ записокъ и черновыхъ отпусковъ писемъ можно будетъ возстановить образъ этого лица, многими, къ сожалѣнію, не понятаго и бывшаго предметомъ ненависти и преслѣдованій».

Ред.

ИЗЪ ДНЕВНИКА П. В. АЛАВИНА.

I.

Польскій поэтъ Трембецкій.

Трембецкій былъ замѣчательнѣйшимъ сторонникомъ Россіи, въ польской поэзіи конца XVIII вѣка, а потому, очевидно, онъ стоитъ того, чтобъ русскій человекъ вспомнилъ объ немъ. Вотъ поэтому то я и позволяю себѣ представить вниманію читателей ту страницу моего дневника, на которой говорю о Трембецкомъ, посѣтивъ въ 1845 году извѣстную Софіевку, или, какъ она тогда уже называлась, «Царицынъ садъ», лежащую въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Умани.

Необходимо замѣтить при этомъ, что г. Макушевъ ошибается, говоря въ своей статьѣ¹⁾ будто: «... Софіевка,—садъ, разведенный Щенскимъ - Потоцкимъ, въ Тульчинѣ, для жены его, гречанки Софіи». Нѣтъ, этотъ садъ—близъ Умани, а не въ Тульчинѣ.

Но—къ своему разсказу.

Въ Софіевкѣ нельзя не вспомнить о Трембецкомъ. Во первыхъ, доживая свой вѣкъ то въ Умани, то въ Тульчинѣ, онъ воспѣлъ Софіевку въ пространной поэмѣ, скучной—правда, но въ свое время имѣвшей большой успѣхъ и замѣчательной тѣмъ, что въ этомъ польскомъ поэтическомъ произведеніи восторженно воспѣваются два русскіе государя: Екатерина II и Александръ I. Во вторыхъ, осматривая Софіевку, встрѣчаемъ два видимыя воспоминанія о Трембецкомъ. Одно—каменная колонна, воздвигнутая бывшимъ владѣльцемъ сада, въ память названнаго поэта. Эта колонна притаилась на берегу живописнаго ручейка, подъ тѣнью дикой груши, двухъ липъ и нѣсколькихъ ивъ. Деревья эти—aborigены сада; они еще видѣли на мѣстѣ нынѣ цвѣтущей Софіевки—голую, каменистую степь, а теперь, будто почетной стражей, окружены большою группою роскошныхъ платановъ, американскихъ липъ и итальянскихъ тополей. На колоннѣ стихи Трембецкаго:

Płyn stramyku szypkіem biegiem
Te na zawsze rzucasz ośnienie,
Z kwicistym się żegnał brzegiem,
Scrapiac dzikie spiesz kamienie.

¹⁾ «Древняя и Новая Россія», 1878 г., № 8, В. В. Макушевъ: Станиславъ Трембецкій, стр. 280,—примѣчаніе.

Tak szesliwy dzien uchodzi,
Choć zbyt rzadki dla człowieka.
Zedwo się go uyrzyć godzi
Tylko błysnie i ucieka.

То есть:

Бѣги шибко ручеекъ,
Навсегда покидай здѣшнія тѣни,
Простись съ цвѣтущими берегами,
Слѣши орошать дякіе камни.
Тагъ улетаетъ счастья день,
Являсь и безъ того слишкомъ рѣдко—
Едва успѣешь взглянуть на него:
Блеснетъ—и скроется.

Другое видимое воспоминаніе о Трембецкомъ—каскадъ, названный: «Три слезы».

Ручеекъ Каменка пробирается въ живописныхъ берегахъ, на всякомъ шагу украшенныхъ искуснымъ подражателемъ природы, и вдругъ падаетъ съ значительной высоты, раздѣленный нагроможденными камнями на три струи, составляющія каскадъ.

Невольно вспоминается гармоничный стихъ Пушкина—въ этомъ, по истинѣ, живописномъ уголкѣ, навѣвающимъ какое-то тихое чувство грусти.

Журчить во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолая никогда....

Преданіе гласитъ, что этотъ каскадъ ничто иное, какъ олицетвореніе одного изъ стихотвореній Трембецкаго «Три слезы», написаннаго имъ на смерть трехъ дѣтей Щенснаго-Потоцкаго: Константина, Микулы и Елены.

Слишкомъ тридцать три года я не былъ въ Софіевкѣ и, можетъ быть, упомянутыхъ видимыхъ воспоминаній о Трембецкомъ въ ней и не существуетъ уже нынѣ, но я еще видѣлъ ихъ, и память о пѣвцѣ этого живописнаго уголка еще сохранялась тогда въ преданіяхъ у его обитателей. Изъ того, что я слышалъ въ Софіевкѣ о Трембецкомъ, привожу здѣсь только то, что или противорѣчитъ разсказу о немъ г. Макушева, или его дополняетъ.

Трембецкій большую часть своей юности провелъ въ путешествіяхъ по Европѣ и при дворѣ Людовика XV. Онъ получилъ отличное образованіе и изученіемъ древнихъ классиковъ развилъ свой природный талантъ до того, что, по словамъ знатоковъ польской литературы, произведенія Трембецкаго навсегда останутся ея украшеніемъ, какъ замѣчательные образы лирической поэзіи. Обладая живымъ и мощнымъ воображеніемъ, мастерски владѣя роднымъ языкомъ, въ который ввелъ множество смѣлыхъ, счастливыхъ оборотовъ, Трембецкій умѣлъ при-

дать своимъ произведеніямъ обаятельный колоритъ классической древности.

Трембеккій при жизни опубликовалъ весьма немногія свои произведенія и то, большею частью, прозой, постоянно трудясь надъ разработкой вопросовъ отечественной исторіи, но, къ сожалѣнію, его труды доселѣ не обнародованы, такъ какъ, за полтора года до смерти, онъ сильно заболѣлъ и передалъ всѣ свои рукописи генеральшѣ Потоцкой. Лишившись совершенно памяти отъ этой болѣзни, Трембеккій забылъ о своихъ литературныхъ трудахъ до такой степени, что, когда ему показали томъ его стихотвореній, напечатанный въ Вильнѣ, въ 1806 году, онъ, кромѣ перевода Вольтеровою комедіи «Расточительный сынъ», не призналъ прочихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, за свои. Трембеккому, не утратившему до конца жизни эстетическаго чувства, въ послѣдніе годы случалось не разъ восторгаться красотами собственныхъ своихъ произведеній; когда ихъ читали ему, и съ любопытствомъ спрашивать объ имени автора! На вопросъ, что заключается въ рукописяхъ, имъ отданныхъ генеральшѣ Потоцкой, Трембеккій отвѣчалъ, что никакихъ рукописей ей, кажется, не отдавалъ. Между тѣмъ извѣстно, что Трембеккій написалъ исторію древней Польши, трудъ, составившій болѣе 200 листовъ большого формата, и также отдалъ ее извѣстному Чацкому, съ тѣмъ, чтобы этотъ трудъ былъ напечатанъ послѣ его смерти. Завѣщаніе это не исполнено, и гдѣ находится эта, можетъ быть, замѣчательная рукопись—неизвѣстно. Вообще, трудно предполагать, чтобы труды Трембеккаго, большею частію, находящіяся въ разныхъ рукахъ, когда-нибудь были собраны и изданы, хотя такое изданіе было бы немало-важнымъ вкладомъ въ польскую литературу.

Въ послѣдніе годы своей жизни, Трембеккій часто бывалъ въ Софіевкѣ. Она создавалась на его глазахъ; и несомнѣнно, что въ самомъ процесѣ этого созданія, или, лучше сказать, различныхъ поэтическихъ частей этого прекраснаго цѣлаго, принимало немалое участіе пылкое воображеніе Трембеккаго, воспитанное на древнихъ образцахъ, и его эстетическое чувство, изощренное въ долгіе годы жизни при версальскомъ дворѣ. На созданіи Софіевки тѣмъ естественнѣе было отразиться вліянію Трембеккаго, что этотъ человекъ, близкій къ самому творцу Софіевки—Щенсному-Потоцкому, въ то же время былъ пріятелемъ Метцеля, инженернаго капитана, вывезеннаго Потоцкимъ изъ-за границы, которому, какъ отличному знатоку садовой архитектуры и гидравлики, и было поручено устройство Софіевки.

Нѣсколько послѣднихъ лѣтъ жизни Трембеккій не занимался уже литературными работами, вслѣдствіе одолевавшихъ его недуговъ. Въ

это время онъ велъ оригинальный образъ жизни. Онъ никого не принималъ, кромѣ самого Потоцкаго и генерала Ходкевича; по субботамъ раздавалъ щедро милостыню, преимущественно женщинамъ; бродилъ въ крестьянской одеждѣ, босой, по аллеямъ Тульчинскихъ садовъ, и наслаждался только природой. Лѣтомъ окна его комнаты никогда не затворялись, и у него въ жилищѣ всегда бывало множество воробьевъ. Трембецкій увѣрялъ, что къ нему слетается до 200 этихъ птичекъ, имъ вскормленныхъ и составлявшихъ одно семейство, въ которомъ лѣта и степенъ родства каждаго члена всего этого пернатого поколѣнія—ему вполне извѣстны. Вслѣдствіе такихъ близкихъ отношеній съ многочисленнымъ воробьинымъ семействомъ, бывшимъ единственнымъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ Трембецкаго, въ комнатахъ его былъ большой беспорядокъ: на разбросанныхъ по всей комнатѣ бумагахъ и книгахъ, на всѣхъ вещахъ, были слѣды частаго посѣщенія воробьевъ. У Трембецкаго было нѣсколько слугъ, но они имѣли право являться къ нему—только за жалованьемъ; при немъ же собственно находился только мальчикъ, имѣвшій обязанность—играть съ нимъ въ шахматы. Въ пищѣ и питъѣ Трембецкій былъ очень воздерженъ. Любимымъ его блюдомъ были раки, надъ которыми онъ ежедневно просиживалъ по нѣскольку часовъ; лѣтъ тридцать ораду онъ не пилъ вина и даже не ѣлъ мяса. Последнее было извѣстно королю Станиславу Августу, при дворѣ котораго онъ былъ шамбеляномъ, т. е. камергеромъ. Въ 1797 году, проѣзжая Вильно, король у полицейскаго чиновника, его встрѣчавшаго, спросилъ:

— «Пріѣхалъ-ли Пифагоръ?»

Чиновникъ отозвался незнаніемъ и разогналъ всю полицію по городу разскаивать таковаго пріѣзжаго, но поиски, конечно, оказались тщетными, о чемъ и было доложено королю. Тутъ только разъяснилось, что Станиславъ Августъ Пифагоромъ называлъ Трембецкаго за то, что онъ, подобно этому мудрецу древности, не ѣлъ мяса.

Трембецкій въ молодости обладалъ кипучей натурой и, по собственнымъ его словамъ, имѣлъ до 50 дуэлей на своемъ вѣку, все за женщинъ, за что въ Парижѣ былъ прозванъ «убійцей маркизовъ»; но онъ умеръ холостякомъ, на 90-мъ году жизни, 12-го января 1812 года, сохранивъ до послѣдней минуты здравый разумъ и никогда ему неизмѣнявшюю веселость. Словомъ, Трембецкій умеръ такъ, какъ-будто бы дѣйствительно, говоря его собственными словами, «созналъ, что удрученному годами, пора перестать быть человѣкомъ, и потому такъ же спокойно легъ въ могилу, какъ, послѣ пріятной застольной бесѣды, всталъ бы изъ-за стола!»...

II.

Исаакъ Веръ Левензонъ.

Въ № 47-мъ «Русской Правды», за прошлый годъ, напечатано: «Въ среду, въ Вильнѣ, 8-го ноября (1878), умеръ знаменитый еврейскій ученый и поэтъ, Авраамъ Веръ Левензонъ».

Неужели это тотъ самый Левензонъ, котораго я зналъ старикомъ въ 1846 году, въ Кременцѣ? Но того звали, какъ значитъ у меня въ дневникѣ, Исаакомъ, а газета извѣщаетъ о смерти Авраама! Какъ бы то ни было, расскажу, что у меня записано про Исаака Вера Левензона, такъ какъ мнѣ не случалось встрѣчать никогда и намека въ русской печати объ этомъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательномъ нашемъ соотечественникѣ, хотя и иновѣрцѣ.

....Мы стояли въ Кременцѣ, на Волыни. Кто-то, зная, какъ я интересуюсь всякаго рода достопримѣчательностями, указалъ мнѣ, какъ на личность заслуживающую особеннаго вниманія, на проживавшаго въ городѣ мѣстнаго уроженца, еврея Левензона, известнаго ученаго, писателя и поэта. Мои поиски были непродолжительны—Левензона зналъ каждый еврей. Первый мною спрошенный указалъ мнѣ его квартиру, почти на выѣздѣ изъ города, по тракту на Вишневецъ, въ ветхой, жидовской лачужкѣ. Въ темныхъ сѣняхъ, почти ощупью, я нашелъ животрепещущую, полуизломанную лѣстницу и поднялся по ней на чердакъ. Маленькою дверью я вступилъ въ крохотную комнатку съ двумя полузамерзшими окнами, съ одинокими рамами. Единственный столъ былъ въ комнатѣ, всѣ углы которой и весь полъ были завалены книгами, свитками, халдейскими, арабскими и гебрійскими рукописями и листами европейскихъ газетъ; невѣбленная печь занимала почти четверть всей комнаты; мебель составляли: два стула, помянутый столъ съ сальной на немъ свѣчю, въ позелѣломъ отъ времени подовѣчникѣ, и чернилицей; у стѣны какое-то подобіе кровати съ постелью въ безпорядкѣ; на окнахъ—бутылки съ чернилами и лекарствами. Въ глубокомъ креслѣ, у стола, сидѣлъ самъ хозяинъ. Предо мною былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ длинными, сѣдыми волосами, прикрытыми обыкновенной еврейской ермолкой, въ изорванномъ шлафрокѣ, отъ времени утратившемъ свой цвѣтъ. Старикъ, видимо, былъ удрученъ если не годами, то недугами; но на щекахъ его, сквозь желтизну сухой и блестящей, какъ пергаментъ, кожи, пробивался румянецъ;—въ его карихъ, умныхъ глазахъ—свѣтился огонекъ. Вообще, наружный видъ хозяина этой бѣдной квартиры, съ ея оригинальной обстановкой, произвелъ

на меня благопріятное впечатлѣніе. Я отрекомендовался, сказавъ Левензону, что меня привлекла къ нему его ученая извѣстность,—и былъ имъ встрѣченъ самымъ радушнымъ и пріятнымъ образомъ. Послѣ этого знакомства, я сталъ бывать у Левензона, и, хотя онъ былъ ровно втрое старше меня, но мы скоро сошлись съ нимъ; онъ, видимо, любилъ меня, и я проводилъ въ бесѣдѣ съ нимъ цѣлыя вечера. Несмотря на старость, на недуги, приковавшіе его къ креслу и 20 лѣтъ не выпускавшіе его за порогъ его лачуги, Левензонъ сохранялъ неизмѣнную веселость, свѣжесть мысли, бодрость духа; весь погруженный въ древнія книги и картія, онъ однако слѣдилъ за ходомъ современныхъ событій; рѣчь его, пересыпанная анекдотами, остроумными замѣчаніями, восточными сравненіями, поэтическими метафорами, была увлекательна.

Мое знакомство съ Левензономъ длилось четыре мѣсяца, до самаго выступленія нашего въ походъ. Вотъ какія замѣтки сохранились у меня отъ этого знакомства.

Левензонъ родился въ Кременцѣ, въ 1789 году. По общему, еврейскому, обычаю, трехъ лѣтъ его стали посылать въ школу, и ученіе до того пошло ему въ прокъ, что девяти лѣтъ отъ роду онъ уже написалъ какое-то сочиненіе кабалистическаго содержанія! Отецъ Левензона, которому мальчикъ показалъ свое произведеніе, представилъ его раввину, человѣку ученому, но крайне суевѣрному. Тотъ, прочтя это сочиненіе, пришелъ въ священный ужасъ и приказалъ отцу Левензона держать это сочиненіе въ тайнѣ, никому не сообщая о необыкновенныхъ способностяхъ сына, выразивъ предположеніе: не особеннымъ ли избранникомъ Божиимъ является этотъ ребенокъ?... Раввинъ пошелъ далѣе. Онъ обязалъ отца Левензона наблюдать: не прилетаетъ-ли къ его сыну по ночамъ ангелъ съ небеси, его просвѣщающій? Но эти тайныя наблюденія, вѣроятно, ни къ чему не привели; по крайней мѣрѣ, самъ Левензонъ не помнитъ, чтобы онъ раньше 1812 года написалъ что-либо заслуживавшее вниманія, а въ этомъ году онъ дебютировалъ въ печати гимномъ «на изгнанія французовъ изъ Россіи». Это поэтическое произведеніе, на гебрійскомъ языкѣ, подъ именемъ «Kohl anoth gebuga», т. е. «Гласъ побѣды», бывшимъ тогда радзивиловскимъ комендантомъ Гирсомъ представлено, въ 1813 году, министру внутреннихъ дѣлъ. Конечно, такое вниманіе польстило юношѣ и поощрило его къ продолженію литературныхъ занятій.

Въ 1816 году, Левензонъ занялъ въ г. Бродахъ, въ Галиціи, должность бухгалтера; но счетное дѣло его не удовлетворяло, и онъ все свободное отъ службы время посвящалъ ученымъ занятіямъ, при

чемъ давалъ уроки еврейскаго языка, логики и философіи, а вскорѣ совсѣмъ покинулъ счетную часть, выдержалъ экзаменъ въ тарнопольскомъ училищѣ и получилъ должность инспектора въ бродской гимназіи, гдѣ въ то же время преподавалъ гебрійскій языкъ.

Въ 1823 году, Левензонъ возвратился въ Россію, преподавалъ разные предметы въ бердичевскомъ училищѣ, а въ 1824 году, поѣхавъ по дѣламъ въ Тульчинъ, случайно попалъ въ Каменку, къ князю Витгенштейну. Фельдмаршалъ, узнавъ о пріѣздѣ Левензона, потребовалъ его къ себѣ, приказалъ отвезти помѣщеніе въ своемъ домѣ и продержалъ его у себя цѣлое лѣто. Витгенштейнъ любилъ проводить вечера въ бесѣдѣ съ учеными евреями, любилъ слушать его оживленные споры съ своими приближенными, всегда приглашалъ его съ собою на загородныя прогулки, бралъ его съ собою, когда ходилъ по хозяйству, и нерѣдко пользовался совѣтомъ своего даровитаго спутника.

Возвратясь на родину, Левензонъ сильно заболѣлъ и пролежалъ въ постели 12 лѣтъ сряду. Но такова была страсть этого человѣка къ умственнымъ занятіямъ, что все это время, не вынося малѣйшаго шума, постоянно страдая безсонницей, онъ не разставался съ книгами. Въ это то время Левензонъ въ совершенствѣ изучилъ языки: арабскій, сирійскій, халдейскій, гебрійскій, латинскій—и сталъ свободно читать греческихъ писателей; въ это-же время онъ основательно ознакомился съ политическими науками и философіей, чему много способствовали—его отъ природы необъятная память и совершенное знаніе нѣмецкаго языка. Возможность предаться такого рода занятіямъ дала Левензону обширная бібліотека бывшаго тогда въ Кременцѣ лица Чацкаго, предоставленная просвѣщенными ея распорядителями къ его услугамъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе 12 лѣтъ, Левензонъ жилъ исключительно духовною жизнью, тогда какъ физическая его природа какъ-бы отказывалась поддерживать его существованіе. Но чѣмъ болѣе изнемогало его тѣло, тѣмъ сильнѣе работалъ его духъ. Левензонъ самъ говоритъ, что все это продолжительное время онъ находился словно въ ясновидѣніи, и ни раньше этого событія, ни послѣ, выздоровѣвъ, онъ не могъ усвоить и десятой доли той массы знаній, каковую поглотилъ въ этотъ двѣнадцатилѣтній періодъ времени. «Я едва видѣлъ», рассказываетъ онъ—«едва могъ держать книгу,—буквы и слова мнѣ являлись будто въ туманѣ, но дѣлая, огромныя сочиненія запечатлѣвались въ моей памяти».

Еще до своей болѣзни Левензонъ много писалъ и успѣлъ составить себѣ большую извѣстность своими произведеніями: многіе европейскіе ученые вступили съ нимъ въ переписку; «Общество уче-

ныхъ», въ Кременцѣ, признало его своимъ членомъ; известный Чацкій свелъ съ нимъ тѣсное знакомство; различныя еврейскія общества, не только западнаго нашего края, но и заграничныя, обращались къ нему за совѣтами по вопросамъ объ улучшеніи или измѣненіи организаціи различныхъ учреждений;— само правительство наше обратило вниманіе на представляемые имъ проекты и приступило къ осуществленію нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Первымъ большимъ трудомъ Левенсона былъ переводъ нашего тарифа на нѣмецко-еврейскій языкъ. Этотъ переводъ напечатанъ въ 1819 году, въ Жолквѣ, въ Галиціи, подъ именемъ «Luach Natches». Затѣмъ Левензонъ совершилъ, можно сказать, замѣчательный подвигъ, на который едвали рѣшится кто-либо изъ его одноплеменниковъ. Онъ написалъ, въ 1820 году, русскую грамматику на еврейскомъ языкѣ, подъ именемъ «Jesode Zechon Russia». Говорю—написалъ, а не перевелъ! Это для еврея трудъ,—по истинѣ, необыкновенный. Замѣчательно, что въ этой грамматикѣ Левензонъ указываетъ средство русскаго языка съ древне-восточными языками. Левензонъ писалъ не только на еврейскомъ и гебрійскомъ языкахъ, но онъ владелъ въ совершенствѣ литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ. Такъ, въ 1823 году, онъ представилъ цесаревичу Константину Павловичу, на нѣмецкомъ языкѣ, проектъ учрежденія еврейскихъ училищъ и семинарій, а также подробную записку о еврейскихъ сектахъ. Въ томъ-же году, Левензонъ написалъ сатиру, на гебрійскомъ языкѣ, «Emek Berhaïm» (Долина Рафаила или адъ), въ которой осмѣялъ еврейскую секту Хасидовъ¹⁾.

Во время 12-ти-лѣтней болѣзни, Левензонъ писать не могъ, ему оставалось—читать и думать; но, по выздоровленіи, его работы стали серьезнѣе и изслѣдованія—глубже. Въ 1825 году Левензонъ написалъ большое сочиненіе «Teudah Beisrael» (Иудейзмъ), въ которомъ выставилъ недостатки своихъ единовѣрцевъ и предложилъ средство пересозданія этого народа. Сочиненіе это Исаакъ Беръ Левензонъ посвятилъ государю императору Николаю Павловичу, и получилъ за него въ награду, отъ Его Величества, 1000 р. Сочиненіе это (напечатанное w Wilnie u Grodnie w drukarni Maneza i Zimela 1828 гоку и заключающее въ себѣ 193 стр. in 8°) начинается гимномъ Государю, написаннымъ въ подраженіе XLIV псалму Давида (въ еврейскомъ подлинникѣ этотъ псаломъ XLV). Европейская критика съ большою похвалою отзывалась о сочиненіи «Teudah Beisrael». Такъ,

¹⁾ Хасиды—секта послѣдователей кабалистическаго ученія нѣкоего Беншты, жившаго въ 1730-хъ годахъ, слѣдовательно—секта новѣйшая. П. А.

напримѣръ, д-ръ Френкель называлъ это сочиненіе весьма замѣчательнымъ, ученымъ и современнымъ ¹⁾, притомъ написаннымъ на чистѣйшемъ гебрійскомъ языкѣ, которымъ въ настоящее время въ совершенствѣ владѣютъ весьма немногіе.

Вслѣдъ за этимъ, въ 1830 году, Левензонъ напечаталъ на разговорномъ еврейскомъ языкѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Nefker welt», т. е. «Развратный свѣтъ». Эта ѣдкая сатира направлена противъ усвоенныхъ евреями пороковъ и вообще противъ нравственныхъ недостатковъ этого племени. Но несмотря на бичующій характеръ этого произведенія, въ немъ проглядываетъ естественная братская любовь Левензона къ своимъ соплеменникамъ: призывая евреевъ измѣнить свой образъ жизни, обратясь къ землѣдѣльческому труду, какъ къ единственному средству ихъ обновленія и возрожденія для лучшей жизни въ этомъ мірѣ, Левензонъ, какъ бы случайно, выставляетъ многія свѣтлыя стороны этого племени. Такимъ образомъ, названный трудъ Левензона является чуть ли не первой попыткой въ литературѣ—показать міру, что еврей—члены одной общей семьи человечества,—хотя и отверженные случайно, но все-таки братья наши какъ гласятъ благія заповѣди Того, Кто ими-же былъ распятъ.

Въ 1837 году, вышло въ свѣтъ, получившее наибольшую извѣстность, сочиненіе Левензона «Ephes damim», т. е. «Нѣтъ крови» ²⁾. Сочиненіе это имѣетъ цѣлю опровергнуть убѣжденіе, существующее чуть ли не во всемъ христіанскомъ мірѣ, особенно въ Польшѣ, будто бы у евреевъ есть религиозный обрядъ примѣшивать въ опресноки (маца), которые ими пекутся для празднованія пасхи, нѣсколько капель человѣческой крови. Какъ извѣстно, увѣряютъ, будто-бы съ цѣлю добычи этой необходимой приправы, евреи умертвляютъ ежегодно одного христіанина, источаютъ изъ него кровь, катая его въ бочкѣ, набитой гвоздями, напитокываютъ этою кровью чистый холстъ, сушатъ его и его окровавленные лоскутки рассылаютъ во всѣ свои общины. Конечно, вѣрнѣе всего, что такого чудовищнаго обряда въ дѣйствительности у евреевъ не существуетъ, но, тѣмъ не менѣе, убѣж-

¹⁾ Sulamith—eine Zeitschrift zur Beförderung der Kultur und Humanitat unter den Israeliten, herausgegeben. Jahrgang 8. S. 94. Въ Дессау.

²⁾ Сочиненіе это переведено на англійскій языкъ и издано подъ заглавіемъ: «Ephes Dammim. A series of conversations at Jerusalem between a Patriarch of the Greek church and a chief rabbi of the Jews concerning the malicious charge against the Jews of using christian blood. Translated from the hebrew as a tribute to the memory of the martyrs at Damascus by Dr. L. Loewe, member of the royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland etc. London. Longman, Brown, Green and Longmans. MDCCLXXI. II. A.

деніе, что такой обрядъ практикуется евреями, упорно держится многія столѣтія, и, отъ времени до времени, убѣжденіе это сказывается преслѣдованіями, возбуждаемыми противъ евреевъ, навлекающими на себя подозрѣніе въ такомъ преступленіи, которое несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ набрасываетъ на это подозрѣніе тѣнь вѣроятія. Изъ любви къ истинѣ и къ своему племени, Левензонъ поставилъ себѣ задачей доказать научнымъ путемъ фальшивость сказаннаго убѣжденія и разъ навсегда сдѣлать невозможнымъ заподозриваніе такого противуестественнаго культа въ религіи его отцовъ. Читавшіе названное сочиненіе Левензона, въ англійскомъ переводѣ, говорятъ, что онъ вполне достигъ своей цѣли.

Послѣднимъ, до времени моего знакомства съ Левензономъ, сочиненіемъ его, напечатаннымъ въ 1841 году, въ Вильнѣ, было «Beth Naazar», состоящее изъ 3-хъ частей.

Первая часть—«Schorche Libanon», т. е. Ливанскіе корни, по словамъ доктора Фиршта (Litteratur Blatt des Orients 1846, № 2. Лейпцигъ), содержитъ въ себѣ историческіе, археологическіе и историко-религіозные трактаты, заслуживающіе особаго вниманія, какъ лексикографическое изслѣдованіе Ветхаго Завѣта и какъ полемика съ Гевеніусомъ (извѣстнымъ издателемъ «Лексикона восточныхъ языковъ», въ Гаалѣ), считавшимся, до того времени, авторитетомъ.

Вторая часть—«Inhanim Schonim» представляетъ сборникъ мелкихъ статей, изъ которыхъ особенно замѣтательны: а) краткое изложеніе Зендъ-Авесты и параллель между сказаніями ея и библейскими—о сотвореніи міра; б) «Шасти»—изложеніе вѣроученія Батіановъ, ости-индскаго племени, ведущаго свое происхожденіе отъ Браммы. Изложеніемъ ученія Шасти авторъ имѣлъ въ предметѣ доказать, что Эмпедоклъ заимствовалъ изъ него свою теорію и что въ книгѣ Шасти заключаются основанія многихъ ученій, развитыхъ впоследствии, какъ напр., сказаніе о разрушеніи настоящаго міра посредствомъ огня; с) описаніе и исторія еврейскаго племени Раккавеевъ, живущихъ, подобно другимъ бедуинскимъ племенамъ, въ аравійскихъ пустыняхъ, представляя собою образецъ древнихъ Іудеевъ, въ первобытной чистотѣ ихъ нравовъ, обычаевъ, всей бытовой обстановки.

Третья часть—«Abne milium» представляетъ собою окончаніе вышеупомянутаго сочиненія «Іудейзмъ».

Кромѣ нечисленныхъ большихъ сочиненій, Левензонъ много трудился надъ составленіемъ различныхъ проектовъ, представленныхъ имъ нашему правительству, въ видахъ улучшенія быта еврейскаго народа и расширенія его гражданскихъ правъ.

Изъ этихъ проектовъ особенно замѣчательнъ представленный имъ

въ декабрѣ 1831 года, министру народнаго просвѣщенія, на нѣмецкомъ языкѣ, о необходимости религіознаго преобразованія у евреевъ и учрежденія такихъ для нихъ училищъ, въ которыхъ они воспитывались бы, сообразно требованіямъ времени.

Въ 1833 году, проектомъ, поданнымъ министру внутреннихъ дѣлъ, Левензонъ доказывалъ необходимость уничтоженія негласныхъ еврейскихъ типографій, печатающихъ книги безъ цензурнаго дозволенія, и пересмотра всѣхъ напечатанныхъ до того времени халдейскихъ и гебрійскихъ книгъ; при этомъ Левензонъ представилъ каталогъ такихъ книгъ, имъ составленный, съ краткими ихъ рецензіями. Этотъ проектъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, обратилъ на себя вниманіе правительства, и, въ 1836 году, послѣдовало высочайшее повелѣніе привести его въ исполненіе.

Затѣмъ, въ 1834 году, Левензонъ проектировалъ надѣленіе евреевъ землей и обращеніе ихъ въ хлѣбопашцевъ. Представленію этого проекта онъ предпослалъ воззваніе къ своимъ одноплеменникамъ, приглашая ихъ взяться за рало и серпы, переставъ искать средствъ своего существованія въ легковѣрїи и слабостяхъ своихъ ближнихъ. Представленіе своего проекта правительству Левензонъ сопровождалъ множествомъ подписокъ, бывшихъ результатомъ его воззванія къ евреямъ, что обратило на его представленіе вниманіе покойнаго Государя Императора и, надо полагать, было первымъ поводомъ образованія еврейскихъ колоній на югѣ Россіи ¹⁾.

Наконѣцъ, во время моего знакомства съ Левензономъ, т. е. въ 1846 году, печатались въ Вильнѣ два его сочиненія: одно—имѣло цѣлью доказать, что извѣстная «Пѣснь пѣсней» несправедливо приписывается Соломону;—другое—«Pihuche chotom» развивало ученіе о Метатронѣ—наперстникѣ Бога, участникѣ всѣхъ благихъ дѣлъ Его, защитникѣ Израїля, соприсутствующемъ Богу, когда Онъ, въ день судный, воссѣдая на тронѣ, взвѣшиваетъ дѣянія смертныхъ;—и третье—«Sheker milim» представляло собой критику на извѣстный словарь Бензеба—«Ozag Noschraschim» (Вѣна. Изд. 2, 1839).

Вотъ, что мнѣ извѣстно о трудахъ Левензона до 1846 года. Чтò онъ написалъ послѣ этого? чѣмъ именно заслужилъ онъ титулъ «зна-

¹⁾ Извѣстно, что первыя еврейскія колоніи—Бричевъ и Меркулешти, въ Бессарабіи, образованы въ 1838—39 годахъ; затѣмъ уже, въ 1839—42 годахъ, образовались колоніи: Вертожанъ и Валя-Луй-Владъ. Въ 1843 году, евреи-мѣщане города Карасубазаръ устроили земледѣльческую колонію Рогатикой, Евпаторійскаго уѣзда, Таврической губерніи. Колонія эта въ крымскую кампанію была раззорена, и евреи, въ 1859 году, обращены въ Карасубазарскіе мѣщане.

менитаго ученаго и поэта», употребленное въ извѣщеніи о его смерти:—сочиненіями, мною исчисленными, или вновь имъ написанными? Какъ онъ, разбитый недугами, попалъ изъ Кременца въ Вильно? какъ онъ, еле живой во время моего съ нимъ знакомства, прожилъ еще послѣ того 32 года? Наконецъ, «Русская Правда» извѣщаетъ о смерти того-ли самаго Левензона, о которомъ говорю я?—Не умѣю отвѣчать на эти вопросы, потерявъ изъ виду своего стараго знакомаго съ 1846 года. Но если мой знакомецъ Левензонъ и не тотъ, о которомъ извѣщаетъ «Русская Правда», то исчисленіе вышеприведенныхъ произведеній Исаака Беръ Левензона показываетъ его право на вниманіе со стороны почитателей отечественныхъ талантовъ, къ какому бы племени они ни принадлежали—безразлично. По этому-то мнѣ и не позволила совѣсть промолчать о моемъ случайномъ знакомствѣ съ почтеннымъ труженникомъ, всю жизнь свою посвятившимъ наукѣ и, во время моего знакомства съ нимъ, жившимъ въ великой, поразительной бѣдности.

Дѣйствительно, жизненная обстановка Левензона представляла замѣчательное явленіе. Онъ, повидимому, говоря словами Гоголя, научился «постигать, что изъ нужнаго есть самое нужнѣйшее»: питался, какъ самые бѣдные его современники, какимъ-нибудь клочкомъ рыбы, нѣсколькими головками чесноку или луку, да чуть-ли не коркой хлѣба; пилъ одну воду; одѣвался въ лохмотья и позволялъ себѣ одну только роскошь—табакъ: съ трубкой онъ почти не разставался.

Единственнымъ, скуднымъ, конечно, средствомъ его существованія была продажа его изданій, но и на эти средства онъ еще какъ-то ухитрялся содержать при себѣ семейство своего брата; оно-то и занимало ту лачужку, на чердакѣ которой я нашелъ Левензона, пользовавшагося уже тогда въ 1846 г. немалую извѣстностью у европейскихъ ученыхъ.

Н. В. Алабинъ.

• Г. Самара.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со списками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Малютова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Илк. Ив. Малютова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Изягородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

- I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: не издавныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библиографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ десятый.

І Ю Н Ъ.

1879 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Наземная крепость при Еноте- рнѣ и. Очеркъ изъ историче- скихъ изслѣдованій. Состав. П. Н. Семеновскій. [Окончаніе]. Гл. XI. Община-волость и по- дворное землевладѣніе	231	Кавказской линіи, 1851 — 1853 гг. Изъ записокъ М. Я. Ольменовскаго. Главы I и II.	307
II. Мамъ Андреевичъ Толстой, гу- бернаторъ въ Азовѣ † 1718 г.: письма къ нему Петра Великаго. Самбц. П. С. Толстой, 1709— 1712 гг.	249	VII. Александръ Сергѣевичъ Пуш- кинъ. Глава I, 1799—1820 гг.	371
III. С.-Петербургъ въ 1720-мъ году. Записки полковника-офицера. По- редакъ съ польскаго. (Самбц. П. А. Пташницкій	263	VIII. Воспоминанія М. А. Голыцина, 1838—1878 гг. Жизнь и труды бывшаго крѣпостнаго крестьяни- на, основателя автографнаго въ- слободы Истортъ и архиволога (Окончаніе).	353
IV. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ, 1764 г. Глава III.—Заговоръ Миркина.—Помѣщеніе.—Смерть уличка.—Домовая его стра- жа.—Писала Панина, Нелаве- ва и императрица Екатерина по повелю Штисельбургскаго событія	291	IX. Митрофанъ, архіеп. Херсонскій и Тавричскій. Письма 1852 г. Самбц. и выдѣчатае съ разрѣ- шенія Его Императорскаго Высоч- ества Великаго Князя Ко- нстантина Николаевича	367
V. Косровъ - Мирза, персидскій принцъ 1802—1875 гг. Исто- рико-біографическій очеркъ. Состав. в. особц. Ад. П. Верже.	333	X. Очерки, рассказы, записки: 1) Врагъ живой женщины въ земли въ 1739 г. (Самбц. А. Н. Скандера (394). 2) Суво- рова. Самбц. М. П. Богданови- чичъ (399). 3) Эпизодъ изъ оса- ды Варшвы въ 1828 г. (Самбц. А. Н. Вергичъ (400).	
VI. Мн. Александръ Ивановичъ Ба- ратинскій—на лѣвлю флага		XI. Библиографическій листокъ: по- нимы историч. книги. Состав. (изъ обертъ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ: I. Снимки съ собственноручныхъ писемъ и чертежа Петра Великаго
(изъ стр. 257) и II. Портретъ КОСРОВ-МИРЗЫ, персидскаго принца.

*Продолженіе выхонокъ И. В. Верта о Палескомъ волстаніи въ 1863 г. будеть
полномочено въ Голаской книгѣ.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. О. ВАЛАНШЕВА.

Издательскій вынокъ, вынокъ Волосковскаго о Маркитичѣхъ вынокъ. № 10—1.

1879.

ХОСРОВ-МИРЗА,

ПЕРСИДСКІЙ ПРИНЦЪ.

р. 1813 † 1875.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1879 Г.

ИЗДАНО КНЯЗЬМЪ РОВ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 11 МАЯ 1879 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУД. БУМАГЪ.

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

[Окончаніе].

XI ¹⁾.

ОВЩИНА-ВОЛОСТЬ И ПОДВОРНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.

Мы окончили изученіе быта двухъ большихъ отдѣловъ казеннаго населенія—черносошныхъ крестьянъ (съ вышедшими изъ ихъ среды половниками) и однодворцевъ; остается только подвести главнѣйшіе итоги нашего изслѣдованія относительно тѣхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія, съ которыми намъ пришлось познакомиться и на изученіи которыхъ мы останавливались съ особеннымъ вниманіемъ. Передъ нами двѣ формы землевладѣнія: съ одной стороны, волостная община—у крестьянъ черносошныхъ; съ другой, участковое землевладѣніе—у однодворцевъ. Мы предполагали сказать еще нѣсколько словъ о старыхъ служебъ служилыхъ людяхъ, но такъ какъ они представляютъ много общаго съ однодворцами, то, въ виду большихъ размѣровъ, которые принялъ нашъ очеркъ, мы отлагаемъ, до поры до времени, исполненіе этого намѣренія; замѣтимъ только, что по отношенію къ землевладѣнію старыхъ служебъ служилые люди составляютъ какъ бы переходъ отъ черносошныхъ крестьянъ къ однодворцамъ, такъ какъ въ однихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ у нихъ мірское землевладѣніе, а въ другихъ—подворное ²⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 1—40, 247—266, 377—396; 621—638; томъ XXV, стр. 34—54.

²⁾ Старыхъ служебъ служилые люди г. Пензы прямо называютъ свои земли мірскими и, въ противоположность помѣстнымъ землямъ однодворцевъ. Од-

Мы указали на неблагоприятные результаты перепродажи земель и отсутствия передѣловъ при первой формѣ землевладѣнія: уменьшеніе общаго количества земель, находившихся въ распоряженіи крестьянъ, вслѣдствіе того, что въ ихъ среду вторгаются посторонніе элементы (деревенскіе владѣльцы изъ мѣщанъ, купецъ, духовенства и приказныхъ служителей), и сильное развитіе имущественнаго неравенства, доходящее до того, что значительная часть населенія превращается въ безземельныхъ бобылей. Эти послѣдніе становятся бременемъ для самой общины, такъ какъ не въ состояніи платить государственныхъ подати, а не то принуждены бывають и вовсе покинуть свое родное гнѣздо и идти—въ половники, какъ это было на сѣверѣ европейской Россіи, или въ кабалу—въ Сибири. Нужно замѣтить, что сильное имущественное неравенство отзывалось неблагоприятно не на однихъ этихъ обездоленныхъ бѣднякахъ: не одни половники доходили до такого унижительнаго состоянія, что подвергались даже тѣлеснымъ наказаніямъ отъ деревенскаго владѣльца, на землю котораго они переселились, и которымъ могъ быть крестьянинъ той же волости, какой-нибудь «мірососъ», разбогатѣвшій посредствомъ эксплуатаціи своихъ сосѣдей—но даже и цѣлая волость могла очутиться чуть не въ вѣрнопостной зависимости у мѣстнаго кулака, въ такой зависимости, что крестьяне безропотно подчинялись наказаніямъ и шли даже въ рекруты по его велѣнію (мы видѣли это на примѣрѣ Новикова въ Сибири).

Подворное владѣніе приводило однодворцевъ къ такимъ же печальнымъ результатамъ, но въ еще болѣе сильной степени. И у однодворцевъ, вслѣдствіе отчужденія земель въ руки постороннихъ лицъ, уменьшалось общее количество ихъ владѣній; и здѣсь, какъ и у черносошныхъ крестьянъ, мы встрѣчаемся съ чрезвычайно сильнымъ имущественнымъ неравенствомъ и обезземеленіемъ значительной части населенія. Но если на сѣверѣ Россіи мы нахо-

подворцы, говорятъ они, «предъ нами лучше исправляться могутъ, потому что имѣють за собою помѣстныя собственныя земли, а нѣкоторые люди и крестьянъ; а мы, именованные, поселены въ г. Пензѣ слободами и земли имѣемъ мірскія; отведенныя подъ всѣ тѣ слободы съ крайнимъ недостаткомъ». Напротивъ того, въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ въ наказахъ старшихъ службъ служилыхъ людей указаніе на участковое землевладѣніе. В. С.

димъ иногда, что безземельные бобыли составляли восьмую, шестую, пятую часть и иногда даже четверть всего населенія волости, то, по крайней мѣрѣ, эти неблагоприятныя отношенія уравновѣшивались гораздо лучшими условіями другихъ волостей; между тѣмъ какъ среди однодворцевъ мы встрѣчаемся съ такимъ фактомъ, засвидѣтельствованнымъ лицомъ официальнымъ, что не въ нѣсколькихъ волостяхъ, а въ цѣлой Курской губерніи около четверти однодворцевъ оказались безземельными ¹⁾. Но нужно замѣтить, что въ неблагоприятнымъ результатамъ, общимъ подворной формѣ землевладѣнія съ общинно-волостною, у однодворцевъ присоединились еще другія печальныя явленія. Сѣверная волость, вслѣдствіе того, что въ ея членахъ живо сохранялся общинный духъ, поддерживаемый существованіемъ общихъ интересовъ относительно неподѣленныхъ земель, если и давала возможность постороннимъ людямъ приобрѣтать во владѣніе извѣстныя поземельныя участки отъ обѣднѣвшихъ крестьянъ, то, во-первыхъ, это было возможно только путемъ покупки или выдачи денегъ подъ залогъ земель, а во-вторыхъ, подъ условіемъ несенія повинностей наравнѣ съ членами волости. Правда, «деревенскіе владѣльцы» всячески старались увлечься отъ исполненія предъявляемыхъ имъ требованій, но все-таки это не всегда имъ удавалось. Между тѣмъ какъ помѣщики, купцы и чиновники, приобрѣтавшіе какой-либо участокъ у однодворцевъ, начинали совершенно безцеремонно присоединять и другія земли уже безъ всякой платы. Это объясняется не тѣмъ, что какой-нибудь помѣщикъ имѣлъ болѣе значенія и силы, чѣмъ «деревенскій владѣлецъ» сѣвера (то же, что помѣщики, продѣлывали и купцы, и канцелярскіе служители центральной Россіи, которые сами по себѣ были въ одинаковомъ положеніи съ сѣверными горожанами и чиновниками), а тѣмъ, что они встрѣчали въ обществѣ однодворцевъ не такое сопротивленіе, какое оказали бы подобному насилию черносопные крестьяне. Въ сѣверной общинѣ мы не замѣчаемъ никакихъ слѣдовъ поземельныхъ споровъ между ея членами: каждый безпрепятственно владѣетъ тѣми полями, что обработалъ онъ

¹⁾ Точно также отъ официального лица мы узнаемъ, что однодворцы Елецкой провинціи были бѣднѣ помѣщичьихъ крестьянъ.

самъ, или его дѣды и прадѣды, — тѣми пожнями, которыя они разчистили; если споры о землѣ и возникали, то они оканчивались своими же выборными властями ¹⁾). Не то было у однодворцевъ: тамъ споры о земельныхъ участкахъ, наръзанныхъ первоначально отдѣльно каждому члену общества и затѣмъ крайне раздробившихся, вслѣдствіе обычая равнаго наслѣдованія, доводили ихъ владѣльцевъ до ожесточенныхъ схватокъ, или до безпрестанныхъ жалобъ въ правительственныя учрежденія и безконечныхъ тяжбъ, которыя доставили однодворцамъ совершенно заслуженное прозваніе сутягъ и ябедниковъ. Если бѣдники среди черносошныхъ крестьянъ принуждены были иногда дѣлаться половниками, то, какъ ни тяжела была экономическая зависимость отъ хозяина, — при благоприятныхъ условіяхъ, онъ могъ все-таки, скопивъ денегъ, вновь возвратиться въ волость и жить въ ней или свободнымъ бобылемъ, или пріобрѣсти себѣ вновь участокъ земли; несомнѣнно, такіе случаи были не часты, но все таки они совершенно возможны. Однодворцевъ же нужда доводила иногда до болѣе печальнаго исхода: они бѣжали отъ своихъ обществъ къ помѣщикамъ и тамъ закрѣпощали себя. Было, наконецъ, и еще одно отличіе въ поземельныхъ отношеніяхъ однодворцевъ и черносошныхъ крестьянъ, неблагоприятное опять-таки для перваго изъ этихъ разрядовъ сельскаго населенія. Мы встрѣтили въ одномъ изъ наказовъ черносошныхъ крестьянъ заявленіе, что они не рѣшаются пользоваться выморочными землями, находящимися въ ихъ волости; такъ какъ они были записаны за прежними владѣльцами въ писцовыя книги. Уже одно то, что это заявленіе встрѣчается только одинъ разъ, доказываетъ, что не вездѣ крестьяне были настолько щепетильны; они, несомнѣнно, въ случаѣ малоземелья, пользовались и выморочными участками, хотя, конечно, могли желать, чтобы это было санкціонировано закономъ. Какъ бы то ни было, если даже выморочные участки и не находились въ пользованіи другихъ крестьянъ, они обыкновенно не переходили во владѣніе людей постороннихъ; не то было среди однодворцевъ: тамъ выморочныя земли, несмотря

¹⁾ Исключеніе составляютъ только крестьяне Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губ., быть можетъ, потому, что они были приписаны къ заводамъ и потому входили въ болѣе близкое столкновеніе съ администраціей. В. С.

на то, что общество платило до новой ревизіи подати за вымышленыя души, отдавались присутственными мѣстами въ аренду разнымъ лицамъ, преимущественно же помѣщикамъ, которые потомъ, посредствомъ насильственныхъ захватовъ, уже прочно вѣдрялись въ однодворческія владѣнія.

Запрещеніе продажи земель, какъ однодворческихъ, такъ и чернососныхъ, постороннимъ лицамъ, мы находимъ еще въ XVII вѣкѣ; въ первой половинѣ XVIII в. встрѣчаемъ даже указы объ отобраніи незаконнопріобрѣтенныхъ земель у ихъ владѣльцевъ, но указы эти или отменяются (относительно чернососныхъ крестьянъ), или не исполняются (у однодворцевъ). Между тѣмъ необходимость возвращенія этихъ отчужденныхъ земель живо чувствуется землевладѣльцами, и объ этомъ чернососные крестьяне, и однодворцы ходатайствуютъ въ своихъ наказахъ. Постановленіе межевой инструкціи 1766 года, утвердившее продажи земель, сдѣланныя послѣ запретительнаго указа 1727 г., а также оставившее за владѣльцами однодворческія земли, самовольно ими заселенныя, было неприятно однодворцамъ, тѣмъ болѣе, что сборъ за эти земли въ ландмилищную сумму былъ назначенъ самый ничтожный (всего по 5 коп. съ десятины)¹⁾; предписаніе о возвращеніи чернососнымъ волостямъ земель, отчужденныхъ постороннимъ владѣльцамъ, было неисполнено, и въ концѣ концовъ эти земли (въ нынѣшнемъ столѣтіи) были даже признаны собственностію ихъ владѣльцевъ. Наконецъ, самая важная въ этомъ отношеніи мѣра межевой инструкціи 1766 г., ко-

¹⁾ Депутатъ отъ однодворцевъ Бѣлгородской провинціи, Маслово, жалуясь въ комиссіи уложенія на то, что, вслѣдствіе малоземелья, однодворцы принуждены арендовать за дорожную цѣну свои же земли, захваченныя у нихъ разными владѣльцами, — въ такихъ выраженіяхъ указываетъ на недостаточность сбора за эти земли: «егда-бъ у коего гражданина или у московскаго жителя отнять домъ или хотя тотъ, который держитъ для постоя и отдаетъ въ наемъ, и отъ того дому пропитаніе имѣеть, а тому обидчику, который его выгналъ, вриѣтрѣмъ положить за насильное владѣніе неин платитъ бы ему въ годъ одинъ рубль, а онъ бы получалъ съ того дому отдаваніемъ въ наемъ 100 рублей, да и выгнанный съ того дому принужденъ бы у него жъ нанимать въ своемъ домѣ самый малый уголокъ (и) дать бы тому обидчику великую цѣну, ... чтобы.... (въ) нужное время дѣтей не поморозить, то посмотрите, почтенивѣйшее собраніе господа депутаты, ... не безмѣрная-ли тому обиженному послѣдовала бы жалость?».

торая составляет ея отличіе отъ предшествовавшихъ правительственныхъ распоряженій, ограничивавшихъ свободное распоряженіе землями,—запрещеніе отчуждать черносошныя и помѣстныя земли не только постороннимъ лицамъ, но и перепродавать ихъ членамъ того же сословія,—несомнѣнно, принесла извѣстную долю пользы, но не достигла вполнѣ своей цѣли, такъ какъ и послѣ того продажа земель продолжалась и на сѣверѣ, и въ центрѣ Россіи, хотя вѣроятно въ меньшемъ размѣрѣ. Да это такъ и должно было быть, такъ какъ возможность этого отчужденія объясняется отсутствіемъ у разсматриваемыхъ нами отдѣловъ крестьянъ права на опредѣленный поземельный надѣлъ, пропорціональный размѣрамъ государственныхъ повинностей, лежащихъ на земледѣльцѣ, другими словами—отсутствіемъ передѣловъ земли.

Необходимость введенія передѣловъ начинаютъ сознавать въ началѣ второй половины XVIII в. не только черносошныя крестьяне, но даже и однодворцы, хотя желаніе это встрѣчаетъ, разумѣется, самый сильный отпоръ со стороны разбогатѣвшихъ кулаковъ, скупившихъ земли у своихъ обдѣльшихъ товарищей. Одновременно съ этимъ раздаются голоса о необходимости введенія передѣловъ и изъ среды мѣстной администраціи. Крестьяне высказываютъ желаніе не только того, чтобы отняты были земли у постороннихъ владѣльцевъ и отданы были бы имъ во владѣніе по числу душъ, но мѣстами уже назрѣло сознаніе необходимости подвергнуть такой разверсткѣ и собственно крестьянскія земли. Нечего удивляться, что мы рѣдко встрѣчаемъ въ наказахъ такія желанія; если «большетяглые» крестьяне и богатые однодворцы протестовали самымъ энергическимъ образомъ противъ осуществленія такихъ желаній, какъ это прямо видно изъ нѣкоторыхъ указаній, то, разумѣется, они могли препятствовать даже и заявленію ихъ въ наказахъ. Тѣмъ не менѣе желаніе уравнительнаго раздѣла земли по душамъ высказывается въ наказѣ одной волости Тотемскаго уѣзда; крестьяне другой волости Холмогорскаго уѣзда раздѣляютъ «по паямъ между неимущими для уравниенія съ другими» земли, находившіяся прежде во владѣніи церкви и ея причта. Среди однодворцевъ раскладка по датеі по душамъ также вызываетъ желаніе уравнительнаго раздѣла земли: оно прямо высказывается въ довѣренности, данной своему депутату однодворцами Керенскаго уѣзда, Шацкой про-

винціи, и въ заявленіяхъ мѣстному начальству однодворцевъ Курской губерніи. Что касается желанія правительства и администраціи ввести передѣлы земли, то это, во-первыхъ, предлагали иногда мѣстныя власти самимъ крестьянамъ, какъ напримѣръ, тотемская воеводская канцелярія; затѣмъ Козьминъ указывалъ на необходимость этого въ докладѣ императрицѣ, слѣдственная комиссія на олонецкихъ заводахъ въ докладѣ сенату, туринская воеводская канцелярія (въ Сибири) въ донесеніи елизаветинской комиссіи уложенія. Предположенія послѣдней были даже приведены въ исполненіе при Чичеринѣ, хотя мы не знаемъ, какъ это было сдѣлано и привились-ли тамъ передѣлы. Предложенія слѣдственной комиссіи Лыкошина были одобрены сенатомъ, и предписано было ихъ исполнить, хотя, повидимому, безъ практическихъ результатовъ. Далѣе — относительно однодворцевъ — ливенская воеводская канцелярія предлагала «пахотныя ихъ земли учинить повлинно»; курскій директоръ экономіи также находилъ необходимымъ ввести передѣлы земель у однодворцевъ по числу душъ, на подобіе дворцовыхъ, экономическихъ и др. крестьянъ. Таковы заявленія, которыя намъ удалось встрѣтить при занятіяхъ въ однихъ центральныхъ архивахъ Петербурга и Москвы; сколько же заявленій крестьянъ, сколько пожеланій администраціи, можетъ быть, скрывается еще въ мѣстныхъ старинныхъ документахъ, которые долго будутъ ждать своего изслѣдователя, если разборомъ ихъ не займутся мѣстныя научныя силы. Но приведеннаго уже достаточно, чтобы показать, что въ тогдашнее время въ администраціи часто раздавались голоса за введеніе передѣловъ. Осуществленіе на практикѣ правительственныхъ пожеланій было не всегда удачно вслѣдствіе незнакомства со всѣми народными обычаями относительно общиннаго владѣнія землею. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, при введеніи деревенской общины въ Архангельской губерніи, правительство игнорировало то обстоятельство, что многія земли находятся въ общинномъ пользованіи всей волости, между тѣмъ какъ еще при Екатеринѣ II крестьяне ходатайствовали въ своихъ наказахъ, чтобы земли, находящіяся въ пользованіи даже нѣсколькихъ сосѣднихъ волостей, были оставлены въ прежнемъ положеніи. Понятно, что насильственное раздѣленіе всей волостной земли между отдѣльными деревнями вызвало неудовольствіе среди крестьянъ.

Но каковы бы ни были ошибки правительства, оно имѣло, во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вв., полезное вліяніе на распространеніе общиннаго землевладѣнія съ передѣлами земли отъ центра Россіи въ чѣя окраинамъ ¹⁾. Если вполнѣ несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые, какъ г. Чичеринъ, утверждаютъ, что правительство создало поземельную общину, то нельзя не признать увлеченіемъ и взгляда другихъ, которые совершенно отрицаютъ какое бы то ни было участіе его въ исторіи нашего общиннаго землевладѣнія. Факты, собранные въ нашемъ трудѣ, рисуютъ дѣло въ такомъ видѣ, что къ сознанию необходимости передѣловъ приходили сами собою не только черносошные крестьяне, пользовавшіеся уже частію земель сообща, но даже и однодворцы, при существованіи у нихъ участвоваго владѣнія ²⁾. Дѣло же правительства состояло въ томъ, что оно подмѣчало созрѣвающую народную потребность и, по крайней мѣрѣ относительно черносошныхъ крестьянъ, содѣйствовало ея удовлетворенію (хотя и впадало иногда при этомъ въ ошибки), помогая такимъ образомъ распространенію центральнаго типа общины къ окраинамъ Россіи. Но оно такимъ образомъ только ускорило процессъ, который и безъ того завершился бы переходомъ къ новому типу общины или даже къ новой формѣ землевладѣнія (отъ участковой къ общинной).

Что это дѣйствительно такъ, видно и изъ фактовъ прошлаго, и изъ явленій современной жизни; разница только въ томъ, что когда формы землевладѣнія измѣняются путемъ самодѣтельности общинъ, то не бываетъ тѣхъ быстрыхъ скачковъ, какіе мы видимъ, напримѣръ, въ Архангельской губерніи при насильственномъ переходѣ отъ общины-волости къ общинѣ-деревнѣ, хотя и тамъ крестьяне, несмотря на административное давленіе, сумѣли сохранить нѣкоторые остатки старинныхъ порядковъ. Посмотримъ, какъ совершается этотъ процессъ при его естественномъ ходѣ.

¹⁾ Сравни Keussler. Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland. 1876, I, 76—77.

²⁾ Правда, въ XVIII в. мы встрѣчаемъ одно важное обстоятельство, немало вліявшее на образованіе у крестьянъ стремленія къ передѣламъ земли и отсутствовавшее въ предшествовавшія столѣтія—мы разумѣемъ подушную подать; однако, передѣлы существовали въ центральной Россіи еще въ XVI вѣкѣ, задолго до введенія этой подати.

Въ прошломъ столѣтіи крестьяне Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, хлопотали въ комисіи уложенія о сохраненіи за ними права продажи поземельныхъ участковъ; безъ сомнѣнія здѣсь совершенно отсутствовали передѣлы земли, какъ это было и въ сѣверныхъ частяхъ Олонецкой губерніи, а также и въ Архангельской, Вологодской, Вятской и въ Сибиріи. Теперь этотъ прежній типъ сохранился въ Олонецкой губерніи въ чистомъ видѣ лишь въ сѣверозападной и сѣверной ея частяхъ, а въ остальныхъ мы встрѣчаемъ уже передѣлы между однопольными трехпольныхъ пашень, тогда какъ сѣнокосы, расчищенные отдѣльными домохозяевами, не передѣляются; но настаетъ время, когда мѣръ признаетъ, что трудъ, затраченный тѣмъ, который расчистилъ пожню, достаточно окупился, и она поступаетъ въ передѣлъ: это бываетъ обыкновенно черезъ 40 лѣтъ послѣ того, какъ пожня была расчищена, но бываетъ иногда, по усмотрѣнію мѣра, и ранѣе. Однако тамъ, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, передѣлы оказываются неудобными вслѣдствіе кочковатости, разбросанности участковъ, какъ напримѣръ, въ Петрозаводскомъ уѣздѣ,—передѣлы не привились и до сихъ поръ, несмотря на то, что правительство желало ввести ихъ тамъ еще въ прошломъ столѣтіи. То же мы замѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ. Изъ наказовъ Великоустюжскаго уѣзда положительно видно, что тамъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія не было передѣловъ земли¹⁾; между тѣмъ теперь трехпольныя пашни, окружающія деревни, уже передѣляются во время ревизіи между крестьянами; обработанные же клочки земли за полями и по паствѣ, вдали отъ деревни, остаются, до поры до времени, въ частномъ владѣніи; однако и здѣсь, когда «старая дерюга» окупилась, община пускаетъ ее въ передѣлъ. Часть луговъ находится въ пользованіи всей волости, остальными же пользуется каждая деревня отдѣльно, дробя ихъ на участки или обрабатывая сообща и затѣмъ раздѣляя собранное сѣно. Такъ, самъ собою, въ общинѣ волости установился обычай передѣловъ земли, или даже передѣловъ продукта (послѣднее началось лѣтъ 40—30

¹⁾ См. вторую главу нашей статьи въ «Русской Старинѣ» 1879 г., томъ XXIV, стр. 19.

тому назад) помимо всякихъ правительственныхъ мѣръ ¹⁾. Та-вѣя же поземельныя отношенія мы находимъ и въ Вятской губерніи ²⁾. Процессъ постоянныхъ измѣненій этихъ отношеній совершается и въ Сибири. «Общинное землевладѣніе въ Сибири», говоритъ мѣстный наблюдатель, «не будучи приведено въ форму какого-либо положенія, является началомъ живымъ, развивающимся сообразно нуждамъ и условіямъ самой общины. Въ одномъ мѣстѣ, особенно вблизи городовъ, въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, оно проведено болѣе или менѣе строго, и для него выработаны юридическія правила, опредѣляющія до подробностей способы надѣленія, пользованія и передѣловъ, какъ земель пахатныхъ, такъ и сѣнокосовъ, и даже лѣсовъ. Въ болѣе же отдаленныхъ участкахъ, съ рѣдкимъ населеніемъ, земля по-прежнему вольная, и мѣръ и не думаетъ заявлять своихъ правъ и выработывать условія для пользованія ею: всякій пашни и коса, гдѣ хочешь; руби лѣсъ и дрова, гдѣ люби! Придетъ пора, и мѣръ вступить въ свои права, выработаетъ свои условія, которыя будутъ для всѣхъ обязательны. У богатаго, успѣвшаго обработать сотню десятинъ, онъ или отнимаетъ часть пашень для надѣленія другихъ, или опредѣляетъ срокъ пользованія—20, 40 или 90 лѣтъ. Затѣмъ сѣнокосныя мѣста станутъ дѣлится по душамъ, наконецъ, доберется и до лѣса и закажетъ рубить тутъ или тамъ» ³⁾. Все видоизмѣняется сообразно потребностямъ времени и мѣста.

Путемъ самодѣятельности общинъ совершается не только смѣна типовъ общиннаго землевладѣнія, но иногда и переходъ отъ участковаго землевладѣнія въ общинному. Мы говорили уже, что одноворцы, не только переселяясь на новыя мѣста,—въ Оренбургскую губернію, на Кавказъ и въ Сибирь—начинали владѣть землею на общинномъ правѣ, но что и на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительство, въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ, участко-

¹⁾ Остроумовъ. Наблюденія надъ поземельными отношеніями крестьянъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ. «Молва» 1876 г., № 31.

²⁾ Романовъ. Краткіе очерки уѣздовъ Вятской губерніи. Вятка. 1875 г., вып. I, стр. 15—16, 171—172.

³⁾ Газета «Сибирь» 1877 г., № 20. На Левѣ пашни не передѣляются, а косы дѣлятся ежегодно (А. П. Щаповъ). В. С. •

вое владѣніе смѣнялось у нихъ общиннымъ. Какъ это дѣлалось, мы не знаемъ, но для сравненія можно упомянуть о томъ, что подобныя явленія встрѣчались въ весьма недавнее время даже среди малороссовъ. Такъ Л. О. Котелянскій, даровитый писатель ¹⁾, преждевременно похищенный смертію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, указалъ на введеніе общиннаго землевладѣнія въ одной, населенной малороссами, волости Курской губерніи, по инициативѣ мѣстнаго старшины. Прослышавъ о правительственномъ распоряженіи относительно введенія общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи, онъ подговорилъ крестьянъ произвести передѣлъ, сжегъ всѣ прежніе акты на владѣніе (нѣкоторыя земли были пожалованы гетманскими и полковничьими универсалами малороссійскимъ казакамъ), кромѣ купчихъ яръ-постей, и произвелъ передѣлъ съ согласія мѣстнаго окружнаго начальника, завѣдывавшаго казенными крестьянами. Послѣ того партія людей богатыхъ была недовольна передѣломъ, на который она согласилась только по недоразумѣнію, но должна была подчиниться большинству. Однако, общинное землевладѣніе привилось въ этой волости; черезъ десять лѣтъ былъ произведенъ новый передѣлъ («Русская Правда», 1879 г., № 6). Въ этомъ случаѣ мы опять видимъ, что слухъ о правительственномъ распоряженіи послужилъ только толчкомъ къ осуществленію общинныхъ стремленій, которыя, безъ сомнѣнія, сказывались и ранѣе; а мѣстный администраторъ своимъ присутствіемъ лишь освятилъ рѣшеніе громады.

Подведя итоги тѣмъ выводамъ, которые вытекаютъ изъ фактовъ, собранныхъ въ настоящемъ очеркѣ, мы хотимъ остановиться еще на вопросѣ о различіи между волостію-общиною, хотя бы и при совершенномъ отсутствіи въ ней передѣловъ, и участковымъ землевладѣніемъ однодворцевъ. Дѣйствительно, съ перваго взгляда, между ними есть многія черты сходства: и тамъ, и здѣсь пахатною и сѣновосною землею пользовались подворно; и тамъ, и здѣсь отчуждали извѣстные участки земли ²⁾; и та, и другая форма производила во многомъ сход-

¹⁾ См. его статью о крестьянскомъ землевладѣніи въ Малороссіи подъ заглавіемъ: «Очерки подворной Россіи» («Огеч. Записки» 1877—78 гг.).

²⁾ Въ Вятской губерніи еще и въ настоящее время бывають случаи продажи «росчистей», т. е. сѣновосныхъ участковъ, находящихся въ личномъ пользованіи (Романовъ. Крайкіе очерки уѣздовъ Вятской губерніи, стр. 16).

ные неблагоприятные результаты. Есть еще одна черта сходства, которая требует, однако, оговорки. У однодворцевъ Козловскаго уѣзда, Тамбовской провинціи, были лѣса, находившіеся въ общинномъ пользованіи. Какъ объяснить себѣ подобное явленіе? Разъясненіемъ для него можетъ послужить приведенное выше свидѣтельство однодворцевъ Свіяжскаго уѣзда: «во многихъ нашихъ деревняхъ», писали они въ своемъ наказѣ, «дѣды и отцы наши жалованы помѣстными оклады и въ тѣ оклады даваны земли и прочія угоды, и тѣ земли значатся и понынѣ въ переписныхъ книгахъ и въ данныхъ у насъ выписяхъ четвертьми на каждую семью разнo, а рѣдко таковыхъ, которые бы вообще имѣли всѣмъ жиламъ окружныя дачи». И такъ, на основаніи этого свидѣтельства, можно думать, что хотя помѣстные земли отмежевывались предкамъ однодворцевъ по большей части отдѣльными участками, но бывали случаи, что онѣ отводились многимъ владѣльцамъ въ одну окружную межу; въ этихъ-то случаяхъ и могли быть у однодворцевъ лѣса въ общинномъ пользованіи; въ другихъ же наказахъ говорится лишь о лѣсахъ казенныхъ, въ которые однодворцамъ было дано право вѣзда. Необходимо впрочемъ замѣтить, что даже и тамъ, гдѣ лѣса находились въ общемъ пользованіи, однодворцы иногда высказывали желаніе раздѣлить ихъ подворно, пропорціонально количеству земли, находящейся во владѣніи каждаго домохозяина.

Такимъ образомъ, угоды, находившіяся въ нераздѣльномъ пользованіи членовъ одной волости, а иногда и нѣсколькихъ волостей, составляли почти всегда отличительный признакъ волостной общины черносошныхъ крестьянъ отъ участковой формы владѣнія у однодворцевъ. Но самое существенное, по нашему мнѣнію, отличіе этихъ двухъ формъ землевладѣнія заключается въ совершенно различномъ ихъ происхожденіи. Волостная община есть форма поземельныхъ отношеній, сложившаяся естественнымъ образомъ, помимо всякаго правительственнаго давленія, задолго даже до того, какъ правительство наложило руку на потомковъ тѣхъ отважныхъ новгородцевъ, которыхъ удаля и желаніе жить на всей своей волѣ завело въ отдаленныя дебри сѣвера Россіи. Здѣсь, какъ мы уже замѣтили въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, правительство не надѣляло каждаго крестья-

нига отдѣльнымъ участкомъ земли, оно знало только группы этихъ крестьянъ (въ формѣ волости, погоста и т. п.), которые принимали новыхъ поселенцевъ на земли, находившіяся въ ихъ пользованіи. Напротивъ того, однодворческое землевладѣніе есть вполнѣ созданіе государства, такъ какъ правительство отводило земли служилымъ людямъ отдѣльными участками на помѣстномъ правѣ. Правда, община-волость стѣснялась, до поры до времени, въ измѣненіи строя своихъ поземельныхъ отношеній тѣмъ, что поземельные участки, находившіеся въ личномъ пользованіи ея членовъ, были отдѣльно помѣчены въ писцовыхъ книгахъ, но какъ только предписанія межевой инструкціи объ отмежеваніи земель окружною межою къ селеніямъ дали возможность не считаться съ этимъ обстоятельствомъ, какъ община-волость начала измѣнять поземельныя отношенія и вводить постепенно, по мѣрѣ надобности, передѣлы пашень. Различіе между общиною и подворною формою землевладѣнія прекрасно понимали сами крестьяне: такъ, старыхъ служебъ служилые люди г. Пензы прямо противопоставляютъ свои «мірскія земли» — «помѣстнымъ собственнымъ землямъ однодворцевъ».

Что касается вопроса о сравнительной выгодности для земледѣльческаго населенія волостной общины и подворнаго владѣнія, то уже изъ всего сказаннаго достаточно ясно, что первой изъ этихъ двухъ формъ землевладѣнія несомнѣнно должно быть отдано преимущество. Уже одно то составляетъ ея громадное достоинство, что она даетъ возможность введенія иныхъ, болѣе уравнительныхъ поземельныхъ отношеній между членами волости безъ всякой ломки, даже безъ участія въ этомъ дѣлѣ администраціи, исключительно по рѣшенію волостнаго міра, по соображенію съ мѣстными нуждами и потребностями.

Послѣ приведенныхъ выше фактовъ нечего и говорить о томъ, какъ вредно отозвалось бы на благосостояніи крестьянъ введеніе подворной формы землевладѣнія; стремленіе нѣкоторыхъ современныхъ администраторовъ разрушить общинное землевладѣніе доказываетъ совершенное незнакомство ихъ съ исторіею русскаго народа. Въ этомъ отношеніи, какъ мы указывали выше, правительство второй половины XVIII и первой половины XIX вв. гораздо вѣрнѣе понимало истинныя народныя потребности. Правда,

еще и при Екатеринѣ II въ средѣ высшей администраціи встрѣчались люди, проектировавшіе насильственное превращеніе общиннаго землевладѣнія въ подворное; но взгляды эти не встрѣчали сочувствія ¹⁾, и правительство принимало мѣры относительно крестьянскихъ земель въ совершенно противоположномъ направленіи.

Что касается превращенія волостной общины въ общину-деревню, то факты, приведенные въ нашей статьѣ, доказываютъ, что такое превращеніе весьма желательно; но, какъ мы указали, оно совершается само собою, путемъ самодѣтельности общины, и можетъ обойтись безъ помощи со стороны правительства. Существованіе волостной формы общиннаго землевладѣнія съ захватнымъ способомъ пользованія землею обуславливается на сѣверѣ Россіи естественными условіями. «Сѣверъ—не средняя и южная Россія,» говоритъ г. Лалощъ въ статьѣ, посвященной поземельнымъ отношеніямъ крестьянъ Олонецкой губ.: «въ немъ есть своя индивидуальность. Благодаря съ одной стороны малолюдію, а съ другой—многоземелію, фізіономія земельной обработки на сѣверѣ совершенно не похожа на великороссійскую. Земля здѣсь обработана не сплошь, а мѣстами—то тамъ, то сямъ: сплошь обработаться она еще не успѣла... Здѣсь, какъ извѣстно, процвѣтаетъ подсѣчное или переложное хозяйство; но вѣдь для этого хозяйства не всякая лѣсная почва годится... Ключковатость, слѣдовательно, земельной обработки не есть вапризь крестьянскій на сѣверѣ. Крестьянинъ здѣсь, если и идетъ за 15, 20 и даже 30 верстъ для разработки подсѣчной пашни, то онъ вынужденъ это дѣлать. Его гонить нужда такъ далеко. Онъ уходитъ вдаль отъ своего селенія потому, что всѣ мѣста, лежація близъ этого селенія и годныя подъ подсѣчную пашню, уже отбыли повинность и теперь должны отдыхать, должны быть запущены подъ заросль лѣтъ на 20, 25 и болѣе» ²⁾. Такимъ образомъ индивидуальное

¹⁾ См. въ нашей статьѣ: «Крестьяне дворцоваго вѣдомства» проектъ Елагина («Вѣстникъ Европы» 1878 г., № 5, стр. 48 и слѣд.); есть значительное основаніе предполагать, что единичная попытка осуществленія этихъ взглядовъ вызвала народное волненіе (Ibid., № 6, стр. 461—462).

²⁾ «Владѣнныя записки въ Олонецкой губ.» «Отечественныя Записки» 1878 г., № 12, стр. 510—512.

пользованіе пахатными участками и пожнями коренится тутъ въ естественныхъ условіяхъ страны; но мы видѣли, что, съ ограниченіемъ народонаселенія, съ развитіемъ земледѣльческой культуры, крестьяне сами вводятъ передѣлы трехпольныхъ пашень, а въ извѣстныхъ случаяхъ переходятъ даже въ обработкѣ земли обща, съ раздѣленіемъ продукта между участниками въ трудѣ.

Любопытный примѣръ того, какъ земледѣльцы сами приходятъ къ сознанию введенія передѣловъ, представляетъ земля войска Донскаго, гдѣ прежній захватный способъ пользованія общинною землею вызвалъ сильное имущественное неравенство и привелъ наконецъ къ такимъ же ссорамъ и дракамъ, какія мы видѣли при участковомъ землевладѣніи у однодворцевъ. съ тою только разницею, что однодворцы ограничивались ябедничествомъ другъ на друга въ правительственныхъ учрежденіяхъ, а донцы прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ радикальной, вполнѣ дѣйствительной мѣрѣ — введенію передѣловъ земли. Сознаніе ихъ необходимости начинается назрѣвать и въ Уральскомъ войскѣ ¹⁾.

Нежелательность правительственной регламентаціи въ такомъ дѣлѣ, какъ общинное пользованіе землею, очевидна для тѣхъ изслѣдователей, которые имѣли возможность серьезно изучить напѣ крестьянское землевладѣніе. Г. Уэлласъ, энергически вооружаясь противъ насильственного уничтоженія общиннаго пользованія землею, въ тоже время находитъ, что «предложеніе регулировать дѣятельность общины посредствомъ узаконеній евали менѣе достойно порицанія. Безъ сомнѣнія, придетъ время, когда традиціонныя понятія, управляющія теперь этою дѣятельностію окажутся уже недостаточными, и будетъ необходимо пополнить обычное право положительнымъ законодательствомъ. Но это время еще не пришло. Учрежденіе общины имѣетъ еще достаточно жизненности, чтобы не нуждаться въ постороннихъ вліяніяхъ. Оно понимаетъ свой собственный интересъ гораздо лучше, чѣмъ тѣ, кто желаетъ издавать для него законы, и вполнѣ способно дѣлать въ своихъ установленіяхъ и методахъ ихъ исполненія

¹⁾ Относительно поземельныхъ отношеній у Донскихъ казаковъ см. свидѣтельство г. Тимощенкова, приведенное Соколовскимъ («Экономическій бытъ», Спб. 1878, 222—228, срав. 262—263).

всякія измѣненія, какія можетъ требовать его интересъ.... Только крестьяне могутъ быть компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ...¹⁾ Слова эти въ высшей степени мѣтко характеризуютъ современное положеніе дѣла. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что современемъ можетъ потребоваться установленіе законодательнымъ путемъ извѣстныхъ правилъ относительно общиннаго пользованія землей, но это желательно лишь подѣ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы правила эти были выработаны при непосредственномъ участіи представителей самихъ крестьянъ, чтобы въ нихъ принималось во вниманіе все разнообразіе мѣстныхъ условій, чтобы они оставляли все таки широкій просторъ самостоятельности крестьянской общины и только охраняли бы общинное землевладѣніе отъ разлагающаго вліянія тѣхъ элементовъ, для которыхъ полезно обезземеленіе крестьянъ. Современные же администраторы уже потому не могутъ дать правильныхъ регулятивовъ по этому вопросу, что они вовсе не знаютъ крестьянскаго общиннаго права относительно общиннаго землевладѣнія. Изученіе общины только-что началось у насъ, и потребуется еще много лѣтъ для того, чтобы было собрано достаточное количество фактовъ не только для составленія подробныхъ прагматическихъ правилъ, но даже и для вполне вѣрныхъ научныхъ обобщеній. Въ настоящее же время и у людей серьезно изучавшихъ крестьянское землевладѣніе мы находимъ самыя неосновательныя обобщенія вродѣ тѣхъ, какія дѣлаетъ напримѣръ г. Васильчиковъ въ своей послѣдней книгѣ: такъ, когда онъ говоритъ, что крестьяне дѣлятъ землю непремѣнно по тягламъ, а не по числу душъ, или когда онъ говоритъ, что духу русскаго народа совершенно противна обработка земли сообща²⁾,—онъ впадаетъ въ противорѣчіе со многими, уже теперь извѣстными фактами.

И такъ, крестьяне могутъ желать, чтобы не начинали въ высшей степени опасной ломки основныхъ устоевъ ихъ жизни уже потому только, что тотъ классъ общества, который беретъ на

¹⁾ «Сельская община въ Россіи». «Вѣстникъ Европы». 1876 г., № 8, стр. 676—677.

²⁾ «Землевладѣніе и земледѣліе», стр. 706, 775, 732.

себя руководство ихъ жизнию, только теперь начинаетъ догадываться, что общинное землевладѣніе требуетъ и вполнѣ заслуживаетъ серьезнаго, всесторонняго изученія. Дѣло литературы всѣми силами содѣйствовать этому изученію. Тутъ мы считаемъ крайне нежелательнымъ сентиментальное заигрываніе съ народомъ и указаніе только на свѣтлыя стороны общинныхъ порядковъ: истинная любовь къ народу связывается не въ фальшивой его идеализаціи, а въ трезвомъ, правдивомъ отношеніи къ созданному имъ кодексу житейскихъ отношеній. Но, въ то же время, мы не можемъ не пожелать, чтобы люди, указывающіе на недостатки народной жизни, не позволяли себѣ дѣлать широкихъ обобщеній въ томъ случаѣ, если ихъ выводы основаны на наблюденіи немногихъ фактовъ или явленій одной какой-либо мѣстности. Нѣтъ ничего легче, какъ, на основаніи двухъ-трехъ случаевъ, огуломъ обвинить общину въ полномъ отсутствіи заботливости о судьбѣ своихъ членовъ; но внимательные наблюдатели народной жизни указываютъ и на факты совершенно противоположные ¹⁾. И такъ подождемъ осуждать, а будетъ спокойно изучать, указывая на то, какъ хорошее, такъ и дурное, что мы находимъ въ жизни крестьянской общины. Въ этомъ отношеніи нельзя не быть признательными Вольному Экономическому Обществу за починъ въ собираніи свѣдѣній объ общинахъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ выхода въ свѣтъ сборника матеріаловъ, ему доставленныхъ.

Въ заключеніе мы замѣтимъ, что фактическое изученіе правды, выработанныхъ народною жизнью относительно общиннаго владѣнія землею, помимо важныхъ научныхъ результатовъ, помимо того вліянія на наше законодательство, которое оно должно оказать со временемъ,—можетъ имѣть въ настоящее время большее практическое значеніе и для самихъ крестьянъ. Было бы очень важно, чтобы жители одной мѣстности имѣли возможность ознакомиться съ порядками общиннаго пользованія землею въ иныхъ полосахъ Россіи; сборники матеріаловъ, которые могутъ

¹⁾ См., напримѣръ, указаніе на надѣлъ безпомощнымъ и престарѣлымъ членамъ общины поземельныхъ участковъ съ освобожденіемъ отъ несенія какихъ бы то ни было повинностей, въ статьѣ Тригорова: «Наши Общины», «Отечественныя Записки» 1879 г., № 3. стр. 109.

появятся трудами ученыхъ обществъ, точно также какъ журнальныя и газетныя статьи—для нихъ недоступны. Но собранный такимъ образомъ матеріалъ дастъ возможность составить нѣсколько общедоступныхъ книжекъ объ общинномъ землевладѣніи, и распространеніе ихъ среди крестьянъ можетъ содѣйствовать введенію лучшихъ порядковъ, свободному заимствованію изъ обычаевъ, выработанныхъ одною мѣстностію, того, что окажется соответствующимъ условіямъ другихъ частей Россіи. Такія книги, если онѣ будутъ составлены просто и толково, будутъ безъ всякаго сомнѣнія встрѣчены съ интересомъ нашимъ грамотнымъ простонародіемъ. Бѣда только въ томъ, что и столь скромныя желанія, быть можетъ, только *ria desideria*.

В. И. Семевскій.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

† 1713 г.

ПИСЬМА КЪ НЕМУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1703—1712.

[Сообщилъ П. С. Толстой].

XXV.

†

Господинъ Губернаторъ. Писма ваши съ пунктами присланныя съ сыномъ вашимъ до насъ дошли, на которыя симъ писмомъ объявляю: на Гулцовъ полкъ о дачѣ жалованья къ господину Стрешневу указъ посланъ; полкъ драгунской присланъ будетъ, а довольствоватца оному жалованьемъ съ соляныхъ заводовъ, которые будутъ построены на Бахмуте, о чемъ и прежде сего къ вамъ писано; и оныя заводы какъ возможно трудитца, дабы скорая построить; а сковороды на заводъ взять нѣсколько нынѣ у тѣхъ людей, у кого тамъ сыщутца; и отдать за нихъ денги по настоящей цѣнѣ; а досталныя дѣлать вновь; а сколько денегъ на тотъ заводъ надобно и о томъ къ намъ писать; и здѣлать для того на Бахмутѣ небольшую крепость; и посылать изъ Азова салдаты, съ перемѣною, человекъ по двести или по триста; а работниковъ нанимать такъ, какъ прежде сего нанимали промышленники, которые соль варили; дворянъ или бывшихъ аеицеровъ, которые посланы въ Азовъ на житье, которые годны, написать въ жилые полки въ аеицеры; а которые стары или увѣчны, и тѣхъ употребить къ какимъ ни есть дѣламъ по разсмотрѣнію; въ Лютикъ надобно салдаты съ переменою посылать по сту человекъ, а казаковъ выслать оттолъ вонъ; пороху и свинцу велѣно посылать къ вамъ съ Воронежа; хлѣбъ въ дачю

въ Азове и въ Троицкомъ, пока нового не привезутъ, вели давать какой есть всякой; а работниковъ для молотбы хлѣба съ украины послать къ вамъ велено; такъже и садовникъ отъ господина адмирала къ вамъ присланъ будетъ; о Некрасове, какъ возможно, домогатца, и писать въ Царь городъ, чтобъ ево и протчихъ воровъ на Кубань не принимали, и къ намъ взаимно прислали, понеже въ прошедшіе лѣта къ намъ съ ихъ стороны Белогороцкіе татары присылали, чтобъ ихъ приняли, и оныхъ у насъ не приняли.—Турецкому послу, которой присланъ къ вамъ для отобранія полону, отговаривайся тѣмъ, что они побраныхъ нашихъ русскихъ людей и казаковъ въ мирномъ состояніи отдали не всѣхъ; и ежели они нашихъ всехъ отдадутъ, то и ихъ всѣ будутъ отданы; окладъ вамъ учинили мы къ прежнимъ семистамъ рублямъ еще триста, и того съ прежними тысяча рублей; да по тысяче четвертей хлѣба, которые денги и хлѣбъ бери себѣ изъ Азовскихъ доходовъ. «Piter» ¹⁾).

«Изъ лебедина въ 24 д. декабря 1708».

«P. S. татар хотя і отдаш(ь) всѣхъ, однакожъ безъ того не отдавай, пока тотъ ага не дастъ писма такова, что і наши отданы будутъ всѣхъ».

Помѣта Толстаго: «Получено въ Троицкомъ чрезъ сына Борися генваря въ 10 день 709 году».

XXVI.

†

Господинъ губернаторъ.

[Пятнадцать строкъ писаны крытою азбукою. Не разобрано.]

С воронежа въ 15 д. Феврала 1709.

XXVII ²⁾).

[Писано скрытою азбукою].

†

Господинъ Губернаторъ! понеже отъ турковъ хотя еще не совершенно, однакожъ нѣкоторое начинаетъ быть помышленіе къ войнѣ, того ради вамъ надлежитъ не своимъ лицомъ, но чрезъ

¹⁾ Помѣщенное въ кавычкахъ и разрядкою писано рукою Петра.

²⁾ Въ подлинникѣ это письмо писано скрытой азбукою; разобрано уже въ новѣйшее время. Оно буквально переписано подъ тѣмъ же номеромъ 27-мъ въ концѣ подлинной тетради.

вѣрныхъ, или изъ донскихъ казаковъ, или чрезъ кого иного, обслатца къ черкѣсомъ, которые нынѣ воюють съ крымцы: похотятъ ли они съ нами заодно быть, а сие для того, ежели бѣ, отъ чего Боже сохрани, турки или татары что зачали съ нами, тогда бѣ уже и намъ оныхъ явно принять къ себѣ, что надлежитъ заранѣ основать, однакожъ зѣло тайно и не отъ своего лица. «Piter».

Съ Воронежа въ 15 д. Февраля 1709.

XXVIII.

†

Господинъ Губернаторъ! двои ваши писма, писанные изъ Азова генваря отъ 12 и 20 чисѣль, до насъ дошли купно съ присылкою рыбъ и лимоновъ, за которую благодарствуемъ.—Троицкого протопопа, которой явился въ измене, съ сыномъ его и съ шведами, которые на него извѣщали, купно же и съ подлиннымъ о томъ дѣломъ, вышли на Воронежъ, не мешкая, съ добрымъ и вѣрнымъ человекомъ, придавъ доволное число провожатыхъ, дабы безопаснѣе было провести отъ воровъ Булавинцовъ, которые еще тамъ шатаются. «Piter».

Р. S. А которою дорогою изъ Азова или изъ Троицкого ихъ отправиши, о томъ напередъ дай знать на Воронежъ къ господину адмиралу, дабы онъ могъ къ нимъ на встрѣчу отъ себя послать салдаты.

Помѣта Толстаго: «Получено въ Азовѣ чрезъ Максима Бартенева, Февраля 21 дня 1709 году.

XXIX.

†

Господинъ Губернаторъ: посылаемъ при семъ къ вамъ роспись городамъ губерніи Азовской, а что надлежитъ вамъ чинить, то объявимъ тогда, какъ мы сами въ Азове будемъ. «Piter».

Съ Воронежа въ 23 д. Марта 1709.

Р. S. О Али агѣ определямъ тогда, когда сами мы Богъ дастъ въ Азове будемъ, также и денги на дачю Азовскихъ и Троицкихъ полковъ конечно отсель, по первой полой водѣ, къ вамъ отпустимъ или съ собою привеземъ.

Губернія Азовская. Азовъ, а къ нему города:

Троицкой на Таганрогу. Миюсь. Павловской. Сергіевской да Никановской у казанчей. Тавбовъ. Верхней и Нижней Ломовы. Норовчатовское городище. Троицкой островъ. Красная слобода. Саранскъ. Керенскъ. Инсара. Шатцкой. Новопавловской. Битюкъ. Валуйки. Палатовъ. Тополи. Новой Осколъ. Чернавской. Изюмъ. Торъ. Царевъ Борисовъ. Маяцкой. Лиманъ. Каменка. Булчинка. Савинской. Сенковской. Чюдновъ. Двурѣчное. Гороховодка. Мартовица. Чугуевъ. Змеовъ. Козловъ. Челнявскъ. Борисоглѣбской на Хохрѣ. Петровской на Медведице.

Да къ Саранску къ Инсарѣ пригородковъ.

Къ Саранску: Атемаръ. Шечкѣевской. Инзарской.

Къ Инсарѣ: Потышской.

Да въ сію жь Азовскую губернію приписаны въ разряде изъ Кіевской губерніи города Изюмского полку для того, что Изюмъ съ другими городами въ сей Азовской губерніи:

Вишиниъ. Печенѣга. Андреевы Лозы. Острополье. Буликлея. Бѣлской. Верхососенскъ.

Всего 52 города. «Петръ» ¹⁾.

«в сумахъ въ 3 д. ееврала 1709».

XXX.

†

Господинъ Губернаторъ. Карабли, которые гораздо худы и тѣ вели припривадить, для розбиванья, въ Азову; однакожь безъ указу не розбивай. «Piter».

Въ 24 марта с воронежа 1709.

Помѣта Толстаго: «Получено въ Троицкомъ черезъ Переседина, апрѣля въ 4 день 709 году».

XXXI.

†

Господинъ губернатор. Объявляю вамъ о зѣло превеликой и нечаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ ²⁾, чрезъ неописанную храбрость нашихъ салдатъ, даровати изволилъ съ малою войскъ нашихъ кровію таковымъ образомъ: сего дня на самомъ утре жаркій непріятель нашу конницу со всею армеею конною и пѣшею отаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, однакожь принуждена была уступить, однакожь съ великимъ

¹⁾ Далѣе собственноручныя слова Петра.

²⁾ Слова: «чрезъ неописанную храбрость нашихъ салдатъ» внесены въ полѣ, а не писаны въ строку. П. Т.

убытвомъ непріятелю; потомъ непріятель сталъ во орунть противъ нашего лагору, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ транжаментъ вывели, и предъ очи непріятелю поставили, а конница на обѣихъ еланкахъ; что непріятель увидя, тотчасъ пошелъ отаковать насъ, противъ котораго наши встрѣчу пошли, и тако оногo встрѣтили, что тотчасъ съ поля збили, знамень, пушекъ множество взяли, такожь генераль Фелшморшалъ господинъ Реинтелдъ, купно съ четырма генерала, а имянно: Шлипембахомъ, Штакенберхомъ, Гамолтономъ и Розеномъ, такожь первой министръ граеъ Пиперь съ секретарми Гемерлиномъ и Цидергелмомъ въ полонъ взяты; при которыхъ нѣсколко тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято. О чемъ подробно вскорѣ писать будемъ [а нынѣ за скоростію невозможно]; и, единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія оаэтоновъ конецъ воспріяла [а о королѣ еще не можемъ вѣдать, съ ними-ль, или со отцы нашими обрѣтается]; а за розбитымъ непріателемъ посланы господа генералы поручиель князь Голицынъ и Боуръ съ конницею; и сею у насъ неслыханною новиною вамъ поздравляю. Piter.

Изъ лагору отъ Полтавы въ 27 день Юня 1709.

Р. S. Приведенъ еще князь Виртембергской, сродственникъ самаго короля швецкого; при семъ посланное писмо къ брату своему пошла не мешкавъ съ нарочнымъ ¹⁾.

Бывъ сложено пакетомъ письмо, на оборотѣ, имѣеть надпись: «господину губернатору Толстому.—Въ Троицкомъ». Помѣта Толстаго: «Получено въ Троицкомъ черезъ куріера господина Федора Юшкова, Юля въ 16 день 1709 году».

XXXII.

†

Господинъ Губернаторъ. Объявляемъ вамъ, что по учиненной викторіи, къ посланнымъ за розбитымъ непріателемъ двумъ генераломъ лейтенантомъ, посланъ въ 28 день генераль князь Меншиковъ, которой, въ 30 день Юня, оныхъ непріателей у Переволочны дошелъ, и, по многимъ посылкамъ, оное все войско, яко воинскіе полоняницы, положи ружье, со всѣми людьми и артилерією нашимъ безъ бою здались; толко королъ съ шестью или семьюстами и двумя генерала Шпаромъ и Лагарерономъ и Мазепою

¹⁾ То есть къ послу, Петру Андреевичу Толстому въ Царьградъ. П. Т.

ушли, за которыми такожь послано, и уже изъ оныхъ многіе побиты и взяты [о чемъ пространнѣе изъ реляціи видѣть возможно]; а что взято людей, знаменъ и артилеріи, о томъ изъ посланной росписи видѣть возможно. И тако вся непріятельская армія намъ черезъ помощь Божію въ руки досталась, которою въ свѣте несмыханною викторіею вамъ поздравляемъ. «Peter».

Изъ Лагару отъ Полтавы въ 8 день іюля 1709.

XXXIII.

[Рѣшенія писаны рукою Петра I.]

Списокъ съ писма, каково прислано, о городовомъ строеніи, въ Нарву съ писмомъ господина Стрешнева въ 24 день марта.

Въ писмѣ маёора Ягана Бреклина, каково прислано въ разрядъ, написано въ Троицкомъ въ нынешнемъ 1706 году городоваго строенія строить.

На сіи пункты отвѣтствовано въ 12 день апрѣля 1706 ¹⁾.

У дву целыхъ ковалеровъ, у еасовъ и у еланковъ вкругъ убить лицо.

«Убиватъ».

У 55 жилищъ, которые въ предъбудущемъ году совершены будутъ, земли насыпать.

«Насыпатъ».

Гору съ восточную сторону достать обрѣзать, гдѣ стронца будутъ казматы, съ которыхъ будутъ очищать берегъ и Авань.

«Гору отрѣзатъ, а казматы строитъ по присланной мадели, о чемъ і ему, брекълину, довольно говорено».

2 полукавалера нужно надобно насыпать, только великій государь, дожде самъ изволитъ бить въ Троицкомъ, строить не указатъ.

«Полукавалѣры дѣлатъ».

Въ 1705 году съ писма Ягана Бреклина посылаи статьи на Воронежъ и съ Воронежа послаи въ разрядъ, помѣченъ, въ томъ числѣ о полукавалерахъ помѣчено: не дѣлатъ до указа, и съ тѣхъ статей изъ разряду въ Азовъ посланъ списокъ.

У западныя страны гавона сверхъ казматовъ заградить.

¹⁾ Слова: «На сіи пункты отвѣтствовано» писаны на полѣ, рядомъ съ пунктами, и подъ этими словами, также на полѣ, рядомъ съ каждымъ пунктомъ, собственноручныя отвѣтныя слова Петра, а не подъ пунктами, какъ они списаны на этомъ листѣ, кромѣ словъ: «полукавалеры дѣлатъ», которые списаны вѣрно. Слова: «Въ 1705 году съ писма Ягана», хотя писаны и не рукою Петра, тѣмъ не менѣе на полѣ, рядомъ съ словами «2 полукавалера нужно». Слова: «Въ Троицкомъ въ трехъ бастіонахъ» до конца, писанныя не рукою Петра, стоятъ также на полѣ, рядомъ съ послѣдними словами пунктовъ.

Бои в оутовъ вышиною земли 24 фута надобно насыпать надлежащія нынѣ казаметовъ, которые съ 2-мя сводами, по имянному великого государя указу, что внизу главнѣйшихъ еланцовъ указано здѣлать, и тотъ великого государя имянной указъ сказалъ ему Ягану Бреклину маеторъ Штовъ и ему про то напаметовалъ, что тѣ казаметы сводныи строить, а какъ и на какой образецъ они строены будутъ, онъ не вѣдаетъ; у сего есть много различно такую работу узнать.

«Казаметы строит по новому образцу і модели [о чем ему, бреклину, довольно самому говорено і указано] однѣми сводами, а для верхнеи пушки здѣлатъ деревяннѣю мостъ».

1) Ради пошвы, на чемъ они стоятъ будутъ, какъ она обрѣтается.

2) Ради повелѣнія сводовъ, чтобъ врѣвни и тяготу земли удержали, такожде отъ стрелянія устоялись.

3) Ради ихъ вышины, чтобъ сверхъ сводовъ земли довольно мочно насыпать и убить, чтобъ они тверды были, отъ падающихъ непріятельскихъ бомбъ выдержали.

4) Ради пространства мѣста, чтобъ всякая пушка гараздъ мочно владѣть и заражать было.

«Пушкамъ подъ сводами быть 18 и 12 фунтовья, такъ же і гоубицы».

б) Чтобъ сквозь своды мокрота не шла, какъ то хранить.

А что де къ каменному строенію, что подъ еланками и промежъ авана и города, надобно какихъ припасовъ, о томъ онъ росписи не можетъ дать, прежде доложить великого государя, какъ и на какую стать указано будетъ строить, а про такіе припасы знаетъ подмастерья Осипъ Старцовъ, и чтобъ ево, Ягана, для доношенія великому государю отпустить къ Москве.

И изъ розряду въ Азовъ писано: велено ево, Ягана Бреклина, отпустить къ Москве, давъ подводы наскоро.

А маеторъ Логинъ Штовъ въ розрядѣ сказалъ: въ прошломъ же, 705 году, какъ онъ, Логинъ, былъ на Воронеже, и, по имянному де великого государя указу, указано ему приказать: какъ въ Троецкомъ въ городской стѣнѣ въ бастионахъ подъ еланками строить казаметы, и данъ ему на Воронеже образецъ деревяннѣю; и онъ, Логинъ, тотъ образецъ въ Азовъ и въ Троецкой привезъ и губернатору, Ивану Толстому, о строеніи тѣхъ казаметовъ съ имянного государева указу писмо подалъ, и тотъ образецъ въ Троецкомъ въ приказной избѣ отдалъ; а что въ писмѣ маетора Ягана Бреклина написано, что казаметы съ сводами строить, и то явно потому обрасцу; а о укрѣпленіи подошвы и сводовъ, и о вышине и о пространствѣ ему, Логину, имянно не приказано, а надлежитъ то знать инженеру, кто у того строенія. И Февраля въ 8 день въ стотыяхъ изъ розряду въ Азовъ писано—велено то городовое строеніе строить по указу.

И марта въ 13 день маеторъ Яганъ Бреклинъ въ розрядѣ подалъ писмо своей руки; а по переводу въ томъ писмѣ написано: Сентября де въ 28 числѣ 705 году отъ губернатора Ивана Толстого данъ ему (модель) или образецъ, прилежащей о казаметатахъ съ двойными сводами, которыми въ главнѣхъ

эланкахъ строенымъ быть надлежитъ; ныне много при такой работѣ по разсужденію придется, онъ по истиннѣ знаетъ то дѣло дѣлать, и образецъ есть доброй; однакожде естли по тому обраспу оныя строить надлежитъ, тогда какъ высокими и вискими эланкамъ (которые нынѣ уже сполна насыпаны и совершены) прежде отнесеннымъ быть подобаеъ еже великую работу причинствуетъ и просить онъ, чтобъ до его царского величества отпущенъ былъ, чтобъ его царскому величеству самому о сей вышепомянутой и еще вѣщихъ иныхъ потребныхъ работъ при строеніи Троецкомъ донести, чтобъ онъ потомъ извѣстное решеніе и по какому образу будущая работа или дѣло продолжено быть имѣеть, о всякомъ дѣлѣ получить возмогъ.

Въ Троецкомъ въ трехъ бастіонахъ да въ 2 полубастіонахъ 8 эланковъ, а въ нихъ мѣрою по 16 футъ, итого 128 футъ толщиною по 3 футъ съ полуфутомъ въ совершенство построены, землею насыпаны и лицо выбито.

И естли то разбивать и разсыпать,—земли нѣгде власть.

XXXIV.

[Собственноручно].

Указ маеору бреклину.

Данъ Апрѣля въ 10 день 1706, сей надлежитъ отдать господину Толстому.

1.

Перво всего дѣлатъ казаматы межъ гаваномъ і городомъ собоіхъ сторонъ і гору обрѣзатъ, что бъ гѣмъ іхъ связатъ, и сию крѣпость въ безопасеніе привести, о чемъ ему, брекълину, доволно указъ данъ, какъ оное дѣлатъ.

2.

Отъ восточнаго равелина ссеверною сторону давестъ стѣну до гавани опасно, чтобъ не засыпала отъ моря полуденнымъ вѣтромъ.

3.

Полукавалѣры насыпатъ; такожъ подъ равелинами здѣлатъ потыпы.

4.

Ззаподною сторону отъ конца контро шварпа здѣлатъ траверсъ до моря, чтобъ удобнѣе гору, которая загнуласъ, очищатъ.

5.

Эланки готовыя передѣлыват, по новому образцу [з казаматами і арлионами] не въдруг, но по(о)дной; как одна отдѣлана, другую починат.

6.

Особреи противе эланкое вынят, а противеъ еасое і куртин, дѣлат також противе рва, которой круг равелинае; под особреем здѣлат казаматы на 3 или 4 пушки; також под всѣми особреі, которыя противе еасое, здѣлат галареі для бережения от потвопоеъ і очишение рва.

7.

Борстверу быт на гавану таким маниром, как на крѣпостях звычайно, а не зупцы; також время і ситодѣл дѣлат, которую побразцу можеть і подмастер(ь)я от каменщиковъ здѣлат с увазу инженерскова.

8.

Укѣрепление конета учинит по рассмотрению камнемъ, іли землею убит.

9.

Город на микосѣ здѣлат малой, человекъ на петсот, а старои разорит; впротчемъ наказано словесно.

Примѣчаніе. На другой страницѣ указа слѣдуютъ собственноручныя чертажъ и надписи на немъ Петра. Снимки съ того и другаго воспроизведены гелиографически и приложены при этой квивѣ «Русской Старины». На чертежѣ подпись руки Петра:

«По сему здѣлат ситадел на каменную».

XXXV.

†

Господинъ Губернаторъ! Полковника бреклянта отсель мы отправили, которому увязъ данъ, чтобъ сего лѣта трудился гавань съ городомъ соменить, и въ томъ надобно вамъ приложить прилѣжаніе; прочія-же утверждения крѣпости и иныя дела, какъ за малолюдствомъ, такъ и за позднымъ временемъ, надлежить отложить до будущаго лѣта; чего ради надобно вамъ съ выше-

помянутымъ полковникомъ по первому пути быть къ Москвѣ зимою. «Piter».

Въ 18 д. Июля изъ решитиловки.

На конвертѣ: «Господину Губернатору Толстому, въ Азове».

Помѣта Толстаго: «Получено въ Троицкомъ чрезъ Бреклана Июля въ 31 день 709 году».

XXXVI.

1710, Февраля въ 9 д., великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, указалъ губернатору, господину Толстому за вѣрную ево службу, на покупку двора взять двѣ тысячи рублей изъ Бахмудской соляной продажи. Сей великого государя указъ закрѣпиль—адмиралъ графъ А п р а к с и н ѣ.

XXXVII.

Въ семь 1710-мъ году дѣлать:

† Въ гаване внутри обить сваями кругомъ и между свай и каменной стѣны набить землю, † и протчую препорачію здѣлать къ чищенью гавана [какъ о томъ пространно уже приказано Анисиму моляру].

А въ будущемъ, 1711 годѣ, перебивъ и укрѣпя сваями [какъ въ нуморахъ А. А. означено на чертеже], выкопать одиннадцатъ еуť земли глубиною и отъ горы здѣлать каменную стѣну, такъже доки и прочее противъ чертежа; а потомъ [какъ то будетъ готово] и весь гавань въ десять или одиннадцатъ еуťовъ земли выглубить, и отъ воротныхъ сторонъ стѣнами каменными укрѣпить-же.

Въ 1710-мъ, сомкнуть гавань съ городомъ, тако-жь, гдѣ не додѣланы борстверы и батареи на пушки, додѣлать, и прочее ко оборонѣ того города надлежитъ нужное исправить. «Piter».

«Впреображенскомъ въ 9 д. Февраля 1710».

XXXVIII.

[Собственноручно].

1.

Амуницію і артиллерию какъ возможно скоро вывѣсть по въскрытію іда вѣрѣности новыя на донецъ і середу.

2.

Вышереченныя крѣпости въ добромъ порядкѣ содержатъ і самому нынѣ житъ зиму в донецкой крѣпости.

3.

Крѣпость, которая ниже черкасского, держатъ, нова амуниция вней; а когда іспразнитца, мню, лутче разоритъ [которое даю на разсужденіе г. адмирала], понеже не безъ мѣбнія у туркое о томъ будетъ, а пѣрибыли нѣтъ, а буде для казаковъ мочно по выше совѣременемъ здѣлатъ.

4.

Строен(ь)я галѣры і прочія большія суды продатъ туркомъ или жжечь, а шнавы лутче жжечь.

5.

Впротчемъ смотрѣтъ, что возможно к лутчему, то дѣлатъ, і всьимъ образомъ с турки миръ держатъ тшитца.

Всаньтъ пѣтербургѣ въ 3 д. генваря 1712. Петрѣ. .

XXXIX.

[Повелѣнія руки Петра I-го].

А.

Таганъ рогу строятъ инженеръ Иванъ Регузинъ, а нынѣ онъ умре, кому достроивать? буде достроивать новому инженеру по старому ли оундаменту?

«Достроиватъ по старому чертежу, неперемѣняя ничего».

Б.

Ново приборванныя салдатомъ, которые присланы будутъ вновь, гдѣ имъ быть въ Азовѣ-ль или на Таганъ рогу? и двори имъ въ тѣхъ ли слободахъ строить, гдѣ нынѣ салдацкіе слободы, или въ особыхъ мѣстахъ за городомъ, или въ городе.

«Селитъ на таганрогу въ слободахъ [добрымъ размѣромъ], а не въ городе».

В.

Съ Москвы и изъ городовъ посадкіе торговые люди, которые будутъ при-сланы на житье, въ Азове-ль имъ быть или на Таганъ рогу? и дворами ихъ быть въ городе-ль или за городомъ? и на то ихъ дворовое строенье лесныхъ припасовъ давать ли?

«Нарочиты тамъ здѣлатъ дворы изъ казны на таганъ роге добрымъ маниромъ, а за страен(ь)е взятъ денги въ 2 года; а в озове дворы имѣт по ихъ воле для торгоуе».

Г.

Съ Москвы-жь и изъ городовъ присылаютца въ Азовъ всякихъ чинновъ ра-ботные люди и шведы на пашню—гдѣ ихъ селить: въ Азовѣ-ль или на Таганъ рогу и въ которыхъ мѣстехъ?

«Селит за таганъ рогомъ в новомъ валу, гдѣ пристонно».

Д.

Лесные припасы изъ городовъ велѣтъ пригонять по вся-ли годы указаное число противъ прежняго, или съ убавкою для того, что, по вѣдомостямъ, въ Азовѣ лесныхъ припасовъ много?

«По росмотрению, чтобъ даромъ не гнилъ, а паче беречь дубовова».

Е.

Въ Азове и на Таганъ рогу бывають, не окладные нужные дачи денгами и соболями, и сукнами, и на тѣ дачи денги и соболи, и сукна, гдѣ имать? а по вѣдомостямъ въ Азовѣ сукна въ казиѣ есть.

«Дават по рассмотрен(ь)ю для нуждъ.

«Искатъ всемерно торгоу, чьтобъ была потспор(ь)е дровамъ».

XL.

[Повелѣнія руки Петра I-го].

Будетъ послы и посланники и гонцы салтана Турецкова или иныхъ госу-дарствъ, а особливо отъ еранцузскаго, поѣдутъ къ Москве черезъ Азовъ—при-мать-ли ихъ?

«Пропускатъ».

Будетъ примать, котораго съ какою честію и на дворехъ ставить въ го-родѣ-ль, или за городомъ, и въ корму которому какое чинить довольство?

Будетъ похотять видѣтца, съвзжатца съ ними и въ какомъ мѣсте и, неопысываясь къ Москве, отпускать-ли ихъ?

«Казат всякою ласкостъ».

Буде-жъ отпускать, водою или сухимъ путемъ, и на которые города, и на какихъ подводкахъ? а буде водою—въ какихъ судахъ, и съ какимъ довольствомъ, и въ дороге у нихъ пзъ какова чину быть въ приставѣхъ?

Будеть похотять смотритъ гавани и караблей—казать-ли имъ.

«Отговор чинит, а не казат»¹⁾.

Будеть спросить, для чево такой стронца елотъ, какая въ томъ отповедь чинить?

Будеть турецкіе, или иныхъ государствъ, торговые люди на карабляхъ или на иныхъ какихъ судахъ придутъ къ Таганъ рогу или къ Азову съ товары, и тѣхъ ихъ товаровъ осмагривать-ли, и судамъ ихъ гдѣ быть—въ гаване-ль или въ особомъ мѣстѣ?

Азовскіе или таганрожскіе жители, торговые люди, буде похотять ѣхать съ товары въ турецкіе города, въ своихъ-ли судахъ отпускать или въ турецкихъ?

XLI.

Надлежитъ спустошить:

По Хапру сверху пристанной по Базулукъ.

По донцу сверху по Лугань.

По Медвѣдицѣ по Усть-Медвѣдицкой, что на дону.

По Баазулку всѣ.

По Айдару всѣ.

По Деркулѣ всѣ.

По Калитвамъ.

И по другимъ заполнымъ рѣчкамъ всѣ.

По илавѣ.

По илавлинской.

По дону до донецкого надлежитъ быть такъ, какъ было.

XLII.

Въ книгѣ царскихъ писемъ къ Ивану Андреевичу Толстому, переплетенной очевидно уже послѣ его смерти, влеченъ указъ о наградахъ брату его, Петру Толстому. Вотъ этотъ указъ.

«Великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержца указъ въ помѣстной приказъ Кириле Лаврентьевичю Чичерину съ товарищи.

¹⁾ Собственноручные отвѣты Петра писаны на поляхъ рядомъ съ вопросами. На послѣдніе вопросы отвѣтовъ нѣтъ.

«Въ нынѣшнемъ 1718 году Декабря въ 14 день въ именномъ его Царскаго величества указѣ къ правительствующему Сенату, за собственною его величества рукою, написано:

«За показанную такъ великую службу не токмо его величеству, но наче'ю всему отечеству въ привезеніи по рожденію сына его величества, а по дѣлу злодѣя и губителя отца и отечества, опредѣляется: Петру Толстому чинъ тайнаго совѣтника дѣйствительнаго, да деревни Аврама Лапухина, да Дубровскаго переславскіе деревни живое и пустое, что за ними было по дачамъ и по владѣнью, кроме тѣхъ, которые были за Аврамомъ Лапухинымъ, данные изъ дворцовыхъ и приданые жены ево, и посему надлежитъ имъ, правительствующему Сенату, учинить въ Сенате.

«И декабря въ 15 день по указу великаго государя Правительствующій Сенатъ приказали: по вышесказанному его великаго государя именному указу о повышеніи чина тайнаго Совѣтника Дѣйствительнаго Петра Андреевича Толстаго въ пасольскою, а о справке за нимъ деревень Аврама Лапухина да Дубровскаго въ помесной приказъ—послать указы немедленно.

«И о томъ въ посольскую канцелярію указъ посланъ.

«И Кириле Лаврентьевичю Чичерну съ товарищи учинить о томъ по его великаго государя именному указу.

«Подлинной указъ за закрепою сенатора Тихона Никитича Стрешнева.»

Сообщ. П. С. Толстой.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1720 ГОДУ.

Записки поляка-очевидца.

Рукописное отдѣленіе библиотеки Оссолинскихъ, во Львовѣ, содержитъ въ себѣ немало интересныхъ документовъ, относящихся къ исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Польши въ концѣ прошлаго столѣтія. Весьма немногими изъ нихъ пользовались польскіе ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ, издано же еще меньше, почти даже ничего. Въ послѣднее время нынѣшній директоръ института Оссолинскихъ, г. В. Кентржинскій, напечаталъ въ одномъ львовскомъ ученомъ журналѣ ¹⁾ Записки поляка, бывшаго въ 1720 г. въ С.-Петербургѣ, вмѣстѣ съ польскимъ посольствомъ. Въ 1720 году польскій король, Августъ II, отправилъ въ Петербургъ Мазовецкаго воеводу Хаментовскаго чрезвычайнымъ посломъ въ Россію. Главною цѣлью посольства, какъ извѣстно ²⁾, былъ вопросъ Курляндскій, еще тогда неразрѣшенный окончательно.

Посольство это было назначено еще въ 1718 году, и тогда сеймъ далъ инструкцію послу, которому поручалось домогаться у царя: 1) возвращенія Лифляндіи и Риги; 2) уплаты денегъ, обѣщанныхъ за содѣйствіе противъ шведовъ; 3) отказа курфирста Бранденбургскаго отъ кандидатуры на Курляндскій престолъ; 4) объясненія по поводу Аландскаго конгресса. Все это было выражено въ весьма рѣзкихъ словахъ ³⁾. Хаментовскій откладывалъ выѣздъ и, наконецъ, въ 1720 году, отправился, и уже въ мартѣ послалъ первый отчетъ. Посольство пробыло въ Россіи до конца іюля того же года. Результаты переговоровъ извѣстны; кромѣ русскихъ источниковъ есть еще и польскіе ⁴⁾, которые весьма подробно

¹⁾ Przewodnik Naukowy. Lwów. 1877, т. V, стр. 520—532, 604—616.

²⁾ См. Соловьевъ, И. Р., XVII, 293.

³⁾ Teka Podoskiego. Т. VI, стр. 258 и сл.

⁴⁾ Teka Podoskiego. Т. VI, а также итальянскій переводъ реляцій у Тейнера: Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelowicz, Fiedor III et Pierre le Grand. Rome 1859. n. 521—531.

насъ знакомить съ внутреннею стороною дѣла и отчасти съ виѣшною. Уже изъ официального отчета посла можно заключить, что Петръ радушно принималъ посольство, какъ гостей, и былъ твердъ въ дѣлахъ государственныхъ. Но съ виѣшною стороною лучше всего насъ знакомать предлагаемыя ниже, довольно интересныя Записки.

— Авторъ Записокъ несомнѣнно былъ въ числѣ членовъ посольства: онъ вездѣ сопровождалъ посла, присутствовалъ при официальныхъ переговорахъ, во нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о содержаніи этихъ переговоровъ. Изъ разсмотрѣнія записокъ нельзя ничего заключить объ имени автора ихъ и едвали можно дѣлать какія бы то ни было предположенія, какъ это дѣлаетъ г. Кентржинскій. Записки любопытны во многихъ отношеніяхъ. Въ нихъ прежде всего мы находимъ описаніе С.-Петербурга семнадцать лѣтъ послѣ его основанія, сдѣланное очевидцемъ. Это для исторіи Петербурга весьма важно. До сихъ поръ изъ эпохи, близкой къ основанію нашей столицы, извѣстно только одно описаніе, составленное очевидцемъ въ первое десятилѣтіе бытія Петербурга, изданное на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ, въ 1711 году. Переводъ этого описанія на русскомъ языкѣ былъ напечатанъ въ 1860 году подъ редакціею управленія Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ.

Сличеніе этихъ двухъ старинныхъ описаній можетъ представить много интереса. Нѣмецкій авторъ заданъ дѣлю систематически ознакомить своихъ соотечичей съ новымъ городомъ, который выросъ такъ скоро. Ничего подобного мы не найдемъ въ запискахъ члена польскаго посольства. Онъ отмѣчаетъ все въ томъ порядкѣ, какъ что видѣлъ; а видѣлъ онъ все, такъ какъ гостепріимный царь самъ возилъ посольство по Петербургу и его окрестностямъ.

На польскомъ памятникѣ вполне отразилось слѣдствіе показыванія—авторъ не успѣваетъ даже разспросить о видѣнномъ, а тутъ его везутъ дальше. Кроиъ того, авторъ описываетъ дѣлмй рядъ празднествъ, которыя были даны въ честь посла, или которыя пришлось во время его пребыванія; приводитъ постоянно слова, сказанныя царемъ по какому-либо случаю. При описаніи праздниковъ годовщины Полтавской битвы, онъ передаетъ рѣчь Стефана Яворскаго, иногда даже будто въ подлинныхъ выраженіяхъ, ломаннымъ русскимъ языкомъ. Пріѣхавъ изъ Польши, гдѣ, въ царствованіе Августа II, былъ громадный безпорядокъ, авторъ остается въ восторгѣ отъ видѣннаго имъ въ С.-Петербургѣ.

Записки рѣзко раздѣляются на двѣ части. Въ первой—авторъ какъ бы пытался систематически описать Петербургъ, и принялся за это дѣло, несомнѣнно уже видѣвъ весь городъ. Доказательство этому можно видѣть въ томъ, что, описывая одинъ изъ невскихъ острововъ, онъ прибавляетъ: «на немъ строить домъ, въ который переведутъ Кунсткамеру—опишу ее ниже». Такъ можно говорить, ниѣтъ уже готовый планъ. Вторая часть имѣетъ характеръ дневника. Тутъ авторъ, начиная съ 14-го іюня, описываетъ подневно все случившееся и видѣнное. На концѣ прибавилъ: «20-го сентября 1720 года, въ 9 часовъ пополудни».

Въ этотъ день посольство уже вернулось въ Польшу. Последнее извѣстiе изъ Петербурга получено 21-го (10-го) июля 1720 года. Судя по этой припискѣ, можно было бы допустить, что описанiе составлено авторомъ на-досугъ, по возвращенiи домой. Форма, однако, дневника, въ какую облечена вторая часть, заставляетъ предположить, что авторъ только привелъ въ порядокъ свои записки въ отмѣченное на рукописи число.

С. Д. Пташницкiй.

Краткое описанiе города Петербурга и совершившагося въ немъ въ 1720 году ¹⁾.

Ладожскiй каналъ.—Крѣпость.—Васильевскiй островъ.—Ремесленники.—Фабрики.—Кунсткамера.—Лѣтнiй садъ.—Адмиралтейство.—Бронштадтъ.—Ораніенбаумъ.—Петергофъ.—Стрѣльна.—Похороны князя Долгорукова.—Проповѣдь Яворскаго.—Царскiя пивни.—Царскiй дворецъ.—Свадьба Румянцева.—Прощанiе у царицы.

Кто бы захотѣлъ описать Петербургъ какъ слѣдуетъ, тотъ долженъ бы быть тамъ до его основанiя и видѣть, что прежде было на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь выстроены большой каменный городъ. По немъ протекаетъ широкая и глубокая рѣка Нева, съ своими рукавами. Городъ прорѣзываютъ широкіе каналы, по берегамъ которыхъ онъ равномернo расположился.

На этомъ мѣстѣ, какъ я узналъ, нѣкогда было 15 лачужекъ, въ которыхъ жили шведскіе рыбаки. Послѣ занятiя этой мѣстности Москвою (Moscali), деревенька сожжена, и царь приказалъ на этомъ мѣстѣ построить маленький домикъ о двухъ комнатахъ, въ которыхъ самъ жилъ. Этотъ домикъ стоитъ и теперь, покрытый черепицей, но безъ оконъ. Для лучшаго сохраненiя, онъ обнесенъ заборомъ. Находятся онъ на берегу рѣки, между сенатомъ (Collegium Senatorum) и дворцомъ Гагарина (Gagagynowum). Живя въ немъ, царь начерталъ планъ города, измѣрилъ берега рѣки, ея рукава и каналы. Городъ этотъ уже теперь великъ, и если царь еще поживетъ, то сдѣлаетъ изъ него громадину (maschine). По другой сторонѣ рѣки, на пути къ монастырю, была крѣпостца (fortalicium), гдѣ останавливались суда, шедшія въ море изъ Москвы черезъ Ладогу. Крѣпостца эта теперь уничтожена, а на

—> ¹⁾ Рукопись библиотеки Оссолинскихъ, № 305, in folio, 239 — 257.

ея мѣстѣ построены избушки средней руки и вѣтренныя мельницы. Теперь здѣсь многіе строятся.

Намъ рассказывали, что Ингрія прежде принадлежала Москвѣ. Когда же въ войнѣ съ поляками Москва сама не могла совладать съ ними, то пригласила на помощь шведовъ, которые, зайдя разъ въ московскую землю и не оказавъ ей никакой помощи, завладѣли страной и размѣстили въ крѣпостяхъ свои гарнизоны, заставили жителей платить подати и исполнять всякія повинности. Такимъ образомъ завладѣли большою страной до самаго моря.

Такъ какъ московскія суда, ходившія Волгою къ Ладожскому озеру, а отсюда Невоею въ море и дальше, часто подвергались, и теперь еще подвергаются—крушенію на озерѣ, вслѣдствіе скрытыхъ подъ водою скалъ, то нынѣшній царь проводитъ теперь каналъ отъ Волги къ Невѣ, надъ которымъ неустанно работаютъ 40,000 людей. Если онъ окончитъ это предпріятіе—а осталось прорыть только нѣсколько миль—то принесетъ тѣмъ мѣстностямъ громадную пользу, такъ какъ теперь все дорого, вслѣдствіе худаго сообщенія.

Около Петербурга царь укрѣпилъ берега рѣки, устроилъ плотины и шлюзы, прорылъ каналы для того, чтобы лишняя вода, нагоняемая бурей съ моря, нашла куда расходиться:—еслибы этого не было, волны залили бы строенія. Шлюзы сверху покрыты досками, такъ что по нимъ можно ѣздить на лошади. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ болѣе широкимъ русломъ течетъ Нева и раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которые расходятся въ равныя стороны. По берегамъ этихъ рукавовъ вкочачиваютъ теперь сваи, въ иныхъ мѣстахъ берега ровняютъ; чтобы могли подходить суда, расширяютъ, поднимаютъ и углубляютъ дно, гдѣ понадобится.

Городъ этотъ разкинутъ на громадное пространство (*spatium*), гдѣ всякій сенаторъ, министръ и бояринъ долженъ имѣть дворецъ; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастливы былъ тотъ, кому отведено сухое мѣсто; но, кому попалось болото и топъ, тотъ порядкомъ нагрѣлъ себѣ лобъ, пока установилъ фундаментъ, вырылъ лѣсъ, такъ какъ, чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ почва изменчивѣе и болѣе болотиста. Еще и теперь, хотя домъ и отстроены, но они трясутся, когда около нихъ проѣзжаетъ экипажъ, а это—вслѣдствіе непрочнаго фундамента.

Эта часть уже имѣетъ видъ города: есть тамъ дома, шлюзы и громадныя строенія съ флигелями и всѣми удобствами. Далѣе по направленію къ Кронштадту немало еще мѣста, гдѣ уже начинаютъ строить, и гдѣ уже поселилось нѣсколько тысячъ мѣщанъ у самаго моря.

Есть здѣсь церкви, коллегіи, дворцы и такъ называемыя лавки (*lawki*), гдѣ можно все получить — это четырехугольное строеніе, въ которомъ, какъ по одну, такъ и по другую сторону, живутъ кушцы. Дворцы — громадныя каменные, съ флигелями, кухнями и удобствами; только они наскоро построены, такъ какъ при малѣйшемъ вѣтрѣ валятся черепицы; должно быть, худой матеріаль, или построены зимою, такъ какъ здѣсь лѣто непродолжительно. Еще половина этого города не выстроена.

На этой сторонѣ Невы по берегамъ рѣки расположены дома, танущіеся до царскихъ дворцовъ, которыхъ три: два лѣтнихъ и одинъ зимній. Сады красивы. Я слыхалъ отъ самого царя, который сказалъ намъ: «Если проживу три года, буду имѣть садъ лучше, чѣмъ въ Версалѣ у французскаго короля». И въ самомъ дѣлѣ, сюда привезена моремъ изъ Венеціи, Италіи, Англіи и Голландіи масса мраморныхъ статуй, колоннъ; даже цѣлая бесѣдка, изъ алебаstra и мрамора, привезена изъ Венеціи для сада, расположеннаго у самой рѣки, между каналами. Здѣсь множество замѣчательныхъ вещей, бесѣдокъ, галлерей, насосовъ и удивительно красивыхъ деревьевъ. Со стороны рѣки около сада подведена каменная стѣна; къ рѣкѣ ведутъ галлерей (*galki*), гдѣ можно сѣсть на ботики, галеру, яхту или буеръ, чтобы ѣхать на море или гулять по каналамъ и большой и широкой рѣкѣ. На рѣкѣ находится островъ, на которомъ строятъ дома, куда переводятъ Анатомію (Кунствамеру). Анатомію опишу ниже.

На другомъ островѣ находится пороховой заводъ; на третьемъ, который называется «Васильевскій островъ», расположены дворцы лѣтній и зимній князя Меншикова (*książęcia Mężuka*), а также и другіе дома до самаго моря. Есть также мѣста, гдѣ строятъ корабли, — преимущественно въ адмиралтействѣ; тутъ находятся башни (*beluardy*) съ пушками, равно какъ и дома, въ которыхъ живутъ англичане и голландцы, строящіе корабли. Далѣе мѣсто, гдѣ строятъ галеры. Я слыхалъ отъ царя: — «У меня много кораблей, но я уменьшу число судовъ, и оста-

нется ихъ 30, на каждомъ по 100 пушекъ, да 200 галеръ, на каждой по 40 пушекъ». И въ самомъ дѣлѣ, этого у него уже слишкомъ много. Имѣются здѣсь большія четырехугольныя суда, на которыхъ перевозятъ корабли въ море, такъ какъ по этой рѣкѣ, а даже и по здѣшнему морю, не вездѣ могутъ ходить корабли, потому что во время бурь море засыпаетъ рѣки пескомъ. Съ этою цѣлью, миль на 7 отсюда, построена крѣпость, гдѣ останавливаются военные корабли. Галеры мнѣ нравятся, такъ какъ на нихъ можно ѣздить по водамъ, и то безопасно, какъ у берега, такъ по самому глубокому морю; притомъ ими можно управлять, какъ угодно и въ какую угодно сторону, а также стрѣлять въ непріятеля, вращаясь на мѣстѣ.

На другомъ берегу рѣки, противъ царскихъ дворцовъ, строятъ большой укрѣпленный замокъ. Посрединѣ его находится церковь съ башнею, на которой помѣщены часы, играющіе французскіе куранты (куранты); здѣсь вообще во дворцахъ и коллегіяхъ много такихъ часовъ, которые разыгрываютъ псалмы. Въ упомянутомъ замкѣ множество пушекъ, и со стороны моря постоянно развѣвается красно-бѣлый флагъ. Здѣсь есть такой обычай: когда адмиральскій фрегатъ выйдетъ на воду подъ особеннымъ флагомъ, то должны выходить всѣ фрегаты—подъ страхомъ штрафа. Адмиральскій фрегатъ идетъ впереди, а всѣ прочіе идутъ за нимъ, не опережая его. На фрегатахъ обыкновенно находятся сенаторы, министры и другіе бары, которые веселятся при звукахъ музыки. Минуя одинъ другаго, пьютъ здоровье, стрѣляютъ изъ пушекъ и обязаны быть на водѣ до тѣхъ поръ, пока адмиралъ не причалитъ къ берегу. Въ этомъ мѣстѣ живетъ много ремесленниковъ—французовъ, англичанъ, голландцевъ и мануфактуристовъ другихъ національностей, которыхъ царь выписалъ для того, чтобы они учили русскихъ людей; для работъ у нихъ свой домъ.

Также здѣсь много зданій для корабельнаго провіанту, соленой рыбы, ветчины, муки; есть зданія съ конюшнями, гдѣ останавливаются конные поля, а также для пѣхоты, со всѣми удобствами. Есть зданія, гдѣ останавливаются гости, а для ихъ удобства и трактиры. По берегамъ, куда привозятъ хлѣбъ или провіантъ, устроены амбары; сюда немедля переносить привезенное съ кораблей. Выстроены также каменные солодовни для пива—

для кораблей; пока пиво свѣжее, его не пьютъ—такъ оно горько; а горько потому, чтобы могло дольше стоять, не скиснувъ.

Неподалеку отъ царскихъ дворцовъ находятся зданія, выстроенныя въ квадратъ, для ремесленниковъ, которые строятъ фрегаты и яхты. Внутри сдѣланъ каналъ, куда на зиму приводить суда, чтобы ихъ не испортилъ ледоходъ. Въ другихъ зданіяхъ выдѣлываютъ пушки, колокола, чугуныя и желѣзныя мортиры; въ третьихъ—колесники дѣлаютъ лафеты и колеса для пушекъ. Есть также большія и длинныя строенія съ кузницами, гдѣ кузнецы выковываютъ всѣ принадлежности для пушекъ.

На другой сторонѣ рѣки, за дворцомъ князя Меншикова (Meżyka), находится Французская улица, гдѣ живутъ одни ремесленники, какъ то: скульпторы, плотники, рабочіе, дѣлающіе фонтаны, а также и тѣ, которые выдѣлываютъ разныя вещи изъ олова и другихъ металловъ; но все это — для царя. Въ лавкахъ есть тавса, по которой продаютъ всѣ предметы. Есть здѣсь также мѣха и товары изъ мѣди и желѣза; здѣсь много полотна, но оно узко, а между тѣмъ его здѣсь нужно много, такъ какъ стѣны и потолки обиваютъ полотномъ, мѣстами даже восченымъ; обиваютъ также полотномъ балконы и башни въ италіанскихъ садахъ, и даже заборы вокругъ садовъ. Твари, даже весьма красивыя, привозятъ изъ Москвы.

На берегу Невки есть длинный, двухъ-этажный каменный домъ, въ которомъ шесть комнатъ внизу и столько же наверху. Съ одного берега до самаго дома проложенъ мостъ, на которомъ находится избушка и баллонъ столярной работы. Въ каждой нижней комнатѣ этого дома есть 5 станковъ для выдѣлыванія полотна; въ угловыхъ же комнатахъ работаютъ столяры и токари, которые готовятъ станки, мычки, веретена, прядки, мотальницы, утки (sewki), челноки (rdki) и другіе снаряды. Въ комнатахъ верхняго этажа много женщинъ, подъ присмотромъ англичанки, которая наблюдаетъ за ихъ работами. Въ однѣхъ комнатахъ прядутъ, въ другихъ разматываютъ (motaja), въ третьихъ наматываютъ (nawijaja); здѣсь множество людей, есть и смотритель, который всѣмъ управляетъ.

На противоположной сторонѣ, на той же рѣкѣ, есть другое зданіе, гдѣ выдѣлываютъ крахмалъ; есть здѣсь мочильные чаны (przycierki), а также вѣскольکو втулокъ (szpunt), по вы-

нуги которыхъ вытекаетъ вода; вода, и при томъ весьма хорошая, проведена трубами и посредствомъ трубъ же отводится. На другой сторонѣ рѣки находится большая и широкая бѣлизна; здѣсь вырыты каналы, въ которыхъ мочать и поливаютъ полотно.

Есть здѣсь также два стрѣльбища, одно за Невую, за каменными солодовнями, другое за дворомъ (dworem) г. Головинна: тамъ учатъ стрѣлять изъ пушекъ, которыхъ въ каждомъ по десяти.

Рѣка Нева укрѣплена плотинами (szluzami), особенно одинъ берегъ, на разстояніи 12 миль до Шлиссельбурга, такъ что суда вездѣ могутъ причаливать къ берегу и сейчасъ выгружать то, что желаютъ. Деревьевъ сплавляютъ этою рѣкою громадное количество какъ въ городъ, такъ и на море къ различнымъ крѣпостямъ. Около города нельзя и рогги срѣзать, хотя тамъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль растетъ множество березы, пихты (smegeszunu) и сосенъ, но это мелкое дерево. Дубъ, необходимый для постройки кораблей, яхтъ, фрегатовъ, галеръ, буеровъ, шлюпокъ и гондолъ, привозятъ рѣкою частію изъ Москвы. Все это царь имѣетъ, такъ что можетъ обойтись безъ вывоза изъ чужихъ странъ, и если еще найдетъ минералы, для чего уже выписалъ въ нынѣшнемъ году изъ Савсоніи рудокоповъ, то справедливо можно его будетъ назвать: владыка земли и моря (Dominus terrae et maris).

За городомъ, по направленію къ монастырю, стоятъ надъ Невую дворецъ, въ которомъ его величество царь показывалъ намъ Кунствамеру (Anatomija), которую купилъ гдѣ-то за Голландію, у какого-то славнаго заморскаго доктора. Докторъ собиралъ эти рѣдкости въ продолженіе 50-ти лѣтъ, а когда у него царь купилъ это собраніе за 12,000 червонцевъ, то ему уже было 72 года. Такъ какъ у него былъ одинъ сынъ пьяница, который не умѣлъ цѣнить этихъ рѣдкостей, то онъ предпочелъ продать тому, который этимъ воспользуется и съумѣетъ сохранить. Дворецъ этотъ, изъ котораго далеко видно, расположенъ на красивой равнинѣ. Черезъ сѣни съ балкономъ входишь въ комнату, въ которой множество селянокъ, разставленныхъ по шкафамъ. Въ этихъ селянкахъ сохраняются головки маленькихъ дѣтей, отъ одного до двухъ лѣтъ, и такъ хорошо сохраняются въ спиртѣ, что кажутся живыми. Иная смотритъ живыми глазами, какъ-буд-

то ничто не разрушило ихъ зрѣнія, хотя она стоитъ уже нѣсколько лѣтъ. Съ иныхъ чуть не брызжетъ живая кровь; гдѣ отрѣзана голова, тамъ кажется—будто кожа съ тѣломъ вчера отрѣзана. Въ другихъ склянкахъ сохраняются руки и ноги, на которыхъ видны жилы черезъ кожу, какъ-будто живую. Въ слѣдующей комнатѣ склянки съ образцами развитія человѣческаго плода, отъ перваго зародыша до полной зрѣлости плода ¹⁾. Есть здѣсь различныя чудовища (monstra) какъ человѣческія, такъ и животныя, и другія рѣдкости; также чучела разныхъ животныхъ—слоновъ, ящерицъ, рыбъ, и высушенные рыбы съ удивительными ртами. Немало здѣсь морскаго тростника, также громадное количество слоновой кости, которую привезли изъ греческаго государства, гдѣ нѣкогда воевалъ Александръ Великій, который, щадя людей, подвергалъ опасности слоновъ, которыхъ тамъ немало погибло.

Въ трехъ другихъ комнатахъ устроена весьма красивая библиотека; въ ней находятся старыя книги, имѣющія полторы тысячи лѣтъ, какъ высчитали отцы іезуиты, болѣе всего греческихъ. Есть также много книгъ, напечатанныхъ на славянскомъ языкѣ; другія сочиненія относятся къ военному искусству и содержать описаніе новыхъ изобрѣтеній—какъ осаждаютъ города, замки и крѣпости; много такихъ сочиненій царь приказалъ напечатать для молодыхъ людей. Кромѣ того здѣсь находятся нѣмецкія библіи и много книгъ латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ на нѣсколько тысячъ.

Также много хранится въ склянкахъ образцовъ животныхъ. Немало птицъ разнаго рода и цвѣта: страусы, красныя аисты, ястребы, индѣйскіе вороны, попугай трехъ родовъ, и много другихъ птицъ, которыхъ не умѣли намъ назвать. Показывали намъ разныхъ птичекъ—бѣлыхъ, красныхъ, голубыхъ, желтыхъ, которыя имѣли такой красивый цвѣтъ, что самъ царь ихъ цѣловалъ. Между ними были птички маленькія, какъ сверчовъ; другія же имѣли хвосты длиною въ два локтя ²⁾, сама же птица какъ палка, а когда летитъ, то немного распускаетъ хвостъ; сама голубая, хвостъ черный, а клювъ бѣлый. Были также красныя съ бѣлыми хвостами;

¹⁾ Здѣсь польскій издатель «Описанія» сокращаетъ подробное описаніе кунствамеры и передаетъ рассказъ своими словами.

²⁾ Локоть—польская мѣра, равняющаяся двумъ футамъ.

пухъ у нихъ такъ же нѣженъ и густъ, какъ у вошки; эта птица летаетъ небыстро. Были тамъ странныя мыши съ собачьими мордами и бабочки удивительной породы, которыя какъ растянутся, то величиной съ тарелку; цвѣтъ ихъ голубой, а на крыльяхъ красныя, бѣлыя и черныя капли. Видѣли мы также саранчу, про которую рассказываютъ, что Іоаннъ Креститель ею питался въ пустынѣ. Показывали намъ янтарь и рассказывали, какъ онъ родится: есть деревья, изъ вѣтвей которыхъ, когда ихъ солнце нагрѣтъ, стекаетъ смола въ морскую воду, гдѣ дистиллируется; въ янтарѣ были заключены мухи, пауки и другія нечистоты (макулу); такъ какъ янтарь, при образованіи, уже не выпускаетъ того, что захватилъ, и, такимъ образомъ, растетъ отъ взаимодѣйствія (per coöregationem) солнца и соленой воды; имѣетъ то свойство, что прилипаетъ, когда его нагрѣтъ. Было тамъ изображение (effigies) дикаго человѣка, котораго нашли неживымъ, съ двумя лодками. На одной лодкѣ были рыбы, копые и волчанъ со стрѣлами изъ морскаго тростника; тростники были суковаты, а копые широкое желѣзное; гдѣ это ему сдѣлали? Лука не было—вѣроятно, выпалъ, или вѣтеръ вырвалъ. На другой лодкѣ сидѣлъ самъ дикарь, и умеръ сидя. Платье его изъ странной пестро-желтой шкуры, съ рогами изъ еще болѣе странной кожи. Самъ онъ былъ малаго роста. Невозможно описать все видѣнное, такъ какъ пиша о многомъ забылъ, особенно о морскихъ предметахъ, рыбныхъ чешуяхъ, ракахъ и т. п.

Держать здѣсь пятнадцати-лѣтнаго мальчика, который съ лица и головы весьма похожъ на обезьяну; на рукахъ и ногахъ у него только по два одинаковыхъ пальца, но не такіе, какіе долженъ имѣть человѣкъ. Мальчикъ этотъ своими пальцами жаль руку царю.

Кунстрамеру намѣрены перевести въ домъ, который строятъ на островѣ за большимъ замкомъ; въ нынѣшнемъ помѣщеніи уже тѣсно, такъ какъ постоянно что-нибудь прибываетъ.

Есть также большіе дворцы, называемые коллегіями: въ одномъ принимаютъ заграничныхъ пословъ, второй—это сенатъ, третій—для совѣщаній по иностраннымъ дѣламъ, четвертый—collegium iustitiae, пятый—военная судебная коллегія; также коллегія сельская (pospolite wiejskie). При каждой коллегіи находятся еще отдѣльныя канцеляріи.

За царскими дворцами есть зданіе, гдѣ останавливается почта; тамъ же есть зданіе для птицъ, гдѣ продають тетеревовъ, рябчиковъ, бѣлыхъ глухарей, большихъ и малыхъ утокъ, чирковъ; о названіяхъ другихъ не доспросишься; есть также въ клѣткахъ щегленки, дрозды пѣвчіе.

На одной равнинѣ, которую нарочно оставили среди города, стоитъ одно только зданіе, назначенное для упражненія молодыхъ людей. Въ первыхъ числахъ іюня, по русскому календарю, собралось тамъ мальчиковъ тысячъ семь; угощали ихъ водкою и пивомъ; потомъ они дрались тамъ на-кулачки; бьются они за государево здоровье; иногда кой-кого и убьютъ. Въ томъ же зданіи помѣщена пара львовъ, отдѣльно самецъ и отдѣльно самка; есть также пантеры, рысь, леопардъ, морскіе коты, бѣлыя и сѣрыя обезьяны; въ другомъ мѣстѣ—бѣлые и черные медвѣди и выдѣланная слоновая шекура.

Праздновали мы царское рожденіе; послѣ церковной службы царь пригласилъ гостей и пословъ въ садъ и угощаль ихъ въ галлерей. На водѣ стоялъ фрегатъ, убранный сверху до самой воды флагами; на немъ было 26 пушекъ, изъ которыхъ дѣлались залпы, когда провозглашалось царское здравіе; играли на трубахъ и валторнахъ; въ замѣѣ стрѣляли изъ пушекъ. Послѣ обѣда отправились мы въ Итальянскій садъ, гдѣ видѣли разныя украшенія (*galanterye*), фонтаны и клумбы (*kwatery*), между которыми стояли большія суда изъ фарфора. Давали здѣсь въ разныхъ мѣстахъ много вина, а именно: шампанское, бургундское и др. Наставили столовъ, гдѣ только было можно. Садъ этотъ разбитъ всего 5 лѣтъ тому назадъ, но всякій долженъ согласиться, что не найдетъ того, что здѣсь есть, у величайшаго барина (папа) и по простствіи 20-ти лѣтъ. Были въ этомъ саду пруды, обложенные каменною стѣною, по которымъ плавали индійскіе гуси, морскія утки и множество птицъ; устроена тамъ и голубятня, въ которой помѣщается 16 породъ голубей,—есть надъ ними и присмотрщикъ. Есть здѣсь и бѣлый аистъ—аиста въ этихъ краяхъ не встрѣтишь,—нѣсколько журавлей, дикій кабанъ, большой ежъ, на которомъ иглы длиною въ четверть (ловта). Второй садъ засаженъ фруктовыми деревьями,—въ немъ только галлерей и шпалеры. Такъ мы гуляли въ саду до одиннадцати часовъ ночи, пока не зажгли фейерверкъ; сожигали различные огни,

стрѣляли изъ пушекъ и пускали ракеты до двухъ часовъ пополуночи. Было здѣсь двое мужчинъ изъ Франціи и женщина изъ Лифляндіи (Liflant); мужчина, вышиною 4 аршина, шириною два локтя, ходилъ въ полусапожвахъ (сізму). Его жена, превышавшая мужа на четверть, была одѣта въ платье изъ камки, на которое пошло 82 аршина.

14-го іюня (1720 г.) пригласили насъ въ адмиралтейство, гдѣ насъ ожидалъ царь. Пройдя мостъ на каналъ и ворота, мы вошли черезъ сѣни въ громадное помѣщеніе, гдѣ строятся корабли. Осматривали мы нововыстроенный большой красивый корабль, который въ будущее воскресенье будутъ спускать; отправились мы въ кузницу, выстроенную въ углу. Въ этой кузницѣ было 15 горновъ, и при каждомъ работало 15 кузнецовъ съ мастеромъ. Пять человекъ дѣлали брусы (sztaby) для кораблей; кромѣ обыкновенныхъ кузнечныхъ мѣховъ были и такіе, въ которые дуютъ мѣдными и желѣзными трубами. Оттуда мы прошли черезъ другой каналъ къ большому трехэтажному дому, выстроенному въ видѣ треугольника на прусскій манеръ. Царь ходилъ съ нами по разнымъ магазинамъ (schowanie), находящимся въ этомъ зданіи; мы осматривали всѣ корабельныя принадлежности:—были тамъ ванаты навощеные, насмоленные, намазанные разнымъ жиромъ; нѣкоторые были толщиною въ половину человека, и всего этого въ 15-ти избахъ было такъ много, что не собрать на 500 возовъ; гвозди для прибивки досокъ лежали по угламъ большими кучами, а также явора, топоры (багры) съ длинными рукоятками для задерживанія корабля и придвиганія одного къ другому; далѣе топоры другаго рода для работы, лопаты, молоты, буравы, долота большія и малыя, нѣсколько тысячъ фонарей, изъ которыхъ нѣкоторые были такъ громадны, что въ нихъ покойно можно было сидѣть; кожи для тушенія вброшенныхъ бомбъ, юфть, бѣленныя и небѣленныя полотна, холстъ, приготовленный для парусовъ. Жиръ былъ собранъ въ большихъ чанахъ, бочкахъ и фудерахъ (kufa). Также полно было всего и въ другихъ кладовыхъ, въ которыхъ сложены охотничьи ружья (fiinta), карабины, пестарды (szturmak), пистолеты, штыки, кортики (kordelasy), шпаги, португеліи (pendent), лѣтнія и зимнія рукавицы, большая масса башмаковъ, сапогъ, туфель, безчисленное множество полотняныхъ и шерстяныхъ шароваръ для матросовъ. Нѣсколько па-

затѣ завалены были большимъ количествомъ тяжелаго какъ олово дерева, привезеннаго изъ Остѣ-Индіи. Царь говорилъ, что еслибы у бояръ (его) было столько дерева, то ему хватило бы его на два года. Это дерево употребляютъ для выдѣлки колесъ, вращающихся канаты, такъ какъ канатъ вращается на этомъ деревѣ съ такою же легкостью какъ по металлу; если же употребляютъ для этихъ колесъ желѣзо, то оно должно быть заваленнымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно распадется какъ точильный камень. Кромѣ того, тамъ лежало нѣсколько сотъ оловянныхъ корабельныхъ подсвѣчниковъ, ведеръ, рогожъ (сундвек) еще болѣе, множество рѣшетъ, сѣтъ для муки, мисокъ, изъ которыхъ одной достаточно для семи солдатъ; щипцовъ, сальныхъ и восковыхъ свѣчъ. Въ нѣсколькихъ избахъ сложены были въ сундукахъ и развѣшены по стѣнамъ корзины, желѣзо, желѣзные кольца, разныя ядра въ громадныхъ чанахъ; чаны эти въ видѣ длинныхъ свамеекъ изъ листової латуни, раздвоенныя по бокамъ, съ придѣланными трубами, въ которыя опускается ядро, и уже само идетъ на корабль. Всѣ ядра взвѣшены, и на нихъ весьма аккуратно отмѣченъ вѣсъ, въ чемъ насъ убѣдили произведенные опыты. Двѣ другія комнаты были наполнены мѣдью, взятою у шведовъ, и царь сказалъ послу, что шведы къ нему пожаловали. Передъ этими зданіями стоятъ большіе ящики, въ которыхъ много зарядовъ, гранатъ, желѣзныхъ ядеръ; въ другихъ мѣстахъ масса разноцвѣтной матеріи для хоругвей, значковъ, корабельныхъ флаговъ и т. п. Краска была собрана въ большомъ количествѣ бочекъ, а именно: лазуревая, красная и разныя другія, которыя добываютъ здѣсь въ Ингріи. Въ третьемъ этажѣ было приготовлено на восемьдесятъ тысячъ рублей парусовъ. Не всякій этому повѣритъ, но мы видѣли это своими глазами. Затѣмъ мы отправились въ галерею, находящуюся въ среднемъ этажѣ, гдѣ адмиралъ Апраксинъ, — а это было въ пятницу, — подчивалъ насъ одними корабельными блюдами, т. е. копченой говядиной, сосисками, окороками, языками, морскими рыбами, а также масломъ, сыромъ, селедками, вареньемъ (rowidła), солеными устрицами, лимонами, сладкими апельсинами, сухарями, осетрами; было нѣсколько блюдъ раковъ, но мелкіе. Давали пиво и полпиво холодное, такъ какъ здѣсь всюду много льда; на башнѣ въ это время играла музыка.

Посидѣвъ немного, мы отправились въ коллегіи, гдѣ было много молодежи. Столы покрыты зеленымъ сукномъ; на стѣнахъ развѣшены зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель (magister) объяснялъ военное искусство: какъ стрѣлять на корабляхъ, какъ управлять парусомъ, когда вода въ волненіи, и другія этого же рода искусства. Нельзя было объ этомъ подробно спрашивать потому, что мы только проходили, я едва услышалъ о томъ, что здѣсь дѣлаютъ. Отсюда мы сошли въ каналъ, въ которомъ стояло нѣсколько судовъ съ насосами, которые вгоняютъ воду въ длинный кожаный рукавъ, длиною въ нѣсколько сажень, и снабженный, на концѣ, металлическимъ шприцемъ (sikapka), изъ котораго вода брызжетъ въ сторону, въ какую его направлять. Примѣненіе этихъ судовъ тушить огонь, если бы таковой—Боже упаси—заялся. Въ одной комнатѣ находится библиотека, въ которой содержатся книги, относящіяся исключительно къ искусству мореплаванія. Здѣсь были большіе запасы разнаго рода бумаги—бѣлой, сѣрой, черной, и также бумага для чертежей. Нѣсколько комнатъ были заняты постелями, назначенными для кораблей; готоваго платья разнаго цвѣта было на 24,000 человекъ, а также платье для 4,000 матросовъ.

Затѣмъ мы пошли черезъ каналъ въ другое зданіе, которое было такъ же длинно, какъ и первое, но только въ одинъ этажъ; здѣсь живутъ одни ремесленники, которые выдѣлываютъ корабельныя снасти; востельники, напримѣръ, дѣлаютъ котлы, востелки, противни (brutfan), мѣдные котлы; я видѣлъ тамъ столь большіе мѣдные котлы, раздѣленные внутри жестью; что въ нихъ можно было варить вмѣстѣ клецки (kluski) и кашу для 200 человекъ, такъ какъ на корабляхъ кухни не очень просторны, и запасъ дровъ на морѣ также не великъ. Были тамъ также скульпторы, столяры, товари, жестянщики, стекольщики, которые дѣлаютъ фонари, слесари, чертежники, бочары, которые дѣлаютъ бочки, ушаты (węborgki), т. е. ведра и другіе сосуды, по мѣрѣ надобности; цирюльники приготавливаютъ мази и пластыри для ранъ; было около восьмисотъ портныхъ, работающихъ надъ парусами; у нихъ иголки длиною въ четверть, которыя они подпихивали наперстками, чтобы онѣ скорѣе шли; нитки у нихъ для этого толстыя, навосченныя, какъ дратва. Искусство ихъ шитья состоитъ въ томъ, чтобы канатъ, который пришиваютъ, не былъ длинѣе

паруса, а также парусъ—каната, такъ какъ вѣтеръ вывернулъ бы его и много попортилъ бы.

Во второмъ углу столько же кузницъ и кузнецовъ; эти зданія совершенно равны какъ по числу людей, такъ и по мѣсту, ими занимаемому. Было тамъ зданіе большое и широкое на сваяхъ, въ два этажа, покрытое досками со стропильными переводами (wiązany); здѣсь приготавливаютъ модели кораблей и дѣлаютъ ихъ измѣренія (dymensya), и ни одного корабля не станутъ строить, пока модель въ этомъ залѣ не выйдетъ хорошо. Внизу между сваями дѣлаютъ шлюпки для кораблей, мажутъ и красятъ; здѣсь достаточное количество работниковъ. Такъ какъ это зданіе стоитъ у самой рѣки, то спускаютъ шлюпки на воду, какъ-только окончатъ. Вечеромъ, когда сталъ идти дождь, мы отправились въ комнаты, гдѣ много было вина и пива и гдѣ начальникъ (magister) кораблей Головкинъ (Головинъ?) насъ угощалъ. Онъ носитъ постоянно золотой циркуль, украшенный драгоценными камнями,—въ знакъ своего достоинства. Но все это дѣлается для церемоній: въ сущности, не онъ, а только самъ царь знаетъ толкъ въ этомъ; онъ только нарѣдка бываетъ у работниковъ. Царь назначилъ его начальникомъ (magistrem), и на каждомъ пиру сажаютъ его рядомъ съ царемъ, пьютъ его здоровье и дѣлаютъ гравюры съ его именемъ. Подарилъ ихъ онъ и намъ, полякамъ, которые были вмѣстѣ съ посломъ. Въ это время царь привсталъ и, кланяясь, налилъ вино, ходилъ и раздавалъ намъ всѣмъ рюмки, исполняя свою обязанность, такъ какъ, если бы не сдѣлалъ этого, то долженъ былъ бы уплатить штрафъ, точно также, если бы не выѣхалъ на воду, когда выѣзжаетъ адмиралъ, о чемъ мы выше уже писали.

16-го іюня (1720 г.), спускали корабль, подъ названіемъ «Сибирскій Орель». За женою посла царица прислала весьма дорогую шлюпку (kuszlatka), обитую какъ снаружи, такъ и внутри зеленымъ бархатомъ. На ней было 12 гребцовъ, тринадцатымъ былъ шкиперъ; одѣты они были въ черный бархатъ и въ такія же шапки, но когда они гребутъ, то снимаютъ это платье, несмотря ни на вѣтеръ, ни на морозъ. Такое здѣсь обыкновеніе. Послѣ спуска корабля, угощали на немъ многихъ гостей и пословъ; по здѣшнему обычаю, играла музыка, и стрѣляли изъ пушекъ.

20-го іюня, приказано намъ ѣхать въ Кронштадтъ. Выслу-

шавъ обѣдню, мы отправились на корабль, который присланъ былъ за господиномъ посломъ; корабль этотъ былъ весьма красивъ и чрезвычайно дорогъ; дѣлали его въ Англии для прусскаго короля, и, по словамъ прусскаго посла, стоилъ онъ 40,000 рублей. Прусскій король подарилъ его царю вмѣстѣ съ 22-мя трехфунтовыми пушками. Наверху корабля, гдѣ находился посолъ съ женою, была комната, украшенная рѣзною работою и вся вызолоченная. Большихъ венеціанскихъ (weneckich) оконъ было девять, ставни покрыты малиновою камкою съ шелковыми поясами (разшати), потолокъ и стѣны были покрыты тоже малиновою камкою и позументами, богато вышитыми золотомъ. Зеркаль было множество; мраморный каминъ; принадлежности къ камину изъ латуни: щипцы, раздувальнй мѣхъ, лопатка, вѣщи и щетки; полъ покрытъ ковромъ; двойная кровать тоже покрыта камкою съ позументами; постель вся бѣлая съ пштьемъ.

Въ первой комнатѣ втораго этажа стояло восемь кроватей на широкихъ скамьяхъ, на которыхъ днемъ сидятъ, а ночью спятъ. Устройство то же, что въ первой комнатѣ, съ тою разницею, что здѣсь все было покрыто голубою камкою, а на стѣнахъ развѣшено столько зеркаль, сколько можно было ихъ помѣстить. Тюфяки изъ голубой камки прячутъ на ночь и вмѣсто нихъ даютъ полу-шелковые, а также одѣяло и вальки. Во второй комнатѣ, въ этомъ этажѣ, четыре кровати, покрытыя камкою лимоннаго цвѣта, тюфяки, занавѣсъ и зеркала. Въ этихъ комнатахъ на полу лежали ковры, но мы приказали ихъ снять, боясь попортить ихъ подковками отъ каблуковъ. Третья комната—шкипера, съ четырьмя кроватями, покрытыми полупелкомъ; были тамъ зеркала, сундуки, ящики и т. п. Однимъ словомъ, все какъ у перваго сенатора. Были также на этомъ кораблѣ столы, стулья, шахматы, шашки и инныя развлеченія (zabawy). Была также и кухня съ погребомъ и необходимыми помѣщеніями (schowanie); на ней варили для насъ всѣхъ, а насъ было слишкомъ 100 человекъ. Складъ пороха и ядеръ находился въ цейхгаузѣ. Было помѣщеніе и для матросовъ. На днѣ этого корабля находится 1,375 пудовъ свинцу, а каждый пудъ содержитъ въ себѣ 42 фунта.

Плыли мы цѣлый день; небо было безоблачное и ясное, почти что не было вѣтру. Во время пути стрѣляли изъ пушекъ; во время маневровъ (przy lawigowaniu) раздавались звуки трубъ и музыки,

бывшей на корабляхъ, шедшихъ вмѣстѣ съ нами. Я насчиталъ около двухсотъ буеровъ (bujarów), яхтъ, шлюбокъ и гондолъ. Когда адмиралъ бросилъ якорь, данъ былъ пушечный сигналъ для остановки всего флота. Остановились мы на разстояніи двухъ миль отъ Кронштадта и ночевали на морѣ. На слѣдующее утро, въ восемь часовъ—день былъ вѣтренный и туманный—пріѣхалъ къ намъ царь, министры Головкинъ, Шафировъ и нѣкоторые офицеры, которые сожгли въ Швеціи окрестности Або, а также и кронштадтскій комендантъ. Однимъ подали водку; царь выпилъ рюмку вина съ летучимъ масломъ (z olejkiem elixae pro-prietatis). Подали также окорока, языки и масло; выпивъ по нѣскольку стакановъ вина, мы пошли въ мѣсту, гдѣ построены были на сваяхъ двѣ широкія плотины (szluzu) изъ крѣпкаго дерева и желѣза. Множество было тамъ пушекъ; онѣ отстояли одна отъ другой почти на одну сажень. За плотинами стояли фрегаты, галеры, гальоты (galeony) и еще девять большихъ военныхъ кораблей; неподалеку отъ этого мѣста стояло еще семь красивыхъ большихъ военныхъ кораблей, на которыхъ было множество пушекъ. Проѣхавъ это мѣсто, мы направились далѣе и, наконецъ, остановились у острова Котлина, въ мѣстѣ, защищенномъ сваями и плотинами. Весь флотъ вошелъ туда же, но это мѣсто столь большое, что и три такіе флота могли бы тамъ помѣститься. Плотины, по направленію въ Балтійскому морю, густо обставлены пушками и габіонами (koszami). Царь, взявъ на свою шлюбку посла и его секретаря, отправился къ мѣсту, гдѣ выстроены Кронштадтъ. Поутру мы съ приставленными къ намъ офицерами отправились къ дому, въ которомъ живетъ комендантъ, а оттуда по плотинамъ вокругъ Кронштадта. Кронштадтъ построенъ на сваяхъ и камняхъ въ видѣ круга. Первый этажъ (piętro) снизу каменный, второй на прусскій манеръ, а третій деревянный. Пушекъ здѣсь много, и поставлены онѣ на такомъ мѣстѣ, что кораблю нельзя ихъ миновать, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ море слишкомъ мелко. Проѣздъ этотъ для большей безопасности иногда запираютъ цѣпами. Намъ было дано помѣщеніе на островѣ Котлинѣ, во дворцѣ князя Меншикова (Meżuka). Дворецъ этотъ громаденъ, въ три этажа, стоитъ на красивомъ проспектѣ. Комнаты обиты обоями; множество здѣсь зеркалъ и другихъ украшеній, какъ у князя; всѣ мы расположились въ этомъ

дворцѣ, а въ залѣ служились божественныя литургіи (msze święte). Въ субботу пригласили насъ въ каменный домъ, выстроенный нарочно для царя. Царь въ немъ живетъ, когда пріѣзжаетъ осматривать флотъ, такъ какъ ему не хочется ѣхать на островъ Котлинъ. Послѣ угощенія каждый изъ насъ еще въ тотъ же день вернулся на шлюбокѣ въ свою квартиру. На слѣдующій день, въ воскресенье, пригласили всѣхъ гостей, пріѣхавшихъ на этомъ флотѣ, къ адмиралу Апраксину, который угощалъ на своемъ кораблѣ всѣхъ пословъ, министровъ и гостей. Корабль этотъ военный, большой и широкій, снабженный 100 пушками, назывался «Анготъ». Нѣсколько часовъ спустя, вице-адмиралъ, т. е. самъ царь, пригласилъ всѣхъ на свой корабль къ ужину. Послѣ каждого тоста производился залпъ изъ пушекъ; прежде всего подали вино, а у вице-адмирала надо было много пить. При этомъ стрѣляли зарядъ изъ 30-ти пушекъ, такъ что даже корабль порядочно наклонился; ядро изъ одной пушки случайно разбило одну шлюбку; людей, къ счастью, спасли. Затѣмъ вице-адмиралъ представлялъ свой корабль, который называется «Лѣсной» (Leśnia); показывали намъ цейхгаузъ, входя куда, мы должны были снимать сапоги, чтобы не произвести огня подковками отъ каблуковъ; здѣсь было много пороху, пуль, бомбъ и картеасовъ (kartasów). На слѣдующій день, въ Ивановъ день, мы ходили съ царемъ на островъ Котлинъ по каналу, который рыли 4,000 нанятыхъ людей; каждому изъ нихъ платили за кубическую сажень по пяти рублей. Большихъ камней тамъ много, и, чтобы легче добыть ихъ, разбиваютъ кирками и желѣзными клинами, или разрываютъ порохомъ; кромѣ камней въ этомъ каналѣ немало хорошей глины, которую употребляютъ на выдѣлку кирпичей и черепицы, и такимъ образомъ скоро строить каменные дома. Послѣ божественной литургіи флотъ тронулся, и мы за нимъ отправились въ Ораніенбаумъ (do Ranińbowa), лежащій у моря, въ 4-хъ миляхъ отъ Кронштадта. Это дворецъ князя Меншикова (Meńyuka). Въ дорогѣ мы обѣдали на кораблѣ, а причаливъ къ берегу, ожидали до пяти часовъ приваза; тогда пріѣхалъ отъ царя генераль-адъютантъ Преображенскаго полка, Румянцевъ, съ донесеніемъ, что царь пришлетъ шлюбки, а если угодно прогуляться, то можно ѣхать во дворецъ сушею. Такимъ образомъ посоль съ супругою и нами отправился. Остановились мы

у мосту, гдѣ насъ ожидали кареты; сѣвъ, мы подъѣхали въ Итальянскому саду, расположенному у самаго дворца; выйдя изъ кареты мы гуляли по саду. Этотъ садъ украшаютъ три фонтана, 46 различныхъ статуй, а также клумбы и галереи. Вышли министры и развлекали посла; съ его женою бесѣдовала княгиня Любецкая, жена валашскаго господаря; насъ же пригласилъ къ себѣ гофмаршалъ (marszałek) князя и угощалъ холоднымъ виномъ, прямо со льда, и полупивомъ. Красивый это дворецъ; еще строить флигеля; по угламъ его церкви; здѣсь есть бани и пруды; воду въ нихъ доставляетъ рѣка, протекающая у замка. Въ этой рѣкѣ множество рыбы, особенно осетровъ, семга и форелей; все, что тогда поймали, отдали послу.

Изъ Ораніенбаума отправились мы въ Петергофъ, куда считаютъ двѣ мили. Прибыли туда въ 11 часовъ. Царь сѣлъ на нашъ корабль и провелъ насъ съ моря на кораблѣ по каналу, обложенному камнемъ и обсаженному деревьями до самаго дворца, построеннаго на горѣ. Когда мы высадились, насъ ввели во дворецъ, гдѣ были накрыты столы и играла музыка. Кушанья были отличныя и вина старыя.

Послѣ обѣда, вечеромъ, насъ пригласили въ другой дворецъ, построенный у самаго моря, который называется Монплеизиръ. Царь ѣхалъ съ посломъ въ экипажѣ, выплетенномъ изъ морскаго тростника, и съ ними всѣ, кто могъ, прицѣпились. Экипажъ былъ запряженъ въ одну лошадь; вмѣсто колесъ были подложены катушки (wałki). Царица ѣхала съ женою посла и дамами по проспектамъ и тремъ садамъ до самаго дворца, гдѣ тоже были накрыты столы. Пили мы много до 10-ти часовъ ночи, послѣ чего царь отправился спать во дворецъ, а мы на корабль. На утро царь прислалъ, приглашая ѣхать въ Стрѣльну (Sterlimuza) и предлагая свои кареты, еслибы мы пожелали ѣхать сушею. Посолъ съ нами отправился сушею, а его жена поѣхала моремъ, такъ какъ и шлюбка была готова. Ѣхали мы по берегу моря, по горамъ до Стрѣльны, куда прибыли въ 10 часовъ къ обѣду. Отобѣдавъ, мы отправились къ мѣсту, гдѣ рѣку вводятъ въ другое русло, а послѣ пошли туда, гдѣ закладываютъ весьма большой дворецъ. Первый камень положилъ царь, второй посолъ, и мы, бывшіе тамъ, тоже положили камни. Царь провозгласилъ тостъ за скорое окончаніе постройки. По окончаніи церемоніи подали намъ 32

верховыхъ лошадей, убранныхъ въ разныя китайскія, прусскія и шведскія сѣдла и другаго рода сбрую, и мы поѣхали въ садъ Версаль, который довольно великъ и простирается до морскаго берега. Тутъ нѣсколько каналовъ, впадающихъ въ море, есть галереи (ganki), аллеи, высаженныя липами, много фонтановъ, лабиринты и много красивыхъ предметовъ. У самаго берега оставлена сосновая роща для звѣрей, обведенная каналомъ. Тамъ было что видѣть, и, пока мы объѣхали верхомъ, прошло нѣсколько часовъ. Изъ сада повелъ насъ губернаторъ въ лѣсъ, и тамъ на круглую площадку, отъ которой идутъ 12 просѣкъ въ разныя стороны. Царь намъ рассказывалъ, что одна просѣва тянется на 140 верстъ. Въ каждой просѣвѣ мы должны были выпить по рюмкѣ вина и стакану пива. Было этого вдоволь, такъ какъ за нами возили цѣлый погребъ. Оттуда мы проѣхали около полутори польской мили къ другой круглой площадкѣ, гдѣ были три просѣки, уже не столь длинныя. Отсюда мы направились къ другому саду, который теперь закладываютъ, а затѣмъ обратно въ Стрѣльну, гдѣ, выпивъ по рюмкѣ воды, простились съ царемъ. Царь отправился ночевать въ Петергофъ, мы же на море, на корабль.

Изъ Стрѣльны въ Петербургъ 4 мили. Выѣхали мы въ 4 часа утра обратно въ Петербургъ. Сначала былъ попутный вѣтеръ, но, когда мы вошли въ рѣку, вѣтеръ утихъ, такъ что мы едва тронулись съ мѣста. Когда мы пріѣхали къ адмиралтейству, съ нашего корабля выстрѣлили 9 разъ, а съ адмиралтейства намъ отвѣчали. Проходя мимо замка, мы выстрѣлили 15 разъ, а съ замка—31. Такимъ образомъ едва въ 10 часовъ ночи прибыли мы во дворецъ, а барка (galcon), на которой были наши вещи, едва прибыла на слѣдующій день въ 8 часовъ. Посоль вѣлѣлъ угостить шкипера (szuper); его кѣзначей далъ шкиперу 10 червонцевъ, а матросамъ по три; шкиперу на баркѣ (galconie) пять червонцевъ, а матросамъ по одному; конюхамъ царскихъ лошадей, которыхъ у насъ было 32, далъ по три червонца ¹⁾).

¹⁾ Непосредственно послѣ этого слѣдуетъ статья подъ заглавіемъ: «Царскій укоръ союзнымъ войскамъ, или сказка о журавлѣ». Издатель, не находя связи этого разсказа съ предыдущимъ, выпустилъ его. Кажется, нельзя не пожалѣть этого, прінявъ во вниманіе цѣль посольства.

Дня 26-го іюня (1720 г). Шведскаго посланника отправили въ Петергофа. Дали ему 300 червонцевъ и три пары соболей. Царь возилъ шведа съ собою по морю и сушѣ, показывая свои крѣпости, построенныя на морѣ и у береговъ, а также флотъ, стоящій у Кронштадта. Показавъ все это, царь сказалъ:

«Твой государь—бѣднякъ (chudy raschołek), и напрасно оплачиваетъ шпионовъ. Ты самъ видишь, что у меня есть. Моимъ посламъ, приѣзжающимъ къ вамъ, завязываютъ глаза въ своихъ крѣпостяхъ, я же открыто показываю, что у меня, и не стыжусь ни моихъ крѣпостей, ни флота».

Кто не привыкъ къ морскому путешествію, особенно во время волненій на морѣ, тотъ не высидитъ внизу—развѣ на верху, на палубѣ. Многіе изъ насъ болѣли; мы лечились водкою и табакомъ. Послу царь прислалъ лекарство отъ морской заразы (zagazy). Воду невозможно пить, такъ какъ она сильно смердитъ, густа и желтовата. Гохландъ (Ochlant) лучше видѣть изъ Ораніенбаума, чѣмъ изъ Кронштадта, хотя до этого острова 16 миль. Корабли тамъ запасаются водою, выходя въ море, такъ какъ она здорова и хороша. На этомъ островѣ царь подарилъ своему дворянину Зборинскому (Zborzyński) 20 мужиковъ, которые за подати даютъ ему рыбу, сельди и кожи изъ тюленей.

Царь имѣетъ двадцать два милліона рублей дохода, изъ которыхъ платитъ войску, флоту и ремесленникамъ. Экстраординарныхъ доходовъ имѣетъ столько, сколько хочетъ и можетъ у кого взять. Провизъ (?) въ Петербургѣ составляетъ ежемѣсячно 9,000 рублей ¹⁾.

Дня 6-го іюля. Померъ князь Долгорукій, имѣя 64 года; это родной братъ посла, который уже нѣсколько лѣтъ пребываетъ въ Польшѣ. Шестаго числа пригласили посла на похороны, вслѣдствіе чего въ 4 часа вечера мы отправились въ квартиру покойнаго. Двѣ комнаты были обиты флеромъ; художникъ снималъ съ покойнаго портретъ (malarz, któdy go konfrfektowai); немало было митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ и разнаго другаго высшаго духовенства. Посолъ выразилъ соболѣзнованіе

¹⁾ Затѣмъ въ рукописи помѣщено описаніе Чернаго моря, но оно написано такъ неясно, что издатель вынужденъ былъ его оставить.

архіерею Яворскому. Покойниѣ лежалъ въ гробу, обитомъ малиновымъ бархатомъ, съ золотыми подушками. Саванъ былъ подвязанъ у шеи лентою; въ изголовьи выстлано какъ слѣдуетъ, тюфякъ покрытъ золотомъ наподобіе одѣяла. Около гроба стояло болѣе 12-ти офицеровъ, въ черныхъ плащахъ и траурномъ платьѣ, перепоясанные *boweńcisami*; свѣчь въ зеркалахъ было 15, у гроба 8 въ подсвѣчникахъ, обтанутыхъ флеромъ. У гроба на длинной палкѣ (*torogzysko*) держали портретъ покойнаго и его гербы, завернутые во флеръ. Четыре гофмаршала (*marzalek*), съ траурными жезлами, вводили прѣѣзжающихъ. Но царя мы ждали три часа; наконецъ онъ прѣѣхалъ; подойдя, осматривалъ со свѣчею покойника, — здѣсь такой обычай, что друзья и кто хочетъ — осматриваютъ покойника. Затѣмъ сняли покрывало и закрыли гробъ, прибивъ къ бархату жестяную доску съ гербомъ.

Намъ, полякамъ, пристегивали къ шапкамъ *boweńcis* и каждому давали бѣлыя перчатки. Кто былъ одѣтъ въ трауръ, того благодарили, что былъ *socius doloris*. Посоль и нѣкоторые изъ нашихъ были въ траурѣ.

Затѣмъ, послѣ обычныхъ отпѣваній, духовенство направилось съ гробомъ, по старшинству — на концѣ уже младшіе; не такъ, какъ у насъ, что епископъ идетъ послѣ всѣхъ.

Одинъ взялъ святую икону, чтобы отдать ее въ монастырь — такой здѣсь обычай послѣ каждаго покойника. Проводя покойника, все шествіе направилось къ морю. Ставъ у неукрѣпленнаго берега, толпа стала сходить по лѣстницѣ къ морю. Вдругъ лѣстница сломалась, и человекъ 30 упало въ воду съ высоты 116 (!?) аршинъ — упалъ адмиралъ Аправсинъ, адмиралъ Невскій (?), вице-канцлеръ Баторовъ (?), много офицеровъ и дамъ. Всѣхъ, однако, спасли, никто не потонулъ. Царь, оставивъ царицу, поѣхалъ въ монастырь; духовенство и друзья покойнаго пошли за покойникомъ; мы же вернулись во дворецъ, такъ какъ уже было около 8-ми часовъ. Погребальный кортежъ вернулся послѣ полудни; сѣли кушать; подавали золотыя кольца и серебряныя ложки по тамошнему обычаю.

Дня 8-го іюля (нов. стilia, 28-го іюня ст. стilia) праздновали воспоминаніе полтавской побѣды. Въ церкви св. Трои-

цы, сначала царь молился со всѣми министрами, генералами и офицерами, а послѣ архіерей Яворскій сказалъ проповѣдь, на которой были и мы. Архіерей изложилъ, какъ царь искалъ мира съ королемъ шведскимъ чрезъ посредство польскаго короля, Англіи и Голландіи, и даже прямо чрезъ шведскихъ министровъ Пипера и Штенбека (Sztombok). «Но эта вздутая гидра не хотѣла предпринимать средствъ въ миру. Св. Іоаннъ пишетъ, что во снѣ видѣлъ змѣя (smoka) съ семью головами, который хотѣлъ сбросить своимъ хвостомъ сіяющія на небѣ звѣзды. Таято (tajato) бестія, этотъ-то хоботъ (chobot), который хотѣлъ похлонити¹⁾ россійское государство, слушалъ Польшу, Жмудь, Литву и Саксонію, разрушилъ хорошіе города—Варшаву, Краковъ, Львовъ, Вильно, Торунь (Торнъ), однимъ словомъ—всѣ народы. Со своимъ ядомъ также нашелъ и на наше государство, расширилъ свое могущество, но великій государь скоро унялъ его гордость и выгналъ этотъ хоботъ со своихъ странъ и войско его взялъ въ неволю, и онъ, хотѣвшій овладѣть нашимъ россійскимъ государствомъ, потерялъ свое,—удавился своею жадностью, и, наконецъ, смерть задавила его. Когда (Koły) онъ взялъ великіе народы—Инфлянты (Лифляндію), Финляндію, Ингрію, Эстонию, Наталію (?), то потерялъ Ригу, Нермель (?), Ревель, Нарву, Ивангородъ, Ямбургъ, Копорье, Шлиссельбургъ, Ровенбургъ, Ладогу. Удавился ты своею жадностью, наконецъ, удавила тебя смерть. Не намъ, Господи, не намъ, а Твоему имени да будетъ честь и слава».

Царь, поблагодаривъ архіерея за слово и поцѣловавъ его руку, отправился къ своимъ полкамъ, которые неподалеку отъ церкви стояли на большой равнинѣ. Передъ ними офицеры, по обыкновенію (wedle trybu) на коняхъ. Царь самъ командовалъ Преображенскимъ полкомъ, котораго состоитъ полковникомъ. Духовенство, выйдя изъ церкви съ крестнымъ ходомъ (procesjonaliter), отправилось въ палатку, гдѣ прежде пѣли евангелія и послѣ «Тебе Бога Хвалимъ» (Te Deum laudamus). Затѣмъ полки поочередно салютовали изъ ружей; послѣ стрѣляли

¹⁾ Авторъ дневника иногда приводитъ русскія выраженія, которыя мы оставляемъ въ той формѣ, въ какой находятся въ оригиналѣ.

изъ пушекъ, которыя стояли среди полковъ, также производили залпы изъ замка. Галеры, на которыхъ эти полки прѣѣхали, были убраны въ различные флаги. Былъ фрегатъ, похожій на бывшій въ день царскаго рожденія; на немъ развѣвались флаги.

Послѣ этого торжества поѣхали мы на угощеніе на галеру, и галеры поплыли къ Итальянскому саду; когда провозглашали тосты, то по обыкновенію палили изъ пушекъ. Пошли мы въ садъ, кто хотѣлъ—тотъ пилъ, а кто хотѣлъ—гулялъ. Затѣмъ царица съ дамами сѣла за ужинъ, на которомъ подавали только варенье и водку. Пила царица—и всѣ пили за послушаніе (*pili za rowipność*), всѣ дамы вмѣстѣ съ супругою посла должны были пить. По всему саду носили ушатами водку и каждому давали пить изъ деревяннаго солдатскаго кубка. Когда посоль, гуляя, въ сумеркахъ повстрѣчался съ царемъ, тотъ его повелъ опять къ ушатѣ пить водку, но гренадеръ сказалъ: «вшалъ господинъ посоль»¹⁾; поэтому царь прошилъ (?) къ послу рюмкою водки. Затѣмъ начался фейерверкъ на томъ же мѣстѣ, что и прежде; на фрегатѣ, на которомъ были флаги, всѣ мачты были украшены площадками, которыя горѣли до окончанія фейерверка. Былъ и транспарантъ съ надписью: безъ Божьей воли ничего не будетъ. Пускали раветы изъ мортиръ, но теперь красивѣе чѣмъ прежде. Около часу по-полуночи всѣ возвратились домой, а царь, взявъ царицу, повелъ ее черезъ садъ въ другой дворецъ.

Дня 10-го іюля²⁾. Наканунѣ царскихъ именинъ насъ пригласили явиться съ посломъ на слѣдующій день въ 11 часовъ. Посоль отправилъ свой оркестръ къ капуцинамъ, недавно выпитаннымъ изъ Италіи для миссін вмѣстѣ съ двумя поляками реформатами³⁾, и то на то мѣсто, гдѣ прежде были іезуиты. Такъ какъ было нѣсколько священниковъ и одинъ алтарь, то іезуиты отслужили обѣдню у посла. Затѣмъ отправились кареты сушею, а мы съ посломъ на баркѣ къ капуцинамъ, такъ какъ царь находился еще въ церкви св. Троицы. Тамъ мы ожидали, пока не былъ данъ пушечный сигналъ. Когда мы ѣхали во дво-

¹⁾ Слова оригинала.

²⁾ Т. е. 30-го іюня ст. стиля.

³⁾ Католическій монашескій орденъ реформатовъ.

рець, стрѣляли на галерахъ. Полки Преображенскій и Семеновскій, выстроенные въ карѣ передъ садомъ, стрѣляли подобно тому, какъ во время празднованія Полтавской побѣды. Посоль поздравлялъ царя; потомъ сѣли за столъ. Во время тостовъ производились залпы изъ пушекъ. Въ три часа вышли мы въ Итальянскій садъ. Наши столы были заставлены виномъ, пивомъ, водкою и табакомъ; кто хотѣлъ—гулялъ, кто хотѣлъ—пилъ. Царь повелъ посла въ свой дворець, весьма красиво убранный различными китайскими обоями. Въ трехъ комнатахъ были бархатныя кровати, украшенныя позументами соотвѣтственно убранству комнаты. Множество зеркалъ и украшеній; полъ мраморный. У комнатъ кухня, стѣны которой покрыты фартуками, какъ комнаты въ иныхъ дворцахъ. Были въ ней насосы, шкафы для серебра и олова (супу). Одна комната на противоположной сторонѣ была наполнена токарными и слесарными инструментами—валами, тисками большими и малыми. Тамъ можно было найти всѣ инструменты, необходимые для самыхъ лучшихъ ремеслъ. Тогда какой-то мальчикъ дѣлалъ табакерку изъ слоновой кости. Показывалъ царь въ церкви люстру на девять свѣчъ изъ слоновой кости, висящую у великаго алтара, которую царь сдѣлалъ своею рукою. Всякій долженъ былъ признать достоинство работы не только люстры, но также кораблей и судовъ новаго устройства; удивляются даже и тѣ, которые хорошо свѣдуци въ этомъ. Этотъ властелинъ умѣетъ приказать каждому ремесленнику, а это самое важное достоинство строителя. Въ этомъ монархѣ все заключается. Когда мы послѣ ходили по саду, то съ посломъ повстрѣчались люди, разбѣсившіе водку ушатами; пришлось волей-неволей выпить, а вмѣстѣ съ нимъ и намъ. Множество тамъ было людей въ этотъ день царскаго ангела, такъ какъ всякій могъ придти, пить и гулять. Въ иныхъ мѣстахъ простыхъ людей не впускали. Такимъ образомъ мы забавлялись до 11 часовъ ночи, а хотя это позднее время и обыкновенно самое темное, но тамъ такъ еще было свѣтло, что можно было читать и писать. Послѣ 11-ти начался фейерверкъ, сначала на водѣ, гдѣ на рѣчномъ суднѣ поставленъ былъ транспарантъ съ русскою надписью: «хотя въ меня со всѣхъ сторонъ бьютъ, однако я возвышаюсь», по-бокамъ горѣли раковья (gakowe) фигуры, пока не выгорѣли. Затѣмъ пускали ракеты:

однѣ стрѣляли въ воздухѣ, изъ иныхъ вылетали звѣзды, иныя же, падая въ воду, загорались съ великимъ трескомъ и шумомъ. Огни эти продолжались до часу ночи. Къ царицѣ подошли два кавалера съ однимъ юношею—съ прошеніемъ. Царица передала его секретарю и обѣщала все сдѣлать. Въ этотъ день царь велѣлъ выпустить изъ тюрьмы многихъ преступниковъ, многимъ офицерамъ далъ высшія почести. Поднесли царю въ этотъ день шесть молодыхъ дивихъ утокъ и двухъ гусей, вторыхъ царь собственноручно пустилъ на воду.

Дня 14-го іюля. На слѣдующій день дали знать послу, что аудіенція и прощаніе назначены на слѣдующее воскресенье. Пришелъ также господинъ Бялошицкій, секретарь большой канцеляріи ¹⁾, чтобы узнать, что посолъ будетъ говорить во время аудіенціи: дали ему это на бумагѣ. Въ воскресенье, въ одиннадцать часовъ за посломъ пріѣхали на двухъ баркахъ два офицера: бригадиръ-маіоръ (brugadyer-major) Мамоновъ (Mamunow) съ капитанъ-поручикомъ Преображенскаго полка. Барка для посла была обита зеленымъ бархатомъ съ шитьемъ; барка для посольской свиты была такъ велика, что могла бы вмѣстить и 100 человекъ; гребцовъ было 24. Такъ отправился посолъ съ бригадиръ-маіоромъ, а нашъ секретарь самъ держалъ въ рукѣ царскую грамоту. У сената стояли хоръ гренадеровъ и четыре хора Преображенскаго полка. На мосту встрѣтили посла секретари, а чѣмъ было ближе къ сенату, тѣмъ знатнѣе сановники выходили на-встрѣчу, и ввели посла въ сенатъ. Царя мы нашли сидящимъ на тронѣ подъ балдахиномъ изъ малиноваго бархата съ дорогимъ шитьемъ. Кресло тоже съ шитьемъ: орелъ и св. Петръ съ ключемъ. Царь всталъ и стоялъ, а посолъ прощался; врученную экспедицію опечатали. Ничего не отвѣтили, только вице-канцлеръ пригласилъ поцѣловать руку царя. Такимъ образомъ посолъ, затѣмъ секретари и всѣ цѣловали его руку. При этомъ соблюдается тотъ обычай—идя цѣловать, слѣдуетъ поклониться три раза, поцѣловавъ—также три раза и столько же—отходя.

¹⁾ Посолъ въ своемъ рапортѣ называетъ его Mr. Białoszycki—secrétaire pour les affaires de Pologne (Podoski. Teka. T. VI, p. 493). У Тейнера: Białoszycki secretario di S. M. Czariano. Mon. p. 523.

По прощаніи министры провожали посла до лѣстницы, другіе до самой барки. Во время выхода стрѣляли изъ пушекъ въ замкѣ, а такъ какъ замокъ вдали отъ сената, то для сигнала пускали ракеты. Сѣли въ барку также бригадиръ Мамоновъ (Мамунов) и другой офицеръ, и проводили посла до его дворца, гдѣ остались обѣдать. Потчивали ихъ пятилѣтнимъ венгерскимъ, провозгласили тосты за царя російскаго государства, сенаторовъ, министровъ, добрый миръ и дружбу съ Рѣчью Посполитою.

Дня 20-го іюля. Была свадьба г. Румянцева, царскаго генераль-адъютанта, бригадиръ-маіора Преображенскаго полка, съ дочерью министра и члена collegii iustitiae, Матвѣева (въ подлинникѣ ошибчно: Мамунов). Здѣсь обычай, что хотя у молодыхъ и есть родители, но они выбираютъ себѣ другихъ. На этотъ разъ отцомъ былъ царь, а царица матерью; вѣнчалъ царскій духовникъ. Угощеніе было въ верхнихъ залахъ почтоваго двора. Гдѣ сидѣлъ царь съ молодымъ, устроенъ былъ изъ малиноваго бархата балдахинъ, также и тамъ, гдѣ царица съ молодою, такъ какъ сидѣли они отдѣльно.

Послѣ обѣда всѣ пошли въ другую залу танцовать; впереди первый маршалъ, а было ихъ 12, и молодой долженъ былъ ихъ угощать (kontentować). Танцовали исключительно по-польски, такъ какъ французскіе танцы рѣдко употребительны. Начали танцы: царица съ царскимъ кавалеромъ, затѣмъ царь съ царицею. Маршалъ приказалъ подъ страхомъ штрафа, чтобы заранѣе не танцовали болѣе трехъ паръ—и это соблюдалось.

Вечеромъ подали кареты и разные экипажи, въ которыхъ молодые должны были отправиться въ квартиру жениха, и тамъ предполагали кончать пить. Посоль простился съ царемъ и уѣхалъ съ нами домой.

Дня 21-го іюля (1720 г.) назначена была аудіенція у царицы. Въ пять часовъ мы были въ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ насъ въ первыхъ комнатахъ встрѣчали маршалы царицы, которая уже ожидала посла. Канцлеръ Головкинъ пригласилъ насъ поцѣловать руку, что сдѣлалъ посоль, его жена и нѣкоторые изъ насъ. Послѣ этой церемоніи, посла вывели маршалы, а его жену двѣ дамы, разговаривавшія по-французски. Отсюда посла повезли на свадьбу. Жениха и невѣсту мы нашли за столомъ. Царица сидѣла выше,

а царь ниже; затѣмъ всѣ пошли въ другую залу на танцы. Зажгли тамъ по восьми свѣчъ въ оконѣ, а оконъ было восемь. Здѣсь таковой обычай, что во время царскихъ праздниковъ—именинъ, свадьбы и т. п.—всѣ обязаны во всѣхъ дворцахъ и домахъ зажечь свѣчи, а передъ дворцами фонари; должно быть вездѣ свѣтло. Въ часъ ночи всѣ разѣхались, каждый къ себѣ.

20-го сентября 1720 года,
въ 9 часовъ по-полудни.

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ

1740—1764 ¹⁾).

III.

Мѣсто заточенія Іоанна Антоновича.—Заговоры въ его пользу.—Его убіеніе.—
Репорты Берединова, Власьева и Чекина.—Письма Н. И. Павлова, Г. Н. Теп-
лова, Н. И. Неплюева и Екатерины II.

Брауншвейгская фамилія прибыла въ Холмогоры 9-го ноября 1744 года. Въ силу высочайшей инструкціи, данной барону Н. А. Корфу, царственный узникъ былъ отдѣленъ отъ родителей и жилъ подъ неуспыннымъ надзоромъ, въ особомъ помѣщеніи, въ холмогорскомъ острогѣ. О времени перевоза его въ Шлиссельбургъ донынѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. По словамъ Миниха, это произошло въ 1746 году, послѣ смерти Анны Леопольдовны; къ этому онъ прибавляетъ, будто Елисавета видѣла Іоанна въ Петербургѣ, въ домѣ графа Воронцова. Бавтышъ-Каменскій относитъ это событіе къ 1756 году и мѣстомъ свиданія императрицы съ узникомъ называетъ домъ Ивана Ивановича Шувалова. О посѣщеніи Іоанна Антоновича Петромъ III, въ мартѣ 1762 года, свидѣтельствуешь Сальдернъ ²⁾; но этотъ-же историкъ, передавая, Богъ-вѣсть изъ какихъ источниковъ зачерпнутый, разговоръ императора съ арестантомъ, изображаетъ послѣдняго человекомъ, пользовавшимся вполне развитыми умственными способностями, — чему положительно нельзя вѣрить. Посѣщеніе императора имѣло для узника тѣ благія послѣдствія, что надзоръ за нимъ былъ ослабленъ, и содержаніе его было значительно улучшено. Сохранилось довольно вѣроятное преданіе, будто Петръ III имѣлъ намѣреніе и вовсе освободить Іоанна Антоновича: Екатерина II, по восшествіи своемъ на

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 497—503.

²⁾ Saldern. Histoire de la vie de Pierre III. Metz, 1802, p. 62.

престоль, признала необходимымъ, по отношенію къ Іоанну Антоновичу, возобновить о немъ прежнія распоряженія Елисаветы: запретила выводить его изъ каземата, говорить съ окружающими, читать, писать и вообще заниматься чѣмъ бы то ни было, что только служить къ развитію умственныхъ способностей. Караульнымъ офицерамъ дана была инструкція, въ которой, между прочимъ, постановлено было умертвить арестанта при малѣйшей попыткѣ его къ освобожденію ¹⁾. Это безжалостное распоряженіе было слѣдствіемъ обнаруженнаго, въ сентябрѣ 1762 года, заговора въ пользу шлиссельбургскаго узника. Первоначально Екатерина II располагала значительно облегчить участь Іоанна Антоновича, сравнительно съ прежнимъ его положеніемъ. Намѣренія свои она выразила графу Н. И. Панину, въ слѣдующемъ письмѣ ²⁾:

«Мое мнѣніе есть, чтобы... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ охраненіи отъ зла остался; только постречь нивѣ и переимѣнить жилище въ не весьма близкой и въ не весьма отдаленной монастырь, особливо въ такой, гдѣ богомолья нѣтъ, и тутъ содержать подъ такимъ присмотромъ, какъ и нивѣ еще справиться можно, нѣтъ ли посреди Муромскихъ лѣсовъ, въ Колѣ, или въ Новгородской епархіи такихъ мѣстъ».

По словамъ Бюшинга (IV, 532), въ годъ восшествія на престоль Екатерины II, несчастный Іоаннъ былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ изъ Кексгольма, гдѣ находился по повелѣнію Петра III, и въ это именно время государыня полюбоществовала видѣть узника. О свиданіи съ нимъ въ мѣстѣ заточенія Екатерина II упомянула и въ манифестѣ о восшествіи своемъ на престоль. Это свиданіе могло происходить въ августѣ 1762 года, до открытія заговора Петра Хрущова, Семена, Ивана и Петра Гурьевыхъ, имѣвшаго цѣлю возведеніе на престоль Іоанна Антоновича. Манифестъ объ этомъ заговорѣ послѣдовалъ, въ Москвѣ, 24-го октября 1762 года: смертный приговоръ виновнымъ императрица замѣнила публичнымъ опельмованіемъ Петра Хрущова, Семена Гурьева, съ ссылкой ихъ въ Камчатку на вѣчное житье; лишеніемъ чиновъ и ссылкой въ Якутскъ на-вѣчно Ивана и Петра Гурьевыхъ и лишеніемъ чиновъ Алексѣя Хрущова, съ удаленіемъ его въ свои деревни для проживанія тамъ безвыѣздно. Этотъ нелѣпный заговоръ имѣлъ самыя гибельныя послѣдствія для Іоанна Антоновича: именно, послѣ него, императрица отмѣнила всѣ

¹⁾ М. И. Семевскій, Іоаннъ VI Антоновичъ «Отеч. Зап.». 1866 г., кн. VII, стр. 537).

²⁾ Приводимъ его по необходимости, ради уясненія отношеній императрицы къ несчастному Іоанну. Письмо это было напечатано въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей» 1863 г., книга II, стр. 80, и въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества» 1871 г., томъ VII, стр. 537.

прежня свои повелѣнія, клонившіяся къ облегченію участи невиннаго узника, и возобновила жестокія о немъ инструкціи приставникамъ, данныя при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ утѣшеніе родителю узника, принцу Антону Ульриху, императрица послала къ нему въ Холмогоры генераль-маіора Александра Ильича Бибикова, снабженнаго особою секретною инструкціею, данною 17-го ноября того же 1762 года. Въ этой инструкціи, изложенной въ девяти пунктахъ, Бибикову препоручено было: предложить принцу избавленіе и возвратъ въ его отечество, куда, со временемъ, придутъ и его дѣти, которыхъ—«до тѣхъ поръ освободить не можемъ» (сказано было государынею) «пока дѣла наши государственныя не укрѣнятся въ томъ порядкѣ, въ которомъ они, къ благополучію имперіи нашей, новое свое положеніе теперь приняли». Далѣе сказано было:... «часто съ нимъ бывая и разговаривая, примѣчайте нынѣшнее разума его сложеніе, а особливо дѣтей его нравы и понятіе» (пунктъ 7-й)... «ежели придумаете къ ихъ лучшему въ житьѣ и безнужному въ чемъ-либо содержанію, то намъ объявить, возвратятся, имѣете» (пунктъ 8-й).

Разстаться съ дѣтьми герцога, какъ извѣстно, не пожелалъ; соображенія свои объ улучшеніи быта холмогорскихъ затворниковъ благороднѣйшій Бибиковъ, конечно, доложилъ императрицѣ—но и тутъ злая судьба, неутомимая гонительница брауншвейгской фамиліи, заставила Екатерину II отказаться отъ великодушныхъ своихъ намѣреній, касательно принца Антона Ульриха и дѣтей его.

Примѣръ Хрущевыхъ и Гурьевыхъ нашелъ подражателя въ лицѣ подпоручика Смоленскаго пѣхотнаго полка, Василія Яковлевича Мировича. Безумная мысль—свергнуть Екатерину II съ престола, возвести на него освобожденнаго изъ темницы Іоанна Антоновича—казалась осуществимою несчастному сумасброду. Шлиссельбургскаго узника онъ, до его убіенія—никогда не видалъ въ глаза (ображаемъ особенное вниманіе читателя на это обстоятельство), объ умственныхъ его способностяхъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, будучи и самъ человѣкомъ весьма ограниченнаго ума. Хрущевы и Гурьевы—офицеры лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, имѣли, по словамъ одного изъ нихъ—до тысячи приверженцевъ; сообщниками Мировича, бѣднаго армейскаго офицера, былъ одинъ только товарищъ Ушаковъ, да небольшой отрядъ изъ 38-ми человѣкъ солдатъ, повиновавшихся ему какъ начальнику, но нимаго не раздѣлившихъ его приверженности къ Іоанну Антоновичу, котораго Мировичъ мечталъ сдѣлать орудіемъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Въ отвѣтъ Мировича графу П. И. Панину выразилась вся суть его побужденій.

«Для чего», спросилъ графъ—«предпринялъ ты такой злодѣйскій умыселъ?»—Для того, отвѣчалъ Мировичъ—чтобъ быть тѣмъ, чѣмъ ты сталъ!

Пользуясь отбытіемъ императрицы (20-го іюня 1764 года) изъ С.-Петербурга въ Лифляндію, Мировичъ рѣшился привести въ исполненіе мятежническій свой умыселъ, и, съ этой цѣлю, 3-го іюля не въ очередь, а за другаго офицера, пошелъ въ крѣпость въ карауль... Въ ночь съ 4-го на 5-е число, ранивъ коменданта Бередникова и отдавъ его своимъ солдатамъ подъ карауль, Мировичъ повелъ свою команду къ каземату Іоанна Антоновича. Мятежники открыли по гарнизоннымъ солдатамъ ружейный огонь, на который тѣ отвѣчали таковымъ же. Овладевъ пушкою, Мировичъ грозилъ открыть пальбу, если гарнизонъ не сдастся, а арестантъ, или государь, какъ называлъ его безумецъ, не будетъ освобожденъ. Тогда капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ, въ исполненіе данной имъ инструкціи—умертвили несчастнаго Іоанна Антоновича. Увидя трупъ того, на кого онъ возлагалъ блестящія свои надежды, Мировичъ почти безъ сопротивленія далъ арестовать себя.

Слѣдующій рядъ документовъ—заключаетъ всѣ подробности и послѣдствія шлиссельбургской катастрофы, 5-го іюля 1764 года.

КАПИТАНЪ ВЛАСЬЕВЪ—Н. И. ПАНИНУ.

Его высокопревосходительству и проч., Никитѣ Ивановичу Панину, отъ капитана Данилы Власьева, всенекорнѣйшій репортъ.

Всенекорнѣйше доношу вашему высокопревосходительству: сего іюля 4-го дня, послѣ полудня въ пятомъ часу, вышелъ я для прогулки въ крѣпости, и сошелся со мною находящійся въ Шлиссельбургской крѣпости караульный обер-офицеръ Смоленскаго пѣхотнаго полку и началъ мнѣ говорить: «смѣю-ль васъ просить?». И я ему на то сказалъ: «о чемъ?». И онъ мнѣ началъ говорить: «ежели дозволите мнѣ говорить и не погубите меня. Вѣдаю, что я отъ того погибнуть могу». И я, какъ оное отъ него услышавъ, и пришелъ въ великое недоумѣніе, и говорилъ ему: «говорите, что до меня вамъ касается; что-жъ противно регулу: то вы и сами знаете, что мы присяжные люди». И я ему о томъ знать не далъ, что во оное вступился (sic), а примѣтилъ изъ тѣхъ разговоровъ, что клонится до нашей комисіи, и тѣмъ оное и покончилось. Капитанъ Данила Власьевъ.

ВЛАСЬЕВЪ И ЧЕКИНЪ—Н. И. ПАНИНУ.

Его высокопревосходительству и проч., отъ капитана Даниила Власьева и поручика Луки Чекина, всепокорнѣйшій репортъ.

Всепокорнѣйше доносимъ вашему высокопревосходительству, какъ сего юля отъ 4-го числа, писанный мною всепокорнѣйшій репортъ, для отправленія вашему высокопревосходительству, я персонально г. полковнику Беродникову, послѣ полуночи во второмъ часу, вручилъ, и оный г. полковникъ, того-жъ часа, отправилъ съ нарочно посланнымъ при мнѣ. И я пошелъ къ своему мѣсту и еще до того не дошелъ, и вдругъ вскричали на гауптвахтѣ: «къ ружью!». И тотчасъ всѣмъ фронтомъ приступили къ нашему посту и начали палить изъ ружей. И поручикъ Чекинъ былъ весьма остороженъ, и какъ только услышалъ необычайный крикъ, и команду нашу оставилъ въ порядокъ. И по приступѣ непріятелей, окликавъ и воспрещая имъ не подходить; усмотря тѣ, что непріятельски поступаютъ, приказалъ палить по нимъ изъ заряженныхъ пулями ружей. И я по верхней галереи, какъ возможно, пробравшись, спустился къ командѣ нашей, солдатамъ и поручикомъ на руки; тутъ-же съ самымъ усердіемъ обще съ поручикомъ Чекинымъ подкрѣпляли команду, и производили къ лучшей безопасности, и отбили непріятелей. И потомъ тѣ-жъ непріятели и вторично на насъ наступать начали и угрожать, чтобъ мы имъ сдались. И мы со всею нашею возможностью стояли и оборонялись; и оные непріятели, видя нашу неослабность, взявъ пушку и зарядя, къ намъ подступили. И мы, видя оное, что уже ихъ весьма противъ насъ превосходная сила, имѣющагося у насъ арестанта обще съ поручикомъ умертвили. И больше видя свою совсѣмъ невозможность, принуждены были уступить свое мѣсто.

И такъ оные вдругъ къ намъ и вбѣжали и насъ обонихъ ухватили подъ-руки и хотѣли исколоть штыками, токмо находящійся офицеръ съ ними насъ колоть не приказалъ, и велѣлъ намъ показывать арестанта. И какъ мы ему показали, который уже умре, то означенный офицеръ съ великимъ сердцемъ на насъ кричалъ и говорилъ: «какъ вы смѣли такого великаго человѣка погубить, и я васъ за то веду штыками исколоть!». Однако, напоследокъ сказалъ— что теперъ пропасть, «а вы счастливѣе меня, и колоть васъ не прикажу». И взявъ тѣло мертваго арестанта, и принесли на гауптвахту, и меня туда-жъ привелъ въ арестъ. И по пробитіи утренней зори, приказалъ караульнымъ мертвому арестанту отдать честь съ полнымъ походомъ, и сказалъ имъ объ арестантѣ, что онъ былъ вели-

кій императоръ Иванъ Антоновичъ. И потомъ со всѣми команды своей солдатами цѣловался, и потомъ арестованъ; а мы изъ-подъ аресту послѣ того и освободились. Означеннаго-жъ арестанта тѣло нынѣ находится въ крѣпости, подъ охраненіемъ гарнизонной команды. И о вышенисанномъ, ваше высокопревосходительство, что поведете, на что имѣемъ ожидать отъ вашего высокопревосходительства ордера. И означенный-же офицеръ содержится въ крѣпости, подъ крѣпкимъ карауломъ гарнизонной команды. Капитанъ Данила Власевъ. Поручикъ Лука Чекинъ. Іюля 5-го дня 1764 года.

Комендантъ Бередниковъ—Н. И. Панину¹⁾).

Отъ арміи полковника и шлиссельбургскаго коменданта, Ивана Бередникова, всепокорнѣйшій репортъ.

Сего числа, по-полуночи во второмъ часу, находящійся въ Шлиссельбургской крѣпости у безымяннаго колодника, капитанъ Власевъ, для отправленія вашему высокопревосходительству всепокорнѣйшаго репорта, въ квартирѣ у меня былъ, который, принявъ, я до вашего высокопревосходительства отправилъ съ сержантомъ санктпетербургскаго гарнизона, Яковомъ Иштиряковымъ; но стоящій въ оной крѣпости въ недѣльномъ караулѣ, Смоленскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Василій Яковлевъ сынъ Мировичъ, онаго Иштирякова въ крѣпостныхъ воротахъ одержалъ и весь вѣдѣнія его караулъ во фронтъ учредилъ и приказалъ того фронта всѣмъ военнослужащимъ заряжать ружья съ пулями; и какъ я услышалъ стукъ и зарядженъе (sic) ружей во фронтѣ, вышелъ изъ квартиры своей и спросилъ, для чего такъ безъ приказу во фронтъ военнослужащіе становятся и ружья заряжаютъ? Но какъ онъ, Мировичъ, услышалъ мое отъ него спрашиванье, прибѣгъ ко мнѣ, вооруженною рукою ударилъ меня прикладомъ ружья своего въ голову и пробилъ до кости черепа. При чемъ всѣмъ фронтнымъ солдатамъ закричалъ: «это злодѣй, государя Іоанна Антоновича содержитъ въ крѣпости здѣшной подъ карауломъ! Возмите его, мы должны умереть за государя!». Почему и тѣ фронтные солдаты закричали: «мы должны умереть!». И прихватя меня, при примкнутыхъ штыкахъ и обнаженныхъ тесакахъ, за фронтъ отвели, угрожая мнѣ: «вотъ посиди, командиръ нашъ ведѣлъ». И такъ

¹⁾ Этотъ рапортъ былъ въ печати, здѣсь же приводится, какъ дополненіе къ предыдущимъ и послѣдующимъ неизданнымъ документамъ.

въ арестѣ находился я до пятого часа утра, въ которомъ не токмо имѣлъ пріятеля, но какъ злодѣй, сверхъ обыкновеннаго ихъ солдатскаго азарта, держанъ былъ приставленными ко мнѣ солдатами за все мое платѣ. И пока я содержался въ ихъ рукахъ, упоминаемый подпоручикъ Мировичъ двоекратно покушался, забравъ изъ фрунта и съ часовъ солдатъ, идти съ заряженными ружьями противъ караула гарнизонной команды, которая находилась въ вѣдомствѣ рѣченнаго господина капитана Власьева и поручика Чекина, гдѣ многими патронами съ пули стрѣлялъ; напротивъ того то-жъ и ему отвѣтствовано, и не усилясь, онъ, Мировичъ, съ командою своею стрѣляніемъ изъ ружей, взявъ изъ квартиры моей городовые ключи, отперъ большія ворота и ввезъ внутрь крѣпости съ бастіона съ своею командою и случившимися гарнизонными въ крѣпости на караулѣ артиллерійскими капраломъ и канонирами—одну шести-фунтовую пушку, которая и привезена была къ казармѣ, гдѣ содержится безъмянный колодникъ. А что уже при томъ происходило, за ваятемъ меня въ арестъ, видѣть я не могъ, но напоследокъ упоминаемый подпоручикъ привелъ съ собою въ арестъ предъ фрунтъ капитана Власьева, и мертвое тѣло безъмяннаго колодника принесено командою его, гдѣ, по установленіи фрунта, со всѣми солдатами, окромѣ тѣхъ, которые при мнѣ находились, цѣловался, сказывая мнѣ, что это онъ одинъ погрѣшилъ, и барабанщику велѣлъ бить зорю утреннюю и потомъ полный походъ; при чемъ я, осмѣлясь, вскричалъ караульнымъ того полку унтеръ-офицеру и капраламъ, чтобъ они, не допуская его, Мировича, до меня, дабы онъ въ азартѣ, имѣвшаюся при немъ шпагою, не закололъ,—арестовали. Которые, послушавъ меня, тою-же самою минутою съ него, подпоручика, силою и шпагою сняли, и содержится онъ въ оной крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ команды гарнизонной. Напоследокъ принужденъ я былъ просить Смоленскаго пѣхотнаго полку господина полковника Римскаго-Борсакова, чтобъ ко мнѣ въ необходимой мнѣ надобности былъ: который тогчасъ и съ секундъ-маіоромъ пріѣхалъ и мнѣ вспомоществовалъ и приказалъ того полку военнослужащимъ, которые въ крѣпости отчасти караулъ содержать; были во всемъ мнѣ послушны. При арестѣ-жъ вышписаннаго (под)поручика Мировича, найдены мною у него манифесты, присяга и повелѣнія и живыя писанія (картинки?) руки его, которые, тако-жъ и отправленные, какъ выше значить, по-полуночи во второмъ часу репорты при семъ вашему высокопревосходительству всепокорнѣйше приношу. Полковникъ Иванъ Бередниковъ. Юля 5-го дня 1764 года.

Н. И. Плякинъ—Императрица.

Сарское село.—Июня 6-го дня 1764 г.

(Писано, вѣроятно, рукою Тенлова). Всемилостивѣйшая государыня! Какое я получилъ репортъ сего утра въ 12-мъ часу изъ Шлюссельбурга отъ коменданта Бередникова, оный на высочайшее усмотрѣнiе при семъ въ [оригиналѣ подношу и съ приложенными при немъ бумагами подъ литерали А, В, С, D, E, F; при чемъ также слѣдуютъ и два тутъ-же полученные особливые репорты отъ капитана Власьева и поручика Чекина вообще. Важность злодѣйства, предпринятаго и благополучно Божиимъ чуднымъ промысломъ на-вѣки тѣмъ-же самимъ пресѣченнаго, усмотрѣть соизволите изъ сихъ приложеній во всемъ пространствѣ. Какъ скоро я прочиталъ сіи бумаги, то первое мое попеченiе было, чтобъ возвращенною уже на мѣстѣ томъ тишиною вящие обнадежиться и оную утвердить. А какъ я по сему дѣлу никого другаго употребить не могъ, кромѣ статскаго дѣйствительнаго совѣтника Тенлова, то я того-же часа пославъ по него въ городъ, избралъ находящагося здѣсь при мнѣ прѣзжаго изъ Польши курьеромъ подполковника Кашкина, яко такого человека, который, какъ вѣрностію, такъ и способностію, можетъ конечно наилучшими средствами все ему порученное исполнить, наипаче потому, что тамъ дѣло было хотя между самою малою командою, но армейскою, то и онъ, будучи армейскій офицеръ и безъ жалозин между солдатами, ихъ способіе въ порядокъ приведетъ. Чего ради я его сего момента туда и отправилъ. А каковыя ордеры своеручныя на первое время я далъ коменданту Бередникову и капитану Власьеву и поручику Чекину, для общаго съ нимъ, подполковникомъ, наставленія, съ оныхъ равномѣрно точныя копiи всеподданнѣйше подношу на высочайшее усмотрѣнiе. Ваше императорское величество просвященнымъ вашимъ проицаніемъ сами усмотрѣть соизволите изъ всѣхъ открытыхъ бумагъ и обстоятельствъ, въ которыхъ только видно дѣйствіе одного сущаго злодѣя, что нѣтъ въ семъ предпріятіи пространнаго заговора, а дѣло произведено было отчаянною ухваткою, которое несказанно похвальною резолюціею капитана Власьева и поручика Чекина пресѣчено. Почему мое всеподданнѣйшее мнѣнiе, что сіе дѣло, особливо, по полученіи извѣстія по прѣздѣ туда Кашкина, о утвержденіи тамъ порядка и тишины, можетъ остаться безъ дальней опасности въ настоящемъ его [положеніи, доколѣ вашему имп—му вел—ву угодно будетъ избрать высочайшую резолюцію, какъ слѣдствіе сего дѣла произвести: секретно-ли,

или публично. Равнымъ-же образомъ ваше имп—ое вел—во высочайше усмотрѣть соизволите, что я, сколько могъ, при принятіи моихъ мѣръ, старался сокращать время, чтобъ въ безвѣдѣнности ничего не оставить, какъ и къ тайному дѣйствительному совѣтнику Неплюеву уже отозвался короткимъ письмомъ объ отысканіи чрезъ дивизионнаго командира генерала князя Голицына и объ строгомъ заарестованіи великолудскаго полку поручика Аполлона Ушакова, котораго имя своеручно нашлося подписано на приложеніи подъ литерою А. А теперь по отправленіи къ вашему величеству съ симъ курьера, возвращаю въ городъ статс. дѣйств. сов. Теплова, дабы онъ помянутому сенатору Неплюеву отъ меня словесно столько сказалъ о происшествіи сего дѣла, сколько ему по настоящему по теперешнему посту свѣдѣніе имѣть потребно на случай, если до него дойдетъ оттуда прямо о томъ извѣстіе, и тогда бы онъ въ состояніи былъ надежнѣйшія, въ согласіе тому, что отъ меня уже сдѣлано, мѣры принимать. Впрочемъ пребываю съ всеглубочайшимъ подобострастіемъ вашего имп. вел—ва всеподданнѣйшій рабъ Н. Панинъ.

Н. И. Панинъ—коменданту Березникову.

Царское Село, іюля 8-го дня 1764 г.

(Писано, повидимому, рукою Теплова). Высокоблагородный господинъ полковникъ и шлиссельбургскій комендантъ Березниковъ! По полученіи сего благоволите мнѣ репортовать повседневно чрезъ нарочныхъ о состояніи колодника Мировича, увѣдомляя меня прямо въ Царское село, по дорогѣ Колпорской, къ чему употребляйте изъ надежныхъ при васъ капраловъ и унтеръ-офицеровъ, которымъ дайте на проѣздъ деньги изъ оставшейся у васъ суммы. А при томъ увѣдомляйте меня и о состояніи также вашего гарнизона, все-ли въ ономъ тихо и порядочно происходитъ, и нѣтъ-ли между солдатами какихъ непристойныхъ разглашеній и разныхъ толкованій о происшедшемъ въ крѣпости вашей смятеніи. Впрочемъ единожды навсегда чрезъ сіе вамъ рекомендуется добрая дисциплина и всѣ предосторожности, дабы послѣ такого приключенія, которое недавно у васъ произошло, не могли между подлыми людьми у васъ разродиться какія вредныя начинанія, а отъ того и замѣшательства. Чего ради о всякомъ и малѣйшемъ приключеніи пишете ко мнѣ повседневно, безъ упущенія съ обстоятельствомъ, ожидая на всякой случай отъ меня потребнаго наставленія, равно и о состояніи вашего здоровья, по причинѣ вашей раны. Пришлите притомъ ко мнѣ репортъ также

особливый о вашей командѣ гарнизонной, изъ какихъ она людей состоитъ, изъ одного-ли баталіона, или особливаго цѣлаго полка, и въ какомъ числѣ оный гарнизонъ теперь на-лицо состоитъ съ расходомъ онаго. Вашего высокоблагородія послушный слуга Н. Панинъ.

И. И. Неплюевъ—Н. И. Панину.

Санктпетербургъ, іюля 8-го дня 1764 г.

Милостивый государь мой! На послѣднее вашего высокопрев—ва симъ въ отвѣтъ служу, что извѣстный утопшій Аполлонъ Ушаковъ ¹⁾, по справкѣ съ полковымъ журналомъ мѣсячнымъ, въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ, до послѣдней посланки, въ которой утонулъ, никуда отъ полку командированъ не бывалъ, кромѣ обмыковенныхъ въ городѣ карауловъ. Уповаю, что Григорій Николаевичъ (Тепловъ) о полученномъ здѣсь изъ Шлюссельбурга по артиллерійской командѣ репортѣ вашему высокопрев—ву доносить—и для лучшаго свѣдѣнія при семъ копію прилагаю.

Я курьера вчерась не отправилъ для того, чтобъ, по извѣстномъ здѣшнимъ командирамъ данномъ отъ меня наставленіи, увѣдать состояніе здѣшнее и съ обстоятельствомъ ея имп—му величеству донести, яко то, главное, что ея величеству отъ меня вѣдать нужно. Впрочемъ здѣсь, съ помощію Божіею, все спокойно и благополучно обстоитъ, и хотя вѣдаютъ въ городѣ о происшедшемъ въ Шлюссельбургѣ, но никакихъ предосудительныхъ толкованій не слышно. Съ чѣмъ я сейчасъ и курьера отправилъ, а за тѣмъ, какъ и всегда, есмь съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію вашего высокопрев—ва всепокорный и должно-вѣрный слуга Иванъ Неплюевъ.

Того-же числа, въ вечеру.

Милостивый государь мой, Никита Ивановичъ! Вашему (высоко) превосходительству въ должности нахожу донести объ извѣстномъ шлюссельбургскомъ происшествіи, хотя въ командахъ здѣсь спокойно, и никакихъ разглашеній не происходитъ; однако въ городѣ между народа, какъ не отъ одного мнѣ сказано, что о томъ происшествіи

¹⁾ Соумышленникъ Мировича, Аполлонъ Ушаковъ, командированный 26-го мая 1764 г. изъ Петербурга въ Смоленскъ, утонулъ до возмущенія.

исторически говорить все подробно, и о мертвомъ, и кто онъ таковъ—прямо, только безъ всякой вредной прибавки или разсужденія; но таковыхъ словъ воспрещать едва можно-ль, токмо смотрѣть, того не подтверждая, чтобъ были безвредны. О чемъ у меня всѣ командующіе пристойно наставлены, и въ предосторожность подтверждено, ежели что вредное увидятъ. Впрочемъ остаюсь, какъ и всегда, съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію, вашего высокопревосходительства всепокорно-должной слуга Иванъ Неплюевъ. Вручаю сіе къ отправленію Григорію Николаевичу (Теплову) не запечатанно, яко при немъ и писано.

Юля 9-го числа 1764 г., по-полудни въ 1-мъ часу.

(Писано рукою Шишковскаго). Милостивый государь мой, Никита Ивановичъ! Почтеннѣйшее вашего высокопревосходительства письмо отъ 9-го числа сего мѣсяца я имѣлъ честь отъ Григорія Николаевича въ двѣнадцатомъ часу получить; что-жъ касается до извѣстнаго дѣла, то я вашему высокопревосходительству мнѣніе свое и князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) чрезъ Григорія Николаевича открыли по случаю такому, какъ я въ письмѣ вашему высокопревосходительству вчерась изъяснилъ; а какъ ваше высокопр—ство болѣе въ семъ дѣлѣ самую точность знать изволите, да и единственно сіе отъ ея императорскаго величества ввѣрено вамъ, то потому отъ вашего высокопревосходительства соизволенія и усмотрѣнія и зависитъ; на основаніи чего приложеннаго отъ вашего высокопревосходительства полковнику Бередникову ордера никогда безъ точнаго вашего приказанія въ дѣйство не употреблю; впрочемъ здѣсь, за помощію Божіею, вездѣ и во всемъ спокойно и благополучно состоять, а я есмь съ особливымъ высокопочитаніемъ и преданностію пребуду вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Иванъ Неплюевъ.

Н. И. Панинъ—Императрицѣ.

Царское Село, 9-го юля 1764 г.

(Собственно ручно). Всемилостивѣйшая государыня! Его императорское высочество, при благодати Господней, благополучно пребываетъ. Вчерашняго числа, въ вечеру, получилъ я отъ Ивана Ивановича

Неплюева письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, меня увѣдомляетъ, что въ городъ хотя и вѣдалось о происшедшемъ въ Шлюссельбургѣ, но никакихъ предосудительныхъ толкованій не слышно, какъ ваше императорское вел—во сами то пространство всевысочайше усмотрѣть изволите изъ приложеннаго оригинала, подъ литерою А. Потомъ по-полуночи въ три часа, прислалъ онъ ко мнѣ Григорія Николаевича Теплова съ письмомъ, подъ литерою В, котораго содержаніе подтверждаетъ тишину, тѣмъ напротивъ, что молва увѣряетъ и о смерти того фантома, для котораго злодѣйство начато было. Но при томъ Иванъ Ивановичъ приказалъ ему (Теплову) мнѣ словесно сказать:

«Еслибъ онъ былъ на моемъ мѣстѣ, то бы онъ, ни мало не мѣшкая, возмутителя Мировича взялъ въ Царское Село и въ скромномъ мѣстѣ пыткой изъ него вывѣдалъ о его сообщникахъ; или ежели бы сей арестантъ былъ въ его рукахъ, то бы онъ у него въ ребрахъ пощупалъ, съ кѣмъ онъ о своемъ возмущеніи соглашался; ибо-де нельзя надѣяться, чтобъ такой малый человѣкъ столь важное дѣло собою однимъ предпріялъ; а сіе-де мученіе нужно для того, чтобъ тѣ сообщники не скрылися».

У Теплова я спрашивалъ причины, для чего Иванъ Ивановичъ ко мнѣ сего не написалъ? Онъ отвѣтствовалъ, что онъ его и просилъ, чтобъ или письмомъ о томъ ко мнѣ отписалъ, или-бъ записку ему далъ, въ чемъ состоитъ его отъ меня требованіе; но Иванъ Ивановичъ ему сказалъ, что онъ отъ своихъ словъ не отречется; въ чемъ и ссылался на князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, который при томъ былъ; и что для чего же бы мнѣ его словесному объявленію не повѣрить, когда онъ повѣрилъ вчерась такому же его объявленію, отъ меня ему сказанному, касательно до обстоятельствъ того дѣла. Въ заключеніе же всего и отдавъ ему помянутое выше ко мнѣ письмо, сказалъ, что онъ требуетъ, чтобъ только словесно мнѣ то объяснилъ, а письменно не даетъ, и съ тѣмъ его отправилъ.

Я чрезъ Григорія Николаевича такъ же словесно отвѣтствовалъ Ивану Ивановичу, что, усмотря изъ всѣхъ обстоятельствъ, что предпріятіе сдѣлано однимъ фанатикомъ злымъ и, конечно, не имѣетъ большаго заговора,—оставилъ, сколько отъ меня зависѣло, дѣло онаго въ настоящемъ теперь положеніи до высочайшей революціи, съ тѣмъ, дабы вашему импер—му велич—ву свободнѣе было въ томъ опредѣлить точнѣйшее свое соизволеніе; а еслибы мнѣ показался такой скверный розыскъ необходимымъ, то-бъ и тогда я его просилъ оный произвестъ; ибо здѣсь, и по моему состоянію, мнѣ его учинить никакъ невозможно. На письмо же его равнымъ письмомъ отвѣтство-

валъ, сколько теперь упамтовать могу, въ такой силѣ, что, мнѣ мнится, распространившаяся въ городѣ молва о смерти фантома служитъ къ большому обнадеживанію тишины. Но однако же, какъ все зависитъ главнѣйше отъ его собственнаго усмотрѣнія, то я и послалъ при ономъ письмѣ къ нему подъ открытою печатью ордеръ на имя коменданта Берединкова, чтобъ отдать арестанта Мировича тому, кто приславъ будетъ сообщить повелѣніе отъ него и князя Вяземскаго, какъ и въ прочемъ, касательно до настоящаго дѣла, все то исполнять, что отъ нихъ ему, Берединкову, приказывано будетъ.

На все вышеобъявленное получилъ я въ три часа по-полудни отъ Ивана Ивановича равномѣрно, здѣсь всеподданнѣйше приложенное письмо, подъ литерою С, и на оное также ему отвѣчалъ, что; какъ я самъ ничего приказывать не могу и не долженъ, такъ и учиненное отъ меня въ дѣлѣ разсмотрѣніе и потому тѣмъ наименѣе распорядокъ (что все ему отъ меня чрезъ Тежлова сообщено), также отнюдь не можетъ препятствовать тѣмъ мѣрамъ и распоряженіямъ, которыя онъ предпріять заблаговрасудилъ къ утверженію настоящей тишины, и о которыхъ я чистосердечно увѣренъ, что они будутъ всегда къ лучшему.

Сегодня Берединковъ мнѣ репортуетъ, что въ его крѣпости караулъ состоитъ благополучно, и все спокойно; а для лучшаго всевысочайшаго усмотрѣнія, какимъ образомъ и подъ какими караулами арестантъ содержался, и равно, какія дальнѣйшія предосторожности къ тому тѣмъ распоряженіямъ съ числомъ разныхъ карауловъ,—всеподданнѣйше подношу о томъ его оригинальный ко мнѣ репортъ съ табелью. Что же касается до упомянутыхъ тутъ его обмороковъ, оные, надѣюсь, больше склоняются, по извѣстному мнѣ его желанію, къ скорѣйшему исходатайствованію ему увольненія изъ службы, или перевода въ другое мѣсто, о чемъ онъ уже и прежде просилъ.

Впрочемъ пребываю съ всеглубочайшимъ подобострастіемъ вашего импер—го велич—ва всеподданнѣйшій рабъ Н. Панинъ.

При всей быстротѣ курьеровъ, совершавшихъ 563 версты расстоянія отъ С.-Петербурга до Риги въ самый кратчайшій срокъ, разнѣнъ писемъ между Императрицею и Н. И. Панинымъ не соответствовалъ продолжительными промежутками важности дѣла, необходимой посрѣдственности и безотлагательности распоряженій. Первое письмо, въ отвѣтъ на донесеніе Панина о шлиссельбургской катастрофѣ, Им-

ператрица Екатерина II писала изъ Риги 9-го іюля 1764 г. Вотъ это письмо ¹⁾:

«Никита Ивановичъ! Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши репорты и всѣ дивы, происшедшія въ Шлюссельбургѣ: руководство Божіе чудное и неиспытанное есть! Я къ вашимъ весьма хорошиимъ распоряженіямъ инаго прибавить не могу, какъ только, что теперь надлежитъ слѣдствіе надъ виновными производить безъ огласки и безъ всякой скрытности (понеже само собою оное дѣло не можетъ остаться секретно, болѣе двухсотъ человекъ имѣя въ немъ участіе).

«Безъимяннаго колодника велите хранить (т. е. хоронить) по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки же. Мнѣ разсудилось, что если неравно искра кроется въ пещѣ, то не въ Шлюссельбургѣ, но въ Петербургѣ, и весьма желала бы, чтобъ это не скоро до резиденціи дошло, а кой часъ дойдетъ до Петербурга, то уже надобно дѣло повести публично; и того ради велѣла заготовить указъ генералу-поручику той дивизіи Веймарну, дабы онъ слѣдствіе произвелъ, который вы ему отдадите; онъ же человекъ умный, и даѣе не пойдетъ, какъ ему повелѣно будетъ. Вы ему сообщите тѣ бумаги, которыя для его извѣстія надобны, а прочія у себя храните до моего прибытія; я весьма любопытна знать, арестованъ ли поручикъ Ушаковъ и нѣтъ ли болѣе участниковъ? Кажется, у нихъ планъ былъ. Сіе письмо, или нужное изъ онаго, покажите Веймарну, дабы оно служило ему въ наставленіе. Шлюссельбургскаго коменданта и вѣрныхъ офицеровъ и команду господинъ Веймарнъ имѣетъ обладежить нашею милостію за ихъ вѣрность. Екатерина.

«Что здѣсь недостаточно, то имѣете исполнить, а я весьма спѣшу къ вамъ отправить курьера. Весьма, кажется, нужно смотрѣть, въ какой дисциплинѣ находится Смоленскій полкъ».

На другой же день новый курьеръ изъ Риги везъ въ Петербургъ слѣдующее:

ЕКАТЕРИНА II — Н. И. Панину.

Рига, 10-го іюля 1764 года.

(Собственноручно). «Никита Ивановичъ! Не могу я довольно васъ благодарить за разумныя и усердныя ко мнѣ и къ отечеству мѣры, которыя вы взяли по шлюссельбургской исторіи. J'ai le coeur contrit

¹⁾ Письмо это см. въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», томъ VII, стр. 365.

quand je pense à cette affaire, et bien, bien de la reconnaissance pour les mesures que vous avez pris et auxquelles assurément il n'y a rien à ajouter. La Providence m'a donné un signe bien évident de sa grace en tournant cette entreprise de la façon dont elle est finie; quoique le mal soit coupé dans sa racine, cependant j'apprehende que dans une grande ville comme Pétersbourg, les bruits sourds ne fassent encore bien des malheureux; car ces deux misérables que Dieu a puni des menées atroces, qu'ils ont écrit dans leur soit disant manifeste sur mon compte n'auront pas manqué (ou de moins il est à supposer) de semer leur venin; et je crois en avoir eu une preuve le jour de mon départ de Pétersbourg: une pauvre femme avait trouvée dans la rue une lettre de main contrefaite où il en était parlé; cette lettre fut remise au prince Wesemsky (sic) et elle est chez lui; il faudra questionner ces officiers, si ce sont eux qui l'ont écrite et répandue; je crains que le mal n'aye d'autre suite encore, car l'on dit cet Ушаковъ lie avec nombre de petites gens de la Cour; enfin il faut s'en remettre au soin du bon Dieu, qui voudra bien découvrir—je n'ose en douter—tout cet horrible attentat; je ne resterai ici pas une heure (de) plus que j'en aurai besoin, sans faire cependant paraître que je me hâte et je reviendrai à Pétersbourg où j'espère que mon retour ne contribuera pas peu à faire tomber toutes les calomnies sur mon compte. Вспомните также вранье того офицера, что Соловьевъ привелъ; да съ великаго поста болѣе двѣнадцати подобныхъ было и всѣ о той матеріи. Велите пожалуй разсмотрѣть, не они ли тому причины были, хотя въ семь письмѣ я къ вамъ съ крайнею откровенностію все то пишу, что въ голову пришло, но не думайте, чтобъ я страху предалась: я сіе дѣло не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ есть—сирѣчь дешператный и безразсудный soup (ударъ, т. е. отчаянная выходка), однакожь надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачество распространялось; дабы, если возможно, разомъ пресѣчь и тѣмъ избавить отъ несчастія невинныхъ простяковъ. Радуюсь, что спяъ мой здорově, желаю и вамъ здравствовать. Екатерина».

«Стерегите, чтобъ Мировичъ и Ушаковъ себя не умертвили».

(Переводъ). «Сердце мое сокрушается при мысли о семь дѣлѣ, и великая, великая благодарность вамъ за мѣры, вами принятія, къ которымъ, вѣроятно, и прибавлять нечего. Провидѣніе явило мнѣ очевидный знакъ милости своей, давъ этому предпріятію оборотъ, который привелъ его къ окончанію; хотя зло пресѣчено на самомъ корнѣ, однако же опасаясь, чтобы въ такомъ большомъ городѣ, каковъ Петербургъ, тайные слухи не погубили еще многихъ несчастныхъ; ибо сіи два презрѣнные Богомъ, наказанные за ихъ гнусныя лжи, написавши въ ихъ такъ называемомъ манифестѣ на мой счетъ, не преминутъ (или,

по крайней мѣрѣ, такъ полагать должно) посѣять свой ядъ, и думаю, что доказательство тому было въ день моего отбытія изъ Петербурга: нищая ваша на улицѣ письмо, писанное поддѣльнымъ почеркомъ, въ которомъ говорилось объ этомъ; это письмо передано было князю Вяземскому, и оно у него. Надобно будетъ допросить этихъ офицеровъ, не ими ли оно было написано и распространено. Боясь, чтобы зло не имѣло еще другаго послѣдствія, ибо, говорить, этотъ Ушаковъ въ связяхъ съ нижними придворными чинами; наконецъ надобно положиться на Божій промыслъ, которому угодно будетъ, въ чемъ не смѣю сомнѣваться, обнаружить вполне это ужасное покушеніе. Я не останусь здѣсь ни часу долѣе того, сколько мнѣ будетъ нужно, не показывая однако и виду, что я тороплюсь, и возвращусь въ Петербургъ, гдѣ, надѣюсь, возвращеніе мое немало поспособствуетъ разсѣянію всѣхъ клеветъ на мой счетъ. (Далѣе по-русски).

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ

НА ЛѢВОМЪ ФЛАНГѢ КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ.

1851—1853.

Изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго.

Записки Мелетія Яковлевича Ольшевскаго, — нѣкогда артиллериста, а потомъ офицера генеральнаго штаба, — ветерана кавказскаго, — представляютъ собою обширный и вполне интересный трудъ, объемлющій четверть вѣка кавказской боевой лѣтписи съ 1841 г. по 1865 годъ. Г. Ольшевскій былъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ и завѣдывалъ штабомъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи (1849—1853 гг.), а затѣмъ въ 1853 году былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ. Въ бытность главою Кавказа кн. А. И. Барятинскаго, Ольшевскій занималъ постъ дежурнаго генерала кавказской арміи. Съ преобразованиемъ же штаба, Ольшевскій командовалъ дивизіями сперва на Кавказѣ потомъ внутри Россіи.

Пользуясь весьма обязательнымъ разрѣшеніемъ уважаемаго воина, — извлекаемъ изъ его Записокъ нѣсколько главъ, относящихся къ тому времени, когда на Кавказѣ однимъ изъ главныхъ дѣятелей явился кн. А. И. Барятинскій. Полагаемъ, что въ настоящее время, когда Россія лишилась въ лицѣ князя Александра Ивановича одного изъ доблестнѣйшихъ своихъ сыновъ — будетъ весьма интересно прочитать этотъ отрывокъ изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго.

Заговоривъ о Запискахъ М. Я. Ольшевскаго — отмѣтимъ здѣсь, что этотъ обширный трудъ исполненъ авторомъ въ 1865-мъ году и объемлетъ все время служенія Мелетія Яковлевича на Кавказѣ съ 1841 года по 1865 годъ включительно. Авторъ описываетъ только то, что самъ видѣлъ, въ чемъ непосредственно участвовалъ. Такимъ образомъ, описаніе мѣстности, нравы жителей, обзоръ событій — преимущественно военныхъ, подробныя характеристики дѣй-

ствовавшихъ на Кавказѣ лицъ какъ первостепенныхъ, такъ и второстепенныхъ... — вотъ содержаніе этихъ мемуаровъ. Вообще этотъ обширный трудъ представляетъ собою вполне интересный и полезный матеріалъ для исторіи Кавказа въ послѣдній періодъ борьбы Россіи съ горскими народами.

Р е д.

I.

...Въ половинѣ марта 1851 года обнаружилось болѣзненное состояніе разсудка начальника лѣваго фланга Кавказской линіи, генерала Нестерова. Къ концу мѣсяца онъ уже—выражаясь словами солдатъ—«сильно чудилъ». За нимъ былъ учрежденъ самый бдительный, тайный надзоръ, и въ крайнемъ случаѣ рѣшено было употребить силу.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта на письмо мое, посланное съ особымъ нарочнымъ въ Тифлисъ къ начальнику главнаго штаба Коцебу, въ которомъ въ подробности было изложено болѣзненное состояніе Нестерова и выставлены были нѣкоторыя особенно рѣзкія его продѣлки. Наконецъ, нетерпѣливо ожидаемый отвѣтъ полученъ. Павелъ Евстафьевичъ Коцебу писалъ, что, по болѣзни Нестерова, главнокомандующій назначилъ управлять лѣвымъ флангомъ князя А. И. Барятинскаго, который немедленно и выѣзжаетъ изъ Тифлиса.

Князь Александръ Ивановичъ прибылъ въ Грозную вечеромъ, въ великій четвергъ. Явившись къ Нестерову, онъ объявилъ ему, что князь Воронцовъ желаетъ его немедленно видѣть и переговорить съ нимъ о чемъ-то важномъ. Петръ Петровичъ выѣхалъ изъ Грозной съ княземъ Барятинскимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ его проводитъ до Николаевскаго моста, отуда поѣдетъ въ Приваспійскій край. На самомъ же дѣлѣ, онъ ночью возвратился въ Грозную и вступилъ въ управленіе флангомъ. Нестеровъ же, вмѣсто того, чтобы видѣться съ главнокомандующимъ, былъ отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и скончался въ полномъ разстройствѣ своего разсудка.

Прежде чѣмъ коснусь изложенія военныхъ дѣйствій и важныхъ происшествій, случившихся въ двухлѣтнее управленіе князя Барятинскаго лѣвымъ флангомъ, опишу его жизнь, привычки, наклонности и характеръ. Это я считаю необходимымъ сдѣлать собственно для того, чтобы представить его такимъ, ка-

нимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а не такимъ, какъ на него многіе смотрѣли и ложно его понимали. Я считаю себя обязаннымъ это сдѣлать изъ уваженія къ личнымъ его качествамъ и достоинствамъ. Не зная князя Барятинскаго я не могъ, судя по тѣмъ близкимъ и долгимъ служебнымъ отношеніямъ, въ которыхъ я находился, какъ подчиненный.

Заключеніемъ вѣстренныхъ случаевъ и болѣзни, что случилось въ то время довольно рѣдко, князь Барятинскій въ девяти часамъ утра былъ уже одѣтъ въ форменный спортукъ, въ которомъ онъ и оставался до полуночи. Съ девяти часовъ начинались служебныя занятія и продолжались до двухъ часовъ. Въ то время являлся воинскій начальникъ, представлялись прїѣзжавшія въ Грозную, по служебнымъ или собственнымъ дѣламъ, разныя лица, начинались доклады, подписывались бумаги.

Желая все знать, князь Александръ Ивановичъ требовалъ, чтобы ему обо всемъ докладывалось; но длинныхъ докладовъ не любилъ. Въ первые дни моей съ нимъ службы, я, желая показать мою точность, знаніе дѣла и края, сначала являлся къ нему съ подробными докладами о каждомъ дѣлѣ; но, когда замѣтилъ его нетерпѣніе при нѣкоторыхъ изъ нихъ и что другіе онъ прерывалъ, переходя къ постороннему разсказу, я перемѣнилъ систему докладовъ. Самыя сложныя дѣла я старался выражать въ сжатомъ видѣ съ моимъ мнѣніемъ, и видѣлъ полный успѣхъ въ этомъ. Князь Барятинскій иногда не соглашался съ моимъ мнѣніемъ; иную бумагу оставлялъ безъ вниманія, прося перейти къ слѣдующей, или заводя разговоръ о постороннемъ предметѣ; иной же разъ, обладая хорошою памятью и зная край, о докладываемомъ предметѣ дѣлалъ самыя жѣткія и справедливыя замѣчанія, или разсказывалъ характеристичную лица, о которомъ шла рѣчь. Если же случались такія бумаги, которыя, по важности, сложности или запутанности своего содержанія, требовали размышленія, или заставляли колебаться,—онъ оставлялъ ихъ у себя по нѣскольку дней. Такія бумаги онъ нѣсколько разъ перечитывалъ, требовалъ разныхъ справокъ и давалъ ихъ читать такимъ лицамъ, отъ которыхъ надѣялся получить полезный совѣтъ. Слѣдовательно, несмотря на нетерпѣливость своего характера, онъ былъ остороженъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ опасался быть опрометчивымъ или несправедливымъ. Такія бумаги возвращались имъ

лично исполнителю съ словеснымъ мнѣніемъ, безъ резолюцій и замѣтокъ, которыхъ онъ избѣгалъ какъ потому, что вообще не любилъ писать, такъ и потому, что зналъ—какого труда будетъ стоять, чтобы ихъ разобрать. И, дѣйствительно, много времени тратилось на то, чтобы прочесть его письмо или резолюцію, сдѣланныя имъ въ его отсутствіе—такъ почеркъ былъ мелкоъ и буквы неясны, несмотря на ихъ грамматическую правильность ¹⁾).

Въ два часа князь Барятинскій обѣдалъ. Къ этому времени собирались въ столовой лица, прибывшія въ Грозную по дѣламъ и приглашенныя къ обѣду, а равно чины, принадлежащія къ управленію лѣваго фланга и къ штабу 20-й пѣхотной дивизіи; не исключаемы были и переводчики чеченскаго и татарскаго языковъ, полагаемые по штату при начальникѣ лѣваго фланга. Такимъ образомъ, за столъ садилось ежедневно не менѣе двадцати человекъ.

Обѣдъ состоялъ, по обыкновенію, изъ четырехъ блюдъ, сытныхъ, вкусныхъ, но неизысканныхъ. Вино, налитое въ графинъ, было кахетинское или крымское—южнаго берега.

Послѣ обѣда всѣ расходились, или оставались на часть-другой немногіе, по приглашенію. Въ это время подавали кофе и ликеръ.

По вечерамъ, около восьми часовъ, домъ князя опять наполнялся. Кто являлся по дѣламъ службы, а кто, по приглашенію, для составленія партіи въ ералашъ или на билліардѣ; первые расходились послѣ чая, по окончаніи своихъ служебныхъ занятій; послѣдніе же оставляли князя послѣ ужина, иногда за полночь. Тутъ же, по вечерамъ, дѣлались самыя спѣшныя распоряженія, и разсмѣлись нарочные по разнымъ направленіямъ, въ тѣхъ случаяхъ, если отъ лазутчиковъ, являвшихся всегда съ наступленіемъ темноты, получались заслуживающія вниманія и вѣроятія свѣдѣнія о погубеніяхъ и намѣреніяхъ непріятеля. А въ то время были получаемы довольно часто такія свѣдѣнія, напри-

¹⁾ Знвшіе близко князя А. И. Барятинскаго весьма справедливо объясняютъ нелюбовь покойнаго князя къ письменнымъ резолюціямъ тѣмъ, между прочимъ, что онъ не желалъ ими слишкомъ стѣснять исполнителей. Князь всегда держался той мысли, что исполнитель если и долженъ дѣйствовать по указаніямъ, ему сдѣланнымъ, то, для пользы дѣла, не долженъ быть излишне стѣсненъ въ подробностяхъ исполненія.

мѣръ, что непріятель намѣревается угнать скотъ у такого-то укрѣпленія, или напасть на жителей, занимающихся полевыми работами у такой-то станицы, или сдѣлать засаду противъ нашихъ войскъ, посланныхъ въ такой-то мѣстъ за дровами.

Изъ всего сказаннаго оказывается, что обыкновенная жизнь князя Александра Ивановича въ Грозной была, дѣйствительно, обыкновенная и не отличалась ни роскошью, ни стѣснительными требованіями. Даже въ формѣ было облегченіе, потому что всѣ окружающіе его приходили къ нему безъ шапекъ. Онъ жилъ какъ добрый начальникъ съ своими подчиненными, которыхъ желалъ видѣть—какъ можно чаще, а въ экстренныхъ случаяхъ—имѣть исполнителей возлѣ себя.

Ни обѣдъ, ни вечеръ не были обязательны—каждый могъ располагать ими по своему желанію. Но, какъ онъ всегда спрашивалъ о тѣхъ, которые рѣже являлись къ обѣду или по вечерамъ, но которыхъ, между тѣмъ, онъ желалъ видѣть чаще,—то каждый и старался избѣгать этихъ вопросовъ.

Во время зимнихъ экспедицій и, вообще, военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, жизнь князя была еще проще, и онъ еще чаще видѣлся съ своими подчиненными. Самъ онъ помѣщался въ палаткѣ, подбитой сукномъ, и немного больше офицерской. Для столовой разбивалась калмыцкая кибитка, и то въ такомъ только случаѣ, если предполагалось оставаться на одномъ мѣстѣ не менѣе двухъ сутокъ. Въ ней обѣдали, ужинали и пили чай—походный штабъ и всѣ состоящіе при князѣ и приглашаемые имъ, такъ что иной разъ садилось за столъ до тридцати человѣкъ. Несмотря на это, не было ни тѣсноты для сидящихъ за столомъ, ни бѣготни и суеты для прислуги, потому что все прилѣнено было самымъ практическимъ образомъ къ походной жизни, какъ основанной на опытѣ. Въмѣсто четырехугольных столовъ, было устроено нѣсколько такихъ складныхъ въ аршинъ шириною столиковъ, которые, будучи приставлены къ рѣшетчатымъ бокамъ кибитки, составляли такой же внутренній кругъ, какъ и основаніе кибитки. Такимъ образомъ, всѣ сидящіе за столомъ были обращены лицомъ къ бокамъ кибитки, а спиною къ центру. Не было ни стекла, ни фарфора или фаянса, а для обѣда и ужина употреблялся походный серебряный сервизъ князя, сдѣланный въ Англии, и сгорѣвшій въ 1856 году въ Тифлисѣ,

вмѣстѣ съ каравансараемъ Тамамшева, гдѣ онъ находился на сохраненіи.

За исключеніемъ щей или супа, прочія готовыя кушанья, которыхъ за обѣдомъ было три, а за ужиномъ два, заблаговременно ставились на столъ въ особенныхъ блюдахъ съ крышками и на канфоркахъ, подогреваемыхъ спиртомъ; по числу-же кушаньевъ, передъ каждымъ ставилось столько же мелкихъ тарелокъ, ножей и вилокъ.

При такой предварительной сервировкѣ стола, достаточно было двухъ или трехъ человѣкъ прислуги, которые разнесли бы супъ или щи, да убрали бы послѣ каждаго кушанья тарелки. А это избавляло не только отъ излишней толкотни прислуги въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, какъ кибитка, но и двери были заперты, что, въ особенности, необходимо было соблюдать при сильномъ морозѣ и метели.

Все свободное отъ занятій время князь Александръ Ивановичъ любилъ проводить внѣ палатки, прогуливаясь съ кѣмъ-нибудь по лагерю или сидя у костра. Этому послѣднему удовольствію онъ, въ особенности, любилъ предаваться послѣ обѣда и въ сумерки до ужина. И въ это время частенько раздавался смѣхъ и хохотъ отъ рассказаннаго имъ самимъ, или кѣмъ-нибудь другимъ, анекдота, или остраго словца. А князь любилъ пошутить и мастерски умѣлъ поразсказать, и самый обыкновенный случай представить въ смѣшномъ или забавномъ видѣ.

Случалось, что призывались къ костру и пѣсенники, и что смѣхъ и хохотъ, выражаясь по-просту, происходили или отъ выкинутаго колѣнца ложечника плясуна, или отъ залихватскихъ пѣсенъ запѣвалы и всего хора. Случалось и такъ, что смѣхъ, хохотъ и пѣсни прерывались отъ полета пули или просвистѣвшаго ядра, но не ради неожиданности, и тѣмъ болѣе страха, а оттого, что всякій ожидалъ приказанія или распоряженія начальника. Но такіе случаи, по опытности князя въ кавказской войнѣ, мало его беспокоили. Пошлетъ кого-нибудь изъ присутствующихъ узнать о случившемся—и все продолжается по-прежнему.

Перейду къ личнымъ военнымъ достоинствамъ князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Его мужество и личная храбрость хорошо извѣстны всѣмъ тѣмъ, кто участвовалъ съ нимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; для

тѣхъ же, кто его не зналъ, служить доказательствомъ—его ранн. Первую тяжелую рану, въ животъ, онъ получилъ въ началѣ своей службы, вообще, и боевой на Кавказѣ. Это было въ 1834 году, когда предпринята была экспедиція къ Шапсугамъ, подъ начальствомъ Вельяминова ¹⁾. Второй разъ онъ раненъ въ ногу при взятіи горы Авалъ-тау, въ экспедицію 1845-го года съ графомъ Воронцовымъ. Князь былъ хладнокровно,—распорядителемъ, предприимчивъ и твердъ въ своихъ предположеніяхъ и намѣреніяхъ. Явнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ этому служить то, что войска, находившіяся подъ его начальствомъ, не были понапрасну тревожны, или чтобы они подвергались частымъ безцѣльнымъ передвиженіямъ. Если же что-нибудь предпринималось, то оканчивалось всегда полнымъ успѣхомъ и пораженіемъ непріятеля—слѣдовательно, совершалось неторопливо и вполне обдуманно. Примѣромъ служатъ: движеніе нашихъ войскъ на Автурскія поля въ іюнѣ 1851-го года, проходъ по Большой Чечнѣ въ 1852 году и занятіе Мичива въ 1853 году. Все это было совершено съ весьма незначительной для насъ потерей, но было важно въ смыслѣ потрясенія власти Шамиля ²⁾.

Князь Барятинскій, будучи предприимчивъ и твердъ въ своихъ предположеніяхъ, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и остороженъ. Осторожность его, въ особенности, замѣтна была при распросахъ о той мѣстности, по которой нужно было проходить. Онъ хорошо зналъ на опытѣ, какія важныя препятствія представляетъ природа въ кавказской войнѣ, и сколь часто самыя лучшія соображенія разрушались объ эти преграды ³⁾. И такая осторожность тѣмъ болѣе замѣчательна, что отъ природы онъ былъ нетерпѣливъ.

Чтобы имѣть точныя свѣдѣнія о непріятелѣ и мѣстности,

¹⁾ Барятинскій глубоко уважалъ и по-своему боготворилъ Вельяминова; князь многое заимствовалъ изъ кавказской опытности этого замѣчательнаго дѣятеля и сподвижника Ермолова.

²⁾ По мнѣнію многихъ сослуживцевъ кн. Барятинскаго—это были первые шаги князя Александра Ивановича на пути къ исполненію зрѣло обдуманнаго и всесторонне разработаннаго имъ плана совершеннаго покоренія восточнаго Кавказа.

³⁾ Дѣйствительно умный военный человекъ,—говаривалъ кн. Барятинскій,—не долженъ дѣйствовать на-авось, безъ крайности. Ред.

нужно было не только имѣть вѣрныхъ лазутчиковъ и проводниковъ, но и умѣть ихъ хорошо распросить. Черезъ деньги достигалось первое, черезъ умѣнье—послѣднее. Слѣдствіемъ же соединенія и того и другаго въ одно цѣлое—былъ постоянный успѣхъ, во вредъ непріятелю. Во время двухъ-лѣтняго управленія князя Барятинскаго лѣвымъ флангомъ не было такого случая, гдѣ бы непріятель, хотя маломальски, торжествовалъ, а напротивъ несъ пораженія на каждомъ шагѣ. Если же Шамиль и началъ нравственно упадать во мнѣніи чеченцевъ, то именно съ этого времени.

Никто другой,—какъ князь Барятинскій свергнулъ Шамиля съ вершинъ Кавказа и заточилъ въ Калугу. Онъ былъ единственнымъ главнымъ дѣятелемъ въ умиротвореніи Кавказа. Но я вовсе не намѣренъ исключительно восхвалять князя Барятинскаго, и обращаюсь къ его слабостямъ и недостаткамъ, хотя, по истинѣ сказать, мнѣ не хотѣлось бы о нихъ говорить. Въ этомъ случаѣ, любовь и уваженіе къ человѣку, о которомъ я теперь говорю, борятся съ безпристрастіемъ и справедливостію, столь присущими тому историческому изданію, на страницахъ котораго помѣщаю я эти записки.

Будучи, по рожденію и воспитанію, аристократомъ, князь Александръ Ивановичъ—хотя старался отречься отъ привычекъ, слабостей и недостатковъ, укоренившихся вслѣдствіе воспитанія, но не могъ вполне достигнуть этого. Такъ онъ часто говорилъ, что не любитъ маменькиныхъ сыновъ, бабушкиныхъ внуковъ и теушкиныхъ племянничковъ, а покровительствуетъ чисто заслугамъ и уму; но, на дѣлѣ, не всегда такъ исполнялъ.

Князя Барятинскаго нельзя было назвать надменнымъ аристократомъ; пожалуй, онъ не былъ и большимъ гордецомъ; но онъ былъ самолюбивъ и слабъ къ лести, отъ чего люди вообще не изъяти. Выслушивалъ и правду, но только, если она не задѣвала его самолюбія. Въ этомъ отношеніи онъ даже былъ иногда мелочень. Его, иной разъ, задѣвали такія вещи, на которыя другой вовсе не обратилъ бы вниманія. А въ такихъ случаяхъ, своею важностію, невниманіемъ и холодностію умѣлъ озадачить и дать понять свое величіе и ничтожество того, которому онъ давалъ понять свое неудовольствіе. Князь никогда не обижалъ, а тѣмъ болѣе не оскорблялъ словами, потому что никогда не горячился

и не выходилъ изъ себя. Въ этомъ отношеніи онъ умѣлъ мастерски владѣть собою, и неудовольствіе его выражалось краснотой лица и нахмуреніемъ бровей. Къ чести князя необходимо также сказать, что онъ былъ незлопамятенъ; неудовольствіе и гнѣвъ скоро проходили и забывались имъ. Самолюбіе дѣлало его, иной разъ, нестати упрямымъ, напримѣръ, въ мнѣніяхъ своихъ о людяхъ. Составивъ себѣ хорошее или дурное мнѣніе о комъ-нибудь, онъ, хотя и видѣлъ, что ошибается, но не сознавался въ этомъ и продолжалъ обращаться по-прежнему, ласково и привѣтливо, или холодно и невнимательно.

Про князя Александра Ивановича говорилось много несправедливаго, незаслуженнаго и даже обиднаго. Одни говорили изъ зависти, другіе изъ неудовольствія, третьи изъ страсти поболтать и посплетничать. Такъ, напримѣръ, выставляли его лѣнивымъ сибаритомъ, дурнымъ администраторомъ. Но все это суцая ложь. Что онъ не былъ лѣнивъ, а тѣмъ болѣе не былъ сибаритомъ, это доказываютъ зимнія экспедиціи, продолжавшіяся по два и болѣе мѣсяца, и всегда производившіяся подъ личнымъ его начальствомъ. Жизнь его въ отрядѣ, какъ видно изъ сдѣланнаго выше очерка, была простая и обыкновенная, и если былъ излишекъ, то дѣлался не ради его личныхъ удобствъ, а для другихъ. Дѣятельность же его, напротивъ, была огромна. Онъ вставалъ очень рано; почти ежедневно по нѣскольку часовъ не сходилъ съ коня; а при большихъ движеніяхъ случалось, что и сутки проводилъ на сѣдлѣ; часто и продолжительно бесѣдовалъ онъ съ лазутчиками и проводниками, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринималось что-нибудь рѣшительное. И при всемъ этомъ, не оставлялъ безъ вниманія текущихъ дѣлъ и переписки.

Князь Варятинскій многого не понималъ въ администраціи, съ той точки зрѣнія, какъ мы привыкли смотрѣть на нее; а тѣмъ болѣе онъ не могъ быть рутинеромъ-бюрокрatomъ, что, по нашимъ понятіямъ, должно сосредоточиваться въ администраторѣ, и чѣмъ оцѣниваются его достоинства. Князь не умѣлъ пересмотрѣть и разобрать сложнаго дѣла, не могъ составить форменной бумаги, какъ истый бюрократъ, потому что это пріобрѣтается временемъ и практикой, а онъ никогда не занимался канцелярскимъ дѣломъ. Да и нужно-ли это званіе въ высшихъ административныхъ инстанціяхъ? Не ошибаются-ли, наоборотъ,

тѣ государственные люди, которые часы проводятъ въ кабинетныхъ занятіяхъ надъ исправленіемъ бумагъ и разсмотрѣніемъ пустыхъ дѣлъ? Вѣдь черезъ это невольно упускаются изъ виду болѣе важныя дѣла. Такой администраторъ, который, изъ недовѣрія или изъ страсти къ бюрократизму, обращаетъ много вниманія на редакцію бумагъ и тому подобное,—болѣе вреденъ, нежели полезенъ. Онъ невольно отягощаетъ мелочами не только самого себя, но и другихъ. Для администратора достаточно яснаго взгляда на дѣло и правильнаго его направленія, а не мелочной, обидной провѣрки докладчика или щепетильнаго исправленія бумагъ. А князь не лишенъ былъ здраваго смысла и яснаго ума, въ особенности, что касалось военнаго дѣла. Онъ зналъ и понималъ край, непріятели, быть и нужды солдатъ — лучше многихъ другихъ.

Князя Барятинскаго выставляли отъявленнымъ волокитой, нарушавшимъ спокойствіе и семейное счастье своихъ подчиненныхъ, награждавшимъ мужей за женъ, утопавшимъ, ради женщинъ, въ оргіяхъ и удовольствіяхъ. Въ этомъ тоже мало правды. Странно было бы съ моей стороны, еслибы я силился доказать, что онъ не любилъ женщинъ, и что женщины, въ свою очередь, не любили его за его красоту, ловкость, любезность, щедрость. Но не было того, чтобы онъ растлѣвалъ нравы и порождалъ соблазны между своими подчиненными. Всѣ подчиненные, когда онъ былъ полковымъ командиромъ и начальникомъ лѣваго фланга, положительно засвидѣтельствуютъ, что не было такого скандальнаго случая, чтобы нарушено было имъ спокойствіе и семейное счастье подчиненнаго, а слѣдовательно, не было причины награждать мужей за женъ. Такого сближенія съ подчиненными онъ не дозволилъ бы себѣ по гордости и самолюбію. Притомъ, мнѣ не разъ приходилось слышать отъ него самого, какъ имъ всегда обвинялся тотъ начальникъ, который замѣшивался въ женскихъ интригахъ съ подчиненными. Не было и того, чтобы онъ, ради женщинъ, предавался непомѣрнымъ удовольствіямъ. Изъ грозненскихъ дамъ у него никто не бывалъ.....

II.

Зимняя экспедиція 1852-го года не отличалась отъ двухъ экспедицій 1851-го года ни предварительнымъ заготовленіемъ въ Воздвиженской сѣна, продовольствія, снарядовъ и патроновъ, ни составомъ отряда по числу баталіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и орудій. Зато измѣнились самыя дѣйствія. Отрядъ уже не ограничивается посылкой колоннъ изъ лагеря для рубки лѣса и отраженіемъ нападеній непріятеля во время такихъ работъ, а периодически переходитъ и самъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Простоявъ на Аргунѣ восемь сутокъ и произведя съ незначительной перестрѣлкой нѣсколько рубокъ, по направленію къ Шали и Герменчуку, отрядъ, 14-го января 1852 г., передвигается на Джалку, гдѣ еще нѣсколько дней продолжаетъ рубить лѣсъ впереди этой рѣки. Несмотря на такія дѣйствія, угрожающія населенію Большой Чечни, непріятель дерется слабѣе прошлыхъ лѣтъ. Сборъ его уже не такъ многочисленъ. Шамилъ уже не ободряетъ чеченцевъ и тавлицевъ своимъ присутствіемъ, не требуетъ отъ нихъ клятвъ на стойкое сопротивление и не грозитъ смертію, въ случай пораженія. Черезъ лазутчиковъ извѣстно, что имамъ собирается прибыть въ Автуръ, но что еще не выѣзжалъ изъ Веденя. Можетъ быть, непріятель не такъ охотно дерется и потому, что зима суровая, менѣе 15° по Реомюру не бываетъ. И дѣйствительно, холодъ большой, но погода ясная, сухая. Русскій человекъ не боится морозовъ, если онъ одѣтъ тепло, да сытно ѣстъ. Солдаты же имѣютъ полушубки, ѣдятъ ежедневно говядину и часто пьютъ водку. Отрядъ расположенъ посреди лѣса,—слѣдовательно, пылаютъ частыя и огромныя костры. Вокругъ нихъ не только днемъ, но и ночью, смѣхъ, говоръ, потому что большой морозъ не позволяетъ оставаться долго въ палатѣ. Будучи одѣтъ въ овчинное пальто, мѣховые сапоги и покрытъ енотовой шубой,—да и то, бывало, выбѣжишь раза два-три впродолженіе ночи погрѣться возлѣ костра. Гдѣ-же солдатике вылежать всю ночь въ полушубкѣ и шинели, но безъ теплыхъ сапогъ, и не прибѣгнуть къ отрядному, спасительному костру.

20-го января вечеромъ назначено было ночное движеніе пяти баталіонамъ кабардинцевъ и куринцевъ и двумъ ротамъ Эриванскаго

гренадерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Майделя ¹⁾, всей кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Крюковскаго, и десяти орудіямъ. Всѣ эти войска должны были выступить на-легкѣ, съ патронными ящичками, имѣя по одной повозкѣ на роту, эскадронъ и сотню; продовольствія имѣть для людей и лошадей на двое сутокъ. Всѣ знали, что идемъ впередъ, но куда именно—неизвѣстно. — Передъ выступленіемъ, палатки всего отряда должны быть сняты, тяжести уложены, и остающіеся войска должны отступить на Аргунъ, гдѣ и расположиться лагеремъ на мѣстѣ, занятомъ отрядомъ шесть дней тому назадъ.

Въ десять часовъ отрядъ раздѣлился на двѣ части; бѣльшая его часть, подъ личнымъ начальствомъ князя Барятинскаго, переправилась чрезъ Джалгу; меньшая же начала отступление въ Аргуну.

Наступленіе производилось въ Автуру и Гельдигену. Эти два аула, отстоящіе отъ Джалги верстахъ въ 15—20, принадлежали къ самымъ богатымъ и населеннымъ Большой Чечни. Притомъ, въ Автурѣ находились склады продовольствія для андійцевъ, гунбетовцевъ, салатовцевъ и другихъ тавлинскихъ или дагестанскихъ обществъ, собранныхъ Шамилемъ для защиты Чечни. Тутъ-же находились два орудія, изъ которыхъ непріятель изрѣдка пострѣливалъ, съ весьма дальней дистанціи, по войскамъ, высланнымъ на рубку лѣса. Сюда же ожидалось прибытіе изъ Веденя Шамиля. Слѣдовательно, занятіе и уничтоженіе этихъ двухъ ауловъ, въ особенности же Автура, было важно для насъ.

Проводникомъ былъ чеченецъ Бота, хорошо говорившій по-русски. Онъ былъ офицеромъ нашей милиціи, но въ 1844 году ушелъ къ Шамилю и былъ наибомъ Мичиковскимъ, а въ прошломъ году опять перешелъ къ намъ. Хотя, по такимъ его дѣйствіямъ, не слѣдовало бы ему довѣряться, но князь Барятинскій обласкалъ его, купилъ ему домъ въ Грозной, осыпалъ его деньгами, обѣщалъ не забыть его и въ будущемъ. И Бота вполне оправдалъ себя, и былъ весьма полезенъ, не только въ настоящей зимней экспедиціи, но и въ будущемъ.

Движеніе отъ Джалги въ Автуру, по причинѣ мороза и знанія мѣстности Ботою, направлявшимъ такъ искусно войска, что

¹⁾ Нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, комендантъ Петропавловской крѣпости, баронъ Е. И. Майдель.

они обходили всё встрѣчавшіяся на пути хутора,—было открыто неприятелемъ на разсвѣтъ, когда мы начали подходить къ Хулхулау. По правую сторону этой незначительной въ зимнее время рѣки, на огромномъ возвышенномъ плато, окаймленномъ горами, покрытыми лѣсомъ, и былъ раскинутъ Автурь.

Раздались сигнальные выстрѣлы и крики сторожевыхъ. Поднялась тревога въ аулѣ; женщины и дѣти спасались въ горы и лѣса; мужчины же спѣшили занять возвышенный правый берегъ Хулхулау. Но картечь разсѣяла эти толпы, и мы, съ самой незначительной потерей, заняли Автурь и расположились въ немъ, не предавая его уничтоженію. Все имущество, за исключеніемъ унесеннаго жителями, находилось въ нашихъ рукахъ. Торопиться войскамъ истреблять скотины не было надобности, потому что имъ объявлено было, что они останутся тутъ ночевать, и все, что найдутъ въ нихъ, будетъ принадлежать имъ. Такъ какъ въ аулѣ найдено было много скота, куръ, кукурузы и проса, то пиръ готовился на славу.

Но князь Барятинскій не думалъ еще объ отдыхѣ. Цѣль движенія еще не была вполне достигнута. Впереди находился еще Гельдигенъ, который отстоялъ въ пяти верстахъ отъ Автура. Дорога вела къ нему хотя перелѣсками, но ровная и хорошая.

Для движенія къ Гельдигену было назначено изъ каждаго баталіона по двѣ роты, половина кавалеріи и шесть орудій; прочія же войска остались занимать Автурь.

Наступленіе къ Гельдигену, оставленному жителями немедленно по полученіи извѣстія объ участи, постигшей автурцевъ, преданіе его огню и обратное движеніе къ Автуру—все это было совершено, съ незначительной перестрѣлкой, въ продолженіе четырехъ часовъ, такъ что къ полудню всё уже были въ Автурѣ, предаваясь полной роскоши, какую могъ представить богатый чеченскій аулъ. Солдаты набѣлись вдоволь говядины, баранины, куръ и пшенной каши. Лошадямъ тоже было радодолье, потому что кромѣ овса, взятаго изъ лагеря, было много сѣна и кукурузы.

Перестрѣлка велась самая незначительная. Автурцы, ошеломленные потерей своего аула и имущества, еще не опомнились. Тавлинцы же и жители ближайшихъ хуторовъ занимались устройствомъ заваловъ и батарей на пути нашего отступленія.

На разсвѣтъ 21-го января 1852 г., весь Автурь запылалъ, а

когда начало всходить солнце, то кавалерія съ четырьмя конными орудіями находилась въ движеніи, вверхъ по Хулхулау. Густыя толпы пѣшаго непріятеля—бѣгомъ, конные—вскачь, оставивъ завалы, устроенные верстахъ въ пяти отъ Автура, спѣшили въ ущелье, чтобы занять входъ въ него.

Встрепенулся и Шамиль, прибывшій наканунѣ вечеромъ и ночевавшій у своего наиба Талгика. Вѣдь по Хулхулаускому ущелью вела дорога къ Веденю, отстоящему отъ Автура въ 25-ти верстахъ. Раздались выстрѣлы изъ двухъ непріятельскихъ орудій. Огромныя массы непріятеля толпились спереди и съ правой стороны. Этого было достаточно, потому что намъ только нужно было отвлечь непріятеля отъ той дороги, по которой слѣдовало проходить. Такъ какъ движеніемъ кавалерія желаемая цѣль была достигнута, а потому она начала быстро отступать, и когда присоединилась къ пѣхотѣ, то завалы были обойдены ею, а черезъ канавы переброшены мосты изъ бревень и досокъ, взятыхъ изъ Автура. Хотя непріятель поздно замѣтилъ, что онъ обманутъ и одураченъ, но гнѣвный и бѣснующійся Шамиль приказалъ своимъ наибамаъ настойчиво преслѣдовать насъ кавалеріей.

Несмотря на то, что непріятель, уstraшенный гнѣвомъ своего имама, рвался изъ всѣхъ силъ; несмотря на то, что онъ въ одномъ лѣсу успѣлъ предупредить насъ и, спѣшившись, съ остервененіемъ бросился въ шапки на наше лѣвое прикрытие и арріергардъ,—мы возвратились въ лагерь къ тремъ часамъ съ небольшою потерей. Было три человѣка убитыхъ, да 25 раненыхъ.

По возвращеніи изъ Автура, отрядъ отдыхалъ впродолженіе шести дней, и только одинъ разъ была послана усиленная колонна на рубку лѣса за Джалку.

27-го января утромъ были отправлены въ Воздвиженскую всѣ тяжести и половина палатокъ. Съ наступленіемъ же вечера, приказано было снять и остальные палатки и быть въ полной готовности къ движенію, имѣя съ собою на четыре дня продовольствія. Всѣ полагали, что двинемся впередъ.

«Нашъ князь хочетъ добраться до Шамиля. Вотъ знатная будетъ пожива, когда возьмемъ Ведень»—разсуждали между собою солдаты.

Но, вмѣсто движенія впередъ, отрядъ началъ переправляться черезъ Аргунъ.

«Вишь ты, какъ князь то хитро-мудро дѣйствуетъ» — продолжали разсуждать солдаты; и тогда только увѣрились, что двигаются въ противоположную сторону отъ Большой Чечни, когда увидѣли знакомую имъ Гойтинскую просѣку.

Отрядъ, за исключеніемъ шести ротъ куринцевъ, своднаго линейнаго баталіона, двухъ донскихъ сотенъ и четырехъ орудій, отправленныхъ въ Воздвиженскую и Грозную съ палатками, — перейдя Гойтинскій лѣсъ, повернулъ налѣво въ горы. Здѣсь, по верховьямъ Гойты, Мартана, Рошни и Гехи, въ горныхъ и лѣсныхъ тущобахъ, находилось множество хуторовъ, въ совокупности составлявшихъ населеніе болѣе чѣмъ изъ 2-хъ т. семей.

Эти трудно-доступныя мѣста начали заселяться съ 1845 г., и, по мѣрѣ прорубки Гойтинскаго и Гехинскаго лѣсовъ, а также движенія нашихъ отрядовъ зимою съ 1846-го по 1848-й годъ, подъ начальствомъ Фрейтага и Слѣщова, — населеніе постоянно усиливалось новыми переселенцами изъ разныхъ аудовъ Малой Чечни и наконецъ дошло до настоящей цифры. Будучи защищено естественными преградами, это огромное населеніе жило тамъ безнаказанно, тогда какъ, въ свою очередь, оно часто беспокоило наши войска и мирныхъ чеченцевъ, жившихъ возлѣ укр. Урусъ-Мартанскаго, во время покосовъ, полевыхъ работъ и заготовленія дровъ. Небольшой гарнизонъ Урусъ Мартана не могъ быть для нихъ опасенъ.

Чтобы нанести рѣшительный и окончательный ударъ этому населенію, необходимо было занять одновременно все пространство между верховьями Гойты и Гехи. Но для этого недостаточно было однихъ войскъ нашего отряда, а потому князь Барятинскій согласился дѣйствовать одновременно съ барономъ Вревскимъ, бывшимъ въ то время начальникомъ Владикавказскаго военнаго округа. Баронъ Вревскій долженъ былъ дѣйствовать между Мартаномъ и Гехи, а нашъ отрядъ — между Гойтой и Мартаномъ.

Ночь, въ которую предпринято было движеніе къ верхнегойтинскимъ хуторамъ, хотя была менѣе морозна той ночи, въ которую совершалось движеніе къ Автуру, но она была неприятыѣ по холодному вѣтру и рѣдкому туману, походящему на мглу. Неразъ пробѣгала дрожь по тѣлу, и вообще было какъ-то неприятыѣ. Чѣмъ ближе подвигались мы къ предмету дѣйствія, тѣмъ туманъ усиливался, а вѣтеръ стихалъ. Проводники нѣсколько разъ сбивались съ пути, войска должны были останавливаться.

Передъ разсвѣтомъ отрядъ остановился на возвышенности, но впереди ничего не было видно, хотя Бота увѣрялъ князя, что хутора находились передъ нами. Но вотъ началъ озаряться востокъ, а туманъ исчезать,—и впереди насъ представилось огромное гористое пространство, усѣянное множествомъ отдѣльныхъ сажель, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ срубленными деревьями, между которыми находились участки въ нѣсколько квадратныхъ сажень, засѣваемые кукурузою.

Влѣво, гдѣ мѣстность была болѣе изрыта балками и оврагами, и гдѣ населеніе было гуще, направлены были, подъ начальствомъ полковника Майделя съ дивизиономъ горныхъ орудій, четыре баталіона. Кавалерія, съ однимъ баталіономъ и орудіями, была двинута, подъ начальствомъ Крюковскаго, вправо. Князь Барятинскій, съ двумя баталіонами, четырьмя орудіями и эскадрономъ драгунъ, остался на возвышеніи.

Четыре баталіона, посланные влѣво, исчезли въ балкахъ и оврагахъ, и только частая ружейная перестрѣлка и рѣдкіе орудійные выстрѣлы давали знать, что тамъ завязалось дѣло. Наконецъ, по удаляющимся выстрѣламъ можно было догадываться, что пѣхота быстро подвигается впередъ. И дѣйствительно, полковникъ Майдель дѣйствовалъ съ полнымъ успѣхомъ. Онъ съ быстротою и съ незначительною потерею, занялъ огромное пространство съ юго-восточной стороны, предавая все истребленію, потому что непріятель не хотѣлъ сдаваться, но сопротивлялся, а, слѣдовательно, умиралъ.

Совсѣмъ другимъ образомъ начались дѣйствія кавалеріи. Въ-сто того, чтобы обскákat хутора съ западной стороны, по мѣстности довольно открытой и ровной, мы видимъ, что часть ея несется между хуторами, и что за нею, какъ бы въ догонку, летитъ другая, болѣшая часть.

— Не быть добру—вскрививаетъ князь, направляя на-перерѣзъ 2-й баталіонъ Эриванскаго гренадерскаго полка.

И дѣйствительно, слова князя, къ несчастію, оправдались. Черезъ нѣсколько минутъ прискакалъ съ пвѣстіемъ переводчикъ Арцу, что Крюковской убитъ, и что много казаковъ перебито. Всѣ мы были поражены этою вѣстью; но болѣе всѣхъ былъ пораженъ князь не столько за отвѣтственность, сколько изъ любви и уваженія его къ Крюковскому.

— Драгуны, за мной!—крикнулъ онъ, ударяя плетью своего

коя. И драгуны, и всѣ окружающіе помчались за нимъ. Но когда мы прискакали къ тому мѣсту, гдѣ лежали тѣла Крюковскаго, подполковника Полозова и еще нѣсколькихъ казаковъ, то непріятеля уже не было, и не слышно было перестрѣлки; пылали только сакли, да валялось множество чеченскихъ труповъ. Эриванцы, драгуны и казаки отомстили за смерть своихъ собратій.

Этимъ печальнымъ эпизодомъ заключилось совершенное истребленіе верхне-гойтинскихъ хуторовъ, которые пылали повсемѣстно. Много погибло чеченцевъ, защищая своихъ женъ, дѣтей, имущество и жилища. Плѣнныхъ было мало, однѣ только женщины и дѣти, но скота и имущества захвачено достаточно. Немнѣе успѣшны были дѣйствія барона Вревскаго по Рошиѣ и Гехи. Несмотря на это, потеря наша, сравнительно съ другими дѣлами, была большая. Кромѣ Крюковскаго и Полозова, былъ убитъ сотникъ Дороховъ, виновникъ происшедшаго безпорядка, и 25 нижнихъ чиновъ—почти все казаки; да ранено до 80 человекъ—въ томъ числѣ наполовину казаковъ.

Сотникъ Владивавваскаго казачьяго полка, Дороховъ, былъ крайне заносчивъ, вспыльчивъ и раздражителенъ. Два раза былъ разжалованъ въ рядовые: одинъ разъ за дуэль, на которой убилъ своего товарища, а другой разъ за оскорбленіе начальника. Былъ хорошо образованъ и много читалъ. Съ Крюковскимъ онъ былъ на товарищеской ногѣ; не знаю только, по какимъ причинамъ они были такъ близки между собою. Дороховъ былъ начальникомъ ракетной команды при кавалеріи. Крюковской приказалъ ему выѣхать на близъ-лежащую возвышенность и пустить по разнымъ направленіямъ нѣсколько ракетъ. Но когда онъ или не понявъ приказанія, или неумѣстно увлекаясь, скрылся за указаннымъ возвышеніемъ, то Крюковской, приказавъ подполковнику Полозову слѣдовать за нимъ съ двумя сотнями, поскакалъ за Дороховымъ; но, вмѣсто того, чтобы остановить его, попалъ подъ залпъ выстрѣловъ десятка чеченцевъ, засѣвшихъ въ саклѣ и за заборомъ,—и вмѣстѣ съ Полозовымъ и еще нѣсколькими казаками—палъ мертвымъ. Виновникъ же этого безпорядка, Дороховъ, былъ найденъ съ девятью казаками вѣренной ему команды, въ полу-верстѣ далѣе, голымъ и обезображеннымъ.

Тѣло Крюковскаго было отвезено въ стан. Еватериноградскую, гдѣ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ, какъ командиръ Горскаго полка,

и было предано землѣ съ подобающею честію наказнаго атамана. Миръ праху твоему, добрый, честный и благородный человекъ!

На другой день отрядъ выступилъ изъ Урусъ-Мартана. Войска, принадлежація въ составу воздвиженскаго гарнизона, направились въ эту крѣпость. Эриванцы, тенгинцы и наваганцы пошли прямымъ путемъ въ свои штабъ-квартиры на Сунженской линіи. Всѣ-же остальные затѣмъ войска двинулись на отдыхъ въ Грозную. Но этотъ отдыхъ былъ непродолжителенъ. 1-го февраля 1852 г. отрядъ, въ составѣ восьми баталіоновъ кабардинцевъ, куринцевъ и своднаго линейнаго дивизіона драгунъ, пяти сотенъ и четырнадцати орудій, переправившись чрезъ Аргунъ, не переходя Ханкале, у подножія восточной горы этого ущелья, — расположился лагеремъ на правомъ берегу этой рѣки, у бывшаго аула Берды-келя, съ тѣмъ, чтобы отъ него прорубиться на Джалку.

Главная причина, побудившая князя Барятинскаго избрать такое направленіе, была та, что это былъ кратчайшій путь къ Маюртуну и Мичкеу, слѣдовательно, пролегающій поперекъ всей Большой Чечни, притомъ болѣе удаленный отъ горъ и менѣе лѣсистый. Тутъ-же, между Джалкой и Аргуномъ, толпилось значительное населеніе, которое полезно было заставить, или принести намъ покорность, или удалиться въ горы. Кромѣ того расположеніе здѣсь отряда было выгодно и въ хозяйственномъ отношеніи, потому что Грозная, гдѣ находились главные военные и продовольственные склады и имѣлись огромные запасы сѣна, отстояла отъ Берды-келя только въ четырнадцать, а отъ Джалки въ двадцати верстахъ. Только Аргунъ, и то вначалѣ, когда не были сдѣланы спуски и устроены мосты черезъ нѣсколько его рукавовъ, представлялъ нѣкоторые затрудненія въ сообщеніи. Идущая-же здѣсь чеченская арбяная дорога пролегала по мѣстности ровной и большею частію открытой.

Рубка лѣса сначала по Аргуну, а потомъ между этой рѣкой и Джалкой, производилась съ незначительной перестрѣлкой и преимущественно съ жителями окрестнаго населенія. Только набѣ Талгикъ съ значительной партіей и даже съ двумя орудіями покушался вначалѣ нѣсколько разъ препятствовать нашимъ работамъ. Но послѣ пораженія, нанесеннаго ему кабардинцами и нашей кавалеріей 8-го февраля, гдѣ онъ, будучи раненъ, едва не попался въ плѣнъ, и не были захвачены орудія, — прекратились и эти покушенія непріятели.

А потому войска наши, не встрѣчая сопротивленія со стороны чеченцевъ, несмотря на свой уменьшенный составъ, работали очень успѣшно. Хотя лѣсу было истреблено много, но безъ малѣйшаго изнуренія для отряда, потому что давались частые отдыхи. Притомъ и погода стояла постоянно хорошая. Дни были солнечные, теплые, тихіе. По ночамъ морозъ простирался не свыше восьми градусовъ по Реомюру.

Доказательствомъ тому, какъ покойна была наша лагерная стоянка, и какъ прекрасна была погода,—служить то, что два раза на масляницѣ прїѣзжала, съ другими дамами, княгиня Воронцова къ своему мужу, командиру Куринскаго полка; чего нельзя было допустить прежде—и настолько по тревожному положенію лагеря, сколько по холодному времени.

10-го февраля 1852 г., прибыли съ Сунженской линіи въ отрядъ два баталіона тенгинцевъ, съ своимъ полковымъ командиромъ, генераль-маіоромъ Вережкинымъ. Вслѣдъ затѣмъ, прибыли въ отрядъ четыре сотни Гребенскаго, Моздокскаго и Горскаго полковъ.

Такое усиленіе отряда заставляло каждого предполагать, что будетъ предпринято что-нибудь особенное. Эти толки росли и разнообразились, еще и потому, что въ отрядъ прибылъ дивизионъ горныхъ орудій, а саперы занимались устройствомъ двухъ складныхъ мостовъ, отъ двухъ до трехъ сажень длиною, и заготовленіемъ фашинъ. Но до 2-го марта отрядъ продолжалъ заниматься, по-прежнему, рубкой лѣса. Вечеромъ этого числа, отдано было приказаніе снять палатки и уложить всѣ тяжести. Восемь баталіоновъ кабардинцевъ, куринцевъ, тенгинцевъ, рота саперъ, дивизионъ нижегородскихъ драгунъ, шесть сотенъ линейныхъ казаковъ, шестнадцать орудій, въ томъ числѣ по дивизиону конныхъ и горныхъ,—должны были быть готовы къ выступленію съ полнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ и зарядовъ. Каждый солдатъ и казакъ долженъ былъ имѣть съ собою на четыре дня сухарей и по фунту вареной говядины. Каждая рота, эскадронъ и сотня должны были взять по одной порожней, но съ хорошею упряжью, повозкѣ и имѣть съ собою определенное число носилокъ для раненыхъ и перевязочныя средства по положенію. Сверхъ того, на 50 транспортныхъ повозкахъ были уложены въ ящикахъ, привезенныхъ изъ Грозной, боевые заряды, патроны и ракеты, также два складныхъ моста для переправы черезъ канавы. Не была забыта походная

алтега и фирбантъ. Въ полночь всѣ означенныя войска, такимъ образомъ снаряженныя, выступили изъ лагеря и двинулись по просѣвѣ на Джалку. Остальныя, затѣмъ, войска, а именно: баталіонъ куринцевъ, сводный линейный баталіонъ, два орудія, двѣ сотни дунайскихъ и сотни донскихъ казаковъ, переправившись на разсвѣтѣ съ тяжести черезъ Аргунь, должны были прибыть въ Грозную.

Воинскому начальнику этой крѣпости предписывалось: тяжести кабардинцевъ отправить черезъ Николаевскій и Шелкозаводскій мосты въ мѣста ихъ расположенія; ротные котлы съ недѣльной провизіей прочіихъ войскъ направить, подъ особымъ прикрытіемъ, черезъ Брагуны и Умаханъ-юртъ, въ Куринское, съ тѣмъ, чтобы они прибыли туда не позже вечера другого дня; палатки же и прочія тяжести этихъ послѣднихъ войскъ оставить въ Грозной до особаго распоряженія.

Сверхъ того, въ день выступленія отряда было послано особое предписаніе полковнику Бакланову въ Куринское. Ему предписывалось стянуть въ это укрѣпленіе изъ Гервель-аула и Хасавъ-юрта такое число войскъ, чтобы онъ могъ выступить за Мичикъ; когда получить о томъ особое приказаніе, съ своимъ донскимъ полкомъ, четырьмя конными орудіями, и ни въ какомъ случаѣ не менѣе, какъ съ шестью ротами пѣхоты.

Часа за два до разсвѣта мы переправились чрезъ Джалку, а съ восходомъ солнечнымъ, у аула Юмене, расположеннаго на канавѣ, проведенной изъ Хулхулау, той же самой рѣки, на которой находилась и Автура, — завязалась первая перестрѣлка съ одиночными всадниками.

Цѣль этого движенія была, по-преимуществу, нравственная. Нужно было, наконецъ, доказать чеченцамъ, что наступило то время, когда мы можемъ пройти тамъ, гдѣ желаемъ, и что не помѣшаютъ этому никакія усилія и увѣренія Шамиля. Такъ онъ увѣрялъ чеченцевъ, что не пропуститъ русскихъ въ Большую Чечню черезъ Шалинскій лѣсъ. Также точно онъ утѣшалъ ихъ послѣ разоренія Автура, что русскіе погібнутъ, если вторично перейдутъ Хулхулау. Въ утѣшеніе и успокоеніе чеченцевъ онъ напоминалъ имъ 1842-й и 1845-й годы. И легковѣрные чеченцы вѣрили ему. Но Шамиль дѣлалъ это собственно только для ободренія чеченцевъ; въ душѣ же сознавалъ, что ему не сладить съ русскими, потому что они, послѣ Ичкеринскаго и Даргинскаго походовъ, сдѣлались, въ свою оче-

редь, опытнѣе. Между тѣмъ, силы непріятеля отъ непрерывныхъ и часто кровопролитныхъ боевъ постоянно слабѣли, тогда какъ наши не уменьшались, потому что постоянно пополнялись. Здѣсь, встаетъ, упомяну, прежде чѣмъ приступлю къ разсказу о двухъ-дневномъ походѣ съ боемъ черезъ Большую Чечю, — объ отданномъ войскамъ княземъ Барятинскимъ особомъ приказаніи. Оно было основано какъ на сохраненіи большого порядка въ войскахъ, такъ и на распорядженіи, сдѣланномъ самимъ Шамилемъ.

Приказаніе заключалось въ томъ, чтобы войска не занимались жажженіемъ, развореніемъ и грабежемъ савель въ тѣхъ аулахъ, черезъ которые они будутъ проходить. «Грабежъ тѣмъ болѣе будетъ неумѣстенъ, прибавлялось въ приказаніи, — что савли будутъ пусты, потому что Шамиль, послѣ разворенія Автура, приказалъ жителямъ ближайшихъ къ отряду ауловъ хранить все имущество въ лѣсахъ».

И дѣйствительно, это приказаніе Шамиля, существовавшее и прежде, послѣ разворенія Автура строго подтвердилось, и всѣ аулы, лежащіе по эту сторону Хулхулау, положительно были оставлены; да и по ту сторону этой рѣки нѣкоторые были брошены, а жители всѣхъ прочихъ были въ постоянной готовности въ спасенію въ близъ-лежащіе лѣса. Слѣдовательно, разгромъ Автура навелъ немалый всеобщій страхъ на чеченцевъ. И дѣйствительно, положеніе Чечни было жалко и ужасно. Но что же дѣлать: послѣдствія войны всегда одинаково безчеловѣчны и жестоки.

Первая встрѣча съ Шамилемъ, заблаговременно намъ подготовленная, была на Хулхулау. На переправѣ черезъ эту небольшую горную рѣку, затруднившую насъ не быстротой и глубиной, но широтой ложа и еще болѣе многими канавами, была открыта перекрестная и, по обыкновенію, отдаленная пальба изъ четырехъ орудій. Завязалась и сильная ружейная перестрѣлка съ непріятелемъ, засѣвшимъ въ перелѣсахъ. Но переходъ былъ совершенъ съ незначительной потерей. Пѣшій непріятель былъ отброшенъ штыками; конный же, показавшійся въ значительномъ числѣ съ правой стороны, былъ опрокинутъ драгунами и казаками за Гельдигентъ.

Движеніе продолжалось. Но, не пройдя и двухъ верстъ отъ Хулхулау, отрядъ былъ остановленъ глубокой канавой, на которой не только были разобраны мосты, но и матеріалъ отъ нихъ

былъ унесенъ, а берега обрыты отвѣсно. Однако, два складные моста, уложенные на транспортныхъ повозкахъ, немедленно были перекинуты черезъ канаву для переѣзда орудій и повозокъ, а для перехода войскъ были устроены саперами спуски, и не болѣе какъ черезъ часъ отрядъ уже былъ по ту сторону канавы.

Въ это время гремѣла перестрѣлка со всѣхъ сторонъ; въ особенности, она была сильна въ аррьергардѣ, гдѣ были курницы, и въ лѣвомъ прикрытіи, занятомъ тенгинцами. Между тѣмъ непріятельскіе орудійные выстрѣлы пронизывали колонну и немало беспокоили фурлейтовъ и сидящихъ на повозкахъ раненыхъ, которыхъ значительно подбавилось.

У Кулишъ-юрта, что въ пяти верстахъ отъ Хулхулау, Шамиль, одновременно съ пѣхотой, засѣвшей въ лѣсу съ правой стороны, произвелъ нападеніе кавалеріей на авангардъ; но мбардинцы съ кавалеріей отразили его съ большимъ урономъ. Этимъ превратился бой, такъ что остальные семь верстъ до Маюртуна были пройдены съ ничтожной перестрѣлкой.

Маюртупъ, какъ и всѣ другіе аулы, мимо которыхъ намъ приходилось проходить, заблаговременно оставленный жителями, былъ занятъ нами съ наступленіемъ сумерекъ, безъ малѣйшаго сопротивленія. Здѣсь рѣшено было переночевать, и войска расположились вокругъ аула бивуакомъ.

Этотъ отдыхъ былъ необходимъ какъ для войскъ, такъ, въ особенности, для раненыхъ и контуженныхъ, которыхъ оказалось 52 человекъ; да сверхъ того, было убито 4 человекъ.

Эта потеря могла считаться небольшою, если принять во вниманіе, что съ девяти часовъ и до четырехъ по-полудни, на протяженіи четырнадцати верстъ, войска должны были постоянно драться и неразъ прокладывать себѣ путь штыками и картечью. Такую незначительную потерю надо отнести къ неторопливому слѣдованію войскъ, правильному направленію боковыхъ прикрятій, всегда идущихъ въ надлежащемъ разстояніи, хорошему выбору позицій для артиллеріи и своевременному употребленію въ дѣло кавалеріи.

Спустя часа три послѣ прихода въ Маюртупъ столь огромнаго числа незваныхъ гостей, въ немъ все поуспокоилось и притихло. Послѣ 36 часовъ, проведенныхъ безъ сна, и тридцативерстнаго похода, каждый нуждался въ отдыхѣ. Кто предавался сну въ савѣ, кто подѣ навѣсомъ, а кто возлѣ потухающаго бо-

стра. Успокоились напоенные, накормленные и перевязанные раненые. Только изрѣдка раздавались стоны, тяжело-раненыхъ и ампутированныхъ, которыхъ было человекъ съ двѣнадцать. Въ особенности страдалъ сотникъ конно-казачьей артиллеріи Чувсѣевъ, которому раздробило ядромъ ногу.

Но бодрствовали еще долго—внзъ Барятинскій и походный штабъ, собиравшій разныя свѣдѣнія и дѣлавшій распоряженія о пополненіи зарядовъ и патроновъ.

Александръ Ивановичъ бесѣдовалъ съ лазутчиками и проводниками, а болѣе всего совѣщался съ Ботою. Тутъ же, у него въ саклѣ, изготовлялось въ двухъ экземплярахъ предписаніе полковнику Я. П. Бакланову. Ему писалось, чтобы онъ съ тѣми войсками, о которыхъ упоминалось въ предписаніи, заблаговременно къ нему посланномъ, — двинулся за Мичиѣ и, по первымъ выстрѣламъ, слѣдовалъ къ маюртупскому орѣшнику на соединеніе съ нами, у выхода изъ этого лѣса.

Предписаніе полковнику Бакланову заготовлялось въ двухъ экземплярахъ потому, что предполагалось послать въ укр. Куринское, отстоящее отъ Маюртупа верстахъ въ двадцати, двухъ надежныхъ чеченцевъ, разумѣется, за хорошую плату, по двумъ различнымъ направленіямъ. Это дѣлалось на всякій случай, для болѣе вѣрности. Еслибы не довелось доѣхать одному, то доѣдетъ другой. Но этого не случилось. Оба нарочные доѣхали до Куринскаго благополучно и своевременно, такъ что Баклановъ исполнилъ съ точностью все на него возложенное.

Ночлегъ въ Маюртупѣ, этомъ богатомъ и большомъ аулѣ, былъ проведенъ совершенно покойно. Ночь была хотя довольно холодная, но ясная. Чистое небо, озаренное лучами восходящаго солнца, предвѣщало такой же хорошій, теплый день, какъ и прошедшій. Съ разсвѣтомъ, безъ барабаннаго боя и трубныхъ звуковъ, войска начали выходить изъ аула и выстраиваться по обѣимъ сторонамъ Гудермеса, согласно составленной диспозиціи.

Вывезены были изъ аула перевязанные, напоенные чаемъ и накормленные раненые; а за ними везлись на отдѣльныхъ повозкахъ, которыхъ, по раздачѣ зарядовъ и патроновъ, было много свободныхъ,—и убитые, съ тѣмъ, чтобы ихъ предать вѣчному покою не на вражьей, а на своей землѣ. Наконецъ, выѣхалъ князь Барятинскій со штабомъ, а Маюртупъ не пылалъ, потому что

не приказано было его жечь. Маюртупъ безмолвствовалъ, и мы оставляли его, какъ бы прощаясь съ невидимыми существами, гостепріимно насъ угостившими—такъ было въ немъ покойно и тихо, когда выступилъ изъ него арріергардъ. Однако, каждый понималъ, что это затишье передъ боевой бурей. Черезъ лазутчиковъ князь Барятинскій зналъ, что Шамиль готовитъ намъ кровавый сюрпризъ за Гудермесомъ, въ Маюртупскомъ лѣсу, извѣстномъ по стойкому сопротивленію чеченцевъ еще со времени Ермолова и Вельяминова.

«Если же русскіе не потерпятъ пораженія въ этомъ лѣсу, то мы ихъ поразимъ на Гонсолѣ и Мичигѣ»,—такъ снова обнадеживалъ Шамиль чеченцевъ.

Сообразно съ этими свѣдѣніями, по переправѣ черезъ Гудермесъ, текущій здѣсь въ крутыхъ берегахъ, и по подъемѣ на правый его берегъ, по довольно хорошей арбаной дорогѣ,—отрядъ двинулся въ Маюртупскій лѣсъ. Три баталіона куринцевъ, съ четырьмя орудіями, составляли авангардъ и лѣвое прикрытіе; два же баталіона тенгинцевъ, съ дивизиономъ горныхъ орудій, прикрывали справа. Этотъ лѣсъ начинался саженьяхъ во ста отъ Гудермеса и тянулся версты на полторы. Тамъ, гдѣ росли большія чинары и дубъ, онъ былъ рѣдокъ; тамъ же, гдѣ росъ орѣшникъ, была чаща. Орѣшникомъ начинался и кончался лѣсъ; въ серединѣ же, гдѣ пролегала дорога, онъ былъ довольно рѣдокъ.

Куринцы и тенгинцы двинулись черезъ лѣсъ подъ непріятельскими выстрѣлами изъ четырехъ орудій, поставленныхъ на двухъ курганахъ, и, когда прикрытія окаймили съ обѣихъ сторонъ проходящую черезъ него дорогу, были двинуты повозки. Пальба изъ непріятельскихъ орудій, расположенныхъ на этотъ разъ довольно близко, участилась и была весьма мѣткая. Подгонять фурлейтовъ не было надобности, и переѣздъ повозокъ, несмотря на стоны и крики раненыхъ отъ толчковъ по борнамъ деревьевъ и частымъ выбоинамъ, былъ совершенъ весьма быстро къ авангарду, выходявшему на чистое мѣсто, гдѣ уже ожидалъ Баклановъ, исполнившій въ точности данное ему приказаніе.

Еслибы съ такою же быстротою могъ пройти черезъ лѣсъ арріергардъ, состоявшій изъ двухъ баталіоновъ кабардинцевъ при 4 орудіяхъ, бывшій подъ начальствомъ барона Николая,—и могли двигаться боковыя прикрытія, то мы совершили бы это движеніе съ самой незначительной потерей. Но огромныя массы пѣшаго

непріятеля ударили сначала на тенгинцевъ, а потомъ на кабардинцевъ въ то время, когда двинулся обовъ.

Разсчетъ чеченцевъ былъ тотъ, чтобы, прорвавъ цѣпи, ворваться въ середину, какъ это неразъ удавалось имъ прежде; однако, на этотъ разъ такой разсчетъ былъ совершенно неуспѣшенъ. Завязалась сильная перестрѣлка и рукопашная схватка у тенгинцевъ и кабардинцевъ. И тѣ и другіе молодецки выдержали напоръ непріятеля. Слѣдованіе кабардинцевъ черезъ лѣсъ перекатными цѣпями было превосходно; нужно было удивляться хладнокровію и стойкости; съ которыми встрѣчали непріятеля птмьъ и картечь заднихъ частей, когда переднія оставляли съ быстротою свои позиціи.

Хотя проходъ черезъ Маюртупскій лѣсъ удвоилъ нашу потерю, и, при томъ, ранъ большею частію были тяжелыя, но онъ былъ славенъ для насъ и униженъ для Шамиля, потому что снова сильно поколебалъ его во мнѣніи чеченцевъ.

«Да мы гораздо больше нанесли бы вреда русскимъ на ночлегѣ въ Маюртупѣ, нежели теперь»—говорили недовольные чеченцы.

Мы всѣ были рады соединенію съ Баклановымъ. Мы радовались не усиленію нашего отряда семью ротами, шестью сотнями казаковъ и четырьмя орудіями, потому что и безъ того были самостоятельны и сильны, чтобы окончить предпринятый нами походъ черезъ Большую Чечню; но всѣ знали, что Баклановъ и многіе изъ его казаковъ знаютъ трудную мѣстность, по которой намъ оставалось пройти до Куринскаго,—если не лучше, то не хуже самого Боты. А на этомъ десяти-верстномъ разстояніи особенно трудными препятствіями считались Гонсолъ и Мичикъ.

О послѣдней изъ этихъ рѣчекъ я упоминалъ уже ранѣе, и еще подробнѣе буду говорить о ней ниже. Что же касается Гонсола, притока Мичика, то хотя онъ протекалъ въ еще болѣе отвѣсныхъ и высокихъ берегахъ нежели Мичикъ, но зато менѣе поросшихъ лѣсомъ. Слѣдовательно, обѣ эти рѣчки могли если не остановить, то затруднить наше движеніе.

Но переходъ черезъ Гонсолъ, противъ нашего ожиданія, былъ совершенъ безпрепятственно со стороны непріятеля. Были видны только огромныя его массы, тянушіяся по подножію Черныхъ горъ отъ Маюртупа къ Мичику. По переправѣ черезъ Гонсолъ, около полудня, былъ данъ отдыхъ. Торопиться было нечего, потому что до Мичика оставалось не болѣе трехъ верстъ, да

столько же отъ Мичика до Куринскаго. Солдаты пѣли сухарей, съ чистой родниковой водицей, а у кого уцѣлѣла говядина, то тотъ полакомился и ею; лежали на рыхломъ и быстро-тающемъ отъ теплаго солнышка снѣгу. Кавалерія и артиллерія напоили и навормили своихъ лошадей остатками овса. Въ этотъ двухъ-часовой отдыхъ, значительная масса непріятельской кавалеріи собралась на ровномъ и открытомъ плато между Гонсолломъ и Мичикомъ. Съ движеніемъ отряда впередъ Бакланову приказано было произвести атаку кавалеріей. Два баталіона тегинцевъ посланы для поддержки кавалеріи и на случай дѣла съ непріятельской пѣхотой, которая легко могла скрываться въ пересѣченныхъ мѣстахъ.

Атака была произведена со свойственною Бакланову смѣлостію и стремительностію, и непріятель былъ опрокинутъ и болѣе версты преслѣдуемъ драгунами, казаками и картечью изъ конныхъ орудій. Нѣсколько тѣлъ осталось на мѣстѣ атаки, и много лошадей бѣгало безъ сѣдокъ. Эта молодецкая атака была причиною того, что Шамиль оборонялся на Мичикѣ весьма слабо и ограничился одной канонадой изъ орудій.

Наконецъ отрядъ, при лунномъ свѣтѣ, прибылъ въ Куринское и расположился бивуакомъ вокругъ этого укрѣпленія.

Первой заботой было удобно размѣстить и усвоить раненыхъ и контуженныхъ, которыхъ привезено было въ Куринское 143 человекъ; изъ нихъ треть—были ранены или сильно контужены ядрами и гранатами. Сверхъ того 12 человекъ было убито.

Потеря, какъ видите, очень небольшая, даже, можно сказать, ничтожная, если принять во вниманіе двухъ-дневный бой съ огромнымъ непріателемъ. Да иной разъ взятіе аула обходилось намъ несравненно дороже, несмотря на то, что непріятеля было немного, да и орудій у него не было. Еще разъ повторяю, что это должно приписать обдуманному и неторопливому слѣдованію войскъ и своевременному и правильному употребленію ихъ въ бою.

Князь Барятинскій въ этомъ движеніи вполне подтвердилъ свою опытность въ кавказской войнѣ и умѣнье управлять войсками во время боя. Каждый, начиная отъ старшаго подчиненнаго и до послѣдняго солдата, былъ увѣренъ, что съ княземъ не можетъ быть пораженія...

М. Я. Ольшескій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХОСРОВ-МИРЗА

1813—1875.

(Чтано въ Тифлисѣ, на Грибоѣдовскомъ вечерѣ, 28-го января 1879 года).

Исходя изъ того убѣжденія, что всякая личность, соприкасающаяся съ известнымъ событіемъ въ жизни нашихъ именитыхъ соотечественниковъ, должна интересоваться насъ своею индивидуальностью, я посвящаю настоящую статью Хосров-мирзѣ, имя котораго такъ тѣсно связано съ воспоминавіемъ о роковой кончинѣ нашего незабвеннаго Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Старожилы Петербурга и Москвы, нѣтъ сомнѣнія, еще не забыли прекраснаго юношу, пріѣзжавшаго смѣть пятно, павшее на персидское правительство послѣ «тегеранской катастрофы», и охотно познакомятся съ послѣдующею его судьбою, такъ грустно сложившеюся для него на родной почвѣ, благодаря искренней симпатіи къ нему русскаго правительства и общества.

Материалами при составленіи настоящаго очерка мнѣ служили: — кромѣ нѣкоторыхъ собственныхъ замѣтокъ, официальные документы, вошедшіе въ VII-й томъ изданныхъ мною «Летовъ кавказской археографической комисіи» (1827 — 1831 гг.); біографія покойнаго Хосров-мирзы, составленная принцемъ Надир-мирзою; затѣмъ записки, веденныя мирзою Мустафа-Авшаромъ, сопровождавшимъ юнаго принца въ Петербургъ, и дипломатическая переписка между правительствомъ и нашими агентами въ Персіи.

Сколько мнѣ извѣстно, Хосров-мирза оставилъ послѣ себя дневникъ, но этотъ любопытнѣйшій документъ завладѣлъ Наср-Эддинъ-шахъ, почему я, къ сожалѣнію, и не могъ имъ воспользоваться.

Ад. П. Верше.

Тифлисѣ.

I.

Хосров-мирза.—Его молодость.—Тегеранская катастрофа.—Предположеніе Аббас-мирзы ѣхать въ Петербургъ.—Англійскія интриги.—Хосров-мирза назначается посланникомъ.—Его выѣздъ изъ Персіи и прибытіе въ Тифлисъ.—Составъ персидскаго посольства.

Хосров-мирза былъ по старшинству лѣтъ 7-й сынъ Аббас-мирзы ¹⁾. Онъ родился въ Тавризѣ въ 1228 (1813) г. отъ Хурдэ-ханумъ, дочери Мамед-Яр-бека Турменскаго. Проведя первые годы дѣтства въ гаремѣ, подъ надзоромъ матери, среди женщинъ и невольницъ, онъ на 7-мъ году порученъ былъ попеченію особаго дядьки, которымъ впослѣдствіи былъ избранъ Хусейн-Алибекъ, а 9-ти или 10-ти лѣтъ онъ началъ свое образованіе подъ руководствомъ какого-то муллы или ахунда. Намъ неизвѣстны ближайшія подробности его научнаго образованія, но думаемъ, что онъ не переходилъ за предѣлы обыкновенныхъ требованій, ограничивающихся поверхностнымъ знаніемъ арабскаго языка, навыкомъ сочинять хорошимъ слогомъ письма, близкимъ знакомствомъ съ національными поэтами и основательнымъ изученіемъ правилъ приличія. 16-ти, а иногда и 15-ти лѣтъ, юноша оканчиваетъ ученіе и поступаетъ на службу. Въ эту именно пору жизни вступаетъ на поприще и Хосров-мирза.

Несчастная катастрофа съ А. С. Грибоѣдовымъ, разыгравшаяся въ Тегеранѣ 30-го января 1829 года, едва было не нарушила нашихъ добрыхъ отношеній въ Персіи, хотя начать враж-

¹⁾ У Аббас-мирзы было всего 26 сыновей и 22 дочери. Сыновья: 1) Мамед-мирза, впослѣдствіи шахъ (1834—1848), 2) Бехрам-мирза, 3) Джехангир-мирза, 4) Бехмен-мирза, отдавшійся подъ покровительство Россіи и живущій нынѣ въ Карабагѣ, 5) Феридун-мирза, 6) Искендер-мирза, 7) Хосров-мирза, 8) Кахраман-мирза, 9) Ардешир-мирза, 10) Ахмед-мирза, 11) Джафар-Були-мирза, 12) Мустафа-мирза, 13) Султан-Мурад-мирза, 14) Манучехр-мирза, 15) Ферид-мирза, 16) Фируз-мирза, 17) Ханлар-мирза, 18) Бехадир-мирза, 19) Мухаммед-Рахим-мирза, 20) Мехти-Були-мирза, 21) Хамза-мирза, 22) Илодрим-мирза, 23) Люф-Уллах-мирза, 24) Мухаммед-Берим-мирза, 25) Джафар-хан-мирза, и 26) Абдуллах-мирза. Собственно отъ Хурдэ-ханумъ—Аббасъ-мирза имѣлъ: Джехангир-мирзу, Хосров-мирзу, Ахмед-мирзу, Мустафа-Були-мирзу, Мухаммед-Берим-мирзу, и дочь Нигар-ханумъ, бывшую въ первомъ бракѣ за Авдулла-ханомъ Карагезлу, а послѣ его смерти, за братомъ его, Мустафа-ханомъ. Нигар-ханумъ жила близъ Хамадана, въ дер. Шуринъ, и, если не ошибаюсь, еще жива. Ад. В.

дебныя дѣйствія противъ этой державы, при тогдашней войнѣ съ Портою Оттоманскою и общемъ положеніи закавказскихъ областей, — признавалось почти невозможнымъ ¹⁾. Но дѣло, какъ извѣстно, до разрыва не дошло; персидское правительство въ неистовомъ злодѣяніи оказалось непричастнымъ, и императоръ Николай призналъ достаточнымъ возмездіемъ оскорбленному достоинству Россійской имперіи, если шахъ, наказавъ преступниковъ, пришлетъ въ Петербургъ торжественное извиненіе черезъ одного изъ сыновей своихъ или Аббас-мирзы, въ сопровожденіи кого-либо изъ довѣренныхъ вельможъ ²⁾.

Съ этимъ именно порученіемъ думалъ сначала отправиться самъ Аббас-мирза, но прїѣздъ его былъ отклоненъ подъ видомъ необходимости его присутствія въ Тавризѣ для превращенія буйствъ и предупрежденія происковъ враждебной ему партіи. Затѣмъ предполагалось возложить это порученіе на Мамед-мирзу, старшаго сына Аббас-мирзы, но и это назначеніе не состоялось, вслѣдствіе интригъ тогдашняго британскаго посланника, Мавдональда. Наконецъ, выборъ палъ на Хосров-мирзу.

Переѣхавъ 2-го мая персидскую границу, онъ вступилъ въ Карабагъ и, сопровождаемый ген.-майоромъ, кн. Абхазовымъ, тогдашнимъ начальникомъ мусульманскихъ провинцій, 30-го апрѣля, достигъ г. Елисаветополя. Свита Хосров-мирзы состояла изъ 140 чел., подъ вещами его находилось 300 лошадей и катеровъ. Послѣ короткаго отдохновенія, посольство продолжало путь, направляясь къ Тифлису. Около Краснаго-моста принцъ пересѣлъ въ высланный на-встрѣчу экипажъ, и, подѣвжая къ грузинской столицѣ, былъ прежде другихъ привѣтствованъ полк. Верзилинымъ, затѣмъ полицеймейстеромъ и, наконецъ, ген. Остен-Сакеномъ. Достигнувъ города, Хосров-мирза отправился прямо къ гр. Паскевичу, который, послѣ недолгой съ нимъ бесѣды, лично его проводилъ въ открытомъ экипажѣ въ приготовленную для него квартиру, въ домѣ тифлискаго военнаго губернатора. Здѣсь графъ сообщилъ принцу только-что полученное извѣстіе о разбитіи турокъ подъ Ахалцихомъ, кн. В. Ѳ. Бебутовымъ.

¹⁾ См. «акты», VII т., документъ подъ № 673.

²⁾ Ibid., документъ подъ № 677.

«Радуюсь, сказалъ графъ,—что событіе это совпало съ днемъ вашего прибытія».

— Смѣю увѣрить в. с., возразилъ Хосров-мирза,—что въ Тавризѣ несравненно болѣе меня будутъ радоваться этой побѣдѣ.

На слѣдующій день принцу представились высшіе военные и гражданскіе чины въ городѣ.

Пользуясь пребываніемъ въ Тифлисѣ, Хосров-мирза не упустилъ случая осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности, обративъ особенное вниманіе на арсеналъ, благородное училище и шелкомотальную фабрику иностранца Кастелла.

19-го мая, онъ посѣтилъ данный ген.-адъют. Стрелаловымъ въ честь его балъ, которому предшествовалъ великолѣпный фейерверкъ, а 21-го съ особеннымъ удовольствіемъ присутствовалъ на разводѣ наличныхъ въ городѣ войскъ.

Между тѣмъ графъ Паскевичъ еще за нѣсколько дней до того отправился въ турецкій походъ, приказавъ генералу Стрелалову ускорить выѣздъ персидскаго посольства изъ Тифлиса. Сопровожденіе до Петербурга было возложено на генералъ-маіора барона Ренненкампа.

Передъ отъѣздомъ, Хосров-мирза сдѣлалъ прощальный визитъ графинѣ Паскевичъ, причемъ поднесъ ей двѣ прекрасныя шали, а сыну ея полное собраніе сочиненій персидскаго поэта Саади ¹⁾.

Изъ сопровождавшихъ принца, съ нимъ отправились въ Россію:

Эмир-низамъ Мамед-ханъ, начальникъ регулярныхъ войскъ. Онъ родился въ Кирманшахѣ и происходилъ изъ старинной фамиліи, уважаемой въ Персіи и извѣстной какъ своимъ богатствомъ, такъ и множествомъ каравансараевъ, построенныхъ по трактамъ кирманшахскому, испаганскому и тегеранскому. Мамед-ханъ скончался въ 1842 году.

Мирза-Салехъ, статс-секретарь Аббас-мирзы.

Мирза-Масудъ, секретарь и главный переводчикъ Аббас-мирзы. Онъ довольно свободно объяснялся по-французски.

Мирза-Таги, род. въ 1808 г., въ Фераханѣ, впоследствии извѣстный первый министръ при Наср-Эддин-шахѣ; убитъ въ 1852 г. въ Кашанѣ.

¹⁾ Графу Паскевичу и генераламъ Стрелалову и Раевскому подарены лошади.

Мирза-Мустафа-Авшаръ, сынъ Наср-Уллаха. Въ бытность мою въ 1853 году въ Персіи, онъ занималъ должность управляющаго дѣлами по сношенію съ иностранцами въ Адербейджанѣ.

Мирза-Баба, лейб-медикъ Хосров-мирзы; Хусейн-Али-бегъ, дядька принца; Мирза-Джафаръ, назыръ (интендантъ); Мирза-Багиръ; Фазыл-ханъ; Али-Ашреф-бегъ, сундукдаръ (хранитель имущества); Мирза-Ага, мушрифъ (контролеръ); Джафар-бегъ и Науруз-бегъ, пишхидметы (камер-юнкеры); 3 тюфенг-дара (лицо для посылокъ и исполненія порученій); секретный феррашъ (valet de pied); абдаръ (походный буфетчикъ); кехвечи (приготовляющій кофе и кальянтъ); брадобрѣй, поваръ, шербет-даръ (придворный кондитеръ); водовозъ, хлѣбникъ, французъ Семино и 14 служителей.

Кромѣ генералъ-маіора барона Ренненкампа, со стороны нашего правительства при посольствѣ находились: переводчикъ Шаумбургъ, поручикъ Визировъ, подпоручикъ Кашпаровъ, два фельдъегера, два казака и 5 человекъ прислуги.

II.

Выѣздъ изъ Тифлиса.—Владикавказъ.—Пребываніе въ Пятигорскѣ. — Ставрополь.—Новочеркасскъ. — Коломенское. — Торжественный въѣздъ въ Москву.—Посѣщеніе Хосров-мирзою матери Грибоѣдова.—Осмотръ московскихъ достопримѣчательностей.—Выѣздъ.—Царское село.—Петербургъ.

Было 23-е мая. Погода стояла пасмурная. Дождь, начавшійся съ утра, скоро обратился въ ливень и продолжался до вечера. Ровно въ 6 часовъ по-полудни, Хосров-мирза сѣлъ въ экипажъ и по Военно-грузинской дорогѣ направился въ Владикавказу. Переѣздъ этотъ совершился не безъ приключеній. Между Дарьяломъ и Ларсомъ, на дорогу выѣхала партія немирныхъ горцевъ, и можно себѣ представить страхъ, обуявшій персіянъ. Они до того потерялись, что едва не разбѣжались во всѣ стороны, еслибы только осуществить такое намѣреніе имъ не помѣшали мѣстность и собственные ихъ же вьюки, которыми была занята вся дорога. Скоро неприятель, однако же, былъ прогнанъ, и посольство благополучно достигло Владикавказа. Отсюда незначительная часть свиты возвратилась въ Тифлисъ, что особенно было приятно генералу Ренненкампу, такъ какъ избавляло его отъ лишнихъ хлопотъ и заботъ, неизбѣжныхъ при такой многочисленной свитѣ, осо-

бенно изъ персіанъ, вѣчно недовольныхъ и безмѣрно настойчивыхъ въ своихъ требованіяхъ. Въ этомъ смыслѣ особенно отличались Мирза-Салехъ и Мирза-Масудъ. То они высказывали недовольствіе противъ излишней спѣшности генерала Ренненкампа, торопившаго ихъ въ пути, то сѣтовали на недостаточность провизіи, то недовольствіе ихъ обращалось на неудобство помѣщенія,—словомъ, самая изысканная предупредительность оказывалась бессильною противъ изобрѣтательной придирчивости сыновъ благополучнаго Ирана. Что касается самого Хосров-мирзы, то онъ не только держалъ себя вдали отъ всякой притязательности, но, наединѣ съ генераломъ Ренненкампомъ, выражалъ ему искреннюю признательность за то, что онъ заставилъ эмир-низамъ выѣхать изъ Владикавказа, увѣряя его при этомъ, что, будучи чуждъ всякаго упорства и упрямства, онъ находится нерѣдко вынужденнымъ слѣдовать совѣтамъ эмира, причемъ постоянно долженъ скрывать истинныя свои намѣренія и желанія, которыя не всегда согласуются съ дѣлаемыми ему предложеніями.

Оставивъ 2-го іюня Владикавказъ, посольство въ 12-ти экипажахъ и 20-ти повозкахъ прослѣдовало черезъ Ардонскую станцію и, по присоединеніи къ нему около этого мѣста 40 чел. пѣхоты и 60 чел. казаковъ при 2-хъ орудіяхъ, а нѣсколько далѣе еще 40 чел. казаковъ при одномъ орудіи, направилось къ Урухскому реду, куда прибыло въ сопровожденіи выѣхавшаго на-встрѣчу полковника Кучука-Джанхотова и бывшихъ съ нимъ 300 кабардинцевъ.

Не доѣзжая Георгіевска, Хосров-мирза свернулъ на Пятигорскъ. Здѣсь его встрѣтилъ начальникъ кавказской линіи, ген.-отъ-кавалеріи Эмануель, принявшій принца съ подобающею его званію почестію въ гостинницѣ, гдѣ для него были отведены лучшія комнаты. Въ честь ему давали балы и собранія, и вообще дѣлали все, для доставленія ему пріятнаго развлеченія.

Осмотрѣвъ всѣ источники и заведенія, онъ нѣсколько разъ купался въ дождевыхъ ваннахъ (предоставленныхъ на это время въ распоряженіе посольства) и хвалилъ ихъ прекрасное устройство. Желая осмотрѣть все заслуживающее вниманія, Хосров-мирза всходилъ даже на вершину Машука, гдѣ впослѣдствіи, по распоряженію ген. Эмануеля, былъ построенъ архитекторомъ

Бернадацци монументъ, съ слѣдующею на немъ собственноручною надписью принца ¹⁾):

Добрая слава, оставляемая послѣ себя, лучше золотыхъ палатъ.

Любезный братъ! Миръ здѣшній не останется ни для кого;
Привяжись сердцемъ къ Создателю
И не полагайся на блага мірскія;
Ибо многихъ, подобныхъ тебѣ, Онъ сотворилъ и уничтожилъ.

Хосров-мирза, 1244 (1829) г.

Нынѣ не осталось и слѣдовъ памятника. (См. рисунокъ далѣе стр. 351).

Дальнѣйшій путь посольства лежалъ чрезъ Ставрополь и Новочеркасскъ. Торжественно принятый въ этомъ городѣ тогдашнимъ наказнымъ атаманомъ войска Донскаго, ген.-лейтенантомъ Кутейниковымъ, Хосров-мирза отказался, однако же, отъ всякихъ дальнѣйшихъ въ честь его овацій, такъ какъ пребываніе его въ Новочеркасскѣ совпало съ первыми днями мѣсяца мухаррема, во время котораго шитамаъ строго запрещены всякія увеселенія. У себя дома персіяне посвящаютъ его исключительно оплакиванію злосчастной участи любимаго ихъ имама Хусейна и его 72 сподвижниковъ и родственниковъ, что и послужило предметомъ тѣхъ религіозныхъ представленій, совершаемыхъ въ Персіи въ первые 10 дней мухаррема, которыя намъ напоминаютъ средневѣковыя христіанскія мистеріи запада или наши представленія при царевнѣ Софіи, происходившія подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго.

Но, удаляясь всякаго участія въ увеселеніяхъ, Хосров-мирза знакомился съ городомъ и, между прочимъ, посѣтилъ дѣвичій институтъ, восхищался игрою и танцами дѣвиць, изъ которыхъ одной даже сдѣлалъ подарокъ.

Не менѣе радушно принимали принца въ Воронежѣ (губернаторъ Адеркасъ) и во всѣхъ городахъ, лежавшихъ на пути слѣдованія его къ Москвѣ.

Въ Коломенскомъ Хосров-мирзу встрѣтилъ камергеръ Булгаковъ, а во дворцѣ, гдѣ онъ остановился, князь Юсуповъ. Пообѣ-

¹⁾ См. Ф. Конради: Разсужденіе объ искусственныхъ минеральныхъ водахъ, съ приобщеніемъ новѣйшихъ извѣстій о кавказскихъ минеральныхъ источникахъ. Спб. 1831, стр. 168—169.

давъ здѣсь, онъ отправился къ древней столицѣ. При самомъ въѣздѣ въ городъ (14-го іюля въ 6¹/₂ ч. по-полудни), послѣдовалъ залпъ изъ орудій. Выйдя изъ кареты, онъ принялъ отъ обер-полицеймейстера рапортъ о благосостояніи города, и затѣмъ началось торжественное шествіе принца по Москвѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

24 жандарма при офицерѣ, по два въ рядъ.

Взводъ жандармовъ съ обнаженными саблями.

Рота гренадеръ съ музыкой.

4 ѣздовыхъ верхами и 6 конюховъ.

8 заводныхъ лошадей въ богатомъ уборѣ.

Карета поручика Визирова и подпоручика Кашпарова.

Коляска и карета со свитою принца.

4 кареты, въ 6 лошадей цугомъ, для высшихъ сановниковъ посольства.

Карета ген. Ренненкампа, камергера Булгакова и переводчика Шаумбурга.

Взводъ жандармовъ при офицерѣ.

8 камер-лакеевъ, по 4 съ каждой стороны.

Карета принца, въ 6 лошадей цугомъ; по сторонамъ обер-полицеймейстеръ съ чинами полиціи и казаками; начальникъ взвода жандармовъ съ двумя жандармами и адъютантъ военнаго генералъ-губернатора.

Взводъ жандармовъ при офицерѣ и 60 казаковъ—замыкали шествіе.

На всемъ пути слѣдованія до Серпуховскихъ воротъ и далѣе, по Тверской, принцу были отдаваемы воинскія почести построеными въ этихъ мѣстахъ войсками, причѣмъ происходила пальба изъ орудій.

Поравнявшись съ домомъ ген.-губернатора, Хосров-мирза поручилъ переводчику Шаумбургу освѣдомиться о здоровьѣ князя Голицына и выразить ему желаніе скорѣйшаго свиданія. Чтобы не остаться въ долгу за такую любезность, князь тотчасъ же сошелъ въ принцу и въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ его за вниманіе.

Затѣмъ Хосров-мирза прослѣдовалъ въ дому графини Разумовской, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе. У подъѣзда стоялъ почетный караулъ; здѣсь же принца встрѣтили ко-

менданта города и гражданскій губернаторъ съ членами городского управления; при входѣ же во внутренніе покои — именитые московскіе купцы поднесли ему хлѣбъ-соль, а въ главной залѣ губернской и уѣздный предводители дворянства привѣтствовали его съ благополучнымъ прибытіемъ. Нѣсколько спустя прибылъ князь Голицынъ.

На слѣдующій день, у Хосров-мирзы былъ общій приемъ, а затѣмъ обѣдъ у ген.-губернатора.

Отдохнувъ отъ утомительнаго путешествія, Хосров-мирза прежде всего вспомнилъ о матери Грибоѣдова, несчастная судьба котораго вызвала его посольство. Скрывъ свое намѣреніе, онъ безъ всякаго предварительнаго извѣщенія отправился къ г-жѣ Грибоѣдовой, которая его встрѣтила, заливаясь горькими слезами. Глубоко тронутый ея несчастіемъ, принцъ въ самыхъ прочувствованныхъ словахъ выразилъ ей глубокую скорбь, которую причинила Фетх-Али-шаху и Аббас-мирзѣ смерть Александра Сергѣевича, причемъ употребилъ все стараніе утѣшить и успокоить ее въ невозвратной потерѣ единственнаго сына. Такое искреннее соболѣзнованіе къ положенію г-жи Грибоѣдовой, само собою разумѣется, сразу расположило москвичей въ пользу принца.

Слѣдующіе дни были посвящены осмотру достопримѣчательностей Москвы. Хосров-мирзу постоянно сопровождалъ кн. Юсуповъ. Въ оружейной палатѣ принца особенно заинтересовалъ матросскій костюмъ, который носилъ Петръ Великій въ Саардамѣ. Грубый матеріалъ и самый видъ наряда не могли не удивить сыновъ знойнаго Ирана, не умѣвшихъ согласовать такую вопіющую простоту съ величіемъ русскаго вѣнценосца. Когда же одинъ изъ членовъ посольской свиты, рассматривая костюмъ, заговорилъ, Хосров-мирза, бросивъ на него строгій взглядъ, замѣтилъ:

«Еслибы Петръ не носилъ этого костюма, русскіе не имѣли бы флота, и земля ихъ не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть».

17-го іюля Хосров-мирза посѣтилъ университетъ и вписалъ латинскими буквами свое имя въ особо-заведенную книгу для именитыхъ гостей. Вечеромъ того же дня, была устроена великолѣпная иллюминація на Тверской, которою принцъ, окруженный высшею аристократіей, долго любовался съ галлерей губернаторскаго дома. Было уже довольно поздно, когда онъ возвратился домой.

Около 20-го іюля посольство выѣхало въ Петербургъ, куда и прибыло послѣ непродолжительныхъ остановокъ въ Царскомъ селѣ и Петергофѣ ¹⁾, гдѣ тогда находилась императорская фамилія. Изъ Петергофа до Петербурга Хосров-мирза совершилъ переѣздъ на пароходѣ.

III.

Прибытіе въ Петербургъ.—Аудиенція въ Зимнемъ дворцѣ.—Вторая аудиенція.—Долгъ Персіи.—Обѣдъ въ Елагинскомъ дворцѣ.—Милости императора Николая Персіи.—Отпускная аудиенція.—Награды.—Выѣздъ.

Приемъ, ожидавшій Хосров-мирзу въ столицѣ, превзошелъ всякія ожиданія и ясно свидѣтельствовалъ, какъ легко мы прощаемъ всякія обиды и оскорбленія, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда ими затрогиваются національная честь и самолюбіе. Не вдаваясь во всѣ подробности пребыванія персидскаго посольства въ Петербургѣ, я упомяну здѣсь только о главныхъ обстоятельствахъ его миссіи.

Хосров-мирза прибылъ въ Петербургъ 4-го августа и тотчасъ же отправился въ приготовленный для него Таврическій дворецъ, славный въ нашихъ лѣтописяхъ блистательнымъ празднествомъ, устроеннымъ въ его стѣнахъ въ 1791 году княземъ Потемкинымъ въ честь обожаемой имъ государыни. По пути слѣдованія принцу были отдаваемы воинскія почести отъ выставленныхъ шпалерами 4-хъ эскадроновъ л.-гв. кавалергардскаго и 2-хъ баталіоновъ л.-гв. Семеновскаго и Павловскаго полковъ. При самомъ входѣ во внутренніе покои дворца, его встрѣтилъ обер-гофмаршалъ Нарышкинъ, а нѣскольکو спустя пріѣхалъ петербургскій ген.-губернаторъ поздравить его съ счастливымъ прибытіемъ въ столицу.

¹⁾ Въ Царскомъ селѣ Хосров-мирза былъ привѣтствованъ гр. Потемкинымъ и остановился во дворцѣ, а въ Петергофѣ помѣстился въ Монплезирѣ, гдѣ его поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ кн. Волконскій. Въ Петергофѣ же принцъ впервые познакомился съ графомъ Нессельроде.

Всворѣ по прибытіи Хосров-мирзы, возвратилась изъ Петергофа императорская фамилія, и послѣдовала торжественная аудиенція. Она была назначена на 12-е августа. Въ этотъ день обыкновенный караулъ во дворцѣ былъ умноженъ 3-мя баталіонами, изъ коихъ одинъ поставленъ предъ главною гауптвахтою на дворѣ, а другіе на площади, по обѣ стороны воротъ; въ сѣняхъ, на парадной лѣстницѣ и въ прихожихъ комнатахъ, начиная отъ передняго подъѣзда, съ большаго двора, до концертнаго зала, назначеннаго для камеры ожиданія, поставлены были шпалеры отъ л.-гв. коннаго и кавалергардскаго полковъ по 4 эскадрона; такой же шпалеръ—въ казачьей, арабесковой, бѣлой залѣ и портретной галлерей до кавалергардской комнаты. Въ георгиевской и тронной залахъ были помѣщены дворцовые гренадеры.

Ровно въ 10 часовъ утра, ген.-адъют., графъ Сухтеленъ, назначенный предводителемъ, отправился изъ Зимняго дворца въ посольскій домъ, гдѣ былъ встрѣченъ чиновниками посольской свиты, и въ первой комнатѣ самимъ Хосров-мирзою.

Послѣ обычнаго привѣтствія, они вышли изъ дворца; караулъ отдалъ честь съ музыкою, и шествіе открылось въ слѣдующемъ порядкѣ:

Дивизионъ конной гвардіи съ обнаженными палашами, штандартномъ, трубами и литаврами.

Унтер-шталмейстеръ съ 2 берейторами; за нимъ 12 заводныхъ дворцовыхъ лошадей въ богатомъ уборѣ, кои ведены были конюхами одна за другой.

Четыре дворцовыя кареты для персидскихъ чиновниковъ.

Шесть дворцовыхъ ѣздовыхъ верхами, за ними 4 скорохода съ тростями, 2 камер-лакея, и 24 лакея, по два въ рядъ, пѣшіе.

Дворцовая богатая карета, въ которой сидѣлъ Хосров-мирза, а противъ него гр. Сухтеленъ; по обѣимъ сторонамъ кареты 4 лакея пѣшіе; 2 камер-пажа и 4 кавалерійскихъ офицера верхами, и въ заключеніе

Дивизионъ кавалергардовъ.

При въѣздѣ посла на дворъ Зимняго дворца, стоявшій тамъ батальонъ отдалъ честь музыкой, и принцъ, при выходѣ изъ кареты, былъ встрѣченъ церемоніймейстеромъ, 2 камер-юнкерами, 2 камергерами и гофмейстеромъ; на верхней площадкѣ обер-це-

ремонтмейстеромъ, въ первой комнатѣ обер-гофмаршаломъ, проводившимъ его въ камеру ожиданія, гдѣ онъ былъ встрѣченъ обер-камергеромъ и обер-шенкомъ.

Послѣ нѣкотораго тамъ отдохновенія, во время котораго подавали кофе, десертъ и шербетъ, Хосров-мирза прослѣдовалъ въ георгіевскую тронную залу, гдѣ передъ трономъ стоялъ императоръ Николай, и находилась вся царская фамилія, министръ императорскаго двора, вице-канцлеръ, гр. Нессельроде, члены государственнаго совѣта, члены сената, генералитетъ, штаб- и обер-офицеры гвардіи, а вправо отъ трона — весь сухопутный и морской главный штабъ.

По лѣвой сторонѣ залы, противъ императорской фамиліи, помѣстился дипломатическій корпусъ, а за нимъ — дамы и гражданскіе чины первыхъ 4-хъ классовъ; армейскіе штаб- и обер-офицеры и всѣ прочіе, имѣющіе пріѣздъ ко двору, собрались въ бѣлой галлерей; наконецъ купечество размѣстилось въ большой мраморной и аван-залѣ.

Хосров-мирза самъ несъ шахскую грамоту. Вступивъ въ аудіенц-камеру, онъ сдѣлалъ первый поклонъ, посерединѣ — второй, гдѣ свита его остановилась на все время аудіенціи; затѣмъ, приблизясь на нѣсколько шаговъ къ государю, — третій поклонъ, послѣ котораго произнесъ слѣдующее:

«Могущественнѣйшій Государь Императоръ!

«Спокойствіе Персіи и священный союзъ между Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и великимъ обладателемъ Ирана, дражайшимъ моимъ повелителемъ и дѣдомъ, существующій, были противны духу зла. Сей воздвигъ въ Тегеранѣ толпу неистовую, совершившую въ началѣ текущаго года неслыханное злодѣяніе, жертвою коего сдѣлалась російская миссія. Таковое злополучное происшествіе покрыло глубокимъ мракомъ скорби весь нашъ домъ и всѣхъ его вѣрно-подданныхъ. Ужаснулось праведное сердце Фехт-Али-шаха при мысли, что горсть злодѣевъ можетъ привести въ разрыву мира и союза между его высочествомъ и великимъ монархомъ Россіи.

«Онъ повелѣлъ мнѣ, внуку своему, послѣзшитъ въ столицу сей державы. Онъ увѣренъ, что гласъ мой, гласъ правды, обратитъ на себя милостивое вниманіе Вашего Императорскаго Величества и

содѣляетъ незыблемою дружбу между двумя величайшими и могущественнѣйшими государями міра.

«О семъ мнѣ поручено именемъ могущественнаго моего повелителя просить Васъ, Великій Государь! Предайте вѣчному забвенію происшествіе, оскорбившее равно дворъ російскій, какъ и дворъ персидскій; пусть познаетъ вселенная, что, и при самомъ ужасномъ случаѣ, два мудрые монарха откровенно объяснились, и всѣ недоумѣнія, всѣ подозрѣнія—исчезли, всему положенъ конецъ вождельннѣйшій.

«Наконецъ я, избранный для ходатайства по сему важному обстоятельству, признаю себя достигшимъ высочайшаго счастья, удостоясь предстать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и, исполнивъ волю прародителя моего, утвердить навѣки доброе соглашеніе между двумя народами, коихъ само Провидѣніе ведетъ къ взаимной непоколебимой дружбѣ».

По переводѣ этой рѣчи, Хосров-мирза вручилъ государю императору шахскую грамоту, въ которой, между прочимъ, Фетх-Али-шахъ писалъ ¹⁾:

«.....Грибоѣдовъ присланъ былъ полномочнымъ министромъ отъ Російской державы, и былъ по сей причинѣ дорогимъ гостемъ нашего государства. Мы оказали ему такія почести и благорасположеніе, какихъ еще никого изъ посланниковъ не удостоивали; но враждебный рокъ судилъ ужасное происшествіе, коего описаніе стѣсняетъ сердце наше и исполняетъ насъ живѣйшею горестью. Всевѣдущему Богу извѣстно, сколько для насъ сіе происшествіе горестно и сколь оно насъ тронуло.

«Одинъ проникательный и блестящій умъ великаго Императора можетъ открыть намъ путь къ утѣшенію, успокоить сердце и свѣять пылъ сомнѣнія, покрывшую лицо наше. Конечно, Вашему Величеству извѣстно, что никакой благоразумный человекъ никогда не могъ покуситься на подобное дѣло. Милосердый Боже! Возможно ли подозрѣвать, чтобы наши визири и вельможи взяли участіе въ семъ ужасномъ происшествіи въ то самое время, когда новый счастливый миръ, источникъ радости и благополучія, вѣн-

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 750—752.

чалъ желанія обѣихъ державъ. Хотя драва между людьми посланника и чернью, столь внезапно возникшая, что невозможно было оказать никакой помощи,—была причиною сего ужаснаго происшествія, однако же правительство наше предъ вашими открыто пылью стыда, и лишь струя извиненія можетъ обмыть лицо онаго.

«Для приведенія къ благому концу сего ужаснаго дѣла и для испрошенія милостиваго прощенія, мы признали лучшимъ средствомъ отправить къ Вашему Величеству, съ симъ извинительнымъ письмомъ, возлюбленнаго внука нашего, эмир-задэ Хосров-мирзу, вмѣстѣ съ высокостепеннымъ Мамед-ханомъ, однимъ изъ приближеннѣйшихъ и почтеннѣйшихъ вельможъ нашего двора, начальникомъ всего регулярнаго нашего войска.

«Отъ обширнаго ума великаго нашего благопріятеля, украшающаго вселенную, зависѣть будетъ принять милостиво или отринуть извиненіе.....

«Пришла пора опять скрѣпить
Союзъ пріязни снисхожденъемъ—
И все минувшее затмить
Благотворительнымъ забвенъемъ».

(Саади).

Принявъ грамоту, государь передалъ ее гр. Нессельроде которій, положивъ ее на нарочно приготовленный столъ, отъ имени его величества отвѣчалъ:

«Его Императорское Величество повелѣваетъ мнѣ увѣрить ваше высочество въ томъ совершенномъ удовольствіи, съ коимъ онъ внималъ объясненіямъ вашимъ и изъявленію праведнаго сѣтованія отъ лица вашего государя. Движимый чувствами великодушными, его величество шахъ не могъ, конечно, безъ ужаса взирать на злодѣйство, имѣвшее цѣлью расторженіе дружескихъ связей между двумя державами, еще недавно примирившимися. Онъ ознаменовалъ сіе посольствомъ, вашимъ посольствомъ, долженствующимъ разсѣять всякую тѣнь, которая могла бы помрачить взаимныя сношенія Россіи съ Персією послѣ происшествія столь плачевнаго.

«Да будетъ сіе увѣреніе принесено вами его величеству шаху; да будетъ онъ убѣжденъ вами въ непоколебимой волѣ Его Им-

ператорскаго Величества всегда сохранить миръ и утверждать узы дружбы и сосѣдственнаго согласія, благополучно возобновленныя въ Туркмен-чаѣ.

«Избраніе вашего высочества для сихъ изъясненій крайне пріятно Государю Императору. Вы благоводите въ семь удостовѣряться тѣми чувствами, кои теперь изъявлены мною отъ имени Всемилостивѣйшаго моего Государя».

По выслушаніи этого отвѣта, его величество, взявъ Хосров-мирзу за руку, произнесъ:

«Я предаю вѣчному забвенію злополучное тегеранское происшествіе».

За сямъ принцъ удостоился кратковременнаго разговора съ государемъ императоромъ въ особой комнатѣ, гдѣ всѣ сановники посольства тогда же были чрезъ него представлены его величеству. На этой приватной аудіенціи его величество замѣтилъ Хосров-мирзѣ негодование свое противъ двуличной политики персіянъ, позволившей имъ, въ самое время отправления къ намъ его — Хосров-мирзы, производить въ Константинополѣ переговоры съ врагами нашими.

По выходѣ отъ государя, Хосров-мирза былъ приглашенъ въ малую тронную, гдѣ государыня стояла предъ послѣднею ступенью, статс-дамы и фрейлины по правую, а чины двора по лѣвую сторону трона. Вступивъ въ залу и сдѣлавъ три поклона, Хосров-мирза произнесъ:

«Я горжусь и считаю себя счастливейшимъ, что изъ числа персидскихъ принцевъ на мою долю выпало сдѣлаться извѣстнымъ Вашему Величеству и передать Вамъ, монархиня, все то уваженіе, которое его высочество шахъ питаетъ къ высочайшей особѣ вашей, какъ къ существу добродѣтельнѣйшему».

— Прибытіе вашего высочества въ русскую столицу, отвѣчала государыня, — послужило къ истинному моему удовольствію. Я радуюсь неизмѣнной дружбѣ Его Величества Императора, моего любезнѣйшаго супруга, къ царствующему въ Персіи дому. Передайте его высочеству шаху мой привѣтъ.

Съ представленіемъ Хосров-мирзы и его свиты наслѣднику окончилась аудіенція, продолжавшаяся всего два часа.

Возвращеніе посольства въ Таврическій дворецъ совершилось тѣмъ же порядкомъ.

На слѣдующій день, Хосров-мирза имѣлъ частную аудіенцію въ Елагинскомъ дворцѣ, на которой онъ главнымъ образомъ просилъ о сложеніи съ Персіи оставшихся неуплоченными двухъ куруровъ ¹⁾ контрибуціи, условленныхъ въ Турьмен-чай. На такое ходатайство ему было отвѣчено черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, что Россія, послѣ тегеранскаго событія, безъ того показала уже довольно умѣренности, что теперь, когда объясненія по означенному случаю едва приведены къ благополучному концу, не время думать о новыхъ снисхожденіяхъ; со всѣмъ тѣмъ, въ доказательство искренняго желанія не стѣснять персидское правительство, государь императоръ соизволяетъ отсрочить уплату означенныхъ куруровъ еще на 5 лѣтъ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло о долгѣ Персіи, когда получены были письма вв. Н. А. Долгорукова, изъ которыхъ императоръ Николай съ удовольствіемъ извѣстился о мѣрахъ, принятыхъ въ Тегеранѣ для наказанія возмутителей, умертвившихъ нашу миссію. Не менѣе пріятно было видѣть постоянное, искреннее расположеніе къ намъ Аббас-мирзы. Въ уваженіе этого, а также и настойчивой слезной мольбы Хосров-мирзы, государь подарилъ Персіи одинъ куруръ, а уплату послѣдняго отсрочилъ на 5 лѣтъ.

Прошло около полуторы недѣли, послѣ аудіенціи 13-го августа, посвященныхъ визитамъ и разнаго рода удовольствіямъ личной жизни, и—какъ сровъ этотъ ни былъ кратокъ, но Хосров-мирза уже успѣлъ обратить на себя общее вниманіе и сдѣлаться любимцемъ всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ столкновеніе.

24-го августа онъ съ эмир-низамомъ, Мирза-Масудомъ и Мирза-Салехомъ, удостоился приглашенія къ высочайшему столу въ Елагинскій дворецъ. Явившись туда, гости представились ихъ величествамъ, причемъ Хосров-мирза поцѣловалъ руку государыни.

Разговоръ начался съ замѣчанія государя императора принцу: «Я слышалъ, что на вчерашнемъ концертѣ одна изъ здѣшнихъ красавицъ поразила твое сердце стрѣлою».

— Обстоятельство это, отвѣчалъ Хосров-мирза, — сообщено

¹⁾ Куруръ—2.000,000 р. с.

вашему величеству, вѣроятно, гр. Сухтеленю, но онъ передалъ его неполнѣ точно. Между нами была только рѣчь о глазахъ и бровяхъ, и я объяснилъ графу, что наши поэты сравниваютъ ихъ съ лукомъ и стрѣлою.

Перейдя въ сосѣднюю комнату, принцъ встрѣтилъ, между собравшимися въ ней лицами, нѣкоторыхъ знакомыхъ. Въ числѣ ихъ были дамы. Но едва только онъ успѣлъ сказать съ ними нѣсколько словъ, какъ къ нему обратился государь:

— Ты все привѣтствуешь старухъ, и не обращаешь вниманія на дѣвицъ, съ которыми ты также знакомишься.

Принцъ обратился къ дѣвицамъ.

Нѣсколько минутъ спустя пошли къ столу. Хосров-мирза сѣлъ по лѣвую сторону государя, а Мирза-Масудъ, въ качествѣ переводчика, противъ его величества. Кушанья подавались въ одно время государю и принцу ¹⁾).

Впродолженіе всего обѣда шла полная оживленная бесѣда, дышавшая тѣмъ высокимъ вниманіемъ государя къ гостю, которое не могло не оставить самаго глубокаго впечатлѣнія въ юномъ сердцѣ Хосров-мирзы. Не знаю, быть можетъ, мое предположеніе есть простая гипотеза, но позволяю себѣ думать, что именно расположеніе императора Николая и всего высшаго нашего общества къ принцу—послужило поводомъ къ тѣмъ свѣтлымъ, хотя и неосновательнымъ, расчетамъ его на Россію, которыми онъ обусловилъ образъ своихъ будущихъ дѣйствій, подготовившихъ ему безповоротно-грустное паденіе.

Но не однѣми милостями, лично обращенными къ Хосров-мирзѣ, государь думалъ скрѣпить дружескія отношенія Россіи къ Персіи. Желая послѣ торжественнаго оправданія, принесеннаго принцемъ отъ имени шаха, уничтожить немедленно всѣ опасенія, какія могли существовать въ умѣ сего монарха на счетъ нашихъ видовъ, онъ приказалъ, не дожидаясь отъѣзда персидскаго посольства изъ столицы, препроводить къ Фетх-Али-шаху отвѣтную дружественную грамоту.

¹⁾ Во второй разъ принцъ былъ приглашенъ къ высочайшему столу въ Царскомъ селѣ.

Кромѣ того Персіи, какъ мы упомянули выше, былъ прощенъ одинъ изъ куруровъ, слѣдовавшихъ намъ по Туремен-чайскому трактату.

Но, удовлетворяя главнымъ домогательствамъ Хосров-мирзы, ему было оказано снисхожденіе и въ просьбахъ второстепенной важности. Такъ, напримѣръ, Персіи было дозволено запастись изъ російскихъ владѣній сукномъ для войскъ, кожевеннымъ товаромъ, кремнями, ядрами, холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Братъ Мирза-Бабы, врача принца, былъ принятъ на воспитаніе въ горный корпусъ.

Наконецъ, на отпускнуой аудіенціи, бывшей 6-го октября, посольство испытало новыя монаршія щедроты. Хосров-мирзѣ былъ пожалованъ, вмѣсто ордена, брилліантовый орелъ, для ношенія на шеѣ, на голубой лентѣ, и брилліантовое перо съ изумрудами, а эмир-визаму богатый кинжалъ, украшенный драгоцѣнными камнями, и орденъ Бѣлаго Орла; кромѣ того даны перстни:

Мирза-Масуду въ	6,400 р.
Мирза-Салеху	5,100 »
Мирза-Бабѣ	3,900 »
Хусейн-Али-беку.	1,000 »
Физил-хану	800 »

Денегъ подарено нѣкоторымъ лицамъ свиты 6,000 червонцевъ.

Разныхъ матерій и мѣховъ Хосров-мирзѣ и его свитѣ на 23,864 р. 75 к.

Стекланныхъ, граненыхъ и золоченыхъ вещей поднесено принцу и его свитѣ, при посѣщеніи императорскаго стекляннаго завода, на 11,702 » 50 .

Фарфоровыхъ вещей, при посѣщеніи императорскаго завода, на 18,303 » —

Всего на . . . 89,100 р. 25 к.

Французу Семино пожалованъ орденъ св. Владимира 4-й степени и секретный пенсіонъ въ 120 червонцевъ въ годъ.

Затѣмъ государь императоръ, не желая оставить безъ особеннаго знака своего вниманія полезное содѣйствіе Казвинскаго

принца Али-Наги-мирзы и каймакама Мирза-Абуль-Касима, при изгнаніи изъ Тегерана бунтовщиковъ, виновныхъ въ умерщвленіи нашей миссіи,—пожаловалъ: первому—бриллиантовый перстень съ своимъ портретомъ при особомъ рескриптѣ, а второму—орденъ Бѣлаго Орла; министру же Кавказскаго принца—бриллиантовый перстень съ своимъ вензелемъ¹⁾.

Послѣ аудіенціи 6-го октября, Хосров-мирза остался въ Петербургѣ еще 12 дней. Время это было посвящено прощальнымъ визитамъ и сборамъ въ отъѣздъ, который былъ назначенъ на 18-е число.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памятникъ на Машукѣ, въ воспоминаніе пребыванія Хосров-мирзы въ Пятигорскѣ.

Въ іюні 1829-го года.

¹⁾ Гер

тельность и искусство во долж
) высочайшаго одобренія, был
зерка, украшенная алмазами съ

Портретъ Хосров-мирзы,

Персидскаго принца.

Сообщенный нами при этой книгѣ «Русской Старины» портретъ Хосров-мирзы гравированъ на деревѣ въ Берлинѣ, при содѣйствіи извѣстнаго г. Брема.

Подлинникъ подаренъ мнѣ старымъ пріятелемъ моимъ Мирзо-Махмуд-ханомъ—персидскимъ генеральнымъ консуломъ въ Тифлисѣ и роднымъ братомъ нынѣшняго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ, Мирзы-Асад-Улихъ-хана.

Ад. П. Верше.

ВОСПОМИНАНІЯ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГОЛЫШЕВА.

III¹⁾.

Покупка земли.—Земскія власти и гѣлесныя наказанія.—Упраздненіе школы.—Дѣло о литографіи.—Основаніе братства.—Мои первыя изданія.—А. И. Артемьевъ.—Археологическій съѣздъ.—Старанія объ увольненіи изъ крестьянскаго общества.—Неудовольствія съ отцомъ.—Почетное гражданство.—Неистовства отца и судебное вмѣшательство.—Смерть отца.—Мои труды и пожалованныя мнѣ награды.—Заключеніе.

1864—1878.

Въ 1864 году отца моего съ должности старшины всетаки смѣстили; какъ онъ ни добивался, но выборъ большинствомъ шаровъ палъ на другаго, а на отца сдѣлали начеть въ растратѣ 1,652 руб. 11¹/₂ коп. общественныхъ денегъ, чрезъ что завязалось опять большее тяжёлое дѣло. Въ это время сосѣдь мой, помѣщикъ, изъявилъ согласіе продать мнѣ землю—остатокъ въ 13 десятинъ 1,800 сажень, за надѣломъ крестьянъ, рядомъ съ сл. Мстерою. Я употребилъ всё старанія, чтобы пріобрѣсти участокъ, и объяснилъ ему, что выстрою тутъ домъ, такъ какъ во Мстерѣ нашъ домъ былъ старъ и плохъ, и переселюсь сюда, окончательно вышедъ изъ общества. Соображенія эти были вѣрны. Положеніемъ 19-го февраля о выходѣ крестьянъ изъ общества—установлялось, чтобы крестьянинъ для этого пріобрѣталъ въ собственность землю, равняющуюся тремъ душевымъ надѣламъ²⁾. Помѣщикъ согласился; я поѣхалъ къ нему въ Москву, гдѣ онъ временно находился,—заплатилъ деньги 650 руб. и запродажную записъ сдѣлалъ на имя отца. Когда же помѣщикъ замѣтилъ—почему

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 763—772.

²⁾ Въ слободѣ Мстерѣ надѣлъ земли составляетъ 1,800¹/₂ сажень на ревизскую душу, и этотъ участокъ не втрое, а даже въ 18 разъ болѣе существующаго въ оной надѣла.

И. Г.

я такъ дѣлаю, я сказалъ, что это все-равно, не воображая и не подозрѣвая, что жизнь съ ея обстоятельствами можетъ измѣниться. Когда совершалась купчая крѣпость въ г. Вязникахъ, гдѣ мы были оба съ отцомъ моимъ, то онъ, во избѣжаніе платежа начета мірскихъ денегъ, пожелалъ, дабы не отбили эту землю, крѣпостной актъ сдѣлать на мое имя, чѣмъ былъ очень доволенъ помѣщикъ. Вскорѣ построили мы на этомъ участкѣ и домъ, куда я перешелъ жить, переведа сюда же и литографію, и книжную торговлю, такъ какъ здѣсь было болѣе удобствъ. Общество избрало-было меня въ какую-то должность учетчика, но я всѣми силами отъ этого отдѣлался. Мнѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ общественныя дѣла, и въ этомъ мнѣ посодѣйствовалъ предводитель дворянства. Мнѣ крайне была непріятна служба отца и его частыя столкновенія: я боялся, что и мнѣ придется имѣть много непріятностей, такъ какъ, за принятіемъ первой должности, неминуемо послѣдуютъ другія, а у меня всетаки была одна затаенная мысль, одно желаніе: выйдти, какъ-нибудь изъ общества. Въ 1865 году, по представленію губернатора А. П. Самсонова, за труды по статистическому комитету, мнѣ пожалована была серебряная медаль на шею на станиславской лентѣ. Я былъ весьма радъ этой высочайшей наградѣ, ибо она освобождала меня отъ тѣлеснаго наказанія. У насъ много было примѣровъ по разнымъ крестьянскимъ мѣстечкамъ, что крестьяне, преслѣдуя кого-либо изъ своихъ собратьевъ, приписывали какую-нибудь вину, а затѣмъ, по приговору волостнаго суда, наказывали его розгами ¹⁾, чтобы оконча-

¹⁾ Газетныя извѣстія о подобныхъ случаяхъ появлялись въ то время довольно часто. Уже въ 1868 году, въ Рязанской губерніи, крестьянинъ И. М. Горшковъ, молодой человекъ, губернской и уѣздной земскій гласный, членъ ревизіонной комисіи и членъ комисіи по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, дававшій много мнѣній по народному образованію, которыя печатались въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія—по приговору волостнаго суда, претерпѣлъ позорное тѣлесное наказаніе розгами («Сынъ Отеч.», № 43, 1868 г.). Въ томъ же 1868 году былъ и со мной небольшою случай, описанный корреспондентомъ Доброхотовымъ: «Низшія инстанціи доходятъ въ своемъ сибаритизмѣ просто даже до безобразія. Вотъ тому и примѣръ: недалеко отъ Вязниковъ проживаетъ нѣкто ***, состоящій членомъ-сотрудникомъ императорскаго русскаго географическаго общества, таковымъ же вольнаго экономическаго, московскаго археологическаго и дѣйствительнымъ членомъ мѣстнаго статистическаго комитета,—лицо, осчастливленное милостями почти всего царствующаго дома,—лицо, заявившее себя въ ученой литературѣ многими почтенными трудами.... Недавно этотъ господинъ былъ почти при смерти, и въ такомъ опасномъ состояніи получаетъ отъ сотскаго слѣдующій приказъ: «Сотскому NN. Предписывается тебѣ, съ полученія сего, немедленно выслать *** въ стапъ канцеляріи моеи, въ г. Вязники. Приставъ N». Неправда ли, огромнымъ

тельно оповорить и зашплатить человѣка. Хотя лично у меня и не было никогда и никакихъ дѣлъ съ волостнымъ правленіемъ, но страхъ всетаки не оставлялъ меня въ покоѣ, и я съ негодованіемъ и возмущеніемъ читалъ въ газетахъ о разныхъ прискорбныхъ въ этомъ родѣ случаяхъ. По выходѣ отца изъ службъ, и мои начинанія—воскресная школа съ бібліотекой—стали, къ сожалѣнію моему, упадать. Ученики подвергались насмѣшкамъ, часто не находили сторожа, особенно въ зимнее время, отпереть зданіе, и, простоявъ по-пусту, должны были возвращаться домой. Отъ мѣстнаго новаго начальства, непріязненнаго къ отцу, не только не было поддержки, но, напротивъ, оно преслѣдовало эти учрежденія. Послѣ пятилѣтнихъ трудовъ, не видя никакой общественной или другой поддержки и помощи, я вынужденъ былъ оставить школьныя занятія. Одну часть бібліотеки пожертвовалъ въ училище, а другую во вновь учрежденную благотворительскую бібліотеку.

Въ концѣ 1865 года, мнѣ снова пришлось пробыть около мѣсяца въ С.-Петербургѣ, по случаю закрытія литографіи и книготорговли. Причиною этого непріятнаго обстоятельства было то, что, 6-го апрѣля того же года, вышелъ новый законъ о печати, и послѣдовалъ особый циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ воспрещалась, по недостаточности полицейскаго надзора, выдача дозволеній на подобное производство въ селеніяхъ. Губернаторъ у насъ былъ новый, а дѣла этого рода производились тогда въ губерискомъ правленіи. Въ силу такого распоряженія, дозволеніе на книжную торговлю мнѣ не было выдано, а мѣстныя власти, воспользовавшись этимъ случаемъ, запретили не только торговлю книгами, но и литографію, существовавшую съ дозволенія министра ¹⁾.

уваженіемъ пользуются у станovýchъ приставовъ наши мужи науки? А дѣло, по которому онъ требовался къ становому — было ни болѣе ни менѣе какъ объявленіе рѣшенія какого-то мѣста по его торговымъ дѣламъ.... Это дѣйствительно было вѣрно: за самымъ пустымъ дѣломъ требовали чуть не силой, въ серьезно-большомъ положеніи, во время дурной осенней погоды, на 22 версты, — только для того, чтобы росписаться въ прочтеніи бумаги, — распоряженія по дѣламъ книжной торговли, которое не было срочнымъ, и тотъ же ставовой послѣ, въ свой пріѣздъ, объявилъ эту бумагу; а это просто была грубая придирка.

¹⁾ Довольно странное было опредѣленіе, по этому дѣлу, губерискаго правленія: «Такъ какъ литографія существуетъ съ разрѣшенія министра, то нѣтъ основанія прекращать производства работъ, а свидѣтельство на торговлю произведеніями печати не можетъ быть выдано». Въ примѣненіи къ дѣлу вышло: печатая сколько угодно, но продавать нельзя; книжная торговля существуетъ вмѣстѣ съ литографичнымъ производствомъ народныхъ картинъ — и потому одно безъ другаго и существовать не могли.

И. Г.

По прїѣздѣ въ С.-Петербургъ, я самое-первое отправился къ В. П. Безобразову—моему покровителю, который, какъ и всегда, и въ этомъ случаѣ принялъ во мнѣ самое живое участіе. Просьба моя отъ г. министра перешла въ главное управленіе по дѣламъ печати; здѣсь потребовалось поручительство извѣстныхъ лицъ за мою благонадежность, что и было представлено. Затѣмъ послѣдовало разрѣшеніе на открытіе какъ литографіи, такъ и книжной торговли ¹⁾. При этомъ литографическое заведеніе и книготорговля перешли сами собой на мое имя. Въ С.-Петербургѣ я съ особеннымъ удовольствіемъ посѣтилъ одно изъ засѣданій географическаго общества: видѣлся съ нѣкоторыми учеными, и былъ принятъ вообще съ большою благосклонностію. Тогда-же мнѣ удалось оказать немаловажную услугу и отцу. Когда его смѣнили съ должности старшины, я замѣтилъ въ немъ большую перемену: онъ постоянно былъ золъ, злился на все, хандрилъ... Надобно было предоставить ему какую-либо власть или занятіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и семейныхъ. Въ газетахъ вычиталъ я, обнародованныя 8-го мая 1864-года, основныя правила для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ, и, въ годъ выштія его изъ должности, придумалъ отъ имени его основать православное братство, составилъ уставъ, который и былъ утвержденъ; отецъ былъ попечителемъ, я — дѣлопроизводителемъ; восхваляя въ печати достоинства и усердіе отца, описывая дѣятельность братства; тоже самое я дѣлалъ и во время его службы старшиной. Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, мнѣ представился случай, по рекомендаціи особенно А. П. Самсонова, быть у секретаря ея величества государыни императрицы, П. А. Морица. Я представилъ ему описаніе Мстеры, съ литографированными рисунками, и просилъ оказать покровительство учрежденному братству. По докладу П. А. Морица, Государыня Императрица соизволила пожертвовать 150 руб. Впослѣдствіи присылки денежныхъ и книгами были почти ежегодно; къ не-

¹⁾ Когда было получено распоряженіе изъ С.-Петербурга, и я былъ, по возвращеніи, у губернатора—онъ мнѣ говорилъ, что ему было по совѣсти крайне непріятно прекращеніе моего производства но онъ самъ ничего не могъ сдѣлать. Губернаторомъ былъ П. А. Шатохинъ, который, чрезъ недолгое время губернаторства во Владимірѣ, застрѣлился въ Москвѣ, послѣ того какъ мнѣ въ видѣ исключенія, при особыхъ и высокихъ поручахъ въ благонадежности, при данномъ поручительствѣ, подписанномъ: академикомъ, дѣйств. статск. совѣт. В. П. Безобразовымъ, генералъ-лейт. А. П. Самсоновымъ (бывшимъ владимір. губернаторомъ), дѣйств. статск. совѣт. П. П. Семеновымъ, В. К. Ржевскимъ и В. Я. Фуксомъ, дано было дозволеніе. Мнѣ памятно также участіе въ этомъ дѣлѣ императорскаго географическаго общества: оно отзывалось обо мнѣ весьма лестно. И. Г.

счастію, въ нашемъ братствѣ возникали распри и непріятности, столкновения съ мѣстнымъ начальствомъ, духовенствомъ, и т. д.; завелась масса дѣлъ, по странной привычкѣ отца къ дѣламъ и бумагамъ ¹⁾. Черезъ пять лѣтъ, проведенныхъ мною въ качествѣ писмоводителя, я отказался отъ дальнѣйшаго участія. При всемъ томъ, отцу моему по этому учрежденію пожалованы были двѣ серебряныя медали для ношенія на груди. Отцу крайне было непріятно, что я прекратилъ заниматься дѣлами братства, и къ этому времени имѣлъ награды за свои литературныя труды болѣе, нежели онъ. Хотя отецъ потому и сдѣлался церковнымъ старостой, но мои успѣхи возбуждали въ немъ чувство зависти. Я вошелъ въ частыя сношенія съ учеными обществами; предпринималъ съ научной цѣлью нѣкоторыя отдѣльныя изданія, перепечатывалъ изъ владимірскихъ изданій статьи въ отдѣльныя книжки и брошюры, и за это имѣлъ счастіе удостоиваться благодарностей и подарковъ отъ высочайшихъ особъ царствующаго дома и ученыхъ лицъ. Все это поощряло и радовало меня, побуждая къ дальнѣйшимъ трудамъ. Составленное мною исподволь, въ продолженіе 2—3 лѣтъ, изданіе древностей Богоявленской церкви, съ 20-ю рисунками, встрѣчено было съ особеннымъ участіемъ любителями отечественной старины. Древніе предметы, собираемые мною, я разсматривалъ въ музеи обществъ, руководствуясь тою мыслию, что большую коллекцію я не соберу, да она здѣсь и ни къ чему, а приношенія мои сохранятся въ музеяхъ и останутся какъ память обо мнѣ. Любовь къ старинѣ возрастала; я ничего не упускалъ изъ виду.

Въ 1866 году, меня избрали въ члены-корреспонденты московскаго археологическаго общества; въ 1867 году, у меня началась переписка съ покойнымъ А. И. Артемьевымъ, продолжавшаяся до самой его кончины. Его помощь и совѣты для меня незабвенны ²⁾. Въ 1869 году, я познакомился съ нимъ на первомъ московскомъ археологическомъ съѣздѣ, на выставкѣ котораго были многіе мои старинные предметы, подаренные въ музеи владимір. статист. комитета и москов. археологич. общества. На съѣздѣ я пробылъ около двухъ не-

¹⁾ До чего сильна была въ отцѣ страсть къ письменнымъ дѣламъ! Въ 1874 г., при общемъ пожарѣ, сгорѣлъ его старый домъ, имущество же было спасено все. У меня находился въ то время въ гостяхъ К. Н. Тихонравовъ; мы пошли навѣстить отца и пригласить къ себѣ. Застаемъ его за разборкою дѣлъ. «Слава Богу, все спасено! Я привожу въ порядокъ бумаги»—сказалъ онъ. Дѣйствительно, послѣ него остался цѣлый архивъ; но, впрочемъ, очень мало интереснаго, а болѣе всего судебныя дѣла, и пререканія съ раскольниками.

²⁾ Воспоминаніе о А. И. Артемьевѣ и его со мной переписка помѣщены въ изданіи «Древняя и Новая Россія» 1875 г., № 9, стр. 82. И. Г.

дѣлъ, и онъ остался для меня чрезвычайно памятнымъ. Съ чувствомъ особенной любознательности слушалъ я рѣчи ученыхъ, съ особеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ старинные предметы выставки. Съѣздъ этотъ мнѣ представлялся какъ бы цѣлымъ рядомъ лекцій для изучающихъ и вообще занимающихся археологіей. Намъ съ К. Н. Тихонравовымъ¹⁾ вздумалось, въ воспоминаніе о съѣздѣ, сняться на фотографіи вдвоемъ. Когда дѣло дошло до поднесенія графу А. С. Уварову альбома съ портретами членовъ съѣзда, и мы отдали такую карточку, то насъ и назвали тогда «владимірскими близнецами». Хотя, во время этого съѣзда, я не участвовалъ на разныхъ припешствахъ, обѣдахъ и вечерахъ, устраиваемыхъ для членовъ—сильныхъ міра сего, но онъ оставилъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе, а бронзовая медаль въ память этого съѣзда сохраняетъ дорогое воспоминаніе. Наконецъ время приближалось. За десять лѣтъ моего участія въ статистическомъ комитетѣ, губернаторъ, ген.-лейт. В. Н. Струковъ, за мои труды меня любилъ. Я не пропускалъ ни одного засѣданія и собранія статистическаго комитета, пріѣзжалъ съ любовью на нихъ, читалъ свои статьи, привозилъ этнографическіе, промышленные и старинные предметы, которые съ большимъ любопытствомъ разсматривались членами, и по нимъ я дѣлалъ нужныя объясненія. Въмѣсто всякихъ наградъ, я просилъ, нельзя ли исходатайствовать мнѣ освобожденіе изъ крестьянъ; тѣмъ болѣе, что поговаривали выбрать меня въ общественную должность, въ званіе старшины²⁾. Возможность испол-

¹⁾ На археологическомъ съѣздѣ изъ Владимірской губерніи были три лица: изъ Владиміра К. Н. Тихонравовъ и архитекторъ Н. А. Артлебенъ, а изъ крестьянскаго сословія вообще былъ только я одинъ.

²⁾ Изъ общественныхъ должностей, по просьбѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ, въ 1876 году, я участвовалъ лишь въ дѣлахъ земства, и избранъ былъ уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ гласнымъ. Къ сожалѣнію, я видѣлъ, въ три года, одинъ наверхъ и безошадныя хищенія изъ народныхъ денегъ, что производило неострадное впечатлѣніе. По земству мной представлено было нѣсколько проектовъ, которые напечатаны въ журналахъ собранія: о мѣрахъ прекращенія пожаровъ, о льготахъ для офеней по торговлѣ, объ улучшеніи ночныхъ карауловъ по селеніямъ, объ учреженіи рисовальныхъ классовъ въ мѣстностяхъ иконописной промышленности, объ улучшеніи народныхъ училищъ прибавкой содержанія учителей. Последний докладъ какъ-то прошелъ съ успѣхомъ, и учителямъ, вмѣсто 180 р. въ годъ, жалованье возвышено на 250 руб.; другіе же доклады прошли почти безслѣдно: заправляющіе земствомъ не любятъ у насъ, если имъ указываютъ что нужно сдѣлать; не любятъ, если починъ, хотя и добраго дѣла, принадлежитъ не имъ; не терпятъ, если имъ внушаютъ, и—на собраніяхъ, особенно уѣздныхъ, достаточно двухъ-трехъ словъ какого-либо служащаго воротилы-земца, не согласиться съ предложеніемъ—и не спросятъ другихъ гласныхъ, какъ уже услышите произнесеніе: «собраніе постановило...»—тѣмъ и кончается вопросъ.

ненія, какъ я думалъ, состояла въ томъ, что, по прошествіи девяти лѣтъ со времени уничтоженія крѣпостнаго права, я, какъ живущій на своей усадьбѣ, могъ бы получить увольнительное свидѣтельство; затѣмъ приписаться на-время въ мѣщане, а потомъ удостоиться званія личнаго почетнаго гражданина, по примѣру шуйскаго мѣщанина, В. А. Борисова, который за многолѣтніе труды въ 1858 году, по этому же комитету, былъ возведенъ въ это званіе. Ходатайствовать о переходѣ моемъ въ почетное гражданство было тѣмъ затруднительнѣе, что право это предоставлялось лишь городскому сословію, но не крестьянскому. Одна статья «въ положеніи о крестьянахъ» дѣлала мнѣ сильнѣйшій тормазъ и приводила въ отчаяніе. По приѣздѣ изъ Владиміра, послѣ годичнаго собранія статистическаго комитета, я сообщилъ отцу о моемъ предположеніи и о намѣреніи перечислиться въ городское сословіе. Надобно замѣтить, что уже до этого случая отецъ мой началъ меня преслѣдовать, за мои усиленные умственные занятія. Исполдволь, мало по малу, изъ моего магазина онъ сталъ переводить торговлю къ себѣ въ домъ, потомъ сталъ обирать арендныя деньги съ доходовъ на моей землѣ, возвышенныхъ мною до 300 руб. въ годъ; денегъ мнѣ не давалъ, часто дрался.... Въмѣсто прежней любви ко мнѣ, онъ выказывалъ ненависть; дѣлалъ самыя злыя насмѣшки, упрекалъ меня, что я ничего не дѣлаю и не работаю въ заведеніи, какъ чернорабочій; живу бариномъ: въ ученую знать пустился, и проч., и проч. Я часто плакалъ; темныя мысли бродили въ головѣ; исхода не предвидѣлось. Тяжела была моя семейная обстановка. Мои сестры пользовались слабостью отца, его любовью слушать всевозможныя сплетни, наговаривали ему на меня и подливали масла на огонь. Отецъ, вслѣдствіе наговоровъ, выказывалъ все болѣе и болѣе суровости и ярости ко мнѣ. Когда я попросилъ его согласія на мое увольненіе изъ общества, онъ на-отрѣзъ отказалъ, объявивъ, что дастъ согласіе только въ томъ случаѣ, если я подишу ему купленную землю¹⁾. Я понялъ, что

¹⁾ Много было тогда случаевъ, что родители, не давая своего согласія на увольненіе изъ общества, обязывали дѣтей большими требованіями, хотя бы сынъ былъ вполнѣ послушенъ и преданъ родителямъ, и послѣдніе имѣли хорошія средства. Я знаю, въ одномъ сосѣднемъ селѣ, одинъ молодой человекъ, который хорошо служилъ въ Сибири, пожелалъ перечислиться туда; отецъ сначала на все изъявилъ согласіе, но, когда сынъ началъ объ этомъ хлопотать, и все было готово, оставалось лишь получить увольнительное свидѣтельство, тогда отецъ его объяснилъ свое требованіе, чтобы онъ далъ ему 2,000 руб. Сынъ какъ-то закабалилъ себя, досталъ эти деньги, отдалъ отцу, былъ уволенъ изъ общества, перечислился въ Сибирь, но недолго прожилъ отъ такого потрясенія и—умеръ. Въ г. Шуѣ, купеческій сынъ П. И. Гундобинъ (умеръ 35 лѣтъ, 3-го марта 1871 г.) состоялъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ и владимірскаго статистическаго комитета, занимался разными изслѣдованіями, и приносилъ въ даръ музеямъ

онъ хочетъ оставить меня ни съ чѣмъ, или просто прогнать безъ ничего. Я вооружился терпѣніемъ до незабвеннаго мнѣ 1871 года. К. Н. Тихонравовъ, въ моей печальной обстановкѣ, утѣшалъ меня и обнадеживалъ.

Родительскія гоненія усилились. За всякой копѣйкой я долженъ былъ униженно обращаться къ отцу, улучая минуты, когда это сдѣлать. Сапожнику-ли за починку, портному-ли за удѣлку—за каждой бездѣлицей я долженъ былъ посылать съ записками къ отцу. Выдавая деньги, онъ прибавлялъ къ нимъ наставленія или насмѣшки. Помню, какъ мнѣ было тяжело и неприятно: когда негдѣ было взять копѣйки, я приходилъ къ нему просить денегъ, а онъ, съ ехидной улыбкой, поручалъ моей сестрѣ: «дайте Ивану мѣдныхъ»—1 руб., 2 или 3 руб., въ которыхъ потомъ я долженъ былъ дать отчетъ.

22-го февраля 1871 года, было назначено годичное собраніе статистическаго комитета. Я составилъ отчетъ за десять лѣтъ моего сотрудничества, написалъ докладную записку губернатору, В. И. Струкову, въ которой просилъ войти въ мое безвыходное положеніе и употребить ходатайство объ освобожденіи меня изъ крестьянскаго званія. Я словесно объяснилъ, что отецъ на увольненіе мое изъ общества—согласія своего не даетъ. В. И. Струковъ обѣщавъ сдѣлать все, что можно. Когда я прощался послѣ засѣданія, онъ какъ-то особенно пожалъ мнѣ руку со словами: «будьте покойны!». К. Н. Тихонравова я убѣдительно просилъ, чтобы онъ извѣщалъ меня по этому дѣлу. По пріѣздѣ домой, мнѣ пришла счастливая мысль—послать при письмѣ г-ну министру внутреннихъ дѣлъ и свои сочиненія, какія до этого времени вышли. Въ мартѣ (11-го числа) послѣдовало представленіе губернатора объ исходатайствованіи мнѣ званія личнаго почетнаго гражданина. Колеблясь между надеждою и отчаяніемъ, я считалъ минуты... 20-го апрѣля, неожиданно пріѣхалъ К. Н. Тихонравовъ и остановился въ домѣ отца. Я немедленно пошелъ увидѣться съ нимъ, полагая, что онъ завернулъ мимоѣздомъ. «Неизвѣстно ли чего изъ Петербурга?»—спросилъ онъ меня. Я отвѣчалъ, что ничего, кромѣ письма отъ В. П. Безобразова, изъ котораго вижу, что дѣло мое едвали возможно. Потолковавъ съ добрымъ часъ, я сталъ приглашать г. Тихонравова къ себѣ въ домъ. Здѣсь онъ вручилъ мнѣ официальное увѣдомленіе губернатора о томъ, что по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ всемилоостивѣйше пожаловалъ меня званіемъ личнаго почетнаго гражданина!... При этомъ г. Тихонравовъ объяснилъ, что именно губернаторъ и отпустилъ его лично передать мнѣ это дорогое извѣстіе.

много предметовъ и книгъ. Отъ семейныхъ неудовольствій онъ оставилъ роману, уѣхавъ въ Рыбискъ, гдѣ и скончался. Некрологъ его помѣщенъ въ № 15, «Владимір. Губерн. Вѣдом.», 1871 г.

И. Г.

Не помню, въ какомъ состояніи я тогда находился! Какъ ребенокъ, со слезами бросился я обнимать г. Тихонравова; жена моя залилась слезами; всѣ знакомые порадовались моему счастию... Одинъ только отецъ весьма сухо отнесся къ радостной вѣсти.

Дня черезъ два я собрался вмѣстѣ съ г. Тихонравовымъ ѣхать во Владиміръ—лично благодарить губернатора. Тутъ отецъ не выдержалъ себя: не далъ мнѣ на дорогу денегъ, задурилъ и нанесъ при этомъ оскорбленіе г. Тихонравову. У жениной родни я досталъ на проѣздъ, и явился съ чувствомъ сердечной благодарности къ губернатору. Изъ С.-Петербурга я получилъ нѣсколько писемъ съ поздравленіями просвѣщенныхъ лицъ, которымъ я былъ извѣстенъ; именно: отъ А. И. Артемьева, барона Ф. Р. Остенъ-Сакена, Н. Я. Дубенскаго и др. Вскорѣ послѣдовали, по высочайшему повелѣнію, распоряженія объ исключеніи меня изъ крестьянъ сл. Мстеры и о причисленіи къ г. Вязникамъ.

IV.

При равнодушіи родныхъ къ моей радости, отецъ не унимался. На каждомъ шагу я у него былъ безъ вины виноватъ. Досаду на мое освобожденіе, послѣдовавшее безъ согласія общества и помѣщика, самое же главное—помимо его родительской воли; отецъ поставилъ меня, еще болѣе прежняго, въ самое трудное положеніе. Прекратилъ окончательно торговлю въ моемъ магазинѣ; товаръ перевезъ въ свой домъ, буйствовалъ, бранился, издѣвался, что почетный гражданинъ сидитъ безъ копѣйки у себя въ домѣ: у отца же имѣлъ хорошій столъ, а въ своемъ домѣ ѣсть плохо. Такое мученіе возрастало съ каждымъ днемъ. Отецъ домогался, чтобы я писалъ ему свое имущество—землю, и, не вида успѣха, старался достигнуть этого крутыми мѣрами. Случалось, что и дрался. Общалаъ разныя непріятности, не давалъ спокойно заниматься. Когда онъ заставлялъ меня за перомъ, то я немедленно убиралъ съ глазъ свои тетради. Къ моимъ литературнымъ занятіямъ относился съ самой неприличной его лѣтамъ насмѣшкой, говоря, что отъ такихъ занятій я только раззорю его; что никакой пользы въ нихъ нѣтъ, какъ и отъ меня самого, и т. д. Наконецъ, силъ моихъ не стало. Улучивъ удобную минуту, я повѣдалъ обо всемъ сосѣду, помѣщику Е. И. Протасьеву, занимавшему въ то время должность мирового судьи. Онъ уже зналъ о моемъ положеніи, нерѣдко бывая въ моемъ домѣ; зналъ также, что отецъ мой все дѣлаетъ изъ зависти и самодурства. Небезънавѣстна ему была и любовь моего родителя къ князю дѣламъ. Е. И. Протасьевъ присовѣтовалъ сѣздить во Вла-

димирь—поговорить съ прокуроромъ окружнаго суда, хорошимъ моимъ знакомымъ, Н. А. Трохимовскимъ. Я заготовилъ на-память изложеніе обстоятельствъ и замѣтокъ. 10-го августа ко мнѣ изъ С.-Петербурга приѣхалъ съ супругой, проѣздомъ съ нижегородской ярмарки, Л. Н. Майковъ, о которомъ еще раньше писалъ мнѣ А. И. Артемьевъ. Утромъ, въ этотъ день, я было занялся этими бумагами, какъ въ Мстерѣ сдѣлался небольшой пожаръ. Второняхъ я не успѣлъ спрятать моихъ замѣтокъ, которыя хранились у меня въ сундукѣ. Вернувшись съ пожара, я встрѣтилъ дорогихъ гостей, душевно имъ обрадовался и занялся съ ними. Мы прокатились въ Мстеру, осмотрѣли нѣкоторыя иконописныя заведенія и древности храма. Я совершенно забылъ о своихъ бумагахъ. Вечеромъ поѣхалъ съ женой провожать гостей, до желѣзной дороги, за 15 верстъ. На первый поѣздъ опоздали, а потому остались до отбытія почтового, въ 12 часовъ ночи. Въ пріятной бесѣдѣ время пролетѣло незамѣтно. Возвращаясь обратно въ 2 часа утра, вижу въ моемъ кабинетѣ огонь. Отецъ, ночевавшій всегда въ своемъ домѣ, за отъѣздомъ нашимъ на этотъ разъ остался у меня, и я угадалъ, что онъ отыскалъ мои бумаги! Онъ перебралъ все, что у меня было; ни одна бумага не осталась нетронутою; самую же главную, заготовленную для прокурора, онъ взялъ къ себѣ, и вмѣстѣ съ нею крѣпостной актъ на землю. Со злой усмѣшкою однако сказалъ мнѣ, что ничего не взялъ у меня, а только однѣ владимірскія бумаги—съ тѣмъ и отправился въ свой домъ. Всю ночь я провелъ въ тревогѣ. Я сообразилъ, что все между нами должно быть кончено. Съ этого дня, отецъ мой весь заработокъ въ литографіи и по раскраскѣ картинъ—бралъ себѣ, также уносилъ все, что ему вздумается. Я составилъ новую записку, и въ сентябрѣ поѣхалъ во Владиміръ, подѣ предложомъ получить присланное изъ сената свидѣтельство на почетное гражданство. Здѣсь я объявилъ Н. А. Трохимовскому всѣ свои обстоятельства; оставилъ у него изложеніе дѣла. Такъ какъ отецъ мой всѣ письма, присылаемыя на мое имя съ почты, распечатывалъ и прочитывалъ раньше меня, то я просилъ переслать отвѣтъ чрезъ посредство сосѣда, мирового судьи. Черезъ нѣсколько времени отвѣтъ съ заключеніемъ былъ полученъ. Мировой судья употребилъ всѣ домашнія мѣры къ соглашенію, побудилъ отца отказаться отъ преслѣдованія меня своей властью, оставить самоуправство и меня въ покоѣ. Захваченное имъ право торговли подѣ моимъ именемъ было мнѣ возвращено, также и крѣпостной актъ на землю. Совѣтовали мнѣ при этомъ взять или отобрать отъ него товаръ моего заведенія на хорошую сумму; но отецъ упросилъ, чтобы оставили ему. Я сдѣлалъ всякую уступку: не только не взялъ товара, но и ничего;

одна его домашняя подписка о невмѣшательствѣ въ мои домашнія и хозяйственныя распоряженія—прекратила наши столкновенія. При этомъ отецъ долго не успокоивался и хотѣлъ преслѣдовать меня, но губернскія власти вразумили, что во всемъ виноватъ онъ, а потому мы и остались—каждый при своемъ. Онъ завелъ отдѣльную свою торговлю, по которой я оказывалъ ему всякое содѣйствіе. На первыхъ порахъ денегъ у меня не было, но добрые люди дали въ займы, а другіе открыли кредитъ по производству заведенія и по книжной торговлѣ; я сталъ вести расчетливую жизнь, и хотя не имѣлъ денегъ, но имѣлъ душевное спокойствіе. 1871-й годъ сразу меня избавилъ отъ двухъ тяжелыхъ гнетовъ: крестьянскаго и семейнаго. Не къ чести отца замѣчу, что онъ всетаки, и послѣ умиротворенія, косвенно старался мнѣ вредить, чтобы запятнать мое имя; писалъ моимъ знакомымъ и покровителямъ съ самой неблагоприятной стороны. Ему конечно не вѣрили, зная ближе обстоятельства, зная ложь и притворство, къ которымъ онъ прибѣгалъ. Губернскія власти относились къ нему несомнѣнно благосклонно, и онъ еще больше потерялъ свой вѣсъ. Когда приближался часъ его кончины, и я, въ теченіе недѣли болѣзни, каждый день посѣщалъ отца, тогда совѣсть въ немъ заговорила. На смертномъ одрѣ онъ созналъ свои ошибки, и каждый разъ, предъ моимъ уходомъ, говорилъ только одно и то же: «прости меня Христа-ради».

Богъ съ нимъ... я обязанъ ему воспитаніемъ въ Москвѣ, онъ мнѣ указалъ дорогу. Его испортила властолюбивая служба съ молодыхъ лѣтъ, избаловало тщеславіе и испортили годы съ его незавидной семейной обстановкой.

Дѣтьми Богъ меня не наградилъ. Я рѣшился приблизить къ себѣ постороннихъ лицъ, чтобы направлять по своему пути и чтобы они заимствовали у меня полезное занятіе. То былъ крестьянскій сынъ сл. Мстеры, И. М. Тюнинъ (мой племянникъ), который и напечаталъ нѣсколько статей¹⁾, и крестьянскій сынъ сл. Холуя, Н. В. Сивковъ²⁾ (который былъ у меня рисовальщикомъ по заведенію). Въ сожалѣнію, мои старанія и заботы не оправдались: послѣ нѣсколь-

¹⁾ Статьи, шедшія чрезъ меня, во «Владимірскихъ Губернск. Вѣдомост.», помѣщены слѣдующія: 1, Обычай подавать тайную милостыню въ сл. Мстерѣ (№ 48, 1862 г.); 2, Средство востребовать мышей въ сл. Мстерѣ (№ 30, 1870 г.); 3, О народномъ образованіи при фабрикѣ купца Демидова (№ 7, 1871 г.); 4, Семья въ сл. Мстерѣ (№ 27, того же года); 5, Производство машиннаго льнопряденія на фабрикѣ купца Демидова (№ 10, 1872 г.).

²⁾ Его статьи: 1, Производство плащаницъ въ сл. Холуѣ (№ 11, 1871 г.); 2, Полноводье въ сл. Холуѣ и народное преданіе о старикѣ сѣдлѣ. (№ 15, 1874 г.).

кихъ попытокъ, питомцы мои не пошли далѣе. Особенно заботился я о моемъ племянникѣ; изъ него не было пути: въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1876 г., онъ утонулъ, купаясь хмѣльной. Одинъ только, бывшій тогда купцомъ, Н. Г. Добрынкинъ, по моему предложенію избранннй въ члены статистическаго комитета, былъ прилежнымъ дѣятелемъ. Къ моимъ археологическимъ и другимъ изслѣдованіямъ относились весьма сочувственно; статьи изъ владимірскихъ изданій перепечатывались столичными журналами, а также неоднократно читались въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ ¹⁾).

Съ чувствомъ глубочайшей признательности и понятнаго самодовольства упомяну о высокомъ вниманіи, которымъ въ разное время ошастливили меня особы императорской фамили. Въ 1868 году гендъют. К. Н. Посьетъ онъ имени его императорскаго высочества В. К. Алексѣя Александровича выразилъ мнѣ сочувствіе и благодарность его высочества за нѣкоторыя поднесенныя мною изданія. Въ 1869 году, за личное поднесеніе, на Владимірской станціи желѣзной дороги, Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу, древнихъ панагій и своихъ сочиненій, удостоенъ подарка золотыми часами, и за представленный экземпляръ изданія древностей Богоявленской церкви—денежной награды въ 50 руб. Отъ великихъ князей: Владиміра Алексѣевича—брилліантовый перстень съ изумрудомъ и золотыя часы, Алексѣя Александровича—фотографическій портретъ съ соб-

¹⁾ Въ періодъ съ 1861 года, со времени избранія меня членомъ статистическаго комитета, по 1878 годъ—помѣщено въ его изданіяхъ и Губернскихъ Вѣдомостяхъ моихъ статей:

По статистикѣ и этнографіи	108
Исторіи и археологіи	43
Современной хроникѣ	107
Старинныхъ актовъ, бывшихъ неизвѣстными	80
Итого	338.

Для музея статистическаго комитета принесено въ даръ: старинныхъ вещей, рисунковъ, этнографическихъ предметовъ и своихъ сочиненій—84; и 28 литографированныхъ рисунковъ для изданій комитета въ 6,400 экземплярахъ. Въ московское археологическое общество—64 разныхъ предметовъ, въ географическое—47, и съ 1871 года, съ учрежденія метеорологической комисіи, доставляются ежегодно наблюденія надъ грозю. Послѣ избранія московскимъ археологическимъ обществомъ, въ 1870 году московское общество любителей духовнаго просвѣщенія избрало меня въ дѣйствительныя члены, въ 1877 году императорское русское с.-петербургское археологическое общество въ члены-сотрудники. Принималъ также участіе, хотя не лично, въ трудахъ третьяго археологическаго сѣзда; но лично, равно какъ и на другихъ сѣздахъ, на которыя я имѣлъ честь быть приглашеннымъ, по своимъ матеріальнымъ соображеніямъ, къ сожалѣнію я не могъ быть. И. Г.

ственноручной подписью и большой серебряный вызолоченный кубокъ съ подносомъ и надписью; отъ великихъ князей Сергія и Павла Александровичей—фотографическіе кабинетные портреты, за ихъ подписями.

Въ 1870 году, графъ Ѳ. П. Литке отъ имени Государя Великаго Князя Константина Николаевича выразилъ мнѣ признательность Его Высочества.

По представленіи мѣстнаго начальства за неслужебныя мои отличія по статистическому комитету, мнѣ были пожалованы двѣ серебряныя медали для ношенія на шеѣ, на станиславской и анненской лентяхъ, а по министерству народнаго просвѣщенія, за 11-ти-лѣтнее усердіе къ народному образованію и за пожертвованія на этотъ предметъ, по представленію архіепископа Антонія, бывшаго предсѣдателя губернскаго училища совѣта,—удостоенъ награжденія, уже въ званіи почетнаго гражданина, золотою медалью, для ношенія на шеѣ на станиславской лентѣ.

Лестные отзывы ученыхъ обществъ—о моихъ посильныхъ трудахъ—и отечественной печати о моихъ изданіяхъ—значительно содѣйствовали и содѣйствуютъ донинѣ поддержкѣ во мнѣ силъ и неослабнаго прилежанія.

Первую пору отдѣльныя мои изданія печаталъ я въ самомъ небольшомъ количествѣ отъ 50 до 200 экземпляровъ. Я считалъ ихъ нестоящими вниманія, сознавая свою неученость. Благоклонныя къ нимъ отношенія ученаго міра приписывалъ я снисхожденію къ самоучкѣ-крестьянину. Впослѣдствіи критическіе отзывы о трудахъ моихъ, напечатанные въ нашихъ историческихъ изданіяхъ, пробудили во мнѣ сознаніе, что и я, человѣкъ простой и неученый, могу приносить посильную пользу русской наукѣ. Въ этомъ сознаніи и въ пламенной любви къ родинѣ—моя сила.

Позволяю себѣ закончить мои воспоминанія замѣткой о концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ—о той порѣ, когда мнѣ суждено было появиться на свѣтъ Божій. Сказанное авторомъ какъ нельзя лучше живописуетъ то, недавно минувшее время («Отеч. Записки», № 4, 1877 г. Изъ памятной книжки г. Иванова):

«Эти года для обыкновенной русской толпы были самымъ глухимъ, самымъ мертвымъ временемъ. Все, что родилось и провело въ эти годы свое дѣтство, все это—какъ бы ни былъ ребенокъ даровитъ отъ природы—было близко къ потерѣ сознанія человеческого достоинства, съ дѣтства переполнялось всѣми сортами трусости, пріучалось бояливо мыслить, чувствовать, и вообще отвыкало отъ аппетита какъ-нибудь поступать, какъ-нибудь дѣйствовать. Не шевелиться—хоть и мечтать; не показывать виду, что думаешь; не показывать виду, что не боишься—вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться—

это корень жизненной правды; все остальное может быть, но может и не быть, да и не нужно всего этого остального: еще наживешь хлопотъ—вотъ что тогда носилось въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать.

- «Семья, въ которой я росъ, была именно такая угнетенная носившимся въ воздухѣ молотомъ: «еще наживешь хлопотъ». Семья... Вѣчное, непрерывное безпокойство пропитало всѣ взаимныя отношенія и всѣ общественныя связи, всѣ мысли, всѣ дни и ночи, мѣсяцы и годы, начиная съ минуты пробужденія, перехода черезъ весь день и не покаяя ночью.... Какъ-будто кто предсказалъ всѣмъ членамъ этой семьи (а такихъ семей—вся тогдашняя русская толпа), что, въ концѣ концовъ, ей предстоитъ гибель, и какъ-будто камень этого сознанія лежалъ у всѣхъ на душѣ. Съ этимъ камнемъ молились Богу, привоза въ домъ чудотворную икону; съ этимъ камнемъ родили дѣтей и хоронили ихъ; съ этимъ камнемъ шли на службу, принимали гостей, шли сами въ гости. Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого—напротивъ, именно эта то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ... Всѣ простые, обыкновенные люди не жили—«мыкались», или просто «кормились», но не жили. Какъ-только начинаю себя помнить—чувство какой-то виновности, какого-то тяжелого преступленія уже тяготѣетъ надо мной. Такъ дѣйствовала на меня эта унылая, мертвая атмосфера, созданная потерявшими смыслъ и аппетитъ жизни людьми—что я еще семи или осьми лѣтъ чувствовалъ этотъ самый камень на сердцѣ, который чувствовали всѣ мои родственники, всѣ мои сверстники. Въ церкви я былъ виноватъ предъ всѣми этими угодниками, образами, паникадилами; въ школѣ я былъ виноватъ передъ всѣми, начиная со сторожа—куда!—съ вѣшалки, на которую вѣшалъ свою шинель; на улицѣ каждая собака (мнѣ казалось такъ) только и ждала моего появленія, чтобъ меня если не совсѣмъ съѣсть, то непременно укусить. Мальчики, запускаяшіе зѣбѣй, казались мнѣ отверженными Богомъ, одержимыми злымъ духомъ, порожденіемъ дьявола—такъ казалась громадна ихъ дерзость. Какъ не бояться будочника, который только и смотритъ, чтобъ схватить и утащить тебя неизвѣстно куда? Словомъ: атмосфера, въ которой я росъ, была полна страховъ, была полна впечатлѣніями неприятныхъ и непривѣтливыхъ лицъ, неприятныхъ и непривѣтливыхъ отношеній, угрозъ, безпрестанныхъ, невѣдомо откуда и какъ, во во множествѣ являющихся огорченій. Все, что я ни видѣлъ вокругъ себя, все какъ бы отказалось отъ самого себя и только заботилось о томъ, чтобы не погибнуть, точно было ввержено въ какую-то пропасть... «Пропадешь!» носилось надо всѣми мнѣ близкими: «пропадешь, если поймаешь чего-нибудь захотѣть самъ, если самъ что-нибудь позволишь себѣ... Хватай невѣстугу-то! покуда можно... а то пропадешь!». И человѣкъ хваталъ урожая, отъ котораго сивался... «Хватай мѣсто... останешься безъ мѣста, пропадешь!». И художникъ, талантливый человѣкъ—«хваталъ» мѣсто попа, почтальона—и сивался... Ни одной свѣтлой точки не было на горизонтѣ. «Пропадешь»—кричали небо и земля, воздухъ и вода, людъ и звѣри... И все ежилось и бѣжало отъ бѣды—въ первую попавшуюся нору».

Все здѣсь сказанное исполнѣ справедливо относительно того времени, когда все это такъ въ дѣйствительности происходило, существовало. было и жило!...

Бывшій крестьянинъ И. А. Голышевъ.

Сл. Мстера, 1878 г.

ИННОКЕНТІЙ,

Архієпископъ Херсонскій и Таврическій ¹⁾.

Письма къ Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю
Константину Николаевичу.

1852 г.

Ваше Императорское Высочество! Благопочтительнѣйше представляя Вашему Высочеству продолженіе отвѣтовъ моихъ на вопросы, касательно нѣкоторыхъ невразумительныхъ мѣстъ нашего церковнаго молитвенника, первѣе всего долгомъ почитаю просить о великодушномъ благоснисхожденіи къ медленности моей въ доставленіи сихъ отвѣтовъ, причиною чего была болѣзнь правой моей руки, долго не позволявшая мнѣ взяться за перо и, такимъ образомъ, лишившая меня удовольствія исполнить священную для меня волю Вашу, какъ можно скорѣе. Успокоиваю себя только тѣмъ, что, среди Вашихъ непрерывныхъ и разнообразныхъ путешествій, Вамъ было не до занятія моими слабыми строками.

Вашему Высочеству между прочимъ угодно было обратить особенное вниманіе на замѣчаніе мое объ отношеніи у насъ магаметанства къ господствующей религіи: почитаю за долгъ изясняться предъ Вами о семъ предметѣ со всею откровенностію, хотя нѣкоторыя изъ мыслей моихъ покажутся, можетъ быть, слишкомъ жалобными.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI и XXIII, и изд. 1879 г., томъ XXIV и XXV, стр. 189—204.

Крымъ куплець, какъ извѣстно, цѣною русской крови, неразъ обливавшей его отъ Перекопа до Керчи, и, слѣдовательно, жители его, какъ побѣжденные, не имѣютъ никакихъ правъ на особыя преимущества: но, несмотря на это, татаре крымскіе пользуются у насъ доселѣ такими отличіями и льготами, какихъ не имѣетъ въ нашемъ краю ни одинъ русскій поселянинъ: они не платятъ подушной подати, не обяваны рекрутскою повинностію, не подлежатъ помѣщичьему праву въ той мѣрѣ, какъ нашъ бѣдный крестьянинъ, и проч. ¹⁾. Такой неестественный избытокъ правъ у народа дикаго и побѣжденнаго предъ его побѣдителями—невольнo приводитъ въ удивленіе и русскихъ, и самихъ татаръ, такъ что ни тотъ, ни другой не знаютъ, чѣмъ изъяснить такое неравенство, и предаются: первый—ропоту и неудовольствію на свое родное правительство, послѣдній—надменности, презрѣнію имени русскаго, отвращенію отъ русской вѣры и тайнымъ надеждамъ на будущую политическую независимость. Справедливость требовала бы, чтобы, по крайней мѣрѣ, магометанинъ, по переходѣ въ христіанство, сохранялъ прежнія права свои; но и сего нѣтъ. Нынѣ онъ сдѣлался христіаниномъ, а съ завтрашняго дня начинаетъ подлежать почти всѣмъ обязанностямъ нашего простолюдина. При такомъ положеніи вещей—многіе-ли изъ магометанъ рѣшатся оставить свою вѣру, съ кою соединено столько гражданскихъ преимуществъ, когда и безъ того переводъ въ христіанство сопряженъ для него съ тяжкимъ отреченіемъ отъ всего, чѣмъ Алворанъ такъ сильно льститъ страстямъ и плотоугодію человѣческому?

Къ сему должно прибавить крайне затруднительное положеніе обращающихся татаръ среди русскихъ общинъ, къ коимъ ихъ обыкновенно приписываютъ, и кои окружены у насъ магометанскими аулами. И языкъ, и обычаи долго мѣшаютъ обращеннымъ слиться съ новыми единовѣрующими, между тѣмъ какъ прежніе, преслѣдуя его всѣми способами, въ то же время искупаютъ его терпѣніемъ примѣромъ своей плотоугодной жизни.

Все это могло бы быть безъ труда устранено назначеніемъ для обращающихся магометанъ для поселенія особой казенной

¹⁾ А самъ татаринъ, дослужившись въ арміи до извѣстныхъ чиновъ, можетъ дѣлаться надъ тысячею православныхъ христіанъ господиномъ съ полнымъ правомъ помѣщика!!!

земли, въ коей еще столько избытка, что ее доселѣ продолжаютъ, къ сожалѣнію, отдавать иностраннымъ колонистамъ. Но сего доселѣ не сдѣлано. Вообще на обращеніе татаръ къ христіанству никогда не было обращено ни малѣйшаго вниманія: хотя дѣло это первой важности — не только въ отношеніи къ церкви, но и къ государству, по сознанию самихъ губернаторовъ таврическихъ.

Подобная, крайне горькая для насъ неудобность въ дѣйствованіи на иновѣрцевъ сдѣлала насъ недавно по отношенію къ колонистамъ нѣмецкимъ. Нѣкоторые изъ нихъ начали было обращаться въ православіе — и что же? Въмѣсто того, чтобы ободрить таковыхъ и хотя чѣмъ-либо показать имъ, что мы рады ихъ религіозному соединенію съ нами, — по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, ихъ тотчасъ лишали всѣхъ правъ, воимъ они пользовались дотолѣ какъ колонисты, и кои, какъ извѣстно, простираются весьма далеко. Такимъ образомъ, за переходъ изъ лютеранства въ православіе, перешедшіе — въ православной Россіи — подвергнуты лишенію правъ состоянія, то есть такому наказанію, коему подвергаются обыкновенно не иначе, какъ по суду и только за тяжкія преступленія!...

Въ основаніи подобныхъ законовъ и распоряженій, очевидно, лежитъ та мысль и убѣжденіе, что для государства все равно, какую бы кто ни исповѣдывалъ вѣру, только бы исполнялъ хорошо обязанности вѣрноподданнаго. Но возможно-ли это послѣднее для еврея и магометанина, когда противнаго тому требуетъ самая его вѣра? Доволь еврей будетъ ожидать своего царя Мессію (а онъ всегда будетъ ожидать его, доволѣ онъ еврей), дотолѣ, сколько бы ни давалъ онъ присягъ, для него нѣтъ на землѣ царя, котораго онъ не долженъ былъ бы оставить и презрѣть, коль скоро ему сказали, и онъ повѣритъ, что его Мессія пришелъ и явился. Доволь мусульманинъ не откажется отъ Алкорана, дотолѣ онъ всегда будетъ смотрѣть не въ Москву и Петербургъ, а въ Мекку, и преклоняться съ благоговѣніемъ предъ падишахомъ турецкимъ, который, въ его понятіи, есть преемникъ Магомета и тѣнь Аллаха.

Судя по сему, вообще не бесполезно было бы обозрѣть внимательно нашъ законодательный кодексъ, въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ изображены права господствующей религіи въ сравненіи съ пра-

вами въроисповѣданій иностранныхъ и не-христіанскихъ. Я совершенно увѣренъ, что при семъ сличеніи окажется, что религія господствующая во многихъ случаяхъ остается при одномъ титулѣ и прозваніи, а дѣйствительными правами пользуются въроисповѣданія иностранныя и даже не-христіанскія, къ униженію и вреду первой. То есть, въ нашемъ отечествѣ повторяется то, что нѣкогда произошло въ домѣ отца върующихся—Авраама, когда Агарь-раба начала брать верхъ надъ Саррою—его супругою (Быт. XXI, 9—12).

Такое положеніе дѣла тѣмъ страннѣе, что продолжается въ благополучное царствованіе монарха, который, кромѣ множества другихъ великихъ дѣлъ, уже давно стяжалъ себѣ и святую славу вѣдичеснаго покровителя и распространителя церкви православной.

Излагая такимъ образомъ мысли и чувства свои предъ Вашимъ Высочествомъ, я увѣренъ, что прозорливая мудрость Ваша не припишетъ ихъ какой-либо раздражительности или страсти къ прозелитизму и пропагандѣ: перомъ моимъ, какъ и сердцемъ, водить одна искренняя любовь къ престолу и отечеству, для коихъ вѣра православная была и есть краеугольнымъ камнемъ силы и величія, котораго не могутъ затмить никакіе искусственные контрафорсы самой оборотливой политики.

Засимъ, призывая отъ всей души на Васъ и Августѣйшую супругу Вашу благословеніе Божіе, съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и всецѣлой преданности, за священный долгъ почитаю быть Вашего Императорскаго Высочества преданнѣйшимъ слугою, Иннокентій архіепископъ херсонскій.

PS. Присемъ слѣдуетъ томъ «Записокъ Одесскаго Общества древностей», въ коемъ помѣщено описаніе древняго путешествія въ Крымъ, съ пророчествомъ о будущей судьбѣ его. Списокъ примѣчательнѣйшихъ книгъ по русской духовной литературѣ будетъ также скоро представленъ.

Одесса, 20-го іюля 1852 года.

Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю
Константину Николаевичу.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

I. 1)

Метрическая запись.—Дѣтство.—Тажба.—Въ лицѣ.—Первые шаги въ жизни.—
Колосова.—Суевѣріе.—А. П. Кернъ.—Смысла.

1799—1820.

Въ метрическихъ книгахъ московской Богоявленской церкви на Елоховѣ, за 1799 годъ, находится слѣдующая запись 2):

«Мая 27-го, во дворѣ коллежскаго регистратора Ивана Васильева Шварцова, у жильда его мазора (sic) Сергія Львовича Пушкина родился сынъ Александръ и крещень 8-го іюня. Воспріемникъ былъ графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ; кума, мать означеннаго Сергія Пушкина, вдова Ольга Васильевна Пушкина».

Эта запись во всѣхъ пунктахъ противорѣчитъ свидѣтельству самого Пушкина, будто онъ родился 26-го мая въ день Вознесенія. Впослѣдствіи говорилъ онъ близкимъ ему лицамъ, что въ этотъ великій праздникъ съ нимъ совершались многія важныя событія во все продолженіе его жизни. Такъ, между прочимъ, въ день Вознесенія (15-го мая 1830 г.) онъ былъ помолвленъ съ Натальею Николаевною Гончаровой; вѣнчанъ съ нею (18-го февраля 1831 года) въ Москвѣ въ церкви Вознесенія, на Никитской. Онъ имѣлъ намѣреніе построить въ псковской своей деревнѣ церковь Вознесенія, особенно чествуя этотъ праздникъ. Александръ Юревичъ Пушкинъ (въ статьѣ: «для

1) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г. томъ XXIV.

2) Эта выписка изъ метрическихъ книгъ Богоявленской церкви сообщена Серг. Федор. Цвѣтковымъ, студентомъ московской духовной семинаріи.

біографіи Пушкина Москвитянинъ 1852 г. № 24, стр. 23) говорить, что Сергѣй Львовичъ, по переселеніи въ Москву, нанялъ домъ княжонъ Щербатовыхъ, близъ Нѣмецкой слободы, подлѣ самаго Яузскаго моста, не переѣзжая его къ Головинскому дворцу. Самъ Александръ Сергѣевичъ, проживая въ Москвѣ въ 1826 и 1827 годахъ, проѣзжая со знакомыми своими по Молчановкѣ, говорилъ, что родился на этой улицѣ, въ приходѣ Никола на Курьихъ-Ножкахъ, но дома указать не могъ. Домъ Шварцова (вѣроятно Шварца?), показанный въ записи метрической книги Богоявленской церкви на Елоховѣ, находился, по свидѣтельству старожиловъ, на углу Нѣмецкой улицы и Аптекарскаго переулка. Нынѣ, на мѣстѣ этого дома находятся дома, принадлежащіе купцамъ Шаповаловымъ и Макаровымъ.

Точное указаніе въ записи мѣста рожденія Пушкина искупаетъ ея погрѣшность въ опредѣленіи дня его рожденія. Причину этой погрѣшности легко объяснить тѣмъ, что Пушкинъ родился, быть можетъ, въ позднюю вечернюю пору, и молитва его родительницъ была дана на слѣдующій день, т. е. въ пятницу, 27-го мая.

Родители поэта, Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна, занимая видное положеніе, любили свѣтъ и часто выѣзжали въ общество. Заботы о воспитаніи Александра въ его младенчествѣ прилагала его бабушка, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, жившая въ домѣ у аята. Изъ ея устъ младенецъ слышалъ первые рассказы о старинѣ и семейныя преданія о предкахъ поэта, любимцахъ Петра Великаго: о его арапѣ, Абрамѣ, и о Ржевскомъ, въ домѣ котораго часто бывалъ преобразователь. Та же бабушка выучила будущаго поэта русскому чтенію и письму. Няня Пушкина, Арина Родіоновна, впоследствии воспитая своимъ питомцемъ и Лыжковымъ, была представительницею милаго, роднаго типа истинной русской няни, теперь уже вымершаго. Мастерница рассказывать сказки, хорошо знакомая со всѣми нашими народными повѣрьями, умѣвшая всегда кстати приправить бойкую рѣчь пословицами, Арина Родіоновна много способствовала развитію въ младенцѣ-Пушкинѣ его любви ко всему родному, той любви, которую не могло искоренить въ немъ дальнѣйшее воспитаніе на попеченіи учителей-иностранцевъ.

До семилѣтняго возраста, Пушкинъ, по свидѣтельству старшей его сестры, Ольги Сергѣевны (впоследствии г-жи Павлищевой), былъ толстый, молчаливый и неповоротливый мальчикъ, предпочитавшій бесѣды съ бабушкой гуляню и бѣганю. Однажды Надежда Осиповна взяла его съ собою гулять. Не въ силахъ будучи поспѣвать за нею, ребенокъ отсталъ и усѣлся отдыхать посреди улицы. Замѣтивъ, что на него смотрять изъ оконъ сосѣдняго дома и смѣются, онъ под-

нялся и сказалъ: «ну, нечего скалить зубы!». На седьмомъ году въ немъ стали обнаруживаться признаки отрочества: рѣзвость и шаловливость, и въ это-же время съ рукъ бабушки и няни онъ перешелъ на попеченіе гувернеровъ и учителей. Законоучителемъ дѣтей Пушкиныхъ былъ извѣстный своими проповѣдями Александръ Ивановичъ Бѣликовъ ¹⁾; онъ-же обучалъ исторіи, географіи и началамъ арифметики. Изъ иностранныхъ учителей, учительницъ, гувернеровъ и гувернантокъ, въ домѣ Пушкиныхъ, во время дѣтства Александра Сергѣевича, смѣнили другъ друга: неизбѣжная принадлежность барскаго дома начала XIX столѣтія, французскій эмигрантъ, графъ Монфоръ, музыкантъ и живописецъ; Руссело-поэтъ; нѣкто Шедель; за ними—г-жа Лоржъ, учительница нѣмецкаго языка, миссъ Белли—англійскаго, и г. Шиллеръ—русскаго. Который-то изъ двухъ учителей-французовъ особенно запечатлѣлся въ памяти Пушкина и послужилъ ему впоследствии типомъ для созданія дядьки-француза въ «Капитанской Дочкѣ». По причинѣ частой смѣны учителей, занятія дѣтей Сергѣя Львовича нарушались перерывами; при всемъ томъ Александръ Сергѣевичъ и сестра его отлично ознакомились съ французскимъ языкомъ. По отзывамъ графа Сен-При (Saint-Priest) слогъ французскихъ писемъ Пушкина сдѣлалъ-бы честь любимому французскому писателю. Съ итальянскимъ языкомъ будущій поэтъ освоился также еще въ дѣтствѣ; за то англійскимъ владѣлъ не совсѣмъ свободно, а нѣмецкаго не любилъ.

Посѣщеніе гостинныхъ князя Ив. Дм. Трубецкаго, графа Д. П. Бутурлина, Ник. Мих. Сушкова и нѣкоторыхъ другихъ, также танцевальныхъ вечеровъ Гогеля, должно было, по мнѣнію родителей Александра Сергѣевича, довершить еѳо свѣтское образованіе.

Мальчикъ былъ остроуменъ и находчивъ. Такъ, однажды, Ив. Ив. Дмитріевъ, подшучивая надъ оригинальнымъ типомъ лица Пушкина и его кудрявыми волосами, сказалъ: «какой арабчикъ!»—За то не рябчикъ!—откликнулся десятилѣтній правнукъ Ганнибала. Рюма удачная, сама по себѣ; но и отвѣтъ не менѣе находчивъ, если вспомнить, что Ив. Ив. Дмитріевъ былъ рябой.

Упомянувъ объ Ив. Ив. Дмитріевѣ, одномъ изъ тогдашнихъ корифеевъ отечественной словесности, мы должны замѣтить, что домъ Сергѣя Львовича посѣщали въ Москвѣ многія изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей. Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій и К. Н.

¹⁾ Впоследствии былъ священникомъ Маріинскаго института и умеръ хѣтъ двадцать пять тому назадъ. Онъ перевелъ съ французскаго «Духъ Массильона» (1808 и 1822) и составилъ вѣтхизисъ (1818).

Батюшковъ были связаны узами самой короткой пріязни какъ съ отцомъ будущаго поэта, такъ и съ его дядею, Васильемъ Львовичемъ, въ свое время довольно извѣстнымъ стихотворцемъ. Изъ прочихъ родственниковъ фамиліи Пушкиныхъ—Алексѣй Михайловичъ переводилъ Мольера, Александръ Юрьевичъ—писалъ стихи. Болѣе или менѣе звучный языкъ поэзіи коснулся слуха Пушкина еще въ его младенческихъ лѣтахъ; страсть къ чтенію и того болѣе способствовала развитію его поэтическаго дарованія. Библіотека его отца была составлена изъ лучшихъ произведеній преимущественно французской словесности, также и древнихъ классиковъ въ переводѣ на французскій языкъ. Пушкинъ-мальчикъ, кромѣ Корнеля, Расина, Мольера, «Генриады» Вольтера, и множества романовъ, прочелъ всего Плуларха, Иліаду и Одиссею въ переводѣ Битобэ. Развитію воображенія, гениальнаго мальчика немало способствовали также домашніе спектакли, до которыхъ Сергѣй и Василій Львовичи были великіе охотники. Первые попытки нашего великаго поэта въ стихосложеніи (на французскомъ языкѣ) были импровизаціи пѣльныхъ комедій, въ которыхъ онъ являлся и авторомъ, и актеромъ. Публикою была старшая его сестра Ольга Сергѣевна. Однажды она осмистала комедію брата «Штукаръ» (*Escapoteur*), однакоже юный авторъ не только не обидѣлся, но даже написалъ самъ на себя «эпиграмму». Въ то же время (по воспоминаніямъ Ольги Сергѣевы Павлицевой) онъ пробовалъ писать басни; десяти лѣтъ отъ роду, начитавшись «Генриады», написалъ пѣлую иронико-комическую поэму пѣсняхъ въ шести: «*la Tolyade*» (Толіада), героемъ которой былъ карликъ короля Дагобера, самый-же сюжетъ состоялъ въ битвѣ карликовъ съ карлицами. Гувернантка, перехвативъ тетрадку съ поэмою, передала ее гувернеру Шеделю, жалуюсь, что Alexandre потому и уроковъ не знаетъ, что занимается подобнымъ вздоромъ. Шедель, прочитавъ первыя строки, расхохотался: обиженный десятилѣтній поэтъ расплакался и бросилъ свою поэму въ печь. По отзывамъ Ольги Сергѣевны, братъ ея особеннымъ прилежаніемъ не отличался: полагаясь на свою счастливую память, онъ никогда не затверживалъ уроковъ, а повторялъ ихъ за сестрою, когда ее спрашивали. Нерѣдко учитель спрашивалъ его перваго, и тѣмъ ставилъ въ тупикъ. Ариметика казалась ему недоступною, и онъ часто надъ первыми четырьмя правилами, особенно надъ дѣленіемъ, заливался горькими слезами.

Кругъ знаменитыхъ писателей въ домѣ отца, домашніе спектакли, пользованіе прекрасною библіотекою, все это были, конечно, благоприятныя условія для развитія зачатковъ поэзіи въ душѣ гениальнаго ребенка; но зачатки эти, безъ сомнѣнія, заглохли бы безъ соприкосно-

венія съ живою природою и ея красотами. Хотя Москва до пожара 1812 года отличалась патриархальною, такъ сказать, сельскою внѣшностью, все же она была «городомъ». Ея палисадники, сады и бульвары—болѣе произведенія искусства, нежели природы. Жизнь Пушкина въ городскихъ стѣнахъ отдаляла его отъ впечатлѣній родной природы до семилѣтняго возраста. Въ 1806 году, бабушка Марья Алексѣевна купила у генеральши Тиньковой небольшое подмосковное селъцо Захарово, куда семейство Пушкиныхъ, послѣ того, переѣзжало на гѣто.

О времени пребыванія въ Захаровѣ, въ памяти Пушкина сохранился анекдотъ, который онъ впоследствии разсказывалъ Павлу Воиновичу Нащокину. Въ домѣ Пушкиныхъ, въ Захаровѣ, жила больная ихъ родственница, молодая помѣшанная дѣвушка. Полагая, что ее можно вылечить испугомъ, родные, проведя рукавъ пожарной трубы въ ея окно, хотѣли обдѣть ее внезапною душью. Она, дѣйствительно, испугалась и выбѣжала изъ своей комнаты. Въ это время Пушкинъ возвращался съ прогулки, изъ рощи.—*Mon frèге, —*закричала помѣшанная,—*on me prend pour un incendie!* (Братецъ, меня принимаютъ за пожаръ!)

— Не за пожаръ, а за цвѣтокъ!—отвѣчалъ Пушкинъ.—Вѣдь и цвѣты въ саду поливаютъ изъ пожарной трубы.

Въ праздничные дни семейство Пушкиныхъ ѣздило къ обѣднѣ въ сосѣднее село Вязему, вотчину князей Голицыныхъ. Построеніе его церкви съ оригинальною колокольнею и большой прудъ относятся къ временамъ Бориса Годунова. Это имя, вмѣстѣ съ церковнымъ благовѣстемъ, запало въ память Пушкина еще въ дѣтствѣ....

Въ 1811 году, поступленію Пушкина въ императорскій царско-сельскій лицей предшествовало одно непріятное, семейное обстоятельство, которое нанесло существенный ущербъ и убыль родовому имѣнію Надежды Осиповны, тому самому «Михайловскому» (Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда), съ которымъ неразлучны воспоминанія о Пушкинѣ-изгнанникѣ. Вотъ два документа, относящіеся къ этому дѣлу ¹⁾, по денежному взыскаію роднаго дяди съ племянницы и невѣстки. Они знакомятъ насъ отчасти и съ характеромъ отца нашего великаго поэта.

Ордеръ правящему должностъ Псковскаго губернскаго прокурора.

Провіантскаго штата комиссіонеръ 7-го класса, Сергѣй Пушкинъ, прислалъ ко мнѣ просьбу, въ которой объясняетъ, что по представленному ко

¹⁾ Сообщены редакціи «Русской Старины».—Г. К. Рѣпинскимъ, въ 1874 г.

взысканію отъ дяди жены его, Петра Ганнибала, заемному письму въ 3 т. рублей, данному отъ тестя просителя, по коему уже уплачено 2 т. рублей, Опочецкій уѣздный судъ описалъ все ихъ, Пушкиныхъ, имѣніе, состоящее въ 200 душахъ съ господскимъ домоу и со всѣми усадьбами, оцѣнивъ годныхъ въ рекруты во 100 рублей, другихъ въ 75 и 40, а 45-ти-лѣтнихъ и никакой не положивъ цѣны, — я рекомендую вамъ доставить мнѣ немедленно обстоятельное о семъ дѣлѣ свѣдѣніе, между же тѣмъ настоять, гдѣ слѣдуетъ, по должности вашей, чтобы женѣ просителя оказана была законная защита. (Подписано) Иванъ Дмитріевъ. Сентября 22-го дня 1811 года.

Министру юстиціи. Рапортъ съ донесеніемъ объ описи за долги Пушкиной имѣнія.

Во исполненіе предписанія вашего превосходительства минувшаго сентября 22-го числа, за № 5552, о доставленіи свѣдѣнія по настояніи моему по дѣлу, производящемуся въ Опочецкомъ уѣздномъ судѣ, провіантскаго штата 7-го класса комисіонера Сергѣя Пушкина, о взысканіи дяди жены его, Петра Ганнибала, заемнымъ письмомъ денегъ, и объ описи уѣзднымъ судомъ всего ихъ, Пушкиныхъ, имѣнія. Изъ производящегося въ Опочецкомъ уѣздномъ судѣ дѣла явствуетъ, что при прошеніи отъ господина генерал-маіора Петра Ганнибала представлены были два заемныя письма, данныя отъ покойнаго морской артиллеріи капитана Юсіфа Ганнибала, 1-е въ 3000, а 2-е въ 845 рублей; — засимъ, за уплатою по послѣднему 600 рублей, достальныхъ 3245 руб. о взысканіи съ имѣнія покойнаго Юсіфа Ганнибала, состоящаго въ Опочецкомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Михайловскомъ съ деревнями; или съ его наслѣдницъ: жены покойнаго Юсіфа Ганнибала, Марьи, и дочери, Надежды Пушкиной; почему и предписано отъ уѣзднаго — нижнему земскому суду увазомъ, съ управляющаго имѣніемъ наслѣдницъ покойнаго Юсіфа Ганнибала 3245-ти руб. съ рекамбіо и промзвестъ, взыскать и прислать въ тотъ судъ; а въ случаѣ несостоянія платежа, то описавъ на толмечую суму изъ недвижимаго ихъ имѣнія и учиня опись съ оцѣнкою, доставить въ тотъ судъ; по которому былъ отправивши земскаго суда членъ и, по пріѣздѣ на мѣсто-поданнымъ на имя его управляющій вотчиною, поручикъ Игнатьевъ, объясненіемъ объявилъ, что отъ довѣрительницъ его, покойнаго Юсіфа Ганнибала жены, Марьи, и дочери, Надежды Пушкиной, денегъ не имѣтъ и доходовъ съ той вотчины въ сборѣ не состоятъ, почему тѣмъ засѣдателемъ, при благородномъ свидѣтелѣ, прапорщикѣ Андреѣ Затеplenскомъ, въ сельцѣ Михайловскомъ господскому имѣнію, дворовымъ людямъ и въ деревняхъ крестьянамъ, всего мужеска 23-мъ и женска 25-ти душамъ, помянутая опись и оцѣнна учинена; и все оное имѣніе оцѣнено въ 3242 руб. и въ уѣздный судъ доставлено; послѣ чего г-нъ генерал-маіоръ Ганнибалъ, при прошеніи, представилъ присланное къ нему отъ племянницы его, Надежды, и мужа ея, Пушкина, письмо, коимъ просили его, Ганнибала, по

имѣнію у нихъ въ наличности денегъ, потерпѣть короткое время; но онъ, Ганнибалъ, просилъ о взыскаіи, по тѣмъ, представленнымъ отъ него, заемнымъ письмамъ, вышеозначенной суммы, которое дѣло въ минувшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ 26-го числа рѣшено и тѣмъ судомъ опредѣлено, какъ изъ представленнаго въ тотъ судъ при прошеніи отъ г-на Ганнибала письма къ нему присланнаго явствуетъ, что къ заплата (sic) денегъ въ наличности не имѣютъ, то о продажѣ съ публичнаго торга отъ него имѣнія въ Псковское губернское правленіе представить съ представленіемъ описи съ оцѣнкою, но по оному исполненія еще не учинено;—но господинъ-жъ Пушкина жалоба вашему превосходительству изъясненная вовсе справедливости не заслуживаетъ; посланку отъ него по тѣмъ частнымъ письмамъ платежа 2000 р. по дѣлу не видно; слѣдовательно не за 1000 р., а за 3245 руб. не 200 душъ описано, а 23—мужска и женска 25 душъ изъ имѣнія жены его въ селѣ Михайловскомъ, съ деревнями, землею и съ имуществомъ; уѣздному-же суду извѣщать Пушкиныхъ по сему дѣлу нужды не настояло, потому, какъ имѣя судъ въ виду, со стороны ихъ повѣреннаго и управляющаго ихъ вотчиною, поручика Игнатьева, а тѣмъ болѣе, что бывъ онъ уже объ ономъ извѣстенъ, какъ видно изъ представленнаго отъ господина Ганнибала, писаннаго тѣмъ Пушкиными къ нему письма (что и видимо ихъ, Пушкиныхъ, одна клевета и напрасное затрудненіе начальства въ перепискахъ) ¹⁾. О чемъ вашему превосходительству честь имѣю покорнѣйше довести. № 547, октября 13-го дня 1811 года.

Разсказъ о далеко не великодушномъ поступкѣ дѣдушки, Петра Абрамовича Ганнибала, конечно, надолго сохранился въ семействѣ Надежды Осиповны, и это семейное преданіе осталось небезызвѣстно Пушкину. Но выпускѣ изъ Лицея, ѣдучи въ Михайловское, онъ дружески посетилъ двоюроднаго дѣда: дѣла старика были тогда очень разстроены, и онъ сильно «придерживался рюмочки.»

19-го октября 1811 года, Пушкинъ поступилъ въ Лицей, въ тотъ же день открытый императоромъ Александромъ I. Здѣсь двѣнадцатилѣтній юноша сблизился со своими сверстниками, изъ которыхъ почти всѣ приобрѣли впоследствии громкую, хотя и весьма разную, родную извѣстность. То были: князь А. М. Герчаковъ (нынѣ канцлеръ російской имперіи), покойные: М. А. Корфъ, баронъ А. А. Дельвицъ, В. К. Кюхельбекеръ, И. И. Пущинъ, Корсаковъ, Данзасъ, Масловъ, Матюшкинъ и др., впоследствии воспитанные Пушкинымъ въ его «лицейскихъ годовщинахъ». Матеріалы для исторіи почти шестилѣтняго пребыванія Пушкина въ Лицеѣ (съ

¹⁾ Слова, замкнутыя въ скобкахъ, зачеркнуты въ черновомъ спискѣ. П. Б.

19-го октября 1811 по 10-е июня 1817 года) составляютъ чуть не дѣлюю библиотечку.

«Безмятежно развѣталъ» поэтъ, но при какихъ великихъ міровыхъ событіяхъ! Громы Бородинской битвы, пожаръ Москвы, гибель Наполеоновскихъ полчищъ на снѣжныхъ поляхъ Россіи, въ ледяныхъ волнахъ Березины; борьба всей Европы съ ея «развѣчаннымъ кумиромъ», трехсуточная битва подъ Лейпцигомъ; вступленіе Александра въ Парижъ; бой при Ватерлоо, заточеніе Наполеона на островъ св. Елены, Вѣнскій конгрессъ и перемирие всей Европы колѣнопреклоненной предъ Александромъ... Всѣ эти событія юноша-поэтъ переживалъ пламенной душой.

Добрый товарищъ, Пушкинъ ладилъ со всѣми «однокашниками», но далеко не сочувственно относился къ начальству. Онъ воспѣлъ Куницына и холоднымъ молчаніемъ обошелъ Егора Антоновича Энгельгардта ¹⁾, этого благороднаго, искренняго друга лицействъ, ихъ добраго педагога, въ стѣнахъ Лицея, постояннаго и заботливаго за нихъ ходатая, когда они разстались съ ихъ alma mater. Почему доброе, юношеское сердце Пушкина не лежало къ достойному любви и уваженія Энгельгардту? вопросъ неполнѣ еще разрѣшенный; но вотъ подлинный рассказъ самого покойнаго Егора Антоновича, объ одномъ эпизодѣ изъ жизни Пушкина, о которомъ донинѣ умалчиваютъ біографы нашего поэта ²⁾.

Въ недѣлю разъ, иногда и чаще, въ домѣ Егора Антоновича бывали вечернія собранія, на которыя, кромѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, директоръ Лицея приглашалъ воспитанниковъ. Послѣднимъ полнѣйшая свобода вмѣнялась въ непремѣнную обязанность, и для развлеченія къ ихъ услугамъ были всѣ возможныя удобства: книги, ноты, рисунки, краски, карандаши, музыкальные инструменты и т. д. Каждый забавлялся, чѣмъ ему было угодно. Помимо доставленія лицейцамъ самаго нравственнаго и назидательнаго развлеченія, Энгельгардтъ, приглашая ихъ на свои вечера, имѣлъ въ виду приученіе молодыхъ людей къ хорошему обществу и обхожденію въ кругу

¹⁾ Родился въ Ригѣ 12-го августа 1775 г., скончался въ С.-Петербургѣ 15-го января 1862 г. Письма его къ В. К. Кюхельбекеру были напечатаны въ «Русской Старинѣ», изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 362—364, 365—368, 369—371, 372—374, 375—377.

²⁾ Этотъ рассказъ, впрочемъ довольно странный, слышали мы отъ покойнаго Константина Андреевича Шторха, бывшаго лицеиста одного изъ первыхъ выпусковъ, послѣ Пушкина. Въ печати же—именно въ интересной монографіи В. П. Гаевского—отношенія Пушкина къ Энгельгардту рассказаны подробно и проще, и, кажется, вѣрнѣе (напр. о племянницѣ Энгельгардта).

благовоспитанных дамъ и дѣвицъ. Дельвигъ и Кюхельбекеръ были частыми посѣтителями вечеровъ Энгельгардта; Пушкинъ очень рѣдкимъ; наконецъ, года за два до выпуска, онъ и вовсе прекратилъ свои посѣщенія, предпочитая имъ гулянье по саду, или чтеніе. Это огорчало Егора Антоновича, какъ хозяина и какъ воспитателя. Какъ-то во время рекреаций, когда Пушкинъ сидѣлъ у своего пюльта, Энгельгардтъ подошелъ къ нему и, со свойственною, всегдашнею ласкою, спросилъ Пушкина: за что онъ сердится? Юноша смутился и отвѣчалъ, что сердиться на директора не смѣетъ, не имѣетъ къ тому причинъ и т. д. «Такъ вы не любите меня»,—продолжалъ Энгельгардтъ, усаживаясь подлѣ Пушкина—и тутъ же, глубоко почувствованнымъ голосомъ, безъ всякихъ упрековъ, высказалъ юному поэту всю странность его отчужденія отъ общества, въ которомъ онъ, по своимъ любезнымъ качествамъ, можетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ. Пушкинъ слушалъ со вниманіемъ, хмурия брови, мѣняясь въ лицѣ; наконецъ, заплакалъ и кинулся на шею Энгельгардту.

— Я виноватъ въ томъ,—сказалъ онъ:—что до сихъ поръ не понималъ и не умѣлъ цѣнить васъ!

Добрый Энгельгардтъ самъ расплакался и, какъ юноша, радвался раскаянію Пушкина, его отреченію отъ напускной мизантропіи и былъ въ восторгѣ при мысли видѣть у себя въ скоромъ времени милаго гостя. Они разстались—довольные другъ другомъ: Энгельгардтъ вышелъ изъ класса, а Пушкинъ остался у пюльта. Минуть черезъ десять, Егоръ Антоновичъ вернулся къ нему, желая что-то сказать; но лишь-только вошелъ, Пушкинъ послѣшно спряталъ какую-то бумагу подъ доску и, замѣтно, смѣшался.

— Вѣроятно, стихи?—шутливо спросилъ Энгельгардтъ.—Покажите, если не секретъ?

Пушкинъ, переминался, прикрывая доску рукою.

— Отъ друга тайтъся не слѣдуетъ...—продолжалъ Энгельгардтъ, тиконько подымая доску пюльта и доставая изъ него листъ бумаги: на этомъ листѣ былъ нарисованъ его портретъ въ каррикатурѣ, и было набросано нѣсколько строкъ очень злой эпиграммы, почти насквиля.

Спокойно отдавая Пушкину эту злую шалость его музы, Егоръ Антоновичъ сказалъ:

— Теперь понимаю, почему вы не желаете бывать у меня въ домѣ. Не знаю только, чѣмъ могъ я заслужить ваше нерасположеніе.

Поэтъ не принималъ участія и въ семейномъ праздникѣ у Энгельгардта, по случаю перваго выпуска воспитанниковъ императорскаго Лицея: актъ происходилъ 10-го іюня 1817 года, а на другой же день Пушкинъ мчался въ свое родное «Михайловское».

Первые три года по выпускѣ изъ Лицея были ознаменованы знакомствомъ Пушкина со многими изъ литераторовъ и изъ свѣтскихъ людей, нѣсколькими произведеніями, печатными и рукописными, обличавшими могучій талантъ будущаго свѣтила русской поэзіи,—и многими шалостями, навлекшими на него неудовольствія со стороны высшихъ властей. Самыми искренними доброжелателями Пушкина, при вступленіи его въ свѣтъ и на литературное поприще, принимавшими въ немъ живѣйшее, родственное участіе, были: Н. М. Карамзинъ, князь П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, А. И. Тургеневъ, Н. И. Гнѣдичъ, А. Н. Оленинъ, Н. Н. Раевскій, Ѡ. Н. Глинка.... Почтенные члены литературнаго общества «Арзамасъ», несмотря на молодость Пушкина, приняли его въ свой кругъ, давъ прозвище «Сверчка». За остроуміе, любезность его любили многіе; нѣкоторые побаивались; приверженцы классицизма косились на «мальчика», въ которомъ угадывали будущаго преобразователя отечественной поэзіи. Онъ же, скрѣпя сердце, былъ принужденъ воскурять оніямъ классикамъ, восхищаться произведеніями не только Ив. Ив. Дмитріева или Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, но даже и дядюшки, Василья Львовича. Театръ Пушкинъ любилъ страстно.....

Величавый геній Корнеля и нѣжная до приторности муза Расина не возбуждали въ Пушкинѣ того «обязательнаго» восторга, съ которымъ приверженцы классицизма привѣтствовали Сиду, Федру, Эсфирь, Гоеолію. Восхищаясь игрою Семеновой, Пушкинъ былъ болѣе чѣмъ несправедливъ къ ея соперницѣ Александрѣ Михайловнѣ Колосовой (впослѣдствіи Каратыгиной). Дружба съ П. А. Катенинымъ, отдававшимъ должную справедливость высокому дарованію прекрасной артистки, не воспрепятствовала Пушкину въ минуту досады написать на Колосову слѣдующую эпиграмму:

Все пѣваетъ насъ въ Эсѣпри:
Упозительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ;
Голосъ нѣжный, взоръ любви....
Набѣленная рука,
Размазаванныя брови
И широкая нога! ¹⁾

¹⁾ Эти стихи донынѣ нигдѣ не были напечатаны. Мы записали ихъ со словъ самой Александры Михайловны Каратыгиной, сохранившей ихъ донынѣ въ своей прекрасной, неизмѣнной памяти. Разказы о Пушкинѣ, безъ сомнѣнія, займутъ многія страницы въ воспоминаніяхъ нашей заслуженной артистки.

Впослѣдствіи, эти незаслуженныя колкости поэтъ искупилъ прелестными стихами, присланными Катенину изъ Кишинева («Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ»), своимъ незабвеннымъ для нашей заслуженной артистки знакомствомъ и самою милою пріязнью къ ней и ея высоко-талантливому супругу (покойному Василию Андреевичу Каратыгину). Вышеприведенные стихи относятся къ 1819—1820 годамъ.

Пушкинъ, какъ извѣстно, имѣлъ слабость къ картамъ, холостымъ пирушкамъ и былъ склоненъ къ расточительности, возраставшей соразмѣрно скупости его почтеннаго родителя. Самая расточительность сына была, можетъ быть, слѣдствіемъ скупости отца. Какъ-то гуляя со знакомыми на катерѣ, по Невѣ, и восхищаясь прозрачностью водной поверхности, Пушкинъ, при Сергѣѣ Львовичѣ, бросилъ въ Неву нѣсколько полумпериаловъ, любуясь блескомъ золотыхъ монетъ, упавшихъ въ глубину. Какую страшную пытку долженъ былъ вытерпѣть при этомъ его родной Гарпагонъ!... Съ годами, особенно послѣ женитьбы своей, поэтъ совершенно остепенился и безъ сожалѣнія разстался съ увлеченіями молодости. Изъ всѣхъ человѣческихъ слабостей, лишь одна была неразлучна съ его душою: слабость эта—суетворіе. Было ли оно привито къ ней съ дѣтства, или развилось вслѣдствіе страсти къ картамъ, но Пушкинъ вѣрилъ во многія народныя примѣты и всегда робко обходилъ ихъ шутками, безпощадными ко многимъ другимъ, какъ бы неприкосновеннымъ предметамъ; шталъ особенное уваженіе къ изумрудному перстню, почитая его за талисманъ, съ которымъ не разстался и на смертномъ одрѣ. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (характеристика Татьяны, ея сонъ), въ «Капитанской Дочкѣ» (сонъ героя романа, Гринева), въ «Мѣдномъ Всадникѣ», въ «Пиковой Дамѣ»—великій поэтъ ввелъ сверхъестественный элементъ съ видимымъ къ нему сочувствіемъ. Слѣдующій эпизодъ изъ его собственной жизни, впослѣдствіи рассказанный его братомъ, Львомъ Сергѣевичемъ, и А. Н. Вульфомъ ¹⁾, служитъ подтвержденіемъ, что суетворіе поэта не лишено было основанія.

Въ 1818 году, въ Петербургѣ, славилась умѣньемъ гадать на картахъ какая-то старуха-нѣмка, г-жа Кирхгофъ ²⁾. Заинтересованный разсказами о ея предсказаніяхъ, Пушкинъ съ Всеволожскимъ вздумалъ отправиться къ ворожеѣ. Когда они вошли къ ней, г-жа Кирхгофъ обратилась прямо къ Пушкину, говоря, что онъ человѣкъ

¹⁾ Разсказъ А. Н. Вульфа былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 582.

²⁾ Въ самомъ имени гадальщицы было нѣчто зловѣщее; на нѣмецкомъ языкѣ Kirshhof—значитъ: кладбище. П. К.

замѣчательный, и, въ короткихъ словахъ, очень вѣрно рассказала ему его прошедшую жизнь; къ этому она прибавила: «сегодня вы будете имѣть разговоръ о службѣ и черезъ письмо получите неожиданныя деньги». Затѣмъ, какъ бы прозирая въ глубину будущаго, ворожея сказала: «Du wirst zwei Mal verbannt sein; Du wirst der Abgott deiner Nation werden; vielleicht wirst Du sehr lange leben... Doch, in deinem 37 Jahre fürchte dich vor einem weissen Menschen, einem weissen Rosse, oder einem weissen Kopfe» ¹⁾).

Первая, маловажная часть предсказанія сбылась въ тотъ же вечеръ: возвратясь домой, онъ нашелъ письмо съ деньгами отъ лицейскаго своего товарища Корсакова; это былъ карточный долгъ по давнему проигрышу. Черезъ нѣсколько дней, въ театрѣ, Пушкинъ встрѣтилъ А. Ѳ. Орлова, который убѣждалъ его не оставлять службы при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и не переходить въ гусары (о чемъ передъ этимъ у Пушкина была рѣчь съ П. Д. Киселевымъ); если же и поступить въ военную службу, то уже лучше въ конную гвардію. Предсказанія г-жи Кирхгофъ произвели на Пуш-

¹⁾ Переводъ: «Ты будешь два раза въ изгнаніи; сдѣлаешься кумпромъ своихъ соотечественниковъ; можетъ быть, проживешь долго... Однакоже на 37 году жизни берегись бѣлаго человѣка, бѣлаго коня, или бѣлой головы».

Къ этому преданію о гадалщицѣ Кирхгофъ не можемъ не присоединить разсказа, слышаннаго нами отъ одной (нынѣ умершей) близкой родственницы князя Шаховскаго. «Недѣли за двѣ до 14-го декабря 1825 года, у князя были въ гостяхъ графъ М. А. Милорадовичъ и А. И. Якубовичъ. Въ то же время къ князю пришла старушка-нѣмка, мастерица гадать въ карты. Сидя съ нами, дѣвцами, у чайнаго стола, она, по нашей просьбѣ, гадала, предсказывая каждой изъ насъ разныя разности. Нашъ говоръ привлекъ въ столовую графа Милорадовича. Онъ, шутя, припугнулъ ворожею, сказавъ, что ее вышлетъ съ жандармами изъ столицы; потомъ, попросилъ разложить ему карты, бросивъ ей на столъ 25-ти-рублевую ассигнацію. Гадалщица повинувалась и затѣмъ объявила, что не смѣетъ сказать графу его будущаго, изъ боязни его испугать. Это разсмѣшило его, и онъ настойчиво требовалъ отвѣта. Тогда ворожея попросила его выйдти съ нею въ другую комнату. Графъ исполнилъ ея желаніе: она что-то долго говорила ему и возвратилась къ намъ, видимо изволнованная. Немного погодя, въ столовую вошли графъ, Якубовичъ и князь Шаховской. По настоятельнымъ требованіямъ Якубовича, ворожея гадала и ему и точно также по секрету, въ сосѣдней комнатѣ, сказала Якубовичу, что ему вышло въ картахъ. Между тѣмъ, мы всѣ приступили къ графу, прося, чтобы онъ объявилъ намъ, что ему сказала ворожея. Онъ смѣясь сказалъ: «вообразите, mesdames, колдунья сказала мнѣ, что черезъ двѣ недѣли я буду убитъ!». Якубовичъ возвратился съ лицомъ мрачнѣе обыкновеннаго. Князь и графъ спросили, не предсказано-ли и ему что-нибудь подобное? «Еще хуже»,— отвѣчалъ Якубовичъ,— «но я никому этого не скажу».

книа глубокое впечатлѣніе, и онъ, впоследствии, часто припоминалъ ихъ.

Въ 1819 году, въ Петербургъ пріѣхала, вмѣстѣ съ мужемъ и отцомъ, Анна Петровна Кернъ и была представлена родной своей теткѣ, Елисаветѣ Марковнѣ Олениной, гостиняя которой, какъ извѣстно, была, по любезности хозяевъ и избранному кругу гостей — первую въ столицѣ ¹⁾. Многіе аристократическіе дома, конечно, превосходили домъ Олениныхъ блескомъ и роскошью, но каждый изъ нихъ могъ позавидовать кругу знакомства, состоявшаго изъ представителей міра ученаго, литературнаго и художественнаго, соединенныхъ, какъ бы, въ одну дружную семью. «Алексѣй Николаевичъ Оленинъ»,—говоритъ нашъ заслуженный художникъ Ѳ. Г. Солнцевъ въ своихъ «воспоминаніяхъ» («Русская Старина» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 619—620),—«не любилъ садиться обѣдать безъ постороннихъ лицъ. Онъ былъ чрезвычайно общительный и гостепріимный человекъ. Гости у него постоянно было очень много: художники, литераторы, офицеры Семеновскаго, Измайловскаго и Конногвардейскаго полковъ, разныя извѣстныя лица; наконецъ, чуть-ли не всѣ сколько-нибудь замѣчательныя иностранцы, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, непремѣнно бывали у Алексѣя Николаевича. О количествѣ гостей, посѣщавшихъ семейство Оленина, можно судить по тому, что на дачѣ Алексѣя Николаевича, Пріютино, за пороховыми заводами, находилось 17 коровъ, а сливокъ никогда не доставало. Гостить у Олениныхъ, особенно на дачѣ, было очень привольно.... Каждый могъ заниматься чѣмъ угодно. Какъ на дачѣ, такъ и въ Петербургѣ, игра въ карты у Олениныхъ никогда почти не устраивалась, развѣ въ какомъ-нибудь исключительномъ случаѣ; зато всегда, особенно при Алексѣѣ Николаевичѣ, велись очень оживительныя разговоры. А. Н. Оленинъ никогда не просилъ гостей-художниковъ рисовать, а литераторовъ читать свои произведенія; какихъ-либо подарковъ или поднесеній ни отъ кого не принималъ. Несмотря на глубокую ученость Алексѣя Николаевича, при немъ всѣ держали себя свободно».....

Вотъ что рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Анна Петровна Кернъ ²⁾.

«Въ мой пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1819 году, я встрѣтила Пушкина въ домѣ тетки моей Олениной. Отецъ меня представилъ Крылову, Гнѣдичу, и я видѣла Карамзина, съ его гордой, даже над-

¹⁾ Въ обширномъ собраніи П. А. Ефремова портретовъ русскихъ людей—есть интересный портретъ Е. М. Олениной.

²⁾ «Русская Старина», 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 235.

менной супругой. Нѣкто сказалъ, когда вошли Карамзинъ и жена его въ залу, гдѣ разыгрывались шарады: «oui, c'est là m-me Карамзинъ, on le voit à sa morgue!» (Да, это точно г-жа Карамзина, это видно по ея горделивой осанкѣ). Больше я ихъ не видала; она была первою любовью Пушкина. Всѣ знаютъ, что онъ пожелалъ получить ея благословеніе передъ смертью. Я думаю, онъ никого истинно не любилъ, кромѣ няни своей и потомъ сестры.

«Я встрѣтила Пушкина и не замѣтила его: мое вниманіе было поглощено шарадами, которыя тогда разыгрывались, и въ которыхъ участвовали Крыловъ, Плещеевъ и другіе. Не помню, за какой-то фантъ, Крылова заставили прочитать одну изъ его басенъ. Онъ сѣлъ на стулъ по срединѣ залы; мы всѣ столпились вокругъ него, и я никогда не забуду, какъ онъ былъ хорошъ, читая своего «Осла»! И теперь еще мнѣ слышится его голосъ и видится его разумное лицо и комическое выраженіе, съ которымъ онъ произнесъ:

«Осель былъ самыхъ честныхъ правилъ!»

«Въ чаду такого очарованія мудрено было видѣть кого-бы то ни было, кромѣ виновника поэтического наслажденія, и вотъ почему я не замѣтила Пушкина. Но онъ вскорѣ далъ себя замѣтить. Во время дальнѣйшей игры, на мою долю выпала роль «Клеопатры», и, когда я держала корзинку съ цвѣтами, Пушкинъ, вмѣстѣ съ братомъ Ал. Полторацкимъ, подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на корзинку и, указывая на брата, сказалъ: *Et c'est sans doute monsieur qui fera l'aspic?* (А этотъ господинъ безъ сомнѣнія будетъ представлять аспида?) Я наша это дерзкимъ, ничего не отвѣтила и ушла.

«Послѣ этого мы сѣли ужинать. У Олениныхъ ужинали на маленькихъ столикахъ, безъ церемоній и, разумѣется, «безъ чиновъ». Да и какіе могли быть чины тамъ, гдѣ просвѣщенный хозяинъ цѣнилъ и дорожилъ только науками и искусствами? За ужиномъ Пушкинъ усѣлся съ братомъ моимъ позади меня и старался обратить на себя мое вниманіе льстивыми возгласами, какъ на примѣръ: «*Est-il permis d'être aussi jolie?* (Позволительно-ли быть такой хорошенькой?) Потомъ завязался между ними шуточный разговоръ о томъ, кто грѣшникъ и кто нѣтъ; кто будетъ въ аду и кто попадетъ въ рай. Пушкинъ сказалъ брату:

«— Во всякомъ случаѣ, въ аду будетъ много хорошенькихъ, тамъ можно будетъ играть въ шарады. Спроси у m-me Кервъ, хотѣла-ли бы она попасть въ адъ?»

«Я отвѣчала очень серьезно и нѣсколько сухо, что въ адъ не желаю.

«— Ну, какъ же теперь, Пушкинъ?—спросилъ братъ.

«— «Je me ravise (отдумалъ!)»,—отвѣтилъ поэтъ—«я въ адъ не хочу, хотя тамъ и будутъ хорошенькія женщины».

«Вскорѣ ужинъ кончился, и стали развѣзаться. Когда я уѣзжала и братъ сѣлъ со мной въ экипажъ, Пушкинъ стоялъ на крыльцѣ и провожалъ меня глазами...»

Послѣ этой первой встрѣчи прошло шесть лѣтъ. Анна Петровна увидѣла Пушкина вторично, въ Тригорскомъ, въ іюнѣ 1825 года.

Политическія движенія въ Европѣ: революціонное броженіе умовъ, карбонари въ Италіи, Союзъ Добродѣтели (Tugendbund) въ Германіи; восстанія въ Неаполѣ, въ Сардиніи, въ Испаніи; убіеніе Августа Коцебу Карломъ Лудвигомъ Зандомъ (23-го марта 1819 года)—измѣнили направленіе идей императора Александра I.... Откровенно высказывая политическія свои убѣжденія встрѣчному и поперечному, Пушкинъ имѣлъ неосторожность, на масляной 1820 года, показывать, въ театрѣ, знакомымъ своимъ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго ¹⁾. Эта выходка разгнѣвала правительство и рѣшила судьбу поэта: призывали необходимымъ его убрать. Приводимъ относящійся къ этому времени рассказъ Ф. Н. Глинки.

«Разъ утромъ выхожу я изъ своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущаго ко мнѣ на-встрѣчу. Онъ былъ, какъ и всегда, бодръ и свѣжъ; но обычная (по крайней мѣрѣ, при встрѣчѣ со мною) улыбка не играла на его лицѣ, и легкій отгѣнокъ блѣдности замѣчался на щекахъ.

«— Я къ вамъ.

«— А я отъ себя!

«И мы пошли вдоль площади. Пушкинъ заговорилъ первый.

«— Я шелъ къ вамъ посовѣтоваться. Вотъ видите: слухъ о моихъ и не моихъ (подъ моимъ именемъ) піесахъ, разбѣжавшихся по рукамъ, дошелъ до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старшій дядька (Никита) объявилъ, что приходилъ въ квартиру какой-то неизвѣстный челоуѣкъ и давалъ ему пятьдесятъ рублей, прося дать ему почитать моихъ сочиненій и увѣряя, что скоро принесетъ ихъ назадъ. Но мой вѣрный старикъ не согласился, а я взялъ да и сжегъ всѣ мои бумаги.

¹⁾ Карлъ-Фердинандъ, герцогъ Беррійскій (duc de Berri), второй сынъ графа д'Артуа (впослѣдствіи Карла X) и принцессы Каролины неаполитанской, родился въ 1778 г., убитъ Лувелемъ (род. 1783), мастеровымъ сѣдельщикомъ, 2-го февраля 1820 г. Убійца былъ казненъ въ томъ-же году.

«При этомъ разсказѣ я тотчасъ узналъ Фогеля ¹⁾ съ его предѣлками.

«Теперь,—продолжалъ Пушкинъ, немного озабоченный,—меня требуютъ къ Милорадовичу! Я знаю его по публикѣ, но не знаю, какъ и что будетъ и съ чего съ нимъ взяться?.. Вотъ я и шелъ посоветоваться съ вами.....

«Мы остановились и обсуждали дѣло со всѣхъ сторонъ. Въ заключеніе я сказалъ ему:

«Идите прямо къ Милорадовичу, не смущаясь и безъ всякаго опасенія. Онъ не поэтъ; но въ душѣ и рыцарскихъ его выходкахъ—у него много романтизма: его не понимаютъ ²⁾! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: онъ не употребитъ во зло вашей довѣренности.

«Тутъ, еще поговоривъ немного, мы разстались: Пушкинъ пошелъ къ Милорадовичу, а мнѣ путь лежалъ въ другое мѣсто».

Часа черезъ три самъ графъ Милорадовичъ разсказалъ Ѳ. Н. Глинкѣ о свиданіи своемъ съ Пушкиннымъ:

— Знаешь, душа моя, у меня сейчасъ былъ Пушкинъ. Мнѣ вѣдь велѣно взять его и забрать всѣ его бумаги; но я счелъ болѣе деликатнымъ пригласить его къ себѣ и ужъ отъ него самого вытребовать бумаги. Вотъ онъ и явился, очень спокойнъ, со свѣтлымъ лицомъ, и, когда я спросилъ о бумагахъ, онъ отвѣчалъ: «графъ, всѣ мои стихи сожжены; у меня ничего не найдется на квартирѣ! Но если вамъ угодно, все найдется здѣсь (указалъ пальцемъ на свой лобъ). Прикажете подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кромѣ печатнаго) съ отиѣткою: что мое и что разошлось подъ моимъ именемъ». Подали бумаги. Пушкинъ сѣлъ и писалъ, писалъ... и написалъ цѣлую тетрадь.... Вотъ она, полюбуйся! Завтра я отвезу ее государю. А знаешь-ли? Пушкинъ плѣнилъ меня своимъ благороднымъ тономъ и манерою обхожденія.

До истребованія бумагъ отъ Пушкина и до доклада графа Милорадовича, участь поэта была предрѣшена: нѣкоторые лица изъ приближенныхъ къ императору упомянули о ссылкѣ, или о заточеніи Пушкина въ Соловецкій монастырь... Смягченію участи его много способствовало, какъ увидимъ, ходатайство Е. А. Энгельгардта, Н. М. Карамзина, Н. И. Гнѣдича, А. Н. Оленина и П. Я. Чаадаева.

¹⁾ Извѣстный въ то время пліонъ и сыщикъ, въ особенности по политическо-литературнымъ дѣламъ.

²⁾ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, въ чинѣ полковника гвардіи состоялъ по высочайшему повелѣнію при генералъ-губернаторѣ по особымъ порученіямъ.

Приводимъ разсказъ О. Н. Глинка со словъ графа Милорадовича о его докладѣ императору:

— Я вошелъ къ государю со своимъ сокровищемъ, подавъ ему тетрадь и сказалъ: «вдѣсь все, что разбрелось въ публикѣ, но вамъ, государь, лучше этого не читать». Государь улыбнулся на мою заботливость. Потомъ я разсказалъ подробно, какъ у насъ дѣло было. Государь слушалъ внимательно и наконецъ спросилъ: «А что-же ты сдѣлалъ съ авторомъ?»—Я? Я объявилъ ему отъ имени вашего величества прощенье!—Тутъ мнѣ показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчавъ немного, съ живостью сказалъ: «не рано-ли?». Потомъ, еще подумавъ, прибавилъ: «ну, коли ужъ такъ, то мы распорядились иначе: снарядить Пушкина въ дорогу, выдать ему прогоны и, съ соотвѣтствующимъ чиномъ и съ соблюденіемъ возможной благовидности, отправить его на службу на югъ!»

Это рѣшеніе было однако-же еще неокончательное. Принимая въ Пушкинѣ участіе, какъ въ бывшемъ воспитанникѣ Лицея, императоръ пожелалъ посоветоваться съ Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ. Встрѣтивъ его въ царскосельскомъ саду, государь пригласилъ его пройти съ собою и, во время прогулки, сказалъ:

— Пушкина надобно сослать въ Сибирь. Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла.

Въ отвѣтъ Энгельгардта выразилось все благородство души этого рѣдкаго человѣка.

«Воля вашего величества; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшего моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодаго человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумитъ его!»

Н. М. Карамзина о заступничествѣ просили самъ Пушкинъ и П. Я. Чаадаевъ. Первый, со слезами, разсказалъ свои обстоятельства, просилъ совѣта и помощи, покорно выслушалъ дружескіе упреки и наставленія. «Можете-ли вы, по крайней мѣрѣ»,—сказалъ ему Карамзинъ—«обѣщать мнѣ, что въ продолженіе года не напишете ничего, противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи». Пушкинъ далъ слово. Карамзинъ просилъ императрицу Марію Ѳеодоровну о смягченіи участи юнаго поэта. П. Я. Чаадаевъ, кромѣ Карамзина, просилъ о пред-

стательствѣ у государя князя Васильчикова; Гнѣдичъ со слезами умолялъ Оленина о томъ-же... Удаленіе Пушкина въ южную Россію, сравнительно съ прежними намѣреніями высшей власти, могло считаться милостью.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, у Калинкина моста, въ домѣ Блокачева (впослѣдствіи, сенатора Трофимова). Изъ этого дома проводили Александра Сергѣевича до Царскаго села его лицейскіе товарищи, баронъ А. А. Дельвицъ и М. Л. Яковлевъ. Видъ на проѣздъ, выданный Пушкину вмѣстѣ съ прогнами изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, былъ помѣченъ 5-мъ числомъ мая 1820 года. Если поэтъ выѣхалъ на слѣдующій день, 6-го мая (что почти несомнѣнно, такъ какъ онъ прибылъ въ Екатеринославъ 16-го или 17-го мая), то выходитъ, что выѣздъ Пушкина изъ Петербурга послѣдовалъ въ день Вознесенія, для него столь знаменательный.

К. П. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БУНТЪ ВЪ СТАРОЙ-РУСѢ ВЪ 1831 г.

Разсказъ очевидца.

Находясь въ 1831 году на службѣ въ поселенномъ баталіонѣ 3-го Карабинернаго полка, я былъ откомандированъ въ городъ Старую-Русу, для занятій въ штабѣ 2-й гренадерской дивизіи. Повсемѣстно свирѣпствовавшая въ то время холера, съ наступленіемъ жаровъ, усилилась до такой степени, что городомъ овладѣла паника, и никакія предохранительныя мѣры, въ видѣ окуриванія, не только не успокаивали жителей, но были причиной распространенія слуховъ, что окуриваніе отравляетъ народъ. Впослѣдствіи случилось такъ, что окуриваніе послужило основаніемъ старо-русскому бунту.

За городомъ находились казармы рабочаго баталіона. Онѣ состояли изъ мастеровыхъ, на обязанности коихъ было обстраивать городъ, и, поэтому, кромѣ непосредственныхъ своихъ начальниковъ, они подчинялись еще инженеръ-капитану Кролю, подъ руководствомъ котораго производилась постройка. Вотъ эти-то казармы, вечеромъ 10-го іюля, наканунѣ Ольгина дня, вздумали окуривать. Для этого вывели солдатъ на дворъ, затонили печи; когда же закрыли трубы, то на горячія уголья бросили какой-то составъ, отъ котораго произошелъ чадъ до такой степени удушливый, что всякій изъ солдатъ, входившій въ казармы—терялъ сознаніе, и его выносили на дворъ. Это дало поводъ къ толкованію между солдатами, что ихъ отравляютъ. Поднялся шумъ, на который изъ города явилась толпа мѣщанъ, принявшая въ немъ участіе. Тогда солдаты окончательно вышли изъ повиновенія, бросились на своихъ начальниковъ и—начало бунта совершилось.

Въ это время я былъ у всенощной. Выходя изъ церкви, я былъ удивленъ необычайнымъ шумомъ въ городѣ, гдѣ-то вдали. Изъ любопытства я пошелъ по направленію, откуда раздавался шумъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я встрѣтилъ толпу мѣщанъ въ рубашкахъ; она шла по-

среди улицы, и, когда поравнялась со мной, то одинъ изъ мѣщавъ, проходя около меня, сказалъ: «вотъ, такъ бы и растерзалъ!». Не сознавая еще никакой опасности, я продолжалъ путь. Улица, по которой я шелъ, называлась Александровскою; на этой улицѣ была квартира генерала отъ артиллеріи Мевесъ. Когда я проходилъ мимо его дома, генералъ отворилъ окно, подозвалъ меня и спросилъ—не знаю-ли я, гдѣ шумъ? Не получивъ отъ меня удовлетворительнаго отвѣта, генералъ поручилъ мнѣ сходить къ полицеймейстеру и сказать ему о безпорядкѣ въ городѣ. Я поспѣшилъ на квартиру полицеймейстера, но онъ уже отправился туда, гдѣ былъ шумъ. Желая объ этомъ сообщить генералу, я пошелъ къ нему и встрѣтилъ его уже на улицѣ, а кругомъ его большую толпу народа. Съ трудомъ добравшись до генерала, я доложилъ ему, что зналъ о полицеймейстерѣ; но внимание его обращено было на толпу, которая громко выражала свою жалобу на всѣхъ дворянъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они отравляютъ народъ, и просила Мевеса донести объ этомъ государю. Мевесъ обѣщалъ исполнить ея просьбу, если по изслѣдованіи окажется, что она справедлива, и уговаривалъ толпу разойтись по домамъ. Въ это время кто-то закричалъ: «ребята, сюда!», и вся толпа убѣжала. Мы остались одни посреди улицы. Тогда генералъ Мевесъ сказалъ: «не понимаю, что все это значить» и пошелъ домой. Я тоже послѣдовалъ его примѣру. Возвратясь на свою квартиру, я сѣлъ у раствореннаго окна. Но не прошло и получаса, какъ по улицѣ въ большомъ безпорядкѣ пробѣжалъ рабочій баталіонъ на городскую площадь, гдѣ находились гостинный дворъ, аптека, присутственные мѣста и главная гауптвахта. Вскорѣ за рабочимъ баталіономъ пробѣжалъ на дрожкахъ и генералъ Мевесъ. Минуть черезъ десять прибѣжалъ матросъ ластоваго экипажа къ своему начальнику, который жилъ противъ меня черезъ улицу, и сталъ стучать въ калитку его дома. Начальникъ матроса отворилъ форточку и спросилъ—«что надо?». На это матросъ отвѣчалъ: «генералъ Мевесъ убитъ!». Узнавъ о постигшей генерала участи, съ которымъ я такъ недавно еще говорилъ, и сознавая опасность своего положенія, я затворилъ окно и спустилъ штору, а деньщику приказалъ никуда не отлучаться.

Появленіе генерала Мевеса на площади сначала предвѣщало хорошей исходъ. Народъ слушалъ генерала, стоя безъ шапокъ. Но это продолжалось недолго. Кто-то изъ толпы закричалъ: «что вы его слушаете, берите его!», и въ ту же минуту Мевеса стащили съ дрожекъ, ввали за голову и ноги, стали качать и потомъ пустили его съ размаху по булыжной мостовой—почтенный старецъ тутъ же испустилъ духъ... Съ этого момента начались убійства, и неистовство на-

рода не знало предѣловъ. Въ числѣ первыхъ жертвъ былъ и полицей-
мейстеръ, майоръ Манжосъ. Желая скрыться, онъ побѣжалъ на задній
дворъ дома, гдѣ жила генеральша Гербель, и спрятался за мусорной
ямой. Народъ, войдя на дворъ и не видя Манжоса, собирався уже
уйти, какъ, въ это время, какая-то женщина, узнавъ—кого они ищутъ,
указала имъ, куда побѣжалъ Манжосъ; въ ту же минуту онъ былъ
найденъ, и въ воротахъ убитъ коломъ въ лобъ; потомъ его раздѣли
до-нага и бросили на площадь, гдѣ онъ пролежалъ болѣе сутокъ. Въ
это же время уничтожены были аптека и полицейское управленіе,—
отъ нихъ остались голыя стѣны. Когда разрушали аптеку, аптекар-
скій ученикъ забрался на чердакъ и изъ слуховаго окна выстрѣ-
лилъ въ толпу, стоявшую на площади. Этотъ ученикъ вскорѣ былъ
найденъ и сброшенъ съ чердака на каменную мостовую; однакожъ
онъ всталъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, но потомъ упалъ, и былъ
убитъ. Вообще разрушеніе было полное, уцѣлѣли только кабаки,
вслѣдствіе распространившагося слуха, что они отравлены ¹⁾). Въ это
несчастное время въ городѣ не было никакой военной команды. Остав-
шіеся отъ похода въ Польшу резервные баталіоны находились въ лагерѣ,
въ 60-ти верстахъ отъ города; поэтому народъ буйствовалъ, сколько
хотѣлъ, и вся власть перешла въ руки рабочаго баталіона, который
ночью занялъ всѣ гауптвахты. На другой день, т. е. 11-го июля, ра-
но утромъ, по настоянію народа, былъ совершенъ изъ монастыря
крестный ходъ по городу, который прослѣдовалъ мимо моей квартиры.
Находясь въ постоянной тревогѣ за свою участь, я къ утру только
задремалъ, но церковное пѣніе заставило меня встрепенуться и быть,
хотя украдкой, свидѣтелемъ крестнаго хода, за который настоя-
тель монастыря подвергся отвѣтственности. Впродолженіе всего дня
народъ толпами ходилъ по городу, справляясь въ каждомъ домѣ,
нѣтъ-ли офицеровъ. Заходили къ хозяйкѣ, у которой я квартиро-
валъ, но она отозвалась, что у ней нѣтъ постояльцевъ. Если же кого
находили, то вели на площадь, били и сажали на гауптвахту подъ
надзоръ солдатъ рабочаго баталіона. Не выходя цѣлыя сутки изъ
дому, но зная отъ очевидцевъ, что происходитъ въ городѣ, я воз-
намѣрился уѣхать въ свой округъ, и для этого послалъ въ штабъ
за лошадьми. Но посланному моему было объяснено, что опасность
такъ велика, что я не доѣду и до городской заставы, какъ буду

¹⁾ Около 12-ти часовъ ночи по всему городу раздался набатъ во всѣ ко-
локола городскихъ церквей, который производилъ потрясающее дѣйствіе.

схваченъ, и, поэтому, мнѣ не только не отпустили лошадей, но и совѣтовали не показываться на улицу. Неизвѣстно, сколько дней мы находились бы въ такомъ ужасномъ положеніи, еслибъ одному переодѣтому офицеру не удалось добраться до лагеря. Начальникъ лагеря, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, узнавъ о буйствѣ въ городѣ, немедленно отправилъ туда, на подводахъ, маіора Ясинскаго съ баталіономъ карабинеровъ, а чрезъ сутки вступилъ и самъ съ остальными войсками. Маіоръ Ясинскій до разсвѣта прибылъ къ городской заставѣ. Его окликнулъ караульный часовой рабочаго баталіона. Ясинскій приказалъ караулу идти въ казармы, что и было исполнено безъ малѣйшаго прекословія со стороны рабочихъ солдатъ. Потомъ Ясинскій двинулся на городскую площадь, гдѣ находилась главная гауптвахта, тоже занятая рабочими солдатами. Еще баталіонъ не успѣлъ выстроиться противъ гауптвахты, какъ поднялась страшная сумятица между офицерами, находившимися подъ арестомъ на гауптвахтѣ. Ничего не зная о приходѣ въ городъ Ясинскаго и слышавъ въ темнотѣ, что предъ гауптвахтой происходитъ какое-то движеніе, офицеры эти, представили себѣ, что, вѣрно, пришелъ ихъ конецъ, съ крикомъ выскочили на платформу и тѣмъ, въ свою очередь, встревожили солдатъ Ясинскаго, которые вообразили, что на нихъ идутъ солдаты рабочаго баталіона, и поэтому та часть солдатъ Ясинскаго, которая уже выстроилась предъ гауптвахтой, по командѣ своего капитана, приложилась и выстрѣлила, въ суетѣ забывъ снять чехлы съ курковъ, и, только благодаря этой оплошности, не послѣдовало залпа. Ясинскій, приказавъ рабочимъ удалиться въ свои казармы, принялся водворять порядокъ въ городѣ. Прежде всего онъ послалъ патруль на квартиры офицеровъ, о которыхъ было извѣстно, что они, по обязанности службы, должны находиться въ городѣ,—чтобы узнать, живы-ли они. Такой патруль, подойдя рано утромъ къ дверямъ моей квартиры, сталъ стучать. Не спавъ въ предшествующую ночь, на вторую ночь я заснулъ, но стукъ въ двери заставилъ меня встать и спросить—кто стучится. Узнавъ о цѣли прибытія патруля, я былъ очень радъ его появленію, и немедленно вышелъ съ нимъ на улицу. Не зная Ясинскаго и не принадлежа къ его командѣ, я одакожъ явился къ нему. Ясинскій нуждался въ офицерахъ, и былъ доволенъ моимъ приходомъ.

Молва объ убійствѣ дворянъ въ городѣ быстро перешла въ округа военныхъ поселеній, и тамъ тоже началось избіеніе чиновныхъ людей, послѣ чего поселяне отправляли всѣхъ изувѣченныхъ въ городъ на подводахъ, для суда. Немногимъ удалось спасти свою жизнь въ одеждѣ крестьянина или солдата.

Генералъ Леонтьевъ, по прибытіи въ городъ съ нѣсколькими баталіонами и артиллерією, размѣстилъ ихъ бивуакомъ на площадяхъ, а патрульнымъ вѣнено было въ обязанность, при встрѣчахъ съ подозрительными личностями, находящіяся при нихъ узлы съ вещами отбирать и приносить на главную гауптвахту. Вещи эти складывались въ одинъ уголъ, и набралось ихъ, всякаго рода, весьма много. Пославъ донесеніе государю и запретивъ поселянамъ являться въ городъ, генералъ Леонтьевъ исключительно преданъ караульной службѣ и за всякую ошибку офицера выражался очень рѣзко. Подобное обращеніе я на себѣ испыталъ. Мнѣ случилось стоять въ караулѣ, въ отдаленной части города. Была смѣна часовыхъ, и караулъ не приведенъ былъ еще къ окончательному расчету, какъ появился генералъ передъ гауптвахтой, напелъ расчетъ невѣрнымъ и, узнавъ изъ разговора со мной, что во время бунта я находился въ городѣ, сказалъ: «жаль, что васъ не убили!».

Двѣ недѣли стояли солдаты на площадяхъ, подъ сильнымъ солнечнымъ зноемъ; все это время Леонтьевъ ждалъ приказанія изъ Петербурга; но приказаніе не приходило, какъ узнали впоследствии—потому, что донесеніе къ государю было на дорогѣ перехвачено поселянами. Въ то время резервные баталіоны состояли большею частію изъ кантонистовъ, т. е. изъ сыновей поселянъ. Эти послѣдніе чрезъ депутатовъ просили генерала дозволить имъ повидаться съ своими сыновьями. Леонтьевъ, не зная о перехватѣ своего донесенія, продержавъ солдатъ, въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, двѣ недѣли на каменной мостовой и, вѣроятно, желая сдѣлать имъ что-нибудь пріятное,—дозволилъ просимое свиданіе. Поселяне конечно не преминули сообщить своимъ сыновьямъ, какая рѣзня происходитъ въ округахъ, а сыновья, въ свою очередь,—заявить, въ какомъ тяжеломъ положеніи они находятся. Эти то переговоры и были причиной того, что поселянамъ удалось совершить великія злодѣяства. Двухнедѣльное бездѣйствіе довело какъ начальниковъ, такъ и солдатъ до апатіи. Только поселяне не дремали. Они собрались въ большомъ числѣ, пѣшіе и конные, и появились на петербургскомъ шоссе, по направленію къ городу. Но, чтобы попасть въ городъ, надо было перейти мостъ, на которомъ стояло одно орудіе съ прикрытіемъ изъ взвода пѣхоты. За мостомъ находилась площадь, вся обстроенная казенными домами. На эту площадь, по предварительно-секретному приказанію, въ случаѣ нападенія поселянъ на городъ, всѣ части войскъ, расположенныя въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ, должны были немедленно собраться. Такимъ образомъ составила порядочная сила съ артиллерією, но она не была употреблена противъ поселянъ, постепенно

приближавшихся къ мосту. Командиръ батареи, капитанъ Грязновъ, просилъ дозволенія у генерала Леонтьева разогнать поселянъ ядромъ или картечью. На это Леонтьевъ отвѣчалъ: «а что скажетъ государь?», и, находясь подъ такимъ настроеніемъ духа, велѣлъ отвезти орудіе назадъ. Какъ-только поселяне увидѣли, что мостъ сдѣлался свободнымъ, бросились къ нему, ворвались на площадь, и первымъ ихъ дѣломъ было кинуться на генерала Леонтьева, который въ это время стоялъ въ глубинѣ одной колонны. Они безпрепятственно вывели генерала на середину площади, сняли съ него шляпу съ бѣлымъ перомъ и эполеты и, въ виду всего воинства, начали его бить. Одинъ изъ поселянъ, надѣвъ на себя вещи генерала, расхаживалъ около колоннъ, а другіе подходили къ солдатамъ и предлагали имъ выдать тѣхъ изъ офицеровъ, которыми они недовольны. Поселяне забрались въ дома, окружающія площадь, и изъ оконъ выбрасывали все— что попадалось. Въ одной изъ комнатъ они встрѣтили генерала Эмме и выбросили его изъ втораго этажа, чѣмъ причинили ему сильныя увѣчья. Генералъ Эмме былъ командиръ бригады, которая находилась въ дѣйствующей арміи, въ Царствѣ Польскомъ, и по болѣзни оставался въ Старой-Русѣ. Своевольство поселянъ, не встрѣчая преграды, дошло до того, что они вынесли столъ, поставили его на площадь и посадили за столъ съ письменными принадлежностями Леонтьева и другихъ изувѣченныхъ, которыхъ привели изъ разныхъ частей города, и заставляли ихъ писать, какую сумму денегъ они получили отъ поляковъ, чтобы отравлять народъ. Въ день нападенія поселянъ на городъ, я стоялъ въ караулѣ, на площади, гдѣ находились присутственныя мѣста. Къ барріеру занимаемой мною гауптвахты прискакала толпа поселянъ, звѣрски взглянула на меня и солдатъ, которые стояли со мной за сошками, держа ружья у ноги, и, не сказавъ ни слова, толпа эта такъ-же быстро исчезла, какъ и появилась. Поселяне ворвались въ городъ часа въ три по-полудни и буйствовали до шести часовъ вечера. Впродолженіе всего этого времени, они рыскали по городу, хватали всѣхъ—кого имъ вздумалось, изъ квартиръ, даже изъ военнаго госпиталя. Такимъ образомъ, вторично былъ взятъ старшій врачъ военнаго госпиталя, Богородскій, и убитъ. Еще въ первый день бунта, т. е. 10-го іюля, толпа народа ворвалась въ квартиру Богородскаго, который находился въ кругу своей семьи, состоявшей изъ жены и шестерныхъ дѣтей,—вывела его на площадь, избила и потомъ заковала и посадила въ арестантскую полицейскаго управленія. Когда я, явившись къ маіору Лсняскому, по его предложенію, вступилъ въ караулъ на цѣлую недѣлю безсмынно, то мнѣ было заявлено, что арестованный и закованный докторъ проситъ меня зайти

къ нему. Я немедленно отправился къ Богородскому, и въ ту же минуту приказалъ какому-то артиллерійскому кузнецу снять кандалы, что и было исполнено, послѣ усиленной работы. Испытавъ на себѣ, какъ ненадеженъ домашній пріютъ въ смутное время, Богородскій, по освобожденіи своемъ, не рѣшился возвратиться домой, а отправился въ военный госпиталь, полагая, что изъ этого убѣжища его не возьмутъ, но, чрезъ двѣ недѣли, онъ вторично, какъ сказано выше, былъ взятъ и убитъ.

Въ теченіе трехъ часовъ поселяне потѣшались надъ своими жертвами въ виду военной силы, но никто изъ начальниковъ не рѣшался положить предѣлъ этой безпримѣрной исторіи. И вотъ, наконецъ, одному изъ фейерверкеровъ батареи капитана Грязнова наскучило смотрѣть на расправу поселянъ. Этотъ великодушный человекъ, по собственному своему побужденію, а не по приказанію, взялъ отъ орудія правило, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли жертвы изверговъ-поселянъ, и сказалъ этимъ послѣднимъ, приподнявъ надъ ихъ головами правило: «довольно вамъ потѣшаться, расходитесь, а въ противномъ случаѣ я васъ разгоню вотъ тѣмъ!». Вслѣдствіе ли утомленія, или вслѣдствіе внезапнаго сознанія своего преступленія, только поселяне немедленно стали расходиться. И вотъ, по уходѣ ихъ, представилась слѣдующая картина. Большая площадь, окруженная домами съ выбитыми окнами, съ разбросанными вещами, со столомъ, за которымъ сидятъ чуть-живыя равныя лица, а кругомъ площади баталіоны въ полномъ вооруженіи и батарея артиллеріи. Фактъ прискорбный, и едва ли въ исторіи найдется ему подобный. Когда поселяне разошлись, баталіоны, по распоряженію начальника отряда, заняли тѣ мѣста, гдѣ стояли прежде. Въ то же время принесли генерала Леонтьева на рогожѣ въ домъ полицейскаго управленія и положили въ пустую комнату на полъ. Часа черезъ два, я съ капитаномъ Грязновымъ пошелъ навѣстить генерала. Онъ лежалъ на соломѣ, ничѣмъ не прикрытый, и на лицѣ его были синяки. Капитанъ Грязновъ сказалъ: «какъ жаль, что ваше превосходительство не дозволили мнѣ стрѣлять». На это генералъ отвѣчалъ: «теперь и я вижу, что надо было стрѣлять!». Въ часъ ночи явился ко мнѣ на гауптвахту деньщикъ генерала и объявилъ, что Леонтьевъ скончался, что мундиръ у него есть, но панталонъ нѣтъ, и потому просилъ, какъ бы ихъ добыть. Я указалъ ему на уголъ, гдѣ валялись разныя вещи, принесенныя патрулемъ, и тамъ найдены были панталоны. Вскорѣ по уходѣ деньщика, мнѣ вдумалось взглянуть на умершаго генерала. По темной лѣстницѣ, я съ трудомъ добрался до комнаты, гдѣ лежалъ генералъ, когда я навѣстилъ его съ Грязновымъ, и вдругъ вижу, что генералъ

стоитъ одѣтый въ мундиръ и шевелить пальцами на груди, а передъ нимъ на полу горитъ салный огарокъ, воткнутый въ бутылку. Я былъ озадаченъ этимъ явленіемъ, однако-жъ, всматриваясь въ фигуру генерала, я замѣтилъ, что изъ-за его спины высунулась голова денщика, который поставилъ на ноги умершаго генерала и обхватилъ его сзади для того, чтобы удобнѣе было застегнуть мундиръ на всѣ девять пуговиць.

Со смертію Леонтьева безначаліе въ городѣ было полное. Полиція не существовала; военные же частные начальники вращались только около своихъ частей, и никто изъ баталіонныхъ командировъ не принималъ на себя обязанности старшаго начальника. Въ такомъ положеніи прошли цѣлыя сутки, какъ вдругъ, часу въ шестомъ вечера, прискакалъ въ городъ фельдъегерь для занятія во дворцѣ квартиры генералъ-маіору Микулину. Вслѣдъ за фельдъегеремъ прибылъ и Микулинъ; онъ состоялъ тогда въ свитѣ его величества и былъ комендантомъ императорской главной квартиры. Посылая его въ г. Старую-Русу, государь приказалъ всѣ войска, находящіяся въ городѣ, включая и рабочій баталіонъ, привести въ г. Гатчино, на высочайшій смотръ. Только впоследствии намъ сдѣлалось извѣстно, что главная задача для Микулина состояла не въ смотрѣ, а въ томъ, чтобы цѣликомъ былъ выведенъ изъ города рабочій баталіонъ и доставленъ въ Кронштадтъ, гдѣ надъ нимъ назначенъ былъ судъ, подъ предсѣдательствомъ генерала Клейнмихеля, и поэтому резервные баталіоны служили только маскировкой, безъ чего невозможно было бы доставить въ Кронштадтъ рабочій баталіонъ—виновника старо-русскаго бунта. Государь приказалъ генералу Микулину не возвращаться безъ рабочаго баталіона; слѣдовательно, порученіе было очень серьезное, и генералу Микулину удалось выполнить его въ точности. Ему надо было всѣхъ насъ удивить внезапностію своихъ распоряженій и не дать времени опомниться. Для этого онъ тотчасъ же, по пріѣздѣ своемъ, велѣлъ всѣмъ баталіонамъ, также и рабочему—построиться въ колонны и ожидать его прихода. Все вострепнулось; даже депутаты отъ города приготовились встрѣтить генерала хлѣбомъ-солью, но Микулинъ, объяснивъ представителямъ города рѣвкимъ и обличительнымъ словомъ всю гнусность поведенія жителей во время бунта, прогналъ депутатовъ. Прибывъ къ баталіонамъ, генералъ прочиталъ высочайшій приказъ о томъ, что Микулинъ назначается начальникомъ всѣхъ войскъ, находящихся въ Старой-Русѣ, и что ему поручается представить эти войска въ Гатчино, на высочайшій смотръ. Послѣ чтенія приказа, въ ту же минуту первая колонна выступила

съ площади въ походъ безъ всякаго предварительнаго приготовленія; черезъ часъ выступила другая колонна, и такимъ же порядкомъ выступили всѣ колонны; только послѣдняя колонна была нѣсколько задержана, и выступила съ разсвѣтомъ. Колонна эта состояла изъ карабинеровъ, рабочаго баталіона, артиллеріи и дивизіона уланъ, прибывшихъ къ этому времени. Колонна вышла изъ города подъ личнымъ начальствомъ генерала Микулина, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди взводъ уланъ, за ними карабинеры, потомъ рабочій баталіонъ, за нимъ карабинеры, артиллерія и взводъ уланъ, а по обѣимъ сторонамъ колонны, начиная отъ головы до хвоста, тоже уланы. Съ начала похода никто не обратилъ вниманія на составъ колонны и распредѣленіе ея въ пути, но потомъ осмотрѣлись, и въ рабочемъ баталіонѣ стали говорить, что ихъ ведутъ подъ конвоемъ. Однакожь день прошелъ благополучно, а на ночь колонна расположилась на большой дорогѣ, при какихъ-то сараяхъ. Генералъ Микулинъ постоянно находился при колоннѣ и всю ночь бодрствовалъ. На другой день колонна слѣдовала уже не въ прежнемъ порядкѣ. На этотъ разъ рабочій баталіонъ шель впереди карабинеровъ, и, вслѣдствіе этого перемѣщенія, солдаты рабочаго баталіона уже не говорили, что ихъ ведутъ подъ конвоемъ. Во время привала пріѣхалъ фельдъегерь и подалъ генералу Микулину пакетъ. Въ ту же минуту колонна стала въ ружье, взяла на караулъ, и Микулинъ прочиталъ высочайшій манифестъ о рожденіи великаго князя Николая Николаевича.

Когда колонна прибыла въ с. Сиворицы, близъ г. Гатчино, то было объявлено, что въ селѣ отведены квартиры только для резервныхъ баталіоновъ, а уланамъ, артиллеріи и рабочему баталіону квартиры назначены въ г. Ораніенбаумѣ. Такая новость, послѣ большаго перехода, не поправилась рабочему баталіону: онъ надѣялся на отдыхъ, а ему приказываютъ немедленно слѣдовать далѣе по назначенію. Все это было устроено генераломъ Микулинымъ, конечно, съ умысломъ. Цѣль его была: большимъ переходомъ, во время жары, утомить рабочій баталіонъ и заставить его желать только прибытія на квартиры. По приходѣ въ г. Ораніенбаумъ, колонна взяла направленіе къ гати; уланы, подойдя къ ней, отъѣхали въ сторону, а рабочій баталіонъ продолжалъ путь по гати, все усиливая шагъ, чтобы скорѣе достигнуть цѣли, не обращая вниманія на мѣстность, ему совершенно незнакомую. Когда же весь баталіонъ вступилъ на гать, то послѣдніе ряды, замѣтивъ, что сзади ихъ никто не идетъ, оглянулись и увидѣли, что при входѣ на гать стоятъ орудія, снятыя съ передковъ; тогда рабочій баталіонъ нѣсколько заволновался, но уже

было повдно, такъ какъ голова колонны вступила на пристань, у которой стояло нѣсколько перевозныхъ судовъ, и на каждое судно стали сажать по сту человекъ и немедленно отправлять въ Кронштадтъ. Убѣдясь въ невозможности оказать сопротивленіе, рабочій баталіонъ живо присмирѣлъ и покорился своей участи, видя, что онъ окруженъ съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой ожидала его картечь.

Такимъ образомъ труды генерала Микулина увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и Анна 1-й степени была ему наградою. Вскорѣ состоялся высочайшій смотръ, на который резервные баталіоны явились въ большомъ смущеніи, послѣ старо-русскихъ событій, и, въ ожиданіи отвѣтственности, со страхомъ думали о будущемъ. Его величество, объѣхавъ войска, выважалъ офицеровъ впередъ и сказалъ: «въ безпорядкахъ, происшедшихъ въ Старой-Русѣ, я васъ не виню—виноватъ одинъ бывшийъ вашъ начальникъ!». И тутъ же приказалъ всѣхъ баталіонныхъ командировъ представить къ слѣдующему чину.

Г. Царское село.

Сообщ. Н. Е. Матвѣевъ.

Живая женщина, врытая въ землю

въ 1730 г.

Въ Брянскѣ, въ канцелярію воеводскаго правленія доношеніе.

Сего 1730 года, августа 21-го дня, въ Брянскѣ, на площади, вкопана была въ землю крестьянская жонка Ефросинья за убійство до смерти мужа ея. И сего, сентябрѣ, 22-го дня, она жонка, вкопанная въ землю, умре.

О семъ доноситъ Брянской канцеляріи воеводскаго правленія караульной капралъ Игнатій Колосьевъ. Къ сему доношенію подъячій Степанъ Лаврентьевъ, вмѣсто караульнаго капрала Игнатія Колосьева, по его прошенію, руку приложилъ.

Помѣта: Отдать къ повѣтыю и сообщить къ дѣлу, а показанную умершую жонку, вынявъ изъ окопу, похоронить, и въ колодничьемъ списку подъ именемъ ея отмѣтить, и въ Севскѣ въ провинціальную канцелярію о томъ репортовать.

Подполковникъ Василій Камышинъ. Приписалъ Андрей Богдановъ.

Помѣта: № 804. Подано сентябрі 22-го дня 1730 году, записавъ въ реестръ.

Г. Брянскъ.

Сообщ. А. И. Скандеръ.

Суворовъ.

(Изъ записокъ французскаго эмигранта, маркиза Марсильяка: отзывъ его о Суворовѣ).

Характеръ этого полководца, военное поприще котораго представляетъ рядъ успѣховъ, былъ изображенъ многими писателями. Повторять въ подробности ихъ сужденія—значило бы—принять на себя роль компилятора, а потому ограничусь разсказомъ нѣкоторыхъ особенностей его жизни, которыхъ я самъ былъ свидѣтелемъ: онѣ докажутъ, что выказанныя имъ странности происходили отъ тонкаго политическаго расчета, принятаго съ тою цѣлью, чтобы внушить удивленіе суевѣрному народу, бывшему тогда во младенчествѣ цивилизаціи. Черезъ завѣсу этихъ странностей, которыми онъ усѣивалъ свою частную и общественную жизнь, нетрудно было разгадать человека гениальнаго, одареннаго сильнымъ характеромъ.

Суворовъ обладалъ глубокими свѣдѣніями въ наукахъ и литературѣ. Онъ любилъ выказать свою начитанность, но только передъ тѣми, коихъ считалъ способными оцѣнить его свѣдѣнія. Онъ отличался точнымъ знаніемъ всѣхъ европейскихъ крѣпостей, во всей подробности ихъ сооружений, а равно всѣхъ позицій и мѣстностей, на которыхъ происходили знаменитыя сраженія. Онъ говорилъ много о себѣ и о своихъ военныхъ подвигахъ; по его словамъ: «человѣкъ, совершившій великія дѣла, долженъ говорить о нихъ часто, чтобы возбуждать честолюбіе и соревнованіе своихъ слушателей». Обладавъ военнымъ гениемъ, онъ судилъ о дѣйствіяхъ съ высшей точки зрѣнія. Мнѣ часто доводилось слышать отъ него слѣдующія сужденія: «получивъ повелѣніе императора—принять начальство надъ арміей, я спрашиваю у него—какими землями онъ желаетъ овладѣть? Затѣмъ, соображаю мой планъ дѣйствій такимъ образомъ, чтобы вторгнуться въ непріятельскую страну по возможности съ различныхъ сторонъ многими колоннами. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, я его опрокидываю: это дѣло солдатское; полководецъ же, составляя планъ дѣйствій, не долженъ ограничивать его атакою какой-либо позиціи. Непріятель, сторожа существенно какой-либо важный пунктъ, будетъ обойденъ съ фланга и даже съ тыла, и, для противодѣйствія вторженію въ его страну, долженъ раздробить свои силы».

Суворовъ обѣдалъ въ семь часовъ утра, и никто изъ нашихъ гастрономовъ не позвалилъ бы его обѣда, состоявшаго изъ нѣсколькихъ незатѣливыхъ мясныхъ, либо рыбныхъ блюдъ; а вмѣсто иррожнаго, подавали простую кашу (*riz à la Cosaque*)—отвратительное кушанье, которое находили превосходнымъ изъ уваженія къ фельдмаршалу, подчивавшему имъ усердно своихъ гостей. Таковъ былъ парадный столъ, послѣ котораго почти всегда приходилось снова обѣдать. Серебряныхъ приборовъ не было, по крайней мѣрѣ, въ походѣ. Обѣдъ былъ временемъ отдыха и привѣтливыхъ бесѣдъ хозяина, говорившаго много, но, вслѣдъ затѣмъ, тотчасъ уходившаго на отдыхъ; постелью ему служила связка соломъ, на которую онъ ложился, завернувшись въ свой походный плащъ. Соснувъ часа два, фельдмаршалъ занимался довольно долго, въ пять часовъ снова обѣдалъ—но уже одинъ, потомъ ложился и спалъ опять два часа, и, наконецъ, проводилъ ночь частью въ трудѣ, частью на отдыхѣ.

По выступленіи русскихъ войскъ изъ Швейцаріи, Суворовъ отвелъ ихъ въ Линдау. Когда маркизъ Марсильякъ оставилъ тамъ нашу армію, чтобы возвратиться въ Англію, послѣдніе къ нему слова фельдмаршала, на прощанье, были: «скажите его высочеству, графу д'Артуа, что Аннибалъ и Суворовъ переходили Альпы».

Сообщ. М. И. Богдановичъ.

Эпизодъ изъ осады Варны въ 1828 году.

Послѣ напечатанія статей подъ заглавіемъ «Воспоминанія объ осадѣ крѣпости Варны и участіе въ ней императора Николая Павловича въ 1828 году», бывший адъютантъ графа Бенкендорфа, Павелъ Матвѣевичъ Толстой, находившійся временно въ распоряженіи генерала Бистрома на южной сторонѣ, доставлялъ мнѣ нѣкоторыя словесныя объясненія, которыя по ихъ значенію я считаю долгомъ не оставлять въ безгласности.

Прибывъ по высочайшему повелѣнію въ южный отрядъ вечеромъ 17-го сентября, вскорѣ послѣ отбытія ген.-адъютанта Сухозанета, ротмистръ Толстой¹⁾ нашелъ генерала Бистрома крайне взволнованнымъ и безпокойнымъ. Твердо убѣжденный, что предположенная атака турецкаго укрѣпленнаго лагеря на высотахъ Куртене не можетъ обѣщать успѣха, генералъ Би стромъ въ эту же ночь отправилъ ротмистра Толстаго къ Государю на корабль «Парижъ» съ порученіемъ въ точности передать Его Величеству тѣ-же слова, которыя были высказаны генералъ-адъютанту Сухозанету, а именно, что онъ готовъ идти на приступъ простымъ солдатомъ, но слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность.

Выслушавъ это донесеніе, Государь приказалъ тотчасъ же позвать къ себѣ Дибича и, въ присутствіи Толстаго, строго сказалъ ему: «Вы все видите въ розовомъ цвѣтѣ, и вы одни будете отвѣчать мнѣ за послѣдствія завтрашняго дѣла!».

Повелительный тонъ, которымъ произнесены были эти слова, побудилъ Дибича просить разрѣшенія—лично отправиться къ отряду генерала Бистрома, гдѣ дѣйствительно и находился онъ во все время боя 18-го сентября, наблюдая изъ редута за дѣйствіями войскъ.

Что произошло между Государемъ и Дибичемъ, по возвращеніи послѣдняго—осталось неизвѣстнымъ, и хотя несчастный исходъ сраженія 18-го сентября могъ бы, казалось, поколебать довѣріе къ нему Государя, но этого однакоже не послѣдовало. Лично же, сколько извѣстно, Государь сознавалъ вполне несоотвѣтственность данныхъ повелѣній для атаки, и, движимый великодушнымъ, истинно рыцарскимъ чувствомъ, написалъ собственноручно къ генералу Бистрому письмо, содержаніе котораго осталось до сихъ поръ въ тайнѣ.

А. И. Веригинъ.

¹⁾ Впослѣдствіи флигель-адъютантъ. нынѣ въ отставкѣ.

на Киренских и въ Сиб., Малая Садо-
ва, № 4.

Памятникъ списки Якутской обла-
сти на 1871-й годъ. 3-е изд. Якутскаго об-
ластного статистическаго комитета. 184
стр. съ таблиц. Сиб. 1877. П.

Число издавій этой книжки показываетъ,
что она обратила на себя вниманіе и дѣй-
ствительно представляетъ интересъ въ исто-
рико-этнографическомъ отношеніи. Статьи,
включенныя въ нее, раздѣлены на два от-
дѣла: 1) матеріалы для исторіи, статисти-
ки и географіи и 2) статистическія и
правочныя свѣдѣнія за 1870 годъ. Въ
первой отдѣлѣ вошли слѣдующія статьи:
1) Медико-историческій обзоръ. Верхоти-
нского округа, И. Пятухова (5—93); брач-
ное право у якутовъ, Д. Павлинова
(94—121); замѣтки о коневодствѣ въ Якут-
ской области, В. Гольмана (122—137);
покоренія казаками Якутской области и
остатки Якутскаго казачьяго полка, П.
Львовина (138—184). Для насъ имѣютъ
важное собственнo вторая и четвертая
изъ нихъ, хотя и въ остальныхъ двухъ
мы находимъ нѣсколько интересныхъ бы-
товыхъ чертъ (какъ жестокой способъ
переселенія лошадей, находящійся въ свя-
зи съ обычаемъ жертвоприношенія и т. п.).
Статья о брачномъ правѣ составлена, глав-
нымъ образомъ, по извѣстнымъ матеріаламъ
по изданіямъ Сибир. отд. Геогр. обще-
ства; по свѣдѣніямъ, собраннымъ исправ-
ными для Якутскаго статистич. комите-
та; по разсказамъ ивородческихъ началь-
никовъ и личнымъ наблюденіямъ автора),
для изученія юридической стороны бра-
ка, матеріаломъ служили подлинныя ар-
хивныя дѣла ивородныхъ управъ. Послед-
няя статья представляетъ историческій
черкъ за XVII—XIX вв. Во второй от-
дѣлѣ входятъ разнаго рода статистиче-
скія свѣдѣнія (о населеніи, скотоводствѣ,
лѣстоплывахъ, овривахъ, заводяхъ, учеб-
ныхъ заведеніяхъ и т. п.) и, между про-
чимъ, извѣстность о добычѣ и промывкѣ це-
лювъ, и полученномъ золотѣ на приискахъ
Алексинскаго и Киренскаго округовъ въ
1861—1870 г.

Вл. Михневичъ. Историческіе элем-
ты русской жизни. Очеркъ исторіи му-
зыки въ Россіи въ культурно-обществен-
номъ отношеніи. С.-Петербургъ 1879 г.
Ц. 859 № 2, к. Дѣна 2 р. 25 к.

Вл. Михневичъ. «Очеркъ исто-

риіи музыки въ Россіи!» составляютъ пер-
вымъ томъ обширнаго труда, предпринятаго
г. Михневичемъ. Это разсказы объ исто-
риіи отечественной музыки чужды сухости,
читаются легко и вольно заподать въ
память читателя. Авторъ повѣствуетъ о
пяти періодахъ развитія русской музыки,
которые имъ озаглавлены: «До-христіан-
ская старина. — Византийско-московская
тишина. — Шпильманская хитрость изъ
за моря. — Опереточный вѣкъ. — Кавказъ того
времени». Слѣдовательно періодъ Глинки, Дар-
гомыжскаго, Строва и ихъ преемниковъ
будетъ предметомъ историческаго насла-
доваго г. Михневича въ послѣдующихъ
томахъ «Историческихъ этюдовъ русской
жизни». Желая успеха вполнѣ добросо-
вѣстному и интересному труду автора, от-
мѣтимъ лишь, какъ намъ кажется, нѣма-
ловажный пробѣлъ въ его «Очеркѣ», имен-
но, авторъ обошелъ молчаніемъ наше цер-
ковное пѣніе. Въ культурно-обществен-
номъ отношеніи оно было чрезвычайно
въ нашѣмъ отечествѣ; имена Березов-
скаго, Дехтирева, Бортиаускаго,
Турчанинова, Львова, — имѣютъ неотъ-
емлемыя права занять видныя мѣста въ
исторіи русской музыки. Просматривая
періодъ Екатерининскаго царствованія, мы
не нашли также упоминанія о любви къ
музыкѣ кн. Потемкина, о его покровитель-
ствѣ Березовскому, о его намѣреніи осно-
вать музыкальную академію въ Кремле-
чугѣ. Соперничество Березовскаго съ
итальянцемъ Сарти, борьба русскаго та-
ланта съ иностраннымъ — тоже эпизодъ не
малозначущій въ исторіи русской музыки;
но и о немъ авторъ «Очерка» сохранилъ
молчаніе. — Указатель источниковъ (304
заглавія), приложенный въ концѣ книги,
свидѣтельствуетъ о трудолюбивъ дароко-
патаго автора и глубокомъ его вниманіи къ
предмету его историческаго изслѣдованія.
Здѣсь замѣтимъ, что въ числѣ множе-
ства источниковъ, которыми пользовался
авторъ при составленіи «Очерка», мы не
нашли весьма обстоятельной монографіи
А. Н. Веселовскаго: «Музыка у славяно-
въ» — напечатанной въ «Русскомъ Вѣст-
никѣ» 1866 года (томы LXII и LXIII).
Въ заключеніи повторяемъ — книга г. Мих-
невича достойна вниманія всякаго просвѣ-
щеннаго любителя отечественной исторіи,
какъ по интересу своего предмета, такъ и по
силу, вполнѣ авторитетному, изложенію.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІА.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—ВОСЕМЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старини“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Нв. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: Н. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Ник. Нв. Мамонтова, на Кузнецкомъ восту, домъ Фирсанова.

Гг. Изгородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣванія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Живнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусства и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, записки, дневники.—VI. Библиографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовныя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскія.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣріяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить изъ конторъ слѣд. изд. журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ десятый.

І Ю Л Ъ.

1879 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ, 1764 г. Главы IV—V. (Окончаніе)	493	Кавказской линіи, 1851 — 1853 гг. Изъ записокъ М. Я. Ольшескаго. (Окончаніе)	415
II. Шаринская колонія питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома. Основаніе колоніи.—Сводка паръ для браковъ.—Подвореніе въ (поленской губерніи.—Мѣстные правители.—Челобитчики къ императору Александру I и императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.—Переселеніе въ Саратовскую губ.—Доказаніе расворядія.—Возмѣщаніе жалтіе.—Положеніе опитонцахъ.—Дѣтушки.—Недошки.—Управленіе и управленіе.—Главы I—IV	457	V. Польское возстаніе въ 1863-мъ году.—Записки Н. В. Верга. Глава V. Назначеніе Муравьеса генер.-губернаторомъ сѣверо-западной Россіи.—Характеристика Муравьеса.—Революціонный жондъ въ Варшавѣ.—Проектъ уничтоженіи Берга.—Убіиство Мининскаго.—Революція въ Жондѣ.—Рядъ убійствъ.—Обзоръ организаціи жонда и всѣхъ подвѣдомыхъ ему учрежденій и революціоннаго VI. Доль и домы въ прошлое и нынѣшнее время (Окончаніе)	515
III. Хосров - Мирза , персидскій принцъ, 1813—1875 гг. Историко-біографическій очеркъ. Состав. и сообщ. А. П. Верге. (Окончаніе)	401	VII. Дѣло объ убитомъ глухомъ татарскѣ, 1825 г. Сообщ. А. С. Дашкевичъ	565
IV. Нн. Александръ Ивановичъ Евритимовъ—на главѣхъ флаговъ		VIII. Библиографическій списокъ новыхъ книгъ. Состав. В. С. Н.—въ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Сергѣевича ПУШКИНА въ 1827 г., самый точный снимокъ съ гравюры профессора Н. Н. Уткина, гедіографически воспроизведенный г. СНАМОНИ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г., 1876 г., 1877 г., 1878 г. и 1879 г. цѣна по шестъ руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАСHEВА.

Литературный каналъ, между Вознесенскими и Маріинскими мостами, № 90—1.

1879.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXIII. Свѣ. 1878 г., 734 стр. Ц. 3 р.

Весь предстоящій томъ Сборника занятъ письмами императрицы Екатерины II въ Гримму (1774—1796). Фридрихъ Мелхiorъ Гриммъ принадлежалъ къ кругу виднѣло-подметовъ; жилъ въ Парижѣ и состоялъ «литературнымъ корреспондентомъ» при нѣкоторыхъ иностранныхъ дворахъ, интересовавшихся въ то время новостями въ области французской литературы; а съ 1766 г. къ нимъ присоединяются Фридрихъ II и Екатерина II. Въ 1773 г. Гриммъ посѣтилъ Петербургъ, причѣмъ сблизился съ Екатериною II и затѣмъ вступилъ съ нею въ личную переписку, въ которой принадлежатъ наданныя теперь письма императрицы. По оставленіи Парижа въ 1792 г., онъ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ въ княже-саксонскихъ владѣніяхъ, а потомъ резидентомъ въ Гамбургъ. Къ сожалѣнію, весьма немногое сохранилось писемъ самого Гримма (кажется, пока найдено до 40), которымъ предполагается надать въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ Сборника, а между тѣмъ безъ нихъ многія мѣста въ письмахъ Екатерины II представляются неясными; тѣмъ болѣе, что какъ политическіе дѣятели того времени и обстоятельства, такъ и нѣкоторые изъ окружавшихъ ее лицъ—упоминаются подъ вымышленными именами или аллегорическими названіями (напр. Малпан—Марія-Терезія; Hérode—Фридрихъ II; marchands d'ariers—англичане; rigbe de pois, voure aux pois—дипломатія и дипломаты; Raazgänger—иноходцы—бездариме министры; St.-Nicolas—гр. Н. П. Румянцева, и т. д.). Опасаясь за откровенность своей переписки, Екатерина несколько разъ просила Гримма предать ее огню; но онъ позаботился сохранить эти письма и, какъ полагаютъ, распорядился, чтобъ послѣ его смерти они были доставлены въ руки великаго князя Александра Павловича, и они действительно найдены въ государ. архивѣ. Письма императрицы то посылались почтою (причемъ она часто надѣвается надъ любопытствомъ почтовыхъ чиновниковъ), то посредствомъ курьеровъ. Къ наданію они приготовлены и снабжены прикличающими наданіемъ Я. К. Гротонъ, который, прося того, подѣлалъ обстоятель-

послѣдней,—похожи на дневникъ, въ которомъ авторъ неурнужденно отдаетъ своему собесѣднику отчетъ въ переписку и какъ живъ событіяхъ, впечатлѣніяхъ и мнѣніяхъ, высказываетъ свои взгляды и лична и дѣла, свои жителскія и политическія правила, свои намеренія и надежды. Екатерина сама замѣчаетъ, что ответы и никому не писала подобнаго, откровеннаго, писемъ, и замѣчаетъ, что они не могутъ быть наданы до истеченія, по крайней мѣрѣ, ста лѣтъ.

Письма и бумаги Екатерины особѣ занимаютъ видное мѣсто въ коллекціи матеріаловъ, наданныхъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Настоящая переписка дополняетъ ея корреспонденцію съ г-мъ Жооеренъ и Вьелье (въ X и XIII т. Сборника), а еще прежде (т. II) тамъ же бы пошлана и записка самого Гримма, въ которой онъ налагаетъ исторію свои сношеній съ императрицею Екатериною.

О торговлѣ Руси съ Ганзой къ концу XV вѣка. Соч. М. Березковъ. Спб. 1876. 267. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ времени до времени историко-логическій результатъ Спб. университетъ сталъ издавать Записки, въ которыхъ ищется уже нѣсколько отдѣльныхъ трудовъ. Въ числу ихъ принадлежитъ и такое новое сочиненіе. Наша литература давно нуждалась въ подобномъ изслѣдованіи, въ особенности послѣ новыхъ изрѣданій, напечатанныхъ за послѣднее время. Въ предисловіи авторъ даетъ обзоръ трудовъ и источниковъ по настоящему вопросу, а въ слѣдующихъ семи главахъ рассматриваетъ: 1) торговлю на Руси до-ганзейскую эпоху, преимущественно арабскую торговлю; 2) торговлю славянъ Новгорода съ Готами и нѣмецкимъ купечествомъ на Готландѣ въ XII вѣкѣ; 3) нѣмецкую колонизацію въ прибалтійскомъ краѣ; 4) ганзейскій дворъ въ Новгородѣ; 5) торговлю Новгорода съ Ганзой; 6) торговныя сношенія и договоры Новгорода въ XIII—XV вв.; 7) закрытіе нѣмецкаго двора въ Новгородѣ (при Иа III). По поводу послѣдняго обстоятельства авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, обнимающее и основную точку зрѣнія его рассматриваемый предметъ: «Имъ не только согласіемъ съ нѣмецкимъ купечествомъ, но и съ нѣмецкимъ правительствомъ»

Пис. В. Кипренской. — 1817

Грав. Н. Уткинъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1879 Г.

ХОСРОВ-МИРЗА.

1813—1875.

IV¹⁾.

Прибытіе въ Москву.—Воронежъ.—Вечеръ у Хосров-мирзы.—Новочеркасскъ.—Ставрополь.—Обѣдъ и балъ у ген. Эмануеля.—Тифлисъ.—Торжественный въѣздъ въ Тавризь.

Вполнѣ счастливый, съ свѣтлыми надеждами на будущее, покинулъ Хосров-мирза императорскую резиденцію. Онъ возвращался на родину по знакомой уже дорогѣ, встрѣчая вездѣ, какъ со стороны гражданскихъ властей, такъ и войска, по тракту его слѣдованія,—почести, установленныя по положенію для великихъ князей императорскаго російскаго дома.

Первую, болѣе продолжительную остановку онъ имѣлъ въ Москвѣ, откуда выѣхалъ 6-го ноября, и затѣмъ въ Воронежѣ. За два дня до выѣзда отсюда, онъ устроилъ у себя дѣтскій маскарадъ, а 26-го, желая отплатить знакомымъ ему дамамъ за доброе къ себѣ расположеніе и гостепріимство, пригласилъ ихъ на вечеръ, на которомъ, послѣ пѣнія дѣвицы Таубе, устроилъ разныя игры, принявъ въ нихъ самъ дѣятельное участіе. Послѣ полуночи былъ сервированъ ужинъ, кончившійся тостами за здоровье государя императора и Фетх-Али-шаха.

Оставивъ Воронежъ 27-го ноября и переночевавъ въ г. Павловскѣ, Хосров-мирза продолжалъ путь до Казанской станицы, гдѣ его встрѣтилъ ген. Адрияновъ. До этого мѣста посольство ѣхало на саняхъ, далѣе же—на колесахъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 333—353.

1-го декабря оно прибыло въ Новочеркасскъ. Узнавъ здѣсь о болѣзни ген. Кутейникова, Хосров-мирза немедленно отправилъ къ нему своего врача Мирза-Бабу—освѣдомиться о его положеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить крайнее сожалѣніе, что собственное нездоровье и утомленіе лишаютъ его возможности явиться лично.

На слѣдующій день посольство выѣхало въ Аксай, откуда Хосров-мирза отправилъ въ Новочеркасскъ въ подарокъ ген.-лейтенанту Иловайскому саблю въ признательность за обязательное предложеніе ему въ своемъ домѣ помѣщенія въ оба проѣзда.

5-го декабря принцъ достигъ Ставрополя, гдѣ радушно былъ принятъ ген. Эмануелемъ, у котораго онъ и остановился.

На слѣдующій день праздновалось тезоименитство государя. По этому случаю ген. Эмануель давалъ обѣдъ, а вечеромъ балъ, на которомъ принцъ, вслѣдствіе легкаго нездоровья, оставался недолго. 7-го числа онъ любовался домашнимъ спектаклемъ, устроеннымъ дѣтьми хозяина, а на слѣдующій день выѣхалъ въ Тифлисъ, избѣгая, по возможности, продолжительныхъ остановокъ въ дорогѣ.

Наконецъ, 17-го января 1830 года, онъ оставилъ грузинскую столицу, и, спустя почти мѣсяцъ, имѣлъ 15-го февраля торжественный въѣздъ въ Тавризъ¹⁾.

Такъ кончилось посольство Хосров-мирзы.

V.

Положеніе Хосров-мирзы по возвращеніи въ Персію. — Несогласіе между сыновьями Аббас-мирзы. — Хосров-мирза въ Хорасавѣ. — Онъ начальникомъ Ак-Дербента. — Пріѣздъ въ Мешедъ и Себзеваръ. — Бѣгство. — Пріѣздъ въ Тегеранъ. — Неудовольствіе шаха. — Хосров-мирза добивается аудіенціи у шаха.

Милости, которыми императоръ Николай осыпалъ Хосров-мирзу, и расположеніе къ нему русскихъ были хорошо извѣстны въ Персіи и на первыхъ же порахъ поставили его въ глазахъ народа выше прочихъ сыновей Аббас-мирзы. Такое положеніе

¹⁾ На проѣздъ, содержаніе и отправленіе персидскаго посольства до Петербурга—израсходовано:

11,350 р. 27 к. с., 15,131 р. асс. и 1,049 черв.

На обратное слѣдованіе изъ Тифлиса до персидской границы.

8,730 р. 44 к. с., 7,937 р. асс. и 4,602 черв.

А всего:

20,080 р. 71 к. с., 23,068 р. асс. и 5,651 черв. **А. Д. В.**

свое, какъ нельзя лучше, сознавалъ и самъ Хосров-мирза. Возвратившись на родину, благосклонно принятый и щедро награжденный Фетх-Али-шахомъ, онъ тотчасъ-же сталъ себя держать необыкновенно гордо и надменно, не только въ отношеніи приближенныхъ его отца, но даже родныхъ братьевъ. Такое поведеніе Хосров-мирзы, само собою разумѣется, создало ему немало враговъ. Въ числѣ послѣднихъ были и родные его братья, между которыми еще до того образовались двѣ, враждебныя другъ другу, партіи: во главѣ одной стоялъ Мамед-мирза, старшій сынъ Аббас-мирзы; представителемъ другой былъ Джахангир-мирза, считавшій себя по личной храбрости выше остальныхъ. Къ послѣдней партіи примкнулъ и Хосровъ; ей-же тайно сочувствовалъ каймакамъ Мирза-Абуль-Касимъ, пользовавшійся громаднымъ влияніемъ на Аббас-мирзу и отличавшійся столько же упрямствомъ и жадностью къ деньгамъ, сколько безнравственностію и безмѣрнымъ честолюбіемъ. Персія дрожала при одномъ его имени и глубоко его ненавидѣла. Враждебныя отношенія между сыновьями Аббас-мирзы не только не умѣрялись, но, напротивъ, все усиливаясь, не предвѣщали ничего добраго въ будущемъ.

Въ 1831 году Аббас-мирза оставилъ Тавризъ и отправился въ восточныя провинціи Персіи, чтобы, какъ онъ писалъ государю императору, «стереть нечистый прахъ мятежа съ лица того края». Но не успѣлъ онъ еще кончить тамошнихъ дѣлъ, какъ былъ вызванъ въ Испагань, гдѣ въ то время находился шахъ. Воспользовавшись этимъ свиданіемъ, Аббас-мирзѣ удалось, между прочимъ, осуществить свою завѣтную мечту: заручиться согласіемъ шаха на походъ въ Хорасанъ. Экспедицію эту онъ думалъ отдалить свое возвращеніе въ Азербейджанъ и, на случай смерти отца, возраставшую слабость котораго онъ видѣлъ, — имѣть готовое войско въ Иракѣ, для обезпеченія за собою престола. Пробывъ нѣсколько времени въ Исфагани, онъ двинулся съ войсками, прибывшими къ нему изъ Кермана, на Кашанъ, а оттуда, оставивъ въ сторонѣ Кумъ и Тегеранъ, вышелъ на хорасанскую дорогу, въ сел. Хоръ. Одновременно съ этимъ движеніемъ, Хосров-мирзѣ, управлявшему тогда Керманомъ, было приказано съ оставшимися въ этомъ городѣ и въ Ездѣ войсками двинуться, черезъ Систанскія степи, на соединеніе съ отцомъ.

Говорятъ, что Хосров-мирзѣ, во время хорасанской экспеди-

ціи, удалось оказать весьма важныя услуги правительству и лично Аббас-мирзѣ. Вѣроятно, въ воздаяніе за эти отличія, онъ былъ назначенъ начальникомъ Ав-Дербента. Но, послѣ нѣкотораго тамъ пребыванія, онъ предпринялъ поѣздку въ Мешедъ, имѣвъ случай разбить по дорогѣ Тевейскую конницу, несравненно сильнѣйшую противъ его свиты. Въ Мешедѣ находился въ то время Мамед-мирза. Хосровъ, никогда не любившій старшаго брата, старался относиться къ нему и на этотъ разъ съ полнымъ невниманіемъ. Послѣдствіемъ этого было то, что едва Хосров-мирза прибылъ въ Себзеваръ, гдѣ онъ надѣялся быть тѣмъ же, чѣмъ былъ въ Ав-Дербентѣ, какъ послѣдовалъ приказъ Мамед-мирзы на имя Кахраман-мирзы учредить надъ непокорнымъ принцемъ строгій надзоръ, не лишая его, впрочемъ, должнаго уваженія и подобающихъ его происхожденію почестей.

Глубоко оскорбленный такимъ распоряженіемъ, Хосров-мирза рѣшился бѣжать. Съ этою цѣлью онъ выразилъ однажды желаніе отправиться на загородную прогулку. Не имѣя достаточныхъ причинъ воспретить такое невинное развлеченіе, Кахраман-мирза далъ согласіе, но, въ предупрежденіе всякихъ случайностей, сообщилъ Хосров-мирзѣ, что онъ лично будетъ ему сопутствовать съ 400 туркменцевъ. Для большей же осторожности, секретнымъ образомъ распорядился расковать его лошадь, не имѣвшую себѣ подобной въ цѣломъ улусѣ. Когда всѣ собрались, Хосров-мирза, ничего не подозревая, сѣлъ на своего вѣрнаго коня и выѣхалъ за городъ. Отдалившись на нѣкоторое разстояніе отъ Себзеvara, онъ началъ джигитовать, бросаясь то въ одну, то въ другую сторону, какъ бы испытывая быстроту своего скакуна, но всегда возвращался къ свитѣ, дѣлая видъ, что не таитъ никакого умысла. Продолжая снова эти упражненія, онъ вдругъ подскакиваетъ къ Кахраману и спрашиваетъ:

«Братъ, три да четыре сколько?»

— Девять, — отвѣчалъ обидѣвшійся Кахраманъ.

«И прекрасно... ну, такъ поминай же, какъ меня звали!» — крикнулъ ему Хосровъ, и, съ послѣднимъ словомъ, пришпоривъ коня, понесся по направленію къ Тегерану.

Свита бросилась было его догонять, но не достигла, по выраженію персіянъ, и взвившейся пыли, укрывшей за собою уносившагося Хосрова.

Черезъ 10 часовъ онъ уже достигъ Бостама, откуда, послѣ недолгаго отдыха, направился въ шахской резиденціи.

Появленіе Хосров-мирзы въ Тегеранѣ тотчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ Фетх-Али-шаху, который до того остался недоволенъ поведеніемъ внука, что отказался его принять. Но всегда находчивый Хосровъ и на этотъ разъ сумѣлъ выйти изъ затрудненія. Рассказываютъ, что онъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости:

Убѣдившись, что всѣ его старанія добиться аудіенціи у шаха остаются тщетны, онъ обратился за ходатайствомъ къ родному дядѣ Али-Кули-мирзѣ, лицу весьма вліятельному при дворѣ.

«Если,—сказалъ онъ,—тебѣ удастся устроить мнѣ свиданіе съ шахомъ, то, клянусь Аллахомъ и святыми имамами, я отблагодарю тебя за эту услугу такою драгоценностью, каковой не создастъ себѣ и самое пылкое воображеніе. Я привезу ее изъ Петербурга, храню ее какъ лучшее достояніе въ жизни, и если рѣшаюсь разстаться съ нею, то только изъ глубочайшей признательности къ тебѣ».

Такая убѣдительная рѣчь произвела свое дѣйствіе, а тѣмъ болѣе на Али-Кули-мирзу, человѣка въ высшей степени корыстолюбиваго и жаднаго. Долго изыскивалъ онъ средство угодить племяннику. Мысль эта не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью. Наконецъ, послѣ долгихъ и настойчивыхъ убѣжденій, ему удалось склонить Фетх-Али-шаха принять Хосрова. Происшедшее между ними свиданіе кончилось благополучно и не безъ важныхъ послѣдствій для послѣдняго.

Между тѣмъ прошло нѣсколько дней послѣ аудіенціи, и Хосровъ, повидимому, забылъ о своемъ обѣщаніи. Тогда Али-Кули-мирза рѣшился самъ напомнить ему о долгѣ.

—Я твоя жертва, отвѣчалъ Хосровъ,—ты свѣтъ моихъ очей и перлъ моей души. Клянусь, сто разъ клянусь головою средоточія вселенной, что никакія превратности этого тлѣннаго міра не заставятъ меня измѣнить данному тебѣ слову. Обѣщанная драгоценность будетъ въ твоей власти, но помни, что я могу передать ее, по самому ея свойству, въ такомъ только тайномъ мѣстѣ, куда не проникаетъ ни взоръ смертнаго, ни лучъ деннаго свѣта.

Услышавъ такія слова, Али-Кули-мирза, послѣ нѣкотораго раздумья, избралъ мѣстомъ херамханѣ, т. е. гаремное отдѣленіе, куда и предложилъ Хосрову явиться ночью, въ условный часъ.

Сказано и сдѣлано. Наступила ночь; въ городѣ царилъ глубокая тишина, только изрѣдка нарушаемая окликами сторожевыхъ сорбазовъ. Али-Кули-мирза съ напряженнымъ вниманіемъ поджидалъ поздняго гостя. Въ это время кто-то легко стукнулъ въ ворота. Хозяинъ впустилъ Хосрова. Перешептавшись, они тихо и осторожно направились въ назначенное мѣсто. Прошло нѣсколько минутъ. Хосровъ молчалъ; Али-Кули-мирза притаилъ дыханіе: послышался легкій звукъ, похожій на скрипъ, и въ одинъ мигъ комната освѣтилась. Въ рукахъ Хосрова оказалась коробка обновенныхъ сѣрныхъ спичекъ, въ то время еще не вошедшихъ въ употребленіе въ Персіи.

—На, возьми эту драгоценность,—обратился онъ къ Али-Кули-мирзѣ. Теперь она твоя, но заклиная тебя хранить ее такъ же тщательно, какъ я ее хранилъ.

Сказавъ это, Хосровъ исчезъ, а Али-Кули-мирза долго еще стоялъ съ разинутымъ отъ удивленія ртомъ, пока не очнулся, и, пристыженный, не удалился размышлять наединѣ объ этомъ странномъ случаѣ.

Между тѣмъ рассказанное происшествіе мало-по-малу сдѣлалось гласнымъ, возбуждая общій говоръ и смѣхъ среди тегеранскаго населенія.

VI.

Смерть Аббас-мирзы.—Сынъ его Мамед-мирза объявляется наследникомъ престола.—Хосров-мирза въ Тавризѣ.—Обѣдъ у наследника.—Арестъ и заключеніе Хосров-мирзы и Джахангир-мирзы въ Ардебильскую тюрьму.—Неудовольствіе Фетх-Али-шаха.

1833-й годъ близился къ исходу. Въ Тегеранѣ уже нѣсколько дней носились настойчивые слухи о тяжелой, безнадежной болѣзни Аббас-мирзы. Вдругъ огласилось, что наследника не стало: онъ скончался 10-го октября въ Мешедѣ. Извѣстіе это какъ громомъ поразило престарѣлаго шаха и такъ разстроило его и безъ того надорванное здоровье, что возбудило весьма серьезныя опасенія за собственную его жизнь. И дѣйствительно, Фетх-Али-шахъ лишился въ Аббас-мирзѣ не только лучшаго сына, но и единственнаго друга, безотчетную его любовь къ которому и преданность не могли измѣнить ни время, ни обстоятельства. Но про-

шлаго возвратить было невозможно, а потому онъ, какъ бы въ вознагражденіе себя за понесенную утрату, перенесъ чувства своего расположенія въ покойному—на старшаго его сына Мамед-мирзу, котораго тотчасъ же вызвалъ изъ Хорасана. Вскорѣ по прибытіи его въ Тегеранъ, онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, помимо безчисленныхъ дядей, родныхъ сыновей Фетх-Алишаха. Облеченный въ это званіе, Мамед-мирза вскорости отправился въ Тавризь—резиденцію наслѣдниковъ ваджарскихъ вѣнцесцевъ, куда за нимъ, по приказанію шаха, послѣдовалъ и Хосров-мирза.

По прибытіи на мѣсто, Мамед-мирза, стоявшій, какъ упомянуто выше, во главѣ одной изъ партій, на которыя раздѣлились его братья, снова, и болѣе прежняго, предался свойственному ему религиозному либерализму. Изъ лицъ—однихъ съ нимъ убѣжденных и ему близкихъ—особенно выдавались: Хаджи-мирза-Агаси, впоследствии извѣстный первый министръ Персіи; Наср-Уллах-Ардебильскій, позже садр-уль-мемаликъ (глава духовенства), и Мирза-Назар-Али Казвинскій, главный докторъ наслѣдника.

Отношенія же братьевъ противной партіи къ Мамед-мирзѣ остались прежнія. Болѣе другихъ, въ своей ненависти къ нему, отличались—Джехангир-мирза и Хосров-мирза, избѣгавшіе всегда и вездѣ даже титуловать его валиахдомъ, т. е. наслѣдникомъ. Тѣмъ не менѣе, высокое положеніе, занятое старшимъ ихъ братомъ въ государствѣ, обязывало обоихъ принцевъ соблюдать въ отношеніи его знаки вѣшняго приличія и при извѣстныхъ случаяхъ даже являться къ нему на поклонъ. Съ послѣднею именно цѣлью прибылъ въ Тавризь Джехангир-мирза, въ то время правитель Хоя и Урміи, и остановился въ собственно ему принадлежащемъ саду Баги-Сефа, куда тогда же переселился и Хосров-мирза.

Что касается каймакама Мирза-Абуль-Касима, сторонника противной наслѣднику партіи, то онъ съ кончиною Аббас-мирзы былъ поставленъ въ самое щекотливое положеніе. Но, будучи столько же уменъ, сколько хитеръ, онъ тотчасъ же перемѣнилъ политику, думая и заботясь лишь объ обезпеченіи своего будущаго положенія. Вотъ почему онъ, предъ самымъ выѣздомъ изъ Тегерана, зная безпокойный характеръ Джехангир-мирзы и Хосров-мирзы, заручился разрѣшающимъ фирманомъ шаха, въ слу-

чаѣ какихъ движеній и безпокойствъ въ Адербейджанѣ, заарестовать названныхъ принцевъ, какъ главныхъ виновниковъ открывшихся беспорядковъ, не лишая ихъ, впрочемъ, подобающихъ почестей. Имѣя въ рукахъ такое сильное орудіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ доказательство какъ бы того, насколько онъ мало солидаренъ съ противной наслѣднику партіей, а также для вѣщаго убѣжденія его въ своей преданности, каймакамъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости:

Онъ посовѣтовалъ Мамед-мирзѣ пригласить Джахангира и Хосрова на обѣдъ, устроивъ его въ Баги-Мешэ, одномъ изъ садовъ, вдали отъ центра города. Не подозрѣвая никакого умысла, оба брата приняли приглашеніе, боясь отказомъ навлечь на себя открытое неудовольствіе наслѣдника, который легко могъ счесть то за личное оскорбленіе. Когда же, по окончаніи обѣда, Джахангиръ и Хосровъ отправились въ одну изъ боковыхъ воннатъ павильона для отдыха, они вдругъ увидѣли себя окруженными двумя ротами Урмійскаго полка, отрѣзавшими имъ всѣ пути къ выходу. Спустя нѣкоторое время ихъ отправили въ Ардебиль подъ вонвоемъ ста всадниковъ и трехъ ротъ сорбазовъ, подъ начальствомъ Мир-Казим-хана Талышинскаго, зятя Аббас-мирзы, и тамъ заключили въ тюрьму, съ порученіемъ надзора за ними Бехмен-мирзѣ, тамошнему правителю и родному брату Мамед-мирзы.

О такихъ распоряженіяхъ своихъ адербейджанское начальство тотчасъ же донесло въ Тегеранъ, объясняя ихъ тайными замыслами Джахангир-мирзы и Хосров-мирзы—произвести возмущеніе противъ мѣстной администраціи, съ цѣлью низверженія наслѣдника. Но едва только заарестованіе принцевъ сдѣлалось извѣстнымъ шаху, какъ послѣдовалъ строжайшій выговоръ за подобное самоуправство, съ приказаніемъ немедленнаго освобожденія заключенныхъ. Повелѣніе это, однако же, осталось неисполненнымъ, такъ какъ каймакамъ, написавъ извиненіе, ходатайствовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ отсрочкѣ въ освобожденіи принцевъ до окончательнаго успокоенія будто бы встревоженнаго и возбужденнаго населенія Адербейджана.

Пока происходила эта переписка, Фетх-Али-шахъ успѣлъ прибыть въ Испагань, гдѣ онъ скоро опасно заболѣлъ. Несмотря, однако же, на свое тяжкое положеніе, онъ не забывалъ постиг-

шей его внуговъ участи и, повидимому, сильно тревожился за ихъ безопасность. Вотъ почему онъ, вслѣдъ за полученіемъ послѣдняго донесенія каймакама, вторично приказалъ Аллах-Яр-хану снова потребовать бозотлагательнаго освобожденія Джахангира и Хосрова, съ донесеніемъ въ 10-ти-дневный срокъ объ исполненіи его воли. Получивъ такое категорическое предписаніе, Мамед-мирзѣ оставалось исполнить его безъ всякой проволочки. Но тутъ случилось обстоятельство, лишившее принцевъ послѣдней надежды на свободу.

VII.

Смерть Фетх-Али-шаха.—Беспорядки въ Персіи.—Мамед-шахъ вступаетъ на престолъ.—Интриги каймакама противъ Джахангир-мирзы и Хосров-мирзы.—Шахъ даетъ приказаніе ослѣпить принцевъ.

Быстро развивавшаяся болѣзнь Фетх-Али-шаха имѣла на этотъ разъ печальный исходъ: онъ скончался въ Испагани, 8-го октября 1834 года, т. е. спустя годъ послѣ смерти Аббас-мирзы. Тѣло его тогда же было перевезено въ Кумъ, гдѣ и предано землѣ возлѣ любимаго сына.

Со смертью Фетх-Али-шаха Персія была обречена на большіе беспорядки и полнѣйшее безначаліе, чтд, впрочемъ, повторяется въ этомъ государствѣ при каждомъ новомъ воцареніи. Въ устахъ персіянъ даже сложилось особое выраженіе «шахъ-ольдй», въ переводѣ—«шахъ умеръ», которое приурочивается именно къ этому времени внутреннихъ несогласій и неурядицъ. Поводомъ къ нимъ всегда служатъ соперничество между многими претендентами на престолъ и совершенная неизвѣстность народа—кому достанется корона. Въ данномъ случаѣ претендентами явились сыновья покойнаго шаха, которыхъ у него было около 60. Такъ, въ Тегеранѣ заявилъ свои права Зилли-Султанъ (Али-шахъ), Хусейн-Али-мирза въ Ширазѣ, гдѣ кромѣ его возсталъ Хасан-Али-мирза; Мамед-Кули-мирза въ Мазандеранѣ, и пр. При такомъ положеніи дѣлъ, само собою разумѣется, сообщеніе между городами, по случаю грабежей и убійствъ, сдѣлалось опаснымъ: между Тегераномъ и Испаномъ, а въ особенности, между послѣднимъ городомъ и Ширазомъ—нападали Бахтіарцы; по дорогѣ

изъ Тегерана до Тавриза безчинствовали кочующія племена, раззорившія Казвинъ. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока законный наслѣдникъ Мамед-мирза, поддержанный Россією и Англією, не восторжествовалъ надъ возмутьившимися дядями и, по прибытіи въ Тегеранъ, не утвердился на престолѣ.

Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности всѣхъ мѣръ, принятыхъ молодымъ шахомъ къ водворенію общаго порядка и спокойствія, причемъ многіе принцы, лишившись своихъ мѣстъ, были заарестованы, сосланы и даже ослѣплены, я обращаюсь къ двумъ братьямъ Мамед-мирзы, отправленнымъ изъ Тавриза въ заточеніе, въ то еще время, когда Фетх-Али-шахъ доживалъ послѣдніе дни въ Испагани.

Арестъ и ссылка Джехангира и Хосрова въ Ардебиль не удовлетворили каймакама. Зайскывая расположеніе новаго шаха, для упроченія своего вліянія на дѣла государства, и какъ бы въ вѣщшее оправданіе своего прежняго поведенія, онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ новымъ, болѣе энергическимъ мѣрамъ. Въ находчивости и хитрости недостатка у него не было. Онъ началъ съ того, что въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ представилъ опасность, угрожающую Персіи, въ случаѣ освобожденія принцевъ. Убѣдить въ этомъ Мамед-шаха было тѣмъ легче, что самъ онъ, помня прежнія интриги и отношенія братьевъ, вполне былъ увѣренъ, что, съ занятіемъ настоящаго высокаго положенія, должны усилиться съ ихъ стороны нерасположеніе къ нему и ненависть. Въ особенности же опасался онъ Хосров-мирзы. Зная милостивое расположеніе къ нему императора Николая и сочувствіе, приобретенное со стороны русскихъ, онъ видѣлъ въ немъ опаснаго соперника, который при всякомъ удобномъ случаѣ не только оказалъ бы ему сильную оппозицію, но даже отнялъ бы и самую корону. Это-то, главнымъ образомъ, несправедливое подозрѣніе и побудило Мамед-шаха поддаться убѣжденіямъ Мирза-Абуль-Касима, въ свою очередь желавшаго устраненія всякаго вліянія принцевъ на шаха, и потому еще, что оба они, какъ люди вполне посвященные въ его тайны, рано или поздно могли ихъ обнаружить, и тѣмъ приготовить его собственное паденіе. Въ предупрежденіе такого, весьма возможнаго, будущаго, съ одной стороны, а съ другой, желая воспользоваться видимой довѣрчивостью шаха, онъ убѣдилъ его лишить зрѣнія ардебильскихъ затворни-

вовъ и сослать ихъ въ одну изъ внутреннихъ провинцій государства, гдѣ они будутъ совершенно парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ противъ верховной власти.

Шахъ согласился на предложенную мѣру и поручилъ ея осуществленіе своему ферраш-баши ¹⁾, Измаил-хану Караджадагскому.

VIII.

Пребываніе принцевъ въ ардебильской тюрьмѣ.—Гаданіе Хосров-мирзы.—Ослѣпленіе его и Джахангир-мирзы.—Разсказъ сорбазы.—Ссылка принцевъ.—Пріѣздъ Хосров-мирзы въ Тегеранъ.—Его кончина.—Его семейство.—Внѣшность Хосров-мирзы.—Убіеніе каймакама Мирза-Абуль-Касима.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ Хосров-мирза и Джахангиръ томились въ ардебильской тюрьмѣ. Въ полной неизвѣстности о томъ, что происходило за стѣнами ихъ мрачнаго пріюта, — они тѣмъ менѣе могли что-либо знать о возняхъ противъ нихъ каймакама. Да и что отъ того пользы, когда ничего нельзя было предпринять въ свое оправданіе? Въ этомъ мучительномъ и безпомощномъ состояніи, при полномъ отсутствіи какового-либо общества и обмѣна мыслей, узники погружались въ глубокую тоску и уныніе. А вокругъ все точно вымерло... Только крики муэззиновъ, съ высоты минаретовъ призывавшихъ въ урочные часы дня правовѣрныхъ къ молитвѣ, а ночью оклики тюремной стражи, достигая ихъ слуха, нарушали эту мертвящую тишину и безмолвіе. А время все шло... съ трудомъ прожитый день смѣнялся бессонной ночью, которой, казалось, не было предѣла; а если иногда, съ первымъ лучемъ утренняго свѣта, бывало и западать въ сердца ихъ надежда на скорую свободу, то это оказывалось одною мечтою, подобною призраку, безслѣдно исчезающему въ пространствѣ.

Въ устахъ народа сохранился слѣдующій разсказъ:

Говорятъ, что однажды—это было въ глухую ночь—Хосров-мирза, по склонности человѣка дознаваться будущаго таинственными средствами, взялъ сочиненія Хафиза, служація въ Персіи

¹⁾ Начальникъ постельничихъ.

оравуломъ, и, на случайно раскрытой страницѣ, прочелъ слѣдующіе, доставшіеся ему два стиха:

زمان خوشدلی دریاب دریاب

که دایم در صدف کوه نباشد

Лови, лови часы наслажденія, ибо не вѣченъ жемчугъ въ своей раковинѣ.

Рокое предзнаменованіе тяжело и болѣзненно отозвалось въ душѣ Хосрова. Онъ закрылъ книгу, легъ и погрузился въ глубокое раздумье. Такъ прошелъ часъ, другой....

Вдругъ послышался мѣрный шорохъ. Хосров-мирза вздрогнулъ. Въ комнату вошелъ Измаил-ханъ, шахскій феррашъ-баши. Не говоря ни слова, онъ развернулъ фирманъ, которымъ ему повелѣвалось ослѣпить обоихъ братьевъ. Принцевъ объялъ ужасъ. Но прежде, чѣмъ они могли прійти въ себя, бывшій при этой сценѣ сорбазъ бросился на Хосров-мирзу, крѣпко сжалъ его въ объятіяхъ, и призванный палачъ совершилъ безчеловѣчную операцію. Съ этихъ поръ внѣшній міръ закрылся для Хосрова и — закрылся навсегда. Та же участь постигла Джехангира, который въ это время былъ боленъ и — послѣ ослѣпленія внушилъ серьезныя опасенія за свою жизнь.

Когда все было кончено, сорбазъ, участвовавшій въ казни, сообщилъ слѣдующій любопытный случай:

Во время движенія Хосров-мирзы въ Хорасанъ, одинъ изъ сорбазовъ его отряда, слѣдуя черезъ какую-то деревню, отнялъ у крестьянина арбузъ. Обиженный обратился за такое самоуправство съ жалобою къ принцу. Хосровъ потребовалъ виновнаго и, разобравъ дѣло, приказалъ лишить его глаза. Сорбазъ былъ молодъ и замѣчательно хорошъ собою.

— Принцъ, — обратился онъ къ Хосрову, — побойся Аллаха! неужели ты за одинъ арбузъ хочешь лишить меня глаза? Сжался, и знай, что я связанъ любовью съ дѣвушкой, которая оттолкнетъ меня, если ты прикажешь меня изувѣчить.

Едва только онъ произнесъ эти слова, какъ въ ноги принцу бросается другой сорбазъ, родной братъ виновнаго.

«Прикажи,—умоляетъ онъ,—лишить меня обоихъ глазъ, но пощади брата».

Однако Хосровъ остался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи, и сорбазъ лишился глаза.

По странной случайности оказалось, что братъ наказаннаго сорбаза былъ самъ разсващикъ, участвовавшій въ ослѣпленіи принца.

Спустя нѣкоторое время послѣ описанной экзекуціи, обоихъ принцевъ отправили, съ прочими братьями ¹⁾ отъ одной матери, въ Тусирганъ, близъ Хамадана, гдѣ имъ были отведены пахатныя и пастбищныя земли, въ обезпеченіе ихъ существованія. Они помѣстились тамъ съ семействами въ особый замокъ, отданный въ исключительное ихъ владѣніе.

Принцы жили тамъ почти безвыѣздно. Во время пребыванія моего, въ 1855 году, въ Тегеранѣ, рассказывали, что Хосров-мирза, въ царствованіе Мамед-шаха, пріѣзжалъ къ нему съ какою-то просьбою. Когда объ этомъ доложили шаху, онъ отвѣчалъ: «дѣлайте все, что онъ потребуетъ; но, Бога ради, не показывайте мнѣ брата!».

Въ другой разъ, уже при Наср-Эддин-шахѣ, онъ пріѣзжалъ въ Тегеранъ съ жалобою на Сейф-Уллах-мирзу, губернатора Хамадана. Послѣднему тогда же было приказано не тревожить Хосров-мирзу.

Хосров-мирза скончался 21-го рамазана 1292 (1875) года, въ Хамаданѣ, 62-хъ лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ Корбелаяѣ.

Послѣ него остались—сынъ Мамед-Али-мирза, отъ временной жены, уроженки Хамадана, и дочь Шюхре-и-Афакъ (знаменитость міра), отъ дочери извѣстнаго Мамед-Али-мирзы, правителя Керманшахскаго и опаснаго соперника Аббас-мирзы. Шюхре-и-Афакъ вышла за Мамед-Мехти-мирзу, сына Тахмасиб-мирзы, и живетъ въ Хамаданѣ.

Въ одномъ изъ №№ «Journal de St.-Petersbourg» за 1829 годъ,

¹⁾ Ихъ было 5 братьевъ: Джехангир-мирза родился 1226 (1811) года, Хосров-мирза, Ахмед-мирза, Мустафа-Кули-мирза и Мухаммед-Керим-мирза. Прежде другихъ умеръ Джехангир-мирза. Онъ собрался было ѣхать въ Мекку, но, заболѣвъ на дорогѣ, былъ привезенъ въ Тавризъ, гдѣ и скончался. **Ад. В.**

Хосров-мирза описывается такъ: «онъ былъ средняго роста, строенъ, имѣлъ очаровательные глаза и необыкновенно пріятную улыбку; держалъ себя съ достоинствомъ, обладалъ живостью въ разговорѣ, и былъ замѣчательно привѣтливъ въ обхожденіи».

Этимъ исчерпывается весь или почти весь запасъ свѣдѣній о Хосров-мирзѣ, безъ сомнѣнія, достойномъ лучшей участи, чѣмъ та, которая выпала на его долю. Но если ему суждено было вынести на себѣ весь ужасъ необузданнаго деспотизма, то въ сердцахъ соотечественниковъ онъ навсегда оставилъ неизгладимые слѣды глубокаго въ себѣ расположенія и состраданія. Это-то общее въ нему сочувствіе, какъ нельзя краснорѣчивѣе, выразилось при неожиданномъ извѣстіи, что не стало и каймакама, главнаго виновника его несчастія. Мирза-Абуль-Касимъ былъ убитъ въ Тегеранѣ, 14-го іюня 1835 года, по повелѣнію того же Мамедшаха; имѣніе его взято въ казну, а семейство арестовано и отправлено въ Фераханъ, за исключеніемъ жены, родной сестры Аббас-мирзы, которой сохранили имущество и подобающія ей званію почести ¹⁾.

Персія радостно привѣтствовала и торжествовала смерть каймакама, и кровавыми буквами внесла имя его въ историческую свою лѣтопись....

Тифлисъ.

Ад. П. Верже.

¹⁾ У каймакама было два сына: Мирза-Мамедъ и Мирза-Али. Ад. В.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ

НА ЛѢВОМЪ ФЛАНГѢ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ.

1852—1853.

Изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго.

III ¹⁾.

Еще лѣтомъ 1852 г., передъ наступленіемъ повоса, было рѣшено княземъ Барятинскимъ, что будущая зимняя экспедиція будетъ производиться на Мичигѣ. По этой причинѣ въ Куринскомъ было заготовлено много экстреннаго сѣна. Въ это же укрѣпленіе къ концу года было свезено продовольствіе на два мѣсяца для 10-ти т. человѣкъ; туда же доставленъ былъ изъ Грозной и Хасавъ-юрта комплектъ готовыхъ боевыхъ зарядовъ на двадцать орудій и патроновъ по числу десяти баталіоновъ.

Зимнія военныя дѣйствія должны были начаться не позже половины января; а потому, 10-го числа, въ Куринскомъ сосредоточилось собственно для дѣйствій, не считая гарнизона этого укрѣпленія, девять баталіоновъ, дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ, шесть сотенъ казаковъ и двадцать шесть орудій.

Князь Барятинскій съ этими войсками, на разсвѣтъ 12-го января, двинулся къ Исти-су, гдѣ, поднявшись на Качалыковскій хребетъ по арбяной дорогѣ, расположился лагеремъ на западной позатости у бывшего аула Хаби-Шавдана.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 307—332.

Переходъ черезъ хребетъ и занятіе лагернаго мѣста для отряда совершились съ незначительной перестрѣлкой и безъ потери для насъ. Хаби-Шавданъ, примыкавшій къ лѣвому фасу широко-раскинутаго лагеря, отстоялъ отъ Мичика версты на полторы, и находился отъ просѣки, уширеніемъ которой наши войска занимались въ 1850 году, верстахъ въ пяти.

Все разстояніе между лагеремъ и Мичикомъ было покрыто или густымъ орѣшникомъ, или остатками садовъ и сухаго бурьяна, росшаго на поляхъ, принадлежавшихъ жителямъ бывшаго здѣсь аула. Со всѣхъ же прочихъ сторонъ лагерь былъ окруженъ горами, глубокими оврагами и густымъ строевымъ лѣсомъ, преимущественно же чинаромъ и дубомъ. По оврагу, находящемуся съ лѣвой или южной стороны, протекалъ небольшой ручей Хаби-Шавданъ, именемъ котораго назывался и существовавшій здѣсь аулъ. Кромѣ того, здѣсь же находилось много родниковъ чистой, хорошей воды.

Коснусь причинъ, почему описываемая зимняя экспедиція была предпринята на Мичикъ, и почему путемъ дѣйствія было избрано это новое направленіе, а не старая дорога и просѣка.

Главная причина, побудившая князя Барятинскаго предпринять эту экспедицію на Мичикъ, была та, что пространство между этой рѣкой и Гудермесомъ было гуще населено сравнительно съ другими мѣстами Большой Чечни, и что мичиковцы часто беспокоили Кумыкскую плоскость своимъ хищничествомъ. А потому надо было заставить ихъ или переселиться въ наши предѣлы, или уйти въ горы. Если же князь не двинулся на Мичикъ по старой просѣкѣ, а, избравъ новое направленіе, расположился на Хаби-Шавданѣ, то этимъ руководили его своего рода благоразумныя соображенія.

Двинувшись по старой просѣкѣ, иначе нельзя было расположиться лагеремъ, какъ на Мичикѣ, потому что между этой рѣкой и Куринскимъ не было воды. Положимъ, что неожиданное занятіе Мичика и обошлось бы намъ безъ потери, но сообщеніе наше было бы небезопасно. Гористая же и лѣсистая мѣстность по ту сторону Мичика подвергала бы нашъ отрядъ постояннымъ тревогамъ и безнаказаннымъ выстрѣламъ изъ непріятельскихъ орудій. Притомъ, и вода въ Мичикѣ могла быть попорчена непріателемъ, къ чему неразъ онъ прибѣгалъ, когда мы стояли ла-

геремъ, въ прошломъ году, на Бассѣ. Тогда какъ расположеніемъ у Хаби-Шавдана не только устранялись всѣ эти препятствія, но и былъ обойденъ Гонсолъ, впадавшій въ Мичикъ лѣвѣ лагера. Между тѣмъ, отрядъ держалъ непріятеля постоянно въ угрожающемъ положеніи, будучи расположенъ лагеремъ и на этой позиціи. Первымъ дѣломъ отряда была вырубка лѣса позади лагера и устройство по-возможности лучшаго и удобнаго сообщенія съ Куринскимъ, откуда доставлялось все продовольствіе,—что и было достигнуто въ самое короткое время. Потомъ занялись уничтоженіемъ лѣса вправо и влево отъ лагера.

Все это совершалось безпрепятственно, или съ самой ничтожной перестрѣлкой, мало причинявшей намъ вреда. Притомъ, и погода намъ благопріятствовала. Морозовъ сильныхъ, такихъ какъ въ прошломъ году, не было, а между тѣмъ, не было большихъ и частыхъ тумановъ. Дни, большею частію, были теплые, солнечные. По ночамъ холодъ не превышалъ десяти градусовъ. Отрядъ вполнѣ пользовался всѣми хозяйственными удобствами лагерной зимней стоянки.

Противъ нашего лагера, за Мичикомъ, былъ собранъ многочисленный непріятель, состоявшій, по-прежнему, изъ чеченцевъ и тавлинцевъ.

Прибывшій изъ Веденя Шамиль, черезъ нѣсколько дней по нашемъ расположеніи на Хаби-Шавданѣ, былъ, противъ обыкновенія, ласковъ и привѣтливъ съ чеченцами. Въ бесѣдахъ съ ними, утѣшалъ ихъ и обѣщалъ помочь имъ отъ претерпѣнныхъ ими раззореній и лишеній, если только они будутъ его слушаться и исполнять его приказанія. При этомъ не упустилъ случая по-прежнему увѣрять ихъ, что онъ не дозволитъ русскимъ перейти Мичикъ, если чеченцы храбро и стойко поддержать его.

И чеченцы, оборуженные небывалымъ ласковымъ обращеніемъ Шамиля, предали забвенію всѣ прошлыя невзгоды, и были убѣждены въ справедливости его словъ.

«Нѣтъ, русскіе не могутъ перейти Мичикъ»,—говорили они, глядя на его высокіе и отвѣсныя берега, которые, притомъ, были обрѣты во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представлялась малѣйшая возможность въ переправѣ. Сверхъ того, чтобы занять умы чеченцевъ и заставить ихъ еще болѣе увѣряться въ невозможности

перехода черезъ Мичикъ, Шамиль заставлялъ ихъ по ночамъ на лѣвомъ берегу строить завалы и земляныя укрѣпленія. Находящійся за Мичикомъ, противъ нашего лагеря, аулъ Гурдали былъ занятъ Шамилемъ, его сыномъ Казы-Магометомъ, приближенными и мюридами.

Намъ простымъ глазомъ хорошо было видно, какъ Шамиль, пренебрегая на этотъ разъ даже этикетомъ, выходилъ на савлю для бесѣды съ собиравшимся народомъ, но всегда не одинъ, а окруженный нѣсколькими изъ своихъ мюридовъ съ вынутыми изъ чехловъ винтовками. Намъ слышны были раздававшіеся въ честь его привѣтственные выстрѣлы. Даже разъ видно было въ зрительную трубу, какъ на томъ возвышеніи, на которомъ въ прошломъ году нанесено было Баклановымъ пораженіе непріятелю, училась кавалерія съ 4-мя орудіями, изъ которыхъ производилась пальба по лагерю и войскамъ, высылаемымъ впередъ и влѣво для вырубки орѣшника и садовъ.

Стрѣльба по лагерю была рѣдкая и почти для насъ безвредная. Только разъ, кажется, въ праздникъ Срѣтенія Господня, во время служенія литургіи въ походной церкви, огромный наметъ которой служилъ постоянною цѣлью для непріятеля, пролетѣвшее надъ головами молящихся ядро, при паденіи своемъ, убило одного бурынца, да другаго сильно вонтузило.

Зато непріятель ниразу не оставлялъ въ повоѣ войскъ, высылаемыхъ впередъ лагеря и влѣво, на Мичикъ, для вырубки орѣшника и садовъ, а равно, когда дѣло дошло до разрушенія заваловъ, начиная отъ впаденія Гонсола, вверхъ по Мичику.

Разскажу при этомъ о случившемся со мною происшествіи въ одну изъ такихъ рубокъ орѣшника и садовъ. 18-го февраля, въ то время, когда полковникъ Бажановъ съ двумя баталіонами тенгинцевъ и четырьмя орудіями выступилъ уже изъ лагеря на работу, лазутчики дали знать о намѣреніи непріятеля, пробравшагося въ верховья Мичика, сдѣлать нападеніе на рабочихъ. Поэтому я былъ посланъ въяземъ Барятинскимъ предупредить объ этомъ полковника Бажанова и осмотрѣть работы.

Лошадь, на которой я поѣхалъ, была недавно куплена, весьма горяча и непривычна къ выстрѣламъ. Передавъ Бажанову все, что нужно было, я поѣхалъ впередъ. Въ это время летитъ ядро

и въ нѣсколькихъ шагахъ дѣлаеть рикошетъ. Лошадь моя дѣлаеть огромный прыжокъ въ сторону, попадаетъ въ яму передними ногами, и я, отброшенный отъ нея на нѣсколько шаговъ, падаю безъ чувствъ на землю.

Въ моментъ моего паденія, всѣ окружающіе думали, что я убитъ, но когда подняли и осмотрѣли меня, то убѣдились, что, кромѣ ушиба на щекѣ, нѣтъ другаго поврежденія, нѣтъ и сильной контузіи, отъ которой я могъ бы умереть.

Между тѣмъ, проходитъ нѣсколько минутъ, а я нахожусь въ безчувственномъ состояніи. Успѣлъ прискакать изъ лагеря докторъ Добротинъ, видѣвшій мое паденіе, и готовился уже пустить кровь; но въ это время я началъ говорить.

Спрашиваю: гдѣ мы? Мнѣ отвѣчаютъ, что на Мичикѣ. Ничего не помню—нѣтъ сознанія. Такъ прошло еще нѣсколько секундъ. Наконецъ, я пришолъ въ полное сознаніе и дошолъ до лагеря безъ предлагаемой мнѣ помощи, положительно отказавшись отъ настоянія докторовъ пустить мнѣ кровь.

Я былъ на-волося отъ смерти, и, признаюсь, пріятно такъ умирать, потому что такая смерть мгновенна, нечувствительна и безъ малѣйшихъ страданій. Я остался невредимъ и годенъ для дальнѣйшей службы. Конь же мой, виновникъ моего паденія и причина этого разсказа и разсужденія, поступилъ въ число неспособныхъ, потому что вывихнулъ себѣ правую ногу....

....Февраль мѣсяць 1852-го года приходилъ къ концу, а съ нимъ вмѣстѣ оканчивались рубка лѣса и разрушеніе заваловъ вверхъ по Мичику, къ старой просѣкѣ.

Шамиль, по-прежнему, жилъ въ Гурдали и, по-прежнему, показываясь на саклѣ, бесѣдовалъ съ чеченцами, и они еще болѣе утвердились въ томъ мнѣніи, что мы не можемъ перейти Мичикъ, а слѣдовательно, сдѣлались самонадѣяннѣе, хвастливѣе—характеристичная черта всѣхъ мусульманскихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что отрядъ покойно продолжалъ стоять лагеремъ на Хаби-Шавданѣ, пользуясь, по-прежнему, всѣми удобствами лагерной зимней стоянки. Только заготовленіе въ большомъ количествѣ складныхъ лѣстницъ, отъ двухъ до трехъ сажень длиною, а также фашинъ и туровъ,—распространяли говоръ по отряду, что предстоитъ скорое взятіе Мичика.

Наступило 27-ое февраля—день новаго торжества князя Барятинскаго, новаго униженія Шамиля, новаго окончательнаго разочарованія и бѣдствій чеченцевъ.

Съ вечера полковникъ Баклановъ получилъ приказаніе отъ князя выступить изъ Куринскаго съ десятью сотнями казаковъ, эскадрономъ драгунъ, двумя баталіонами куринцевъ и шестью орудіями, по старой просьбѣ, съ такимъ расчетомъ во времени, чтобы на разсвѣтъ быть за Мичикомъ.

Чтобы сохранить это движеніе въ возможной тайнѣ и чтобы даже передвиженіе войскъ не могло породить какихъ-либо толковъ и преждевременныхъ предположеній,—25-го февраля, то есть, за день до перехода черезъ Мичикъ, было отправлено шесть ротъ куринцевъ, эскадронъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ и два орудія, какъ очередныя для мытья въ банѣ. Утромъ же, наканунѣ штурма, выступила изъ отряда колонна за провіантомъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ и двухъ сотенъ казаковъ. Донской же полкъ Бакланова и 4 конно-казачьихъ орудія и до того времени, большею частію, находились въ укрѣпленіи Куринскомъ и на посту Карасинскомъ.

Переходъ черезъ Мичикъ съ меньшею для насъ потерей и нанесеніе непріятелю, по-возможности, сильнаго пораженія—зависѣли, единственно, отъ скрытнаго и неожиданнаго появленія Бакланова за Мичикомъ. Если онъ будетъ открытъ до перехода черезъ эту рѣку, то орудійные выстрѣлы въ его колоннѣ будутъ служить сигналомъ къ движенію всего отряда за Мичикъ. Въ такомъ случаѣ, онъ будетъ служить отвлеченіемъ для штурмующихъ войскъ, подъ личнымъ предводительствомъ князя Барятинскаго.

Если же Баклановъ, съ ввѣренными ему войсками, достигнетъ Мичика, незамѣченный непріателемъ, то, начавъ переправу черезъ эту рѣку, онъ долженъ извѣстить объ этомъ черезъ особаго нарочнаго, посланнаго кратчайшимъ путемъ.

Успѣхъ обходнаго движенія Бакланова былъ желаемый. Онъ не былъ открытъ непріателемъ по эту сторону Мичика. Этому способствовали, отчасти, небольшой туманъ, а главное, небрежность и беспечность караульныхъ чеченцевъ, которые спали и были захвачены живьемъ безъ выстрѣла.

Между тѣмъ, въ отрядѣ на Хаби-Шавданѣ, за исключеніемъ

одного баталіона и сотни казаковъ, оставляемыхъ въ лагерѣ, на разсвѣтѣ все было готово къ наступленію.

Артиллерійскія лошади запряжены, драгунскія осѣдланы, три баталіона кабардинцевъ и эриванскій гренадерскій баталіонъ снабжены штурмовыми лѣстницами, фашинами, турами, лопатами и кирками. Эти четыре баталіона съ дивизиономъ горныхъ орудій назначались, собственно, для перехода черезъ Мичикъ, у того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него Гонсолъ.

Десять орудій съ двумя баталіонами тенгинцевъ и эскадронномъ драгунъ должны были расположиться по Мичику, правѣе штурмующей колонны и немедленно открыть пальбу по аулу Гурдали, а также обстрѣливать все пространство до Мичика. Когда штурмующія войска переправятся черезъ Мичикъ, то артиллерія направляетъ свои выстрѣлы сообразно съ дѣйствиємъ этихъ войскъ, стараясь обстрѣливать все впереди ихъ находящееся пространство. Тенгинцы же должны немедленно приступить къ устройству переправы противъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ будутъ расположены. Съ нетерпѣніемъ ожидалось извѣстіе отъ Бакланова. Наконецъ, оно получено, и войска выступили изъ лагеря по диспозиціи.

Невполнѣ разсѣявшійся туманъ скрывалъ наше движеніе изъ лагеря, а слѣдовательно, способствовалъ успѣху. Артиллерія съ тенгинцами и драгунами двинулась въ Мичику прямо; штурмующая колонна влѣво, въ устью Гонсола. Князь Барятинскій со штабомъ находился при кабардинцахъ.

Загрѣзли наши орудія вправо, начался спускъ и эскалада лѣваго берега Мичика кабардинцами.

Въ это время непріятель не оставался въ бездѣйствіи. Когда Баклановъ началъ переправляться черезъ Мичикъ, а мы выступать изъ лагеря, въ непріятельскомъ станѣ раздалась два орудійныхъ выстрѣла, которые были сигналомъ къ общей тревогѣ. Непріятельская кавалерія начала собираться, между Гонсолемъ и Мичикомъ, противъ Бакланова, пѣхота—занимать Гонсолъ и Мичикъ. Орудія сначала были двинуты за кавалеріей; но, потомъ, по приказанію Шамиля, были отвезены назадъ, и оставались все время въ совершенномъ бездѣйствіи.

Бакланову легко было сладить съ непріятельской кавалеріей, потому что въ то время, когда она собралась въ значительномъ числѣ, переправа черезъ Мичикъ приходила къ концу. Произве-

денная имъ атака раздѣлила непріятеля на двѣ части, и тѣ, которые попали въ уголь между Гонсолемъ и Мичикомъ, были или изрублены, или, большею частію, расшиблись, бросаясь съ крутого берега въ Гонсолъ.

Непріятельская пѣхота, поражаемая ядрами и гранатами изъ десяти орудій слѣва и картечью изъ четырехъ горныхъ орудій съ фронта, не выдержала и отступила въ Гурдали, и только сотня-другая чеченцевъ, засѣвшая за завалами, въ изгибахъ Мичика, поражала выстрѣлами кабардинцевъ, спускавшихся въ эту рѣку и эскалаторовавшихъ лѣвый ея берегъ. Но и эти смѣльчави обратились въ бѣгство, когда увидѣли поражение своей кавалеріи.

По окончаніи труднаго перехода черезъ Мичикъ кабардинцевъ и эриванцевъ и по соединеніи съ куринцами и казаками Бакланова, разбѣжавшаго, на страхъ врагамъ, въ овчинномъ тулупѣ и мохнатой папахѣ,—произведено было наступленіе; но непріятеля уже не было ни въ Гурдали, ни въ лѣсу, находящемся позади этого аула.

Онъ собрался у подножія Черныхъ горъ, но, съ движеніемъ нашимъ туда, успѣшилъ скрыться въ лѣсъ.

Хотя это было явнымъ доказательствомъ, какъ велики были его страхъ и поражение, однако, преслѣдовать его по лѣсистымъ горамъ было бы неблагоразумно и безцѣльно, тѣмъ болѣе, что у насъ было много дѣла на Мичикѣ. На этой рѣкѣ необходимо было устроить хорошія переправы, на чтò требовались не часы, а дни. Тѣмъ болѣе, князь не хотѣлъ ограничиться только уже начатыми тремя переѣздами, а устроить еще два—одинъ у бывшего аула Мазлагаша, а другой на Гонсолѣ. Всѣ эти работы производились въ продолженіе двухъ недѣль и совершенно безпрепятственно со стороны непріятеля.

12-го марта, отрядъ оставилъ Хаби-Шавданъ и Мичикъ, и войска разошлись по своимъ штабъ-квартирамъ веселыми, довольными и съ самой незначительной потерей. Было только 4 убитыхъ, да 65 раненыхъ, въ томъ числѣ 18 человекъ было ранено при занятіи Мичика.

И такъ Шамиль, выражаясь по-персидски, еще разъ «наѣлся грязи», — выраженіе, которое такъ любилъ Хаджи-Баба, — и на этотъ разъ больно много.

Всѣ его надежды на удержаніе чеченцевъ рушились однимъ ударомъ въ нѣсколько часовъ, и если бы не восточная война, то положительно, можно сказать, что Чечня принесла бы намъ безусловную покорность, а съ нею и покореніе восточнаго Кавказа совершилось бы нѣсколькими годами ранѣе. Правда, можетъ быть, это покореніе не было бы столь славно. Можетъ быть, Шамиль не жилъ бы у насъ плѣнникомъ, потому что онъ, униженный не только въ глазахъ чеченцевъ, но терявшій свою власть и между жителями Дагестана, собирался оставить Ведень, и намѣревался пробраться тайкомъ въ Турцію.

Положительно было извѣстно, что въ Ведень заготовлялось много вьючныхъ лошадей, и что часть имущества, болѣе драгоценнаго, была отправлена въ Технудаль, вскорѣ послѣ возвращенія или, правильнѣе сказать, бѣгства Шамиля съ Мичива. Онъ поспѣшно уѣхалъ оттуда не столько изъ опасенія нашего преслѣдованія, сколько изъ боязни раздраженныхъ чеченцевъ.

IV.

Съ 1850 по 1853 годъ, въ продолженіе трехъ-лѣтняго пребыванія моего на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, кромѣ описанныхъ зимнихъ экспедицій, происходили непродолжительныя лѣтнія движенія и дѣйствія нашихъ войскъ. Они преимущественно состояли въ уничтоженіи засѣянныхъ непріятельскихъ полей и заготовленнаго сѣна, въ раззореніи ауловъ и въ противодѣйствіи покушеніямъ непріятели нападать на нашъ скотъ и жителей, занимавшихся полевыми работами. Такія покушенія въ особенности часто предпринимались чеченцами въ 1851 году.

Но описывать каждое изъ нихъ было бы безцѣльно и бесполезно, тогда какъ очередь главныхъ покушеній непріятели и противодѣйствій имъ съ нашей стороны, полагаю, будетъ не только не безынтересенъ, но еще болѣе охарактеризуетъ образъ войны, веденный нами съ чеченцами. А потому здѣсь разскажу только: о движеніи въ 1851 году на герменчукскія и автурскія поля, о быстромъ сосредоточеніи и движеніи войскъ къ Назрану, въ іюнѣ 1852-го года, о пораженіи непріятели въ октябрѣ того-же года на Сунжѣ и о истребленіи ханхальскихъ хуторовъ.

Наступательное движеніе на герменчукскія и автурскія поля,

находящіяся между Джалвой и Хулхулау, было предпринято князем Барятинскимъ въ ночь съ 27-го на 28-е іюня, единственно съ цѣлю уничтоженія огромныхъ посѣвовъ проса и кукурузы.

Движеніе это замѣчательно по быстротѣ сосредоточенія войскъ, а также скрытности и скорости исполненія, отчего, преимущественно, зависѣлъ успѣхъ каждаго предпріятія въ кавказской войнѣ. Неожиданное появленіе у предмета дѣйствія и быстрое отступленіе по достиженіи цѣли—вотъ чѣмъ долженъ былъ руководиться начальникъ въ подобнаго рода предпріятіяхъ; несоблюденіе же этихъ правилъ увеличивало безъ пользы наши потери.

Въ этомъ случаѣ и то и другое было соблюдено во всей точности, а потому цѣль движенія достигнута съ самой незначительной для насъ потерей. По цѣли своего назначенія, отрядъ, преимущественно, долженъ былъ состоять изъ кавалеріи, потому что она скорѣй могла уничтожить кукурузу и вытоптать просо. Поэтому предписано было—въ ночь 25-го іюня, командиру Гребенскаго полка, барону Розену, со всѣмъ полкомъ и двумя конными орудіями, къ вечеру 27-го числа прибыть въ Грозную, занявъ кордонъ льготными казаками и двумя сотнями Кизлярскаго полка. Отъ командира Моздовскаго полка были вытребованы къ тому же времени три сотни съ двумя же конными орудіями.

Въ полночь съ 27-го на 28-е іюня 1851 г., князь Барятинскій выступилъ изъ Грозной совершенно на-легкѣ, съ девятью сотнями и дивизиономъ конныхъ орудій, прибывшими съ Терской линіи, и двумя сотнями дунайскихъ казаковъ, шестью ротами и двумя орудіями, принадлежавшими къ составу гарнизона этой крѣпости.

Всѣ эти войска, по переходѣ черезъ Ханкале, направились къ той переправѣ черезъ Аргунъ, гдѣ въ зимнюю экспедицію былъ расположенъ лагерь чеченскій отрядъ.

Несмотря на огромную воду и сильное теченіе Аргуна, во время переправы черезъ который опровинуто одно орудіе,—переходъ отряда черезъ эту рѣку совершился благополучно, и на разсвѣтъ послѣдовало соединеніе, на Шалинской просѣвѣ, съ двумя баталіонами вуринцевъ, четырьмя орудіями и тремя сотнями донскихъ казаковъ, прибывшихъ по предварительно-сдѣланному распоряженію изъ крѣпости Воздвиженской, подъ начальствомъ полковника Серебрякова.

Движеніе до Герменчука хотя совершалось по мѣстности зна-

комой, но она представлялась намъ теперь въ иномъ, болѣе прекрасномъ, живописномъ видѣ. Мы привыкли ее видѣть съ обнаженными, обледѣнными деревьями, съ полями и пастбищами, покрытыми толстымъ слоемъ снѣга. Теперь же она представлялась намъ зеленѣющимъ лѣсомъ, съ плодами на фруктовыхъ деревьяхъ, и полями, поросшими тучной, высокой и цвѣтистой травой. Съ переходомъ же черезъ Джалку и съ минованіемъ нашего укрѣпленія, выстроеннаго генераломъ Галофѣевымъ въ 1840 году, когда онъ стоялъ здѣсь съ отрядомъ, вскорѣ послѣ возстанія чеченцевъ, — мы вступили въ огромное пространство высокой кукурузы и густаго зеленѣющагося проса.

Такъ какъ это пространство было предметомъ нашего дѣйствія, то кавалерія была послана впередъ для уничтоженія полей, а пѣхота съ артиллеріей расположились на удобныхъ мѣстахъ для прикрытія кавалеріи и къ противодѣйствию неприятелю, открывшему насъ при переправѣ черезъ Джалку и теперь съ поспѣшностію собиравшемуся изъ Автура и другихъ ближайшихъ ауловъ.

Когда кукуруза была порублена пашками казаковъ, а просо вытоптано ихъ лошадьми, то князь Барятинскій двинулся съ войсками вправо на мезеинскія поля. По уничтоженіи здѣсь, такимъ же порядкомъ, посѣянныхъ, въ огромномъ количествѣ, проса и кукурузы, отрядъ вышелъ на Аргунъ къ Атагинской переправѣ. Здѣсь переправилась только одна кавалерія, пѣхота-же съ артиллеріей, взятая изъ Грозной, были направлены на Возвиженскій мостъ, единственно по той причинѣ, чтобы не подвергать ее безъ надобности случайнымъ опасностямъ, потому что и здѣсь, какъ и на утренней переправѣ, нужно было плыть нѣсколько сажень.

Переправлять же пѣхоту на казачьихъ лошадяхъ, какъ это было сдѣлано утромъ, было бы грѣшно, да и опасно по утомленію лошадей, тѣмъ болѣе, что оставалось до Грозной не менѣе двадцати верстъ; тогда какъ ни одинъ изъ казаковъ, прибывшихъ съ Терека, не сдѣлалъ, въ продолженіе полутора сутокъ, менѣе восьмидесяти верстъ, а были и такія части, которыя въ 36 часовъ сдѣлали болѣе ста верстъ, на примѣръ, тѣ изъ гребенскихъ казаковъ, которымъ пришлось ѣхать изъ станицъ Шелковой и Новоградцевской.

Это движеніе стоило намъ самой незначительной потери. У насъ было ранено только девять человекъ, несмотря на то, что неприятель, при переходѣ нашемъ съ авгурскихъ на мезе-

инскія поля, собрался въ весьма большомъ числѣ и дрался съ отчаяніемъ, — тогда какъ чеченцы понесли несравненно большую потерю. Кромѣ раненыхъ, у нихъ были и убитые, потому что они не разъ попадали подъ нашу картечь.

Но они не отказались бы и отъ большихъ жертвъ, еслибы могли спасти свои поля, съ истребленіемъ которыхъ тысячи семействъ лишались пропитанія. Мѣра жестокая, но необходимая въ войнѣ съ горцами. Какъ бы жестоки мѣры ни были, но, если онѣ влонятся во вредъ непріятеля, должны, безъ колебанія, приводиться въ исполненіе:

Уничтоженіе хлѣбныхъ посѣвовъ заставляло чеченцевъ, сюрѣ другихъ мѣръ, покоряться намъ, переселяясь въ наши предѣлы, причемъ имъ оказывалось пособіе и деньгами, и хлѣбомъ, отпускаемымъ изъ нашихъ провіантскихъ складовъ. Слѣдовательно, за жестокимъ наказаніемъ слѣдовала и милость для покорныхъ и покаявшихся; кромѣ того, съ истребленіемъ посѣвовъ и запасовъ сѣна, Шамиль лишался возможности имѣть въ сборѣ тавлинцевъ, призываемыхъ имъ зимою для защиты Чечни, что оказалось и на самомъ дѣлѣ, потому что сборъ непріятеля въ зимнюю экспедицію 1852-го года былъ замѣтно менѣе противъ предшествовавшихъ двухъ зимъ.

Въ началѣ іюня 1852-го года, Шамиль съ огромнымъ скопцемъ, простиравшимся до 5—6 тысячъ вонныхъ и пѣшихъ чеченцевъ и тавлинцевъ, пройдя скрытно по горамъ, вторгся въ Владикавказскій военный округъ.

Это вторженіе было предпринято имъ съ двойною цѣлью: чтобы, во первыхъ, возстановить противъ насъ галашевцевъ, карабулаевъ, ингушей и назрановцевъ, и, во вторыхъ, поднять себя во мнѣніи своихъ подвластныхъ, въ особенности же чеченцевъ, до вѣрїе которыхъ въ нему, послѣ блестящаго нашего движенія черезъ всю Большую Чечню, сильно было поколеблено.

Шамиль, будучи въ сношеніи съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ лицъ этихъ обществъ, былъ сильно увѣренъ въ успѣхъ своего предпріятія. Онъ питалъ себя надеждой не только о вѣтїи Нестеровскаго, Назрана и разграбленіи станицъ по Сунжѣ, но мечталъ о занятіи Джераховскаго укрѣпленія на Военно-грузинской дорогѣ, а можетъ быть, и самаго Владикавказа.

О сборѣ непріятеля и приготовленіяхъ Шамиля князь Барятинскій и баронъ Вревскій заблаговременно знали, но только неизвѣстно было, куда непріятель двинется. Шамиль могъ съ одинаковою быстротою и неожиданностію появиться на Кумыкской плоскости, у Стараго юрта, даже на Терекъ и на Сунженской линіи, и даже возлѣ Назрана и Владикавказа. Хотя послѣдніе два пункта находились отъ Веденя далѣе прочихъ, но гористая и лѣсистая мѣстность способствовала движенію. Притомъ извѣстно было, кромѣ начальства, и другимъ, что Шамиль находится въ сношеніи съ назрановскими старшинами. А потому очень естественно было, если больше вниманія было обращено на Владикавказскій округъ, нежели на лѣвый флангъ.

Князь Барятинскій и баронъ Вревскій, жившіе между собою очень дружно, что случалось въ то время между начальниками-сосѣдями очень рѣдко, положили помогать другъ другу, въ чемъ и нельзя было сомнѣваться по рыцарской чести обоихъ.

На лазутчиковъ нельзя было въ это время полагаться, но только не потому, что нельзя было имѣть вѣрныхъ лазутчиковъ, а оттого, что имъ неизвѣстны были намѣренія и предпріятія Шамиля. Горецъ вообще, а чеченецъ въ особенности, за хорошія деньги продастъ не только соотчича, но не пожалѣетъ брата и отца. Примѣровъ тому немало, несмотря на то, что Шамиль подвергалъ лазутчиковъ самымъ неистовымъ и ужаснымъ наказаніямъ. Не только сами лазутчики, уличаемые, подозрѣваемые въ сношеніяхъ съ русскими, наказывались смертію, но отвѣтчиками были ихъ родители и родственники, въ особенности, если они были достаточные люди. Тогда къ преступленію объ измѣнѣ примѣшывалась и воровьсть наивовъ и мюридовъ. Такъ въ Автурѣ былъ раздавленъ доскою, положенною на грудь, на концы которой насаждено по нѣскольку человѣкъ, братъ ушедшаго къ намъ лазутчика. Въ Герменчукѣ были выколоты глаза отцу за подозрѣніе сына въ сношеніяхъ съ русскими.

Лазутчикамъ не всегда можно было вѣрить, собственно потому, что они могли не знать намѣреній и предположеній Шамиля, который былъ остороженъ и скрытенъ въ военныхъ предпріятіяхъ, если не болѣе, то не менѣе самого князя Барятинскаго. А это было тѣмъ болѣе для насъ опасно, что онъ, находясь въ центральномъ положеніи, могъ дѣйствовать во всѣ стороны по

радіусамъ, тогда какъ мы могли противоудѣйствовать ему по окружностямъ, часто слишкомъ удаленнымъ отъ центра.

Въ такихъ предпріятіяхъ Шамиля лазутчики могли быть полезны только съ того времени, когда непріятель, выступивъ съ мѣста сбора, находился въ движеніи къ предмету дѣйствія. Но и здѣсь надо было быть весьма осторожнымъ и свѣрять извѣстія одного лазутчика съ другимъ. Вѣдь Шамиль могъ двинуться по одному направленію и измѣнить его; могъ послать въ одну сторону слабѣйшую, а съ сильнѣйшей двинуться въ другую—однимъ словомъ, употреблять такія же хитрости противъ насъ, какія мы употребляли противъ него, т. е. платить тою же монетою.

А потому у князя Барятинскаго, кромѣ нѣсколькихъ партій лазутчиковъ, содержались такіе одиночные лазутчики, разумѣется за большую плату, которые, отдѣлясь скрытно изъ партій во время самаго движенія, прискакивали лично къ князю въ Грозную, или передавали своимъ роднымъ и друзьямъ о направленіи, принятомъ Шамилемъ. Такимъ же образомъ получено было Александромъ Ивановичемъ свѣдѣніе 17-го іюня о движеніи Шамиля въ Владикавказскій округъ. Немедленно были посланы нарочные съ предписаніями по четыремъ различнымъ направленіямъ: въ Воздвиженское, къ князю Воронцову—о направленіи въ Грозную шести ротъ, двухъ сотенъ и четырехъ орудій; въ Хасавъ-юртъ, къ барону Николаю—о направленіи, въ Грозную же, черезъ Умаханъ-юртъ и Тепли-вичу,—двухъ баталіоновъ, трехъ сотенъ и четырехъ орудій, гдѣ и оставаться въ составѣ гарнизона впредь до приказанія; въ Червленную, къ барону Розену—о движеніи трехъ сотенъ прямымъ путемъ отъ Николаевской переправы на ст. Михайловскую; въ Науръ, командиру Модзюкскаго полка—о направленіи трехъ сотенъ въ Михайловскую же.

При этомъ считаю необходимымъ добавить, что всѣ означенныя лица были предварены, что потребованныя отъ нихъ войска должны быть въ полной готовности и немедленно должны быть двинуты туда, куда будетъ указано по полученіи дополнительнаго предписанія. Пятый нарочный былъ посланъ къ барону Вревскому. Ему писано: «такъ какъ Шамиль положительно двинулся въ вѣрненнй ему округъ, то войска лѣваго фланга немедленно двигаются вверхъ по Сунжѣ и къ 4-му іюня соберутся возлѣ Назрана въ числѣ трехъ баталіоновъ, десяти орудій и десяти сотенъ каза-

ковъ, дальнѣйшее же дѣйствіе которыхъ будетъ зависѣть отъ движенія непріятели. Черезъ двое сутокъ, если окажется нужнымъ, придутъ еще два баталіона съ четырьмя орудіями.

На разсвѣтѣ 2-го іюня 1852 г. князь Барятинскій выступилъ изъ Грозной съ шестью ротами, двумя сотнями и четырьмя орудіями, приказавъ и войскамъ, долженствующимъ прибыть того же числа вечеромъ изъ Воздвиженской, слѣдовать за нимъ. По прибытіи на ночлегъ въ ст. Михайловскую, тамъ уже были найдены шесть сотенъ Моздокскихъ и Гребенскихъ казаковъ. На разсвѣтѣ 3-го числа прибылъ туда же и эшелонъ изъ Воздвиженской.

4-го іюня, въ день, указанный въ отзыгѣ къ барону Вревскому, князь Барятинскій, со всѣми означенными войсками, былъ расположенъ уже лагеремъ у Назрана.

Это укрѣпленіе, построенное въ тридцатыхъ годахъ, взаимно находившагося по-близости Преграднаго Стана, имѣло цѣлю наблюдать за назрановцами и ингушами и обезпечивать сообщеніе съ Моздокомъ черезъ Малую Кабарду. Оно находилось въ 24-хъ верстахъ отъ Владикавказа и состояло изъ каменныхъ высокихъ стѣнъ, фланкируемыхъ башнями, и форштадта, обнесеннаго землянымъ валомъ, съ положенною на верхъ колючкою. На вооруженіи находилось до 12-ти разныхъ калибровъ орудій. Кавказскій линейный № 8-й баталіонъ составлялъ постоянный гарнизонъ этого укрѣпленія. Назранъ нѣсколько разъ подвергался серьезнымъ нападеніямъ Шамиля и его сподвижника Ахверды Магомы. Въ 1856-мъ же году это укрѣпленіе штурмовали сами возмущившіеся назрановцы, которые дорого заплатились за такую дерзость.

Шамиль, въ тотъ день, когда войска лѣваго фланга имѣли ночлегъ въ Михайловской, прибылъ въ Галашки, и, узнавъ, что дорога въ Назранъ и до Владикавказа занята барономъ Вревскимъ, а по Сунжѣ двигается князь Барятинскій, направился черезъ Джерахъ на Военно-грузинскую дорогу. Но когда узналъ, что и тамъ сосредоточены два баталіона съ четырьмя орудіями, то ограничился тѣмъ, что, взявъ подать съ галашевцевъ и объявивъ ихъ клятвой въ вѣрности, въ злобѣ возвратился въ Ведень и распустилъ недовольныхъ тавлинцевъ, а въ особенности чеченцевъ, по домамъ. При этомъ онъ приказалъ чеченскимъ набамъ, какъ можно чаще, беспокоить русскихъ на покосахъ, въ лѣсу, отгонять скотъ и нападать на жителей, занимающихся полевыми

работами. Разрѣшилъ даже, по праву имама, дѣлать такія же нападенія на мирныхъ чеченцевъ, не признающихъ его власти, а покоряющихся гаурамъ. Угрожалъ этимъ же и тѣмъ чеченцамъ, которые имѣютъ намѣреніе перейти къ русскимъ.

1-го октября 1852-го года было получено свѣдѣніе отъ надежныхъ лазутчиковъ о намѣреніи непріятеля угнать скотъ грозненскихъ жителей, и что по этому случаю наибъ Талгикъ, по предоставленному ему Шамилемъ праву, собираетъ огромную партію со всей Чечни. На другой день эти свѣдѣнія подтвердились. Однимъ же мазуномъ, т. е. пятисотеннымъ, бывшимъ тоже у насъ лазутчикомъ, утромъ 2-го октября, были доставлены вотъ какія подробныя распоряженія, сдѣланныя Талгикомъ по случаю этого нападенія:

Весь сборъ раздѣляется на три части. Небольшая партія, состоящая человекъ изъ ста лучшихъ наѣздниковъ, переправившись скрытно черезъ Сунжу у Алдовъ, что съ западной стороны Грозной, бросится на скотъ и, не обращая вниманія на прикрытіе, погонитъ его къ Нефтянкѣ и далѣе къ Чертугаевской переправѣ на Сунжѣ. Другая партія отъ 200 до 300 худоконныхъ покажется изъ Ханкале, собственно для отвлеченія, одновременно съ той партіей, которая бросится на скотъ со стороны Алдовъ. Она будетъ держаться отъ крѣпости внѣ пушечнаго выстрѣла. Главный же сборъ, состоящій изъ конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ, будетъ скрываться въ лѣсу, по обѣимъ сторонамъ Сунжи, на Чертугаевской переправѣ, что на половинномъ разстояніи между Грозной и Тепличичу, и будетъ дѣйствовать по обстоятельствамъ противъ грозненскаго гарнизона.

Изъ этого оказывается, какъ хороши были соображенія, руководившія Талгикомъ, и распоряженія, сдѣланныя имъ къ овладѣнію грозненскимъ скотомъ. Не имѣвши объ нихъ предварительныхъ свѣдѣній черезъ лазутчиковъ, легко было увлечься той партіей, которая должна была показаться изъ Ханкале, направить туда подвижной резервъ и большую часть гарнизона и тѣмъ безнаказанно отдать въ руки непріятеля весь скотъ, а слѣдовательно, предоставить ему полное торжество и раззореніе грозненскихъ жителей. Но князь Барятинскій, имѣя свѣдѣнія о покушеніи непріятеля на грозненскій скотъ и воплѣвъ вѣря имъ,

потому что онъ имѣлъ эти свѣдѣнія отъ такого лазутчика, который неоднократно оправдывалъ его довѣріе, — потребовалъ отъ него извѣстія, хотя за часъ до нападенія на скоть, о подтвержденіи всѣхъ сдѣланныхъ Талгивомъ распоряженій. Если же все исполнится такъ, какъ онъ извѣститъ, то за это получить 150 рублей.

Согласно со свѣдѣніями, доставленными лазутчикомъ-мазуномъ, были сдѣланы слѣдующія распоряженія.

Скотъ, по-прежнему, выгнанъ на пастьбу, но только немного по-позже, не такъ далеко отъ вѣрности, и подъ большимъ прикрытіемъ. вмѣсто слабой роты и одного орудія, обыкновенно высылаемыхъ въ прикрытіе, назначено двѣ роты съ орудіемъ, да скрыта была въ ближайшей балкѣ сотня дунайскихъ казаковъ. Начальнику прикрытія приказано было расположиться съ ротами и орудіемъ на Алханъ-юртовской дорогѣ и наблюдать за Сунжей къ Алдамъ; скоть держать по-близости этой дороги, не дозволяя ему далеко расхотиться. При появленіи непріятеля, встрѣтить его огнемъ изъ орудія и пѣхоты, не оставляя своего мѣста; когда же онъ, прискакавъ въ то мѣсто, гдѣ будетъ находится скоть, начнетъ гнать его, то дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы не дозволить ему угнать скоть по тому направленію, по которому онъ сдѣлалъ нападеніе, т. е. къ Алдамъ. Дунайцы должны были содѣйствовать въ этомъ пѣхотѣ, дѣйствуя противъ непріятеля холоднымъ оружіемъ.

Съ выгономъ скотины на пастьбу, всѣ остальные затѣмъ войска грозненскаго гарнизона были въ полной готовности. Три роты куринцевъ съ однимъ орудіемъ предположено было направитъ, на перерѣзъ непріятелю, на Нефтянскую башню, къ Чертугаевской переправѣ. Сотня грозненскихъ казаковъ, сотня дунайцевъ, баталіонъ и два орудія, переправившись черезъ Сунжу, какъ можно поспѣшнѣе, тамъ, гдѣ будетъ удобнѣе, должны были спѣшить къ Чертугаевской переправѣ по правому берегу.

Въ третьемъ часу, когда у князя оканчивался обѣдъ, прискакавшій отъ мазуна, закутанный въ башлыкъ, но намъ знакомый чеченецъ далъ знать о скоромъ нападеніи на скоть, и что Талгикъ не измѣнилъ сдѣланныхъ имъ распоряженій.

Все приготовилось по первому выстрѣлу къ движенію. Наконецъ, раздался сигнальный выстрѣлъ, съ батареи противъ Хан-кале, по непріятелю, показавшемуся изъ этого ущелья. Вслѣдъ за

этимъ, слышались сигнальные выстрѣлы съ западной батареи и съ Нефтянской башни о появленіи непріятеля со стороны Алдовъ и на Чертугаевской переправѣ.

Князь Барятинскій, приказавъ мнѣ находиться при войскахъ, направляемыхъ, на перерѣзъ, на Нефтянскую башню, и дѣйствовать съ ними рѣшительно противъ непріятеля, переправившагося на эту сторону Сунжи,—самъ направился къ тѣмъ войскамъ, которыя должны были дѣйствовать по правому берегу, въ тылъ непріятелю.

Всѣ распоряженія были своевременны и совершенно согласовались съ дѣйствіями непріятеля, а потому успѣхъ былъ самый блестящій. Не воспользовавшись ничѣмъ, непріятель потерпѣлъ огромное пораженіе. Много убитыхъ было у него по эту сторону Сунжи, въ особенности на Чертугаевской переправѣ, гдѣ сильно пострадала, отъ картечнаго и ружейнаго огня, та партія, которая бросилась на свотъ со стороны Алдовъ и гнала его до Нефтянки.

Но окончательное пораженіе непріятелю было нанесено, на правомъ берегу Сунжи, тѣми войсками, которыми лично управлялъ князь Барятинскій. Кромѣ множества раненыхъ, въ числѣ которыхъ находился и самъ Талгикъ, до 300 тѣлъ осталось на мѣстѣ боя, погибшихъ отъ ядеръ, картечи, пуль, шашекъ и пикъ. Много лошадей, оружія и одежды было набрано казаками и мирными чеченцами грозненскихъ ауловъ. Намъ же это пораженіе стоило 4-хъ легко-раненыхъ, да нѣсколько убитыхъ и раненыхъ нашими ядрами и гранатами коровъ и быковъ.

12-го декабря 1852-го года были истреблены хутора, гнѣздившіеся въ глубокихъ и лѣсистыхъ балкахъ Ханкальскаго ущелья, а жители въ числѣ 480-ти душъ обоего пола, со скотомъ и имуществомъ, приведены плѣнными въ Грозную и поселены на жительство между чеченцами, живущими у этой крѣпости двумя аулами. Ханкальское ущелье, находящееся въ восьми верстахъ отъ Грозной, составляютъ двѣ горы, довольно высокія, продолговатыя и поросшія строевымъ лѣсомъ. Восточная гора образуетъ обрывистый лѣвый берегъ Аргуна, между аулами Бердыкель и Большой Чечень; западная же составляетъ своими отлогостями правый берегъ Гойты, впадающей въ Сунжу верстахъ въ трехъ выше Грозной. Ханкальское ущелье приобрѣло историческую из-

вѣстность съ 1806 года, когда командующій войсками на Кавказской линіи генераль Булгаковъ, желая проникнуть вглубь Чечни, встрѣтился тутъ съ главною массою чеченскаго населенія и, послѣ значительной потери, принужденъ былъ возвратиться обратно.

Въ Ханкале же, въ 1818 году, генераль Ермоловъ имѣлъ кровавый бой съ огромнымъ сборищемъ чеченцевъ, перекопавшихъ дно ущелья глубокимъ ровомъ и засѣвшихъ за высокимъ валомъ. Но Алексѣй Петровичъ, овладѣвъ этимъ окопомъ и расположившись съ своей ставкой на курганѣ, называемомъ и по настоящее время Ермоловскимъ, не двинулся впередъ до тѣхъ поръ, пока не вырубилъ на ружейный выстрѣлъ дремучій лѣсъ и тѣмъ не сдѣлалъ свободнымъ проходъ въ Чечню на будущее время. Еще въ 1844 году, въ Ханкале раздавались непріятельскіе орудійные выстрѣлы по нашимъ транспортнымъ колоннамъ, перевозившимъ провіантъ и военные запасы изъ Грозной въ строящуюся въ томъ году крѣпость Воздвиженскую, и неразъ привозились десятки раненыхъ непріятельскими ядрами и осколками гранатъ. Но съ построеніемъ крѣпости Воздвиженской и послѣ молодецкихъ зимнихъ поисковъ, произведенныхъ, по разнымъ направленіямъ, оставленнымъ тамъ подвижнымъ резервомъ, а главное—послѣ прорубки Гойтинской и Гехинской просѣкъ—Ханкальское ущелье утратило свое прежнее значеніе, и въ немъ только по-временамъ раздавались выстрѣлы изъ засадъ по нашимъ войскамъ, посылаемымъ туда изъ Грозной за дровами и строевымъ лѣсомъ, для разныхъ построекъ.

Такия засады устраивали какъ сами жители хуторовъ, гнѣздившихся въ глубокихъ и лѣсистыхъ балкахъ, которыми въ особенности была изрыта часть восточной горы ущелья, обращенной въ Аргуну, такъ и собиравшіяся въ этихъ балкахъ и хуторахъ непріятельскія партіи. Укрывавшіяся здѣсь партіи чеченцевъ нападали также на грозненскихъ жителей, занимавшихся полевыми работами, и на выгоняемый на пастбу ихъ скотъ. Такия нападенія чеченцы могли производить изъ Ханкальскаго ущелья, съ большимъ успѣхомъ, предпочтительно передъ другими мѣстами, потому что, кромѣ скрытаго и внезапнаго нападенія, они могли имѣть отъ жителей ханкальскихъ хуторовъ самыя положительныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ Грозной. Иногда случа-

лось, что перехватывались нарочные, посылаемые изъ Грозной въ Воздвиженскую и обратно.

Изъ этого очерка оказывается, что такое близкое сосѣдство ханкальскихъ хуторовъ было весьма вредно для Грозной, въ особенности въ то время, когда ея жители начали заниматься хлѣбопашествомъ въ большихъ размѣрахъ; а потому неудивительно, если князь Барятинскій обратилъ на нихъ свое вниманіе съ первыхъ дней вступленія въ управленіе лѣвымъ флангомъ. Если же истребленіе ханкальскихъ хуторовъ замедлилось въ исполненіи, то лѣтомъ, когда лѣсъ покрытъ листомъ, такого рода предпріятія, какъ сопряженныя съ большими потерями, княземъ безъ крайней надобности не предпринимались; зима же 1851—1852 годовъ сначала прошла въ приготовленіяхъ, а потомъ и въ совершеніи самой экспедиціи въ Большой Чечнѣ, продолжавшейся болѣе двухъ мѣсяцевъ. Притомъ князь охотнѣе совершалъ подобнаго рода предпріятія въ сильные морозы, потому что зналъ по опыту, что чеченцы во время сильныхъ морозовъ становились беспечнѣе и даже дрались съ меньшимъ мужествомъ и отвагой. Поэтому для истребленія ханкальскихъ хуторовъ была избрана половина декабря, когда морозы доходили до 15 градусовъ.

11-го декабря со срочной оказіей ¹⁾ было послано предписаніе командующему войсками въ крѣпости Воздвиженской, полковнику Ляшенко, выступить ночью, съ 2 баталіонами, 2 сотнями казаковъ и 4 орудіями, къ Ханкале, и у входа въ ущелье, повернувъ колонну направо и пройдя версты полторы по направленію на аулъ Большой Чечень, остановить пѣхоту съ артиллеріей, а самому съ казаками прибыть часа за два до разсвѣта къ Ермоловскому кургану, для полученія личныхъ приказаній. Все это было исполнено полковникомъ Ляшенко въ точности, и когда онъ прибылъ въ кургану, то нашелъ тамъ князя съ шестью ротами, тремя сотнями и четырьмя орудіями.

¹⁾ Подъ оказіями вообще разумѣлись особыя колонны, съ которыми отправлялись проѣзжающіе, пересылалась корреспонденція, перевозились пропіантъ и разныя другіе предметы. Такія оказіи были срочныя, то есть назначаемыя въ извѣстные дни, и экстренныя—по мѣрѣ надобности; кромѣ того были оказіи сквозныя и встрѣчныя; послѣднія состояли въ томъ, что колонны выступали одновременно съ противоположныхъ пунктовъ и сходились на опредѣленныхъ мѣстахъ. Между Грозной и Воздвиженской такими пунктами соединенія колоннъ былъ Ермоловскій курганъ.

Объяснивъ полковнику Ляшенко цѣль ночной экспедиціи, князь Барятинскій отдалъ ему слѣдующее приказаніе:

1) Одну роту куринцевъ съ двумя орудіями оставить на высотахъ, находящихся впереди того мѣста, гдѣ остановлена пѣхота, а другую расположить по-полувзводно между этими высотами и ауломъ Большой Чечень; въ нѣкоторомъ же разстояніи позади этой послѣдней роты расположить по-полусотенно казаковъ, съ тѣмъ, чтобы они производили между собою разъѣзды и перехватывали всѣхъ чеченцевъ, намѣреющихся спастись бѣгствомъ; и

2) съ прочими шестью ротами и двумя орудіями, двинувшись на Большой Чечень, занять обрывистый берегъ Аргуна и стараться войти въ связь съ полковникомъ Берсеневымъ, который съ пѣхотой и двумя горными орудіями, прибывшими изъ Грозной, долженъ охватить хутора со стороны этой крѣпости; казаки же съ двумя орудіями, занимая Ермоловскій курганъ, будутъ производить разъѣзды до высотъ, занятыхъ ротой куринцевъ.

«Надѣюсь, что ханкальцы не окажутъ большаго сопротивленія, когда узнаютъ отъ чеченцевъ, посланныхъ мною, что они окружены войсками со всѣхъ сторонъ.—Постарайтесь, Михайлъ Васильевичъ, исполнить возлагаемое на васъ порученіе до разсвѣта, и я ручаюсь за полный успѣхъ»—прибавилъ князь, протягивая Ляшенко руку.

Первые выстрѣлы раздались со стороны, обращенной къ Грозной; это, какъ оказалось, были выстрѣлы сторожевыхъ чеченцевъ. Спустя же минутъ десять, послышалась сначала рѣдкая, а потомъ учащенная ружейная перестрѣлка; раздалось даже нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Но пальба вскорѣ прекратилась, а вслѣдъ затѣмъ начали выходить по разнымъ направленіямъ къ нашимъ войскамъ женщины и дѣти.

Ханкальцы, узнавъ отъ посланныхъ къ нимъ чеченцевъ, что они окружены со всѣхъ сторонъ войсками, немедленно прекратили перестрѣлку и только просили о помилованіи. И они были помилованы. Имъ приказано было вывозить на арбахъ и выносить на себѣ по ближайшимъ дорогамъ свое имущество, потому что ихъ жилища будутъ преданы огню. Къ полудню собралось къ Ермоловскому кургану 480 душъ обоюгаго пола, 82 арбы, нагруженныя имуществомъ, и до 250 овецъ и козъ. Конныхъ

было только четырнадцать хацкальцевъ. На арбахъ лежали два убитыхъ и сидѣло восемь раненыхъ.

И у насъ оказалось четыре раненыхъ курица изъ колонны полковника Ляшенко—потеря ничтожная, въ сравненіи съ успѣхомъ предпріятія. А чему слѣдуетъ приписать таковой успѣхъ, какъ не вѣрному плану, быстротѣ и непроницаемой тайнѣ, съ которой была совершена экспедиція? И званіе генералъ-адъютанта было вполне заслуженной наградой князю Барятинскому.

Этимъ заключаю мой рассказъ вообще о лѣвомъ флангѣ и, въ особенности, о военныхъ дѣйствіяхъ и покушеніяхъ непріятеля, въ управленіе краемъ князя Барятинскаго, по причинѣ назначенія его, по окончаніи зимней экспедиціи на Мичигъ, начальникомъ главнаго штаба. Онъ со славой и торжествомъ оставилъ Грозную, передавъ своему преемнику, генералъ-маіору барону Врангелю, состояніе дѣлъ на лѣвомъ флангѣ въ блестящемъ положеніи.

Повторяю еще разъ, что Чечня была сильно потрясена. Шамилъ былъ униженъ многими нанесенными ему пораженіями. Чеченцы столько же боялись его, сколько и ненавидѣли, за тѣ несчастія и бѣдствія, отъ которыхъ онъ не въ силахъ былъ ихъ избавить, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлъ и упустить ихъ изъ-подъ своей власти.

М. Я. Ольшешскій.

ДОНЪ И ДОНЦЫ

въ прежнее и нынѣшнее время

(изъ дорожныхъ записокъ кавказскаго офицера).

1877 г.

III ¹⁾.

Донскіе атаманы съ 1680-го по 1879-й годъ.—Печатныя сказанія объ исторіи Дона и донскаго казачества.—Чернышевъ и Сухоруковъ.

Съ 1680 по 1709 г. на Дону были атаманами: Фролъ Минаевичъ Минаевъ, Самойло Лаврентьевъ, Иванъ Семеновъ, Илья Григорьевъ, Лукьянъ Максимовъ, Акимъ Филиппевъ, Кондратій Булавинъ, Илья Зерщиковъ.

Въ этотъ 28-ми-лѣтній періодъ времени, донцы вполнѣ показали себя вѣрными произнесенной ими присягѣ въ вѣрноподданствѣ російскому государю: они усердно являлись всюду, куда указывала его воля, оставляли даже по его востребованіямъ самую мечь туркамъ, татарамъ и калмыкамъ за разграбленіе ими донскихъ городковъ во время отсутствія казаковъ на царскую службу; а когда царь заключилъ съ Польшею миръ и дозволилъ донцамъ отомстить ихъ врагамъ, то эта мечь донцовъ нѣсколько лѣтъ пламенѣла и на берегахъ Анатолиі, и въ Крыму, и на Кубани, и на Терекѣ. Этой мести положили конецъ 1700-й годъ—заключеніемъ 30-ти-лѣтняго мирнаго договора Россіи съ Турцею. Черезъ пять лѣтъ послѣ заключенія этого договора, донцы проявили высокій подвигъ неиз-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 709—730; томъ XXV, стр. 173—183.

мѣнной вѣрности государю: они не только не вняли «прилежнымъ письмамъ» возмущившихся астраханскихъ стрѣльцовъ, но схватили присланныхъ отъ нихъ возмутителей, заковали и представили въ Москву, а сами поспѣшили въ Царицынъ и Черный яръ на помощь русскимъ мѣстнымъ властямъ, за что Петръ I и удостоилъ войско Донское пожалованіемъ похвальной грамоты, знамени и другихъ клейнодовъ.¹

Изъ названныхъ выше восьми атамановъ этого 28-ми-лѣтняго періода времени, Фролъ Минаевъ былъ замѣчательнѣйшимъ: въ теченіе сорока лѣтъ онъ занималъ высшія начальственныя мѣста въ средѣ донцовъ; твердость и благоразуміе его распоряженій снискали ему общую любовь и уваженіе казаковъ до того, что они повиновались ему безусловно; онъ заслужилъ и особенное, личное расположеніе къ себѣ Петра Великаго совѣтами при двукратныхъ осадахъ царскими войсками Азова; онъ вполне понималъ и горячо сочувствовалъ просвѣщеннымъ стремленіямъ великаго монарха къ преобразованію Россіи; ему обязанъ Донъ началомъ своей гражданственности и умягченіемъ нравовъ; онъ первый на Дону допустилъ въ обществѣ присутствіе женщинъ; ему первому изъ донскихъ атамановъ правительство стало прибавлять къ имени и отчеству—чему подалъ примѣръ самъ Петръ Великій, всегда, при приемѣ Минаева, цѣловавшій его въ голову и сажавшій близъ себя.

Совершенно иную извѣстность въ донской исторіи получилъ другой, того же періода, атаманъ Кондратій Булавинъ: онъ, будучи старичнымъ атаманомъ Бахмутскаго городка, поднялъ бунтъ за отнятіе въ казну тамошнихъ солеварней; разослалъ возмутительное воззваніе во всѣ донскіе городки «стать за домъ Пресвятыя Богородицы, за истинную христіанскую вѣру и за святые апостольскія церкви, дабы утвердить прежнія обыкновенія, какъ у дѣдовъ и отцовъ были»; собралъ вооруженную толпу въ 20 тыс. человекъ; разбилъ вышедшаго противъ него съ вѣрными казаками войсковаго атамана, Лукьяна Максимова; устремился потомъ на Черкаскъ; обманомъ овладѣлъ этимъ главнымъ городкомъ войска, захватилъ войсковаго атамана и казнилъ его, а одного изъ лучшихъ старшинъ, Ефрема Петрова, не побоявшася укорять Булавина въ клятвопреступничествѣ и въ пагубѣ своей родины, мучительно удавилъ; причемъ предалъ смерти многихъ жителей Черкасска, а дома ихъ и имущества велѣлъ разграбить. Послѣ всѣхъ этихъ неистовствъ и звѣрствъ, убійцы провозгласили въ Черкасскѣ предводителя своего, Булавина, войсковымъ атаманомъ; но недолго торжествовалъ этотъ злодѣй: Петръ I, тотчасъ же по полученіи извѣстія о бунтѣ и злодѣйствахъ Булавина, послалъ про-

тивъ него до 20 тыс. человекъ регулярнаго войска.¹⁾); противъ царскихъ войскъ выступили и шайки мятежниковъ, но потерпѣли пораженіе; а оставшіеся въ Черкасскѣ вѣрные казаки, избравъ войсковымъ атаманомъ Илью Зерщикова, окружили подъ его предводительствомъ домъ, въ которомъ находился Булавинъ со своими ближними, чтобы взять его живьемъ; но, когда злодѣй собственноручно убилъ нѣсколькихъ наступавшихъ на него казаковъ, то были подвезены пушки, и начали громить домъ ядрами. Тогда Булавинъ, потерявъ надежду на побѣгу, убилъ самъ себя изъ пистолета.

Съ 1709 по 1713 годъ. Изъ историческихъ актовъ неизвѣстно—кто былъ избираемъ въ эти года въ атаманы.

Съ 1713 по 1715 годъ. Петръ Рамазановъ.

Въ 1715-мъ году. Максимъ Кумшацкій.

Въ 1716-мъ году. Максимъ Фроловъ.

Съ 1716 по 1723 годъ. Василій Фроловичъ Фроловъ.

Съ 1723 по 1735 годъ. Андрей Ивановичъ Лопатинъ.

Съ 1735 по 1738 годъ. Иванъ Ивановичъ Фроловъ.

Василій Фроловъ, Андрей Лопатинъ и Иванъ Фроловъ были уже опредѣлены русскимъ правительствомъ «съ оставленіемъ на должности безъ перемѣны, до указу».

Покореніемъ Азова Петръ I перемѣнилъ все положеніе дѣлъ въ средѣ донскихъ казаковъ: съ этого времени прекращены ихъ морскіе походы на владѣнія султана и крымскаго хана; съ этого времени всѣ распоряженія о военныхъ ихъ дѣйствіяхъ производятся уже не рѣшеніями «войсковаго круга», а отъ верховной власти; войско Донское посылаетъ своихъ казаковъ въ російскую армію уже въ опредѣленномъ составѣ полковъ; во внутреннемъ управленіи донскаго края постепенно вводятся благоустройство и порядокъ, и самыя нравы и обычаи донцовъ начинаютъ съ этого времени дѣлаться болѣе и болѣе гражданственными.

Въ теченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ донскіе казаки участвовали въ рядахъ русскихъ войскъ: противъ шведовъ—въ 1708 и 1709 годахъ—подъ Лѣснымъ и Полтавой; въ 1711 и 1713 годахъ—противъ турокъ; въ 1717 г.—противъ кубанскаго султана, Вахты-Гирея; 1722—1727 гг.—противъ персіянъ; въ 1733 г.—противъ кубанцевъ и калмыковъ; въ 1734 г.—противъ поляковъ; 1735—1739 гг.—противъ крымцевъ, турокъ и ногайскихъ татаръ.

Изъ числа трехъ вышеназванныхъ атамановъ, Василій Фроло-

¹⁾ См. письма Петра I-го о булавинскомъ бунтѣ къ азовскому губернатору И. А. Толстому. «Русская Старина», изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 144—150.

вичъ Фроловъ, — сынъ знаменитаго сподвижника Петра Великаго, Фрола Минаевича, — отличался большими воинскими способностями, дававшими ему во многихъ походахъ самые счастливые успѣхи надъ непріятелемъ. Императоръ Петръ удостоивалъ его особыми милостями своими и, даже, пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный алмазами.

Съ 1738 по 1753 годъ. Данило Ефремовичъ Ефремовъ.

Онъ первый былъ назначенъ войсковымъ атаманомъ высочайшею волею, и съ 1738 года, донинѣ, назначеніе въ эту должность совершается уже императорскою властію. Онъ же первый изъ донскихъ старшинъ получилъ, при назначеніи его атаманомъ, чинъ генерал-майора, а въ послѣдствіи времени пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника.

Въ 15-ти-лѣтнее атаманство Дан. Ефр. Ефремова донскіе казаки жили мирною жизнью, не имѣя никакихъ военныхъ тревогъ, кромѣ участія только нѣсколькихъ своихъ полковъ въ войнѣ со Швеціею и кромѣ высылки мелкихъ своихъ отрядовъ на защиту собственныхъ жилищъ отъ хищничества сосѣднихъ народовъ.

Будучи еще старшиною, Данило Ефремовичъ приобрѣлъ глубокое уваженіе своихъ соотечественниковъ умомъ и отважностію на войнѣ. По его умѣнью, и калмыцкій ханъ, Дондукъ-Омбо, ушедшій было кочевать за Кубань, возвратился въ предѣлы Россіи и принялъ русское подданство со всѣмъ своимъ народомъ.

Съ 1753 по 1772 годъ. Степанъ Даниловичъ Ефремовъ.

Во время его атаманства 16 тыс. донцовъ участвовали въ Семилѣтней войнѣ и, подъ командою своего знаменитаго походнаго атамана, Краснощкова, отличались въ битвахъ — при Егерсдорфѣ, Цорндорфѣ и при взятіи Берлина. Потомъ 21 тыс. донцовъ подвизались въ Польшѣ — противъ конфедератовъ, а также въ Крыму — при покореніи его Россіи, за Днѣстромъ — противъ турокъ, и на Кубани — противъ черкесовъ.

Въ 1772 и 1773 годахъ. Василій Акимовичъ Машлыкинъ.

Въ 1773 и 1774 годахъ. Семень Никитичъ Сулинъ.

Въ эти три года атаманства Машлыкина и Сулина, донцы продолжали находиться при арміяхъ нашихъ противъ турокъ; на Дону же не было никакихъ особыхъ событій; но въ 1774 году все населеніе Дона было поражено извѣстіемъ о злодѣйствахъ одного изъ соотечественниковъ своихъ, Пугачева, принявшаго имя умершаго императора Петра III и увлекшаго обѣщаніями освобожденія отъ крестьянства и отъ всякихъ податей массы простаго народа къ восстанію противъ правительства и къ неистовствамъ противъ властей и помѣщиковъ. Нѣсколько полковъ донцовъ направлены были тогда

противъ этого злодѣя и дѣятельно участвовали въ истребленіи его шаекъ и въ захватѣ самого Пугачева.

Съ 1775 по 1797 годъ. Генералъ отъ кавалеріи, Алексѣй Ивановичъ Иловайскій.

Въ этотъ 22-х-лѣтній періодъ въ войскѣ Донскомъ послѣдовало много улучшеній къ его пользѣ. Такъ: 1) въ войскѣ учреждено гражданское правительство, сообразное съ общимъ гражданскимъ управленіемъ во всей имперіи, и самое военное устройство этого войска улучшено; причемъ донскіе старшины, избиравшіеся «войсковымъ кругомъ» только на походное время, но не имѣвшіе внѣ этого времени никакихъ чиновъ, получили соотвѣтственные ихъ выборному званію чины: командовавшіе въ походѣ полками—объявлены въ штаб-офицерскихъ чинахъ, а есаулы и сотники—признаны обер-офицерами; 2) высочайше повелѣно выбрать изъ именитыхъ людей Дона 65 казаковъ, для службы при дворѣ императрицы; 3) войсковому атаману позволено имѣть при себѣ одинъ полкъ, которому именоваться «Атаманскимъ»; 4) значительно увеличено отъ казны жалованье войску Донскому, деньгами и хлѣбомъ.

Въ этотъ же періодъ, донскіе казаки доблестно участвовали въ пораженіи Суворовымъ бѣжавшихъ за Кубань ногайскихъ татаръ; потомъ, въ войну съ турками—въ покореніи Очакова, въ Рымникской побѣдѣ, въ штурмѣ Измаила и въ пораженіи румелійскаго сераскира, подъ Мачиномъ. По окончаніи войны съ Турціею, донцы, подъ предводительствомъ Суворова, направлены въ Польшу, для наказанія революціонеровъ за злодѣйское избіеніе русскаго гарнизона въ Варшавѣ. Во всю эту кампанію донцы неутомимо подвизались во всѣхъ битвахъ нашихъ войскъ съ войсками польскими, взяли въ плѣнъ Костюшку и принимали участіе въ знаменитомъ штурмѣ Праги.

Въ атаманство Иловайскаго, донцы оказали еще одну важную услугу государству: въ 1793 году, они, по повелѣнію императрицы, выслали изъ своей среды три тысячи казачьихъ семействъ на Кубанскую линію, для заселенія ея надежнымъ воинственнымъ племенемъ отъ вторженія въ наши предѣлы горскихъ закубанскихъ народовъ ¹⁾.

Съ 1797 по 1801 годъ. Генералъ отъ кавалеріи, Василій Петровичъ Орловъ.

Въ атаманство Орлова, всѣ чины войска Донскаго сравнены съ чинами арміи; такимъ образомъ исчезло существовавшее до того времени на Дону равенство лицъ, несмотря на заслуги и достоинства.

¹⁾ См. интересныя Записки Ивана Митрова объ этомъ поселеніи изъ донскихъ казаковъ. «Русская Старина», изд. 1879 г., томъ XXIII, стр. 1—32.

Въ это же атаманство, донцы, подъ начальствомъ походнаго атамана Денисова, совершили съ Суворовымъ славную кампанію противъ французовъ, въ Италіи и Швейцаріи, и, подъ начальствомъ самого войсковаго атамана Орлова, предпринимали поголовный, всего своего войска, походъ въ Индію; но, вскорѣ послѣ переправы чрезъ Волгу, были возвращены въ дома свои.

Съ 1801 по 1818 годъ. Генералъ отъ кавалеріи, графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

Атаманство Платова составляетъ блистательную страницу въ воинной исторіи войска Донскаго: донскіе полки участвовали во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіею въ періодъ 1805—1815 гг. — съ турками, французами и со всѣми разнонародными полчищами Наполеона I. Во всѣхъ этихъ войнахъ донцы заслужили удивленіе Европы по всей предпримчивости, безстрашію и успѣхамъ надъ непріателемъ. Въ отечественную войну 1812 г., на одномъ пути преслѣдованія французовъ отъ Малоярославца до Ковно, донцы, бывшіе, подъ личнымъ только начальствомъ самого атамана Платова, взяли 13 знаменъ, болѣе 500 пушекъ, несмѣтные обозы, и полонили 50 тысячъ непріятельскихъ войскъ. Конечно, при такой отважности, и сами донскіе казаки не могли не потерпѣть сильнаго урона: изъ 40 тысячъ донцовъ, воевавшихъ противъ Наполеона въ 1812, 1813 и 1814 гг., возвратилось на родину только 12 тыс. человекъ. Императоръ Александръ I, въ похвальной граматѣ своей войску Донскому за упомянутый трехлѣтній періодъ, назвалъ донцовъ «недремлющимъ окомъ арміи». Даже Наполеонъ, пылавшій гнѣвомъ на этихъ неутомимыхъ губителей его полчищъ, не могъ не отдать имъ должной справедливости, сказавши, что «онъ не знаетъ лучшихъ легкихъ войскъ, какъ казаки».

Съ 1818 по 1821 годъ Генералъ-лейтенантъ, Андріянъ Карповичъ Денисовъ. Сподвижникъ Суворова въ Италіи, котораго знаменитый полководецъ нашъ называлъ «ты, Карповичъ, чудо-богатырь», — въ годину нашествія Наполеона I, оставался на Дону, вмѣсто Платова, войсковымъ наказнымъ атаманомъ; дѣятельно готовилъ тамъ новыя донскіе полки на помощь Платову и выслалъ въ Тарутинскій лагерь еще 26 полковъ съ 8-ю орудіями донской конной артиллеріи. Въ однихъ и тѣхъ же рядахъ этихъ 26 полковъ были и убѣжденные сѣдною дѣды, и юные внуки ихъ. Назначенный послѣ смерти гр. Платова войсковымъ атаманомъ, Денисовъ дѣятельно занялся устройствомъ благосостоянія своихъ соотечественниковъ, и, разумно сознавъ многіе недостатки въ существовавшихъ тогда законоположеніяхъ о Донскомъ войскѣ, вредно отзывавшіеся на домашнемъ бытѣ казаковъ,

откровенно высказалъ передъ верховнымъ правительствомъ необходимость начертанія для Дона болѣе точныхъ и сообразныхъ съ современными потребностями края законовъ, дабы прекратить всякій произволъ мѣстныхъ властей. Вслѣдствіе этого представленія, высочайше повелѣно составить на Дону особый комитетъ для проектированія новаго положенія о войскѣ Донскомъ; но затронутые интересы многихъ вліятельныхъ лицъ края создали Денисову враговъ; ихъ интриги, соединясь съ самолюбіемъ и своеправіемъ присланнаго въ комитетъ членомъ, генерала Чернышева, очернили Денисова предъ императоромъ, и Денисовъ внезапно отрѣшенъ отъ должности, въ 1821 году.

Съ 1821 по 1827 годъ. Генераль-лейтенантъ, Алексѣй Васильевичъ Иловайскій.

Одинъ изъ героевъ 1812 года, Алексѣй Васильевичъ Иловайскій, назначенный послѣ Андрияна Карповича Денисова войсковымъ атаманомъ, подвергся той же участи, какъ и предшественникъ его: тѣ же интриги мѣстныхъ вліятельныхъ лицъ и то же самолюбіе сильнаго чловѣка, Чернышева, создали и его паденіе: онъ былъ обвиненъ въ превышеніи власти, въ допущеніи злоупотребленій по управленію краемъ, и преданъ суду.

Такъ, оба эти атамана, Денисовъ и Иловайскій, умерли въ забытіи, обвиненныи, но не обличенныи въ справедливости обвиненія и не оправданныи отъ него.

Съ 1827 по 1836 годъ: Генераль отъ кавалеріи, Дмитрій Ефимовичъ Кутейниковъ.

Кутейниковъ извѣстенъ былъ какъ храбрый офицеръ въ войнѣ съ турками, веденной при Суворовѣ, а потомъ какъ предприимчивый генераль съ донскими полками въ отечественную войну, и обязанъ своимъ назначеніемъ въ должность войсковаго атамана знакомству своему съ Чернышевымъ въ 1812 году; но администрація, вообще, для него была чужда, и потому его атаманство прошло, для внутренней жизни донскаго края, бездѣльно и, даже, съ нѣкоторыми попытками на возвращеніе къ прежнимъ, устарѣвшимъ правамъ и обычаямъ. Однакожъ, въ періодъ атаманства Кутейникова, донцы съ честью и отличіемъ подвизались противъ персіянъ, турокъ и въ усмиреніи польскаго мятежа 1831 года. Въ этотъ же періодъ совершились и два важныя событія: всемілостивѣйшее назначеніе (въ 1827 году) атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ Государя Наслѣдника Цесаревича, и дарованіе войску Донскому (въ 1835 году) новаго—составленнаго по почину атамана Денисова—закона: «Положеніе объ управленіи войска Донскаго».

Со времени назначенія атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ Госу-

даря Наслѣдника Цесаревича, войсковымъ атаманамъ этихъ войскъ присвоено названіе—войсковыхъ наказныхъ атамановъ.

Съ 1836 по 1848 годъ. Генераль отъ кавалеріи Максимъ Григорьевичъ Власовъ.

Приводя въ исполненіе (черезъ двухъ, нарочито посланныхъ сенаторовъ) новое «Положеніе» для войска Донскаго, верховное правительство сознало необходимость имѣть для этого важнаго дѣла болѣе дѣятельнаго атамана, и потому, вмѣсто Кутейникова, назначенъ Власовъ. Замѣчательный воинъ въ отечественную войну, на Кубани и въ усмиреніи польскаго мятежа 1831 года, а также надежный администраторъ по проявленному уже имъ опыту управленія Донскимъ войскомъ въ 1830 году, во время болѣзни Кутейникова, въ то время, когда почти весь донской край какъ пожаромъ охватила страшная тогда по своей новости и еще неразгаданности—холера, Власовъ неумолимо занялся устройствомъ Дона по новому закону, и вполне достигъ желаемыхъ результатовъ: въ 12-ти-лѣтнее его атаманство посѣянные имъ плодотворныя сѣмена успѣли уже видимо взойти на всѣхъ отрасляхъ умственной, экономической и общественной жизни донскихъ казаковъ, но внезапная смерть, отъ холеры, пресѣкла, въ 1848 году, жизнь маститаго начальника края среди поѣздки его на осмотръ 2-хъ гвардейскихъ и 16-ти армейскихъ донскихъ полковъ, командировавшихся въ Австрію, на усмиреніе венгерскаго возстанія.

Въ періодъ атаманства Власова войско Донское посѣтили, въ 1837 году, императоръ Николай I и Наслѣдникъ Цесаревичъ—нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, причемъ, императоръ Николай Павловичъ, въ «войсковомъ кругу», подъ сѣнію жалованныхъ войску Донскому знаменъ и въ присутствіи всѣхъ чиновъ войска, вручилъ Августѣйшему Атаману «перначъ»—знакъ атаманской власти.

Нельзя также не упомянуть и о томъ, что, принятыми благоразумными мѣрами, Власову удалось, въ 1845 году, спокойно и успѣшно исполнить высочайшую волю императора Николая Павловича о высылкѣ съ Дона тысячи казачьихъ семействъ, для заселенія Сунженской линіи, на Кавказѣ—что возбуждало большія опасенія при извѣстной, патріархальной привязанности донцовъ къ своей родинѣ.

Съ 1848 по 1862-й годъ. Генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи, Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ.

Онъ первый атаманъ изъ лицъ не-донскаго происхожденія. Въ его атаманствованіе войско Донское жило мирною жизнью и, не имѣя никакихъ военныхъ командировокъ, кромѣ очередной службы, на Кавказѣ, въ Польшѣ, въ Петербургѣ и въ Финляндіи, спокойно развивало свой домашній бытъ. Во время атаманства Хомутова устроены: дво-

редъ августѣйшаго атамана въ Новочеркасскѣ; желѣзная дорога отъ Грушевскихъ каменноугольныхъ копей до станицы Аксайской; новочеркасскій водопроводъ и городской общественный садъ, а также станціонные дома на главномъ почтовомъ пути края, и окончена каменная дамба между Аксайскою и Ольгинскою станицами.

Это же атаманство Хомутова имѣло громадное вліяніе на развитіе въ войскѣ Донскомъ общественной жизни.

Съ 1862 по 1866 годъ. Генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи, графъ Павелъ Христофоровичъ Граббе.

Въ атаманство этого маститаго воина, съ Дона было командировано, въ 1863 году, нѣсколько полковъ, для усмиренія новаго возстанія въ Польшѣ, и войско Донское удостоено, въ 1864 году, посѣщеніемъ его императорскаго высочества, покойнаго Цесаревича, Николая Александровича.

Съ 1866 по 1868 годъ. Генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи, Александръ Львовичъ Потаповъ.

Потаповъ все двухлѣтіе своего атаманства посвятилъ неутомимымъ трудамъ на улучшеніе администраціи края.

Съ 1868 по 1874 годъ. Генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, Михаилъ Ивановичъ Чертковъ.

Въ этотъ шестилѣтній періодъ, чрезъ войско Донское проложены три рельсовые пути: воронежско-ростовскій, грязе-царицынскій и харьковско-азовскій; а также открыты на Дону судебныя, мировыя и нотаріальныя учрежденія. Все это благотѣтельно повліяло на весь бытъ донскаго края.

Въ атаманство Черткова войско Донское удостоено было посѣщенія, въ 1868 году, августѣйшаго атамана, государя Наслѣдника Цесаревича, Александра Александровича, и супруги его, государыни Цесаревны, Маріи Феодоровны; а въ 1870 году состоялось знаменательное для донскаго края торжество празднованія трехсотлѣтняго юбилея существованія войска Донскаго. Торжество это осчастливлено также присутствіемъ на немъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны. Къ юбилейному торжеству пожаловано войску знамя, и объявлена монаршая милость всѣмъ безпомѣстнымъ донскимъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ о дарованіи имъ въ вѣчную собственность бывшихъ дотолѣ срочныхъ земельныхъ участковъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1871 году, войско Донское было удостоено и посѣщеніемъ его самимъ Государемъ Императоромъ.

Съ 1874 года—донинѣ—состоитъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, Николай Александровичъ Краснокутскій.

Первое печатное сказаніе о донцахъ составилъ въ прошломъ столѣтіи нѣкто г. Ригельманъ; но оно носитъ характеръ частныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ изустныхъ разсказовъ донскихъ старожиловъ. Второе печатное изданіе о донцахъ — есть «Исторія донскихъ казаковъ», составленная въ первой четверти нынѣшняго столѣтія уроженцемъ Дона, А. Г. Поповымъ; но эта «исторія» скорѣе должна носить названіе «басни» со стороны исторической критики. Третье печатное извѣстіе о донцахъ издано въ 1834 году, Г. Влад. Броневскимъ, также подъ названіемъ «Исторія Донскаго войска». Это, третье печатное изданіе о донцахъ заслуживаетъ большаго уваженія по собраннымъ авторомъ болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о происхожденіи донцовъ и объ ихъ воинской дѣятельности съ начала появленія ихъ на берегахъ Дона до нашихъ временъ; но и «исторія» Г. Броневского имѣетъ много историческихъ неточностей. За нѣсколько лѣтъ предъ появленіемъ «исторіи» Броневского, донской казакъ, В. Д. Сухоруковъ, помѣстивъ, въ одномъ изъ тогдашнихъ сборниковъ, именно въ «Русской Старинѣ», изд. 1824 г., весьма интересную по полнотѣ, правдивости и живости разсказа статью о нравахъ и обычаяхъ донскихъ казаковъ. Этотъ же образованный донецъ имѣлъ возможность представить правительству о необходимости составить вѣрную исторію о своихъ соотчичахъ; правительство вняло этому представленію и разослало нѣсколько способныхъ донскихъ офицеровъ въ различные отечественные архивы собрать все, что найдется въ нихъ о донцахъ. Розысканія увѣнчаны полнымъ успѣхомъ, и даровитому перу Сухорукова было поручено — составить, на основаніи розысканныхъ историческихъ актовъ, такъ долго желаемую точную исторію Донскаго войска. Трудъ Сухорукова быстро подвигался и являлъ уже несомнѣнныя доказательства блестящаго исполненія, какъ вдругъ, неожиданно, вся работа по этому труду, въ 1827 году, остановилась: главный ея распорядитель и самый талантливѣйшій дѣятель, Сухоруковъ, по особому распоряженію вышшаго начальства, командированъ на службу въ отдѣльный кавказскій корпусъ. Такъ дѣло составленія «точной» исторіи войска Донскаго и осталось брошеннымъ на долгое время. Самые историческіе акты, собранные въ архивахъ, переданы въ донской статистическій комитетъ, и онъ, въ 1869 и 1872 годахъ, издалъ 1-й и 2-й томы «Историческаго описанія земли войска Донскаго» (отъ появленія казаковъ на берегахъ Дона въ 1549 г. до 1708 года).

О Сухоруковѣ въ Новочеркасскѣ разсказывали мнѣ, что этотъ талантливый человекъ былъ вполне оффицонтъ ген.-ад. Чернышевскимъ, въ бытность его на Дону председателемъ «комитета объ устрой-

ствѣ Донскаго войска»; но, когда, впоследствии, Чернышевъ, уже управляющій военнымъ министерствомъ, открылъ, что Сухоруковъ писалъ атаману Иловайскому протесты противъ нѣкоторыхъ не соотвѣтствовавшихъ пользамъ казачьяго быта пунктовъ, проектированныхъ означеннымъ комитетомъ законоположеній, — то Чернышевъ изобрѣлъ политическое обвиненіе своему бывшему любимцу, и, вслѣдствіе того, Сухоруковъ былъ посланъ въ кавк. отд. корпусъ, на службу въ донскихъ полкахъ. Черезъ два года потомъ, Чернышевъ получилъ извѣстіе, что Сухоруковъ, оказавшій военные подвиги противъ персіянъ и турокъ, награжденъ главнокомандующимъ, гр. Паскевичемъ-Эриванскимъ, — чиномъ и двумя орденами; это извѣстіе до того возбѣсило мстительнаго Чернышева, что онъ снова распорядился перевести Сухорукова съ Кавказа въ Донской полкъ, служащій въ Финляндіи; а когда Сухоруковъ и тутъ заслужилъ особое вниманіе тогдашняго командующаго войсками въ Финляндіи, генерала Теслева, то Чернышевъ, въ 1833 году, выслалъ Сухорукова изъ Финляндіи снова на Кавказъ. Черезъ два года по возвращеніи въ новомъ полку съ Кавказа на родину, въ 1838 году, Сухоруковъ умеръ, измученный нравственными страданіями.

IV.

Прошлое Дона. — Атаманъ графъ Платовъ. — Древній Черкасскъ — нынѣ станица Старочеркасская — и ея историческія достопримѣчательности.

«Нынѣшніе войсковые атаманы наши, да и всѣ нынѣшніе порядки у насъ — далеко уже не то, что было въ прежнія времена», — говорилъ мнѣ одинъ старикъ-казакъ. «Теперь атаманъ войсковой не можетъ и рубля издержать изъ войсковыхъ капиталовъ безъ журнальнаго опредѣленія областнаго правленія; не можетъ приказать и высѣчь какого-нибудь дряннаго казачишку безъ суда надъ нимъ, или безъ приговора станичнаго сбора; а въ прежнія времена все было нипочемъ для такого важнаго лица, какъ войсковой атаманъ: сказалъ кто-нибудь передъ нимъ не такъ, какъ должно — «сѣки его!»; показался ему чей-либо отвѣтъ грубымъ — «въ Грузію его на двѣ перемѣны!». А вошло атаману въ голову дать какой-нибудь праздникъ, или рѣсталище — «взять изъ войсковыхъ суммъ сколько нужно!». Вотъ какъ было прежде! Войсковые атаманы тогда распоряжались общественными войсковыми капиталами, какъ собственными деньгами, да и отчетовъ никакихъ и никому не отдавали. Отъ Платова министры два года требовали отчетовъ обо всемъ войскѣ, а онъ упорно молчалъ,

да еще обижался—«зачѣмъ требуютъ отчетъ? Что же это.—не вѣрать мнѣ—что ли?».—А каковы были рѣшительность и произволь тогдашнихъ атамановъ въ распоряженіяхъ по войску!... Расскажу вамъ, для при- мѣра, хотъ одинъ случай: въ 1814 году, послѣ взятія Парижа, графъ Платовъ послалъ изъ этого города, съ радостнымъ извѣстіемъ о взятіи его, курьеромъ въ Новочеркасскъ, Атаманскаго полка офи- цера П. Молодой человекъ, отдавши наказному атаману Денисову привезенныя имъ депеши, вдумалъ пощеголять въ родномъ своемъ городѣ по-парижски: надѣлъ фракъ, круглую шляпу, взялъ въ руку тросточку, наставилъ на глаза лорнетку, и отправился такимъ фран- томъ въ знакомые дома, съ визитомъ. Недолго довелось ему, одва- кожь, показывать на Дону парижскія моды! Въ то время Платовъ, для скорѣйшаго сообщенія съ Дономъ, велѣлъ разставить отъ самаго Парижа до Новочеркасска пикеты, по нѣскольку конныхъ казаковъ на каждомъ.... и вотъ, чрезъ эти пикеты, получаетъ войсковая кан- целярія предписаніе знаменитаго своего атамана: «дошло-де до его свѣдѣнія, что Атаманскаго полка офицеръ П., прибывши изъ Па- рижа курьеромъ на Донъ, помѣшался въ умѣ и—является въ ново- черкасскіе дома и ходитъ по улицамъ города въ какомъ-то странномъ, неприличномъ для донскаго казака, одѣяніи; а потому предлагаю— посадить этого офицера въ домъ умалишенныхъ». Что и исполнено.

«Просидѣлъ, бѣдняга, среди дѣйствительно помѣшанныхъ, что-то около года,—да послѣ того сталъ точно будто помѣшанный: загова- ривается, самъ съ собою говорить вслухъ; идетъ по улицѣ, да оглядывается на всѣ стороны, и, испугавшись неизвѣстно чего, вдругъ побѣжить—словно уходитъ отъ кого, преслѣдующаго его. Такъ и скороталъ весь свой вѣкъ, несчастный! А изъ-за чего онъ постра- далъ такъ ужасно?—Изъ-за безвреднаго фанфаронства, обычнаго мо- лодости; теперь бы, за такую вину, посадили офицера на гауптвахту, на какія-нибудь сутки—и только!»

Изъ рассказовъ почтеннаго казака узналъ я также, что въ нынѣшнее время Донъ страдаетъ тяжелымъ недугомъ — болѣе и болѣе увеличивающимся обѣдненіемъ казачьяго населенія, — что обѣдненіе это есть слѣдствіе современнаго настроенія всѣхъ народовъ жить съ большими противу прежняго удобствами въ отношеніи жи- лищъ, стола и всей домашней обстановки, — что и донскіе казаки не избѣгли пучины этого всеувлекающаго потока времени. Прежде они довольствовались патриархальною обстановкою своего быта, а теперь такой бытъ уже не удовлетворяетъ ихъ.—и въ семейства простыхъ воиновъ стала прокрадываться роскошь въ одеждѣ, въ пищѣ и проч., и проч. А между тѣмъ у казака средства къ жизни

не только не увеличались, но еще уменьшились, съ уменьшеніемъ земель для коневодства, скотоводства и хлѣбопашества; цѣны же на всѣ жизненныя потребности все съ каждымъ годомъ увеличиваются, да къ этому еще надобно прибавить частые на Дону неурожаи, падежи скота. Изъ всего вышесказаннаго выходитъ тотъ результатъ, что прежде были только рѣдкіе случаи «неимущихъ» казаковъ, т. е. не могущихъ собственными средствами выдти на службу во всей воинской исправности, а теперь — въ числѣ вышедшихъ въ дѣйствующую противу турокъ армію 20 донскихъ полковъ второй очереди, едвали не половина людей сидитъ на лошадяхъ, купленныхъ на счетъ войсковыхъ или станичныхъ капиталовъ, а также вооруженныхъ и обмундированныхъ на тѣ же капиталы, хотя и съ обязательствомъ возврата этихъ денегъ впоследствии; но эта уплата долга «въ послѣдствіи времени» ляжетъ тяжкимъ бременемъ на семейства должниковъ, и имъ неминуемо предстоятъ многолѣтнія сѣданія отъ крайней скудости даже въ потребностяхъ дневнаго существованія.

Въ бесѣдахъ съ казаками я услышалъ нѣсколько замѣчаній о томъ, что бы требовалось сдѣлать для пользы государственныхъ въ самомъ служебномъ и домашнемъ быту донскихъ казаковъ. Напримѣръ: 1) разсуждая, что теперь правительству нашему, вѣроятно, придется поминцплатъ о всяческомъ увеличеніи морскихъ силъ своихъ, мнѣ было сказано — «почему бы не формировать матросовъ на флотъ и изъ донскихъ казаковъ, тогда какъ казаки береговыхъ рыболовныхъ станицъ (Манычской, Старочеркасской, Аксайской, Александровской, Гнидовской, Елисаветовской и Новониколаевской) слывутъ замѣчательными мореходцами; полвѣка тому назадъ изъ этихъ станицъ ходили казаки-мореплаватели, на собственныхъ торговыхъ судахъ, въ Константинополь, въ Ливорно и въ Марсель съ грузомъ пшеницы, не говоря уже о множествѣ историческихъ военныхъ наѣздовъ донцовъ, за двѣсти лѣтъ, въ ихъ ничтожныхъ челнахъ, на берега Анатоліи и подъ самыя стѣны Царьграда. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что воинственный и отважный духъ донцовъ, а также и ихъ извѣстная въ опасныхъ случаяхъ находчивость — показали бы блистательные результаты и на поприщѣ морской службы, тѣмъ болѣе, если наборъ матросовъ дѣлать у нихъ преимущественно изъ охотниковъ». 2) Такъ какъ донцы составляютъ исключительно войско конное, обязанное снаряжаться на государственную службу собственными, домашними средствами, и нести ее на пригодныхъ для всякихъ трудовъ лошадяхъ мѣстной породы, то слѣдовало бы принять болѣе дѣятельныя, болѣе дѣй-

ствительныя мѣры, не только къ сохраненію этой породы лошадей, но и къ увеличенію числительности ихъ въ донскомъ край—о чемъ, еще въ 1837 году, покойный императоръ Николай Павловичъ отдалъ войсковому начальству настоятельное приказаніе, замѣтивъ, въ тогдашнее посѣщеніе свое донскаго края, признаки упадающаго тамъ коннозаводства, и при этомъ изволилъ произнести слѣдующія слова: «донскіе казаки — это центавры нынѣшнихъ временъ; если у нихъ не будетъ лошадей, то у насъ и казаковъ не будетъ!». «А между тѣмъ,—говорили мнѣ донцы—въ настоящее время, съ каждымъ годомъ, числительность лошадей донской породы все уменьшается, и хотя существуютъ законоположенія о содержаніи въ станцияхъ плодовыхъ конныхъ табуновъ, но законоположенія эти крайне недостаточны, не вполнѣ практичны, да и исполненіе ихъ требуетъ далеко большаго, энергическаго надзора, иначе нельзя не опасаться, что дѣйствительно придетъ время, когда донцы не найдутъ у себя лошадей для казачьяго фронта, и такая катастрофа тяжело отзовется для нашихъ армій, «недремлющимъ окомъ» которыхъ во всѣ войны были неустанное ни отъ какихъ движеній конные донскіе полки».

3) По мнѣнію многихъ донцовъ—слѣдовало бы войсковому начальству принять также какія-либо серьезныя и практическія мѣры для облегченія выходящимъ на службу казакамъ средствъ пріобрѣтенія мундирныхъ и амуниціонныхъ вещей не такъ дорого, какъ приходится имъ это теперь, вслѣдствіе корыстолюбивой алчности продавцевъ.

.....

Отъ Новочеркасска, до древняго Черкасска, 25 верстъ. Дорога туда идетъ сначала по лѣвому берегу р. Аксая, а потомъ черезъ переѣзжаемья въ бродъ рѣчки Караичъ и Василѣвъ, и входитъ въ улицы знаменитаго Черкасска у церкви Спаса Преображенія.

Въ старину, этотъ древній городъ Донскаго войска, былъ обширенъ, многолюденъ и, по тогдашнему, сильно укрѣпленъ. Въ немъ были удобныя на р. Дону пристани, и производилась значительная торговля. Онъ былъ окруженъ стѣной и десятью «раскатами» (бастіонами). На раскатахъ стояло сто пушекъ. Въ городъ вело — четверо воротъ большихъ и десять малыхъ. Теперь сохранились, съ одной стороны города, остатки каменной стѣны. Съ прочихъ сторонъ города стѣны были деревянныя, въ два забора, набитыя внутри землей, брусья которыхъ вверху заострены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, со стороны рѣки Дона, былъ сверхъ того высокій, острый «тынь» (палисадъ). Древній Черкаскъ вмѣщалъ въ себѣ одиннадцать ста-

ницъ, къ числѣ которыхъ одна была татарская. Дома въ городѣ были большею частію деревянные, построенные на сваяхъ и сдвинутые очень тѣсно одинъ къ другому, отчего городъ неразъ былъ опустошаемъ пожарами, отъ которыхъ и городская «пороховая казна» вылетала на воздухъ. Отъ одного подобнаго взрыва образовалось даже озеро, до сихъ поръ существующее. Еще больше, чѣмъ отъ огня, древній Черкасскъ терпѣлъ отъ воды: его низменная и прорѣзанная рукавами Дона (по здѣшнему названію «протоками») мѣстность подвергалась наводненію. Въ иные годы, весь городъ и всѣ его окрестности бывали залиты весеннею водою. Словомъ, древній Черкасскъ былъ настоящій городъ воиновъ, обрѣкшихъ себя на борьбу не только съ хищными сосѣдями, но и съ самими стихіями, среди своей мирной, домашней жизни. Однако-жъ, несмотря на случайныя невгоды и отъ огня, и отъ воды, древній Черкасскъ былъ и весьма оживленнымъ средоточіемъ обширнаго края и его рынкомъ: его пристани всегда были покрыты судами, его площади кипѣли народомъ. Сюда сходились ногаи, калмыки и русскіе торговые люди изъ Воронежа, Бѣлгорода, Валуйекъ, Ливенъ, Ельца, Оскола. Здѣсь приставали турецкія и московскія посольства съ своими богатыми и многочисленными свитами. Здѣсь, наконецъ, сходились казаки съ Дѣбира, съ Терека, съ Яика. Пестрота одеждъ и боевыхъ доспѣховъ, появлявшихся на площадяхъ города, была неизобразимая. Здѣсь-то царь Петръ I, во время азовскаго похода, встрѣтилъ молодца, который прегулялъ даже рубаху съ плечъ и сидѣлъ въ задумчивости на бочекѣ, опершись на свою винтовку. «Отчего же ты не сбьлъ скорѣе ружье, чѣмъ рубаху?»—спросилъ царь. «Сбьтъ ружье казаку не пригоже,—отвѣчалъ отвага,—съ ружьемъ я и службу царскую отбуду, а шелковую рубаху добуду!» Отвѣтъ полюбился государю. Онъ нашель въ немъ цѣлую характеристику казачества, и тогда же пожаловалъ войску Донскому гербъ, который представлялъ сидящаго на бочекѣ казака, обнаженнаго до пояса и поднявшаго надъ головою ружье. Это было въ 1709 году, и петровскій гербъ существовалъ до 1775 года, когда замѣнилъ его другой, изображающій скачущаго оленя, раненаго стрѣлой. Этотъ послѣдній гербъ замѣненъ въ 1805 году теперешнимъ гербомъ войска Донскаго. Щитъ нынѣшняго герба раздѣленъ поперекъ на двѣ части: всю верхнюю часть занимаетъ вылетающій двуглавый орелъ государственнаго герба; нижняя же часть образуетъ четыре треугольника, изъ которыхъ въ двухъ (верхнемъ и нижнемъ) изображены жалованные Донскому войску, Петромъ I, атаманскіе клейноды — пернать, насѣка и такъ называемый соболевъ

хвость; а въ остальныхъ двухъ треугольникахъ—съ одной стороны—рѣка Донъ, и на берегу ея крѣпость, съ другой—нѣсколько скрещенныхъ казачьихъ пикъ, увѣнчанныхъ лавровыми вѣнками.

Отъ прошлаго въ Старочеркасскѣ остались одни преданія, да коегдѣ жалкія руины; все знатное, все зажиточное стараго Черкаска перешло въ новый городъ; здѣсь остались только бѣдныя семейства обитателей стараго Черкаска, да четыре каменные церкви, которыя богатствомъ своихъ украшеній свидѣтельствуютъ о славномъ быломъ нынѣшней Старочеркасской станицы.

Первая и замѣчательнѣйшая изъ этихъ четырехъ церквей—есть соборный храмъ Воскресенія Господня. Онъ построенъ въ началѣ XVIII столѣтія, по плану Петра I, пожертвовавшаго на него деньги, желѣзо, нѣкоторую утварь и два колокола. Стилъ этого собора византийскій, но вмѣсто пяти, онъ имѣетъ девять куполовъ. Низъ соборнаго храма опоясанъ широкимъ, крытымъ корридормъ, подъ которымъ устроены подвалы съ желѣзными запорами: здѣсь когда-то хранились войсковыя склады. Высокая плитовая паперть ведетъ въ западныя двери церкви. Въ придверіи большая доска, съ надписью, что, въ первой половинѣ XVII вѣка, казаки, изнуряемые военными трудами «азовскаго сидѣнья», произнесли обѣтъ построить въ своемъ городѣ храмъ Господу Богу, если Онъ поможетъ имъ отсидѣться отъ непріятеля и увидѣть свою родину,—что они достославно отсидѣлись и возвратились въ свой городъ, но замедлили выполнить данный обѣтъ Богу, и подверглись лютой моровой язвѣ,—что язва эта прекратилась, когда они начали строить деревянную церковь, которая два раза была выстроена и два раза сгорѣла (въ 1670 и 1689 гг.), и, что, наконецъ, на мѣстѣ деревянной выстроена нынѣшняя каменная, сооруженіе которой продолжалось четырнадцать лѣтъ, отъ 1705 до 1719 года. Внутренность этого храма чрезвычайна величественна. Въ верхней части ея, со всѣхъ сторонъ, кромѣ алтарной, устроены хоры. Окна, даже въ верхнихъ ярусахъ храма, снабжены желѣзными ставнями. Иконостасъ весь рѣзной, изображающій виноградныя лозы съ гроздіями, и отъ низу до верху покрытъ массивными серебряными окладами образовъ. Трое царскихъ вратъ сдѣланы изъ серебра, а на вратахъ лѣваго алтаря самыя образа писаны по серебру чернью, превосходной работы. Привѣщенное къ главному куполу большое мѣдное панцикадило (люстра), въ пять ярусовъ огней, замѣчательно тѣмъ, что добыто казаками въ Азовской крѣпости, въ 1637 году. Изъ древнихъ иконъ соборнаго храма есть двѣ, весьма заслуживающія вниманія: Пресвятой Богородицы и св. Іоанна Богослова; обѣ писаны еще въ

XVI столѣтїи, въ Вѣнѣ. Богатство алтаря въ сосудахъ, крестахъ, оправкахъ евангелїи и въ другой священной утвари—вполнѣ отвѣчаетъ наружному великолѣпїю иконостаса. Есть тутъ, между прочимъ, небольшой ручной крестъ, цѣнимый въ десять тысячъ рублей сер.—онъ весь блеститъ алмазами. Есть также серебряный ковшъ, съ портретомъ императрицы Елисаветы Петровны. Но что особенно удивляетъ посѣтителя этого соборнаго храма, это—имѣющаяся, въ числѣ его церковныхъ книгъ, русская грамматика, напечатанная уставомъ, въ Москвѣ, въ 1648 году, и изложенная въ вопросахъ и отвѣтахъ. Странно, что эта праматерь россійскихъ грамматикъ сохранилась въ средѣ воинственнаго народа, бывшаго во времена ея изданїя народомъ далеко не грамотнымъ! Не есть ли это предзнаменованіе Дону высокой будущности въ области просвѣщенїя! Соборный храмъ древняго Черкаска богатствомъ украшенїи своихъ свидѣтельствуетъ о высокихъ военныхъ подвигахъ донцовъ, такъ какъ приношенїя въ него,—да и во всѣ церкви донской земли,—дѣлались по большей части отъ добычъ меча и вслѣдствїе обѣтовъ въ трудныя минуты на полѣ военномъ. Въ окладахъ иконъ и въ другой утвари Старочеркаскаго соборнаго храма заключается серебра болѣе 50 пудовъ и золота до 20-ти фунтовъ. Во всѣхъ же четырехъ церквахъ древняго Черкаска—серебра болѣе 100 пудовъ, золота болѣе $\frac{1}{2}$ пуда, жемчугу 25 фунтовъ и драгоценныхъ камней (алмазовъ, изумрудовъ, яхонтовъ и пр.) до 4600 штукъ. А сколько истребили еще пожары! Сколько взялъ Новочеркасскъ! Онъ взялъ даже и большой колоколь, оглашавшїй нѣкогда тихїя воды Дона до самаго Азова. Старожилы стараго Черкаска рассказываютъ, что когда увозили этотъ колоколь въ новый городъ, то жители провожали его съ воплями рыданїи, какъ новгородцы свой вѣчевой колоколь.

Но, буду продолжать свой рассказъ о соборномъ храмѣ древняго Черкаска.

У паперти его лежатъ желѣзныя двери и петли отъ воротъ Азовской крѣпости, взятой Донцами въ 1637 году. На стѣнѣ этой же паперти сдѣланы металлическія замѣтки большихъ наводненїи стараго Черкаска. Эти замѣтки показываютъ, что тихїй-Донъ подтопляетъ, въ нѣкоторые годы, самый соборъ, и тогда уже не остается ни одной пяди сухой земли на площади, занимаемой городомъ. Такихъ высокихъ водъ замѣчено пять: таракановская—1740, краснощокковская—1786, чернышевская—1820, сунженская—1845 и венгерская—1849 года. Каждое наводненїе совпадало съ какимъ-нибудь замѣчательнымъ событїемъ въ Донскомъ краѣ, и потому оно въ памяти народной удерживается подъ именемъ этого событїя. Такъ, таракановская вода получила свое имя

отъ присланнаго правительствомъ на Донъ генерала Тараканова по дѣламъ войска Донскаго; краснощокковская получила это наименованіе отъ того, что тѣло умершаго славнаго донскаго витязя, Краснощоккова, оставалось безъ погребенія почти два мѣсяца за ненахожденіемъ тогда въ Черкасскѣ ни доскута сухой земли для могилы; чернышевская случилась въ годъ открытія на Дону комитета, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Чернышева; сунженская въ годъ отправленія донскихъ семействъ на р. Сунжу, для образованія тамъ поселенной боевой линіи, и венгерская—въ годъ венгерскаго похода донскихъ полковъ.

Есть въ соборѣ стараго Черкаска еще историческій памятникъ: у самаго входа въ церковь, на правой сторонѣ дверей, висятъ толстая желѣзная цѣпь, которою былъ прикованъ, въ 1671 году, (схващенный атаманомъ Корниліемъ Яковлевичемъ) Стенька Разинъ, предъ отправленіемъ его въ Москву на расправу. Надъ этой цѣпью совершено было особенное молебствіе, съ водосвятиемъ, дабы не дѣйствовалъ на нее волшебный наговоръ. Стенька слылъ колдуномъ, летавшимъ по воздуху и плававшимъ по водѣ; по этому тогдашніе войсковые старшины боялись, что простая цѣпь не удержитъ его; они даже опасались и помѣстить его въ обыкновенной тюрьмѣ, потому что ему стоило только начертить уголькомъ на стѣнѣ лодку да приложить къ ней руку—тотчасъ онъ очутится на Волгѣ; паперть же церковная, какъ мѣсто священное, недоступна для нечистой силы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тяжелой цѣпи Разина вставленъ въ церковную стѣну надгробный камень его противника, атамана Яковлева: Яковлевъ былъ похороненъ у старой деревянной церкви, и когда закладка нынѣшняго собора коснулась его могилы, то лежавшій на ней памятникъ сняли и вправили въ стѣну каменнаго собора, на вѣчныя времена; равнымъ образомъ и Стенька былъ прикованъ къ дверямъ старой деревянной церкви, но цѣпь его помѣстили у дверей нынѣшняго собора, для назиданія потомству—такая судьба ожидаетъ всякаго подобнаго злодѣя.

Въ глубокомъ раздумьи стоялъ я передъ этими двумя памятниками; въ мысляхъ моихъ промелькнула вся историческая картина буйной вольности казацкой. Та эпоха выдѣляетъ изъ казацкой среды двѣ разудалыя личности; но—какъ различны пути обѣихъ личностей! Одной изъ нихъ, Ермаку Тимофѣевичу, встрѣтились Строгановы—онъ свернулъ съ преступной дороги, твердо пошелъ по пути чести, и приобрѣлъ себѣ почетное мѣсто въ отечественной исторіи. Для другой разудалой личности, для Стеньки Разина, не было Строгановыхъ; въ Астра-

хани сидѣли воеводы, лакомня только «для поминковъ»; говорятъ, что одинъ изъ этихъ воеводъ началъ тянуть со Стеньки шубу; Стенька отдалъ ее, но сказалъ: «возьми шубу, да не было бы въ ней шуму»... И дѣйствительно шумъ слышенъ былъ на полцарства!...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собора стоитъ высокая каменная колокольня. Оттуда чудный видъ! Вблизи—дома погружены въ зелень; вдали, къ сѣверу—высота, на которой сидитъ Новочеркасскъ; верстахъ въ шести отъ стараго города—зеленѣютъ валы брошенной крѣпости, возведенной въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, а на западѣ, въ семи верстахъ отъ города—обозначается небольшимъ лѣсомъ урочище Монастырское, куда, въ прежнія времена, удалялись одинокіе, состарѣвшіеся, или искалѣченные въ бояхъ казаки, доживать свой вѣкъ въ землянкахъ. Они были и отшельники, и стражи своей метрополи. Двѣсти лѣтъ тому назадъ это урочище залито было кровью: изъ морскаго набѣга на Крымъ, на Анатолю, возвращались донцы съ богатою добычею и плѣномъ. Уже вечерѣло, когда они причалили свои струги къ берегу родной рѣки, у Монастырскаго урочища. Не хотѣлось побѣдителямъ, чрезъ позднее прибытіе въ свой главный городъ, утратить почетную себѣ встрѣчу: они рѣшились переночевать у своихъ старцевъ, на Монастырскомъ урочищѣ, а въ городъ послали сказать, что они прибыли съ похода и что придутъ въ городъ на утро. Весело зашумѣлъ Черкасскъ: и жены, и отцы, и братья бросились въ урочище, съ боченками вина и меда; разложили большіе костры и начали пировать—все дерепилось и заснуло мертвымъ сномъ; но, передъ разсвѣтомъ, нагрянули басурманы на спящій казакій станъ и, всѣхъ, кто былъ въ немъ, перерѣзали. Съ тѣхъ поръ, въ субботу сырной недѣли, каждый годъ, дѣлается изъ Старога Черкаска крестный ходъ въ Монастырское урочище, и правится тамъ панихида по убиеннымъ.

Вторая церковь стараго Черкаска—это бывшая церковь дома войскаго атамана, Ефремова, а теперь мѣстнаго женскаго монастыря, основаннаго въ 1836 году позднѣйшею наслѣдницею фамиліи Ефремовыхъ. Монастырь этотъ имѣетъ отъ основательницы своей зѣмли и денежный капиталъ. Въ стѣнахъ монастыря нынѣ уже до двухсотъ иночествующихъ.

Бывшая домовая церковь атамановъ Ефремовыхъ, а нынѣ монастырская, построена въ половинѣ прошлаго столѣтія и щедро надѣлена драгоценною утварью. Въ ней есть древнія иконы греческаго писанія. Серебряное паникадило (люстра) сдѣлано изъ чаши и кубковъ, бывавшихъ на столахъ атамановъ Ефремовыхъ въ торжествен-

ные дни. Есть въ этой церкви и священническія облаченія, сдѣланныя изъ жалованныхъ атаманскихъ кафтановъ.

Въ двухъ прочихъ, приходскихъ церквахъ (св. апостоловъ Петра и Павла и Преображенія Господня), построенныхъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, кромѣ дорогихъ окладовъ на иконахъ и утвари, особенную достопримѣчательность составляютъ нѣсколько древнихъ иконъ и кнители, печатанныя при патріархахъ: Іосифѣ—1630 г., Іоасафѣ—1639 г. и Іоакимѣ—1687 г. Одна икона, Богоматери, привезена въ 1594 г., изъ Афонской обители; а другая, Іоанна Крестителя, взята казаками въ Азовской крѣпости, въ 1696 году.

ПИТОМЦЫ МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА,

ПОСЕЛЕНЦЫ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Въ Саратовской губерніи есть поселеніе питомцевъ московскаго Воспитательнаго Дома, называемое Маринскою колонією. Такого поселенія нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Изъ первыхъ поселенцевъ теперь осталось въ живыхъ всего четыре человека (изъ 62), а потому скоро исчезнетъ память обо всемъ, бывшемъ съ ними, а между тѣмъ исторія ихъ беззвычайно интересна. Я живу между питомцами болѣе 30-ти лѣтъ. Многое я слышалъ о нихъ отъ очевидцевъ: чиновниковъ, духовенства и самихъ питомцевъ, а многому я былъ очевидцемъ самъ. Мнѣ извѣстно, что есть три лица въ живыхъ, которые должны знать больше моего о первоначальномъ бытѣ питомцевъ и могли бы, поэтому, сообщить свѣдѣнія—много полезнѣе моихъ; но лица эти не заявили ничѣмъ даже о собственномъ ихъ существованіи, и я увѣренъ, что ни слова не скажутъ и о питомцахъ. Поэтому я рѣшился передать печати то, что мнѣ извѣстно о питомцахъ Маринской колоніи, имѣя въ виду, въ особенности, поколѣнія самихъ питомцевъ. А такъ какъ настоящіе жители поселенія—дѣти, внучата и правнучата первыхъ поселенцевъ—ничего не знаютъ о Воспитательномъ Домѣ, не знаютъ, гдѣ воспитывались ихъ предки, когда, кѣмъ и на какихъ средства открытъ Воспитательный Домъ:—то я нашею не лишнимъ напомнить главнѣйшіе факты изъ исторіи учрежденія Воспитательнаго Дома въ Россіи.

I.

Въ 1763 году генераль-поручикъ Иванъ Ивановичъ Бецкій, послѣ путешествія по Европѣ, подалъ докладъ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II объ учрежденіи въ Москвѣ дома для найденныхъ и оставленныхъ родителями дѣтей, по примѣру тѣхъ, какіе онъ видѣлъ, во время путешествія, въ Голландіи, Франціи, Итали и др. государствахъ. Докладъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе тайнымъ совѣтникамъ и сенаторамъ: князю Якову Петровичу Шаховскому, графу Никитѣ Ивановичу Панину и Миниху. Мнѣніе ихъ и докладъ Бецкаго 26-го августа были высочайше

утверждены, и 1-го сентября послѣдовалъ высочайшій манифестъ объ учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго Дома. По проекту полное управление Домомъ ввѣрялось главному попечителю, знатной и въ особой милости у императрицы состоящей особѣ. Кромѣ главнаго попечителя учреждался Опекунскій Совѣтъ, который долженъ составлять шесть опекуновъ, или совѣтниковъ опекунства, также изъ знатныхъ персонъ, и которому поручался Воспитательный Домъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сверхъ того, для собиранія подаваній, по всему государству и за границей, а преимущественно для надзора и защиты выпедшихъ изъ заведенія питомцевъ, назначались попечители и попечительницы изъ знатныхъ же особъ духовныхъ и свѣтскихъ. Лицамъ, кои принимали на себя званіе попечителей и попечительницъ, Опекунскій Совѣтъ высылалъ благодарный видъ, гдѣ говорилось: «вы, благодѣтельствующій попечитель, воспріявшій на себя званіе сіе, по единому сердцу вашему добродѣтельному, дѣломъ самымъ соотвѣтствовать вознамѣрились имени сему. Собраніе опекуновъ, по установленію своему, за долгъ почитаетъ поднести листъ сей, въ знакъ свидѣльствованія своего къ вамъ признанія и попеченія таковыхъ, которымъ милосердая наша Екатерина II, императрица Всероссійская, къ незабвенію на вѣчные роды имени своего, по вѣрѣ къ Богу и по любви къ отечеству, Домъ особый устроила и щедротами своими наградила. Ваше имя въ книгѣ архивной уже на вѣки». А сохраняемый листъ сей, по подписаніи главнымъ попечителемъ и опекунами и приложеніи большой печати Воспитательнаго Дома, отдавался, или отсылался особамъ, принявшимъ на себя званіе попечителей, или попечительницъ. Имена попечителей и попечительницъ положено было записывать въ особую книгу, въ память потомству. Учинившихъ же знатное подаваніе имѣть портреты въ Воспитательномъ Домѣ.

Указомъ, даннымъ правительствующему сенату 26-го августа, повелѣно: «оному жалованную грамоту на права и преимущества Воспитательному Дому, по государственной формѣ заготовя, поднести къ подписанію ея величества, а учрежденному главному попечителю объявить, чтобы онъ, съ помощію Божіею, приступилъ къ началу сего богоугоднаго дѣла».

Главнымъ попечителемъ и «представителемъ у престола монархини былъ избранъ ею Иванъ Ивановичъ Бецкій. Государыня повелѣла, чтобы всѣ данныя имъ инструкціи и наставленія частныя имѣли ту же силу непоколебимости, какую имѣетъ высочайше подтвержденное учрежденіе вдовей, сохранной и ссудной казенъ, не представляя, впрочемъ, сего никому изъ имѣющихъ быть послѣ него главныхъ

попечителей, и чтобы по немъ никакая власть, безъ особой монаршей воли, отмѣнить ихъ не могла».

Св. синодъ въ 20,000 экземплярахъ разослалъ по государству увѣщанія «содѣйствовать благому начинанію императрицы, союзлившей какъ для созиданія, такъ и для содержанія Воспитательнаго Дома, отъ собственно своихъ комнатныхъ доходовъ, удѣлить значительную сумму, коею, въ семь подвиговъ благотворенія, послѣдовалъ и государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ». Для большаго убѣжденія синодъ приводилъ въ примѣръ новгородскаго митрополита Іова, устроившаго до десяти «сиротительницъ», въ которыхъ содержалось до 3,000 сиротъ обоюго пола; въ каковомъ богоугодномъ дѣлѣ принималъ участіе и самъ императоръ Петръ Первый¹⁾.

Ломоносовъ, по этому случаю, писалъ:

Блаженство общества вседневно возрастаетъ, —
 Монархія труды къ трудамъ соединяетъ:
 Стараюсь о добрѣ великихъ намъ отградъ,
 О воспитаніи печется младыхъ чадъ;
 Дабы, что въ отчествѣ оставленно, презрѣно,
 Приобрѣло сему сокровище безцѣнно.
 И чтобы изъ тяжкаго для общества числа
 Воздвигнуть съ правами похвальныя ремесла.
 Рачители добра грядущему потомству!
 Внемлите съ радостью грядущему потомству:
 Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
 Сугуба похвала для пользы воспитать;
 Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра.
 Внемлите важности монаршаго примѣра —
 Екатерина васъ предводитъ въ чести сей,
 Спѣшите щедростью, какъ вѣрностью, за ней!

Въ разныхъ мѣстахъ были поставлены кружки для сбора подаваемой съ надписями: «благочестивая и человеколюбивая монархиня наша, Екатерина Вторая, храняя заповѣдь Божию, устрои домъ, для воспитанія младенцевъ, со Христомъ изрече имъ слово евангельское: и вы живи будете».

¹⁾ Указомъ отъ 4-го ноября 1714 г. велѣно «для зазорныхъ младенцевъ, которыхъ жены и дѣвки рождаютъ беззаконно, при церквахъ, гдѣ пристойно, слѣвать госпитали—въ Москвѣ мазанки, а въ другихъ городахъ деревянные; а для воспитанія ихъ избрать искусныхъ женъ, съ платою имъ за то по 3 руб. въ годъ и хлѣба по полуосминѣ въ мѣсяцъ, а младенцамъ на содержаніе давать по 3 деньги на день», конхъ въ 1726 г. въ Москвѣ и губерніи, за отсылкою въ монастыри, состояло на-лицо 440, да при нихъ «ормилищъ 120. Силу сего повелѣнія Петра Великаго подтвердила Екатерина I, въ указѣ отъ 3-го марта 1726 года.

По высочайше утвержденному плану и фасаду зданіе Воспитательнаго Дома предположено было произвести въ пять апартаментовъ, для помѣщенія четырехъ возрастовъ дѣтей обоюго пола, по 4,000 человекъ въ каждомъ отдѣленіи, и съ отдѣльными, для обонхъ половъ, церквами. При Домѣ предположено устроить мастерскія, оранжереи, теплицы, цвѣточный садъ съ парниками и грядками, фруктовый садъ, скотный и птичій дворы, для обученія воспитанницъ хозяйству и домоводству, а также водопроводы и фонтаны съ чистой водой.

Но планъ этотъ главнымъ надзирателемъ найденъ недостаточнымъ, и потому имъ представленъ Опекунскому Совѣту новый, несравненно обширнѣйшій проектъ, который найденъ Совѣтомъ наилучшимъ, «какъ для сего великолѣпнаго виду, такъ и для всеобщаго его аванажнаго положенія». По вычисленію архитектора Бланке, на всѣ постройки требовалось до 500,000 р.

Для Воспитательнаго Дома императрица пожертвовала 100,000 р. одновременно и ежегодно по 50,000 р. отъ собственныхъ своихъ комнатныхъ доходѣвъ. Наслѣдникъ великій князь Павелъ Петровичъ назначилъ каждагодно по 20,000 р. Изъ собственной вотчины, Тульской губ., Епифановскаго уѣзда, с. Бобрика, государыня приказала каждагодно отпускать: ржаной муки 200 и гречневой крупы 50 четвертей. Демидовъ вложилъ въ сохранную казну до 100,000 р. Многіе изъявили желаніе ежегодно вносить опредѣленную сумму съ имѣній, пенсій и, даже, жалованья. Такъ, въ книгѣ благотвореній, первымъ значится Бестужевъ-Рюминъ, отчислившій изъ получавшагося имъ пенсіона—20,000 р.—въ пользу Воспитательнаго Дома—3,000 р., Минихъ—1,000 р., Разумовскій—3,000 р. и другіе: Демидовъ произвелъ построекъ на 100,000 р. Каждый мѣсяць, каждый день ознаменовывался значительными пожертвованіями. Люди всѣхъ званій и состояній наперерывъ старались выразить свою готовность благому дѣлу.

Опекунскій Совѣтъ имѣлъ право выбивать медали и раздавать ихъ сдѣлавшимъ особенно значительныя пожертвованія. Бестужевъ-Рюминъ, Разумовскій, Орловъ и мн. другіе получили золотыя, новгородскій митрополитъ Димитрій—одну серебряную и двѣ бронзовыя медали. Онѣ раздавались при благодарственномъ свидѣтельствѣ благодѣтельствуящимъ Воспитательному Дому, за подписью главнаго попечителя и опекуновъ. Кромѣ того, Опекунскій Совѣтъ имѣлъ право награждать: дворянинъ, дававшій ежегодно до 600 р., имѣлъ право участвовать въ собраніяхъ Опекунскаго Совѣта; лица другихъ званій, кромѣ крѣпостнаго, награждались чиномъ «камериера отъ кол-

легія»; за единовременныя пожертвованія, не менѣе 1,000 р.—чиномъ «коллежскаго комиссара» (колл. регистр.); сдѣлавшихъ же пожертвованія деревнями, домами и т. под.—портреты развѣшивались въ Воспитательномъ Домѣ, и, кромѣ того, положено поминать имена благотворителей въ церквахъ Воспитательнаго Дома при молитвахъ,—при жизни—о здравіи, по смерти—о упокоеніи. За всѣмъ тѣмъ положено было имена благотворителей вписывать въ особую книгу въ память потомству. Книги эти, для вписыванія именъ и подаваній, лежали всегда раскрытыми. Этими, вѣроятно, хотѣли выразить, что всѣ сословія готовы жертвовать на это доброе дѣло.

Большая часть пожертвованій поступала отъ петербургскаго дворянства. Нѣкоторые лица, по предложенію Бецкаго, приняли на себя обязанности попечителей и попечительницъ, и даже воспитаніе приносимыхъ младенцевъ. Почему 1-го октября 1770 г. устроенъ новый Воспитательный Домъ съ названіемъ: петербургское отдѣленіе моск. Воспитательнаго Дома. Подъ эту постройку отведенъ запасный Смольный дворъ.

Всѣ сочувствовали устройству Воспитательнаго Дома и, въ особенности, какъ мы уже сказали, жители Петербурга. Но москвичи смотрѣли на это дѣло равнодушно. Первый опекунъ Похвисневъ, въ письмѣ къ главному попечителю, горько жалуется на это равнодушіе какъ присутственныхъ мѣстъ, такъ и частныхъ лицъ, и, въ особенности, на алчность къ деньгамъ и корыстолюбіе подрядчиковъ.

Чтобы усилить средства Воспитательнаго Дома, высочайше повелѣно: отдѣлять въ его пользу 4-ю часть сбора съ публичныхъ позорищъ, т. е. съ комедій и оперъ, которыя тогда давались въ большомъ театрѣ, за Красными воротами,—съ баловъ и всякихъ игрищъ. Такимъ образомъ менѣе, чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ, съ 20-ти публичныхъ позорищъ, даваемыхъ итальянцами въ Москвѣ, собрано 2,000 р. Всего же собрано 80,833 р.

Кромѣ того, государыня, лично въ сенатѣ, повелѣла отдать, въ пользу Воспитательнаго Дома, оставшееся въ конторѣ конфискацій, послѣ продажи, имущество нѣкоторыхъ лицъ, какъ-то: графовъ—генералъ-фельдмаршала Миниха, кабинетъ-министровъ Остермана и Головкина, оберъ-гофъ-маршала Левенвольда, президента коммерцъ-коллегіи Менгдена и Шемберга.

Изъ присланнаго подробнаго списка имуществу этихъ лицъ видно, что имущество графовъ Ивана и Андрея Остермановъ оцѣнено въ 25 р. 84 к. Имущество это состояло, большею частію, изъ поѣденной мышами и молю и погнившей маскерадной ветоши. Нѣкоторыя вещи оцѣнены въ 10, 8, 5, 3, 2 и даже 1 к.

Такими и всѣми другими, зависящими отъ правительства, средствами устроенъ былъ московскій Воспитательный Домъ.

Въ 1764 г., 21-го апрѣля, начался приемъ младенцевъ. Въ этотъ день принесено 19 младенцевъ обоего пола, найденныхъ, незадолго до открытiя Воспитательнаго Дома, у разныхъ приходскихъ церквей въ самой столицѣ и въ ближайшихъ къ ней деревняхъ, изъ коихъ нѣкоторые были уже крещены, а другіе окрещены въ Воспитательномъ Домѣ.

Первые двое изъ принесенныхъ младенцевъ наречены были августѣйшими именами, дѣвочка Екатериною, мальчикъ Павломъ, по имени цесаревнча. Въ приписной книгѣ 1764 г., подъ 21-мъ числомъ апрѣля, замѣчено такъ: «№ 1. Екатерина, по крестномъ отцѣ Алексѣева, найдена въ приходѣ Богоявленiя. № 2. Павелъ, по крестномъ отцѣ Петровъ, найденъ въ Нѣмецкой слободѣ». Младенцы эти вскорѣ померли.

Въ день открытiя Воспитательнаго Дома было кормлено до 1,000 человекъ нищихъ. День открытiя праздновался и впоследствии ежегодно, но тогда уже милостиню раздавали дѣти-питомцы. Точно также, въ этотъ день, ежегодно, «для узнанiя соврѣменныхъ погрѣшностей и состоянiя всѣхъ служащихъ», вмѣнено было священнику въ обязанность, по окончанiи литургiи, прочесть всѣмъ предстоящимъ въ церкви слѣдующее: «всякому, кто имѣетъ что-нибудь объявить къ пользѣ и къ исправленiю сего учрежденiя, кто можетъ въ чемъ пособить, кто примѣтитъ злоупотребленiе, кто причину имѣетъ къ жалобѣ на своихъ начальниковъ,—напоминается, чтобы, по окончанiи экзаменовъ, въ первомъ собранiи Опекунскаго Совѣта, доносили о томъ краткими представленiями письменными. Нѣтъ никому, въ семъ случаѣ, опасности, потому что всякому можно представленiя подавать запечатанныя, или присылать оныя чрезъ кого угодно. Имя представляющаго только гг. совѣтникамъ опекунства извѣстно, а отъ прочихъ вовсе утаено будетъ».

Опекунскому же Совѣту вмѣнено было въ обязанность, руководствуясь особою проворливостiю, остерегаться, чтобы невинныхъ не подвергать подозрѣнiю, а еслибы къмъ, отъ простоты и неумѣщества, поданы были ложныя и неосновательныя обвиненiя, то доносителя не предавать злобѣ, объ имени его молчать, а ему самому втайнѣ сказать то, что онъ ошибся и, вообще, присемъ, какъ и всегда, оказывать болѣе человеколюбiя, нежели строгости (Ген. план. Ч. II, гл. 2, § 2).

Со дня открытiя Воспитательнаго Дома дѣтей стали приносить туда всѣ, кому только хотѣлось. Приносили туда дѣйствительно

брошенных; приносили матери своих незаконнорожденных дѣтей; приносили бѣдняки законнорожденных; приносили солдаты и солдатки законнорожденных мальчиковъ, чтобъ избавить ихъ отъ солдатчины; приносили и помѣщичьи крестьяне. Въ сороковыхъ годахъ я засталъ въ Марининской колоніи немало стариковъ-солдатъ и солдатокъ, жившихъ при своихъ дѣтяхъ — питомцахъ Воспитательнаго Дома. Въ Воспитательномъ Домѣ не спрашивали, откуда и чей младенецъ, и принимали всѣхъ. Случалось, что дѣтей привозили и въ каретахъ. Многіе, и о такихъ уже непремѣнно, справлялись, подъ какимъ № записывался младенецъ въ книгу. Часто, по правдивкамъ, въ Воспитательный Домъ являлись лица, приносившія дѣтямъ, подъ известнымъ №, конфеты, наряды и подарки кормилицамъ; а иные прямо кормилицъ и ребенку называли себя отцемъ или матерью, и слѣдили за ними. Нѣкоторыя матери, чтобъ не затерять изъ виду ребенка, выжигали на тѣлѣ знаки; другія вѣшали на шею съ крестомъ косточку (посеженный впоследствии въ селѣ Александровскомъ Марининской кол. крестьянинъ Романъ Вас. Бѣлый имѣлъ на груди шрамъ, знакъ креста; Ив. В. Посконный до смерти, — доживши до внучать, носилъ на шнурѣ креста косточку). Знатные отцы и матери направляли дѣтей своихъ въ высшія учебныя заведенія. Бывали и такіе случаи: мать идетъ въ Воспитательный Домъ и нанимается въ кормилицы. Черезъ нѣсколько дней, пока испытываютъ молоко ея, приносятъ и ея ребенка. Она изъявляетъ желаніе кормить его, не сказывая, конечно, что это ея ребенокъ. И такимъ образомъ кормитъ собственного ребенка, и получаетъ за кормленіе по 5 р. въ мѣсяцъ. Я зналъ одну старуху-солдатку, жившую въ селѣ Константиновскомъ при сынѣ, которая говорила, что она сама была и кормилицею его.

Вскорѣ въ Воспитательный Домъ нанесено было столько дѣтей, что содержать кормилицъ стало трудно. Дѣтей стали раздавать по деревнямъ. Приходить женщина, испытываютъ ея молоко и отпускаютъ ей ребенка. Ставилось непремѣннымъ условіемъ, чтобы своего ребенка у нея не было; но бабы умѣли какъ-то обманывать, и брали чужихъ, имѣя своего. Тогда, конечно, свой питался грудью, а чужой — соской. Для надзора за дѣтьми имѣлись объѣздчики-чиновники, которые обязаны были нѣсколько разъ въ мѣсяцъ свидѣтельствовать всѣхъ дѣтей, воспитываемыхъ по подмосковнымъ деревнямъ. Но случалось и такъ, что мамка истощеннаго и коряваго питомца припрячетъ, а чистаго и здороваго своего покажетъ. Такія продѣлки чинить было тѣмъ удобнѣе, что надзиратели не ходили по домамъ, а приказывали десятскимъ созывать бабъ въ одно известное мѣсто.

Иная крестьянка, черезъ годъ—два, возьметъ кормить другаго, а тамъ третьяго, и, такимъ образомъ, у нѣкоторыхъ собиралось человѣкъ по 5-ти и даже болѣе. За ребенка до 7 лѣтъ воспитательницы получали по 5-ти р. въ мѣсяцъ, а далѣе по 2 р. Воспитатели и воспитательницы имѣли право питомцевъ, какъ собственныхъ дѣтей, посылать на фабрики и получали за нихъ жалованье. Нѣкоторые взрослые питомцы получали съ фабрикъ рублей по 25-ти въ мѣсяцъ, но денегъ, конечно, не видѣли. Воспитатели страшно злоупотребляли своимъ правомъ. Подростковъ надзиратели и сами испытывали, и брали въ Москву. Оказавшихся способными оставляли въ Москвѣ и обучали грамотѣ. Питомцы, съ отличными дарованіями и прилежаніемъ, поступали и въ высшія учебныя заведенія. Между прочими, нѣкто Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ былъ докторомъ и нѣсколькихъ орденовъ кавалеромъ. Онъ во всю жизнь свою служилъ докторомъ въ вѣдомствѣ Воспитательнаго Дома и постоянно состоялъ при питомцахъ, сперва въ Смоленской губерніи, а потомъ въ Маріинской колоніи. Многіе вышли въ чиновники, топографы (кажется, преимущественно), учителя музыки, школьные учителя, фельдшера и пр. Оказавшихся, по испытаніи въ Москвѣ, малоспособными отсылали обратно на мѣсто жительства. Есть и теперь питомцы, напримѣръ, Захаръ Лукьяновъ, села Маріинскаго (не изъ первыхъ поселенцевъ), который жалуется на свою горькую мужичью судьбу. Его взяли было, говорить онъ, въ Москву, стали учить; онъ лучше другихъ понималъ все, но воспитатели пріѣхали, настращали его, что его станутъ больно бить въ школѣ, и велѣли ему притвориться непонимающимъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ школѣ съ нимъ побились-побились, да и отослали въ деревню.

Изъ питомцевъ временъ Екатерины многіе сдѣлались чиновниками, а большинство—просто мужиками.

II.

Въ двадцатыхъ годахъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ угодно было дать питомцамъ осѣдность. Въ одно время собрали всѣхъ парней и дѣвицъ изъ подмосковныхъ деревень въ подмосковное подворье Воспитательнаго Дома. Всѣхъ помѣстили въ одномъ домѣ, раздѣлявшемся широкимъ корридоромъ. Въ одну половину помѣстили парней, въ другую дѣвицъ. За мужчинами наблюдали надзиратели, за дѣвицами надзирательницы. Такъ жили они недѣли три. Въ это время они безпрестанно встрѣчались въ корридорѣ, играли на дворѣ, гуляли вокругъ двора и, вообще, знакомились. Нѣкоторые тутъ

же согласились другъ съ другомъ на бракъ. Но нѣкоторыя дѣвцы, жившія въ хорошихъ домахъ въ Москвѣ горничными, совѣмъ не хотѣли идти замужъ ни за одного изъ этихъ мужиковъ. Къ такимъ-то именно несчастнымъ всего болѣе и приставали уроды-парни. Недѣли черезъ три пріѣхалъ опекунъ и велѣлъ всѣмъ выстроиться, въ корридорѣ, въ двѣ шеренги, — въ одну женихамъ, въ другую дѣвушкамъ-невѣстамъ, и приказалъ женихамъ выбирать себѣ невѣсту, начиная съ крайняго. Парень указывалъ на дѣвушку и говорилъ: я вотъ эту возьму! Дѣвушку подводили къ нему и, потомъ, обоихъ отводили въ сторону. Иной уродъ укажетъ на красавицу-барышню, — хорошо одѣтую горничную. Та закричитъ, замашетъ руками: не хочу, не хочу, не пойду замужъ ни за кого, хочу остаться дѣвицей!.. Опекунъ начиналъ уговаривать ее. Если видѣлъ, что пара дѣйствительно неподходящая, то оставлялъ ее, а если ему казалось, что пара подходящая, то, просто, безъ церемоніи, въ пинки, подтащатъ къ жениху, — и дѣлу конецъ. Многіе изъ такихъ убѣжали уже изъ Марининской колоніи и пропали безъ вѣсти. Многіе пожелали жениться на дочеряхъ своихъ воспитателей, или односельцевъ. Опекунскій Совѣтъ, въ такомъ случаѣ, закрѣпляетъ за женихомъ все хозяйство его тестя. Многіе питомцы, какъ полагаютъ и они сами, женились на родныхъ своихъ сестрахъ. Всѣ, напримѣръ, считали Пименовыхъ, въ селѣ Александровскомъ, родными братомъ съ сестрой. Они, дѣйствительно, удивительно были похожи другъ на друга, даже по характеру. Всѣ же питомцы до сихъ поръ, — до третьяго и четвертаго рода, — имѣютъ какой-то особый, типичный оттѣнокъ: всѣ они блѣднелицы, сложенія далеко не крѣпкаго, а многіе имѣютъ и унаслѣдованныя болѣзни: чахотку и даже подагру. Свѣжаго, крѣпкаго, какъ наши сосѣди тамбовцы и пензяки, съ медвѣжьей силой и неповоротливостью, — въ питомцахъ не увидите ни одного. Всѣ они необыкновенно довѣрчивы, просты, добры и безъ малѣйшей хитрости. Питомца узнаете изъ тысячи человѣкъ.

Вскорѣ послѣ женитбы, передъ масляною, питомцевъ отправили въ Смоленскую губернію, въ село Гареново, въ имѣніе, отобранное за долги у помѣщика Тутчина, Опекунскимъ Совѣтомъ. Здѣсь была хорошая барская усадьба, съ большимъ садомъ и множествомъ построекъ. Все имѣніе Тутчина, съ крестьянами, коихъ было до 500 душъ, и землю, отошло въ вѣдѣніе Совѣта. Питомцевъ размѣстили по крестьянамъ-старожиламъ. Спрашиваешь, бывало: что вы ѣли тамъ, — у старожиловъ? «Что? Мясинный хлѣбъ. Глотаешь-глотаешь, бывало, насылу проглонешь. Ну, а потомъ привыкли, ничего, ѣшь». Питомцы, какъ-то особенно, саркастически, говаривали о гаренов-

скомъ мякинномъ хлѣбѣ, когда теперь. въ Саратовской губерніи, у нихъ полны амбары пшеницы. Тотчасъ же по приѣздѣ въ Гареново и старожилы, и питомцы принялись за вырубку лѣса и приготовленія къ постройкамъ. Весною начали строить имъ дома, по образцу аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Въ дома помѣстили женатыхъ съ правами и названіемъ хозяевъ; но къ нимъ придали по парню и дѣвицѣ, мальчику и дѣвочкѣ. Парень и дѣвица назывались товарищами, мальчикъ и дѣвочка—малолѣтками. Впрочемъ, товарищи, большею частію, были женаты. На каждый домъ отведено было по 4 десятины земли въ каждомъ полѣ, т. е. 12 дес., и луга; дано по 4 лошади, 4 коровы, 10 овецъ и баранъ, 10 куръ и пѣтухъ, упряжь будничная и праздничная, и все, до малѣйшей, даже самой пустой вещи, въ родѣ зеркала и мыльца. Дома построены были скоро. До сбора съ полей хлѣба имъ выдавали по 2 п. ржаной муки въ мѣсяцъ и по 10 ф. крупы, по 1 ф. говядины и по 1 ф. масла въ день на человѣка. По уборкѣ хлѣба выдача порціоновъ прекратилась, но, зато, при недостаткѣ своего, выдавалось казенное.

Въ Гареновѣ было устроено свое особое управленіе: управляющій, бухгалтеръ, писаря, докторъ, фельдшера и полиція. Управленіе во всемъ знало исключительно только Опекунскій Совѣтъ. Мѣстные власти должны были только содѣйствовать распоряженіямъ гареновскаго управленія и приводить ихъ въ исполненіе. Гареново составляло маленькое, независимое отъ смоленскихъ властей, королевство, и, въ добавокъ, эти власти были обязаны исполнять всѣ его требованія, которыя были иногда, просто, прихотями.

Первымъ управляющимъ въ Гареновѣ былъ Дмитрій Александровичъ Хрущевъ, женатый на Софьѣ Алексѣевнѣ, урожденной Саблиной. Докторомъ былъ Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ, изъ питомцевъ. Хрущевъ хотѣлъ завести аракчеевскіе порядки, а питомцы, между тѣмъ, были для этого народъ совсѣмъ неподходящій: питомцы, живши подъ Москвою въ домахъ своихъ воспитателей, очень немного занимались хозяйствомъ и хлѣбопашествомъ. Всѣ, почти, они были фабричными. Здѣсь сразу имъ ведѣли и землю пахать, и удобрять ее; и себя, и домашній скоть, и птицу кормить, и за домомъ и хозяйствомъ смотрѣть, и на казну лѣсъ рубить и возить, и кирпичъ дѣлать, и пр. и пр. Вольному, беззаботному фабричному, никогда не жавшему и не думавшему о хозяйствѣ, не имѣвшему о немъ понятія, не имѣвшему на это дѣло ни здоровья, ни привычекъ,—трудно было сразу приняться за все. Съ фабрики его, буквально, пустили въ темный лѣсъ, и онъ потерялъ голову, не зная за чтѣ и какъ приняться. У него, поневолѣ, валялось все изъ рукъ. Хрущевъ, между

тѣмъ, тоже сразу, хотѣлъ сдѣлать ихъ образцовыми хозяевами. Ыдетъ питомецъ въ поле получасомъ позже, какъ велѣно, хотя-бы-то на свою работу,—пѣрка; ѫдетъ изъ поля, и соха въ грязи,—пѣрка; идетъ мужикъ по улицѣ, кафтанъ не подпоясанъ, шапка сидитъ неловко—пѣрка; донесетъ надсмотрщикъ, что лѣниво работалъ на себя или на казну,—это все равно,—пѣрка; неопратно одѣтымъ пришелъ въ праздникъ въ церковь, или не пришелъ вовсе,—пѣрка. Сиволапамъ, по выраженію питомцевъ, старожиламъ, непривыкшимъ къ чистотѣ въ одеждѣ, доставалось еще больше. Но розги и зуботрѣщины, вообще, въ то время, были дѣломъ обыкновеннымъ; тутъ было другое дѣло, котораго молодые поселенцы переносить уже не могли. Придетъ Хрущевъ въ домъ, застанетъ хозяина дома, оттузить его, прогонитъ на работу, прогонитъ товарку и малолѣтковъ, и останется въ домѣ хозяйничать.... И теперь крестьянина Ф. Ѳ. К. зовутъ сыномъ Хрущева.

Рубка дѣсу, возка, пилка, выдѣлка кирпича,—все; нужное для постройки питомскихъ домовъ, питомцы и старожилы должны были дѣлать сами. Кромѣ своихъ и казенныхъ работъ, они должны были дѣлать общественныя запашки. Имъ, по выраженію питомцевъ, не давалось отдыху ни днемъ, ни ночью. Такъ жили они три года.

Въ 1825 году чрезъ Гареново проѣзжалъ императоръ Александръ Павловичъ. Крестьяне, старожилы и питомцы рѣшились жаловаться государю. Передъ днемъ пріѣзда государя Хрущевъ велѣлъ въ амбарахъ нѣсколькихъ крайнихъ домовъ забить досками закрома, оставить вмѣстимости на вершокъ и засыпать казеннымъ хлѣбомъ. И стали закрома амбаровъ казаться сверху до низу засыпанными хлѣбомъ! Велѣлъ зажарить два гуся и двѣ курицы и отдать ихъ въ два крайніе дома. Изъ своего же дома прислалъ три большихъ хлѣба и деревянную солоницу. При вѣздѣ государя въ Гареново крестьяне встрѣтили его, при концѣ села, съ хлѣбомъ-солью. Хлѣбъ и соль были хрущевскіе. Когда государъ вышелъ изъ кареты, то крестьяне упали на колѣна и хотѣли, было, жаловаться. Государъ спросилъ: чтѣ значитъ, что они стали на колѣна? Саблинъ и Бибииковъ, хорошо знавшіе, что крестьяне хотятъ жаловаться, но не желавшіе беспокоить государя, доложили, что крестьяне ужъ очень рады его величеству, и дѣлаютъ ему честь. Государъ пошелъ въ первый домъ, и крестьяне не успѣли сказать ему ни слова. У воротъ перваго дома, куда пошелъ государъ, стояли хозяева съ хлѣбомъ-солью и жаренымъ гусемъ. Государъ пошелъ въ домъ; въ домѣ было чисто, а на столѣ стояли хлѣбъ-соль и жареная курица. Государъ пошелъ въ амбаръ,—амбаръ полонъ хлѣба. Осмотрѣвши весь домъ, государъ пошелъ въ слѣдующій домъ. Но жареные гусь и курица

перелетѣли уже туда,—хозяи́нъ и этого дома встрѣчалъ съ хлѣбомъ, солью и жаренымъ гусемъ; на столѣ и здѣсь лежала та же курица, амбаръ и здѣсь былъ полонъ хлѣба. Государь пошелъ въ третій,—хлѣбъ, гусь и курица туда же. Крестьяне стояли на улицѣ возлѣ кареты. Кучеръ государя Илья Ивановъ спрашиваетъ ихъ:

— Который вашъ управляющій-то?

— Вотъ этотъ, толстый-то.

— А ужъ и плутъ же, говорятъ, онъ!

— Мы хотѣли было жаловаться на него государю, да насъ не допускаютъ.

— Падайте на колѣна, кричите!

При выходѣ государя изъ третьяго дома, крестьяне опять упали на колѣна и закричали: ваше величество!

Но государь сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ церковь. При выходѣ государя изъ церкви крестьяне опять упали на колѣна, закричали, но государь не обратилъ вниманія, и поѣхалъ въ домъ къ Хрущеву. Крестьяне пошли къ дому Хрущева; но лица, бывшія въ свѣтѣ государя, оттуда ихъ прогнали. Крестьяне собрались у дороги, на проѣздѣ государя. При проѣздѣ его, они опять упали на колѣна, но государь, полагая, что они отдають ему честь, поклонился, и поѣхалъ. Проѣхавши сажень 200, кучеръ доложилъ государю, что крестьяне становились на колѣна затѣмъ, что хотѣли жаловаться, но что ихъ не допустили. Государь приказалъ остановиться. Сейчасъ къ нему собрались всѣ. Государь, обратившись къ крестьянамъ, сказалъ: «дайте мнѣ одного, съ которымъ я могъ бы говорить, а прочіе всѣ молчите». Вышелъ старожилъ. Государь спросилъ его:

«За кѣмъ лучше жить,—за мной, или за бариномъ?»

— За бариномъ, ваше величество, жить было лучше.

«Почему?»

— Тамъ мы работали только три дня, а теперь мы не знаемъ себѣ и праздниковъ; казенными работами насъ замаяли, себѣ нѣтъ времени ни посвятить, ни убрать; управляющій, за дѣло и безъ дѣла, сѣчетъ и пр.

Бывшій при этомъ Биби́ковъ доложилъ государю, что крестьяне строятъ дома себѣ же, и поэтому они работаютъ на себя же, а не кому другому. Государь сказалъ на это, что «на постройку домовъ ассигнована сумма, крестьяне же должны заниматься только своимъ хозяйствомъ». Въ это время подбѣгаетъ жена Хрущева, падаетъ на колѣна и говоритъ: «Ваше величество! Мужъ мой никого пальцемъ не тронулъ, мужики говорятъ на него напрасно!...». Государь:— «Уйди прочь, не твое тутъ дѣло!», и, обратившись къ крестьянамъ, ска-

залъ: «хорошо, дѣти, я разберу это дѣло!». И поѣхалъ. Крестьяне: «ага, наша взяла!...». Бросились въ домъ Хрущева, переломали двери, перебили окна, зеркала, мебель... и хотѣли избить Хрущева. Жена Хрущева, въ это время беременная, испугалась, упала и... умерла. По распоряженію Саблина, въ эту же ночь, была вызвана военная команда. Солдатамъ велѣно было войти въ Гареново такъ, чтобъ никто ихъ не замѣтилъ, и стать у всѣхъ дверей и оконъ, чтобъ никто изъ крестьянъ не могъ уйти. Утромъ всѣхъ ихъ арестовали. Утромъ же явились изъ окрестныхъ деревень понятые, навезли кайдоловъ, веревокъ, колодокъ и розогъ, и пріѣхалъ князь Еламовъ(?) для производства слѣдствія. Всѣхъ арестованныхъ повели въ домъ Хрущева, во второй этажъ. Въ той комнатѣ, куда ввели ихъ, посрединѣ, на столѣ, лежали: 25 р. денегъ, десятокъ яблоковъ, новый шелковый платокъ и три пары розогъ. Слѣдователь и Саблинъ стали допытываться, кто зачинщикъ бунта. «Тотъ,—говорили они,—кто укажетъ намъ главнаго бунтовщика, получить вотъ эти деньги и подарки; если же не выдадите его, то мы всѣхъ васъ поголовно пересѣчемъ. Дайте намъ одного умнаго человѣка, съ которымъ мы могли бы говорить, и который высказалъ бы, чѣмъ недовольны вы».

— Вы его въ острогъ посадите?

«Нѣтъ, честно вамъ слово!»

Мужики указали на Андрея В. Гузова и Василія Былинку. Ихъ увели внизъ къ допросу. Черезъ нѣсколько времени Саблинъ приходитъ и говоритъ: «дайте еще кого-нибудь; тѣ безтолковы», между тѣмъ какъ Гузовъ и Былинка были одни изъ самыхъ толковыхъ. «Нѣтъ,—говорятъ крестьяне,—сперва возвратите намъ Гузова и Былинку, тогда мы дадимъ вамъ другихъ». Послѣ многихъ толковъ, мужиковъ вывели на площадь, окружили въ нѣсколько рядовъ солдатами и понятными; по указанію Хрущева, человѣкъ двадцать пять заковали въ кандалы и отправили въ острогъ; прочимъ-же набили колодки, перевязали назадъ руки и съ понятными отправили пѣшкомъ, по разнымъ деревнямъ, верстъ за 15—20, съ крѣпкимъ наказомъ стеречь ихъ и никуда не отпускать до новаго распоряженія. Но крестьяне знали, что, черезъ три дня, должна проѣзжать государня. Имъ, во что бы то ни стало, хотѣлось подать ей прошеніе, которое благодѣтели ихъ къ вечеру имъ уже настрочили. Нѣкоторымъ, дѣйствительно, удалось уйти. Ихъ розыскивали по всѣмъ мѣстамъ, днемъ обошли всѣ гумна, лѣсъ и болота, ночью шарили съ фонарями, но никто не попался, потому что сами искавшіе имъ сочувствовали. Курибскій, напр., сутки лежалъ подъ кустомъ среди болота, а другія сутки въ овинѣ, не ѣвши и не пивши, съ проше-

ніемъ, выжидая проѣзда государыни. Не доѣзжая до Гаренова версть пять, государыня должна была переѣзжать лошадей. Питомцы бросились съ прошеніемъ туда, но она не приняла его, сказавши, что это не ея дѣло. Подававшіе прошеніе прицѣпились къ задкамъ экипажей свиты государыни и доѣхали до Гаренова. При выходѣ ея изъ церкви они опять просили, было, принять ихъ прошеніе, но государыня и здѣсь отказала. Въ самомъ Гареновѣ, между тѣмъ, у каждой двери дома, у каждаго окна стояло по понятаму изъ окрестныхъ деревень, затѣмъ, чтобы никто изъ жившихъ въ домахъ не смѣлъ взглянуть въ окно и кричать государынѣ. Понятымъ было приказано бить въ рыло всякую бабу, которая вздумала бы глядѣть или кричать. На другой день, по проѣздѣ государыни, всѣхъ, разосланныхъ по деревнямъ, возвратили, но отосланные въ острогъ сидѣли тамъ съ полгода.

Вскорѣ Хрущева замѣнилъ Егоръ Карловичъ Лоде. Хотя онъ поролъ крестьянъ, и не меньше, чѣмъ Хрущевъ, но, по крайней мѣрѣ, питомцевъ не посылали на казенныя работы. Въ Гареновѣ онъ управлялъ года три. Какъ при Хрущевѣ, такъ и при Лоде—порядки были аракчеевскіе. И Хрущевъ, и Лоде недобрую память оставили о себѣ въ питомцахъ!

Императрица Марія Феодоровна, покровительствовавшая питомцамъ, желала улучшить бытъ ихъ, и нашла возможнымъ переселить ихъ въ Саратовскую губернію.

Въ 1826 г., 16-го марта, государю императору Николаю Павловичу поднесенъ былъ докладъ о переселеніи питомцевъ, съ проектомъ, сообразнымъ мѣстнымъ положеніямъ о ихъ будущей жизни. На докладѣ государь собственноручно написалъ: «предполагаемое новое заведеніе нахожу весьма полезнымъ и подающимъ надежду упрочить благосостояніе воспитанниковъ Воспитательнаго Дома; нужныя съ Моей стороны распоряженія съ симъ же вмѣстѣ предписываются»¹⁾.

Дѣло переселенія начато покупкою земли. Лоде былъ посланъ въ Саратовскую губернію отыскивать удобную для поселенія землю. Онъ осмотрѣлъ все пространство отъ Саратова до Царицына. Ему непремѣнно хотѣлось поселить недалѣко отъ Саратова и, главное, Волги. По указанію купца Хахалина, торговавшаго скотомъ и снимавшаго у города Саратова степи подъ свои гурты, Лоде остановилъ свое вниманіе на этихъ степяхъ. Земля, назначенная гор. Саратовомъ въ продажу, состояла изъ двухъ участковъ—белѣснаго и лѣснаго, отстоящихъ одинъ отъ другаго версть на 35. Первый состоялъ изъ 21,912 дес., второй изъ 1,166 дес. Въ нихъ неудобной земли было 2,928

¹⁾ Стат. описаніе Саратовской губерніи, состав. Леопольдовъ.

дес. За каждую десятину безлѣснаго участка заплачено по 22 р. и лѣснаго по 27 р. Первый стѣитъ 482,064 р., второй 31,482 р., оба же вмѣстѣ 513,546 р. Довольно много было лѣсу и въ такъ называемомъ безлѣсномъ участкѣ. Въ такъ называемомъ Кругломъ, на нынѣшнемъ № 1, и по оврагамъ, гдѣ теперь с. Николаевское, было много лѣсу—и дотого крупнаго, что онъ годился въ крестьянскую избу въ стѣну. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, въ то время, былъ хорошій лѣсъ, теперь или остался одинъ кустарникъ, или, просто, засѣвается хлѣбъ. Въ лѣсномъ участкѣ были дубы по 5 четвертей въ диаметрѣ. Теперь едва можно найти въ четверть. Около с. Николаевскаго не осталось даже признака, что тутъ, когда-то, былъ крупный лѣсъ. Все теперь превратилось въ голую степь.

Въ 1828 году посланы въ саратовскую городскую думу отъ московскаго Опекунскаго Совѣта билеты сохранный казны, и земля поступила въ вѣдѣніе Воспитательнаго Дома ¹⁾.

Въ то время населеніе было рѣдкое, степи привольныя, настоящаго ховяина, такъ какъ земля была всего города, не было. Степи сдавались въ аренду скотопромышленникамъ, для пастищъ гуртовъ скота, а для нихъ ничего не значило, если въ арендуемыхъ ими нѣсколькихъ тысячахъ десятинъ недоставало 300—400 десятинъ. При томъ, не только арендаторы, но и сами хозяева не знали количества своей земли. Даже теперь, черезъ 50 лѣтъ, Саратовъ не можетъ привести въ извѣстность владѣемыхъ имъ земель; а тогда, за 50 лѣтъ назадъ, никто объ этомъ и не думалъ. Ближайшіе же помѣщики свое дѣло знали. Помѣщикъ Угримовъ захватилъ всю лучшую часть западной границы. На западной границѣ, съ сѣвера на югъ, течетъ маленькая рѣчка, впадающая въ рѣчку Идолгу. Рѣчка эта считалась границею между городскими землями и землею Угримовыхъ. На правомъ берегу рѣчки стояла д. Карамышка и барская усадьба. Угримовы перенесли половину деревни на лѣвый берегъ, на городскую землю, построили господскій домъ, развели садъ и захватили до 300 дес. хорошаго лѣсу. Теперешніе, такъ называемые карамышинскіе лѣса, поэтому, должны бы были принадлежать теперь питомцамъ, какъ бывшіе саратовскіе. При покупкѣ Опекунскимъ Совѣтомъ земли

¹⁾ Въ пятидесятыхъ годахъ Саратовъ потребовалъ отъ Оп. Совѣта долгъ. Оп. Совѣтъ сдѣлалъ докладъ государю Николаю Павловичу. На докладѣ государь написалъ—не помню теперь буквально чтѣ, но мысль государя такова: съ уплатою Саратову долга, не подорвется-ли въ своихъ средствахъ Оп. Совѣтъ? Такой вопросъ государь Саратовъ принялъ за прямой себѣ отказъ, требованіи боже не возобновлять, и деньги за Опекунскимъ Совѣтомъ остались.

у Саратова, конечно, нужно было возобновить межи. Для этого нашли нужнымъ прибѣгнуть не къ планамъ, а къ памяти старожиловъ-стариковъ. Старики пошли по степи, за ними пошелъ плугъ, и навсегда закрѣпилъ межи. Теперь, если посмѣтрѣть на границу с. Николаевского и участка № 1, прилегающіе къ д. Карамышкѣ, то невольно бросается въ глаза несообразность. Идя по межѣ, вы дѣлаете самые фантастическіе уклонъ, подѣ различными углами. Линія ломается, иногда, саженьяхъ на 10-ти, чего, конечно, при огромныхъ участкахъ, быть не могло ни коимъ образомъ. При этомъ вы, опять невольно, замѣтите, что всѣ лучшія мѣста обойдены и въ питомскую дачу не попали. Такъ или иначе, но земля была куплена.

На купленной землѣ предполагалось поселить столько питомцевъ, чтобы на каждую душу приходилось по 15 дес.

На купленной землѣ одно, довольно высокое мѣсто при большой тамбовско-саратов. дорогѣ, вблизи р. Идолги, понравилось Лоде. Но мѣсто это было съ оврагами, лѣсомъ и небольшимъ болотомъ. Лодѣ вздумалось построить тутъ первое поселеніе и сдѣлать его центромъ другихъ, послѣдующихъ поселеній. Лодѣ вырубилъ по оврагамъ лѣсъ, засыпалъ ихъ и выровнял мѣсто. Приходившееся посреди болота спустил и засыпалъ мусоромъ строившагося впоследствии дома. На западной сторонѣ с. Николаевского (нынѣшняго), по оврагу, былъ, вплоть до карамышинскаго лѣсу, крупный строевой лѣсъ; между нынѣшнимъ домомъ священника и домомъ крестьянина Ѳ. Е. Цыганова былъ глубокій оврагъ и, тоже, съ лѣсомъ. Вверху этого оврага былъ такой родникъ, что на немъ могла стоять небольшая водяная мельница. Все это вырублено, вычищено, засыпано и выровнено. Родникъ находился вверху, и заваливать его не было нужды; но онъ, во-первыхъ, протекалъ черезъ селеніе и портилъ улицу, а во-вторыхъ, его нашли, впоследствии, опаснымъ для здоровья. Въ 100 неболѣе саженьяхъ отъ него устроена общественная, казенная рига и гумно. Начальство, опасаясь, чтобы питомцы, работавшіе въ ригѣ и всплѣвшіе, не простудились, напившись ключевой воды.—засыпало эту драгоценность, оставивши жителей съ солеными колодцами и тухлой водой въ рѣчкѣ. Спустя лѣтъ 20, много было попытокъ отыскать родникъ этотъ, но вода не найдена. Вѣроятно онъ, далеко отъ прежняго выхода, принялъ другое направленіе. Въ прежнее время лѣсу дотога было много въ этихъ мѣстахъ, что онъ служилъ притономъ разбойникамъ. Есть преданіе, что въ концѣ, на западной сторонѣ с. Николаевского, гдѣ теперь нѣтъ и признаку лѣса, былъ большой лѣсъ, и тутъ жилъ разбойникъ Кувканъ. Съ поселеніемъ д. Карамышки, Кувканъ ушелъ въ глубь лѣса. У него была большая

шайка и построено нѣсколько избъ. Когда Кувыкана убили, и шайка разбѣгалась, на это мѣсто пришли переселенцы изъ Рязанской губерніи и образовали деревню Кувыку, отстоящую теперь отъ с. Николаевскаго на 3 версты и имѣющую населенія до 180 домовъ. Западный конецъ этой деревни и теперь зовутъ рычами, или рычевкой, какъ людей не мѣстнаго происхожденія и сходныхъ съ мордвою. Лѣсу, гдѣ теперь д. Кувыка, нѣтъ и признака. Но я засталъ стариковъ, которые указывали мнѣ на мѣста, гдѣ были глубокія озера и глѣсъ, и гдѣ, въ то время, стояли уже крестьянскіе дома. Въ недавнее время, на томъ мѣстѣ, гдѣ преданіе указываетъ первоначальное пребываніе Кувыкана, рылись ямы для кирпичнаго завода, и въ одномъ мѣстѣ найдены человѣческія кости. Этотъ случай подтверждаетъ преданіе. Все это пойдетъ къ моему очерку о питомцахъ, но воспоминанія былаго наводятъ грусть, и воспоминанія эти невольно ложатся подъ перо. Грустишь конечно, не о Кувыканахъ, а о томъ, что люди, изъ благодатной мѣстности, ухитрились сдѣлать голую, безводную степь, гдѣтомъ выжигаемую солнцемъ, а зимою дающую полную волю ураганамъ.

Лоде сдѣлалъ подряды на всѣ постройки. Высланъ былъ инженеръ итальянецъ, фамиліи котораго я теперь припомнить не могу. Главными подрядчиками были Китаевъ, Шеннъ, Давыдовъ и Мельниковъ. Инженеръ былъ взычоникъ и страшная каналья. На каменныхъ постройкахъ онъ бралъ вятки даже съ возчиковъ кирпича. Съ кирпичнаго завода кирпичъ отпускался непременно цѣлый, и если дорогою, или при складкѣ, возчикъ разобьетъ хоть одинъ кирпичъ, то инженеръ бралъ штрафъ, по 1 р. 50 к. асс. На работы онъ выходилъ дня черезъ 3—4 и даже рѣже. А работа была спѣшная, рабочихъ было множество, и въ день укладывали большія стѣны. Приходить инженеръ, находить невѣрность кладки и велитъ разламывать. На кладкѣ одного только восьмерика церкви раззорились три подрядчика, раззорились и всѣ остальные, а ихъ перебивало немало.

Однажды инженеръ увидѣлъ, что въ кирпичъ, въ глину, попало немного земли. Бѣжить, какъ бѣшеный, къ Лоде. Тотъ: «кучеръ, кучеръ! Лошадей, скорѣй! Бери больше съ собой розогъ!». (Кучеръ этотъ, Степанъ Плотниковъ, и теперь здравствуетъ). Подрядчикомъ по кирпичному дѣлу былъ купецъ Рѣшетовъ. Прискакали. Лоде выскочилъ изъ коляски и закричалъ:

«Какъ ты.... смѣлъ!.. Я запорю тебя!»

— Вы не смѣете, я купецъ.

«Не смѣете? Купецъ? А знаешь ли ты, кто я!? Я посланъ отъ самого царя!... Розогъ!»

Рѣшетовъ испугался и улепетивать, было, въ стѣнь, но его догнали и задали страшную порку. Послѣ этого онъ бросилъ работу. Подрядчикъ на поставку желѣза, купецъ Мельниковъ, впоследствии, подарилъ въ церковь икону Воскресенія Христова, набранную, преимущественно, изъ горнаго хрустала, очень хорошей работы. Икона эта и теперь въ церкви.

При Лоде построены домъ для управляющаго и большой четырехэтажный домъ для помѣщенія служащихъ, какъ-то: доктора, бухгалтера, письмоводителей, двоихъ фельдшеровъ, ветеринара, эконома, коновала, акушерки, а также аптеки, больницы, на 30 кроватей, и мелкихъ служащихъ. Тутъ же была устроена домовая церковь. На томъ мѣстѣ, гдѣ предполагено было построить церковь, какъ я сказалъ уже, было небольшое болото. Лоде спустилъ воду, засыпалъ мусоромъ и заложилъ церковь. Лоде жилъ въ колоніи всего три года, и церковь отстроена уже при Кнорре. Въ тотъ же годъ, какъ окончена была работа по церкви, она была отштукатурена и внутри вся окрашена малиновою краскою. Тотчасъ по окраскѣ, приглашенъ былъ преосвященный Іаковъ для освященія. На освященіе народу набралось множество. Непросохшая еще церковь, во время освященія, такъ вспотѣла, что вся краска сползла со стѣнъ кусками въ нѣсколько пудовъ. Кромѣ того, глина для кирпича бралась съ солонцеватой мѣстности. Отъ этихъ двухъ причинъ штукатурка не держится на ней и до сего времени. Дало почувствовать себя и болото. Церковь дала трещины по всѣмъ угламъ, крыльца осѣлись, а двѣ желѣзныя двери совсѣмъ не отворяются. Холодъ и сырость всегда невнимосимые. Рѣдкій проходитъ великій постъ, чтобы изъ говѣвшихъ кто-нибудь не простудился и не померъ. Топить—нѣтъ средствъ. Вообще же церковь: большая, свѣтлая и красивая дотога, что она сдѣлала бы честь даже столицѣ. Для поддержанія ея питомцы освобождены высочайше отъ всѣхъ обыкновенныхъ взносовъ навсегда. Постройка церкви стоитъ 32,404 р. 70³/₄ к.

По обѣ стороны большаго дома построено по одному дому въ два этажа, тоже каменные. Въ одномъ, вверху, жили бригадмейстеръ и учитель школы; низъ отапливался, и тамъ помѣщались пожарные инструменты; въ другомъ—помѣщеніе для школы и мастерскія. На восточной и западной сторонахъ—деревянные дома для причта. На случаи пожаровъ, крестьяне, впоследствии, постоянно держали поочереды наготовѣ 4 лошади. Построены были 4 бани, двѣ мужскія и двѣ женскія; построена кузница, складочный и запасный магазины, водяная мельница и слесарня. Впоследствии, когда построено было нѣсколько селеній, то на большомъ домѣ устроена была высокая казанча, гдѣ

постоянно находился сторожъ и наблюдалъ за всѣми селеніями. Въ случаѣ пожара, сторожъ давалъ знать, и пожарная команда скакала туда. Ниже каланчи стоялъ большой гербъ, съ изображеніемъ пеликана, питающаго дѣтей, съ подписью внизу: «и вы живи будете». Позади дома управляющаго посажено чернолѣсье и заведенъ фруктовый садъ, съ теплицею и парниками. Дома крестьянъ построены въ одну улицу. Между каждыми двумя домами широкій проулокъ; два дома составляютъ кварталъ; два дома имѣютъ въ срединѣ, по улицѣ, такой же величины амбаръ, раздѣленный внутри на двѣ половины, для обоихъ домовъ. На каждые 10 домовъ—кокодезь. Всѣ вообще постройки колонн произведены необыкновенно добросовѣстно. Нельзя увидѣть нигдѣ, не только у зажиточнаго крестьянина, но даже и у помѣщика старыхъ временъ и купца, такой прочной постройки, какъ постройки питомцевъ. Тамъ, гдѣ нужно было положить вершковую доску, положена полубрусина. Желѣзные крючья, петли, болты и пр. все это такой толщины, что—еслибъ были тоньше, даже больше половины того, и то было бы совершенно достаточнымъ. Нельзя требовать лучшихъ построекъ: по прочности, онѣ, въ полномъ смыслѣ слова, образцовыя. Улицы широкія; по обѣимъ сторонамъ, вдоль улицы, вымощены кирпичемъ бульвары; по обѣимъ сторонамъ бульваровъ посажены березы и липы.

Къ прїѣзду питомцевъ щепу и мусоръ подобрали, улицу вымели, все очистили; крупную щепу сложили кучами во дворы, для топленва; наемными рабочими, нѣмецкими колонистами, посеяны пшеница, рожь, овесъ и просо. Наняты: кузнецы, слесаря, бондари, колесники, портные, сапожники и плотники. Учреждена вспомогательная касса, при которой, кромѣ денегъ, имѣлись: масло, соль, мыло, сальные свѣчи, деготь, колеса, топоры, косы, серпы и проч. вещи, необходимыя въ хозяйскомъ быту.

Лоде построилъ село Николаевское и 12 дворовъ села Александровскаго.

III.

Когда все было готово для водворенія, смоленскимъ питомцамъ велѣно было продавать все свое имущество, кромѣ домовъ и лошадей. Весною 1830 года они тронулись на новое жительство. Но это не было обыкновенное переселеніе крестьянъ—нѣтъ, ихъ провожали: докторъ, брандмейстеръ (мѣстный полицеймейстеръ), писмоводитель, экономъ и мѣстная власть полиціи. Это было торжественное шествіе. Впереди обоза сновали сотскіе и десятскіе, за ними ѣхали чиновники, саади—питомцы. Всякому встрѣчному сотскіе махали и кричали: прочь, ворочай въ сторону, питомцы ѣдутъ! А питомцы сидятъ и важничаютъ. Гареновское переселеніе состояло изъ 62-хъ семействъ, при нихъ были «товарищи» и «малолѣтки». Въ хорошую погоду они останавливались за селомъ или городомъ, въ дурную имъ очищали квартиры. Въ дорогѣ имъ выдавались кормовыя деньги, по 60 к. на человѣка, считая тутъ и дѣтей. 13-го іюня 1830 года питомцы пріѣхали. На границѣ ихъ новой земли ихъ встрѣтилъ Лоде со всѣмъ новымъ штатомъ служащихъ, бухгалтеромъ, писмоводителями, экономомъ. Всѣ выѣхали за 3 версты къ такъ-называемому нынѣ Кочкарю. Встрѣтили ихъ честь-честью, хлѣбомъ-солью. Лоде и всѣ чиновники со всѣми переѣловались и поздравили съ благополучнымъ пріѣздомъ. Дома означены были номерами, и номеръ былъ прибитъ къ воротамъ. Тутъ же брошены были жеребья, и Лоде каждому хозяина ввелъ въ домъ и поздравилъ съ новосельемъ. Всѣ печи были вытоплены, и въ каждомъ домѣ былъ приготовленъ обѣдъ. Самый домъ былъ полонъ всѣмъ. Для хозяина привезено было и уложено въ домѣ: топоры, пилы, аксы, косы, серпы, долота, буравчики, пѣшни, ломы, клѣщи, молотки и пр. и пр.; на дворѣ: телѣги будничныя, рабочія, телѣжки праздничныя, будничная и праздничная упряжь, плуги, веревки и пр. и пр. Для хозяйки: кадки, боченки, бочки, корыта, сита, рѣшета, чугуны, горшки, ухваты, сковороды, сквородники, 100 иголь, мотокъ нитокъ, кусокъ мыла, гребень и зеркальце. Словомъ—имъ, самымъ дѣломъ, говорилось: уберись, умойся, причепись и посмотриись! Нельзя встрѣтить въ самомъ богатомъ крестьянскомъ домѣ и половины того, что дано было питомцамъ. Имъ даны также 4 коровы, 10 овецъ съ бараномъ и 10 куръ съ пѣтухомъ.

На другой день по пріѣздѣ, имъ выдана мѣсячная пропорція: по 2 п. ржаной муки, по 10-ти ф. крупъ и по 3 р. денегъ на человѣка. Кромѣ того, выдавалось, въ теченіе всего года, ежедневно:

по 2 ф. мяса и по 1 ф. масла, въ скоромные дни—коровьяго, а въ постные—коноплянаго, на каждое лицо, въ томъ числѣ и на дѣтей, даже грудныхъ.

Всего вдоволь, работы никакой, а давали даже деньги. И питомцы, отъ полученія до новаго полученія, только пили. Хотя въ положеніи о питомцахъ сказано было: «питейные дома задрещаются въ поселеніяхъ питомцевъ на вѣчныя времена», но д. Бувычки всего въ 3-хъ верстахъ—это первое, а во-вторыхъ, никто не могъ запрѣтить пить, да никто и не запрещалъ пить привезенное оттуда, или ѣхать пить туда,—и питомцы пили безобразно.

Первая полевая работа, которую питомцамъ пришлось пронаводить, былъ покосъ ковыля. Но Саратовскихъ ковылей, въ полтора аршина вышины и крѣпче тростника, они не только не кашивали, но и не видывали. Одна артель, въ 16 человекъ, двѣ ведра маялась надъ нимъ, и накосида всего возовъ 7. Въ первое же лѣто пріѣхалъ князь Гагаринъ, для освидѣтельствованія поселенія. Питомцы явились къ нему съ жалобами на ковыль. Гагаринъ посмѣялся, и велѣлъ косить военные луга. И теперь, по этому случаю, смѣются надъ первыми поселенцами: «вы всѣмъ недовольны, на васъ никто не угодить! Вы на ковыль подавали Гагарину просьбу». Для того, чтобы приучить питомцевъ пахать новыя земли плугами, наняты были нѣмецкіе колонисты въ руководители, на каждые 10 дворовъ по нѣмцу. Сами руководители состояли подъ управленіемъ одного, называвшагося головой. Питомцамъ выданы были конные тройные плуги. Гагаринъ, чтобы заохотить питомцевъ къ хозяйству, говорилъ: «вотъ вамъ мать ваша, государыня Марія Ѳеодоровна, сколько купила земли-то! Куда ни взгляни, вездѣ ваша земля, глазомъ не окинешь! Все ваше, работайте и благодарите ее». Такъ какъ постройка колоній была спѣшная, то многія деревья по бульвару засохли, въ первое же лѣто. Лоде, чтобы показать Гагарину товаръ лицомъ, передъ пріѣздомъ его послалъ гонцовъ впередъ на нѣсколько станцій, чтобы тѣ скакали и извѣстили о часѣ пріѣзда Гагарина. Какъ-только гонцы прискакали и извѣстили, что князь пріѣдетъ завтра, Лоде сію минуту послалъ въ лѣсъ нарубить березокъ; натыкали ихъ вдоль бульвара, какъ это дѣлается на Троицу,—и зазеленѣло все село! Гагаринъ всѣмъ остался доволенъ, пробылъ всего два дня, и березокъ на его пріѣздъ стало. На другой день по его отъѣздѣ, ихъ, разумѣется, повывергали.

Я говорилъ, что нѣмецкіе колонисты, передъ пріѣздомъ питомцевъ изъ Смоленской губерніи, посѣяли имъ хлѣбъ. Хлѣбъ этотъ питомцы должны были убрать сами. Изъ сжатаго хлѣба имъ дозволили

взять по 4,000 сноповъ ржи, пшеницы и овса и по 1,000 сноповъ проса. Остальное они убрали въ казенный магазинъ на продовольствіе служащимъ, и на тотъ случай, еслибы кому пожелалось посѣять больше.

На слѣдующій годъ питомцы села Николаевского посѣяли хлѣбъ для себя, сколько хотѣли, по 12-ти саж. отъ двора на казну и по 4 дес. для нѣмѣвшихся поселиться вновь въ с. Александровскомъ питомцевъ, т. е. они приготовили своимъ будущимъ товарищамъ хлѣбъ, какъ приготовили имъ самимъ нѣмцы. Новые переселенцы, въ свою очередь, готовили посѣвы своимъ слѣдующимъ поселенцамъ. Учителя-нѣмцы переходили отъ однихъ учениковъ къ другимъ. Поучивши пахать всѣхъ вновь прибывавшихъ питомцевъ по году, нѣмцы отправились домой.

На другой годъ питомцамъ с. Николаевского выдали по 15 деревъ яблонь и по нѣскольку ягодныхъ кустовъ, для посадки между кварталами. Садовъ этихъ, однакожь, никто не поддержалъ, хотя мѣста эти и до сихъ поръ зовутся садками.

На другой же годъ пріѣхалъ опекунъ Арсентьевъ. Онъ и потомъ ѣздилъ почти каждый годъ. И кн. Гагаринъ, и Арсентьевъ, и др. опекуны, всё выходили къ питомцамъ въ полной формѣ—въ мундирахъ со звѣздами. Арсентьевъ имѣлъ обыкновеніе ходить между рядами крестьянъ и спрашивать: всѣмъ ли они довольны, не обижаютъ ли ихъ управляющій, не имѣютъ ли въ чемъ нужды? «Помните,—говаривалъ онъ имъ,—что матушка Марія Θεодоровна не оставитъ васъ и все дастъ вамъ, что вамъ нужно. Вотъ она сколько земли-то дала вамъ, и все это ваше,—ваше собственное». Всѣ—и свое, и пріѣзжее начальство—толковали имъ, что вся земля подарена имъ навѣчно. Нужно, значитъ, только было приложить стараніе. Но земля эта была не смоленская. Нужно было поднимать ее воловыми малороссійскими плугами, а ихъ не только не было у нихъ,—они даже и не видывали, какъ пахать на волахъ, и что это за плуги. Поэтому управляющіе отдавали крестьянамъ ближайшей деревни Кувьки пахать степи и пользоваться за это первымъ посѣвомъ; оборотъ пахали уже питомцы. Даже сами питомцы выбирали землю, гдѣ и сколько хотѣли, отдавали пахать кувькскимъ крестьянамъ, а сами брали часто уже третій хлѣбъ. Иногда, не спрашивая управляющаго, отдавали года на три исполу. Управляющіе же имѣли въ виду только заохотить къ посѣву, какъ бы ни производился этотъ посѣвъ. Кувькскіе старожилы—народъ продувной. Они не довольствовались и этимъ, и простота-питомцы приплачивали еще имъ деньгами.

При Лодѣ построено селеніе Николаевское и 12 дворовъ с. Але-

ксандровскаго; потомъ, при Кюорре, еще 38 двор. въ с. Александровскомъ и с. Маринское; далѣе построены сс. Константиновское и Михайловское. Во всѣхъ по 50 домовъ. Всѣ деревни назывались селеніями, а всѣ послѣднія вмѣстѣ—Маринскою колонією. Всѣ селенія носятъ имена царствовавшихъ лицъ. Отъ главнаго селенія, Николаевскаго, проложены были дороги, построены хорошіе мосты, уровнено полотно дороги и поставлены поперстыне пестрые столбы. Въ каждомъ селеніи построены двухъэтажные деревянныя, обложенныя камнемъ дома, въ которыхъ вверху помѣщались сельскій учитель и школа, а внизу брандмейстеръ и пожарныя снаряды. Помѣщенія, гдѣ находились бочки съ водою, трубы, веревки и пр., зимою отапливались. Были построены вездѣ, какъ и въ Николаевскомъ, по двѣ общественныя бани.

Въ каждомъ домѣ были: хозяинъ и хозяйка, товарищъ и товарка—мужъ и жена—и мальчикъ съ дѣвочкою—малолѣтки. Хозяинъ былъ хозяиномъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; прочіе были его работниками, или, вѣрнѣе, его крѣпостными рабами. Земля новая, земли вдоволь, четыре даровыхъ работника, домъ погонъ всего, чего недостаетъ—дадутъ, податей никакихъ, всѣ полевныя и домашнія работы отправляли товарищи и малолѣтки. Что оставалось дѣлать хозяевамъ? Пить... И они пили, пили и пили... Вѣчно праздные и вѣчно пьяные съ высокими о себѣ мнѣніемъ, хозяева обращались съ товарищами и малолѣтками заносчиво и бессмысленно-безчеловѣчно. Хозяинъ обыкновенно приказывалъ: «ты, товарищъ, ступай, паши тамъ-то и спаси вотъ сколько... а ты, товарка, иди туда-то! Вы, пострѣлята-малолѣтки, ступайте туда-то!...». Самому же ему не доставало терпѣнія и взглянуть-то не только на то, какъ работаютъ, но и на то, гдѣ работаютъ,—гдѣ сѣется его пшеница, и пр. Хозяинъ приказывалъ, значить, тѣ должны дѣлать. Прикажетъ, а самъ идетъ къ брату (питомцы звали другъ друга братьями) пьянствовать. Наконецъ хлѣбъ обмолоченъ и ссыпанъ въ амбаръ. На ихъ тогдашнее счастье, а вѣрнѣе—горе, на новыхъ земляхъ хлѣбъ родился великолѣпный. Лошади у питомцевъ, вообще, были отличныя; но, кромѣ рабочихъ, у каждаго непременно было по рысаку. Хозяинъ приказывалъ: «къ завтраму насыпать пять возовъ пшеницы; я ѣду въ городъ». До свѣта товарищи (мужъ и жена) и малолѣтки приготовятъ телѣги, насыпятъ хлѣба, приготовятъ все нужное къ отъѣзду и запрягутъ ему лошадь въ хорошенькую телѣжку. Товарищъ подблудцы подводитъ къ крыльцу лошадь, а малолѣтокъ идетъ докладывать: «хозяинъ! все готово!». Хозяинъ съ хозяйкой выходятъ на крыльцо, видятъ, что все готово, садятся въ телѣжку; малолѣтокъ открываетъ ворота, и хозяинъ во всю мочь пускаетъ своего рысака. За нимъ потянется его обозъ. Въ Са-

ратовъ хозяинъ развернулся во всю русскую ширь: пропилъ весь хлѣбъ, недостало—пошла туда же и лошадь. Пропивши все, прѣѣзжаетъ домой полуживой, оборванный, растрепанный, въ грязи... Староста докладываетъ управляющему, что Ворона-де пропилъ и хлѣбъ, и лошадь. «Ахъ, оны!... Взять его въ трубную подь арестъ, на три дня, на хлѣбъ да на воду!» (трубная—это теплая и чистая большая комната, гдѣ стояли пожарныя трубы). Просидитъ Ворона три дня, и пойдетъ опохмѣляться; а управляющій разсуждаетъ; «какъ же теперь Ворона будетъ съ четырьмя лошадьми? Вѣдь этакъ и хозяйство разстроится. Купить ему лошадь на казенный счетъ!». И Ворона зажилъ по-прежнему. Вадумается хозяину куда-нибудь поѣхать,—къ обѣднѣ, или въ другую деревню къ брату,—обычнымъ порядкомъ ему подводить къ крыльцу лошадь. Одинъ изъ работниковъ докладываетъ, что лошадь готова, другой открываетъ ворота. Какое бы ни было время года и какая бы ни была погода: вьюга, метель, дождь, или жара,—малолѣтокъ долженъ былъ стоять у воротъ и дожидаться возвращенія хозяина. Хозяину, можетъ-быть, вадумается воротиться съ дороги, а можетъ-быть, вмѣсто церкви, по дорогѣ, завернуть въ кабакъ и пропьянствовать тамъ до ночи, а можетъ-быть, придется захватить и ночки:—малолѣтокъ хоть замерзни, хоть тресни отъ жары, а у воротъ стой, чтобы было кому встрѣтить хозяина. Дѣло немислимое, невозможное, чтобы хозяина никто не встрѣтилъ, чтобы никто не помогъ сойти ему съ тележки и не принялъ тотчасъ лошади! Пьяный хозяинъ развалится на кровати и оретъ: «малолѣтки! что ноги говорить?». Тѣ съ подобострастіемъ подходятъ и цѣлуютъ ноги. «А ты, товарищъ, что рука говорить?». Тотъ съ женой подходятъ и цѣлуютъ руки. Все это похоже на сказку; но я пишу историческій очеркъ, не выдумывая ни полуслова. Впоследствии, когда товарищи и малолѣтки были отобраны отъ хозяевъ, я много разъ бывалъ свидѣтелемъ упрековъ хозяевамъ отъ бывшихъ товарищей. Бывало и такъ: смѣняется лошадьми—магарычъ; смѣняется коровами—магарычъ; смѣняется пѣтухами—четверть ведра водки магарыча. Больше мѣняются нечѣмъ. Давай, говорить одинъ, мѣняться товарищами! Начнется оцѣнка, чей и почему лучше или хуже, и улаживается придача; условились и идутъ къ управляющему за дозволеніемъ смѣняться товарищами. Ни одинъ управляющій не обращалъ вниманія на эту мѣну, и, обыкновенно, мѣна утверждалась. Тутъ пойдетъ цѣпкой уже на недѣлю, а пожалуй, и больше. Товарищей и малолѣтковъ хозяева считали, просто, своими крѣпостными. Такое понятіе укоренилось въ нихъ, по всей вѣроятности, потому, что управляющіе, по первой жалобѣ хозяина, пороли товарищей, по выраженію питомцевъ, «сколько влѣ-

веть». На самомъ же дѣлѣ, по смыслу положенія о питомцахъ, всѣ питомцы были равны между собою. Старшіе по лѣтамъ, а потому болѣе опытные въ хозяйствѣ, считались хозяевами; младшіе по лѣтамъ и не занимавшіеся хозяйствомъ самостоятельно—давались имъ подъ ихъ руководство; дѣти, отъ 7 лѣтъ, вмѣсто того, чтобы подмосковные воспитатели посылали ихъ на фабрики, посылались сюда, для приученія къ хозяйству, и они впоследствии должны были сдѣлаться тоже хозяевами. «Товарищи» безпрекословно, рабски исполняли всѣ бессмысленныя требованія хозяевъ для того, чтобы заслужить хорошій о себѣ отзывъ и скорѣе, поэтому, самимъ угодить на хозяйство. Сдѣлавшись «хозяевами», товарищи ничуть не дѣлались лучше своихъ бывшихъ хозяевъ, по отношенію къ товарищамъ и малолѣткамъ, а пожалуй, даже жесточе ихъ мудровали надъ малолѣтками. Бывало, иной колотить и приговариваетъ: «а, ты плакать! Нѣтъ, насъ Н. билъ, да и плакать не велѣлъ!». Нельзя было встрѣтить нигдѣ несчастіе этихъ несчастныхъ сиротъ. Полувагіе, голодные и избитые они несли самыя непосильныя, тяжелыя работы. О нравственности ихъ совсѣмъ никто не думалъ. Нельзя не отнести, только, съ должною похвалою къ бывшему тогда священнику И. А. Росницкому, который много потрудился для поддержанія ихъ нравственности, дѣлалъ все, чтò только могъ. Управляющіе не обращали ни на что вниманія, а сельскіе учителя, непремѣнно тоже изъ питомцевъ и всѣ холостые, были распространителями разврата, и разврата самаго гнуснаго. Въ школы, обыкновенно, ходили до обѣда мальчишки, послѣ обѣда дѣвочки. Но чтò тамъ дѣлалось въ эти времена дня,—дай Богъ, чтобы преданія объ этомъ не перешли въ грядущія поколѣнія...

Несмотря на это безпаважное житье, питомцы всегда были, и остались до сихъ поръ, чрезвычайно простыми и добрыми народомъ. Не имѣя кровнаго родства, они всегда цѣплялись за всякое родство духовное. Выкормленные, на примѣръ, одною мамкою, они считались и до сихъ поръ считаются родными братьями. Былъ докторъ И. Я. Яковлевъ, о которомъ я говорилъ уже, и въ с. Николаевскомъ крестьянинъ, по фамиліи Фуфай. Ихъ кормила одна кормилица, и они считались родными братьями. Такіе братья зовутся «молочными братьями». Яковлевъ имѣлъ нѣсколько орденовъ. Въ праздникъ, бывало, братья подопьютъ, обоймутся, да, въ артели съ другими мужиками, ходятъ по улицѣ и дерутъ пѣсни. Спросишь, бывало: «да какъ же вы братья то?»—«Какъ же! Насъ кормила одна мамка, мы молочные братья». Нынѣ даже, когда у многихъ переженаты давно внучата, кумовья—первая родня. Однажды, говоря съ ними о пьян-

ствѣ, я указалъ, до какого безобразія доходятъ пьяные. Разчувствовались мужики и отвѣчаютъ: «что и говорить! Пьяный—чего не сдѣлаешь, пьяный—кума роднаго выругаешь!». Значить, большаго грѣха и выдумать нельзя,—изъ грѣховъ грѣхъ. Иногда слышишь: «къ празднику надо въ городъ съѣздить, вѣдь родня съѣдется».—Да кто же у тебя родня то? «А какъ же! Кумовья съ своей родней». Родня эта сдѣлается такъ: положимъ, что гостей ждетъ Петръ. У Петра крестилъ Иванъ. Это родной кумъ. Жена Иванова тоже, конечно, родня. Иванъ крестилъ у Тихона... Ну и ѣдутъ всѣ съ семьями къ Петру. Если у Ивана и Тихона есть женатые сыновья, то тащатъ къ Петру и сватьевъ. И такимъ образомъ тащется человекъ 20 и больше. Все это грустный отголосокъ сиротства, одиночества.

Податей питомцы не платили никакихъ. Ихъ заставляли только, и то по-немногу, убирать мусоръ отъ новыхъ построекъ, возить дрова для отопленія квартиръ чиновниковъ и засѣвать общ. запашки по 12-ти саж. отъ двора. Чистить и ровнять даже ихъ собственныя улицы высылались крестьяне постороннихъ селеній, иногда версть изъ-за 20-ти. Забавно, бывало, смотрѣть: издалека пріѣхавшій мужикъ ровняетъ дорогу, мететъ улицу, а питомецъ стоитъ у своихъ воротъ и приказываетъ: «вонъ тамъ еще сровняй, принеси, вотъ у воротъ засыпь!». Дровъ возилось по 5-ти сажень со двора въ казну, а себѣ—сколько хотѣли.

Въ 1835 г. питомцамъ нарѣзали земли по 30-ти дес. и отдали въ ихъ пользованіе поемныя луга—до 1,500 дес. Съ этого года съ нихъ стали брать подати по 60 р. асс. (17 р. 72 к. с.). Въ этотъ счетъ, 60 р., имъ велѣно было доставлять для казенныхъ лошадей по 60 пуд. сѣна, полагая по 30 к. асс. за пудъ, такъ что они платили по 30 р. асс. (8 р. 57 к.) деньгами и по 60 п. сѣна: Года черезъ два сѣна стали брать по стогу, и выбирался лучшій стогъ. Сѣно отвозилось на казенное гумно. Я забылъ сказать, что, кромѣ рабочихъ и разъѣздныхъ лошадей, имѣлось шесть случныхъ жеребцовъ, на казенной конюшнѣ.

По милости государыни и начальствовавшихъ, питомцы и составили о себѣ такое мнѣніе: «мы царскія дѣти, земля вся наша. Если землю и отдаютъ теперь въ аренду, то это только потому, что мы не управимся съ ней, но что арендныя деньги будутъ беречься для насъ же». Такое мнѣніе явилось, вѣроятно, потому, что капиталъ отъ сдачи земель названъ запаснымъ капиталомъ Маринскаго общества. Питомцы отовсюду видѣли однѣ только самыя изысканныя милости и вниманіе. Государыня, въ рескриптахъ своихъ, называла ихъ не иначе, какъ дѣтушками, а потому и начальство смотрѣло на

нихъ, какъ на что-то необыкновенное, особенное, не какъ на прочихъ смертныхъ, и баловало ихъ, хотя, порою, и безъ всякой вины жестоко пороло ихъ. Но отпороть, въ то время, было дѣломъ совсѣмъ обыкновеннымъ. Мнѣ привелось читать одинъ рескриптъ государыни Маріи Феодоровны такого рода: «если кто изъ питомцевъ, или служащихъ въ вѣдомствѣ Воспитательнаго Дома, найденъ будетъ въ городѣ пьянымъ, въ безобразномъ видѣ, или валяющимся на улицѣ, то полиція не имѣетъ права такового брать въ часть, а должна отвести его на питомское подворье, дабы заведеніе моихъ дѣтушекъ отличить отъ всѣхъ другихъ заведеній». Ну, и случилось однажды, при управляющемъ Михаилѣ Николаевичѣ полковникѣ Хрущевѣ, такъ: питомецъ, крестьянинъ села Николаевского, Яковъ Гавриловъ напился пьянымъ до того, что валялся на улицѣ. Полиція подобрала его и засадила въ 3-ю часть. Питомцы, бывшіе въ Саратовѣ, пришли въ неистовство. Скачутъ къ Хрущеву и, по дорогѣ, кричатъ: «питомца въ часть взяли, питомца въ часть взяли!». Все питомство разсвирѣпѣло, и все, и всѣ поднялись, какъ будто самъ Мамай пришелъ войной и хочетъ передушить ихъ всѣхъ. По улицѣ бѣготня, крикъ, неистовство, чуть не до истерики: «питомца въ часть взяли, Якова Г—ва въ часть взяли!...». Ну, пожаръ, да и только! Хрущевъ, къ несчастію, былъ страшно вспыльчивъ. Скачетъ въ Саратовъ, вбѣгаетъ въ часть и—дежурнаго квартальнаго надзирателя бацъ кулакомъ въ рыло!... «Какъ ты... смѣлъ взять въ часть?! Знаешь, кого ты держишь въ части!... Я тебя въ Сибирь сошлю!...» И ничего, какъ будто такъ и быть подобало.

Питомцы страшно пьянствовали, но и начальство ихъ жило, какъ говорится, на широкую ногу. Гости изъ Саратова и кутежъ чуть не каждый день—круглый годъ. Особенно любилъ кутнуть, и кутнуть по-руски, на-распашку, Григорій Терентьевичъ Быстряковъ. Селеніе Николаевское стоитъ на большой дорогѣ; отъ него, ближе къ Саратову, въ трехъ верстахъ—д. Кувыка. Тамъ стоялъ кабакъ при дорогѣ на площади. Быстрякову однажды пришла въ голову блажь развернуться и кутнуть во всю ширь. Онъ велѣлъ заложить 16 троекъ, посѣли всѣ—и свои, и гости, и отправились въ Кувыку. На площади, около кабака, поставили тройки кругомъ, разостлали коври,—и пошла во всю ивановскую!... Но, говорятъ, въ это время, кто-то проѣхалъ изъ петербургскихъ, и Быстрякову былъ потомъ нагоняй. Въ другой разъ Быстряковъ, въ разгудѣ съ своими сослуживцами, вздумалъ отправиться къ мѣстному своему священнику. Ему это тѣмъ болѣе хотѣлось, что священникъ былъ человекъ совсѣмъ

непьющій и самыхъ строгихъ правилъ. У него то, какъ бы наперекоръ природѣ, Быстрякову и хотѣлось потѣшить свою душеньку. Подчиненные усадили своего начальника на столъ, обставили бутылками и стаканами и, на головахъ, понесли черезъ улицу и черезъ площадь въ домъ къ священнику, съ приличнымъ, конечно, торжеству пѣніемъ. Священникъ запрягся, было, но его отыскали и усадили за столъ. Несмотря, однакожь, на такія дурачества, Быстряковъ былъ однимъ изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ управляющихъ. Отрезвиться—ему нужно было двѣ минуты. Сядеть, бывало, за столъ, облокотится, положить на руки голову и, чрезъ двѣ минуты, какъ ни въ чемъ не бывало. Однажды, во время кутежа, ему докладываютъ, что пріѣхалъ опекунъ. Быстряковъ пошелъ въ кабинетъ, посидѣлъ утерся мокрымъ полотенцемъ, надѣлъ мундиръ и—встрѣтилъ какъ слѣдуетъ. Послѣ сильнаго кутежа и двухминутнаго отдыха, онъ въ состояніи былъ писать, и писать, по-обыкновенію, и много, и дѣльно. Однажды при немъ пріѣзжаетъ опекунъ Арсентьевъ. Я уже говорилъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе ходить по рядамъ мужиковъ и спрашивать, каковы управляющіе и довольны ли они имъ. Предъ тѣмъ, какъ Арсентьеву выходить къ мужикамъ, Быстряковъ и говоритъ ему: «ваше превосходительство имѣете обыкновеніе спрашивать мужиковъ, каковы управляющіе и довольны ли они ими. Если это вашему превосходительству угодно будетъ спрашивать и теперь обо мнѣ, то потрудитесь прежде принять отъ меня вотъ это прошеніе объ отставкѣ. Я не могу допустить, чтобы мой начальникъ унижалъ меня предъ моими подчиненными и, вдобавокъ, мужиками». Арсентьевъ наговорилъ ему кучу любезностей, прошенія не принялъ, но зато ни тутъ, ни въ слѣдующіе свои пріѣзды болѣе не спрашивалъ мужиковъ объ управляющемъ. Внѣчаться питомцы должны были спрашивать дозволенія у управляющихъ. Приходить, иногда, вдовій питомецъ къ Быстрякову за дозволеніемъ. Быстряковъ и кричитъ женѣ: «Даша, Даша!» Та входитъ, думая, что ее зовутъ за дѣломъ. Быстряковъ обращается къ питомцу: «дуракъ! Казнись, глядя на меня. Вотъ я съ ней 20 лѣтъ маюсъ, тебѣ же Господь послалъ милость,—умерла жена, а ты самъ лѣзешь въ омутъ». Жена засмѣется, плюнетъ и уйдетъ. Докторъ И. Я. Яковлевъ имѣлъ экономку, которая, живши у него, родила тронхъ дѣтей. Самъ онъ былъ холостой. Быстряковъ, рассорившись съ Яковлевымъ, велѣлъ сослать ее. Послѣ многихъ ссоръ экономка ушла. Яковлевъ впалъ въ отчаяніе и, потомъ, безумство. Жилъ онъ въ большемъ, нигдѣшнемъ училищномъ, домѣ. Въ безпамятствѣ выбѣжить ночью и кри-

читать: «Матреша, Матреша!» И побѣжить въ поле. За нимъ стали наблюдать и не спускали съ него глазъ. Однажды онъ вырвался и бросился въ колодезь, но его успѣли удержать. Дня три спустя онъ схватилъ бритву и перерѣзалъ себѣ горло. Бывшій при немъ лакей его бросился и не далъ дорѣзаться. Рану зашили; Яковлевъ выздоровѣлъ, успокоился самъ и усиливъ бдительность другихъ. Но однажды, мѣсяца черезъ три, входитъ къ нему лакей и находитъ его перевѣсившимся черезъ диванъ, мертвымъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Говорили, что послѣ него много осталось денегъ, и ими воспользовался прежде другихъ прибѣжавшій Z.

IV.

Судорожная торопливость, нетактичность и непрактичность Опекунскаго Совѣта высказывались и тогда еще, при началѣ поселенія, а впоследствии—и во всемъ, на каждомъ шагу его дѣйствій. Въ 1764 г., 21-го апрѣля, въ первый же день по открытіи Воспитательнаго Дома, было принесено 19 младенцевъ. Въ теченіе 100 лѣтъ, въ обоихъ Воспитательныхъ Домахъ—петербургскомъ и московскомъ—ихъ принесена, вѣроятно, не одна сотня тысячъ (если въ петербургскомъ принимается нынѣ—при другихъ совѣтахъ порядкахъ—до 700 ч.); облагодѣтельствована же такъ, какъ облагодѣтельствованы питомцы Марининской колоніи, только самая микроскопическая частица, сперва 62, а потомъ еще 198, всего 260 семействъ. Опекунскій Совѣтъ какъ бы не зналъ объ ихъ предшественникахъ и объ ихъ послѣдующемъ наплывѣ. Облагодѣтельствована крошечная частица—и облагодѣтельствована до невѣроятныхъ размѣровъ. Изъ питомцевъ сдѣлали такихъ счастливыхъ крестьянъ, какихъ не было и не будетъ въ Россіи. Но въ этомъ благодѣяніи положены были сѣмена самой горькой, самой несчастной ихъ участи,—такой опять, какой не было и не будетъ въ Россіи, исключая, конечно, бывшаго крѣпостничества. Въ положеніи о питомцахъ сказано: «льгота дается питомцамъ на 12 лѣтъ, считая со времени ихъ водворенія; въ сіе время они изъяты будутъ отъ всѣхъ общественныхъ повинностей; по истеченіи же коихъ они должны вступить въ права казенныхъ крестьянъ. Рекрутскую повинность должны нести по истеченіи 40 лѣтъ». Стало быть, питомцы, черезъ 12 лѣтъ, должны были сдѣлаться такими же мужиками, какъ и всѣ русскіе мужики. А стало быть, и кварталный надзира-

тель, получившій плюху отъ Хрущева, черезъ 5—6 лѣтъ послѣ того, могъ того же Якова Гаврилова не только взять въ часть, но и отпороть его тамъ, какъ ему было бы угодно. Къ чему же всё эти милости?! Въ главномъ пунктѣ поселенія, въ с. Николаевскомъ, построены огромный четырехэтажный домъ, съ двумя, по сторонамъ, двухэтажными каменными домами; построены службы, погреба, риги, молотильный сарай, каменный магазинъ; построены домъ управляющему, съ двумя по бокамъ флигелями, каретникомъ, конюшней, погребами; разведенъ садъ; устроено особое управленіе съ большимъ штатомъ служащихъ, не имѣвшее сношенія съ мѣстной властію равно ни въ чемъ и имѣвшее даже свою полицію. И все это на 12 лѣтъ! Въ самыхъ, повидимому, пустыхъ мелочахъ, и тутъ видна непрактичность. Напримѣръ, устроены общественныя бани. Баня,—это, на берегу рѣки, двѣ огромныя избы, подъ одною крышею и съ одними сѣнями. Мужчины, женщины и дѣвушки раздѣваться должны были вмѣстѣ, мыться врозь, а одѣваться опять вмѣстѣ. При казенныхъ дровахъ, при казенномъ банщикѣ и по приказу начальства, топить общественныя бани было возможно; но соглашеніе цѣлаго селенія на приноску дровъ, на носку воды, на топку и пр.—нельзя было. Два дома составляли одинъ «кварталь». Между ними былъ построенъ одинъ большой амбаръ, раздѣленный внутри перегородкою для обоихъ хозяевъ. Пока все было ново, дѣло шло; но какъ обещало, и пошла неурядица: у одного хозяина хлѣба поконтъ амбаръ, а у другаго нѣтъ ничего; тотъ свою сторону покроетъ, а этотъ нѣтъ, и гноить и свое, что есть, и чужое. Пришлось потомъ изъ одного большаго дѣлать два маленькихъ. Но и тутъ хлопотъ было немало: одинъ хочетъ ломать, а другой говоритъ: «погоди, мнѣ теперь не до амбара». Самое хозяйство было таково: хозяинъ развелъ лишній десятокъ овецъ, двѣ-три коровы,—его, на первый разъ, управляющій награждаетъ похвальнымъ листомъ; усугубилъ стараніе, или, проще—наполнилъ лишній разъ старосту и брандмейстера,—его представляютъ Опекунскому Совѣту, и оттуда высылается образъ въ серебряной ризѣ въ 20—30 р. Хозяйка прикажетъ лишній разъ товаркѣ подыти полъ, посыпать у крыльца песочкомъ, разведетъ лишній десятокъ куръ:—Опекунскій Совѣтъ высылаетъ ей крестъ на долгой серебряной цѣпи шириною въ полвершка, который она должна была носить поверхъ раскинутого по плечамъ шелковаго платка, какъ орденъ. Самый крестъ—длинной вершка въ полтора и формою похожъ на тѣ, какіе носятъ и нынѣ малороссіянки. Хозяина и хозяйку поощряли всѣми средствами. Но какъ-скоро хозяинъ умираетъ, то хозяйномъ

дѣлалось другое лицо и, большею частію, тотъ самый «товаринцъ», который, можетъ быть, дня за два—за три до смерти хозяина, цѣловалъ его руки и съ женою валялся въ ногахъ у хозяйки. Въ тотъ же день,—въ день смерти хозяина, товарища утверждали хозяиномъ, и прежняя, нѣсколько часовъ только тому назадъ, бывшая хозяйкою, должна была тотчасъ уходить изъ дома съ дѣтьми своими, хотя бы ихъ была цѣлая куча,—куда знаетъ и кто ее приметъ. Изъ хозяйства она не имѣла права взять ни даже одной горсти хлѣба или чего-нибудь подобнаго. Бывали случаи, что бывший работникъ, а теперь полный хозяинъ, тотчасъ же доказывалъ своей бывшей хозяйкѣ то, что его кулаки говорили:—вытаскивалъ ее въ шею со всѣми дѣтьми ея,—тотчасъ. Анна Ермолаева Бредушкина, по смерти мужа, должна была тотчасъ уйти изъ дому, съ троицею мальчиками и дѣвочкой, и скитаться по чужимъ угламъ. Долго уже спустя, Хрущевъ, встрѣилъ ей, изъ стараго лѣсу, на задахъ маленькую избеночку. Однажды только, въ проѣздъ высокопоставленнаго лица, управляющій Хрущевъ и сопровождавшій эту особу Еламовъ доложили ей о бѣдственномъ состояніи Бредушкиной, и ей велѣно было выдать 115 р. и положить въ банкъ до возраста дѣтей. Черезъ 10 уже лѣтъ дѣти ея случайно получили опять хозяйство. Въ с. Михайловскомъ лѣтъ 7 хозяйничалъ нѣкто Константинъ Даниловъ. Человѣкъ онъ былъ хорошій и хозяйствовалъ хорошо. Но на него однажды пожаловался управляющему Маркусу одинъ крестьянинъ деревни Кувьки, Иванъ Питерскій,—негодяй отпѣтый. Маркусъ ѣдетъ въ Михайловское, застаётъ Б. Данилова на гумнѣ и приказываетъ ему прямо съ гумна идти въ с. Николаевское въ «товарищи» къ Николаю Онисимову. Послѣ пришла его жена. Ему не дозволили взять изъ дому ровно ничего. Какъ должны были смотрѣть «хозяева» на свое хозяйство при такихъ порядкахъ? Они должны были пользоваться настоящей минутой, не заботясь о будущемъ? Такъ они и дѣлали. А поэтому, при всѣхъ огромныхъ ихъ средствахъ, въ хозяйствѣ ихъ прибавилось немного, и это немногое-то далеко не у всѣхъ. А что всего хуже, такъ это то, что они до сихъ поръ легко относятся къ хозяйству, и это перешло въ потомство ихъ.

. Всѣ постройки произведены чрезвычайно прочно. Нужныхъ и ненужныхъ построекъ—пропастъ. Управляющіе имѣли право дѣлать все, что хотѣли. Вадумается, напримѣръ, ему обрыть селеніе канавами, или повонить старня около гуменъ и огородовъ,—онъ производитъ работы и доноситъ Опекунскому Совѣту, что онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать то-то, что и сдѣлалъ, употребивши на это столько-то. Опекун-

ский Совѣтъ обыкновенно утверждалъ расходъ. Опекунскій Совѣтъ потратилъ такимъ образомъ сотни тысячъ; онъ о благодѣтельствовалъ питомцевъ; но это благодѣтельство было такого рода: питомцы, по истеченіи 12-ти лѣтъ, должны были перейти въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, сдѣлаться изъ «царскихъ дѣтшекъ» такими же смиренными мужиками, какъ и всѣ русскіе мужички; должны подчиниться управленію окружныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ, волостныхъ правленій и сельскихъ расправъ, надзору исправниковъ, станovýchъ приставовъ и сотскихъ; управляющій же, со всѣмъ своимъ многочисленнымъ штатомъ, долженъ былъ убраться снова подъ крылышко Опекунскаго Совѣта, оставивши на произволъ судьбы всѣ многочисленныя, огромныя и дорогія постройки, какъ ни къ чему уже болѣе ненужныя. Черезъ 12 лѣтъ питомцы должны были сдѣлаться государственными крестьянами и, наравнѣ съ ними, платить всѣ повинности; но и Опекунскій Совѣтъ не хотѣлъ такъ дешево для питомцевъ раздѣлаться съ ними. Съ государственными общинами повинностями и Опекунскій Совѣтъ накладывалъ на нихъ свою руку, и руку крайне тяжелую: въ проектѣ говорится: «и Воспитательный Домъ долженъ обложить ихъ, съ своей стороны, податью отъ себя». Какъ велика должна быть эта «подать», въ проектѣ этого не сказано, но не сказано, по всей вѣроятности, потому, что Опекунскій Совѣтъ не зналъ и самъ, сколько будетъ израсходовано на нихъ. Но, тѣмъ не менѣе, питомцы должны были уплачивать Опекунскому Совѣту всѣ его расходы. А это на 260 домовъ легло бы не маленькою цифрою. Изъ неплатящихъ ничего,—счастливейшихъ,—изъ нихъ готовили черезъ 12 лѣтъ двойныхъ плательщиковъ. Что же было бы тогда съ ними, когда они теперь, будучи уже государственными крестьянами, безъ платежа Опекунскому Совѣту, платятъ среднимъ числомъ по 60 р. с. съ двора?! Выходило, что они, дѣти, внуки и правнуки ихъ въ дальніе роды обязывались уплачивать за когда-то и для чего-то построенные дома, но теперь брошенные, разваливающіеся и ровно ни къ чему не годные. Послѣдніе управляющіе дѣйствительно и предполагали или сдать всѣ постройки подъ какую-нибудь, хотя бы табачную, фабрику, или, проще, сломать и распродать кирпичъ. Но, къ счастью питомцевъ, министерство взяло ихъ себѣ и устроило сперва учебную ферму, а потомъ маринское земледѣльческое училище. Такимъ образомъ, то, что земледѣльческое училище существуетъ въ с. Николаевскомъ, есть случайность.

Судьбу, ожидавшую питомцевъ, знали всѣ, но только не знали

ея тѣ, кому нужно было знать болѣе другихъ—сами питомцы. Они только жили, ѣли, пили, считали себя не-на-шутку дѣтупками матушки Маріи Θεодоровны и—никого и ничего болѣе знать не хотѣли. Каждый годъ пріѣзжали опекуны, и каждый какъ бы обязанностію своею считалъ толковать имъ: «живите, дѣти; все матушка Марія Θεодоровна дала вамъ, все ваше». А такія внушенія понять было нетрудно, и питомцы поняли. А между тѣмъ, конечно, и князь Гагаринъ, и всѣ остальные опекуны хорошо знали, что въ положеніи о питомцахъ говорилось: «на купленной у гор. Саратова землѣ поселить питомцевъ, надѣлать ихъ по 30-ти десятинъ, а остальную отдавать въ оброчное содержаніе». Стало быть, не все питомское. И не нашлось опять добраго человѣка, который сказалъ бы имъ это!

При постройкѣ крестьянскихъ домовъ болѣе вниманіе обращено было на красоту. Два, на примѣръ, дома составляютъ кварталъ; но случилось, что одинъ домъ пришлось строить на возвышенности, а другой въ лоцинѣ. Инженеръ и выводилъ для послѣдняго фундаментъ сажени въ полторы, тогда какъ у сосѣдняго дома онъ всего въ двѣ четверти. Зато, если смотрѣть издали, то у всѣхъ домовъ конышки ровные, что придавало недурной видъ. И здѣсь никто не подумалъ тогда, что за лишній кирпичъ и за лишнюю работу придется со временемъ расплачиваться потомкамъ будущихъ поселенцевъ.

Въ сс. Александровскомъ и Маринскомъ улицы шириною около 300 сажень. Въ Маринскомъ, на примѣръ, одинъ порядокъ дворовъ состоитъ изъ 24 домовъ, напротивъ него другой—изъ 26, а площадь улицы занимаетъ 50 десятинъ. Въ с. Александровскомъ площадь улицы еще шире. И никто не подумалъ тогда, что за эту, ни къ чему не годную землю, придется платить. Теперь за эти улицы платится пока только по 20 к. за десятину; но нѣтъ сомнѣнія, что цѣна платы повысится.

Вездѣ, а въ особенности въ сс. Николаевскомъ и Константиновскомъ, столько нарито канавъ, позади дворовъ, во всевозможныхъ направленіяхъ, что невольно удивится всякій и никакимъ образомъ не доберется толку, зачѣмъ и для чего это изрыто. Онѣ дѣйствительно и тогда, когда ихъ рыли, не были нужны, а теперь и совсѣмъ заброшены и только портятъ выгонное поле. А между тѣмъ все рылось на шею питомцевъ. И не выискалось доброй души пожалѣть ихъ!

Всматриваясь въ положеніе о питомцахъ, не можешь надивиться его странностямъ. Въ русскомъ царствѣ хотѣли устроить какое-то особое царство: питомецъ, на примѣръ, имѣлъ право жениться только

на питомкѣ, вдова или дѣвица выдти за-мужъ только за питомца же. И это опять, прошу припомнить, только на 12 лѣтъ! И вышло такъ: многія дѣвицы, изъ малолѣтокъ, въ свое время не были взяты въ замужество никѣмъ, по перечисленіи же въ вѣдомство министерства, онѣ, устарѣвшими уже въ крестьянскомъ смыслѣ, т. е. лѣтъ 25-ти, вышли за крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна звала ихъ «дѣтушками», и начальство такъ и тащило ихъ въ родню и совершенно исключительное положеніе. По пріѣздѣ, напримѣръ, изъ Гаренова, первому родившемуся въ с. Николаевскомъ ребенку Лодѣ велѣлъ дать имя Николай. Это—Николай Гусевъ, здравствующій и теперь. Впрочемъ, нельзя не отдать чести питомцамъ: они до сихъ поръ съ благоговѣніемъ чтутъ имя императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ разговорахъ они не иначе называютъ ее, какъ матушка Марія Ѳеодоровна, а въ поминаніяхъ объ усопшихъ, во всѣхъ положительно, первую значится императрица Марія Ѳеодоровна.

Въ 1848 г. черезъ колонію проѣзжалъ министръ госуд. имущ. Киселевъ. Изъ колоніи онъ долженъ былъ ѣхать въ Саратовъ. Верстахъ въ семи отъ с. Николаевскаго, въ полѣ, собрались товарищи и малолѣтки подать ему прошеніе объ отпускѣ ихъ на волю отъ хозяевъ. Какъ-только они увидѣли карету министра, то всѣ упали на колѣна. Министръ испугался и хотѣлъ было воротиться, но кучеръ, знавшій въ чемъ дѣло, сказалъ ему, что это за-люди. Киселевъ принялъ ихъ просьбу. Въ скоромъ времени всѣ были отпущены на свободу и разошлись въ разныя стороны. Хозяева остались безъ работниковъ. Вотъ тутъ-то и началась ихъ горькая доля! Отпавъ, всегда работавшимъ слегка, и дѣтямъ лѣтъ въ 17, не работавшимъ совсѣмъ,—пришлось работать. На большее ихъ горе, въ этомъ же году произведена была новая нарѣзка земли. Прежде надѣлъ бывалъ данъ на цѣлое селеніе, и питомцы уравнивали землю и дѣлили ее между собою; а теперь то же количество земли раздѣлено подворно, раздѣлено на круги по 6 д., и каждому кругу сдѣлана особая оцѣнка. Очень много такихъ случаевъ, что земля по оцѣнкѣ значится хорошею, а между тѣмъ она изъ самыхъ плохихъ, платитъ же за нее приходится какъ за лучшую. Налогъ на землю утронлся. И пришлось питомцамъ работать, и работать и на себя, и на платежъ податей,—и работниковъ отняли.... Пошли недонмки.

Я говорилъ, что когда питомцы пропивали лошадей, то управляющіе покупали имъ. Имъ покупали и лошадей, и коровъ и тогда, когда скотъ умиралъ отъ заразы. Не нашлось тогда добраго чловѣка, который сказалъ бы имъ, на какія средства покупается все это!

Питомцы думали, что все это имъ дарится, но на самомъ-то дѣлѣ все это покупалось на счетъ того, кому покупалось, и по книгамъ управленія вносились имъ въ кредитъ. Такимъ образомъ, къ началу пятидесятыхъ годовъ недоимки накопились 6,161 р.

Лѣсной участокъ отстоитъ отъ с. Николаевскаго на 35, а отъ Александровскаго и другихъ—слишкомъ на 40 верстъ. Съ самаго начала поселенія питомцы обязаны были возить по 5 куб. сажень отъ двора для отопленія казенныхъ домовъ. И при хорошемъ порядкѣ вывезти 5 куб. сажень не легко, а при безурядицѣ еще труднѣе; при той же неурядицѣ, какая была, въ особенности, при управляющемъ Ремлингенѣ, дѣло это было совсѣмъ обременительно: 1) За дровами посылались тогда, когда видѣли, что дровъ оставалось мало: вешняя-ли пашня, дожди-ли, сѣнокосъ или жнитво, снѣжно-ли завалы или метели,—наряжаютъ ѣхать, и поѣзжай.... Зимой дерево нужно было сперва откопать изъ-подъ сугробовъ, срубить, очистить и вытаскивать на себѣ? 2) Всѣхъ домохозяевъ было 260. Стало бытъ, питомцы должны были вывозить каждагодно по 1,300 куб. сажень. Такого количества не счесть. Но дѣло въ томъ, что вывозили-то не всѣ 260 домохозяевъ. Въ лѣсѣ ѣздили только тѣ, кто посмирнѣе и у кого особенно хорошия лошади; безлошадные и зубастые сидѣли дома. Людямъ безотговорочнымъ приходилось тяжело. Дровами, бывало, обложить всю сѣверную сторону селенія, отъ одного конца до другаго, а къ концу года ихъ не доставало. Дѣло въ томъ, что ихъ не красть только лѣнивый. Прежде другихъ, конечно, крали тѣ, кто не возилъ. Караульныхъ не имѣлось. Управляющіе хорошо знали, что дрова крадутъ, но они разсуждали такъ: «мужики привезли, мужики раскрали, мужики же и привезутъ опять,—ну, и пусть ихъ крадутъ». Но красть могли только крестьяне с. Николаевскаго, а возили-то всѣ. Питомцы, по подмосковной памяти, любили ѣздить въ извозъ. Наличные крестьяне, оставшіеся дома, вывозили дрова и за нихъ, и, разумѣется, бесплатно, по приказу управляющихъ. Возка дровъ, поэтому, обременяла питомцевъ страшно.

Управляющій Н. Н. въ товариществѣ съ помѣщикомъ ближайшей деревни, полковникомъ Зеленко и управляющимъ саратовской случной конюшни Мезенкампомъ, задумалъ сѣять хлѣбъ и табакъ на казенныхъ (бывшихъ питомскихъ) участкахъ, отданныхъ уже тогда въ аренду. Своихъ денегъ Н. Н. не имѣлъ, поэтому онъ и задумалъ пуститься на штуки: не вкладывая и своихъ денегъ, и удерживая у себя компанейскія, — поля обрабатывать питомцами. Сколько было засѣваемо хлѣба—этого никто не зналъ, но извѣстно,

что посѣвъ былъ большой. Питомцамъ объявили, что посѣвы казенные, и они работали, какъ на барщинѣ. Посѣвы были тамъ, гдѣ теперь казенная ферма, и потому для деревни Константиновки и Михайловки, въ 5-ти и 10-ти верстахъ, было очень обременительно, даже по разстоянію. Ослушанія не допускались и наказывались строго. Надобно имѣть, при этомъ, въ виду, что Ремлингенъ сталъ сѣять хлѣбъ тогда, когда питомцамъ прибавился земельный налогъ и были отобраны товарщи и малолѣтки, а вывозка дровъ производилась тѣмъ же безпорядкомъ. Кромѣ этого Ремлингенъ заставлялъ сѣять и убирать хлѣбъ для крестьянъ бѣдныхъ, хотя бы они были отъявленные пьяницы и лѣнтяи, а такихъ оказалось немало.

(Обычаніе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ

1740—1764.

IV ¹⁾.

Возвращеніе императрицы.—Проекты манифеста и указы сенату.—Казнь Мировича.—Указъ Смоленскому полку.—Иностранный памфлетъ.—Свидѣтельства иностранцевъ.

Согласно своему намѣренію, императрица Екатерина II не спѣшила возвратомъ въ Петербургъ: она выѣхала изъ Риги 15-го іюля 1764 г., въ исходѣ шестаго часа вечера, и совершала путь съ остановками (*à petites journées*); 21-го числа она прибыла въ Гостилицы, гдѣ оставалась до 23-го іюля; отсюда выѣхала въ Петергофъ, а 25-го іюля, въ шесть часовъ вечера, происходилъ торжественный въѣздъ Екатерины въ столицу. Восторгъ народа, по отзывамъ газетъ, былъ необычайный и неопи-санный. Въ теченіе шестнадцати дней, послѣ полученія императрицею перваго извѣстія о «шлюссельбургской исторіи», она ежедневно писала къ Панину, князю Вяземскому, Неплюеву, получая и отъ нихъ извѣстія о ходѣ этого важнаго дѣла. Хотя императрица, въ вышеприведенномъ второмъ письмѣ отъ 10-го іюля, и говорила Н. И. Панину, что сумасбродная выходка Мировича нисколько ее не смущаетъ, однако же изъ послѣдующихъ писемъ явствуетъ, что императрица, входя во всѣ подробности производства слѣдствія, наблюдала за нимъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Не могло быть иначе, тѣмъ болѣе, что покушеніе Мировича, по собственному счету государыни, было уже тринадцатое въ четырехмѣсячный промежутокъ времени; каждый изъ этихъ злыхъ умысловъ казался Екатеринѣ отпрыскомъ обширнаго заговора, участниками котораго могли быть

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 497—508; т. XXV, стр. 291—306.

и офицеры гвардіи, и нѣкоторые изъ вельможъ. Братья Орловы, по ненависти ихъ къ княгинѣ Дашковой, пытались уже очернить ее въ глазахъ императрицы, яко-бы Дашкова—участница въ заговорѣ Мировича. Изъ писемъ Екатерины II, написанныхъ ею съ 10-го по 25-е іюля 1764 г. нелишнимъ считаемъ привести слѣдующія выдержки, лично до Мировича относящіяся:

(11-го іюля, Панину). Хотя по вашимъ примѣчаніямъ съ основаніемъ видится, будто у Мировича сообщниковъ нѣтъ, однако полагаться не можно на злодѣя...

(16-го іюля). Я прочла календарь и записки онаго злодѣя, изъ которыхъ единомышленныхъ не видится, но только изъ одного листа видно, что онъ меня убить хотѣлъ, а чтобъ они по Петербургу неразглашали свои намѣренія, тому кажется вѣрить не можно, по неже съ святой недѣли много о семъ происшествіи почти точные доносы были, которые моимъ неуваженіемъ презрѣны.'

(18-го іюля, Неплюеву). Осторожность вашу не иначе какъ похвалить могу, что вы за Мировичами приказали безъ огласки подсматривать; однако если дѣло не дойдетъ до нихъ, то арестовать ихъ не для чего, понеже пословица есть: «братъ мой, а умъ свой».

(22-го іюля, Панину). Братъ вашъ, у котораго Мировичъ былъ адъютантомъ, сказываетъ про него, что онъ лжець и безстыднѣйшій человѣкъ и великій трусъ.

Еслибы иностранные «писатели»: Кастера, Сальдернъ, Гелъбичъ и слишкомъ многіе другіе—читали отзывы Екатерины II о Мировичѣ, они привадумались-бы, прежде нежели написать гнусныя сказки, будто императрица сама комлотировала съ Мировичемъ, дабы путемъ его попытки къ освобожденію Іоанна Антоновича дать поводъ приставникамъ безнаказанно умертвить несчастнаго узника. Смерть его не была необходимостью для блага и спокойствія Россіи.... Изъ всѣхъ приведенныхъ уже нами выше документовъ, вполне достовѣрныхъ, несомнѣнно, что не было никакой надобности погасить жизнь несчастнаго существа, уже лишеннаго разума, уже носившаго въ своемъ организмѣ начало разрушенія. Далѣе мы подробнѣе поговоримъ о вымыслахъ иностранцевъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго довѣрія.

Тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ, императрица занялась составленіемъ манифеста о швейцарской катастрофѣ¹⁾. Первоначальная его редакція, на французскомъ языкѣ была слѣдующая:

¹⁾ Этотъ манифестъ въ русскомъ переводѣ, помѣченный 17-мъ числомъ августа 1764 г., напечатанъ въ «Полномъ Собраніи Законовъ», томъ XVI,

• Проектъ манифеста часть котораго писана императрицею свое-ручно; другая неизвѣстною рукою: объ учрежденіи уголовного суда надъ Васильемъ Мирвичемъ:

(Рукою императрицы). Lorsque les vœux unanimes de tous Nos fidèles sujets, par la volonté de Dieu, Nous placèrent sur le trône de Russie, Nous trouvâmes encore en vie le prince Jean né du mariage du prince Antoine Brunswic-Wolfenbuttel et de la princesse Anne de Mecklenbourg, lequel, étant encore à la mamelle, fut illegitimately (comme il est connu de tout le monde) designé Empereur sur le trône de la Russie, et, par les décrets de la Providence, détroné pour toujours dans cette même enfance, et le sceptre héréditaire passa à la fille de Pierre le Grand, Notre très chère tante reposant en Dieu l'Impératrice Elisabeth Petrowna. Nos premiers soins à Notre avènement, après avoir rendu de justes actions de grâce au ciel, furent, selon l'humanité, qui nous est naturelle, de soulager, autant que faire se pourrait, le sort malheureux dès son enfance, de ce prince, détroné par la volonté du Tout-Puissant. Nous nous proposâmes de la voir, Nous même pour connaître quels soulagemens selon son caractère et l'éducation qu'on lui avait donné ci-devant—Nous pourrions lui procurer. Nous fûmes touchés de voir, qu'outre un béguyement incommode pour lui-même et presque incompréhensible aux autres, il était absolument privé de la raison et de la compréhension humaine. Tous ceux, qui se trouvèrent alors avec Nous, ont vu, combien Notre coeur en fut rempli de sentiment d'humanité et de pitié. Et en même temps, convaincu qu'il ne Nous restait pour ce prince malheureux dès sa naissance, d'autre aide, que de le laisser là, où il était, et de lui donner le contentement qu'il était en état de recevoir. Ensuite de quoi Nous donnâmes Nos ordres, quoique son état le priva d'y être sensible, ne connaissant ni les gens, ni ne distinguant le bien d'avec le mal, ni ne pouvant, par la lecture, adoucir sa satisfaction, et ne mettant toute sa félicité que dans la confusion des idées qui

№ 12,228. Другой манифестъ о винахъ Мирвича находится тамъ же подъ № 12,241 и означенъ 12-го сентября того же 1764 г. При проектѣ манифеста на французскомъ языкѣ помѣщены слѣдующія хронологическія справки, писанныя неизвѣстною рукою:

Le Prince Jean naquit le 8 d'août 1740.

> > > fut déclaré Héritier du trône le 10 d'octobre.

L'impératrice Anne mourut le 17 d'octobre; le lendemain ce prince par un manifeste fut déclaré Empereur.

T. e.: принцъ Іоаннъ родился 8-го августа 1740 г.; объявленъ наследникомъ престола 10-го октября.

Императрица Анна скончалась 17-го октября; на другой день этотъ принцъ манифестомъ былъ объявленъ императоромъ.

le privait de la raison. Pour éviter que par des vues particulières quelque malintentionné n'éprouva de troubler en ce malheureux prince, ou le repos public, Nous ordonnâmes de lui donner une garde sûre et de mettre auprès de lui deux honnêtes et fidèles officiers de garnison, le capitaine Wlassieff et (le) lieutenant Tchekin, lesquels par leur longs services militaires méritaient récompense, et ayant usé leur santé et leur bien au service, un emploi tranquille. Il était recommandé à ces deux officiers d'avoir tous les soins imaginables de lui. Avec toutes ces précautions il nous a été impossible d'empêcher un mal [et une méchanceté désespérée, telle qu'un scélérat vient de faire éclore au mépris de sa vie à Schlussembourg par une entreprise qui fait frémir. Un sous-lieutenant du régiment d'infanterie de Smolensk, ukrainien de nation, nommé Wassili Mirowitz, petit-fils du premier rebelle qui suivit Mazeppa, et, comme l'on voit, parjure par le sang, ayant passé sa vie dans la débauche, la dissipation et le desordre, et s'étant par là privé des moyens permis de parvenir avec honneur à la fortune; à la fin perdit de vue la loi de Dieu et le serment de fidélité qu'il nous avait prêté, ne connaissant que par un simple écho le nom du prince Jean et bien moins encore les facultés de son corps et de son âme, se proposa pour bât, par tels moyens que ce fût, et quelque sanglant que devint le tumulte pour le public, de l'élever pour faire son propre bonheur. (Писаво другою рукою): Pour l'exécution de cet attentat, aussi impie que dangereux pour le repos public et désespéré pour lui même, il pria, dans le temps de Notre voyage en Livonie, qu'on l'envoya, quoique ce ne fut pas son tour, faire la garde, qui se change tous les huit jours dans la forteresse de Schlussembourg et la nuit du 4 au 5 du mois passé, à deux heures après minuit, il éveilla sa principale garde, la rangea de front et ordonna de charger à balle. Le commandant de la forteresse B'erednikof, ayant entendu du bruit, sortit de son quartier, et en demanda la raison à Mirowitz lui-même; mais au lieu de réponse ce rebelle lui donna avec son fusil renversé un coup sur la tête, la blessa et le fit arrêter. Puis mena avec beaucoup de fureur son monde, attaquer à coups de feu le peu de monde, qui gardait le prince Jean; mais ceux-ci, qui se trouvaient sous les ordres des deux officiers ci-dessus nommés, les reçurent tellement que le désespéré rebelle Mirowitz fut obligé de se retirer. Par la singulière disposition de la Providence, qui veille à la conservation du monde, il y avait pendant cette nuit un brouillard fort épais, qui, joint à la situation intérieure de cette forteresse, fit, qu'on n'a trouvé personne blessé, ni tué. Le peu de reussite de cette première entreprise, ne put retenir cet ennemi public de continuer son projet de rebellion:

son désespoir extrême lui ingéra de faire amener d'un bastion un canon avec ses munitions nécessaires ce qui fut bientôt fait. Les ci-dessus nommés, capitaine Wlassief et lieutenant Tchekin, voyant devant eux une force, à laquelle ils ne pouvaient résister, et un plus grand malheur inévitable (si celui qui leur était confié, venait à être délivré) par les flots de sang innocent, qu'il en contera à la patrie dans des troubles pareils, prirent entr'eux la résolution d'assurer le repos public en finissant les jours de ce prince malheureux dès sa naissance.

Ils réfléchirent, outre cela, que si l'extrême témérité de ce furieux parvenait à leur ôter leur arrestant, ils pourraient subir la sévérité des loix—they tuèrent le prince, oubliant la crainte de s'exposer aux tourments et à recevoir la mort d'un, ennemi désespéré. Celui-ci fut si frappé de ce coup, que voyant devant lui le cadavre et qu'il était cause de sa mort, qu'il reconnût au moment même sa témérité et son crime et en marque son repentir devant ses propres soldats, lesquels quelques heures auparavant il avait, en abusant de la discipline, mal-mené si criminellement. Ce fut alors que les officiers, qui avaient finalement terminé cette rébellion, conjointement avec le commandant, s'assurèrent du rebelle, ramenèrent les soldats à leur devoir et envoyèrent leurs rapports de ce, quoique malheureux événement, mais qui par la disposition du ciel a détourné un plus grand malheur encore, à Notre conseiller privé actuel et sénateur Panin sous les ordres duquel ils se trouvaient. Ce sénateur envoya pour le premier moment Notre lieutenant, colonel de l'armée Kaschkin, avec des ordres pour retablir la tranquillité et le bon ordre sur le lieu, et Nous envoya un courrier avec le détail des circonstances. Ensuite de quoi Nous ordonnâmes à Notre lieutenant, général de la division de Pétersbourg Weimarn de se transporter sur le lieu et de faire des informations nécessaires, lesquelles étant finies, il vint de Nous remettre les demandes, réponses, témoignages, convictions et confessions.

Nous, y ayant vu la grandeur du crime, combien il intéresse la Patrie entière et le repos public; Nous envoyons toute cette affaire à Notre Sénat, lui ordonnant ensemble avec le Synodé d'inviter les trois premières classes et les présidents de tous les collèges, écouter cette affaire du lieutenant-général Weimarn, lequel en a poursuivi les informations, et de prononcer la sentence selon les loix de l'Empire et après qu'elle sera signée de tous, de Nous la remettre pour que Nous la confirmions.

При окончательной редакціи текстъ этого манифеста 17-го августа былъ нѣсколько измененъ, въ чемъ можно убѣдиться при

сличеніи его съ прилагаемымъ переводомъ предъидущаго французскаго текста.

Когда единодушныя желанія всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, волею Божіею, возвели насъ на російскій престолъ, мы обрѣли еще въ живыхъ принца Іоанна, рожденнаго отъ брака принца Антона Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго и принцессы Анны Мекленбургской, который будучи еще груднымъ младенцемъ былъ незаконно (какъ всѣмъ извѣстно) назначенъ императоромъ на російскій престолъ и волею Провидѣнія низведенъ съ онаго навсегда, въ томъ же младенческомъ возрастѣ, и наслѣдственный скипетръ перешелъ дочери Петра Великаго, возлюбленной теткѣ нашей, въ Бозѣ почивающей императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Первою заботою при восшествіи нашемъ, до воздаяніи благодарственныхъ моленій Всевышнему, было, по природному намъ челоуѣколюбію, облегчить, насколько сіе возможнымъ представлялось, участь сего отъ рожденія несчастнаго принца, волею Всемогущаго—съ престола низведеннаго. Мы положили самоочно видѣть его, чтобы вѣдать, какія облегченія—согласно его праву и данному первоначально воспитанію, могли ему доставить. Мы были тронуты, видя, что кромѣ косноязычія, ему самому затруднительнаго и почти невразумительнаго другимъ, онъ рѣшительно былъ лишень разума и смысла челоуѣческаго. Всѣ, бывшіе тогда съ нами, видѣли, сколько сердце наше было пренеполнено чувства челоуѣчества и жалости. Въ то же время, убѣдясь, что намъ инаго, въ помощь сему несчастно-рожденному принцу, сдѣлать не оставалось, какъ оставить его тамъ, гдѣ онъ находился, и дать то довольство, которое онъ принять былъ въ состояніи. Вслѣдствіе чего нами даны были повелѣнія, хотя состояніемъ своимъ онъ и лишень былъ способности сіе чувствовать, не зная людей, не отличая добраго отъ худаго, не умѣя чтеніемъ книгъ облегчать свое положеніе, а за едино блаженство себѣ почиталъ смущеніе мыслей, разума его лишавшихъ. Во избѣжаніе того, чтобы изъ личныхъ видовъ, какой злоухищренный не покусился смущать сего несчастнаго принца, или спокойствіе общественное, мы повелѣли приставить къ нему надежный караулъ, и опредѣлить къ нему двухъ честныхъ и вѣрныхъ гарнизонныхъ офицеровъ: капитана Власьева и поручика Чекина, кои, за долговременную воинскую службу, награжденія заслуживали и, истощивъ здоровье и имущество свое на службѣ—мѣста спокойнаго. Сямъ двумъ офицерамъ препоручено было прилагать о немъ всѣ елико вообразимыя попеченія. При всѣхъ сихъ предосторожностяхъ, намъ было невозможно воспрепятствовать злу изюности отчаянной, которая явилъ нинѣ съ отчаяніемъ живота своего въ Шлиссельбургѣ вѣкій злодѣй умысломъ своимъ, въ содраганіе приводящій. Подпоручикъ пѣхотнаго Смоленскаго полка, именемъ Василій Мировичъ, украинскій уроженецъ, внукъ перваго мятенника, за Мазепомъ послѣдовавшаго, и, какъ видно, по крови клятвопреступникъ, проведя жизнь свою въ распутствѣ, мотовствѣ и безпорядкѣ и тѣмъ лишнивъ себя дозволенныхъ средствъ къ честному достиженію благосостоянія,—утратилъ наконецъ изъ виду законъ Божій и присягу, на вѣрность намъ принесенную: зная тожко повѣстникъ имя принца Іоанна и еще того менѣе его способности тѣлесныя и душевныя, возмимѣлъ дѣлю свою—какими бы то ни было средствами и какъ бы ни былъ кровопролитенъ мятенъ—возвести его (на престолъ) собственнаго счастья своего ради. (Слѣдующее писано другой рукою). Для приведенія

въ исполненіе сего злодѣйскаго умысла, одинаково богопротивнаго и опаснаго для спокойствія общественнаго и для него самого отчаяннаго, онъ просилъ во время путешествія нашего въ Лифляндію, дабы его послали, хотя то и не была ему очередь, въ караулъ, еженедѣльно сменяемый въ Шлиссельбургской крѣпости, и въ ночь съ 4-го на 5-е число минушаго мѣсяца, въ два часа по полуночи, разбудивъ главныхъ стражей, выстроилъ ихъ во фронтъ и велѣлъ зарядать ружья боевыми патронами. Комендантъ крѣпости Бередниковъ, услышавъ шумъ, вышелъ изъ своей квартиры и спросилъ о причинѣ оного, самого Мировича; но, вмѣсто отвѣта, сей мятежникъ нанесъ ему прикладомъ ружья ударъ въ голову, ранилъ и велѣлъ арестовать. Потомъ съ великою яростію повелъ своихъ солдатъ на атаку ружейнымъ огнемъ малаго числа стражей, охранявшихъ принца Іоанна; но сіи послѣдніе, бывшіе подъ командою двухъ вышеупомянутыхъ офицеровъ, встрѣтили ихъ такъ, что отчаянный мятежникъ Мировичъ былъ принужденъ ретироваться. По чудесному предопредѣленію Промысла, который блюдетъ надъ сохраненіемъ вселенной, въ эту ночь былъ весьма густой туманъ, который, купно со внутреннимъ расположеніемъ этой крѣпости, былъ причиною, что не оказалось ни раненыхъ, ни убитыхъ. Неудача сего перваго покушенія не остановила сего общественнаго врага въ продолженіи имъ мятежнаго предпріятія: крайнее отчаяніе внушило ему велѣть стащить съ бастиона пушку съ необходимыми снарядами, что вскорѣ было исполнено. Вышеупомянутые капитанъ Власевъ и поручикъ Чекинъ, въ виду силы, которой не имѣли возможности противиться, и еще того бѣльшаго и неизбѣжнаго бѣдствія (еслибы довѣренныи ихъ охраненію освобожденъ былъ) отъ потоковъ неповинной крови, при подобныхъ возмущеніяхъ къ прискорбію отечества проливаемыхъ, рѣшили между собою обезпечить общественное спокойствіе прекращеніемъ жизни сего принца, отъ рожденія (несчастнаго).

«Кромѣ того, они разсудили, что буде крайняя дерзость сего неступленнаго возмозетъ исторгнуть у нихъ арестанта, то они могутъ подвергнуться всей строгости законовъ: они умертвили принца, позабывъ страхъ быть преданными истязаніямъ и смерти отъ отчаяннаго врага. Оный, симъ ударомъ, только былъ пораженъ, что, видя предъ собою трулъ, а себя причиною его смерти, въ ту же минуту созналъ свою дерзость и преступленіе и изъявилъ раскаяніе предъ своими солдатами, коихъ, за нѣсколько часовъ передъ снитъ, злоупотребляя дисциплиною, злобно велъ къ преступленію. Тогда офицеры, окончательно прекратившіе сей мятежъ, купно съ комендантомъ, арестовали мятежника, призвали солдатъ къ соблюденію ихъ долга и отправили свои репорты о семъ, хотя и злосчастномъ происшествіи, но которое, по небесному промыслу, отклонило другое, еще того бѣльшее несчаствіе,—нашему тайному дѣйствительному совѣтнику и сенатору Панину, подъ начальствомъ котораго находились. Оный сенаторъ, на первый случай, послалъ нашего арміи подполковника Кашкина, съ ордерами къ восстановленію тишины и добраго порядка въ мѣстѣ, и отправилъ къ намъ курьера съ подробностями обстоятельствъ. Вслѣдствіе чего мы повелѣли нашему генералъ-поручику петербургской дивизіи Веймарну отправиться на мѣсто для отобранія необходимыхъ свѣдѣній, по окончаніи котораго онъ препроводилъ къ намъ вопросы, отвѣты, свидѣтельскія показанія, увѣщанія и признанія.

«Видя изъ оныхъ великость преступленія, насколько оное соприкасается всего отечества и спокойствія общественнаго, мы отсылаемъ все сіе дѣло въ

нашъ сенатъ, повелѣвая ему, купно съ синодомъ, пригласить особъ первыхъ трехъ классовъ и президентовъ всѣхъ коллегій, къ выслушанію сего дѣла генералъ-поручика Веймарна, по оному слѣдствію производившаго, а произнести сентенцію согласно законамъ имперіи и, по подписаніи оной всѣми присутствующими, доложить намъ на утвержденіе».

Отрывокъ проекта манифеста (указа сенату?) о Миновичѣ, писанный княземъ Я. П. Шаховскимъ по повелѣнію императрицы.

«Что оной злодѣй низвергнуть меня съ російскаго престола устремлялся, за то я не оскорбляясь, его прощаю, и прошу за то ему не мстить, понеже онъ не меня, но того прогнѣвлялъ, которой своими божескими судьбами на престолъ меня возвелъ, и, видя мою невинность, отъ всѣхъ коварныхъ сѣтей меня сохраняетъ. А съ какими я тщаніями и ко всѣмъ вѣрноподаннымъ доброжелательствами, оною, порученною мнѣ отъ Бога, государствованія должность исполнять стараюсь, и какой пѣвы то для меня стоитъ, всякой справедливость любящій гражданинъ незнать можетъ. Что-же оной злодѣй всей имперіи нашей бѣдственнымъ потрясенію учинить, и несчастливому жребію многихъ гражданъ подвергнуть хотѣлъ, о томъ я сердечно соболѣваю и во удовольствіе вашего и всѣхъ моихъ вѣрно-подданныхъ оскорбленія, по прошенію вашему, онаго злодѣя оставляю въ вашей власти». (Смот. прилож. къ зап. Шаховскаго, изд. «Рус. Стар.» 1872 г. стр. 243).

Послѣ многократныхъ допросовъ, Миновичъ, признанный виновнымъ въ государственной измѣнѣ, сентенціею сената былъ приговоренъ къ смертной казни—четвертованіемъ. Императрица смягчила этотъ жестокой приговоръ, присудивъ виновнаго къ обезглавленію. Прочіе преступники, сообщники Миновича, въ числѣ шестидесяти двухъ, по степени виновности раздѣленные на категоріи, были наказаны шпицрутенами и батогами—большею частію нещадно—и сосланы въ каторгу, или въ отдаленныя команды и гарнизоны. Распредѣленіе наказаній было слѣдующее: капралы—Андрей Кренивъ, Николай Осиповъ, Абакумъ Мионовъ—къ 10,000 палокъ и ссылка въ работу вѣчно. Солдаты: Яковъ Пискаловъ—12,000 палокъ и вѣчная каторга; Матвѣй Босовъ, Козьма Дитятевъ—10,000 палокъ и ссылка въ работу вѣчно. Барабанщикъ Исаія Анофріевъ, флейщикъ Михаилъ Кагуринъ; солдаты: Федоръ Паршинъ, Василій Третьяковъ, Дементій Дураковъ, Михайло Совцовъ, Осипъ Живулинъ, Герасимъ Кузнецовъ, Иванъ Поздринъ, Василій Тарасовъ, Емельянъ Кононовъ, Миронъ Агутовъ, Фроль Осиповъ,

Емельянъ Хомяковъ, Михайло Бѣлый, Михайлъ Креницкій, Григорій Сидоровъ, Муртаза Мирязевъ, Кочневъ, Киреевъ, Березинъ, Фофановъ, Волковъ, Родіоновъ, Плоховъ, Шмелевъ, Краснощековъ, Григорьевъ, Шеватинъ, Денисовъ, Князевъ, Уляновъ, Ефимовъ, Кусковъ, Акатовъ, Горшнинъ, Кузьминъ, Тюлковъ—по жеребью четыремъ человѣкамъ дать по 1,000 шпидрутеневъ, прочимъ по 5,000 (500?), и и всѣхъ на вѣкъ опредѣлить солдатами въ дальнія команды. Рядовые: Кобелевъ, Николаевъ, Тарасовъ, Маракасовъ, Кузовлевъ, Симоновъ, Багрыщевъ, Поповъ, Гончаровъ, — разослать въ дальнія команды. Фурьеръ Лебедевъ—разжаловать вѣчно въ солдаты въ дальній городъ. Артиллерійскій капралъ—Коркинъ: дать 3,000 шпидрутеневъ, разжаловать вѣчно въ гандлангеры и съ канонерами Серковымъ, Ивановымъ, гандлангерами: Стрѣлковымъ и Павловымъ—сослать въ дальнія команды. Придворный лакей Касаткинъ—высѣчь батогами и отослать солдатомъ въ дальнюю команду. Подпоручикъ Семѣнъ Чефаридзевъ—лишить всѣхъ чиновъ, выдержать въ крѣпостномъ казематѣ шесть мѣсяцевъ и солдатомъ опредѣлить въ дальніе полки. Канцеляристъ Михайловъ и сержантъ Иштиряковъ—признаны невинными и оставлены безъ наказанія.

Надежда на помилованіе не покидала Мировича до послѣдней его минуты; восходя на эшафотъ, онъ озирался во всѣ стороны, ожидая вѣстника о пощадѣ его жизни... Но казнь свершилась, въ среду 15-го сентября 1764 года. Единственный печатный оффиціальныи документъ, дошедшій до насъ объ этой казни—слѣдующее объявленіе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 75-й, пятница, сентября 17-го дня, 1764 года):

«Третьяго дня, то есть 15-го числа сего мѣсяца, предъ полуднемъ, надъ бывшимъ подпоручикомъ (sic) Мировичемъ, о котораго бунтовщицкомъ и измѣнническомъ предпріятіи въ Шлюссельбургской крѣпости въ народъ уже объявлено, состоявшимся прошедшаго августа 17-го дня ея императорскаго величества манифестомъ, на Петербургскомъ острову, на обжорномъ рынокѣ, по заключенной отъ бывшаго въ правительствующемъ сенатѣ генеральнаго собранія сентенціи, совершилась экзекуція, а именно: отсѣчена ему, при многочисленномъ собраніи народа, голова, а тѣло его ввечеру сожжено купно съ эшафотомъ. Бывшимъ-же у него въ командѣ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, которые имъ, Мировичемъ, къ возмутительному его предпріятію были соглашены и договорены, учинено того же дня, отчасти здѣсь, отчасти при стоящемъ въ Шлюссельбургѣ-жѣ полку, тѣлесное наказаніе, прогнаніемъ сквозъ строй; послѣ чего разосланы они

по разнымъ отдаленнымъ гарнизонамъ, а заключенная надъ сими злодѣями сентенція того-жъ числа опубликована печатными указами».

Въ послѣдній разъ имя Мировича было упомянуто въ напечатанномъ во всеобщее свѣдѣніе («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 92, вторникъ, 16-го ноября) манифестъ слѣдующаго содержания:

«Божією милостію Мы Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссійская и проч. и проч. и проч.

«Арміи нашей пѣхотному Смоленскому полку всемилостивѣйше объявляемъ:

«Мы, по правосудію Нашему ко всѣмъ вѣрноподаннымъ, не можемъ безъ чувствительнаго Намъ сожалѣнія понимать, сколь великое уныніе навели Смоленскому полку бывший того-же полка офицеръ, бунтовщикъ Мировичъ, и команда, стоящая съ симъ злодѣемъ въ Шлюссельбургской крѣпости на караулѣ, черезъ свою измѣну, Намъ и Отечеству вневдрави оказанную: но какъ преступленіе, учиненное злосердіемъ одного, не можетъ вредить другихъ, никакого участія въ томъ не имѣвшихъ, то Мы, вѣдая, сколь храбро во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ сей полкъ по нашимъ регуламъ военнымъ всегда поступалъ, и сколь исправно онъ нынѣ соблюдаетъ дисциплину военную, восхотѣли оный обнадѣжить нынѣ, какъ и всегда, Нашею императорскою милостію, вслѣдствіе чего и повелѣваемъ, что-бъ отнюдь никто никогда не дерзалъ онаго порицать сею Мировичскою измѣною; а ежели кто противно сему учинить, и въ томъ изобличенъ будетъ, тотъ, яко преступникъ сего высочайшаго повелѣнія, не избѣгнетъ Нашего гнѣва и достойнаго за то наказанія. Екатерина. (М. П.). Дано въ С.-Петербургѣ, государствования Нашего въ третьемъ лѣтѣ, сентября 10-го дня 1764 года. Печатано при сенатѣ, ноября 6-го».

Весь ходъ Шлюссельбургскаго дѣла, во всѣхъ подробностяхъ, былъ извѣстенъ посламъ и полномочнымъ министрамъ иностранныхъ державъ, находившимся при нашемъ дворѣ, о чемъ, помимо официальныхъ донесеній своимъ кабинетамъ, они сообщили имъ много свѣдѣній, собранныхъ подъ рукою. Нѣкоторые изъ нихъ высказывали особыя догадки, предположенія о косвенномъ участіи правительственныхъ лицъ въ заговорѣ Мировича, но никто не дерзалъ такъ открыто нападать на императрицу, какъ то не замедлили сдѣлать иностранные памфлетисты и біографы убіеннаго принца. Изъ массы этихъ памфлетовъ особенно замѣчательенъ одинъ, напечатанный въ Лондонѣ въ 1765 году.

Этотъ памфлетъ, озаглавленный: Собраніе документовъ, отно-

сящихъ до смерти принца Ивана ¹⁾ и т. д., состоитъ изъ небольшой въ 8-ю д. л. брошюрки въ 31 страницу и заключаетъ въ себѣ: перепечатку, на французскомъ языкѣ, манифеста 17-го августа 1764 года (стр. 1—10); Замѣтки свободнаго англичанина ²⁾ на вышеприведенный манифестъ (стр. 11—15); Отвѣтъ русскаго, не-свободнаго, черезъ-чуръ свободному англичанину ³⁾ (стр. 16—25); Замѣтки нѣмецкаго путешественника (стр. 26—31). «Свободный англичанинъ», яростно нападая на русскую императрицу, называетъ ее единственной виновницей убіенія принца Іоанна, предавшей въ руки палачей несчастнаго Мировича, дѣйствовавшаго яко-бы по желанію Екатерины II. Не довольствуясь этой клеветой, англичанинъ высказываетъ опасенія за жизнь цесаревича Павла Петровича, который, по мнѣнію памфлетиста, можетъ пасть жертвою властолюбія своей матери. Отвѣтъ русскаго отличается сдержанностью: фактически опровергая клевету, возводимую на его государыню, онъ обращаетъ общественное вниманіе на дерзкаго памфлетиста, скрывшаго свое имя и вопиѣвъ заслуживающаго призыва на судъ. Упомянувъ о тупоуміи принца Іоанна, въ чемъ при посѣщеніи его вопиѣвъ убѣдились и императоръ Петръ III, и вельможи, его сопровождавшіе, — русскій говоритъ: «Иванъ не былъ рожденъ, чтобы царствовать. Между его колыбелью и престоломъ возникла непреодолимая преграда. И по какому праву могъ-бы онъ имѣть притязанія на престолъ? За отсутствіемъ своихъ правъ, какія добродѣтели могъ бы онъ заявить? Обиженный природою, лишенный способности мыслить, могъ ли онъ взять скипетръ, который былъ бы только бременемъ для его слабости, или вѣрнѣе—игрушкою, орудіемъ его слабоумныхъ забавъ и бѣдствій народа многочисленнѣйшаго въ Европѣ ⁴⁾».

Строгій, приличный тонъ «отвѣта», проникнутаго справедливымъ

¹⁾ Recueil de pièces concernant la mort du prince Iwan etc. A Londres aux depens de la compagnie 1765, petit in 8°, 31 pages.

²⁾ Remarques d'un anglais libre.

³⁾ Réponse d'un russe qui n'est pas libre, à un anglais qui l'est un peu trop.

⁴⁾ «Iwan n'était pas né pour régner. Tout éleva d'abord entre le trône et le berceau de ce prince une barrière inaccessible. Et de quel droit pouvait-il y prétendre? Avait-il au défaut de ses titres quelques vertus à produire? Dés-herité par la nature, privé de la faculté de penser, pouvait-il se charger d'un sceptre qui n'eût été que le fardeau de sa faiblesse, ou plutôt l'instrument de ses jeux imbécilles et des malheurs de la nation la plus nombreuse de l'Europe?».

негодованіемъ, но чуждаго рѣзкихъ выходовъ противъ личности памфлетиста, самый слогъ статьи—обличаютъ, что она написана рукою женщины, и мы, можетъ быть, не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что отвѣтъ былъ написанъ или княгинею Е. Р. Дашковой, или самою Екатериною. Нападки «англичанина» были вдвойнѣ оскорбительны какъ государынѣ, такъ и матери; онѣ не могли провестись безслѣдно мимо слуха императрицы.

«Замѣтки нѣмецкаго путешественника», занимающія послѣднія пять страницъ брошюры, отличаются безпристрастнымъ обсужденіемъ вопроса объ убіеніи принца Іоанна, съ легкой примѣсью ироніи. Нѣмецъ полагааетъ, что причиною слабоумія Іоанна были не врожденные физическіе недостатки, не наслѣдственность, но отсутствіе воспитанія и долговременное заточеніе. Ту же участь,—говоритъ онъ, готовила царевна Софія Алексѣевна маюлѣтнему Петру Великому, стараясь пустыми забавами отвлекать его отъ занятій науками; и Петръ отупѣлъ бы неминуемо, еслибы о его умственномъ развитіи не заботился Лефортъ. Затѣмъ, построчно разбирая манифестъ, нѣмецъ указываетъ на тотъ, по его мнѣнію, промахъ, будто-бы въ немъ сказано, что причинами отстраненія отъ престола и убіенія Іоанна Антоновича было его «косноязычіе»... «Но если убивать всѣхъ косноязычныхъ,—замѣчаетъ онъ,—то многимъ не поздоровится. И затѣмъ было убивать несчастнаго? Пользуясь густымъ туманомъ, приставники могли его тайно вывести изъ крѣпости; тутъ же могли скрыть его».

Не останавливаясь надъ клеветами Сальдерна, Кастернъ и прочихъ иностранцевъ, не приводимъ фантастическихъ подробностей о дѣлѣ Мировича и изъ біографіи Теплова, находящейся въ книгѣ Гельбига: «Русскіе временщики» (Die Russische Günstlinge).

Великолѣпный карусель, данный Екатериною II на Царицыномъ лугу, и вслѣдъ затѣмъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ турецкаго посла, осенью того же 1764 года, изгладили изъ памяти жителей столицы впечатлѣніе, произведенное на нихъ казнью Мировича и тяжкими истязаніями его несчастныхъ и почти невинныхъ сообщниковъ.

При скудости документальныхъ данныхъ, относящихся до Брауншвейгскаго семейства, нельзя не дорожить и малѣйшими письменными замѣтками современниковъ о немъ и о несчастномъ Іоаннѣ Ан-

тоновитѣ. Въ бумагахъ Ассесбурга находится слѣдующая записка на французскомъ языкѣ, набросанная имъ вскорѣ послѣ убіенія шлис-сальбургскаго узника, или, можетъ быть, послѣ свиданія съ нимъ Екатерины II, при которомъ Ассесбургъ могъ присутствовать:

«Іоаннъ былъ очень бѣлокуръ, даже рыжъ, роста средняго, очень бѣлъ лицомъ, съ орлинымъ носомъ, большими глазами, и заикался. Разумъ его былъ поврежденъ; онъ говорилъ, что Іоаннъ умеръ, а онъ же самъ—Святый Духъ. Онъ возбуждалъ къ себѣ состраданіе; одѣтъ былъ худо...»

О намѣреніяхъ Екатерины II, относительно облегченія участи членовъ Брауншвейгской фамиліи, Ассесбургъ писалъ датскому двору слѣдующія, на французскомъ языкѣ, сообщенія:

7-го января 1766 г.

«Со времени восшествія на престолъ Екатерины II, она и ея министръ (гр. Н. И. Панинъ?), одушевляемые состраданіемъ къ судьбѣ принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго, рѣшились возвратить ему свободу, присоединивъ къ этой милости и содержаніе, приличное его рожденію и тому высокому посту, который онъ занималъ въ Россіи. Печальное событіе, совершившееся въ минувшемъ году съ Іоанномъ, утвердило Е. И. В—во въ принятомъ ею рѣшеніи, и оно, быть можетъ, уже было бы приведено въ исполненіе, еслибы, съ одной стороны, не считали себя вынужденными принимать величайшія предосторожности, извлекая принца и его семейство изъ-подъ гнета забвенія и тѣхъ бѣдствій, которыя тяготѣли надъ ними, въ теченіе 25 лѣтъ, и еслибы, съ другой—самъ принцъ обнаруживалъ болѣе желанія избавитися отъ ссылки, которую онъ, вслѣдствіе привычки, или по своимъ соображеніямъ, предпочитаетъ готовящейся ему свободѣ. Я знаю, несомнѣнно, что смягченіе участи принца—вопросъ важный и серьезный: ему назначаютъ ежегодно по 24,000 руб. и половину этой суммы каждому изъ его дѣтей, если онъ согласится принять предложенія императрицы, мѣняя теперешнее грустное жилище на любой изъ городовъ герцогства Брауншвейгскаго, который пожелаетъ избрать для своего мѣстопробыванія».

Февраль 1766 г.

«Офицеръ, посланный отъ императрицы къ несчастному принцу Антону Ульриху Брауншвейгскому въ Колу (?) Архангельской губерніи, донесъ, что этотъ принцъ, привыкшій къ своему заточенію, боль-

ной и упавшій духомъ, отказался отъ предлагаемой ему свободы, не прося ни о чемъ иномъ, какъ о лучшемъ помѣщеніи и о снабженіи его серебряною посудю. Дворъ повелѣлъ, чтобы посуда и мебели были ему доставлены и чтобы положеніе его было улучшено, насколько это будетъ возможно».

V.

Преданія о Кексгольмскомъ узникѣ.—Замѣтка о ложныхъ слухахъ, въ разные времена распространявшихся въ народѣ.—Мировичъ въ юности.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 года (томъ XV, стр. 218) напечатана слѣдующая замѣтка, сообщенная А. А. Чумиковымъ:

«Въ отчетѣ финляндскаго общества «Древностей» нашли мы слѣдующій загадочный случай, сообщенный почтмейстеромъ Греневистомъ: «императоръ Александръ I, посѣтивъ въ августѣ 1802 года Кексгольмъ, приказалъ упразднить въ немъ крѣпость и при этомъ самъ, лично, освободилъ изъ нея какую-то личность, которая была заключена въ ней около 30-ти лѣтъ и принадлежала къ такъ называемымъ «безымяннымъ». Кто могла быть эта личность?».

Вопросъ этотъ не остался безъ отвѣта, и намъ тогда же, въ 1876 году, были сообщены Н. П. Авенариусомъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о Кексгольмскомъ узникѣ:

— Въ XXV томѣ Исторіи профессора Соловьева (стр. 160) находится извѣстіе, подтверждающее рассказы иностранцевъ объ отправленіи Іоанна Антоновича въ Кексгольмъ. Екатериною II, на другой же день ея воцаренія, 29-го іюня 1762 года, данъ былъ маіору Силину слѣдующій указъ изъ Петергофа: «Вскорѣ по полученіи сего имѣете, ежели можно, того же дня, а по крайней мѣрѣ на другой день, безымяннаго колодника, содержащагося въ Шлюссельбургской крѣпости подъ вашимъ смотрѣніемъ, вывезти сами изъ оной въ Кексгольмъ; а въ Шлюссельбургѣ, въ самой оной крѣпости, очистить внутренней крѣпости самыя лучшія покои и прибрать, по крайней мѣрѣ, по лучшей опрятности, которые приготовивъ содержать до указа». 4-го іюля, Силинъ донесъ изъ деревни Мордя, лежащей въ 30 верстахъ отъ Шлюссельбурга, что ихъ разбило бывшею на озерѣ бурей, и они, съ арестантомъ, находятся въ означенной деревнѣ, въ ожиданіи другихъ судовъ изъ Шлюссельбурга, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Кексгольмъ. Затѣмъ г. профессоръ Соловьевъ говоритъ, что Іоаннъ былъ отвезенъ обратно въ Шлюссельбургъ въ прежнее помѣщеніе, приготовленное, было, для Петра III. Такимъ образомъ

пробываніе Іоанна Антоновича въ Кексгольмѣ подтверждается двумя русскими документами: указомъ Екатерины II—Силину и донесеніемъ послѣдняго императрицѣ; о возвращеніи же его въ Шлюссельбургъ никакихъ официальныхъ документовъ покуда еще не обрѣтено.

Въ монографіи г. профессора Брикнера ¹⁾ упоминается о пребываніи Іоанна въ Кексгольмѣ, на основаніи свидѣтельства трехъ иностранныхъ писателей. По словамъ Кастейры ²⁾: «Петръ III (желая облегчить участь Іоанна) пока довольствовался отправленіемъ его въ Кексгольмъ, находившійся (?) гораздо ближе къ Петербургу нежели Шлюссельбургъ» ³⁾. Гельбигъ рассказываетъ, что по смерти Петра III Іоаннъ на нѣсколько недѣль былъ отправленъ въ Кексгольмъ и затѣмъ возвратился въ свою прежнюю тюрьму въ Шлюссельбургъ. Наконецъ авторъ біографіи Іоанна, у Бюппинга (VI, 532), также говоритъ о тайномъ перевозѣ Іоанна на короткій срокъ въ Кексгольмъ, въ первое время царствованія Екатерины II. «При отсутствіи документальныхъ данныхъ объ этомъ дѣлѣ» — замѣчаетъ и Брикнеръ — «вопросъ о пребываніи Іоанна въ 1762 году въ Кексгольмѣ долженъ пока оставаться открытымъ».

Документальныя данныя приведены нами выше, и кромѣ того между кексгольмскими старожилами донинѣ сохранились преданія даже и не о временномъ нахожденіи Іоанна Антоновича, а о проживательствѣ его въ Кексгольмѣ до временъ Александра I. Поводомъ къ этимъ сомнительнымъ догадкамъ былъ «безъимянный узникъ», освобожденный въ 1802 году, по высочайшему повелѣнію. Преданія, собранныя Н. П. Авенаріусомъ, суть слѣдующія:

1) Покойный его родитель рассказывалъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія у своихъ родственниковъ въ Кексгольмѣ онъ видалъ тамъ (въ крѣпости, или въ иномъ какомъ мѣстѣ, того не упомянуть) высокаго сѣдаго старика, который, по словамъ мѣстныхъ жителей, былъ никто иной, какъ Іоаннъ Антоновичъ. Официальное имя старика было «Безъимянный», а настоящее (?) произносилось подъ величайшимъ секретомъ.

2) Одинъ кексгольмскій уроженецъ на вопросъ Н. П. Авенаріуса

¹⁾ Іоаннъ Антоновичъ, стр. 75—76.

²⁾ Кастера, I, 137.

³⁾ Можетъ быть «бывшій» Кексгольмъ, или, вѣрнѣе сказать, небывалый, построенный Кастерою: настоящій же Кексгольмъ находится отъ Петербурга въ 147 верстахъ, а Шлюссельбургъ въ 60, т. е. почти въ два съ половиною раза ближе Кексгольма:

о «Безъимянномъ» далъ не только утвердительный отвѣтъ, что все имъ слышанное отъ отца его—сушая правда, но добавилъ еще, что императоръ Александръ I (въ 1802 году?) посѣтилъ «Безъимянаго» въ Кексгольмской крѣпости, говорилъ съ нимъ наединѣ и позволилъ ему ходить съ караульнымъ по городскимъ улицамъ.

Послѣ того, Н. П. Авенариусъ, чрезъ посредство генераль-маіора Гр—мы, получилъ отъ брата его, кексгольмскаго почтмейстера В. Ѳ. Гренквиста, дальнѣйшій рядъ преданій, собранныхъ на мѣстѣ о таинственномъ узникѣ Кексгольмской крѣпости:

3) Старый отставной чиновникъ, занимавшій общественную должность въ Кексгольмѣ съ 1819 по 1826 годъ, несмотря на свои преклонныя лѣта (около 80-ти), вполне сохранившій умственные способности, рассказалъ г. Гренквисту слѣдующее:

«Въ царствованіе императрицы Екатерины II, къ коменданту Кексгольмской крѣпости, при секретномъ предписаніи, былъ присланъ арестантъ Безъимянный и заключенъ въ верхнемъ этажѣ крѣпостной башни на островѣ «Слосъ» (вѣроятно отъ нѣмецкаго Schluss или шведскаго slot). Въ маленькой комнатѣ этой башни онъ оставался безвыходно слишкомъ тридцать лѣтъ, и только въ 1802 году, при посѣщеніи Кексгольма императоромъ Александромъ I, былъ выпущенъ на свободу. Съ этого времени онъ поселился въ предмѣстьи, ходилъ свободно по улицамъ, но безъ права выѣзда изъ города. Въ 1819, или въ началѣ 1820 года, Безъимянный иногда посѣщалъ разсказчика; чаще всего приходилъ по праздникамъ «съ поздравленіемъ»; охотно угощался водкой, виномъ и пищей; не отказывался и отъ небольшого денежнаго вспоможенія; одѣвался бѣдно и просто, но выражался языкомъ человѣка образованнаго. Умѣлъ хорошо писать, но говорилъ только по-русски. Онъ былъ росту средняго, тѣлосложенія крѣпкаго; лицо имѣлъ благообразное, черты правильныя; борода и волосы у него были длинныя и сѣдые, прилично причесанные и приглаженные. Лицо его было нѣсколько обезображено тѣмъ, что у него не было ноздрей. Но по словамъ его, недостатокъ этотъ былъ не искусственный, а природный; къ тому же и на лицѣ у него не было и малѣйшихъ слѣдовъ позорныхъ клеймъ, которыя при врываніи ноздрей налагались на преступниковъ. При всей своей словоохотливости, обнаруживавшейся, въ особенности, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, Безъимянный чрезвычайно осторожно обходилъ вопросъ о своемъ пропедшемъ, говоря, что далъ государю честное слово—молчать, и что тайна его пойдетъ съ нимъ въ могилу. Безъимянный пользовался общей любовью городскихъ жителей; въ особенности бла-

говорила къ нему тогдашній винный откупщикъ Сидоровъ, выдававшій ему ежемѣсячно по 10 руб. (ассигн.). Кексгольмскіе жители, по секрету, передавали другъ другу, что Безъмянный никто иной, какъ Мировичъ, пытавшійся освободить Іоанна Антоновича изъ Шлассельбургской крѣпости. Безъмянный умеръ въ Кексгольмѣ ранѣе 1826 года, имѣя отъ роду свыше 80 лѣтъ.

4) Одна старушка, которой нынѣ болѣе 80 лѣтъ, рассказывала со словъ своей матери слѣдующее: Безъмянный былъ средняго роста; борода и волосы были у него темнорусыя; лицо продолговатое; носъ длинный; цвѣтъ лица бѣлый и необыкновенно нѣжный, «какъ хлопчатая бумага»; черты благородныя; глава каріе; весь обликъ мужественный и съ тѣмъ вмѣстѣ пріятливый. Онъ содержался въ крѣпостной верделинкѣ (равелинкѣ). Мать рассказчицы учила его чесать и пряхъ шерсть. Это было до 1802 года. По освобожденіи Безъмяннаго изъ крѣпости, онъ жилъ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время) у прикащика Александро-Невской лавры, которому принадлежали кексгольмскія тони (или заколы) на островѣ, неподалеку отъ устья рѣчки Вуоксы, впадающей въ Ладожское озеро. Стѣсняясь называть его «Безъмяннымъ», жители провали таинственного узника Никифоромъ Пантеленчемъ. Онъ умеръ въ Кексгольмѣ и похороненъ на тамошнемъ православномъ кладбищѣ. На содержаніе его выдавались отъ казны кормовыя деньги, подобно тому, какъ это дѣлалось для вдовы и дѣтей Пугачева. По словамъ рассказчицы, Безъмянный любилъ читать «божественныя книги». Отъ него же самого мать рассказчицы слышала, какъ онъ однажды въ Петербургѣ обѣдалъ съ какими то генералами, и когда, несмотря на постный день (29-го августа: день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ просторѣчїи Івана Постника), подали на столъ мясныя блюда, то онъ приказалъ ихъ убрать, и они немедленно замѣнены были постными кушаньями. На вопросъ слушательницы, кто же онъ таковъ, что его приказаніе могло имѣть такую силу, Никифоръ Пантеленчъ, или Безъмянный, отвѣчалъ: «Впредь не спрашивать; кто я—не подобаетъ знать». Когда его заключили въ верделинкѣ, все ему казалось знакомымъ: постель, окно, дверь, люкъ на полу, подъ которымъ протекала вода... «Мнѣ»—говорилъ онъ—«все это снилось уже цѣлыхъ семь лѣтъ сряду».

5) Одинъ пожилой кексгольмскій житель слышалъ отъ своей матери, недавно умершей на 90-мъ году жизни, что Безъмянный жилъ сначала на верделинкѣ, затѣмъ въ башнѣ.

6) Одна старушка, часто выдавая Безъмяннаго въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, говорить, что онъ былъ крѣпкаго сложе-

нія, невысокаго роста, важнаго вида; брови имѣлъ густыя и дугообразныя; носъ длинный и острый; цвѣтъ лица блѣдный, восковой прозрачности.

7) Другая почтенныхъ лѣтъ жительница Кексгольма рассказываетъ, что у Безъимяннаго новдрей не было. Въ бытность его еще въ заключеніи, жители, по праздникамъ, приносили ему пироги. Получивъ свободу, онъ посѣщалъ дома многихъ горожанъ; дѣти его любили и, радуясь его приходу, окружали его съ криками: «Безъимянный идетъ!».

8) Наконецъ, самъ В. О. Гренквистъ смутно припоминаетъ, что Безъимянный заходилъ въ домъ его родителей позавтракать.

Всѣ эти преданія о таинственномъ кексгольмскомъ узникѣ ведутъ къ двумъ догадкамъ — или, что Безъимянный былъ никто иной, какъ оставшійся въ живыхъ Іоаннъ Антоновичъ, или, что это былъ помилванный Миновичъ.

Первое изъ этихъ предположеній, по своей шаткости и ребяческо-му легковѣрью—не заслуживаетъ и опроверженія. Оно допускаетъ возможность замѣны Іоанна Антоновича другимъ арестантомъ, которому Чекинъ и Власевъ перерѣзали горло, выдавъ его трупъ Миновичу, вмѣсто трупа несчастнаго принца? Спора нѣтъ, что Власевъ и Чекинъ съ одинаковымъ хладнокровіемъ могли зарѣзать и кого-либо другаго вмѣсто Іоанна, но какъ примирить здравый разумъ съ той мыслию, что въ Шлиссельбургѣ содержались арестанты, предназначенные «на убой», по усмотрѣнію тюремщиковъ. Подобное безобразіе существуетъ, развѣ, въ Турціи, а у насъ могло быть только при Иванѣ Грозномъ, но не въ царствованіе Екатерины II... Впрочемъ, положимъ, что вмѣсто Іоанна Антоновича былъ убитъ другой арестантъ, а принца заточили въ Кексгольмѣ: какъ же могло случиться, что Іоаннъ изъ слабоумнаго и косноязычнаго превратился въ здравого, грамотнаго и разговорчиваго.... Блѣзна лица слишкомъ недостаточное доказательство тому, чтобы Безъимянный могъ быть Іоанномъ Антоновичемъ: блѣдность кожи — неизбежное слѣдствіе продолжительнаго заточенія человѣка въ темной кельѣ. Однимъ словомъ, чтобы признать Безъимяннаго за Іоанна Антоновича, приходится здравому смыслу сдѣлать слишкомъ тяжкія уступки наивному легковѣрью.

Второе предположеніе: будто Безъимянный былъ Миновичъ—опять допускаетъ замѣну одного лица другимъ—да еще на эшафотѣ... Если, по словамъ Гельбига, Кастеры, Сальдерна и другихъ иностранцевъ, Теплову удалось подкупить Миновича сложить голову на плаху, то едвали подѣ стать Миновичу отыскался бы другой охотникъ идти

на эшафотъ вмѣсто его. Впрочемъ Гельбигъ говоритъ, что Мировичъ «послѣ своей смерти» убѣдился въ вѣроломствѣ палачей... стало быть, ожилъ? Поводомъ къ предположенію, будто онъ былъ замѣненъ другимъ лицомъ, могло послужить то обстоятельство, что трупъ казненнаго вмѣстѣ съ эшафотомъ былъ сожженъ; это сожженіе могло наводить на мысль: точно-ли Мировичъ, а не другой кто, вмѣсто его, былъ обезглавленъ.

Догадки относительно Кексгольмскаго узника будутъ ближе къ правдѣ, если допустимъ—1-е, что Безъимянный былъ жертвою какой-нибудь юридической ошибки, сознание въ которой было слишкомъ щекотливо для правительства; или, 2-е, что онъ былъ однимъ изъ побочныхъ братьевъ Іоанна Антоновича, которые, по свидѣтельству историковъ, были у принца Антона Ульриха (можетъ быть, даже и отъ Бини Менгденъ). Наконецъ—3-е, не вѣрнѣе-ли признать въ Безъимянномъ какого-нибудь ересіарха, начальника расколыничьей секты въ родѣ Селифанова, Шилова, Семькина или Капустина? Расколыниками разныхъ толковъ, при воцареніи Александра I, были переполнены казематы и Динаминда, и Шлиссельбурга, и Кексгольма. Изъ нихъ многіе были освобождены по высочайшему повелѣнію.

Во всякомъ случаѣ, преданія о Кексгольмскомъ узникѣ, къ которымъ примѣшаны имена Іоанна Антоновича и Мировича, любопытны, во первыхъ, какъ проявленія народнаго сочувствія къ несчастному узнику Іоанну; во вторыхъ—какъ доказательство склонности нашего народа ко всему чудесному и таинственному. Пылкое и впечатлительное воображеніе простаго народа съ давнихъ временъ обладало, въ одинаковой степени, и склонностью, и способностью къ измышленію рассказовъ о таинственныхъ «политическихъ призракахъ». Рассказы эти, появлявшіеся всегда послѣ кончины вѣщеносцевъ, или особъ близкихъ къ престолу, изъ столицъ распространялись по всѣмъ концамъ Россіи, или, наоборотъ—изъ отдаленныхъ окраинъ имперіи достигали до Петербурга и до Москвы, проникая даже и въ образованные классы общества. Въ подтвержденіе нашихъ словъ приводимъ четыре примѣра слуховъ, ходившихъ въ народѣ и, въ свое время, нашедшихъ немало легковѣрныхъ.

Послѣ кончины императора Петра III, разнеслась молва, будто государь не умеръ, но неизвѣстно куда скрылся. Черезъ одиннадцать лѣтъ живымъ подтвержденіемъ этой нелѣпой молвы явился—самозванецъ Пугачевъ, выдававшій себя за покойнаго императора.

Въ первые годы воцаренія Александра I, въ низшихъ классахъ столичнаго населенія, злонамѣренными людьми были распространены

нелѣпные слухи, будто-бы императоръ Павелъ I не умеръ.... Ту же глупую сказку повторили и послѣ кончины Александра I: утверждали, будто онъ невѣдомо — куда скрылся изъ Таганрога; что въ гробу, вмѣсто тѣла императора, привезенъ трупъ какого-то солдата; по другимъ — кукла. Въ подтвержденіе этой нелѣпности ссылались на то обстоятельство, что гробъ покойнаго государя не былъ открытъ для публики ни въ Казанскомъ соборѣ, ни въ крѣпости.

Послѣдній слухъ въ этомъ же родѣ разнесся въ столицѣ при погребеніи цесаревича Константина Павловича, въ 1831 году, скончавшагося, какъ извѣстно, отъ холеры. Гроба съ тѣломъ покойнаго не открывали въ Петропавловскомъ соборѣ по той весьма понятной и уважительной причинѣ, что цесаревичъ скончался отъ эпидеміи. Этого было слишкомъ достаточно, чтобы выдумать нелѣпую сказку, будто цесаревичъ живъ, & подъ его именемъ похороненъ одинъ изъ его адъютантовъ, умершій отъ холеры; самъ же Константинъ Павловичъ заключенъ въ крѣпость. Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ бытность пишущаго эти строки въ одномъ изъ частныхъ учебныхъ заведеній, одинъ изъ его товарищей, мальчикъ лѣтъ тринадцати, сынъ артиллерійскаго генералъ-маіора, рассказывалъ — ссылаясь, будто слышалъ это отъ своего отца, — что «цесаревичъ Константинъ Павловичъ, нынѣ уже дряхлый сѣдой старецъ (время разказа относится къ 1843 году), живетъ въ крѣпости, въ особомъ, одному коменданту извѣстномъ помѣщеніи». Ту же нелѣпую сказку въ 1853 году повторялъ слышавшему ее отставной гвардейскій солдатъ и на всѣ возраженія отвѣчалъ настойчиво, что «знаетъ это отъ вѣрныхъ людей и отъ командировъ, которые видѣли Константина Павловича своими собственными глазами». Слухи эти, благодаря ихъ очевидной нелѣпности, въ большинствѣ случаевъ недолговѣчны; но проживи одинъ изъ подобныхъ вымысловъ около сотни лѣтъ, приобрѣти онъ колоритъ народнаго преданія — и, можетъ быть, историкъ надъ нимъ приаадуается и задастся вопросомъ, надъ рѣшеніемъ котораго не стоить и времени тратить. Однимъ изъ таковыхъ кажется намъ и возбуждаемый преданіями вопросъ о кексгольмскомъ узникѣ.

Въ дополненіе біографическихъ свѣдѣній о дѣтствѣ и юности виновника убіенія Іоанна Антоновича, приводимъ слѣдующую замѣтку, сообщенную намъ почтеннымъ протоіереемъ о. А. Сулоцкимъ ¹⁾.

¹⁾ Она была напечатана въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1871 г., № 26, стр. 168 и слѣд., но, по рѣдкости и недоступности ихъ для большинства читателей, едва ли имъ пзвѣстна.

Въ Tobольскѣ, въ половинѣ XVIII столѣтія, находилась, такъ называемая, «нѣмецкая» школа нѣкоего Сильвестровича.

Какого званія и какого чина или состоянія былъ до ссылки въ Сибирь этотъ Сильвестровичъ—неизвѣстно. Неизвѣстно также и то, когда именно и за что Сильвестровичъ былъ сосланъ, какое онъ имѣлъ имя и какая была до 1750 или 1751 года его фамилія. Пока намъ извѣстно объ немъ только то, что онъ былъ (русскій) нѣмецъ, по вѣрѣ лютеранинъ и человекъ религіозный, образованный, тихаго характера и болѣзненный. Извѣстно еще объ этомъ тобольскомъ учителѣ изъ ссыльныхъ, что онъ какимъ-то образомъ, несмотря на свой протестантизмъ, познакомился съ прибывшимъ въ декабрѣ 1749 года въ Tobольскъ ученикомъ и ревностнымъ до обращенія сибирскихъ инородцевъ въ христіанство, митрополитомъ Сильвестромъ, и, по убѣжденію его, оставивъ лютеранство, принялъ православіе; причемъ изъ уваженія и благодарности къ своему просвѣтителю, а съ тѣмъ вмѣстѣ, быть можетъ, и восприемнику, перемѣнилъ свою родовую, нѣмецкую фамилію на фамилію Сильвестровичъ, составленную на малоросійскій ладъ отъ имени своего просвѣтителя ¹⁾.

Чтобы не жить въ праздности, чтобы не изнывать отъ тоски въ постигшемъ несчастіи, а можетъ быть и изъ желанія быть полезнымъ молодымъ людямъ г. Tobольска и ихъ родителямъ, или для снисканія себѣ пропитанія, Сильвестровичъ рѣшился посвятить себя на чужбинѣ педагогической дѣятельности, завелъ въ Tobольскѣ «нѣмецкую» школу, въ которой и училъ молодыхъ дворянъ сибиряковъ, будущихъ офицеровъ и чиновниковъ—нѣмецкому языку ²⁾, музыкѣ, математикѣ и другимъ предметамъ. Въ 1750 году въ его школѣ училось 8 человекъ, въ томъ числѣ двое молодыхъ Андреевыхъ и третій Василій Мировичъ ³⁾, о которомъ далѣе у насъ и будетъ рѣчь.

Фамилія этого питомца Сильвестровича показываетъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ ближайшихъ своихъ предковъ, не былъ изъ природныхъ сибиряковъ. И дѣйствительно, Василій Мировичъ

¹⁾ Митрополитъ Сильвестръ, правившій тобол. наставію 6 лѣтъ, родомъ былъ изъ Малороссіи, учился въ кievской академіи, до архіерейства служилъ миссіонеромъ среди магометанъ и измѣнниковъ Казанской, Сибирской и Нижегородской губерній и ректоромъ казанской семинаріи. Фамилія его была Гловатскій.

²⁾ Двоихъ молодыхъ дворянъ Александра и Ивана Андреевыхъ онъ въ 1750 г. изъясилъ выучить нѣмецкому языку въ совершенствѣ за 150 рублей.

³⁾ Все доселѣ сказанное о Сильвестровичѣ и частію о Мировичѣ основано на Домов. лѣт. ученика Сильвестровича и соученика Мировича, капитана Ив. Андреева: «Чтен. въ Общ. ист. и древ. Рос.» 1870 г., кн. 4, смѣсь, стр. 67.

происхожденіемъ былъ изъ Малороссіи. Дѣдъ его, за участіе (въ 1703 и 1709 гг.) въ измѣнѣ Петру Великому Мазепы, былъ лишень тамъ имѣнія (помѣстье) и сосланъ на житье въ Сибирь, а отецъ его по имени Яковъ, прибывшій въ Сибирь съ своимъ отцомъ въ малолѣтствѣ, въ 40—50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, служилъ въ чинѣ капитана въ одномъ изъ расположенныхъ въ то время въ западной Сибири армейскихъ полковъ. Въ школѣ Сильвестровича Василій Миновичъ отличался предъ товарищами способностями, шелъ быстрѣ всѣхъ ихъ и выучился между прочимъ хорошо говорить по-нѣмецки и играть на скрипкѣ, а у отца, или у кого-нибудь другаго изъ малороссовъ—на народномъ малороссійскомъ инструментѣ—бандурѣ; но при этомъ былъ страшный забіяка, былъ мальчикъ дурныхъ наклонностей и худыхъ правилъ, такъ что подъ конецъ началъ дѣлать и учителю своему большія досады и выказывать грубости. Сильвестровичъ, несмотря на всѣ старанія исправить его, ничего не могъ съ нимъ сдѣлать, и это тѣмъ болѣе, что самъ онъ былъ человѣкъ больной, чахоточный.

По выходѣ въ 1750 г. изъ сильвестровичевой школы, Василій Миновичъ, какъ уже юноша взрослый, по обычаю многихъ дворянъ своего времени, въ томъ же 1750 г., вступилъ въ Нашебургскій пѣхотный полкъ, а съ нимъ въ слѣдующемъ 1751 году выступилъ въ Россію.

Дальнѣйшая судьба его изложена въ приведенныхъ выше историческихъ документахъ.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

VI ¹⁾.

Когда произошло весьма важное распоряженіе относительно Царства Польскаго: присланъ помощникъ и совѣтникъ намѣстнику, имѣвшій замѣнить его въ теченіе извѣстнаго времени, — взоры всѣхъ, принимавшихъ въ этомъ участіе, невольно обратились на Литву, гдѣ управлялъ В. И. Назимовъ, не хотѣвшій видѣть очень многого, что творилось вокругъ него, еще и потому, что онъ былъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, личнымъ свидѣтелемъ, до чего можетъ дойти чрезмѣрное усердіе и стародавніе приемы слѣдственныхъ комиссій и самихъ высшихъ властей края. Онъ боялся, какъ Богъ-знаетъ чего, надѣлать подобныхъ ошибокъ, никого не слушалъ, выгораживалъ господъ «Жвирждовскихъ», когда на нихъ указывали, какъ на главныхъ руководителей движенія, люди весьма солидные и достойные довѣрія; отъ этого безпорядки въ управляемомъ имъ краѣ шли съ каждымъ часомъ дальше и дальше.

Несмотря на угрозу литовскаго комитета варшавскому жонду «сидѣть спокойно, если возстаніе вспыхнетъ раньше ожидаемаго срока», Литва поднялась, и банды появились тамъ въ разныхъ пунктахъ одновременно съ бандами Царства. Въ Ковенской губерніи громче всѣхъ другихъ раздавалось имя тамошняго воеводы Сѣраковскаго, принявшаго названіе Доленги ²⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 179—246; 397—418; 589—620. XXV, стр. 55—88.

²⁾ Въ польскомъ языкѣ существуетъ слово *nieodęga*—неовкій, перасторопный человекъ. *Dołęga* образовано очень просто—отнятіемъ отъ *nieodęga* частицы *nie*, и значить, стало быть, оовкій. Но слова такого нѣтъ. Н. В.

Въ Гродненской губерніи болѣе всего говорили о воеводѣ Онупрія Духинскомъ, о начальникахъ бандъ: Траугутѣ, Кобылянскомъ, Левандовскомъ.

Въ Могилевской губерніи слышнѣе всѣхъ было имя воеводы Жвирадзовскаго ¹⁾.

Въ Виленской, Витебской и Минской губерніяхъ было также неспокойно; видимо, что-то готовилось; въ обществѣ громко называли имена измѣнчившихъ намъ поляковъ.

Въ Петербургѣ долго не вѣрили прилетавшимъ, время отъ времени, неяснымъ слухамъ о литовскихъ беспорядкахъ. Официальныхъ-же донесеній не было. Вой подъ Сѣмятичами сочтенъ былъ дѣломъ бандъ Царства Польскаго, такъ какъ Сѣмятичи лежатъ всего на-все въ 10-ти верстахъ отъ границы послѣдняго.

Вдругъ, въ началѣ апрѣля 1863 г., получено было извѣстіе, что помѣщики Витебской губерніи, графъ Платоръ и Моль, напали, недалеко отъ Динабурга, подъ дер. Креславкой, на транспортъ съ оружіемъ и, безъ сомнѣнія, отбили-бы его, еслибъ только крестьяне тѣхъ мѣстъ не явились на помощь незначительному прикрытію и не перехватили пановъ ²⁾. Это было уже почти въ центрѣ сѣверо-западнаго края и не Богъ-знаетъ какъ далеко отъ Петербурга. Ту же минуту былъ посланъ на мѣсто дѣйствія цѣлый уланскій полкъ, и наряжено слѣдствіе, которое, при беспорядочномъ управленіи краемъ, при заговорѣ противъ насъ массы чиновниковъ, отчасти полиціи и жандармовъ, представило фактъ въ извращенномъ видѣ: «будто-бы это ничто иное, какъ возмущеніе раскольниковъ противъ помѣщиковъ, угрожающее рѣзней въ родѣ Галиційской, въ 1846 году».

Шефъ жандармовъ, князь Долгоруковъ, сбившій съ толку донесеніями виленскаго окружнаго жандармскаго генерала Гильдебрандта, испросилъ, 16-го апрѣля ст. ст., повелѣніе отправить въ Витебскую губернію войско и особаго генерала, отъ шефа жандармовъ, «для усмиренія старообрядцевъ».

Министръ государственныхъ имуществъ, А. А. Зеленый, въ вѣдѣніи котораго находились старообрядцы, вечеромъ 16-го апрѣля, исходатайствовалъ отміну повелѣнія о командированіи генерала отъ

¹⁾ Приготовлялся къ инженерному училищу у Степанова вмѣстѣ съ Траугутомъ.

²⁾ Если вѣрить Ратчу, это нападеніе было устроено въ связи съ операціями Сѣраковскаго, имѣвшаго намѣреніе взять Динабургъ и потомъ произвести всеобщее возстаніе въ сѣверо-западномъ краѣ. (Свѣдѣнія, т. I, стр. 203—204).
Н. В.

шефа жандармовъ, такъ какъ это совсѣмъ не ихъ дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ испросилъ повелѣніе предоставить ему, министру государственныхъ имуществъ, принять мѣры къ прекращенію безпорядковъ, какіе-бы они тамъ ни были.

Вслѣдствіе этого былъ посланъ въ Динабургъ состоящій въ вѣдѣніи министра государственныхъ имуществъ генераль-лейтенантъ Длотовскій, съ предоставленіемъ ему правъ военного начальника возмущенной мѣстности.

На другой день, 17-го апрѣля (день рожденія Государя Императора), на маломъ выходѣ въ дворцовой церкви, только и говорили что о динабургскомъ происшествіи. Бывшаго тамъ же Михаила Николаевича Муравьева спросили: «слышали вы, что случилось въ Динабургѣ?». Муравьевъ отвѣчалъ, что «слышалъ»; что «этого надо было ожидать отъ западныхъ губерній, въ особенности, отъ Ковенской». На это сказано, что «посланъ туда полкъ», и что «скоро все будетъ прекращено». На это Муравьевъ возразилъ, что «едвали», что онъ «лучше многихъ знаетъ этотъ край», что «фамиліи, замѣшанныя въ динабургскомъ дѣлѣ, участвовали также и въ возстаніи 1830—1831 годовъ»¹⁾.

На этомъ разговоръ и кончился.

Въ высшихъ петербургскихъ сферахъ стали говорить о необходимости отозвать Назимова изъ Литвы, утверждая, что перемена системы управленія въ Царствѣ (если таковая задумана) должна послѣдовать и въ западныхъ губерніяхъ одновременно; что дѣйствовать иначе нельзя; что перемена управленія въ одномъ какомъ-либо изъ этихъ пунктовъ, а въ другомъ оставленіе старыхъ порядковъ,—есть прямой *poisens*. Тогда-же шли совѣщанія о разныхъ военныхъ и политическихъ мѣрахъ относительно всего сѣвернаго побережья, отъ Свеаборга до прусской границы, для чего былъ вызванъ въ Петербургъ, между-прочими, Муравьевъ-Карскій.

25-го апрѣля онъ былъ у Государя Императора.

Въ то же самое время явился фельдъегерь къ брату его, Михаилу Николаевичу, съ приглашеніемъ во дворецъ.

¹⁾ М. Н. Муравьевъ былъ гродненскимъ губернаторомъ, послѣ взятія Варшавы въ 1831 году; потомъ, въ 1832, назначенъ военнымъ губернаторомъ Мянска.

Онъ отправился немедля и нашелъ въ аванъ-залѣ канцлера, князя Горчакова, у котораго спросилъ: «не знаетъ ли онъ, зачѣмъ его можетъ требовать Государь Императоръ?».

— Государь Императоръ хочетъ, кажется, переговорить съ вами о дѣлахъ западныхъ губерній,—отвѣчалъ Горчаковъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ Муравьевъ-Карскій вышелъ отъ Государя и сказалъ брату, что «Его Величество его требуетъ».

Муравьевъ вошелъ.

Надо знать, что въ это время уже были получены нашимъ правительствомъ остерегающія ноты отъ первыхъ державъ: Англіи, Франціи и Австріи ¹⁾.

¹⁾ Пришли въ Петербургъ 17-го и 18-го апрѣля ст. ст. Текстъ ихъ можно видѣть во всѣхъ повременныхъ газетахъ, напр., въ «Journal de St.-Petersbourg». отъ 3-го мая 1863 г.

Къ затрудненіямъ нашимъ въ Царствѣ присоединилась тогда же подача въ отставку массою членовъ варшавскаго государственнаго совѣта (вслѣдствіе слуха, основаннаго на какомъ-то циркулярѣ, что «крестьянамъ разрѣшено вязать бунтующихъ помѣщиковъ»). Говорятъ, намѣстникъ спросилъ по телеграфу: «какъ быть въ такомъ случаѣ?». Отвѣтъ былъ: «уводить!».

Тогда уволены (въ теченіе марта и апрѣля 1863): Яковъ и Михаилъ Левинскіе, Францискъ Венглинскій, графъ Леопольдъ Полетилло, Александръ Бурцъ, графъ Казиміръ Старженскій, Владиславъ Грушецкій, Юсафатъ Бржозовскій, Магвѣй Розень (еврейскаго закона), графъ Владиславъ Малаховскій, Карлъ Козловскій, Эразмъ Рожницкій и секретарь-референтъ канцеляріи государственнаго совѣта, Викторъ Столыго. (Dzienn Powszechny. 1863, №№ 75, 108, 127, 129). Потомъ подалъ въ отставку и архіепископъ Фелинскій. Ему предложено объясниться съ Велепольскимъ. Велепольскій сказалъ, что «такой порывъ пастыря показываетъ только солидарность его съ овцами».

Фелинскій отправился въ замокъ и послѣ объясненія, былъ уволенъ отъ званія члена государственнаго совѣта. Одновременно съ нимъ, уволенъ помѣщикъ Эдмундъ Ставискій, главный редакторъ адреса къ Государю Императору, въ Февралѣ 1861 г., и адреса помѣщиковъ къ графу Замойскому, въ сентябрѣ 1862 г.

Н. В.

Всѣ министры и шефъ жандармовъ составили, по особому повелѣнію, комитетъ, куда М. Н. Муравьевъ былъ приглашенъ для совѣщавій, какъ будущій генераль-губернаторъ западнаго края. Въ два дня все кончилось: министры не спорили, но было замѣтно, что нѣкоторые не раздѣляютъ убѣжденій Муравьева. 28-го апрѣля ст. ст., Муравьевъ представилъ нѣкоторыя соображенія по управленію западнымъ краемъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ расширенія своихъ правъ. На это послѣдовало Высочайшее соизволеніе.... 1-го мая ст. ст., было отдано въ приказахъ о назначеніи Муравьева генераль-губернаторомъ шести сѣверо-западныхъ губерній; однако онъ оставался въ Петербургѣ до 12-го мая, пріискивая людей, совѣщааясь съ министрами и являясь съ докладами къ Его Величеству, для чего Муравьевъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Царское Село ¹⁾.

Муравьевъ уѣхалъ въ Вильну.

Что былъ за человекъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ—известно всякому, слѣдившему за нашею административно-политическою жизнью послѣднихъ дней. Довольно взглянуть на его фотографическую карточку, чтобъ составить себѣ понятіе объ его свойствахъ и характерѣ.

Когда заслонишь мундиръ на карточкѣ Ермолова—выйдетъ левъ.

Сдѣлайте тоже самое съ карточкой Муравьева—выйдетъ бульдогъ.

Никогда не помѣщающій у себя никакихъ рисунковъ англійскій «Times» счелъ тогда нелишнимъ, при одномъ номерѣ,—помѣстить большой полтипажъ Муравьева, нѣсколько усиленно воспроизводящій черты этого рѣдкаго типа, дабы познакомить съ нимъ Европу.

.....

....должно однако, въ концѣ концовъ, признать, что именно такой человекъ нуженъ былъ въ ту минуту, чтобы разрубить узелъ, который руками не развязывался. Дѣла были страшно запутаны.

Читатели увидятъ ниже, изъ открытыхъ для насъ случайно тайнъ жонда, что такое устроилось, по части революціонныхъ дѣлъ, въ Варшавѣ и краѣ.....

¹⁾ Всѣ подробности, относящіяся до назначенія Муравьева генераль-губернаторомъ, изложены въ его запискѣ, носящей такое заглавіе: «Объ управленіи и усмиреніи Сѣверо-Западнаго мятежа 1861 года». Въ концѣ поставлено: «4-го апрѣля 1866 г., С.-Петербургъ» (день злодѣйскаго покушенія Каракозова). Записка эта составлена безъ всякаго знанія литературныхъ приемовъ, съ поминутными прыжками въ сторону, ненужными повтореніями одного и того же, и отсутствіемъ хронологическаго порядка. За всѣмъ тѣмъ она—любопытный историческій матеріалъ и не можетъ быть обойдена историкомъ возстанія 1863 года.

(Муравьевъ до его назначенія въ Вильну былъ крайне нелюбимъ). Но раздраженіе противъ хаоса, въ какомъ находилось Царство и сѣверо-западные губерніи,—противъ безчисленныхъ, ежеминутныхъ оскорбленій, какимъ подвергалась честь русскаго имени, русскаго власти и всего русскаго—было такъ велико, что все въ Россіи (за самыми малыми исключеніями) рукоплескало верховной власти послѣ такого назначенія, инстинктивно предчувствуя необходимый поворотъ назадъ, въ противоположную сторону. Легко было предвидѣть, что если система управленія въ Литвѣ радикально измѣнится, то же самое должно неизбежно послѣдовать и въ Царствѣ.

Никто не способенъ забывать такъ скоро (все недоброе) въ прошломъ у человѣка, избравшаго другую дорогу, или.... оказавшагося пригоднымъ,—какъ забываютъ русскіе. У насъ это идетъ даже дольше, чѣмъ слѣдуетъ: не только забываютъ прошлое, но начинаютъ находить въ настоящемъ подобнаго человѣка то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ: кадятъ, восторгаются, пересаливаютъ въ похвалахъ и въ поклоненіи. То же случилось и въ отношеніи общества къ Муравьеву: весьма некрасивое прошедшее его было мгновенно забыто, какъ бы не существовало. Тѣ же самые люди, которые читали незадолго передъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ памфлетъ кн. П. В. Долгорукова о служебныхъ похожденіяхъ Михаила Николаевича ¹⁾, спѣшили теперь всячески заявить ему свое сочувствіе. Недавно (еще всѣми нелюбимый, въ высшей степени не популярный) Муравьевъ, этотъ горячій и упорный противникъ освобожденія крестьянъ съ землею,—сталъ получать нѣжныя, симпатическія письма и иконы! Первый написалъ ему ободряющее письмо московскій митрополитъ Филаретъ и послалъ притомъ образъ архистратига Михаила ²⁾. Даже Н. А. Некрасовъ, протестовавшій всю жизнь противъ грубости нравовъ и своеволія, написалъ Муравьеву (немного позже, именно въ апрѣлѣ 1866 г.) дифирамбъ!

Исторія всѣхъ увлеченій Муравьевымъ кончилась тѣмъ, что въ Вильнѣ, при новомъ православномъ храмѣ на Большой улицѣ, передѣланномъ (уже при Кауфманѣ) изъ католическаго собора, явилась особая часовня архистратига Михаила, въ память управленія кра-

¹⁾ Биографическій очеркъ, князя Петра Долгорукова, въ №№ 13, 14, и 15 «Будущности» 1861 г. Черезъ два года потомъ, въ 1863 г., напечатано то же самое по-французски, въ изданіи того же лица: «Le Vénidique», № 5, стр. 190—241. Наконецъ, въ 1864 г., вышла въ Лондонѣ отдѣльная брошюра, по-русски, подъ заглавіемъ: «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ».

²⁾ Смотри письмо Митрополита Филарета къ Муравьеву, въ приложеніи.
Н. В.

емъ Михаила Николаевича! Легко понять, что, при такомъ настроеніи всей Россіи, новый генералъ-губернаторъ далеко не встрѣтилъ на своемъ пути тѣхъ препятствій, какихъ опасался въ Петербургѣ. Управлять вѣрненнымъ ему краемъ такъ, какъ ему хотѣлось, было нетрудно.... Кого задумалъ смѣнить—тотъ летѣлъ, что называется, кувырккомъ. Враги и недоброжелатели его (тогда весьма небольшая кучка, кто ни въ какую пору не измѣнился къ нему въ своихъ чувствахъ) притихли и попрятались.

Все въ Литвѣ затрещало изъ конца въ конецъ. Многія банды разсѣялись сами собою, какъ дымъ ¹⁾). Другія перешли въ Царство ²⁾). Начальники нашихъ литовскихъ отрядовъ сдѣлались вдвое энергичнѣе, и совершенно измѣнили систему дѣйствій, когда Муравьевъ, въ одномъ изъ первыхъ-же приказовъ по войскамъ, объявилъ имъ, что онъ «Кавказа» устраивать въ западныхъ губерніяхъ не позволитъ ³⁾).

Нашлись и такіе начальники отрядовъ, которые систему разрушенія и преслѣдованія всякихъ малыхъ и большихъ беспорядковъ перенесли за черту принятыхъ Европою въ подобныхъ случаяхъ мѣръ. Въ такимъ принадлежали, между прочими, генералъ Я. П. Баклановъ ⁴⁾ и N. N. Онъ сжегъ однажды двѣ деревни, и землю, гдѣ онѣ стояли, велѣлъ вспахать; а жители, лишеныя всего, пошли—куда глаза глядятъ.

Въ Царствѣ Польскомъ, жондъ народовой, соединивъ въ одно всѣ силы страны, начиналъ «gządzić» какъ настоящее правительство, дѣлалъ, можно сказать, удивительныя вещи, но красные безумцы были имъ недовольны: они требовали чего-то еще большаго. «При томъ (положеніи), въ какомъ находилась высшая власть,—говорили они,—при той небрежности, съ какою ведутся, въ большинствѣ случаевъ, военныя дѣйствія,—и при томъ настроеніи Европы, какое выработалось: дѣла возстанія могли-бы идти гораздо шибче, но ихъ постоянно тормозятъ вкравшіеся въ народную организацію черезъ-

¹⁾ Однимъ изъ первыхъ казней въ Вильнѣ, на Торговой площади, ксендзъ Станиславъ Ишора, 22-го мая ст. стили 1863 г. Казнено по приговорамъ, утвержденнымъ Муравьевымъ, всего 240 людъ (оффиціальнымъ свидѣніи).

²⁾ Гиллеръ говорить, что «всеобщее стремленіе бандъ изъ Литвы въ Царство началось въ июлѣ 1863» (I, 206).

³⁾ Намекъ на способъ дѣйствій отрядныхъ начальниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго. Н. В.

⁴⁾ См. Записки Я. П. Балланова въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., томъ III, стр. 1—15; томъ IV, стр. 154—161.

чурь большой массой бѣлые. Довольно одного того, что всѣми дѣлами завѣдуетъ изъ Парижа Чарторыйскій!... Деньги собираются вяло и лѣнливо.... кто знаетъ: можетъ быть, готовится тихомолкомъ новая реакція... Зачѣмъ-нибудь Кроненбергъ да ѣздитъ къ Велепольскому,—Кроненбергъ, имѣющій несомнѣнныя связи съ жондомъ!.. Весьма можетъ статься, что жондъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, увидитъ въ улицахъ совсѣмъ не то, что было наканунѣ. Ему скажутъ, что совершились кое-какія необходимыя перемѣны—и заставить молчать, подѣ страхомъ выдачи всѣхъ его членовъ правительству головою. Произойдетъ неожиданная никѣмъ катастрофа, въ родѣ той, какую устроили тѣ-же бѣлые, подготовивъ такъ-же искусно, тихомолкомъ, и приведя въ исполненіе свою бѣлую диктатуру—и жондъ народный долженъ будетъ повѣрить, что все прошедшее, всѣ эти невѣроятныя труды, жертвы и борьба—были негнѣшимъ сномъ.... Пожалуй, «конгрессувка» что-нибудь и получить.... одна «конгрессувка».... а затѣмъ дѣла пойдутъ, какъ угодно Велепольскому ¹⁾).

Такъ размышлявшіе демагоги гнѣздились тогда главнѣйшимъ образомъ въ канцеляріи начальника города и отчасти въ повстанческой полиціи. Ядро ихъ собиралось на совѣщанія и просто-запросто поболтать о томъ,—о семъ, покутить, распить десятокъ-другой бутылочекъ «венгржина»—въ разныхъ пунктахъ города, но чаще всего на Долгой улицѣ, у Осипа Наржимскаго ²⁾, подлѣ 3-го цыркула. Тутъ бывали: сенатскій меценасъ (по-нашему—адвокатъ высшаго разряда) Петръ Кобылянский, аптекарь Стронскій, братья Эразмъ и Эдуардъ Кокосинскіе, молодой необузданный крикунъ Гликзелли (Glixelli); помощникъ начальника города, тоже очень молодой парень, недавній студентъ кіевскаго университета, Владиміръ Лемпке, и помощникъ одного изъ членовъ народнаго правительства, Иванъ Верницкій. Вся эта шайка анархистовъ сносилась постоянно съ такими-же ухорями Кракова, которые собирались преимущественно у извѣстнаго нечистаго духа описываемаго нами возстанія, Игнатія Хмѣленскаго, и возбуждали противъ жонда тамошнее общество. Къ нимъ принадлежали: разбитый подѣ Мѣховымъ отставной краковскій воевода, Аполинарій Куровскій (имѣвшій постоянный «зубъ» противъ жонда, какъ человѣкъ затертый въ то время, когда всячески

¹⁾ По мотивамъ Авефде—IV, 119—120,—и другимъ источникамъ.

²⁾ Первое его явленіе на сцену см. въ моихъ «Запискахъ о польскихъ разговорахъ и возстаніяхъ», стр. 192.

помогали возвышаться Лангевичу и другимъ, возводя ихъ въ высшіе чины и посылая имъ лишнія средства), ксендзь Котковскій, Владиславъ Вага, Ауфшлягъ и какой-то Трояцкій, котораго позже подозревали въ сношеніяхъ съ австрійскою полиціею ¹⁾.

Весь этотъ народъ и ихъ друзья, которыхъ было довольно, только и говорили о перемѣнѣ жонда и придумывали къ этому способы... между тѣмъ усилили терроръ въ Краковѣ и Варшавѣ, что было сдѣлать нетрудно, такъ какъ въ распоряженіи многихъ чиновъ народной организаціи, въ обоихъ этихъ городахъ, состояло по-нѣскольку штилетниковъ: стоило только мигнуть, *zrobić obstalunek* («заказъ»—какъ тогда выражались)—и жертва падала.

Жондъ народовой, не имѣя достаточныхъ силъ для воспрепятствованія такимъ беспорядкамъ, поневолѣ смотрѣлъ на все сквозь пальцы. Анархія дѣлала—что хотѣла. Кто ей не нравился, того убирали (*sprzatali*) безъ всякой церемоніи.

Когда графъ Бергъ, побуждаемый нѣкоторыми лицами въ Царствѣ, а также и письмами изъ Россіи—перемѣнить роль наблюдателя на дѣйствительнаго помощника высшей власти, тѣни—на человѣка съ мясомъ и костями, — сдѣлалъ подъ-рукою нѣсколько полицейскихъ распоряженій такого рода, отъ которыхъ поляки давнымъ-давно отвыкли ²⁾:—красные анархисты варшавской городской организаціи рѣшили, нисколько не сносясь съ жондомъ, убрать, *sprzątnąć*, этого человѣка, во что бы то ни стало, какимъ-нибудь энергическимъ способомъ. Но такъ какъ Бергъ, по занимаемому имъ посту, находился въ исключительныхъ, неудобныхъ для штилетниковъ условіяхъ: жилъ въ домѣ при монетномъ дворѣ, за желѣзною рѣшеткой, гдѣ у воротъ помѣщалась гауптвахта, вѣчно полная солдатами; у крыльца опять стояли солдаты съ ружьями и никого, безъ особеннаго распоряженія, не пропускали; пѣшкомъ онъ никогда не ходилъ; одинъ, безъ свиты и адъютантовъ, нигдѣ не появлялся:—то пихнуть его кинжаломъ, какъ всякаго другаго, въ каждую данную минуту, было нельзя. Надлежало подумать да и подумать о способѣ уничтоженія такого лица, а потому составленъ былъ въ городской орга-

¹⁾ Гиллеръ говоритъ прямо, что въ Краковѣ существовала «Komisja do obalenia Rządu Narodowego». Къ ней принадлежали всѣ упомянутыя лица, «столь-же безтолковые, какъ и самолюбивые недотроги. Они задерживали оружіе, посылаемое въ отряды, перехватывали деньги и прозводили другіе безпорядки». (I, 20, примѣчаніе).

²⁾ Краковская газета «Czas» помѣстила, 16-го апрѣля н. ст., 1863, корреспонденцію изъ Варшавы, гдѣ говорится уже, что «*szef rękę Berga*» (чувствуется Бергова рука).

низациі особый «проектъ уничтоженія графа Берга» (projekt sprzatnięcia Hrabiego Berga), подробности котораго неизвѣстны. Извѣстно только, что «уничтоженіе» замышлялось издали, посредствомъ ручныхъ гранатъ.

Одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ повстанской полиціи, Павелъ Ляндовскій ¹⁾, получилъ приказаніе помощника начальника города, Лемпке, заказать на казенномъ чугунно-литейномъ заводѣ, на Сольцѣ, нѣсколько десятковъ гранатъ, подъ названіемъ «ретортъ для аптеки Кирхшмита въ Кіевѣ». Ляндовскій отправился на Солецъ и сдѣлалъ явный заказъ. Литейщики знали, конечно, что это за реторты, вылить—вылили, но только 20, да и тѣ контролеръ работъ Эпплеръ приказалъ снова бросить въ горнъ, какъ-бы неудавшіяся, и, когда другой повстанскій полиціантъ, Доминикъ Красускій (ремесломъ каменщикъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ игравшій роль скульптора въ Сувалкахъ) ²⁾, явился на заводъ за полученіемъ «заказаннаго тогда-то» — ему отвѣчали, что «еще не готово, потому что не знаютъ, какой именно величины должны быть отверстія въ ретортахъ». Тогда отправился на заводъ самъ Лемпке и сдѣлалъ новый, тайный заказъ гранатъ. Его послушаться не смѣли и отлили вскорѣ около ста штукъ, которыя въ теченіе недѣли (къ 7-му мая н. ст.) были доставлены нѣсколькими рабочими завода въ кофейню Пильцовой, на Краковскомъ предмѣстьѣ, гдѣ онѣ хранились нѣкоторое время подъ замкомъ; а послѣ перенесены Доминикомъ Красускимъ и племянникомъ его, Ричардомъ Рутковскимъ, въ домъ Шванценбаха, на улицѣ Александрія, № 2,271, въ квартиру сестеръ милосердія: Ванды-Леокадіи Езерской, Елисаветы Соткевичъ и Генрихи Бабицкой ³⁾. На этомъ, покаиѣсть, затѣи красныхъ анархистовъ по дѣлу покушенія противъ графа Берга, по неизвѣстнымъ причинамъ, остановились....

Вниманіе террора сосредоточилось на другомъ лицѣ, уже извѣстномъ читателямъ секретарѣ Велепольскаго, Мишишевскомъ, который былъ заподозрѣнъ въ шпионствѣ: въ разсмѣиваніи, посредствомъ своихъ многочисленныхъ знакомствъ и связей, ядра безпорядковъ—членовъ жонда народоваго и ихъ главныхъ помощниковъ. Говорили

¹⁾ Молодой человекъ 20 лѣтъ, сынъ варшавскаго доктора, бывшій воспитанникъ варшавской медико-хирургич. академіи.

²⁾ См: «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV стр. 611.

³⁾ Показанія разныхъ лицъ въ дѣлѣ: «о покушеніи противъ графа Берга». Въ квартирѣ упомянутыхъ сестеръ милосердія находилась канцелярія Лемпке, какъ помощника начальника города, и жилъ онъ самъ. Н. В.

даже, будто-бы кое-что было имъ указано, и по этому поводу произведены внезапныя ревизіи и аресты. Тутъ никакихъ длинныхъ церемоній не было и никакихъ проектовъ не писали, а просто-за-просто былъ сдѣланъ «заказъ»—*obstalunek*: присланы два расторопные штилетника, и имъ приказано «*wysztylować*» Минишевскаго, гдѣ и какъ случится. Штилетники ходили за своею жертвой довольно долго. Напасть на Минишевскаго было трудно, такъ какъ онъ постоянно отправлялся изъ дому не одинъ, носилъ въ карманѣ револьверъ, а въ рукахъ увѣсистую, суковатую трость, и былъ, кромѣ того, самъ по себѣ чрезвычайно дюжъ и силенъ.

Такія безплодныя путешествія за нимъ надоѣли штилетникамъ и они рѣшились сдѣлать нападеніе на галлереѣ квартиры своей жертвы, на Римарской, въ домѣ подъ № 4,713, куда Минишевскій выходилъ временами въ халатѣ, не имѣя, разумѣется, при себѣ никакого оружія. Здѣсь засѣли они, утромъ 2-го мая н. ст., въ укромомъ мѣстѣ, и, когда Минишевскій показался, выскочили и нанесли ему три жестокіе удара въ шею, въ сердце и въ грудь, послѣ чего онъ упалъ, не вскрикнувъ, и сейчасъ же испустилъ духъ. А штилетники спокойно спустились съ галлерей и сказали замѣчному ими въ воротахъ полиціанту: «подите наверхъ, тамъ кому-то сдѣлалось дурно!»¹⁾.

Полиціантъ побѣжалъ.... произошла суматоха. Дворъ дома, гдѣ жилъ Минишевскій, мгновенно осадила толпа. Даже передъ воротами, когда ихъ заперла полиція, бродили цѣлый день кучи любопытныхъ. Большинство объясняло себѣ убійство тѣмъ, что «покойный писалъ противъ поляковъ». Такъ это и распространилось въ публикѣ²⁾.

¹⁾ Полиціантъ говорилъ, что «прошедшіе мимо него люди смотрѣли прилично и объяснялись между собою на неизвѣстномъ ему языкѣ, какъ-бы на французскомъ.

Въ брошюрѣ: *La Vérité sur l'insurrection polonaise de 1863 par un ex-chef insurrectionnel*. Paris 1869; стр. 67, — сказано, будто бы «каждому изъ этихъ лицъ дано по 125 рублей». Позже политическія убійства обходились жонду гораздо дешевле. Галлеръ увѣряетъ, что «Минишевскій убитъ по распоряженію низшихъ полицейскихъ властей варшавской революціонной организаціи» (II, 48).

²⁾ Въ день смерти Минишевскаго напечатана была во «Всеобщемъ Дневникѣ» (*Dziennik Powszechny*) 1863, № 101, статья его: «*Rewolucjonisci i Patrycjusz w Narodzie*». Выше стояла замѣтка: «*autor niniejszego artykułu, dzisiaj rano przez niewiadomego dotąd skrytobójcę zamordowany został*». — Кажется было совершенно ясно, что «за эту статью» Минишевскій убитъ быть никоимъ образомъ не могъ, такъ какъ онъ былъ убитъ раньше ея появленія въ свѣтъ, между тѣмъ, очень многіе въ Варшавѣ твердили, что онъ «убитъ именно за эту статью!» Такъ бывають тупы и несообразительны всѣ руководимые страстью.

Вдовѣ Минишевскаго было назначено, по ходатайству Велепольскаго, единовременное пособіе въ 1,000 рублей, обращенное послѣ въ пожизненную пенсію. Минишевская сначала отказывалась отъ этого, вслѣдствіе угрозъ со стороны революціонныхъ властей, но послѣ приняла ¹⁾.

Вслѣдъ за Минишевскимъ пало еще нѣсколько жертвъ. Все это приписывалось въ городѣ жонду. Нѣкоторые изъ его членовъ, знавшіе очень хорошо, кѣмъ производятся возмутительные беспорядки, могущіе возстановить общественное мнѣніе Европы противъ народныхъ правителей Царства Польскаго, находили, что нужно непременно положить этому предѣлъ: уничтожить анархистовъ тѣмъ же безцеремоннымъ способомъ, къ какому они, то и дѣло, прибѣгаютъ, устраняя — *szczepając* — людей, которые имъ не нравятся. Пошли объ этомъ въ жондѣ весьма серьезные толки; придумывались способы, какъ избавиться отъ лицъ, несомнѣнно вредящихъ правильному ходу дѣлъ возстанія. Анархисты почували грядущую имъ опасность — и повели контрмину.

Выше было сказано, что печати жонда хранились у Верницкаго, давнымъ-давно преданнаго анархистамъ и зачастую кутившаго вмѣстѣ съ ними. Взять у него печати было нетрудно. Главная печать жонда, какую скрѣплялись всѣ важнѣйшіе документы, очутилась въ рукахъ Лемпке, который приставилъ послѣ этого надежнаго штилетника къ рѣщику Тыцу, рѣзавшему всѣ печати жонда, чтобы онъ какъ-нибудь не вырѣзалъ новой, точно такой же печати. Затѣмъ составлена изъ разныхъ враговъ народнаго правительства «тайная коммисія городской организаціи» ²⁾, которая отправила въ жондѣ довѣренныхъ лицъ: Верницкаго, Лемпке, Станислава Ольшанскаго и Галекевича, съ порученіемъ «потребовать сдачи всѣхъ тайнъ и документовъ». Нечего и говорить, что эти господа не забыли взять съ собою достаточное количество штилетниковъ.

Жондъ, захваченный врасплохъ, лишенный главной своей печати, безъ которой былъ какъ безъ рукъ, не сталъ нисколько сопротивляться. Сдача документовъ произведена была въ совершенной тишинѣ. Только одинъ Авейде рѣшился спросить у Верницкаго

¹⁾ См. письмо Минишевской къ президенту города по этому поводу, въ приложеніи.

²⁾ Гидале ръ называетъ ее «Komissja Nadzorcza», съ правомъ неограниченнаго вето. Въ ней были, по его словамъ, безтолковые люди: M. S. i G. (I, 224, примѣчаніе). Онъ же говоритъ, что краковскіе анархисты хотѣли прибыть въ Варшаву и просто-за-просто перебить членовъ жонда, всѣхъ до одного, во Мазиновскій спасъ ихъ (II, 226).

ироническимъ тономъ: «кто-жъ будетъ править возстаніемъ?». Верницкій назвалъ какихъ-то пять человѣкъ—и солгалъ, потому что не зналъ именъ новыхъ, подготовленныхъ вождями заговора членовъ будущаго народнаго правительства.

Оно составилось изъ слѣдующихъ лицъ (жондъ третьяго состава): меценасъ Петръ Кобылянскій; чиновникъ бывшей комисіи народнаго просвѣщенія, Генрихъ Бонковскій; судебный чиновникъ, Эразмъ Малиновскій, и купецъ Владиславъ Квятковскій ¹⁾. Последнему было поручено также исправленіе должности начальника города. Секретаремъ и вмѣстѣ пятымъ членомъ новаго жонда слѣланъ неизбѣжный во всѣхъ жондахъ Авейде, человѣкъ обладавшій рѣдкой памятью, знавшій исторію всѣхъ жондовъ, отношенія между партіями, помнившій номера всѣхъ важныхъ бумагъ, пролетъ всякой мухи черезъ Варшаву и что она жужжала.

Кобылянскій, какъ старшій лѣтами и званіемъ, какое носилъ въ городѣ, сталъ сразу разыгрывать роль предсѣдателя въ новомъ жондѣ, и на первомъ же засѣданіи (въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая по н. ст.) объявилъ товарищамъ, что «считаетъ необходимымъ, прежде всего, ввести «уставъ Бобровскаго». Вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ съ Авейде, написалъ прокламацію къ народу и декретъ объ учрежденіи революціонныхъ трибуналовъ, что было тогда же отпечатано въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и разослано всюду, въ самомъ началѣ іюня н. ст. ²⁾.

Этимъ все кончилось. Бездарность новыхъ членовъ жонда и постоянное вмѣшательство во всѣ его распоряженія комисіи, которая совершила переворотъ и затѣмъ должна была сейчасъ же закрыться, но не закрывалась, составляя *Status in Statu*,—произвели очень скоро во всемъ повстанскомъ управленіи крайнюю хаосъ. Нигдѣ не получалось никакихъ предписаній, а также и денегъ на разныя расходы. Воеводства не знали, что подумать. Многіе изъ служившихъ народному дѣлу въ провинціяхъ предположили, что жондъ захваченъ полиціею, или по какимъ-нибудь обстоятельствамъ бѣжалъ. Дѣйствія бандъ до того были парализованы молчаніемъ высшей власти края, отсутствіемъ всякой помощи и совѣтовъ, что многія изъ нихъ спѣшили укрыться за границы и ждать тамъ, что будетъ дальше.

Въ это время повстанскаго безначалія и смуты случилось извѣстное похищеніе весьма значительной суммы денегъ изъ варшавскаго

¹⁾ Такъ, по словамъ Авейде. Гиллеръ вмѣсто послѣдняго ставитъ Франциска Добровольскаго (I, 224, примѣчаніе). Н. В.

²⁾ См. въ приложеніяхъ.

губернскаго казначейства, бывшимъ кандидатомъ петербургскаго университета, Александромъ Вашковскимъ, человѣкомъ юркимъ и рѣшительнымъ до невѣроятности и столько же честолюбивымъ, однимъ изъ тѣхъ польскихъ революціонеровъ, которымъ главное начальство, диктаторство — снится съ самыхъ пеленъ.

Вашковскій началъ свою службу возстанію въ іюнѣ 1862 г., протымъ десятникомъ. Въ августѣ того же года, сдѣланъ былъ сотникомъ и дальше никакъ не двигался, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Старааясь всѣми силами обратить на себя вниманіе высшихъ повстанскихъ властей и занять положеніе, болѣе соотвѣтственное его талантамъ и образованію, Вашковскій, въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 года, при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, похитилъ изъ землемѣрнаго отдѣла правительственной комисіи доходовъ и имущества (z Komisji Rządowej Przychodów i Skarbu, z Wydziału Pomiarów) 52 огромныхъ карты Царства Польскаго, которыя и были тотчасъ разосланы по воеводствамъ, а похитителю, что называется, никто и спасибо не сказалъ за это, потому что и въ повстанской службѣ, какъ и вездѣ, нужна протекція, чтобы кто-нибудь тамъ, сверху, замолвилъ слово, подтолкнулъ. У Вашковскаго не было такого человѣка между народными правителями края. И послѣ геройскаго похищенія картъ онъ оставался тѣмъ же неважнымъ чиновникомъ, тѣмъ же сотникомъ, какихъ было множество, какими были, между прочимъ, разныя роторонные ремесленники изъ литографовъ, портныхъ, парикмахеровъ, даже сапожниковъ, не проходившихъ не только университетскаго, но и никакого курса.

Больно было человѣку развитому и со способностями тереться между такимъ народомъ, не зная опредѣленно, когда будетъ этому конецъ. Гордость не позволяла ему забѣгать передъ людьми, которыхъ онъ считалъ никакъ не выше себя. Въ концѣ апрѣля по в. ст. (1863 г.), его однако замѣтили и подвинули впередъ, сдѣлавъ помощникомъ начальника отдѣленія въ городской организаціи (Wydziałowego w Organizacyi Administracyjnej Miejskiej), но, Боже, туда-ли рвались мечты его!!.. Когда явился декретъ жонда Кобылянскаго о революціонныхъ трибуналахъ, Вашковскій воспользовался этимъ: преклонилъ на свою сторону нѣсколько чиновниковъ комисіи финансовъ и съ помощію ихъ выкралъ изъ казначейства огромныя суммы ¹⁾, но передать ихъ

¹⁾ Похищено всего-на-все, въ три приема, 6-го, 7-го и 9-го іюня в. ст. 3,600,000 рублей, изъ коихъ 3,087, 500 рублей въ заставныхъ листахъ, 470,000 руб. кредитными билетами Имперіи и Царства и 42,000 золотомъ монетою (8,500 штукъ полуимперіаловъ). Подробности похищенія см. въ приложеніи.

жонду, котораго непрочность ясно видѣль—не рѣшился, а спрятать все покищенное у кого-то въ своихъ друзей¹⁾.

Катастрофа, ожидаемая Вашковскимъ и многими прозорливыми чинами народной организаціи, разразилась надъ жондомъ анархистовъ черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ они начали править возстаніемъ. Начальники отдѣленій городской организаціи, пригласивъ Авейде и Маевскаго (только-что выпущеннаго изъ цитадели) на квартиру директора повстанскихъ типографій, Вагнера, объявили имъ, что «безпорядочное управление новаго жонда, точнѣе—диктаторство Лемпке, Верницкаго и Гликзелли, при совершенной неспособности Кобылянскаго и его товарищей, привело дѣла возстанія въ крайнее разстройство, а потому необходимо всѣхъ этихъ господъ устранить и выбрать новыхъ правителей».

Авейде и Маевскій, по краткомъ совѣщаніи съ начальниками отдѣленій и еще кое-съ-къмъ изъ высшихъ чиновъ организаціи, рѣшили пригласить въ члены новаго жонда (4-го состава): тогдашняго гражданскаго начальника краковскаго воеводства, Владислава Голембергскаго; гейдельбергскаго студента Станислава Кржеминскаго; архитектора Осипа Яновскаго; инженера Осипа Грабовскаго, и сами вошли въ этотъ жондъ членами. Прежніе же члены жонда 3-го состава, сознавая сами свою неспособность и безсиліе, удалились молча и спокойно. Только одинъ Кобылянскій продолжалъ воображать себя великимъ администраторомъ и весьма удивился, что его не оставили, при новомъ переворотѣ, хоть простымъ членомъ жонда. Желая чѣмъ-нибудь отмстить триумфаторамъ, онъ передалъ печати народнаго правительства въ руки бывшей комисіи, которая затѣяла изъ-за этого съ новыми властями борьбу, «переполненную, по словамъ Авейде, такою грязью, что одно воспоминаніе объ этомъ долго потрясало всю его внутренность».

Наконецъ, печати были завоеваны—и все пошло своимъ порядкомъ.

Комисія, повидимому, также смирилась и какъ бы закрылась, но

¹⁾ Въ показаніяхъ своихъ Вашковскій говоритъ, что всѣ деньги отдалъ Сигизмунду Ласковскому, Wydziałowemu Wydziału 3-go тогдашней городской организаціи. Н. В.

Вотъ что сообщаетъ онъ о самомъ процессѣ похищенія: «Внѣшнія двери въ кассу со двора, у которыхъ стоялъ часовой, когда я входилъ за деньгами, были всякій разъ открыты настежь, и я вовсе не зналъ, что ключъ отъ этихъ дверей находится на гауптвахтѣ и что ихъ можно отворять неначе, какъ этимъ ключемъ, взявъ при этомъ ефрейтора. Если это и дѣлалось вообще, то надо предположить, что такіе порядки были устроены людьми, которые имѣли право входить въ кассу». (Точный переводъ съ польскаго). Н. В.

въ сущности работала тайкомъ противъ одержавшихъ побѣду, неавистныхъ для нея личностей, и приготовила мало-по-малу, вмѣстѣ со своими краковскими друзьями, второй *coup d'état*, о которомъ будетъ рассказано ниже. Болѣе дальновидные и рѣшительные члены (между прочимъ Авейде) совѣтовали товарищамъ распорядиться смирившимися анархистами безъ всякой церемоніи, но жондъ 4-го состава былъ слишкомъ бѣлъ для этого: оставилъ господъ Лемпке, Верницкаго и Гликзелли съ братіей въ покоѣ — и послѣ сильно раскаявался.

Новые члены народнаго правительства распредѣлили между собою занятія слѣдующимъ образомъ: Маевскій взялъ на себя заведываніе административною и финансовою частями, Голембергскій — военныя и заграничныя дѣла, Кржеминскій — прессу, Авейде — дѣла провинцій, Яновскій сдѣланъ статсъ-секретаремъ. На мѣсто начальника города приглашенъ секретарь Литвы, Вацлавъ Прибыльскій, съ оставленіемъ въ прежней должности. А вѣлому и малоспособному Зенковичу, при устраненіи его, обѣщано перемѣщеніе на первую видную вакансію, которая откроется ¹⁾.

Скрытые Вашковскимъ милліоны поступили тогда въ народную кассу. Кредитные билеты и монета оставлены для различныхъ расходовъ въ краѣ, а заставные листы отправлены въ учрежденную немного позже парижскую «коммисію погашенія народнаго долга». Потомъ часть ихъ перебралась въ Лондонъ ²⁾.

Чиновники комисіи финансовъ, Станиславъ Яновскій и Станиславъ Гебда, какъ наиболѣе помогавшіе Вашковскому совершить похищеніе казенныхъ милліоновъ, среди бѣла дня, — получили нѣкоторое вознагражденіе и уѣхали за границу ³⁾. Послѣ этого жондъ приступилъ къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ — къ управленію возстаніемъ. Дабы не показать краю, что въ высшихъ областяхъ организа-

¹⁾ Черезъ мѣсяць онъ былъ назначенъ начальникомъ города Львова, въ восточной Галиціи.

²⁾ Наше правительство сейчасъ же огласило въ газетахъ утраченные номера и вѣчало за границей процессъ съ владѣльцами этихъ бумагъ, который тянулся очень долго и не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Деньги эти пропали для насъ точно такъ же, какъ и кредитные билеты и монета.

³⁾ Сколько именно имъ дали — неизвѣстно, но обѣщано было по 3,600 рублей на человѣка, а вознымъ: Бельчинскому, Тышковскому и Колтуновскому, которые должны были помогать Вашковскому лично: — выносить и шить и пачки на улицу, — по 4,000 рублей каждому. Двое изъ нихъ бѣжали за границу, а третій (Колтуновскій) зарѣзлся.

ція происходила потрясенія, измѣнившія систему управленія, новый жондъ продолжалъ начатое Кобылянскимъ: ввелъ, прежде всего, въ дѣйствіе декретъ о революціонныхъ трибуналахъ—сформировалъ «трибуналъ Варшавскій», членами коего были: меценасъ варшавскаго сената, Витольдъ Мошинскій, въ качествѣ предсѣдателя; бывший студентъ московскаго университета Александръ Павловскій и сапожникъ Матвѣй Пенѣнжекъ, какъ простые члены ¹⁾. Прокуроромъ къ нимъ назначенъ бывший студентъ московскаго университета, Игнатій Косинскій, обязанностію коего было составлять обвинительные акты.

Жондъ народовой требовалъ отъ трибунала, чтобы онъ, по возможности, урегулировалъ старую, небрежную форму уничтоженія (sprzątnięcia) вредныхъ возстанію личностей; чтобы это не дѣлалось кое-какъ, по фантазіи кого-либо изъ высшихъ полицейскихъ властей, располагавшаго штiletниками, а производилось правильно, на основаніи законныхъ постановленій. До сихъ поръ рѣшалъ судьбу подозрительныхъ личностей начальникъ полиціи Карловичъ, никого не спрашиваясь, или спрашиваясь очень рѣдко: теперь приказано ему составлять предварительно списки такимъ лицамъ и представлять ихъ на разсмотрѣніе трибунала. Дѣлалось ли это, Богъ вѣсть....

Первое засѣданіе варшавскаго революціоннаго трибунала происходило въ концѣ іюня по н. ст., въ квартирѣ Мошинскаго, на Подвалѣ, гдѣ греко-уніатская (нынѣ православная) церковь. Слѣдующія затѣмъ засѣданія были—когда у Мошинскаго, когда у Павловскаго, на Медовой улицѣ, въ зданіи апелляціоннаго суда; или, наконецъ, на Долгой, въ домѣ комисіи юстиціи, гдѣ жилъ обыкновенно главный директоръ ²⁾.

¹⁾ Иные считаютъ предсѣдателемъ варшавскаго революціоннаго трибунала Петра Кобылянскаго. «Пенѣнжекъ, человекъ необыкновенно простой и плохо образованный, принятъ въ трибуналъ, по объясненію Авежде, единственно для оппозиціи излишеству юридическихъ формальностей. Къ тому же, какъ знавшій Варшаву и ея жителей вдоль и поперекъ, онъ могъ быть полезенъ товарищамъ указаніями, при рѣшеніи столь важнаго вопроса, какъ жизнь и смерть гражданъ». Что касается до правъ жонда на кару смертію, Гиллеръ разсуждаетъ объ этомъ такъ: «kara śmierci jest złem, ale złem w pewnych razach koniecznym, którego bardzo rzadko używać należy; jeżeli jednakże inne Rządu mają prawo ją wykonywać, smiesznem jest odmawianie tego prawa Rządowi Narodowemu» (I, 265).
Н. В.

²⁾ Замѣтныя квартиры, которыя занимали высшіе чины организаціи или учрежденія жонда въ Варшавѣ. Падлевскій, какъ говорили, жилъ подлѣ своего бывшаго начальника, генерала Шварца; Авежде—въ домѣ ордината Замойскаго, на Жабей улицѣ; Наржимскій—рядомъ съ 3-мъ дуркуломъ, на

Что тамъ творилось, объ этомъ нѣтъ нигдѣ опредѣленныхъ свѣдѣній. Произнесъ ли трибуналъ хоть одинъ смертный или какой-либо другой приговоръ?...¹⁾ Жертвы однакоже падали, или получали жестокия раны кинжалами.

Въ июнѣ мѣсяцѣ былъ убитъ юнкеръ Ерличъ, за поддѣлку печати народнаго правительства и сборъ денегъ по фальшивымъ квитанціямъ въ свою пользу²⁾. Потомъ убитъ, 4-го іюля н. ст., чиновникъ Тома Ратайскій, на Огородовой улицѣ. 12-го іюля н. ст., раненъ кинжаломъ въ бокъ и въ руку ревиновый дозорецъ Генрихъ Градовскій. 24-го іюля н. ст., убитъ полицейскій дозорецъ Бялыи, близъ Повонзковского кладбища.

Это были жертвы повстанскаго правосудія, опубликованныя въ газетахъ, но сколько въ то же время пало жертвъ безвѣстныхъ, о комъ ходили только глухіе, неопредѣленные слухи!...³⁾ Что касается провинціальныхъ революціонныхъ трибуналовъ—объ нихъ почти ничего неизвѣстно. Говорили, будто-бы въ Островскихъ лѣсахъ, Плоцкаго воеводства, стояла какая-то изба, носившая названіе революціоннаго трибунала, гдѣ засѣдало нѣсколько членовъ, подъ предѣтельствомъ нѣкаго Неялтовскаго, который осудилъ на смерть около 80-ти человекъ. Бывавшіе тамъ утверждали, что «сначала, какъ приведутъ, сидишь въ ямѣ дня два-три; потомъ потребуютъ въ избу,

Долгой улицѣ; Лемпке—у сестеръ милосердія, почти монахинь (имѣющихъ въ Варшавѣ свою особую форму: сѣрое платье—habit—и бѣлый, съ большими крыльями, чепецъ). Засѣданія революціоннаго трибунала происходили подлѣ церкви, или въ зданіи русскаго правительственнаго учрежденія, или тамъ, гдѣ квартировалъ главный директоръ комисіи юстиціи. Во всѣхъ этихъ пунктахъ полиціи и въ голову не приходило искать чего-либо подозрительнаго, или было не такъ удобно.

¹⁾ Онъ могъ также осуждать на изгнаніе изъ края (см. его атрибуціи въ прилож.). Привлеченные впоследствии къ отвѣту слѣдственной комиссіею, члены варшавскаго революціоннаго трибунала ото всего отперлись.

²⁾ Убитъ въ винномъ погребѣ Кіаса, который находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь начинается скверъ Краковскаго предмѣстья, если идти отъ намѣстниковаго палаца къ замку. Трупъ Ерлича, забытый въ доскѣ, стоялъ всю ночь, припертый къ дому, гдѣ произошло убійство, и никто на это не обратилъ вниманія.

³⁾ Тогдашній варшавскій губернаторъ, Рожновъ, сказывалъ автору, что къ нему однажды принесли мѣшокъ съ костями его агента, мелко-ва-мелко переломанными. Онъ выразался даже—«мѣшечекъ».

Всего-на-все у Рожнова убито семь агентовъ, имена которыхъ остались для публики неизвѣстными. Два изъ нихъ были начальниками отдѣленія.

Н. В.

гдѣ судять двое. Участъ приведеннаго рѣшается быстро: либо повѣсять тутъ же, на деревѣ,—либо только посѣкутъ и отпустятъ»¹⁾).

За границей революціонные трибуналы существовали только въ Краковѣ и во Львовѣ²⁾).

Нѣкоторые изъ служившихъ въ повстанской организаціи 1863 г. считали революціонные трибуналы ничѣмъ инымъ, какъ только мистификаціей, подражаніемъ декоративнымъ ужасамъ Венеціанской республики.....

Когда дѣло съ трибуналами такъ или иначе уладилось, т. е. хвостъ «устава Бобровскаго» началъ кое-какъ вилать и крутиться въ воздухѣ,—жондъ принялся за осуществленіе и другихъ частей чудовища, предназначеннаго воевать съ законнымъ правительствомъ—не на животь, а на смерть.

Все, чтó представляло до сихъ поръ неясный обликъ такъ-называемыхъ отдѣловъ или департаментовъ жонда, по разнымъ отраслямъ занятій (департаментовъ, начавшихъ жить еще до майскаго *coup d'état*)³⁾, дошло теперь до своего возможно полнаго и лучшаго выраженія.

«Не буду оспаривать,—говорить АвеЙде,—что нѣкоторыя подробности нашихъ учрежденій покажутся забавными, но только такое устройство было единственно возможнымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ»⁴⁾). Какое жь это было устройство?

Департаменты были сформированы на основаніи особыхъ для каждаго уставовъ, опредѣляющихъ ихъ составъ, предметы занятій, порядокъ дѣлъ, сношенія и т. п. Общія начала этихъ уставовъ таковы: каждый департаментъ состоялъ изъ директора, дѣлопроизводителей или референтовъ, число коихъ было не вездѣ одинаково, смотря по количеству занятій департамента,—и двухъ секретарей. Всѣ они, за исключеніемъ втораго секретаря, назначались народнымъ

1) Разсказано автору въ Плоцкой губерніи.

2) АвеЙде, IV, 193.

3) Болѣе всѣхъ проявлялъ жизни департаментъ внутреннихъ дѣлъ, благодаря способностямъ и энергіи одного изъ референтовъ (дѣлопроизводителей), Рафала Браевскаго.

4) IV, 137. Въ іюлѣ и августѣ 1863, жондъ народный собирався на квартирѣ АвеЙде, на Жабей улицѣ; потомъ у Рупрехта, въ редакціи «Польской Газеты», на Даниловячорской улицѣ; у Свинскаго, на Вейской, въ д. графа Августа Замойскаго; у меценаса Петра Кобылянскаго, на Свентоюрской, и наконецъ у одного доктора, подъ видомъ больныхъ, пришедшихъ за совѣтомъ. Въ отсутствіе доктора принималъ этихъ больныхъ Рупрехтъ. (Показанія Даниловскаго и АвеЙде).

правительствомъ, а этотъ послѣдній самимъ департаментомъ. Предметы занятій распредѣлялись по отдѣленіямъ или секціямъ, изъ коихъ каждая находилась въ завѣдываніи особаго чиновника. Первый секретарь не имѣлъ никакой секціи и завѣдывалъ канцеляріею и внутреннимъ порядкомъ департамента. Въ его рукахъ были контроль и журналъ входящихъ и исходящихъ дѣлъ; ему вѣрялись занятія, относившіяся къ секціямъ; наконецъ, на немъ лежали сношенія департамента съ другими существовавшими въ Варшавѣ революціонными учрежденіями. Второй секретарь былъ помощникомъ перваго. На практикѣ онъ чаще всего занимался перепискою бумагъ и служилъ разсылнымъ (Galorep). Порядокъ дѣлъ департамента былъ слѣдующій: всѣ дѣла, поступавшія черезъ директора или черезъ перваго секретаря, рассматривались и рѣшались въ ежедневныхъ коллегіальныхъ засѣданіяхъ всѣхъ членовъ департамента, за исключеніемъ втораго секретаря. Исполненія состоявшимся рѣшеніямъ были выполняемы каждымъ членомъ у себя на дому. Всякое рѣшеніе и вообще переписка и документы скрѣплялись печатью департамента, находившеюся въ рукахъ директора ¹⁾. Если же документы имѣли силу рѣшенія или предписанія народнаго правительства, то скрѣплялись еще печатью статсъ-секретаря. Сношенія департамента съ разными революціонными властями производились слѣдующимъ образомъ: съ народнымъ правительствомъ или непосредственно, черезъ директора, который передавалъ рапорты одному изъ членовъ народнаго правительства, смотря по свойству дѣла, и получалъ отъ него приказанія; или же письменно (напримѣръ при представленіи проектовъ, декретовъ, инструкцій и т. п.) черезъ статсъ-секретаря. Сношенія между департаментами производились только посредствомъ ихъ первыхъ секретарей, лично и письменно. Сношенія департаментовъ съ начальникомъ города происходили при посредствѣ перваго секретаря съ одной стороны и нарочно назначаемаго агента съ другой. Наконецъ письменныя сношенія департаментовъ съ воеводскими властями производились исключительно при посредствѣ статсъ-секретаря. Директоръ же отъ своего лица сносился съ ними только по его собственному усмотрѣнію. Права департаментовъ были двоякія: нѣкоторые дѣла департаментъ могъ рѣшать самъ по себѣ, съ обязанностию лишь докладывать народному правительству о своемъ рѣшеніи; о другихъ же, болѣе важныхъ дѣлахъ, дѣлалъ представленія.

¹⁾ Это была небольшая овальная печать, безъ гербовъ, съ надписью вокругъ: «народное правительство, департаментъ такой-то». Н. В.

Никакихъ назначеній въ должности департаментъ дѣлать не имѣлъ права ¹⁾).

Первымъ департаментомъ явился на свѣтъ самый важный: департаментъ внутреннихъ дѣлъ.

Во главѣ его стоялъ нѣкоторое время судья варшавскаго гражданскаго трибунала, Лагуна ²⁾. Онъ правилъ должность директора департамента, съ половины апрѣля по н. ст. до половины іюля. Затѣмъ директоромъ департамента внутреннихъ дѣлъ назначенъ одинъ изъ дѣлопроизводителей, Рафаэль Краевскій, о коемъ упомянуто выше. При немъ референты департамента, которыхъ было четыре, раздѣлили между собою занятія по 8-ми воеводствамъ—два воеводства на референта. Этими референтами сначала были: Станиславъ Кршеминскій, Игнатій Косинскій, Юсифъ Наржимскій и Романъ Жулинскій. Потомъ, при переходѣ этихъ лицъ въ другія мѣста, департаментъ внутреннихъ дѣлъ устроился, со стороны сношеній съ воеводствами, такъ: дѣлами по краковскому и сандомирскому воеводствамъ занимался самъ директоръ Краевскій. По мазовецкому и калишскому—сотрудникъ «Польской Газеты» Генель. По люблинскому и подлясскому—секретарь въ управленіи варшавско-вѣнской желѣзной дороги, Евгенийъ Дуниинъ. По плоцкому и августовскому—подписарь суда варшавской исполнительной полиціи, Эома Буржинскій. Секретаремъ департамента внутреннихъ дѣлъ былъ сначала Иванъ Банземеръ, потомъ студентъ главной школы, Густавъ Папроцкій ³⁾.

Военный департаментъ сформировался къ началу іюля по н. ст. такъ: директоромъ его былъ Евгенийъ Качковскій, бывшій до тѣхъ поръ помощникомъ Осипа Яновскаго ⁴⁾. Первымъ референтомъ у него, какъ бы начальникомъ штаба, былъ Иванъ Галензовскій, въ организаціи Янъ Голянскій, или просто Янъ, не-то Игнатій Голковичъ ⁵⁾. Вторымъ референтомъ военнаго департамента

¹⁾ Авейде, IV, 137—139.

²⁾ Тотъ самый, о которомъ было упомянуто въ IV главѣ, при описаніи студенческой панники въ костелѣ св. Екатерины—профессоръ петербургскаго университета.

³⁾ Составлено по запискамъ Авейде и по разнымъ официальнымъ документамъ.

⁴⁾ См. начало IV-й главы, «Русская Старина» изд. 1879 г., томъ XXV.

⁵⁾ Обращаемъ вниманіе читателей на заглавныя буквы всѣхъ этихъ именъ и фамилій: онѣ постоянно одиѣ и тѣ же, дабы не измѣняли метекъ на бѣзѣхъ. Къ послѣдней фамиліи Галензовскаго—Голковичъ—впоследствии такъ привыкли, что считали ее настоящею фамиліею этого лица. Вымышленное имя и фамилія Сигизмунда Падлевскаго имѣли тѣ же условія. (Zygmunt Padlewski—Zenon Poliński).

былъ Матвѣй Гралевскій, въ организаціи просто Матвѣй (Масіеј). Референтомъ по секціи врачей былъ одинъ изъ профессоровъ медицинскаго факультета Главной Школы. Военнымъ агентомъ считался помѣщикъ Роголинскій, въ организаціи эффенди (вслѣдствіе восточной его физиономіи). Секретаремъ былъ Болеславъ Малиновскій, въ организаціи Малина, или Война. Интендантомъ былъ аптекарь Стронскій. Къ тому же департаменту принадлежалъ купецъ Кремке, въ завѣдываніи котораго находились варшавскія мастерскія жонда, по части заготовленія оружія. Ему же поручено было образовывать въ Варшавѣ особую комиссію вооруженія въ родѣ литтискской, но, кажется, это не достигнуто ¹⁾).

Финансовый департаментъ устроенъ былъ помѣщикомъ Дюнисіемъ Скаржинскимъ, который набиралъ своихъ чиновниковъ лично, по кондитерскимъ, кофейнымъ и огрудкамъ. Долге всѣхъ онъ ухаживалъ за казначеемъ польскаго банка, Томою Ильницкимъ, человѣкомъ немолодымъ, у котораго каждый шагъ былъ математически разсчитанъ и размѣренъ, дабы какъ-нибудь не разрушить общихъ счетовъ съ жизнью. Проработавъ извѣстное число часовъ въ банкѣ, Ильницкій шелъ домой обѣдать; потомъ, подремавъ, отправлялся въ кондитерскую Конти *«paszaga kawę i grę szachów»*. На другой день было тоже самое, какъ двѣ капли воды. Выбить его изъ этой колеи, вставить въ жизнь его что-либо лишнее—было невозможно трудно. Скаржинскому пришлось выпить съ нимъ не одну чашку «чернаго кофе» и не разъ «сыграть въ шахматы», пока дѣло уладилось. Зато, взявшись быть повстанскимъ казначеемъ, Ильницкій исправлялъ эту обязанность съ такимъ же рвеніемъ, какъ и въ банкѣ, если только еще не съ большимъ. Такъ какъ жонда имѣлъ къ нему полное довѣріе, то разрѣшилъ помѣстить народную кассу у него на квартирѣ. Референтомъ по письменной части былъ здѣсь Карлъ Рупрехтъ, человѣкъ тоже испытанной честности. Референтомъ по контрольной части былъ бухгалтеръ администраціи шоссеинныхъ дорогъ, Іосифъ Точискій ²⁾. Въ должность контролера народнаго займа

¹⁾ Въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ есть свѣдѣніе о жалованьѣ главныхъ чиновъ военнаго департамента, собственно деньгахъ, выдававшихся этимъ лицамъ на дружки и omnibus: Качковскій бралъ когда 50, когда 75 рублей въ мѣсяцъ; Галензовскій отъ 50 до 60 рублей; Эффенди отъ 50 до 100; Гралевскій отъ 45 до 60; секретарь Малина 75 рублей.

²⁾ Участвовалъ въ возстаніи 1846 г. и сосланъ былъ въ арестанскія роты, въ Устькаменгорскѣ (Гиллеръ, IV, 73). Потомъ воротился по амнистіи 1856 г.

назначенъ (въ концѣ іюля по н. ст., тотчасъ послѣ выдачи декрета о народномъ займѣ въ 21 милл. злотыхъ) вышеупомянутый бухгалтеръ одного торговаго дома въ Варшавѣ, Генрихъ Воль. Секретаремъ былъ также известный читателямъ, Викторъ Зоммеръ, а по выѣздѣ его за границу, въ августѣ 1863 г., студентъ главной школы, Сигизмундъ Суминскій. Наконецъ (уже при Траугутѣ) — Артуръ Гольдманъ. Собирался этотъ департаментъ сначала у Зомера, а потомъ у Скаржинскаго. За полученіемъ денегъ, откуда бы онѣ ни поступали въ народную кассу, секретарь финансоваго департамента отправлялся въ секретаріатъ (учрежденіе, которое будетъ описано подробно ниже) и тамъ принималъ ихъ отъ статсъ-секретаря. Отпускъ денегъ Ильницкимъ производился не иначе, какъ по особому предписанію жонда, которое передавалось секретарю финансоваго департамента въ секретаріатѣ. Имѣя такое предписаніе, финансовый департаментъ снабжалъ своего секретаря ассигновкой на полученіе денегъ въ казначействѣ. Получивъ ихъ, секретарь снова отправлялся въ секретаріатъ и тамъ передавалъ ихъ секретарю того департамента, или городского отдѣленія, коему выдача предназначалась.

Бумаги, постулавшія въ финансовый департаментъ, можно, главнѣйшимъ образомъ, отнести къ тремъ категоріямъ: 1) просьбы, касающіяся податей. 2) требованія комиссарами или другими чинами организаціи денегъ. 3) отчеты разныхъ лицъ въ израсходованіи полученныхъ ими суммъ ¹⁾.

Департаментъ прессы состоялъ въѣкоторое время въ завѣдываніи прежняго начальника этой части, Эдуарда Сивинскаго, по увѣренію Авейде: неслишкомъ дѣятельнаго и небольшихъ способностей человѣка; а потомъ перешелъ къ секретарю Литвы и вмѣстѣ начальнику города Варшавы, Вацлаву Пршибыльскому, знакомому съ занятіями этого рода, такъ какъ онъ былъ довольно долго сотрудникомъ редактора «Виленскаго Курьера», Киркора ²⁾. Референтами

¹⁾ Эти послѣдніе, по словамъ референта по контрольной части, Точискаго (впослѣдствіи директора финансоваго департамента), представлялись, болѣею частію, въ такомъ запутанномъ видѣ, что правильный контроль былъ совершенно невозможенъ.

²⁾ Который объ немъ впрочемъ неособенно высокаго мнѣнія. Въ «Roczniku Tow. historyczno-literackiego w Paryżu» (Poznań, 1879, стр. 382) пребываніе Вацлава Пршибыльскаго въ Вильнѣ, во время генераль-губернаторства Назимова, описано весьма-несимпатичными красками. Чтобы войти въ расположеніе высшей власти края, онъ писалъ и печаталъ въ «Виленскомъ Курьерѣ» стихи не только въ честь Государя, но и въ честь генераль-губернатора, его супруги, ихъ салоновъ, баловъ и т. п. Но тамъ-же сказано, что, «приложивъ

его были: уже извѣстный читателямъ студентъ Владиславъ Богуславскій; чиновникъ дипломатической канцеляріи намѣстника, Радоминскій и одинъ изъ сотрудниковъ «Польской Газеты», Вагнеръ, оставшіяся по-прежнему директоромъ всѣхъ повстанскихъ типографій¹⁾).

Департаментъ иностранныхъ дѣлъ, или заграничный, находился (съ конца іюня мѣсяца по н. ст.) въ завѣдываніи секретаря варшавскаго городского совѣта, Генриха Краевскаго, и сибиряка Гервазія Гзовскаго²⁾. Послѣдній считался первымъ секретаремъ департамента. Второго секретаря здѣсь не было, а былъ только переписчикъ. Кромѣ того временами работала въ томъ же департаментѣ членъ народнаго правительства Големберскій.

Былъ еще департаментъ провинцій, гдѣ директоромъ состоялъ членъ народнаго правительства, Авейде, имѣя помощниками: секретарей Литвы и Руси, Пршибыльскаго и Добецкаго, Гиллера (до назначенія его секретаремъ заграничнаго агента жонда, Скорупки) и молодаго галиційскаго помѣщика, графа Козебродскаго. Эти лица должны были имѣть своихъ помощниковъ, но не имѣли. Одинъ только Пршибыльскій, будучи обремененъ занятіями по должности начальника города, заставлялъ иногда кого-то исправлять свои обязанности по званію секретаря Литвы.

Наконецъ учрежденъ такъ называемый секретаріатъ, имѣвшій своихъ референтовъ и секретарей. Къ числу его занятій относились: 1) веденіе Контроля и журнала всей переписки народнаго правительства. 2) посредничество между народнымъ правительствомъ и подчиненными ему властями. Статсъ-секретарь принимала всѣ рапорты и бумаги, адресованные на имя жонда, и отправляла отвѣты жонда и департаментовъ, куда слѣдовало. Для этого онъ долженъ былъ знать всѣ, болѣе или менѣе, необходимыя адреса³⁾. 3) заготовленіе свои способности къ революціонной дѣятельности, Пршибыльскій явился несмѣлнано-ловкимъ и отважнымъ агитаторомъ и слугою жонда, какъ-будто-бы это была его настоящая дорога. Его находчивость въ изобрѣтеніи разныхъ хитрыхъ мелочей въ сложной машинѣ Тайнаго управленія городомъ была повстинѣ изумительна». (Стр. 383).

¹⁾ Типографіи помѣщались, болѣею частію, въ двухъ домахъ каждая: въ одномъ пунктѣ набирали, а въ другомъ печатали. Наборщиками и печатниками были обыкновенно люди, знакомые съ этимъ дѣломъ—работники частныхъ типографій, которыхъ Вагнеръ склонилъ на свою сторону, приводилъ у себя на дому къ присягѣ: «служить вѣрой и правдой жонду народовому и не измѣнять тайнъ». Имъ платили около 30 рублей на человека въ мѣсяць.

²⁾ Принадлежалъ къ заговору Свентокршищевъ и былъ сосланъ въ каторжную работу, въ 1840 году. Вернулся по амнистіи 1856 года. Н. В.

³⁾ Пріемъ и взаимная передача всего существенно важнаго, иначе сказать: -ношенія жонда съ департаментами и департаментовъ между собою—пронско-

нужныхъ печатей. Съ этихъ поръ рѣшении могли дѣлать печати не иначе, какъ только по письменному разрѣшенію статсъ-секретаря. 4) выборъ курьеровъ и доставленіе паспортовъ, не только революціонныхъ, но и законныхъ, правительственныхъ. Последніе были, смотря по обстоятельствамъ, двухъ сортовъ: фальшивые и настоящіе. 5) въ вѣдѣніи статсъ-секретаря находились всѣ сообщенія: желѣзныя дороги и почты, какъ обыкновенная, такъ и обывательская. Желѣзными дорогами и обыкновенными, правительственными почтами управляли особые комиссары революціоннаго правительства, а обывательскою почтою—одинъ изъ референтовъ секретариата. Всякія перемѣны въ этой послѣдней зависѣли отъ департамента внутреннихъ дѣлъ. Пользоваться ею можно было только съ дозволенія и при посредствѣ статсъ-секретаря. (На практикѣ, это, какъ и многое другое, безпрестанно нарушалось.) 5) наконецъ статсъ-секретарь присутствовалъ на засѣданіяхъ народнаго правительства, завѣдывалъ собственною его канцелярією, прикладывалъ къ разнымъ бумагамъ одну изъ двухъ хранившихся у него печатей: революціоннаго правительства, или свою, статсъ-секретарскую. Изъ лицъ, служившихъ въ секретариатѣ, извѣстны: Иванъ Лавцевичъ, Антонъ Розманитъ, Ольшанскій и Войцѣховскій. Антонъ Розманитъ, какъ видѣли выше, управлялъ экспедитурой, помѣщавшейся въ каморкѣ при винно-бакалейномъ магазинѣ его брата, Франциска, на Новомъ Свѣтѣ ¹⁾. Теперь, вслѣдствіе увеличившейся переписки жонда съ воеводствами и несравненно большаго количества печатныхъ изданій (кои также подлежали разсылкѣ), экспедитурa была перенесена на другую, просторную квартиру «на Лясоцкомъ» ²⁾, которую одинъ изъ очевидцевъ описываетъ такъ: «Двѣ комнаты, бюро, столикъ и два кресла. На полу кучи газетъ: Niepodległość, Ruch, Wiadomości Poliryczne, Wiadomości z pola bitwy и другія; военные уставы, въ переплетахъ и безъ нихъ; воззванія къ народу, бланки: жонда, начальника города, разныхъ департаментовъ: войны, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и т. д. На бюро множество мѣдныхъ печатей для разныхъ народныхъ властей внутри

или посредствомъ особаго сборнаго пункта всѣхъ секретарей, куда являлся въ извѣстномъ часу, ежедневно, и статсъ-секретарь. Этимъ пунктомъ была аудитория профессора Венедикта Дибовскаго, въ зданіи Главной Школы, у воротъ, ведущихъ на Обозную улицу. Для обыкновенныхъ же разсуждѣній, съ чѣмъ бы то ни было, употреблялись галонены.

¹⁾ Францискъ Розманитъ былъ также однимъ изъ начальниковъ отдѣленій въ городской организаціи.

Н. В.

²⁾ Огромный домъ съ нѣсколькими флигелями, на Долгой улицѣ.

края ¹⁾, сургучъ, стеариновыя свѣчи, картузная бумага для конвертовъ, перья и чернила».

Кромѣ всего сказаннаго, относившагося прямо къ жонду и его департаментамъ, въ городѣ было учреждено нѣсколько такъ называемыхъ приемныхъ конторъ (около шести), при надежныхъ и вѣрныхъ возстанію купеческихъ магазинахъ, коихъ владѣльцы принимали на свою отвѣтственность безопасность лица, являвшагося туда по какому-либо случаю, а также и безопасность всего, что онъ доставлялъ: пакеты, писемъ, рапортовъ и т. п. Тутъ же записывался и адресъ прибывшаго съ пакетомъ. Особые люди (галопены статсъ-секретаря) обходили всѣ приемныя конторы по крайней мѣрѣ два раза въ день и собирали оставленное тамъ разными лицами. Статсъ-секретарь, пересмотрѣвъ это, записывалъ въ журналъ и передавалъ, по возможности немедленно, первымъ секретарямъ департаментовъ, что кому слѣдовало. Отвѣты на всѣ бумаги передавались обратнымъ порядкомъ, черезъ галопеновъ-же, въ конторы. Въ случаѣ особенной спѣшности, курьеръ получалъ отвѣтъ прямо изъ секретаріата. Если были необходимы еще и личныя объясненія, то посланнаго направляли къ указанному статсъ-секретаремъ лицу. Несмотря на такой, повидимому, сложный порядокъ, отвѣтъ въ воеводство отправлялся обыкновенно не позже какъ по истеченіи 24 часовъ послѣ полученія вопроса.

Почты и желѣзныя дороги:—варшавско-вѣнская и варшавско-бромбергская (с.-петербургская мѣнѣ) находились тогда въ полномъ распоряженіи народнаго правительства. Онѣ перевозили безпрекословно не только огромные пакеты и тюки, но и людей, цѣлыми десятками, хотя бы безпаспортныхъ; пересылали небольшія телеграфическія депеши, писанныя условнымъ ключемъ, доставшимся отъ бѣлнхъ, и другимъ, изобрѣтенія князя Владислава Чарторыскаго. Изрѣдка пересылалось по желѣзнымъ дорогамъ и оружіе. Такъ, напримѣръ, доставлено оружіе въ батальонъ «Варшавскихъ дѣтей» Жихлинскаго, въ мазовецкое воеводство, и въ кавалерійскую банду Баера ²⁾.

¹⁾ Въ императорской публичной библиотекѣ хранится тетрадь со снимками разныхъ печатей возстанія 1863 г.: ихъ числомъ около 700, но это далеко не всѣ, бывшія въ употребленіи организаціи.

Н. В.

²⁾ По словамъ Здислава Янчевскаго, оружіе, покупаемое въ Лиежѣ, направлялось на Потсдамъ, подъ Берлиномъ, въ оружейнымъ фабрикантамъ явно. Здѣсь агенты жонда (аgenci Broni) принимали его и упаковывали, какъ сахаръ, красное вино, прованское масло, полотно, металлическія издѣлія, и посылали за границу, давая большія взятки прусскимъ чиновникамъ на желѣзной дорогѣ и въ тамошняхъ. Съ границы оружіе отправлялось ночью частями черезъ такъ называемыхъ szwarcowników, иначе: szmuglerów или defraudantów—красельявъ, не-то просто по желѣзной дорогѣ, въ машинномъ отдѣленіи,

Почти одновременно съ образованіемъ департаментовъ (собственно въ іюнь), урегулирована какъ слѣдуетъ и почтовая часть. Сами чиновники желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ станцій написали уставъ, какъ производить разсылку всего, доставляемаго жондомъ—и этотъ уставъ былъ утвержденъ народнымъ правительствомъ.

На желѣзныхъ дорогахъ учреждена по этому уставу, такъ названная коммуникаціонная организація, имѣвшая свою центральную власть, какъ кажется, изъ 5-ти членовъ. Эта организація состояла въ вѣдѣніи и зависимости секретаріата, чрезъ посредство одного изъ его референтовъ, который носилъ названіе комиссара коммуникаціи (имъ былъ Ольшанскій). Обыкновенныя конныя почты составили свою особую организацію, немного отличающуюся отъ организаціи желѣзныхъ дорогъ. Онѣ точно также зависѣли отъ секретаріата, входя съ

тательно укрытое; также: въ двойныхъ днахъ вагоновъ, въ желѣзныхъ несгораемыхъ шкафахъ, между двойными стѣнками, либо въ стѣнахъ omnibusовъ и другихъ большихъ экипажей, которые шли въ Варшаву изъ Вѣны. Многое, несмотря на всѣ эти хитрости, было захватываемо, а чтó проходило, то стоило дорого: штуцеръ, купленный въ Ліежѣ за 40 франковъ, обходился рублемъ въ 40 или даже и болѣе по доставкѣ. Изъ 30 тысячъ штуцеровъ, купленныхъ Александромъ Гуттри, ни одинъ не прибылъ въ банду. Часть задержана пруссаками, часть захвачена русскимъ правительствомъ.

Экстраординарные агенты жонда покупали оружіе гдѣ случится: въ Торнѣ, Бромбергѣ, Вреславлѣ, Каттовницахъ, съ доставкой до границы, болѣе или мѣнѣе по слѣдующимъ цѣнамъ: штуцеръ 20 рублемъ, палашъ отъ 4 до 5 рублемъ. Перевозъ штуцера черезъ границу обходился въ 3 рубля, палаша въ 1 рубль; центнеръ пороху стоилъ отъ 50 до 60 рублемъ, тысяча пистоновъ—5 рублемъ. Эта закупка была вѣрнѣе ліежской. Янчевскій считаетъ, что всего-на-все куплено 76,000 штуцеровъ; изъ нихъ 44,000 захвачено пруссаками и австрійцами; остальные 32,000 перевезены въ Царство Польское, по при этомъ задержано русскими властями около 15—16,000 штукъ. Гиллеръ же увѣряетъ, что Пруссія и Австрія захватили у нихъ до 70,000 штурдеровъ, кромѣ сабель, палашей, пистолетовъ, револьверовъ, косъ и аммуниціи, всего-на-все вооруженія на стотысячную армію (I, 275, примѣчаніе). Онъ говоритъ также, что одно время даже правительство Виктора Эммануила захватывало оружіе, идущее въ русскую Польшу (II, 276). Въ Куявахъ, въ августовскомъ воеводствѣ, и на Подлясѣ, по словамъ Гиллера, множество хлопковъ разбредось изъ бавдъ по домамъ единственно за недостаткомъ оружія (II, 280). Гиллеръ сильно жалуется на неловкость агентовъ, занимавшихся закупкой оружія (II, 276—277). А жондъ жаловался постоянно на прусскихъ фабрикантовъ, которые будто-бы доставляли оружіе не того достоинства, какъ подряжались. Бывали якобы случаи, что фабрикантъ, отправивъ какое-нибудь, никуда негодное оружейное старье, давалъ знать прусской полиціи: она захватывала—неизвѣстно чтó, а фабрикантъ былъ предъ жондомъ правъ, и требовалъ уплаты денегъ какъ бы за хорошее оружіе.

Н. В.

нимъ въ сношенія при посредствѣ особаго почтоваго комиссара. Здѣсь не было центральной власти, а былъ просто-за-просто революціонный директоръ правительственныхъ почтъ¹⁾.

Городская организація получила также съ этого времени болѣе совершенную и практическую форму, вступила въ иной фазисъ существованія, подъ управленіемъ расторопнаго начальника, Вацлава Пршибыльскаго, главною мыслию котораго было: «идти между жителями Варшавы вглубь и вдаль, до послѣднихъ слоевъ и закоулковъ, дабы захватить всѣ существующія въ городѣ силы». Потомъ: «исключить изъ занятія городской организаціи все, до нея не касающееся; добиться, чтобы члены городской организаціи сами ничѣмъ не располагали и не завѣдывали (какъ это было до сего времени), а служили-бы только въ помощь жонду и учреждениямъ, непосредственно съ нимъ связаннымъ». Наконецъ: «городская организація должна была всемірно располагать общественное мнѣніе Варшавы въ пользу востанія и поддерживать духъ народа въ одинаковомъ патриотическомъ настроеніи». Всѣ эти задачи Пршибыльскій преслѣдовалъ, насколько хватало силъ, и до нѣкоторой степени достигъ желаемаго. Что касается состава тогдашней городской организаціи, въ него входили: 1) Администрація организаціи, или городская организація, собственно такъ называемая. 2) Военные организаторы. 3) Повѣрочная коммисія (Komissja Weryfikacyjna). 4) Главный опекунскій совѣтъ (Ogólna Rada Opiekunicza). 5) Полиція и жандармы.

Городская организація, собственно такъ называемая, слагалась изъ пяти начальниковъ отдѣленій, называемыхъ радными (Radny), коихъ назначало народное правительство, по представленію начальника города. Ближайшіе помощники радныхъ назывались лавниками (ławnik), по причинѣ дѣленія cadaго изъ пяти отдѣленій городской организаціи на 5 округовъ или лавъ (ława); только въ одномъ отдѣленіи было 6 округовъ, — оттого всѣхъ округовъ или лавъ въ городѣ считалось не 25, а 26. Всѣ лавники назначались самими радными, исключая одного перваго, который, въ отсутствіи раднаго, заступалъ его мѣсто. Этому лавника назначалъ самъ начальникъ города. Далѣе, каждая лава дѣлилась на 6 и болѣе секцій, до 10, во главѣ которыхъ стояли секціонные начальники, назначаемые радными, по представленію лавниковъ.

Всѣхъ чиновъ городской организаціи было такимъ образомъ до двухъ тысячъ человекъ, такъ что каждая улица, даже каждый десятокъ-другой домовъ — имѣли своего начальника, который наблю-

¹⁾ Авейде, IV, 137—185.

далъ за всѣмъ въ нихъ происходившимъ и дѣлалъ соотвѣтственные своимъ наблюденіямъ распоряженія.

Повѣрочная коммисія была учреждена вслѣдствіе жалобъ со стороны вносившихъ подати (по декрету отъ 8 марта н. ст. 1863) на несоразмѣрность распредѣленія ихъ и различные безпорядки, происходившіе прямо отъ сборщиковъ. Она должна была разсматривать эти жалобы, состоя подѣ общимъ контролемъ одного изъ референтовъ финансоваго департамента.

Главный опекунскій совѣтъ возникъ въ помощь остававшимся иногда безъ всякаго пропитанія семействамъ лицъ, ушедшихъ въ банды, убитыхъ, сосланныхъ... Эти семейства, еще до учрежденія совѣта, поручались исключительно призору женскихъ пятерокъ, появившихся вскорѣ послѣ вооруженнаго возстанія, въ видѣ особой женской организаціи. Въ срединѣ 1863 года, женскія пятерки размножились, въ Варшавѣ и внутри края, до такой степени, что главныя руководительницы; дамы высшаго круга или высшей интеллигенціи, потеряли имъ счетъ. Явилось множество женскихъ комитетовъ, не знавшихъ одинъ о другомъ; а потому завести въ нихъ общій порядокъ, урегулировать приходъ и расходъ собираемыхъ ими денегъ—было рѣшительно невозможно. Согдѣ другихъ были извѣстны въ Варшавѣ два женскихъ комитета: г-жи Паулины Краковъ и г-жи Северины Прушакъ.

Главный опекунскій совѣтъ (основанный во второй половинѣ іюня по н. ст., 1863) восстановилъ до нѣкоторой степени порядокъ въ женскихъ пятеркахъ Варшавы. Членами его были женщины, числомъ пять, а предсѣдателемъ—ветеранъ 1830 года. Въ завѣдываніи совѣта состояло 26 окружныхъ опекунскихъ совѣтовъ города (по числу 26 округовъ, или лавъ), гдѣ членами были тоже женщины, по пяти въ каждомъ совѣтѣ. Всякая женщина-лавникъ имѣла своего агента, который собиралъ свѣдѣнія о людяхъ, нуждающихся въ помощи, на пространствѣ одной лавы, или округа. Если добровольныя пожертвованія не удовлетворяли всѣмъ потребностямъ инаго округа, то начальникъ города выдавалъ особое вспомошествованіе отъ себя, изъ народной кассы. Внутри края подобныя учрежденія никогда не были приведены въ правильную систему.

Полиція мало измѣнилась къ тому времени, сравнительно съ тѣмъ, что оставилъ въ наслѣдство Карловичу прежній начальникъ полиціи, Ковальскій. Составъ ея былъ таковъ: начальникъ (Карловичъ) ¹⁾, три инспектора (Массонъ, Стѣмпковскій и Адольфъ

¹⁾ Былъ до марта 1863 г. надокружнымъ 2-го округа полиціи, тогда какъ первымъ округомъ завѣдывалъ Мечиславъ Дормановскій, ухваченій въ мартѣ

Неньковскій) и 13 надзирателей или комиссаровъ, изъ коихъ каждый имѣлъ по нѣскольку помощниковъ: агентовъ и разсильныхъ (галопеновъ). Кромѣ того, полиціи обязаны были всячески помогать вся организація и особо учрежденные жандармы. Поэтому начальникъ полиціи имѣлъ постоянныя сношенія съ начальникомъ города (которому подавалъ ежедневные рапорты), съ начальникомъ жандармовъ и присутствовалъ на совѣщаніяхъ радныхъ. Каждый полицейскій комиссаръ находился въ сношеніяхъ съ двумя лавниками. Наконецъ, всѣ полицейскіе чины организаціи должны были всемѣрно сближаться съ чиновниками разныхъ присутственныхъ мѣстъ законнаго правительства, добывать отъ нихъ всякаго рода свѣдѣнія и требовать, въ случаѣ надобности, помощи. Полиція имѣла всѣ необходимыя для возстанія бланки и поддѣльныя печати главнѣйшихъ присутственныхъ мѣстъ. Между прочимъ, въ ея распоряженіи находилась характеристическая печать паспортнаго отдѣленія оберъ-полицеймейстера, имѣвшая видъ старой, избитой печати, какъ самый подлинникъ. Полиція доставляла жонду копій съ разныхъ бумагъ законнаго правительства, обыкновенныхъ и секретныхъ. Полиція обладала тайной свободнаго и безпрепятственнаго прохода и проѣзда во всѣ заставы; могла доставать паспорта изъ управленія оберъ-полицеймейстера для проѣзда внутрь края и въ Россію, а равно и заграничныя изъ канцеляріи намѣстника ¹⁾, съ такими примѣтами, какія требовались. Наконецъ, находила способы выправлять всевозможные легитимационныя документы, въ надлежащей формѣ, дабы данное лицо могло считаться, по книгамъ правительственной полиціи, постояннымъ жителемъ Варшавы. Всѣ лица, служившія въ повстанской полиціи, болѣею частію не получали никакого содержанія. Оно отпускалось лишь нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ, и тѣмъ полицейскимъ служителямъ, кои не имѣли средствъ проживать въ Варшавѣ. Штатъ постоянныхъ издержекъ полиціи никогда не превышалъ 1,500 рублей въ мѣсяцъ ²⁾.

1863 г. въ Вильну устранивъ тамъ повстанскую полицію наподобіе варшавской, а мѣсто ея въ Варшавѣ занялъ какой-то Броніславъ (Дескуръ, позже арестованный въ Вильнѣ одновременно съ Дормановскимъ?), а послѣ Броніслава, куда-то скрывшагося, секційный комиссаръ 1-го надокруга, почтовый аликантъ, Викентій Шувальскій, который также уѣхалъ въ Вильну. Вотъ когда очистилось мѣсто начальника полиціи для Карловича.

¹⁾ До учрежденія генералъ-полицеймейстерства (1864) заграничныя паспорта выдавала канцелярія намѣстника. Потомъ ихъ выдавалъ генералъ-полицеймейстеръ. По уничтоженіи этой должности, выдача паспортовъ всякаго рода стала производиться паспортнымъ отдѣленіемъ оберъ-полицеймейстера. Н. В.

²⁾ Свѣдѣнія изъ записокъ А в е й д е. По другимъ: начальникъ полиціи, въ содержаніе агентовъ, курьеровъ, типографія и высылку неблагонадежныхъ

Экстренные расходы шли только на взятки (на łapówkę) кому-либо изъ лицъ законнаго правительства ¹⁾.

Послѣднимъ учрежденіемъ этого періода времени были: жандармы, или такъ называемая народная стража (Straż Narodowa), по уставу и инструкціямъ директора военнаго департамента, Качковскаго. Въ Варшавѣ они составляли эскадронъ въ 250 человѣкъ, или около того, безъ всякаго оружія, исключая секціи штылетниковъ (Sztyletników), сюда же принадлежавшей. Жандармы получали по 50 коп. на человѣка въ сутки.

Начальникъ ихъ, Павелъ Ляндовскій, считался въ чинѣ майора и состоялъ въ непосредственной зависимости отъ начальника города.

Обязанности жандармовъ заключались въ томъ, чтобы прислуживать, чѣмъ придется, всѣмъ властямъ организаціи, перевозить и переносить куда—потребуется все необходимое для какихъ бы то ни было цѣлей революціоннаго правительства; смотрѣть за мастерскими, поставляющими что-либо въ банды, и кромѣ того нести обыкновенную полицейскую службу. Секція штылетниковъ, имѣвшая начальникомъ особаго офицера, исполняла смертные приговоры трибунала ²⁾.

Всѣми этими учрежденіями начальникъ города управлялъ посредствомъ собственной своей канцеляріи (Bióro przyboczne), которая слагалась изъ нѣсколькихъ десятковъ чиновниковъ, между коими нѣмѣ дежурили тамъ постоянно, когда одинъ, когда два, а когда и болѣе вдругъ. Къ такимъ принадлежали: агенты начальника города, называвшіеся секретарями, которыхъ назначеніе было: сносіться съ департаментами, съ секретаріатомъ, съ революціоннымъ трибуналомъ и другими органами заговора въ Варшавѣ. Изъ лицъ, принад-

лицъ изъ Варшавы, имѣлъ въ мѣсяць 1,500 рублей. Въ августѣ 1863 г., выдаю имъ однимъ жандармамъ-штылетникамъ 1,800 руб. Помощнику начальника полиціи и комиссарамъ отпускалось въ мѣсяць каждому по 50 рублей. На тайныхъ агентовъ выходило около 200 рублей въ мѣсяць. На чиновниковъ русскихъ учрежденій 500 рублей въ мѣсяць. Молеръ говоритъ, что «по бюджету отела Lambert встречено на русскую полицію, шпионовъ и журналистику въ 1863 году—2,000,000 франковъ». (Situation de la Pologne, стр. 222).

¹⁾ За свѣдѣніе изъ штаба русскихъ войскъ платилось всякій разъ 45 рублей.

²⁾ По Устиновичу: команда убійцъ состояла по штату изъ 200 человѣкъ и дѣлилась на 4 части, имѣвшія своихъ начальниковъ. Имя были:

1-й части—чиновникъ варшавско-вѣнской желѣзной дороги, Мстиславъ Дунинъ.

2-й—студентъ варшав. мед.-хир. академіи, Францъ Орловскій.

3-й—бывшій чиновникъ Наполеонъ Дембинскій.

4-й—сначала студентъ мед.-хир. академіи, Станиславъ Гинтеръ, а потомъ Эдуаръ Ляндовскій (Стр. 102).

Н. В.

длежавшихъ къ канцеляріи начальника города, Авейде называетъ только двухъ: Владислава Сабовскаго, редактора тогдашней подпольной газеты «Правда» (Prawda) и меценаса Петра Кобылянскаго, носившаго названіе юрисконсульта (Radca Prawny).

VII.

Главнѣйшими распоряженіями жонда за іюнь, іюль и частію августъ 1863 г. были слѣдующія:

Департаментъ внутреннихъ дѣлъ составилъ новый административный уставъ и инструкцію, опредѣлявшіе точнѣе прежняго обязанности гражданскихъ воеводскихъ властей и ихъ отношенія къ властямъ военнымъ. Число референтовъ уѣзднаго присутствія увеличено этимъ уставомъ до пяти человекъ, равно увеличено и число окружныхъ, соразмѣрно обширности того или другаго уѣзда; эти окружные снабжены особыми печатями. Наконецъ, установлены должности начальниковъ приходовъ и деревенскихъ старшинъ, т. е. солтысовъ. Въ личномъ составѣ гражданскихъ воеводскихъ начальниковъ тоже произошли перемѣны. Прежде всего, на мѣсто Големберскаго (когда этотъ послѣдній сдѣланъ членомъ жонда) призванъ помѣщикъ Мечиславъ Хвали богъ. Другія перемѣны высшихъ начальниковъ въ воеводствахъ (послѣдовавшія въ концѣ іюня и въ началѣ августа по н. ст.) подробно неизвѣстны.

По распоряженію военнаго департамента сдѣлано слѣдующее:

Военнымъ начальникомъ (иначе воеводою) въ краковское воеводство назначенъ бывшій офицеръ нашихъ войскъ, Сигизмундъ Хмѣленскій, братъ Игнатія ¹⁾, а главнокомандующимъ въ краковское и сан-

¹⁾ Сигизмундъ Хмѣленскій родился тамъ же, гдѣ и братъ его: въ деревнѣ Барчонца, сандомірскаго воеводства. Первое воспитаніе получилъ онъ въ одномъ изъ русскихъ кадетскихъ корпусовъ, откуда перешелъ въ артилерійское училище, а потомъ поступилъ въ генеральный штабъ. Въ манифестационный 1861 годъ, умѣлъ, вмѣстѣ со многими военными поляками, перебраться на службу въ Царство Польское; въ 1862 г. попросился въ отставку, но не получилъ ея и бѣжалъ за границу. Жилъ въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ въ придунайскихъ княжествахъ, ожидая взрыва. Когда вспыхнуло возстаніе, Хмѣленскій отправился въ Царство Польское черезъ Австрію, но былъ схваченъ австрійскими властями и посаженъ въ Оломудъ. Освободясь оттуда, въ апрѣлѣ 1863 г., онъ явился въ Бракوفъ и сформировалъ конную банду, съ которою перешелъ, въ маѣ мѣсяцѣ, границу, въ Мѣховскомъ уѣздѣ, и поступилъ подъ начальство бывшаго своего товарища по воспитанію (въ

домірское воеводства—бывшій кавказскій офицеръ, графъ Іосифъ Гауке, принявшій, по гербу, прозвище Босака ¹⁾). Воеводой въ люблинское воеводство назначенъ генераль графъ Валигурскій; въ подляское—Мартинъ Бореловскій, подъ именемъ Лелевеля. Начальникомъ надъ обоими этими воеводствами (люблинскимъ и подляскимъ) сдѣланъ нашъ драгунскій офицеръ, Михайлъ Гейденрейхъ, прозвищемъ Крукъ (воронъ), по сходству съ этой птицей цвѣтомъ волосъ и складомъ лица ²⁾). Потомъ, въ числѣ выдающихся дѣйствій военнаго департамента было «возобновленіе сношеній съ Мирославскимъ». Это произошло вслѣдствіе настоянія его варшавскихъ друзей, болѣе всего Маевского ³⁾), который никакъ не хотѣлъ думать, что Мирославскій—человѣкъ пропавшій для возстанія безвозвратно. Еще во время борьбы жонда съ анархистами, Маевскій, Хмуржинскій и другіе пріатели неудавшагося диктатора указывали на Мирославскаго, какъ на единственное спасеніе, какъ на пугало всякой реакціи, и совѣтовали членамъ павшаго народнаго правительства, для увеличенія числа своихъ сторонниковъ, обѣщать партіи Мирославскаго: открыть поле его дѣятельности, какъ только анархисты будутъ подавлены. Это было обѣщано, и, когда побѣда совершилась, жондъ, еще недостаточно твердо стоявшій на ногахъ, побоялся не

артиллерійскомъ училищѣ) Коврада Блащинскаго, извѣстнаго въ возстаніи подъ именемъ Бончи. (См. глава I, стр. 184, примѣчаніе). Позже дѣйствовалъ какъ самостоятельный начальникъ банды въ краковскомъ и сандомірскомъ воеводствахъ.

¹⁾ Племянникъ военнаго министра, графа Маврикія Гауке, погибшаго въ первый день возстанія 1830 года. Подробности о Гауке-Босакѣ будутъ сообщены ниже.

²⁾ По поводу назначенія Крука начальникомъ двухъ воеводствъ, Авелде дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: «Первоначально Крукъ былъ назначенъ помощникомъ Лелевеля (Zastępcą), когда этотъ послѣдній, не дождавшись транспорта съ оружіемъ изъ Галиціи, отправился за нимъ самъ и оставилъ воеводство безъ военнаго начальника. По возвращеніи его на мѣсто, въ іюнѣ мѣсяцѣ, онъ и Валигурскій были подчинены Круку, который выказалъ въ самое короткое время чрезвычайную распорядительность и расторопность. «Лелевель-Бореловскій, недавній колодезный мастеръ, снесъ довольно легко такое подчиненіе; но графъ Валигурскій, старый артиллеристъ 1830 года, позже майоръ шведской службы и, наконецъ, генераль времени Лангевича, нашелъ подчиненіе капитану для себя обиднымъ. Жонду дотого надѣли эти «генералы», что Валигурскому было просто-за-просто написано, чтобы онъ или повиновался Круку во всемъ, или вышелъ въ отставку. Тогда только онъ присмирѣлъ и пересталъ жаловаться» (IV, стр. 149, примѣчаніе).

³⁾ Гиллеръ добавляетъ еще какого-то W. G.

Н. В.

сдержать слова, и отправилъ Хмуржинскаго (въ самомъ началѣ іюля по н. ст.) съ письмомъ къ Мирославскому, гдѣ спрашивалъ: «не хочеть-ли онъ принять участіе въ революціи, и если хочеть, то какая бы служба была для него болѣе удобна и пріятна?».

Мирославскій отвѣчалъ, что «онъ согласенъ служить, если жондъ народовой назначить его генеральнымъ организаторомъ народоваго возстанія, начальникомъ всѣхъ заграничныхъ легіоновъ, военнымъ министромъ въ предѣлахъ и за предѣлами русскаго захвата и главнымъ вождёмъ, какъ скоро таковой потребуется въ предѣлахъ скваннаго захвата. Жондъ народовой долженъ выслать, въ такомъ случаѣ, въ полное распоряженіе Мирославскаго 12.000,000 золотыхъ польскихъ (1.800,000 рублей) и дать право на ассигнованіе суммъ, кои обязется выплатить, въ количествѣ не менѣе 6.000,000 золотыхъ (900,000 рублей). Кроме того, должна послѣдовать безотлагательная смѣна польскаго комитета въ Парижѣ. Жондъ народовой назначить своимъ уполномоченнымъ за границей господина N. и передать въ его распоряженіе 4,000,000 золотыхъ польскихъ (600,000 рублей). Если, въ случаѣ смерти этого лица, или по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ, необходимо будетъ назначить другаго уполномоченнаго, то жондъ обязуется не дѣлать этого безъ согласенія съ Мирославскимъ. Жондъ народовой долженъ состоять изъ пяти слѣдующихъ членовъ (имена). Временно, вмѣсто послѣдняго, засѣдаетъ S. W., уполномоченный Людвига Мирославскаго. Жондъ народовой назначаетъ имъ пять помощниковъ, которыхъ утверждаетъ Мирославскій. Никакая перемѣна въ народномъ правительствѣ не можетъ имѣть мѣста безъ согласія со стороны Мирославскаго».

Въ заключеніе Мирославскій выговаривалъ себѣ право «жить гдѣ вздумается».

Жондъ отвѣчалъ ему, отъ 16-го августа н. ст. 1863 г., за № 1625, что «всѣхъ этихъ условій исполнить никакъ не можетъ», и предлагалъ свои Денегъ не послалъ нисколько. Мирославскій нѣкоторое время не отвѣчалъ ни слова. Но потомъ (въ сентябрѣ) на все согласился, и былъ назначенъ «главнымъ заграничнымъ организаторомъ возстанія», съ обязанностію: закупать оружіе, формировать за границею отряды и находить для нихъ субалтернъ-офицеровъ ¹⁾.

Пока происходили эти совѣщанія съ Мирославскимъ, военный департаментъ учредилъ должности воеводскихъ и уѣздныхъ организа-

¹⁾ Dokumenta Urzędowe do dziejów Organizacyi jeneralnej Powstania Narodowego, w latach 1863 i 1864. Paryż, 1874, стр. 8, 45, 49.—Historja powstania, Гиллера, I, 226.

торовъ, а въ Варшавѣ—городскаго организатора и окружныхъ. Жондъ утвердилъ все это, но, за нѣимѣніемъ на сказанныя мѣста соответствующихъ лицъ, не только многіе изъ уѣздовъ, но даже и нѣкоторые воеводства оставались до конца возстанія безъ организаторовъ.

Организаторомъ города Варшавы былъ сдѣланъ помощникъ начальника города, Владиміръ Лемпке. Въ помощники ему данъ помѣщикъ Августовской губерніи, Іосифъ Петровскій. Обязанностию Лемпке было формировать новыя банды изъ жителей Варшавы и высылать въ воеводства транспорты съ одеждой, обувью, сѣдлами и т. п. предметами, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ принять въ свое завѣдываніе всѣ варшавскія мастерскія. Такъ какъ въ Варшавѣ нельзя было найти достаточнаго количества разныхъ вещей, необходимыхъ для бандъ, то Лемпке сталъ сноситься съ заграничными фабрикантами, а въ концѣ іюня отправилъ въ Люттихскую комиссію вооруженія Здислава Янчевскаго, съ 75-ю тысячами рублей, но Янчевскій, какъ кажется, ничего не доставилъ ¹⁾.

Медицинская часть передана особымъ постановленіемъ военнаго департамента въ руки «медицинской комисіи», состоявшей изъ трехъ членовъ и секретаря, гдѣ предсѣдателемъ былъ одинъ изъ профессоровъ Главной Школы. Эта «комисія» имѣла даже свою печать. Съ конца іюля по н. ст. явились воеводскіе врачи, какъ надсмотрщики за ходомъ медицинской службы во ввѣренной наблюденію cadaго изъ нихъ территоріи. Кромѣ того, возложена обязанность на всѣхъ врачей Царства Польскаго подавать немедленную помощь раненымъ по первому призыву начальника какой-либо партіи, или гражданскихъ властей мѣстной организаціи ²⁾. Выданы инструкціи объ устройствѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ cadaго воеводства небольшихъ лазаретовъ; сдѣланъ запасъ походныхъ аптекъ и хирургическихъ инструментовъ. Сверхъ всего этого, въ распоря-

¹⁾ Авейде.—О самомъ Лемпке онъ отзывался такъ: «Лемпке правилъ свою должность усердно и былъ весьма полезенъ жонду, несмотря на безпримыя столкновенія съ разными лицами, по своему строптивому и безпокойному характеру. Счеты его, представляемые начальнику города, были, по словамъ послѣдняго, верхомъ точности и аккуратности».

²⁾ Нерѣдко наши отряды ловили въ бандахъ такихъ врачей, но такъ какъ они тутъ же ревностно предлагали услуги и нашимъ раненымъ военнымъ чинамъ, то преслѣдованія, болѣею частію, не было. Въ бандѣ Зейфрида, 17-го апрѣля ст. ст. 1863 года, генералъ Костанда захватилъ извѣстнаго профессора Главной Школы, Ипполита Корженевскаго (ум. въ концѣ декабря 1878 г., въ Петербургѣ).

женіи комисіи всегда находилось нѣсколько врачей и фельдшеровъ, готовыхъ, по первому требованію, немедля вѣхать въ любой повстанскій лагерь.

Наконецъ, образованы внутри края партіи провинціальныхъ жандармовъ, отчасти по уставу Качковскаго, отчасти по уставу мѣстныхъ организацій ¹⁾. По уставу Качковскаго, въ каждомъ уѣздѣ должна была сформироваться партія жандармовъ въ 30 человекъ, подъ начальствомъ одного офицера. Гдѣ требовали условія мѣстности, или какія-либо другія обстоятельства, тамъ жандармы были конные и вооруженные. Они получали отъ своего начальства лошадей и оружіе (ружье, пистолеть и сабля). Въ другихъ мѣстахъ они были пѣшіе и безъ всякаго вооруженія. И тѣ, и другіе не имѣли никакой опредѣленной формы, а ходили въ чемъ придется, сливаясь съ обыкновенными жителями. И тѣ, и другіе получали по 30 коп. на человека въ сутки ²⁾. Главная обязанность провинціальныхъ жандармовъ состояла въ полицейской службѣ и исполненіи всѣхъ приказаній начальника уѣзда. Они же наблюдали за безопасностью приготовленій всего, что нужно было при формированіи бандъ: перевозили и переносили, куда нужно, оружіе, одежду и другіе предметы, необходимыя повстанскому солдату; смотрѣли за мастерскими и т. п. Когда отрядъ былъ сформированъ, жандармы заботились о предоставленіи ему безопаснаго помѣщенія въ предѣлахъ уѣзда, гдѣ они состояли на службѣ. Жандармы собирали для начальника отряда разныя нужныя ему свѣдѣнія; провожали отрядъ изъ одной мѣстности въ другую, а въ иныхъ воеводствахъ даже и сами формировали отряды, дѣйствуя при этомъ терроромъ. Они же, наконецъ, исполняли приговоры провинціальныхъ революціонныхъ трибуналовъ.

Къ важнѣйшимъ распоряженіямъ финансоваго департамента за это время относится декретъ о внутреннемъ народномъ займѣ, въ 21 милліонъ злотыхъ польскихъ (три милліона сто пятьдесятъ ты-

¹⁾ Въ Плоцкой губерніи н кое-гдѣ въ другихъ мѣстностяхъ, жандарми явились раньше этого времени, но импѣриативъ тамошнихъ комиссаровъ.

²⁾ Жандармы Маріампольскаго уѣзда, Августовской губерніи, носили, нѣсколько позже, особую форму: бѣлую чамарку, такую же конфедератку, темныя брюки и высокіе сапоги. Вооруженіе ихъ состояло изъ двухъ пистолетовъ и сабли. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ неосторожны, что снялись за границей въ своей жандармской формѣ, н были, вслѣдствіе этого, переловлены нашимъ уѣзднымъ начальникомъ.

слать рублей), во всѣхъ земляхъ прежней Польши». Этотъ заемъ для людей со средствами былъ принудительный (pożyczka przymusowa). Тогда же было постановлено: если заемъ пойдетъ хорошо, то увеличить его до 40 милліоновъ золотыхъ польскихъ (6,000,000 рублей), сдѣлавъ только добровольнымъ для всѣхъ жителей вообще. Зато распространить подписку во всѣхъ слояхъ населенія, даже въ самыхъ бѣднѣйшихъ ¹⁾). Дабы принудить всѣхъ людей со средствами вносить въ народную кассу назначенныя жондомъ суммы, секретарь финансоваго департамента, Воль, предложилъ выпустить декретъ, коимъ, въ случаѣ отказа какого-либо богатаго человѣка взять известное количество облигацій, запрещалось всѣмъ его должникамъ, подъ страхомъ личной отвѣтственности, платить ему долги, а судамъ и адвокатамъ вчинать, по жалобамъ такихъ преступныхъ кредиторовъ, иски.

Этотъ декретъ былъ отпечатанъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, единственно «для показыванія нѣкоторымъ лицамъ». Они читали его втихомолку и уплачивали требуемыя суммы, иногда довольно серьезные. Такъ, напримѣръ, банкиру Леопольду Кроненбергу навязали народныхъ облигацій на 75 тысячъ рублей, а ординату Замойскому на 150 тысячъ рублей, и они выплатили все это до копѣйки ²⁾). Впрочемъ, вполнѣ успѣшный сборъ денегъ ограничился только однимъ Царствомъ Польскимъ. Литва и Русь не взяли ни одной облигаціи. Познань и Галиція очень мало.

¹⁾ Декретъ о сказанномъ займѣ былъ выданъ еще въ маѣ 1863 г., но описанныя замѣшательства въ жондѣ воспрепятствовали его исполненію. Дѣло пошло въ ходъ надлежащимъ образомъ только въ іюлѣ 1863 г. При этомъ учреждены двѣ комиссіи погашенія народнаго долга: одна лѣвная, за границей, изъ трехъ членовъ: Чарторыскаго, Орденга и Галензовскаго; а другая тайная, въ Варшавѣ, изъ разныхъ банкировъ, и выданы двойныя облигаціи: однѣ, временныя, въ Варшавѣ, безъ всякихъ подписей и фамилій; другія постоянныя, за границей, съ подписями и фамиліями. Первые должны были впоследствии замѣниться вторыми. Контроль всей операціи представлялъ немаловажныя трудности: все должно было происходить въ тайнѣ, чтобы фамиліи жертвователей не попались какъ-нибудь законной полиціи. Между тѣмъ необходимо было вести двойныя книги: въ Варшавѣ и въ Парижѣ, такъ какъ, будто бы, это была одна и та же книга. Несмотря, однакоже, на такія неудобства, повидному, непримѣнима къ практикѣ, заемъ состоялся. Въ концѣ іюля по н. ст. 1863 г., въ кассѣ жонда оказался уже милліонъ рублей (Авейде). Упомянутый здѣсь Орденга, по имени Юсифъ, умеръ недавно, 7-го мая н. ст. 1879, въ Краковѣ. Некрологъ его (довольно безцвѣтныи) можно видѣть въ «Познанскомъ Дневникѣ» 1879 г., №№ 114—117.

²⁾ Авейде, IV, 169.

Было, кромѣ того, у финансоваго департамента намѣреніе заготовить за границею «революціонныя банковыя билеты, на сумму 50 милліоновъ золотыхъ польскихъ, и ими вытѣснить, мало-по-малу, изъ употребленія русскія бумажныя деньги въ краѣ». Для поощренія же курса сказанныхъ билетовъ предположено отчеканить, тоже за границей, особую революціонную монету, на два милліона золотыхъ польскихъ (300,000 рублей). Но этотъ проектъ остался только проектомъ ¹⁾.

По департаменту прессы былъ проектъ «прибрать къ рукамъ все подпольныя листки и дать имъ болѣе серьезное и практическое направленіе: дѣлать предостереженія (какъ это бываетъ въ иныхъ европейскихъ государствахъ) и послѣ перваго предостереженія закрывать изданіе»; но ничего съ этой стороны не достигнуто. Жондъ сдѣлалъ десятокъ-другой предостереженій разнымъ листкамъ—и тѣмъ все кончилось ²⁾. Закрыть ни одного изданія ему не удалось. Недоброжелательныя газеты продолжали выходить, мѣняя поминутно названія, и каждая думала, что только она дѣлаетъ свое дѣло какъ надо. Иныя исчезали за неимѣніемъ средствъ, но никакъ не по приказанію жонда. Другія открывала правительственная полиція. Болѣе серьезными періодическими изданіями тайныхъ типографій, за то

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Приводимъ, для образца, одно изъ предостереженій жонда: именно предостереженіе 10-му номеру «Правды», напечатанное въ 11-мъ номерѣ этой газеты:

«Народное правительство, департаментъ прессы, № 497—46. Редакція политическаго листка «Правда». Политическій листокъ «Правда» помѣстилъ въ 10-мъ своемъ номерѣ статью подъ названіемъ: «Польское возстаніе и дипломатія». Такъ какъ сказанная статья, препятствуя правильному ходу и дѣйствію нравственныхъ и физическихъ силъ народа, подрываетъ чрезъ это основныя начала возстанія, кои были оглашены декретомъ отъ 22-го января; кромѣ того, листокъ «Правда», неточно и невѣрно оцѣнкой дипломатическихъ отношеній къ намъ нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, неоднократно поселялъ тревогу въ умахъ; вслѣдствіе этого департаментъ прессы дѣлаетъ редакціи этого листка первое предостереженіе, которое должно быть напечатано въ ближайшемъ номерѣ листка».

«Варшава, 2-го іюля 1863 г.»

Газета замѣчаетъ отъ себя, что «напечатала это предостереженіе жонда съ прискорбіемъ и неохотно».

Довольно такого замѣчанія, чтобы видѣть отношенія подпольной прессы къ жонду.

Н. В.

время, можно считать Dziennik Narodowy (редакторъ Генелли); Prawda (редакторъ Сабовскій); Dzwon Duchowny; Polska; Niepodległość.

Послѣдняя была «официальной газетой жонда» и имѣла видъ опрятнаго европейскаго листка, печатавшася на бѣлой бумагѣ и хорошимъ шрифтомъ. Тотъ же видъ имѣла и «Правда».

Что касается подкуповъ заграничной прессы—это предоставлялось князю Чарторьскому. Что именно онъ сдѣлалъ и какія суммы изстратилъ—осталось неизвѣстнымъ. Жондъ народовой специально на это не послалъ Чарторьскому ни копѣйки; но просто статьи, безъ всякой за нихъ помѣщеніе платы, посылались «департаментомъ прессы» въ разныя заграничныя газеты. Такъ, Сивинскій, въ концѣ іюня по и. ст., вошелъ въ сношенія съ берлинскою «National-Zeitung», которая согласилась охотно помѣщать въ своихъ столбцахъ все, что будетъ сообщаемо. Гиллеръ писалъ постоянно статьи для Краковскаго «Часа». Въ особенности былъ извѣстенъ эффектнымъ описаніемъ битвъ.

Важнѣйшими дѣйствіями заграничнаго департамента было пополненіе состава дипломатическихъ агентовъ народнаго правительства, большею частію по рекомендаціи князя Владислава Чарторьскаго. Ими въ то время были: Въ Лондонѣ—Цвѣрчакевичъ ¹⁾. Въ Вѣнѣ—графъ Леонъ Скорупка. Въ Стокгольмѣ—князь Константинъ Чарторьскій ²⁾. Въ Константинополѣ—Владиславъ Іорданъ. Въ Бухарестѣ—Глюкъ. Въ Яссахъ—Сигизмундъ Милковскій. Въ Швейцаріи—графъ Владиславъ Платеръ. Кромѣ того, въ Женевѣ былъ зависимый отъ Платера агентъ Юліанъ Гружевскій. Въ Италиі—Іосифъ Орденга. Въ Вашингтонѣ—Калусовскій.

Содержаніе этихъ агентовъ обходилось жонду въ 16 тысячъ франковъ или около того ежемѣсячно ³⁾. Сношенія ихъ съ заграничнымъ

¹⁾ Князь Владиславъ Чарторьскій рекомендовалъ на это мѣсто старшаго сына графа Андрея Замоискаго, Владислава.

²⁾ Временно былъ на этомъ мѣстѣ секретарь князя Владислава Чарторьскаго, Калынка, написавшій позже любопытную книгу: Ostatnie dnie Rzeczyrosopolitéj Polskiéj. Кромѣ того, писалъ статьи въ «Revue de deux Mondes», нелюбимыя интереса.
И. В.

³⁾ Авейде, IV, 179.—Гиллеръ, II, 215, примѣчаніе. По словамъ послѣдняго, Милковскій былъ сербскимъ агентомъ жонда. Въ іюлѣ 1863 г., постановлено назначить къ этимъ агентамъ секретарей, которымъ передать сношенія съ обществомъ тѣхъ государствъ, гдѣ они будутъ находиться. Въ особенности же на нихъ возлагалась борьба съ разными оппозиціями и революціонерами вредными для жонда отъѣзжавъ. Они же должны были наблюдать за

департаментомъ жонда происходили не иначе, какъ черезъ посредство главнаго уполномоченнаго агента въ Парижѣ, т. е. князя Владислава Чарторьскаго и только его рапорты направлялись въ Варшаву. Обратное: приказанія департамента кому-либо изъ агентовъ шли также черезъ Чарторьскаго. Для этого служили телеграфы и курьеры; чаще всего—курьеры французскаго консула. Авейде рассказываетъ, что однажды такой «двойной курьеръ» едва не попался въ руки законной полиціи. Наканунѣ его отъѣзда, когда въ сумкѣ его лежали уже депеши французскаго консула и жонда народоваго, полиція нагрязнула въ Европейскую гостинницу, съ цѣлью произвести ревизію у всѣхъ проживающихъ тамъ лицъ не-русскаго происхожденія. Пришли и къ французскому курьеру, но онъ не допустилъ ревизіи и просилъ дать знать Велепольскому. Дали знать: Велепольскій приказалъ оставить въ покоѣ ¹⁾.

Что именно сдѣлано упомянутыми заграничными агентами жонда—осталось неизвѣстнымъ.

Пресса (въ особенности французская) точно была возбуждена противъ насъ. Устранялись разныя демонстраціи... Кроме того, Авейде упоминаетъ о предложеніи Чарторьскаго «основать народный флотъ, хотя изъ самаго малаго количества судовъ, дабы добиться отъ Европы скорѣйшаго признанія Польши воюющею стороною, ибо, по буквѣ морскихъ законовъ, если флагъ новорождающагося государства появится въ моряхъ и выгрузитъ что-либо на свой берегъ, то флагъ этотъ признается государствомъ правительственнымъ флагомъ націи, которой онъ принадлежитъ» ²⁾. Но жондъ, послѣ жестокаго фіаско экспедиціи Лакинскаго ³⁾, отвергъ этотъ проектъ, какъ непрактическій

дѣйствіями агентовъ, которые, будучи преимущественно бѣлыми, не всегда вели себя согласно взглядамъ заговора и отличались болтливостью. Но эта затѣя кончилась назначеніемъ только двухъ секретарей: въ Вѣну—Гиллера и въ Стокгольмъ—кандидата московскаго университета Оскульскаго.

¹⁾ Авейде, IV, 181, примѣчаніе. Авторъ жилъ въ это время въ европейской гостинницѣ и лично видѣлъ суету полиціи передъ номеромъ французскаго консула.

²⁾ Чарторьскій, передавалъ объ этомъ жонду, ссылаясь на поддержку французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Друенъ де-Люи, которому будто бы принадлежала здѣсь и самая инициатива (Авейде, IV, 183).

³⁾ См. главу IV, стр. 61.—Довольно подробныя свѣдѣнія къ этой экспедиціи можно найти въ рассказѣ самого Лакинскаго, Powstańcy na morzu, помѣщенномъ въ «Газетѣ Народовой» (Gazeta Narodowa) 1878, №№ 200—227.

Н. В.

Въ провинціяхъ происходило тогда слѣдующее:

Послѣ арестованія Муравьевымъ, въ началѣ іюня, Оскерки, Франца Далевскаго и Еленскаго, составлявшихъ виленское отдѣленіе жонда, управленіе возстаніемъ на Литвѣ перешло въ руки Малаховскаго, Калиновскаго (бывшаго дотогѣ гродненскимъ комиссаромъ) и Гейштора. Они образовали новую организацію, которая, несмотря на всѣ атаки муравьевской полиціи, держалась нѣсколько мѣсяцевъ. Ссоры этихъ лицъ между собою и съ уполномоченнымъ въ Литвѣ агентомъ жонда, Дюлораномъ, старавшимся играть роль выше той, которая ему предоставлялась уставомъ,—принудили народное правительство вызвать послѣдняго для объясненій въ Варшаву ¹⁾, а на его мѣсто отправить Авейде.

Прибывъ въ Литву 8-го августа ст. ст., подъ именемъ купеческаго прикащика Людвигъ Шмита ²⁾, Авейде нашелъ повстанскія дѣла тамошняго края въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что совѣщанія его съ высшими лицами литовской организаціи могли происходить только на протестантскомъ кладбищѣ. Потому Авейде былъ арестованъ, а вскорѣ затѣмъ рушилась и вся литовская организація...

На Руси прежде всего оказалось расположеніе къ революціонному движенію въ нѣсколькихъ украинскихъ уѣздахъ (въ маѣ 1863) и то лишь между интеллигентною молодежью и дворовыми людьми.

Студенты кievскаго университета отправились въ ночь, съ 8-го на 9-е мая н. ст., въ Радомишльскіе лѣса, для соединенія съ возстаніемъ этого уѣзда, по слухамъ значительно обнаружившимся, хотя на дѣлѣ этого не было. 21 человекъ отдѣлились оттуда, съ золотыми грамотами, въ Васильковскій уѣздъ, на двухъ телегахъ, и трое верхомъ. Народъ встрѣчалъ ихъ вездѣ недружелюбно; а въ деревнѣ Соловьевкѣ, Радомишльскаго уѣзда, они были окружены крестьянами и перебиты всѣ до одного топорами и чѣмъ попадо ³⁾.

Слухъ объ этомъ мгновенно распространился по всей Руси—и

¹⁾ Дѣло Дюлорана разсматривалось варшавскимъ революціоннымъ трибуналомъ, который оставилъ его въ подозрѣніи.

²⁾ Авторъ имѣлъ въ рукахъ паспортъ Авейде на имя Шмита: онъ былъ вѣрный, законный, выданный изъ канцеляріи варшавскаго оберъ-полицеймейстера Левшина и имъ подписанный.

³⁾ Гиллеръ, II, 99—104.

революціонное движеніе поджало тамъ хвостъ. Организациа Руси, руководимая помѣщикомъ Соколовскимъ, сильно разстроилась. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ помѣщикъ Хамецъ привелъ тамошнія повстанскія дѣла кое въ какой порядокъ: пополнилъ составъ административныхъ властей, сталъ собирать деньги и приступилъ къ изданію подпольной газеты на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ Walka (борьба). Полковникъ Эдмундъ Ружицкій, будучи назначенъ, послѣ пораженія Высоцкаго подъ Радзивиловымъ ¹⁾, начальникомъ всѣхъ галиційско-малороссійскихъ бандъ, потребовалъ отъ народнаго правительства 200 тысячъ рублей, которые и были ему высланы ²⁾ (по крайней мѣрѣ не менѣе 150 тысячъ), но банды, сформированныя имъ, не имѣли никакого успѣха.

Этому самому Ружицкому, въ августѣ 1863 года, жондъ народный (по испытаніи всевозможныхъ мирныхъ средствъ къ соглашенію своихъ дѣйствій съ мятежнымъ львовскимъ комитетомъ Сапѣги) приказалъ разогнать непокорныхъ силою и учредить въ восточной Галиціи отдѣлъ жонда, отвѣчающій взглядамъ Варшавы.

Въ Познани дѣла возстанія, послѣ бѣгства Гуттри и Дзялинскаго ³⁾, шли довольно плохо. Лончинскій и Богуславъ Лубинскій, старавшійся играть роль главнаго начальника, не могли управиться съ разстроенной организацией, а потому жондъ народный приказалъ (въ концѣ іюня мѣсяца) своему краковскому комиссару, Станиславу Франковскому, отправиться въ Познань, на ревизію тамошнихъ организаціонныхъ дѣлъ, и исправить, что найдетъ нужнымъ.

Франковскій написалъ жонду, что «исправлять въ познанской организаціи нечего, а надо все перестроить съизнова»—на что получилъ сейчасъ же уполномочіе, и, удаливъ Лубинскаго, создалъ, съ помощію лицъ, имъ же пріисканныхъ, новую познанскую организацію, облеченную въ глубочайшую тайну, съ такъ-называемымъ «вели-

¹⁾ Въ письмѣ къ Падлевскому изъ жонда, отъ 27-го марта 1863 года, помѣщенномъ выше («Русская Старина», томъ XXIV, стр. 619), сказано, что «Высоцкій хочетъ служить въ воинскихъ рядахъ»: онъ дѣйствительно вскорѣ затѣмъ собралъ довольно большую банду въ восточной Галиціи, вторгся съ нею въ Царство и жестоко разбитъ подъ сказаннымъ мѣстечкомъ.

²⁾ Авейде, IV, 193.

³⁾ Гиллеръ, II, 9 и далѣе. О бѣгствѣ графа Дзялинскаго было сказано выше. Гуттри арестованъ въ началѣ іюня 1863 г., но скоро отпущенъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, къ морскимъ ваннамъ, въ Остенде. По возвращеніи оттуда въ октябрѣ 1863 г., онъ былъ снова арестованъ. Кромѣ того австрійцы арестовали Куржинну и Сапѣгу, которые также бѣжали. Н. В.

копольскимъ комитетомъ» во главѣ. До этой организаціи прусская полиція никогда не могла добраться.

Все охватилъ заговоръ и шель, въ важнѣйшей его части, въ Царствѣ Польскомъ, съ каждымъ часомъ, «въ глубь и въ даль, до послѣднихъ слоевъ и закоулковъ»—какъ хотѣлъ Вацлавъ Пршибльскій.

Все слушалось и трепетало жонда. Чего захотѣлъ жондъ, надо было непременно исполнить, а иначе было плохо. Напримѣръ, жондъ требовалъ, чтобы ни одна газета не говорила о театральныхъ представленіяхъ (развлекавшихъ и потѣшавшихъ однихъ москалей и шедшихъ въ разрѣзъ съ общимъ траурнымъ настроеніемъ мѣстныхъ жителей, которые въ театръ тогда вовсе не ходили), и ни одна газета не смѣла объ этомъ пикнуть, даже правительственный «Всеобщій Дневникъ» ¹⁾. Жондъ требовалъ, чтобы никто въ Варшавѣ и по другимъ городамъ Царства не носилъ обыкновенныхъ европейскихъ шляпъ, называемыхъ по-польски «цилиндрами»,—и никто не носилъ ихъ, ни поляки, ни русскіе, а всѣ ходили въ пояровыхъ шляпахъ съ большими полями и въ фуражкахъ разнаго покрою. «Цилиндра» даже нельзя было найти тогда ни въ одномъ шляпномъ магазинѣ всей Польши (1772). А попробовалъ бы кто-нибудь нарушить чѣмъ-либо постановленія жонда о траурѣ, надѣтъ хоть только яркія, бросающіяся въ глаза перчатки—увидѣлъ бы, какъ бы его пропекли разные служители тайнаго правительства на любой улицѣ! ²⁾

¹⁾ Авторъ лично испыталъ это. Редакція «Всеобщаго Дневника» (Dziennika Powszechnego), просмотрѣвъ его статью о театрахъ, въ концѣ іюля 1863 г., написанную, разумѣется, по-польски, и не заключающую въ себѣ ничего рѣзкаго и рецензурнаго, напротивъ одні похвалы артистамъ и дирекція,—предложила ему отправиться къ маршалу Велепольскому: «если онъ прикажетъ, то напечатать!». Авторъ ходилъ, для любопытства, и по другимъ редакціямъ. Разумѣется, вездѣ былъ отказъ, то грубый, то мягкій. Особенно вѣжно и учтиво отказала «Польская Газета».

Н. В.

²⁾ Вотъ еще нѣсколько приказовъ жонда: постановленіемъ отъ 8-го іюня н. ст. возбранялось принимать должности уволенныхъ отъ службы по политическимъ подозрѣніямъ. Декретомъ отъ 21 іюня н. ст. запрещалось, на нѣкоторое время, ѣздить по варшавско-петербургской желѣзной дорогѣ, а телеграфамъ пересылать депеши. Постановленіемъ отъ 27-го іюня, н. ст. запрещено принимать должности возныхъ и севестраторовъ. Постановленіемъ отъ 30-го

Однимъ только русскимъ дамамъ дозволялось немного нарушать трауръ: носить, вмѣсто черныхъ, темнолиловые платья, но и тѣхъ прозвали за это коханками Фелинского (по сходству цвѣта ихъ одеждъ съ фиолетовыми сутанами высшихъ духовныхъ лицъ Польши).

Въ особенности любопытное и невѣроятное зрѣлище представлялъ въ это время Саксонскій садъ, въ хорошей воскресный или вообще праздничный день, между часомъ и тремя, а также около пяти-шести часовъ вечеромъ, когда варшавяне имѣютъ обыкновеніе выходить на «спациеръ»: массы женщинъ, въ глубокомъ траурѣ, въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ майжетахъ, съ постымымъ выраженіемъ лицъ, двигались какъ тѣни, уподобляясь монастырю, выпущенному настоятельницей погулять. Само собою разумѣется, что и мужчинами были при этомъ во всемъ черномъ, какъ монахи; иные съ бѣлой оторочкой по воротникамъ сертуконъ и чамарокъ. Кто повѣритъ: даже куклы дѣтей были въ траурныхъ платьяхъ! Обручи серсѣ были непременно обвиты черною тесьмою по бѣлому. Требовалось, чтобы и тутъ не выступалъ, не кричалъ ярко какой-нибудь-нетраурный цвѣтъ. Если у кого-либо изъ дамъ сидѣлъ на шляпкѣ цвѣтокъ, онъ былъ тоже траурный. Въ окнахъ женскихъ модныхъ магазиновъ также не смѣли показаться никакія другія матеріи, кромѣ траурныхъ: бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ. Цвѣты продавались только траурные: сѣрныя и черныя розы, астры, лилеи съ бѣлыми усамы и другими добавленіями, сдѣланныя иногда весьма изящно и со вкусомъ ¹⁾.

Если кто-нибудь изъ поляковъ выѣзжалъ куда бы то ни было, ему слѣдовало непременно осведомиться, какъ смотреть на это народное правительство, хочетъ оно этого, или не хочетъ? Равно—нельзя было не выѣхать, если народное правительство этого требовало.

Бывали случаи, когда не только поляки, но и русскіе не знали, что именно дѣлать?

Разсказываютъ такую исторію: у одного офицера, въ проѣздъ его черезъ Сандоміръ, въ серединѣ 1863 года, украли лошадь. Онъ подалъ просьбу въ мѣстный судъ, но не только не послѣдовало ника-

іюня и. ст. учреждены народные паспорта, для выѣзда куда бы то ни было. Декретомъ отъ 25-го августа и. ст. лишены правъ всѣ чины исполнительнои полиціи, слѣдственной комисіи и т. п. Декретомъ отъ 31-го августа и. ст. запрещено вносить всякаго рода подати законному правительству.

¹⁾ Все это авторъ видѣлъ много разъ собственными глазами. Въ городѣ говорили тогда, что лучшіе цвѣты прислаютъ изъ Париза. Н. В.

кого распоряженія—напротивъ, подавшій просьбу получилъ секретное приглашеніе отъ повстанскаго начальника города «взять просьбу свою назадъ, подъ страхомъ новыхъ непріятностей».

Офицеръ пошелъ, въ судъ и рассказавъ свое затруднительное положеніе: «законное правительство не помогаетъ; повстанское грозитъ, ни съ того ни съ сего, новыми непріятностями!».

— Вы сдѣлали ошибку,—отвѣчалъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ судья:—подали просьбу не тому правительству!

«Какъ не тому?»

— Не тому: вамъ слѣдовало подать просьбу польскому правительству, а вы подали русскому!

«Да гдѣ же это польское правительство? польскій уѣздный судъ города Сандомира?»—спросилъ офицеръ.

— Здѣсь же, въ этой самой комнатѣ,—отвѣчалъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ судья:—перемѣните только заголовокъ и подайте просьбу мнѣ же! Увѣраю васъ, что вы непременно выиграете ваше дѣло, потому что вы совершенно правы.

Офицеръ, дѣлать нечего, послушался совѣта,—можетъ быть, просто изъ любопытства: перемѣнилъ заголовокъ просьбы, и лошадь была ему возвращена въ тотъ же самый день.

Рассказываютъ еще, что пріѣхалъ въ Варшаву какой-то помѣщикъ хлопотать объ освобожденіи сына, попавшаго въ цитадель. Помѣщикамъ запрещалось въ то время пребывать въ Варшавѣ долѣе известнаго срока, а потому пріѣзжій получилъ вскорѣ приглашеніе повстанскаго начальника города «выѣхать обратно въ свою деревню». Между тѣмъ хлопоты о сынѣ еще не дали желаемаго результата. Что было дѣлать?

Обѣдая разъ, за общимъ столомъ ¹⁾, въ Европейской гостинницѣ, помѣщикъ передалъ довольно громко окружающимъ его пріятелямъ свои затрудненія. Какой-то вовсе незнакомый ему человекъ, сидѣвшій тутъ же, вслушавшись въ разговоръ, сказалъ: «ступайте въ Саксонскій садъ и сядьте на скамейку въ аллеѣ вздоховъ ²⁾, гдѣ

¹⁾ Онъ стоялъ въ большой залѣ, во всю ея длину, на право отъ входа, у оконъ, смотрящихъ на площадку, и бывалъ иногда колонъ, во время табльдота, во второмъ часу дня. Тутъ авторъ, обѣдая почти ежедневно, когда жилъ въ Варшавѣ, слышалъ разныя анекдоты о мелкихъ и крупныхъ событіяхъ города и края, передаваемые обѣдавшими свободно, безъ всякаго стѣсненія, во все горло.

Н. В.

²⁾ Саксонскій садъ имѣетъ разныя аллеи, имена которыхъ известны мѣстнымъ жителямъ Варшавы: въ среднѣй идетъ главная аллея (aleja Główna). Налѣво

будеть побольше молодого народу, съ фізіономіями, о которыхъ толковать намъ долго нечего: заговорите вслухъ о вашемъ дѣлѣ: увидите, что будетъ!».

Помѣщикъ отправился, и сдѣлалъ все такъ, какъ ему совѣтовалъ незнакомецъ: скамейка, послѣ того, какъ онъ разсказалъ вслухъ свое дѣло, вдругъ опустѣла; остался на ней только одинъ человѣкъ, который предложилъ помѣщику «подать объ этомъ просьбу народному правительству».

— Да гдѣ же находится это правительство?—спросилъ помѣщикъ.

«Вамъ этого совсѣмъ не нужно знать,—отвѣчалъ собесѣдникъ:—подайте просьбу мнѣ, здѣсь же, въ Саксонскомъ саду, на этой же самой скамейкѣ!».

Помѣщикъ сходилъ въ Европейскую гостиницу, гдѣ жилъ,—написалъ просьбу, воротился въ садъ и отдалъ ее молодому человѣку.

«Теперь ступайте домой и ждите отвѣта часа черезъ два».

Черезъ два часа постучались въ дверь номера, который занималъ помѣщикъ; просунулась рука и передала «разрѣшеніе жонда остаться въ Варшавѣ до окончанія своихъ дѣлъ».

Былъ еще такой случай: изъ одного дома пропалъ дворникъ. Когда онъ воротился, его спросили: «гдѣ ты былъ? Тебя тутъ нѣсколько разъ спрашивали!».

— Что же, что спрашивали: я былъ у начальства.

«У какого начальства!»

— На Красинской площади: собирали насъ съ цѣлой Варшавы.

«Кто же собиралъ?»

— Говорю:—начальство: сотники, десятники! ¹⁾.

Вотъ еще разсказъ изъ тѣхъ же дней.

Послѣ іюньскаго декрета о выпускѣ облигацій внутренняго займа, принудительнаго для всѣхъ жителей Царства со средствами, была наложена значительная сумма и на маркиза Велепольскаго. Такъ какъ лично съ него требовать эту сумму было трудно, то придумали слѣдующій маневръ:

если входилъ въ садъ съ Саксонской площади,—идетъ аллея въдоховъ (aleja Westchnień), наиболѣе тѣнистая и любимая публикой. За нею, нагѣво вверхъ, къ тому мѣсту, гдѣ фруктовая лавка,—аллея литераторская (aleja Literacka), иначе: аллея получающихъ пенсію (aleja Emerytów). Первая направо отъ главной—аллея любви (aleja Miłości). Наконецъ, отдаленная, около забора, отдѣляющаго Саксонскій садъ отъ брюлевскаго палаца (была на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Новая улица)—аллея отчаянія (aleja Rozpaczy).

¹⁾ Разсказано автору намѣстникомъ, графомъ Бергомъ.

Двое молодыхъ людей, весьма приличныхъ на видъ, съ надлежащимъ письменнымъ уполномочіемъ отъ жонды, подошли однажды къ каретѣ маркизы Велепольской, когда она стала въ нее садиться, выйдя изъ Кармелитскаго костела, что на Краковскомъ предмѣстьѣ, и объявили ей, что «на ея супругѣ и на ней лежитъ такое-то взысканіе, что его слѣдуетъ непременно уплатить: иначе маркизу не оставлять въ покоѣ,—ей нельзя будетъ нигдѣ показаться въ публикѣ и бывать въ церкви».

Маркиза просила назначить «день, часъ и мѣсто». Было назначено: она явилась туда лично и уплатила требуемыя деньги.

Все это однакожъ рассказы, которыхъ нельзя подтвердить ничѣмъ официальнымъ, ничѣмъ печатнымъ. Услышавъ это, могутъ замѣтить: «Se non è vero, è ben trovato!». Но вотъ фактъ, въ которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, который подтверждается нѣсколькими неоспоримыми доказательствами,—другими фактами, закрупленными печатью.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 года, французскій купецъ Розе, извѣстный нашему посольству въ Парижѣ и оттуда рекомендованный намѣстнику, взялся доставить изъ дипломатической канцеляріи послѣдняго, депеши въ Берлинъ и Парижъ. Какъ всегда бываетъ, при этихъ денешахъ пошли и частныя письма отъ разныхъ высокихъ лицъ и ихъ женъ. Были письма, между прочимъ, отъ супруги намѣстника и отъ супруги гофмейстера Хрептовича къ ихъ знакомымъ за границей.

Жондъ народовой узналъ объ этомъ несовсѣмъ подробно: ему донесли, «что тогда то отправляется изъ Варшавы господинъ въ мѣховой шапкѣ (которую Розе носилъ постоянно вслѣдствіе головныхъ болей), и при немъ, или при его женѣ, будутъ депеши отъ намѣстника».

Вслѣдствіе этого было дано предписаніе извѣстнымъ лицамъ на варшавско-бромбергской желѣзной дорогѣ: «осмотрѣть господина въ мѣховой шапкѣ, гдѣ это будетъ удобнѣе, и всѣ бумаги и письма, какія при немъ или женѣ его окажутся, доставить народному правительству».

Когда поѣздъ остановился въ Александровѣ, вооруженные люди пошли по вагонамъ, спрашивая: «гдѣ тутъ господинъ въ мѣховой шапкѣ?».

Розе, смекнувъ, что его ищутъ, передалъ незамѣтно депеши сидящей съ нимъ рядомъ женѣ, но она выдала себя неестественнымъ, испуганнымъ выраженіемъ лица: ревизоры народнаго правительства пригласили ее въ особую комнату и подробно осмотрѣли. Жондъ народовой удержалъ у себя только депеши, а письма супруги намѣстника переслалъ обратно нераспечатанными, кромѣ двухъ, ко-

торыя были отправлены по назначенію. Одно изъ нихъ было адресовано Алиціи, дочери королевы Викторіи. Письма г-жи Хрептовичъ оглашены въ «Часѣ» ¹⁾).

Порча желѣзныхъ дорогъ, съ разными дѣлами, производилась, по предписанію народнаго правительства, а иногда и безъ всякихъ предписаній, мѣстными революціонными властями, довольно часто.

Въ апрѣлѣ 1863 г. была испорчена варшавско-вѣнская желѣзная дорога, между Скерневицами и Петроковимъ, въ трехъ мѣстахъ, единственно затѣмъ, чтобы заставить начальника главнаго штаба, г.-л. Минквица, проѣхать изъ-за границы на почтовыхъ лѣсами, гдѣ хотѣли его арестовать, а потомъ размѣнять. Минквицъ избѣгъ ареста только потому, что ближайшій къ мѣстамъ, гдѣ онъ долженъ былъ неизбежно проѣхать, отрядъ Зейфрида, соблюдая интересы Милославскаго, не рѣшился оставить занятой имъ позиціи и не выслалъ, по требованію комиссара краковскаго воеводства, Станислава Франковскаго, въ извѣстный пунктъ людей ²⁾).

..... Всѣ сословія дѣлались чась отъ часу невыносимѣе, высоко-мѣрнѣе, смотрѣли на насъ не то, что какъ на равныхъ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, а даже какъ на низшихъ. Въ особенноти стали важны въ обращеніи съ кѣмъ-угодно высшіе слои населенія. Архіе-

¹⁾ Гиллеръ, II, 67.

²⁾ Авейде. Тамъ есть замѣчаніе генерала Минквица, гдѣ онъ сѣлъ въ тѣлѣгу и сколько проѣхалъ на почтовыхъ лѣсами совершенно одинъ.

Подобная порча желѣзныхъ дорогъ и нерѣдко дѣлаемые повстанцами выстрѣлы по нагонамъ заставили мѣстныя власти на Литвѣ и въ Царствѣ посылать впередъ всякаго поѣзда, на разстояніи версты, особый локомотивъ, въ которомъ помѣщалось сорокъ человѣкъ солдатъ съ заряженными ружьями. Такой локомотивъ, называвшійся курьеромъ, отчасти провѣрялъ дорогу, все-ли на ней благополучно; отчасти былъ страхомъ для-стрѣляющихъ повстанцевъ. Но шалости все-таки производились: повстанцы, скрытые въ кустахъ, пропустивъ курьера, сдерживали съ мѣста, особо-придуманнѣе механизмомъ, заранѣе развинченные рельсы: поѣздъ съѣзжалъ въ сторону, а иногда подвергался и крушенію, а шалуны скрывались въ лѣсной чащѣ. Дабы устроить такіе беспорядки, Муравьевъ приказалъ, въ подвѣдомственномъ его управленію край, вырубить лѣсъ по обѣимъ сторонамъ проходившихъ тамъ желѣзныхъ дорогъ, на 50 сажень. Часть срубленнаго лѣса пошла на постройку бараконъ съ частоколами, въ видѣ бойницъ, для помѣщенія тамъ небольшихъ гарнизоновъ вблизи важнѣйшихъ станцій; остальное же отдано крестьянамъ, которые рубили лѣсъ. Позже сдѣлано тоже самое и въ Царствѣ. Намѣстникъ Бергъ, рассказывая объ этомъ автору, закончилъ словами: «никогда не прощу себѣ этой глупости!». Было-ли это искренно-сказать трудно.

Н. В.

пискомъ, уже довольно популярный, выказывалъ, что ни день, болѣе и болѣе сопротивленія, когда къ нему обращались правительственные власти по поводу какихъ-либо неумѣренныхъ демонстрацій въ костелахъ, калишникахъ, не установленныхъ никакими церковными правилами процессій и молебствій. Письмо его къ Государю, несмотря на честное слово, данное имъ Намѣстнику, что оно никому не будетъ извѣстно, — явилось въ парижскомъ «Монитерѣ» и стало потомъ ходить, въ отдѣльныхъ оттискахъ, по Варшавѣ. Намѣстникъ замѣтилъ автору, чтобы онъ былъ послѣ этого какъ-можно осторожнѣе. Но Фелинскій не хотѣлъ ничего слушать. Онъ былъ весь на сторонѣ движенія, съ мальчиками, съ цѣлымъ краемъ. Когда казнили, 12-го іюня н. ст., ксендза Бонарскаго, за разные незаконные поступки во время пребыванія его въ бандахъ, Фелинскій послалъ къ главному директору комисіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ—протестъ, исполненный рѣзкихъ жалобъ на безправіе русскихъ властей¹⁾. Этому законное правительство вынести не могло, и отравило Фелинскаго въ Петербургъ, откуда по высочайшему повелѣнію Фелинскій высланъ въ Ярославль, гдѣ онъ и донинѣ находится.

Ссылка архіепископа вызвала вѣсколько демонстрацій. Администраторъ діецезіи, ксендзъ суффраганъ Ржевускій, наложилъ на городъ трауръ: не звонили въ колокола и даже грозили снова запретить костелы. Когда графъ Бергъ встрѣтилъ гдѣ-то Ржевускаго и сказалъ ему, что «было бы лучше не мѣшать Бога въ политику»—Ржевускій будто бы отвѣчалъ:

— «Богъ настолько Богъ, чтобы не забывать Его и въ политикѣ».

Тѣмъ временемъ, какъ все описанное происходило, прибыли въ Петербургъ новыя ноты первенствующихъ державъ, уже заключавшія въ себѣ прямыя указанія, «какимъ образомъ возстановить спокойствіе въ центрѣ Европы, столь для всѣхъ желанное и необходимое». Европейская пресса требовала перемирія и выставляла его условія въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Полнѣйшая и общая автономія. 2) Народное представительство, которое принимаетъ участіе въ мѣстномъ законодательствѣ и обладаетъ истекающими отсюда средствами контроля. 3) Назначеніе поляковъ въ публичныя должности такимъ образомъ, чтобы устроилась особая, народная администрація, возбуждающая довѣріе. 4) Полная и совершенная свобода совѣсти и уничтоженіе ограниченій, касающихся исполненія католическихъ обрядовъ. 5) Исключительное употребленіе польскаго языка, какъ официаль-

¹⁾ Можно видѣть въ книгѣ: «Wspomnienia o Zygm. Felińskim», стр. 217—221. Въ «Exposé de la Situation», стр. 44—46.

наго, въ администраціи, судопроизводствѣ и воспитаніи. 6) Введеніе правильнаго и законнаго взиманія рекрутской повинности.

Это подняло еще болѣе кредитъ возстанія. Все вмѣстѣ указывало правительству на необходимость обратиться къ крутымъ мѣрамъ.

Н. В. Вергъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо митрополита Филарета къ Муравьеву.

«Было слышно и видно, что многодѣятельная государственная служба вашего превосходительства потребовала наконецъ облегченія, дабы часть должностнаго труда была замѣнена долей покоя. Но, какъ скоро царское слово васъ воззвало на защиту и умиротвореніе отечества, вы забыли потребность облегченія и покоя; не колеблясь, приняли на себя бремя, требующее крѣпкихъ силъ и неутомимой дѣятельности; наши новую силу въ любви къ царю и отечеству. Вѣрные сыны царя и отечества узнали о семъ съ радостію и надеждою. Ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ отечества, ваше имя—побѣда. Господь силъ да совершитъ ваше дѣло правды и дѣло мира. Да пошлетъ тезоименнаго вамъ небснаго архистратига, да идетъ предъ вами съ мечемъ огненнымъ и да покрываетъ васъ щитомъ небснымъ. Съ этими мыслями и желаніями препровождаю вамъ, вмѣстѣ съ самъ, въ благословеніе икону святаго архистратига Михаила».

II.

Декретъ жонда народоваго объ учрежденіи революціонныхъ трибуналовъ.

«Жондъ народовой, признавая необходимымъ дать соотвѣтственное направленіе политическо-революціонному судопроизводству, постановляетъ:

Статья 1. Во всякомъ уѣздѣ и, независимо отъ него, въ городѣ Варшавѣ учреждаются революціонные трибуналы.

Статья 2. Юрисдикція уѣздныхъ революціонныхъ трибуналовъ будетъ распространяться только на тотъ уѣздъ, въ которомъ состоитъ трибуналъ. Варшавскому революціонному трибуналу будутъ подсудны всѣ жители Варшавы и предмѣстій, безъ всякаго изъятія.

Статья 3. Власть революціонныхъ трибуналовъ не распространяется на военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной народной службѣ, для которыхъ существуютъ отдѣльные военные суды.

Статья 4. Всякій революціонный трибуналъ будетъ слагаться изъ предсѣдателя и двухъ членовъ. Приговоры будутъ постановляемы по большинству голосовъ.

Статья 5. По представленію правительственныхъ комиссаровъ, жондъ самъ назначитъ во всякій уѣздный трибуналъ предсѣдателя и двухъ присяжныхъ судей. Назначеніе членовъ революціоннаго трибунала будетъ зависѣть непосредственно отъ жонда.

Статья 6. При каждомъ революціонномъ трибуналѣ будетъ состоять, по назначенію жонда народоваго, прокуроръ. Въ Варшавѣ жондъ народовой назначать прокуроромъ одного изъ кандидатовъ, избранныхъ городскою рево-

люционной организацией города. Прокуроръ есть публичный обвинитель, и на обязанности его лежитъ, сверхъ того, наблюдение за точнымъ исполненіемъ приговоровъ трибунала. Революціонные трибуналы будутъ постановлять приговоры на точномъ основаніи уголовного кодекса и уголовного судопроизводства, утвержденныхъ жондою одновременно съ симъ декретомъ».

«Варшава, 2-го іюня 1863 года».

(На печати): «Жондъ народовой. Равенство, свобода, независимость».

Декретъ жонда объ атрибутахъ революціонныхъ трибуналовъ.

Всѣ обыватели края, со дня распубликованія настоящаго декрета, подчиняются, въ политическихъ преступленіяхъ, дѣйствию слѣдующаго уголовного закона. Жондъ народовой постановляетъ:

§ 1. Всѣ дѣйствія, направленные къ ослабленію дѣятельности жонда народоваго, къ уничтоженію революціоннаго движенія, и вообще всѣ поступки, вредящіе дѣлу отчизны,—будутъ считаться государственными преступленіями.

§ 2. Революціонные трибуналы будутъ подвергать виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ слѣдующимъ наказаніямъ: смертной казни, лишенію чести, соединенному съ опубликованіемъ приговора въ газетахъ, и, наконецъ, изгнанію изъ мѣста жительства и даже изъ предѣловъ края, на время болѣе или менѣе продолжительное.

Примѣненіе къ дѣйствию одного изъ поименованныхъ наказаній будетъ зависеть отъ степени заявленной противъ обвиняемыхъ и доказанной вины. Въ случаѣ невозможности привести въ исполненіе смертный приговоръ, осужденный лишается покровительства закона.

§ 3. Принимается за основаніе, что каждый обыватель края имѣетъ право обвинять другаго путемъ донесенія. Исключеніе изъ этого правила допускается только въ слѣдующихъ случаяхъ:

Комиссары жонда народоваго; какъ военные, такъ и гражданскіе начальники воеводства и чиновники, служащіе въ Варшавѣ, будутъ предаваемы суду по квалификаціонному постановленію жонда народоваго.

Узаконные начальники будутъ подвергаться суду по обвиненіямъ, заявленнымъ противъ нихъ комиссарами жонда. Производство судебныхъ слѣдствій возлагается на революціонные трибуналы. Всякій обвиняемый имѣетъ право защищаться.

§ 4. Приговоры будутъ публиковаться въ газетахъ.

«Варшава, 2-го іюня 1863 года».

(На печати): «Жондъ народовой. Равенство, свобода, независимость».

III.

Похищеніе Вашковскими денегъ изъ казначейства.

Вашковскій задумалъ похитить деньги изъ варшавскаго губернскаго казначейства около апрѣля 1863 года. Это была мысль неслыханно-дерзкая, не приходила въ голову никому изъ членовъ организаціи красныхъ. «Мы не допускали, говоритъ Авейде,—чтобы измѣна въ чиновничьемъ мирѣ простиралась въ то время такъ далеко... Еслибы только мы сочли возможнымъ достать деньги изъ главнаго казначейства, мы бы устроили все дѣло гораздо разумнѣе и хитрѣе: захватили бы все, до послѣдней копейки, и заранѣе приняли бы необходимыя мѣры для скорѣйшаго разнѣна билетовъ кредитнаго общества (listów zastawnych) и для отправки денегъ за границу». (IV, 132—133).

Вашковскій дѣйствовалъ совершенно одинъ. Онъ явился, въ маѣ мѣсяцѣ, съ какою то бумагой, яко-бы отъ жонда народоваго, въ квартиру казначея

Станислава Яновскаго, когда у него былъ контролеръ Станиславъ Гебда, и сталъ требовать отъ нихъ помощи для похищенія хранившихся въ казначействѣ суммъ, необходимыхъ возстанію какъ воздухъ, говоря, что «иначе все разрушится, всё понесенные доголѣ тяжкіе труды обратятся въ ничто».

Яновскій и Гебда отказали на-отрѣзъ, несмотря ни на какія мольбы и угрозы Вашковскаго, но, тѣмъ не менѣе, были потрясены сценой объясненія съ этимъ энергическимъ, отчаяннымъ и краснорѣчивымъ малымъ. Черезъ нѣсколько дней въ нихъ произошелъ поворотъ мыслей въ другую сторону. Очищеніе кассы на пользу возстанія стало казаться для нихъ возможнымъ, а картина одураченія москалей представлялась очень соблазнительной...

Предчувствовалъ что ли такую переѣмъ въ этихъ лицахъ Вашковскій, или узналъ объ ихъ новомъ настроеніи отъ кого-либо изъ знакомыхъ—только, разъ, когда они опять сидѣли вечеромъ вмѣстѣ, вбѣжалъ къ нимъ, растрепанный, съ распятіемъ въ рукахъ, и во имя польскаго Бога сталъ требовать ихъ помощи вторично, говоря, что «ихъ отказъ будетъ равняться измѣнѣ дѣлу народнаго освобожденія, предпринятаго цѣлымъ краемъ,—измѣнѣ народу, его вѣрѣ и преданіямъ!».

На этотъ разъ Яновскій и Гебда подались. Вашковскій сказалъ имъ, что ему нужны «только ключи отъ кассы, хотя на нѣкоторое время, и два-три возныхъ». Ключи были тутъ же выдавы, и трое возныхъ взялись, за извѣстное вознагражденіе, помогать.

Ознакомясь хорошо съ мѣстностью, гдѣ хранились деньги, Вашковскій явился туда, въ сопровожденіи возныхъ, 6-го іюня н. ст., передъ присутствіемъ, въ видѣ чиновника казначейства; часовой, стоявшій у дверей, пропустилъ ихъ всѣхъ, несмотря на то, что при нихъ не было ефрейтора. Похищенная сумма была вынесена въ сѣни лѣваго флигеля казначейства, обыкновенно пуста. Тутъ стояла дружка, въ которой сидѣлъ никому неизвѣстный господинъ: онъ принялъ деньги, въ мѣшкахъ и пачкахъ, и уѣхалъ.

По окончаніи присутствія, въ тотъ же самый день, Вашковскій съ возными проникъ въ кладовую, тѣмъ же способомъ опять—и похитилъ еще нѣсколько мѣшковъ и пачекъ.

7-го іюня н. ст., не ходили въ кладовую совсѣмъ. Но 8-го числа снова явились и взяли сколько-то мѣшковъ и пачекъ.

Послѣднее похищеніе совершилось 9-го іюня н. ст.

Дальнѣйшія прогулки въ кладовую были невозможны потому, что интендантство потребовало выдачи изъ казначейства какой-то серьезной суммы. Казначейство, въ первую минуту, отказало, сославшись на недостатокъ денегъ. Интендантъ потребовалъ настойчиво во второй разъ. Тогда Гебда и Яновскій куда то скрылись... Казначейство было обревизовано, и, когда пропача обнаружилась, назначена коммисія для разслѣдованія всего дѣла.

Говорили послѣ, будто бы въ этомъ похищеніи участвовали, кромѣ Гебды и Яновскаго, и другія, высшія лица.

Въ показаніяхъ Вашковскаго, исторія похищенія была, какъ кажется, рассказана со всѣми подробностями, но эти листы кѣмъ-то отрѣзаны, и вмѣсто нихъ пришиты какіе-то другіе, исписанные его же рукой, но небрежно и какъ бы неохотно, по принужденію. Тамъ ничего нѣтъ, кромѣ того, что имъ рассказали читателямъ. Часть показаній Вашковскаго ѣздилъ въ Лондонъ; авторъ видѣлъ и эту часть въ портфель нашего англійскаго консула: и тамъ ничего нѣтъ.

Н. В. Вергъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

№ 739. Дѣло, по донесенію хозяйственнаго отдѣленія управленія дома графа Л. И. Салогуба, о глухомъ тетеревѣ.

Началось 20-го іюня 1825-го года.
Рѣшено 18 года.
На листахъ.

«20-го іюня 1825 г.» № 739.

УПРАВЛЕНІЕ

ДОМА

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

ГРАФА ЛЬВА ИВАНОВИЧА

САЛОГУБА.

Отдѣленіе хозяйственное.

Столъ IV.

19-го іюня 1825-го года.

№ 3751.

О глухомъ тетеревѣ.

Его высоко-графскому сіятельству, графу Льву Ивановичу

Всеподданнѣйшее донесеніе.

Сего числа крестьянинъ вашего сіятельства Трифонъ Абрамовъ, изъ давнихъ лѣтъ занимающійся птичею охотою, принесъ въ даръ для стола вашего сіятельства глухаго тетерева, имъ застрѣленнаго; хозяйственное отдѣленіе, имѣя счастье донести о семъ вашему сіятельству, будетъ ожидать на сей предметъ начальническаго вашего предписанія.

Управляющій управленіемъ: Андреянъ Зиновьевъ.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидаравъ.

Резолюція: «Крестьянину Трифону Абрамову за усердіе его выдать полтину; а глухаго тетерева по надлежащему отдать на ледникъ, впредь до моего повеленія». «Графъ Левъ Салогубъ».

«20-го іюня 1825.»

«21-ва пюня».

ДОМЪ
ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

ГРАФА

ЛЪВА ИВАНОВИЧА

САЛОГУБА.

Канцелярія.

Столъ 2-й

Исполнительный.

20-го іюня 1825 года.

№ 3911-я.

На № 3751-я.

Главнаго управленія дома его сіятельства
отдѣленію хозяйственному.

На поступившій докладъ сего отдѣленія,
отъ 19-го іюня за № 3751, его сіятельство
графъ Левъ Ивановичъ изволилъ положить
собственноручную резолюцію, каковая въ
подлинникѣ, для надлежащаго исполненія, у
сего препровождается.

Домашній секретарь: Ефимъ Зарубинъ.

1825 года, іюня 21-го дня. Среда.

Въ общее присутствіе главнаго управленія дома его сіятельства
графа Льва Ивановича Салогуба присутствующіе прибыли:

Управляющій управленіемъ, отставной коллежскій архиваріусъ,
Андрейнъ Тимофеевичъ Зиновьевъ, въ 6-мъ часу по полуночи.

Правители отдѣленій:

Хозяйственнаго: Макаръ Сидоровъ.
Музыкальнаго: Антонъ Ефремовъ.
Гардеробнаго: Селивестръ Кузьминъ.
Казначейскаго: Потапъ Андрѣевъ.
Полицейскаго: Ефимъ Обдеришинъ.
Контрольнаго: Егоръ Щетневъ.

По полу-
ночи
въ 5-мъ
часу.

Слушали:

№ 3911. Отношеніе собственной канцеляріи его сіятельства графа
Льва Ивановича Салогуба отъ 20-го іюня, за № 3911-мъ, при коемъ
препровождается въ отдѣленіе хозяйственное собственноручная его
сіятельства резолюція, воспослѣдовавшая на докладъ онаго отдѣле-
нія отъ 19-го іюня, за № 3751, касательнаго глухаго тетерева, при-

несеннаго отъ усердія крестьянина Трифона Абрамова къ столу его сіятельства, имъ вострѣленнаго; а въ резолюціи его сіятельства изображено: «крестьянину Трифону Абрамову за усердіе его выдать полтину; а глухаго тетерева по надлежащему отдать на ледникъ, впредь до моего приказанія». Подлинное подписалъ «графъ Левъ Салогубъ».—Почему общее присутствіе, по взаимному между собою полюбовному и долговременному разсужденію, опредѣлило: 1) о исполненіи графской резолюціи донести его сіятельству; 2) хозяйственному отдѣленію отнестись въ отдѣленіе казначействъ о немедленной выдачѣ крестьянину Трифону Абрамову пятидесяти копѣекъ, за усердіе его сіятельствомъ ассигнованныхъ, по записаніи ихъ въ расходъ по документу; 3) дома его сіятельства ключица Феклѣ Варфоломеевой послать ордеръ (и посланъ) о храненіи на ледникѣ глухаго тетерева впредь до особаго приказанія его сіятельства, по тщательномъ сбереженіи оной птицы, подъ опясеніемъ строгой отвѣтственности; 4) подлинную птицу, вышеозначеннаго глухаго тетерева, свѣсивъ на безмѣнъ въ общемъ присутствіи, записать въсь оной въ заведенную на сей предметъ приходную книгу; 5) о всѣмъ вышепереченномъ составить журналъ, и поднести къ общему присутствующимъ подписанію.

Управляющій: Андреянъ Зиновѣфъ.

Макаръ Сидарафъ.

Антонъ Ефремовъ.

Сѣливерстъ Кузминъ.

Потапъ Андреефъ.

Ефимъ Обдеришинъ.

Егоръ Щетневъ.

Письмоводитель: отставной канцеляристъ Прохоръ Крюкинъ.

УПРАВЛЕНІЕ

«Получено 21-го іюня 1825.»

ДОМА
ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА
ГРАФА ЛЬВА ИВАНОВИЧА

САЛОГУВА.

Отдѣленіе хозяйственное.

Столъ 2-й
Исполнительной.

21-го іюня 1825 года.

№ 3754.

Въ отдѣленіе казначейства его высоко-
графскаго сіятельства.

Благоволить оное казначейство по соб-
ственноручной резолюціи его сіятельства
графа Льва Ивановича, въ 20-й день сего
іюня воспослѣдовавшей, выдать крестьянину
Трифону Абрамову за принесеннаго имъ для
стола его сіятельства глухаго тетерева денегъ
пятьдесятъ копѣекъ, и записать въ рас-
ходъ по документу.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидарафъ.

21-го іюня 1825 года.

№ 3755.

Охраненіи, впредь до при-
казанія его сіятельства, глу-
хаго тетерева.

И въ слѣдствіе собственноручной его сіятель-
ства резолюціи на докладѣ сего отдѣленія,
въ 20-й день сего іюня воспослѣдовавшей,
и по опредѣленію, въ общемъ присутствіи управленія дома его сія-
тельства состоявшемуся, имѣешь ты препровождаемаго при семъ
глухаго тетерева хранить по принадлежности на ледникѣ впредь до
особаго приказанія его сіятельства, и въ случаѣ малѣйшаго повреж-
денія онаго доносить отдѣленію. Въ противномъ случаѣ подвергнешь
себя гнѣву его сіятельства и строжайшему наказанію.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидарафъ.

ДОМЪ
ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

ГРАФА

ЛЬВА ИВАНОВИЧА

САЛОГУБА.

Канцелярія.

Столъ 2-й
Исполнительной.

28 іюня 1825 года.

№ 3958-й.

Главнаго управленія дома его сіятельства
отдѣленію хозяйственному.

Его сіятельство графъ Левъ Ивановичъ изволилъ приказать завтрашній день, по случаю праздника святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а вмѣстѣ и розговѣнья, приготовить къ обѣденному столу его сіятельства глухаго тетерева, принесеннаго въ даръ отъ усердія крестьянина Трифона Абрамова, въ 19-й день іюня, и по резолюціи его сіятельства хранящагося на ледникѣ. Почему хозяйственное отдѣленіе не оставитъ на сей предметъ сдѣлать заблаговременно надлежащее распоряженіе.

Домашній секретарь: Ефимъ Зарубинъ.

1825-го года, іюня 28 дня. Середа.

Въ общее присутствіе главнаго управленія дома его сіятельства графа Льва Ивановича Салогуба присутствующіе прибыли:

Управляющій управленіемъ, отставной коллежскій архиваріусъ, Андрянянъ Тимофѣевичъ Зиновьевъ, въ 5-мъ часу пополудни.

П Р А В И Т Е Л И О Т Д ъ Л Е Н І Й.

Хозяйственнаго: Макарь Сидоровъ.
Музыкальнаго: Антонъ Ефремовъ.
Гардеробнаго: Селиверстъ Кузминъ.
Казначейскаго: Потапъ Андреевъ.
Полицейскаго: Ефимъ Обдеришинъ.

Въ 4-мъ
часу по,
полудни.

С л у ш а л и:

№ 3958. Отношеніе собственной канцеляріи его сіятельства графа Льва Ивановича Салогуба, отъ 28-го іюня, за № 3958, коимъ извѣщаетъ хозяйственное отдѣленіе, что его сіятельство приказать словесно изволилъ: «Завтрашній день по случаю праздника святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а вмѣстѣ и розговѣнья, приготовить къ обѣденному столу его сіятельства глухаго тетерева, принесеннаго въ даръ отъ усердія крестьянина Трифона Абрамова, въ 19-й день іюня, и по резолюціи его сіятельства хранящагося на ледникѣ впредь до особаго приказанія». А по справкѣ въ хозяйственномъ отдѣленіи оказалось: означенный тетеревъ, принесенный въ даръ крестьяниномъ

Трифономъ Абрамовымъ, записанъ по отдѣленію въ приходную книгу, въ статью подъ № 429-мъ, и ордеромъ хозяйственнаго отдѣленія отъ 21-го іюня, за № 3755, отданъ по принадлежности на ледникъ подъ сохраненіе клюшницы его сіятельства Феклы Варфоломеевой. А потому общее присутствіе, по взаимномъ полюбовномъ между собою разсужденіи, опредѣлило: 1) Предписать означенной клюшницѣ Феклѣ Варфоломеевой, ордеромъ хозяйственнаго отдѣленія, о выдачѣ реченаго тетерева на кухню его сіятельства для изготовленія. 2) Такимъ же ордеромъ предписать главному кухмистеру его сіятельства, Кирилѣ Симонову, о изготовленіи къ завтрашнему обѣденному столу его сіятельства того тетерева въ видѣ жаренаго, осыпавъ для большія сласти разными пряными кореньями и зеліемъ; подтвердивъ ему Симонову при томъ, дабы онъ имѣлъ крайнѣе наблюденіе, дабы означенная птица была изготовлена по вкусу его высокографскаго сіятельства, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строжайшей отвѣтственности. 3) По приходной книгѣ хозяйственнаго отдѣленія означеннаго тетерева, яко убывшаго для изжаренія, исключить; и 4) Подлинный журналъ представить къ подписанію присутствующихъ.

Управляющій: Андреянъ Зиновѣфъ.
Макаръ Сидарафъ.
Антонъ Ефремовъ.
Сѣливерстъ Кузминъ.
Потапъ Андреефъ.
Ефимъ Обдерішенъ.

Письмоводитель: отставной канцеляристъ Прохоръ Крюкинъ.

Дополненіе къ журналу 28 іюня.

Правитель котрольнаго отдѣленія, Егоръ Щетневъ, сего числа не присутствовалъ, понеже за неумѣренное употребленіе горячихъ напитковъ во время двухъ прошедшихъ базаровъ, по приказанію его сіятельства, высѣченъ розгами, и находится въ смирительномъ домѣ полицейскаго отдѣленія, впредь до особаго повеленія его сіятельства.

Управляющій: Андреянъ Зиновѣфъ.
Макаръ Сидарафъ.
Антонъ Ефремовъ.
Сѣливерстъ Кузминъ.
Потапъ Андреефъ.
Ефимъ Обдерішенъ.

Письмоводитель: отставной канцеляристъ Прохоръ Крюкинъ.

28-го іюля 1825 года.

№ 3813.

О выдачѣ главному кухми-
стеру его сіятельства глу-
хаго тетерева для пригото-
вленія.

по принадлежности на ледникѣ глухаго тетерева, препровожденнаго къ тебѣ для храненія при ордерѣ, за № 3755, завтрашній день, по случаю праздника святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а вмѣстѣ и розговѣнья, приготовить къ обѣденному столу его сіятельства».

Въ слѣдствіе сего предписывается тебѣ, ключницѣ, вышеозначеннаго тетерева главному кухмистеру его сіятельства Кирилѣ Симонову подъ росписку его для изготовленія выдать и по приходной книгѣ, у тебя имѣющейся, въ расходъ исключить.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидарафъ.

28-іюня 1825 года.

№ 3814.

О изготовленіи къ обѣде-
нному столу его сіятельства,
въ 29-й день сего іюня, глу-
хаго тетерева.

на ледникѣ глухаго тетерева, по приходной книгѣ въ семь отдѣленій числящагося подъ статьей 429-ю, принесеннаго въ даръ отъ усердія крестьянина Трифона Абрамова, въ 19-й день іюня,—завтрашній день, по случаю праздника святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а вмѣстѣ и розговѣнья, приготовить къ обѣденному столу его сіятельства.

Почему и имѣешь ты, кухмистеръ, приготовить онаго тетерева въ видѣ жаренаго, осмывъ разными пряными кореніями и зеленью; имѣя при томъ крайнѣе наблюденіе, дабы означенная птица была изготовлена по вкусу его высокографскаго сіятельства, подъ опасеніемъ за неисполненіе строгой отвѣтственности. Ключницѣ же дома его сіятельства дано на сей предметъ особое предписаніе.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидарафъ.

Изъ отдѣленія хозяйственнаго.

Дома его сіятельства ключницѣ Феклѣ
Барфоломеевой

ордеръ.

Домашняя канцелярія его сіятельства гра-
фа Льва Ивановича отъ сего числа, за № 3958,
извѣщаетъ сіе отдѣленіе, что его сіятельство
словесно приказать изволилъ: «хранящагося

Изъ отдѣленія хозяйственнаго.

Дома его сіятельства главному кухмистеру
Кирилѣ Симонову

ордеръ.

Домашняя канцелярія его сіятельства гра-
фа Льва Ивановича отъ сего числа, за № 3958,
извѣщаетъ сіе отдѣленіе, что его сіятельство
словесно приказать изволилъ: «хранящагося

«По вход. № 9563»

«28-го іюня».

Главнаго управленія дома его сіятельства графа Льва Ивановича,
въ отдѣленіе хозяйственное.

Главнаго кухмистра его сіятельства, Кирила Симонова
репортъ.

Сего числа, во исполненіе почтеннейшаго ордера хозяйственнаго
отдѣленія за подписаніемъ Макара Сидорыча, отъ сегожь числа, за
№ 3814, пущеннаго, отправился я на ледникъ его сіятельства для
полученія отъ кляшницы Феклы Варфоломеевны глухаго тетерева для
изготовленія къ завтрешнему обѣденному столу его сіятельства; но,
разсматривая онаго тетерева, нашолъ, что оный уже крайніи сгнилъ,
и испускаетъ вельми смраднѣйшій запахъ, а частію поврежденъ мышами,
какъ-то, около крыльевъ, и лапки отгрызены; почему, находя себя въ
невозможности высокографское его сіятельства повеленіе выполнить,
симъ почтеннѣйше хозяйственному отдѣленію и репортую.

Главной кухмистеръ его сіятельства: Кирила Симанафъ.

Сч. отъ 28-го іюня
1825 года.
№ 245.

«О такомъ чрезвычайномъ
прикльюченіи данести ево сія-
тилству графу Льву Ивановичу».
«Макаръ Сидарафъ».

«29-го іюня 1825 г.»

УПРАВЛЕНІЕ

ДОМА

его сіятельства

ГРАФА ЛЬВА ИВАНОВИЧА

САЛОГУБА.

Отдѣленіе хозяйственное.

Столъ IV.

21-го іюня 1825 года.

№ 3819.

Огаенія глухаго тетерева.

Его высокографскому сіятельству, графу
Льву Ивановичу!

Всеподданнѣйшее донесеніе.

Во исполненіе словеснаго приказанія ва-
шаго сіятельства, вчерашняго числа канце-
лярію вашего сіятельства сему отдѣленію
объявленнаго, предписано было главному кух-
мистеру вашего сіятельства Кирилѣ Симо-
нову о изготовленіи сего числа къ обѣден-
ному столу вашего сіятельства глухаго те-
терева, принесеннаго въ даръ вашему сія-
тельству отъ усердія крестьянина вашего
сіятельства Трифона Абрамова, въ 19-й день
сего мѣсяца, и въ слѣдствіе резолюціи ва-
шаго сіятельства по принадлежности хранящагося на ледникѣ подъ
непосредственнымъ надзоромъ кляшницы вашего сіятельства Феклы
Варфоломеевой.

Но нынѣ означенный кухмистеръ вашего сіятельства, Кирила Симоновъ, за № 245, рапортомъ сему отдѣленію донесъ, что, осматривая вышеписаннаго тетерева, напощь, что оный уже крайнѣ сгнилъ и испускаетъ отъ себя вельми смраднѣй запахъ, а частію поврежденъ мышами, какъ-то, около крыліевъ, и лапки отгрызены; почему считаетъ себя въ невозможности высокографское вашего сіятельства повелѣніе исполнить.

Хозяйственное отдѣленіе главнаго управленія дома вашего сіятельства о такомомъ чрезвычайномъ проишествіи имѣетъ счастье донести вашему сіятельству, и на сей предметъ остается во ожиданіи высокографской вашего сіятельства резолюціи.

Управляющій управленіемъ: Андреянъ Зиновьевъ.
Правитель отдѣленія: Макаръ Сидарафъ.

Резолюція: «Подозрѣваю злоупотребленіе; а потому приказываю чиновнику особыхъ порученій, Игнашкѣ Скорохвату, произвести строжайшее слѣдствіе; обще съ членомъ медицинскаго отдѣленія, цирюльникомъ Гришкою; и что открыто ими будетъ, о томъ со всею подробностію мнѣ донести».

«29-го іюня 1825».

«Графъ Левъ Салогубъ».

Примѣчаніе. На этомъ оканчивается дѣло о глухомъ тетеревѣ, доставленное намъ въ подлинникѣ А. С. Лашкевичемъ, изъ г. Новозыбкова, Черниговской губерніи. Въ свою очередь г. Лашкевичъ получилъ это интересное «производство» изъ собранія бумагъ покойнаго Н. П. Бороздина, добывшаго это дѣло въ Рязанской губерніи. По цвѣту бумаги и водянымъ клеймамъ, по почеркамъ и цвѣту чернилъ—все дѣлопроизводство о глухомъ тетеревѣ несомнѣнно принадлежитъ 1825-му году, но дѣйствительно-ли такыя порядки имѣли мѣсто въ помѣщичьемъ быту, или это остроумная шутка лица, возмущеннаго бюрократическими порядками правительственныхъ канцелярій и департаментовъ въ былое время и осмѣявшаго ихъ, для кружка своихъ знакомыхъ, въ цѣломъ рядѣ сочиненныхъ бумагъ, написалъ и подписалъ ихъ различными почерками, подобравъ разную бумагу, и проч.—сказать трудно. Впрочемъ, что въ средѣ помѣщиковъ были лица, переносившія въ управленіе своими вочинами бюрократическіе распорядки тѣхъ канцелярій, гдѣ они до своей оставки служили, это несомнѣнно; объ этомъ, между прочими, свидѣтельствуетъ Гоголь, художественною кистью своею обрисовавшій, во второй части «Мертвыхъ Душъ»,—Кожкарева, помѣщика, создавашаго у себя нѣсколько канцелярій и управленій, и утопавшаго въ «бумажномъ производствѣ» созданныхъ имъ коммисій и комитетовъ.

Ред.

ОПЕЧАТКИ И ОШИБКИ

въ XXIV-мъ томѣ «Русской Старины».

Стр. 593. 4-я строка сверху, напечатано: установившій—читай: устранившій.

Ошибки въ «указателѣ личныхъ именъ» къ XXIV тому:

- Стр. 7. Напечатано: Вашковскій, нач. польск. банды—слѣдуетъ: крас-
ный повстанецъ.
- » 12. . . . Даниловскій, нач. польск. банды, — читай:—ч.
жонда, студентъ.
- » — . . . Дзялынскій, гр. нач. польск. отр.—читай: управ-
ляль Бѣлою партией въ Познанн.
- » 15. . . . Зегражда, предв. польск. банды—читай: революц.
гражд. управления плотк. воевода.
- » 18. . . . Качковскій, нач. польск. банды—читай: директ.
воен. деп. жонда.
- » 20. . . . Крашевскій, нач. польск. банды—читай:—пис-
тель, редакт. «Польск. Газеты».
- » 21. . . . Буржина, секрет., нач. польск. банды—читай:—
секрет. Мирославскаго.
- » 32. . . . Пыркотъ, нач. банды, 1863 г.—читай: Пыркошъ.
- » — . . . Ракузе, маюръ, 1863 г.—читай: Ракуза.
- » 36. . . . Сѣраковскій (Доленго)—читай: Доленга.
- » 39. . . . Хршановскій, Леонъ, нач. польск. банды—читай:—
глава краковскаго Бѣлаго комитета.
- » 42. . . . Щепанскій, нач. польск. банды — читай:—глава
Красной партии въ западной Галиціи.

Въ XXV-мъ томѣ «Русской Старины»:

- Стр. 159 строка 9 снизу: напечатано: Реппинскій—читай: Реппинскій.
- » 161 — 16 сверху — — Бузеа — Бузео.
- » 162 — 5 снизу — — Терешедъ — Теремець.
- » 164 пять строкъ сверху до словъ «но послѣ....» напечатаны
вдвойнѣ, эти строки уже помѣщены въ концѣ 163-й
страницы.
- » 165 — 6 снизу: пропущены слова «времени, пока бригъ «Меркурій»
сталъ среди эскадры на якорь. Послѣ чего эскадра,
взявъ для усиленія abordажныхъ средствъ Камчатскій
полкъ, пустилась крейсировать, съ цѣлью» и т. д.
- » 172 — 9 сверху: напечатано: на важдого.—читай: всѣмъ въ
сложности.

гда поправитъ, что въ попыткѣ досады онъ разрушилъ благое дѣло законъ, въ обобщеніи виду Гаанъ и Россіи и въ противную его собственному всегдашнему старанію быти въ связи съ образованною Европою. Нпротивъ, поступокъ великаго князя съ нмѣщичи кунцами показываетъ, что онъ хотѣлъ споспѣвать съ этою Европою безъ тахъ препятствій, какія представлялись со стороны Гаанъ и ливондскихъ городовъ; онъ хотѣлъ отучитъ Гаану вѣнчаваться въ будущее время въ политку и принимать сторону его враговъ Швеціи и Ордена; его намѣреніемъ отнюдь не было прекращеніе торговли нмѣщичь въ Новгородъ: онъ предлагалъ только торговать тамъ по его княжеской волѣ, и конечно не могъ обращать вниманія на такіа отчужденія права нмѣщичь, какъ право безпослѣдственной торговли. Наконецъ основаніе Новгорода и война со шведами, веденная около Выборга тотчасъ по закрытіи двора, немо показываютъ, что Иванъ Васильевичъ стремился стать твердой ногой при морѣ: это то же завѣтное стремленіе, которое продолжалъ его грозный внукъ и которое наконецъ осуществилъ ихъ генеральный потомокъ Петръ В. (263).

Необходимо замѣтить, что движеніе противъ монополій Гаанъ началось почти одновременно и въ другихъ странахъ—въ Германіи, Швеціи и Англіи. Въ послѣдней оно закончилось въ 1598 г. закрытіемъ нмѣщичьего двора въ Лондонѣ, которое сопровождалось почти такими же явленіями, какъ и въ Новгородѣ.

Въ сочиненію приложенъ алфавитный указатель именъ, относящихся преимущественно къ торговлѣ и промышленности.

Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ. П. А. Солодовскаго. Сиб. 1878. Ц. 1 р. 70 к.

Экономическій бытъ древней Россіи у насъ исследованъ менѣе другихъ сторонами жизни русскаго населенія того времени. Недавно авторъ посвятилъ очеркъ ему, подъ заглавіемъ: «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи»; а теперь представляю моимъ трудъ въ томъ же -
1) Исследования экономическому изученію

бытъ съ различными классами крестьянскаго населенія; дагѣе слѣдуетъ обзоръ—повинностей крестьянъ и формъ землевладѣнія, съ очеркомъ быта и мороддѣвъ (гл. VII и VIII). Въ главахъ IX, X, XI и XII излагается колонизація юго-восточныхъ степей и Поволжья до конца XVII в. въ связи съ экономическимъ положеніемъ крестьянскаго населенія въ этотъ періодъ и очеркомъ быта донскихъ казаковъ. Впрочемъ историческій очеркъ колонизаціи сравнительно менѣе обработанъ, несмотря на новыя труды и матеріалы, появившіеся въ послѣднее время.

«Въ исторіи экономическаго быта XV—XVII вѣкавъ принадлежитъ рѣшающее значеніе, говоритъ авторъ. Въ продолженіе ихъ рыбоволовство и охота замѣняются земледѣліемъ, которое повсемѣстно становится господствующимъ занятіемъ. Формы владѣнія и пользованія землей получили въ названномъ періодѣ тотъ видъ, который въ главѣйшихъ чертахъ онъ сохраняютъ и въ наше время. Тогда совершилась раздача земель въ частное владѣніе, и установились отношенія между земледѣльцами и землевладѣльцами на основаніи полновѣщества, оброка и податной повинности... Экономическій бытъ крестьянства въ Московскомъ государствѣ предъ введеніемъ крѣпостнаго права находился въ переходномъ состояніи къ худшей степени. Причиной упадка народнаго благосостоянія заключались, не въ свойствахъ природы и не въ естественныхъ и умственныхъ качествахъ народа, а исключительно въ условіяхъ государственнаго быта. Упадокъ этотъ начался съ того времени, когда, съ развитіемъ помѣстной и податной системъ, русскій крестьянинъ былъ превращенъ въ тяглую единицу. Свободное развитіе народа на общинныхъ началахъ сдѣлалось, вслѣдствіе положенія тягла, невозможнымъ, и народу приходилось поступаться своими вѣковыми обычаями. Но отказаться отъ самыхъ коренныхъ основъ своего міропонятія онъ, очевидно, не могъ безъ борьбы, и крестьянство «стремится различными способами уклониться отъ подчиненія все возрастающимъ требованіямъ государства». Съ этимъ связывается колонизаціонное движеніе русскаго населенія. Таковыя главныя

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—ВОСЕМЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Николая Нв. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: Н. Г. Соловьева, на Страстиву бульварѣ, д. Алексѣева, и Ник. Нв. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Нижегородцые обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Похлячскую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ вѣкахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусства и матеріалы къ нимъ: впадающимъ почему-либо въ свое время произведеніямъ извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографія, мѣтки, дневники.—VI. Библиографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, мѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣд. издания журналовъ:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ десятый.

АВГУСТЪ.

1879 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Малое побоево. Историческія очерки Д. Н. Измайлова.	491	VI. Малое возстаніе въ 1863—1864 гг.—Проложеніе въ Запискахъ Н. В. Верга.	707
II. Архиеп. Макарий, митрополитъ Рязанскій. Историко-биографическія очерки. Состав. профессоръ В. С. Ивлинниковъ. Главы IV—V	577	VII. Очерки, рассказы и записки: 1) Автросій Орнатскій, епископъ Новгородскій. (Собщ. Г. Шатковъ (729). 2) Бунтъ южннхъ поселенъ въ 1831 г. Рассказъ священника — очевидца (731). 3) Преподоб. Инокимъ Введенскій въ 1849 г. (Собщ. П. Гусевъ (739). 4) Дѣло при Игумнѣнъ въ 1803 г. (Собщ. А. Бруниеръ (745). 5) О портретѣ великаго императора Академикъ Художества гр. О. П. Толстаго (754).	
III. Воспоминанія В. А. Дроботко. Палубинская гражданская служба съ Кавказа, 1829—1876 гг. Главы I—IV	637	VIII. Записки о новыя походы: Литы кавказской археограф. комиссіи, изд. подъ редакціей А. П. Верго. (747) Алы и Убай, брашна пид. въ Самарѣ. Записка Ч. П. Венюкова (753).	
IV. Шаринская колонія ннголицъ Воскреснаго Воспитательнаго Дома. Глава V. (Окончаніе). Перечисленіе на государственныя крестьяне. — Служба въ колоніи 1851—1852 гг. — Милости и жалованья. — Самообраніи управленія. — Введеніе поженнаго ннголица. — Постой. — Слѣдственна комиссія. — Ночныя бесѣды. — Выборное начальство. — Распродажа ннголицъ. — Писемно ннголица	610	IX. Библиографическій списокъ. Состав. профер. Н. С. Ивлинниковъ (въ оберткѣ).	
V Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, 1799—1837 гг. Писемнаго съ брату и родимыи, 1820—1821 гг.	671		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ графа Федора Петровича Толстаго, художникъ-элятерскій скульптора-инженеръ. † 1873 г., рисованъ съ портрета, великаго Заряико, художникъ К. О. Брожъ, гравированъ въ Ниццѣ акад. Л. А. Шарковъ.—II. Указателъ личныхъ именъ въ XXV томѣ «Русской Старины».

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г., 1876 г., 1877 г., 1878 г. и 1879 г., цѣна по восемь руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАСХЕВА.

Бессарбическій каналъ, каналъ Воскресенскій и Моравскій востана, № 10—1.

1879.

Лекції по історії руського законодавства. П. Д. Бялєва, орд. проф. импер. хоск. унів. Москва. 1873 г. 728 стр. Ц. 3 р.

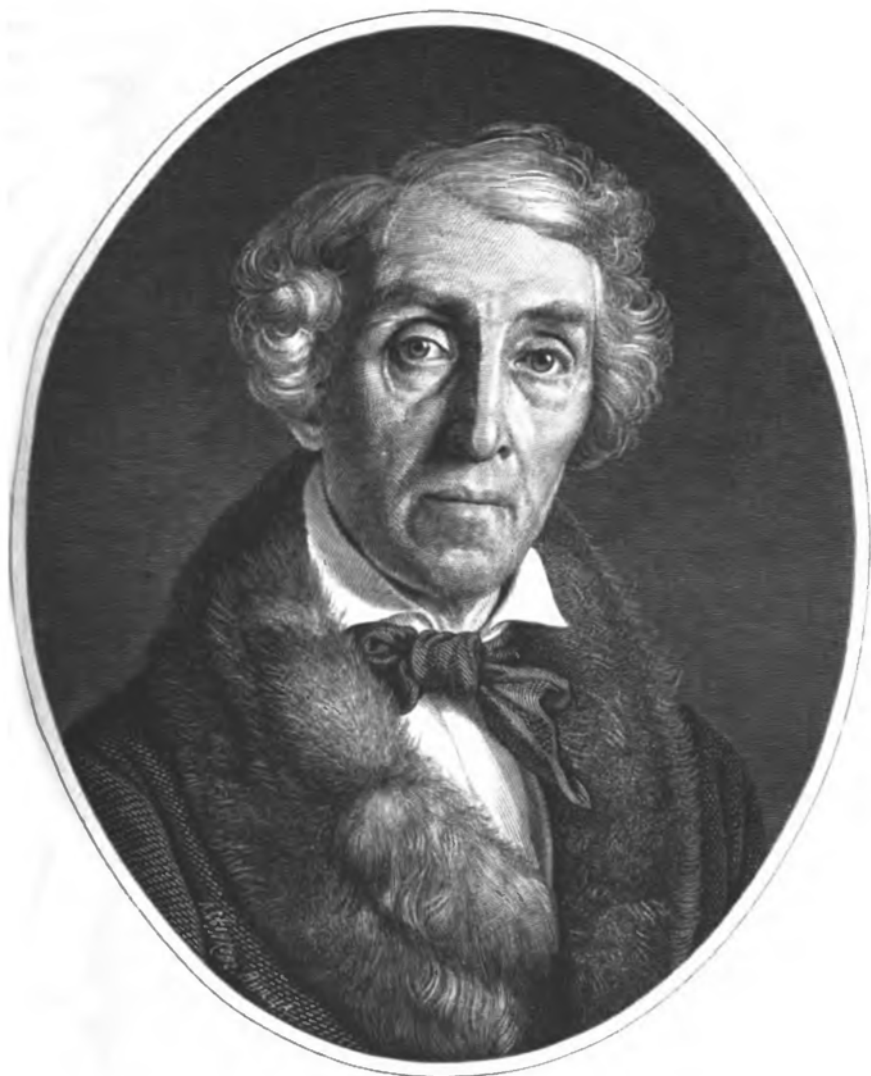
Настоящая книга выдана на основании собственноручных тетрадей автора и студенческих записок; она — плод многолетних трудов профессора, известного в печати множеством отдельных исследований (между прочим: «Крестьяне на Руси», статьи, предисловія къ историческимъ и юридическимъ памятникамъ, помѣщеннымъ въ массѣ ученыхъ и періодическихъ изданій, какъ «Чтенія Моск. Общ. ист.», «Временникъ» того же Общ., «Рус. Беседа», «Москвитинка», «Журн. имп. нар. просв.», «Изв. Ак. Наукъ», «Записки русс. геогр. и археол. общ.», «Архивъ Коллѣжн.» «Русск. Вѣст.», «Издв. для Чтенія», «Прав. Обзор.», «Изв. воен. унав.» в пр. и пр.), — бывшего редактора «Временника моск. общ. ист.» (25 книгъ) и издателя «Литовскаго Статута» въ трехъ редакціяхъ (тамъ же). Автору же принадлежитъ мысль изложить русскую исторію въ видѣ исторіи отдельныхъ земель (Псковъ, Новгородъ, Полоцкѣ и т. д., 6 томе). Полный перечень его трудовъ помѣщается недавно составленъ профес. киев. унив. Владимирскій-Вукаловъ, въ своей рецензіи на книгу Вадяева — попытка такъ болѣе необходимо, что у насъ вѣрнѣе счищаются труды П. Д. Бялєва съ сочин. Илья Бялєва, иногда писавшаго по одному и тому же вопросу (напримѣръ о Стоглавѣ).

Прочитывая лекціи покойнаго Бялєва, невозможно не вспомнить некоторыя изъ его прежнихъ исследований (какъ, на примѣръ, о древнемъ бытѣ славянъ и русскихъ, о поземельномъ владѣніи въ киевск. госуд. и т. п., помѣщ. во «Временникѣ моск. общ. ист.»). Исторію русскаго законодательства авторъ раздѣляетъ на четыре періода: 1) до-христіанскій; 2) до Судебника Ивана III (раздѣленийъ монгольскихъ игиъ на два отдѣла); 3) до Уложенія царя Алексея, и 4) до изданія Свода Законовъ. Вѣста съ тѣмъ авторъ слѣдуетъ за исторією управленія, состоявшимъ общества и исторіей отдельныхъ классовъ. Впрочемъ послѣдній періодъ изложенъ относительно сжатѣе и съ меньшимъ стараніемъ. Несом-

но, однако, на достояніе обществ. науки, котора съ матеріалами и въ историческомъ отношеніи его даже съ выходящими изъ области науки, онъ не реализуетъ строго историческихъ данныхъ отъ памятниковъ его творчества, лишь бы поддѣлать любимую мысль. Нередко встречаются очевидные недочеты въ самомъ изложеніи съ матеріаломъ, даже въ самыхъ простыхъ фактахъ: такъ, на примѣръ, авторъ утверждаетъ категорически, что туземскій приказъ впервые встречается при Иванѣ Ободоровичѣ (стр. 301), а истинному не могли быть неизвестною царская грамота отъ 29-го окт. 1582 г. въ Карамзинскомъ монастырѣ (акты эвсев., I, № 317) въ которой прямо говорится объ этомъ приказѣ. Вообще, неточностей, промаховъ, опечатокъ и пропусковъ немало въ этихъ лекціяхъ, и потому сворѣе всего оглашается съ рецензіями этого труда проф. Вукаловымъ («Унив. изв.» 1873 г., 6), немало съ почтеннымъ издателемъ, предлагающимъ, что этотъ курсъ можетъ считаться руководствомъ по исторіи русскаго права. Въ такомъ случаѣ, необходимо бы было сдѣлать, по крайней мѣрѣ, три основныхъ поправки. Болѣе существенными изъ нихъ указаны въ той же рецензіи. Тамъ же некто, не зная не привести благодарности на изданіе самаго труда и не зная также изданія, по крайней мѣрѣ, некоторыхъ сочиненій Вадяева, пишетъ о некоторыхъ недоступныхъ по причинамъ малодоступности изданій, въ которыхъ они бы помѣщены, а другія даны сдѣланы въ ограниченною радостью.

Изданіе лекцій покойнаго П. Д. Бялєва имѣетъ свою цѣну. «Она», какъ справедливо выразился тотъ же рецензентъ, — многомъ выясняетъ предъ нами одну изъ главнѣйшихъ направленій русской общественной текущаго столѣтія, т. е. направленія славянофильскаго. Такимъ образомъ настоящий трудъ автора, главнымъ образомъ, имѣетъ значеніе историческое и практическое.

И. И. Певляевъ въ Оренбургскомъ Биографическо-историческомъ очеркѣ В. Витевскаго. 337 стр. Ц. 2 р. 2 к. Расколъ въ Уральскомъ войсѣ

ГРАФЪ ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ,
ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ,
род. 1789, ум. 1873 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1879 г.

ВОДЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 25 АПРѢЛЯ 1879 г.

ВЕСЕЛДЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ БУМАГЪ.

АРСЕНІЙ МАЦѢВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

IV ¹⁾.

Уже позднѣйшія распоряженія императрицы Елисаветы вызвали опасенія и неудовольствіе въ средѣ духовной іерархіи. Продолжительное управленіе крестьянъ духовнаго вѣдомства учреждениями, то стоявшими внѣ этого вѣдомства, то хотя и подчиненными ему, но сохранявшими до извѣстной степени свѣтскій характеръ,—пріучило самихъ крестьянъ смотрѣть на себя, какъ на освобожденныхъ отъ непосредственнаго подчиненія архіереямъ и монастырямъ. Называя себя «заопредѣленными», они считали, что духовнымъ властямъ вовсе нѣтъ до нихъ никакого дѣла, а потому нерѣдко оказывали полное неповиновеніе и отказывались исполнять требуемая работы или нести другія обязанности, а въ крайности обращались съ жалобами на духовныхъ правителей въ синодъ и свѣтскія учрежденія. Замѣчательно также, что подобное настроеніе, въ средѣ монастырскихъ крестьянъ, проявилось именно въ то время, когда, вслѣдствіе распоряженій Елисаветы Петровны, въ началѣ ея царствованія, крестьяне снова были подчинены духовенству ²⁾. Но уже въ 1757 году, въ засѣданіи конференціи, въ которомъ присутствовала сама императрица, были сдѣланы существенныя измѣненія въ администраціи монастырскихъ имуществъ; такъ, управленіе ими было передано,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 731—752; томъ XXV, стр. 1—34.

²⁾ Полн. Собр. Зак., т. XIII, № 10,168.

вмѣсто монастырскихъ служекъ, штабъ и оберъ-офицерамъ; самыя имѣнія были положены въ помѣщичьи оклады, и въ такомъ размѣрѣ велѣно было собирать доходы на монастыри, но съ тѣмъ, чтобы на нихъ расходовалось не болѣе положеннаго по штатамъ, а остальная сумма не употреблялась бы иначе какъ съ разрѣшенія императрицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало распоряженіе о сборѣ съ монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ денегъ для содержанія отставныхъ, которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вовсе не собирали, и впредь эти деньги собирать ежегодно. Сумма, собранная за прошлые годы, назначена была на устройство инвалидныхъ домовъ, а остатокъ отъ нея долженъ былъ храниться въ банкѣ и опредѣлялся на расходы по этой статьѣ ¹⁾.

О впечатлѣніи, произведенномъ этими распоряженіями на духовенство, можно судить по письму извѣстнаго Амвросія Зертисъ-Каменскаго къ Арсенію Мацѣвичу ²⁾. Посѣтивши незадолго передъ тѣмъ Арсенія въ Ростовѣ, Амвросій благодаритъ его «за Авраамле угощеніе и напутствованіе» и высказываетъ свое мнѣніе, по поводу разсужденія Арсенія о настоящемъ вопросѣ, копію съ котораго онъ вручилъ Амвросію при свиданіи. «По довольному мною о данной мнѣ копіи вашей разсужденію, усмотрѣлъ я,—пишетъ онъ,—что воля свято и полезно оное написано, однакъ не уповательно, чтобы тое другимъ, гдѣ надлежитъ, было представлено. Ибо натурально можно разсудить, что никто своихъ пороковъ на себя не отваживается объявлять; да еще предъ таковымъ, кой имѣетъ власть за оныя истязывать. А хотя-бъ и въ другому кому написать, только за равночестіе или за снисходительство, желаемаго успѣха нельзя получить. И такъ! понеже надобныхъ отъ присутствія (конечно въ синодѣ) заобыкли отдавать, и чрезъ то думаютъ, что въ случаѣ не могутъ пособить, то непремѣнно нужда надлежитъ въ С.-Петербургъ съѣздить кому-нибудь изъ насъ такому, который бы о всемъ обстоятельно и дѣльно представить могъ. Законоправильныя причины тому слѣдующія: 1) отвратить нынѣшнее належащее объ насъ учрежденіе; 2) избавленіе сдѣлать отъ львоименитаго су-

¹⁾ Ibid. XIV, № 10,766.

²⁾ Ученіе кіевской, львовской и московской академіи, а съ 7-го ноября 1757 г.—епископъ перемыславскій. В. И.

постата, который ни ѣсть, ни спитъ, но того ищетъ, какъ бы насъ, аки пшеницу, разсѣять и все желаемое ему въ помѣнительство привести; 3) исходатайствовать на вдовствующія епархія настоящихъ пастырей, а не азіатскихъ выходцевъ и аеонскихъ прелазатаевъ¹⁾, за какое опущеніе намъ ожидать неминуемаго гнѣва Божія, на страшномъ же судѣ отвѣта; 4) посѣтить съ Павломъ святымъ братію нашу, уповающую, и въ напатствующиѣ случаяхъ отраду и руку помощи подать имъ; 5) показать должность и ревность пастырскую, сколь она объ общемъ церковномъ добрѣ попечительна, и, гдѣ надобно, неупустительна». Для этой цѣли Амвросій совѣтуетъ Арсенію исходатайствовать черезъ графа Разумовскаго разрѣшеніе «высокомонаршія очи видѣть» и въ то же время отклоняетъ отъ себя эту честь, какъ «последняго въ числѣ братіи своей», тѣмъ болѣе, что онъ недавно былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ «съ крайнимъ изнуреніемъ для всего общества потрудился и неоднократно самъ и черезъ другихъ утруждалъ». Онъ заявляетъ, что онъ поспѣшилъ оставить Петербургъ между прочимъ потому, что «нечѣмъ себя содержать», а иначе пришлось бы «последнюю копѣйку истратить».... «Того ради,—продолжаетъ Амвросій,—по святости и по старости, и по другимъ превосходнымъ дарованіямъ, якоже на Матѳіа, такъ паде жребій сей на ваше преосвященство; безъ ласкательства и безъ подлога сія пишу; предъ Богомъ бо и предъ вашимъ преосвященствомъ свидѣтельствуюсь, что тамъ васъ подь сіе время вмѣсто новоявленнаго чудотворца примуть и во сладость о всемъ послушаютъ: причина сему не токмо у насъ сдѣсь, но и тамъ отличное объ васъ мнѣніе.... Знаю, что ваше преосвященство изволите отрекаться и старостью, и слабостью, или медлительнымъ тамо прожитіемъ: неужели Флавіанъ святой помоложе и покрѣпче васъ былъ, который, для взволновавшейся Антиохіи, и чрезъ моря, и зимою въ Царьградъ потрудился? Больми же вашему преосвящен-

¹⁾ Амвросій, безъ сомнѣнія, разумѣлъ здѣсь Антонія, царевича Карталинскаго, католикоса Грузіи, съ 23-го ноября 1757 г. архіепископа владимірскаго, отпущеннаго въ Грузію въ декабрѣ 1762 г. (списки Ю. Толстаго, стр. 13 и 80); а также, можетъ быть, недавнія походженія въ Россію мелекійскаго епископа Анатолія Мелеса, о которомъ см. биографическій очеркъ Н. И. Грингоровича. «Русскій Архивъ» 1870 г., 689—743. В. И.

ству для неповинной всей церкви отъ сего спасительнаго труда отказываться сожалительно... Вѣдаю я, что ваше преосвященство нескоро на сіе пристать изволите, по принятымъ вѣдѣннымъ подвигомъ вашихъ; но сами лучше меня изволите знать, что въ подобныхъ случаяхъ всѣ древніе богоподвижники пустыни свои оставляли, затворы отверзали и молчанія на представительства прѣмѣнять, для приведенія въ благосостояніе святыхъ церквей, никогда не отрекались, и по вѣрѣ своей все получали»¹⁾.

Можно, однако, полагать, что ходатайство «черезъ высокографское сіятельство» все-таки ослабило силу новаго закона; такъ какъ, уже въ 1762 году, императоръ Петръ III, подтверждая это постановленіе, настаивалъ «на дѣйствительномъ исполненіи его и примѣненіи» безъ всякаго изъятія, самымъ дѣломъ. Мало этого, онъ требовалъ, чтобы не только его собственный указъ, но и экстракты изъ протоколовъ конференціи (бывшей при Елисаветѣ) по дѣлу о монастырскихъ имуществвахъ «были для всѣхъ учинены извѣстными»²⁾. Вотъ почему это дѣло всею своею тяжестью обрушилось на память Петра III, какъ виновника такой жестокой мѣры; а между тѣмъ его распоряженія представляли только повтореніе или дальнѣйшее развитіе того, что уже было выработано русскимъ законодательствомъ въ періодъ отъ Петра Великаго до Елисаветы включительно; только по своей настойчивости и болѣе рѣзкой постановкѣ вопроса, они напоминали скорѣе приемы перваго, нежели послѣдней. А насколько такая форма представлялась опасною даже для людей, извѣстныхъ своею рѣшительностью и сочувствіемъ въ этому дѣлу, вполне оправдываемому здравою политикою,—можно видѣть изъ признанія «тайнаго секретаря» Петра III, Д. В. Волкова. «Что жъ до внутреннихъ дѣлъ надлежить,—пишетъ онъ,—то главные моихъ трудовъ суть три: 1) о монастырскихъ вотчинахъ; 2) о тайной канцеляріи, и 3) пространный указъ о коммерціи. На первый поступалъ я тѣмъ охотнѣе, что и дѣло казалось мнѣ справедливейше, и радъ я былъ случаю—воздать должную хвалу памяти покойной государыни императрицы. Но, по несчастью,

¹⁾ «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862 г., II, 22—24. Письмо помѣчено 13-мъ января 1738 года.

²⁾ П. С. З., XV, 11, 441. Указъ отъ 16-го февраля 1762 г. В. И.

перепоручена въ сенатѣ совсѣмъ вся сія исторія»¹⁾. Такъ писалъ Волковъ вскорѣ послѣ переворота, находясь въ опалѣ, а потому вполне понятно, что онъ старался оправдаться въ дѣлѣ церкви, защитницею правъ которой выступила въ своемъ манифестѣ Екатерина II. Но если признаніе Волкова искренно, то оно показываетъ, что и самъ Волковъ не думалъ идти далѣе желаній Елисаветы, а постановленія Петра III, состоявшіяся при участіи сената въ болѣе рѣшительномъ смыслѣ, находилъ и смѣлыми, и опасными...

Такимъ образомъ, уже 4-го января 1762 г. всѣ дѣла, касавшіяся злоупотребленій по монастырскимъ имуществамъ, были переданы въ особую комиссію, учрежденную Елисаветою²⁾; а 7-го февраля, будучи въ сенатѣ, императоръ распорядился о немедленномъ исполненіи постановленія Елисаветы, «дабы, по рѣшенному толь справедливо и предусмотрительно дѣлу, въ совѣтованіяхъ и сношеніяхъ не тратить напрасно время». Результатомъ этого настоянія былъ указъ 16-го февраля, требовавшій исполненія постановленій Елисаветы Петровны, «дабы монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрехшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возобновлялся указъ «славныя памяти государя Петра Великаго», о нестриженіи въ монастыри безъ особливыхъ именныхъ указовъ, для исполненія «во всемъ его содержаніи и силѣ»³⁾. Спустя же двѣ недѣли, синодъ получилъ новый указъ, которымъ воспрещалось строить въ партикулярныхъ домахъ церкви, «ибо не умноженіе, — говорится въ немъ, — но благочиненіе и содержаніе оныхъ полезно». Указъ этотъ, написанный весьма искусно, мотивировалъ настоящее распоряженіе тѣмъ, что «великое число» домашнихъ церквей, построенныхъ въ Петербургѣ, лишаетъ благолѣпія общенародные соборы и церкви⁴⁾; но, несмотря на то, что онъ былъ вполне согласенъ съ духомъ Регламента Петра Великаго, онъ былъ истолкованъ впоследствии такъ, какъ будто бы

¹⁾ Письмо Волкова къ Г. Г. Орлову, въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ IX, 479—489. Біографическія свѣдѣнія о Волковѣ въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ IX, 163—174.

²⁾ П. С. Законовъ, т. XV, № 11,396.

³⁾ П. С. Зак. XV, № 11,441.

⁴⁾ Ib. II, 460.

виновники его помышляли о совершенномъ раззореніи церквей, и дѣйствительно раззоряли ихъ. «И такимъ образомъ,—читаемъ въ томъ же обвиненіи,—православными владычествовать восхотѣлъ, перво всего начавъ истреблять страхъ Божій, писаніемъ святымъ опредѣленный началомъ премудрости»¹⁾. Однако, вскорѣ послѣ этого, какъ своими распоряженіями о церковныхъ имуществахъ, такъ и другими постановленіями по церковному управленію, Екатерина II доказала, что она не могла идти инымъ путемъ, кромѣ того, каковой былъ проложенъ ея предшественниками, и что, въ случаѣ уклоненія отъ него, она готова была карать нарушителей своихъ требованій даже болѣе чувствительно, чѣмъ это сообразно было съ ея собственными философскими взглядами. Но возвратимся къ нашему разсказу.

Дѣло, возбужденное при Елисаветѣ, несмотря на свою опасность, не могло оставаться безъ движенія. Уже въ мартѣ 1762 г. церковныя имущества были поручены вѣдѣнію коллегіи экономіи, учрежденной въ Москвѣ, и ея конторѣ—въ Петербургѣ. Духовныя лица были отрѣшены отъ управленія ими и замѣнены штабъ и оберъ-офицерами; монастырскіе и архіерейскіе крестьяне освобождались отъ бывшихъ до сихъ поръ оброковъ, вмѣсто которыхъ съ нихъ былъ опредѣленъ денежный взносъ, наравнѣ съ дворцовыми и казенными крестьянами, а земли, которыя они обрабатывали прежде на архіереевъ и монастыри, были отданы въ ихъ распоряженіе. Сборъ съ оброчныхъ статей и угодій, предоставляемыхъ желающимъ, и взносъ съ крестьянъ—должны были впредь поступать въ коллегію экономіи. Въ распредѣленіи самыхъ суммъ положено было руководствоваться постановленіями Петра Великаго, но духовнымъ властямъ были назначены значительныя по тому времени штаты: такъ, архіереямъ: новгородскому, с.-петербургскому и московскому—опредѣлено было выдавать по 5000 р. с., остальнымъ 23 архіереямъ по 3000 р., архіереямъ же, засѣдавшимъ въ синодѣ, добавлялось сверхъ того по 2000 р.; на содержаніе семинарій (въ 26 епархіяхъ) было положено 78,000 р. Монастыри были раздѣлены на три класса, причѣмъ содержаніе ихъ настоятелямъ, сравнительно съ положеніемъ Петра Великаго, также увеличено (150—500 р.), а прочимъ монахамъ опредѣле-

¹⁾ П. С. Законовъ, № 11,582.

но жалованье. Дѣла, возникшія до того, между крестьянами и духовными владѣльцами, велѣно было прекратить, за исключеніемъ дѣлъ о смертоубійствѣ; но всѣ поборы, взятые съ крестьянъ духовными управителями сверхъ положеннаго, велѣно было взыскать съ послѣднихъ и возвратить крестьянамъ; офицерамъ же, назначеннымъ для управленія въ монастырскія вотчины, было опредѣлено жалованье, «дабы, безъ всякихъ къ крестьянству приметокъ и отягощенія, порядочно должности свои отправляли», и десятая часть «отъ приращенія», если умножать доходы съ оборочныхъ статей и отъ всего, «кромя крестьянъ, безъ наималѣйшаго имъ отягощенія». Остатки отъ суммъ, собранныхъ съ имуществъ, по-прежнему, предназначались на содержаніе богадѣленъ и инвалидовъ ¹⁾).

Такая настойчивость, со стороны правительства, ручалась за быстрое исполненіе новыхъ мѣръ. О приведеніи ихъ въ исполненіе, губернаторы и воеводы обязаны были доносить коллегіи экономіи. И когда открылись въ псковской епархіи поборы съ крестьянъ, то императоръ немедленно распорядился изслѣдовать это дѣло ²⁾. Штелинъ утверждаетъ, что императоръ самъ принималъ весьма близкое участіе въ проектѣ о церковныхъ имуществвахъ, рассматривалъ его въ своемъ кабинетѣ и дѣлалъ на него свои замѣчанія ³⁾.

Вполнѣ понятно, что тѣ, къ кому относились эти мѣры, не могли равнодушно смотрѣть на все совершавшееся вокругъ нихъ. Сохранился весьма характеристическій документъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ хозяйственно велась монастырская экономія.

¹⁾ Полн. Собр. Зак., XV, № 11,486 и дополнит. ук. отъ 1-го апрѣля, № 11,498. Въ это время въ монастыряхъ содержалось 1358 оставшихъ офицеровъ и солдатъ, которымъ производилось жалованья въ годъ 12,464 р. и 3,333 четв. хлѣба.

²⁾ Полн. Собр. Зак., № 11, 493 (ук. 4-го апрѣля). При этомъ было подтверждено—объявить о строжайшемъ выполненіи изданнаго закона, чтобы «съ крестьянъ во всѣхъ епархіяхъ никакихъ сборовъ не чинить, посланныхъ же отъ духовныхъ властей для взискавія—изъ тѣхъ вотчинъ выслать». Дѣйствительно, сенатъ послѣднихъ обнародовалъ указъ по этому предмету (указъ 6-го апрѣля, № 11,498).

³⁾ По словамъ Штелина, въ проектѣ этого манифеста между другими доводами были приведены и слова Евангелія: «взгляните на птицы небесныя; онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы» и пр. Записки Штелина, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи», 1866, IV, смѣсь, 103. В. И.

Актъ этотъ принадлежитъ одному изъ небольшихъ монастырей сѣверо-восточной Россіи, именно Угличскому Николо-удейминскому, и относится ко времени, предшествовавшему указанной коренной реформѣ монастырскаго быта. Такъ, по ревизіи, бывшей въ 1744 году, этому монастырю принадлежали: село Дуброво и село Нефедьево съ деревнями и пустошами; въ нихъ разночинцевъ, крестьянъ и бобылей считалось 1,579 душъ; у монастыря было стоялыхъ мериновъ 25, кобылъ 19, жеребенковъ 8, жеребятъ 4, коровъ 11, телицъ 2, быкъ 1, телятъ 8, овецъ 26, ягнятъ приплодныхъ, ярочекъ и барашковъ 24, козель 1. Наличнаго хлѣба было: ржи 463 четв. и 3 четверика, овса 84 четв. и 5 четвериковъ, ячменя 12 четвертей. Слѣдующая же записка монастырскаго казначея (составл. въ 1761 г.) знакомитъ насъ съ подробностями самаго хозяйства. Въ ней читаемъ:

«Копали въ монастырѣ подъ всякой овощъ въ монастырскихъ огородахъ гряды, по три дня, по сту человекъ на день. При томъ копанин, для возки навозу, въ одинъ день, подводъ имѣлось двадцать. Огребали въ монастырѣ щепы одинъ день съ подводами 376; орали, подъ яровой хлѣбъ, пашню одинъ день на 752 подводахъ; боронили одинъ день на 376 подводахъ; пахали яровую пашню одинъ день на 752 подводахъ; обирали, въ монастырскихъ поляхъ и пустошахъ, покосъ пѣшіе одинъ день 376 человекъ; возили въ монастырскія поля съ монастырскихъ дворовъ навозъ одинъ день на 752 подводахъ; при нихъ наметывальщиковъ имѣлось одинъ же день 376 человекъ; орали подъ паръ монастырскую пашню одинъ день на 752 подводахъ; боронили 376 человекъ; косили, въ монастырскихъ поляхъ и пустошахъ, пять дней по 376 человекъ на день, пѣшіе; гребцовъ имѣлось по тому же числу на день; метальщиковъ въ стоги съ подводами по 188 на день, да пѣшихъ по тому же числу на день; пахали озимную подъ рожь одинъ день на 376 подводахъ; боронили по тому же числу; жали въ монастырскомъ полѣ рожь пѣшіе одинъ день 1128 чел.; жали монастырскаго же яровой всякой хлѣбъ одинъ день 1128 чел.; возили ржаные и яровые снопы два дни по 376 подводъ на день; молотили монастырскую рожь и ярь по 8 овиновъ на день 60 утръ; а на утро бываетъ молотильщиковъ съ подводами по 16; да пѣшихъ по 80 на день; рубили въ монастырь про монастырскій расходъ капусту 10 дней, по 30 чело-

вѣкъ; варили про монастырскій расходъ квасъ 10 варь, по 4 дни варь, по 4 человекъ на день; варили же про монастырскій расходъ пива 6 варь, по 6 дней варь, по 4 человекъ на день; возили на монастырскій конюшенный и скотный дворъ, въ разныя времена, изъ монастырскаго гумна, ржаную солому въ 12 дней, по 30 подводъ на день; возили изъ монастырскихъ полей и пустошей на конюшенный и скотный дворы сѣна, въ разныя времена, 5 дней, по 376 подводъ на день; свозили съ конюшеннаго и скотнаго дворовъ, съ плоскихъ навѣсовъ, снѣгъ одинъ день, на 376 подводяхъ; набивали монастырскіе три цюгребя снѣгомъ одинъ день, на 376 подводяхъ; возили изъ монастырскихъ лѣсовъ на всякія починки бревна, тесь и слези, въ разныя числа, по 50 подводъ на день и больше; и того бываетъ въ годъ по 752 подводъ; для всякаго монастырскаго деревяннаго строенія вновь, и старой починки пѣшіе, въ разныя времена, по 30 человекъ на день и больше; и того бываетъ въ годъ по 752 человекъ; да при томъ строеніи бываетъ для возки изъ востровъ бревенъ, по 10 подводъ на день и больше, и того по 94 подводы въ годъ; и того вышеописанныхъ работниковъ въ 1761 г. во всякихъ монастырскихъ работахъ, въ разныя времена, въ годъ имѣлось съ подводами 11,398, да пѣшихъ 14,540»¹⁾.

Нельзя не замѣтить, что освобожденіе крестьянъ отъ вотчинной власти духовенства, съ указанными льготами и поземельнымъ надѣломъ, имѣеть гораздо болѣе права на вниманіе, нежели послѣдовавшее при Еватеринѣ II отобраніе церковныхъ имуществъ, самое назначеніе которыхъ не соотвѣтствовало надлежащей цѣли. Вотъ почему, въ возникшемъ затѣмъ крестьянскомъ движеніи могло сложиться мнѣніе, что секуляризація церковныхъ имуществъ при Петрѣ III была началомъ освобожденія крестьянъ отъ тяжелой зависимости, — мысль, съ которою пришлось уже бороться преемницѣ Петра III, такъ прекрасно разсуждавшей о человѣческихъ правахъ крѣпостнаго крестьянина, какъ «персоны»²⁾.

¹⁾ «Ярослав. Епарх. Вѣдомости» 1864 г., № 3, стр. 27—28.

²⁾ См. интересное замѣчаніе Екатерины II (собственноручное) на мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ «комисіи Уложенія», у Соловьева, XXVII, примѣч. 74. О крестьянскомъ движеніи при Еватеринѣ II—статья В. И. Семеновскаго въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ» 1876 и 1877 годовъ.

Вѣрная оцѣнка законодательства Екатерины II относительно крестьянъ сдѣлана И. Д. Бѣляевымъ въ соч. «Крестьяне на Руси», М. 1860, 317—321. В. И.

Но если мѣра Петра III могла вызвать величайшій восторгъ у представителя тогдашней европейской публицистики—Вольтера, то она, съ другой стороны, какъ громомъ поразила ту часть духовенства, къ которой непосредственно относилась. Иностранные резиденты, бывшіе тогда въ Петербургѣ, считали необходимымъ сообщить объ этомъ неудовольствіи своимъ правительствамъ; но послѣднее еще усиливалось распоряженіемъ Петра III о привлеченіи къ рекрутской повинности дѣтей священниковъ ¹⁾, хотя оно было только повтореніемъ постановленій, изданныхъ въ прежнее время. Замѣчательно, что и теперь во главѣ недовольныхъ дѣйствіями правительства, относительно церковныхъ имуществъ, является тотъ же Арсевій; въ нему-то обращаются съ своими заявленіями противники реформы. Мы не будемъ называть эту партію «патріотическою», какъ дѣлаютъ это нѣкоторые писатели по данному вопросу, опирающіеся въ своихъ историческихъ приговорахъ на авторитетъ Стурдзы, а потому обличающіе и г. Соловьева въ недостатокъ «должнаго освѣщенія фактовъ» ²⁾. Мы ограничимся только изложеніемъ этихъ послѣднихъ.

Вотъ что писалъ Арсенію, въ іюнѣ 1762 г., московскій митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, также родомъ малороссъ: «Бодрый и великодушный архіерей Божій! Истинный благодѣтель мой! Съ принятія возжелѣннаго вашего письма прошедшаго мая 30-го дня, съ Ростова отпущеннаго, въ которомъ ваше преосвященство братскую свою любовь объявляете, не малую я радости возымѣлъ причину, увѣдомившись изъ онаго и о здравіи вашего преосвященства. Что же касается до упомянутой въ писаніи вашего преосвященства печали, *non solum vestram sanctitatem, sed omnes nos dolenda ista tetigit metamorphosis, quae vitam nostram ad gemitus et dolores ducit.* И за оную вашего святительства братскую любовь, какъ въ воспоминованіе меня у престола Божія, такъ и въ прочемъ являемую, благодаря, поклонъ мой и взаимное въ желаніи вашему преосвященству всѣхъ благосчастливыхъ существъ искренне мое братское свидѣтельство усердіе, пребывая навсегда

¹⁾ Делеша англійскаго посла Кейта: *La cour de la Russie, il y a cent ans*, 184.

²⁾ Напримѣръ, авторъ статьи объ Арсеніѣ Мацвевичѣ въ «Русской Старинѣ» 1876 г., книга IV-я (г. Н. И. Барсовъ). В. И.

тимъ (тѣмъ), какъ всеусердный мой изображаетъ каламусъ истинныя наружности отъ сердечнаго афекта»... ¹⁾).

Другое письмо. того же Тимоеея къ Арсенію знакомить уже съ результатомъ распоряженій Петра III и отношеніемъ къ прошедшей реформѣ самихъ монастырскихъ крестьянъ, которымъ, подъ владычествомъ духовныхъ управителей, какъ видно, жилось не особенно привольно. «Августа 1-го дня принялъ я писаніе вашего преосвященства всепріятно,—пишетъ Тимоеей.—Въ коемъ объявленныя, въ прошедшемъ времени послѣдовавшія несчастныя приключенія читалъ не безъ сожалѣнія. Въ (У) насъ въ отдаленныхъ только мѣстахъ такимъ образомъ поступлено, и свотъ по описи весь ваятъ. А въ Москвѣ сихъ наглостей не видѣли. Лошади, хотя всѣ описаны, однакъ, и понынѣ не отобраны и остались подъ вѣдѣніемъ нашимъ. Но и намъ сія отрада не велика, ибо съ другой стороны не безъ жалости видѣть можно; что въ вотчинахъ, отъ гѣхъ же нашихъ крестьянъ, невозвратныя подѣланы разоренія, лѣса порублены, сѣно наличное расхищено, мелкій скотъ и птицы индѣ прежде описи еще побраны, а индѣ при описи искоренены, въ прудахъ рыба выловлена. И какія только вообразить можно, подѣлали какъ при описи бывшіе офицеры, такъ и сами крестьяне опустошенія. Да

¹⁾ Переписка Арсенія, захваченная во время его ареста при Екатеринѣ II, хранится въ архивѣ синода (Соловьевъ, XXV, примѣч. 143) при его дѣлѣ и была издана отчасти въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи» (1862), отчасти въ «Днѣ» 1864 г. (№ 39). Вновь она напечатана г. Барсовымъ въ «Русской Старинѣ» 1876 г., томъ XV. Латинскія фразы въ письмахъ къ Арсенію были переведены «синодальнымъ переводчикомъ» Григоріемъ Полетикой, переводъ котораго также присоединенъ къ дѣлу. Приведенное здѣсь мѣсто передается такъ: «Нынѣ не токмо вашу святиню, но и всѣхъ насъ печальная сія тронула перемѣна, которая жизнь нашу ведетъ къ воздыханіямъ и болѣзнямъ». Противъ этого мѣста рукою митрополита Тимоеея написано на похъ: «in patientia nostram servemus animam: pro omni Supremo Regi Regum at Domino Dominantium devote ac magnanimo de flammantibus praecordiis agenda sunt gratiae. Sit de merito digni vivendo pervenimus» (въ переводѣ: «Въ терпѣніи стяжимъ душу нашу. За все вышнему царю царствующихъ и Господу господствующихъ благоговѣйно и великодушно благодарить должно. До сего дожили мы по заслугамъ нашимъ»).

Письмо это, помѣченное июнемъ 1762 года («День», 1864 г., № 39, стр. 8), неправильно отнесено Н. И. Барсовымъ ко времени Екатерины II, такъ какъ, очевидно, оно передаетъ впечатлѣніе, произведенное на высшее духовенство реформою Петра III.

и при Москвѣ въ Черызовскомъ моемъ прудѣ не однажды описатели дерзостно рыбу ловили, однако, не единожды за то и смѣняемы были. Въ такихъ-то смутительныхъ обстоятельствахъ одна только суть отрадою—надежда—надежда, безъ сомнѣнія, на близкую перемѣну, которая должна была произойти съ вступленіемъ на престолъ Еватерины II (письмо отъ 2-го августа 1762 года ¹⁾).

Возникшее, вслѣдствіе распоряженій Петра III, неудовольствіе духовенства должно было усилиться и вслѣдствіе другихъ причинъ. Еще 26-го марта синоду былъ данъ слѣдующій указъ: «Уже съ давняго времени, въ нашемъ неудовольствію, а къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ, обыкновенно безъ всякаго рѣшенія, въ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же, и того хуже, дѣлается одна только потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семь пунктовъ синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ». вмѣстѣ съ тѣмъ были препровождены въ синодъ челобитныя, по которымъ не состоялось рѣшенія съ 1754 г., несмотря на именныя указы по этимъ дѣламъ. Затѣмъ въ томъ же указѣ говорится: «мы видимъ, какія тому причины могутъ быть поводомъ; но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить

¹⁾ На полѣ, въ концѣ этого письма, сдѣлана приписка: «Spes alit aliquando aliter agit. Spes mutat discordia fratrum» (Надежда ивѣгаетъ и когда иначе поступаетъ. Надежду перемѣняетъ несогласіе братіи), а къ нему приложена слѣдующая записка: «Diphthongum, ex duabus vocalibus in unum coalescentem, in varias dividere, discensu suo nostrates in unum non habitantes, vocales. Superi clementissimi de nostra, in possidendis ruribus calamitate adjuvent propituis (Двогласную букву, составляемую изъ двухъ гласныхъ, на разныя гласныя буквы раздѣлили несогласіемъ своимъ наши несогласно живущіе. Всеблагіи Богъ да поможетъ намъ въ бѣдствіи нашемъ возвращеніемъ въ наше владѣніе деревень»).

и не только по симъ двумъ челобитнымъ немедленно рѣшеніе сдѣлать, но и всегда по подобнымъ здѣсь же рѣшить, нашимъ императорскимъ словомъ чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины наважется какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но въ синодѣ къ настояльнымъ указамъ присовокупить¹⁾.

Приведенный актъ былъ только вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности, общія черты которой намъ уже извѣстны; по подобный способъ обращенія императора къ духовенству могъ возбуждать новыя оцѣненія въ средѣ послѣдняго, а между тѣмъ новое правительство далеко не отличалось необходимо въ подобныхъ случаяхъ прочностію. Несмотря на это, дѣятельность правительства въ означенномъ направленіи оставалась неизмѣнною до конца. Она напоминала собою, до извѣстной степени, строгое и послѣдовательное развитіе церковной реформы Петра Великаго. Смѣлыя мысли Духовнаго Регламента въ свое время производили неменьшую сенсацию въ противникахъ реформы, но послѣдующія постановленія Петра I о монашествѣ, сопровождавшіяся неменѣе откровенными заявленіями о его жизни, представляли необходимое дополненіе къ Регламенту; а его распоряженія о церковномъ благочиніи отличались даже весьма рѣзкими замашками. Тѣмъ не менѣе, въ это время синодъ былъ уже такимъ строгимъ исполнителемъ воли преобразователя, что даже сенаторы считали нужнымъ заявить, что отъ разворенныхъ часовень валается множество крестовъ и главъ, отчего народъ соблазняется, и что крестныхъ ходовъ можно было не запрещать; а если синодальнымъ членамъ нѣтъ времени совершать ихъ, то для этой цѣли можно было опредѣлить свободныхъ лицъ изъ духовенства. Указъ синоду 1724 г. о томъ, чтобы послѣдній озаботился составить краткое изложеніе ученія вѣры, причемъ были бы строго отдѣлены основныя положенія вѣроученія отъ преданій и позднѣйшихъ толкованій, и обращено главное вниманіе

¹⁾ Этотъ указъ хранится въ государственномъ архивѣ (Соловьевъ, XXV, 80 и примѣч. 63), но въ послѣднее время напечатанъ дважды: сначала въ «Русской Старинѣ», издан. 1872 г. (томъ VI, 567—68), а потомъ у Соловьева (loc. cit.). Въ Полное Собраніе Законовъ, какъ и многіе акты, имѣющіе историческое значеніе (напр. манифестъ Екатерины II, отъ 6 іюля 1782 г., относящійся къ Петру III), онъ не вошелъ.

на нравственную сторону жизни,—показываетъ, что реформа не должна была ограничиваться однимъ административнымъ порядкомъ. Известно также, что Петръ Великій не побоялся сдѣлать распоряженіе «о собраніи римскаго, лютеранскаго и кальвинскаго катехизисовъ и прочія книги церковныхъ дѣйствъ», переводѣ ихъ на славянскій языкъ и напечатаніи для общаго свѣдѣнія. Подобные факты могли подавать надежду и Петру III на осуществленіе его намѣреній; но быстрый крутой поворотъ, замѣченный уже въ первыхъ его дѣйствіяхъ, при склонности самого императора къ протестантизму, долженъ былъ производить иное впечатлѣніе не только на духовенство, но и на ближайшую къ нему среду; тѣмъ болѣе, что его прежнее поведеніе далеко не отличалось необходимою сдержанностью ¹⁾. Такимъ образомъ въ дѣйствіяхъ императора скоро усмотрѣли «намѣреніе переимѣнить совершенно религію»; по словамъ же Болотова, эти дѣйствія наиболѣе возбуждали ропотъ и негодованіе въ народѣ. «Между тѣмъ, —говоритъ Болотовъ,—онъ призывалъ однажды къ себѣ первенствующаго архіерея (новгородскаго) Дмитрія Сѣченова и приказалъ ему, чтобы въ церквахъ оставлены были только иконы Спасителя и Богородицы, а другихъ бы не было; также чтобы священники обрили бороды и носили платье, какъ иностранные пасторы. Нельзя изобразить, какъ изумился этому приказанію архіепископъ Дмитрій. Этотъ благоразумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію такого неожиданнаго повелѣнія, и усматривалъ ясно, что государь имѣлъ намѣреніе переимѣнить православіе на лютеранство. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву знатнѣйшему духовенству, и, хотя дѣло на этомъ до времени остановилось, однако произвело во всемъ духовенствѣ сильное неудовольствіе, содѣйствовавшее потомъ очень много перевороту» ²⁾. Поведеніе же императрицы въ это время, по сло-

¹⁾ Говорятъ, что, будучи великимъ княземъ, онъ выражалъ свое нерасположеніе къ духовенству, во время богослуженія, неприличными жестами. Mémoires de la princesse Dashkoff, I, 41.

²⁾ Записки Андрея Тимофеевича Болотова, изданная редакціей «Рус. Ст.», II, 171—173.

Вѣроятно, къ указаннымъ выше обстоятельствамъ относится слѣдующая записка Петра III изъвлеченная А. М. Лазаревскимъ изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго графу А. С. Уварову, конца XVIII в., слѣдующаго содержанія:

В. И.

вамъ другаго очевидца, составляло совершенную противоположность: «Никто усердѣе ея не выполнялъ обязанностей относительно покойной императрицы, предписываемыхъ греческимъ духовенствомъ» — говорятъ Бретейль. «Духовенство и народъ были этимъ очень тронуты. Она строго выполняла праздники, посты, все, къ чему императоръ относился легкомысленно»¹⁾. Такимъ образомъ, неудовольствіе духовенства противъ императора вскорѣ сообщилось народу. Въ депешѣ къ Фридриху II, отъ 25 мая, Гольцъ, между прочимъ, писалъ: «Духовенство, повергнутое въ отчаяніе указомъ, изданнымъ въ началѣ царствованія, по которому оно лишилось всѣхъ своихъ имѣній, подало императору представленіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ, жалуясь въ немъ на насиліе и странныя дѣйствія, причиненныя этимъ указомъ, поступковъ, которыхъ оно не могло ожидать даже отъ варварскаго правительства, а теперь вынуждено терпѣть ихъ отъ правительства православнаго, и это тѣмъ печальнѣе, что духовныя лица терпятъ такое насиліе потому только, что они суть служители Божіи. Эта бумага, подписанная архіепископами и значительнымъ числомъ духовныхъ лицъ, составлена въ самомъ сильномъ тонѣ. Это скорѣе протестъ противъ государя, чѣмъ просьба къ нему. Донесенія, полученные вчера и третьяго дня, отъ воеводъ отдаленныхъ областей, свидѣтельствуютъ о стараніи духовенства возбудить народъ противъ государя. Въ донесеніяхъ говорится, что духъ мятежа и неудовольствія до того усилился, что воеводы не зна-

«1) Чтобъ дать волю во всѣхъ законахъ (вѣроисповѣданіяхъ), и какое у кого вы будетъ желаніе, то не совращать.

«2) Принять вообще всѣхъ западныхъ и чтобъ ихъ не пѣли въ поруганіи и проклятін.

«3) Уреченные посты вовсе прекратить и чтобъ не почитать въ законъ, но въ произвольство.

«4) О грѣсѣ прелюбодѣйномъ не имѣть никому осужденія, ибо и Христосъ не осуждалъ.

«5) Всѣхъ вашихъ здѣшнихъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ причислить моему державству, а вмѣсто ихъ мое собственное на жалованье дать.

«6) Чтобъ дать волю во всякихъ моихъ мѣрностяхъ (мѣропріятіяхъ), и что ни будетъ отъ насъ впредь представлено, не препятствовать».

Въ концѣ замѣчено. «Такое мнѣніе было дано и собственновъ рукою его подписано и въ синодъ представлено іюня 25 дня 1762 году» («Русскій Архивъ», 1871 г. столбецъ 2055).

В. И.

¹⁾ La cour de la Russie, 188. Ср. Записки Дашковой, гл. III.

ють, какія мѣры предпринять, и потому требуютъ наставленій отъ правительства». ¹⁾ Есть указаніе, что Арсеній Мацѣвичъ посылалъ отъ себя протестъ противъ распоряженій Петра III, который привелъ будто-бы императора «въ великій азартъ», но рѣшенія по этому дѣлу постановлено не было ²⁾. По другому же извѣстію, Дмитрій Сѣченовъ за свой протестъ былъ удаленъ, однако вскорѣ опять возвращенъ на свое мѣсто, изъ страха передъ народнымъ неудовольствіемъ ³⁾. Подобные факты не могли быть забыты, когда переворотъ совершился.

V.

Въ приговорѣ новаго правительства прежнему порядку, на первомъ планѣ стояли обвиненія за нарушеніе церковныхъ уставовъ. «Законъ нашъ православный греческій первѣе всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона» ⁴⁾,—читаемъ въ манифестѣ, составленномъ Тепловымъ по прибытіи Екатерины II въ Петербургъ; а спустя недѣлю былъ объявленъ въ сенатѣ новый обвинительный манифестъ, въ которомъ заявлялось, что Петръ III «коснулся перво всего древнее православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною церковь Божию и моленіе, такъ что когда добросовѣстные изъ его подданныхъ, видя его иконамъ непоклоненіе и въ церковнымъ обрядамъ презрѣніе или паче ругательство, приходя въ соблазнъ, дерзнули ему о томъ напомянуть, съ подобострастіемъ въ осторожность,—то едва могли избѣгнуть тѣхъ слѣдствій, которыя отъ самовольнаго, необузданнаго и никакому человѣческому суду не подлежащаго властителя произойти бы

¹⁾ Дешени Гольца, извлеченныя изъ государственнаго архива въ Берлинѣ Г. В. Есиповымъ, напечатаны въ прилож. (№ XV) къ соч. П. Б. Щербальскаго: «Политическая система Петра III», стр. 58.

²⁾ Матеріалы объ Арсеніѣ Мацѣвичѣ, въ «Чтен. Моск. Общ. исторіи» 1862 г., II, 18. Впрочемъ это извѣстіе, какъ увидимъ ниже, не подтверждается.

³⁾ Castéra. Histoire de Cathérine II, t. II, 273.

⁴⁾ Полное Собраніе Законовъ, № 11,582.

могли. Потомъ началъ помышлять и о разореніи самыхъ церквей....»¹⁾ Въ промежуткѣ этихъ двухъ заявленій, Екатерина распорядилась уже, чтобы сенатъ имѣлъ разсужденіе о духовенствѣ, какъ бы ему учинить «удовольствіе въ его содержанію». Но духовенство, не дожидаясь какаго-нибудь неопредѣленнаго рѣшенія, поспѣшило само подать прошеніе объ отдачѣ ему во владѣніе вотчинъ, а императрица передала это прошеніе (5 іюля) на обсужденіе сената, съ тѣмъ, чтобы послѣдній представилъ ей по настоящему дѣлу свое мнѣніе. Затѣмъ, 9 іюля 1762 г., Екатерина повелѣла распечатать домовныя церкви, закрытыя въ предшествовавшее царствованіе.

Чтобы оцѣнить впечатлѣніе, произведенное на духовенство первыми дѣйствіями Екатерины, намъ необходимо снова обратиться къ перепискѣ уже извѣстныхъ намъ духовныхъ лицъ. Такъ, узнавъ о перемѣнѣ въ судьбѣ бывшаго Елисаветинскаго канцлера, графа А. П. Бестужева-Рюмина, призваннаго къ участию въ государственныхъ дѣлахъ, Арсеній Мацѣевичъ поспѣшилъ (12 іюля) написать ему о дѣлѣ, столь интересовавшемъ духовную іерархію «Не надлежало бы мнѣ утруждать теперь ваше высотографское сіятельство просьбою,—пишетъ онъ,—однако крайняя нужда влечетъ, яко за отобраніемъ нынѣ отъ дома архіерейскаго и отъ монастыря вотчинъ, приходится съ голоду умирать, понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ, а при себѣ, въ самомъ домѣ архіерейскомъ, не держанъ, кромѣ какъ только на пишу молотый. А какъ указъ застигъ, то воевода ростовскій тотчасъ по всѣмъ вотчинамъ житницы опечаталъ, и скотъ, и птицы описавши, въ свою команду взялъ, оставивъ меня со всѣмъ духовенствомъ и мірскими служителями безъ пропитанія, и не тоюо будетъ ѣсть нечего, когда смолотое и лежавшее въ сушилахъ пріѣдимъ, но и литургіи святой служить нечѣмъ и некому—всѣ принуждены идти съ нищими въ міръ. Всеповорно прошу показать милость къ домамъ Божиимъ, дабы стараньемъ вашимъ возвращены вотчины были по-прежнему. Лошадей хотя малое

¹⁾ Собраніе манифестовъ и указовъ Екатерины II 1762—1763 гг., изд. при Сенатѣ, въ 1764 г. весьма рѣдкое изданіе. (Есть экз. у М. П. Семеяскаго).

число очень оставлено у насъ, да и тѣхъ будетъ нечѣмъ кормить: не жалъ того, что лошади у насъ, всѣ, съ кобылицами и малыми жеребятами, нарочнымъ полковникомъ, изъ военной коллегии присланнымъ, отобраны и въ Петербургъ сведены, только жалъ того, что заводъ, отчасти славный въ государствѣ, совсѣмъ переведенъ и отъ насъ не въ прислугу высоко-монаршей власти, но какъ бы за вину нѣчто конфискованное отобрано».

Но и въ этомъ случаѣ сказалось большое мѣсто Арсенія, неразъ боровшагося противъ воеводъ въ Сибири и не ладившаго съ ними въ Ростовѣ. Обращаясь съ такимъ важнымъ ходатайствомъ къ Бестужеву, онъ спѣшилъ принести при этомъ и свою личную просьбу: «Въ Ростовѣ у насъ воеводою надворный совѣтникъ Петръ Протасевъ: не возможно-ли постараться его отсюда перемѣнить» ¹⁾.

И переписка между русскими іерархами за это время, какъ видно, оживилась. Почти одновременно съ этимъ письмомъ Арсеній успѣлъ уже получить письмо отъ своего друга Крутицкаго (бывшаго Переяславскаго) архіепископа Амвросія (отъ 15 іюля 1762 г.), слѣдующаго содержания: «За отеческое ваше писаніе много благодарствую, отъ усердія моего поздравляю общею радостью со вступленіемъ ея величества на всероссійскій престолъ. Слава Богу, что мы всѣ отъ мысленнаго ига избавленіе получили, а теперь, какъ изъ манифеста изволите усмотрѣть, къ сентябрю мѣсяцу просимъ и ваше преосвященство къ намъ въ Москву пожаловать и намъ о извѣстномъ дѣлѣ помогать, а паче въ богоугодныхъ своихъ къ Богу молитвахъ о томъ напомнать, которымъ и самого себя препоручаю» ²⁾. Письмо митрополита Тимофея, съ выраженіемъ надежды на скорую перемѣну въ ихъ общемъ дѣлѣ, намъ уже извѣстно. Такъ какъ въ сентябрѣ должна была совершиться коронація Екатерины въ Москвѣ, то этимъ объясняется и назначенный Амвросіемъ терминъ съ приглашеніемъ Арсенія принять участіе въ общемъ

¹⁾ Въ государственномъ архивѣ. Напечатано въ «Днѣ» 1862 г., № 16, стр. 3, статья Соловьева, и въ Исторіи Россіи, XXV, 146—147.

²⁾ «День», 1864 г., № 39, стр. 8, сообщ. Н—въ.

совѣщаніи. Пока же представители іерархіи не замедлили открыто заявить свое сочувствіе вступленію Екаторины II на престоль. Дмитрій Сѣченовъ, первенствующій членъ синода, приглашалъ ее возсѣсть на престоль предковъ, какъ «защитницу отечества и благочестія». «...Видѣла,—говорилъ онъ далѣе,—матеръ свою—св. церковь бѣдствующую и озлобляемую, восхотѣла отъ страха и вредныхъ перемѣнъ избавить; не допустила отечеству прійти въ наглое расхищеніе, въ горестъ и воздыханіе; не дала Россіи быть отъ супостатовъ въ посмѣхъ, въ стыдъ и поношеніе». По его словамъ, одно сожалѣніе о страждущихъ церкви и отечествѣ побудило Екаторину на такой подвигъ; и на медаляхъ, выбитыхъ въ честь этого торжества, были сдѣланы изображенія, символически представлявшія избавленіе «православія и отечества» отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій съ многозначительною надписью: «За спасеніе вѣры и отечества»¹⁾.

Екаторина платила духовенству тою же монетою. Сохранилась весьма интересная записка ея (за время пребыванія въ Москвѣ) къ секретарю Елагину о недозволеніи на придворной сценѣ представленій языческаго характера, какъ противныхъ христіанской нравственности. «Россія,—пишетъ она,—бывъ просвѣщена святымъ крещеніемъ, тому слишкомъ 1000 лѣтъ назадъ (sic), не можетъ въ XVIII вѣкѣ приносить, и то еще въ домѣ ея благочестивыя императрицы, жертвы богамъ римской республики, которыхъ она не знала, бывъ погружена и въ идолопоклонничество. Я, когда сюжеты вообще суть того вѣка, когда идоламъ приносили жертвы, страдаю всегда, видя то на театрѣ, хотя иногда для костюма того избѣгнуть не можно. И того ради я желаю, чтобы прологъ весь («непостижимость судьбы») былъ оставленъ»²⁾. Такой отзывъ императрицы о языческихъ представленіяхъ, съ юныхъ лѣтъ воспитывавшейся на Вольтерѣ, получаетъ въ нашихъ глазахъ особенное значеніе. Дѣйствительно, когда, вскорѣ по восшествіи на престоль Екаторины, разсматривалось въ сенатѣ дѣло о допущеніи въ Россію евреевъ, и всѣ

¹⁾ Соловьевъ, XXV, 157—160.

²⁾ «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, 156.

сенаторы были согласны на это, за исключеніемъ князя Одоевскаго, напомнившаго императрицѣ резолюцію императрицы Елисаветы («отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли»), то Екатерина, какъ она сама рассказываетъ, «затруднилась, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, изъявить свое согласіе», а распорядилась отложить самое дѣло ¹⁾. «Надо замѣтить,—пишетъ она,—что еще не прошло недѣли со вступленія на престолъ Екатерины; она возведена была на оный для обороны православнаго закона; ей приходилось имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвращены были его имѣнія, и которое, вслѣдствіе этой дурно принаровленной мѣры, не знало, чѣмъ ему пробавляться. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота, столь великаго, находились въ сильномъ волненіи. Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ—вовсе не было средствомъ къ успокоенію умовъ, объявить его вреднымъ—было тоже невозможно... Такъ-то не рѣдко случается, что недостаточно быть просвѣщенну, имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнить ихъ. И тѣмъ не менѣе умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ» ²⁾. Точно также, спустя нѣкоторое время (6-го сентября 1763), она обратила вниманіе на появленіе въ обществѣ соблазнительныхъ книгъ. «Слышно,—писала она,—что въ академіи наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и російской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напримѣръ, Эмиль Руссо, Меморіи Петра III, письма жидовскія по французскому и много подобныхъ», и, подъ страхомъ конфискаціи ихъ, она запретила продажу подобныхъ книгъ, причѣмъ поручила цензуру книгъ, выписываемыхъ изъ-за границы, академіи наукъ и московскому университету ³⁾.

¹⁾ Полное Собраніе Зак., т. XI, № 8,840. Первое дозволеніе евреямъ селиться въ Россіи и притомъ только въ Новорос. краѣ—было дано 16-го ноября 1769 г. (П. С. Зак., № 13,383).

²⁾ «Рус. Архивъ», 1865 г. Разсказъ Екатерины II о своемъ царствованіи, стр. 492—494.

³⁾ «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, 318.

Но, при вступленіи на престолъ Екатерины II, ея политическіе идеалы уже вполнѣ сложились. Вотъ что писала она въ одной изъ своихъ записокъ, относящейся еще къ предшествовавшему времени: «Не слѣдуетъ дѣлать ничего безъ правилъ и разума, ни руководить себя предразсудками; уважать вѣру, но никакъ не давать ей вліяніе на государственныя дѣла; изгонять изъ совѣта все, что отзывается фанатизмомъ, и извлекать, по возможности, пользу изъ всякаго положенія для блага общественнаго—это есть основаніе китайской имперіи, самой прочной изъ всѣхъ извѣстныхъ въ свѣтѣ»¹⁾. «Я часто читала,—говоритъ она далѣе,—что прежде въ католическихъ странахъ многіе изъ свѣтскихъ владѣли церковными доходами. Я удивляюсь, что государи были довольно дурными политиками, допустивъ уничтоженіе этого обычая соборами». Но та школа, которую ей пришлось пройти при дворѣ Елисаветы Петровны, приучила Екатерину къ извѣстной сдержанности въ отношеніяхъ, которой она охотно подчинялась вопреки собственнымъ желаніямъ. Разсудочное направленіе ума Екатерины какъ нельзя болѣе гармонировало съ этою необходимостью примѣняться къ данному положенію вещей и сдерживало слишкомъ смѣлые порывы ея фантазіи. «Счастливы тотъ,—замѣчаетъ она въ той же запискѣ,—кто не допускаетъ себя увлечь въ этомъ вихрѣ». Она рано привыкла не довѣряться людямъ и въ то же время поддерживать въ нихъ увѣренность въ ея расположенія. «Поздравляю себя съ рождающеюся милостью ко мнѣ, но я должна въ ней сомнѣваться, несмотря на увѣренія и подарки, которые будутъ мнѣ дѣлать. Однако, это не должно мнѣ мѣшать дѣйствовать такъ, какъ будто я считала эту милость за дѣйствительную.... Я слишкомъ молода, чтобы сдѣлаться любимицею, но я должна дѣлать такъ, какъ будто думаю быть таковою». Свой политическій идеалъ она охарактеризовала въ тѣхъ же наброскахъ слѣдующимъ образомъ: «Снисходительность, примирительный духъ властителя сдѣлаютъ болѣе,

¹⁾ Ссылка на политич. исторію Бальфельда, т. II, гл. 15, стр. 311. «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII. 97—98.

чѣмъ миллионы законовъ, а политическая свобода даетъ душу всему. Часто лучше вдохновлять къ преобразованіямъ, чѣмъ приказывать о нихъ» ¹⁾. Между тѣмъ какъ Петръ III, даже во время погребенія императрицы Елисаветы, не могъ сдержать своего обычнаго настроенія духа, Екатерина обращала на себя общее вниманіе строгимъ выполненіемъ установленнаго ритуала, а мы видѣли уже, какъ строго соблюдала она предписанія церкви. Но, спустя нѣсколько лѣтъ, она писала уже г-жѣ Жоффренъ: «Въ молодости я также по временамъ предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ (т. е. при Елисаветѣ), нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду (не думайте, однако, что я была въ числѣ этихъ послѣднихъ: я никогда не лицебрюла и ненавижу этотъ порокъ). Теперь богомоленъ только тотъ, кто хочетъ быть богомольнымъ; никому не мѣшаютъ дѣйствовать какъ угодно» (отъ 15-го января 1766 г.) ²⁾.

Такимъ образомъ понятія о власти уже вполне созрѣли у Екатерины задолго до того, когда ей пришлось самой властвовать... По вступленіи на престолъ, она величала себя, въ письмахъ къ Вольтеру, «главою греческой церкви», которой духовная власть должна подчиниться безусловно. Этотъ взглядъ вполне гармонировалъ съ философскими воззрѣніями XVIII вѣка, проповѣдывавшаго просвѣщенный деспотизмъ тамъ, гдѣ возникала борьба съ церковью и средневѣковыми преданіями. Съ другой стороны, развязка вопроса о монастырскихъ имуществахъ при Екатеринѣ II лучше всего показываетъ, какъ далека была она отъ того рѣшенія этого вопроса, на какое надѣялось духовенство по отреченіи отъ престола Петра III, и что рѣшеніе его въ смыслѣ, предпринятомъ послѣднимъ, было вполне въ духъ времени. Мало этого: на самый протестъ по этому вопросу Екатерина посмотрѣла не иначе, какъ на противодѣйствіе свѣтской

¹⁾ «Сборникъ русскаго историч. общества», VII, 98—101.

²⁾ Ibid., I, письма Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ, 282.

власти, и въ такомъ именно смыслѣ старалась объяснить, черезъ оракуловъ общественнаго мнѣнія Западной Европы, суровость собственнаго приговора надъ виновникомъ возникшей борьбы.

Мы видѣли, какъ отнеслась Екатерина къ просьбѣ духовенства о возвращеніи церковныхъ имѣній; а 16-го іюля 1762 г. сенатъ представилъ уже докладъ по этому дѣлу. Въ докладѣ предлагалось: 1) имѣнія духовенству возвратить; 2) собирать со всѣхъ крестьянъ, кромѣ семигривеннаго подушнаго оклада, по рублю, причемъ 50 коп. должны идти въ казну, на содержаніе инвалидовъ, и 50 к. въ пользу архіереевъ, монастырей и т. п.; 3) управленіе крестьянами ввѣрить не монастырскимъ службамъ, а выборнымъ или старостамъ. Затѣмъ, сенатъ имѣлъ общую конференцію съ синодомъ, въ которой архіереи объявили, что они довольны первымъ пунктомъ и согласны относительно третьяго; но противъ втораго нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Аванасій, епископъ тверской—сдѣлали замѣчаніе, что налогъ на крестьянъ будетъ тягостенъ, а сборъ 50 к. на монастыри и семинаріи недостаточенъ. Онъ предлагалъ возвратиться къ рѣшенію синода, состоявшемуся при Елисаветѣ, т. е. чтобы духовенство вносило ежегодно въ казну по 300,000 р., а сборъ на архіереевъ и монастыри былъ предоставленъ ихъ собственному усмотрѣнію. Съ этимъ мнѣніемъ согласились Гедeonъ псковской и Веніаминъ петербургскій, но Палладій рязанскій и Дмитрій новгородскій (Сѣченовъ) присоединились къ мнѣнію сената. При этомъ послѣдній предложилъ учредить комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которая составила бы штаты для монастырей, архіерейскихъ домовъ и семинарій ¹⁾.

Такимъ образомъ дѣло о церковныхъ имуществахъ снова затнулось, духовенство оставалось безъ опредѣленнаго содержанія, обреченное на невѣрныя надежды, а правительство было поставлено въ весьма затруднительное положеніе, которое ясно видно изъ слѣдующей записки Екатерины къ графу А. П. Бестужеву-Рюмину: «Прошу васъ,—писала она,—приложенныя бумаги рассмотреть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, комиссію

¹⁾ Журналы сената, въ Ист. Рос., соч. Соловьева, XXV, 148.

ли учинить нынѣ, не отдавая деревень духовнымъ, или отдавать ли нынѣ, а послѣ сдѣлать комиссію. Въ первой бумагѣ написано отдавать, а въ другой только, чтобы они вступили во владѣніе до комиссіи. Пожалуй, помогай совѣтамъ ¹⁾. Слѣдовательно, не напрасно обращался къ Бестужеву и самъ Арсеній, такъ какъ эти совѣты вклонились въ пользу послѣдняго мнѣнія. Спустя четыре дня (12-го августа), уже состоялся именной указъ о возвращеніи движимыхъ и недвижимыхъ имѣній духовенству, объ устраненіи отъ завѣдыванія ими коллегіи экономии и удаленіи изъ церковныхъ вотчинъ, посланныхъ для управленія офицеровъ. Интересны нѣкоторыя подробности этого указа:

«Прилагая матернее наше стараніе о учрежденіяхъ и дѣлахъ до благополучія имперіи нашей касающихся,—читаемъ въ немъ,—равномѣрно оное прилагаемъ и объ отрѣшеніи нововведенныхъ въ бывшее предъ симъ правленіе не порядковъ и неполезныхъ установленій; изъ числа тѣхъ почитаемъ мы отнятіе изъ вѣдомства духовнаго чина деревень и прочихъ имѣній, тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ, что оное учинено безъ всякаго предъидущаго порядка и разсмотрѣнія: кажется надобность состояла именно въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣній, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ и какъ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано». Но тотъ же указъ соединяетъ владѣніе вотчинами съ обязательнымъ для духовенства употребленіемъ церковныхъ богатствъ на школы, благотворительныя учрежденія и другія общественныя потребности. Даже самую мысль объ отобраніи имущества онъ связываетъ съ существовавшими злоупотребленіями. «Не имѣемъ мы намѣренія и желанія присваивать себѣ церковныя имѣнія,—читаемъ далѣе,—но только имѣемъ данную намъ отъ Бога власть предписывать законы о лучшемъ ихъ употребленіи во славу Божию и пользу отечества. И для того намѣрены мы въ совершенство привести учрежденіе всего духовнаго штата сходственно съ узаконеніями церковными, которымъ слѣдовалъ дѣдъ нашъ,

¹⁾ «Сборникъ рус. истор. общ.», VII, 135, и «Девъ» 1862, № 16, стр. 3.
В. И.

императоръ Петръ Великій, учредя на то особенную изъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ комисію». Въ то-же время синоду и сенату повелѣвалось всѣ имѣнія отдать снова въ управленіе духовенства, распечатать опечатанные при Петрѣ III деньги и хлѣбъ; уничтожить коллегію экономіи, учрежденную для управленія имѣніями; возстановить прежній сборъ въ пользу духовенства; удалить изъ вотчинъ недавно посланныхъ офицеровъ и возвратить духовенству право распорядиться вотчинными доходами, согласно съ Регламентомъ и указами, соблюдая однако и отчетность въ расходахъ. Что же касается крестьянъ, то имъ предписывалось повиноваться духовнымъ властямъ и нести установленныя подати, а въ случаѣ ихъ сопротивленія, сенату поручалось смирять ихъ, на основаніи существующихъ гражданскихъ законовъ ¹⁾.

Ясно, что въ этомъ указѣ заявлялось опредѣленное намѣреніе навсегда отказаться отъ опасной попытки Петра III, и возстановлялись, въ нѣсколько смягченной формѣ, порядки временъ Петра Великаго, а монастырскимъ крестьянамъ, какъ это было сдѣлано и относительно помѣщичьихъ, также опредѣленно заявлялось намѣреніе преслѣдовать всякое сопротивленіе существующему порядку. Такое заявленіе казалось тѣмъ необходимѣе, что въ то время уже обнаружилось движеніе въ средѣ крестьянъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ и ожидавшихъ полного освобожденія ²⁾. Замѣчательно, однако, что въ царствованіе Петра III волненія происходили собственно между помѣщичьими и фабричными крестьянами, а не церковными ³⁾, а изъ дальнѣйшихъ распоряженій Екатерины II (указъ 8-го января 1763 г.) можно видѣть, что указъ 12-го августа послужилъ именно поводомъ къ безпорядкамъ и въ средѣ церковныхъ крестьянъ ⁴⁾. Такъ, 12-го декабря 1762 г., сенатъ читалъ уже, въ присутствіи императрицы, донесеніе, что 8,539 душъ крестьянъ не дали подписки въ томъ, что они будутъ повиноваться монастырскимъ властямъ; а въ од-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11,643.

²⁾ «Сбор. рус. истор. общ.», VII, 188—196.

³⁾ Соловьевъ, XXV, 22—24.

⁴⁾ Полн. Собр. Законовъ, XVI, № 11,730.

ной изъ своихъ записокъ Екатерина прямо говоритъ, что заводскихъ крестьянъ въ явномъ возмущеніи было 49,000 чел., помѣщичьихъ же и монастырскихъ до 150,000 ¹⁾, причемъ изъ этого числа болѣе 100,000 приходилось на долю послѣднихъ ²⁾. Монастырскіе крестьяне отказывались отъ уплаты рублевого оброка и работы—и оказывали полное сопротивленіе властямъ, вслѣдствіе чего правительство должно было напомнить первымъ о повинненіи, а послѣднимъ внушить, чтобы они крестьянъ своихъ держали въ надлежащемъ порядкѣ и послушаніи, не взыскивая съ нихъ ничего лишняго и не принуждая ихъ ни къ какимъ работамъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ для экономіи ³⁾.

Переездъ двора въ Москву (1-го сентября 1762 г.) и послѣдовавшее затѣмъ торжество коронаціи отдалили на нѣкоторое время дѣйствія комиссіи по устройству церковныхъ имуществъ; но зато волненія крестьянъ вызвали, съ одной стороны, необходимость смягченія въ прежнихъ распоряженіяхъ, а съ другой, несомнѣнно повліяли на мѣрніи самой комиссіи, такъ какъ въ то же время относительно заводскихъ крестьянъ былъ поставленъ уже вопросъ о замѣнѣ ихъ вольнонаемными людьми ⁴⁾. И сама Екатерина, въ одной изъ своихъ записокъ, говоритъ, что, вслѣдствіе учрежденія коллегіи экономіи, въ вѣдѣніе которой были снова переданы монастырскіе крестьяне,—непослушаніе ихъ однимъ разомъ пресѣлось ⁵⁾; а въ письмѣ къ Вольтеру, отъ 11-го августа 1765 г.,

¹⁾ Соловьевъ, XXV, 171 п «Сенатъ въ началѣ царствованія Екатерины II», «Древн. и Нов. Рос». 1875 г., тетрадь первая.

²⁾ «Русская Старина», томъ XIV, 567. Письмо Екатерины къ Вольтеру.

³⁾ П. Собр. Законовъ, т. XVI, № 11, 730. На основаніи указа 8-го января, нѣкоторые полагали, что «духовенству не быть въ покоѣ». Заслуживаетъ при этомъ вниманія, отношеніе къ церковному вопросу дворянства. По словамъ одного корреспондента Арсенія, «дворянство необузданное забыло, что умереть а помянуть, что надлежитъ править и владѣть вотчинами не духовенству, а дворянству». Письмо Ярославцева «Рус. Старина», 1876, томъ XV, 730.

⁴⁾ «Сборн. рус. истор. общ.», VIII. Инструкція Екатерины II князю Вяземскому, 188—195.

Впрочемъ, еще 29-го марта 1762 г., послѣдовалъ указъ, чтобы «къ фабрикамъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволить, а довольствоваться вольнонаемными по паспортамъ за договорную плату людьми». № 11,490.

⁵⁾ «Русскій Архивъ» 1865 г., 485.

она писала: «люди, подвластные церкви, страдая нерѣдко отъ жестокихъ притѣсненій, въ которыхъ еще болѣе способствовали частыя перемѣненія ихъ духовныхъ, возмутились въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны, и при моемъ вступленіи на престолъ ихъ было болѣе ста тысячъ подъ ружьемъ. Вотъ почему я, въ 1762 г., выполнила планъ—совершенно измѣнить управленіе имѣніями духовенства и опредѣлить доходы лицъ этого сословія» ¹⁾).

Только въ концѣ ноября (29-го) 1762 г. состоялось учрежденіе комисіи, которая должна была находиться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы. Членами ея были назначены: новгородскій митрополитъ Димитрій, с.-петербургскій архіепископъ Гавріилъ, переяславскій епископъ Сильвестръ; графъ Иванъ Воронцовъ, князь Александръ Куракинъ, князь Сергій Гагаринъ, оберъ-прокуроръ св. синода—князь Алексій Козловскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Тепловъ. Въ руководство ей были даны: Духовный Регламентъ и указы Петра Великаго, «такъ какъ ничего лучшаго уже опредѣлить намъ не возможно», говоритъ Екатерина въ своей инструкціи. Комисія должна была распределить доходы съ церковныхъ имѣній: 1) на содержаніе архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей; 2) на учрежденіе училищъ, и 3) на учрежденіе инвалидныхъ домовъ ²⁾). Ближайшими совѣтниками императрицы въ этомъ дѣлѣ были: тотъ же графъ Бестужевъ-Рюминъ, къ которому и она, и противники реформы, прибѣгли за содѣйствіемъ, и князь Я. П. Шаховской, елисаветинскій оберъ-прокуроръ синода, который несмотря на все покровительство Елисаветы духовенству, неразъ вступалъ въ неравную борьбу съ членами синода за права свѣтской власти. Теперь ему поручено было заняться разработкою столь труднаго дѣла. И вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: «хотя и похваляюсь, но ей! по истинѣ, что еще не было тогда на театрѣ въ услугахъ недавно вступившей на престолъ нашей монархини кромѣ

¹⁾ «Русская Старина», томъ XIV, 587 и «Oeuvres de Voltaire», édition Berchoot, t. LXII, p. 411.

²⁾ Полн. Собр. Закон., XVI, № 11,716.

меня, ни знатока, ни старателя, о представленіи съ доказательствами къ полезному учрежденію онаго о церковныхъ имѣніяхъ, долголѣтно тянувагося и отъ многихъ происковъ запутаннаго дѣла». Онъ заявляетъ, что манифестъ о монастырскихъ вотчинахъ составленъ на основаніи его бумагъ, «и тотъ-то есть началомъ тѣхъ съ духовныхъ вотчинъ въ государственную сумму доходовъ, которыхъ, за расходами на духовныхъ персонъ и на продовольствіе нѣсколькихъ тысячъ invalidныхъ офицеровъ и солдатъ, каковымъ прежде дачъ не бывало, еще на государственные расходы болѣе милліона въ казну каждый годъ нынѣ приходится» ¹⁾).

Въ новомъ актѣ правительства была уже высказана мысль, что возвращеніе имущества духовенству было допущено на время, пока «составляется въ лучшему успѣху новое и болѣе полезное узаконеніе». Сославшись далѣе на права самодержавной власти, Екатерина говоритъ, что на ней поѣтому лежитъ обязанность заботиться о дѣлахъ церкви, «чтобы совѣсть наша не отягчена была сокрушеніемъ, когда мы, видя нестроеніе, оставимъ оное безъ исправленія». Такъ, еще со времени Петра Великаго, правительство хлопочетъ о заведеніи школь для духовенства и народа, но до сихъ поръ, спустя 40 лѣтъ, и народъ, и духовенство, остаются въ прежнемъ невѣжествѣ. Церковное имущество тогда только употребляется цѣлесообразно, когда оно идетъ на строеніе церквей, содержаніе духовенства, устройство благотворительныхъ заведеній, но каковой великій соблазнъ бываетъ, если оно расточается на временныя житейскія попеченія, вопреки своему назначенію. Здѣсь императрица снова выражаетъ намѣреніе слѣдовать Регламенту и указамъ Петра Великаго, и требуетъ привести свѣдѣнія объ имуществахъ въ надлежащій порядокъ. На этомъ основаніи, коммисія должна была прежде всего: 1) составить подробныя описи всѣмъ вотчиннымъ имѣніямъ и крестьянамъ церковныхъ учреждений; 2) собрать свѣдѣнія о степени плодородія ихъ земель, ихъ разстояніи отъ большихъ городовъ и портовыхъ рѣкъ, объ ихъ удобствахъ въ хозяйственномъ отношеніи; 3) составить при-

¹⁾ Записки князя Я. П. Шаховскаго, изданныя ред. «Русской Старины», стр. 192—194.

мѣрную форму для инструкціи вотчиннымъ управителямъ; 4) по составленіи описей, положить каждую деревню, сообразно съ ея условіями, на оброкъ или на земледѣліе; 5) по опредѣленіи денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ церковныхъ учреждений, составить для всѣхъ ихъ такіе штаты, чтобы содержаніе ихъ было беззасорное и безоблаженное, и представить штаты на высочайшее утвержденіе. Далѣе, комисіи поручалось составить проекты содержанія церквей, духовныхъ училищъ, число которыхъ предполагалось увеличить,—благотворительныхъ заведеній и пенсій, соединенныхъ съ орденами. Завѣдываніе церковными доходами предполагалось снова поручить духовной экономической коллегіи, подъ дирекцію двухъ или трехъ знатныхъ особъ. Повторивъ наконецъ желаніе, чтобы церковное имущество употреблялось на пользу благочестія и народа, императрица прибавляетъ: «пбо мы собственной въ томъ никакой пользы не ищемъ, и не намъ, но имени Божію, служить стараемся»¹⁾.

Но, хотя правительство ставило для комисіи въ образецъ порядки Петра Великаго, оно допускало и другой исходъ въ рѣшеніи этого вопроса; такъ, въ той же инструкціи мы читаемъ, что комисіи предоставляется «власть или нашему мнѣнію послѣдовать, или что лучше еще и благоуднѣйше къ пользѣ народной придумать». Очевидно Екатерина находилась въ данномъ случаѣ межъ двухъ огней, будучи вынуждена, съ одной стороны, удовлетворить настояніямъ духовенства, а съ другой, принимать въ расчетъ волненіе крестьянъ, недовольныхъ духовнымъ управленіемъ. Поэтому она должна была осторожно идти къ той цѣли, которая такъ ясно представлялась ей съ философской и политической точки зрѣнія; считая же церковныя имущества государственными, она должна была и зациту ихъ, въ интересахъ духовной іерархіи, представлять не иначе, какъ стремленіемъ къ опасному двоевластію. Впрочемъ, въ тогдашнемъ синодѣ она не могла опасаться серьезной оппозиціи. Правда, составъ высшей іерархіи при Екатеринѣ напоминалъ еще, до извѣстной степени, прежнее время. Въ интересахъ улучшенія церковной администра-

¹⁾ Полн. Собр. Законовъ, XVI. № 11,716.

ціи, Петръ Великій сталъ вызывать на высшія іерархическія мѣста людей, воспитывавшихся въ южно-русскихъ школахъ и кievской академіи; но, за исключеніемъ Теофана Прокоповича, эти іерархи, начиная съ самого блюстителя патриаршаго престола, далеко не оправдали надеждъ Петра. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе традиціи и взаимнаго покровительства, число ихъ въ русской церкви значительно возросло; а расположеніе къ нимъ Елисаветы Петровны, вслѣдствіе ея личныхъ симпатій къ малорусскому элементу, дало имъ господствующее значеніе въ церковномъ управленіи, такъ что даже понадобился особый указъ, разрѣшавшій представлять на высшія духовныя должности и великороссовъ ¹⁾. Вслѣдствіе этого, при вступленіи Екатерины II на престолъ, синодъ представлялъ еще смѣшанное собраніе. Во главѣ его стоялъ Дмитрій Сѣченовъ, воспротивившійся, было, при Петрѣ III секуляризаціи церковныхъ имуществъ и чуть не лишившійся за то своего мѣста. Послѣ этого онъ смѣло поддерживалъ права Екатерины на престолъ, удостоился отъ нея послѣ коронаціи званія митрополита и 1000 душъ крестьянъ. Такимъ образомъ самолюбіе этого іерарха было польщено, и онъ, отъ сихъ поръ, является лицомъ вполне преданнымъ Екатеринѣ. Нѣсколько позже, въ своихъ письмахъ къ Вольтеру, Екатерина неразъ упоминаетъ о немъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ, заставляя преклоняться предъ нимъ и таковаго противника духовной іерархіи, какимъ былъ фернейскій философъ. «Дмитрій митрополитъ новгородскій,—пишетъ она,—не гонитель и не фанатикъ ²⁾. Въ предписаніяхъ Алексѣя нѣтъ ни одного правила, которому бы онъ не вѣрилъ, котораго бы не призналъ и не сталъ проповѣдывать, еслибъ было полезно и нужно: онъ совершенно отвергаетъ предположеніе двухъ властей. Нѣсколько разъ подавалъ онъ мнѣ примѣры, о которыхъ я могла бы сказать вамъ, и если-

¹⁾ «Чтенія Моск. Общества исторіи», 1861 г., кн. III.

Интересный примѣръ борьбы между великорусскимъ и малорусскимъ элементами въ это время, даже въ средѣ братіи Троицкой лавры, представляетъ случай, рассказанный въ воспоминаніяхъ Снегирева, «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 534—536.

²⁾ Мы знаемъ однако дѣйствія Д. Сѣченова въ нижегородской епархіи.

бы не боялась наскучить, то написала бы ихъ на особомъ листѣ. Недавно эта духовная особа доказала еще чувства свои, которыя вамъ извѣстны. Нѣкто перевелъ книгу и принесъ въ нему; архіепископъ совѣтовалъ не выпускать ее, потому что она содержитъ правила, утверждающія двѣ власти¹⁾. Затѣмъ идутъ люди, также вышедшіе изъ великорусскихъ училищъ, какъ: Гедеонъ Криновскій (епископъ псковской), Гавріилъ Кременецкій, переведенный Екатериною изъ Казани въ Петербургъ, на мѣсто Веніамина Пуцекъ-Григоровича, учившагося въ Кіевѣ²⁾. Прочіе члены, какъ Крутицкій архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, хорошо извѣстный намъ по своимъ отношеніямъ къ Арсенію; московскій митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, родомъ малороссъ, человѣкъ престарѣлый, даже неполнѣ усвоившій русскій языкъ, и тверской епископъ Аванасій Вальховскій (родомъ изъ Полтавы), заявившій, было, въ конференціи голосъ въ защиту правъ духовенства, — были люди неопасные, какъ и членъ синода, ахимандритъ Мисаилъ³⁾. Но ученые великороссы усердно выдвигаютъ теперь впередъ своихъ учениковъ и сторонниковъ, каковы: Иннокентій Нечаевъ, Гавріилъ Петровъ, Платонъ Левшинъ, которыхъ Екатерина ставитъ въ примѣръ просвѣщенныхъ іерарховъ въ своемъ возраженіи на книгу аббата Шаппа⁴⁾.

Нѣкоторые изъ членовъ іерархіи (Тимоѳей, Амвросій, Сильвестръ) не сочувствовали лично предпринятой реформѣ, выска-

¹⁾ Письма къ Вольтеру, стр. 13—24.

²⁾ Гедеонъ любилъ пожить въ свое удовольствіе. Будучи еще архимандритомъ Троицкой лавры, онъ прославился своею роскошью: его гардеробъ съ шелковыми и бархатными рясами занималъ цѣлую комнату; онъ носилъ шелковые чулки и башмаки, брилліантовые пряжки которыхъ стоили до 10,000 р. О немъ говорили: Гедеонъ нажилъ милліонъ. Однажды, во время прогулки, онъ нарочно столкнулъ въ воду извѣстнаго Платона, тогда еще молодого архимандрита, а потомъ отдалъ его двумя лучшими рясами, причемъ далъ ему такой совѣтъ «никогда не сердись, когда шутить съ тобою начальникъ для испытанія твоего характера». Сн е г и р е в ъ, «Р. Арх.» 1866 г., 536—537. Находясь при дворѣ, въ качествѣ проповѣдника, Гедеонъ вполнѣ сжилъ съ этою сферою. См. Чтенія по исторіи русской церкви въ царствованіе Екатерины II, «Правосл. Собѣзд.» 1875 г., № 2.

³⁾ Знаменскій, *ibid.*, № 2, стр. 133. Ср. 106—121.

⁴⁾ Антидогъ Екатерины II, въ сборникѣ «XVIII-й вѣкъ», т. IV, 332.

зываютъ свои жалобы въ перепискѣ, наконецъ заявляли другъ другу о необходимости противодѣйствовать всякому посягательству на ихъ права; но открыто дѣйствовать они не рѣшались. Несмотря однако на такое отсутствіе личной инициативы въ средѣ членовъ іерархіи и опасность въ веденіи этого дѣла, которую сознавали и правительство, и духовенство,—нашлось лицо, которое рѣшилось поднять свой голосъ въ защиту правъ церкви и открыто поставить вопросъ о ихъ неприкосновенности, опираясь притомъ въ своей защитѣ на прерогативы и значеніе духовной власти.

То былъ Арсеній Мацѣвичъ.

Г. Кіевъ.

В. С. Ижонинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИТОМЦЫ МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА,

ПОСЕЛЕНЦЫ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

V¹⁾.

Въ народѣ сталъ ходить говоръ, что имъ гораздо лучше быть государственными крестьянами, чѣмъ питомцами.

Шесть человѣкъ: Николай Онеимовъ, Андрей Гузовъ и Иванъ Николаевъ изъ с. Николаевского, Иванъ Савельевъ изъ с. Александровскаго и др., ежегодно ѣздившіе въ Москву съ извозомъ, послали изъ Москвы прошеніе, отъ имени всѣхъ питомцевъ, министру государственныхъ имуществъ о принятіи ихъ въ свое вѣдомство. Объ этой подачѣ никто изъ питомцевъ не зналъ и такого перечисленія никто не жалелъ, хотя и толковали о немъ. Тѣ, кто подавалъ министру прошеніе, держали дѣло это ото всѣхъ въ секретѣ. Питомцевъ перечислили въ вѣдомство министерства, сократили штатъ служащихъ, подчинили палатѣ государственныхъ имуществъ; но питомцамъ этого не говорили, и они, по-прежнему, считали себя питомцами, съ правами питомцевъ. Отъ прежняго штата служащихъ оставили: управляющаго, писмоводителя, доктора, фельдшера и школьнаго учителя. А чтобъ дома не пропадали, открыта образцовая, какъ ее называли тогда, ферма, первыми учениками которой были питомцы изъ малолѣтковой. Весь штатъ служащихъ оставленъ собственно для фермы, а управляющій, въ отношеніи къ питомцамъ, былъ не болѣе какъ окружный начальникъ. Впрочемъ питомцы видѣли только, что служащихъ стало меньше, но что служащіе—чиновники—существуютъ для нихъ, а они—все тѣ же питомцы, какъ и были.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 457—492.

Въ 1849 году, осенью, получено было министерское распоряженіе, чтобы въ уплату недоимокъ (6,161 р.) производить общественную запашку. Ремлингенъ почему то, боясь возмущенія, скрывалъ отъ нихъ и это. Долги были не на всѣхъ крестьянахъ. Весною 1850 г. Ремлингенъ приказываетъ старостамъ выслать всѣхъ крестьянъ пахать на участокъ № 1, самый дальній отъ всѣхъ деревень. Крестьяне, привыкшіе къ безпрекословному повиновенію, поѣхали. Александровскимъ, маринскимъ и константиновскимъ крестьянамъ нужно было ѣхать чрезъ с. Николаевское. Случайно передъ селеніемъ всѣ съѣхались вмѣстѣ. Въ это время, тоже случайно, встрѣчаются съ ними ѣхавшіе изъ Саратова крестьяне-питомцы—Андрей Мироновъ и Александръ Гавриловъ, изъ с. Константиновскаго. «Куда вы ѣдете съ плугами?»—спрашиваютъ Мироновъ и Гавриловъ.—Пахать на № 1.—«Кто велѣлъ, кому пахать, есть ли приказъ отъ Опекунскаго Совѣта?...» И пошелъ гамъ!... Отстегнули лошадей и послали гонцовъ во всѣ концы: «не ѣздить пахать!» Всѣ разѣхались по домамъ. На другой день мужики собрались къ Ремлингену спросить, что это за запашка? Въ первый разъ въ жизни питомцы услышали, что пособіе давалось имъ не даромъ, что на нихъ есть долги! Сильно это смутило ихъ и опечалило. Тѣ, за кѣмъ не состояло долгу, говорили: «за что же мы будемъ работать, когда за нами долговъ нѣтъ?». Имъ отвѣтили, что тутъ круговая порука. Какая же порука, когда никто не только не поручался, но даже никто не зналъ, что есть долги? Имъ отвѣтили, что министръ велѣлъ—и надобно дѣлать. Одни изъ тѣхъ, за коими считались долги, говорили: «мы завтра принесемъ всѣ недоимки»; другіе обѣщались уплатить въ теченіе года. Но имъ сказали, что министръ приказалъ ѣхать—и паши. Крестьяне не знали, что и дѣлать. Александровскіе крестьяне говорятъ: «намъ ѣхать 12 верстъ: стоитъ ли терять рабочій день изъ 7-ми сажень работи?». Михайловскіе и Константиновскіе: «намъ ѣхать по 14-ти верстъ.... Вѣдь можетъ же случиться такъ, что съ вечеру нарядятъ на работу, а утромъ пойдетъ дождь... мы приѣдемъ на работу, а насъ пошлютъ назадъ,—день и совсѣмъ пропадетъ. И такихъ пропащихъ дней можетъ случиться много. Если уже нельзя не пахать, то дозвольте намъ дѣлать запашки—каждому селенію въ своихъ общественныхъ поляхъ; мы согласны отдѣлать каждый, даже въ собственномъ полѣ, 7 саж. и убирать въ пользу казны». Ремлингенъ сказалъ, что «министръ приказалъ дѣлать запашки общественныя», т. е. всѣмъ обществомъ, а потому и дробить онъ не можетъ; что они должны ѣхать пахать всѣмъ обществомъ, въ одномъ мѣстѣ. Крестьяне сказали: «это намъ прямое раззореніе; такъ работать мы не согласны!»—и разошлись. Пахать не

поѣхали; не поѣхали пахать и на поля Ремлингена. Питомцы тотчасъ поѣхали въ Саратовъ и подали прошеніе губернатору. А Ремлингенъ написалъ управляющему палатою государственныхъ имуществъ. Губернаторъ переслалъ прошеніе Ремлингену и потребовалъ разъясненія дѣла; а управляющій палатою, нѣкто Ходзинскій, пріѣхалъ самъ. Ходзинскій собралъ крестьянъ, вышелъ къ нимъ въ сюртукѣ, тогда какъ питомцы привыкли видѣть начальство въ мундирахъ и со звѣздами, — да и крикнуть на нихъ: «какъ вы...» — да по-русски и хватилъ... Питомцы: «къ намъ почетные опекуны пріѣзжали, да звѣздъ то не скидали, а ты кто такой?». А сзади кто-то и крикнулъ: «это лихачевскій (Лихачевъ, — помѣщикъ ближайшей деревни) псарь!». Ходзинскій взбѣлился, разругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и ушелъ. Разошлись и крестьяне. Ходзинскій говоритъ Ремлингену: «напишите мнѣ, что крестьяне бунтуютъ». Тотъ говоритъ: — да, можетъ быть, еще какъ-нибудь дѣло уладится. — «Вы напишите мнѣ, такъ себѣ, просто, только для памяти». Ремлингенъ написалъ формально, что крестьяне не слушаются и пахать не поѣхали. Ходзинскій донесъ министру, что крестьяне бунтуютъ и не слушаютъ ни управляющаго Ремлингена, ни его. Питомцы послали прошеніе министру; министръ переслалъ его губернатору Кожевникову. Ремлингенъ созываетъ крестьянъ и говоритъ: «вы подавали прошеніе губернатору, — вотъ оно; оно переслано ко мнѣ же. По-вашему сдѣлать нельзя». Едвали успѣлъ Ремлингенъ объяснить дѣло губернатору, какъ пріѣзжаетъ самъ онъ съ прошеніемъ, поданнымъ питомцами министру — созываетъ крестьянъ, говоритъ имъ, что прошеніе ихъ министръ прислалъ ему, и что онъ пріѣхалъ разобрать дѣло. Послѣ того, какъ привывалъ ихъ Ремлингенъ, до пріѣзда Кожевникова, — прошло всего дней пять. Кожевниковъ сталъ, было, разбирать дѣло, но крестьяне не стали и слушать его. Они видятъ одно: подали прошеніе губернатору, губернаторъ возвратилъ его Ремлингену; подали министру, онъ прислалъ его губернатору, а губернаторъ отдалъ опять Ремлингену. Стало быть, Ремлингенъ всѣхъ задарилъ. Нужно, стало быть, послать ходоконъ къ министру, а пожалуй, и къ самому царю. Сколько ни бился съ ними Кожевниковъ, — питомцы твердятъ одно: «мы подавали прошеніе вамъ, вы наше прошеніе отослали сюда же, къ Александру Александрычу (Ремлингену); подали министру, и онъ прислалъ его сюда же. Стало быть, нашу жалобу не принимаютъ. Намъ пытатъ нечего, въ прошеніяхъ все прописано. Спрашивайте теперь Александра Александрыча. Чтѣ въ прошеніяхъ прописано, то мы и теперь скажемъ». Губернаторъ уѣхалъ. Питомцы снарядили ходоконъ въ Петербургъ. Отправлены были Бѣловъ и Шуваликъ. Черезъ мѣсяцъ

Бѣловъ пишетъ: «Братцы! Наше дѣло выгораетъ (т. е. идетъ въ нашу пользу). Вышлите денегъ въ Пензу на купца NN». Выслали денегъ. Мѣсяца черезъ два являются Бѣловъ и Шуваликъ. «Что, какъ?» Оказалось, что ходоки доходили только до Пензы, жили все время на постояломъ дворѣ одного купца и пьянствовали. Питомцы собрались въ степь, призвали туда ходоковъ и порѣшили, было, живьемъ зарыть ихъ въ землю. Уже не знаю, какимъ чудомъ спаслись они. Послѣ долгихъ толковъ порѣшили снова послать опять Бѣлова и еще съ имъ - то, имени его теперь не припомню. На этотъ разъ Бѣловъ дошелъ уже до Москвы, и воротился опять ни съ чѣмъ. Послали Никифора и Варлама-малолѣтка (бывшіе малолѣтки звались малолѣтками во весь свой вѣкъ). Эти дошли до министра Киселева. Министръ принялъ ихъ ласково и общалъ имъ сдѣлать все что возможно.

«Я сдѣлаю,—говоритъ,—вамъ все, что вамъ хочется, только не беспокойте государя. Есть ли у васъ деньги, чтобъ дойти домой?».

И далъ имъ 30 руб. Приходятъ Никифоръ и Варламъ и говорятъ:

— Всѣхъ управляющихъ задарили! Министръ говоритъ: «что хотите, все вамъ сдѣлаю. Вѣкъ останетесь питомцами». «И далъ намъ денегъ, только лишь бы мы не ходили къ царю. Мы хотѣли идти къ царю, и къ царю насъ не допускаютъ. Всѣ задарены.

Вскорѣ пріѣзжаетъ Струковъ для разслѣдованія дѣла. На дѣло онъ взглянулъ глазами Ремлингена и нашелъ, что крестьяне виноваты во всемъ, что они причиною всѣхъ безпорядковъ. У крестьянъ онъ только спрашивалъ, кто подбиваетъ ихъ къ бунту. Крестьяне, конечно, говорили, что они желаютъ всѣ одного и подговорщиковъ у нихъ нѣтъ. Ремлингенъ сказалъ ему, что главный зачинщикъ—Шуваликъ, что у него въ домѣ по ночамъ бываютъ сборища и пишутся просьбы. Струковъ ночью пошелъ въ домъ Шувалика (въ с. Николаевскомъ), сдѣлалъ обыскъ, нашелъ черновыя прошенія и набѣло переписанное новое прошеніе министру; бумаги отобралъ, Шувалика, тотчасъ же ночью, отправилъ въ острогъ, а на другой день уѣхалъ и самъ. Питомцы повѣсили головы. Что дѣлать?—думаютъ они. Надо идти къ самому царю. И отправили Тараса Нефедова и Кузьму Алексѣева. Изъ Петербурга Кузьма Алексѣевъ пишетъ: «пошелъ я къ государынѣ, нду на крыльцо, а государыня сходитъ съ крыльца. Я упалъ на колѣна. Государыня спрашиваетъ меня: «ты что, мужичекъ, кто ты такой?». Я говорю, что я питомецъ изъ Саратовской губерніи. А государыня и говоритъ: «какъ питомецъ? Зачѣмъ же ты по-мужички одѣтъ? Питомцы должны ходить по-барски, вотъ—какъ мы ходимъ. Васъ тамъ обкрадн-

ваютъ, а намъ никто не доноситъ; управляющій вашъ всѣхъ здѣсь задержалъ. Ступай съ Богомъ, все будетъ по-вашему». Получивши это письмо, питомцы возликовали. Но письмо это, почти тотчасъ, было отыскано и взято; губернаторъ отвесилъ къ петербургской полиціи; тамъ розыскали Кузьму и, въ кандалахъ, переслали въ саратовскій острогъ.

Черезъ нѣкоторое время получается распоряженіе министра: «такъ какъ крестьяне запашку считаютъ для себя обременительною, то оставить ее». Объявляютъ крестьянамъ. Крестьяне: «вотъ оно что! Уперлись, такъ и запашка нѣтъ. Да ее министръ то и не велѣлъ дѣлать. Это все Ремлингенъ выдумалъ. Еслибъ министръ велѣлъ, то онъ тогда такъ и сказалъ бы, что министръ велѣлъ, а то тогда не говорилъ ничего, а какъ дошло до министра, то и все кончено». Между тѣмъ министръ вошелъ съ докладомъ къ государю о недоимкѣ. Государь повелѣлъ недоимку сложить. Объявляютъ крестьянамъ, что государь простилъ имъ недоимку. Загудѣли питомцы пуше прежняго: «такъ вотъ оно что, братцы! Какъ дошло дѣло до царя, такъ и недоимку сложили! Да ея и не было! Все это обманъ. Царь просто пишетъ: какая тамъ такая за питомцами недоимка? Нѣтъ за ними никакой недоимки!—Такъ зачѣмъ же мы дрова то возимъ? Не поѣдемъ». И не поѣхали. Возка дровъ дѣйствительно должна была прекратиться тотчасъ по перечисленіи питомцевъ въ вѣдомство министерства; но ихъ заставляли возить. Теперь они не поѣхали. Ремлингенъ доносить департаменту. Министръ дѣлаетъ распоряженіе: «отъ вывозки дровъ крестьянъ освободить и производить ее воспитанниками фермы». Объявляютъ питомцамъ. Взбаламутились питомцы еще пуше прежняго: «За что же мы, братцы, возили 20-ть-то лѣтъ?! Вотъ какъ дошло дѣло до министра, такъ и не велѣлъ возить. Значитъ, насъ заставляли возить, а деньги брали себѣ! Подавать надо министру, чтобъ выдали намъ деньги за дрова за всѣ 20 лѣтъ. А землю то зачѣмъ отняли у насъ Шембергъ (арендаторъ Штейнбергъ)? Землю матушка Марья Ѳеодоровна купила намъ. Нинѣ сама государыня Кузьмѣ сказала, что мы должны жить, какъ господа живутъ: всю землю должны сдавать, а сами работать не должны: должны жить землей. Государыня Александра Ѳеодоровна Кузьмѣ сказала, что насъ грабятъ». Теперь осталось три невыполненныхъ желаній: оставить ихъ навсегда питомцами, отдать, какъ въ первые годы, всю землю и заплатить имъ за вывозку дровъ за 20 лѣтъ. И пошли въ Питеръ ходоки за ходоками! Но ни одинъ изъ нихъ не доходилъ до Петербурга. Всѣ только брали деньги и, гдѣ-нибудь, въ родѣ Пензы—пьянствовали.

Въ это время произошло много диковинокъ. За всю неурядицу эту прежде всѣхъ поплатились Ремлингенъ и служившіе при новоспеченной фермѣ. На собственныхъ посѣвахъ Ремлингена хлѣбъ уродился плохой; питомцы работать оне пошли, не пошли и за деньги; нужно было нанимать рабочихъ издалека, на хозяйскомъ продовольствіи, а его у Ремлингена приготовлено не было; компаніоны,—Зеленко и Мезенкампъ,—паевъ не внесли; хлѣбъ съ полей питомцы стали красть. Слѣдовательно, во чтобы то ни стало, нужно было хлѣбъ убирать. Онъ, дѣйствительно, одинъ, безъ помощи компаніоновъ, убралъ весь хлѣбъ. Но только... всадилъ туда всѣ, имѣвшіяся у него казенныя деньги. Отчетность же тогда была совсѣмъ не та, какъ нынѣ, и денегъ дозволялось держать на рукахъ много. Ремлингенъ и имѣлъ возможность имѣть ихъ много. Всѣ арендаторы земельныхъ участковъ вносили арендныя деньги ему, и крестьяне вносили свои подати ему же. Всѣ, служившіе при фермѣ, и остались безъ жалованья. Кто немного покрупище, тотъ, мѣсяца черезъ три, получалъ по-немногу, а безгласная мелочь, въ родѣ прачекъ, столяровъ не получала цѣлый годъ. Обмолоченный хлѣбъ свозили въ маріинскія общественыя бани; но оттуда весь его покрали. Дровъ заготовить не успѣли. Въ ужасную метель послали ферманцевъ (учениковъ фермы) рубить и вывозить дрова. Тѣ проплутали, перемерали и пропадали съ недѣлю. Въ это время Ремлингенъ изрубилъ и сжегъ общественную баню и мельничную избу. Служившіе при фермѣ были, буквально, и холодны, и голодны. Ремлингенъ, вообще, былъ оригиналъ, во многихъ отношеніяхъ. По примѣру истыхъ нѣмцевъ, онъ любилъ хвастаться незнаніемъ русскаго языка, и всегда писалъ вѣрнѣе, чѣмъ говорилъ. Памяти у него не было ни на полкопѣйки. Ему, на примѣръ, вѣдывается приказать николаѣвскому старостѣ Степану Толстому очистить завтра около конюшни; а въ это время константиновскій староста докладываетъ, что крестьянинъ Бобулька, пьяный, избилъ жену; плотникъ тутъ же говоритъ, что нужно лѣсу, за лѣсомъ ѣхать михайловскимъ. Ремлингенъ и пишетъ карандашомъ на стѣнѣ, въ своемъ кабинетѣ: «повзвать Степана Толстаго, Бобулька избилъ жена, повзвать михайловскаго старосту». Такими замѣтками у него были исписаны, буквально, всѣ стѣны. Является староста Степанъ Толстый, мужичинище здоровенный, неуклюжій, толстый и говорившій густымъ басомъ. Докладываетъ, что пришелъ староста Степанъ Толстый.

— Ты что?

— Да къ вашей милости.

— Зачѣмъ?

- Да я не знай зачѣмъ.
- Чтожь, тебя послалъ чтоль кто?
- Да вонъ Карла (лакей).
- Ты носылалъ?—обращается онъ къ лакею.
- Вы приказали прислать его.

Отправляется Ремлингенъ въ кабинетъ и ищетъ на стѣнахъ, зачѣмъ былъ позванъ Степанъ Толстый, а самъ въ полголоса, про себя, бормочетъ: Степанъ Толстый, Степанъ Толстый... А Степанъ Толстый стоитъ противъ отворенной двери кабинета и ухмыляется. Нашелъ Александръ Александровичъ замѣтку, да забылъ, зачѣмъ звалъ; подумаетъ-подумаетъ, да сквозь зубы и процѣдитъ: «приди завтра!». Докладываютъ: Бобулька пришелъ! Александръ Александровичъ пойдетъ на стѣнѣ искать Бобульку. Нашелъ: Бобулька избилъ жена. Выходитъ: «тебя избилъ жена? Ахъ, ты дуракъ! Да ты бы самъ ея Мужика побилъ баба; хорошенько ея!». Бобулька каналья... «Что дѣлать, Александръ Александровичъ! Грѣхъ такой ужъ, куда ужъ мнѣ бить!». И пойдетъ Бобулька, фыркая въ рукавъ. При такихъ исторіяхъ, бывало, едва удерживаешься отъ хохоту.

Я говорилъ, что, при началѣ поселенія питомцевъ, вдоль всего селенія Николаевского были посажены деревья въ четыре ряда. Ко временамъ Ремлингена они выросли по четверти аршина въ диаметрѣ, и видъ селенію былъ великолѣпный.

Не упомяну теперь хорошенько, но, кажется, въ 1849 году, прѣзжаетъ директоръ департамента сельскаго хозяйства, А. И. Левшинъ. Смотри на деревья, Левшинъ спрашиваетъ Ремлингена: не трудно ли крестьянамъ поддерживать деревья? «Да, ваше превосходительство, очень трудно». И надругой же день, по отъѣздѣ Левшина, велѣлъ порубить всѣ деревья и повывкопать корни. Черезъ годъ Левшинъ прѣзжаетъ опять. Какъ увидѣлъ, что все оголено, такъ и ахнулъ. Первымъ словомъ Левшина, при встрѣчѣ съ Ремлингеномъ, было: «Александръ Александровичъ! Гдѣ деревья то?».—Ваше превосходительство изволили сказать, что крестьянамъ трудно—я и велѣлъ порубить. Возможно ли рубить, когда въ степи каждый кусть дорогъ?...» Но ужъ не воротись.—Есть пословица: на кого Богъ, на того и добрые люди. Такъ случилось и съ Ремлингеномъ. Открыта ферма; ученикамъ должно было читаться сельское хозяйство; обязанность эта возложена на управляющихъ фермою. Но, въ случаѣ не имѣнія ими специальной къ тому подготовки, обязанность эта возлагалась на ихъ помощниковъ, съ платою имъ изъ средствъ управляющихъ, по взаимному ихъ соглашенію. Всѣ помощники были изъ горючкихъ студентовъ. На Маринскую ферму поступилъ помощникомъ А. З. Марковскій. Отъ Ремлингена

онъ потребовалъ, было, вознагражденія 150 р. въ годъ. Но вскорѣ сжалился надъ нимъ и не взялъ ничего. Не такъ поведеть дѣло ветеринарный врачъ М. М. Бурковъ. Онъ потребовалъ лучшаго содержанія скота. Ремлинггенъ, наперекоръ, ухудшилъ. Весною, въ январь, Бурковъ подаетъ рапортъ, что всѣ рабочіе вола больны и употреблены въ работу быть не могутъ. Завязалась и затянулась перениска. И Ремлинггену, и Буркову неприятностей были кучи; но все это кончилось тѣмъ, что Буркова перевели на Самарскую ферму.

Бывшій въ то время управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ Карцевъ и окружные начальники, сперва Златогорскій, а потомъ Шенфъ, безпрестанно пріѣзжали къ крестьянамъ съ увѣщаніями исполнить требованія начальства—подчиниться вѣдѣнію министерства государственныхъ имуществъ. Станутъ окружные толковать съ крестьянами, а крестьяне свое. Окружные, непривыкшіе ни къ какимъ противорѣчіямъ, деспотически обращавшіеся съ прочими казенными крестьянами и грабившіе ихъ, не могли выносить противорѣчій и возраженій питомцевъ, и самыя бесѣды ихъ состояли скорѣе въ приказаніяхъ, чѣмъ въ разъясненіи дѣла. Поэтому, какъ только кто-нибудь изъ крестьянъ начнетъ доказывать свои права и излагать свои требованія, окружный раскричится: «молчать! Бутцовики! взять его!». И несчастнаго сей же часъ везутъ въ острогъ. Однажды пріѣзжаетъ Златогорскій и начинаетъ говорить крестьянамъ. Тѣ молчатъ. «Слышите, что говорятъ вамъ?» Молчатъ. Златогорскій обращается къ одному: «слышишь?». Молчатъ. Златогорскій къ другому, къ третьему..... разошлись, а крестьяне стоятъ, смотрятъ на него, не моргнувъ, и молчатъ. Въ забавномъ положеніи былъ Златогорскій; а надобно знать, что это былъ человекъ нетерпимый ни малѣйшихъ противорѣчій. Наконецъ крестьяне, натѣшившись надъ нимъ, говорятъ: «да какъ же съ вами говорить—то, когда вы каждого, кто говоритъ, берете въ острогъ». Златогорскій побѣдился, что онъ никого не тронетъ, и дѣйствительно никого больше не бралъ.

Питомцы никакъ не хотѣли сдѣлаться государственными крестьянами, но Златогорскій донесъ управляющему палатою Карцеву, что они, пожалуй, уже согласны. Однажды и пріѣзжаютъ: Карцевъ, Златогорскій, помощникъ его В. Д. Пипкинъ, исправникъ Муратовъ и становой приставъ Скурдинъ—открыть сельскую расправу и заставить крестьянъ сдѣлать выборъ сельскихъ начальниковъ. Собрали крестьянъ на площадь къ церкви и долго толковали съ ними. Крестьяне и слушать не хотятъ. Тутъ же стоятъ и бабы, и ребятишки. Наконецъ крестьяне согласились, пошли въ домъ, назначенный для

сельской расправы. Какъ увидѣли это бабы—и заголосили: «куда вы, куда вы?!.. Не ходите, не ходите!». Мужики задумались и остановились. Бабы видятъ, что ихъ беретъ, да и принялись орудовать по-своему: та схватитъ мужина за шиворотъ, другая хватитъ взапой.... крикъ, визгъ!.. Мужики видятъ, что бабья сила—сила великая, что съ бабой ничего не подѣлаешь... постояли—постояли, да и пошли молча по домамъ.

Немного спустя прїѣзжаетъ губернаторъ Кожевниковъ. Кромѣ Барцева и др. чиновниковъ съ нимъ были два жандармскихъ офицера; всѣхъ же ихъ было человекъ 15. Дѣло было зимою. Созвали крестьянъ, и губернаторъ прочиталъ имъ «положеніе о питомцахъ»:

«Господину министру государственныхъ имуществъ.

«Разсмотрѣвъ докладъ вашъ о новомъ устройствѣ Маринской колоніи, учрежденной въ 1828-мъ году изъ питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома, повелѣваемъ:

1-е. Для сближенія поселенъ колоніи съ сословіемъ, къ которому они принадлежатъ, названіе питомцевъ отмѣнить и наименовать ихъ государственными крестьянами. 2-е. Изъ существующихъ нынѣ пяти селеній съ выселкомъ образовать Маринское сельское общество, съ причисленіемъ онаго къ ближайшей волости саратовскаго округа. 3-е. Всѣ тѣ семейства бывшихъ товарищей и малолѣтковъ, которыя нынѣ не имѣютъ хозяйства, или изъ числа настоящихъ хозяевъ, по нерадѣнію или безправію,—должны быть удалены изъ Маринскаго общества и приселены къ многоземельнымъ селеніямъ Саратовской и сосѣднихъ съ нею губерній. 4-е. Настоящаго состава Маринскаго общества (по 50 дворовъ въ каждомъ и выселки изъ 10 дворовъ) не увеличивать и новыхъ не заводить, а къ отведеннымъ каждой селенію и выселку землямъ, по 30 десятинъ на дворъ, прирѣзать въ запасъ, на случай увеличенія народонаселенія, пятую часть; затѣмъ изъ земель излишнихъ часть отдѣлать подъ ферму, а остальную отдавать въ оброчное содержаніе впредь до распоряженія оными по усмотрѣнію. 5-е. Сохраненіе семейныхъ участковъ или раздѣлъ отведенныхъ селеніямъ и выселку земель по душамъ, полагая на каждую по 8 десятинъ удобной и 1 десятинѣ лѣса,—предоставить мѣстному управленію съ утвержденія министра государственныхъ имуществъ. 6-е. Дарованныя въ 1828 году колоніи: а) льготу отъ рекрутства на 40 лѣтъ, со времени водворенія каждаго семейства, и б) освобожденія навсегда отъ питейныхъ домовъ и выставокъ—сохранить для Маринскаго общества безъ измѣненія; равнообразно, сохранить для семействъ, поселенныхъ въ выселкѣ, въ 1849 г. основанномъ, 12-ти-лѣтнюю льготу отъ казенныхъ повинностей; прочихъ же, водворенныхъ въ 5 селеніяхъ, съ минованіемъ для нихъ таковой 12-ти-лѣтней льготы, подчинить въ отношеніи государственныхъ, земскихъ и общественныхъ повинностей и наводненія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ,—одинаковымъ съ государственными крестьянами обязанностямъ. 7-е. Малолѣткамъ и товарищамъ, выселяемымъ изъ Маринскаго общества въ многоземельныя селенія Саратовской и смежныхъ съ нею губерній, предоставить, согласно нашему повелѣнію 16 марта 1828 года, 40-ка-лѣтнюю льготу отъ рекрутства и 12-ти лѣтнюю отъ исправленія казенныхъ повинностей, считая оба сіи срока отъ водворенія каждаго въ свой

домъ; а надѣлъ землями и обложеніе оброкомъ, по минованіи льготныхъ лѣтъ, производить на одинаковомъ со старожилами положеніи. 8-е. Учебную ферму сохранить; но количество отведенной подъ оную земли ограничить такою пропорціею, которую сами воспитанники могутъ обрабатывать. 9-е. Расходы на содержаніе фермы, по утвержденному нами 26 мая 1847 года штату, а также издержки на окончательное устройство Маринскаго общества и на предстоящія изъ онаго выселенія—употреблять изъ запаснаго капитала, въ который обращать, по-прежнему, доходы съ земель и оброчную поземельную подать съ крестьянъ Маринскаго общества; о расходахъ же и остаткахъ сего капитала представлять намъ ежегодно отчетъ. 10-е. Для облегченія крестьянъ при новомъ устройствѣ Маринскаго общества, числящихся на нихъ недоимку, наконившуюся со времени нахождения колоніи въ вѣдомствѣ московскаго Опекунскаго Совѣта и составлявшую—по минувшій сентябрь мѣсяць, 6,161 руб. сер., сложить, а остальную, сколько таковой будетъ состоять по 1-е января 1852 года, разсрочить съ того времени на 10 лѣтъ, по равной части въ каждомъ году.

«Николай».

«С.-Петербургъ, ноября 12 дня 1851 года».

«При подписаніи сего указа Его Императорскому Величеству благоугодно было пояснить 4-й пунктъ онаго тѣмъ, что воспрещеніе новыхъ водвореній хозяйствами относится токмо къ питомцамъ Воспитательнаго Дома, которые уже за симъ принимаемы и поселяемы быть не должны».

«Вѣрно: министръ государственныхъ имуществъ, генераль-адъютантъ графъ П. Биселевъ».

Дѣло было зимой. Всѣ, начиная съ Карцева и кончая мужикомъ, стояли безъ шапокъ, а губернаторъ Кожевниковъ въ фуражкѣ. Прочитавши «положеніе», Кожевниковъ обращается къ крестьянамъ и спрашиваетъ ихъ слышали, что повелѣлъ вамъ государь?».

— Слыхатъ-то слышали, ваше губернаторское благородіе, что вы читали, да только не знаемъ, отъ царя ли это?

Крестьяне хорошо знали, что губернатору нужно говорить—ваше пр—во, но захотѣлось, просто, поглумиться: мы-де мужики, народъ темный, почему мы знаемъ, какъ звать.

«Какъ не знаете, отъ царя ли? Видите: печатное!»

— Да видѣть-то—мы все видимъ, и видимъ, что печатное, да вѣдь у васъ и въ Саратовѣ печатаютъ. Мало ли чего печатнаго.

«Вамъ говорятъ, что отъ государя. Развѣ мы можемъ свое называть царскимъ?!»

— А коли царское, такъ вѣдь царское-то читаютъ—шапочки-то, скидаютъ!

Кожевниковъ, видимо, страшно сконфузился. Онъ не нашелся на это сказать ничего; онъ только крикнулъ и проговорилъ сквозь зубы своимъ густымъ басомъ: «лошадей!».

А мужики: «ну, вотъ оно и вышло, что наша правда! Ступайте-ка голубчики, гдѣ были! Съ Богомъ, братцы; да еще то и не ѣдите!» Дѣйствительно, всѣ тотчасъ уѣхали. Мужики вполнѣ остались увѣренными, что ихъ все обманываютъ.

Вскорѣ прѣѣзжаетъ въ Маріинское сеженіе, въ каретѣ, нѣкто г. Гороховъ, бывший незадолго передъ этимъ управляющимъ саратовской казенной палаты. Созываетъ крестьянъ и говорить: «я—пензенскій губернаторъ и посланъ къ вамъ внушить вамъ.... такъ какъ вы своего губернатора не слушаете....» Но, на бѣду, нѣкоторые крестьяне знали его лично, а... г. Гороховъ ударилъ отъ нихъ съ полнѣйшимъ срамомъ. Горохова къ крестьянамъ никто не послалъ и не могъ послать, какъ человѣка и другаго министерства, и состоявшаго уже въ отставкѣ. Онъ поѣхалъ, было, просто, за крестикомъ.

Не болѣе какъ черезъ мѣсяць, губернаторъ, съ тѣми же чиновниками, прѣѣхалъ опять; но, на этотъ разъ, съ нимъ прѣѣхало и нѣсколько солдатъ съ розгами. Созвали въ большой домъ крестьянъ, привали священника, заставили его прочитать «положеніе о питомцахъ», т. е. то самое, что, передъ этимъ прѣѣздомъ; читалъ имъ самъ губернаторъ,—велѣли сдѣлать внушеніе и увѣрить, что это «положеніе» отъ государя.

Крестьяне говорятъ: «то, что батюшка прочиталъ, это мы уже слышали. Вы докажете только намъ, что это отъ царя, тогда и дѣлу конецъ. Тогда дѣлайте съ нами, что хотите».

— Доказать?... розогъ!!

Положили первымъ крестьянина села Михайловскаго, Герасима Федорова. Онъ былъ увѣренъ, что если онъ сдастся, то сдадутся за нимъ и всѣ; если же устоитъ, то устоятъ и всѣ,—и рѣшился умереть, но не сдаваться. Священникъ ушелъ. Стали сѣчь, и сѣкли ужасно! вполнѣ ужасно!—не торопясь.

Губернаторъ велѣлъ остановиться и спрашиваетъ:

«Будешь повиноваться?»

— Ёшь; собака, мое тѣло, пей мою кровь, а слушать тебя не буду!

«Ну-ко, хорошенько, еще!»

Еще вложили штукъ 100. Губернаторъ опять спрашиваетъ: «будешь ли слушаться?». Герасимъ опять, лежа, отвѣчаетъ: «ёшь, песь, мое тѣло, рви меня на клочки, а слушать тебя не буду!». Нѣсколько разъ останавливались сѣчь и спрашивали, но Герасимъ—одно и то же. Наконецъ его, за-мертво, оттащили въ сторону. Принялись за другаго, за третьяго.. Крестьяне ожесточились, и рѣшились умереть всѣ, но не поддаваться. Пересѣчено было множество, но повиноваться ни-

кто не согласился. Свѣченыхъ развезли по домамъ. Тотчасъ же приѣзжаютъ изъ села Михайловскаго за священникомъ, приобщить засѣченнаго, умирающаго Бориса Иванова. Дорогой кучеръ и говоритъ священнику: «эхъ, кабы Богъ далъ—Борисъ померъ! Сейчасъ бы къ царю, что питомца засѣкли!». Подъѣзжаютъ... у воротъ народу пронасть, дворъ и изба биткомъ набиты, что и пройти трудно. Священникъ входитъ, всѣ разступились. Больной встаетъ, оборачивается спиной къ священнику, поднимаетъ рубашку и стонетъ: «по-дня-ди-ко, ба-тющ-ка, какъ ме-ня из-би-ли!». Дѣйствительно, это была не человѣческая спина, а говядина!—«Причасти меня!». Борисъ изсѣченъ ужасно, но священникъ видѣлъ, что онъ настолько еще здоровъ, что за жизнь его опасаться нельзя. Притомъ онъ хорошо зналъ, что нужно крестьянамъ. Какъ ни жаль чужой шкуры, а своя, все-таки, дороже: тутъ можно запутаться въ дѣло. Отъ мужиковъ отдѣлаться, вѣроятно, какъ-нибудь будетъ можно, а отъ губернатора нелегко. Притомъ священникъ зналъ, что прихожане имѣютъ къ нему полное уваженіе и довѣріе, и говоритъ: «жаль мнѣ тебя, другъ мой, что ты такъ пострадалъ; но я вижу, что ты настолько еще здоровъ, что въ жизни твоей опасаться нельзя. Господь дастъ, ты скоро поправишься. Не дѣлки черезъ двѣ я тебя приобщу, изволь, а теперь какая исповѣдь—ты такъ встревоженъ?».

— Нѣтъ, причасти, а то я умру!

«Не бойся, другъ мой, не умрешь!»

Мужики закричали въ одинъ голосъ:—причасти, батюшка, онъ умретъ. Причасти—мы сейчасъ прошеніе къ царю, что засѣкли.

«Подать прошеніе вы можете и безъ причастія. А я приобщать неопасно-больнаго не могу».

— Нѣтъ, причасти, безъ васъ намъ не повѣрятъ.

«Не могу, братцы. Приобщать изъ-за просьбы—дѣло нехристіанское. Такъ нельзя. Подайте лошады!»

Мужики загородили выходъ.

«Неужто вы думаете, что можно заставить меня приобщать силой? Когда нужно, вы знаете хорошо, что я ѣзжу къ вамъ и по ночамъ приобщать, а теперь не могу. Лошады!».

Священникъ пошелъ изъ избы, мужики нехотя разступились. На дворѣ гамъ, бабы орутъ, мечутся! Лошадь прибрана, и ворота заперты... Дѣло выходило дрянъ! Вѣдь этакъ, чего добраго, доставется и батюшкинымъ бокамъ, да и съ косточками! Священникъ принялъ, насколько былъ въ состояніи, самый хладнокровный видъ и говоритъ: «лошады!». Всѣ умолкли. «Лошады!» Молчатъ. «Вамъ говорю я: лошады!» Подвели лошады, но безъ кучера. Священникъ сѣлъ въ сани, взялъ

возжи и сказали: «отворите ворота!». Не отворяютъ. Одинъ изъ крестьянъ вспрыгнулъ въ сани, ввѣлъ возжи и закричалъ: «отвори! Развѣ вы не слышите, что батюшка говорить?». Ворота отворились.... Ну, и досталось же, вдогонку, отъ дѣтушекъ батюшкѣ! — «И съ господами то вмѣстѣ, и продалъ-то ихъ», и чего-то—чего не накричали! Бабы задали ругань здоровую! Но изъ мужчинъ никто не сдѣлалъ ни малѣйшаго оскорбленія. Они только хотѣли упросить, но не оскорбляя.

Свѣченіемъ губернатора не достигъ ничего, но крестьяне ожесточились до крайней степени. Тутъ только молодой священникъ увидѣлъ, что значитъ ожесточенная масса народа. Священника заподозрили въ сообществѣ съ господами, т. е. съ мѣстнымъ начальствомъ. Онъ говорилъ поученія каждый праздникъ; а въ это время сталъ направлять всѣ свои поученія о повиновеніи властямъ. Мужики и говорятъ: «коль попъ и въ церкви говорить о господахъ, такъ не трогай—однѣ бабы къ нему и ходятъ». И ни одинъ не ходилъ дѣльный годъ, тогда какъ питомцы и были, и до сихъ поръ—народъ весьма ревностный къ церкви. Къ священнику они необыкновенно почтительны. Никѣ даже ни одинъ пьяный не пройдетъ мимо его дому; шапки скидаютъ издали; говорятъ съ нимъ непременно безъ шапокъ. Такъ было и прежде. Въ это же время идетъ, бывало, священникъ по улицѣ; у воротъ стоитъ крестьянинъ: не сниметъ шапки и отворотится. Священникъ очень хорошо знаетъ, что крестьянинъ видѣлъ его и почему отворотился, и говоритъ ему: «здравствуй, Федоръ Петровичъ! Иль не видѣлъ, что я иду?». Крестьянинъ нехотя снимаетъ шапку и говоритъ: «я не видѣлъ васъ».

У питомцевъ до сихъ поръ въ обыкновеніи, на св. Паску, ходить священнику съ иконами по домамъ прикожанъ служить молебны. Носящіе иконы называются богоносцами. Крестьяне села Михайловскаго общимъ совѣтомъ и положили платить попу за молебенъ по семишнику (2 коп.). Приходятъ съ иконами въ первый домъ; хозяинъ, Терентій Дорофеевъ, даетъ 20 к. и говоритъ тихонько: «вотъ вамъ, батюшка, двугривенный, только не говорите никому. У насъ на сходѣ положили давать вамъ по семишнику». Приходятъ во второй дворъ—3 к., въ третій—5. Священникъ и говоритъ богоносцамъ: «ступайте съ иконами домой, въ Николаевское». Не успѣли богоносцы сдѣлать и пяти шаговъ, какъ сбѣжались всѣ крестьяне. Они всѣ глядѣли въ окна и наблюдали, будетъ ли попъ ходить.

— Что вы, батюшка, что вы не хотите ходить у насъ?

— Зачѣмъ вы, братцы, сговорились давать мнѣ по семишнику?

Еслибы у васъ не было денегъ и вы давали бы мнѣ по семишнику, тогда я ничего не сказалъ бы вамъ, и сталъ бы ходить. Но коль скоро вы сговорились, то ходить я не буду.

— Эй, братцы! Давать батюшкѣ, что слѣдуетъ! Если кто не дастъ—отпоремъ на сходѣ!

— За что вы, братцы, сердитесь на меня? Развѣ я въ чемъ виноватъ?

— Нѣтъ, батюшка, вы ни въ чемъ не виноваты. Виновато начальство, да и сами глупы—далеко залѣзали. Пожалуйте, батюшка, будьте покойны, все будетъ, какъ слѣдуетъ.

И дѣло пошло своимъ порядкомъ.

Чѣмъ больше начальство домогалось покорности, тѣмъ сильнѣе возрастала непокорность. Крестьяне ожесточились противъ всѣхъ. Они почитали только царя и себя,—«забитыхъ царскихъ дѣтей». Питомцы и прежде почитали себя царскими дѣтьми, а теперь, въ горѣ, тѣмъ болѣе. Они, дѣйствительно, почитали себя, по ихъ выраженію, третьимъ поколѣніемъ: царь, наслѣдникъ и они. Въ это время идетъ, напр., одинъ ночью по улицѣ; съ нимъ встрѣчается другой.—«Кто идетъ?» Царскій сынъ! «Ну, здравствуй!» И поцѣлуются.....

Вдова Анна Ермолаева Бредушкина—Марѳа Посадница своего рода—въ селѣ Михайловскомъ—была вхожа въ домъ писемоводителя Т. П. Бѣднякова. Тотъ ей однажды и говорить: «зачѣмъ не говорите ничего управляющему, а все подаете прошенія, то къ губернатору, то къ министру? Прошенія вѣдь ваши къ намъ же присылаютъ, чтобы мы сдѣлали по нимъ распоряженія». Бредушкина побѣжала домой, собрала сходъ и кричить: «всѣ закуплены управляющимъ! Всѣ прошенія наши у него въ рукахъ!». И пошла сумятица. Бѣдняковъ грухнулъ не на шутку. Но дѣло обошлось безъ большихъ хлопотъ. Только Бѣдняковъ, послѣ того, не сталъ уже принимать ее въ домъ.

Въ началѣ 1852 г., и именно великимъ постомъ, прислали солдатъ, въ каждый домъ по солдату.

Къ несчастію питомцевъ, все,—и милости, и строгости,—служили ко вреду ихъ. Такъ, хотъ бы теперь: во всѣ селенія и въ каждый домъ поставили по солдату. Эта мѣра, всегда и вездѣ, считается одною изъ худшихъ мѣръ для крестьянъ. Солдаты всегда обращаются съ крестьянами грубо и тѣмъ скорѣе заставляютъ ихъ повиноваться. Здѣсь случилось наоборотъ. Солдаты сразу поняли, что имъ гораздо лучше жить въ деревнѣ, пить даровую водку и ѣсть ячичины, нежели каждый день хватать зуботрещины, въ ученьи, на плацу въ городѣ, и, чѣмъ дольше они будутъ жить, тѣмъ лучше это для нихъ.

Жить же они должны до тѣхъ поръ, пока крестьяне придуть въ совершенное повиновеніе. Солдаты и толковали крестьянамъ: «держитесь своего, ваше дѣло правое». Чѣмъ больше солдаты поддѣлывались къ крестьянамъ, тѣмъ лучше ихъ содержали и больше поили виномъ. Иной кавалеръ и начнетъ размазывать, что онъ «и въ Туретчинѣ былъ, и въ Персіи былъ; и въ Нѣметчинѣ былъ, и Расею всю скрозь шесть разъ прошелъ»; что много онъ видѣлъ питомскихъ и селъ, и городовъ: всѣ «питомцы какъ господа живутъ, лишь получаютъ денежки, да погуливаютъ». Слушаешь, бывало, такіе рассказы и говоришь: «что вы слушаете этихъ мошенниковъ? Они нарочно васъ съ толку сбиваютъ, чтобы вы ихъ больше поили, да подольше бы пожить у васъ».—Нѣтъ, N. N., вы послушайте-ка Федора Маркыча Бѣлоусова, онъ ундеръ. Какъ начнетъ рассказывать, гдѣ онъ бывалъ, да что видалъ,—такъ ужаси! Его всѣ солдаты зовутъ «дядинькой». О солдатахъ крестьяне составили высокое мнѣніе. Что станешь, бывало, говорить, а тебѣ и отвѣчаютъ: «нѣтъ, солдаты-то вотъ говорятъ не то; солдатъ присягу принималъ, онъ не совретъ». Многие изъ нихъ перекумились и даже переженились. Наконецъ военное начальство догадалось, что христовобивные воины дурятъ, что они только дѣло портать, и стало переводить ихъ изъ деревни въ деревню чрезъ каждую недѣлю. Но дѣло этимъ не поправилось.

Спустя мѣсяць по приходѣ солдатъ, пріѣхала слѣдственная коммисія, состоящая изъ шести человекъ, для производства слѣдствія. Главными дѣателями ея были: М. Д. Пипинъ и чиновникъ особыхъ порученій губернатора, N. N. Мѣстный священникъ былъ приглашенъ въ качествѣ увѣщателя. Священникъ, помощникъ управляющаго А. З. Марковскій и ветеринарный врачъ М. М. Бурковъ, хорошо знавшіе питомцевъ, говорили чиновникамъ, чтобы непременно надѣли мундиры, когда призовутъ; но чиновники съ насмѣшкой отвѣчали: «это съ мужиками-то вы хотите заставить насъ церемониться? много чести!». Пипинъ, долго бывшій, до того, въ Саратовскомъ уѣздѣ окружнымъ начальникомъ и привыкшій смотрѣть на мужиковъ какъ на свиней, даже обидѣлся. Совали крестьянъ. Чиновники вышли къ нимъ. Губернаторскій чиновникъ N. N., человекъ еще молодой, принялъ начальственную позу и крикнулъ имъ: «вы бунтуете, не повинуетесь начальству! Мы пріѣхали произвести слѣдствіе. Кто изъ васъ главные бунтовщики, кто подбиваетъ васъ, чтобы вы не повиновались?». Питомцы, бывшіе московскіе фабриканты и видѣвшіе начальство покрупнѣе этихъ господъ, хорошо знали, какъ нужно держать себя передъ начальствомъ; но тутъ, тотчасъ же, стали, кто бокомъ, а кто

и спиной, и показали, вообще, полнѣйшее невниманіе. N. N. и сконфузился, и обидѣлся.

— Слышите, что говорятъ вамъ?—крикнулъ онъ.

— Да мы не знаемъ, кто вы.

— Я чиновникъ особыхъ порученій господина начальника Саратовской губерніи, N. N.!

— А я чиновникъ Z. Z.!

— Ну, а меня-то вы, думаю, знаете,—Пипинъ, M. D.!

— А я.....

И такимъ образомъ отрекомендовались всѣ. А питомцы: «когда вы за дѣломъ пріѣхали, и вправду чиновники, такъ должны быть въ мундирахъ. А то—почемъ знать, кто вы такіе? Въ такихъ-то сюртукахъ много ходятъ, а кто ихъ знаетъ, кто они такіе». Сзади кто-то и крикнулъ: «это любовцевскіе повара!» (Любовцевъ—ближайшій помѣщикъ, хлѣбосоль, имѣвшій пропашть поваровъ, что питомцы, конечно, знали). Другой крикнулъ ему: «а можетъ—лиличевскіе?». Чиновники ужасно сконфузились и повернулись, чтобы идти въ квартиру. Мужики разразились самымъ задушевнымъ хохотомъ. Даведъ Пипина тотчасъ поскакалъ за мундирами. Утромъ чиновники вышли въ мундирахъ, прищѣпками и значки, у кого они были. Питомцы вытянулись въ струнку и говорятъ: «вотъ теперь мы видимъ, что вы чиновники, и извольте спрашивать насъ, что вамъ нужно». Шесть недѣль производилось слѣдствіе. Многіе тотчасъ же, послѣ допроса, взяты были въ острогъ. Питомцы видятъ, что на ихъ доводы не обращаютъ никакого вниманія, стали ходить къ священнику, по ночамъ, за совѣтами. Приходятъ человѣкъ десять и говорятъ: «батюшка! Вы насъ знаете. Вы каждый день бываете при допросахъ и слышите, что говоримъ мы и что говорятъ намъ. Вотъ вамъ бумаги, посмотрите: съ такого-то взяты двойня подати, такой-то вывозъ тройную пропорцію дровъ; въ «положеніи» нѣтъ, чтобы мы пахали на казну, а мы пахали 20 лѣтъ; матушка Марья Θεодоровна купила и отдала всю землю питомцамъ».... Приходилъ народъ отборный, бывшіе москвичи,—народъ чистый, ловкій, умный и великолѣпно, отчетливо говорившій, невольно внушавшій къ себѣ уваженіе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, озлобленный до крайнихъ предѣловъ. Нужна была только маленькая искра, чтобы все взорвалось, какъ порохъ. Священникъ хорошо понималъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Скажи онъ: «да, братцы, вы правы»,—сію минуту не осталось бы въ живыхъ ни одного чиновника и ни одного солдата. Скажи онъ: «вы неправы»,—тотчасъ же убили бы его. Бѣдшаго возбужденія, въ какомъ находились питомцы, быть не могло. Одно неосторожное слово,—и смерть, или ему, или

сотнямъ другихъ. Очень много было такихъ дѣлъ, гдѣ питомцы совершенно были правы и гдѣ начальство совершенно виновато, гдѣ и гг. слѣдователи сильно кривили душой. Но не меньше было и такихъ, гдѣ виноваты были питомцы. Что тутъ было дѣлать? Священникъ держался такого мнѣнія, что если двое ссорятся, то непременно оба виноваты, но только одинъ больше виноватъ, а другой меньше. Чтобы не надѣлать бѣды, онъ и примѣнилъ это правило въ разсужденіяхъ съ депутатами. Прежде всего нужно употребить всѣ силы, чтобы не показать и признака внутренняго волненія, и стараться, чтобы и депутаты были покойны и довольны. Представляютъ, напримеръ, случай, гдѣ явно (и дѣйствительно) виноваты слѣдователи. Нужно было находить такую сторону, въ этомъ дѣлѣ, гдѣ виноваты и питомцы,—развить это и кончить тѣмъ, что виноваты и тѣ, и другіе. Въ другомъ дѣлѣ нужно было оправдать и тѣхъ, и другихъ. И, такимъ образомъ, вертится, какъ на горячихъ угольяхъ, до свѣта!.. На разсвѣтѣ всѣ уходятъ довольными и благодарными. Онъ бьется съ ними цѣлую ночь, и ждетъ—не дождется: когда пройдетъ эта ужасная ночь. Наконецъ ушли, и священникъ перекрестился, какъ никогда, можетъ быть, не крестился до того времени! Священникъ хорошо также зналъ, что у чиновниковъ слѣдственной комиссіи всюду разосланы шпионы, которые слѣдятъ за всѣмъ и за всѣми; что имъ уже извѣстно, что отборные изъ питомцевъ всю ночь пробыли въ его домѣ,—что чиновники знали это, но, конечно, не могли знать, о чемъ онъ толковалъ съ ними; могли почтеть его первымъ подстрекателемъ къ бунту и почтять его честью перваго кандидата на «отдаленныя мѣста». Но уходѣ депутатовъ священникъ излагалъ всю ночную бесѣду на бумагѣ и утромъ вручалъ ее комиссіи, а та тотчасъ же, съ нарочнымъ, отправляла къ губернатору. Можетъ быть, кто-нибудь укоритъ священника и за недостатокъ стойкости и прямоты въ ночныхъ бесѣдахъ? Но пусть тотъ самъ представитъ себя на его мѣстѣ: тутъ были не игрушки, а дѣло жизни, или жиней!.. На слѣдующую ночь тѣ же или такіе же посѣтители, такія же бесѣды, такія же заявленія комиссіи и такіе же гонцы къ губернатору. И эта исторія, изъ ночи въ ночь и изъ дня въ день, цѣлый мѣсяцъ! Днемъ священникъ долженъ былъ находиться при комиссіи, а ночью толковать съ питомцами. Отъ внутреннихъ волненій и отъ бессонныхъ ночей онъ пришелъ въ совершенное обезсиліе.

Однажды утромъ священникъ идетъ въ комиссію, его останавливаютъ и говорятъ: «батюшка! Вы за насъ должны бы заступаться, а вы все на насъ!». Священникъ отвѣчаетъ: «я, братцы, всегда заступался за васъ и не могу не заступаться, по тому даже одному,

что въ этомъ моя личная польза: богаты вы—богаты буду и я; раззорять васъ—раззорюсь и я. Но не могу же васъ оправдывать во всемъ: во многомъ виноваты и вы. Это говорю я вамъ и въ церкви, и у васъ въ домахъ, и у себя, когда вы приходите ко мнѣ за совѣтомъ; но теперь мое начальство велѣло мнѣ выяснить вамъ ваши ошибки и при вашихъ начальникахъ». Потолковавъ въ этомъ родѣ, священникъ отправился въ комиссію. Мужики на улицѣ долго толковали. Явились въ комиссію—узнать нельзя: держать себя дерзко, отвѣчаютъ грубо, а нѣкоторые и совсѣмъ говорить не хотятъ. Что за причина, думаютъ всѣ? Побились-побились, и отпустили всѣхъ до послѣобѣденныхъ засѣданій. Какъ-только пришелъ священникъ домой, къ нему прибѣгаетъ церковный сторожъ Николай Николаевъ: «батюшка! Вы что утромъ говорили мужикамъ, какъ они остановили васъ на улицѣ?».—А что?—«Мужики говорятъ: «держитесь братцы! Священникъ сказалъ, чтобъ мы держались, что наше дѣло правое, а что онъ говоритъ намъ потому только, что ему велитъ говорить его начальство».—Ну, думаетъ священникъ, проболтался.. Не нужно было говорить словъ: велитъ начальство. Сейчасъ же написалъ заявленіе и послѣ обѣда подалъ комиссіи, объяснивши, что было говорено, и какъ перетолкованы слова. Члены комиссіи говорятъ: «помидуйте, батюшка, развѣ мы не знаемъ васъ?!».—Знаете или нѣтъ, это все равно, а заявленіе привяжите къ дѣлу. Послѣ этого священникъ вышелъ къ крестьянамъ, объяснился съ ними, и дѣло опять пошло по-прежнему.

У питомцовъ много жило отставныхъ чиновниковъ, которые подзадоривали ихъ, строчили просьбы и имѣли переписку съ такими же въ Петербургѣ. О каждомъ правительственномъ распоряженіи, прежде, чѣмъ оно придетъ въ Саратовъ, питомцы уже знали впередъ. Точно также они тотчасъ узнавали о каждомъ распоряженіи саратовскаго начальства и иногда успѣвали подавать прошенія въ Петербургъ прежде, чѣмъ распоряженіе было приведено въ исполненіе. Дѣльцы эти днемъ ютились по деревнямъ, на гумнахъ въ соломѣ, а ночью орудовали. Какъ ни старались чиновники изловить хоть одного, но—такъ и не удалось. Только, бывало, чуть шелохнутся чиновники—изъ Николаевскаго скачутъ гонцы во всѣ деревни. Приѣзжаетъ кто-нибудь въ деревню: тамъ былъ сейчасъ сходъ, но теперь уже все въ порядкѣ, всѣ по домамъ и за работой, а присяжный народъ, солдаты, клянутся, что схода не было ни днемъ, ни ночью, и что постороннихъ людей ни души нѣтъ.

Въ началѣ сентября 1852 г. питомцы получили изъ Петербурга увѣдомленіе, что Государь утвердилъ мнѣніе министра государственныхъ

имущество сослать въ Сибирь, дѣлыми семействами, главныхъ бунтовщиковъ. Ремлингень получилъ предписаніе составить имъ списокъ. Кто были главными бунтовщиками и подстрекателями, этого не только не зналъ Ремлингень, но не знали и сами питомцы: они всѣ были равны, что впоследствии и доказалось. Но Ремлингень руководствовался такимъ правиломъ: кто богаче, тотъ вліятельнѣе въ обществѣ, тотъ больше и кричитъ,—значитъ, тотъ и бунтовщикъ. И составилъ списокъ на 48 человекъ, самыхъ богатыхъ.

Къ 14-му сентября въ с. Николаевское присланы изъ Саратова еще 2 роты солдатъ, 50 человекъ казаковъ и 25 конныхъ жандармовъ и изъ окрестныхъ селъ 700 человекъ понятыхъ. 14-го сентября пріѣхалъ губернаторъ Кожевниковъ, управляющій палатою государственныхъ имуществъ Карцовъ, два жандармскихъ офицера, чиновники при губернаторѣ и управляющемъ, исправникъ Муратовъ и становой приставъ Скуридинъ,—всѣхъ опять человекъ 15,—чтобы взять главныхъ бунтовщиковъ. Губернаторъ призываетъ въ домъ Ремлингена священника и говоритъ: «мы должны взять главныхъ бунтовщиковъ. А какъ крестьяне перечислены уже въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ и должны имѣть свое сельское управленіе, то остальные должны избрать изъ среды себя старостъ, добросовѣстныхъ, сборщиковъ податей и прочихъ служащихъ. Передъ выборомъ, такъ какъ эти выборы въ первый разъ въ ихъ жизни, нужно отслужить молебень. Поэтому я пригласилъ васъ попросить отслужить его, когда это будетъ нужно, и прошу васъ быть готовымъ».

На площади, около церкви, разлеглись понятые, кучками разсѣлись солдаты, а чины полиціи поскакали во всѣ концы съ приказами крестьянамъ явиться тотчасъ въ село Николаевское. Но оказалось, что ни одного мужика, ни въ селѣ Николаевскомъ и ни въ одной деревнѣ не было дома. Въ домахъ были однѣ бабы, да ребятишки, а мужики скрылись неизвѣстно куда. Долго размысливали и наконецъ дознали, что всѣ мужики ушли въ степь, въ оврагъ (гдѣ теперь ирудъ фермы)—принимать присягу не выдаваться и не выдавать. Крестьяне поставили на бугру икону: каждый клалъ земной поклонъ, прикладывался къ иконѣ и ѣлъ комъ земли, въ знакъ того, что онъ скорѣе рѣшится дать себя живымъ закопать въ землю, чѣмъ поддаться, или выдать другаго. Приставъ Скуридинъ отправился къ нимъ, но мужики не пошли. Скуридинъ доложилъ Кожевникову, тотъ послалъ его въ другой разъ. Въ другой разъ Скуридинъ сказалъ, что если они не пойдутъ, то солдаты изобьютъ ихъ женъ и дѣтей, заберутъ въ острогъ, а деревни сожгутъ. Мужики двинулись. Жалованная Опекунскимъ Совѣтомъ иконы у каждого

были за пазухою. Иконы были взяты въ той увѣренности, что, при царской награждѣ, ихъ никто не посмѣетъ тронуть. Всѣхъ домохозяевъ было 260 человѣкъ и около того товарищей и малолѣтковъ. Мужики пришли въ Николаевское на площадь къ церкви. Тотчасъ ихъ окружили конные жандармы и казаки. Большимъ кругомъ, въ нѣсколько рядовъ, стали солдаты; за ними, тоже въ нѣсколько рядовъ, понатыно. Офицеры скомандовали солдатамъ зарядить ружья и, на глазахъ крестьянъ, тѣ зарядили. Николаевское, какъ я неразъ уже говорилъ, стоитъ на большой дорогѣ, народу ѣдетъ множество.—прѣзду не стало, и все это сдвинулось. Набѣжало бабъ, ребятишекъ... Народу было—тысячи. Губернатору сказали, что его хотятъ убить, хотя объ этомъ никто и не думалъ. Поэтому онъ торжественно, подъ конвоемъ въ два ряда солдатъ съ ружьями «на плечо», сопутствуемый всѣмъ штатомъ чиновниковъ, вышелъ къ крестьянамъ. Губернаторъ прочелъ распоряженіе о выселеніи и списокъ главныхъ бунтовщиковъ. Изъ всѣхъ крестьянъ повиновались только старосты: села Николаевского—Степанъ Толстый, села Михайловскаго—Семенъ Терентьевъ, села Александровскаго—Хрисанфъ Николаевъ, села Маринскаго—Арсеній Григорьевъ и Константиновскаго—Савинъ Ивановъ. Старосты стояли воиждѣ губернатора. Губернаторъ спросилъ крестьянъ: «кто изъ васъ Иванъ Петровъ? (записанный первымъ въ списокѣ бунтовщиковъ) Выходи!» Тѣ, кои значились въ списокѣ, мгновенно были втиснуты въ средину, а мужики сдѣпились, подъ плечо, рука съ рукою, и составили непроницаемую массу. Губернаторъ спросилъ старостъ: который Иванъ Петровъ? Тѣ указали. Губернаторъ крикнулъ солдатамъ: «взять его!» Человѣкъ десять бросились къ нему, но мужики слились. Пришлось пробивать дорогу къ Ивану Петрову прикладами, и били, конечно, гдѣ попало, ужасно! Мы, какъ посторонніе зрители, стояли на высокомъ крыльцѣ церкви, шагахъ въ 30-ти. Наконецъ солдаты добрались до Ивана Петрова, и вѣпились. Но въ него вѣпились рукъ тридцать мужичьихъ—и не даютъ. Солдаты рвутъ къ себѣ, мужики къ себѣ. Несчастнаго Ивана Петрова вытаскиваютъ на головы къ мужикамъ. Солдаты рвутъ за плечи, за руки, за волосы, за бороду, бьютъ кулаками и прикладами, бьютъ тѣхъ, которые держатъ... Мужики не даютъ. Иванъ Петровъ уже не помнитъ, что съ нимъ дѣлается,—онъ весь избитъ и изорванъ, его ломаютъ во всѣ стороны и враги, и защитники онъ давно готовъ отдаться куда-угодно, но въ него вѣпились десятки рукъ, и не пускаютъ... Но, наконецъ, солдаты вытащили его черезъ головы побитыхъ защитниковъ. Въ крови, избитаго, изорваннаго, въ лохмотьяхъ, совсѣмъ обезображеннаго и едва живаго, его подтащили

къ губернатору. Нелишнимъ нахожу сказать, что Иванъ Петровъ былъ мужчина высокаго росту, умный и красавецъ собой. Сейчасъ его распоясали, связали кушакомъ руки назадъ, усадили на телѣгу и, съ вооруженнымъ казакомъ, отправили въ острогъ. Я забылъ сказать, что было приготовлено 48 подводъ для арестуемыхъ. Принялись за Ивана Николаева. И опять та же самая исторія!.. Потомъ за Николая Панфамирова—и та же исторія!.. Избиты и искалѣчены всѣ до невозможности. Каждаго видернутаго связывали и съ вооруженнымъ казакомъ отправляли тотчасъ,—прежде чѣмъ примутся калѣчить другаго. Предосторожность—вооруженный казакъ—была совершенно излишняя: на дорогѣ отбивать арестанта было некому, питомцы были всѣ въ Николаевскомъ, а самъ арестантъ былъ не въ силахъ не только бѣжать, но и, просто, сидѣть какъ слѣдуетъ. Каждаго, скорѣе, нужно было провожать съ фельдшеромъ, чѣмъ съ казакомъ. И такъ повыдергали до послѣдняго. Питомцы сдержали свою клятву: едва держась на ногахъ сами, не выдавали безъ борьбы до послѣдняго, хотя хорошо могли уже видѣть, что эта борьба не имѣла смысла и въ самомъ началѣ, а къ концу и тѣмъ болѣе. И такъ главныхъ бунтовщиковъ взяли, остались одни неглавные! Но представьте, что это за люди—оставшіеся! Это куча мужиковъ, челоѣкъ около 500, осунувшаяся, полуумная, оборванная, растрепанная, вся въ крови и въ какомъ-то опьяненіи и педсумѣвающая, что съ ней было сейчасъ, и что будетъ дальше! Въ сторонѣ стоитъ другая, такая же куча, челоѣкъ въ 50, тоже оборванная, растрепанная, въ крови, но бодрая и охорашивающаяся — это доблестные воины, завоевавшіе 48 бунтовщиковъ. Какъ-только увезли послѣдняго изъ главныхъ бунтовщиковъ, губернаторъ крикнулъ: «въ церковь, къ молебну!». Мужики встрепенулись. Никто не догадался сказать мужикамъ до этого, что будетъ значить этотъ молебенъ,—что онъ не больше какъ молебенъ передъ выборомъ сельскаго начальства; между тѣмъ мужики подумали, что ихъ заставятъ теперь принимать «присягу на государственныхъ крестьянъ», т. е. крестьяне подумали, что ихъ теперь заставятъ отказаться отъ питомскихъ правъ. согласиться сдѣлаться государственными крестьянами и, въ знакъ полнаго на то согласія, принять присягу. Но похоронить навѣчно, для себя и дѣтей своихъ, права и льготы питомцевъ они и не думали. Они давно уже рѣшились умереть за нихъ—и неразъ, какъ и сейчасъ, доказали это. На слова губернатора они не двинулись съ мѣста. Солдаты погнали ихъ прикладами. Да, солдаты прикладами погнали крестьянъ въ церковь молиться Богу!.. И кого погнали? Обезображенную, изуродованную, оборванную, всю въ крови и обез-

смысленную толпу—и... молиться Богу!.. Хорошо это было дѣлано, или нѣтъ, разсуждать—не моего ума дѣло, но смотрѣть на все это—было больно. Я совершенно увѣренъ, что объясни имъ, какъ слѣдуетъ, зачѣмъ велятъ идти имъ въ церковь,—они пошли-бы безпрекословно; но ихъ, кажется, хотѣли, просто, переломить, поставить на своемъ—и больше ничего. И будто не могло обойтись безъ этой грустной церемоніи—молебна?.. Въ церковь погнали... Но представьте себѣ ту картину, когда гонять стадо овецъ въ воду: переднія не идутъ, упираются, падаютъ, а заднихъ бьютъ и напираютъ на нихъ. Мужики рванутся въ сторону, но имъ тотчасъ загородятъ дорогу и погонятъ назадъ; рванутся въ другую,—ихъ погонятъ и оттуда, и все это кулаками по рылу и прикладами гдѣ—попало! Кровь ручьями полилась снова! А сзади: ребятишки визжать, бабы кричать, зашумѣли и поняты!.. Но, къ счастью, понятыхъ скоро уняли. Бабы не выдержали и принялись работать: кто кирпичемъ, кто полѣномъ, кто чѣмъ—попало, —все полетѣло въ чиновниковъ и солдатъ. Исправнику Муратову досталось больше всѣхъ: осколкомъ кирпича его сшибли съ ногъ и до крови процпибли голову. Вокругъ губернатора и другихъ была большая куча солдатъ. Крестьянъ совѣмъ измяли. Наконецъ обхватили крѣпкимъ кольцомъ изъ солдатъ и двинули въ церковь. Какъ-только священникъ подошелъ къ аналою, чтобъ служить молебенъ, всѣ—и мужики и бабы—закричали: «убейте всѣхъ насъ здѣсь, а присягать не будемъ»—и упали всѣ на землю. Долго пришлось священнику ходить между лежавшими и говорить имъ, что это не присяга, что это будетъ молебенъ предъ выборомъ добросовѣстныхъ и старость, что льготные питомскіе годы прошли уже давно и что они, хотять-ли или не хотять, а государственными крестьянами быть должны.... Губернаторъ глядѣлъ и молчалъ. Мужики встали. Въ двѣ-три минуты отслуженъ былъ молебенъ; губернаторъ и чиновники подошли ко кресту, но мужики стоятъ. Немало опять пришлось говорить съ ними священнику. Наконецъ одинъ подходитъ, съ выраженіемъ отчаянной рѣшимости, крестится и говоритъ: «ну, что моей душѣ ни будетъ, я подойду». За нимъ подошли и остальные. Какъ-только подошли, всѣ подступили къ священнику: «батюшка! Заступись хоть ты за насъ! Насъ теперь забьютъ».

— Братцы! За что же васъ станутъ бить? Вотъ васъ били, когда вы не слушались; теперь, когда вы будете слушаться, васъ никто не тронетъ, я вамъ порукой.

«Нѣтъ, теперь насъ забьютъ».

Священникъ подходитъ къ губернатору и говоритъ: «ваше превосходительство! Увѣрьте ихъ, что вы не тронете ихъ». Губернаторъ

подходить къ мѣстной (въ иконостасѣ) иконѣ Спасителя и говорить: «вотъ вамъ икона святая порукой, что я не трону васъ!».

Губернаторъ немного поговорилъ съ крестьянами и ушелъ, за нимъ ушли чиновники и солдаты; священникъ пошелъ въ алтарь снять облаченіе, но народъ не выходилъ. Какъ-только священникъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ, чтобъ идти домой, весь народъ подступилъ къ нему и завопилъ: «зачѣмъ ты пустилъ губернатора въ церковь? Ты заперъ бы церковь, да и ушелъ; тебѣ губернаторъ не начальникъ, твой начальникъ архіерей!..».

— Что же, васъ повезли въ острогъ, а мнѣ впереди васъ ѣхать?

— Твой начальникъ архіерей; губернаторъ тебѣ ничего не можетъ сдѣлать! Подай намъ золотыя грамоты нашей матушки Марьи Θεодоровны, онѣ лежали въ церкви на престолахъ, ты ихъ господамъ продалъ!...

— Да вы видѣли ихъ? Говорите: кто видѣлъ золотыя грамоты Марьи Θεодоровны на престолахъ? въ алтарь вы всѣ ходите?

— Видалъ—не видалъ, это все равно, —онѣ тамъ были.

— Нѣтъ, не все равно... Но дальше говорить и доказывать не дали: поднялся крикъ, бабы заголосили, всѣ кричали, махали руками, дошли до неистовства! Кажется, все перекипѣвшее зло хотѣли выместить на священникѣ. Но бабы... охъ, бабы-бабы! Совсѣмъ, было, разорвали. Одна баба, стоявшая впереди съ ребенкомъ на рукахъ, глядитъ на него, тычетъ рукой въ глаза священнику и голоситъ: «батюшка, Ванюшка! Погубилъ, тебя песь-отъ, погубилъ, голубчикъ мой, погубилъ!». Ужъ нечего грѣха таить: дѣтушки задали батюшкѣ встряску! Измѣни онъ, хоть на волосъ, своему хладнокровію, или уйди въ алтарь, только-бъ ему и жить. Лежать бы ему, праведному Захаріи, между церковію и алтаремъ. Чудомъ какимъ-то спасся онъ, что его не разорвали. Но онъ стоялъ такъ, какъ-будто дѣло шло не объ немъ, какъ-будто онъ былъ совсѣмъ постороннимъ зрителемъ. Хотя въ душѣ у него совсѣмъ не такъ было покойно, хотя онъ каждое мгновеніе ждалъ, что вотъ-вотъ кто-нибудь хватить. Всѣ неистовствовали, а ихъ было около 2,000 человекъ! Но, однакоже, никто не тронулъ пальцемъ. Наконецъ, мало-по-малу, успокоились и ушли.

На другой день, по взятіи, такъ называемыхъ, главныхъ бунтовщиковъ, должны были быть взяты въ острогъ ихъ семейства. Семейнымъ дозволено было, въ ночь, продать все свое имущество, кромѣ домовъ. Вотъ тутъ-то кумовьки и явились на помощь. Иной голоситъ: «ма-туш-ки ку-муш-ки! Вѣдь у тебя все пойдетъ за-безацѣнокъ, все такъ пропадетъ,—давай я все продамъ исподоволь и вышлю тебѣ деньги—куда напишешь», а самъ, смотришь, натеръ глаза лукомъ.

Нѣкоторыя успѣли кое-что за-бездѣнокъ продать, а другія все оставили кумонькамъ. Но у этихъ кумоньковъ такъ все и пропало. Нѣкоторые кумоньки захватили дома по два и по три. Можно-бъ указать, кто глаза натиралъ лукомъ, чтобъ вызвать слезы, и на тѣхъ, кои, несмотря на многія письма сосланныхъ, не выслали имъ ни гроша; но Господь суди ихъ, а не я!

Все, что ни дѣлалось съ несчастными, по самому рожденію, питомцами, и добраго, и худаго,—все служило ко вреду ихъ. За возмутительное письмо, присланное изъ Петербурга Кузьмой Алексѣевымъ, опредѣлено прогнать его сквозь строй. Наказать волѣно было на мѣстѣ жительства, чтобъ крестьяне знали, что то, что писалъ онъ имъ, было ложно, и какъ наказываютъ за ложныя, возмутительныя письма. Изъ острога его привезли въ селеніе Николаевское. Неправляющему должность управляющаго, А. З. Марковскому, и офицеру, командовавшему солдатами, не хотѣлось срамить несчастнаго, заблуждавшагося мужика и наказывать его на площади, среди селенія, по которой безпрестанно проѣзжаютъ тысячи народу, и они нашли лучшимъ наказать его позади селенія, за нынѣшнимъ училищнымъ магазиномъ. При этомъ офицеръ шепнулъ солдатамъ, чтобъ были легче. Какъ-только Кузьму провели одинъ разъ, мужики и заорали: «вотъ видите, братцы, какъ насъ обманываютъ! Еслибъ наказывать-то въ самомъ дѣлѣ велѣлъ царь, то не стали бы прятать по гумнамъ (мѣсто это позади гумень), а наказывали бы на площади. А то они боятся, какъ бы тамъ кто не проѣхалъ да не донесъ царю, что питомца наказывали. Да и бить-то стали бы не такъ. Офицеръ Кузьмѣ не братъ, ему нечего жалѣть его». Офицеръ испугался, да и крикнулъ солдатамъ: «ну-ко, ребята, проберите хорошенько!» Дѣйствительно, послѣ этого и пробрали! Кузьма былъ наказанъ такъ, какъ, вѣроятно, немногихъ наказываютъ.

Всѣ, и самые обыкновенные, случаи питомцы перетолковывали въ свою пользу. Вскорѣ по взятіи главныхъ бунтовщиковъ, Ремлингенъ, послѣ кратковременной болѣзни, померъ. Приѣхалъ пасторъ, совершилъ обрядъ погребенія въ его квартирѣ; заколотили гробъ и отвезли на кладбище. И скорая смерть, и то, что заколотили гробъ,—произвели много толковъ. Одни говорили, что онъ принялъ яду, боясь, чтобъ царь не повѣсилъ его за питомцевъ, другіе же—что гробъ забить пустой, а что самъ онъ бѣжалъ.

Я говорилъ, что Ремлингенъ поступилъ безумно, когда составлялъ списокъ главныхъ бунтовщиковъ, записавши туда самыхъ богатыхъ. Онъ думалъ, что оставшіеся будутъ говорить; коли богатыхъ не пожалѣли, то насъ не пожалѣютъ и вовсе,—и смирятся. Но оказа-

лось; что бѣдняки заговорили: «богатымъ было чтò жалѣть, а намъ все равно, вези—куда хочешь. Бунтовали и въ Гариновѣ, а какъ царь узналъ, такъ далъ и земли, и всего еще больше того, чтò тамъ было. Такъ и теперь: еще не знай, чтò будетъ, когда царь-то узнаетъ!» И стали собираться все поголовно. Причиною къ такой поголовщинѣ, между прочимъ, послужило и то, что хотя губернаторъ и служилъ молебень предъ выборомъ старостъ, а старостами-то поставили отставныхъ солдатъ. Эти инвалиды должны были жить у крестьянъ до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не смирятся,—съ жалованьемъ 120 р. въ годъ. Въ то время у насъ продавались: пшеница по 40 к. асс. (11½ к.) за пудъ, рожь 20 к. (7 к.), овесъ 1 р. 75 к. (50 к.) за четверть, говядина по 10½ к. (3 к.), баранина по 2 к. (½ к.) за фунтъ. Стало быть, солдату съ жалованьемъ 35 р. асс., съ начальнической властію и, конечно, со взятками,—была широкая мясляница. Ихъ личная польза заставляла ихъ раздражать крестьянъ, и потомъ, доносить и выставлять ихъ бунтовщиками, чтобъ дольше жить между ними. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Мелкихъ случаевъ было множество, но я скажу про одинъ, болѣе другихъ, выдающійся. На храмовой праздникъ Иокровъ (1-го октября), когда пьяны и мужики, и бабы, въ с. Маринское прѣзжаетъ староста-солдатъ изъ с. Николаевского. Онъ приходитъ въ одинъ домъ и спрашиваетъ хозяйку дома, гдѣ ея мужъ. А мужъ ея былъ отправленъ обществомъ въ Петербургъ подавать прошеніе, вмѣстѣ съ другими одиннадцатью крестьянами. Та отвѣчаетъ, что она не знаетъ, гдѣ теперь ея мужъ. Солдатъ расходился: «бунтовщики, царю не покоряетесь, начальства не знаете!...» Хозяйка была баба озарная. Въ это время она держала на рукахъ ребенка,—швырнула имъ въ солдата, выбѣжала на улицу, да и заорала: «солдатъ ребенка убилъ, солдатъ ребенка убилъ! Батюшки, заступитесь!» Заступились бы, конечно, за всякую, а тутъ убить ребенокъ х о д о к а! Мигомъ сбѣжались пьяные мужики—видятъ, что ребенокъ валяется и зѣваетъ,—да и ну—чѣмъ и во чтò попало! Одинъ изъ болѣе благоразумныхъ видитъ, что дѣло плохо, побѣжалъ за бывшимъ старостой Арсеніемъ Григорьевымъ, чтобы тотъ отнялъ. Тотъ прибѣжалъ и закричалъ: «братцы! Что вы гдѣ бьете его! Ведите его къ рѣчкѣ, да тамъ его и валяйте!» Взялъ и вывелъ его на улицу и поставилъ къ воротному столбу. На глазахъ сотенъ народу никто тронуть его не посмѣлъ. Между тѣмъ Арсеній тихонько велѣлъ скорѣе подать лошадь. Какъ-только подали лошадь, солдатъ бросился на нее и поскакалъ въ Николаевское. Одиннадцать человекъ мужиковъ бросились за нимъ верхомъ вдогонку. На поймѣ,

недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь находится водяная мельница. одинъ крестьянинъ с. Идолги молотилъ хлѣбъ. Въ этомъ мѣстѣ мужики догнали солдата и приняли не въ кулаки, а уже въ цѣпы... Полуживаго повезли назадъ въ Маринское—добивать. Везутъ солдата по селенію; народу, и все пьянаго, пропасть. Кто-нибудь подходитъ къ солдату и спрашиваетъ: «ты знаешь, какъ меня зовутъ?». Солдатъ знаетъ и стонетъ: «знаю—Петръ Ивановичъ».—Нѣтъ, я не Петръ Ивановичъ, а Митрій Митричъ,—и бадъ кулакомъ въ рыло. Такъ и другой, и пятый, и десятый. Но пока еще не довели его до назначеннаго мѣста, выискался одинъ добрый и вліятельный чело­вѣкъ, уговорилъ мужиковъ отложить это дѣло, до завтра и взялъ его къ себѣ на руки, съ клятвою, что сбережетъ его; но ночью отвезъ его въ Николаевское. Впослѣдствіи этихъ одиннадцать чело­вѣкъ прогнали сквозъ строй, а многихъ другихъ перепороли. Вообще, отношенія солдатъ-старостъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ солдатамъ—были таковы.

За первымъ вывозомъ въ Сибирь потянулись и остальные. Грустно-тяжело было смотрѣть, какъ мужичекъ, убитый горемъ, стоитъ передъ домомъ на улицѣ и сколачиваетъ свою тележку для дальней и невѣдомой дороги; а жена, или тоже въ слезахъ, или озлобленная, натягиваетъ холстину на обручи, чтобы сдѣлать что-нибудь похожее на кибитку. чтобы приютить своихъ дѣточекъ отъ дождя и непогоды! Рядомъ съ нимъ сосѣдъ—тоже, рядомъ и дальше—тоже. Спросишь, бывало: «куда вы, братцы, собираетесь? Вѣдь добрые люди пахать ѣдутъ».

— Ну, и пусть ихъ папуютъ, кому надо, а намъ ужъ не пахать, а нападемъ, такъ не сжать.

«Да, васъ вѣдь, братцы, никто не трогаетъ, и живите себѣ, какъ жили. Тутъ вы все за-безцѣнокъ продадите. А куда ушлеть, того вы и сами не знаете. Можетъ быть, туда, гдѣ земли-то нѣтъ, одни лѣса да болота, а народъ все чужой. И теперь, и дорогой раззоритесь, и тамъ надобно будетъ все покупать, а на что покупать? Такъ и пропадете».

— Государева земля не-клиномъ сошла. Вездѣ люди живутъ. У насъ и здѣсь ни отецъ, ни мать: намъ все равно, вези куда хочешь.

Только первое выселеніе, послѣ побоища, было насильственное: остальные выселились не по доброй волѣ. Мѣстное начальство всѣ силы употребляло, чтобы остановить крестьянъ, но они не хотѣли и слушать. Не слушали и никакихъ приказаній. Остатся пожела­ли очень немногіе. Нѣкоторые, проѣзжая мимо дому священника, заходили къ нему проститься и, послѣ его убѣжденій, воротились назадъ; другіе возвращались, не доѣзжая до Саратова. Но, по выѣздѣ изъ

Саратова—возвращаться уже не дозволялось. Въ Саратовѣ составлены были окончательные списки и назначены пункты переселеній. Изъ 260 выѣхало 195. Происходили раздирающія душу сцены, когда разставались родители съ выданными въ замужество дочерьми, прощаясь на вѣки! Сколько воплю, сколько плачу, сколько потрясающихъ душу рыданій! Тяжело было смотрѣть, особенно, когда хорошо знаешь, что все это народъ—добрый, честный, простой и приведенный лишь въ заблужденіе.

Всѣ они расселены были по Тобольской, Пермской и, преимущественно, Вятской губерніямъ, но такъ, что не поселено вмѣстѣ и двухъ семействъ.

Опустѣвшіе дома замѣщены товарищами и малолѣтками. А такъ какъ товарищей и малолѣтковъ было больше, чѣмъ домовъ, то бездомовыхъ причислили къ обществу саратовскихъ мѣщанъ. Всѣмъ водвореннымъ выдали пособія 20 р. безвозвратно и 20 р. съ возвратомъ. Одни брали по 20, другіе по 40 р. Но съ бравшихъ по 40 рублей—20 не взымали, такъ они и остались за ними. Имъ дали 12-тилѣтнюю льготу отъ повинностей. Люди, работавшіе прежде на хозяевъ изъ-подъ палки, а потомъ ходившіе по работникамъ и кучерамъ, теперь стали хозяевами. Пока пользовались льготными годами, хозяйство еще шло, но когда эти года миновали, то, по крайней мѣрѣ на половину, хозяева эти оказались очень плохими. Все, что казалось имъ лишнимъ—а лишнимъ казалось имъ все, кромѣ избы—они тотчасъ стали продавать на уплату податей и жечь все безъ милосердія. Человѣкъ, не строившійся на свои трудовыя деньги и получившій все даромъ, не зналъ и цѣны вещамъ. Хорошій заборъ или лѣстницу изъ полубрусинъ онъ или рубилъ на дрова, или продавалъ за безцѣнокъ. По минованіи льготныхъ лѣтъ, многіе стали продавать дворовыя постройки на уплату податей. Въ первый годъ продастъ конюшню, во второй—амбаръ, въ третій—заборы, сѣни.. Нѣкоторые остались съ одной—единственной избой. Неостанетъ хлѣба—уѣдутъ къ кувыкскимъ крестьянамъ. Тѣ на свою руку никогда не клали охулки: дасть муки и шена рубля на три, да и возьметъ кругъ (въ 6 десятинъ) земли. Бились-бились такіе хозяева, и стали продавать все хозяйство — и домъ, и землю, лишь-бы жить, какъ птица небесная. Посторонній крестьянинъ покупалъ: домъ со всѣми постройками (а нѣкоторые уберегли почти всѣ постройки), навсегда, и землю, на 12 лѣтъ,—за 100 и много-много за 150 р., тогда какъ одинъ домъ стоилъ 400—500 р. Хозяинъ этотъ радъ, что избавился отъ обузы работать и списывать подати, что онъ опять сталъ вольной птицей, да еще съ капиталомъ, какого ему сроду не приводилось и во снѣ ви-

дѣтъ. Своимъ однообщественникамъ-хозяевамъ, не довольствовавшимся своимъ надѣломъ, или дѣтямъ, отдѣлявшимся отъ семействъ отцовъ, —они продавали за эту цѣну и дома, и земли навсегда. Во Владиміровкѣ и с. Маринскомъ два дома съ землей навѣчно проданы даже по 25 р. только. Теперь цѣна нѣсколько повысилась, и дома продаются рублей по 300, хотя цѣна эта далеко не нормальная. Въ настоящее время такіе плохіе хозяева всѣ повывелись: изъ питомцевъ остались только хорошіе, а тѣ замѣнились прибывшими изъ другихъ обществъ. Нельзя не сказать къ чести крестьянъ, что между ними есть очень хорошіе хозяева, засѣвающіе десятины по 100 и имѣющіе рабочихъ лошадей штукъ по 15—18.

Г. Саратовъ

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ДЗЮБЕНКО.

Полувѣковая служба за Кавказомъ.

1829—1876.

Печатая на страницахъ «Русской Старины» «Воспоминанія В. А. Дзюбенко», мы пополняемъ пробѣлы въ «кавказской литературѣ» нашего изданія. Донынѣ статьи, до Кавказа относившіяся, касались исключительно таинственной боевой жизни и военной службы; теперь по «Воспоминаніямъ В. А. Дзюбенко» читатели имѣютъ возможность ознакомиться со службою гражданскою и со всѣми измѣненіями, которымъ подвергалась административная часть въ областяхъ закавказскихъ съ 1829-го по 1876-й годъ, т. е. въ теченіе почти полувѣка.

Авторъ «воспоминаній» медленно возвышался по ступенямъ гражданской чиновной іерархіи, ограничиваясь скромною точкою зрѣнія исполнительнаго подчиненнаго, довольствуясь тѣснымъ кругозоромъ, ограниченными личными его отношеніями къ начальствующимъ лицамъ. Перо автора, изощренное составленіемъ дѣловыхъ бумагъ, чуждо притязаній литературныхъ. Характеристику бывшихъ своихъ начальниковъ авторъ очерчиваетъ, основываясь на личныхъ своихъ отношеніяхъ къ нимъ; степени ихъ доброты или благорасположенія къ автору служатъ ему мѣриломъ ихъ душевныхъ качествъ. Съ другой стороны, герои Эривани, Дарго, Карса и Гуниба, по ихъ неопытности въ гражданскихъ дѣлахъ, возбуждаютъ въ авторѣ чувство недоумѣнія, и онъ, не безъ irony, приводитъ случаи промаховъ военныхъ генераловъ въ совершенно чуждой для нихъ бюрократической сферѣ.

Анекдоты, приводимые авторомъ, не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей правдивости; они многими чертами дополняютъ характеристику Паскевича, Головина, Воронцова и Муравьева... Нѣкоторые факты въ простодушномъ разсказѣ автора, безъ всякихъ толкованій и поясненій, говорятъ сами за себя. Напоминаемъ читателямъ, что «Воспоминанія В. А. Дзю-

бенко» не исторія; его отзы́вы о правителяхъ Кавказа, въ особенности похвалы, расточаемыя нѣкоторымъ изъ нихъ—не приговоръ потомства; но они составляютъ полезный матеріалъ для исторіи Кавказа—ихъ можно назвать документальными свидѣтельскими показаніями (pièces justificatives) для суда исторіи и потомства.

Согласно правилу—разъ и навсегда нами принятому—печатая «воспоминанія», мы оставляемъ во всей неприкосновенности собственныя мнѣнія автора, предоставляя, съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ, страницы «Русской Старины» его сослуживцамъ и современникамъ для ихъ возраженій и опроверженій.

Ред.

I.

Путевыя впечатлѣнія отъ Полтавы до Тифлиса.—Тифлисъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.—Начало службы.—Ревизія сенаторовъ кн. Кутайсова и Мечникова.—Холера.—Графъ Паскевичъ Эриванскій и турчанка.—Докладъ чиновника Пилипейки.—Повышка табаку изъ табакерки Ермолова.

1829—1831.

Памятенъ мнѣ 1829-й годъ, годъ пріѣзда моего на Кавказъ. У меня съ 15 лѣтъ начала кружиться голова отъ различныхъ разсказовъ о Грузіи и о преимуществахъ тамошней службы,—и вотъ, едва исполнилось мнѣ 17 лѣтъ, какъ я рѣшился осуществить мечты моего дѣтства. Пославъ куда-слѣдуетъ просьбу о желаніи служить за Кавказомъ, я былъ вызванъ туда виѣстѣ съ другими тремя товарищами. Когда наступило время отъѣзда, нужно было много мужества, чтобы не тронуться горькими слезами старушки-матери моей, видѣвшей во мнѣ единственную опору для поддержанія разстроеннаго хозяйства. Мать измышляла всѣ средства для отклоненія моего намѣренія, но, несмотря на всѣ ея убѣжденія, я всетаки остался непоколебимъ, и, получивъ отъ казны небольшое пособіе, 13-го іюня 1829 года отправился съ товарищами въ путь, сначала на обывательскихъ, а потомъ на почтовыхъ.

Слѣдуя чрезъ Новомосковскъ и Ростовъ, не безъ нѣкоторыхъ опасеній переправились мы на каикѣ чрезъ рѣку Донъ, тогда въ большомъ разливѣ отъ половодья; переѣхали мы землю войска Донскаго и, наконецъ, достигли Кавказской ливніи. Тутъ представилась новая, невиданная нами картина: на разстояніи каж-

дыхъ пяти верстъ казачьи пикеты и безпрестанно встрѣчавшіеся вооруженные всадники; это, какъ мы узнали послѣ, были, такъ называемые, казачьи развѣзды. Ихъ устранивали на четырехъ высокихъ столбахъ, въ видѣ голубятни, покрытой камышомъ, гдѣ, на самой верхней части, всегда находился часовой для постояннаго наблюденія за шайками горцевъ; остальные же конные казаки, не менѣе трехъ человѣкъ на каждомъ пикетѣ, готовы были, при первой опасности, дать сигналъ слѣдующимъ пикетамъ, выстрѣлами, или, ночью, посредствомъ особыхъ соломенныхъ маяковъ. Развѣздныя команды и дистанціонные начальники смущали насъ и наводили страхъ своими разсказами и предупрежденіями объ угрожающей опасности со стороны горцевъ. Подъ такимъ тревожнымъ настроеніемъ мы добрались до города, или, скорѣе, до укрѣпленія, Георгіевска, замѣчательнаго только по убійственному тогда климату и по кладбищу «коллежскихъ ассесоровъ»¹⁾, — а потомъ и до станицы Екатеринограда. Это былъ послѣдній пунктъ, куда мы могли слѣдовать по собственному усмотрѣнію; отсюда же начинался иной порядокъ движенія, то есть — подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ, которое называлось «оказіей» и назначалось одинъ только разъ въ недѣлю. Дождавшись опредѣленнаго дня, мы, не безъ тревожнаго состоянія, въ числѣ многихъ другихъ пробъжавшихъ, поступили въ распоряженіе начальника «оказіи», состоявшей изъ сотни казаковъ и человѣкъ 50-ти регулярнаго войска, при двухъ орудіяхъ, — и, такимъ образомъ, отправились по живописной, хотя и опаленной знойнымъ солнцемъ, кабардинской мѣстности до города Владикавказа. Пространство, кажется, очень невелико, всего верстъ 100, но мы тащились чуть-ли не трои сутки, изнуренные безпрестанными тревогами и всевозможными неудобствами во время приваловъ и ночлеговъ,

¹⁾ Въ былое время стремились на службу на Кавказъ изъ внутреннихъ губерній титулярные совѣтники, привлекаемые соблазнительною льготою получить за пріѣздъ вождедѣйный чинъ коллежскаго ассесора, который тогда служащимъ внутри Россіи давался не иначе какъ по экзамену. Ъхали на Кавказъ, большею частію, люди нетрезвой жизни, или испытывшіе какое-либо горе или несчастіе, а изъ молодежи, по преимуществу, сорванцы отчаянные. Бывало, такой субъектъ получить двойные прогоны и, не въ зачетъ, годового оклада жалованья, всю дорогу кутить, и, очень естественно, многіе, при такой безобразной жизни, пріѣхавъ въ жаркій климатъ, заболѣвали и умирали.

иногда подъ открытымъ небомъ, почти по необитаемой мѣстности, несмотря на плодородіе ея почвы ¹⁾. Владикавказъ, расположенный у Кавказскихъ предгорій,—нынѣ довольно красивый областной городъ, значительно обязанный своимъ устройствомъ генераль-адъютанту графу Лорисъ-Меликову,—тогда представлялъ небольшое укрѣпленіе съ ничтожнымъ количествомъ пушекъ; въ немъ было незначительное число деревянныхъ или туркучныхъ ²⁾ хижинъ, построенныхъ, по правую сторону рѣки Терека, женатыми и отставными нижними чинами, и единственный духанъ, замѣнявшій собою и гостинницу, и жалкій пріютъ для проѣзжавшихъ.

Не помню хорошо—по отсутствіи-ли тогда почтового сообщенія, или вслѣдствіе экономическихъ соображеній, во избѣжаніе значительныхъ расходовъ—мы пріискали вольныхъ извозчиковъ до Тифлиса, и, дня черезъ два, отправились на двухъ парно-конныхъ, неуклюжихъ телѣжкахъ въ дальнѣйшій путь. Часа черезъ два по выѣздѣ изъ Владикавказа, намъ представилось гигантское ущелье, ведущее въ глубину Кавказскихъ горъ, куда мы вѣхали съ восторженнымъ удивленіемъ. Достигнувъ другаго ущелья, Дарьяльскаго, я былъ невыразимо пораженъ величіемъ картины: ужасающія возвышенности, съ горными потоками по обрывистымъ стремнинамъ; громадные каменные обрывы, кучами наваленные на проѣзжей дорогѣ; отвѣсныя скалы, угрожающія новымъ паденіемъ:—все это, въ связи со свистомъ вѣтра, бушеваніемъ и рокотомъ Терека и дождевыми тучами съ раскатомъ грома и молніею, сверкавшей почти у подножія горъ,—неволью вызывало чувства благоговѣнія и ужаса.

Начиная отъ Дарьяла, по всему протяженію Военно-грузинской дороги, обитаетъ осетинская раса отдѣльными небольшими поселками или аулами. Многіе, если не большая часть изъ этого племени—обращены уже въ православіе; но, не имѣя ни лѣсовъ, ни удобствъ для достаточнаго хлѣбопашества, ни промысловыхъ

¹⁾ Теперь тамъ проходитъ желѣзная дорога, и раскинуто по дорогѣ и въ сторонѣ отъ нея нѣсколько большихъ русскихъ селеній, находящихся въ цвѣтущемъ положеніи.

²⁾ Турлукъ—особый способъ постройки хатъ, на манеръ малороссійскихъ мазанокъ.

или ремесленныхъ занятій, кромѣ небольшого свотоводства, да иногда перевозки черезъ горы тяжестей,—всѣ они очень бѣдны, всегда невозмутимы, услужливы и неприхотливы; очень падки до крѣпкихъ напитковъ, хотя никогда не напиваются до безчувствія. Въ 1836 году случилось мнѣ быть въ ихъ аулахъ, и признаюсь, я былъ пораженъ незатѣливостію ихъ обстановки: ничтожная жилия лачужка, сложенная кое-какъ изъ булыжнаго камня, а перѣдко изъ древесныхъ горбылей и плетня, безъ пола и безъ всякихъ приспособленій, съ круглымъ отверстіемъ на потолкѣ и единственнымъ чугуннымъ или мѣднымъ котелкомъ, прикрѣпленнымъ у самаго отверстія къ потолочной перекладинѣ и спущеннымъ до самаго пола—вотъ все богатство осетина. Сидя около разведеннаго огня или около котелка, нагрѣваемаго не дровами, а травяными и различными кореньями, онъ тутъ же и спитъ, никогда не раздѣваясь, подъ охраной одной бурки или войлока, не смотря ни на какіе холода или метели, постоянно тамъ свирѣпствующія.

Миновавъ эту грозную, живописную и величественную дарьяльскую мѣстность, мы благополучно достигли Казбека, вѣчно покрытаго снѣгомъ; потомъ переѣхали Крестовую и Гуть-гору, и, наконецъ, съ большимъ трудомъ и при помощи осетинъ, спустились, почти по отвѣсному, весьма длинному и опасному Квишетскому перевалу, у подошвы котораго находилось управленіе горскаго окружнаго начальника, составлявшее часть управленія закавказской или грузинской территоріи; затѣмъ, дня черезъ два, именно 19-го іюля 1829 года, около полудня, въ самый полуденный зной, мы были уже въ Тифлисѣ, ровно черезъ мѣсяцъ и 6 дней со времени выѣзда нашего изъ моей родины—мѣстечка Бѣльицъ, Полтавской губерніи.

Непривѣтливъ и неотраденъ показался намъ Тифлисъ какъ по своей азіатской фазіономіи, такъ и по внутреннему его расположенію. Здѣсь было все: и ловкіе мошенники, и дерзкіе воры, и отчаянные головорѣзы, и несмѣтное количество духановъ, или, вѣрнѣе сказать, всякихъ не позволенныхъ притоновъ, не доставало только самаго главнаго, именно—чистаго воздуха, необходимой опрятности; никакихъ гигиеническихъ условій для того, чтобы пользоваться самыми главными удобствами жизни.

Главное населеніе Тифлиса, простиравшееся тогда до 30-ти

тысячъ душъ ¹⁾), было сосредоточено въ небольшомъ пространствѣ, по правому берегу рѣки Куры, начиная отъ Мухранскаго моста (улица) до Петханна (церковь), или до Бебутовской улицы, а оттуда по прямой линіи до Банныхъ воротъ (татарская часть города) включительно; въ ширину—отъ Куры до большого Салазакскаго оврага, тогда очень смраднаго (нынѣ уже закрытаго). Теперь это составляетъ одну изъ лучшихъ, прохладныхъ, въ знойные дни, и здоровыхъ частей города, гдѣ живетъ по-преимуществу туземная и чиновная аристократія. Въ этого пространства находился только домъ главноуправлявшаго Грузіею, съ большимъ при немъ садомъ. Рядомъ съ нимъ зданіе главнаго штаба, да двѣ-три частныя постройки; затѣмъ, близь того мѣста, гдѣ нынѣ устроенъ княземъ Барятинскимъ Александровскій садъ, инженерное помѣщеніе съ какою-то казармою, на мѣстности, называемой Саперною слободкою. Все же остальное пространство, занимаемое нынѣ Тифлисомъ, было пустыремъ, съ огромными кладбищами. Они были на мѣстѣ Александровскаго сада и Чавчавадзевской гостиницы.

Слученный такимъ образомъ городъ, гдѣ помѣщались какъ присутственныя мѣста, такъ и всѣ служащіе, былъ переполненъ зловоніемъ и миазмами, присущими всѣмъ мѣстностямъ, населеннымъ грязнымъ, неряшливымъ азіатскимъ людомъ, хотя и совершающимъ, по закону Магомета, обычный намазъ (омовеніе), но въ сущности никогда не моющимъ какъ слѣдуетъ. Теперь, послѣ 79-ти лѣтъ, протекшихъ со времени принятія Грузіи подъ покровительство Россіи, тамошніе жители нисколько не стали опрятнѣе, не усвоили себѣ ничего лучшаго. Грузинъ, или армянинъ, часто носятъ свою чоуху (верхняя одежда особаго покроя), рубашку и нижнее платье—до износу, такъ что иногда случается видѣть человѣка съ однимъ воротникомъ вмѣсто рубашки. Подходить страшно не только къ простому туземцу, но иногда и къ кому-нибудь выше его стоящему. Даже туземныя барыни, франтики по наружности, разодѣтыя въ шелкъ и бархатъ, грязны до невѣроятія. Слѣдствіе неряшества—эпидемическія болѣзни самаго злокачественнаго свойства, особенно въ средѣ

¹⁾ Теперь около 62-хъ тысячъ душъ.

новопріѣзжихъ личностей,—были весьма обыкновенны. Ежедневный наплывъ свѣжихъ силъ изъ внутреннихъ губерній до того наполнялъ больничное помѣщеніе, существовавшее по лѣвую сторону рѣки Куры за нѣмецкою колонією, что оно не могло бы удовлетворять всѣмъ потребностямъ, еслибы не поддерживалось своего рода равновѣсіе, и каждый день не отправлялось изъ больницы на вѣчный покой извѣстное количество жертвъ.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, мы остановились на открытомъ воздухѣ, близъ зданія присутственныхъ мѣстъ, не зная гдѣ пріютиться; пришлось тутъ и переночевать, отдавшись на съѣденіе мошекъ и другихъ безчисленныхъ насѣкомыхъ. На другой день, по совѣту свѣдущихъ лицъ, я отправился заявить о себѣ въ квартирную комиссію (квартиры назначались отъ города). Тамъ, мужчина небольшого роста, сухопарый, желтый какъ лимонъ, словомъ—плюгавый на видъ, по фамиліи Е....въ, изъ армянъ, запальчиво обратился ко мнѣ съ такими словами, коверкая ихъ на свой ладъ: «что нада! Какой квартиръ? нѣтъ квартира, ступай брать!». «Какой ты мнѣ брать!—сказалъ я ему,—а квартира должна быть, не оставаться же мнѣ на площади». Такое нелюбезное обхожденіе этого грубаго человѣка вынудило меня отправиться къ полиціймейстеру. Тогда занималъ эту должность гусарскій майоръ, или подполковникъ, Николай Богдановичъ Рейтеръ, человѣкъ чрезвычайно симпатичный. Выслушавъ мою просьбу, онъ приказалъ полиціймейстеру сказать депутату Е....ву, что если въ тотъ послѣдній же день не назначитъ намъ квартиры, то онъ помѣститъ всѣхъ насъ въ собственномъ его, депутата, домѣ. Это приказаніе подѣйствовало на Е....ва, и мы немедленно получили билетъ на занятіе одной комнаты въ домѣ князя Палавацкова. Съ какимъ восторгомъ прочитали мы билетъ, гдѣ было выраженіе: «князя». Шутка сказать—въ домѣ князя! вотъ то-то заживемъ!—думали мы. Не то оказалось на дѣлѣ. Какой-то оборвышъ изъ туземцевъ, въ качествѣ разсылнаго, повелъ насъ по довольно шумной улицѣ, гдѣ сновалъ торговый людъ, и, не доходя Сіонскаго собора, повернулъ налѣво въ глухой переулокъ, откуда спустился почти до рѣки Куры, и тамъ указалъ намъ не то хлѣвъ, не то напросто вырытую подъ воегородомъ—довольно большую нишу, сырую, темную, смрадную, но, по крайней мѣрѣ, съ наружною дверью; наверху ея было какое-то деревянное строеніе для ду-

хана. Съ ужасомъ мы спустились въ эту нору. Обстановка ея навела на насъ страшное уныніе, такъ что одинъ изъ насъ рѣшился, было, даже возвратиться на родину, а дѣлать нечего, надобно было отпустить извозчиковъ. Скрѣпя сердце, перенесли мы въ эту берлогу свой незатѣйливый багажъ; купили нѣсколько вязанокъ сѣна, уложили его на земляномъ полу, прикрыли войлоками и тѣмъ покончили блистательную мебелировку своей квартиры въ великолѣпномъ княжескомъ домѣ. На другой день, рассчитавшись съ извозчиками, явились въ исполнительную экспедицію, куда и были зачислены на службу. Вскорѣ по прибытіи, я трудно заболѣлъ горячкою. Въ это время, благодаря случаю, нашелся добрый землякъ, Яковъ Григорьевичъ Ивченко, занимавшій въ Тифлисѣ хорошее служебное положеніе; по ходатайству его, намъ была отведена другая квартира, состоявшая изъ одной комнаты, хотя также незавидная, но, по крайней мѣрѣ, въ лучшей части города. Избавясь отъ тяжелой болѣзни, я, при первой возможности, принялся за службу въ экспедиціи суда и расправы, т. е. въ уголовной и гражданской палатѣ, куда былъ приглашенъ предсѣдателемъ ея Ильинскимъ на должность столоначальника.

Въ началѣ 1830 года прибыли въ Тифлисъ два сенатора: графъ Кутайсовъ и оберъ-берггауптманъ Мечниковъ, для ревизіи всѣхъ присутственныхъ мѣстъ края, съ значительнымъ штатомъ и съ немалымъ, какъ водится, предубѣжденіемъ противъ чиновниковъ, особенно со стороны ближайшихъ контролирующіхъ лицъ. Сильно все переполошилось и засуетилось; наступило время усиленнаго, изнурительнаго труда, дотого усиленнаго и усидчиваго, что мнѣ нерѣдко приходилось буквально по цѣлымъ суткамъ не спать.

Съ приближеніемъ лѣта 1830 года, когда несовершенно еще была прекращена чума въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, угрожавшая большими бѣдствіями всему Закавказью,—показались въ Тифлисѣ признаки эпидемической холеры, принявшей, въ іюлѣ мѣсяцѣ, ужасающіе размѣры, такъ что всѣ присутственныя мѣста были закрыты, сенаторы прекратили занятія и сами удалились внутрь Россіи. Выѣхалъ также и графъ Паскевичъ-Эриванскій, тогда главноуправляющій въ край.

Трудно описать печальное, потрясающее душу положеніе,

происходившее отъ ежедневныхъ внезапныхъ, безчисленныхъ жертвъ, въ которомъ находилось тогда все городское населеніе. Простонародье долго крѣпилось, тщетно прибѣгало къ различнымъ мѣрамъ собственнаго изобрѣтенія, и, въ концѣ концовъ, точно по уговору, ринулось бѣжать въ разныя, болѣе или менѣе отдаленныя, окрестныя мѣста. Въ короткое время Тифлисъ совершенно опустѣлъ; осталось только небольшое число военныхъ, нѣсколько полицейскихъ, человѣкъ 10 бѣдняковъ-чиновниковъ, въ томъ числѣ я и мой сотоварищъ Щербина, и, кажется, одинъ хлѣбопекъ (пурникъ), задержанный полиціей противъ его желанія. Большая часть домовъ и садовъ оставались безъ всякаго присмотра. Наше ежедневное и единственное убѣжище составлялъ громадный и богатый садъ грузинской царевны Оевлы, простиравшійся чуть-ли не отъ той мѣстности, которая противъ калитки Ботаническаго сада, до самаго Салалавскаго ущелья. Мы гуляли по садамъ и распорядились всѣми плодами безпрепятственно; когда же наступала ночь, то вой голодныхъ собакъ, пронзительный визгъ кошекъ, а особенно мрачный, однообразный звукъ филиновъ—наводили на насъ раздражающее душу уныніе.

Не буду распространяться ни о послѣдствіяхъ сенаторской ревизіи, доведенной до конца уже послѣ превращенія холеры, ни о тѣхъ несчастныхъ семействахъ, которыя, перейдя въ другія мѣстности, ради своего спасенія отъ холеры, постигнуты были тамъ еще большимъ бѣдствіемъ, и должны были возвратиться на прежнее жительство въ городъ:—считаю, однакожъ, умѣстнымъ упомянуть нѣсколькими словами о главноуправлявшемъ въ краѣ.

Пылкій до раздражительности, всегда энергичный, гдѣ неизбежно требовалось личное его участіе, графъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ-Эриванскій не любилъ заниматься и мало занимался гражданскою частію, а всецѣло посвящалъ себя военнымъ дѣламъ и почти всегда находился въ походахъ противъ непріятеля. Не мнѣ судить о военныхъ его доблестяхъ ¹⁾. Упомяну лишь мимоходомъ объ одномъ забавномъ происшествіи изъ походной его жизни, слышанномъ мною отъ очевидца.

¹⁾ См. о немъ: «Русская Старина», изд. 1872 г., т. VI, стр. 501—537; изд. 1874 г., т. XI, стр. 99—114.

Въ 1829 году, во время лагерной стоянки нашихъ войскъ близъ Баязета, одной молодой турчанкѣ почему-то очень полюбилась солдатскій бытъ; прирученная сынами Марса, она начала часто посѣщать лагерь и цѣлые дни проводила въ обществѣ солдатъ, гдѣ легко затвердила нѣсколько русскихъ словъ нецензурнаго пошиба, не понимая ихъ значенія. Спустя нѣкоторое время, неожиданно пріѣхалъ въ лагерь Паскевичъ. Все зашевелилось; засуетилась и турчанка. Когда подѣхалъ экипажъ главнокомандующаго, она, прорвавшись чрезъ толпу, смѣло подошла къ графу и, протянувъ руку, громко сказала ломанымъ языкомъ: «давай деньги!». Графъ, всегда щедръ, на этотъ разъ, вѣроятно, хотѣлъ пошутить, вынулъ изъ кошелька и далъ ей небольшую серебряную монету. «Ахъ ты....» — отозвалась турчанка, прибавивъ къ этому крѣпкое непечатное слово, — «такой большой баринъ, а далъ такую маленькую монету, а?...». Графъ расхохотался, взялъ горсть червонцевъ и высыпалъ ей въ руку. «Вотъ молодецъ», — закричала она, и скрылась въ толгѣ.

Это — одно забавное происшествіе; а вотъ другое, инаго свойства. Въ одинъ непрекрасный день, когда графъ Паскевичъ, находясь въ Тифлисѣ, былъ чѣмъ-то очень возмущенъ, нужно было поднести къ поднеси его нѣсколько бумагъ, весьма экстреннаго содержанія. Въ канцеляріи думали-гадали, что дѣлать, и порѣшили просить чиновника по особымъ порученіямъ Пилипейко, чтобы онъ взялъ на себя трудъ доложить бумаги графу. Пилипейко, хохоль въ полномъ смыслѣ, громаднаго роста и съ обычнымъ малороссійскимъ акцентомъ, хотя пользовался довѣріемъ графа, но, зная настроеніе его, уклонился, утверждая, что онъ не подпишетъ; наконецъ, послѣ настоятельныхъ убѣжденій, взялъ бумаги и отправился. Войдя въ кабинетъ, съ бумагами подъмышкой, и видя, что графъ весьма раздраженъ, онъ остановился у самыхъ дверей кабинета, съ цѣлію, въ крайнемъ случаѣ, дать тагу или, какъ говорится, стрекача на попятный дворъ.

— Что тебѣ надо?! — гнѣвно закричалъ на него Паскевичъ.

— Бумаги къ подписанію принісь, ваше сіятельство, — выговорилъ Пилипейко.

Мгновенно подбѣжалъ къ нему графъ, выхватилъ у него изъ подъмышки бумаги, началъ раскидывать ихъ по полу, толча

ногами и приговаривая: «Вотъ тебѣ бумаги, вотъ тебѣ бумаги— понимаешь?».

— Понимать-то—понимаю, якъ-то не понять,—отвѣчалъ Пилипейко громко, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и раздвинувъ на обѣ стороны свои длинныя руки:—а хібажъ я неправду казавъ, що не підпише, такъ ні-таки—иды Пилипейку, у тебе десять підпише; отъ-тоби чортового батько—и підписавъ, та-ще и пороскидавъ!!

Эти простые слова какъ-бы магически подѣйствовали на Паскевича. Онъ вдругъ остылъ и сказалъ уже мягко, безъ раздраженія: «Вотъ ты и солгалъ, что не подпишу,—давай ихъ сюда!».

Пилипейко послѣдшне собралъ бумаги съ полу, положилъ на столъ, и графъ подписалъ все, не читая ничего.

Говоря о Паскевичѣ-Эриванскомъ, я вспомнилъ, встати, одинъ, довольно извѣстный, въ свое время, случай, происшедшій съ предметникомъ его Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

Наивный малороссъ, довольно пожилыхъ лѣтъ, по фамиліи, кажется, Волынскій, много лѣтъ занимавшій скромную должность архиваріуса уѣзднаго суда, не находилъ возможности ни содержать большую свою семью, ни возвратиться на родину. Ему присовѣтовали единственный путь—обратиться за помощью къ Алексѣю Петровичу; при этомъ дано было и наставленіе, въ какихъ словахъ онъ долженъ былъ выразить просьбу свою. Онъ послѣдовалъ совѣту, началъ зубрить сочиненную просьбу, начинавшуюся словами: «Ваше высокопревосходительство, войдите въ мое бѣдное положеніе, и т. д.». Затвердивъ это вступленіе, онъ, послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, рѣшился идти къ Ермолову.

Алексѣй Петровичъ, занимаясь въ своемъ кабинетѣ, куда доступъ былъ свободный для всѣхъ служащихъ, всегда сидѣлъ въ большомъ волтеровскомъ креслѣ, спиной ко входной двери, такъ что стоявшее передъ нимъ зеркало могло отражать всякаго входящаго въ кабинетъ, и онъ, заглянувъ въ зеркало, или тотчасъ, смотря по личности, или чрезъ нѣсколько времени, оборачивался къ вошедшему.

Малороссъ, подойдя на цыпочкахъ къ кабинету и безпрестанно повторяя заученную рѣчь, съ замираніемъ сердца отворилъ дверь. Ермоловъ, увидѣвъ въ зеркалѣ мелкаго чиновника, продолжалъ писать, а тотъ все стоялъ и твердилъ заученныя слова. Вдругъ Ермоловъ, съ поднятыми на лбу сѣдыми какъ

лунь, но густыми волосами и широкою грозною фізіономією, поворачивается на своемъ трескучемъ креслѣ, держа въ рукѣ открытую табакерку. Какъ-только малороссъ взглянулъ на него, котораго никогда прежде близко не видѣлъ, — такъ все въ памяти его перепуталось; а подойдя ближе, только могъ выговорить: «Ваше.... Ваш.... прин.... умн...!!!». Когда же послѣдовалъ вопросъ: — что тебѣ нужно? — то, увидѣвъ въ рукѣ Ермолова открытую табакерку, выговорилъ: «ничего, ва-ше вы-со-ко-пре-во-схо-ди-тель-ство, тѣльки табачку понюхать». Ермоловъ протянулъ ему табакерку, и онъ, взявъ дрожащею рукою щепоть табаку, началъ осторожно отступать «заднимъ ходомъ», а потомъ, отворивъ дверь, такъ побѣжалъ, что даже не замѣтилъ встрѣтившагося ему полиціймейстера. Впослѣдствіи, Ермоловъ, узнавъ чрезъ полиціймейстера въ чемъ дѣло, далъ этому бѣдняку средства выѣхать изъ Тифлиса, къ крайнему его изумленію, потому что онъ, какъ самъ говорилъ, ожидалъ, по меньшей мѣрѣ, ссылки въ Сибирь «за понюшку табаку».

Управленіе графа Паскевича было непродолжительное. Въ 1831 году, во время польскаго возстанія, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующею армією и намѣстникомъ Царства Польскаго, гдѣ пожалованъ титуломъ князя Варшавскаго, а на мѣсто его, въ томъ же году, прибылъ генералъ-адъютантъ баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ 1-й.

II.

Баронъ Г. В. Розенъ.—Дѣло о подложныхъ документахъ.—Характеристика и дѣятельность барона Розена.—Патріархъ Іованесъ и дѣло о 1,000 червонныхъ.—Успиреніе матежа въ Кубанской провинціи.—Пріѣздъ императора Николая Павловича въ Закавказскій край.—Баронъ Ганъ.—Флигель-адъютантъ князь Дадіанъ.—Маіоръ Лиховъ.—Смерть барона Розена.

1831—1838.

Къ крайнему сожалѣнію, до сихъ поръ немного извѣстно о времени управленія Закавказскимъ краемъ барона Розена—этого дѣятеля, замѣчательнаго по своему высокому образованію, по обширному уму, по необыкновенной памяти и по своимъ гуманнымъ принципамъ.

Вступленіе барона Григорія Владиміровича въ должность не

замедлило ознаменоваться двумя очень важными событиями. Первымъ былъ секретный доносъ—о существованіи въ Тифлисѣ шайки дѣлателей фальшивыхъ грузинскихъ царскихъ грамотъ не только на княжескія (тавадскія) званія, но и на различныя казенныя и частныя имѣнія; вторымъ—открытіе противоправительственнаго заговора.

По обоимъ дѣламъ послѣдовало чрезвычайно много арестовъ, даже лицъ, высоко стоявшихъ по своему положенію. Надобно было видѣть, какъ человѣчно смотрѣлъ баронъ Розенъ на эти дѣла, хотя важныя по своему значенію, но происшедшія отъ легкомыслія и увлеченія участниковъ, особенно послѣднее изъ нихъ. Строгимъ слѣдователемъ по дѣлу о заговорѣ былъ присланный изъ Петербурга генералъ К. В. Чевкинъ ¹⁾. Что касается до перваго дѣла, т. е. о фальшивыхъ грамотахъ, то ему нельзя было не дать серьезнаго характера, сначала слѣдственнымъ порядкомъ, по которому привлечено было въ отвѣтственности до 120 человѣкъ; въ числѣ ихъ находились: Шароевы, Шадиновы, Шайковы, Гургинбеговы, Маримановы, Абессаломовы и Захарбеговы (всѣ искатели княжествъ),—а потомъ судебнымъ, чрезъ особую смѣшанную судную комиссію, подъ предѣтельствомъ генералъ-лейтенанта Байкова. Въ эту комиссію, 16-го января 1834 года, былъ командированъ я, для усиленныхъ занятій при составленіи подробной записки и проекта рѣшенія по этому дѣлу, заключавшему въ себѣ болѣе 20-ти тысячъ листовъ. Труды комиссіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ: было осуждено къ лишенію правъ и въ ссылку не болѣе 4 человѣкъ, главныхъ зачинщиковъ, дѣлателей и коноводовъ; остальные приговорены: или къ полицейскому надзору, или къ одному подозрѣнію, а всѣ открытые документы и печати преданы уничтоженію.

Вскорѣ по рѣшеніи этого дѣла, именно въ іюль 1834 года, меня перевели на службу въ канцелярію главноуправляющаго въ Грузіи. Съ удовольствіемъ вспоминаю время службы моей въ канцеляріи главноуправляющаго въ Грузіи, среди образованной молодежи, какъ на примѣръ: графъ Ржевусскій, князь Лобановъ-Ростовскій, г. Корсаковъ и др., подъ главнымъ и ближайшимъ начальствомъ самого барона Григорія Владиміровича. Тогда

¹⁾ См. «Русская Старина», изд. 1877 г., т. XIX, стр. 1—22.

же, нѣкоторое время, состоялъ на службѣ въ канцеляріи довольно еще юный, но чрезвычайно любезный, обязательный и пріятный въ обращеніи, князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ, нынѣ генералъ-адъютантъ. Баронъ Розенъ былъ труженникъ, какихъ мало. Онъ читалъ всѣ сколько-нибудь серьезныя входящія и исходящія за его подписью бумаги, много собственноручно писалъ, просиживая напролетъ цѣлыя ночи; ни одна самая обыкновенная бумага не проходила, чтобы онъ ее не исправилъ или не прибавилъ чего-нибудь дѣльнаго, глубоко-осмысленнаго¹⁾; всѣхъ чиновниковъ зналъ не только по фамиліямъ и ихъ служебнымъ способностямъ, но даже по почеркамъ. Несмотря на доброту его сердца, въ нему, однако, нелегко было идти съ докладомъ; бывало, душа уходитъ въ пятки, когда предстоитъ докладъ: читаешь, перечитываешь, обдумываешь всѣ стороны дѣла, а все-таки баронъ иногда сдѣлаетъ такой вопросъ, или выскажетъ такое замѣчаніе, отъ котораго станешь въ тупикъ.

Не могу не привести двухъ случаевъ, бывшихъ со мною. Одинъ торговецъ, изъ армянъ, подалъ барону жалобу на ахалцыхскаго областного начальника (тогда Ахалцыхъ былъ областнымъ городомъ), не пропускавшаго въ Тифлисъ купленные просителямъ въ Турціи маслины; это было въ исходѣ великаго поста, когда названный товаръ наиболѣе требуется, и купецъ могъ понести значительныя убытки. Взглянувъ на эту жалобу сочувственно, я тотчасъ заготовилъ предписаніе о немедленномъ пропускѣ маслинъ, и понесъ бумагу въ подписи.

— Вздоръ ты, братецъ, написалъ,—сказалъ баронъ.

— Мнѣ кажется, ваше высокопревосходительство, иначе нельзя написать, какъ въ такомъ смыслѣ,—почтительно отвѣчалъ я.

— Говорю тебѣ, что ты написалъ эту бумагу на-ффу, безъ справки,—замѣтилъ баронъ, а потомъ, подумавъ, добавилъ:—назадъ тому три года, въ январѣ или февралѣ.... нѣтъ, въ январѣ мѣсяцъ, была у меня большая переписка по этому предмету съ министромъ Канкринымъ; дѣло должно быть у Подорожко. а вѣдь извѣстно, что все, что попадетъ въ руки Подорожко—и со свѣчей не отыщется (чиновникъ онъ былъ весьма хорошій,

¹⁾ Въ этомъ легко убѣдиться изъ архивныхъ дѣлъ главнаго управленія съ 1831 по 1838 годъ.

но очень безпечный); пойди, посмотри у него опись, отыщи дѣло, и оно тебѣ покажетъ, какъ слѣдуетъ поступить.

Дѣйствительно, по указанію барономъ времени, безъ затрудненія я отыскалъ дѣло въ шкафу Подорожю, и разрѣшеніе дано было не въ пользу жалобщика, по важнымъ причинамъ.

Молодой, лѣтъ 25-ти, армянинъ, какъ оказалось, большой пройдоха, составилъ, отъ имени одного изъ епископовъ въ Индіи (?), къ армянскому патріарху въ Эчмиадзинѣ подложное письмо, въ которомъ, назвавъ подателя своимъ роднымъ племянникомъ, просилъ выдать ему на счетъ епископа 1,000 червонцевъ, если тотъ будетъ нуждаться. Патріархъ,—кажется, Іованесъ (это было въ 1837 году),—прочитавъ письмо, немедленно удовлетворилъ просьбу, но съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ о выдачѣ денегъ въ Индію епископу. Пройдоха-армянинъ отправился въ Тифлисъ, и, какъ водится, завѣтилъ на деньги, легко ему доставшіеся; а между тѣмъ послѣдовалъ отъ епископа отвѣтъ, что у него племянника никогда не было, и что письма къ патріарху онъ не писалъ. Тогда патріархъ, сознавая свою опрометчивость, формально обратился къ барону Розену съ просьбой о поступленіи съ виновнымъ по законамъ. Баронъ призвалъ меня и, отдавая письмо патріарха, приказалъ тотчасъ заготовить бумаги, какъ слѣдуетъ по закону. Чтобы не замедлить дѣла составленіемъ подробнаго предписанія, я приготовилъ его на имя тифлискаго полиціймейстера, съ препровожденіемъ подлиннаго письма патріарха и съ порученіемъ арестовать обвиняемаго, допросить и отправить, за карауломъ, къ начальнику Армянской области для сужденія—по мѣсту сдѣланнаго преступленія. День былъ субботній; приношу къ подписи.

— Чтѣ ты написалъ?—спросилъ баронъ.

Читаю бумагу.

— Ты направляешь дѣло такъ, что, пова его разыщутъ, да соберутся отправлять,—онъ пронюхаетъ и улизнетъ или теперь же, или, пожалуй, съ дороги;—тогда ищи вѣтра въ полѣ. Напиши не полиціймейстеру, а губернатору—и секретно, чтобы тотчасъ отыскать армянина и посадить его въ тюрьму, и тутъ же, т. е. въ Тифлисъ, предать суду; для этого послать губернатору копію съ патріаршей бумаги.

Возникъ споръ юридическій; я прочиталъ статью закона, гдѣ ясно говорится, что всякое преступленіе должно быть судимо и

набазуемо тамъ, гдѣ оно учинено. Разгнѣвался баронъ сильно и, доказывая, что еще неизвѣстно, гдѣ именно сдѣлать армянинномъ подлогъ: въ Эриванской области, или въ Тифлисской губерніи, гдѣ патріархъ также иногда пребываетъ,—приказалъ сію минуту исполнить все, безъ разсужденій.

Заготовить и переписать предписаніе губернатору было нетрудно, но писать тогда же копію въ пять листовъ—оказалось физически невозможнымъ, такъ какъ была уже ночь подъ воскресенье, когда ни одного писаря нельзя было отыскать. Чтѣ дѣлать? Я рѣшился отложить переписку до утра, и, придя рано утромъ, отправился къ барону съ однимъ предписаніемъ. Подписавъ его, онъ спросилъ: «а копія готова?»—Готова,—отвѣчалъ я не безъ страха. «Такъ-ли?.. Ну, хорошо, отправить сейчасъ и мнѣ доложить»,—сказалъ онъ. Сердце у меня замерло; прибѣжавъ въ канцелярію и не найдя ни одного писаря, сталъ я самъ переписывать, и въ четверть часа копія была готова, но какъ готова? Разумѣется, съ значительными пропусками, и, слѣдовательно, вышла такая копія, изъ которой ничего нельзя было понять; я рассчитывалъ, что на другой день будетъ написана и послана другая копія. Занеся отпускъ въ исходящую и разносную книги, и запечатавъ конвертъ, я отправилъ его по адресу, а самъ пошелъ и доложилъ объ исполненіи приказанія. «Хорошо»,—сказалъ баронъ, а между тѣмъ, усомнясь въ возможности такъ скоро написать копію съ 5-ти листовъ, послалъ особаго чиновника, именно Михаила Васильевича Дмитревскаго, принести ему разносную книгу; книга была принесена; онъ удивился и, позвавъ меня, ласково сказалъ: «Ну, счастливъ ты, а я имѣлъ твердое намѣреніе посадить тебя подъ арестъ, за то что ты отложилъ мое приказаніе до другаго дня; теперь ты загладилъ свою вину; я погорячился, не сердись на меня, старика».

Время управленія барона Розена было не Богъ-вѣсть какъ велико—всего съ небольшимъ 6 лѣтъ. Въ такой короткій срокъ много-ли можно было сдѣлать тамъ, гдѣ между туземнымъ населеніемъ не существовало ни симпатій къ русскому народу, ни стремленія къ образованію,—гдѣ преобладало полное невѣжество и совершенное отсутствіе пониманія русской рѣчи и гдѣ, наконецъ, главнѣйшая доля заботъ правителя края удѣлялась мѣрамъ къ устраненію постоянныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ не-

урядицъ, особенно при упорной, кровопролитной борьбѣ съ горскими племенами?

При всемъ томъ баронъ создалъ въ Тифлисѣ громадное каменное помѣщеніе, помѣстивъ въ немъ губернскую гимназію, вмѣсто существовавшаго тогда ничтожнаго пансіона, куда туземцы неохотно отдавали дѣтей своихъ, даже за денежное вознагражденіе, которое иногда производилось имъ отъ правительства, съ цѣлью приохотить къ ученію. Онъ же открылъ правильное почтовое сообщеніе на нѣкоторыхъ главнѣйшихъ трактахъ края, съ устройствомъ станціонныхъ помѣщеній и тройной ѣзды, о чемъ, до того времени, никто за Кавказомъ не имѣлъ даже понятія, а вся казенная корреспонденція, какъ и служебныя командировки, производилась посредствомъ верховыхъ казачьихъ лошадей, и не иначе какъ при вооруженномъ прикрытіи.

Между тѣмъ, нельзя было не видѣть, какихъ усиленныхъ заботъ стоило ему преслѣдовать два весьма важные вопроса: одинъ о разъясненіи поземельныхъ правъ ахчевыхъ и тапныхъ владѣльцевъ Ахалцыхской провинціи; а другой—о приведеніи въ надлежащую точность чрезвычайно запутанныхъ поземельныхъ доходовъ, упадавшихъ на часть казны натурою, съ мульткодарскихъ и тиульныхъ имѣній Эриванской области. По первому вопросу хотя были приняты самыя энергическія мѣры, но окончательнаго рѣшенія, по сложности и неясности предмета, весьма долго не могло состояться въ смыслѣ: что должно разумѣть подъ словами ахчи и тапы ¹⁾. Что же касается втораго вопроса, то онъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: посредствомъ составленія подробной облагательной таблицы и значительнаго увеличенія доходовъ казны, безъ малѣйшаго неудовольствія со стороны земледѣльческаго населенія и даже частныхъ собственниковъ ²⁾.

¹⁾ Сколько мнѣ извѣстно, при турецкомъ правительствѣ слово ахча разумѣлось какъ денежная единица. Ахча есть мѣдная монета, составляющая $\frac{1}{100}$ часть русской копѣйки; 10 ахчей составляютъ одну турецкую монету, подъ названіемъ: «пара»; 40 паръ составляютъ «курушь», а курушь заключаетъ въ себѣ 5 рублей серебромъ. В. Д.

²⁾ При персидскомъ правительствѣ тиульное право составляло пожизненное полученіе съ извѣстной деревни той части пропавшей земли, которая должна поступать въ казну—кажется, $\frac{1}{100}$. Право это, по усмотрѣнію начальства, могло быть совершенно прекращено за смертію получателя, и могло также, по особой милости, переходить къ наследникамъ, но не иначе какъ

Въ 1836 году, неожиданно вспыхнулъ въ Кубинской провинціи бунтъ, угрожавшій принять значительныя размѣры по всей окраинѣ. Увѣренный, какъ начальникъ опытный, что броженіе возникло не изъ злой воли, а по легкомыслію и невѣжеству нѣкоторыхъ личностей высшаго сословія, баронъ былъ крайне опечаленъ ихъ положеніемъ. Недолго думая, онъ рѣшился употребить одно нравственное свое вліяніе и достигъ полнаго успѣха подавить беспорядокъ не только въ короткое время, но и безъ особенныхъ потрясеній.

Въ мусульманскихъ провинціяхъ были конфискованы въ казну значительныя недвижимыя имѣнія удалившихся за границу измѣнниковъ, а оставшіяся здѣсь семейства бѣглецовъ находились дотогу въ жалкомъ положеніи, что были лишены всякой возможности къ существованію. Вслѣдствіе убѣдительнаго представленія своего, баронъ успѣлъ исходатайствовать высочайшее соизволеніе на возвращеніе, въ большинствѣ случаевъ, не только имѣній, но и полученныхъ съ нихъ казною доходовъ.

Во все время его управленія, канцелярія у него была очень небольшая; расходъ на нее производился весьма немного; наградъ никогда никакихъ не существовало, за весьма рѣдкими исключеніями (помню, что двумъ чиновникамъ, и то за походъ съ барономъ, во время войны съ горцами, именно: Козаченко и Крылову, были пожалованы ордена Станислава 3-й степени; это были такія рѣдкія награды, которымъ чуть не всѣ тифлисскіе чиновники завидовали); но движеніе дѣлъ было быстрое: все кипѣло, остановки въ дѣлахъ,—по крайней мѣрѣ, серьезныхъ—не было; народъ замѣтно сталъ привыкать къ порядкамъ и къ возможному ознакомленію съ различными улучшеніями какъ въ отношеніи промышленности, такъ и сельскаго хозяйства,—словомъ, былъ спокоенъ и доволенъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени.

пожизненно. Мулькодарское же право имѣетъ значеніе потомственнаго пользованія произведеніями съ урожая, въ количествѣ $\frac{1}{30}$. Но могутъ-ли мулькодары быть собственниками и въ особенности распорядителями самоѣ земли—это остается вопросомъ, даже при существованіи высочайшаго рескрипта 6-го декабря 1846 года, по смыслу котораго—права утверждены только за тѣми, которые, въ извѣстное время, обладали землями; а такими обладателями едва-ли можно считать тѣхъ, которые были только получателями мульки, чрезъ посредство своихъ серкеровъ.

В. Д.

Въ 1837 году получено было извѣстiе о путешествiи государя императора Николая Павловича по Закавказскому краю. Въ началѣ октября того года баронъ Розенъ встрѣтилъ его величество на берегу Чернаго моря, въ укрѣпленiи Редуть-Кале, куда въ то время былъ чрезвычайно трудный, почти непроѣзжий, колесный путь. Оттуда государь, въ сопровожденiи барона, изволилъ прибыть, чрезъ Ахалцыхъ и Эривань, въ Тифлисъ, не выразивъ нигдѣ неудовольствiя, несмотря на трудность пути, постоянное дождливое время, невылазную грязь и неизбѣжныя остановки. Въ самый прiѣздъ государя, находился въ Тифлисѣ членъ государственнаго совѣта, баронъ Ганъ, съ большимъ штатомъ чиновъ, для составленiя проекта преобразованiя всего гражданскаго управленiя за Кавказомъ. Неизвѣстно, вслѣдствiе-ли служебныхъ пререканiй, или частныхъ столкновенiй, происшедшихъ съ самолюбивымъ барономъ Ганомъ, или по особому какому случаю, — на другой день прiѣзда государя въ Тифлисъ, его величеству сдѣлалось извѣстнымъ о существованiи важныхъ злоупотребленiй въ Эриванскомъ полку, которымъ, въ несчастiю, командовалъ зять барона Розена, флигель-адъютантъ полковникъ князь Дадьянъ. Вслѣдствiе сего, по высочайшему повелѣнiю, тогда же былъ командированъ въ штабъ-квартиру полка, расположенную въ урочищѣ Манглисъ, — состоявшiй при его велиествѣ флигель-адъютантъ князь Васильчиковъ, для ближайшаго удостовѣренiя, на мѣстѣ, въ справедливости дошедшихъ до государя слуховъ. Произведенное княземъ Васильчиковымъ въ однодневный срокъ дознанiе оказалось не въ пользу командира полка. Никто ничего не зналъ, и даже никому въ голову не приходило о какихъ бы то ни было угрожающихъ потрясенiяхъ; пронесся только слухъ, что на Александровской площади назначенъ большой царскiй смотръ войскамъ. Народъ повалилъ туда массаами; пошелъ и я. Часовъ въ 9 утра государь прiѣхалъ на сборный пунктъ, сидя въ коляскѣ рядомъ съ барономъ Розеномъ, какъ-будто бы грустный, чѣмъ-то недовольный. По окончанiи смотра, его величество изволилъ выразить одобренiе только начальнику артиллерiи, генералу Козлянинову, а потомъ, когда послѣдовалъ вызовъ штабъ и оберъ-офицеровъ на середину, государь, быстро взглянувъ на всѣ стороны и увидѣвъ Дадьяна, сказалъ строго нѣсколько словъ, не дошедшихъ до моего слуха. Вслѣдъ затѣмъ, возвысивъ голосъ,

громко произнесъ: «снять съ него аксельбанты, какъ съ недостойнаго носить званіе моего флигель-адъютанта». Исполненіе немедленно послѣдовало чрезъ тифлисскаго военнаго губернатора, Михаила Григорьевича Брайко, видимо растерявшася. Взявъ изъ рукъ Брайко аксельбанты, государь произнесъ: «Въ Бобруйскъ! преступныхъ наказываю, а достойныхъ награждаю. Баронъ Розенъ ¹⁾,—обратился его величество въ сыну Григорія Владиміровича:—жалую тебя моимъ флигель-адъютантомъ»—и передалъ ему аксельбанты. Старикъ Розенъ, пораженный неожиданностью, грустный, печальный, подошелъ къ государю и поцѣловалъ его руку. Затѣмъ, его величество, въ томъ же экипажѣ, вмѣстѣ съ Розеномъ, изволилъ отправиться для обозрѣнія различныхъ учрежденій. Вечеромъ того же дня, государь императоръ изволилъ принять отъ дворянства и купечества балъ, гдѣ оставался, однакожь, 1½ часа, пройдя съ двумя или тремя дамами польскій.

Возвращаясь съ бала, государь въ передней сдѣлать полиціе-майору Ляхову какой-то вопросъ; тотъ, изнуренный почти трехъ-суточными заботами, безъ сна, съ раскраснѣвшимися глазами, не понявъ хорошо словъ императора, и доложилъ что-то невпопадъ; изъ этого послѣдовало заключеніе, что онъ не трезвъ, и на другой день отданъ былъ приказъ объ исключеніи его изъ службы. Впослѣдствіи дѣло разъяснилось, и Ляхову восстановлены всѣ служебныя его права. На другой день государь изволилъ выѣхать изъ Тифлиса, въ сопровожденіи барона Розена.

При выѣздѣ изъ города, на спускѣ съ Верейской возвышенности, на крутомъ поворотѣ, надъ большимъ оврагомъ, по неопытности кучера, лошади круто повернули, отчего опрокинулся экипажъ, хотя, благодаря Бога, безъ всякихъ послѣдствій, но и не безъ угрожавшей опасности, сильно испугавшей всѣхъ сопровождавшихъ императора. На этомъ мѣстѣ поставленъ прекрасный памятникъ изъ гранитнаго камня, съ большимъ наверху крестомъ и съ надписью на гранитѣ: «живый въ помощи вышняго» и т. д.

¹⁾ Въ толпѣ слышалось, будто государь закричалъ: «розогъ» и, что баронъ началъ цѣловать руки и просить о помилваніи. Повсемѣстнымъ толкамъ, по этому нелѣпному искаженію, между простолюдинами, не было конца.

Тяжело было положеніе барона Розена по отбытіи изъ края государя императора. Зять его отправленъ въ Бобруйскъ; все его семейство въ невыразимомъ горѣ ¹⁾; самъ онъ, разстроенный до глубины души, едва держался на ногахъ. Дадьяна судили. Судъ нашелъ его виновнымъ и приговорилъ къ тяжкому наказанію; государь, впрочемъ, значительно смягчилъ приговоръ, по уваженію къ службѣ барона, и именно—отмѣнилъ ссылку на поселеніе.

Дадьянъ не правъ—судя по приговору; но составляетъ-ли онъ исключеніе? Едвали можно съ увѣренностію сказать утвердительно; тогда подобныя порядки входили въ плоть и кровь полковыхъ командировъ и даже всякихъ командировъ. Во всякомъ случаѣ, баронъ Григорій Владиміровичъ, при его честной натурѣ, никогда не могъ помыслить о какомъ бы то ни было потворствѣ, не совмѣщавшемся съ его понятіями; за это можно поручиться всѣмъ, что есть святаго. Въ непродолжительномъ времени его служебная карьера разстроилась; одновременно разстроилось и его здоровье. Назначенный, въ званіи полнаго генерала и генералъ-адъютанта, не болѣе какъ сенаторомъ, онъ не перенесъ душевнаго потрясенія, былъ пораженъ параличемъ—и умеръ.

III.

Е. А. Головинъ.—Обвалъ Арарата.—А. Ф. Десимонъ.—П. П. Тимофѣевъ.—Казнь татарина.—Новые штаты.—Назначеніе А. И. Нейдгардта.—Его любовь къ опрятности.—Неопытный генералъ и ловкій дѣлецъ.

1838—1845.

На мѣсто барона назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Евгений Александровичъ Головинъ, человекъ довольно уже пожилой. Онъ прибылъ въ Тифлисъ 19-го марта 1838 года. Угрюмый, недоступный, всегда какъ-будто недоспавшій и недовольный, притомъ же строгій педантъ,—онъ наводилъ на подчиненныхъ только страхъ и непріятное чувство.

Первое время его управленія осуществилось весьма печальнымъ событіемъ, происшедшимъ лѣтомъ 1840 года. Въ самый

¹⁾ Въ числѣ членовъ этого семейства находилась молоденькая, умненькая, бойкая, лѣтъ 12-ти дѣвочка, по имени Пашенька, впоследствии известная пугмевья Митрофанія.

зной, около 5-ти часовъ пополудни, внезапно и, конечно, неожиданно, такъ какъ никакихъ атмосферныхъ явленій не замѣчалось, — послѣдовалъ въ Тифлисѣ такой сильный, подземный толчокъ, съ шумомъ и колебаніемъ почвы, что я невольно пошатнулся и едва удержалъ равновѣсіе. Стоявшій на столѣ стаканъ чаю опрокинулся; каменный, довольно ветхій домъ, въ которомъ была моя квартира, затрепалъ такъ, какъ-будто угрожалъ разрушеніемъ. Испуганный столь необыкновеннымъ происшествіемъ, я выскочилъ на улицу, гдѣ стекался уже народъ со всего околотка въ большомъ смятеніи. Всѣ молились, колокола звонили, женщины и дѣти голосили, ожидая какого-то страшнаго бѣдствія, и долго никто не возвращался въ свои жилища. Къ счастью, ни удара, ни колебанія не повторилось, и кончилось все однимъ страхомъ. Впослѣдствіи оказалось, что за 280 верстъ отъ Тифлиса, именно въ Эриванской губерніи, съ довольно возвышенной мѣстности Арарата, рухнула громадная масса каменной отвѣсной скалы, подъ которою, съ незапамятныхъ временъ, было расположено большое, весьма зажиточное армянское селеніе Ахуры. Все это селеніе, въ числѣ 1,000 душъ, съ бывшимъ тамъ монастыремъ и многочисленными монахами, сдѣлалось жертвою ужасной катастрофы, отголосокъ которой отразился даже въ Тифлисѣ. Въ 1862 году, чрезъ 22 года послѣ происшествія, случилось мнѣ быть на этой страшной могилѣ, на которой, изъ огромныхъ валуновъ, образовалась цѣлая гора, не оставившая и малѣйшихъ слѣдовъ того, чтобы тамъ могло когда-либо существовать селеніе.

Нерадостна была эта кровавая вѣсть для генерала Головина, чловѣка нечуждаго нѣкоторыхъ предрассудковъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить, по крайней мѣрѣ, положеніе тѣхъ деревень, которыя, по близкому своему нахожденію отъ мѣста происшествія, болѣе или менѣе потерпѣли бѣдствіе. У него ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ былъ Андрей Францовичъ Десимонъ, котораго всѣ любили и уважали за его деликатное, простое обращеніе и готовность помогать всякому — словомъ и дѣломъ. Но единственнымъ докладчикомъ и вліятельнымъ лицомъ по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ былъ директоръ канцеляріи Павелъ Петровичъ Тимофѣевъ, вышедшій изъ мелкоты, чуть-ли не изъ кутейниковъ, чловѣкъ не безъ смысла,

хотя безъ всякаго образованія, но практически понимавшій суть всякаго дѣла.

Мнѣ случилось только одинъ разъ, по порученію директора, быть съ докладомъ у генерала Головина. Въ городѣ Эривани одинъ молодой татаринъ занялъ у другаго, такого же возраста, мусульманина нѣсколько рублей, и уклонялся отъ платежа. Кредиторъ, потерявшій терпѣніе, встрѣтивъ должника днемъ на площади и не разсуждая долго, самовольно, съ насиліемъ, снялъ съ него какое-то верхнее платье, въ обезпеченіе удовлетворенія своей претензіи. Этому поступку, по жалобѣ обиженнаго, былъ данъ характеръ грабежа; возникло военно-судное производство, поступившее съ сентенціею судной комисіи на конфирмацію главноуправлявшаго. Я изложилъ обстоятельно сущность дѣла и, приготовивъ конфирмацію, переписанную набѣло, въ которой былъ оставленъ пробѣлъ для опредѣленія наказанія собственною рукою главноуправлявшаго,—поднесъ къ подписи, полагая, что онъ назначить за самоуправство наказаніе розгами—не болѣе. Головинъ, выслушавъ все, взялъ перо и, не говоря ни слова, поморщившись—написалъ: «повѣсить». Изумленный такимъ опредѣленіемъ наказанія, я счехъ долгомъ доложить, что, по существующимъ законамъ, за подобныя преступленія смертная казнь не полагается. «Не ваше дѣло разсуждать»,—строго отозвался онъ,—«извольте исполнить безпрекословно; я знаю, чтѣ дѣлаю». Татаринъ былъ повѣшенъ, къ большому смущенію мѣстнаго населенія, по доходившимъ слухамъ. Можетъ быть, генералъ Головинъ имѣлъ свои основанія, чтобы навести страхъ, такъ какъ подобныя казни повторялись довольно часто и въ другихъ мѣстностяхъ, особенно въ разбойничьемъ Казакскомъ участкѣ; тѣмъ не менѣе, взгляды его не достигали своей цѣли, ибо разбойники нисколько не уменьшались, а нерѣдко появлялись даже значительными организованными шайками.

Въ то время, когда генералъ Головинъ вступилъ въ управленіе краемъ, баронъ Ганъ тамъ не находился. Вскорѣ по пріѣздѣ его туда, приступлено было къ общему преобразованію гражданскаго управленія. Выработанный по послѣднему случаю проектъ штатовъ, съ возвышенными окладами и довольно значительными измѣненіями административныхъ раздѣленій, ихъ порядковъ и обязанностей лицъ служащихъ,—высочайше утверждёнъ 10-го апрѣля 1840 года.

Со введеніємъ новыхъ штатовъ, былъ я назначенъ ассесоромъ учреждавшейся тогда палаты государственныхъ имуществъ, которая открыта въ исходѣ декабря того же 1840 года. Насъ всѣхъ назначенныхъ членовъ палаты приводили къ присягѣ въ присутствіи главноуправлявшаго Головина. Недолго оставался я ассесоромъ: скоро былъ утвержденъ совѣтникомъ хозяйственнаго отдѣленія, куда послѣдовалъ такой наплывъ изъ разныхъ учреждений неоконченныхъ дѣлъ стараго времени, что я поставленъ былъ въ невозможность избѣгнуть застою, при ограниченныхъ канцелярскихъ средствахъ. Между тѣмъ баронъ Ганъ выѣхалъ; безъ него, вслѣдствіе оказавшихся повсемѣстно безпорядковъ, особенно на далекихъ окраинахъ, какъ, на примѣръ, въ Гуріи, Елисейскомъ владѣніи и Закатальскомъ округѣ,—послѣдовали существенныя преобразованія: нѣкоторыя гражданскія должности обращены были по-прежнему въ управленіе военное; всѣ попечители государственныхъ имуществъ, съ ихъ помощниками и канцеляріями, упразднены; права самой палаты государственныхъ имуществъ, особенно по защитѣ интересовъ казны, такъ ограничены, что она сдѣлалась не болѣе какъ передаточною инстанціею; такъ продолжалось до пріѣзда осенью 1842 года военнаго министра, князя Александра Ивановича Чернышева и статс-секретаря Повена. Съ прибытіемъ ихъ, по особому высочайшему уполномочію, состоялись новыя измѣненія въ порядкѣ управленія: директоръ Тимофѣевъ былъ смѣненъ, а вскорѣ затѣмъ, именно въ началѣ 1843 года, назначенъ и на мѣсто Головина генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ Александръ Ивановичъ Нейдгардтъ, принявшій управленіе далеко не въ цвѣтущемъ состояніи.

Болѣзненный, въ высшей степени раздражительный, нетерпѣливо-безпокойный, но строго во всемъ правдивый и крайне бережливый въ расходахъ, Нейдгардтъ, съ одной стороны, неуклонно стремился дать быстрое движеніе дѣламъ по всѣмъ частямъ управленія, а съ другой—главнѣйшее вниманіе обращалъ на чистоту и опрятность не только въ учебныхъ заведеніяхъ, но и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ. Нельзя не отдать полной справедливости постояннымъ его заботамъ, хотя онѣ, по своей непрактичности, не достигали и не могли достигнуть желаемой

цѣли, потому что еженедѣльные, чуть не ежедневныя требованія подробныхъ вѣдомостей о движеніи дѣлопроизводства—безполезно отнимали много времени и много лучшихъ силъ, необходимыхъ для болѣе серьезныхъ занятій.

Во всѣхъ заведеніяхъ первымъ у него дѣломъ было заглянуть въ кухонную обстановку. Однажды замѣтилъ онъ въ гимназической кухнѣ нарѣзанные куски хлѣба для раздачи въ обѣду воспитанникамъ. Послѣдовалъ вопросъ: «сколько полагается каждому лицу хлѣба?».—Фунтъ съ чѣмъ-то,—отвѣчалъ экономъ-нѣмецъ. «Свѣситъ»,—приказалъ Нейдгардтъ. Свѣсили: не оказалось противъ нормы 5-ти золотниковъ. «На гауптвахту»,—закричалъ онъ.—Помилуйте, это немного, ваше высокопревосходительство!

«Ну, такъ немного и посидишь,—только два дня».

Въ то время, когда, за отсутствіемъ управляющаго палатой, я исправлялъ его должность, неожиданно прибылъ въ присутствіе генералъ Нейдгардтъ. Обозрѣвъ внимательно комнаты и потолки, онъ, въ присутственной камерѣ, остановилъ взглядъ на зеркалѣ и спросилъ: «это что такое?».

— Зерцало,—отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, вотъ это что такое?—сказалъ онъ, указывая на стекло, покрывавшее одну сторону зеркала: подъ стекломъ оказалась обоглѣвшая муха, съ раздвинутыми посерединѣ стекла крылушками.

— Муха, ваше высокопревосходительство....—отозвался я, нѣсколько сконфузившись.

— То-то муха,—а вотъ пойдите въ любую базарму и посмотрите, найдется-ли что-нибудь подобное, хотя тамъ находятся солдаты, а здѣсь совѣтники.—Потомъ, взглянувъ на нѣкоторые поземельные планы, тѣмъ и кончилъ обзоръ, выразивъ, однакожь, неудовольствіе, очень меня тревожившее.

При Нейдгардтѣ состоялъ директоромъ канцеляріи Сергій Федоровичъ Васильковскій и особо начальникъ гражданскаго управленія, генералъ-лейтенантъ Г.... Первый, какъ человекъ съ образованіемъ, хотя по природѣ довольно грубоватый и упрямый, былъ большимъ труженикомъ. Главнѣйшія достоинства послѣдняго составляли: высокій станъ и генеральскіе эполеты.

Не могу не привести одного случая съ генераломъ Г.... Раз-

несся слухъ, что онъ недоволенъ дѣйствіями палаты государственныхъ имуществъ и намѣренъ произвести строгую ревизію этого учрежденія. Намъ—чиновникамъ—было извѣстно, что онъ не понимаетъ гражданскихъ порядковъ, и потому въ голову никому не приходило особенно приготовляться, да, признаюсь—мы и не думали, чтобы ревизія могла состояться. Однако, онъ явился въ палату.

— Какія тутъ у васъ есть дѣла?—спрашиваетъ у одного изъ чиновниковъ.

— Всякія есть, ваше превосходительство; вотъ—изволите видѣть, всѣ шкафы переполнены дѣлами; какое прикажете вамъ подать?

— Подайте мнѣ какое-нибудь,—приказалъ онъ.

Чиновнику, съ которымъ онъ говорилъ, какъ-разъ попалось подъ руку громадное дѣло, составлявшее, въ теченіе цѣлаго года, пустую, текущую канцелярскую переписку. Чиновникъ поднесъ дѣло и доложилъ:

— Вотъ все какія у насъ дѣла.

— Въ чемъ же оно заключается?

— Здѣсь очень много предметовъ,—отвѣчалъ чиновникъ, и давай высчитывать все, что только приходило ему на мысль и что даже не входило въ кругъ обязанностей палаты, наприимѣръ: и содержаніе почтовыхъ станцій, и высылка бѣглыхъ имеретинцевъ, и конфискація измѣнническихъ имѣній, и проч., и проч.

— Да, нехорошо, нехорошо, что такія важныя дѣла залеживаются; надѣюсь, что они всѣ будутъ кончены въ скорѣйшемъ времени,—отозвался онъ и, послѣ обзорѣнія помѣщенія, вышелъ.

Черезъ недѣлю; встрѣтивъ чиновника, представлявшаго ему дѣла въ палатѣ, генералъ Г.... спросилъ его:

— Ну, въ какомъ положеніи теперь ваши дѣла?

Тотъ почтительно и безъ малѣйшей заминки отвѣчалъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ ваше превосходительство изволили произвести строгую ревизію и сдѣлали важныя указанія, смѣло можно сказать, дѣла пошли какъ нельзя лучше.

Ему это очень понравилось, и онъ удостоилъ чиновника даже пожатія руки.

Такъ все шло за Кавказомъ, безъ опредѣленной мысли, безъ

всякой системы, при отсутствіи самыхъ необходимыхъ служеб-ныхъ познаній, и въ сущности не выходило ничего, кромѣ траты денегъ и бесполезнаго истребленія бумаги,—до назначенія на мѣстникомъ кавказскимъ князя Воронцова.

IV.

Князь М. С. Воронцовъ.—Командировка въ Ново-Баязетскій уѣздъ.—С. В. Сафоновъ.—Новое назначеніе.—Дѣятельность князя М. С. Воронцова.—Кавказское общество сельскаго хозяйства.—Кавказскіе агрономы.—Посѣвъ шелковичныхъ червей.—Дѣло Копьева.—Опасное рукопожатіе.—Генералъ З...ій.—М. П. Щербининъ.—Увольненіе князя М. С. Воронцова.

1845—1855.

Нѣтъ сомнѣнія, что князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, по своей служебной дѣятельности и по своей громадной популярности, займетъ въ исторіи не одну страницу. Скажу только то, что лично мнѣ извѣстно за время его управленія Кавказомъ.

Какъ теперь помню, 25-е марта 1845 года, день прибытія въ Тифлисъ князя Воронцова, вмѣстѣ съ супругою его Елисаветою Ксаверіевною. Торжество было полное: весь городъ, съ амкарами, національною музыкою и амкарскими значками,—встрѣтилъ ихъ далеко за городскою чертою. Въ самомъ городѣ, кромѣ великолѣпной иллюминаціи, всѣ лавки и магазины были убраны дорогими коврами и матеріями,—словомъ, восторгамъ не было конца.

На другой день послѣ пріѣзда князя Воронцова, былъ назначенъ у него пріемъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Довольно большой залъ въ домѣ, занимаемомъ намѣстникомъ, былъ переполненъ явившимися на пріемъ, такъ что съ трудомъ можно было увидѣть князя. Высокій станъ, покрытая сѣдинами голова, умное, какъ-будто улыбающееся лицо, ласковыя симпатичныя манеры—произвели на всѣхъ отрадное впечатлѣніе, на меня въ особенности. Ну, думалось мнѣ, если и теперь не пойдутъ здѣсь дѣла хорошо, то, значить, грузинскій царь правду сказалъ, что «пока не отыщется мѣсто, гдѣ кѣмъ-то зарыта свиная голова,—нигакія силы не въ состояніи установить за Кавказомъ порядокъ управленія».

Пока князь Михаилъ Семеновичъ всматривался въ дѣла и зна-

коинлся съ порядками управленія, мнѣ дано было экстренное порученіе отправиться въ Александропольскій уѣздъ для раскрытія злоупотребленія, состоявшаго въ несвоевременномъ снабженіи магазиновъ провіантомъ, отчего, по случаю наступившаго зимняго времени, неудобнаго для транспортировки, войска поставлены были въ большое затрудненіе. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ по исполненіи этого порученія, какъ неожиданно получилъ я предписаніе, за подписью самого князя: немедленно произвести строжайшее слѣдствіе въ Ново-Баязетскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, надъ участковымъ засѣдателемъ Тархановымъ (изъ армянъ) о безпримѣрномъ будто-бы его лихоимствѣ, какъ жаловалось все общество Гокчинскаго участка.

Ново-Баязетскій уѣздъ, расположенный въ мѣстности, весьма суровой въ зимнее время, населенъ, большею частію, армянами, выходцами изъ персидскаго города Азербейджана, не имѣющими никакого понятія объ удобствахъ жизни; они занимаютъ плодородныя земли, много продаютъ хлѣба и другихъ произведеній, но живутъ грязно, супо, сваредно, отказывая себѣ въ самыхъ необходимыхъ насущныхъ потребностяхъ, и всегда стараются приобрѣтать деньги звонкою монетою и—чѣмъ новѣе, т. е. блестяще, монета, тѣмъ охотнѣе, даже платятъ за нее съ возвышеніемъ нарицательной цѣны. Скопленные деньги они закапываютъ въ землю и, въ свободное время, въ кругу своей полунагой семьи, забавляются какъ развлеченіемъ—устройствомъ изъ скопленныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ различныхъ пирамидъ, а потомъ опять прячутъ въ избранныя хранилища. Мнѣ рассказывалъ одинъ изъ нихъ же, уже нѣсколько обрусѣвшій армянинъ, что въ Баязетскомъ уѣздѣ зарыто въ землѣ денегъ болѣе милліона рублей.

Отправившись въ Ново-Баязетскій уѣздъ, болѣе 4-хъ мѣсяцевъ трудился я надъ порученнымъ мнѣ казуснымъ дѣломъ, при всевозможныхъ лишеніяхъ и неудобствахъ, среди полудикаго населенія, обитающаго въ подземельяхъ вмѣстѣ съ домашними животными. Накопилось большое производство и не безъ успѣха по нѣкоторымъ важнымъ пунктамъ. Удостоенный личной благодарности князя за этотъ трудъ, я радовался, что могъ заслужить такое вниманіе. Вышло, однакожь, не такъ, какъ мнѣ воображалось: Тархановъ, надъ которымъ производимо было слѣдствіе,

оказался родственникомъ армянскаго патріарха Нарсеса, лица сильнаго. Ничего не зная, я неосторожно правдиво доложилъ князю Михаилу Семеновичу о результатахъ дѣла. Къ несчастію, при этомъ находился назначенный уже на мѣсто Васильевскаго, директоромъ канцеляріи намѣстника, Степанъ Васильевичъ Сафоновъ, которому почему-то очень не понравился мой откровенный докладъ. Когда, по приказанію князя Михаила Семеновича, была составлена мною подробная записка и принесена, вмѣстѣ съ дѣломъ, къ Сафонову, то онъ принялъ меня очень нелюбезно, чтобы не сказать—грубо.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ меня повелительнымъ, надменнымъ тономъ, и какъ бы недовольный.

«Мнѣ, лично отъ васъ, ничего не угодно, — отвѣчалъ я, едва сдерживая себя:—угодно только исполнить извѣстное вамъ приказаніе князя»—и тутъ же положилъ ему на столъ все дѣло съ запиской.

Сафоновъ, схвативъ это дѣло, сердито бросилъ его на окно.

Послѣ этого случая, стало меня преслѣдовать какое-то недоброе предчувствіе, которое не замедлило осуществиться: 27-го сентября 1847 года, прочиталъ я приказъ о переводѣ меня, безъ моего вѣдома, изъ палаты государственныхъ имуществъ, совѣтникомъ въ грузино-имеретинское, нынѣ тифлисское, губернское правленіе, гдѣ было большое накопленіе и запущеніе дѣлъ, требовавшихъ особенной дѣятельности. Дѣлатъ было нечего, волеяневолей приходилось повориться своей участію. Я утѣшился только тѣмъ, что въ то время въ Тифлисѣ занималъ должность военнаго губернатора генералъ-маіоръ Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ, человекъ прямой и честный. Скоро онъ обратилъ на меня вниманіе, и я сталъ пользоваться полнымъ его довѣріемъ. Къ сожалѣнію, Сергѣй Николаевичъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не обладалъ достаточнымъ современнымъ тактомъ, и скоро потерпѣлъ крушеніе: онъ былъ переведенъ внутрь Россіи, кажется, въ Витебскую губернію.

Между тѣмъ, князь Михаилъ Семеновичъ, облеченный большою властью, сталъ твердою ногою на ту почву, которая повсемѣстно требовала радикальной обработки: онъ обратилъ вниманіе на чистоту и опрятность городовъ; на возвышеніе и улучшеніе положенія нѣкоторыхъ лучшихъ княжескихъ родовъ, давъ

имъ матеріальную поддержку и приличное значеніе; устроилъ въ Тифлісѣ замѣчательное театральное зданіе и тротуары съ значительными посадками деревьевъ; закрылъ смрадную и вредную Салалавскую канаву, простиравшуюся въ центрѣ города до Мухранскаго моста; исходатайствовалъ учрежденіе закавказскаго «приказа общественнаго призрѣнія», въ видахъ предоставленія возможности землевладѣльцамъ освободиться отъ разоренія ихъ ростовщиками ¹⁾; создалъ по лѣвую сторону рѣки Куры, на грязной мѣстности, гдѣ была деревня Куки,—особое, довольно красивое пригородье, съ весьма цѣнными постройками, тянущееся теперь почти на двухъ-верстное пространство; закрылъ палаты государственныхъ имуществъ, съ возложеніемъ обязанностей ихъ на губерскія правленія; образовалъ изъ Грузино-Имеретинской и Каспійской губерній—четыре губерніи, именно: Тифлисскую, Эриванскую, Шемахинскую (нынѣ Бабинскую) и Кутанскую; неослабно преслѣдовалъ мысль о народномъ образованіи, объ улучшеніи садоводства, огородничества и, вообще, сельскаго хозяйства, для чего постоянно и, большею частью, на собственные деньги выписывалъ прививки облагороженныхъ деревъ и сѣмена. Наконецъ, замѣтивъ, что отрасль эта развивается медленно, по непонятливости, лѣни и равнодушію населенія, сформировалъ «общество сельскаго хозяйства». Общество это, возникшее не само собой, какъ это обыкновенно дѣлается, когда въ данной мѣстности интеллигентные хозяева чувствуютъ потребность сходиться для обмѣна мыслей,—явилось, въ сожалѣнію, учрежденіемъ, такъ сказать, искусственнымъ. Князь Воронцовъ это хорошо понималъ; но онъ хотѣлъ, создавая сельско-хозяйственное общество, во главѣ котораго, на первое время, сталъ самъ, какъ президентъ,—вызвать въ мѣстныхъ хозяевахъ жизнь и дѣятельность. Онъ думалъ, что сельско-хозяйственныя улучшенія за Кавказомъ привьются такъ же скоро, какъ они привились въ Новороссійскомъ

¹⁾ Впрочемъ, ожиданія князя, въ этомъ отношеніи, не достигли цѣли, потому что всѣ земле-и садо-владѣльцы, соблазнившись небольшими процентами, бросились занимать изъ «приказа» значительныя суммы, подъ залогъ своихъ имѣній, употребляя занятыя деньги, большею частью, непроизводительно, и въ настоящее время дошли до полной неоплатности, за весьма немногими исключеніями; а «приказъ» поставленъ въ затрудненіе вслѣдствіе высокой оцѣнки имѣній и по неувѣжливости желающихъ покупателей.

край, благодаря «обществу сельскаго хозяйства Южной Россіи», тоже имъ созданному; но вышло иначе: «кавказское общество сельскаго хозяйства», просуществовавъ много лѣтъ, не успѣло почти ничего сдѣлать ни при немъ, ни послѣ него, съ такимъ непонятливымъ населеніемъ страны.

Для характеристики восточнаго человѣка приведу два случая. Князь Воронцовъ приказалъ устроить при «кавказскомъ обществѣ сельскаго хозяйства» — «сѣменное депо», изъ котораго хозяева могли получать, за самую умѣренную плату, разные сельско-хозяйственные сѣмена, съ наставленіемъ, какъ ихъ разводить. Въ засѣданіяхъ «общества», собиравшихся, первое время послѣ открытія онаго, во дворцѣ намѣстника, — онъ, съ неподдѣльнымъ любопытствомъ и вниманіемъ, спрашивалъ землевладѣльцевъ о ходѣ ихъ хозяйствъ, объ урожаяхъ, о результатахъ разведенія разныхъ растеній, сѣмена которыхъ были выписываемы часто по указанію князя. Въ то время всѣ домогались быть принятыми въ члены этого общества, но не ради дѣла, или любви къ дѣлу — нѣтъ! Самое дѣло было на послѣднемъ планѣ. Поступленіе въ члены сельско-хозяйственнаго общества удовлетворяло, нѣкоторымъ образомъ, мишурному тщеславію и чванству грузинъ и армянъ, — чванству, присущему восточнымъ человѣкамъ — бывать во дворцѣ намѣстника, говорить съ нимъ и потомъ рассказывать съ важностію въ своемъ кружкѣ, что я-де-былъ у намѣстника въ засѣданіи. Нужно было хоть однажды видѣть, какъ, бывало, послѣ засѣданія у князя Воронцова, члены «общества сельскаго хозяйства» изъ туземцевъ выходятъ на подъѣздъ его дома и тамъ стараются оставаться какъ можно долѣе, въ виду проходящей по Головинскому проспекту публики, чтобы показать себя и порисоваться.

Однажды въ засѣданіи князь Воронцовъ спросилъ, не обращаясь особенно ни къ кому, а въ видѣ общаго вопроса, — какъ удалась цвѣтная капуста, сѣмена которой были розданы членамъ общества «бесплатно». Глубокое молчаніе. Но вотъ встаетъ одинъ изъ присутствовавшихъ, князь Д. Д. О.... и говоритъ, что нигуда не годится это растеніе; что онъ развелъ, было, ее у себя, но потомъ сравилъ буйволами, потому что она въ пищу человѣку не пригодна. Удивленный князь Воронцовъ спрашиваетъ о подробностяхъ и получаетъ въ отвѣтъ, что капуста эта «овсѣмъ

некруглая, какъ надо быть, а большая, туда-сюда пошелъ». Это значитъ, что цвѣтная капуста, какъ непохожая на кочанную, никуда не годится, по тогдашнимъ понятіямъ мѣстнаго населенія, и ее нашли пригодною только для кормленія буйволовъ.

Князь А.... купилъ въ «сѣменномъ депо» «общества сельскаго хозяйства» пудъ сѣмянъ кормовой травы—люцерны (іонжа, по-мѣстному) и въ то же время фунтъ яичекъ шелковичнаго червя. Разспросивъ въ депо, какъ сѣять іонжу и какъ обращаться съ яичками для лучшаго сбереженія ихъ до времени наступленія выкормки, онъ отдалъ покупцу своему старостѣ, рассказавъ по-своему, какъ и что дѣлать. Когда наступило лѣто, землевладелецъ полюбопытствовалъ узнать у старосты о результатахъ посѣва іонжи и выкормки шелковичныхъ червей. Каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ, что староста распорядился яички шелковичнаго червя посѣять, а сѣмена іонжи хотѣлъ оживить и кормить ихъ шелковичнымъ листомъ,—но ничего, разумѣется, не вышло изъ этого. Староста рѣшилъ, что нововведеніе господина его никуда не годится.

При всѣхъ, однако же, затрудненіяхъ, князь Воронцовъ не уклонялся отъ своей задачи. Всегда невозмутимый, проникательный, дѣятельный, онъ былъ доступенъ, ласковъ, внимателенъ ко всему, а если замѣчалъ или открывалъ какія-нибудь уклоненія отъ порядка, то хладнокровно налагалъ на виновнаго все-сильную свою руку, несмотря ни на какое лицо. Такъ, былъ случай съ однимъ полковымъ командиромъ, именно съ полковникомъ Копьевымъ ¹⁾, который провелъ у князя вечеръ съ танцами, въ полномъ веселіи, и, откланиваясь, удостоился даже пожатія руки хозяина; а когда пришелъ въ свою квартиру, то былъ арестованъ и посаженъ на гауптвахту, съ назначеніемъ надъ нимъ слѣдствія (мнѣ неизвѣстны въ подробности основанія этого дѣла, но общая молва утверждала, что тутъ играла роль интрига, съумѣвшая ловко ввести князя въ ошибку—относительно Копьева, пользовавшагося общимъ уваженіемъ). Лица, служившія въ Тифлисѣ во время намѣстничества князя Воронцова, встрѣчали его иногда довольно поздно вечеромъ, одного, прогуливавшагося инкогнито по городу. Во время этихъ прогулокъ, онъ ко всему

¹⁾ См. «Русская Старина», изд. 1873 г., т. VII, стр. 538—548.

прислушивался, а на другой день, неожиданно, являлось какое-нибудь полезное распоряженіе. Чуть-ли не такимъ же путемъ открытъ онъ въ Тифлисѣ большую шайку воровъ и мошенниковъ, промышлявшихъ безнаказанно, подъ покровительствомъ и при участіи одного изъ полицейскихъ чиновниковъ. Его и уважали, и боялись,—особенно боялись тѣ, которые удостоивались пожатія руки, имѣя въ виду примѣръ на Копцевѣ. Однажды, во время поѣздки по краю, случилось князю быть въ какомъ-то отдаленномъ укрѣпленіи, гдѣ находился большой военный госпиталь. Обозрѣвъ госпиталь во всей подробности, онъ нашелъ его въ хорошемъ состояніи и, обратясь къ смотрителю, выразилъ ему благодарность, а съ тѣмъ вмѣстѣ, протянулъ ему руку; тотъ, испугавшись до крайности и пряча свою руку, палъ на колѣна, прося помиловать его, какъ бѣднаго человѣка, обремененнаго большимъ семействомъ. Князь едва-замѣтно улыбнулся, спросивъ:—въ чемъ же онъ просить помилованія, когда все у него въ порядкѣ?

«Говорятъ, ваше сіятельство, что когда вы подадите кому-нибудь руку, то это значить—пропалъ человѣкъ»,—отозвался бѣднякъ, со слезами на глазахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ князь,—я вами доволенъ и искренно благодарю, а въ доказательство поздравляю съ будущею наградою.

Тогда только испуганный смотритель пришелъ въ нормальное положеніе.

Князь Воронцовъ, при всѣхъ многосложныхъ заботахъ своихъ по обширному управленію, никогда не пренебрегалъ тѣми случайностями, которыя выдавались въ служебномъ мірѣ личными заслугами и способностями. Такимъ образомъ было остановлено и постоянно поддерживалось благосклонное его вниманіе на одномъ изъ областныхъ начальниковъ, именно генералѣ З...мъ, человѣкѣ хотя нѣсколько оригинальномъ, но дѣятельномъ и нелишенномъ природнаго остроумія, особенно на малороссійскомъ нарѣччіи. З...ій вполне чувствовалъ расположеніе къ себѣ князя, и, дѣйствительно, былъ преданъ ему до обожанія, по крайней мѣрѣ, наружно; но самъ, какъ начальникъ двуличный, не менѣе капризный и лукавый, не пользовался ни любовью, ни искреннимъ уваженіемъ со стороны своихъ подчиненныхъ.

Къ удовольствію большинства служившихъ при князѣ Ворон-

цовѣ, мѣсто Сафонова занялъ Михаилъ Павловичъ Щербининъ, человекъ доступный, весьма разумный, высокообразованный, трудолюбивый, чрезвычайно вѣжливый и добрый. Я никогда не былъ къ нему близокъ и, можетъ быть, во всю мою службу, встрѣчался съ нимъ не болѣе трехъ разъ и то на самое короткое время; но было бы несправедливо не помянуть его добрымъ словомъ. Со вступленіемъ его въ должность, дѣла по управленію пошли быстрѣе, направленіе ихъ стало благотворнѣе, безъ натяжекъ, безъ криводушія и безъ всякихъ измышлений.

Такое положеніе дѣлъ было непродолжительно. Князь Воронцовъ сталъ замѣтно слабѣть здоровьемъ; онъ уѣхалъ на продолжительное время въ отпускъ; управленіе краемъ временно было поручено генералу Реаду; М. П. Щербининъ переведенъ сенаторомъ. Въ началѣ 1855 года сдѣлалось извѣстнымъ, что князь М. С. Воронцовъ покидаетъ край навсегда. Намѣстникомъ кавказскимъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи Николай Николаевичъ Муравьевъ 1-й.

Петербургъ.

В. А. Дзюбенко.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

II ¹⁾).

Письма и его замѣтки.

1820—1824.

За весь періодъ времени 1820—1824 гг. Пушкиннымъ написаны къ брату его, Льву Сергѣвичу, слѣдующія письма ²⁾):

Блшневъ 24-го сентября 1820 года ³⁾).

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ съ подробными разсказами. Начинаю съ яиць Леды. Приѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенью. Генералъ Раевской, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ гѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 371—388.

²⁾ Изъ собранія писемъ А. С. Пушкина къ его брату Льву неоднократно дѣлаемы были выдержки его біографами, поэтому нѣкоторые письма почти на память знаютъ почитатели великаго поэта. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ все собраніе этихъ писемъ было напечатано почти совершенно въ безвѣстномъ изданіи «Библиографическихъ записокъ» 1859 г., сверхъ того неполно и крайне несправно, то мы считаемъ полезнымъ воспроизвести ихъ съ дополненіями и поправками, тщательно проверенными П. А. Ефремовымъ по синску, находящемуся въ его собраніи книгъ и рукописей.

³⁾ Левъ Сергѣвичъ въ это время былъ еще въ пансіонѣ.

Р е д.

(ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги для меня вѣчно незабвенныя), смѣль его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказскимъ водамъ; лѣкарь, который съ ними ѣхалъ, общалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на щастливой путь—я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю выгѣчился. 2 мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрные горячія. Впрочемъ купался въ теплыхъ кисло-сѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебныя ключи находятся не въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ; ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи—любопытуетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дурь ихъ изчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленныя конвои—излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносящая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградой въ будущихъ войнахъ—и можетъ быть сбудетъ для насъ химерической планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками; вѣчно верхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! ѣхалъ въ виду неприязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смиренны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа—они готовы напасть на известнаго Русскаго Генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности правится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ Черноморскихъ и Донскихъ казакахъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крима. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я—на ближней горѣ посреди кладбища увидѣлъ я груды камней, утесовъ грубовыеѣченныя—замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это,

древнее ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоценнаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то Французъ прислалъ изъ Петербурга для розысканій—но ему не достаетъ ни денегъ, ни сведеній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ—и подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, не далеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія сведенія объ Крымѣ, сторонѣ важной и запущенной. Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрузфъ, гдѣ находилось семейство Раевского. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію ¹⁾, которую тебѣ присылаю; отослалъ ее Греку безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали Татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрузфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, щастливѣйшія минуты жизни моеи провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нѣжели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я щастливъ: свободная, безопасная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался—щастливое полуденное небо; прелестный край; природа удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского. Будешь ли ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. Покрайнѣи мѣрѣ пиши ко мнѣ—благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію—добрый, умной старушкою—къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, по-

¹⁾ Эта элегія: «Погасло дневное свѣтло».

веселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ..... Русскимъ безвѣстную.....¹⁾ я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Все ли еще они въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! прости. Обними же за меня Бюхлеб. (Кюхельбекера) и Дельвига—Видишь ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братии. Пушкинъ.

(Кишиневъ) 27-го іюня (1821 года).

Брату.—Здрастуй Левъ, не благодарю тебя за письмо твое. по тому что ты мнѣ дѣльнаго ничего неговоришь—я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покажѣть я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по русски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду русскую Азбуку. Если ты въ родину, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ): пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое сотвореніе міра Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ С. О. прошлаго года?²⁾ кто на ны? «Черная шаль» тебѣ нравится—ты правъ, но ее чортъ знаетъ какъ напѣчатала. Кто ее такъ напѣчаталъ? пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его, братски, скажи ему, что онъ славная душа и что я люблю его, какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ³⁾—и возьми у него на мой щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзьями—экземпляровъ(ъ) 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его⁴⁾, Овошникову его⁵⁾, Лампу его⁶⁾—и все едико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева

¹⁾ Пропуски въ рукописи.

²⁾ «Синъ Отечества» 1820 года, часть LXIV. Вопросы эти написаны были гвардейскимъ офицеромъ Дмитріемъ Петровичемъ Зыковымъ, по поволу «Руслана и Людмила».

³⁾ Никитю Всеволодобичемъ.

⁴⁾ Буквы V. C. P.—Veuve Cliquot Pontchartrain, и буквы L. D.—марки винъ: первая—шампанскаго-кленко, вторая—шато-икема. Столъ и превосходный погребъ Н. В. Всеволожскаго славилась въ высшемъ кругу тогдашняго петербургскаго общества.

⁵⁾ Кордебалетную танцовщицу.

⁶⁾ Общество, собиравшееся у Н. В. Всеволожскаго, называлось обществомъ «Зеленой Лампы».

и Мансурова—пожелай здравія Калмыку ¹⁾—и напиши мнѣ обо всемъ. Пришли мнѣ «Тавриду»—Боброва. Vale. Твой братъ А.

(Приписка): Сестрѣ.—Etes-vous de retour de votre voyage? avez-vous visité de nouveau les souterrains, les chateaux, les cascades de Narva? celà vous a-t-il amusé? aimez-vous toujours vos promenades solitaires? quels sont vos chiens favoris? avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? qu'est-ce qui vous amuse? Que lisez-vous? Avez-vous revu la voisine Anette Voulf? Montez-vous à cheval? quand revenez-vous à Petersbourg? que font les Korff? êtes-vous mariée? êtes-vous prête à l'être? doutez-vous de mon amitié? bonjour, ma bonne amie ²⁾.

Въ сентябрѣ того же года Пушкинъ писалъ Н. И. Гречу:

Кашпневъ 21-го сентября (1821 года).

Извините, любезный нашъ Аристархъ, что опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе—доставьте письмо здѣсь прилагаемое брату моему; молодой человекъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ С. О. (Сынѣ Отечества) мое посланіе къ Чадаеву; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не правится ³⁾: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral; оно прямо Русское и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано Глунца Философа; зачѣмъ глунца? Стихи относятся къ Американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на щетъ моего же письма—видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

¹⁾ Калмыкъ слуга Всеволожскаго. Онъ на вечерахъ «желалъ здравія» ошанѣвшимъ.

²⁾ Переводъ. «Возвратилась ли ты изъ своего путешествія? посѣщала ли опять варскіе подземелья, замки, водопады? позабавило ли это тебя? любишь ли ты по-прежнему свои уединенныя прогулки? какія у тебя любимыя собачки? помнишь ли трагическую смерть Омфалы и Бизара? чѣмъ забавляешься? что читаешь? видѣлась ли опять съ своей сосѣдкой Анетой Вульфъ? ѣздилъ ли верхомъ? когда возвратишься въ Петербургъ? что подѣлываютъ Корфъ? не замужемъ ли ты? готова ли на это? Не сомнѣваешься ли въ моей дружбѣ? прощай, мой добрый другъ».

Нѣкоторые біографы, пользовавшіеся выписками изъ этихъ писемъ, ошибочно относятъ это письмо, писанное въ 1821 году—къ 1822 году.

³⁾ Стихъ: «Вольнолюбивыя надежды оживимъ»—понимнѣ не вошелъ въ это стихотвореніе и не напечатанъ даже въ послѣднемъ изданіи Псакова.

Дельвигу и Гнедичу пробовалъ я было писать—да они и въ усъ не дуютъ. Чтобъ это значило? Если просто забвенье, то я имъ не пѣняю: забвенье—естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ Эпикурейцами, въ Эпикурейскомъ кабинетѣ и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся, или разочли, что письма ихъ мнѣ не нужны—такъ плохо.

Хотѣлъ—было я прислать вамъ Отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать, хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною 800 стиховъ; стихъ шириною 4 стопы, разрѣзано на 2 пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. Vale. Пушкинъ.

Кишиневъ 24-го генвара 1822 года.

[Брату].—Сперва хочу съ тобою побраниться; какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина. Во вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки—ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ—жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружній голосъ—что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію—и это состояніе несносно. Письмо—гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ—не дошло до тебя—это меня бѣситъ—я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней—тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь что Гнедичъ на меня сердитъ, онъ правъ—я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой—но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать—и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему «Плѣнника». Къ тому же ни Гнедичъ со мной, ни я съ Гнедичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать свою выгоду; а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума. Спроси у Дельвига, здоровъ ли онъ, все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ—каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напѣчатай ихъ въ «Сынѣ» (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не разпускай, въ ней каждой стихъ—правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,

Другой за деньги; понимаю.
 Другой за то, что былъ Французъ;
 Клеонъ—умомъ ее страшая,
 Дамисъ—за то, что вѣжно былъ:
 Скажи теперь, моя Агла,
 За что твой мужъ тебя нѣтъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго:

Клеветникъ безъ дарованья,
 Палокъ ищетъ оцъ чутьемъ,
 А дневнаго пропитанья
 Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя. Твой другъ
 Демьянъ.

Кишиневъ 21-го іюля.

[Брату].—Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не скажу—мнѣ безъ тебя скучно.—Что ты дѣлаешь? въ службѣ ли ты? пора, ей Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери—если упустишь время, послѣ будешь тужить—въ русской службѣ должно непременно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ нибудь когда нибудь; слѣдственно разочти—тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи—ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобы ты былъ такой же невѣжда, какъ В. И. Ковловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе.—Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ—выросъ ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человекомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чудаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: И сплетней разбирать игривую затѣю; я получилъ отъ него полу-кислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя; что мой «Русланъ»? ¹⁾ не продается? не запретила ли его цензура? дай знать. Если же Слонинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? ²⁾ читалъ ли ты мои стихи

¹⁾ «Русланъ и Людмила» былъ изданъ въ отсутствіе Пушкина. Разрѣшеніе цензора И. Тлѣковскаго дано было 15-го мая 1820 года.

²⁾ Говорится о приготавливавшейся въ печати «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г.

ему посланные? что «Плѣнникъ»? радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ П. Б. дѣла есть. Не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть не лзя; унчтожь это вранье. Что Жуковский и зачѣмъ онъ ко мнѣ не писать. Бываешь ли ты у Карамзина? отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь—и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ? ¹⁾ есть ли объ немъ извѣстія? прощай.

Отцу пишу въ деревню.

(Приписка къ сестрѣ). *Ma bonne et chère amie, je n'ai pas besion de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié, mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous. Je vous embrasse et je vous aime—amusez-vous et mariez-vous.* ²⁾

(Изъ Кншпева 1822).

На прошедшей почтѣ—(виновать: съ Долгорукомъ)—я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ—во первыхъ о службѣ. Еслибъ ты пошелъ въ военную—вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ Гвардію тебѣ не за чѣмъ; служить 4 года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какойнибудь полкъ корпуса Раевского—скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ Гвардію—Раевской или Киселевъ—оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни.—Теперь, моя радость, поговорю о себѣ—явись отъ меня къ Никитѣ Всеволод(с)кому—и скажи ему, чтобъ онъ, ради христа, погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года.—Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣла(ла) мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы—само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. Въ посланіи къ Ов. (Овидію) перемѣни такимъ образомъ:

¹⁾ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Тогда онъ находился въ Тифлисѣ и состоялъ на службѣ при канцеляріи А. П. Ермолова (см. «Русская Старина», над. 1875 г., томъ XIII, стр. 343).

²⁾ Переводъ. «Добрый и милый другъ мой, мнѣ нѣтъ надобности въ твоихъ письмахъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ дружбѣ твоей, но они нужны мнѣ единственно какъ вещь, отъ тебя присланная. Обнимаю тебя и люблю. Веселись и выходи за мужъ».

Ты самъ дивись Назонъ, дивись, судьбѣ превратной,
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ... И проч.

Къ стати ѓ стихахъ: то, что я читалъ изъ Ш. Уз. (Шильонскаго Узника) прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц. Но, актеры, актеры! 5 стоп(ные) стихи безъ риемъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ Глухо-рѣва. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Ромлы. Что сдѣлаеть великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй—но боюсь.—Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми у Жуковскаго билетъ для 1-го представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ Мифологіей и Героизмомъ—славяно-русскими стихами, цѣликомъ взатыми изъ Іеремія ¹⁾. Чтѣ бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ—но что говорятъ Дельвигъ и Баратынский? Ода къ Ерм(олову) лучше, но стихъ: «такъ цѣль въ Суворова влюбленъ Державинъ.....» слишкомъ уже Греческой. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: «страхъ при звонѣ мѣди заставляеть народъ уstraшенный толпами стремиться въ храмъ священный.—Зри, Боже! число великій унылыхъ тебѣ просящихъ сохранить имъ—цѣль(ъ) трудъ многимъ людямъ принадлежащій» ²⁾ и проч. Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дель(ига). Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. «Б. изъ Рима» не имѣеть человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила ³⁾. Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза нѣжели стихи—онъ не имѣеть никакого чувства, никакой живости—слозь его блѣдееть, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гете. П.

¹⁾ «Олимпійскія игры», стихотв. Кюхельбекера, были написаны въ Тифлисѣ, въ 1822 г., а напечатаны впоследствии въ «Мнемозинѣ» 1825 г., часть IV, стр. 96.

²⁾ Нѣчто подобное было напечатано въ «Синѣ Отечества» 1823 г. (часть LXXIV, стр. 128).

³⁾ Въ «Синѣ Отечества» 1821 г. (№ VIII) было напечатано стихотвореніе П. А. Плетнева «Батюшковъ изъ Рима», въ которомъ говорилось, что поэтъ вдали отъ родины и друзей утратилъ вдохновеніе. Тогда у Батюшкова уже обнаруживались признаки душевнаго его недуга (письма Батюшкова къ Гнѣдичу были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 559—564; изд. 1871 г., томъ III, стр. 208—236. Письмо съ протестомъ Б. противъ Плетнева, находящееся у насъ, будетъ также напечатано въ продолженіи переписки Батюшкова).

Mon père a eu une idée lumineuse—c'est celle de m'envoyer des habit—garrez-la lui de ma part ¹⁾.

Еще слово—скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ сукна Сына Отечества 2-ю половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.

Милый мой—у васъ пишутъ—что лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго ²⁾. Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило—что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ?

Нескромность Льва Сергѣевича поставила Пушкина въ весьма щекотливое положеніе передъ П. А. Плетневымъ: содержаніе письма сдѣлалось ему извѣстнымъ, и онъ написалъ къ Пушкину посланіе. Вотъ что писалъ Пушкинъ брату:

6-го октября 1822 года.

Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. За чѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнѣмъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ ³⁾ происходитъ отъ нескромности К. Шаховскаго. Впрочемъ посланіе Плетнева, можетъ быть первая его піеса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотама истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; токъ его смѣлъ и благороденъ..... ⁴⁾ на будущей почтѣ отвѣчу ему.

¹⁾ У отца блестящая мысль—прислать мнѣ платье; напомни ему о ней отъ меня.

²⁾ Дума К. Ф. Рыгѣва, напечатанная въ «Сынѣ Отечества» 1822 г., № 23, стр. 130:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучъ денницы
И ушася мѣста озарялъ.

См. «Русская Старина» 1872 г., изданіе второе, томъ V, стр. 277—279.

³⁾ Графъ Ф. П. Толстой, прозванный «американцемъ». Ссора Пушкина едва не довела его до дуэли. Готовясь къ ней, онъ былъ убѣжденъ, что останется живъ. «Толстой черноволосый—говорилъ онъ—а ворожея сказала, что мнѣ грозитъ опасность отъ блздураго». Въ «Русской Старинѣ» была напечатана замѣтка о гр. Ф. П. Толстомъ и нѣкоторые на нее опроверженія; изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 334—336; томъ XXIII, стр. 718.

⁴⁾ Въ подлинникѣ нѣсколько словъ оторвано.

Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой «Плѣнникъ»? a-t-il produit du scandale, пишетъ мнѣ Orlof,—voilà l'essentiel¹⁾). Надѣюсь, что критики не оставятъ въ поноѣ характера «Плѣнника»; онъ для нихъ созданъ, душа моя; я журналовъ не получаю, такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки—не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и можетъ быть явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ, на мѣстѣ; Жуковс(кому) я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; Министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуетъ. О други, Августу мольбѣ мои несите²⁾, но Августъ смотритъ Сентября! Въ стати: получено ли мое посланіе къ Овидію? будетъ ли напечатано? что Бестужевъ? жду календаря его³⁾. Я бы тебѣ и послалъ новыя стихи, да лѣнь. Прощай, милый А. П.—Кышинець.

Другъ мой, попроси И. В. Сленина—чтобъ онъ за вычетомъ осталнаго долга, прислалъ мнѣ 2 экз. Людмилы, 2 экз. Плѣнника, одинъ Шильонскаго узника, книгу Греча—и Цертелева древнія стихотворенія—поклонись ему отъ меня.

Пушкинъ журилъ брата за его привычку пестрить свои посланія французскими фразами, между тѣмъ самъ писалъ своей сестрѣ постоянно по-французски, точно такъ же, какъ и слѣдующее письмо къ брату, заключающее наставленія молодому человѣку на порогъ свѣта, въ который тотъ готовился вступить⁴⁾.

(Брату).—Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me paraît préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtems de votre réputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde contre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

¹⁾ Надѣлалъ ли онъ скандала—это самое главное!

²⁾ Изъ «Посланія къ Овидію» (см. сочиненія А. С. Пушкина, изданіе Анненкова, 1855 года, томъ II, стр. 301—304).

³⁾ Альманахъ: «Полярная Звѣзда»—на 1822 годъ.

⁴⁾ При переводѣ мы старались сохранить сжатость слога подлинника, придерживаясь, по возможности, равносильныхъ русскихъ выраженій. Этого мы не замѣтили въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ новѣйшихъ біографіяхъ Пушкина.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aise de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez-vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart des tousest une perfidie.—Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle. A l'égard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon cœur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offense volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettront pas de briller ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plutôt la misère: croyez, qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude ou l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être cotraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couler à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'intérêt de votre vie.

Переводъ. «Ты въ тѣхъ дѣлахъ, когда должно думать о предстоящемъ поприщѣ; а объяснилъ тебѣ причины, по которымъ военное кажется мнѣ предпочтительнѣе прочихъ. Во всякомъ случаѣ, твое поведеніе должно надолго опредѣлять твою репутацію и, можетъ быть, счастье.»

Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Начиная всегда съ того, чтобы думать о нихъ какъ можно хуже: немвогннмъ ошибешься. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое считаю благороднымъ и добрымъ и которое, вдобавокъ, еще и молодо; презрай ихъ самымъ вѣжливѣйшимъ образомъ. Это средство предохраняетъ отъ маленькихъ предразсудковъ и страстишекъ, съ которыми столкнешься при своемъ вступленіи въ свѣтъ.

Будь холоденъ со всѣми: фамильярность всегда вредитъ; особенно же остерегайся отъ подобнаго обхожденія съ высшими, какъ бы они тебя къ тому ни вынуждали. Они очень скоро превзойдутъ тебя и будутъ очень рады увидѣть тебя, когда этого всего меньше ожидаешь.

Никогда, никакой угодливости; чуждайся уступчивости, на которую можешь быть способенъ: люди ея не понижаютъ и весьма охотно сочтутъ за низость, всегда довольные случаемъ судить о другихъ по самимъ себѣ.

Никогда не принимай благодѣлій. Благодѣланіе, въ большинствѣ случаевъ, коварство.—Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и унижаетъ.

Хотѣлъ бы я предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но у меня не хватаетъ духу черствить твою душу въ пору ея сладчайшихъ мечтаній. Все, что я могъ бы сказать тебѣ относительно женщинъ, было бы совершенно бесполезно. Замѣчу только, что чѣмъ меньше любить женщину, тѣмъ вѣрнѣе обладаніе ею. Но такое наслажденіе прилично старой обаяннѣ 18-го вѣка. Относительно той, которую полюбишь, желаю тебѣ, отъ всего сердца, обладать ею.

Никогда не забывай обиды умышленной; поменьше словъ, или вовсе безъ нихъ, и никогда не мсти оскорбленіемъ за оскорбленіе.

Если состояніе, или обстоятельства твои не позволяютъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишеній, обнаруживай лучше другую крайность: цинизмъ суровостью своею дѣйствуетъ внутренне на легкомысленность мнѣнія, тогда какъ маленькія плутни тщеславія сдѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрѣннымъ.

Никогда не бери взаимы, терпи лучше нужду: повѣрь, что она вовсе не такъ ужасна, какой ее изображаютъ, особенно въ сравненіи съ увѣренностью въ возможности видѣть себя безчестнымъ, или быть принятымъ за безчестнаго. Эти правила, предлагаемая тебѣ мною, почерпнуты изъ собственнаго тяжкаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ, безъ понужденія къ тому когда-либо. Они могутъ забыть тебя отъ дней мученій и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; предешевъ она обойдется моему самолюбію, но это не оставитъ меня, если дѣло коснется счастья твоей жизни.

(Копіевъ. Зима 1823 года).

Душа моя, какъ перевести по Руски: *bévues*?—должно бы издавать у насъ журналъ: *Révue des Bévues* ¹⁾—мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Рылѣева, его же Гербу Россійской на вратахъ Византійскихъ ²⁾ (во время Олега, Герба Рускаго не было—а двуглавый орелъ есть Гербъ Византійской и значитъ раздѣленіе Имперіи на Зап. и Вост.—у насъ же онъ ничего не значитъ). Повѣришь ли, мой милый, что не лзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ

¹⁾ Обзоръ недосмотровъ (или недоглядокъ).

²⁾ Въ думѣ К. Ф. Рылѣева «Олеги» поэтъ говорить объ изображеніи на щитѣ Олега герба Россіи. Этотъ анахронизмъ не могъ ускользнуть отъ зоркаго, критическаго взгляда Пушкина.

bévue, поговори объ этомъ съ нашими да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совѣмъ не нишнись, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи ради Христа Ж. (Жуковскому) чтобъ онъ продиктовалъ Якову ¹⁾ строчки три на мое имя.—Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ онъ изъ ума шутить. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургеневыхъ и Карамзина?

Чѣмъ тебя поподчивать? вотъ стихи Ѡ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жнани шумной
 Меня постигнулъ остраканъ,
 Увидѣлъ я толпы безумной
 Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
 Везъ слезъ оставилъ я съ досадою
 Вѣнки пировъ и блескъ Аеннъ,
 Но голосъ твой мнѣ былъ отрадою
 Великодушный Гражданинъ!
 Пускай Судьба опредѣлила
 Гоненья грозныя мнѣ вновь,
 Пускай мнѣ дружба измѣнила,
 Какъ измѣнила мнѣ любовь,
 Въ моемъ изгнаньи позабуду
 Несправедливость ихъ обидъ;
 Онѣ ничтожны—если буду
 Тобой оправданъ, Аристидъ!

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ, покажи ихъ Глинкѣ; обними его за меня и скажи ему, что онъ все таки почтеннѣйшій человекъ здѣшняго міра.

(По слѣду письма надпись: Брату).

30-го января 1823 г.

Благоразумный Левинька! Благодарю за письмо—жалѣю, что прочія не дошли.—Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами—и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенкѣ(ѣ) Истоминой ²⁾, за которой я когда-то во-лочился подобно Кавказскому плѣннику. Бестужевъ прислалъ мнѣ «Звѣзду»—эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю что Баратынскій поспешил—я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? душа

¹⁾ Камердинеръ Жуковского.

²⁾ Дидло изъ «Кавказскаго Плѣнника» составилъ балетъ, въ которомъ роль черкешенки исполняла Истомина.

моя, и «Руслянь» и «Плѣнникъ» и Noël ¹⁾ и все дрянъ въ сравненіи съ ними.—Ради Бога любя двѣ звѣздочки ²⁾, онѣ объѣдаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта война привела въ задумчивость война, что служить въ иностранной Коллегии и находится нынѣ въ бессарабской Канцелярии.—Эта «Мечта» напечатана съ ошибочнаго списка—призванье вмѣсто званья; тревожныхъ думъ, слово употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по руски ничего не значитъ; воспоминаніе и брата и друзей стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ простой, плоской. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ волюбились мои стихи—это была моя пѣль. Въ отношеніи его я не Семейстокъ; мы съ нимъ приятели и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебываетъ лавочку—

«Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный ³⁾

и проч.—непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнасѣ.—Дельвингъ, Дельвингъ! пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и подравляю тебя—добился ты наковецъ до точности языка—единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche.

Приѣхалъ ли царь? впрочемъ это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву—тамъ увидишь ты моихъ друзей—напомни имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая впрочемъ мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ опалѣ. Можетъ быть они правы—да и я не виноватъ.

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то заплачу, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что Кюхельбемерно ⁴⁾ мнѣ на чужой сторонѣ; а гдѣ Кюхель...?

¹⁾ Noël—по-французски: рождественскій кантъ, а также народная пѣсенка на какое-нибудь событіе. Пушкинъ назвалъ этимъ именемъ свою рукописную шутку: «Узнай народъ Россійскій». Она была напечатана въ наше время въ одномъ изъ заграничныхъ сборниковъ.

²⁾ Пушкинъ подписался ** подъ стихотвореніями: «Къ Овидію» и «Мечта война», напечатанными въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 года.

³⁾ Стихъ изъ «Тарентинской Дѣвы» Гнѣдича («Полярная Звѣзда» на 1823 г., стр. 181).

⁴⁾ Т. е. тоскливо, скучно. Это слово Пушкинъ впервые употребилъ въ эпиграммѣ отъ имени Жуковскаго на своего друга:

«За ужиномъ объѣлся я,
«Да Яковъ залеръ дверь оплошно,
«Такъ было мнѣ, мой другъ,
«И Кюхельбемерно и тошно!»

Ты мнѣ пишешь объ N. N. en voilà assez (довольно объ этомъ). Assez, такъ, assez; а я все при своемъ мнѣнїи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду—въ Августѣ мѣсяцѣ—такъ и быть—а вѣдь неприятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется. Прощай еще разъ.

Одесса 25-го августа 1823 года.

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ, я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Ресторация и Италіянская Опера напомнили мнѣ старину и ей Богу обновили мнѣ душу—между тѣмъ приѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ.—Кажется и хорошо—да новая печаль мнѣ сжала грудь—мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ нѣбей.—Приѣхавъ въ Кишеневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ невзяснимо элегически—и выѣхавъ оттуда навсегда—о Кишеневѣ я вздохнулъ.—Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ Европейскому образу жизни—впрочемъ я нигдѣ не бываю, кромѣ въ Театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ П. Б. письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: Пуш(кинъ) открылъ мнѣ немедленно свое сердце и *corde-feuille*, любовь... и пр.—фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (новой моей поэмы) сказавъ, что я не желалъ бы ее нанечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы помощники!—Здѣсь еще Рачъ. Знаешь ли ты его? будетъ Родзянка—предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу да поговоримъ о дѣлѣ.

Изясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней Цезаурѣ; ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти; хоть я знаю Законъ Божій и 4 первыя правила—но служу и не по волѣ своей—и въ отставку идти невозможно. Все—и всѣ меня обманываютъ—на кого же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ. На хлѣбѣхъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно—крайность можетъ довести до крайности.—Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію—хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ

мнѣ П-бургъ—когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извозчика отъ Аннич. моста, онъ вѣчно бранился за 80 к. (которыхъ вѣрно бѣ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги). Прощай, душа моя—у меня хандра—и это письмо не развеселило меня.

Одесса 25-го августа.

Такъ и быть я Вяземскому пришлю Фонтанъ—выпустивъ любовный бредъ—а жаль!

(Одесса. Начало 1824 года).

Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. Н. Раевской здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; за чѣмъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись—а иначе Богъ знаетъ когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его М—ровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя—такому то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится же въ терпѣжъ. *Ubi bene, ibi patria*. А мнѣ *bene* тамъ, гдѣ растеть тризъ-трава, братцы! ¹⁾ Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? что до славы, то ея въ Россіи мудроно довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому нибудь В. Козлову которому льстятъ и Петербургскія знакомства, а чело-вѣкъ немного поридочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. *Mais rougquoi chantais-tu?* (Но зачѣмъ же ты пѣлъ?) на сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, гѣкарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги—такое я въ наготѣ моего циннама. Плетневъ пишетъ мнѣ, что «Бахч. фронт.» у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей Славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! остается узнать, разкупиться ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Корниловичъ, нисать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнитъ съ досады—на

¹⁾ Изъ стихотворенія: «Ахъ, гдѣ тѣ острова и пр.»

что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому быть? къ стати о гадости—читалъ я Фредру Лобанова—хотѣлъ писать на нее критику, но ради Лобанова, а ради маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ—и объ этомъ у васъ шумять, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи Г. Расина. Voulez-vous découvrir la trace de ses pas —

надѣешься найти

Тезей жаркой слѣдъ, или темные пути...

М. его въ рифму! вотъ какъ все переведено. А чѣмъ и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры «Федры» верхъ глупости и ничтожества въ изобретении—Тезей ничто иное, какъ первый Мольтеровъ рогачъ; Иполитъ, le superbe, le fier Hypolyte—et même un peu farouche (величавый, гордый Иполитъ и даже немного дикій), Иполитъ, суровый Скиеской выблядокъ—ничто иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный —

D'un mensonge si noir... и проч.)

Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица—сравни его съ рѣчью молодого любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Тераненъ аббатъ и сводникъ—vous même ou seriez vous etc... (вы сами, гдѣ были бы вы и проч)...—вотъ глубина глупости! Съ Рыгѣвымъ мирюсь: «Войнаровской» полонъ жизни ²⁾. Что Кюхля? Дальмигу буду писать, но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева «Олега вѣнчаго» и напѣчаталъ. Можетъ быть я ему пришилъ отрывки изъ «Онѣгина»; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его—онъ ожидалъ отъ меня Романтизма, напелъ сатиру и динизмъ, а порядочно не разчухалъ.

(Одесса) 1-го апрѣля 1824 года.

Вотъ, что пишетъ ко мнѣ Вяземской:

«Въ Благон. («Благонамѣренномъ») читалъ я, что въ какомъ то ученомъ обществѣ читали твоей «Фонтанъ» еще до напечатанія. На что это похоже и въ П. Б. ходятъ тысячи списковъ съ него—кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю, и проч.».

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? вѣдь ты взялъ свои

¹⁾ «Столь черной ложью» и т. д.—монологъ изъ Федры.

²⁾ См. «Русская Старина» изданіе 1871 г., томъ III, стр. 210 и слѣд.

3000 руб.— а тамъ хоть трава не расти.—Все такъ, но жалъ, если книгопродавцы въ первой разъ поступившіе по Европейски, обдернутся и останутся въ накладкѣ—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышнемъ. Такимъ образомъ обяванъ я за все, про все—друзьямъ моей Славны—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри какъ бы съ голоду не обоглѣть, а они кричатъ слава! видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ вась досадно; гребую отъ тебя одного: напиши мнѣ какъ «Фонтанъ» разходитса—или запишусь въ Гр. Хвостовы и самъ разкуплю половину изданія. Что это со мною дѣлають журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова—какъ можно печатать партикулярныя письма—мало ли что мнѣ приходится на умъ въ дружеской перепискѣ а имъ бы все и печатать—это разбой¹⁾; рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупе хвали меня—мнѣ все равно—ихъ не въ грошъ не ставлю а публику почитаю на равнѣ съ книгопродавцами—пусть покупають и врутъ что хотятъ.

Письмо это доставить тебя(ѣ) Синявинъ²⁾ адъют(антъ) Гр. Воронцова, славнѣйшій малой, мой приятель; онъ доставить тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь.—Мнѣ сказывали что ты будто собираешься ко мнѣ; жуда тебѣ! Развѣ на казенной счетъ да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Не ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчае те мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете—а подрываете мой книжный торгъ—куда хорошо.

(Адресъ на оборотѣ): Льву Сергѣевичу Пушкину у Обуховскаго мосту, домъ Полторацкаго.

(Одесса) 13-го іюня (1824 года).

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на щетъ Булгаринскаго вранья—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что нибудь о «Сѣверныхъ цвѣтахъ»—выдутъ ли и когда выдутъ? Съ перемѣною Министерства ожидаю и перемѣны Цензурн. А жалъ... ъ

¹⁾ Булгаринъ напечаталъ въ «Литературныхъ Листкахъ» (1824 года, часть I, № 4, стр. 147) по поводу «Бахчисарайскаго Фонтана» отрывокъ изъ частнаго письма Пушкина.

²⁾ Ив. Фриг. Сенявинъ былъ впоследствии товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

soupe était pleine (чаша переполнялась). Бирюковъ и Красовской не въ терпѣжь были глупы, своеправны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ ли онъ Бахчис. фонтанъ изъ уваженія къ святыни Академическаго словаря и неблавно составленному слову водометъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще, и послалъ ему лобзаніе не яко Іуда-Арзамасецъ, но яко Разбойникъ-Романтикъ. Поштыгаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ первою главой или пѣснью «Онѣгина». Авось пролѣзаетъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ «Онѣгинѣ»—скучно, душа моя. Въ другой разъ когда нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другаго рода. Неприятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда приѣхала кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба—но мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ «Кавк. плѣн.» за 2000 р. кому бишь? вотъ перемѣны:

«И путникъ оживаетъ—и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ—вперялъ онъ любопытный взоръ. И уповательнымъ мечтамъ—и упительнымъ. Не много.... ей дней—ночей—ради Бога—прощай».

(На оборотѣ штемпель почтамта: «Одесса, 13-го іюня 1824». По бокамъ письма черновой набросокъ строфы изъ «Онѣгина»: «Я помню море предъ грозою»—глава первая, строфа XXXIII).

Черезъ семнадцать дней послѣ этого письма (30-го іюля 1824 г.) Пушкинъ высланъ изъ Одессы въ Псковскую губернію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАЛКСКОЕ ПОВОИЩЕ ¹⁾.

Высокія равнины Средней Азии издревле служили колыбелью кочевыхъ народовъ турецкаго и монгольскаго корня; первые занимали западную часть этихъ равнинъ, а вторые—восточную или, такъ называемую, степь Гоби. Между тѣмъ какъ турецкіе народы находились подъ вліяніемъ мусульманской цивилизаціи Передней Азии, монгольскіе испытывали непосредственное вліяніе Китая. Знаменитая Каменная Стѣна, какъ извѣстно, мало достигала своей цѣли. Кочевники не только прорывались черезъ нее и грабили китайскія области, но иногда завоевывали самую страну и возводили на престолъ Китая собственныя династіи, которыя, въ свою очередь, обновляли могущество имперіи и налагали дань на своихъ степныхъ соплеменниковъ. Такъ, въ XII вѣкѣ надъ всею сѣвѣрною половиною Китая господствовало манджурское племя Ниучей, которые держали въ своей зависимости значительную часть монголовъ. Но, по обыкновенію, завоеватели подчинялись вліянію гораздо болѣе цивилизованнаго хотя-бы покореннаго народа, принимали его нравы, образъ жизни, и утрачивали нѣкоторыя племенные черты, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивали свою дикую энергію и воинственность.

Родиной того монгольскаго племени, изъ котораго вышли наши завоеватели, была горная окраина степи Гоби, лежащая за Вайкаломъ, орошаемая Ингодою, Онономъ, Керлономъ и дру-

¹⁾ Изъ второй части Исторіи Россіи

гими источниками Амура, обильная лѣсомъ и пастбищами. Племя это, подобно другимъ монголо-татарскимъ кочевникамъ, дѣлилось на разныя части или кочевья, такъ называемыя—юрты, улусы, орды и т. п. Всякая орда имѣла свои знатныя семьи или словія благородныхъ (нойоны, беки), а также и свой княжескій или владѣльческій родъ, изъ котораго выбирались ханы. Власть ханская была ограничена сеймомъ или собраніемъ знатныхъ, которое созывалось въ важныхъ случаяхъ и называлось курилтаемъ. Этотъ курилтай выбиралъ самихъ хановъ или подтверждалъ ихъ наслѣдственные права. При такомъ политическомъ строѣ, умный, энергичный ханъ часто могъ сосредоточить въ своихъ рукахъ неограниченную власть надъ своимъ племенемъ. Подобный ханъ, не довольствуясь собственнымъ удѣломъ, нерѣдко налагалъ дань на сосѣднихъ хановъ, силою отнималъ у нихъ часть подданныхъ, или ловкою политикою переманивалъ ихъ въ свою орду. Вслѣдствіе того, въ степи иногда слагалась довольно могущественная монархія, которая могла выставить многіе десятки тысячъ вооруженныхъ людей, и тогда она становилась страшною для ближнихъ осѣдлыхъ государствъ. Но рѣдко такое могущество переживало своего основателя. Со смертію его, оно дѣлилось между братьями или сыновьями, а потомъ падало въ ихъ междоусобіяхъ. Но вообще постоянное занятіе охотою, почти непрерывныя мелкія войны между ханами и частыя набѣги на сосѣдей, ради добычи,—развивали и поддерживали тѣлесную крѣпость и воинственный духъ монгольскихъ племенъ. При этомъ у ихъ предводителей вырабатывались иногда замѣчательно хитрый, острый умъ, находчивость и умѣнье пользоваться обстоятельствами для достиженія своихъ цѣлей.

Подобно всѣмъ основателямъ великихъ монархій или родоначальникамъ знаменитыхъ династій, Чингизъ-ханъ не имѣетъ недостатка въ баснословныхъ преданіяхъ, которыми позднѣйшіе мусульманскіе лѣтописцы (татарскіе и персидскіе) украсили его происхожденіе и подвиги. Напримѣръ, въ числѣ его предковъ упоминаютъ нѣкоего Огузъ-хана, который, будучи еще груднымъ ребенкомъ, проявилъ себя ревностнымъ мусульманиномъ, а потомъ, сдѣлавшись ханомъ, покорилъ многіе народы. Далѣе повѣствуютъ о ханшѣ, по имени Алангоа, которая, оставшись вдовою, отъ солнечнаго свѣта родила трехъ сыновей; младшій

изъ нихъ былъ предкомъ Чингизъ-хана. Отецъ послѣдняго, Есукай-Багадуръ, отличался храбростію и предпримчивостію; почему онъ успѣлъ соединить подъ своею властію многіе сосѣдніе роды и поколѣнія, такъ что ему платило дань отъ тридцати до сорока тысячъ семействъ. Чингизъ-ханъ родился около 1160 года по Р. Х. и получилъ имя Темуджина. Тѣ же баснословныя сказанія прибавляютъ, что онъ явился на свѣтъ съ кускомъ запершейся крови въ ежатой руцѣ, и что нѣкто при этомъ случаѣ предсказалъ ему будущую славу и завоеваніе всего міра.

Темуджину было только тринадцать лѣтъ, когда скончался его отецъ. Большая часть родовъ, подвластныхъ Есукай-Багадuru, воспользовалась смертію послѣдняго, отказалась платить дань его сыну—и отпочевала отъ его юрта. Не довольствуясь тѣмъ, мятежники нападали на его кочевья, отгоняли скотъ, брали плѣнныхъ и вообще вели съ нимъ обычныя между сосѣдами войны. Для молодаго Темуджина начался долгій періодъ различныхъ испытаній и превратностей судьбы. Неразъ въ войнахъ съ сосѣдними племенами онъ терпѣлъ неудачи, измѣны, различныя обиды, и попадалъ въ руки враговъ, отъ которыхъ избавлялся почти чудеснымъ образомъ. Зато въ теченіе этого періода закалились его характеръ и мужество; развились его изобрѣтательный умъ и военный гений, вмѣстѣ съ холодною расчетливою смирѣнностію. Есть извѣстіе, что нѣсколько лѣтъ онъ пробылъ у Ніучей, въ Китаѣ, и воспользовался тѣмъ временемъ, чтобы познакомиться съ зрѣлою гражданственностію Китайскаго народа, а въ особенности изучить тамъ разные приемы военного искусства, болѣе усовершенствованныя чѣмъ у дикихъ кочевниковъ, сильныхъ только своею конницею и своимъ искусствомъ стрѣлять изъ лука; въ чемъ они упражнялись съ дѣтскихъ лѣтъ. Одинъ современный ему китайскій лѣтописецъ изображаетъ Темуджина челоуѣкомъ непохожимъ по наружности на другихъ монголовъ, людей неуклюжихъ, съ короткими ногами, съ плоскимъ свуластымъ лицомъ и тупымъ носомъ, съ узкими, далеко разставленными глазами, безъ верхнихъ рѣсницъ, съ рѣдкими волосами на бородѣ и усахъ. Онъ, напротивъ, отличался очень высокимъ ростомъ, большимъ лбомъ и длиною бородою. Вѣроятно, какъ и прочіе монголы, онъ носилъ волосы на китайскій образецъ, т. е. обрѣтые на передней части головы, съ длинною косою на затылкѣ.

Вотъ одна изъ тѣхъ баснословныхъ превратностей, которыя постигали будущаго грознаго завоевателя—въ молодости, на его родинѣ. Разъ враждебное племя Тайджигутовъ напало на кочевье Темуджина и его братьевъ—и потребовало отъ ихъ матери выдачи только его одного. Темуджинъ спрятался въ недоступной пещерѣ, на берегахъ рѣки Онона; провель тамъ девять сутокъ безъ пищи и питья. Наконецъ онъ вышелъ изъ своего убѣжища, рѣшивъ, что, если ему суждено умереть,—на то есть воля Тенгри (или неба, почитаемаго монголами за верховное божество). Подстерегавшіе враги схватили его, отвезли въ свое кочевье и заключили въ оковы, а на шею, сверхъ того, надѣли деревянную колодку. Одна старая женщина сжалилась надъ молодымъ плѣнникомъ—и подложила ему кусокъ войлока на плечи, чтобы колодка неслишкомъ ихъ терла. Случилось, что Тайджигуты справляли большой праздникъ и до-пьяна напились кумысу. Темуджинъ разбилъ ножныя оковы, ударилъ ими своего сторожа и, убѣжавъ, спрятался въ болотѣ. Враги искали его; но тутъ одинъ изъ ихъ же племени, замѣтивъ его въ водѣ, послалъ искавшихъ въ другую сторону. Онъ же потомъ спрятать его у себя въ возу съ овечьей шерстью, а когда обманутые сыщивы удалились, далъ ему быструю кобылицу, и Темуджинъ благополучно воротился въ свое кочевье. Такимъ образомъ, во время неудачъ и превратностей счастья, онъ всегда находилъ людей, которые помогали ему избавляться отъ опасности. Щедростію и ласвою онъ умѣлъ привлечь къ себѣ сердца и приготовить многихъ союзниковъ, которые способствовали его возвышенію.

Темуджину было уже за сорокъ лѣтъ, когда долгая, настойчивая борьба съ разными препятствіями и обстоятельствами увѣнчалась, наконецъ, полнымъ успѣхомъ, и судьба сдѣлалась постоянно къ нему благосклонна. Тайджигуты соединились съ нѣкоторыми племенами, когда-то отложившимися отъ Темуджина, и пошли на него съ большимъ войскомъ. Онъ собралъ всѣ подвластные себѣ тринадцать родовъ, расположилъ ихъ одинъ подле другаго, въ видѣ кольца, и мужественно встрѣтилъ неприятелей. Упорная битва окончилась полнымъ ихъ пораженіемъ. Семьдесятъ тайджигутскихъ бековъ, захваченныхъ въ плѣнъ, Темуджинъ велѣлъ бросить въ семьдесятъ кипящихъ котловъ. Большая часть побѣжденных родовъ признали надъ собой его власть. Затѣмъ

послѣдовалъ рядъ удачныхъ войнъ съ другими монголо-татарскими ханами; число подвластныхъ ордъ начало быстро возрастать. Въ этихъ войнахъ вѣрнымъ его союзникомъ былъ старый Ванъ-ханъ или начальникъ сильнаго племени Керантовъ, по имени Тулуй, много обязанный его отцу Есулай-Багадуру. Помогая другъ другу, Темуджинъ и Ванъ-ханъ неразъ одолевали враждебные имъ союзы другихъ хановъ. Однако, побуждаемый своимъ сыномъ, который завидовалъ возраставшему могуществу Темуджина, старикъ впоследствии разорвалъ союзъ и затѣялъ междоусобіе. Оно окончилось поражениемъ и смертью Тулуя и его сына; а племя Керантовъ подчинилось побѣдителю. Теперь Темуджинъ уже не имѣлъ болѣе соперниковъ между монгольскими ханами. Въ 1203 году онъ созвалъ большой курилтай на богатыхъ пастбищами берегахъ Керлона, угостилъ собравшихся роскошнымъ пиромъ и заставилъ провозгласить себя верховнымъ ханомъ монгольскихъ ордъ. Рядомъ съ знаменемъ своего рода, состоявшимъ изъ четырехъ конскихъ хвостовъ, онъ развернулъ другое, изъ девяти хвостовъ яка или дикаго буйвола, по числу девяти монгольскихъ волѣнъ. Тутъ же, по словамъ преданія, одинъ вѣщій человѣкъ (конечно, шаманъ) объявилъ народу, будто онъ посланъ самимъ небомъ возвѣстить, что Темуджину предназначено овладѣть вселенной и что отнынѣ онъ долженъ называться Чингизъ-ханомъ. (По нѣкоторымъ толкованіямъ—«великій ханъ»).

Обширныя завоеванія быстро послѣдовали одно за другимъ. Постепенное подчиненіе западныхъ или турко-татарскихъ ордъ привело Чингизъ-хана въ столкновение съ Гуръ-ханомъ; такой титулъ носилъ тогда владѣтель Кара-Китая или Восточнаго Туркестана. Послѣдній былъ завоеванъ. Затѣмъ подчинены Уйгуры, самое образованное изъ турецкихъ племенъ, обитавшее въ Алтайскихъ горахъ. (Отъ нихъ монголы заимствовали азбуку). Потомъ подверглось разгрому царство Тангутское, лежавшее въ южной Монголіи, сопредѣльное Китаю. При этихъ завоеваніяхъ Чингизъ-хану помогали не только его военный гений и многочисленность войска, но еще болѣе—умѣнье пользоваться взаимною враждою, ошибками или неспособностью сосѣднихъ государей. Соединивъ подъ своею властію большую часть монголо-татарскихъ и турко-татарскихъ кочевниковъ Средней Азіи, Чингизъ обратилъ оружіе на Китай, т. е. на сѣверную его половину или имперію манджур-

скихъ Ниучей, которыхъ династія называлась Кинь; государь ихъ носилъ титулъ Алтунъ-хана. Китайское правительство, безпечно допустившее быстрое возрастаніе Чингизова могущества, вдругъ потребовало отъ него прежде платимой дани. Отсюда возникла упорная война. Темуджинъ проникъ за Каменную Стѣну, и внесъ опустошеніе внутрь имперіи. Ниучи, уже успѣвшіе утрачить отчасти свой воинственный духъ, не могли противустать въ открытомъ полѣ, а защищались въ укрѣпленныхъ городахъ, которые явились въ началѣ непреступными для монголовъ, какъ исключительно коннаго войска. Но тутъ же они научились искусству брать эти города, отчасти долгимъ обложеніемъ и голодомъ, отчасти—усвоивъ себѣ стѣннобитныя машины, умѣнье дѣлать подкопы и другіе осадныя приемы, употреблявшіеся въ Китаѣ. Взявъ и разграбивъ кавой-нибудь городъ и подступая въ другому, монголы выставляли обыкновенно плѣнныхъ жителей впереди своего войска и принуждали ихъ исполнять разныя осадныя работы. Такимъ образомъ защитникамъ приходилось бросать стрѣлы и другіе метательные снаряды въ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ, что конечно ослабляло мужество первыхъ. Борьба съ сильной имперіей однако была нелегка. Чингизъ-ханъ предпринималъ нѣсколько походовъ въ Китай, прежде нежели ему удалось овладѣть столицей Пекиномъ и поколебать владычество Ниучей. Полное завоеваніе этой имперіи было окончено уже при его преемникѣ. Въ борьбѣ съ Китаемъ монголамъ помогли, въ особенности, его внутреннія неустройства, какъ-то: убійство и сверженіе государей ихъ соперниками, измѣна нѣкоторыхъ военачальниковъ, нелюбовь китайскаго населенія въ своимъ манджурскимъ завоевателямъ и проч. Всѣми этими обстоятельствами монгольскій ханъ умѣлъ искусно воспользоваться; время того, къ союзу противъ имперіи Киневъ онъ привлекъ Сунговъ, владителей другой, южной, части Китая.

Во время этой борьбы вниманіе Темуджина частію было отвлечено въ иную сторону, т. е. на западъ, войною съ другимъ могущественнымъ государемъ Азіи, именно съ Магометомъ, султаномъ Ховарезма или югозападнаго Туркестана. Магометь оружіемъ расширилъ свое царство съ одной стороны—до береговъ Каспійскаго моря, а съ другой—до рѣки Инда, и завладѣлъ большою частію Персіи. Въ началѣ турецкій султанъ и монгольскій

ханъ заключили между собою дружескій и торговый договоръ. Но надменный Магометъ не оцѣнилъ Чингизова могущества, и легкомысленно нарушилъ договоръ: онъ отказался удовлетворить хана за монгольскій караванъ; разграбленный въ турецкихъ владѣнiяхъ, и за убійство Чингизовыхъ пословъ. Отсюда возникла жестокая война, покрывшая пенломъ и сотнями тысячъ труповъ многія цѣлѣиці дотолѣ страхи, въ особенности область Амударьи, средоточіе Магометова царства. И тутъ Чингизъ-ханъ ловко воспользовался обстоятельствами для борьбы съ непріателемъ, въ особенности взаимною враждою султана и багдадскаго халифа Аль-Нассира. Халифатъ находился уже въ полномъ упадкѣ, и Магометъ задумалъ подчинить его своей верховной власти. Тогда халифъ самъ началъ возбуждать противъ него монгольскаго завоевателя. Въ имперіи Магомета одна часть жителей слѣдовала суннитскому толку, другая шіитскому. Султанъ покровительствовалъ послѣднему; поэтому халифъ вооружалъ противъ него суннитскихъ подданныхъ, чѣмъ увеличивалъ разладъ въ Ховарезмской имперіи, и безъ того составленной изъ разнообразныхъ, чуждыхъ другъ другу, народовъ. Уже при самомъ началѣ войны, Магометъ оказался слабѣ своего противника въ открытомъ полѣ, а потому такъ же, какъ и китайскій государь, принужденъ былъ ограничиться защитою укрѣпленныхъ городовъ. Чингизъ-ханъ и его сыновья прошли опустошительнымъ потокомъ по непріятельской землѣ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, города одинъ за другимъ падали въ руки монголовъ; причѣмъ одна часть способныхъ носить оружіе обыкновенно присоединялась въ войску побѣдителей, а другая безъ пощады истреблялась, или обращалась въ рабство. Такъ пали, между прочимъ, славившіеся своею торговлею и мусульманскою образованностію: Бухара, Ходзентъ, Самаркандъ, Балъхъ, Ургенчъ, Мервъ, Гератъ и др. Истребляя жителей или забирая ихъ въ плѣнъ, чтобы съ горіемъ вырвать всякую возможность сопротивленія и бунта на будущее время, Чингизъ-ханъ приказывалъ падать только художниковъ и ремесленниковъ, какъ людей для него полезныхъ. Ужасъ, наведенный звѣрствомъ и непобѣдимостью монголовъ, немало способствовалъ ихъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Многіе города сдавались на ихъ милость, признавая бесполезнымъ всякое сопротивленіе.

Видя измѣну вассальныхъ владѣтелей и тѣснимый монголами, Магометъ, съ остатками своего войска и двора, отступалъ изъ одной области въ другую. Для его преслѣдованія Чингизъ отрядилъ двухъ своихъ лучшихъ полководцевъ, Джебе-Нойона и Субудай-Багадуръ, съ нѣсколькими десятками тысячъ воиныцы. Тогда начались — съ одной стороны — дѣятельная погоня, а съ другой — стараніе спастись отъ плѣна быстрыми переходами то въ ту, то въ другую сторону. Наконецъ султанъ бросился къ берегамъ Каспійскаго моря, въ отдаленную область Мазандеранъ. Но и сюда скоро явились его неутомимые преслѣдователи. Удрученный горемъ и болѣзнію, Магометъ спасся на одинъ каспійскій островъ, гдѣ и скончался (1221 г.), назначивъ своимъ преемникомъ старшаго сына Джелаль-эд-дина. Этотъ мужественный, предприимчивый государь на нѣкоторое время поддержалъ упорную борьбу съ грознымъ ханомъ и даже одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ монголами; но онъ уже не могъ спасти Ховарезмской имперіи, которая была въ-конецъ опустошена и совершенно завоевана.

Помянутое преслѣдованіе монголами султана Магомета приобрѣло важное значеніе въ русской исторіи: съ нимъ связано первое нашествіе этихъ варваровъ на Русь. Во время этого преслѣдованія, Джебе-Нойонъ и Субудай-Багадуръ далеко углубились на западъ, въ прикаспійскія страны, и вошли въ область Азербейджанъ. По смерти Магомета, они получили отъ Чингизъ-хана, вмѣстѣ съ подерѣвленіями, разрѣшеніе идти изъ Азербейджана далѣе на сѣверъ, чтобы воевать страны, лежащія за Каспіемъ и Ураломъ, особенно турецкій народъ Кипчаковъ или Кумановъ Половцы. Полководцы перешли рѣки Араксъ и Куръ, вторглись въ Грузію, разбили грузинское войско — и направились къ Дербенту. У владѣтеля Шемахи они взяли десять проводниковъ, которые должны были увязать имъ пути черезъ Кавказскія горы. Варвары отрубили одному изъ нихъ голову, съ угрозою поступить такъ же съ другими, если они не доведутъ войско лучшими путями. Но угроза произвела противоположное дѣйствіе. Проводники улучили минуту и убѣжали въ то именно время, когда варвары вошли въ невѣдомыя для нихъ горныя тѣснины. Межъ тѣмъ, извѣщенные объ этомъ нашествіи, нѣкоторые кавказскіе народы, въ особенности Аланы и Черкесы (Ясы и Касоги — русскихъ

лѣтописей), соединясь съ отрядомъ Половцевъ, заняли окрестные проходы и окружили варваровъ. Послѣдніе очутились въ весьма затруднительномъ положеніи. Но Джебе и Субудай были опытные, находчивые предводители. Они послали сказать половцамъ, что, будучи ихъ соплеменниками, не желаютъ имѣть ихъ своими врагами. (Турко-татарскіе отряды составляли большую часть отпавленнаго на западъ войска). Къ своимъ льстивымъ рѣчамъ посланцы присоединили богатые дары и обѣщаніе раздѣлить будущую добычу. Вѣроломные половцы дались въ обманъ, и покинули своихъ союзниковъ. Татары одолѣли послѣднихъ и выбрались изъ горъ на сѣверную сторону Кавказа. Тутъ, на степныхъ равнинахъ, они уже свободно могли развернуть свою конницу, и тогда начали грабить и разворять вежи самихъ половцевъ, которые, полагаясь на заключенную дружбу, разошлись по своимъ кочевьямъ. Они такимъ образомъ получили достойное возмездіе за свое вѣроломство.

Тщетно половцы пытались противиться; они постоянно терпѣли пораженія. Татары распространили ужасъ и разореніе до самыхъ предѣловъ Руси или до, такъ называемаго, «половецкаго вала», который отдѣлялъ ее отъ степи. Въ этихъ битвахъ пали знатнѣйшіе ханы Кипчака—Даниль Кобяковичъ и Юрій Кончаковичъ, бывшіе въ свойствѣ съ русскими князьями и носившіе, какъ видимъ, русскія имена. Оставшійся старѣйшимъ между ханами, Котянь, съ нѣсколькими другими, бѣжалъ въ Галичь, къ зятю своему Мстиславу Удалому, и началъ молить его о помощи. Не таковъ былъ галицкій князь, чтобъ отказываться отъ ратнаго дѣла, чтобы не помѣряться съ новымъ, еще неиспытаннымъ врагомъ.

Наступила зима. Татары расположились провести ее въ южныхъ половецкихъ кочевьяхъ. Они воспользовались зимнимъ временемъ и для того, чтобы проникнуть на Таврической полуостровъ, гдѣ взяли большую добычу, и, въ числѣ другихъ мѣстъ, разорили цвѣтущій торговлею городъ Сугдію (Судакъ).

Между тѣмъ, по просьбѣ Мстислава Мстиславича, южнорусскіе князья собрались на сеймъ въ Кіевѣ, чтобы общимъ совѣтомъ подумать о защитѣ Русской земли. Старшими князьями здѣсь были три Мстислава: кромѣ Удалаго, кіевскій великій

князь Мстиславъ Романовичъ и черниговскій Мстиславъ Святославичъ. За ними, по старшинству, слѣдовалъ Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій. Вѣроятно тутъ же присутствовалъ и четвертый Мстиславъ (Ярославичъ), прозваніемъ Нѣмой, старшій изъ князей волынскихъ; по крайней мѣрѣ, онъ участвовалъ потомъ въ ополченіи. Былъ тутъ и Котанъ съ своими товарищами.

Половецкіе ханы неотступно просили русскихъ князей вмѣстѣ съ ними ополчиться противъ татаръ, и приводили такой доводъ: «если не поможете намъ, то мы будемъ избиты сегодня, а вы завтра». Пресъбы свои они подкрѣпляли щедрыми подарками, состоявшими изъ коней, верблюдовъ, рогатаго скота и красивыхъ плѣнницъ. Одинъ изъ хановъ, по имени Бастий, во время сейма принялъ крещеніе. Самымъ усерднымъ ихъ ходатаемъ явился конечно Мстиславъ Удалой. «Лучше встрѣтить враговъ въ чужой землѣ, нежели въ своей—говорилъ онъ.—Если мы не поможемъ половцамъ, то они, пожалуй, передадутся на сторону татаръ, и у тѣхъ будетъ еще болѣе силы противъ насъ». Наконецъ онъ увлекъ все собраніе; рѣшенъ былъ общій походъ. Князья разѣхались, чтобы собрать свои полки и сойтись вмѣстѣ на условленныхъ мѣстахъ. Послали также просить помощи у великаго князя владими́ро-суздальскаго, Юрія Всеволодовича. Онъ не отвѣчалъ, и отправилъ на югъ суздальскую дружину съ племянникомъ своимъ Василькомъ Константиновичемъ Ростовскимъ. Посылали и къ рязанскимъ князьямъ, но тѣ, невѣроятно почему, не подали никакой помощи.

Походъ въ степи, по обычаю, открылся весной, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Главное сборное мѣсто, во время такихъ походовъ, находилось у правобережнаго городка Заруба и, такъ называемаго, Варяжскаго острова. Здѣсь производилась переправа черезъ Дибирь, на пути изъ Кіева въ Переяславль, который лежалъ тутъ же поблизости, на другой сторонѣ. Конница приходила сюда сухопутнымъ, а пѣхота приплывала на судахъ. По словамъ лѣтописи, судовъ набралось столько, что воины переходили по нимъ какъ по суку съ одного берега на другой. Здѣсь собрались князья кіевскіе, смоленскіе, черниговскіе, сѣверскіе, волынскіе и галицкіе, каждый съ своею дружиною. Сюда же, къ русскимъ князьямъ, явились послы отъ татарскихъ военачальниковъ.

Послѣдніе провѣдали о сильной рати, и попытались, по своему обычаю, локкими переговорами разъединить союзниковъ.

— Слышали мы,—говорили послы,—что вы идете на насъ; мы же земли вашей не занимали, городовъ и селъ вашихъ не трогали, и пришли не на васъ, а на помещевъ, нашихъ колошовъ и конюшовъ. Возьмите съ нами миръ: у насъ нѣтъ съ вами рати. Слышали мы, что помещицы и вамъ много зла творять. Мы ихъ бьемъ отсюда, и если они къ вамъ побѣгутъ, то бейте ихъ отъ себя и забирайте ихъ имущество.

Хитрость, употребленная съ помещами въ Кавказскихъ горахъ, безъ сомнѣнія, была уже извѣстна русскимъ князьямъ. Послѣдніе не только не хотѣли слушать льстивыхъ татарскихъ рѣчей, но и, вопреки всѣмъ обычаямъ, по наущенію помещевъ, велѣли умертвить самихъ пословъ. Отъ Заруба ополченіе, держась праваго берега, двинулось дажѣ къ югу и прошло пороги. Между тѣмъ галицкая пѣхота, подъ начальствомъ двухъ воеводъ—Юрія Домамирича и Держиврая Володиславича, (если вѣрить хѣтописцу) на тысячѣ ладьяхъ, спустилась внизъ по Днѣстру, въ море; потомъ поднялась вверхъ по Днѣпру, миновала Оленье и остановилась оволо пороговъ на устьѣ рѣчки Хортицы, на броду у протоцки, гдѣ и встрѣтилась съ войскомъ, шедшимъ сверху. Пришла и главная рать помещевая. Все соединенное ополченіе едва ли не простиралось до ста тысячъ ратниковъ. И оно заключало въ себя цѣль Русскаго племени.

Во второй разъ явились татарскіе посланцы и сказали: «Вы послушались помещевъ, пословъ нашихъ умертвили и идете противъ насъ; а мы васъ ничѣмъ не трогали; пусть рассудитъ насъ Богъ». На этотъ разъ пословъ отпустили.

Межъ тѣмъ, услышавъ о близости передовыхъ татарскихъ отрядовъ, Данилъ Романовичъ Волинскій и другіе молодые князья, въ сопровожденіи Юрія Домамирича, посѣщили съ легкой дружиною перебраться черезъ рѣку и поскакали въ степь, чтобы посмотреть на невиданныхъ дотогѣ враговъ. Воротясь въ станъ, молодежь рассказывала, что татары смотрятъ людьми самыми простыми, такъ что «пуще» (хуже) помещевъ. Но опытный въ военномъ дѣлѣ Юрій Домамиричъ утверждалъ, что это добрые ратники и хорошіе стрѣлки. Онъ уговаривалъ князей не терять времени

и слѣшить выходомъ въ поле. Навели мосты изъ ладей, и войска начали переправу на лѣвый берегъ Днѣпра. Однимъ изъ первыхъ переправился Мстиславъ Удалой; съ передовымъ отрядомъ онъ ударилъ на сторожевой полкъ непріятельскій, разбилъ его, далеко гнался за нимъ и захватилъ много скота. Татарскій воевода Гемабежъ спрятался, было, въ одномъ изъ тѣхъ могильныхъ кургановъ, которыми такъ изобилуютъ наши южныя степи,—но былъ найденъ. Половцы выпросили его у Мстислава—и убили. Поощренные этою побѣдою, русскіе князья смѣло углубились въ степи, слѣдуя обычнымъ Заловнымъ путемъ, который велъ къ Азовскому морю. Татары отступали, и только сторожевые отряды, время отъ времени, затѣвали мелкія сшибки. Послѣ осьми или девятидневнаго степнаго похода, русская рать приблизилась къ берегамъ Азовскаго моря. Здѣсь татары остановились и выбрали удобное для себя мѣсто за рѣчкою Калкою (притокъ Калміуса).

Первые успѣхи и отступление татаръ усилили и безъ того существовавшую у русскихъ людей увѣренность въ своихъ силахъ и нѣкоторую безпечность: они начали свысока относиться въ непріятелю, который, очевидно, уступалъ имъ и числомъ, и вооруженіемъ. Но единодушіе князей, по обыкновенію, было непродолжительно; уже во время похода возникли—соперничество и разныя пререканія. Общаго начальника не было, а было нѣсколько старшихъ князей, и каждый изъ нихъ распоряжался своими полками отдѣльно, мало справляясь съ другими. Состояніе русской рати и ея слабыя стороны, по всей вѣроятности, не укрылись отъ такихъ опытныхъ, искусныхъ военачальниковъ, каковы были Джебе и Субудай, получившіе большой навыкъ воевать и управляться съ самыми разнообразными народами. Недаромъ они провели зиму въ половецкихъ кочевьяхъ, и безъ сомнѣнія нашли возможность развѣдать все, что имъ нужно было знать по отношенію къ Руси и ея вождямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дарами, ласками и обѣщаніями они постарались найти перебѣжчиковъ и измѣнниковъ, какъ это дѣлали въ другихъ странахъ. По крайней мѣрѣ, наша лѣтопись упоминаетъ о вольной дружинѣ русскихъ Бродниковъ, которые съ воеводою своимъ Плоскиней оказались на Калкѣ въ Татарскомъ ополченіи. Осо-

бенно много перевѣтчиковъ нашлось вѣроятно между половцами. Рѣшалась принять битву, татарскіе воеводы болѣе всего рассчитывали вѣроятно на русскую рознь—и не ошиблись.

Главнымъ виновникомъ бѣдствія явился тотъ самый Мстиславъ Удалой, который всю свою жизнь провелъ въ ратныхъ дѣлахъ и пользовался тогда на Руси славою перваго героя. Нѣтъ сомнѣнія, что собравшіеся князья признали бы временно его старшинство и подчинились бы его предводительству, еслибы онъ сколько-нибудь обладалъ политическимъ смысломъ и твердостью характера. Но этотъ самонадѣянный рубака не только не озаботился какими-либо военными предосторожностями, а напротивъ, считая татаръ вѣрною добычею своего меча, опасался, чтобы кто другой не отнял у него славу побѣды. Къ тому же, въ самую рѣшительную минуту, онъ съумѣлъ очутиться въ какой-то распрѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ Мстиславомъ Романовичемъ Кіевскимъ. Не предупредивъ послѣдняго, Удалой, очевидно, ведшіи передовую или сторожевую рать, переправился за Балку съ галицко-волинскими полками и отрядомъ половцевъ, и началъ наступать на татаръ, выславъ впереди себя Яруна съ половцами и своего зятя Данила Романовича съ волинцами. Татары, закрываясь плетеными изъ хвороста щитами, мѣтко поражали стрѣлами наступающихъ. Русскіе бодро продолжали нападеніе. Особенно отличился при этомъ Данилъ Романовичъ; онъ врубился въ толпы враговъ и сторяча не чувствовалъ раны, которую получилъ въ грудь. Вмѣстѣ съ нимъ ратоборствовалъ другой изъ молодыхъ князей, Олегъ Курскій. Одинъ изъ волинскихъ воеводъ (Василью Гавриловичъ), сражавшійся впереди, былъ сбитъ съ коня. Двоюродный дядя Данила Романовича, Мстиславъ Нѣмой, думалъ, что это упалъ его племянникъ; несмотря на свои преклонныя лѣта, онъ бросился къ нему на выручку—и также началъ вѣрно поражать враговъ. Побѣда казалась уже близка. Но вдругъ татары стремительно ударили на половцевъ; послѣдніе не выдержали ихъ натиска, бросились назадъ на русскіе полки и привели ихъ въ замѣшательство. Искусный врагъ улучилъ минуту, чтобы, не давъ времени опомниться, нанести полное пораженіе галичанамъ и волинцамъ. А когда они обратились въ бѣгство, татары напали на другіе русскіе отряды, еще

не успѣвшіе выстроиться для битвы, и громили ихъ по частямъ. Остатки разбитаго ополченія побѣжали назадъ къ Днѣпру.

Это бѣдствіе совершилось 31-го мая 1223 года.

Одна часть татарскаго войска пустилась преслѣдовать бѣгущихъ, а другая осадила великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича. Послѣдній является вторымъ, послѣ галицкаго князя, виновникомъ пораженія. Не видно, чтобы онъ пытался поддержать значеніе своего старѣйшаго стола и водворить единодушіе въ русскомъ ополченіи. Напротивъ, есть навѣстіе, что, надѣясь на собственный полкъ, онъ предавался безпечности и потѣялся одинъ истребить враговъ. Онъ расположился на возвышенномъ каменистомъ берегу Калки и, огородивъ свой станъ тѣлѣгами и кольями, три дня отбивался здѣсь отъ нападенія татаръ. Варвары прибѣгли къ обычному своему коварству. Они предложили великому князю дать за себя окупъ и мирно удалиться съ своимъ полкомъ. Воевода бродниковъ Плоския на крестѣ присягнулъ въ исполненіи договора. Но—едва кіевляне покинули укрѣпленный станъ, какъ татары ударили на нихъ и произвели безпощадное избиеніе. Мстиславъ Романовичъ и находившіеся при немъ два младшіе князя были задушены и брошены подъ доски, на которыхъ начальники варваровъ расположились для обѣда. Лѣтописцы говорятъ, что однихъ кіевлянъ погубило на Калкѣ до десяти тысячъ;—такъ велико было наше пораженіе.

Татары, отраженные для преслѣдованія бѣгущихъ, также успѣли избить много народу и кромѣ того шесть или семь князей; въ томъ числѣ палъ Мстиславъ Черняговскій. Остатокъ его полка спасся съ его племянникомъ Михаиломъ Всеволодовичемъ (послѣдствіи замученнымъ въ Ордѣ). Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій во время бѣгства успѣлъ собрать вокругъ себя нѣсколько тысячъ челоувѣкъ, отбилъ отъ враговъ и ушелъ за Днѣпръ. Главный виновникъ бѣдствія, Мстиславъ Удалой, также успѣлъ достигнуть днѣпровской переправы, вмѣстѣ съ Мстиславомъ Нѣмымъ и Данииломъ Романовичемъ; послѣ чего онъ велѣлъ жечь и рубить лады, чтобы не дать возможности татарамъ перейти на другой берегъ. Жители нѣкоторыхъ пограничныхъ городов думали умилостивить варваровъ и выходили къ нимъ навстрѣчу

со крестами, но подвергались избіенію. Варвары однако не стали углубляться въ предѣлы Руси, а повернули назадъ въ Половецкую степь. Затѣмъ они направились къ Волгѣ, прошли по землѣ Камскихъ болгаръ, которымъ также успѣли нанести большое пораженіе, и, Уральскими степями, обогнувъ Каспійское море, воротились въ Азію, въ своему повелителю. Такимъ образомъ, монгольскіе завоеватели на опытѣ извѣдали состояніе Восточной Европы и тѣ пути, которые вели въ нее. И этимъ опытомъ они не замедлятъ воспользоваться.

А между тѣмъ—какъ воспользовались тѣмъ же опытомъ русскіе князья? подумали-ль они о томъ, чтобы на будущее время принять болѣе дѣйствительныя мѣры для защиты Руси? Нисколько. Тѣ же—безпечность и самонадѣянность, которыя предшествовали Калкскому пораженію, и послѣдовали за нимъ. Бѣдствіе это не нарушило обычнаго теченія русской жизни и междуназическихъ отношеній, съ ихъ мелкими распрями и спорами о волостяхъ. Татары скрылись въ степяхъ, и русскіе думали, что случайно-грянувшая гроза пронеслась мимо. Современный лѣтописецъ наивно замѣтилъ, что варваровъ этихъ «никто хорошо не знаетъ, какого они племени и откуда пришли. Только премудрые мужи развѣ вѣдали, которые въ книгахъ начитаны: одни называли ихъ татарами, другіе таурменами, третьи печенѣгами; иные считали ихъ тѣмъ самымъ народомъ, который, по словамъ Мееодія Патарскаго, былъ загнанъ Гедеономъ въ пустыню между востокомъ и сѣверомъ, а передъ кончиною свѣта явится и поплѣнитъ всю землю отъ востока до Евфрата, Тигра и до Понтскаго моря». До какой степени русскіе политики того времени мало знали о великихъ переворотахъ, совершавшихся въ глубинѣ Азіатскаго материка, и какъ мало опасались за будущее Русской земли,—показываютъ слова того же современнаго суздальскаго лѣтописца о Василькѣ Константиновичѣ Ростовскомъ. Этотъ князь опоздалъ съ своей сѣверной дружиной: когда онъ достигъ Чернигова, сюда пришла вѣсть о Калкскомъ побойщѣ. Суздальцы поспѣшили вернуться домой, и лѣтописецъ весьма радуется такому благополучному возвращенію князя. Простодушный книжникъ конечно не предчувствовалъ, какая гроза собиралась надъ самой Суздальской Русью и какая мученическая кончина отъ рукъ тѣхъ же варва-

ровъ ожидала Василья! Слова и тонъ этого лѣтописца служатъ отголоскомъ и самаго сѣверно-русскаго общества, среди котораго онъ жилъ. Только впоследствии, когда татары наложили свое тяжелое ярмо, наши старинные книжники болѣе оцѣнили несчастное Калксское побоище и начали украшать его нѣкоторыми сказаніями, напримѣръ, о гибели семидесяти русскихъ богатырей, въ томъ числѣ Добрыни Златаго-Пояса и Александра Поповича съ его слугою Торопомъ.

Москва.

Д. И. Иловайскій.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

въ 1863—1864 гт.¹⁾

Приложенія къ Запискамъ Н. В. Берга.

Въ предыдущей книгѣ «Русской Старины» (томъ XXV, стр. 564—566) мы уже помѣстили нѣкоторые документы, какъ оправдательные матеріалы къ Запискамъ Н. В. Берга, извлеченные имъ изъ разныхъ мѣстныхъ правительственныхъ архивовъ съ разрѣшенія покойнаго фельдмаршала Берга.

Въ настоящей книгѣ «Русской Старины» приводимъ еще нѣсколько таковыхъ матеріаловъ и ими перерываемъ теченіе разсказа составителя «Записокъ», дабы полнѣе была картина общаго хода излагаемыхъ имъ событій.

Полнота эта, между прочимъ, именно достигается приложеніемъ хотя нѣкоторыхъ, возможныхъ въ настоящее время къ обнаруженію, документовъ, непосредственно къ тѣмъ главамъ «Записокъ», на которыхъ таковыя основаны.

Въ слѣдующей книгѣ нашего изданія мы помѣщаемъ продолженіе труда Н. В. Берга — разсказъ о ходѣ вооруженнаго возстанія и борьбы съ нимъ, его подавленія, и окончательное замиреніе края въ 1864—1865 гт., во время намѣстничества покойнаго фельдмаршала О. О. Берга.

Изд.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 179—246; 397—428; 589—620; томъ XXV, стр. 55—88; 515—566.

IV. Число лицъ, содержавшихся подъ арестомъ въ Плоцкомъ Военномъ Отдѣлѣ съ началъ

принимали тамъ

	Двоиннѣ.
1 Отдано въ военную службу	55
2 Выслано въ Псковскую губернію	16
3 Въ Сибирь	86
4 Въ каторгу	42
5 Въ арестантскія роты	3
6 Казнено	4
7 Выслано въ Имперію подъ надзоръ полиціи	28
8 Выслано въ Имперію на время безпорядковъ	3
9 Выдержано въ казематахъ	8
10 Отдано подъ надзоръ полиціи съ увольненіемъ на прежнія мѣста жительства	86
11 Оставлено въ подозрѣніи	16
12 Подвергнуто денежному штрафу	110
13 Виѣнено арестъ въ наказаніе	23
14 Освобождено на поручительства	17
15 Освобождено невинныхъ	228
16 Наказано тѣлесно	—
17 Добровольно явилось и прощено	144
18 Выслано за границу съ воспрещеніемъ вѣзда	—
19 Водворено на землѣ Государственныхъ Имуществъ	2
20 Передано въ другіе Отдѣлы	6
21 Передано Гражданскимъ властямъ	3
22 Срывающихся	181
23 Убитыхъ и умершихъ въ госпиталяхъ	11
24 О коихъ дѣла остались на 1865 г.	—
25 Бывшихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, но о коихъ въ алфавитныхъ спискахъ не указано конфирмаціи	—
26 Бывшихъ въ плѣну	—
Всего	1072
Кромѣ того содержалось подъ арестомъ въ Плоцкомъ Отдѣлѣ съ 1 ян- варя по 1 сентября 1865 г.	—

Составилъ 24-го лѣтотнаго Сямбир

1863 по 1865 г., в томъ и скрытающихся, откуда родомъ, какия именно сословія и лица участіе въ возстаніи.

Ксандовъ.	Шляхты.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Офицеровъ.	Солдатъ.	Отсутствующихъ.	Береговъ.	Иностранцевъ.	Живущихъ.	Неимущихъ.	ИТОГО.
—	37	322	201	—	1	12	4	1	—	22	655
1	130	145	419	—	—	—	8	10	—	33	762
11	34	29	62	—	—	3	3	10	2	3	243
14	46	43	147	1	9	29	6	15	1	2	355
1	35	114	168	—	4	—	4	70	—	7	406
—	6	14	10	3	11	3	—	4	—	3	58
9	8	3	4	—	1	1	—	10	2	—	66
—	2	3	25	—	—	—	—	1	—	2	36
—	2	1	1	—	1	—	—	1	—	—	14
5	27	63	88	—	—	—	8	3	7	3	290
4	5	9	15	—	—	—	2	1	—	2	54
3	69	15	29	—	—	—	45	4	8	5	288
1	37	40	107	—	—	4	9	—	2	6	229
2	39	35	90	—	—	1	2	1	—	3	190
16	115	269	598	—	—	16	61	15	9	49	1376
—	2	13	22	—	—	—	6	—	—	—	43
—	273	372	1869	—	—	—	9	—	—	423	3090
—	—	—	—	—	—	—	—	101	—	—	101
1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
1	2	6	8	—	—	3	2	1	—	4	33
—	2	2	16	—	—	—	4	2	1	3	33
21	91	150	123	3	8	14	24	16	4	660	1295
1	4	8	10	4	1	1	—	3	—	38	81
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18	18
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	25
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
91	1067	1656	4012	11	37	87	197	269	36	1311	9746
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1058	1058

скаго полка поручикъ Завадскій.

V.

«Народное правительство, отдѣленіе иностранныхъ дѣлъ, № 3857. Въ Варшавѣ, 6 декабря 1863 г. Дипломатическому агенту въ Парижѣ, гражданну князю Владиславу Чарторискому.

«По полученіи донесенія отъ 11 и 12 ноября сего года, за № 29 и 30, народное правительство приказало прежде всего приготовить донесенію, по поводу рѣчи императора Наполеона и конгресса, и таковую отправило къ князю подъ....¹⁾ Соглашаясь со многими мыслями и выраженіями въ сообщенномъ княземъ проектѣ, народное правительство находило-бы умиленнымъ сокручить помѣщенный въ этомъ проектѣ историческій эпизодъ, коего мысль, можетъ быть, не всѣ-бы раздѣлили одинаково, а также и литературныя цитаты, не идущія къ официальному документу, который на этотъ разъ долженъ быть въ особенности сжатъ и выразителенъ, чтобы всѣми читался и производить впечатлѣніе. Что касается содержанія, народное правительство считало-бы всего болѣе необходимымъ распространиться о рѣчи императора, какъ поворотѣ къ принципамъ, для всего человѣчества священнымъ, а для насъ по преимуществу спасительнымъ. Тонъ проекта, касательно дѣйствій предполагаемаго конгресса, вышелъ черезъ-чуръ рѣзкимъ. Упомянутое «*seriatim* *vel* *regle* *postea*» — оскорбительнымъ, почти угрожающимъ, что нашему положенію нисколько не соответствуетъ. Рѣшительное требованіе представительства Польши на конгрессѣ, высказанное въ то время, когда еще неизвѣстно, соберется-ли на самомъ дѣлѣ конгрессъ,—только-бы затруднило дѣйствія императора, а врагамъ нашимъ послужило-бы оружіемъ противъ насъ и противъ конгресса. Нечего и думать о непосредственномъ представительствѣ Польши на конгрессѣ раньше, какъ по окончаніи войны. Но все-таки, можетъ быть, намъ придется предъявить такія требованія, единственно для того, чтобы парализовать дѣйствія нашихъ враговъ на конгрессѣ, если-бы онъ собрался. Позволительно было-бы предполагать, что одна Франція можетъ насъ поддержать съ этой стороны, хотя для того, чтобы не дать нашимъ противникамъ кончить дѣла ничѣмъ;—потому желательно, чтобы князь постарался войти въ сношенія съ г. Мейдингесомъ. Только съ подобными требованіями можно выступить не иначе, какъ при поддержкѣ Франціи, вслѣдствіе чего въ донесѣннѣ этотъ предметъ обойденъ, съ тѣмъ чтобы имѣть въ резервѣ возможность выдвинуть его впередъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Намъ нельзя ни коимъ образомъ отзвѣтываться о конгрессѣ оскорбительно и высказывать сомнѣнія объ его дѣйствительности; не наше дѣло выставять на видъ непрактичность мысли императора: пусть это сдѣлаютъ за насъ наши враги. Что конгрессъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, кончится ничѣмъ—это извѣстно императору Наполеону лучше всѣхъ; но если императоръ отнесся къ этому дѣлу до такой степени серьезно—и намъ неловко третировать этого иначе. Съ другой стороны, условное

¹⁾ Въ подлинникѣ (который авторъ писалъ въ своихъ рукахъ) здѣсь пустое мѣсто, слова на два.

принятіе Европой мысли о конгрессѣ представляется народному правительству правдоподобнымъ. Еслибы онъ собрался, враги наши постараются конечно распорядиться такъ, чтобы его работы не повели ни къ чему. А чтобы конгрессъ не принесть намъ вреда, на это есть два способа дѣйствія съ нашей стороны: во первыхъ, упомянутое уже выше требованіе представительства Польши на конгрессъ; во вторыхъ, предложеніе мысли о перемиріи. Последнее указано въ депешѣ отъ 20 ноября, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что мы сочли-бы конгрессъ засадою, еслибы насъ и безъ того не истребили самымъ жестокимъ образомъ. Но эта мысль не высказана окончательно съ той дѣлюю, чтобы оставить себѣ лазейку какъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, такъ и на будущее время. Въ такой торжественный мигъ народному правительству представляется неудобнымъ пройти молчаніемъ то мѣсто рѣчи императора, гдѣ говорится насчетъ обоюдныхъ злоупотребленій. Нѣтъ надобности упоминать, до какой степени горько было намъ встрѣтиться съ такимъ замѣчаніемъ императора, конечно вызваннымъ разными политическими соображеніями. А такъ-какъ, въ сущности, не можетъ быть и рѣчи о сравненіи нашихъ злоупотребленій съ русскими, то мы сочли неприличнымъ пропустить это мѣсто рѣчи, признавая такимъ образомъ до нѣкоторой степени правоту взглядовъ императора. Со своей стороны мы сдѣлаемъ все, отъ насъ зависящее, печатнымъ словомъ, письменно и всякаго рода дѣйствіями, дабы упредить, по возможности, злоупотребленія. Не остановимся даже, въ крайнемъ случаѣ, передъ самыми энергическими средствами, когда этого потребуетъ печальная необходимость. Желательно, чтобы дѣятельность народнаго правительства съ этой стороны была, насколько можно, выставлена на видъ европейской прессой.

Настоящее положеніе возстанія удовлетворительно, если принять въ расчетъ несомнѣнно-трудныя условія, въ какихъ оно дѣйствуетъ, и необычныя страданія народа. Народное правительство имѣетъ всѣ причины надѣяться, что зиму возстаніе переживетъ. Несомнѣнно и то, что бѣшенство русскихъ превзойдетъ всякую мѣру, и нанесенныя намъ зимою пораженія отзовутся бѣдственно на будущихъ судьбахъ нашего отечества. Известно, что теперь нѣтъ для насъ безопасности нигдѣ, кромѣ военнаго стана. Ежедневныя непрестанныя смѣхи людей массами истощаютъ жизненные силы края. Ждемъ новаго рекрутскаго набора, въ родѣ январскаго. Говорятъ, возьмутъ до 20,000 человекъ. Собираются также приступить къ конфискаціи недвижимыхъ имуществъ въ массѣ и въ высшихъ землевладѣльцевъ. Все это наполняетъ сердца наши горечью, хотя и не останавливается жертвъ. По крайней мѣрѣ, вѣрно то, что еслибы страшныя бѣдствія края и безпримѣрное варварство русскихъ приближили-бы сколько-нибудь серьезное вниманіе Франціи къ нашимъ дѣламъ—это было-бы весьма во-время. Кажется, что Россія и Пруссія смотрятъ теперь довольно-благожелательнымъ окомъ на собраніе конгресса, но въ сущности этия прикрывается дьявольская политика, которую ведутъ здѣсь разные русскіе офицеры (Ptarogiszczycy Moskiewscy). Она заключается въ томъ, чтобы весь правый берегъ Вислы подчинить управленію Муравьева и грозить за-одно съ Литвою и Русью, а лѣвый берегъ отдать пруссакамъ. Въ настоящую минуту русскіе либералы хлопочутъ о соединеніи влоцкого и августовскаго воеводства, и, кажется, это имъ удастся. Известно, какъ распоряжается Муравьевъ въ августовскомъ, какъ арестуетъ и ссылаетъ массами, возмущаетъ крестьянъ, вводитъ русскія учрежденія и готовитъ безчислен-

ными секвестрами раззореніе краю. На эту политику и ужасающія явленія князь не оставитъ обратить особенное вниманіе французскаго правительства. У насъ никто не задумывается передъ жертвами, только всѣ говорятъ, что если Польша и будетъ, такъ будетъ—для земли, воды и неба, а ужъ никакъ не для людей. Мы не навязываемся съ просьбами о помощи, но, я не роюя своего достоинства, можемъ всетаки указать на грозящія краю опасности. Сверхъ всякаго рода бѣдствій, необходимо ожидать, что борьба не прекратится, и, можетъ быть, чѣмъ хуже будетъ въ край, тѣмъ долѣе протянется эта борьба. Нельзя не обратить вниманія Франціи, что если она не воспользуется съ помощью, то увидетъ только однихъ развалины нашего отечества и бѣснующихся на пепелищѣ его нашихъ враговъ: все это слѣдуетъ выставить въ приличномъ, никого не унижающемъ тонѣ, но, тѣмъ не менѣе, съ соответствующею дѣлу точностію.

«Что касается положенія народнаго правительства относительно края, оно должно пріобрѣтать все болѣе и болѣе силы и вліянія, какъ-скоро однажды стало на твердыя ноги. Готовность приносить жертвы—та же самая; довѣріе не ослабѣваетъ. Въ настоящую минуту дѣятельность народнаго правительства ознаменовала себя тѣмъ, что оно провело реформы въ городской организаціи. Появилъ наконецъ, что источникъ безтолковой и вредной агитаціи находится въ Варшавѣ и отсюда разливается по всему краю, парализуя тамъ спокойныя и полезныя для дѣла нашего работы. Появилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и то, что насильственная реформа не достигла-бы цѣли, а подавала-бы только поводъ къ новой безтолковой агитаціи, которую слѣдовало опровергнуть единственно посредствомъ ея-же несостоятельныхъ свойствъ. Но покажеться это совершилось—нужно было смотрѣть нѣкоторое время на ея злоупотребленія своими пальцы. Вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснить кое-какіе безпорядки, имѣвшіе мѣсто уже при функціонированіи настоящаго народнаго правительства. Только тогда, когда анархія созрѣла вполне и дала гибельные для нашего дѣла плоды, можно было положить ей прѣдѣлъ рѣшительнымъ движеніемъ противъ нея и съ надеждой на лучшую будущность. Такъ именно и произошло. Народное правительство, выждавъ удобную минуту, провело реформу въ городской организаціи. Нѣсколько безтолковыхъ и теперь уже бессильныхъ крикуновъ взываютъ къ реакціи, но противъ нихъ вопіетъ не только несостоятельность ихъ собственныхъ, до сего времени, поступковъ, но и нѣкоторыя личныя, некрасивыя ихъ свойства, болѣе всего—злоупотребленіе общественнымъ довѣріемъ, при исполненіи разныхъ должностей.

«Нынѣ городская организація находится подъ управленіемъ людей испаннаго характера и добрыхъ патриотовъ. Поэтому народное правительство полагаетъ, что насколько было во власти человѣческой устроить бессмысленную и вредную агитацію, которая надѣлала намъ такъ много вреда, настолько народнымъ правительствомъ это сдѣлано. Будущее покажетъ, былъ-ли въ самомъ дѣлѣ какой толкъ въ этой тихой, укрытой работѣ. Народное правительство имѣетъ всѣ права надѣяться на самые благое результаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ требовать поддержки и довѣрія со всѣхъ сторонъ—имѣетъ право желать этого, ибо глубоко убѣждено, что такая поддержка и довѣріе даромъ не пропадутъ. Что касается распоряженій народнаго правительства, оно требуетъ, чтобы таковыя были исполнены со всею точностію, безъ малѣйшихъ съ чьей-либо стороны измѣненій.

«Частыя перемены въ личномъ составѣ, на что князь жалуется въ по-

слѣдней депешѣ, происходить отчасти вслѣдствіе разгрома, хорошо князю извѣстнаго, отчасти нужны были для устранения беспорядковъ, какіе имѣли у насъ мѣсто. Такъ-какъ народное правительство знаетъ весьма хорошо ситуацию и свои силы, то и дѣлаетъ перемѣны соответственно этому, а если необходимость такихъ перемѣнъ не всегда понятна для отдѣльныхъ личностей, это ослѣдуетъ объяснить тѣмъ, что отдѣльными личности не владѣютъ тайнами, доступными народному правительству. Народное правительство можетъ завѣрить князя и всѣхъ, кого это интересуетъ, что въ выборѣ лицъ оно дѣйствуетъ осторожно и осмотрительно, какъ равно и тогда, когда замѣняетъ одно лицо другимъ.

«Перехода къ одиночнымъ назначеніямъ, народное правительство свидѣтельствуется, что нечего бояться какихъ-либо замѣшательствъ на Востоцѣ, по причинѣ перемѣны агентовъ: Иорданъ получилъ отъ турецкихъ властей увольненіе отъ службы и потребованъ сюда, какъ человекъ намъ нужный. На его мѣсто назначенъ постояннымъ агентомъ гражданинъ Окша. Что касается генерала Эдм. Р. ¹⁾—миссія его исключительна и временна, и основывается по-преимуществу на его военной опытности и знаніи Кавказа. Народное правительство не думаетъ также, чтобы можно было бояться дурныхъ послѣдствій отъ миссіи гражданина Г. Д., въ Римѣ, миссія совершенно неизбѣжной, по причинамъ, которыя въ подробности излагать здѣсь неудобно. Народное правительство надѣялось, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ окажетъ гражданину Л. свою поддержку въ исполненіи порученія, возложеннаго нами на сего послѣдняго, насчетъ чего мы писали къ Великому Князю.

«Замѣчанія о положеніи дѣлъ народнаго правительства и объ исполненіи его предписаній (какъ о томъ выше упомянуто) князь благоволяетъ сообщить гражданамъ: Галенз., Орд. ²⁾ и К. А они пусть сообщать другимъ, кому знать о томъ не мѣшаетъ, сдѣлавъ, разумѣется, при этомъ соответственныя исключенія и комментаріи.

«Народное правительство узнало съ большимъ удовольствіемъ о полезныхъ работахъ г-на М. В., въ видахъ объясненія нашего дѣла англійской прессѣ. Князь не оставитъ выразить г-ну В. признательность народнаго правительства и вмѣстѣ желаніе, чтобы онъ не ослабѣвалъ въ своемъ трудѣ и на будущее время. Отчетъ Парижскаго отдѣленія прессы (*Wydziału drukowego Ażensy Paryżkiéj*) народное правительство также одобряетъ.

«Признавая вполне совершенную необходимость указанныхъ княземъ расходовъ на телеграфическія депеши, народное правительство симъ уполномочиваетъ князя получать на это ежемѣсячно изъ комиссіи народнаго долга по 2.000 франковъ (или менѣе, по мѣрѣ надобности), сверхъ бюджета агентамъ.

«Что до оглашенія французской депеши отъ 28 октября—это было необходимо, конечно, не затѣмъ, чтобы устранить клеветы (на это сослалась только для вида), а затѣмъ, чтобы поддержать колеблющееся народное правитель-

¹⁾ По всѣмъ вѣроятностямъ: Эдмундъ Ружицкій.

²⁾ Вѣроятно: Северину Галензовскому и Юсею Орденгъ.

ство и показать, что оно ничуть не отступило отъ тѣхъ принциповъ, которые обеспечиваютъ для него добрыя цѣлыя націи.

«Въ объясненіяхъ по поводу оглашенія депешы отъ 15 августа, народное правительство не нашло смысла на нѣкоторые существенно-важные пункты. Народное правительство вовсе не думаетъ вести съ этой стороны полемику, и мысли свои, касательно этого, какъ кажется, достаточно князю высказало. Что литовскіе адресы были раньше чѣмъ нужно опубликованы, этому причиной литовскій отдѣлъ, который желалъ доставить такую публикаціей облегченіе народной совѣсти. Оригиналы приказано переслать за границу, но это сопряжено теперь съ неизвѣстной трудностью, по причинѣ распоряженій, послѣдовавшихъ со стороны русскихъ властей вслѣдъ за оглашеніемъ адресовъ.

«Получилъ-ли князь шифрованное предостереженіе отъ 26 октября?

«Касательно г-жи Завадской и г-на Фейдау, давно поручено полиціи известить надлежащія справки. Легко понять, какъ трудно въ настоящее время дѣлать всякаго рода справки. Одно не подлежитъ сомнѣнію, судя по свѣдѣніямъ, собраннымъ отовсюду, что извѣстіе, помѣщенное въ газетѣ «Независимость» (Nierpodległość)—вполнѣ вѣрно, а Завадская имѣетъ дурную политическую репутацію еще со временъ Паскевича. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ, письмо г. де-Балона (de Salonne) было до такой степени невприспособно, что, по мнѣнію народного правительства, князю даже и принимать его въ такой формѣ не слѣдовало. Подробности этого дѣла будутъ сообщены.

«На адресы изъ Хельсда будетъ доставленъ отвѣтъ. Жаль, что эти адресы, хоть въ копіи, не сообщены народному правительству.

«Nation» пишетъ, что народное правительство уже не пользуется послушаніемъ, напротивъ—встрѣчаетъ пассивное сопротивленіе. Эти фальшивыя извѣстія нужно-бы опровергнуть.

«Дошло до насъ, въ настоящую минуту, будто-бы «Constitutionnel» помѣстилъ какую-то невыгодную для насъ корреспонденцію, но благоприятную для Россіи. Просимъ князя увѣдомить насъ, что это такое?

«Русскіе посланники закупили въ редакціяхъ разныхъ газетъ автографы статей о Польшѣ, а теперь захвачены здѣсь разными письмами нашихъ гражданъ и даже судебные приговоры: слѣчаютъ почерки. Нужно имѣть это въ виду на будущее время, принять предосторожности и въ архивахъ агентуръ.

«Изъ рапорта полномочнаго комиссара Галиціи видно, что въ Парижѣ не получено до сихъ поръ увѣдомленіе объ увольненіи народнымъ правительствомъ генерала Мирославскаго въ отставку, 8-го минушаго ноября. Увѣдомленіе это было въ свое время послано съ тѣмъ, чтобы комиссія народнаго долга потребовала отъ генерала отчетъ въ израсходованныхъ имъ суммахъ, равно и остатки этихъ суммъ, а правительственный комиссаръ К. Р. отобралъ у него правительственную печать. Мы не имѣемъ также отчетовъ комиссія вооруженія въ Ліежѣ, которые она должна была представить комиссіи народнаго долга.

«Въ заключеніе просимъ князя слѣдить сколь возможно внимательно за N. N., который, какъ извѣстно, хлопочетъ о чемъ-то въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ Сигизмундомъ Велепольскимъ, а теперь отправляется въ Баденъ-Баденъ, и, какъ говорить, не безъ цѣли. Въ Австріи, между прочимъ, оба эти господина старались войти въ сношенія кое съ кѣмъ изъ галиційской шляхты, дабы вліять

через нее на остальную шляхту края. Вообще, это дѣло покажется темное, но мы надѣмся, что князь отыщетъ способы разоблачить недостойныя интриги и объяснить все это народному правительству. Откуда также принять мѣры разузнать съ этой стороны что можно. Просимъ не уныватьъ прежнихъ ключей, бывшихъ въ ходу до сентября, такъ какъ здѣсь эти ключи найдены куда-то затерялись: какъ-бы они не попали въ руки нашихъ враговъ?».

(L. S.)

Печать отдѣленія иностранныхъ дѣлъ.

(L. S.)

Большая печать народнаго правительства.

VI.

Письмо Софьи Минишевской къ Велепольскому.

«Ваше сіятельство! 2-го мая получила я увѣдомленіе отъ его сіятельства Сигизмунда Велепольскаго, что правительство назначило мнѣ, въ единовременную выдачу, 1.000 рублей сер. и въ то же время представило меня къ пожизненной пенсін такого-же размѣра.

«Кратковременная служба моего мужа не даетъ мнѣ, согласно съ существующими узаконеніями, права на полученіе пенсін: стало быть, назначенное мнѣ вознагражденіе есть ничто иное, какъ расплата за его голову. Вы поймете, конечно, что такого вознагражденія, ни пожизненнаго, ни единовременнаго, я принять не могу, и прошу сдѣлать соотвѣтственно сему зависящее отъ васъ распоряженіе.

«Тяжелая болѣзнь не позволила мнѣ изложить всего этого раньше.

«Варшава, 15-го мая 1863 года».

«Софья Минишевская».

На вопросъ редакціи «Русской Старины»: откуда авторъ «Записокъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ» заимствовалъ переписку жонды съ Чарторынскими и другіе документы, вошедшіе въ упомянутое сочиненіе,—онъ отвѣчалъ:

«Переписка жонды съ Чарторынскими, это оффиціальныя, правительственныя документы, попавшіе въ мои руки по распоряженію намѣстника графа Берга. Ихъ перехватили на пути въ Парижъ, и они потому не были никогда у Чарторынскаго, если только жондъ не послалъ ихъ вторично. Первое письмо, отъ 15 августа 1863 г., досталось мнѣ въ русскомъ переводѣ, который былъ сдѣланъ для меня однимъ моимъ пріятелемъ, офицеромъ Прусскаго полка, капитаномъ Казинымъ. Къ сожалѣнію, я не оставилъ для себя, на всякій случай, копіи съ оригинала и потому въ концѣ замѣчено, что «подлинника авторъ въ рукахъ не имѣлъ». Но сомнѣній въ этомъ документѣ быть не можетъ. Сочинить этого нельзя. Переводъ Казина я нѣсколько исправилъ. Второе письмо, отъ 6 декабря 1863 г., я нашелъ при слѣдственномъ дѣлѣ Траугута и его

министровъ, и перевелъ лично. Потому и говорю въ припискѣ: «подлинникъ былъ у автора въ рукахъ».

«Письмо Бобровскаго къ Лангевичу я нашелъ въ печатномъ видѣ, въ краковской брошюрѣ «Wtuli» (назадъ!) — и также перевелъ самъ. Вообще, переводы документовъ сдѣланы всездѣ мною лично, исключая трехъ случаевъ, когда я не могъ достать подлинниковъ. Это оговариваю въ текстѣ.

«Письма Бобровскаго и кого-то изъ жонда къ Падлевскому, равно и приказы послѣдняго, были захвачены, съ разными другими бумагами, частію при бѣгствѣ его изъ дома Рейха, частію при арестованіи, и хранятся въ архивѣ плоцкаго военнаго отдѣла. Все это я рассматривалъ, бывши въ Плоцкѣ въ 1865 г., и списалъ чтб нужно своей рукой».

Сообщ. Н. В. Вергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АМВРОСІЙ ОРНАТОКІЙ,

Епископъ Пензенскій и Саранскій.

Прочитавши въ «Русской Старинѣ», изд. 1879 г. (томъ XXIV, стр. 159, 366 и 369) рассказы о преосвященномъ Иринеѣ, епископѣ Пензенскомъ и Саранскомъ, бывшемъ потомъ, въ теченіе съ небольшимъ года, архіепископомъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ, и найдя въ одномъ изъ нихъ извѣстіе о выходкѣ, сдѣланной, будто-бы, имъ при просьбѣ пензенскаго полицеймейстера объ исправленіяхъ по архіерейскому дому, во времени прибытія въ Пензу императора Александра I-го,—я считаю нелишнимъ исправить неточность въ отношеніи лица, сдѣлавшаго эту выходку, такъ какъ помѣщенный въ статьѣ рассказъ, ни въ какомъ случаѣ, въ преосвященному Иринею относиться не можетъ.

Императоръ Александръ I посѣтилъ Пензу 30-го августа 1824 г., т. е. тогда, когда преосвященный Иринея, въ санѣ архимандрита, былъ еще въ Кшишевѣ; епископомъ же въ Пензѣ былъ въ то время преосвященный Амвросій, первый этого имени (Орнатскій). Это былъ человѣкъ страннаго, строптиваго и неуживчиваго характера, ни съ кѣмъ, начиная съ губернатора Дубляновскаго, не ладившій и ни кѣмъ въ Пензѣ за то не любимый.

Я лично зналъ и преосвященнаго, и полицеймейстера, коллежскаго совѣтника Демьяна Петровича Путяту, о которомъ идетъ рѣчь и котораго въ Пензѣ всѣ уважали, какъ человѣка добраго и честнаго; но онъ имѣлъ наружность непріятную, будучи кость и курносъ. Бывши съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, я нѣсколько разъ слыхивалъ отъ него самого рассказъ о выходкѣ преосвященнаго, и вотъ что онъ мнѣ передавалъ:

Когда онъ, по приказанію губернатора, явился къ преосвященному Амвросію просить о поправкахъ по архіерейскому дому, преосвященный, несмотря на очевидную необходимость, не хотѣлъ того исполнить. Г. Путята возразилъ, что безобразіе по городу, нетерпимое ни въ какое время, въ виду прибытія государя, еще меньше можетъ быть допущено; а преосвященный, улыбаясь, спросилъ его съ насмѣшкою: «а куда же губернаторъ дѣнетъ твое-то безобразіе?». Вотъ весь разговоръ—онъ былъ коротокъ. Несмотря на протекшіе съ тѣхъ поръ слыхкомъ 54 года, рассказъ г. Путяты остался живо запечатлѣннымъ въ моей памяти, тѣмъ больше, что эпизодъ этотъ, не бывши ни для кого тайномъ, переходилъ тогда, какъ говорится, изъ устъ въ уста по всему городу. Въ такомъ видѣ случай этотъ помѣщенъ въ моей собственной

автобіографіи, остающейся пока в рукописи и написанной в 1870 г., гдѣ, между прочимъ, есть и подробное описаніе пребыванія в Пензѣ в Бозѣ почившаго императора.

Во время пребыванія государя в Пензѣ, преосвященный Амвросій дозволилъ себѣ и другую выходку: 31-го августа, когда государь, в 6 часовъ утра, изволилъ отправляться для смотра войскъ 2 пѣхотнаго корпуса, который весь собранъ былъ в Пензу, то, лишь-только коляска его величества подана была къ подъѣзду, преосвященный, в полномъ облаченіи, съ духовенствомъ, крестомъ, хоругвями и иконами, выступилъ изъ собора навстрѣчу, хотя такой парадъ и не былъ угоденъ государю, о чемъ преосвященный былъ предвѣренъ. Чтобы остановить процессію, посланы были—сперва полицейскій чиновникъ Васильевъ, а потомъ полицеймейстеръ Путата; но преосвященный тогда только возвратился въ соборъ, когда настоялъ на томъ покойный графъ Дибичъ (тогда баронъ), прибывшій на мѣсто. Этому я самъ былъ свидѣтелемъ.

1-го сентября, в квартирѣ государя, в губернаторскомъ домѣ, былъ парадный обѣдъ, къ которому, кромѣ свиты и генералитета, были приглашены губернаторъ, губернскаго предводитель и другія лица; но преосвященный Амвросій приглашенъ не былъ. Онъ оставилъ епаркію, в исходѣ 1825 г., и поселился в Кирилло-Вѣлосерскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался 27-го декабря 1827 г.

Эпизодъ этотъ есть в вѣ «Запискахъ лейбъ-медика Тарасова», помѣщенныхъ, в 1872-мъ году, в «Русской Старинѣ» (два изд.). Заключаящійся в нихъ рассказъ объ этомъ случаѣ обставленъ такими подробностями, которыхъ, на самомъ дѣлѣ, не было; почтенный авторъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ вовлеченъ в заблужденіе рассказчиками новостей, которые, какъ часто случается в дѣйствительности, прибавляютъ кое-что и отъ себя. Сверхъ того, г. Тарасовъ в «Запискахъ» этихъ говоритъ о генералѣ Сакенѣ, какъ о корпусномъ командирѣ; между тѣмъ, князь, а тогда графъ—Сакенъ былъ главнокомандующимъ в арміи, а командиромъ бывшаго в Пензѣ корпуса былъ генералъ отъ инфантерій, князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ.

Что касается до анекдота о преосвященномъ Иринеѣ, который, благословляя флигель-адъютанта, произнесъ, будто-бы, слова, помѣщенные на стр. 368 февральской книжки: я полагаю, что и они приписаны ему неправильно. Задолго до прибытія его в Пензу, еще в дѣтствѣ моемъ, я слыхивалъ этотъ анекдотъ, но дѣйствующими лицами были в немъ гусарскій офицеръ и приходскій священникъ; да и слуховъ о томъ в Пензѣ не было, даже и в отношеніи къ преосвященному Амвросію.

Почетный членъ казанскаго университета, пензенскій старожилъ,

Григорій Мѣшковъ.

БУНТЪ ВЪ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЕНІЯХЪ ВЪ 1831 г.

Разсказъ священника очевидца.

18-го числа истекшаго іюля въ 12-мъ часу дня, состоящій подъ судомъ 1-го Карабинернаго полка штабсъ-капитанъ Лелонгъ, сказалъ мнѣ, что военные поселеніе этого округа возмущались и собираются во 2-й поселенной ротѣ, почему тотчасъ поспѣшилъ я туда, въ намѣреніи совѣтами и увѣщаніями удержать ихъ въ предѣлахъ должнаго порядка. При входѣ въ роту встрѣтился я съ генералъ-маіоромъ Волковымъ и прочими чиновниками строительной части, стоявшими подлѣ его квартиры, куда въ то же время верхомъ прибылъ и командиръ этой роты, маіоръ Манштейнъ, и сказалъ, что въ его ротѣ нѣтъ никакого возмущенія, а примѣтно, что поселяне собираются на лугу противъ роты; туманъ и мгла, бывшіе въ тотъ день, препятствовали видѣть вдаль. Почему я и обратился на тотъ лугъ, гдѣ, примѣтивъ многихъ поселягъ, занимавшихся работами, или стоявшихъ кучками человекъ отъ 3-хъ до 5-ти, я подошелъ ко всѣмъ, которые были близко къ дорогѣ, и, не давая имъ замѣтить, что уже знаю о ихъ замыслѣ, старался изъ разговоровъ ихъ узнать что-нибудь объ ихъ намѣреніи; но, ничего не замѣчая изъ словъ ихъ и нигдѣ не видя большихъ скопищъ, начиналъ уже сомнѣваться въ истинѣ слуховъ о возмущеніи.

Пройдя такимъ образомъ почти половину луга, встрѣтилъ я двухъ незнакомыхъ мнѣ неслужащихъ инвалидовъ, со словами на глазахъ, которые, на вопросъ мой о причинѣ ихъ плача, отвѣчали:

— Судилъ Богъ за грѣхи наши дожить намъ до несчастныхъ временъ: вездѣ морь, бунты и проч.

И, на дальнѣйшіе вопросы мои, объявили мнѣ, что поселяне съ луга побѣжали уже толпами во 2-ю поселенную роту.

Желая непременно встрѣтить ихъ, я устремился въ прямомъ направленіи въ 4-е отдѣленіе этой роты, и только-что успѣлъ сту-

пить на улицу, какъ буйственныя толпы, съ ужаснымъ крикомъ и шумомъ, встрѣтились со мною. Остановивъ ихъ и успокоивъ нѣсколько шумъ и крикъ, я спрашивалъ о причинѣ ихъ смятенія. На что они отвѣчали:

— Намъ уже недостаетъ терпѣнія свосить долѣе какія-то утѣшенія отъ начальства, и потому мы рѣшились, во что бы то ни стало, истребить всѣхъ своихъ командировъ.

Когда же я напомнилъ имъ, что, возставъ противъ своихъ начальниковъ, они возстаютъ противъ самого государя, поставившаго надъ ними послѣднихъ,—что они забыли Бога, нарушаютъ присягу, утвержденную цѣлованіемъ креста и евангелія:—они отвѣчали:

— Мы за государя готовы положить свои головы и всегда виновались начальству, доколѣ оно не посягало на жизнь нашу; теперь осталось намъ жить только три дня, по прошествіи которыхъ всѣ должны умереть отъ яду, ибо имъ отравлены всѣ колодези и ручьи, откуда мы брали воду; когда мы уѣзжаемъ на полевныя работы, фельдфебели и десяточные унтеръ-офицеры ходятъ по нашимъ домамъ и всыпаютъ ядъ въ квасъ и запасенную дома воду; даже хлѣбъ въ поляхъ опрысканъ ядомъ; а все это дѣлаетъ начальство, подкупленное поляками.

Послѣ доказательствъ, съ моей стороны, что начальники, истребивъ своихъ подчиненныхъ, не будутъ имѣть надъ кѣмъ начальствовать, а деньги безъ людей не имѣютъ никакой цѣны, и подозрѣнія ихъ тѣмъ менѣе достойны вѣроятія, что до сего времени въ цѣломъ округѣ, слава Богу, все благополучно,—многіе изъ поселянъ 2-й и 4-й ротъ начали колебаться и даже готовы были идти обратно, какъ вдругъ рядовые хозяева 1-й поселенной—Александръ Жалоба, Федоръ Цуцковъ и 2-й поселенной—Герасимъ Власовъ, закричавъ: «полно слушать его, ребята: онъ самъ членъ полковаго комитета, потому и защищаетъ начальство. Чтѣ начтѣ—надобно кончить!»,—оняты возмутили всѣхъ и попли впередъ. Хотя я нѣсколько разъ и останавливалъ ихъ послѣ и старался внушить имъ, сколько буйство ихъ можетъ быть пагубно для нихъ самихъ, но, при каждой изъ этихъ остановокъ, тѣ же самые три злодѣя и тѣми же словами вновь возмущали поселянъ. Приблизъ такимъ образомъ въ полковой штабъ, они прежде всего устремились къ квартирѣ подполковника Форафонтова, крича съ звѣрствомъ: «Форафонтова сюда!».

Когда я напомнилъ имъ, что они же сами отзывались всегда о Форафонтовѣ, какъ о добромъ и разсудительномъ начальникѣ, который никогда не обижалъ ихъ напрасно, а всегда пекся объ ихъ

выгодахъ, — они отвѣчали: «онъ точно былъ таковъ, но прежде, а нынѣ хочеть уморить насъ».

А какъ Ферафонтова въ это время не было уже дома, то они двинулись къ полковой гауптвахтѣ, у которой встрѣчены были содержавшимися на оной офицерами—Аркангелогородскаго полка капитаномъ Гине и 1-го Карабинернаго штабсъ-капитанами Лелонгомъ и Оловянниковымъ, которые также старались внушить имъ, что они поступаютъ противъ всѣхъ воинскихъ артикуловъ и уставовъ; но ничто не помогало.

Увидѣвъ караульнаго офицера, штабсъ-капитана Ладвенна, и призвавъ его къ себѣ въ толпу, спрашивали: не знаетъ-ли онъ чего-нибудь объ ядѣ? Когда послѣдній сталъ увѣрять ихъ, что ничего не знаетъ, то рядовой хозяинъ Герасимъ Власовъ первый ударилъ его кулакомъ по киверу, а прочіе подхватили его, подняли на воздухъ, сорвали эполеты и его же шарфомъ завязали ему назадъ руки. Когда я, несмотря на крикъ позади меня: «берите священника», хотѣлъ продрагаться сквозь толпу къ штабсъ-капитану Ладвенну, нѣкоторые изъ поселянъ, схвативъ меня за платье, вытащили изъ толпы, сказавъ, чтобы я на-время удалился. Между тѣмъ другіе побѣжали къ квартирѣ архитектора VIII класса Максимова и, вытащивъ его на улицу, били кому чѣмъ понало; причѣмъ замѣтилъ я, что 4-й поселенной роты рядовой хозяинъ Вемедикъ Ивановъ буйствовалъ болѣе всѣхъ. Когда я, не смѣя войти въ толпу въ пылу ихъ бѣшенства, старался уговаривать стоявшихъ позади, чтобы они защищали невинныхъ, то они отвѣчали, что ихъ самихъ бьютъ за это, и что именно рядоваго 2-й поселенной роты Мануила Елисѣева жестоко избивли за то, что онъ вступился за архитектора Максимова.

Въ то же время водили по штабу комисіонера Родзиковскаго, съ завязанными назадъ руками, били аудитора Федорова, коновальскаго ученика Александра Ефремова; кто именно буйствовалъ при этомъ болѣе прочихъ, въ толпѣ и суматохѣ замѣтить я не могъ. Видя, что нѣтъ возможности дѣйствовать на нихъ словами, я приказалъ благовѣстить къ вечернѣ, дабы хотя церковнымъ звономъ нѣсколько подѣйствовать на нихъ, и, проходя мимо толпы въ церковь, внушалъ имъ, что завтра воскресный день, и чтобы они, вмѣсто того, чтобы день этотъ осквернять буйствомъ и звѣрствомъ, шли въ церковь и прибѣгли къ Господу Богу съ молитвою; но они, не отвѣчая мнѣ ни слова, отворотились отъ меня и пошли изъ полковаго штаба во 2-ю поселенную роту. Когда я, отслушавъ вечерню, показавъ въ толпѣ ихъ, тотчасъ былъ встрѣченъ рядовыми Жалобой и Цудковымъ и

нѣкоторыми другими, которыхъ въ толпѣ и темнотѣ прицѣпить не могъ, — съ укоризнами и угрозами, для чего удерживалъ ихъ во 2-й поселенной ротѣ и на дорогѣ изъ нея въ полковой штабъ, чѣмъ и далъ время всѣмъ командирамъ ихъ удалиться изъ округа. А когда я отвѣчалъ имъ, что удерживалъ ихъ не для того, чтобы дать время другимъ укрыться, но для того, чтобы внушить имъ ихъ обязанности, удержавъ отъ злодѣйствъ, за которыми должны дать отвѣтъ Богу и государю, — то Жалоба укорялъ меня за то, что когда-то, въ числѣ прочихъ членовъ, подписанъ и мною журналъ полковаго комитета, по которому онъ наказанъ за проступки. Тогда я, обратясь къ прочимъ, сказалъ:

— Изъ всего шума замѣчалъ я, что цѣль возмущенія есть — имѣть случай отомстить начальству, каждому свои личности.

Послѣ того, отгѣснивъ отъ меня Жалобу, сказали мнѣ, что штабсъ-капитанъ Ладвенинъ, аудиторъ Федоровъ и фельдшеръ Аванасьевъ признались, что начальство точно хотѣло отравить ихъ ядомъ; признаніе это дали они на бумагѣ, и теперь было нужно, чтобы священникъ это засвидѣтельствовалъ. Видя этихъ несчастныхъ страдальцевъ, а съ ними вмѣстѣ архитекторовъ VIII класса — Максимова и Крылова, варварски избитыхъ и брошенныхъ въ канаву, едва живыхъ, — не находя въ мнимыхъ признаніяхъ ихъ никакого признанія и замѣтивъ изъ разговоровъ ихъ, что они кромѣ этого не имѣютъ ничего для избавленія себя отъ дальнѣйшаго истязанія, — я подписалъ эти признанія. Потомъ, съ большимъ трудомъ, упрямилъ ихъ перевести избитыхъ куда-нибудь въ домъ, почему и отнесены одни въ квартиру генералъ-майора Волкова, а другіе въ ближайшую поселенскую квартиру. Въ то время прислалъ за мною генералъ Волковъ, живъ котораго была также въ крайней опасности. Тутъ пробылъ я до 2-го часа ночи, выходя нѣсколько разъ къ толпѣ и увѣряя ихъ, что генералъ нищего домосеніе къ государю императору, гдѣ всѣми силами старается испросить имъ прощенье; неусложивъ ихъ этимъ нѣсколько, я отправился домой.

Понутру 19-го числа, послѣ утрени, опять прибылъ я во 2-ю поселенную роту, откуда еще скопище не расходилось. Тутъ мнѣ тотчасъ объявили, что теперь-то они узнали точно, что ихъ хотѣли отравить, для чего и приготовлено въ магазинѣ 500 кулей муки, смѣшанной съ ядомъ, изъ числа которыхъ отпущено нѣсколько вчерашняго числа въ Бронницкій госпиталь, гдѣ сдѣлали опыты надъ свиньею, которая, поѣвши муки, тотчасъ надохла. На вопросъ мой, видѣли-ли это они сами, — отвѣчали, что они слышали отъ достовѣрныхъ людей. Зная по опыту, что всѣ таковыя недѣльные слухи принимаются ими за несомнѣнные, я совѣтовалъ имъ, выбравъ нѣсколькихъ членовъ, изъ

которыхъ они полагаются, и назначивъ съ ними именно 4-й поселенной роты унтеръ-офицера Тюрна, послать освидѣтельствовать принятую въ госпиталь муку, что ими и было сдѣлано. Но посланные, возвращаясь оттуда, объявили, что въ муку нѣтъ ничего сомнительнаго, потому что, сколько они ни дѣлали опытовъ и надъ свиньями, и надъ курами, — всё остались живы.

Чтобы отклонить ихъ отъ самоуправства и буйства, я старался склонить ихъ къ скорѣйшему отправленію отъ себя депутатовъ въ С.-Петербургъ, а до возвращенія ихъ, избрать, хотя изъ среды себя, начальниковъ. Послѣ этого я отправился для служенія литургіи, а въ это время случился пожаръ въ 1-й поселенной ротѣ, отъ котораго сгорѣло нѣсколько сѣнныхъ сараевъ. Когда я услышалъ, что вину пожара приписываютъ укрывшимся офицерамъ—съ цѣлью во время суматоки имѣть случай пробраться изъ округа, то тотчасъ поспѣшилъ къ нимъ и увѣрилъ ихъ, что причина тому, если не собственная неосторожность хозяевъ, то непременно злодѣйства бездѣльниковъ изъ среды ихъ самихъ, которые для отищенія какого-нибудь личнаго оскорбленія избрали это смутное время безначалія.

Убѣдясь истинною моихъ словъ, они просили меня принять надъ ними начальство; на что я согласился только съ тѣмъ, чтобы они сверхъ того избрали, въ каждой ротѣ, или даже въ каждомъ капральствѣ, старшинъ изъ тѣхъ поселенцевъ, которые или вовсе не участвовали въ возмущеніи, или, по крайней мѣрѣ, менѣе прочихъ, — на что и они были согласны. А между тѣмъ, опасаясь, чтобы какіе-либо бездѣльники, пользуясь тѣмъ временемъ, не расхитили казеннаго интереса, они просили меня осмотрѣть всё мѣста, гдѣ хранятся казенныя вещи, и запечатать своею печатью, что мною было сдѣлано вмѣстѣ съ членами ротныхъ комитетовъ.

Возвращаясь оттуда, я замѣтилъ, что расхищаютъ квартиру штабсъ-кап. Аркина, поспѣшилъ туда, скватилъ троекъ изъ мастеровыхъ этого полка, именно, кузнеца Чугреева и плотниковъ Ломова и Юдина; отобралъ отъ нихъ похищенные ими вещи, и какъ ихъ, такъ и оставшіяся отъ расхищенія—приказалъ перевести въ свою квартиру. Причемъ рядовой Жалоба и бывшіе тутъ другіе поселенцы говорили, что они замѣтили многихъ въ этомъ грабежѣ; въ числѣ хищниковъ былъ одинъ изъ членовъ ротнаго комитета 1-й поселенной роты. Потомъ, написавъ записки, разослалъ я ихъ въ каждую роту: 1) чтобы, для отвращенія несчастныхъ случаевъ, подобныхъ случившемуся въ тотъ день въ 1-й поселенной ротѣ, военные поселенцы учредили въ ротахъ караулы, особенно на заднихъ улицахъ; 2) чтобы никто не смѣлъ оскорблять чѣмъ-либо, на кого имѣютъ подозрѣніе въ отравѣ, а приводили бы таковыхъ на гауптвахту въ полковой штабъ. Это было принято всѣми ротами съ радостію, кромѣ 1-й поселенной.

Послѣ вечерни замѣтилъ я, что поселяне все еще толпятся во 2-й поселенной ротѣ близъ квартиры ген. Волкова, поспѣшнѣ туда для освѣдомленія, и, узнавъ, что собирались для избранія старшинъ, старался я отъ оставшихся еще нѣкоторыхъ изъ 2-й и 4-й ротъ вывѣдать о расположеніи духа прочихъ. Поселяне объявили, что 1-я рота все еще ищетъ случая убить ген. Волкова; а когда я доказывалъ имъ, что такъ какъ они доселѣ еще не заняли себя подобными злодѣяніями, не обагрили рукъ своихъ кровію начальниковъ, о чемъ уже донесено государю императору, то могутъ еще ожидать себѣ помилванія предъ прочими; а напротивъ, убійствомъ генерала, они нанесутъ несказанное оскорбленіе монарху, себя же достойно подвергнуть жестокому наказанію:—то они поклялись, что прежде умрутъ сами, но не допустить убить генерала, и условились между собою, чтобы, въ случаѣ нападенія 1-й поселенной роты на домъ генерала, приставленный къ нему караулъ отъ 2-й поселенной роты удержалъ ихъ подъ видомъ собранія всего баталіона, а между тѣмъ дать знать 4-й поселенной ротѣ, которая тотчасъ прибудетъ, и вмѣстѣ со 2-ю прогнать злодѣевъ кольями.

Понутру 20-го числа всѣ почти поселяне 2-й поселенной роты собрались въ церковь къ утрени; по окончаніи послѣдней, увѣщаніями своими, старался я обратить ихъ къ раскаянію въ ихъ заблужденіи. Выхода изъ церкви, замѣтилъ я, что рядовой хозяинъ Герасимъ Власовъ съ нѣкоторыми помощниками, подлѣ полковой гауптвахты, приступаетъ къ штб.-кап. Мелхенному, который, скрывавшись въ лѣсу двое сутокъ, пришелъ самъ на гауптвахту, едва живой отъ голода, холода и усталости; я послалъ за старшиною 2-й поселенной роты, который тотчасъ разогналъ ихъ. Въ то же время жена комисіонера Родзиковскаго прислала ко мнѣ, прося защиты противъ бездѣльниковъ, требующихъ отъ нея ключей отъ шкафовъ и комодовъ; прибывъ туда, я захватилъ двухъ помощниковъ 2-й поселенной роты № 67—Федота Бузьмина и 64—Ивана Ефремова, привелъ ихъ на гауптвахту и приказалъ старшинамъ наказать ихъ, въ примѣръ другимъ; старшины тутъ же жестоко наказали ихъ розгами. Тогда, казалось, все приходило въ надлежащій порядокъ; къ обѣднѣ опять собрались почти всѣ поселяне 2-й поселенной роты, а послѣ обѣдни, по просьбѣ ихъ, отправаень пророку Иліѣ молебень; причемъ, примѣтивъ многихъ изъ нихъ раскаивающихся со слезами въ своихъ заблужденіяхъ, старался я словами апостола Іакова: «аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истинны, и обратитъ кто его, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти», на литургіи въ тотъ день читанными, старался внушить, что долгъ

христіанина есть не только самому беречься отъ грѣха, но и ближняго своего, при всякомъ случаѣ, вразумлеть и удерживать отъ преступленія. Слезы умиленія и раскаянія еще болѣе увѣрили меня въ прочности водворяющагося спокойствія.

Но только-что поселяне разошлись по домамъ, какъ состоящій при дерквн унт.-офицеръ Голозулинъ объявилъ мнѣ, въ то время какъ я потреблялъ святые дары, что изъ округа Короля Прусскаго полка пріѣхалъ, на верховой офицерской лошади, одинъ поселянинъ съ обнаженною саблею и требуетъ отъ поселянъ нашего округа, чтобы они непременно убили священника, ген. Волкова, а потомъ и другихъ, кого имъ будетъ надобно; если же они этого не сдѣлаютъ, тогда придуть къ нимъ поселяне Прусскаго и Графскаго полковъ и перебьютъ ихъ самихъ, и что онъ успѣлъ уже набрать себѣ толпу изъ поселянъ деревни Рышева и 1-й поселенной роты.

Не желая допустить ихъ до оскверненія убійствомъ храма Божія и вмѣняя себѣ въ священную обязанность умереть, если это будетъ необходимо, для спасенія другихъ; призвавъ со слезами Господа Бога въ помощь, въ полномъ облаченіи, съ животворящимъ крестомъ въ рукахъ, съ вѣрою и надеждою въ сердцѣ,—потекъ я во срѣженіе варваровъ. Встрѣтивъ этого изверга, идущаго изъ дома полковаго комитета, въ толпѣ подобныхъ ему злодѣевъ, съ ружьями и обнаженными саблями, и укоривъ его въ непочтеніи къ святымъ, принудилъ, противъ воли его, снять илѣвшуюся на немъ офицерскую каску и обнажить закрытую козырькомъ ея разбитую свою рожу. На мой вопросъ, какую онъ имѣетъ здѣсь надобность, онъ отвѣчалъ, что посланъ отъ округовъ прусскаго и графскаго показать нашимъ поселянамъ, какъ надобно поступать со своими начальниками. Тогда я старался вразумить составлявшихъ его толпу поселянъ, что въ тѣхъ округахъ, учинившихъ неслыханныя злодѣянія, вѣрво ожидаютъ уже примѣрнаго за нихъ наказанія; что потому то теперь стараются вовлечь и ихъ въ подобныя преступленія, чтобы и они отвѣчали съ ними за-одно.

Въ то время унт.-офицеръ 3-й поселенной роты Шатыгинъ говорилъ мнѣ:

— Вѣдь и ты зналъ, что насъ хотятъ отравить ядомъ, и ты таковой же членъ полковаго комитета?

И на отрицательный отвѣтъ мой продолжалъ:

— Еслибы приняться за тебя, подобно какъ поступлено съ священникомъ Императора Австрійскаго полка, тогда бы ты объявилъ обо всемъ, что умышляли вы въ комитетѣ.

А рядовой той же роты Иванъ Алексѣевъ, когда я, отнимая у него обнаженную саблю, спрашивалъ, для чего онъ съ саблею,

—вырвалъ ее у меня и, поднявъ надъ моею головою и помахивая ею, отвѣчалъ: «вотъ для чего!».

Видя, что ихъ звѣрство и остервененіе болѣе и болѣе усиливаются, я вознамѣрился остановить ихъ рѣшимостію и сказалъ:

— Если вамъ хочется непременно убить кого-нибудь, то я, сейчасъ только причастившійся святыхъ таинъ, за всѣхъ предлагаю вамъ жизнь мою, въ полномъ упованіи получить отъ Господа мученической вѣнецъ; только жалѣю о томъ, что вы сдѣляетесь моими мучителями.

Тогда они остановились, а я, пользуясь ихъ нерѣшимостію, старался доказать собиравшимся поселянамъ 2-й поселенной роты, выставивъ на видъ пьяное и разбитое лице и изорванный кафтанъ пріѣхавшаго изверга,—что онъ или бѣжалъ отъ наказанія за какое-нибудь ужасное преступленіе, учиненное имъ въ своемъ округѣ, или думаетъ, возмутить ихъ, воспользоваться грабежемъ. А когда произошла объ немъ распря между поселянами 2-й поселенной роты и его сообщниками, то онъ и въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ, пошелъ грабить по домамъ начальниковъ. Примѣтивъ это, поселяне 2-й и 4-й ротъ—Данила Никитинъ и Парфенъ Семеновъ, которые, узнавъ обо всемъ, пріѣхали для защиты генерала,—схватили возмутителя, отобрали отъ него награбленныя вещи, именно: три серебряныя ложки, серебряный темлякъ, жилетъ и патронташъ, а самого его прогнали изъ округа обратно.

Послѣ того никакихъ особенныхъ происшествій въ округѣ не происходило, смятеній и буйства замѣтно не было, возмутительныхъ слуховъ никто не разсѣвалъ; но 21-го числа 1-й поселенной роты неслужащій инвалидъ Никита Арѣевъ встрѣтился со мною въ полковомъ штабѣ и, на вопросъ мой, куда идетъ?—отвѣчалъ:

— Я слышалъ, будто-бы, съ отправляющимися, по требованію начальства, въ Новгородъ поселянами, намѣренъ уѣхать изъ округа и ген. Волковъ; поэтому я иду уговорить ихъ, чтобы они не позволяли ему выѣзжать изъ округа въ каретѣ, потому что я знаю вѣрно, что изъ прочихъ округовъ всѣхъ господъ повели въ кандалахъ, за конвоемъ и пѣшихъ: пусть и нашъ генералъ отправленъ будетъ съ такою же церемоніею.

Не внимая никакимъ доказательствамъ о неистинности слышаннаго, онъ пошелъ къ отправляющимся, внушилъ имъ эти недѣльные слухи и тѣмъ удержалъ въ тотъ день ген. Волкова. 22-го числа съ поручикомъ Абирковымъ объѣхалъ по всѣмъ ротамъ, и ни въ одной изъ нихъ ни малѣйшаго мятежа замѣтно не было. Поселяне были въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ изволилъ ихъ видѣть въ тотъ день его сія—во, ген.-адъютантъ графъ Орловъ.

Старшій священникъ Василій Лукжиковъ.

ИРИНАРХЪ ИВАНОВИЧЪ ВВЕДЕНСКІЙ.

эпизодъ изъ его жизни

1849 г.

I.

Двадцать три года прошло послѣ смерти Ир. Ив. Введенскаго, талантливаго переводчика на русскій языкъ такихъ гениальныхъ англійскихъ беллетристовъ, какъ Диккенсъ и Тэккерей,—честнаго педагога, сумѣвшаго перевоспитать часть военной молодежи 50-хъ годовъ въ тѣхъ идеяхъ, которыя покойный считалъ истинными и благородными. Несмотря на замкнутую, кабинетную жизнь ученаго, Введенскій вполне заслуживаетъ имени, смѣемъ сказать, общественнаго дѣятеля. Скромно, безъ шума, этотъ дѣятель стоялъ на форпостѣ русской мысли, которая тогда только еще завоевывала себѣ настоящее свое мѣсто въ ряду русскаго общества. Въ то время всякое проявленіе истинно-общественной службы не обходилось безъ борьбы, безъ страданія; и то и другое Введенскій переносилъ въ избыткѣ, иногда отступалъ и клалъ оружіе передъ неодолимымъ врагомъ, но только для того, чтобы, чрезъ промежутокъ времени, опять двинуться впередъ и занять прежнюю позицію. Много силъ, много желѣзной энергіи вложено было имъ въ эту борьбу, часто бесполезную, но всегда необходимую. Ему на долю пришлось только битва; успѣхъ и слава достались другимъ. Наканунѣ лучшихъ условій жизни, Введенскій погибъ какъ мученикъ труда. Все то, чего онъ такъ жадно желалъ, пришло тогда, когда онъ уже гнилъ въ землѣ. Правда, что и тѣ, которые пережили Введенскаго, испытали много разочарованій и обмановъ, но у нихъ былъ и періодъ ликованія, періодъ счастья. Лавровый вѣнокъ иногда зависить отъ шальной, мимо ушей свистающей пули.

Оттого ли, что занятія Введенскаго не имѣли блестящей внѣшней стороны, или потому, что сразу же послѣ его смерти начался бурно-

стремительный періодъ ¹⁾ литературы и жизни русскаго народа, выдвинувшій цѣлую фалангу болѣе замѣтныхъ дѣятелей:—во всякомъ случаѣ, имя Иринарха Ивановича осталось въ тѣни; оно мало извѣстно читающей и мыслящей публикѣ.

II.

Въ 1857 году, Г. Е. Благосвѣтловъ написалъ талантливо составленную біографію Введенскаго, и она осталась единственнымъ матеріаломъ для знакомства съ этой благородной личностью. Въ этой біографіи, въ которой составитель пользовался краткими набросками самого Введенскаго, отведена большая часть дѣтству и юности Иринарха Ивановича; этотъ періодъ его жизни довольно ясенъ, и о немъ я не стану упоминать въ моей настоящей замѣткѣ.

Въ 1871 году, въ «Русской Старинѣ» появилось коротенькое письмо пресловутаго Ф. Ф. Вигеля 1849-го года къ Н. С. Алексѣеву, на которое редакція справедливо посмотрѣла какъ на доносъ. Между тѣмъ, обстоятельства самаго дѣла, причины и слѣдствія доноса остались темны, такъ какъ это былъ только намекъ на одинъ изъ эпизодовъ дѣятельности Введенскаго. Вотъ этотъ-то эпизодъ и намѣрены мы освѣтить, пользуясь случайной находкой письма Иринарха Ивановича, относящагося къ этому дѣлу, и отчасти руководясь разсказами лицъ, хорошо знавшихъ покойнаго.

III.

Доносъ Вигеля помѣченъ 28-мъ апрѣля 1849 года. Время, какъ видите, подходящее ко всевозможнымъ инсинуаціямъ; время самое выгодное для очерненія даже и невиннаго человѣка. Вигель сознаетъ самъ, что «привлечь его (Введенскаго) къ отвѣтственности была бы совершенная несправедливость», но... «онъ преподаетъ въ павловскомъ и другихъ корпусахъ: не жалко ли будетъ оставить такую отраву среди возрастающаго юношества?... И какъ про это не знаетъ генералъ Ростовцевъ?» ²⁾ Вигель бросалъ камнями очень ловко, и такое обвиненіе, дѣйствительно, могло бы повести къ печальнымъ результатамъ; однако Иринархъ Ивановичъ, какъ мы знаемъ, выпелъ изъ своего критическаго положенія оправданнымъ.

¹⁾ Такъ называется въ исторіи нѣмецкой литературы періодъ Шиллера и Гёте (Sturm und Drang Periode). Такъ мы рѣшились сравнить съ нимъ періодъ нашей русской жизни съ 1856 и до 1866 года.

²⁾ Впослѣдствіи, когда Я. И. Ростовцевъ ближе узналъ Введенскаго, они вмѣстѣ бесѣдовали по цѣлымъ часамъ. Говорять, что Введенскій много толковалъ съ Ростовцевымъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. П. Г.

Введенскій занималъ должность преподавателя русской словесности въ Дворянскомъ полку, съ 24-го сентября 1842 года ¹⁾. Семь лѣтъ усиленныхъ трудовъ, плодотворной педагогической дѣятельности—могли бы повести за собой тяжкія испытанія. Но ударъ не попалъ въ цѣль. Вигель опоздалъ своимъ нападениемъ. Интрига противъ честнаго учителя велась, какъ можно предполагать, далеко прежде, чѣмъ Вигель надумался сдѣлать свое интересное сообщеніе.—«Одинъ Введенскій, поповичъ, говорятъ, съ чрезвычайнымъ умомъ» былъ уже извѣстенъ начальству Дворянскаго полка довольно хорошо. 28-го апрѣля Вигель строчилъ свой доносъ, а еще 5-го апрѣля инспекторъ Дворянскаго полка уже получилъ письменное оправданіе и объясненіе на всѣ клеветы и подкобы отъ самого Ир. Ив. Введенскаго. Этотъ-то въ высшей степени интересный документъ, представляющійся какъ бы публичной исповѣдью Введенскаго, и находится въ нашихъ рукахъ. Я нашелъ его въ бумагахъ покойнаго генералъ-лейтенанта Д. М. Павловскаго († 27-го февраля 1875 г.), бывшаго инспектора Дворянскаго полка.

IV.

Привожу здѣсь самое письмо:

«Ваше превосходительство! При всѣхъ усиліяхъ разгадать сущность взведеннаго на меня обвиненія или подозрѣнія, я никакъ не могу его объяснить доступными для меня средствами. Кажется, впрочемъ, обвиняютъ или подозрѣваютъ меня въ какомъ-то либерализмѣ, или злонамѣренномъ распространеніи мнѣній, противныхъ существующему ходу вещей. На это честь имѣю объяснить вашему превосходительству:

«Во первыхъ, въ положеніи наставника юношества, вѣрнѣннаго мнѣ высшимъ начальствомъ, я считаю дѣломъ недобросовѣстнымъ и даже безчестнымъ распространять между молодыми людьми такіа мнѣнія, которыя, въ какомъ бы ни было отношеніи, могутъ противорѣчить предписаніямъ высшей власти, удостоившей меня своимъ довѣріемъ.

«Во вторыхъ, еслибы даже и было у меня желаніе распространять какія-нибудь мнѣнія, противныя существующему ходу вещей, то я не могъ бы привести въ исполненіе это желаніе по той простой причинѣ, что, при своемъ положеніи ученаго труженика, я не имѣю и не могу имѣть подобныхъ мнѣній. Принявъ на себя обязанность преподавать молодымъ людямъ русскую словесность во всемъ ея объ-

¹⁾ Записная книжка инспектора классовъ Дворянскаго полка. П. Г.

емъ, я поставилъ для себя цѣлю изучить этотъ предметъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Перечитавъ все, что написано по этому предмету на русскомъ языкѣ, я въ то же время, со всѣмъ усердіемъ, изучалъ памятники древней и новой русской литературы, сличая ихъ, сколько позволяли средства, съ тѣми первоначальными источниками, откуда они взяты. Плодомъ этого изученія, соединеннаго, во многихъ случаяхъ, съ истиннымъ самоотверженіемъ, была мысль—сообщить своей наукѣ историческое направленіе, которое одно только, по моему убѣжденію, можетъ быть плодотворнымъ для молодыхъ людей. Подъ вліяніемъ этой мысли, я, до настоящаго времени, разработалъ нѣкоторые отдѣлы «Теоріи Словесности» и, между прочимъ—«Трактатъ объ эпической поэзіи», отлитографированный для моихъ учениковъ въ нынѣшнемъ году. При этомъ, само собою разумѣется, я не смѣлъ отступать отъ предложенной программы, тѣмъ болѣе, что, въ сущности дѣла, она не противорѣчила моему образу мыслей. Когда, между тѣмъ, въ нынѣшнемъ году изданы были «Наставленія господина начальника штаба», мнѣ пріятно было убѣдиться, что мнѣнія мои относительно методы изложенія русской словесности совершенно сообразны съ тѣми предписаніями, которыя изложены въ книгѣ, заслужившей Высочайшее одобреніе. Между тѣмъ, продолжая разработывать памятники новѣйшей русской литературы, я постепенно пришелъ къ мысли относительно обширнаго вліянія, какое, въ послѣднее время, англійскіе писатели оказали на русскую литературу. Подъ вліяніемъ этой мысли, я предложилъ себѣ задачу—опредѣлить отношеніе англійской литературы къ русской, и въ то же время изучить англійскихъ писателей XVIII и XIX вѣковъ. Трудность задачи не испугала меня. Въ половинѣ 1847 года, тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, я принялся изучать англійскій языкъ, и плодомъ этого изученія былъ, прежде всего, переводъ мой огромнаго диккенсова романа «Домби и Сынъ», который былъ напечатанъ въ «Современникѣ» за 1848 годъ. Затѣмъ; едва окончивъ этотъ трудъ, я перевелъ и напечаталъ романъ Купера «Дирслэйеръ» и послѣднюю повѣсть Диккенса. Продолжая заниматься этими переводами, я въ то же время написалъ десятка два оригинальныхъ критическихъ статей по обзору англійской и русской литературъ, такъ что всего, въ послѣдніе два года, я напечаталъ до трехъ тысячъ страницъ.

«Если къ этому, ваше превосходительство, присоедините мои постоянныя занятія по службѣ въ Дворянскомъ полку и артиллерійскомъ училищѣ, мою женитьбу въ прошломъ году и мои семейныя несчастія, отчасти вамъ извѣстныя,—то будетъ, я полагаю, совершенно очевиднымъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ труженниковъ

науки, которые живут и могут только жить въ своемъ ученоемъ кабинетѣ, среди своей семьи. Никакія связи, никакія общества и даже почти никакія знакомства не существуютъ для меня. Затворникъ въ полномъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ этого слова, я провожу свое время или въ классной залѣ между учениками, или въ своемъ кабинетѣ, съ перомъ или книгою въ рукахъ, отъ ранняго утра до глубокой ночи.

«Какъ же и по какому поводу люди, подобные мнѣ, могутъ быть заподозрѣны въ злонамѣренномъ либерализмѣ?! Не подозрѣній ожидалъ я за свои неутомимые труды и за то плодотворное направленіе, которое я, первый между преподавателями русской словесности, общаю своей наукѣ...

«Еслибы еще я былъ преподавателемъ политической науки, такое обвиненіе могло бы, по крайней мѣрѣ, имѣть какой-нибудь смыслъ; но здѣсь, когда дѣло идетъ о добросовѣстномъ ученоемъ изслѣдованіи памятниковъ русской литературы, я никакъ не могу постигнуть смысла такого обвиненія или доноса. Спору нѣтъ, зловердныя мнѣнія могутъ быть распространяемы независимо отъ какой бы то ни было науки; но такое предположеніе, въ отношеніи ко мнѣ, опять будетъ имѣть характеръ клеветы, и при томъ дурно рассчитанной клеветы, именно потому, что, по своему образу жизни и занятій, я не могъ составить для себя такихъ мнѣній. Ни политика, ни религія—не входятъ въ область моей науки, а у меня нѣтъ ни времени, ни средствъ заниматься посторонними предметами. Впрочемъ, предположивъ даже для себя полную возможность слѣдить за ходомъ политическихъ предметовъ,—я глубоко убѣжденъ, мой образъ мыслей ни въ какомъ случаѣ не былъ бы въ разладѣ съ коренными началами развитія жизни русскаго народа. Тотъ долженъ быть глупецъ, или человекъ злонамѣренный, не любящій Россіи, кто желаетъ для своего отечества перемѣнъ, подобныхъ тѣмъ, которыя обуреваютъ въ настоящее время западную Европу. Что касается до преподавателя русской словесности, онъ очень хорошо знаетъ, что русская литература, со времени Петра Перваго, одолжена главнѣйшимъ образомъ своими успѣхами просвѣщенному содѣйствію и вниманію правительства. Я не могу думать о Ломоносовѣ, не думая въ то же время о Елисаветѣ, бывшей источникомъ его вдохновеній; съ именемъ Державина, въ моемъ воображеніи, соединяется державное имя великой Екатерины, безъ которой Россія не имѣла бы и великаго поэта; безъ Александра Благословеннаго отечество наше не имѣло бы «Исторіи Государства Россійскаго», точно также какъ Пушкинъ не совершилъ бы и половины своихъ трудовъ, еслибы не былъ по-

ощряемъ Высочайшимъ вниманіемъ къ его таланту. Все это для меня—факты ясны, осязательны, которыхъ не можетъ не видѣть моя наука, и которые современемъ будутъ изложены въ моей «Исторіи русской литературы», какъ скоро буду имѣть средства ее напечатать.

«Впрочемъ еще разъ: я не постигаю сущности доноса, введенонаго противъ меня; но, во всякомъ случаѣ, объявляю, что этотъ доносъ—клевета, гнусная, бессмысленная клевета, которая могла быть только выдумана слѣпой злобой, или, что гораздо вѣроятнѣе, мелкою завистію. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою, Ир. Введенскій».

«Апрѣля 5-го 1849».

V.

Тяжело было Введенскому писать это оправданіе ¹⁾. Мы представляемъ читателю перечувствовать рядъ угнетающихъ, страшныхъ мыслей, которыя терзали мозгъ этого человѣка, когда онъ обдумывалъ и писалъ свою защиту. Тѣмъ не менѣе, разъ онъ рѣшился стать въ такое положеніе, какое онъ рисуетъ въ своемъ письмѣ, — начальство могло быть увѣрено, что Иринархъ Введенскій сдержитъ свое слово. Несомнѣнно, что Введенскій былъ прогрессистомъ: его тянуло къ тѣмъ идеямъ, которыя, въ то время, водновали всю европейскую интеллигенцію, но онъ не выходилъ ни разу изъ предѣловъ теоріи, его умъ не увлекался слишкомъ страстными порывами. Потому-то онъ и считалъ нечестнымъ обманывать молодежь несбыточными надеждами, потому-то онъ и не примыкалъ къ партіи дѣйствія. Позже, Введенскій постоянно придерживался своей политики, высказанной въ письмѣ отъ 5-го апрѣля 1849 года. Въ 50-хъ годахъ, посѣтивъ Англію, Иринархъ Ивановичъ сдѣлалъ визитъ Чарльзу Диккенсу и—не заглянулъ къ эмигрантамъ. Разъ давъ честное слово, Введенскій никогда не измѣнялъ ему.

Поѣздка въ Англію, между прочимъ, была послѣдней вспышкой энергіи Введенскаго. Интересуясь историческими памятниками Лондона, онъ употреблялъ бинокль, что и подѣйствовало убійственно на его и безъ того ослабѣвшее зрѣніе.

Сообщ. П. Гусевъ.

Февраль 1876.

¹⁾ Рассказываютъ, что Иринархъ Ивановичъ плакалъ въ кабинетѣ инспектора Дворянскаго полка. Кто не пойметъ и не оправдаетъ этой слабости? П. Г.

ДѢЛО ПРИ ДЕРЕВНѢ ИГНАЦЕВѢ

въ 1863 г.

Въ Запискахъ г. Берга о «Польскомъ возстаніи въ 1863 году» («Русская Старина», изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 69—70) обсуждаются дѣйствія мои по командованію Калишскимъ военнымъ отдѣломъ. О дѣйствіяхъ этихъ говорится весьма поверхностно, не принимая въ соображеніе ни тѣхъ средствъ, которыя были въ моемъ распоряженіи, ни обстоятельствъ края, — притомъ, преимущественно, на основаніи слуховъ и невѣрныхъ данныхъ ¹⁾, почему я не считаю нужнымъ объ этой части Записокъ входить въ особыя объясненія; но авторъ, на стр. 69 и 70, говоря о дѣлѣ при Игнацевѣ, дѣлаетъ обо мнѣ произвольныя заключенія и упрекаетъ въ нерѣшительности, что не считаю возможнымъ оставить безъ объясненій.

На ночлегѣ, при движеніи изъ Коло, узнавъ отъ жителей, что Тачановскій остановился въ лѣсу, южнѣе Сампольно, я сообщилъ генералу Краснокутскому, что если онъ будетъ двигаться прямо, то встрѣтитъ съ фронта Тачановскаго, а я уже возьму его въ тылъ, съ Сампольнской дороги. Движеніе моего отряда было замедлено потому, что я нашелъ въ одномъ мѣстѣ мостъ сломаннымъ, долженъ былъ идти обратно и сдѣлать обходъ, чтобы продолжать движеніе по принятому направленію. Подойдя съ отрядомъ къ лѣсу, примыкающему къ дорогѣ съ лѣвой стороны, и предполагая, по полученнымъ мною ночью свѣдѣніямъ, что Тачановскій съ своей бандой въ этомъ лѣсу, я вдругъ услышалъ пушечныя выстрѣлы впереди, съ правой стороны дороги. Оказалось, что Тачановскій занялъ позицію въ опушкѣ лѣса при деревнѣ Игнацевѣ, сѣвернѣе того пункта, гдѣ онъ мною предполагался. Я взялъ немедленно двѣ роты, находившіяся въ головѣ колонны, и два эскадрона гусаръ и поспѣшилъ на выстрѣлы, приказавъ остальнымъ войскамъ слѣдовать въ томъ же направленіи. Прибывъ на позицію и обозрѣвъ ее, я нашелъ ее весьма сильною, и огонь въ особенности былъ частый изъ самой деревни Игнацева. Находя, что одна фронтальная атака будетъ сопряжена съ большою потерей людей, я, оставивъ генералу Краснокутскому двѣ роты и гусаръ, самъ отправился навстрѣчу войскъ, чтобы сдѣлать соот-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что майоръ Незидовъ посланъ былъ мною, между тѣмъ какъ Влоцлавскій уѣздъ былъ отдѣленъ отъ Калишскаго отдѣла еще въ январѣ 1863 года.

вѣтственныхъ распоряженіи. Изъ войскъ моего отряда я направилъ 4 роты во флангъ непріятеля, 4 роты при орудіяхъ оставилъ въ резервѣ, изъ которыхъ еще одна рота потомъ послана также была въ распоряженіе генерала Краснокутскаго, и одну роту оставилъ при вагенбургѣ. Направленныя во флангъ роты не могли переправиться чрезъ топкій, болотистый ручей, прямо противъ фланга позиціи, и, отыскивая переправу, пошли вверхъ по ручью, но онъ вездѣ протекалъ въ топкомъ болотѣ, и только, когда колонна достигла мельничной плотины, она начала переходить ручей. Между тѣмъ загорѣлась деревня Игнацево, генераль Краснокутскій атаковалъ позицію и овладѣлъ ею. Банда Тачановскаго бѣжала, преслѣдуемая генераломъ Краснокутскимъ до Сампольна; а та часть банды, которая бросилась по направленію на Слупцы, была преслѣдуема обходною колонною.

Я не беру на себя судить о моихъ распоряженіяхъ, но, во всякомъ случаѣ, въ нихъ не было нерѣшительности, въ которой упрекаетъ меня авторъ.

Что касается до приказанія мнѣ подать въ отставку, то подобнаго приказанія я никогда не получалъ, нахожусь непрерывно на службѣ 46 лѣтъ и въ отставкѣ ни разу не былъ.

Въ заключеніе я нахожу необходимымъ присовокупить, что, изложивъ всѣ обстоятельства дѣла такъ, какъ они были въ дѣйствительности, я ватѣмъ ни въ какую полемичку по этому предмету вступать не желаю и не буду.

Генераль-отъ-инфантеріи А. Врунгеръ.

Іюня 26-го 1879 г.

ЗАМѢТКИ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Акты, собранные Кавказскою Археологическою Коммисіею. Архивъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго. Томъ VII. Изданъ подъ редакціею предсѣдателя д. ст. сов. Ад. П. Берже. Тифлисъ, типографія Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго. 1878, въ большой листъ, XI + 994 стр. въ два столбца; два хромо-литографированны: фронтисписа и три портрета.

Въ апрѣлѣ текущаго 1879 года исполнись пятнадцать лѣтъ со времени основанія Кавказской Археологической Коммисіи; первый томъ издаваемыхъ ею «актовъ» вышелъ въ свѣтъ въ 1866 году, — седьмой появился въ 1878: среднимъ числомъ приходится по два года на изготовленіе къ печати каждаго тома этого монументальнаго изданія, по обилію и важности матеріаловъ—драгоцѣннаго, по безукоризненному изяществу могущаго смѣло соперничать съ изданіями заграничными. Читатель, избалованный изданіями Фирмена Дидо или Генриха Плона—въ Парижѣ, Брокгауза или Пейна—въ Лейпцигѣ, не повѣритъ глазамъ, читая на заглавныхъ листахъ «актовъ», что печатаются они въ полуазіатскомъ Тифлисѣ, что портреты—совершенство литографическаго искусства—исполнены г. Дюстердиномъ, въ художественной литографіи Томсона, въ томъ-же Тифлисѣ, въ которомъ недалѣе, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ, не только иллюстрированы, но

маломальски опрятныя изданія были немислимы.

Всегда и съ живѣйшимъ сочувствіемъ относясь къ изданію «кавказск. актовъ»—«Русская Старина» представила своевременно критическіе обзоры первыхъ шести томовъ¹⁾.

Однако-же, въ виду общирности изданія, историческаго значенія печатаемыхъ «актовъ»; въ виду трудности задачъ, которую Кавказская Археологическая Коммисія такъ дѣятельно и успѣшно разрѣшаетъ, благодаря разумной и дѣлсообразной программѣ—считаемъ необходимымъ обзору седьмаго тома ея предло-

¹⁾ Обзоры первыхъ пяти томовъ были напечатаны въ «Русской Старинѣ», изданія 1873 г., томъ VIII, на оберткѣ октябрьской книги. Первой части шестаго тома (статья М. П. Щербинина)—изд. 1874 г., томъ XI, на оберткѣ декабрьской книги. Рецензія (его-же) о второй части шестаго тома напечатана въ изд. 1876 г., томъ XV (стр. 225—234). Кроме того, на оберткѣ апрѣльской книги 1874 года была помѣщена библиографическая замѣтка о трудѣ Ад. П. Берже: «Кавказъ въ археологическомъ отношеніи». (Тифлисъ, 1874 г., въ 16 д. л., 91 стр.) Постоянные читатели «Русской Старины» безъ всякихъ напоминаній хорошо знакомы со многими статьями и сообщеніями нашего многоуважаемаго сотрудника.

слать "бѣглый очеркъ содержанія первыхъ шести томовъ.

Архивъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго содержитъ въ себѣ 128,000 дѣлъ въ 877 переплетенныхъ томовъ. Эту громаду документовъ Комиссія расположила на три періода: 1-й—отъ 1801 до 1816 г., т. е. до вступленія А. П. Ермолова въ управленіе Грузіею; 2-й—время управленія Ермолова (1816—1827); 3-й—съ 1827 года по настоящее время. Въ шести томахъ, донныя изданныхъ, напечатаны акты и документы, относящіеся до двухъ первыхъ періодовъ. Въ составъ перваго тома вошли жалованныя грамоты (гуджары) грузинскихъ царей, фирманы персидскихъ шаховъ и прочіе документы на восточныхъ языкахъ; за ними слѣдуютъ акты, относящіеся ко второй половинѣ XVIII столѣтія по 1802 г. (время управленія Кнорринга до смѣны его княземъ Циціановымъ. Второй томъ посвященъ документамъ эпохи управленія князя П. Д. Циціанова (1802—1806). Третій томъ—время управленія графа И. В. Гудовича (1806—1809). Четвертый—время А. П. Тормасова (1809—1811). Пятый—періодъ предшественниковъ Ермолова (съ сентября 1811 года по исходъ 1816 года), именно маркиза Паулуччи и генерала Ртищева. Въ шестомъ томѣ читатель находитъ документальную исторію Кавказа времени его управленія незабвеннымъ Ермоловымъ. Кромѣ карты Кавказа, плавань Асландузскаго брода и крѣпости Ленкорана—въ шести томахъ «актовъ» помѣщены были портреты: Кнорринга, кн. Циціанова, гр. Гудовича, Тормасова, маркиза Паулуччи, Ртищева, Котляревскаго, Ермолова, царя Георгія XII, царевичей: Давида Георгіевича, Ираклія I, Іоанна, Вахтанга, Антонія, Парнаяза, Теймураза, Баграта, Александра Иракліевича; царицы Даріи, царицы Анны; митрополита Феофилакта. При появленіи первыхъ пяти томовъ мы выражали нѣкоторое сѣтованіе на громадный размѣръ фоліантовъ; но это замѣчаніе ослабляется

тѣмъ соображеніемъ, что при иномъ объемѣ, напримѣръ, въ 8 д. л., Комиссія вмѣсто одного тома пришлось-бы издавать ихъ нѣсколько¹⁾. Донныя вышедшіе шесть томовъ въ большой листъ составили-бы не менѣе ста книгъ въ 8 д. л., объемомъ до двадцати печатныхъ листовъ каждая; портреты и карты составили-бы отдѣльный атласъ, неудобный какъ для пересылки по почтѣ, такъ и для храненія въ бібліотекахъ. Но справедливѣе того сѣтовать на ограниченное число печатаемыхъ экземпляровъ (не болѣе двухсотъ), но причинъ весьма понятной: по недостатку потребителей вообще, по недостаточности средствъ людей, занимающихся изученіемъ отечественной мѣстной исторіи (Кавказа). Люди, обладающіе денежными средствами—относятся къ ученымъ изданіямъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ; люди образованные и просвѣщенные, въ большинствѣ случаевъ—небогаты. Между тѣмъ цѣна каждого тома «актовъ» относительно дешева, такъ какъ подобное изданіе для частной книгопродавческой спекуляціи положительно невозможно.

Обозрѣваемый нами седьмой томъ заключаетъ въ себѣ акты и документы, относящіеся ко времени управленія Кавказомъ графа П. Ф. Паскевича-Эриванскаго (съ 1827 по 1831 годъ). Они знакомятъ насъ во всѣхъ подробностяхъ съ дѣятельностью преемника Ермолова, во всѣхъ ея отрасляхъ и частяхъ—гражданской, военной, духовной, финансовой и промышленной²⁾.

¹⁾ Для примѣра возьмемъ второй томъ «актовъ», содержащій въ себѣ 1238 страницъ въ два столбца. Изъ нихъ каждая соответствуетъ 4 стр. въ 8 д. л., слѣдовательно въ 1238 стр. заключается 372 печатныхъ листа въ 16 стр. каждый, или 18 книгъ, въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

²⁾ Изъ множества документовъ, относящихся до Ермолова и напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», можемъ указать на цѣлый рядъ писемъ (1826—1827), подъ об-

Четырехлѣтній періодъ управленія Паскевича раздѣленъ на семнадцать отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ 932 документа: 1) Гражданская часть; 2) Колонисты въ Грузіи; 3) Духовная часть; 4) Военная часть; 5) Осетія; 6) Западное Закавказье; 7) Восточное Закавказье; 8) Армянская область; 9) Дагестанъ; 10) Персія; 11) Турція; 12) Каспійское и Черное моря; 13) Турменія; 14) Кавказская линія; 15) Кавказская область; 16) Астраханская губернія; 17) Статистическія и другія свѣдѣнія. (Прибаленія. Алфавитный указатель).

Время командованія графа Паскевича на Кавказѣ продолжалось съ небольшимъ четыре года. Въ апрѣлѣ 1831 года онъ былъ отозванъ въ Польшу, а въ августѣ состоялось назначеніе на его мѣсто барона Григорія Владиміровича Розена. До пріѣзда послѣдняго краемъ управлялъ ген.-адъютантъ Никита Петровичъ Пократевъ. Возвращаясь изъ Грузіи въ Россію, графъ Дибичъ, встрѣтивъ на Кавказской линіи генерала Сабанѣева, сказалъ ему: «послѣ того порядка, въ какомъ послѣ Ермолова входился край, и того Екаторининскаго и Суворовскаго духа, которымъ Паскевичъ засталъ одушевленнымъ войско, было легко пожнать лавры».—Эти слова, правдивыя по отношенію къ Ермолову, не умаляютъ заслугъ Паскевича, время командованія котораго (какъ сказано въ предисловіи къ седьмому тому «актовъ») «должно быть причислено къ одной изъ особенно интересныхъ и блестящихъ эпохъ русскаго владычества на Кавказѣ». Списокъ сотрудниковъ и сподвижниковъ Паскевича заключаетъ въ себѣ свыше пятидесяти именъ, между которыми находимъ: кв. В. О. Бебутова, К. Х. Бенкендорфа 2-го, И. Г. Бурцова, А. И. Красовскаго 1-го, Н. Н. Муравьева, барона Д. Е. Остенъ-

щимъ заглавіемъ: Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ (См. «Р. С.», изд. 1872 г., томъ V, стр. 706—726; томъ VI, стр. 39—69, и стр. 243—280).

Сакена, Н. П. Панкратьева, Н. Н. Раевского, І. А. Реутта, Н. М. Снягина, гр. П. П. Сухтелова, Г. А. Эммануэля, князя Г. Е. Эристова... «Быстро смѣнявшійся событія, современныя преобладающія здѣсь (въ Тифлисѣ) графа Паскевича, обусловили громадность и сложность той переписки, изъ которой въ Архивѣ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго образовалось около 2760 дѣлъ и томовъ. Изъ этого обширнаго матеріала, рассмотрѣннаго со всею тщательностью и дополненаго необходимыми свѣдѣніями изъ мѣстнаго архива окружнаго штаба, составленъ оконченный нынѣ (седьмой) томъ, доведенный до исхода 1831 года, т. е. до пріѣзда въ Тифлисъ ген.-адъютанта барона Г. В. Розена». Вступивъ въ управленіе краемъ, графъ Паскевичъ обратилъ особенное вниманіе: 1) на разноеобразіе и самую организацію управленія; 2) на неопредѣлительность правъ и обязанностей начальствующихъ лицъ; 3) на смѣшеніе законовъ руссіискихъ съ грузинскими и обычаями мусульманъ, и 4) на неуравновѣшенность въ податяхъ и безпорядки финансоваго управленія.

Въ виду усиленія и прекращенія открывшейся поддѣлки фальшивыхъ царскихъ документовъ на княжеское и дворянское достоинства, учреждена была особая коммисія.

Благоустройство Тифлиса, основаніе богоугодныхъ и учебныхъ заведеній, изданіе первой газеты «Тифлсскаго Вѣдомости»—были предметами первыхъ заботъ графа Паскевича. По горному вѣдомству были произведены многія развѣдки и изысканія въ разныхъ округахъ Кавказа и Закавказья; введенъ европейскій тарифъ въ черноморскихъ портахъ Закавказья; утверждено положеніе о таможенномъ управленіи и о карантинѣхъ. Было обращено вниманіе на винодѣліе, шелководство и сельское хозяйство. Двѣ ученые экспедиціи академиковъ: Паррота (въ 1829 г.) и Купфера—составляютъ эпоху въ лѣтописи географическихъ открытій на Кавказѣ. Подвиги нашего оружія во

время персидской и турецкой кампаній— пензглядимы въ памяти потомства... но имя Паскевича никогда не затмитъ имени Ермолова въ лѣтописяхъ Кавказа.

Громадный фоліантъ седьмага тома «актовъ» подобно своимъ предшественникамъ не можетъ, конечно, быть предметомъ празднаго любопытства, или привлечь вниманіе охотника до легкаго чтенія; зато историкъ найдетъ въ немъ цѣлый рудникъ драгоценнѣйшихъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ наукъ политическихъ, военныхъ и частію естественныхъ. Нижеслѣдующій обзоръ отчасти облегчитъ изысканія любознательному читателю, желающему ознакомиться съ содержаніемъ седьмага тома «актовъ».

Изъ 180 документовъ перваго отдѣла (Гражданская часть, стр. 1—232) особенно любопытны:—Отношеніе ген.-адъютанта Сипягина къ министру внутреннихъ дѣлъ (отъ 28-го іюня 1827 г.) объ учрежденіи въ Тифлисѣ: больницы для бѣдныхъ, дома умалишенныхъ, домовъ: рабочаго, воспитательнаго и родильнаго; о построеніи мукомольныхъ мельницъ и о водоснабженіи города (№ 5). Въ дѣлѣ устройства рабочаго дома для размотки шелка принялъ особенное участіе купецъ Кастиелла, предлагавшій занять этою работою до 200 арестантовъ. Государь императоръ, соизволяя на то, изволилъ дать собственноручно слѣдующее повелѣніе: «Согласенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ составить уставъ оному рабочему дому, обратя особое вниманіе на улучшеніе ихъ нравственности и чтобы не вышло изъ онаго развратнаго дома». (№№ 8, 11, 14, 18). Отношенія и рапорты гр. Паскевича: о медленности въ дѣлопроизводствѣ въ присутственныхъ мѣстахъ (№ 10), о вознагражденіи бѣднѣйшихъ жителей, потерпѣвшихъ отъ вторженія персіанъ (№ 15); объ изданіи «Тифлисскихъ Вѣдомостей» (№ 16); о межеваніи (№ 22); о богоугодныхъ заведеніяхъ (№№ 25, 32); объ умопачинаніи въ «Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ» объ «обстоятельствахъ политическихъ» (№ 34), —которыя «неудобно было-бы объявлять

по всему государству, слѣдовательно, по всей Европѣ». Всенподданнѣйшій рапортъ гр. Паскевича (№ 36) отъ 16 мая 1829 г. о злоупотребленіяхъ въ гражданскомъ управленіи и о дѣятельности покойнаго ген. Сипягина (стр. 18—21). Рапортъ ст. сов. Завилейскаго о ежегодномъ обревизованіи присутственныхъ мѣстъ и обнаруженныхъ въ нихъ злоупотребленіяхъ (стр. 23—27). Объ акцизномъ сборѣ съ выдѣляемыхъ въ Тифлисѣ винъ и водокъ (№ 43, стр. 27—30). Финансовое описаніе закавказскихъ провинцій (стр. 33—35). О гражданскомъ управленіи Грузіи (№ 47, стр. 35—39). О фальшивыхъ актахъ на дворянство (№№ 50, 54, 57, 66, 68, стр. 41—62): любопытный эпизодъ исторіи нашего владычества на Кавказѣ. Документы, касающіеся учебной части (стр. 62—69), даютъ самое ясное понятіе о плачевномъ состояніи учебныхъ заведеній и о мѣропріятіяхъ гр. Паскевича къ ихъ улучшенію (стр. 62—69). «Горная часть»: рапорты и докладныя записки горныхъ чиновниковъ: Воскобойникова, Реутта, Карнивскаго и др.—заслуживаютъ вниманія геолога, медика и финансиста. Помимо описанія рудниковъ, каменноугольныхъ копей, нефтяныхъ источниковъ и минеральныхъ водъ, въ этомъ отдѣлѣ важныя свѣдѣнія о ходячей монетѣ Грузіи и Закавказья (стр. 69—118). Слѣдующіе за тѣмъ отдѣлы: «Карантинно-таможенная часть и торговля» и «Сельское хозяйство и промышленность» (стр. 120—215) обилуютъ весьма любопытными документами; между ними особенно замѣчательны: свѣдѣнія о персидской торговлѣ, «записки» камеръ-юнкера Пельчинскаго (стр. 183—191) и иностранца Моренаса (умершаго отъ холеры 25-го октября 1830 года). Эта личность для насъ новая, совершенно невѣдома; а между тѣмъ—какая даровитая, способная, достойная сохраниваться въ памяти потомства. Записки Моренаса съ приложеніями къ нимъ (стр. 191—212) написаны такимъ языкомъ и до того любопытны, что читаются съ удовольствіемъ,

подобно рассказам Беккера, или Ливингстона. Эти документы, как самостоятельная статья, могли бы сдѣлать честь любому литературному журналу.

Отдѣлъ «Медицина» (стр. 215—232) помимо научнаго интереса заключаетъ въ себѣ любопытные материалы для исторіи чумы и перваго появленія въ Россіи эпидемической холеры въ 1830 году.

Въ отдѣлѣ «Духовная часть» вниманіе читателя особенно привлекутъ документы, относящіеся до армянскаго духовенства (стр. 251—311). Переписка архіепископа Нарсеса съ Паскевичемъ, письма къ нему же патріарха Ефрема—проливаютъ яркій—хотя и весьма невыгодный—свѣтъ на характеристику обоихъ армянскихъ іерарховъ и на ихъ двусмысленныя отношенія къ правительству. Письмо индійскихъ армянъ къ Нарсесу (стр. 266—268), Историческая записка о патріархахъ армянскаго престола въ Эчмиадзинѣ (стр. 270—274), наконецъ—цѣлый рядъ официальныхъ документовъ—содержать въ себѣ неистощимый источникъ свѣдѣній объ особенностяхъ богослуженія, о нравахъ и обычаяхъ армянскаго духовенства.

Въ отдѣлѣ «Военная часть» особенно любопытны: журналъ особаго комитета о переселеніи 80,000 малороссійскихъ казаковъ на границу Персіи (стр. 319—324), рапортъ князя Цицианова (отъ 2-го сентября 1804 года) о геройской смерти полковника Монтрезора; документы, относящіеся до учрежденія грузинской милиціи и до случаевъ матажей по поводу этого учрежденія. Проектъ образованія секретной военной полиціи въ Кавказскомъ краѣ.

Слѣдующіе за симъ двѣнадцать отдѣловъ заключаютъ въ себѣ 613 документовъ, распределенныхъ по различнымъ областямъ Кавказа и государствъ, ему сопредѣльныхъ. «Записка надв. сов. Чилева о горскихъ народахъ на Военно-грузинской дорогѣ» знакомитъ съ бытвомъ воинственныхъ племенъ, такъ долго и такъ отчаянно отстаивавшихъ свою не-

зависимость. Рапорты и донесенія военныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, отношенія Паскевича къ военному министру, его всеподданнѣйшія докладныя записки государю императору даютъ возможность читателю прослѣдить весь ходъ постепеннаго умнротворенія Осетин (стр. 347—385), Западнаго Закавказья, Восточнаго Закавказья, Армянской области и Дагестана (стр. 386—539). Особенно интересны документы, относящіеся до нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Персіею. Въ нихъ весьма часто встрѣчается незабвенное для Россіи имя Грибоѣдова. Изъ таковыхъ особенно важны, какъ материалы для его біографіи: отношенія Паскевича къ графу Нессельроде (отъ 13-го апрѣля 1827), въ которомъ герой Эривани свидѣтельствуетъ о заслугахъ Грибоѣдова и ходатайствуетъ объ увеличеніи ему оклада жалованья. Донесеніе Грибоѣдова о его свиданіи съ Аббас-мирзою (стр. 553—560). Предписаніе ему отъ Паскевича касательно рѣдкихъ восточныхъ рукописей (стр. 582). Инструкція, данная Грибоѣдову 1-го мая 1828 г. для руководства во время пребыванія при тегеранскомъ дворѣ въ качествѣ полномочнаго министра (стр. 622—624); депеши Грибоѣдова (на французскомъ языкѣ къ гр. Нессельроде (стр. 652—654); его отношенія къ гр. Паскевичу (655—657; 659—670). Письма и рапорты, относящіеся до кроваваго дѣла убіенія Грибоѣдова—отъ Макдональда (стр. 670—671), отъ над. сов. Амбургера (671—672), и цѣлый рядъ документовъ о томъ-же (стр. 673—726). Особенно любопытно донесеніе тит. сов. Мальцова—очевидца роковой катастрофы 30-го января 1829 г. Чтеніе этихъ документовъ приводитъ къ тому заключенію, что если на правительство Фетх-Али-шаха падаетъ невольнаго пятно въ дѣлѣ убіенія Грибоѣдова, то брызги его крови пятаютъ также и лѣтписи англійской дипломатіи, такъ какъ этому убійству очевидно не было чуждо англійское посольство. Ни лестныя письма Фетх-Али-шаха и Аббас-мир-

зы, ни побѣда въ Петербургъ Хосров-мирзы не вознаградили Россію за ея неодоленную утрату. Интересъ документовъ, касающихся страдальческой кончины тюрка «Гора отъ ума», не отнимаетъ однако-же значенія отъ прочихъ актовъ, относящихся до военныхъ подвиговъ графа Паскевича и до дипломатическихъ нашихъ сношеній съ персидскимъ дворомъ. Какой обширный запасъ матеріаловъ для будущаго историка войны Россіи съ Персіею! Сухость изжесѣвующаго перечня документовъ выкупается ихъ историческою важностью. Таковы всеподданнѣйшіе рапорты Паскевича: отъ 17-го мая 1827 года, о смерти шаха персидскаго (№ 507, стр. 542); отъ 7-го іюля 1827 г., о побѣдѣ при ручьѣ Джеванбулакѣ; отъ 28-го августа, о прибытіи ген. Красовскаго въ Эчмиадзинъ (стр. 561); о взятіи Аббасабада (стр. 562); отъ 21 сентября—объ осадѣ и покореніи Сардар-абада (стр. 563—564); отъ 3-го октября—о взятіи Эривани (стр. 564—567); отъ 29-го октября о взятіи Тавриза и переговорахъ съ персіанцами (стр. 569—573); отъ 5-го января 1828 года о сомнительности переговоровъ и измѣненіи въ отношеніяхъ шаха къ Россіи (стр. 583—585). Письма Паскевича къ Фетх-Али-шаху и Аббас-мирзѣ; записка (Грибоѣдова) о переселеніи армявъ въ предѣлы Россійской имперіи (стр. 642—644).

Замѣтимъ, что главналъ сущность многихъ изъ этихъ документовъ исчерпана почтеннымъ редакторомъ «актовъ» Ад. П. Берже въ его любопытныхъ монографіяхъ о Грибоѣдовѣ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ»: «А. С. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ 1818—1827 г.» (изд. 1874 г. Томъ XI, стр. 276—303). «А. С. Грибоѣдовъ, дѣятельность его какъ дипломата 1827—1829». (См. тамъ-же, стр. 516—534, 746—765. Изд. 1876. Томъ XVII, стр. 727—758). Донесеніе А. С. Грибоѣдова о побѣдѣ въ персидскій лагерь въ 1827 г. (см. «Р. С.», изд. 1873. Томъ VII, стр. 799—814. Статья, сообщенная редакціи изъ бумагъ Н. В. Кукольника и Ф. В. Булгарина. «Исслѣдованіе объ убіеніи А. С. Грибо-

ѣдова», монографія Ад. П. Берже (См. «Р. С.», изд. 1872 г. Томъ VI, стр. 163—207).

Вообще отдѣлъ «Персія» въ седьмомъ томѣ «актовъ» любопытнѣйшій и самый обширный; простирается далеко за хронологическій предѣлъ, предначертанный программой: послѣдній документъ помѣченъ 13 числомъ ноября 1831 года, когда графъ Эриванскій уже былъ всенностивѣйше награжденъ званіемъ князя Варшавскаго.

Отдѣлъ «Турція» можно назвать дневникомъ побѣдъ Паскевича и подвиговъ нашего оружія съ 26-го мая 1828 по 29-е сентября 1829 г. Всеподданнѣйшіе рапорты графа Паскевича: изъ лагеря при Карсѣ (стр. 748—752) о взятіи крѣпостей: Карса, Поти, Ахалдиха, Ахалкалкъ, Балзета, съ покореніемъ всего пашалыка; о подвигахъ Муравьева и Бурикова (стр. 787—790), о пораженіи турецкой арміи при селеніи Камлы и при урочищѣ Милли-доеѣ; о взятіи Эрзерума (стр. 798—802) и т. д. Документы, касающіеся переселенія изъ Турціи христіанъ (стр. 833—851)—драгоценный матеріалъ для исторіи «восточнаго вопреса».

Въ отдѣлѣ «Кавказская область» замѣчательно дѣло «шотландскихъ миссіонеровъ» (стр. 930—944), прилагавшихъ самое дѣятельное стараніе объ освобожденіи рабовъ и улучшеніи быта колонистовъ.

Въ составъ послѣдняго отдѣла, озаглавленнаго: «Статистическіе и другіе свѣдѣнія», вошли документы, не подходящіе подъ рубрики предыдущія. Нѣкоторые изъ нихъ особенно любопытны по своему анекдотическому характеру. Такъ напримѣръ, ген.-адъют. Сипагинъ особымъ предложеніемъ исполнительній экспедиціи требуетъ предать суду тифлискаго гражданина Захарбегова за его дерскій отвѣтъ ротмистру Рейтеру. Въ чемъ-же заключалась эта грубость? Рейтеръ объявилъ Захарбегову, что въ Тифлисѣ полезно было бы учредить магистратъ, въ уѣздныхъ городахъ ратуши, даже «думу»... На это Захарбеговъ «отвѣтствовалъ насмѣшливымъ тономъ, что

дума на ихъ языкѣ значить курдючье сало... На этотъ камамбуръ, конечно салный, но несколько не оскорбительный, Рейтеръ обидѣлся.

Слѣдующіе два документа (стр. 954—955)—интересные вклады въ исторію отечественной литературы. 12-го мая 1829 г. ген.-майоръ баронъ Остенъ-Сакенъ донесъ ген.-адъютанту Стрекалову:

«Извѣстный стихотворецъ, отставной чиновникъ X класса, Александръ Пушкинъ, отправился въ мартѣ мѣсяцѣ изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ, а какъ по Высочайшему Е. И. В. повелѣнію состоитъ онъ подъ секретнымъ надзоромъ, то, по приказанію е. с. (гр. Паскевича), имѣю честь донести о томъ в. прев.—ву и покорнѣйше прошу не оставить распоряженіемъ вашимъ о надлежащемъ надзорѣ за нимъ по прибытіи его въ Грузію»¹⁾.

Ген.-ад. Стрекаловъ отнесся къ ген.-адъютанту Бенкендорфу:

«Почтеннѣйшимъ отношеніемъ отъ 1-го числа настоящаго октября мѣсяца (1829 г.) в. высоч.—во, позволите требовать отъ меня увѣдомленія, по чьему позволенію извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ предпринялъ путешествіе изъ Тифлиса въ Эрзерумъ?

«И. д. начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, ген.-м. баронъ Остенъ-Сакенъ увѣдомилъ меня по приказанію главнокомандующаго въ минувшемъ маѣ о путешествіи, предпринятомъ г. Пушкинымъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ Закавказскій край, и просилъ меня по прибытіи его въ Грузію имѣть за нимъ надлежащій секретный надзоръ.

«Имѣя въ виду Высочайшее Е. И. В. повелѣніе о состояніи Александра Пушкина подъ надзоромъ правительства, я, кромѣ предписанія тифлисскому гражданскому губернатору наблюдать за его по-

веденіемъ, лично обращаю на образъ его жизни надлежащее вниманіе. Путешествіе же изъ Тифлиса въ Эрзерумъ произведено по имъ по дозволенію графа Паскевича, изъясненному въ предисловіи его ко мнѣ отъ 8-го іюня, № 184.

«Въ концѣ августа г. Пушкинъ возвратился въ Тифлисъ, откуда по прошествіи нѣсколькихъ дней отправился въ Москву. Передъ отъѣздомъ его изъ Грузіи, я считъ нужнымъ тогда-же увѣдомить о томъ московскаго военнаго ген.-губернатора и сообщить ему Высочайшее государя императора повелѣніе о состояніи Александра Пушкина подъ секретнымъ надзоромъ правительства».

«Алфавитный указатель», приложенный въ концѣ седьмага тома «актовъ», вполне облегчаетъ справки биографическія. Три портрета (графа Паскевича, Аббасмиранъ и царевича Юлона Иракліевича), рисунки заголовковъ—исполнены съ прекраснымъ совершенствомъ, которому рѣзко противорѣчатъ виньетки (culs-de-lampe) на оборотѣ нѣкоторыхъ страницъ: онѣ довольно безобразны. Впрочемъ это мелочи; есть одинъ недостатокъ, болѣе существенный, умолчать о которомъ было-бы излишне, особенно послѣ того, какъ мы отдала должную справедливость превосходному изданію «актовъ»... Этотъ недостатокъ заключается въ отсутствіи переводовъ при депешахъ и рапортахъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ. Переводы эти могли-бы быть помѣщены въ приложеніи.

Аму и Узбой. Брошюра неизвѣстнаго автора. Самара, 1879 г.

Вопросъ объ устройствѣ воднаго пути изъ Европы въ Среднюю Азію есть вопросъ «историческій» для Россіи и по его великой политической и экономической важности, и въ томъ смыслѣ, что онъ занимаетъ видное мѣсто въ русской исторіи. Еще до Петра I многіе западноевропейцы хлопотали объ установленіи торговыхъ связей Европы съ Среднею Азіею черезъ Россію, именно, черезъ Каспійское море съ его притоками; вели-

¹⁾ Вслѣдствіе этого донесенія ген.-ад. Стрекаловъ предписалъ тифлисскому губернатору, отъ 14 мая, по прибытіи Пушкина, обратить на поведеніе его строгое вниманіе и доносить секретно объ образѣ его жизни.

кій же Императоръ, съ свойственными ему шириною взгляда и энергіею характера, не только оцѣнилъ важность средне-азиатскаго водяннаго пути, но и пробовалъ рѣшить задачу объ его устройствѣ практически, восстановленіемъ теченія Амударьи по Узбою въ Балхавскій заливъ. Давъ, по этому поводу, въ 1716 г., при отправленіи Бекевича-Черкаскаго въ Хиву, особый наказъ, онъ писалъ изъ Либавы: «Господамъ сенату съ лучшаю ревностію сіе дѣло какъ наискорая отправить, понеже зѣло нужно». Теперь, черезъ полтора вѣка послѣ кончины Петра I, мы возобновляемъ его планы и, быть можетъ, успѣемъ наконецъ ихъ осуществить. Двѣ ученныя экспедиціи 1879-го года направлены въ закаспійскій край и продолжаютъ тамъ дѣло, которымъ такъ усердно занимались: въ 1873 г.—Глуховской, въ 1874 г.—спутники Столѣтова, въ 1871—76 гг.—Стеблицкій, въ 1876—78 гг.—Петрусевичъ; и замѣтимъ, что одна изъ этихъ экспедицій—1879 года—частная: это свидѣтельствуешь, что люди дальновидные и патристическіе перестаютъ у насъ всѣ заботы о нуждахъ націи возлагать на правительство. Повидному, одному изъ участниковъ этой

послѣдней экспедиціи принадлежать и брошюра, названіе которой выписано выше. Она доказываетъ въ авторѣ большую начитанность, знакомство съ географіею Средней Азии и вполне ясное разумѣніе важности рассматриваемаго предмета, подтверждаемое знаніемъ его исторіи. Для исторіи Россіи за наше время она современемъ послужитъ хорошимъ матеріаломъ; современники же найдутъ въ ней много данныхъ для обсужденія вопроса, который теперь занимаетъ не только Россію, но и опять почти всю Европу, какъ въ XVI вѣкѣ. Извѣстный предприниматель разныхъ грандіозныхъ построекъ, Лессепсъ, еще въ 1875 г. подавалъ цѣлый проектъ по устройству средне-азиатскихъ водянныхъ путей, а за нимъ этотъ же предметъ занималъ и занимаетъ доселѣ важнѣйшіе органы европейской мысли и слова, такъ что даже, напр., въ скромномъ жемевскомъ географическомъ обществѣ все относящееся къ нему сообщается и выслушивается такъ же сочувственно, какъ, напр., сообщенія о Панамскомъ каналѣ, о наводненіи части Сахары и т. п.

М. И. Венюковъ.

Женева.

Портретъ графа Ѳ. П. Толстаго,

род. 1783 г., † 13-го апрѣля 1873 г.

«Русская Старина» въ теченіе послѣднихъ лѣтъ такъ много отвела страницъ разсказамъ и замѣткамъ о графѣ Ѳеодорѣ Петровичѣ Толстомъ, а также его собственнымъ воспоминаніямъ и письмамъ¹⁾, что ея читателямъ, безъ сомнѣнія, будетъ интересно имѣть при нашемъ изданіи одинъ изъ лучшихъ его портретовъ.—Оригиналъ портрета знаменитаго медальера-скульптора-живописца, по званію—вице-президента Императорской Академіи Художествъ, а по разносторонности и глубинѣ художественнаго таланта—воплощеніе всей этой Академіи,—писанъ извѣстнымъ, въ свое время, портретистомъ Зарянко. Гравюра, приложенная въ XXV-му тому «Русской Старины», исполнена въ Ниддѣ, на деревѣ, по рисунку К. О. Брожа,—другомъ нашимъ, даровитымъ гравѣромъ-академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. Ред.

¹⁾ См., между прочимъ, «Записки гр. Ѳ. П. Толстаго» («въ Русской Старинѣ», изд. 1873 г., томъ VII, стр. 24 и 123. Тамъ-же подробный отчетъ о его художественной дѣятельности—стр. 517. Некрологъ: тамъ-же, стр. 731. Разсказы гр. Ѳ. П. Толстаго объ эпохѣ Александра I-го—1815—1825 гг., и письмо о пребываніи Николая I-го въ Римѣ въ 1845 г., см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 93—116; 369—380; 496, 498.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
 въ XXV томѣ
 „РУССКОЙ СТАРИНЫ“
 1879 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

А.

- Аббас-мирза**, персидс. наслѣд. принцъ, р. 1782 † 1833 г., 334—348; 402—414.
- Абкрювъ**, поруч., 1831 г., 738.
- Абрамовичъ**, 85.
- Абхазовъ**, кн., ген.-маіоръ, 1829 г., 335.
- Августъ II**, король польскій, 1720 г., 104, 263, 264, 285.
- Авейде**, Оскаръ, членъ польск. жонда; ссылка на «Зап. о польск. возстаніи 1863 г.», 57—62; уном.: 522—551.
- Авенаріусъ**, Н. П., ссылка на сообщ. имъ свѣдѣніи о Кексгольмс. узникѣ, 506—508.
- Аделунгъ**, ссылка на соч.: «Обозрѣніе путешестввенник. по Россіи до 1700 г.», 208.
- Адермакъ**, ворон. губернат., 1829 г.; 339.
- Адрейковъ**, генер., 1829 г., 401.
- Алабизъ**, Петръ Видм. Сообщ. копіи съ писемъ И. И. Бутурлина къ жентъ и дочери, 1714—1715 г., съ примѣчаніями къ нимъ, 151—158; замѣтки изъ своего «Дневника»: Польскій поэтъ Трембекій и еврейскій ученый Исаакъ Беръ Левензонъ, 219—230.
- Александра-Феодоровна**, имп-ца, р. 1798 † 1860 г., 347, 348, 612, 613.
- Александръ I**, императ., р. 1777 † 1825 г. Пребываніе въ Пензѣ, 1824 г., 729, 730. Упом.: 219, 377, 378, 385—387, 442, 443 467, 506—512.
- Александръ II**, императ., р. 1818 г., 67, 360, 444, 445, 517, 518, 563, 707, 713.
- Александръ Александровичъ**, вел. кн., наслѣдникъ-цесаревичъ, р. 1845 г., 364, 445.
- Алексѣевъ**, Кузьма, крест.-поселен. Саратов. гб., 1849 г., 612, 613.
- Алексѣевъ**, Н. С., 1849 г., 740.
- Алексѣй Александровичъ**, вел. кн., р. 1850 г., 364.
- Али-Кули-мирза** (братъ Фетх-Алишаха), 1830 г., 405, 406.
- Али-Наги-мирза**, казвинскій принцъ, 1839 г., 351.
- Аль-Насиръ**, багдадскій халифъ, 697.
- Амвросій** (Орнатскій), еписк. пензенск. и саранск., 1824 г., † 1827 г., 729, 730.
- Андреевъ**, Ів., капит., 1751 г., 513.
- Анна Іоанновна**, имп-ца, р. 1693 † 1740 г., 5, 6, 8, 27, 455.

Анна Леопольдовна, принцесса Брауншвейг-Люнебургская, правительница Россіи, р. 1718 † 1746 г., 6, 7, 15, 291, 498.

Анненковъ, генер., 1863 г., 715.

Анкоки, гр-ня, 81, 84.

Антоній, царевичъ Карталинс., католикосъ Грузіи, 1757 г., 579.

Антоній, архіеписк., 365.

Антонъ-Ульрихъ, герц. Брауншвейг-Люнебургскій, р. 1714 † 1774 г., 293, 498, 505, 510.

Аправонъ, гр., Оед. Мать, ген.-адм., чл. верховн. тн. сов., р. 1661 † 1728 г., 134, 151, 250, 258, 275—284.

Арина Родіоновна, вiana А. С. Пушкина, 372, 384.

Арсеній Мацѣевичъ (въ мирѣ Александръ), митропол. ростовск., р. 1697 † 1765 г., 1—34, 212, 577—608.

Арсентьевъ, опека. питомецъ Москвск. Воспит. Дома, 1830 г., 478, 484.

Артемовъ, А. И., 1867 г., 353, 357—362.

Артлебенъ, Н. А., архитект., 358.

Артюховъ, капит. генер. штаба, 81.

Архиповъ, штб.-кап., 1831 г., 735.

Арцу, переводчикъ, 1852 г., 322.

Ассербургъ, бар., тн. сов., датс. посланн. при русс. дворѣ, р. 1724 г., 505.

Ауфшлагъ, 1863 г., 523.

Аввасіій (Вальховскій), еписк. тверск., 1762 г., 599, 607.

Аввасіевъ, фельдш., 1831 г., 734.

Б.

Бабицкая, Генриха, сестра милосерд., 1863 г., 524, 532.

Баеръ, нач. польск. банды, 1863 г., 540.

Бажановъ, полковн., 1852 г., 418.

Байковъ, ген.-лейт., 1834 г., 649.

Баклановъ, Яковъ Петр., полковн., впоследствии ген.-лейт., 1863 г., р., 1809 г., 326—332; 418—422; 521.

Банзмеръ, Иванъ, 1863 г., 59, 535.

Баратынскій, Евгенийъ Абрамов., поэтъ. † 1844 г., 678, 679, 684.

Барбаша, донск. казакъ, 1579 г., 183.

Барсовъ, Никл. Ив., проф., 1, 16, 23, 26, 28, 31, 34.

Барсуковъ, Н. П., ссылка на пзд. нмъ грудь о Строевѣ, 214; упом. 218.

Бартоновъ, Максимъ, 1709 г., 251.

Барятинскій, кн., Алсд. Ив., начальникъ лѣваго фланга Кавказ. линіи, 1851—1853 г., впоследствии фельдмарш., р. 1814 † 1879 г., 307—332; 415—436, 642.

Баторовъ, вице-капцл., 1720 г., 284.

Батюшковъ, Конст. Никл., писат., р. 1788 † 1854 г., 374, 678—684.

Бахъ, поруч., 1863 г., 68.

Бобутовъ, кн., Вас. Осипов., ген.-инф., † 1858 г., 335.

Безобразовъ, В. П., тайн. сов., акад., секр. Импер. Географ. Общ., 1861 г., 356, 360.

Белли, г-жа, учит.-да англ. яз., 373.

Бельчинскій, 1863 г., 590.

Бенкендорфъ, гр., Алсд. Христоф., ген.-адмт., р. 1783 † 1844 г., 80, 400.

Вергъ, Алсд. Федор., нмнѣ русс. генер. консулъ въ Лондонѣ, 77.

Вергъ, Григорій, ген.-инф., 77.

Вергъ, Густавъ Федор., 77.

Вергъ, Максъ, отставн. гусар. ротмст., 77.

Вергъ, Никл. Вас. Записки его: «Польское возстаніе въ 1863—1864 г.», главы IV—VII, 55—88; 515—566; 707—728.

Вергъ, гр., Оед. Оед., финляндс. геи.-губернат., впоследствии ген.-фельдмарш., наместн. Царства Польскаго, р. 1794 † 1874 г., 76—88, 517—524; 560—563; 727.

Верднжковъ, Ив., полковн., шлицсбургск. комендантъ, 1764 г., 291—304; 496, 499.

Верше, Адольфъ Петр., предсѣд. Кавказск. археографич. Комисіи. Составилъ общ. историко-біографич. очеркъ «Хорош-мирра, персидскій принцъ, 1813—1875 г.г.», 333—352; 401—414; упом. 747—753.

Вернадскіи, архитект., 339.

Версеньевъ, полковн., 1852 г., 435.

Вестушевъ-Рюминъ, гр., Алексій Петр. госуд. канцл., р. 1693 † 1766 г., 460, 593, 594, 599, 603.

Вестушевъ Алсд. Алсд. 1822 г., 678, 681, 684.

Вехмен-мирра, 1833 г., 408.

Вещій, Ив. Ив., ген.-поруч., камерг. р. 1704 † 1795 г., 457—461.

Вибиковъ, Алд. Ильяъ, ген.-майоръ, 1762 г., 293.
Вибиковъ, 1825 г., 467, 468.
Викстромъ, Карлъ Ив., ген.-адъют., 1828 г., 171, 400.
Влагосилъловъ, Г. Е., ссылка на составленную имъ биографію Введенскаго, 740.
Вланъ, архитект., 1763 г., 460.
Влацкичскій, Коврадъ (Бонча), нач. польс. банды, 1863 г., 547.
Вобровскій, Стефанъ, членъ народн. жонда; † 1863 г., 56—60, 728.
Вогдановичъ, Модестъ Ив., воен. писат. Собщ. «Изъ запис. франц. эмигранта, маркиза Марсильяка», отзывъ его о Суворовѣ, 399—400.
Вогдановъ, Андрей, 1739 г., 398.
Вогородскій, старшій врачъ старорусс. воен. госпиталя, † 1831 г., 394, 395.
Вогулавскій, Владиславъ, студентъ, 1863 г., 59, 538.
Водянский, Осипъ Максимов., проф. московс. унив., р. 1808 † 1877 г., 205—218.
Вожъ, лавдратъ, 1811 г., 78.
Вожъ, Тимофей Егор., гусарс. полковн. 1811 г., 78.
Волдырь, Никита, атам. войс. Донс., 1594 г., 184.
Волотовъ, Андрей Тимоф., р. 1738 † 1833 г.; ссылка на его «Записки», 47, 49, 214—218, 590.
Волотовъ, В. А., 214—217.
Вонковскій, Генрихъ, чл. польс. жонда, 1863 г., 527.
Вонольда, Ахиллесъ, членъ польс. комитета, 1863 г., 62.
Вореловскій, Мартинъ, см. Делеваль.
Ворисовъ, В. А., шуйскій мѣщан., 1858 г., 359.
Вороадна, Н. П., ссылка на собраніе его бумагъ, 575.
Вота, чеченецъ-проводникъ, 1852 г., 318, 322, 329, 331.
Воуръ, ген.-поруч., 1709 г., 253.
Врайжо, Мих. Григор., тифл. воен. губернаг., 1837 г., 656.
Врандербургскій курфпрстъ. 1720 г., 263.
Вранцичскій, гр., Ксаверій, чл. польс. комитета, 1863 г., 62.

Врежливъ, майоръ, 1709 г., 139, 254—258.
Вршововскій, Иосафатъ, чл. варш. госуд. сов., 1863 г., 518.
Вржикеръ, Адольфъ Густ., проф.; ссылка на его монографію, 507.
Вромъ, К. О., художн. Рисоваль портр. проф. О. М. Водянскаго, 1, и портр. гр. Ф. П. Толстаго, 577.
Врожевскій, 1820 г., 673.
Врунжеръ, А., ген.-отъ-инфан., бывш. начальн. Калинск. воен. отдѣла, 1863 г., 63—70; замѣтка его: «Дѣло при дер. Игнацевѣ», 745—746.
Вулавинъ, Кондратій Аванас., атам. Донс. казач. войска, 1708 г., 134, 135, 251, 437—439.
Вулгатовъ, генер., командующ. войсками на Кавказ. линіи, 1806 г., 433.
Вулгатовъ, камергеръ, 1829 г., 339, 340.
Вулгатовъ, Макарій, ссылка на «Исторію кievс. академіи», 4.
Вулгаринъ, Фаддей Венедикт., писат., р. 1789 † 1859 г., 179, 206, 689.
Вуржвинскій, Фома, 1863 г., 535.
Вуржовъ, М. М., ветерин. врачъ, 1849 г., 615, 616, 623.
Вутурлива, Анна Ив., въ замуж. Головина, 151—158.
Вутурлива, Марѳа Тимофѣевна, рожд. Савелова, 151—158.
Вутурликъ, гр., Дмит. Петр., 373.
Вутурликъ, Ив. Ив., ген.-аншефъ, р. 1661 † 1738 г. Письма его къ женті и дочери, 1714—1715 гг., 151—158.
Вутурликъ, Фодоръ Емельяновичъ, воевода гор. Углича, 1715 г., 155, 156.
Выстраповъ, Григор. Терент., 483, 484.
Вѣдяновъ, Т. П., письмоводит., 622.
Вѣдильковскій, инженеръ, 1862 г., 178.
Вѣлжиковъ, Алд. Ив., законоучит., 373.
Вѣловъ, крест.-питомецъ Воспит. дома Саратов. гб., 1849 г., 611, 612.
Вѣлогужевъ, полков. команд., 1824 г., 160.
Вѣлявскій, поруч., † 1828 г., 165.
Вѣляевъ, И. Д., профессоръ, ссылка на изд. «Временникъ», 210.
Вѣлошицкій, секрет. большой канцелярн, 1720 г., 288.
Вѣльмъ, полиц. дозорецъ, † 1863 г., 532.

В.

- Вага**, Владимиръ, 1863 г., 523.
- Валкеръ**, директ. повстанск. типографій, 1863 г., 59, 529, 538.
- Валигурскій**, гр., генер., люблинск. воевода, † 1863 г., 75, 547.
- Валатовичъ**, Варлаамъ, архіеп. кіевск., 1726 г., 4, 5.
- Вакъ-ханъ**, монгольск. ханъ, въ XII в., 695.
- Варнгагенъ фонъ-Энзе**, офиц. австр. служ., съ 1813 г. капит. русск. службы, 1819 г. прусск. послан. при баденск. дворѣ; ссылка на его «Дневникъ», 86.
- Варушъ-Секретъ**, И. Л. Сообщ. свон «Воспоминанія, 1823—1860 гг.», 159—172.
- Васильевъ**, Наумъ Васил., атам. войск. Донск., 1641 г., 186.
- Васильевъ**, пензенск. полиц. чиновн., 1824 г., 790.
- Васильковскій**, Серг. Федор., директ. канц. закавказ. управл., 1843 г., 661, 665.
- Васильчиковъ**, кн. 1820 г., 388.
- Васильчиковъ**, кн., фл.-адъют., 1837 г., 655.
- Васильчиковъ**, кн. П. А. ссылка на его книгу «Землевлдѣніе и земледѣліе», 246.
- Вашковскій**, Александръ, бывш. кандидат. с.-пб. унив., 1863 г., 528—530, 565, 566.
- Введенскій**, Иринархъ Ив., проф., † 1856 г., 739—744.
- Вейде**, генер., 1706 г., 141.
- Веймартъ**, ген.-поруч., 1764 г., 304, 497—500.
- Велопольскій**, маркизъ, гр. Гонзаго-Мышковскій, начальн. гражд. управл. въ Варшавѣ, 1862 г., 88, 518, 522, 524, 554, 557, 560, 726, 727.
- Вельво-Гатосъ**, князь, Ив. Данилов., 1697 г., 103.
- Вельяминовъ**, Алексѣй Алексдр., ген.-лейт., нач. Кавказск. области, 1834 г., † 1838 г., 313, 330.
- Вельяминовъ**, Лука, вальдмейстеръ, 46.
- Венджикскій**, Францискъ, чл. варшавск. госуд. сов., 1863 г., 518.

- Веніаминъ** (Пудекъ-Григоровичъ), еписк. с.-пб., 1762 г., 599, 603, 607.
- Веревкинъ**, ген.-маіоръ, 1862 г., 826.
- Веремкинъ**, полковн., 1829 г., 336.
- Веригинъ**, А. И. Сообщ. «Эпизодъ изъ осады Варны въ 1828 г.», 400.
- Веригинскій**, Иванъ, 1863 г., 59, 522, 526—530.
- Вигель**, Ф. Ф., дс. тн. сов., управл., департ. духовн. дѣлъ иностр. исповѣд., р. 1786 † 1856 г., 740, 741.
- Визировъ**, поруч., 1829 г., 337, 340.
- Визинскій**, 85.
- Визинскій**, Оома, 1863 г., 59, 75.
- Виртембергскій**, князь, 1709 г., 253.
- Витгенштейнъ**, гр., Петръ Христоф., ген.-фельдмарш., р. 1768 † 1843 г., 225.
- Витосъ**, 1697 г., 108.
- Вишневскій**, гетманъ, 1705 г., 138.
- Владимировъ**, маіоръ, 1863 г., 71.
- Владиміръ Александровичъ**, вел. кн., р. 1847 г., 364.
- Власовъ**, Герасимъ, рядовой-хозяинъ, 1831 г., 733, 736.
- Власовъ**, Максимъ Григор., ген.-отъ кавал., войск. наказн. атам., 1836—1848 г., † 1848 г., 181, 444.
- Власовъ**, Данила, капит., убійца принца Іоанна Антоновича, 1764 г., 291—298; 496—499.
- Воейковъ**, Алсд. Федор., писат., р. 1779 † 1839 г., 674, 683—689.
- Воейковъ**, Семенъ, атам. войск. Донск., 1584 г., 183.
- Возницынъ**, Прокофій, 1697 г., 108, 109.
- Возницынъ**, дворянинъ, 1780 г., 28, 29.
- Войцѣховскій**, чиновн. революц. секретариата, 1863 г., 539.
- Волковъ**, Дмит. Вас., тайн. секрет. Петра III, р. 1718 † 1785 г., 580, 581.
- Волковъ**, ген.-маіоръ, 1831 г., 731—738.
- Волонскій**, кн., Петръ Мих., ген.-адъют., мн-ръ двора, р. 1776 † 1852 г., 81, 342.
- Воловскій**, Людвигъ, членъ польск. комитета, 1863 г., 62.
- Волынскій**, архивариусъ тифл. уѣзд. суда, 647, 648.

Воль, Генрихъ, секрет. польск. финанс. деп., 1863 г., 59, 537, 551.
Воронцова, гр.-ня, Елисавета Ксаверіевна, 1845 г., 663.
Воронцовъ, гр., Артеміѣ Ив., 1799 г., 371.
Воронцовъ, гр., Ивась, 1762 г., 603.
Воронцовъ, кн., Мих. Сеи. кавказ. намѣстн., ген.-фельдм., р. 1781 † 1856 г., 86, 308, 313, 325, 428, 637, 663—670, 686.
Врангель, бар., ген.-маіоръ, 1853 г., 436.
Вревскій, бар., нач. владикавказ. военн. округа, 1852 г., 321, 323, 427—429.
Всеволожскій, Никита Всеволод., 1820 г., 381, 674, 679.
Вульфъ, Алексѣй Никол., 381.
Вырембовскій, Юліанъ, 1863 г., 56.
Высоцкій, Петръ, 1863 г., 58, 556.
Вышомірскій, капит., 1863 г., 75.
Вяземская, вѣг., Вѣра, 1824 г., 600.
Вяземскій, кн. Алѣкс. Алексѣевъ, ген.-прокур., р. 1727 † 1793 г., 301—303, 493.
Вяземскій, кн., Петръ Андр., писат., р. 1792 † 1878 г., 380, 688, 690.

Г.

Гавелъевичъ, 1868 г., 526.
Гавриилъ (Кременецкій), еписк. слѣб., 1762 г., 603, 607.
Гадаринъ, 1720 г., 265.
Гадаринъ, кн., Серг. Вас., дс. тн. сов., шталмейст., 1762 г., † 1782 г., 603.
Гадаринъ, кн., 1830 г., 477, 478, 480.
Гадемейстеръ, полков., 1863 г., 67.
Гаевскій, В. П., 378.
Гайнау, ген. австр. службы, 1849 г., 86.
Галензовскій, Ивась, чл. комиссіи погаш. польск. народн. долга, 1863 г., 535, 536, 551, 725.
Галензовскій, Северинъ, доет., офиц. генер. штаба, 1863 г., 59, 62.
Галофѣевъ, генер., 1840 г., 425.
Гамолтонъ, ген. шведс. служ., 1709 г., 253.
Гамецкій, генер., 1863 г., 61.
Ганкибалъ, Абрамъ Петр., ген.-маіоръ (арапъ, любимый деньщикъ Петра Вел.), 372.
Ганкибалъ, 1811 г., Іосифъ, 376.

Ганкибалъ, Марія Алексѣевна, 1799 г., 372, 375.
Ганкибалъ, Петръ Абрамовичъ, ген.-маіоръ, 1811 г., 376, 377.
Ганъ, бар., чл. госуд. сов., 1837 г., 648, 655—660.
Гарасимовичъ, типографш., 1863 г., 59.
Гаузе, Іосифъ, кавказ. офиц., 1863 г., 547.
Гаузе, графъ, Маврикій, воен. мн-ръ, † 1830 г., 547.
Гебда, Станиславъ, контрол. варшавс. губери. казначейс., 1863 г., 530, 566.
Гедеонъ (Кривовскій), еписк. псковск., 1762 г., 599, 607.
Гейдекрейхъ, Михаилъ, офиц., нач. люблинск. и подляск. воеводств., 1863 г., 547.
Гейшторъ, 1863 г. 555.
Гельбигъ, писат.; ссылка на: «Die Russische Günstlinge», 494, 504, 507—510.
Гемерлинъ, секрет. перв. мн-ра шведс. 1709 г., 253.
Генель, сотрудн. «Польской Газеты», 1863 г., 535.
Генске, полк. саксонс. служ., 1705 г., 139.
Герценъ, Алѣкс. Ив., ссылка на его статью «Пароходъ Вардъ-Джаксонъ», 61.
Гезовскій, Гервасій, 1863 г., 538.
Гиллеръ, Агаеонъ; ссылка на его «Записки о польск. возстаніи», 56—61, 75, 521—547.
Гильдебрандтъ, виленс. окружн. жандарм. генер., 1863 г., 516.
Гильфердингъ, А. Ф., ссылка на его соч. 91—97.
Гине, капит., 1881 г., 738.
Гинтеръ, Станиславъ, студ. варш. мед.-хирур. акад., 1863 г., 545.
Гирсъ, раздѣлновс. комендантъ, 1813 г., 224.
Гликевели, 1863 г., 522, 529, 530.
Глинка, Фед. Никол., полковн., 1820 г., 380, 385—387, 684.
Глицинскій, помѣщ., 1863 г., 70.
Глябовъ, Доспѣевъ, 27.
Глюкъ, бухарестс. агентъ польск. жонда, 1863 г., 553.
Гидичъ, Никл. Ив., писат., 1820 г., 360—388, 676, 680, 685.
Годебскій, 1863 г., 62.

- Голембергскій, Владиславъ, чл. польс-
жонда, 1863 г., 529, 530, 538, 546.
- Голенищевъ - Бутузовъ - Смоленскій,
кн., Мих. Илар., фельдмарш., р. 1745
† 1813 г., 80.
- Голлицынъ, кн., генер., 1764 г., 299.
- Голлицынъ, кн., ген.-поруч., 1709 г., 253.
- Голлицынъ, кн., Алексѣй Борисов., вице-
канцл., 1897 г., 103, 108.
- Голлицынъ, кн., Дмит. Мих., тн. сов.,
сенат., чл. верх. тайн. сов., р. 1665
† 1738 г., 103.
- Голлицынъ, кн., Пт. Алексѣев., сенат.,
архангелс. губернат., 1714 г., 151, 157.
- Голлицынъ, кн., москвс. ген.-губернат.,
1829 г., 340, 341.
- Головинъ, Евгений Алексдр., ген.-инф.,
главноуправл. Закавказья, 1838 г.,
637, 657—660.
- Головинъ, гр., Ив. Алексѣев., 1697 г., 103.
- Головинъ, Ив. Мих., адмир., 1697 г.,
† 1738 г., 104.
- Головинъ, гр., Гавр. Ив., государст.
канцл., р. 1660 † 1734 г., 154, 270, 277,
279, 289.
- Головицкѣ, гр., Мих. Гавр., дс. тн. сов.,
каб.-мн-ръ, † 1755 г., 461.
- Головулинъ, унт.-офиц., 1831 г., 787.
- Голышевъ, Алсд. Кузьм., бывш. бурго-
мистръ слоб. Мстера, впоследствии во-
лостн. старшина, р. 1806 † 1871 г.,
353—363.
- Голышевъ, Ив. Алсд., почетн. гражд.,
археологъ, р. 1838 г. Сообщ. свои
«Воспоминанія», 353—366.
- Гольдманъ, Артуръ, 1863 г., 537.
- Гончарова, Наташ. Никол., въ замуж
Пушнина, 1831 г., 371.
- Горбовъ, полковн., 1705 г., 138.
- Горбуновъ, Ив. Фед. Сообщ. «Журн.
путешествія по Германіи, Голландіи и
Италіи, въ 1697 — 1699 г., веденный
состоявш. при велик. посольствѣ рус-
скомъ въ владѣтелямъ разн. странъ
Европы», 101—132.
- Горковъ, полковн., 1848 г., 87.
- Гороховъ, управл. Саратовс. казен. па-
лат., 1852 г., 619.
- Горчаковъ, кн., Алсд. Мих., вице-канд-
леръ, 377, 517, 711—719.
- Горчаковъ, кн., Андр. Ив., ген. отъ инф.,
1824 г., 730.
- Горшковъ, И. М., крестьян., уѣздн.
земс. гласный, 1868 г., 354.
- Граббе, гр., Пав. Христоф., ген.-адъют.,
наказн. атам. войс. Донс., 1862 —
1866 г., 445.
- Грабовскій, гр., Адамъ, камергеръ
прусс. двора, 1863 г., 57.
- Грабовскій, Осипъ, инженеръ, чл. польс.
жонда, 1863 г., 529.
- Градовскій, Генрихъ, ревизорный дозо-
рецъ, 1863 г., 532.
- Градевскій, Матвій, 1863 г., 536.
- Грановскій, Тимоф. Никол., проф. ис-
сков. унив., 206.
- Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адмир. чер-
номорс. флота, 1828 г., 165.
- Греневикъ, В. Ф., кексгольмскій почтмст.,
506, 508, 510.
- Гречъ, Никл. Ив., писат., р. 1787 † 1867 г.,
179, 180, 206, 671—675, 683.
- Грибоѣдова, Нина Алексдр., рожд. кнж.
Чавчавадзе, † 1857 г., 337, 341.
- Грибоѣдовъ, Алсд. Серг., ст. сов., пол-
номоч. мн-ръ при персидс. дворѣ, пи-
сат., р. 1795 † 1829 г., 333, 334, 341,
345, 679.
- Григорій XVI, папа Римскій, 1831 г., 61.
- Григоровичъ, В. Н., проф., 1848 г.,
210, 212.
- Григорьевъ, Илья, атам. войс. Донс.
1685 г., 437.
- Гриневичъ, капит., 1828 г., 162.
- Грузевскій, Юліанъ, агентъ польск.
жонда, 1863 г., 558.
- Грушецкій, Владиславъ, чл. варш. госуд.
сов., 1863 г., 518.
- Гравковъ, капит., 1831 г., 394, 395.
- Гундобинъ, П. Ив., купечес. сынъ,
† 1871 г., 359.
- Гурьевъ, Иванъ, 1762 г., 292, 293.
- Гурьевъ, Петръ, 1762 г., 292, 293.
- Гурьевъ, Семень, 1762 г., 292, 293.
- Гусевъ, П. Сообщ. замѣтку: «Иринархъ
Ивановичъ Введенскій, эпизодъ изъ
его жизни, 1849 г.», 739—744.

Гусейн-паша, турецк. военачальн.,
1828 г., 164.
Гуттри, Александръ, познанс. помѣщ.,
1863 г., 62, 541, 556.

Д.

Дадіанъ, кн., полкв., фл.-адъют., 1837 г.,
648, 656—657.
Далевошій, Францъ, 1863 г., 555.
Даль, Влдм. Ив., писат., † 1872 г., 81.
Данзасъ, 1811 г., 377.
Даниловскій, членъ жюда, студентъ,
1863 г., 56.
Даскаловъ, археол., 97.
Дашнова, кн-ня, Екат. Роман., рожд.
Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 494, 504,
590, 591.
Дашковъ, Георгій, архіер. ростовск.,
1716 г., 27.
Дверницкій, 1831 г., 169.
Дебальменъ, орловс. и курс. ген.-губер-
нат., 42.
Дегенфельдъ, австр. мн-ръ, 1863 г., 73.
Дельвигъ, бар., Антонъ Антонов., писат.,
р. 1798 † 1831 г., 377, 379, 388, 674—689.
Дельвинъ, бар., инженер., 1862 г., 178.
Дембинскій, Наполеонъ, бывш. чиновн.,
1863 г., 545.
Демидовъ, 1763 г., 460.
Денисовъ, Адрианъ Карловичъ, ген.-
маіоръ, ваказн. атам. войс. Донс., 1818—
1821 г., 442, 443, 448.
Десмонъ, Андрей Францов., 1838 г.,
657, 658.
Десуръ, 1863 г., 544.
Джафар-бегъ, 1829 г., 337.
Джедаль-эд-динъ, турецк. султанъ,
1221 г., 698.
Джехангир - мирза, персид. принцъ,
р. 1811 г., 403—412.
Джюбенно, Вас. Аф. Сообщ. свой «Воспо-
минанія, 1829—1876 г.», 637—670.
Джылкисная, гр-ня, Марія, въ замуж.
гр-ня Замойская, 1863 г., 63.
Джылкисскій, гр., Иванъ, 1863 г., 62—65,
70, 556.

Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив.,
фельдмарш., р. 1785 † 1831 г., 88, 165,
168, 400, 730.
Димитрій, митропол. новгор., 1763 г., 460
Дютовскій, ген.-лейт., 1863 г., 517.
Дмитревскій, Мих. Васил., 1834 г., 652.
Дмитріевъ, Ив. Ив., писат., дс. тн. сов.,
р. 1760 † 1837 г., 373, 376.
Добецкий, Маріанъ, 1863 г., 59, 538.
Добровольскій, Францискъ, 1863 г., 527.
Добротинъ, докт., 1862 г., 419.
Доброхотовъ, корреспонд., 1868 г., 354.
Добрынькинъ, Н. Г., купецъ, 364.
Долгорукай, кн....., 265, 283. р. 1656,
† 1720 г.
Долгорукай, кн., Вас. Андр., ген.-
адъют., шефъ жандарм., 1863 г., р. 1804 г.,
516, 519.
Долгорукай, кн., Вас. Влдм., маіоръ,
1708 г., 145—150.
Долгорукай, кн., Михаэль Владим.,
1715 г., 154.
Долгорукай, кн., Н. А., 1829 г., 348.
Долгорукай, кн., П. В., ссылка на
«Россійскую Родословн. Книгу», 133;
упом. 520.
Долгорукай, кн., Серг. Мих., впослѣдс.
ген.-маіоръ, † 1763 г., 156.
Долгорукай, кн., Юрій, 1707 г., 142.
Долгорукай, кн., Влдм. Мих., 1697 г.,
103.
Долгоруковъ кн., Григ. Ѳеодор., 1697 г.,
(дипломатъ), 103, 104.
Домбровскій, Брониславъ, 1848 г., 85.
Домети, А. К., генер., 1831 г., 169.
Дормановскій, Мечиславъ, 1863 г.,
543, 544.
Дороховъ, сотникъ, † 1852 г., 323.
Дрежковскій, 1863 г., 68.
Држиновъ, ссылка на соч. «Заселеніе Бал-
канс. полуострова славянами», 91, 92.
Друэнь-де-Люж, франц. мн-ръ иностр.
дѣлъ, 1863 г., 554, 721.
Дубенскій, Н. Я., 361.
Дукинъ, Евгений, 1863 г., 535.
Дукинъ, Мстиславъ, чиновн. варш.-
вѣнс. жел. дор. 1863 г., 545.
Духиновичъ, Онуфрій, воевода Гродненс.
губ., 1863 г., 516.

Дыбовскій, Венедиктъ, проф. варшавс. унв., 1863 г., 539.

Дыкманъ, майоръ, 1863 г., 67.

Дюкоранъ, агентъ пол. жонда, 1863 г., 565.

Е.

Езеракскій, Антоній, военн. началн. люблинс. воеводства, 1863 г., 55, 73—75.

Езерская, Вацла-Леонадія, сестра милосердія, 1863 г., 524, 532.

Еваторина I, имп-ца, р. 1684 † 1727 г., 4, 459.

Еваторина II, имп-ца, р. 1729 † 1796 г.; казенные крестьяне 1762—1796 г., 35—54; 231—248; основаніе Москов. Воспит. Дома, 1763 г., 457—464. Письма къ Н. И. Панину 1764 г., 304—306; манифестъ, данный пѣх. Смоленс. полку, 1764 г., 502. Упом.: 10—33, 219, 291—304, 493—510, 582—607.

Елагинъ, Ив. Перфил., дс. ст. сов., об-гофмейст. и сенат., писат., р. 1725 † 1796 г., 595.

Елксскій, 1863 г., 555.

Елксавета Петровна, имп-ца, р. 1709 † 1761 г., 6—33, 291—293, 453, 495, 498, 577—606.

Ерншильдъ, контръ-адмир. шведс. службы, 1714 г., 152.

Ерничъ, инженеръ, † 1863 г., 532.

Ермалъ Тимофѣевичъ, ат. войс. Дон., 1579 г., † 1584 г., 183.

Ермоловъ, Алексій Петр., ген. отъ арт., р. 1777 † 1861 г., 313, 330, 433, 638, 647, 648, 672.

Ермоловъ, Серг. Никл., ген.-майоръ, исправл. должн. тифл. воен. губерн., 1847 г., 665.

Есумай - Вагадуръ, монгольскій ханъ, † 1173 г., 693—695.

Ефремовъ, Данило Ефремов., тн. сов., атам. войс. Донс., 1753 г., 440—455.

Ефремовъ, Петръ Алсл., ссылка на его собраніе портретовъ 383; его копія письма Пушкина, 671.

Ефремовъ, Степанъ Данил., атам. войс. Донс., 1772 г., 440.

Ж.

Жаирядовскій, воевода Могилевс. губ. 1863 г., 516.

Жигулинъ, Василій, атам. войс. Донс., 1591 г., 183.

Жихлинскій, 1863 г., 540.

Жофрентъ, г-жа, 1766 г., 598.

Жуковскій, Васил. Андр., писат., род. 1788†1852 г., 373, 380, 678, 679, 683, 684.

Жуликскій, Романъ, 1863 г., 59, 535.

З.

Завадская, г-жа, 1863 г., 726.

Завадскій, капит., 1863 г., 71, 75.

Завадскій, поруч., 1865 г., 709.

Зань-Витгенштейль, полковн., фл., адъют., 1863 г., 64.

Замойскій, гр., Августъ, 1863 г., 533.

Замойскій, гр., Владиславъ, 1863 г., 63, 518, 531, 551, 553.

Зандъ, Людвигъ, убійца Августа Кюбебу, 1819 г., 385.

Заракскій, ниж.-капит., 1863 г., 71.

Заряново, живописецъ, писалъ портр. гр. Ф. П. Толстаго, 764.

Зборинскій, дворянинъ, 1720 г., 283.

Зейфридъ, воен. началн. мазовецкаго воевода, 1863 г., 63—68, 549, 562.

Зеленко, полковн., 1849 г., 491, 614.

Зеленый, А. А., ми-ръ государс. имущ., 1863 г., 516—519.

Земковичъ, Титъ, началн. гор. Львова, 1863 г., 59, 530.

Зертковъ-Каменскій, Амвросій, бывшій еписк. переяславс., 1762 г., 33, 578, 594, 607.

Вершиковъ, Илья, атам. войс. Донс., 1709 г., 437, 439.

Златогорскій, окруж. началн., 1849 г., 616.

Змаевичъ, вице-адмир., 1715 г., 157.

Зоммеръ, Викторъ, 1863 г., 59, 537.

Зотовъ, Никита Моисеевичъ, князь-паша, бывшій учитель Петра Вел., 1715 г., 153.

Зубрицкій, Денисъ, писат., 206, 206.

Зыковъ, Дмит. Петр., офиц., 1820 г., 674.

И.

- Ибрагим-паша**, турец. коменд., 1829 г., 166.
- Ивановъ, Илья**, учерь имп. Александра I, 1825 г., 468.
- Ивановъ, Н. А.**, проф. казан. унив., 206.
- Ивченко, Яковъ** Григор., 1829 г., 644.
- Игнатъевъ**, поруч., 1811 г., 376, 377.
- Измаил-ханъ Караджадагский**, начал. постельничихъ, 1834 г., 411, 412.
- Ижониниковъ**, Влди. Степ., проф. кievс. унив. Сообщ. историко-биограф. очеркъ «Арсеній Мацѣвичъ», гл. II—V, 1—34. 577—608. Библиограф. листокъ: отзывомъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ книгъ V—VIII).
- Иловайскій, Алексѣй Васил.**, ген.-лейт., наказн. атам. войск. Донс., 1821—1827 г., 402, 443, 447.
- Иловайскій, Алексѣй Ив.**, атам. войск. Донс., 1776—1799 г., 441.
- Иловайскій, Д. И.** Статьи его: «Къ вопросу о болгаряхъ», 89—100. «Калекское побойще», 691—706.
- Ильминскій**, предс. тифл. угол. и гражд. палаты, 1829 г., 644.
- Ильминскій, Фома**, казначей польск. банка, 1863 г., 536, 537.
- Ильмовъ**, докт., 1820 г., 672, 686.
- Инокентій**, архіеп. херсонс. и тавр., извѣстный проповѣдн., р. 1800 † 1857 г. Переписка его съ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, 1852 г., 189—204; 367—370.
- Иржней (Нестеровичъ)**, еписк. пензенс. и саранс., впоследст. иркутс., 1831 г., † 1864 г., 729, 730.
- Истомина**, артистка, 1823 г., 684.
- Ишора**, Станиславъ, ксендзъ, † 1863 г., 521.
- Иштирамовъ**, Яковъ, сержантъ, 1764 296, 501.

I.

- Иоаннъ**, ростовс. архіеп., 11.
- Иоаннъ IV Грозный**, царь, род. 1530 † 1584 г., 183.
- Иоаннъ Антоновичъ**, имп., род. 1740 † 1764 г., 291—306, 493—511.

- Иосафъ**, раскольникъ, 1733 г., 5.
- Иоаннесъ**, патриархъ, 1837 г., 648, 651.
- Иовъ**, митропол. новгор., 1714 г., 459.
- Иорданъ**, Владиславъ, константинопольск. агентъ польск. жонда, 1863 г., 553, 725.
- Иоржъ**, фонтъ-поруч., 1828 г., 162.

Б.

- Кабанъ**, Василій, атам. войск. Донск., 1596 г., 184.
- Каванецкій**, маіоръ, † 1863 г., 75.
- Казарскій**, капит.-лейт., 1828 г., 165.
- Казн-Магометъ**, старшій смѣхъ Шамиля, 1852 г., 418.
- Казинъ**, офиц., 1863 г., 727.
- Калиновскій**, гродненск. комисс., 1863 г., 555.
- Каллиграфъ**, Влди., рект. яросл. семинаріи, † 1760 г., 29—31.
- Калусовскій**, въ Америкѣ, агентъ польск. жонда, 1863 г., 554.
- Калье**, Эдмундъ, 1863 г., 64, 68.
- Камреръ**, маіоръ, 1829 г., 166.
- Камышкинъ**, Василій, подполк., 1730 г., 398.
- Калиринъ**, гр., Егоръ Франц., ген.-инф., мн-ръ финан., † 1845 г., 650.
- Карамзинъ**, Никл. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г., 373, 380—387, 678, 684.
- Каратыгинъ**, Вас. Андр., артистъ, род. 1802 † 1853 г., 381.
- Карловичъ**, началн. варшавск. революц. полиціи, 1863 г., 531, 543, 544.
- Карцевъ**, управл. палатою госуд. имущ., 1852 г., 616, 617, 627.
- Карлъ XII**, кор. шведс., 104, 167, 258.
- Карлъ-Фердинандъ**, герц. Беррійскій (duc de Berri), р. 1788 † 1820 г., 335.
- Каръ**, Николай, капит., 1758 г., 45, 46.
- Кастелла**, тифл. фабрич., 1829 г., 336.
- Кастера**, писат., 494, 504, 507, 510.
- Катенинъ**, Пав. Алд., драмат. писат., р. 1792 † 1853 г., 380, 381, 674, 677.
- Каторжинскій**, Иванъ, атам. войск. Донс., 1633 г., 186, 187.
- Кахраман-мирза**, перс. принцъ, 1829 г., 334, 404.
- Каченовскій**, Мих. Трофим., проф. моск.

унив., издат. «Вѣст. Европ», † 1842 г., 208, 677.

Качковскій, Евгений, инженеръ, 1863 г., 59, 536, 536, 545, 550.

Кашкицъ, подполковн., 1764 г., 298, 497, 499.

Кашпаровъ, подпоруч., 1829 г., 337, 340.

Квятковскій, Владимір, куп., чл. польс. жонда, 1863 г., 527.

Квятковскій, Осипъ, 1863 г., 62.

Кейтъ, англ. послан., 586.

Кентрижиновскій, В., директ. инст. Оссолинскихъ во Львовѣ, 263, 264.

Керцъ, Анна Петр., во втор. замужест. **Маршова-Виноградова**, 371, 383, 385.

Кжвинъ, Александръ, 1697 г., 108.

Клиновичъ, Иеронимъ, чл. народ. жонда, 1863 г., 59.

Киржоръ, редакт. «Вилensk. курьера», 537.

Кирхгофъ, г-жа, предсв., 1818 г., 381, 382

Киселевъ, гр., Пав. Дмт., ген.-адъют., мн-ръ госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., 382, 490, 619—627.

Кишинъ, Иванъ, атам. войска Донск. 1584 г., 183.

Клейнмихель, гр., Петръ Андр., ген.-адъют., главноуправ. путями сообщ., 396.

Климентъ XI, папа Римскій, 1707 г., 104-орре, 474, 479.

Кобыляновскій, Петръ, нач. польс. банды 1863 г., 516—546.

Ковальскій, бывш. начальн. варшавск. полиціи, 1863 г., 543.

Кожевниковъ, сарат. губернат., 1849 г., 613—633.

Коваченко, чиновн., 1836 г., 654.

Ковалевскій, галиційс. помѣщ., 1863 г., 538.

Ковелло, Яковъ, 1863 г., 59.

Коваловскій, кн., Алексій, об.-прокуроръ, 1782 г., 603.

Коваловскій, Карлъ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.

Коваловъ, В. И., 1823 г., 677, 686, 687.

Ковалкиновъ, ген.-артил., 1837 г., 655.

Ковалкинь, 1765 г., 237.

Козоминскій, Эдуардъ, 1863 г., 522.

Козоминскій, Эразмъ, 1863 г., 522.

Колоцова, Александра Мих., въ замуж. **Каратыгина**, артистка, 371, 380.

Колосовъ, Игнатій, капр., 1730 г., 396.

Колтуновскій, 1863 г., 530.

Колыско, Болеславъ, предвод. повстанц. въ Литвѣ, 1863 г., 61.

Кольцо, донс. казакъ, 1579 г., 183.

Конаровскій, ксендзъ, † 1863 г., 563.

Константинь Николаевичъ, вел. кн., р. 1827 г. Письма къ нему Иннокентія, архіеп. херсонскаго и таврическаго, 1852 г., 189—204; 367—370; упом. 365, 727.

Константинь Павловичъ, цесарев., вел. кн., р. 1779 † 1831 г., 226, 512.

Конюсовичъ, Павелъ, еписк. тобол., 32.

Копьевъ, Юрій Алексдр., полковн., фл.-адъют., коман. грузинск. гренад. полка, 663, 668, 669.

Корело, Андрей, атам. воѣс. Донс., 1603 г., 184, 185.

Корженевскій, Пполитъ, проф. Главной Школы, 1863 г., † 1878 г., 549.

Коржинъ, капр., 1764 г., 500.

Коридловичъ, 687, 688.

Корсаковъ, 1811 г., 377, 382.

Корсаковъ, 1834 г., 649.

Корфъ, гр., Модестъ Андр., 1811 г., 377.

Корфъ, бар., Никл. Андр., камергеръ и ген.-полицеймейст., 1744 г., р. 1710 † 1766 г., 291.

Косиновскій, Игнатій, бывш. студ. моск. унв., прокур. варшавс. революц. трибунала, 1863 г., 531, 535.

Констанда, ген.-лейт., 1863 г., 65—70, 549.

Котелянскій, Л. О., писат., † 1879 г.; ссылка на «Очеркъ подворной Россіи», 241.

Котковскій, ксендзъ, 1863 г., 523.

Коцебу, Августъ, † 1819 г., 385.

Коцебу, Пав. Евстаф., начальн. главн. штаба на Кавказѣ, 1851 г., 308.

Кошелевъ, бывш. воронежс. вице-губернаторъ, 46.

Краевскій, Генрихъ, секрет. варш. городс. сов., 1863 г., 538.

Краевскій, Рафаилъ, 1863 г., 59, 533, 535.

Кравовъ, Паулина, нач.-ца женс. варш. комит., 1863 г., 543.

Краснокутожскій, Никл. Алсд., ген.-лейт.

наказн. атам. войс. Донс., 1874 г., 68—70; 445; 745—746.
Краснолудскій, помѣщ., † 1863 г., 75.
Краснощевовъ, походн. атам., 1770 г., 440, 454.
Красовскій, генер., 1831 г., 169.
Красовъ, ген.-маіоръ, 1706 г., 141.
Красунскій, Доминикъ, каменщикъ, 1863 г., 524.
Крейцъ, генер., 1828 г., 171.
Кумшацинъ, Максимъ, атам. войс. Донс., 1715 г., 439.
Кремке, купецъ, 1863 г., 536.
Креневъ, Андрей, капр., 1764 г., 500.
Кржемикскій, Станиславъ, чл. польск. жонда, 1863 г., 529, 530, 535.
Кроль, Ософий, иеродиаконъ, 13.
Кроль, нижн.-капит., 1831 г., 389.
Кроненбергъ, Леопольдъ, варшавс. банкиръ, 1863 г., 522, 551.
Кропотовъ, полковн., 1708 г., 145.
Круликовский, Леонъ, 1863 г., 62.
Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., 383, 384.
Крыловъ, архитект., 1831 г., 734.
Крыловъ, чиновн., 1836 г., 654.
Крюковой, ген., наказн. атам., † 1852 г., 318—324.
Кудравцевъ, А. Е., 218.
Кудравцевъ, Никита, 1707 г., 143.
Кузнецовъ, суконный фабрикантъ, 51.
Кузольнякъ, Несторъ Васил., писат., 179—182.
Кульчицкій, Владиславъ, папскій камергеръ, римс. агентъ польск. жонда, 1863 г., 61.
Кумани, адмир., 1828 г., 163, 164.
Кунинъ, А. А., акад., ссыла на его «Розысканія», 94—100.
Куницкій, 378.
Куракинъ, вн., Александр., 1762 г., 608.
Куракинъ, вн., Борисъ Ив., дс. тн. сов., рус. посолъ при франц. дворѣ, 1697 г., р. 1677 † 1727 г., 103, 104.
Куржина, 1863 г., 566.
Куровскій, Аполлинарій, 1863 г., 522.
Курцъ, Александръ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
Кутаѣсовъ, гр., сенат., 1830 г., 638, 644.

Кутейкинъ, Дмит. Ефимов., ген.-отъ кав., наказн. атам. войс. Донс., 1827—1836 г., 339, 402, 443, 444.
Кучумъ-Джанхотовъ, полковн., 1829 г., 338.

Кюхельбегеръ, Вильгельмъ Карлов., писатель, декабр., р. 1797 † 1846 г., 377—379, 674, 678, 679, 685.

Л.

Лаврентьевъ, Самойло, атам. войс. Донс. 1863 г., 437.

Лаврентьевъ, Степанъ, подъячій, 1730 г. 398.

Лавцевичъ, Иванъ, чиновн. революц. секретариата, 1863 г., 59, 539.

Лагардеронъ, генер. шведс. службы, 1709 г., 253.

Лагуна, судья варш. гражд. трибунала, 1863 г., 535.

Ладьянскій, штб.-кап., 1831 г., 733, 734.

Лажикскій, 1863 г., 554.

Лажошъ, ссыла на его статью «Сельская община въ Олонечной губ.», 244.

Ламбровичъ, ротн. команд., 1824 г., 159.

Лангевичъ, Маріанъ-Мальхиоръ, днстат. польск. бандъ, 1863 г., р. 1827 г., 56—75; 523, 728.

Ласковъ, Александръ, 1863 г., 60.

Лашкевичъ, А. С. Сообщ. «Дѣло объ убитомъ глухомъ тегеревѣ», 1825 г., 567—576.

Лебедевъ, маіоръ, 1828 г., 165.

Левандовскій, нач. польск. банды, 1863 г., 516.

Левенвольдъ, гр., Карлъ-Рейнгольдъ, об.-гофмарш., † 1768 г., 461.

Левенгауптъ, гр., генер. шведс. службы, 1706 г., 147—149.

Левензонъ (Исаакъ), Авраамъ-Беръ, еврейскій ученый и поэтъ, р. 1789 † 1878 г., 223—230.

Левинъ, ген.-лейт., 1812 г., 79.

Левинскій, Михаилъ, чл. варш. государ. сов., 1863 г., 518.

Левинскій, Яковъ, чл. варш. госуд. сов., 1863 г., 518.

Левшинъ, А. И., директ. депар. сельск. хоз., 1849 г., 615.
 Левшинъ, Платонъ, митропол. моск., 38.
 Леховель (Бореловскій), колодевн. мастеръ, нач. польск. банды, 1863 г., 72, 73, 547.
 Лехонгъ, штб.-кап., 1831 г., 731, 733.
 Лемке, Владим., студ., помощн. начальн. гор. Варшавы, 1863 г., 522—532, 549.
 Леонтьевъ, ген.-маіоръ, † 1831 г., 392—396.
 Леопольдовъ, А., ссылка на составл. имъ «Статист. описаніе Саратов. губ.», 470.
 Лефортъ, Петръ, 1697 г., 108.
 Лефортъ, Францъ Яковл., адмир., любимецъ Петра Великаго, 108, 109, 504.
 Лещинскій, Станиславъ, король польскій, 104.
 Лещинскій, Филофей, митропол., 8.
 Лещинфельдъ, 77, 78.
 Лисовскій, А. Г., полк. ком., 1824 г., 159.
 Личинскій, 1863 г., 75.
 Лихте, гр., Фад. Петр., адм., р. 1797 г., 365.
 Липинъ, полковн., 1829 г., 168.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., Яковъ Ив., † 1732 г., 103.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., 1834 г., 649.
 Лоде, Егоръ Карлов., управл. колоніей питомц. Моск. Воспит. Дома, 1825 г., 470—480.
 Ломоносовъ, Мих. Вас., акад., писат., р. 1711 † 1765 г., 4, 459.
 Лопатинскій, Теофилактъ, рект. моск. акад., 1712 г., 3, 17, 18, 20, 26.
 Лопатинъ, Андрей Ив., атам. войс. Донс., 1735 г., 439.
 Лопухина, Аक्सинья Оелор., † 1699 г., 104.
 Лоранъ, 1863 г., 68.
 Лоранъ, г-жа, учпт.-ца нѣмец. яз., 373.
 Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріеловичъ, вынѣ ген.-адъют., р. 1825 г., 640.
 Лубяковскій, пенз. губернат., 1824 г., 729.
 Лувель, убіица герц. Беррійскаго, мастеровой сѣдельщикъ, р. 1783 г., казнень 1820 г., 385.
 Лукинскій, Василій, старшій свящ. Со-общ. разсказъ «Быть въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.», 731—738.
 Лульяковъ, Захаръ, питом. Москов. Воспит. Дома, 464.

Лывошинъ, 237.

Любецкая, кн-ня, 1720 г., 281.
 Любецкій, валаш. господарь, 1720 г., 281.
 Лядовскій, Павелъ, бывш. воспитан. варшавск. мед.-хир. акад., начальн. варш. народн. стражи, 1863 г., 56, 524, 545.
 Лядовскій, Эдуардъ, 1863 г., 545.
 Ляпулъ, атам. войс. Донс., 1566 г., 188.
 Лясковацкій, Сигизмундъ, 1866 г., 529.
 Лятошевскій, Серапіонъ, еписк. вологодск., 32.
 Ляховъ, маіоръ, тифл. полиціис., 1837 г., 648, 656.
 Ляшенко, Мих. Вас., полковн., 1852 г., 434—436.

М.

Мавровскій, чл. польск. жонда, 1863 г., 529, 530, 547.
 Мавропа, гетманъ малоросс., 1708 г., 149, 253.
 Майдель, бар., Е. И., полковн., 1852 г., вполнѣдств. ген.-адъют., комендантъ Петропавловской крѣпости, 318, 322.
 Майковъ, Л. Н., 362.
 Македональдъ, англ. послани. при персидс. дворѣ, 1829 г., 335.
 Маложиковъ, Тимофей, черниговск. архимандр., 1740 г., 7.
 Малюковъ, Лукьянъ, атам. войс. Донс., 1690 г., 437, 438.
 Малюковъ, архитект., 1831 г., 733, 734.
 Малюшевъ, В. В., проф. варшавск. унив., ссылка на его критичку «Исторія болгаръ», 89—91; ссылка на его статью: «Станиславъ Трембелкій», 219.
 Малаховскій, гр., Владиславъ, чл. варшавск. госуд. сов., 1863 г., 56, 58, 518, 555.
 Малиновскій, Болеславъ, 1863 г., 536.
 Малиновскій, Платонъ, архіеп. московск., 1753 г., 28.
 Малиновскій, Эразмъ, чл. польск. жонда, 1863 г., 59, 526, 527.
 Мальчевскій, начальн. польск. отряда, 1863 г., 56.
 Мамед-жирва, персидс. принцъ, вполнѣдств. шахъ, 1834 г., 335, 403—414.

Мамоновъ, бригадиръ-маіоръ, 1720 г., 288, 289.
 Манжосъ, маіоръ, старорусскій полицей-
 нейст., † 1831 г., 390.
 Мансуровъ, 1820 г., 675.
 Манштейнъ, маіоръ, 1831 г., 731.
 Марія Ѳеодоровна, имп.-ца, р. 1759 †
 1828 г., 387, 464, 470, 478, 489, 490.
 Марія Ѳеодоровна, вел. кн.-цесарев-
 на, р. 1847 г., 445.
 Маршювскій, А. З., 1849 г., 615, 623, 632.
 Марсильякъ, франц. эмигрантъ, 399, 400.
 Мартыняковъ, Исая, атам. войс. Донс.,
 1633 г., 185.
 Мархинскій, 1863 г., 56.
 Маслово, 1811 г., 377.
 Маслово, унт.-офиц., 1828 г., 161.
 Матвѣевъ, Андрей Артамонов., членъ
 иностр. коллегіи, 1720 г., 289.
 Матвѣевъ, Н. Е. Сообщ. рассказъ оче-
 видца «Бунтъ въ Старой-Русѣ, 1831 г.»,
 389—398.
 Матюшкинъ, 1811 г., 377.
 Машинкинъ, Вас. Акимов., атам. войс.
 Донс., 1773 г., 440.
 Мевестъ, ген. отъ артл., † 1831 г., 390.
 Мейенгампфъ, 1849 г., 491, 614.
 Мейдингесъ, 1863 г., 722.
 Меленцкій, нач. польск. банды, † 1863 г., 64.
 Мелниковъ, кн., Леванъ Ив., 1834 г., ны-
 нѣ ген.-адъют., 650.
 Менгденъ, бар., презид. коммерцъ-кол-
 легіи, 461.
 Менгденъ, Бина, 511.
 Меншиковъ, кн., Алсд. Давид., генера-
 лиссимусъ, р. 1673 † 1729 г., 138, 140,
 253, 269, 279.
 Метцель, нижн.-капит., 221.
 Мечниковъ, сенат., об.-берггаултманъ,
 1830 г., 638, 644.
 Миклашевскій, полковн., 1742 г., 9.
 Мигулицъ, ген.-маіоръ, 1831 г., 396,
 397, 398.
 Милковскій, Сигизмундъ, агентъ польск.
 жонда въ Сербіи, 1863 г., 553.
 Миллеръ, поруч., 1828 г., 162.
 Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., ген.-
 инф., † 1825 г., 382, 386, 387.

Минаевъ, Фролъ Минаевичъ, атам. войс.
 Донс., 1680 г., 437—440.
 Минихъ, гр., Бурхардъ-Христофоръ, ген.-
 фельдмарш., р. 1683 † 1767 г., 291, 457,
 460, 461.
 Мининшевская, Софья, 1863 г., 526, 727.
 Мининшевскій, секрет. маркиза Веле-
 польскаго, † 1863 г., 524—526.
 Минькицъ, ген.-лейт., 1863 г., 562.
 Мирза-Абуль-Касимъ, каймакамъ пер-
 сидс., 1829 г.; † 1835 г., 351, 403—414.
 Мирза-Баба, лб.-медикъ Хосров-мирзы,
 1829 г., 337, 350, 402.
 Мирза-Масудъ, секрет. и главный пе-
 реводч. Аббас-мирзы, 1829 г., 336, 338,
 348, 349.
 Мирза-Махмуд-ханъ, персидск. гене-
 ральн. консулъ въ Тифлисѣ, 352.
 Мирза-Мустафа-Ашгаръ, 1829 г., 337.
 Мирза-Назар-Али Казвинскій, главн.
 докт. наслѣдн. персидс., 407.
 Мирза-Салехъ, ст.-секрет. Аббас-мир-
 зы, 1829 г., 336, 338, 348, 350.
 Мирза-Талъ, перв. ин-ръ въ Персіи, р.
 1808 † 1852 г., 336.
 Мироничъ, Вас. Яковл., подпоруч., по-
 купавшійся освободитъ Юліана Анто-
 новича, Казвель 1764 г., 298—306; 493—
 514.
 Миронковъ, Абакумъ, капр., 1764 г., 500.
 Мирославскій, Людвигъ, диктаторъ,
 1863 г., 55, 63—68, 547, 548, 726.
 Мисажъ, архим., чл. синода, 1762 г., 607.
 Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, р. 1596 †
 1645 г., 185—188.
 Молчановъ, 1820 г., 674.
 Моль, помѣщ. Витебс. губ., 1863 г., 516.
 Монфоръ, гр., французск. эмигрантъ, 373.
 Моряцъ, П. А., секретарь Императрицы
 Маріи Александровны, 356.
 Мосальскій, 1851 г., 179.
 Мошкинскій, Витольдъ, прелсѣд. варшавск.
 революц. трибунала, 1863 г., 531.
 Муравьевъ, лейтен., 1736 г., 5.
 Муравьевъ, гр., Михаилъ Никл., ген.-
 инф., ген.-губерн. въ Западномъ краѣ,
 1863 г., р. 1796 † 1866 г., 517—520;
 555, 562, 564, 714, 715, 728.
 Муравьевъ, Никл. Никл., ген.-адъют.,

- кавказск. наместн., р. 1793 † 1866 г., 517, 518, 637, 670.
Муратовъ, саратовс. исправн., 1852 г., 616, 627, 630.
Мѣдвѣковъ, полковн., 1863 г., 70—76.
Мѣшковъ, Григорій, почетн. чл. казавс. уннв. Сообщ. замѣтку «Ампросій Орнатскій, епископъ пензенскій и саранскій», 729, 730.

Н.

- Наджр-мирза**, персидс. принцъ; ссылка на составлен. имъ біографію принца Хосров-мирзы, 833.
Навковъ, Влади. Ив., ген.-адъют., виленс. ген.-губернат., р. 1802 † 1874 г., 515, 517, 537.
Наполеонъ III, или француз., 1863 г., 722.
Нарыжковскій, Іосифъ, чл. польск. жонда, 1863 г., 523, 531, 535.
Нарсецъ, армянс. патриархъ, 1845 г., 665.
Нарышкинъ, об.-гофмарш., 1829 г., 342.
Наср-Уллах-Ардебильскій, глава персидс. духовенства, 407.
Наср-Эддинъ, персидс. шахъ, 383, 413.
Нашокинъ, Пав. Вонновичъ, 375.
Найдгардтъ, Алд. Ив., ген.-адъют., главноуправл. Закавказ. краемъ, 1843 г., 657, 660, 661.
Наврасовъ, донской казакъ, 1708 г., 134, 250.
Наврасовъ, Никл. Алексѣев., поэтъ, писат., р. 1821 † 1877 г., 520.
Нахидовъ, майоръ, 1863 г., 64, 65.
Неофитъ, іеромонахъ, 1722 г., † 1727 г., 18.
Нейлюевъ, Ив. Ив., дс. тн. сов., сенат., 1764 г., 291—302; 493, 494.
Нессельроде, гр., Карлъ Вас. (Карлъ-Робертъ), канцл., р. 1780 † 1862 г., 342, 344, 346.
Нестеровъ, Петръ Петр., ген., нач. гѣвагофланга Кавказск. линнн, † 1851 г., 308.
Нехлюговскій, предсѣд. шюдк. революц. трибунала, 1863 г., 532.
Николай, баронъ, 1852 г., 330, 428.
Николай I, императ., р. 1796 † 1855 г. Приемъ персидскаго принца Хосров-мирзы, 1829 г., 344—347; прїездъ въ

- Закавказ. край, 1837 г., 655—657; указъ П. Д. Киселеву, 1851 г., 617, 618; упол. 82, 86, 226, 229, 335, 349—351, 390—398, 400—410, 444, 450, 470, 471, 611—627, 732—736.
Николай Николовичъ-Старшій, вел. кн., р. 1831 г., 397.
Новиковъ, Никл. Ив., мартин., писат. † 1816 г., 232.
Носе, де -, подполковн. франц. службы, 1863 г., 63.
Носъ, Иванъ, атаманъ войск. Донск., 1593 г., 183.

О.

- Оборскій**, Людвигъ, нач. польск. банды, 1863 г., 64—68.
Оголкинъ, майоръ, 1863 г., 73, 74.
Одоевскій, кн., 1762 г., 596.
Ожша, 1863 г., 725.
Олежика, Елисаз. Марк., † 1838 г., 383.
Олежикъ, Алексій Никол., предс. Академіи Худож., † 1842 г., 380—386.
Оловякинъ, штб.-кнт., 1831 г., 743.
Ольшанецкій, Станиславъ, 1863 г., 536, 539, 541.
Ольшанецкій, Милетій Яковлев. Изъ записокъ его: «Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, на гѣвомъ флангѣ Кавказской линнн, 1851—1863 гг., 307—332; 415—436.
Ораковскій, подполковн., 1863 г., 62.
Орденга, Іосифъ, членъ польск. революц. комитета, 1863 г., † 1879 г., 62, 561, 553, 725.
Орловскій, Францъ, студ. варш. мед.-хир. акад., 1863 г., 56, 545.
Орловъ, гр., Алексій Ѳеодор., ген.-адъют., † 1861 г., 382, 738.
Орловъ, Вас. Петр., ген. отъ кавал. атам. войск. Донск., 1797—1801 г., 411.
Орловъ, кн., Григ. Григор., ген.-фельдцейхмст., р. 1734 † 1783 г., 460, 581.
Орловъ, Мих. Ѳеодор., 1820 г., 674, 683, 684.
Осиповъ, Николай, капр., 1764 г., 500.
Остерма, 1863 г., 555.

- Осмульскій, кандид. московс. универс., 1863 г., 554.
 Оссоликские, ссылка на ихъ библиотеку во Львовѣ, 263, 265.
 Остенъ-Сажень, генер., 1829 г., 336.
 Остенъ-Сажень, бар., О. Р., 361.
 Остерманъ, гр., Андрей Ив., дс. тн. сов., кабин.-ин-ръ и ген.-адм., р. 1686 † 1747 г., 461.
 Остерманъ, гр., Ив. Андр., госуд. канцл., презид. колл. иностр. дѣлъ, р. 1723 † 1811 г., 461.
 Остроумовъ, ссылка на соч. «Наблюденія надъ посемельн. отношеніями крестьянъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Устюжскаго и Тотемскаго уѣзд.», 240.

П.

- Павелъ I, императ., р. 1754 † 1801 г., 459, 460.
 Павелъ Александровичъ, велик. кн., р. 1860 г., 365.
 Павловскій, Александръ, бывш. студ. моск. унив., чл. варш. революц. трибунала, 1863 г., 531.
 Павловскій, Д. М., ген.-лейт., инспект. Дворянс. полка, 1849 г., † 1875 г., 741—744.
 Павловъ, атам. войс. Донс., 1544 г., 183.
 Павловъ, лейтен., 1736 г., 5.
 Падлевскій, Сигизмундъ, плочкій революц. воєвода, † 1868 г., 55, 531, 728.
 Палладій, архіеп. рязанс., 1763 г., 599.
 Панинъ, гр., Никола Ив., дс. тн. сов., сенат., воснитат. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 † 1783 г., 291—296; 457, 493—497.
 Панинъ, гр., Петръ Иван., ген.-анш., р. 1721 † 1789 г., 494, 497, 450, 506.
 Паскевичъ, гр-ня, 1829 г., 336.
 Паскевичъ, кн., Варшавскій, Ив. Фед., фельдмарш., † 1856 г., 83—86; 335, 386, 447, 561, 563, 637—647, 726.
 Пахомій, еписк. тамбовск., 32.
 Папковъ, Егоръ, 1708 г., 144.
 Певаремій, П. П., академ., 101.
 Пеллепелицынъ, царс. посолъ, 1580 г., 183.
 Пёкёжмозъ, Матвѣй, чл. варшавс. революц. трибунала, 1863 г., 70, 531.
 Пекановскій, Адамъ, 1863 г., 544.
 Переселкинъ, Петръ, канцл., 1708 г., 146, 252.
 Петрашевскій, Осипъ, 1868 г., 62.
 Петровский, Иосифъ, помѣщ., 1863 г., 549.
 Петровъ, Осипъ Петр., атам. войск. Донс., 1841 г., 186—188.
 Петровъ, проф. моск. унив., ориентал., 94.
 Петръ I, имп., р. 1672 † 1725 г. Ссылка его къ Ив. Андр. Толстому, 1708—1712 гг., 136—150, 249—261; указъ о наградахъ Петру Андр. Толстому, 1718 г., 261, 262. Упом. 2—27, 191—122, 152—158, 263—290, 372, 422, 454, 459, 561—604.
 Петръ III, императ., р. 1723 † 1762 г., 291, 292, 503—511, 580—600.
 Пихлейко, чиновн. особ. поруч., 1829 г., 638, 646, 647.
 Пихоръ, гр., первый ин-ръ швед., 1709 г., 253, 285.
 Пихицъ, М. Д., помощн. сарат. округ. нач., 1849 г., 616, 623, 624.
 Писоворскій, 1708 г., 145.
 Пятрикинъ, митропол., 1734 г., 18.
 Плятеръ, гр., Владиславъ, бывш. алектъ польск. жюда, 1863 г., 516, 553.
 Платовъ, гр., Матв. Ив., ген. отъ инфант., наказн. атам. войск. Донс., освобод. гор. Новочеркасска, р. 1751 † 1818 г., 177, 178, 442, 447, 448.
 Плетневъ, Петръ Александр., писат., 1822 г., 679—687.
 Плесцескъ, Федоръ, 1697 г., 108.
 Плесцескъ, 384.
 Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 † 1875 г., 101, 218.
 Подорожню, 1834 г., 650, 651.
 «Повесть, ст.-секрет., 1842 г., 660.
 Полетилко, гр., Леопольдъ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
 Половцевъ, А. А., бывшій секрет. «Русс. Историчес. Общ.», 217.
 Полозовъ, подполков., † 1852 г., 339.
 Полторацкій, Александръ, 384, 385.
 Померанцевъ, полковн., 1863 г., 715.
 Полюеть, генер., 1829 г., 166.
 Помятовскій, А. О., полковн., † 1869 г., 170—172.
 Помятовскій, Иосифъ Игнат., полк., 172.

Поповъ, А. Н., редакт. издав. «Чтенія въ Московс. Общ. исторіи и древностей россійс.», 218.

Попрохвѣй, Густавъ, 1863 г., 536.

Посыета, К. Н., ген.-адъют., 364.

Потаповъ, Алех. Львов., ген.-адъют., на-казн. атам. войск. Донс., 1866—1868 г., 445.

Полоцкая, гр.-ня, 221.

Полоцкий, гр., 1829 г., 342.

Полхисневъ, перв. опекувъ Московс. Воспит. Дома, 1768 г., 461.

Прешель, помѣщ., † 1863 г., 75.

Пржибыльскій, Вацлавъ, 1863 г., 59, 590, 587, 588, 542, 556.

Проворовскій, кн., орловс. и курс. гу-бернат., 1782 г., 39.

Промоповичъ, Феофанъ, архіеп. новго-родс., р. 1681 † 1736 г., 2—30, 212, 608.

Протасевъ, Е. И., владимір. помѣщ., миров. судья, 361.

Протасевъ, Петръ, ростовс. воевода, 1762 г., 594.

Прушавъ, Северина, нач.-да женс. вар-шавс. комит., 1863 г., 543.

Пташицкій, С. Л. Собиц. «Записки по-ляка-очевидца: «Петербургъ въ 1720 г.», 268—290.

Пуговойтова, Анна-Генриха, кавалер-дѣвица въ польс. бандѣ, 1863 г., 75.

Путата, Демьянъ Петр., колл. сов., пен-зевс. полицмс., 1824 г., 729, 730.

Пушкина, Надежда Осиповна, рожд. Ганнибалъ, 1799 г., 372—377.

Пушкина, Ольга Васил., 1799 г., 371.

Пушкина, Ольга Серг., въ замуж. Пав-лищева, 372—374, 384.

Пушкинъ, воронежс. губернат., 1758 г., 45, 46.

Пушкинъ, Алех. Мих., 374.

Пушкинъ, Алех. Серг., поэтъ, р. 1798 † 1837 г., 280, 371—388, 671—690.

Пушкинъ, Алехсд. Юрьев., 371, 374.

Пушкинъ, Васил. Львовичъ, 374, 380.

Пушкинъ, Левъ Сергѣев., 381, 671—690.

Пушкинъ, Серг. Львовичъ, 1799 г., 371—388.

Пушкинъ, И. И., 1811 г., 377.

Пасецкій, помѣщ., † 1863 г., 75.

Р.

Радловъ, В. В., знатокъ татарскихъ язы-ковъ, 96.

Радомисковскій, чиновн., 1863 г., 588.

Раевскій, Никл. Никл., ген., † 1829 г., 336, 380, 671, 673, 678, 687, 688.

Разужковскій, гр., Алексій Григ., ген.-фельдм., р. 1709 † 1771 г., 460, 572.

Рачъ, 1823 г., 686.

Рамазановъ, Петръ, атам. войск. Донск., 1713 г., 439.

Рамзай, бар., ген.-адъют., 1863 г., 88.

Ратайскій, Фома, чиновн., † 1863 г., 532.

Ратъ, Вас. Фед., военн. писат., 516.

Редъ, генер., 1854 г., 670.

Регуаникъ, Ив., инженеръ, строитель гор. Таганрога, 1712 г., 259.

Рейнталь, полковн., 1863 г., 67.

Рейнтальдъ, ген.-фельдмарш. шведской службы, 1709 г., 253.

Рейтеръ, Никл. Богданов., майоръ, тифл. полицмс., 1829 г., 643.

Ремлянгентъ, Алехсд. Алехсдр., управл. Маринс. колоніей питомц., 1849 г., 491, 492, 610—632.

Ренненкампфъ, бар., ген.-майоръ, 1829 г., 336—338, 340, 351.

Репинскій, Н. Я., полков. командаръ, 1823 г., 159.

Репинъ, кн., Андрей, 1697 г., 103.

Рехбергъ, гр., австр. ми-ръ, 1863 г., 720.

Ржевскій, В. К., 356.

Ржевускій, гр., 1834 г., 649.

Ржевускій, ксендзъ, 1863 г., 563.

Ридигеръ, гр., Фед. Вас., ген.-адъют., † 1856 г., 83, 169.

Риконскій-Корсаковъ, полковн., 1764 г., 297.

Рогалкискій, помѣщ., 1863 г., 536.

Родакиковскій, комисс., 1831 г., 733.

Родякина, 1823 г., 686.

Родиловъ, Епифанъ, атам. войск. Донс., 1613 г., 186.

Розницкій, Эразмъ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.

Ромковъ, варшавс. губернат., 1863 г., 532.

Розе, франц. дучецъ, 1863 г., 561.

- Розенъ, генер. шведской службы, 1709 г., 253.
 Розенъ, бар., Григор. Владим., ген.-адъют., главноуправ. Закавказ. краемъ, 1831 г., † 1837 г., 648—657.
 Розенъ, бар., Григ., фл.-адъют., 1837 г., 656.
 Розенъ, бар., 1852 г., 424.
 Розенъ, Матвѣй, чл. варшав. госуд. сов., 1863 г., 518.
 Розманитъ, Антонъ, чиновн. революц. секретариата, 1863 г., 59, 539.
 Розманитъ, Францискъ, нач. отдѣл. революц. городс. организаціи, 1863 г., 539.
 Романовъ, ссылка на «Краткіе очерки уѣздовъ Вятск. губер.», 240, 241.
 Ромодаковской, кн.-кесарь, Фед. Юрьев., генералиссимусъ, † 1718 г., 106.
 Роморино, нач. польс. мѣт., 1831 г., 169.
 Роскицкий, И. А., свящ., 481.
 Россель, лордъ, англ. мн.-ръ, 1863 г., 710.
 Ростовцевъ, Яковъ Ив., нач. штаба воен.-учебн. завед., 1849 г., 740, 742.
 Ротъ, генер., 1828 г., 160, 161, 168, 169.
 Ротенблатъ, офиц. франц. службы, 1863 г., 64.
 Ружицкий, Эдмундъ, полковн., 1863 г., 556, 725.
 Румянцевъ, бригадиръ-маіоръ, 1720 г., 265, 280, 289.
 Рунпертъ, генер., 1829 г., 168.
 Рупрехтъ, Карлъ, чл. народн. жонда, 1863 г., 57, 59, 61, 533, 536.
 Рутловскій, Ричардъ, 524.
 Рыльцевъ, Ковдрат. Фед., писат., декабр., р. 1795 † 1826 г., 680—688.
 Рышетовъ, куп.-подрядч., 473, 474.

С.

- Сабайлевъ, И. В., корпусн. командиръ, 1823 г., 159.
 Саблинъ, 1825 г., 467, 469.
 Сабовскій, Владиславъ, 1868 г., 546.
 Савастьянковъ, Афанасій, ат. войс. Дон., 1894 г., 184.
 Савелова, Анна Семеновна, 1715 г., 156.
 Сажень, гр., главнокоманд. арміи, 1824 г., 730.

- Салогубъ, гр., Левъ Иванов., помѣщ., 1825 г., 567—575.
 Салтыковъ, Алексѣй Петр., боіар., 1715 г., 155.
 Сальдернъ, писатель; ссылка на соч. «Histoire de la vie de Pierre III», 291; упом. 494, 504, 510.
 Самарекинъ, Михаилъ, ат. войс. Донс., 1690 г., 187.
 Самсоновъ, А. П., ген.-лейт., владим. губернат., 1865 г., 354, 356.
 Сапѣга, кн., Адамъ, 1863 г., 75, 556.
 Сафоновъ, Стѣп. Вас., директ. канцел. наѣст. кавказс., 1847 г., 663, 665, 670.
 Свижарскій, помѣщ., 1863 г., 62.
 Сельвачъ, Д. Д., маіоръ, † 1853 г., 162, 164.
 Семевскій, Вас. Ив. Очеркъ изъ историческаго его изслѣдованія: «Казенные крестьяне при Екаториѣ II, 1762—1796 гг.» Главы VIII—XI, 35—54; 231—248.
 Семенова, Екат. Семен., артистка, вполс. кн. Гагарина, 390, 679.
 Семеновъ, Иванъ, ат. войс. Дон., 1684 г., 437.
 Семеновъ, Догинъ, ат. войс. Дон., 1671 г., 187.
 Семеновъ, П. П., дс. ст. сов., 356.
 Семикио, французъ при перс. посольствѣ, 1829 г., 337, 350.
 Семіоноковскій, подпоруч., 1828 г., 165.
 Сентъ-При (Saint-Priest), гр., 373.
 Сенивникъ, Ив. Григор., адъют., 1824 г., вполсѣд. тов. мн.-ра вн. дѣлъ, 689.
 Сергій Александровичъ, вел. кн., рѣд. 1857 г., 365.
 Серебряковъ, полковн., 1851 г., 424.
 Сивинскій, Эдуардъ, бмвш. препод. литературы въ варшавс. пригот. школѣ, 58, 59, 533, 537.
 Сивковъ, Н. В., рисовальщ., 363.
 Сидоровъ, винн. откупщ., 1820 г., 509.
 Силинъ, маіоръ, 1762 г., 506, 507.
 Сильвестровицъ, ссыльный, основат. нѣмец. школы въ Тобольскѣ, 1751 г., 513, 514.
 Сильвестръ (Гюватскій), мнтр. тобол., 1749 г., 513.
 Сильвестръ, еписк. переясл., 1762 г., 603, 607.
 Сивидскій, ген.-маіоръ, 1705 г., 138.

Смаржинский, Діонисій, помѣщ., 1868 г., 536, 537.
 Смирдырь, А. И. Сообщ. документъ о «Живой женщинѣ, врытой въ землю, 1730 г.», 398.
 Сморупка, гр., Леонъ, вѣнс. агентъ польск. жонда, 1863 г., 553.
 Смурьджикъ, саратовс. станов. прѣст., 1852 г., 616, 627.
 Снѣжикъ, И. В., 1822 г., 680, 683.
 Слупский, 1863 г., 68.
 Слѣпцовъ, генер., 1848 г., 321.
 Смирной, Федоръ, атаж. войс. Донск., 1591 г., 183.
 Снѣжковский, 1863 г., 75.
 Соломоновскій, помѣщ., 1863 г., 536.
 Соколицевъ, Фед. Григор., художн., проф., 383.
 Соловьевъ, 1764 г., 306.
 Соловьевъ, Серг. Мих., жад., 1, 208; ссылка на «Ист. Россіи», 586—589, 594, 599.
 Соловьевъ, Я. А.; ссылка на его статью «Объ однодворцахъ», 43.
 Солтвизичъ, Елисавета, сестра милосердія, 1863 г., 524, 532.
 Срезневскій, Изм. Ив., акад., 207.
 Ставский, Эдмундъ, помѣщ., 1868 г., 516.
 Стальбергъ, ген. шведс. службы, † 1708 г., 146.
 Станиславъ-Августъ, кор. польск., 1797 г., 222.
 Стальковичъ, 206.
 Старженскій, гр., Казиміръ, чл. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
 Стаховскій, Антоній, архіеп. черняг. и новгор.-сѣверс., 1713 г., влослѣдс. митроп. сибирс., 1721 г., 2, 5.
 Степановъ, Михаилъ, священ., 1742 г., 8, 9.
 Стефанъ, псковс. епископъ, 14.
 Столыго, Викторъ, секрет.-референтъ канцел. варшавс. госуд. сов., 1863 г., 518.
 Стороженко, 85.
 Стрекаловъ, ген.-адъют., 1829 г., 336.
 Строгоновъ, гр., Серг. Григор., 217.
 Стрель, П. Ив. Ссылка на «Списки іерарховъ россійск. церкви», 7.
 Строкожій, аптекарь, 1863 г., 522, 536.

Струмовъ, В. Н., ген.-лейт., владим. губернат., 1871 г., 358—361.
 Стрѣшневъ, Тиконъ Никитичъ, сенат., 1718 г., 106, 140, 142, 249, 254, 262.
 Суворовъ-Рымникскій, кн., Алсд. Вас., генералиссим., р. 1729 † 1800 г., 399, 400, 441—443.
 Суликиъ, Семенъ Никит., атам. войс. Донск., 1774 г., 440.
 Сулоцкий, А., протоіерей. Ссылка на записку его о Мироничѣ, 512; упом. 10.
 Суминскій, Сигизмундъ, студ. Главной Школы, 1863 г., 537.
 Суховаletzъ, ген.-адъют., 1829 г., 167, 400.
 Сухоружовъ, В. Д., донск. казакъ, † 1838 г., 437, 446, 447.
 Сухтелевъ, гр., ген.-адъют., 1829 г., 343, 349.
 Сушковъ, Никл. Мих., 373.
 Свражовскій (Доленго), предвод. повстанцевъ въ Литвѣ, 1868 г., 61, 515, 516.
 Свѣриновъ, Лаврентій Авассент., акад., прав. на деревнѣ Гравиров. портр. проф. О. М. Бодянского, 1, и портр. гр. Ф. П. Толстаго, 577.
 Свѣжовъ, Дмитрій, митропол. новгород., 1762 г., 33, 590—599, 603.

Т.

Талгичъ, наибъ, 1652 г., 320, 324, 430—432.
 Таракановъ, генер., 1740 г., 454.
 Тарасовъ, Дмт. Климент., почетн. лейб-хирургъ, р. 1792 † 1866 г., ссылка на его «Записки», 730.
 Тархановъ, участков. засѣдат., 1845 г., 664, 665.
 Татаринковъ, Мих. Ив., атам. войс. Донск., 1633 г., 186.
 Татаръ, Федоръ, атам. войс. Донск., 1613 г., 185.
 Тачановскій, нач. польск. банды, 1863 г., 64—70, 745—746.
 Тепловъ, Граг. Никол., дс. ст. сов., нисат., р. 1720 † 1779 г., 291—302, 504, 510, 592, 603.
 Теремецъ, кант., † 1828 г., 162.
 Тесловъ, генер., 1833 г., 447.

Тетенборнъ, генер., 1813 г., 80.
 Тимковскій, П., цензоръ, 1820 г., 677.
 Тимофѣевъ, Пав. Петр., директ., канц. за-
 казавъ управл., 1838 г., 657, 660.
 Тимофей (Щербатскій), митроп. московс.,
 1762 г., 586, 587, 607.
 Тихонравовъ, Конст. Н., секр. вѣдм. ста-
 тистич. комит., 1859 г., † 1879 г., 357—361.
 Тодорскій, Симонъ, 1742 г., 11.
 Толстой, гр., Борися Ив., 1706 г., 133,
 139, 250.
 Толстой, гр., Васил. Борис., 133.
 Толстой, гр., Вас. Ив., 133—135.
 Толстой, гр., Ив. Андр., губернат. въ
 Азовѣ, 1703—1708 г., † 1713 г. Письма
 къ нему Петра Великаго 1703—1712 г.,
 133—150; 249—262.
 Толстой, Пав. Матв., ротмс., 1828 г.,
 вполсѣдс. фл.-адъют., 400.
 Толстой, П. С. Сообщ. съ предисловіемъ
 «Письма Петра Великаго къ Ив. Андр.
 Толстому, 1703—1712 гг.», 133—150;
 249—262.
 Толстой, гр., Петръ Андр., дс. тн. сов.,
 русск. посолъ въ Константинополь,
 1703 г., 102, 106, 133, 134, 140, 148,
 253, 261.
 Толстой, Юрій Васил., 133.
 Толстой, гр., Фед. Ив. (Американецъ),
 675, 682.
 Толь, гр., Карль Фед., ген.-лейт., р. 1777
 † 1842 г., 83.
 Точковскій, Иосифъ, 1863 г., 536, 537.
 Трауггутъ, нач. польск. банды, послѣдн.
 диктаторъ польскаго жонда, 1863 г.,
 516, 537, 727.
 Трембецкій, Станиславъ, польск. поэтъ,
 † 1812 г., 219—222.
 Трироговъ, ссылка на его статью «Наши
 Общины», 247.
 Трифонъ, ярославск. игумень, 6.
 Троицковскій, прокур. владимірскаго
 окруж. суда, 362.
 Троицкій, 1863 г., 523.
 Трубецкиихъ, Иванъ, атам. войс. Донс.,
 1595 г., 184.
 Трубецкой, кн., Ив. Дмит., 373.
 Трубецкой, князь, Юрій Юрьевичъ,
 1697 г., 103.

Трубоченинъ, Прокофій, атам. войс. Донс.
 1594 г., 184.
 Туманскій, 1823 г., 686.
 Тургеневъ, А. И., 1820 г., 380, 687.
 Тутчинъ, помѣщ., 465.
 Тыцъ, рѣзчикъ печатей, 1863 г., 526.
 Тышневичъ, гр., † 1863 г., 75.
 Тышковой, 1863 г., 530.
 Тюнинъ, И. М., крестьянинъ, изъ слоб.
 Мстера, † 1876 г., 363, 364.
 Тюринъ, унт.-офиц., 1831 г., 735.

У.

Уваровъ, гр., А. С., археологъ, 358.
 Угримовъ, помѣщ., 471.
 Урусовъ, кн., Ив. Нлѣпт., 1697 г., 103.
 Ушаковъ, поруч., 1708 г., 149.
 Ушаковъ, урядникъ, 1714 г., 153.
 Ушаковъ, Алсд. Ив., ген., 1850 г., 86.
 Ушаковъ, Аполлонъ, поруч. (соумышлен-
 никъ Мировича), 1764 г., 293—305.

Ф.

Фейдау, 1863 г., 726.
 Фелинскій, Сигизмундъ, архіеп. вар-
 шавск., 1863 г., 518, 563, 707.
 Фетх-Али-шахъ, персидс. шахъ, † 1834 г.,
 341—349; 403—410.
 Филаретъ, митропол. москов., 1863 г.,
 196, 520, 564.
 Филиппевъ, Акимъ, атам. войс. Донс.,
 1695 г., 437.
 Фогель, сынчикъ, 1820 г., 386.
 Форафонтовъ, подполкв., 1831 г., 732, 733.
 Франковский, Станиславъ, комис. кра-
 ковск. воеводс., 1863 г., 562.
 Фрейтагъ, ген.-маіоръ, 1848 г., 321.
 Флѣоржскій, Кирилль, сѣвскій еписк.,
 1769 г., 32.
 Фоше, сержантъ-маіоръ франц. службы,
 1863 г., 63.
 Фроловъ, Вас. Фролов., атам. войс. Донс.,
 1723 г., 439, 440.
 Фроловъ, Ив. Ив., атам. войс. Донс.,
 1738 г., 439.

- Фроловъ, Максимъ**, атам. войс. Донс., 1716 г., 439.
Фуксъ, В. Я., 356.
Фурманъ, Петръ Роман., писат., †1856 г., 179, 180.

Х.

- Хаджи-мирва-Агаси**, 1833 г., в послѣд. перв. мн-ръ персидс., 407.
Хаматовскій, мазовецкій воевода, чрезвнч. посолъ въ Россію, 1720 г., 263.
Хамецъ, помѣщ., 1863 г., 556.
Халалдиъ, купецъ, 1826 г., 470.
Хвостовъ, гр., Дмит. Ив., писат., р. 1757 † 1835 г., 680.
Хилковъ, кн., Андрей Яковл., 1697 г., 103.
Хилковъ, кн., Юрій Яковл., 1697 г., 103.
Хмуржинскій, Леонтъ, эмигрантъ, 1848 г., 56, 547, 548.
Хмѣленокій, Пгнатій, 1863 г., 522.
Хмѣленскій, Сигизмундъ, нач. польс. банды, 1863 г., 546.
Ходякискій, управл. саратов. палатою 1849 г., 611.
Ходяковичъ, генер., 222.
Хомутовъ, Мих. Григор., ген.-отъ-кавал., войс. наказн. атам., 1848—1862 г., 444, 445.
Хосров-мирва, персидс. принцъ, р. 1813 † 1875 г. Историко-биографич. о немъ очеркъ, 333—352; 401—414.
Хрептовичъ, гофмейстеръ, 1863 г., 561, 562.
Хрущева, Софья Алексв., рожд. Саблина, † 1825 г., 466—469.
Хрущевъ, Дмит. Алсд., 1825 г., 466—470.
Хрущовъ, Алексѣй, 1762 г., 292, 293.
Хрущовъ, Иванъ, 1762 г., 292, 293.
Хрущовъ, Мих. Никл., полковн., 483, 486, 487.
Хрущовъ, Петръ, 1762 г., 292, 293.
Хурда-ханумъ, супр. Аббас-мирзы, 334.
Хусейн-Али-бежъ, дядька принца Хосров-мирзы, 1829 г., 334, 337, 350.

Ц.

- Цальшияхтъ, майоръ австр. службы**, 1863 г., 72.
Цѣрчашевичъ, лондонск. агентъ польс. жовда, 1863 г., 553.

- Цидергельмъ, секрет. перваго мн-ра шведс.**, 1709 г., 253.
Цыгановъ, Ѳ. Е., крестьян., 472.
Цыловъ, Н., ссылка на его статью: «Сигизмундъ Сѣраковский и его казнь», 61.

Ч.

- Чаадаевъ, Петръ Яковл.**, † 1856 г., 386, 387.
Чарторыскій, кн., Адамъ, почетн. виленс. учебн. округа, 61.
Чарторыскій, кн., Владиславъ, чл. польск. комитета, 1863 г., 55, 61, 62, 522, 540, 551, 553, 554, 710—727.
Чарторыскій, кн., Константинъ, стогольм. агентъ польс. жовда, 1863 г., 61, 553.
Чеботаревъ, Адамъ Петр., войска Донскаго генер.-лейтенантъ. Сооб. путевыя замѣтки: «Донъ и донцы въ прежнее и нынѣшнее время, 1851—1877 гг.», 173—188, 437—456.
Чевкинъ, Конст. Владим., ген.-адъют., р. 1803 † 1875 г., 649.
Чевкинъ, Лука, поруч., убійца принца Іоанна Антоновича, 1764 г., 291—298; 496—510.
Черкасскій, кн., Анд. Мих., 1697 г., 103.
Черкасскій, кн., Дан. Григор., 1697 г., 103.
Чернашенинъ, атам. войс. Донс., 1570 г., 183.
Чернышевъ, гр., Алсд. Ив., ген.-адъют., воен. мн-ръ, р. 1786 † 1852 г., 180, 437, 443, 446, 447, 454, 660.
Чернявскій, майоръ, 1863 г., 73.
Чертковъ, Мих. Ив., ген.-адъют., наказн. атам. войс. Донс., 1868—1874 г., 445.
Чершекскій, Михаилъ, атам. войс. Донс., 1613 г., 184, 185.
Чефаридзевъ, Семень, подпоруч., 1764 г., 501.
Чеховскій, Леонъ, нач. польс. банды, 1863 г., 70—72.
Чингиз-ханъ (Темуджинъ), монгольск. ханъ, р. 1160 г., 692—698.
Чичаговъ-2-й, подпоруч., 1828 г., 165.
Чичеринъ, Д. И., сибирс. губернат., 1763—1770 г., 237, 238.

- Чичеринъ, Кирил. Лаврен., 1718 г., 261.
 Чужбевъ, сотникъ, 1852 г., 329.
 Чужиковъ, А. А., ссылка на его за-
 мѣтку о Кексгольмскомъ узникѣ, 506.

Ш.

- Шамилъ, имамъ Чечни и Дагестана,
 313—332, 417—428.
 Шапкинъ, 1706 г., 139.
 Шапокинъ, П. А., влад. губернат., 356.
 Шатыгинъ, унт.-офиц., 1831 г., 737.
 Шаумбургъ, переводч. при персидс. пос.,
 1829 г., 337, 340.
 Шафарикъ; ссылка на его соч. о Бол-
 гарахъ, 90—94; 206, 207.
 Шафировъ, бар., Петръ Павл., вице-канц.,
 . † 1739 г., 279.
 Шаховской, кн., 1825 г., 382.
 Шаховской, К., 682.
 Шаховской, кн., Яковъ Петр., дс. тн.
 сов., об.-прок. синода, 1764 г., р. 1705
 † 1777 г., 13, 14, 457, 500, 603, 604.
 Шварцъ, генер., 1863 г., 531.
 Шедель, гувернеръ, 373, 374.
 Шембергъ, 461.
 Шепелевъ, 1708 г., 148.
 Шеперь, окружн. нач., 616.
 Шереметевъ, генер., 1828 г., 171.
 Шиллеръ, учнт. русс. яз., 373.
 Ширинскій-Шихматовъ, кн., Платонъ
 Алсд., управл. мн-ръ народ. просвѣщ.,
 1849 г., 209.
 Шинниковскій, Степанъ, 1764 г., 301.
 Шинковъ, Алсд. Семен., мн-ръ народн.
 просвѣщ., писат., р. 1753 † 1841 г., 675,
 690.
 Шлиппенбахъ, ген. шведс. службы, 1709 г.,
 253.
 Шмитъ, † 1865 г.; ссылка на его соч.
 «о польс. возст. 1830—1831 гг.», 83, 84.
 Шонбургъ, полковн., 1705 г., 138.
 Шпаръ, генер. шведс. службы, 1709 г.,
 253.
 Штаденбергъ, ген. шведс. службы, 1709 г.,
 253.
 Штенбекъ, шведс. мн-ръ, 1720 г., 285.

- Штернбергъ, маіоръ, 1863 г., 71—73.
 Штожь, Логинъ, маіоръ, 1709 г., 256.
 Шторжъ, Конст. Андр., 378.
 Шуваловъ, гр., Ив. Ив., об.-камерг., сен.,
 р. 1727 † 1797 г., 291.
 Шувальскій, Викентій, 1863 г., 544.

Щ.

- Щенский-Погоцкій, 219—222.
 Щербина, 1830 г., 645.
 Щербининъ, Мих. Павл., директ. канц.
 намѣст. кавказс., 1853 г., вносѣдст.
 д. тн. сов., сенат., 663, 670.

Э.

- Эмануель, ген. отъ кавал., нач. Кавказс.
 линіи, 1829 г., 338, 401, 402.
 Эмир-низамъ Мамед-ханъ, начальн.
 регулярн. войскъ въ Персіи, 1829 г.,
 † 1842 г., 336, 346.
 Эмме, генер., 1831 г., 394.
 Энгельгардтъ, Евръ Антонов., директ.
 царскос. лицей, 1811 г., р. 1775 † 1862 г.,
 378, 379, 386, 387.
 Энглертъ, маіоръ бывш. польс. войск., 72.
 Эпплеръ, контрол. чугуно-литейн. зав.,
 1863 г., 524.
 Эплинасъ, 1863 г., 68.

Ю.

- Юнга-фонъ-Влакиенштейнъ, нач.
 польс. банды, 1863 г., 63—68.
 Юсуповъ, кн., 1829 г., 339, 341.
 Юшкевичъ, Амвросій, еписк. вологодс.,
 вносѣдст. архіеп. новгородс., 1738 г.,
 6, 7, 11—20.
 Юшновъ, Федоръ, 1709 г., 253.

Я.

- Яворскій, Стефанъ, митропол., авт. книги «Камень Вѣры», 3, 17, 21—26, 264, 265, 284, 285.
- Яворскій, юнкеръ, 1829 г., 166.
- Ягичъ, хорватскій филологъ, 99, 100.
- Языковъ, А. М., 102.
- Яковлевъ, Ив. Яковл., питомецъ Московск. Воспит. Дома, впоследствии докторъ, 464, 466, 481, 484.
- Яковлевъ, Борнелій Яковл., атам. войск. Донс., 1671 г., 187, 188, 454.
- Яковлевъ, М. Л., 1820 г., 388.
- Яковлевъ, Тимоф. Яковл., атам. войск. Донс., 1633 г., 186.
- Якубовичъ, А. И., 382.
- Яковскій, Иосифъ, чл. польс. жонды, 1863 г., 58, 59, 529, 530, 535.
- Яковскій, Станиславъ, казначей варшав. губернс. казначейс., 1863 г., 530, 566.
- Яковскій, Θεодосій, вице-презид. синода, 1730 г., 5.
- Ягчевскій, Здиславъ, 1863 г., 56, 540, 541, 549.
- Ярмундъ, Станиславъ, 1863 г., 67.
- Ясинскій, майоръ, 1831 г., 392, 394.

Ө.

- Өедоровъ, Пав. Өедор., атам. войск. Донс., 1643 г., 187.
- Өедоровъ, аудиторъ, 1831 г., 733, 734.
- Өекла, грузинск. царевна, 1830 г., 645.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, изд. 1879 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫИ.

МАЙ, ЮНЬ, ЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Записки и Воспоминанія.

СТР.

- I. Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 гг., веденный кн. Б. И. Куракинѣмъ, состоявшимъ при великомъ посольствѣ русскѣмъ къ владѣтелямъ разныхъ странъ Европы. Сообщ. съ примѣчаніями И. Ѳ. Горбуновъ 101
- II. Петербургъ въ 1720 году. Записки полковника-очевидца. Сообщ. и перев. съ польскаго С. А. Пташницкій . . . 263
- III. Воспоминанія Л. Л. Варунъ-Секретъ о службѣ въ арміи, 1823—1860 гг. 159
- IV. Польское возстаніе въ 1863—1864 гг. Главы IV—VII. Записки. Состав. и сообщ. Н. В. Бергъ. 55, 515 и 707
- V. Воспоминанія В. А. Дзюбенко. Полувѣковая гражданская служба за Кавказомъ, 1829—1876 г. Гл. I—IV. 637
- VI. Воспоминанія бывшаго крестьянина Ивана Александровича Голышева, (окончаніе). 1838—1878 гг. . . 353

ИЗСЛѢДОВАНІА И ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

	СТР.
I. Къ вопросу о Болгарахъ. Статья Д. И. Иловайскаго.	89
II. Балкское побѣще. Статья Д. И. Иловайскаго . . .	691
III. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ, 1740 † 1764 г. Историческій очеркъ по новымъ матеріаламъ. Главы III—IV (окончаніе).	291 и 493
IV. Арсеній Манцевичъ, историко-біографическій очеркъ. Главы II—V. Составилъ проф. В. С. Ивонниковъ. I и	577
V. Казенные крестьяне при Екатеринѣ II, 1762—1796 гг. Очеркъ изъ историческаго изслѣдованія. Главы VIII—XI, (окончаніе). Составилъ В. И. Семеновскій . . .	35 и 231
VI. Потомки Московскаго Воспитательнаго Дома, поселены Саратовской губерніи	457 и 609
VII. Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг. Историко-біографическій очеркъ. Составилъ и сообщ. Ад. П. Барже	333 и 401
VIII. Князь Александръ Ивановичъ, Барятинскій, 1851—1853 гг. Изъ записокъ М. Я. Ольшневскаго. 307 и	415

ПЕДѢНІСКА, АКТЫ, РАЗСКАЗЫ И ЗАМѢТКИ.

Царствованіе Петра I.

I. Иванъ Андреевичъ Толстой, губернаторъ въ Азовѣ, † 1713 г. Письма къ нему Петра Великаго, 1703—1712 гг. Сообщ. съ предисловіемъ П. С. Толстой.	133 и 249
II. Письма ген.-аншефа Ив. Ив. Бутурлина къ женѣ и дочери, 1714—1715 г. Сообщ. П. В. Алабинъ.	151

Царствование Анны Иоанновны.

	стр.
I. Живая женщина, врытая въ землю въ 1730 г. Сообщ. А. И. Скиндеръ	398

Царствование Екатерины II.

I. А. В. Суворовъ. Изъ записокъ маркиза Марсильяка. Отъ зывъ его о Суворовѣ. Сообщ. М. И. Богдановичъ	399

Царствование Александра I.

I. Амвросій Орнатскій, епископъ Пензенскій и Саранскій. Сообщ. Григорій Мѣшковъ	729
II. Дѣло объ убитомъ глухомъ тетеревѣ, 1825 г. Сообщ. А. С. Лашкевичъ	567

Царствования Николая I и Александра II.

I. Эпизодъ изъ осады Варны, въ 1828 г. Сообщ. А. И. Веригинъ	400
II. Бунтъ въ Старой-Русѣ, въ 1831 г. Разсказъ очевидца. Сообщ. Н. Е. Матвѣевъ	389
III. Бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г. Сообщ. старшій священ. Василій Лукинскій	731
IV. Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Тавричeskій, 1800—1857 гг. Письма его къ Великому Князю Константину Николаевичу, 1852 г.	189 и 367
V. Донъ и донцы въ прежнее и настоящее время, 1851 и 1877 гг. Путевныя замѣтки. Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ. Статья вторая, 1877-й годъ (окончаніе).	178 и 437
VI. Дѣло при деревнѣ Игнацевѣ въ 1863 г. Сообщ. А. Бруннеръ	745

Исторія литературы.

Писатели XIX-го вѣка.

	стр.
I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: Биографическій очеркъ и его письма	371 и 671
II. Польскій поэтъ Трембецкій.	219
III. Исаакъ-Беръ-Девензонъ, еврейскій ученый. Изъ дневника П. В. Алабина	223
IV. Ирнархъ Ивановичъ Введенскій. Эпизодъ изъ его жизни въ 1849 г. Собщ. П. Гусевъ.	739

Замѣтки о новыхъ книгахъ.

I. Кавказскіе акты, изд. А. П. Берже.	747
II. Аму и Узбой, брошюра неизв. авт. Ред. М. П. Венюкова	753

I. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXV-мъ томѣ «Русской Старины», изд. 1879 г.	1—44
II. Систематическое оглавленіе XXV-го тома «Рус. Стар.» I—VI	

Портреты русскихъ дѣятелей.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлеманъ, рисо- валъ К. О. Брожь, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ. (См. заглавную вивьету).	
II. Портретъ Хосров-мирамъ, персидскаго принца, р. 1813 † 1875 г.,	

(См. стр. 231).

- III. Портретъ графа Федора Петровича Толстаго, † 1873 г. Рисоваль съ оригинала портретиста Зарянко — К. О. Брожь, гравироваль въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 577).

- IV. Портретъ Александра Сергѣевича Пушкина, въ 1827 г., самый точный снимокъ съ гравюры проф. Н. И. Уткина, гелиографически воспроизведенный г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

(См. стр. 401).

- V. Портретъ профессора Осипа Максимовича Бодянского, р. 1808 † 1876 г. Рисоваль К. О. Брожь, гравироваль въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 1).

- VI. Снимки съ собственноручныхъ письма и чертежа Петра Великаго.

(См. стр. 258).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Южное Славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Историко-политическіе очерки. Соч. Л. Доброва. Спб. 1879 г., XIV + 643 стр., въ 6. 8 д. 1. (На оберткѣ 5-й книги «Русской Старины» 1879 г.).
2. Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Ч. 1-я. Статьи и разсканія А. А. Буника и барона В. Р. Розена. Спб. 1878 г. 192 стр. (Тамъ же.)
3. Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Импер. Публичной Библіотеки. Спб. 1878 г. В. 1. 176. Составлено А. Ф. Бычковымъ. (Тамъ-же.)
4. Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, 1491—1730 гг.; вып. I., съ 1491—1600, сост. И. Каратаевъ. Спб. 1878 г., 280 стр. (Тамъ же.)
5. Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Импер. Рус. Арх. Об., составленная Д. И. Прозоровскимъ, Спб. 1879 г., 307 стр. (Тамъ же.)
6. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга I, 1873—1877 гг., издава модь редакціею В. С. Иконникова. Киевъ, 1879 г., 317 стр., съ 4 таблицами. (На оберткѣ 6-й книги «Русской Старины» 1879 г.)

7. Памятная книжка Якутской области на 1871 годъ. 3-е изд. якутскаго областного статистическаго комитета. 184 стр., съ таблиц. Спб. 1877 г. (Тамъ же).
8. Вл. Михневичъ. Историческіе этюды русской жизни. Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи. Спб. 1879 г., VII + 359, въ 8 д. л. (Тамъ-же).
9. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXIII. Спб. 1878 г., 734 стр. (На оберткѣ 7-й кн. «Русской Старины» 1879 г.).
10. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Соч. М. Бережкова. Спб. 1875 г., 267. (Тамъ-же).
11. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ. П. А. Соколовскаго. Спб. 1878 г. (Тамъ-же).
12. Лекціи по исторіи русскаго законодательства. И. Д. Бѣляева, орд. проф. императорскаго московскаго университета. [Москва. 1879 г. 728 стр. (На оберткѣ 8-й кн. «Русской Старины» 1879 г.)
13. И. И. Неплюевъ и Оренбургъ. Біографическо-историческій очеркъ, В. Н. Витевскаго. 587 стр. (Тамъ-же).
14. Расколъ въ Уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военно-гражданской власти въ XVIII и XIX вв. В. Н. Витевскаго. Казань. 1878 г. (Тамъ-же).
15. Сборникъ князя Хилкова. Спб. 1879 г. 576+34 стр. (Тамъ-же).

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 г.

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, 1870 г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго.— Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;— сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;— Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Ишвара;—Записки Михаила Александровича Вестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабря 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. Глинки (1804—1854 гг.);—Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Вакланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала Арбузова, и проч. и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка, біографическіе очерки П. Ф. Карабанова.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣва, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе въ третьему изданію „Русской Старины“ 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковимъ рисунками.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1876 года.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинскимъ, 1782—1791 гг.—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1836—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, рассказъ профес. Ѳедора Григорьевича Солищева: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою дѣлюю; возстановленіе древностей въ кievскихъ соборахъ; посѣщенія кievскихъ святыхъ императоромъ Николаемъ I; рассказы о вѣкторіяхъ іерархахъ; рассказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Баратыгина, вдовы адмирала Л. И. Рихордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Маѣвѣвичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Брѣвостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевского.—Бунтъ Степановича Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова.—Главнѣе пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михальсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Zubovъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣдцы въ Персіи въ 1806—1865 гг.—статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буаляскій, его біографія, составленная профес. Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Оспиовскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., рассказъ очевидца.—Артемій Волынский, М. Ю. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибодовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ, письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ рассказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Къ «Русской Старинѣ» 1876 г.—(12 книгъ)—приложены портреты: Джеммитрія I, гравюра Киліана 1606 г.—точный снимокъ; портреты: Михельсона, кн. Платона Zubova, Алексѣя Петровича Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены академикомъ И. П. Пожалостиннымъ. Портреты Екатерины II и графа Аракчеева—геліографическіе снимки съ гравюръ 1762 и 1818 гг. Портреты—Емельяна Пугачева, Кругенау и В. Г. Бѣлинскаго—гравюры академика Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Цѣна «Русской Старинѣ» 1876 г., 12 книгъ съ портретами,
8 руб. съ пересылкою и II руб. въ хорошемъ переплетѣ.

и отношеніе къ нему духовной и военногражданской власти въ XVIII и XIX вв. В. Н. Витенскаго. Казань. 1878 г. Ц. 2 р. 25 к.

Нельзя не порадоваться, что за последнее время все чаще стали появляться болѣе или менѣе цѣнными монографіи, посвященныя исторіи и этнографіи нашихъ отдаленныхъ окраинъ. Въ числу такихъ пріятныхъ явленій относятся и труды г. Витенскаго. Первый изъ нихъ представляетъ публичныя лекціи, читанныя авторомъ въ залѣ уральскаго войскового собранія, въ мартѣ 1873 г., и затѣмъ былъ помѣщенъ въ «Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ», а потому составляетъ библиографическую радость, хотя и вышедъ (въ небольшомъ числѣ) отдѣльными оттисками. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) Неплюевъ до своего назначенія въ Оренбургъ (22—74); 2) Оренбургскій край до Неплюева (75—119); 3) постройка Оренбурга и управленіе Яцкой линіи (120—163); 4) Неплюевъ какъ администраторъ (164—258); 5) Уенгская и Исетская провинціи до Неплюева и при немъ; колонизаціонная и административная дѣятельность Неплюева въ Исетской провинціи (258—355); 6) забота Неплюева о развитіи торговли и промышленности оренбургскаго края, въ связи съ его отношеніями къ средне-азиатскимъ народамъ (356—481); 7) Неплюевъ какъ дипломатъ (482—537).

Авторъ воспользовался для своего труда довольно значительною печатною литературою и архивными матеріалами, принадлежавшими изъ дѣлъ уральскаго войскового архива, покойнымъ І. П. Желазновымъ, и частью напечатанными въ трудахъ Рабинина (Уральское казачье войско), Данилевскаго (Объ уральскомъ рыболовствѣ) и «Уральскихъ Войск. Вѣд.», а также на основаніи собственныхъ мѣстныхъ разсказаній.

Дополненіемъ предыдущаго труда отчасти служить введеніе автора къ другому названному нами сочиненію (Расколъ въ Уральскомъ войскѣ въ полов. XVIII в.), гдѣ авторъ снова возвращается къ дѣятельности Неплюева. Въ дальнейшей части его авторъ слѣдитъ за распространеніемъ раскола въ Уральскомъ и въ XVIII

и XIX вв.; за отношеніями къ нему австрійской расколничьей іерархіи и состояніемъ раскола въ край въ последнее время. Вся эти вопросы авторъ рассматриваетъ въ связи съ исторіею Уральского войска. И въ этомъ трудѣ онъ воспользовался отчасти мѣстными изданіями (матер., помѣщ. въ «Уральск. В. Вѣд.»), отчасти еще неизданными матеріалами. Трудъ г. Витенскаго былъ первоначально помѣщенъ въ «Правосл. Собес.» 1877 и 1878 гг.

Сборникъ князя Хилкова. С.-Пб. 1879 г. 576—34 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ актовъ, изданнымъ кн. Гр. Хилковымъ, составилъ изъ собранія документовъ, оставшихся по смерти кн. М. А. Оболенскаго и поступившихъ въ восточскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и матеріаловъ, принадлежавшихъ издателямъ, по указанію академіка А. Ф. Бичкова, изъ собранія старинныхъ столбцовъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (85 актовъ XVI и XVII вв.), а всего въ сборникъ вошло 252 акта (107 №№). Важнѣйшіе изъ этихъ матеріаловъ относятся къ Смутаю времени, а именно къ царствованію Н. Шуйскаго и, между прочимъ, къ осадѣ Троицкаго монастыря. Подъ № 12 помѣщено большое собраніе писемъ (72) разныхъ лицъ къ Яну Петру Савьѣ, являющагося немалю слѣдствій объ отволеніи русскихъ городовъ къ Тушинскому вѣсу и о дѣйствіяхъ послѣдняго. Изъ прочихъ матеріаловъ заслуживаютъ вниманія ав.м., относящіеся къ военнымъ дѣйствіямъ на восточной Украинѣ (съ казаками, киргизами и монголами), въ исторіи городовъ, возмущеній Степана Разина, торговлѣ и нравствѣ общества; наконецъ къ исторіи дипломатическихъ сношеній XV—XVII вв., въ числѣ которыхъ помѣщенъ статейный списокъ Ивана Хохлова, посланнаго въ Бухару въ 1620—23 гг.; акты, касающіеся сношеній Россіи съ Бухарою въ XVI и XVII вв., и хронологическое обозрѣніе политическихъ сношеній съ Бухарою въ XVI—XVII вѣкахъ.

Изданіе снабжено указателями личнымъ и географическимъ именъ.

В. И.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣтелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: П. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Нижегородцы обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъельскую, близъ Екатерининскаго сада, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ публикуются:

- I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографія), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Живеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣтелей: людей государственнѣйшихъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусства и матеріалы къ нимъ: печатанія почему-либо въ свое время произведенія вѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ чертиски, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библиографическія замѣтки: о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя чолобития, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стяжки и пѣсни духовныя и свѣтскія.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и шибиряхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить отъ редактора редакціи слѣд. изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.